

С.А. НЕФЕДОВ

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ

История России

С. А. Нефедов

История Российской империи

Факторный анализ

Fortis Press
Ереван · 2024

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)
Н580

Ответственный редактор
Академик РАН В. В. Алексеев

Рецензенты

член-корреспондент И. В. Побережников

доктор исторических наук, профессор В. Э. Лебедев

Книга рекомендована к печати Ученым советом

Института истории и археологии УрО РАН

Нефедов, С. А.

Н580 История Российской империи: Факторный анализ. — Ереван: Fortis Press, 2024. — 610 с. — ISBN 978-9939-9320-6-4

В этой книге, обновленном издании второго тома «Истории России» (М., 2011), известный историк С. А. Нефедов, лауреат престижной премии им. В. О. Ключевского РАН, предлагает свежий взгляд на российскую историю, используя современные историософские теории. Его анализ позволяет по-новому взглянуть на причины русской революции, событие, перевернувшее ход мировой истории.

Автор показывает, что развитие Российской империи, подобно другим странам, определялось сложным взаимодействием демографических и технологических факторов. Эти механизмы, детально изученные выдающимися историками прошлого столетия, автор применяет к российскому контексту. Такой подход позволяет избежать политической предвзятости и взглянуть на прошлое более объективно.

Книга будет интересна специалистам-историкам, аспирантам, студентам вузов, а также всем, кто увлекается историей.

© С. А. Нефедов, 2024

© Fortis Press, 2024

Содержание

Предисловие	9
Введение. Факторы исторического процесса	11
Роль демографического фактора.	
Демографически-структурная теория.	11
Роль технологического фактора. Теория военной революции.	17
Теория модернизации	20
Трехфакторная модель исторического процесса	22
Глава I. Период восстановления и роста	24
1.1. Россия после Смуты	24
1.2. Крестьянский «золотой век»	30
1.3. Положение дворянства	42
1.4. Истоки вестернизации	45
1.5. Первые реформы	51
1.6. Дворянская революция	60
1.7. Первая Северная война:	
создание полков иноземного строя.	66
1.8. Послевоенные реформы	72
1.9. Восстание Степана Разина	74
1.10. Царь и бояре	77
1.11. Традиции и вестернизация	
во второй половине XVII века	80
1.12. Выводы	83
Глава II. Время этактистской монархии	87
2.1. Новая военная революция: появление линейной тактики.	87
2.2. Механизм диффузионного влияния: пример Петра I	90
2.3. Военная реформа и Вторая Северная война	94
2.4. Трансформация структуры	99
2.5. Преобразовательный экстремизм Петра I	107

2.7. Правление Анны Иоанновны: продолжение вестернизации	117
2.8. Борьба за ресурсы	120
2.9. Правление Елизаветы Петровны: традиционалистская реакция	123
2.10. Освоение Черноморья	127
2.11. Выводы	131
Глава III. Время дворянской монархии	134
3.1. Прусский образец	134
3.2. Петр III: первая попытка трансформации по прусскому образцу	139
3.3. Екатерина II: падение этактистской монархии	141
3.4. Французское влияние и перерождение дворянства	145
3.5. Отягощение крепостничества	150
3.6. Сжатие в Центральном районе	163
3.7. Структурный кризис 1787–1788 годов	167
3.8. Павел I: вторая попытка трансформации по прусскому образцу	169
3.9. Цены и потребление в XVIII веке	173
3.10. Выводы	176
Глава IV. Сжатие в крепостной деревне	178
4.1. Французский образец	178
4.2. Царствование Александра I: период французского влияния	181
4.3. Царствование Николая I: традиции и немецкое влияние.	191
4.4. Борьба за ресурсы	200
4.5. Положение крестьянства	204
4.6. Динамика социальной борьбы и кризис 1847–1849 годов	213
4.7. Сжатие в Центральном районе	218
4.8. Положение государственных крестьян.	220
4.10. Выводы	231
Глава V. Начало модернизации	234
5.1. Европейская промышленная революция.	234
5.2. Процессы диффузии и модернизации в первой половине XIX века	240
5.3. Европейские революции 1848 года	247
5.4. Диффузионные процессы в 1850-х годах	253
5.5. Крымская война и первые реформы.	255

5.6. Освобождение крестьян	259
5.7. Политический кризис 1859–1864 годов	266
5.8. Итоги реформы	269
Глава VI. Сжатие и либеральная модернизация	272
6.1. Включение России в Мировой рынок	272
6.2. Голодный экспорт	278
6.3. Уровень производства и потребления	281
6.4. Положение крестьянства	284
6.5. Динамика элиты	291
6.6. Становление российской интеллигенции и движение народников	296
6.7. Выводы	304
Глава VII. Сжатие и бонапартистская модернизация	306
7.1. Военно–техническая революция второй половины XIX века	306
7.2. Бонапартизм и традиционалистская реакция в Европе	309
7.3. Традиционализм и бонапартизм в России	315
7.4. Динамика элиты	320
7.5. Политика по отношению к крестьянству	326
7.6. Структурный кризис 1892 года	331
7.7. Этатистская политика С. Ю. Витте	333
7.8. Положение крестьянства после кризиса 1892 года	340
7.9. Аграрное перенаселение как признанная реальность	349
7.10. Демографический взрыв	355
7.11. Отходничество и развитие промышленности	360
7.12. Положение наемных рабочих	361
Глава VIII. Экосоциальной кризис	371
8.1. Две теории революции	371
8.2. Фрагментация элиты: оппозиционные группировки	373
8.3. Инициирование «революции извне»	378
8.4. Кровавое воскресенье	384
8.5. Политическая борьба весной и летом 1905 года	390
8.6. Манифест 17 октября 1905 года	396
8.7. Крестьянство вступает в борьбу	400
8.8. Народ терпит поражение	405
8.9. Союз элиты и государства	407
8.10. Итоги Первой русской революции	413
8.11. Аграрная реформа	417
8.12. Развитие промышленности и положение рабочих	432

8.13. Изменения в положении элиты	435
8.14. Социальная нестабильность в 1908–1914 годах.	438
8.15. Механизм брейкдауна в условиях войны	443
8.16. Продовольственный кризис в городах— часть механизма брейкдауна	452
8.17. Перед революцией	460
8.18. Февральская революция	467
Заключение	483
Примечания.	489
Литература и опубликованные источники	558

Предисловие

Создание объяснительных моделей исторического процесса было целью для многих поколений историков. Начиная с Геродота и Фукидида, исследователи пытались обобщить исторический материал и вывести общие закономерности описываемых событий. В начале XIX века основатель позитивизма Огюст Конт обещал доказать, что «существуют законы развития общества, столь же определенные, как и законы падения камня». Но так ничего и не доказал. После этой неудачи настало время пессимистических настроений. В конце XIX столетия великий историк Эдуард Мейер признавался, что в течение многолетних исследований ему не удалось открыть ни одного исторического закона — и он не слышал, чтобы это удалось другим. Теодор Моммзен считал, что историк является скорее художником, чем ученым, что история — разновидность искусства; этого же мнения придерживались Токвиль, Тревельян и Лев Гумилев. «История — еще не наука, — говорил Бертран Рассел, — ее можно заставить казаться наукой лишь с помощью фальсификаций и умолчаний». «История имеет глубокий смысл, — писал Карл Ясперс, — но он недоступен человеческому пониманию».

Однако к началу XXI в. положение изменилось. «...В мировой науке, прежде всего американской и западноевропейской, за последние десятилетия накоплен солидный и почти еще не востребованный в нашем социально-философском и историческом познании багаж научных результатов, — отмечает известный исследователь Н. С. Розов, — а главное — резко возрос интеллектуальный потенциал подходов, методов, концепций, понятий, касающихся теоретического описания социальных систем и их исторического развития»¹.

Одним из ярких успехов современной исторической социологии стало объяснение социальной роли технических открытий в работах Уильяма Мак-Нила. В фундаментальном труде «В погоне за мощью»² Мак-Нил показал, каким образом технология обеспечивает выживание общества в условиях постоянных войн и формирует образ могущественной державы, которая становится образцом для подражающих ей соседних государств. Другим крупным достижением американской социологической школы стала демографически-структурная теория Джека Голдстоуна³, предлагающая новую объяснительную модель исторической динамики для эпохи позднего Средневековья и Нового времени. Эта теория

представляет собой образец сложного теоретического синтеза с широким использованием материала не только Западной Европы, но и стран Востока — Китая, Японии и Османской империи. Позднее в работах Ч. Даннинга⁴ была обоснована идея о возможности применения этой теории для описания процессов российской истории; эта идея была реализована в монографии П. Турчина и С. А. Нефедова⁵, в которой демографически-структурная теория апробируется на материалах России и некоторых западноевропейских стран.

Идеи У. Мак-Нила и Дж. Голдстоуна были использованы автором в монографии «Факторный анализ исторического процесса»⁶, в которой была предложена модель, описывающая влияние на социальное развитие трех факторов: географического, технологического и демографического. Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена анализу российского исторического процесса в XVII — начале XX века. Мы постараемся шаг за шагом проследить основные моменты истории Российской империи с тем, чтобы найти объяснение происходивших событий в рамках современных социологических теорий.

Сложность рассматриваемой проблемы не раз побуждала автора обращаться по конкретным вопросам к поддержке специалистов. В этой связи автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность академику РАН В. В. Алексееву (Институт истории и археологии УрО РАН), Е. В. Алексеевой (Институт истории и археологии УрО РАН), Дж. Голдстоуну (Университет Дж. Мэйсона, Вашингтон), Ч. Даннингу (A&M Университет штата Техас), Г. Дерлугьяну (Нью-Йоркский университет в Абу-Даби), Л. Е. Гринину (Высшая школа экономики), В. В. Запарю (Уральский федеральный университет), В. В. Канищеву (Тамбовский государственный университет), А. В. Коротаеву (Высшая школа экономики), член-корреспонденту РАН И. В. Побережникову (Институт истории и археологии УрО РАН), П. Турчину (Университет штата Коннектикут), Г. И. Ханину (Новосибирский государственный технический университет), Г. Н. Шумкину (Институт истории и археологии УрО РАН), М. Элману (Амстердамский университет). Мы благодарны также руководителю Центра экономической истории при историческом факультете МГУ Л. И. Бородкину и всем специалистам, принявшим участие в обсуждении отдельных глав этой работы на семинарах Центра.

Введение.

Факторы исторического процесса

Еще Аристотель сказал, что наука есть познание причин. Главные причины, обуславливающие исторические события, называют движущими силами истории или факторами исторического процесса. Хотя различные исследователи упоминают значительное число факторов, реальный механизм действия прослежен лишь для немногих движущих сил истории. К числу этих немногих факторов принадлежат демографический, технологический и географический факторы¹.

Относительно недавние успехи исторической социологии и, в частности, создание демографически-структурной теории Джека Голдстоуна и исследования Уильяма Мак-Нила позволяют достаточно детально указать на те конкретные следствия, которые должно вызвать действие перечисленных факторов. Таким образом, возникает возможность проследить, как именно проявлялось их действие в российской истории и объяснить многие исторические процессы и события. Наша конечная цель — выявить, достаточно ли этих факторов для объяснения основных моментов развития России, и ответить на вопрос: *можем ли мы на сегодняшнем уровне знаний объяснить российскую историю?*

Чтобы набросать план ответа на этот вопрос, необходимо дать краткий обзор новых теорий, о которых говорилось выше².

Роль демографического фактора. Демографически-структурная теория

Изучению роли демографического фактора в историческом процессе посвящена обширная литература, поэтому мы ограничимся здесь лишь краткими тезисами³. Начало исследования проблемы влияния роста населения на жизнь общества связано с именем основателя демографической науки Томаса Роберта Мальтуса. Как известно, главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено *средствами существования*»⁴. Поэтому рост населения приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в развитых обществах в росте цен и ренты, в падении реальной заработной платы и уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет замедление роста, а затем его приостановку и сокращение населения до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, по-

требление увеличивается — но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения»⁵.

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (Ж. Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской⁶. Важно отметить, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, то есть о *демографических циклах*. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом (рис. 1).

В 1934 г. немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период роста цен в XIII — начале XIV в., сменившийся затем падением цен в XV в. и новым ростом в XVI — начале XVII в. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и относительным ростом населения; периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения⁷. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо; таким образом, было доказано существование демографических циклов в истории Европы.

Работы В. Абеля получили широкий отклик в среде историков разных стран. Тема мальтузианской цикличности демографических и экономических процессов в Европе нашла подробное отражение в трудах М. Поста-на, Б. Сливхера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов⁸. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню⁹. В 1967 г. вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках»¹⁰.

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, — писал Фернан Бродель, — это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет — но не до конца! — вторые. В сравнении с этими фундаментальными реальностями всё (или почти всё) может показаться второстепенным... Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается — а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII в., и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод — последний предшествует первым и сопутствует им — восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием... Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 г., еще один с 1450 по 1650 г. и еще один, за ко-

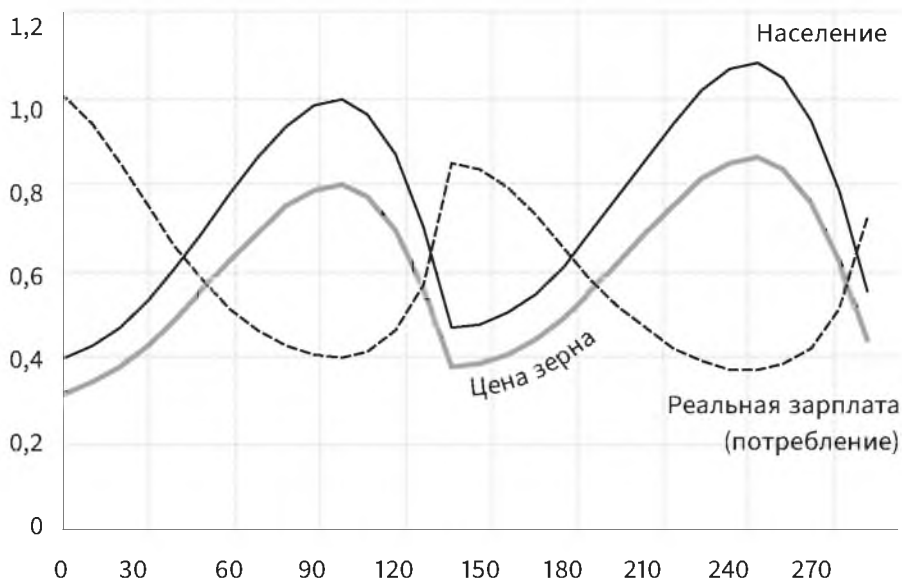

Рис. 1. Демографические циклы по теории Мальтуса—Рикардо.

Рост населения вызывает рост цен и рент и падение реальной заработной платы и потребления. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Затем цикл повторяется

торым уже не суждено было последовать спаду, — с 1750 г. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной»¹¹.

В 70–80-е гг. XX в. учение о демографических циклах получило общее название «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо. Мальтусовский термин «средства существования» в современной терминологии стал трактоваться как вмещающая емкость экологической ниши («*carring capacity*»). Это понятие включает территорию и объем ресурсов, находящихся в распоряжении данного общества. Емкость экологической ниши, очевидно, зависит от технологии (в частности, от сельскохозяйственной технологии); технические открытия могут приводить к расширению экологической ниши, поэтому демографическая динамика определяется не только внутренними циклическими закономерностями, но и влиянием *технологического фактора*. Это влияние особенно сказывается в современных

развивающихся странах, где черты прошлого переплетаются с процессами модернизации. Проблема аграрного перенаселения в развивающихся странах была одной из важных практических тем, рассматривавшихся теоретиками неомальтузианства. В частности, в капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и XVII вв., исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира¹².

В 1976 г. известный историк и экономист Рондо Камерон в своем обзоре достижений экономической истории писал о циклах европейской истории как о теории, получившей общее признание¹³. Эта теория, в частности, стала составной частью концепции мир-систем Иммануила Валлерстайна¹⁴.

Новый этап в развитии концепции демографических циклов был связан с появлением демографически-структурной теории Джека Голдстоуна¹⁵. В то время как мальтузианская теория рассматривала динамику населения в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру «народ», «государство» и «элита», анализируя взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста населения. При этом динамика «народа» описывается так же, как динамика населения в неомальтузианской теории. Новым теоретическим элементом является анализ влияния демографического роста на элиту и государство. Демографический рост *элиты* в условиях ограниченности ресурсов влечет за собой дробление поместий и капиталов, то есть оскудение части элиты. Элита начинает проявлять недовольство и усиливает давление на народ и на государство с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Кроме того, в рядах элиты усиливается дифференциация и фрагментация, отдельные недовольные группировки элиты в борьбе с государством обращаются за помощью к народу и пытаются инициировать народные восстания¹⁶.

Для *государства* рост населения и цен оборачивается падением реальных доходов. Властям становится все труднее собирать налоги с беднеющего населения, это приводит к финансовому кризису государства, который развивается на фоне голода, народных восстаний и заговоров элиты. Все эти обстоятельства в конечном счете приводят к революциям и краху («брейкдауну») государства¹⁷.

Демографически-структурная теория уделяет особое внимание так называемым *трансформациям структуры* «государство–элита–народ». Трансформация структуры — это качественное изменение элементов, составляющих структуру, а также изменение принципов их взаимодействия (например, установление крепостного права). Трансформации структуры приводят к особо масштабному перераспределению ресурсов, которое иногда порождает социальные кризисы — мы будем называть эти кризисы структурно-демографическими или просто структурными¹⁸. В некоторых случаях трансформации структуры и структурные кризисы могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории — но не всегда. Поэтому в этом пункте (так же как в вопросе о расширении экологической ниши) возникает необходимость рассмотрения роли других, недемографических факторов в механизме демографического цикла. Это те «точки вхо-

да», через которые демографически-структурная теория сопрягается с теориями, описывающими влияние других, рассматриваемых ниже факторов.

Мальтузианское описание демографического цикла подразумевает естественное деление демографического цикла на фазы, характеризующиеся различной динамикой населения, цен и реальной заработной платы. Опираясь на исследования Э. Ле Руа Ладюри, Д. Григга и Дж. Голдстоуна,¹⁹ можно привести следующее описание фаз демографического цикла²⁰.

Для *фазы роста* (или *фазы восстановления* после предшествующего кризиса) характерны следующие явления: наличие свободных земель, удобных для возделывания; быстрый рост населения; рост посевных площадей; в начале периода — низкие цены на хлеб; тенденция к постепенному росту цен; высокая реальная заработная плата и относительно высокий уровень потребления, но при этом — тенденция к постепенному понижению реальной заработной платы и уровня потребления; низкий уровень земельной ренты; тенденция к постепенному повышению уровня ренты; относительно низкий уровень государственной ренты (налогов); строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений; относительно ограниченное развитие городов; относительно ограниченное развитие ремесел; незначительное развитие аренды, незначительное развитие ростовщичества.

Для *фазы сжатия* характерны: отсутствие доступных крестьянам свободных земель; крестьянское малоземелье; высокие цены на хлеб; низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения; демографический рост, ограниченный ростом урожайности; высокий уровень земельной ренты; частые голодные годы; частые эпидемии; разорение крестьян-собственников; рост задолженности крестьян и распространение ростовщичества; распространение аренды; высокие цены на землю; рост крупного землевладения; уход части разоренных крестьян в города; попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом или мелкой торговлей; быстрый рост городов; развитие ремесел и торговли; рост числа безработных и нищих; активизация народных движений под лозунгами уменьшения земельной ренты, налогов, передела собственности и социальной справедливости; попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа; попытки увеличения продуктивности земель; переселенческое движение на окраины и развитие эмиграции; ввоз продовольствия из других стран (или районов); попытки расширить территорию путем завоеваний; непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты; фрагментация элиты; борьба за статусные позиции в среде элиты; ослабление официальной идеологии и распространение диссидентских течений, обострение борьбы за ресурсы между элитой и государством; попытки оппозиционных государству фракций элиты поднять народ на восстание или их присоединение к народным восстаниям; финансовый кризис государства, связанный с ростом цен и неплатежеспособностью населения.

Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у многих крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна, и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису. «Экономика предельно напряженная», — писал П. Шоню²¹.

Для фазы *экосоциального кризиса* характерны: голод, принимающий широкие масштабы; повсеместные эпидемии; в конечном итоге гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы; государственное банкротство; потеря административной управляемости; широкомасштабные восстания и гражданские войны; брейкдаун — разрушение государства; внешние войны; разрушение или запустение многих городов; упадок ремесла; упадок торговли; очень высокие цены на хлеб; низкие цены на землю; гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности; социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этатистскую монархию — автократию, практикующую государственное регулирование и не допускающую развития крупной частной собственности.

Перечисленные здесь явления характерны для соответствующей фазы демографического цикла в том смысле, что из теории вытекает, что они с высокой степенью вероятности должны наблюдаться в этой фазе. Поэтому при анализе истории конкретной страны необходимо проверить, наблюдаются ли в соответствующий период указанные явления. Если они наблюдаются, то появляется возможность объяснить их, исходя из демографически-структурной теории.

Последние исследования в области демографически-структурной теории связаны с работами международной «клиодинамической группы» в составе П. Турчина, Т. Холла, А. В. Коротаева, Л. Гринина, С. В. Циреля, Д. А. Халтуриной и некоторых других историков (в том числе и автора этих строк). В частности, непосредственным продолжением исследований Дж. Голдстоуна стала изданная в Принстоне монография П. Турчина и С. А. Нефедова²² и монография А. В. Коротаева, А. С. Малкова и Д. А. Халтуриной²³. В статье, опубликованной в авторитетном журнале «Nature», П. Турчин, ссылаясь на результаты работы этой группы, заявил, что отныне можно говорить об обнаружении реальных, математически доказанных закономерностей исторического процесса²⁴.

В работах «клиодинамической группы» изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей²⁵. Математическое моделирование помогает, в частности, оценить влияние на ход демографического цикла кратковременных климатических колебаний, неурожаяев, стихийных бедствий. Оно показывает, что в фазе роста крестьяне имеют достаточные запасы зерна и колебания урожайности в этот период не могут привести к катастрофе. Однако в последующий период перенаселения такие запасы отсутствуют, что делает экономическую систему неустойчивой. В этих условиях большой неурожай или нарушающее хозяйственную жизнь вторжение врагов должны рано или поздно привести к драматическим последствиям²⁶. Д. Григг отмечает, что неурожайи и пандемии бывали во все времена, но они оказывались катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда население не имело запасов продовольствия и было ослаблено постоянным недоеданием — то есть случайные факторы лишь усиливали эффект перенаселения²⁷.

Роль технологического фактора. Теория военной революции

При позитивном восприятии теории Дж. Голдстоуна в целом, некоторые историки указывали на необходимость учета, кроме демографической динамики, и других важных факторов. В частности, Ч. Даннинг, обсуждая вопрос о перспективности применения демографически-структурной теории, указывает на важное влияние еще одного фактора — фактора военно-технических (и просто технических) инноваций²⁸.

Идея о том, что техника и технология определяют социальную структуру и общественные отношения, высказывалась многими историками и экономистами. Прежде всего, речь идет о роли технологических революций и великих, *фундаментальных*, открытий. Фундаментальные открытия — это открытия, позволяющие овладеть новыми ресурсами и возможностями, в современной терминологии это открытия, *расширяющие экологическую нишу* народа или государства и способствующие росту потребления и увеличению численности населения. Это могут быть достижения в области производства пищи, например domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть *новое оружие* или новая военная тактика, позволяющие раздвинуть границы обитания за счет соседей. Это могут быть транспортные средства, позволяющие открыть и освоить новые земли. В качестве фундаментальных открытий можно рассматривать также новые технологии, способствующие достижениям в упомянутых выше областях, например, освоение металлургии железа, с одной стороны, позволило создать железные топоры и плуги, облегчившие освоение целины, с другой стороны, сделало возможным появление нового оружия — железных мечей.

Очевидно, что технологический фактор непосредственно влияет на демографическую динамику и социальное развитие общества. С одной стороны, фундаментальные открытия расширяют экологическую нишу, с другой стороны, они могут вызывать трансформации структуры «государство–элита–народ» и масштабное перераспределение ресурсов между элементами этой структуры.

Обычно отмечают две глобальные общественные трансформации, вызванные аграрной (неолитической) революцией, породившей традиционное общество земледельцев, и промышленной революцией, обусловившей переход от традиционного к индустриальному обществу. Что касается менее значимых трансформаций внутри традиционного общества, то их связывают в основном с военно-техническими достижениями, то есть с фундаментальными открытиями в военной сфере. В свое время Макс Вебер обратил внимание на то, что появление в Греции вооруженной железными мечами фаланги гоплитов привело к переходу власти в руки состоятельных граждан-землевладельцев²⁹. Аналогичным образом, Линн Уайт объясняет становление феодализма появлением стремени, которое сделало всадника устойчивым в седле и обусловило господство на поле боя тяжеловооруженных рыцарей³⁰.

Отталкиваясь от этих положений, известный востоковед И. М. Дьяконов создал теорию военно-технологического детерминизма, в которой каждая фаза исторического развития характеризуется изменениями

в военной технологии³¹. Близкую схему связи между военной техникой и политическим режимом обосновывает известный французский социолог Доминик Кола³². Наиболее разработанной из теорий технологического детерминизма является созданная Майклом Робертсом³³ теория «военной революции». Эта теория до сих пор мало известна российской исторической общественности, поэтому будет уместно кратко изложить ее основные положения и выводы³⁴.

Основная идея М. Робертса состоит в том, что на протяжении последних трех тысячелетий в мире произошло несколько военных революций, каждая из которых была началом нового этапа истории. «Это — историческая банальность, — писал М. Робертс, — что революции в военной технике обычно приводили к широко разветвленным последствиям. Появление конных воинов (точнее, колесничих — С.Н.)... в середине II тыс. до н. э., триумф тяжелой кавалерии, связанный с появлением стремени в IV в. христианской эры, научная революция в вооружениях в наши дни — все эти события признаются большими поворотными пунктами в истории человечества»³⁵.

М. Робертс подробно проанализировал лишь одну из военных революций — революцию середины XVII века. Эта революция была связана, прежде всего, с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола пушек настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Шведский король Густав Адольф (1611–1632), осознал, какие перспективы открывает улучшение качества литья, и приступил к целенаправленным работам по созданию легкой полевой артиллерии. Эти работы продолжались более десяти лет, и в конце концов, в 1629 г., была создана легкая «полковая пушка», «*regementsstycke*»³⁶. Полковую пушку могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты — и таким образом, пехота получала постоянную огневую поддержку. «Это была фундаментальная инновация», — писал М. Робертс³⁷.

Полковая пушка стала «оружием победы» шведской армии в Тридцатилетней войне; каждому полку было придано несколько таких пушек. Создание полковой пушки, одновременное появление облегченных мушкетов и линейной тактики вызвали революцию в военном деле³⁸.

Как полагал Майкл Робертс, «военная революция» изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означало огромное усиление центральной власти и становление режима, который Брайан Даунинг называет «*военно-бюрократическим абсолютизмом*»³⁹. Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение⁴⁰.

С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания. Тридцатилетняя война, в ходе которой на поле боя впервые появились массовые армии, потребовала от государств огромного увеличения военных расходов. Монархи оказывались вынужденными уве-

личивать налоги и нарушать привилегии сословий, что стало причиной Фронды, восстаний в Испании и Италии и других социальных движений, ассоциируемых с так называемым кризисом XVII в.⁴¹

Таким образом, в ходе военной революции, во-первых, происходила *трансформация структуры* — государство превращалось в абсолютную монархию, оно усиливалось включением нового компонента, регулярной армии, прежнее элитное рыцарское ополчение теряло свою роль, а элита становилась в подчиненное положение к государству. Во-вторых, происходило масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства и в ущерб народу, что часто приводило к *структурным кризисам*. Мы говорили выше, что демографически-структурная теория часто не может объяснить причины трансформаций структуры и последующих структурных кризисов — теперь мы видим, что, по крайней мере, часть таких кризисов объясняется через посредство теории военной революции. Таким образом, теория военной революции представляет собой необходимый дополнительный инструмент при изучении исторического процесса с использованием демографически-структурной теории.

Во второй половине XX в. теория «военной революции» стала общепринятым инструментом при анализе социально-экономического развития различных стран Европы в раннее Новое время.

Фундаментальные технические открытия распространяются путем заимствования, это процесс традиционно изучается в рамках концепции, именуемой *диффузионизмом*. Наиболее четко идеи диффузионизма сформулированы в так называемой *теории культурных кругов* — историко-этнологической концепции, весьма популярной в 20-х и 30-х годах прошлого столетия. Эффект фундаментальных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Используя это преимущество, народ-первооткрыватель подчиняет окружающие народы и передает им свою культуру, таким образом, образуется *культурный круг* — область распространения данного фундаментального открытия и сопутствующих ему культурных элементов. С другой стороны, чтобы устоять перед натиском завоевателей, окружающие народы вынуждены поспешно перенимать их оружие. В большинстве случаев перенимаются и сопровождающие фундаментальное открытие культурные элементы, такие как политические институты, одежда, обычаи и т. д. Перед *волной завоеваний* движется *волна диффузии*; заимствуя новые культурные элементы, окружающие народы присоединяются к новому культурному кругу. В странах, присоединившихся к новому культурному кругу, протекает сложный процесс *культурного и социального синтеза*, взаимодействия привнесенных извне культурных элементов с традиционными порядками, этот процесс иногда прерывается периодами *традиционалистской реакции*.

В традиционном обществе чаще всего в роли фундаментального открытия выступает новое оружие, которое порождает волну завоеваний. Распространение волны завоеваний связано с *демографическими катастрофами*; нашествие обрывает демографические циклы в завоеванных государствах, и *социальный синтез* происходит в фазе роста нового цикла.

Таким образом, культурно-историческая школа представляет историю как динамичную картину распространения культурных кругов, порожд-

даемых происходящими в разных странах фундаментальными открытиями. История отдельной страны в рамках этой концепции может быть представлена как *история адаптации к набегам с разных сторон культурным кругам*, как история трансформации общества под воздействием фундаментальных открытий. В исторической науке такие трансформации применительно к конкретным случаям обозначаются как эллинизация, романизация, исламизация, вестернизация и т. д.

Для темы нашего исследования чрезвычайно важно то обстоятельство, что трансформация общества под воздействием диффузионной волны представляет собой трансформацию структуры «государство–элиты–народ» и сопровождается перераспределением ресурсов в рамках этой структуры. Таким образом, некоторые трансформации структуры, необъяснимые с позиций демографически-структурной теории, могут быть объяснены через внешние диффузионные влияния.

Классическим изложением истории человечества с позиций диффузионизма является известная монография Уильяма Мак-Нила «Восхождение Запада»⁴². Важно отметить, что У. Мак-Нил говорит о тех же военно-технических открытиях, что и М. Робертс: об изобретении боевой колесницы в середине II тыс. до н. э., о появлении стремян в IV в. н. э. и т. д., и описывает вызванные этими военными революциями последствия, в частности распространение порожденных ими волн завоеваний. Однако в «Восхождении Запада» У. Мак-Нил уделяет основное внимание процессу распространения инноваций и не объясняет, почему те или иные открытия в военной или производственной сфере повлекли определенные изменения в сфере социальной и политической. В более поздней монографии «В погоне за мощью»⁴³ У. Мак-Нил касается этого вопроса более подробно, описывая «военную революцию» XVI–XVII вв. и ссылаясь на исследования М. Робертса, Г. Паркера и других теоретиков «военной революции». Таким образом, мы видим, что диффузионизм в версии У. Мак-Нила включает в себя теорию «военной революции».

Теория модернизации

Для периода нового времени трансформация структуры, определяемая технологическим (диффузионным) фактором, в широком плане рассматривается в рамках *теории модернизации* (современное описание различных вариантов этой теории имеется в работах В. В. Алексеева и И. В. Побережникова⁴⁴).

По определению одного из создателей теории модернизации С. Блэка, модернизация — это процесс адаптации традиционного общества к новым условиям, порожденным научно-технической революцией⁴⁵.

Научно-техническая революция началась в странах Западной Европы в XVI–XVII вв. и была связана, в частности, с усовершенствованиями в металлургии, судостроении и военном деле (то есть с «военной революцией»). В Восточной Европе эти фундаментальные инновации распространялись в основном путем диффузии, и процесс модернизации часто прямо отождествляется с диффузионным процессом вестернизации. Так, например, А. Н. Медушевский и А. Б. Каменский указывают, что *модерни-*

зация приняла в России форму европеизации, или вестернизации, — преобразования общества по западному образцу⁴⁶. Важно отметить, однако, что модернизация не сводилась к простому перениманию отдельных западных институциональных и технических инноваций; в процессе этого перенимания происходил синтез привнесенных и традиционных элементов.

В конце XVIII в. начался новый этап европейской модернизации, связанный с началом промышленной революции. Промышленная революция заключала в себе целый комплекс фундаментальных инноваций: прядильные и ткацкие станки, паровая машина, доменный процесс с применением кокса, металлорежущие станки с суппортом Модсли и т. д. Промышленная революция была вместе с тем и новой военной революцией, она дала в руки европейцев новое оружие, и военная экспансия Запада вызвала резкое усиление процесса вестернизации. Волна завоеваний, исходившая из Европы, привела к созданию обширных колониальных империй и диффузии европейских стандартов в те общества, которые остались независимыми.

Родиной промышленной революции была Англия, и именно Англия стала исходной моделью, которой подражали страны, вступившие на путь вестернизации. Характерными чертами английского общества были неприкосновенность частной собственности, свобода частного предпринимательства, свобода личности, экономический индивидуализм и парламентаризм; Адам Смит и другие экономисты того времени доказывали, что именно эти характерные черты (ставшие принципами либерализма) способствовали началу промышленной революции и бурному процессу английской индустриализации. Однако, как отмечает У. Мак-Нил, во второй половине XIX в. появилась другая, германская, модель индустриализации, основанная на активном государственном регулировании экономических и социальных отношений⁴⁷. Появление этой модели было результатом культурного и социального синтеза привнесенных из Англии новых элементов с традиционным прусским этатизмом, и поскольку Германия стала самым могущественным государством Европы, германская модель, в свою очередь, стала образцом для вестернизации периферийных государств. Таким образом, в конце XIX в. существовали две конкурировавшие между собой модели вестернизации, английская и германская, и процесс модернизации стал более сложным⁴⁸. Это обстоятельство весьма существенно для анализа модернизации в России и странах Восточной Европы.

Мы не ставим перед собой цель подробного изложения теории модернизации, изложению этой теории и анализу развития России с позиций модернизации посвящена многочисленная литература⁴⁹. Как отмечалось выше, в данном случае речь идет о том, чтобы объяснить трансформации структуры, происходящие под действием технологического фактора. Влияние этого фактора описывается, в частности, концепцией диффузионизма, теорией «военной революции» и теорией модернизации. Эти теории связаны между собой и содержат общие элементы, но при этом освещают течение исторического процесса с разных сторон, взаимно дополняя друг друга.

Трехфакторная модель исторического процесса

Суммируя изложенное выше, мы можем констатировать, что современное состояние теории факторов исторического процесса позволяет описать механизм совместного действия трех факторов — *демографического, технологического и географического*. При этом воздействие географического фактора отличается по своему характеру от воздействия других рассматриваемых факторов. Численность населения и технология являются переменными, динамическими величинами, в то время как природные условия остаются относительно постоянными на протяжении тысячелетий. Географический фактор *является формообразующим*, он определяет вмещающую емкость экологической ниши, и его учет важен при изучении процессов колонизации новых территорий.

Географический фактор определял специфику жизненного пространства русского этноса. Коренные земли России — это междуречье Оки и Волги, нечерноземная полоса, суровый климат, скудные, трудные для обработки почвы, дающие бедный урожай. Допустимая плотность населения здесь была мала, и перенаселение наступало сравнительно быстро, поэтому освоение новых территорий на юге было для русских вопросом жизни и смерти. Территории южнее Тулы в XVI в. принадлежали народам, которых русские собирательно называли «татарами». Степи черноземной полосы могли давать богатые урожаи, но эти народы в силу традиции вели кочевой образ жизни, оставляя их нераспаханными. Такая ситуация определялась технологическим фактором: до XVI в. конница кочевников обладала военным превосходством над пехотой земледельческих народов. Однако «военная революция», связанная с появлением огнестрельного оружия, решающим образом изменила соотношение сил. Перед русским народом открылась возможность колонизации обширных пространств плодородных земель Черноземья.

Таким образом, ход русской истории определяло взаимодействие трех факторов. Географический фактор обозначил соседство скудных лесных пространств коренной области и богатых степных территорий на юге. Демографический фактор создавал перенаселение в коренных землях и толкал русских на юг, технологический фактор определял возможность завоевания степных пространств.

Демографический фактор является динамическим, и, как было показано выше, его действие описывается демографически-структурной теорией. Этот фактор предопределяет развитие земледельческих обществ в ритме демографических циклов: первоначально, когда численность населения мала и свободных земель много, уровень потребления достаточно высокий и население быстро растет, затем рост населения приводит к нехватке земель и снижению уровня потребления. Если проблема ограниченности жизненного пространства не будет смягчена колонизацией новых территорий, то наступает время крестьянского малоземелья. Многие крестьяне пытаются заработать на жизнь ремеслом и уходят в города, города растут, но одновременно растет число безработных и нищих, все чаще приходят голодные годы и начинаются восстания голодающих, которые поддерживает часть беднеющей знати. В конце концов случайные

воздействия, неурожаи и войны приводят к голоду и эпидемиям, а восстания перерастают в гражданскую войну. В ходе этих социальных конфликтов к власти приходит этатистская монархия, пытающаяся накормить голодных, но в конечном счете войны и голод приводят к демографической катастрофе. Численность населения уменьшается, проблема малоземелья и голода уходит в прошлое и через некоторое время начинается рост населения в новом демографическом цикле.

Технологический фактор также является динамическим, его действие описывается тремя дополняющими друг друга теориями: теорией диффузионизма, теорией военной революции и теорией модернизации. Действие технологического (или *диффузионного*) фактора предопределяет другую последовательность событий: фундаментальное открытие, совершенное неким народом (чаще всего создание нового оружия), вызывает волну завоеваний. Те общества, которые избежали завоевания, под угрозой нашествия перенимают оружие и обычаи завоевателей, и таким образом формируется культурный круг — область распространения данной фундаментальной инновации и культуры народа-завоевателя. В государствах, вошедших в новый культурный круг, происходит процесс культурного и социального синтеза привнесенных инноваций и местных традиций; этот синтез иногда прерывается традиционалистской реакцией — периодами частичного отторжения инноваций.

Таким образом, действие каждого фактора предсказывает определенную «элементарную последовательность» событий и задача факторного анализа состоит в том, чтобы представить исторический процесс в виде суммы, суперпозиции «элементарных последовательностей», подобно тому как в регрессионном анализе пытаются приблизить последовательность наблюдаемых экспериментальных данных комбинацией последовательностей-факторов, а затем оценить «остаточную дисперсию» — долю тех событий, которые нельзя объяснить этим методом.

Первые, хотя еще недостаточно формализованные, попытки применения факторного метода мы видим у У.Мак-Нила. В известной работе «В погоне за мощью»⁵⁰ Мак-Нил описывает историю Европы после XV в. как суперпозицию событий, индуцированных действием демографического и технологического факторов. Эта методология позднее была использована в монографии «Факторный анализ исторического процесса. История Востока»⁵¹ и в ряде работ, посвященных анализу отдельных периодов истории России⁵².

Таким образом, мы можем говорить о становлении новой концепции развития человеческого общества. В этой концепции внутреннее развитие описывается с помощью демографически-структурной теории, однако на демографические циклы иногда накладываются диффузионные волны, порожденные совершенными в той или иной стране фундаментальными открытиями.

глава I

Период восстановления и роста

1.1. Россия после Смуты

Великая смута была переломным моментом российской истории; это была катастрофа, разрушившая старое Московское царство. Восстания, междоусобные войны, нашествия иноземцев погубили большую часть населения, и уцелевшим предстояло поднимать страну из развалин. Избрание на царство Михаила Федоровича было шагом на пути к политической стабильности, но Смута закончилась не сразу. Первые годы нового царствования были наполнены мятежами и войнами; война с Польшей закончилась только в 1618 г. Россия была вынуждена признать утрату западных областей, Смоленска и северских городов; западная граница страны вернулась к рубежам конца XV в. Еще более тяжелым было положение на юге; все южные области были опустошены, татары ежегодно переправлялись через Оку и иногда доходили до окрестностей Москвы. За время Смуты в полон были выведены сотни тысяч русских, и, принимая московского посла, персидский шах Аббас выражал удивление, что в русском государстве еще остались люди¹. Чтобы остановить непрекращающиеся набеги, русское правительство согласилось платить крымскому хану ежегодные «поминки», и до середины XVII в. было уплачено (вместе с другими подношениями) более 900 тыс. рублей — примерно 25 тыс. рублей в год. В 1647 г. шведский резидент Фарбер писал, что «татары со своими соседями исправно получают каждый год обыкновенную дань, по 30 тысяч рублей и мехами»². Фактически это было восстановление прежней татарской дани — более того, по своим размерам эта дань была больше прежней. По некоторым оценкам, ежегодные военные расходы русского государства (то есть основная часть бюджета) составляли в 1620-х гг. около 280 тыс. рублей. Таким образом, новая татарская дань отнимала примерно 7–8% государственного дохода³.

В контексте трехфакторной модели наиболее важными представляются демографические последствия катастрофы. Великая смута нанесла страшный удар России. Города лежали в развалинах, повсюду виднелись пепелища деревень. «Вотчины монастырские все до основания разорены, — писали монахи Иосифо-Волоколамского монастыря, — и крестьянишка с женами и детьми посечены, а достальные в полон повыведены... все пусто, стоит лес да небо»⁴. Бывшие пашни заросли лесом, и в неко-

торых местах крестьяне вернулись к подсечному земледелию — как в начальные времена Киевской Руси. Судя по данным переписей, в Новгородской земле численность населения в 1620 г. была в 10 раз меньше, чем в 1500 г. В вотчинах Троице-Сергиева монастыря, разбросанных по всему центральному району, площадь пашни сократилась более чем в 10 раз. В Московском уезде, по данным переписи 1626–1629 гг., регулярно обрабатывалось только $\frac{1}{3}$ прежней пашни, остальная часть заросла лесом или использовалась под перелог⁵.

Масштабы запустения центральных областей, Замосковья, можно оценить только в сравнении с численностью населения в более поздний период, в 1678 г. Данные переписей 1620-х гг. и 1678 г. сохранились не полностью, поэтому Ю. Готье — в целях взаимной проверки — оценивал рост населения двояко: по 115 крупным имениям и 9 уездам. В первом случае количество дворов увеличилось за указанный период в 2,5 раза, во втором случае — в 2,8 раза; численность населения возросла соответственно в 3,4 и 4 раза⁶. Возможно, этот рост отчасти объясняется неполнотой учета в 1620-х гг., однако сопоставление с другой переписью, 1646 года, также указывает на быстрый рост населения: в трех уездах (Боровском, Гороховецком и Клинском) число дворов в 1646–1678 гг. увеличилось в два раза, а население — в 2,7 раза⁷. В Новгородской земле, где восстановление было более медленным, число дворов увеличилось в 1646–1678 гг. в 1,4 раза, а население — в 2,2 раза⁸.

Северная часть страны, Поморье, была меньше затронута бедствиями, чем центральные области. Часть жителей Замосковья бежала от Смуты на Двину и Вятку, поэтому население отдельных районов Севера в это время не только не уменьшилось, но и возросло. В 1620-х гг. новые деревни, починки, составляли почти половину вятских деревень; в Устьянских волостях на Двине в 1646 г. запашка была втрое больше, чем до катастрофы. В годы после Смуты площадь пашни на Севере была больше, чем в разоренном Замосковье; Север на некоторое время стал опорным краем Руси⁹.

В целом по переписи 1646 г. население страны составляло 551 тысячу крестьянских и 31 тысячу посадских дворов¹⁰. Если принять среднюю населенность двора в 6 человек, то получится 3,5 млн, а с поправкой на недоучет (который Я. Е. Водарский оценивает в 25%) — 4,5–5 млн. На 1620 год численность населения была, конечно, меньше; если считать ежегодный прирост около 1%, то получится 3,5 млн. В 1550-х гг., по оценке А. И. Копанева, население составляло 9–10 млн¹¹, то есть демографическая катастрофа уменьшила население в 2,5–3 раза.

В экономическом и политическом отношении страна была отброшена на несколько столетий назад. Государственный аппарат развалился, налоговая система практически не функционировала, и войско было нечем оплачивать. В январе 1613 г. в Москве собрался Земский собор для избрания царя; помимо бояр, священников, дворян и посадских людей в Соборе впервые участвовали выборные от черносошных крестьян и казаков. Решающее слово в выборах царя оказалось за казаками, которые едва ли не силой заставили бояр принять кандидатуру 17-летнего Михаила Романова. «Казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и зем-

ские чины в тот же день не присягнули царю», — свидетельствует современник¹². Польский король Сигизмунд был убежден, что чернь возвела Михаила на престол против воли знатных¹³.

По своей молодости царь не мог выступать в роли самодержца; некоторые историки полагают, что при вступлении на престол Михаил подписал обязательство, ограничивающее его власть. Как бы то ни было, первые десять лет своего царствования Михаил правил совместно с Земским собором, находя в нем совет и опору. Если прежде царские грамоты заканчивались традиционной формулой: «Царь приказал и бояре приговорили», то на грамотах Михаила Романова появляется новая формула: «По царскому указу и земскому приговору»¹⁴.

Обстоятельства избрания и образ правления царя Михаила способствовали созданию легенды об «избранном всем миром народном царе». Новый царь старался выступать в роли блюстителя справедливости и был внимателен к жалобам простых людей об обидах, чинимых им «сильными». Для принятия жалоб и розыска создавались специальные «сыские приказы»; один из них назывался «Приказ, где на сильных бьют челом». «Народное представление о царе-блюстителе высшей справедливости заставляло население тянуться со своими нуждами к престолу... — писал А. Е. Пресняков. — Московская средневековая монархия вырастала на народном корню»¹⁵.

В этот период — впервые в русской истории — мы встречаем упоминания о государственных учреждениях, систематически оказывающих помощь крестьянам. «Нынешний великий князь — государь очень благочестивый, который подобно отцу своему, не желает допустить, чтобы хоть один из его крестьян обеднел, — свидетельствует голштинский посол Адам Олеарий. — Если кто-нибудь из них обеднеет вследствие неурожая хлеба или по другим случайностям... то ему от приказа или канцелярии, в ведении которой он находится, дается пособие, и вообще обращается внимание на его деятельность, чтобы он мог снова поправиться, заплатить долг свой и внести подати начальству»¹⁶. Имеются также сведения о том, что правительство в интересах населения ограничивало цены на хлеб и регулировало хлебную торговлю — это наводит на ассоциации с аналогичными османскими порядками¹⁷.

Народный характер новой монархии определялся также и тем обстоятельством, что она родилась вследствие компромисса между сословиями. Монархии стоило большого труда примирить дворян и казаков (которые по сути были восставшими крестьянами и холопами)¹⁸. После воцарения Михаила многие казаки вернулись к крестьянской жизни и устроились на пашню «по льготе»; другие поступили на царскую службу. Казаки превратились в многочисленное военное сословие, они пользовались внутренним самоуправлением, жили в пограничных крепостях, имели земельные наделы и получали дополнительное денежное жалованье. Часть казаков (полторы тысячи) получила поместья, некоторые стали дворянами¹⁹. Таким образом, наиболее активная часть крестьянства не только улучшила свое экономическое положение, но и добилась повышения своего социального статуса. То, что часть восставших была включена в военные структуры нового государства, несомненно, свидетельствовало о достижении компромисса между враждовавшими сословиями.

Возникшая на основе компромисса новая власть была слабой. Вместо того чтобы требовать, царь и Собор униженно просили займы денег у купцов Строгановых: «Если же вы нам займы денег, хлеба и товаров не дадите, и ратные люди, не терпя голоду и нужды, из Москвы разойдутся, то вам от бога не пройдет это даром, что православная христианская вера разорится»²⁰. Для содержания ратников освободившего Москву ополчения Земский собор решил собрать «пятую деньгу» с посадских жителей. Однако во многих городах отказывались платить сполна и оказывали открытое сопротивление сборщикам. Крестьяне при попытке властей собрать с них чрезвычайные налоги бросали свои деревни и уходили туда, где им давали льготы: так случилось, к примеру, в Кирилло-Белозерском монастыре²¹. «Государевой казны нет нисколько, — говорилось в указе, — кроме таможенных и кабацких денег государевым деньгам сбору нет»²². В 1626 г. отсутствие денег заставило правительство уменьшить вес серебряной копейки, новая монета весила 0,47 грамма, почти на треть меньше, чем прежде.

После заключения мира с поляками из плена вернулся патриарх Филарет, отец царя, который стал фактическим руководителем правительства. Филарет вырос в эпоху Ивана Грозного и придерживался старых понятий о значении царской власти. Патриарх получил титул «Великого Государя» и правил как самодержец. С 1622 г. перестают собираться Земские соборы, и понятие «совет всей земли» исчезает из правительственных документов. «Филарет был... настолько властным, что даже сам царь боялся его, — писал архиепископ Пахомий. — Он держал в повиновении бояр и других царских людей, ссылая их или налагая на них другие наказания... Он управлял всеми государственными и военными делами царства»²³.

Филарет энергично взялся за восстановление налоговой системы. Чтобы наладить сбор налогов, необходимо было провести перепись земель, подобную тем, которые производились в XVI веке. Первые же попытки проведения переписи показали, что площадь «живущей» (то есть регулярно засеваемой) пашни сократилась в отдельных районах в 4, 10 и более раз. Чтобы уклониться от налогов, крестьяне указывали в качестве тяглых наделов мизерные участки в одну-две четверти (четверть — половина десятины). В Шелонской пятине на «обжу», которую когда-то распахивал один крестьянин, теперь приходилось больше 20 дворов; общая сумма налогов сократилась в 50 раз²⁴. Правительство боялось возобновления восстаний, и писцы не смели выявлять утайку пашен; им было приказано действовать со всяческой осмотрительностью, чтобы крестьян «не оскорбить»²⁵. При таких обстоятельствах в 20-х гг. была-таки проведена перепись и назначены новые налоги: «ямские деньги» и собиравшийся натурой «стрелецкий хлеб». Как и раньше, окладной единицей служила соха, содержащая на поместных и вотчинных землях 800 четвертей «живущей пашни», на монастырских землях в соху клали 600 четвертей, а на черных землях — 500 четвертей. Правительство попыталось получить необходимые деньги, взимая с мизерных тяглых наделов достаточно высокие налоги. В конце 20-х гг. с сохи брали 400 рублей ямских денег и 100 «юфтей» стрелецкого хлеба (юфть — это четверть ржи плюс четверть овса). В пересчете на хлеб крестьянский двор, имевший надел в одну четверть на поместных зем-

лях, должен был отдавать в уплату налогов около 7 пудов ржи и овса, примерно 1,4 пуда на душу населения. Это была ставка более высокая, чем до Смуты, и естественно, что слабая власть не смогла заставить крестьян платить такие налоги. Характерно, что ходатаями за крестьян выступили дворяне — ведь высокие налоги уменьшали их ренту. Дворяне засыпали правительство коллективными челобитными. Служилые люди из Торопца и Холма писали, что «которые де крестьяне и бобыли в их поместьях и вотчинах оселились внове, после разоренья... те крестьяне ныне живут за ними по льготе, а подмогают их они государевым денежным жалованьем». Помещики из Зубцовска били челом, что «которые у нас остались от разоренья бобылишка, и те кормятся христовым именем, а иных мы, холопи ваши, тем же вашим государским жалованием денежным делимся и подмогаем»²⁶.

В канун Смоленской войны коллективная подача челобитных приобрела характер массового политического движения — и не терпевший пререканий Филарет был вынужден пойти на уступки. Была введена новая окладная единица, «живущая четверть», которая заменила прежнюю реальную четверть «живущей» пашни. В «живущую четверть» на поместных и вотчинных землях стали класть 8 крестьянских и 4 бобыльских двора или (в других уездах) 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов. Если раньше четверть пашни (1/800 часть сохи) соответствовала примерно одному крестьянскому двору, то теперь «живущая четверть» (тоже 1/800 часть сохи) соответствовала 10 или 16 дворам (два бобыльских двора считались за один крестьянский). Обложение сохи осталось прежним, а число дворов в сохе возросло в 10–16 раз — следовательно, налоги с двора уменьшились более чем в 10 раз! Эта впечатляющая победа дворян продемонстрировала полное бессилие правительства²⁷. Филарету не удалось восстановить самодержавие, и страна продолжала оставаться аренной борьбы сословий.

Уменьшив налоги с поместных земель, власти были вынуждены сократить и податное обложение монастырей. В «живущую четверть» на монастырских землях клали 6 крестьянских и 3 бобыльских двора. Поскольку в монастырской сохе было 600 четвертей, то налоги на монастырских землях были примерно в 2,3 выше, чем на поместных. Кроме того, во время войн монастырские и черные крестьяне были обязаны поставлять «даточных» (или «посошных») людей и платить «ратным людям на жалование»; в отдельные годы это резко увеличивало тяжесть повинностей. Хуже всего было положение крестьян на черных землях; «живущая четверть» оставалась здесь реальной четвертью пашни, и обложение черных крестьян, таким образом, сохранилось на прежнем высоком уровне. Земли центральных уездов были розданы в поместья, и основные массивы черных земель располагались на Севере и в Вятской области. На черных землях стрелецкий хлеб выплачивался деньгами и до начала Смоленской войны вятские крестьяне платили примерно 260 денег²⁸; по официальным расценкам это составляло около 20 пудов хлеба со двора, или примерно 4 пуда с души. Это в 10–20 раз больше, чем налоги поместных крестьян, но при этом нужно, конечно, учесть, что черные крестьяне не платили оброков помещикам.

**Табл. 1.1. Основные налоги поместных и вотчинных крестьян²⁹.
В сохе условно принимается 10 тысяч дворов**

Годы	Стрелецкий хлеб		Ямские деньги				Всего (пудов на двор)	Населенность двора	Пудов на душу
	юфтей с сохи	пудов на двор	руб. с сохи	денег на двор	цена юфти (денег)	пудов на двор			
1551–1553									2,9
1631–1632	100	0,1	534	11	160	0,67	0,8	4,8	0,16
1639–1640	100	0,1	726	15	260	0,56	0,7	4,8	0,14
1640–1645	700	0,7	784	16	200	0,78	1,5	4,8	0,31
1646–1653	700	0,7	784	16	200	0,78	1,5	4,8	0,31
1654–1662	700	0,7	784	16	257	0,61	1,3	6,6	0,20
1663–1672	1400	1,4	784	16	350	0,45	1,8	6,6	0,28
1672–1679	2800	2,8	784	16	220	0,71	3,5	6,6	0,53
1680–1688		3		20	120	2,23	5,2	7,5	0,70
1688–1696		5		20	150	1,8	6,8	7,5	0,90

В целом уровень налогов определялся размерами податей поместных и вотчинных крестьян, которые составляли основную часть населения страны. В 1670-х гг. этот уровень был низким: в пять-шесть раз ниже, чем во времена Ивана Грозного и Петра I. Голландский посол Кунрад Кленк писал, что «в мирное время в Московии платится мало», но в военное время налоги значительно увеличиваются³⁰.

Реформа начала 1630-х гг. означала отказ от измерения полей и замену поземельного налога подворным — правительство признало невозможность восстановления старой фискальной системы и пошло по пути ее упрощения — упрощения, которое можно назвать деградацией³¹. Более того, государство были вынуждено резко снизить налоги — и в результате лишилось средств. Пришлось сократить войско, распустить большую часть служилых людей «по прибору», стрельцов и казаков, а остальным назначить земельное жалование. Чтобы достать деньги, стали увеличивать косвенные налоги, таможенные и питейные сборы. Насаждение кабаков и кружечных дворов вызывало сопротивление волостных «миров», которые часто просили власти убрать кабаки, но власти соглашались на это только за большой «откуп». Увеличение числа таможен и кабаков дало существенные результаты, и в 1630-х гг. эти сборы давали основную часть государственных доходов — хотя, конечно, это не решило финансовой проблемы³².

Во время Смуты особенно тяжело пострадали города: в середине XVII в. население городских посадов оставалось в 2,5 раза меньше, чем столетие назад³³. Наличие свободных земель не создавало у крестьян стимула к занятию ремеслом и переселению в города, поэтому в XVII в. города росли сравнительно медленно. Русские города этого периода были в большей степени крепостями и административными центрами, нежели торгово-ремесленными поселениями. Жившие в городах «служилые люди» — дворяне, стрельцы, казаки и т. д. — по своей численности превосходили «посадских людей», торговцев и ремесленников. По оценке Я. Е. Водарского, в 1652 г. городское население составляло 247 тыс. человек мужского пола, в том числе 139 тыс. служилых и 108 тыс. посадских людей, в 1678 г. — 329 тыс. человек, в том числе 149 тыс. служилых и 134 тыс. посадских людей. Население Москвы в 1640-х гг. насчитывало около 38 тыс. жителей мужского пола, в том числе около 20 тыс. служилых, 10 тыс. посадских и 8 тыс. «прочих»; к 1680 г. число жителей возросло до 51 тыс. в том числе 20 тыс. служилых, 20 тыс. посадских и 11 тыс. «прочих». Другие города намного уступали размерами Москве; в Ярославле в конце XVII в. насчитывалось 8 тыс. жителей мужского пола, в Пскове, Казани и Астрахани — 5 тыс. Новгород, когда-то превосходивший по размерам Москву, находился в глубоком упадке, мужское население этого города не превышало 3 тыс.³⁴

Среди городского населения выделялась богатая торгово-промышленная верхушка — «гости», торговые люди гостинной и суконной сотен. Это привилегированное купечество вело торговлю в масштабе всей страны и имело капиталы в тысячи рублей, однако оно было очень немногочисленно: в конце XVII в. оно насчитывало лишь 250–300 семей. Собственно же посадские люди были в основной массе мелкими ремесленниками и торговцами, торговавшими со скамей и лотков, и стоимость товаров у них не достигала подчас одного рубля³⁵.

После разорения времен Смуты уровень развития ремесел и промышленности оставался низким. Крупное ремесло было представлено несколькими десятками кожевенных мастерских и винокурен. На соляных промыслах близ Соли Камской в конце XVII в. имелось около 200 варниц, на которых было занято около 4 тыс. работников. Мануфактуры были редким явлением; они обычно принадлежали либо дворцовому хозяйству (Хамовный, Печатный, Монетный дворы), либо иностранцам. Голландские предприниматели построили близ Тулы и Каширы несколько доменных заводов, в основном отливавших пушки. В начале 1660-х гг. на этих предприятиях насчитывалось всего лишь 119 постоянных рабочих, в том числе 56 иностранцев³⁶.

1.2. Крестьянский «золотой век»

Демографически-структурная теория утверждает, что для периодов восстановления после кризисов характерен низкий уровень земельной ренты и относительно высокий уровень жизни крестьян. Попробуем проверить этот теоретический прогноз на российских материалах XVII в. Вопрос о размерах барщины в XVII–XVIII вв. подробно исследован в работах Н. А. Горской, Л. В. Милова, Ю. А. Тихонова и других авторов³⁷. Используя

**Табл. 1.2. Барщина в поместных и вотчинных хозяйствах
в расчете на душу населения (в десятинах)³⁸**

Период	1630–1644	1660–1669	1680–1700	1715–1723
Размеры барщины	0,32	0,66	0,36	0,37

приводимые в этих работах данные, можно оценить средние размеры барщины на протяжении этих столетий (табл. 1.2).

Сопоставление данных для различных периодов показывает, что в целом для XVII в. барщинные нормы были примерно в 3 раза ниже, чем во времена расцвета крепостничества в середине XIX в. Однако общий уровень барщины может быть оценен только в сравнении с наделами крестьян, со средними размерами крестьянской запашки. Для XVII в. этот важный вопрос остается почти не изученным: проблема заключается в том, что, уклоняясь от налогов, крестьяне указывали в качестве тяглых наделов участки земли, намного меньшие, чем действительная запашка³⁹. В принципе земли было более чем достаточно, после демографической катастрофы население резко уменьшилось, крестьянин мог выбирать лучшие участки и пахать столько, сколько желает. Нет особых оснований полагать, что производственные возможности крестьянского хозяйства в XVII в. были меньше, чем в XVI или XVIII вв. Как в XVIII, так и в XVII в. землевладелец был готов предоставить крестьянину ссуду на обзаведение семенами и рабочим скотом: ведь он был кровно заинтересован в крестьянском труде. Часто упоминаемых в источниках XVII в. «бобылей» нельзя с уверенностью классифицировать как разорившихся крестьян — во многих случаях это были скорее поселенцы на льготе; они распахивали перелог и осваивали «пашню, лесом поросшую», земли, заброшенные в период кризиса³⁹. В XVI в. на Новгородчине средний двор в 5–6 человек распахивал 10–12 десятин⁴⁰, то есть примерно по 2 десятины на душу. В конце XVIII в. барщинные крестьяне в центральных уездах обрабатывали в среднем на душу 1,8 десятины пашни, в том числе 0,5 десятины барской запашки⁴¹. Эта величина соответствует расчетам С. А. Короленко (1890-е) который показал, что средняя семья в 6 человек могла обработать 10,5 десятины, то есть 1,75 десятины на душу⁴². И. Д. Ковальченко полагал, что в первой половине XIX в. крестьяне могли возделывать максимально 1,8–2 десятины на душу⁴³. Относительно XVII в. известны лишь немногие случаи, когда удается выявить полные размеры крестьянской запашки. На Смоленщине (с. Андреевское) в конце столетия средний крестьянский двор имел 12 десятин пашни; в Старорусском уезде в 1660-х гг. — более 15 десятин⁴⁴; в вотчине боярина Морозова на двор приходилось 15–16 десятин⁴⁵, на дворцовых землях Скопинского уезда — 17 десятин (при среднем размере двора 6,8 человека)⁴⁶.

В 1660 г. власти Кирилло-Белозерского монастыря попытались установить реальную величину крестьянской запашки. Обмер проводился монастырской администрацией с участием самих крестьян, которые, конечно, не допустили бы включения в перепись земель, лежащих «в пусте». Крестьяне так и не дали довести проверку до конца, но результаты по 503

дворам показали, что средний надел равнялся 11 десятинам⁴⁷. Средний размер двора на Белоозере составлял 6,8 человека⁴⁸, то есть на душу населения приходилось 1,6 десятины пашни. Этот надел меньше, чем средняя запашка в XVIII в., поскольку в те времена оброки и барщина были существенно меньше и помещики не заставляли крестьян работать «из седьмого пота». В Троицко-Гледенском монастыре в конце 1670-х гг. землю обрабатывали половники и им приходилось трудиться не покладая рук, поэтому пашенный надел был значительно больше: на душу приходилось 1,9 десятины⁴⁹.

Опираясь на эти данные, мы можем считать, что в XVII в. крестьянин был в состоянии обрабатывать в среднем 1,6–1,8 десятины пашни. Приняв эти цифры, мы получим, что в первой половине XVII в. барщина отнимала примерно $\frac{1}{5}$ крестьянского труда, в 60-х годах — примерно $\frac{2}{5}$ и в конце столетия — немногим более $\frac{1}{5}$ ⁵⁰.

В целом сравнительно небольшие нормы барщины согласуются с экономической теорией, утверждающей, что уровень ренты в XVII в. должен быть ниже, чем в другие столетия. Однако на протяжении XVII в. барщина не оставалась одинаковой, как показывает табл. 2, в 1660-х имело место значительное, более чем двойное увеличение барщинных норм. Ю. А. Тихонов объяснял это увеличение барщины закрепощением крестьянства по Уложению 1649 года⁵¹. Такое объяснение кажется вполне естественным, но почему же тогда впоследствии, в 1680-х гг., барщинные нормы уменьшились и практически вернулись к низкому уровню первой половины столетия? Что это? Последствие крестьянской войны, которая, в свою очередь, была ответом на рост барщины?

Табл. 1.3. Оброки в XVII веке (в пересчете на пуды хлеба)⁵²

	Уезд, село	Поместные или монастырские	Цена юфти (13,4 пуда), копеек	Оброк на душу	
				копеек	пудов
1540	Новгородские пятины	пом.			8–12
1623	Бежецкий Верх. с. Молоково и др.	мон.	94	8	1,1
1620–1630	Юрьев-Польский у. Тальшинская в.	мон.	94	11	1,5
1626	Владимирский у. 5 деревень	пом.	94	21	3,0
1626	Галицкий у. 5 деревень	пом.	94	29	3,7
1626	Галицкий у. 4 деревни	пом.	94	21	3,0

	Уезд, село	Поместные или монастырские	Цена юфти (13,4 пуда), копеек	Оброк на душу	
				копеек	пудов
1634	Галицкий у. 14 деревень	пом.	174	42	3,2
1639	Псковский у. Завелицкая засада (об- рок хлебом)	мон.			3,7
1630–1640	Коломенский у. 3 деревни	пом.	174	15	1,2
1644	Вологодский у. с. Оларевский Ключ	мон.	107	21	2,6
средние 1626–1644			123	25	2,9
сер. 1660-х	Уличский у. с. Притыкино	пом.	235	27	1,5
1660-е	Зубцовский у. с. Фаустова Гора	мон.	235	21	1,2
1664	Бежецкий у. с. Алабузино	мон.	235	25	1,4
1667	Тверской у. д. Пешки и др.	пом.	235	34	1,9
1667	Рязанский у. с. Киструс и др.	пом.	235	32	1,8
1670	Рязанский у. с. Высоково	мон.	235	15	0,9
средние 1660–1670			235	25	1,5
1679	Ржевский у. с. Обобурово	пом.	92	27	3,2
1683–99	Кашинский у.	мон.	60	17	3,8
1680-е	Псковский у. Завелицкая засада	мон.	60	16	3,6
1690-е	Центральные районы. Оценка Н. А. Горской	мон.	75	22–32	3,8–5,8

В некоторых случаях населенность двора неизвестна, тогда в соответствии с усредненной оценкой Ю. А. Тихонова, она принимается за 4,8 человека для 1620–1648 гг. и 6,6 человека для 1649–1679 гг. Такие цифры выделены курсивом.

Для объяснения эволюции барщины естественно привлечь данные о динамике оброка в соответствующий период. Эволюцию оброка проследить труднее, чем эволюцию барщины, в силу его многообразного характера. Случаев, когда можно подсчитать стоимость оброка в деньгах или зерне, в литературе приводится сравнительно немного. Кроме того, чтобы установить реальную тяжесть оброка, нужно учесть уровень цен на зерно — нужно выяснить, сколько хлеба должен продать крестьянин, чтобы заплатить оброк. Мы пересчитали денежные величины оброка в пуды «хлеба», исходя из того, что юфть «хлеба» (четверть ржи плюс четверть овса) до 1680 г. весила 10 пудов, а после 1680 г. — 13,4 пуда.

В число оброчных платежей в XVII в. входила и плата за аренду внаемных земель. Специфика используемых источников такова, что не всегда можно установить, включена ли эта плата в указанную в источнике сумму платежей. Однако в тех случаях, когда мы знаем плату за аренду, выясняется, что она в целом невелика и не оказывает существенного влияния на общую динамику оброков⁵³.

Данные табл. 1.3. подтверждают предположение о том, что величина оброка в XVII в. была намного меньше, чем в предыдущее и последующее столетие. Однако, если перейти к рассмотрению динамики оброка на протяжении XVII в., то можно заметить, что данные об оброках указывают на тенденцию, отличную от эволюции барщины. Если рассматривать денежный оброк, то оказывается, что на протяжении 1630–1716 гг. он практически не меняется, оставаясь примерно на уровне 25 копеек на душу — это хорошо видно по приводимым в таблице средним величинам оброка для различных периодов. Здесь нужно отметить, что это обстоятельство, неизменность земельной ренты в период после Смуты, отмечалось многими авторами; Н. А. Горская назвала это «принципом фиксированности ренты»⁵⁴. Однако на протяжении XVII в. барщина не оставалась одинаковой, как показывает табл. 2, в 1660-х имело место значительное, более чем двойное увеличение барщинных норм. Ю. А. Тихонов объяснял это увеличение барщины закрепощением крестьянства по Уложению 1649 года. Такое объяснение кажется вполне естественным, но почему же тогда впоследствии, в 1680-х гг., барщинные нормы уменьшились и практически вернулись к низкому уровню первой половины столетия? Что это? Последствие крестьянской войны, которая, в свою очередь, была ответом на рост барщины?

Для объяснения эволюции барщины естественно привлечь данные о динамике оброка в соответствующий период. Эволюцию оброка проследить труднее, чем эволюцию барщины, в силу его многообразного характера. Случаев, когда можно подсчитать стоимость оброка в деньгах или зерне, в литературе приводится сравнительно немного. Кроме того, чтобы установить реальную тяжесть оброка, нужно учесть уровень цен на зерно — нужно выяснить, сколько хлеба должен продать крестьянин, чтобы заплатить оброк. Мы пересчитали денежные величины оброка в пуды «хлеба», исходя из того, что юфть «хлеба» (четверть ржи плюс четверть овса) до 1680 г. весила 10 пудов, а после 1680 г. — 13,4 пуда.

В число оброчных платежей в XVII в. входила и плата за аренду внаемных земель. Специфика используемых источников такова, что не всегда можно установить, включена ли эта плата в указанную в источнике сумму

платежей. Однако в тех случаях, когда мы знаем плату за аренду, выясняется, что она в целом невелика и не оказывает существенного влияния на общую динамику оброков.

Данные табл. 1.3. подтверждают предположение о том, что величина оброка в XVII в. была намного меньше, чем в предыдущее и последующее столетие. Однако, если перейти к рассмотрению динамики оброка на протяжении XVII в., то можно заметить, что данные об оброках указывают на тенденцию, отличную от эволюции барщины. Если рассматривать денежный оброк, то оказывается, что на протяжении 1630–1716 гг. он практически не меняется, оставаясь примерно на уровне 25 копеек на душу — это хорошо видно по приводимым в таблице средним величинам оброка для различных периодов. Здесь нужно отметить, что это обстоятельство, неизменность земельной ренты в период после Смуты, отмечалось многими авторами; Н. А. Горская назвала это «принципом фиксированности ренты»⁵⁵. Однако если перейти к рассмотрению реальной ренты, исчисленной в пудах хлеба, то окажется, что рента менялась, причем ее динамика, как это ни странно, прямо противоположна динамике изменения барщины. В то время как барщина в 1660-х гг. возрастает, оброк уменьшается, а позже, когда барщина уменьшается, оброк увеличивается. Само по себе уменьшение оброка в 1660-х гг. легко объяснить: резко возросла цена на хлеб, и поэтому, чтобы заплатить прежнюю сумму в деньгах, крестьянину нужно было продать меньше хлеба. К 1680 г. цена упала — и оброк увеличился до уровня, превышавшего уровень первой половины столетия. Таким образом, можно утверждать, что денежный оброк в XVII в. оставался примерно постоянным, а причина изменения его реальной стоимости заключалась в изменении хлебных цен. Почему же менялись цены? И не могло ли их изменение повлиять не только на динамику оброка, но и на динамику барщины?

Как известно, в начале второй польской войны, в 1654 г., правительство в целях оплаты военных расходов прибегло к выпуску медной монеты с номинальным курсом. За пять лет (1656–1661) этой монеты было выпущено на колоссальную сумму в 20 млн рублей — и, естественно, началась инфляция. Обычная цена четверти ржи в Вологде составляла около 45 копеек; к осени 1661 г. цена выросла до 2,5 рублей, в январе 1663 г. четверть ржи стоила 24 рубля (!). Уже с 1660 г. крестьяне во многих районах отказывались продавать хлеб на медь. Хлебная торговля была полностью парализована; в 1654–1656 гг. в Великом Устюге продавалось в среднем 4 тыс. четвертей ржи — в 1661 г. было продано 20 четвертей! Дворяне в войсках уже не могли купить хлеб, как прежде, на деньги, которые им платило правительство, они были вынуждены брать в поход запасы своего хлеба, а чтобы получать этот хлеб, нужно было увеличивать крестьянскую барщину. Сам царь Алексей Михайлович завел в подмосковных деревнях крупное барщинное хозяйство, чтобы обеспечивать хлебом своих стрелецких стрельцов. Росла барщина и в старинных дворцовых хозяйствах, например в селе Черкизово Коломенского уезда она к 1662 г. увеличилась более чем вдвое; имеются данные о таком же увеличении барщины в ряде помещичьих сел. Характерно, что в упомянутых случаях увеличение барщины не привело к уменьшению других повинностей⁵⁶.

Таким образом, резкое увеличение барщины было обусловлено экономической необходимостью, прекращением хлебной торговли. Однако это увеличение стало возможным лишь в условиях прикрепления крестьян, когда им трудно было ответить на рост эксплуатации уходом из поместья. В 1663 г. правительство отменило медные деньги и в обращение снова поступила устойчивая серебряная монета. Торговля хлебом возобновилась, но цены не вернулись к прежнему, довоенному, уровню; в течение 1660-х гг. они оставались на уровне, вдвое превосходящем довоенный. Причиной этого повышения цен была нехватка хлеба на рынке. Крестьяне вели натуральное хозяйство и вывозили зерно на продажу лишь для того, чтобы заплатить оброк или государственные налоги. До 1662 г. основной налог, «стрелецкий хлеб», собирался с государственных («черных») крестьян деньгами, но с 1662 г. его брали хлебом, что привело к резкому сокращению поставки зерна на рынок и к повышению цен. Как отмечалось выше, в начале войны в Устюге продавалось по 4 тыс. четвертей в год, а в 1663–1668 гг. — только по одной тыс. четвертей. Естественно, что в условиях высоких хлебных цен помещики продолжали развивать барщинное хозяйство. В 1668–1672 гг. власти собирали налоги иногда хлебом, иногда деньгами, а с 1673 г. окончательно вернулись к сбору деньгами. С этого времени поставка хлеба на рынок увеличилась, в 1673–1677 гг. в Устюге продавалось в среднем 3 тыс. четвертей, цены стали быстро падать и к 1680 г. снизились до уровня 1640-х гг. После 1680 г. падение цен продолжалось, по-видимому, вследствие поступления на рынки центральных районов большого количества зерна из осваиваемых южных областей⁵⁷. Когда цены упали в три раза, рентабельность барщинного хозяйства резко снизилась — поэтому многие помещики сократили запашку и стали покупать хлеб на рынке.

Что же касается государственных налогов, то, как видно из табл. 1.1, в 1670–1680 гг. их уровень существенно вырос и достиг 0,7 с души. Однако это были далеко не те налоги, которые собирали при Иване Грозном и Петре I: в 1707–1716 гг. налог составлял около 4 пудов с души.

Таким образом, уровень податей и повинностей был очень низким, в несколько раз более низким, чем в другие эпохи. Нужно добавить, что в 20-х гг. XVII в. в отдельных районах едва ли не половину населения составляли крестьяне-«бобыли», которые формально не имели земли и не несли тягла. Это были отнюдь не разорившиеся крестьяне, а скорее поселенцы на льготе; они распахивали перелог и осваивали «пашню, лесом поросшую», земли, заброшенные в период кризиса⁵⁸. Как отмечалось выше, в челобитных, поданных царю в начале 1630-х, помещики писали, что их крестьяне сидят на «льготе» и не платят оброков — наоборот, помещики «подмогают» крестьянам из своих средств⁵⁹. Такие случаи, по-видимому, действительно имели место быть — ведь в условиях острой нехватки рабочей силы землевладельцы были вынуждены переманивать друг у друга крестьян и давать им большие льготы. Например, в селе Пушкино под Москвой крестьяне свыше 40 лет владели церковными землями безоброчно, льготно, и лишь в 1680-х гг. стали выплачивать за них оброк⁶⁰.

Зная уровень оброков и налогов, можно сопоставить их с возможностями крестьянского хозяйства. Попробуем сначала оценить продуктив

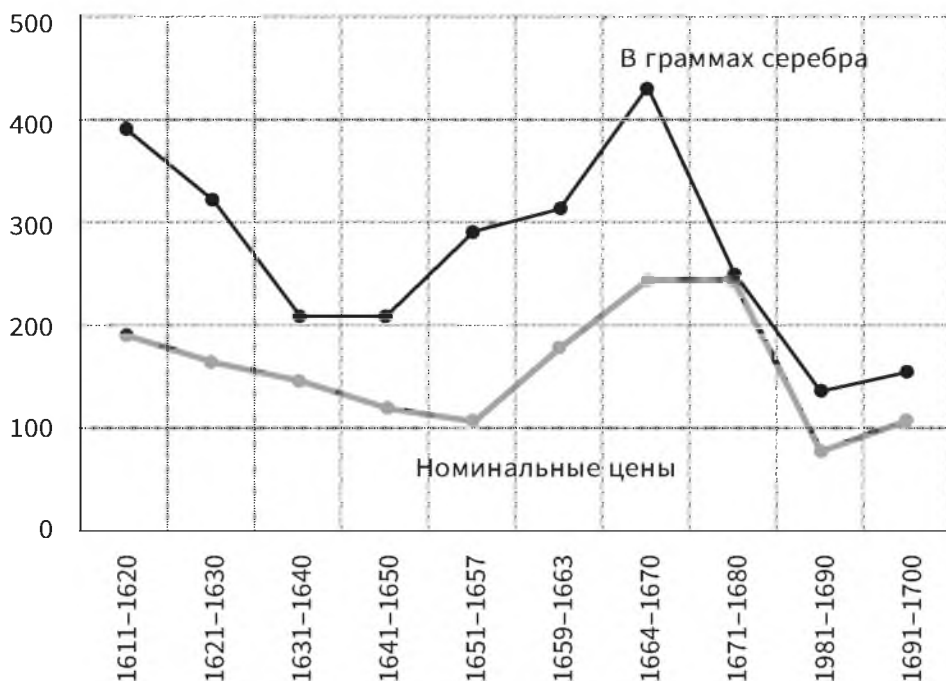

Рис. 1.1. Невзвешенный индекс хлебных цен за 8-пудовую четверть для четырех культур — ржи, овса, ячменя и пшеницы (1701-1710 гг. – 100)⁶¹

ность десятины⁶². На озимом поле обычно сеяли рожь, на яровом — овес (с небольшими добавлениями других культур), при этом нормы высева колебались в зависимости от качества земли, на хороших землях высевали меньше, на плохих больше; мы будем использовать стандартные нормы высева, применявшиеся до 1735 г. в дворцовом хозяйстве, а именно 9 пудов на десятину для ржи и 12 пудов для овса⁶³. По данным Е. И. Индовой⁶⁴, средняя урожайность ржи во второй половине XVII в., была сам-3,3, а овса сам-3,1, таким образом, чистый сбор с десятины составлял 21 пуд ржи или 25 пудов овса, учитывая, что раз в три года десятину оставалась под паром, получим, что средняя продуктивность десятины составляла 15,3 пуда хлеба в год. Как отмечалось выше, крестьянин мог пахать 1,8 десятины на душу, поэтому чистый сбор на душу мог составить 27,5 пуда.

Таковы были теоретические возможности среднего крестьянского хозяйства, если же в действительности крестьянин пахал меньше, то это означало, что он не нуждался в таком количестве хлеба. После вычета 3,5-4,5 пуда оброка и налога у крестьянина, использующего свои возможности, оставалось на потребление примерно 24 пуда. Считается, что минимальная норма потребления в пищу — это примерно 15 пудов, и кроме того в случае нехватки сенокосов какое-то количество зерна расходуется на корм скоту⁶⁵. Однако в XVII в. пастбищ было более чем достаточно, поэтому можно считать, что в среднем крестьянском хозяйстве мог

существовать ежегодный излишек хлеба в 9 пудов на душу. Барщинные крестьяне не платили оброк, но пахали на помещика около 0,4 десятины на душу; следовательно они могли пахать на себя 1,4 десятины и собирать с них 21,5 пуда хлеба. После вычета налогов у них оставалось на потребление примерно 21 пуд хлеба на душу населения.

Конечно, этот расчет является сугубо ориентировочным и приблизительным, мы не учитываем некоторых второстепенных расходов крестьянского хозяйства, например покупки соли, платы приказчикам и мирских сборов. Но с другой стороны, не учитываются и доходы от скотоводства, леса, рыбной ловли, которые, вероятно, компенсируют эти расходы.

Таким образом, имеются основания полагать, что крестьяне XVII в. жили довольно зажиточно. Это подтверждается имеющимися статистическими сведениями по отдельным районам. А. Х. Горфункель, изучавший хозяйственную жизнь Кирилло-Белозерского монастыря, назвал время после Смуты «золотым веком» монастырского крестьянства⁶⁶. По подсчетам П. А. Колесникова, средний сбор на душу населения в 1620-е гг. в Тотемском уезде составлял 28–32 пуда⁶⁷. По некоторым данным, в 1680–1690-х гг. в монастырских селах центральных уездов обычное хозяйство имело от 2 до 5 лошадей, у помещичьих крестьян в среднем было 2,2–2,6 лошади, 1–2 коровы⁶⁸. В Старорусском уезде в 1660-х гг. на двор приходилось 2–3 лошади, 4–5 коров⁶⁹. В вотчинах Псково-Печерского монастыря в 1639 г. средний двор при населенности 5–6 человек имел 3–4 лошади, 4 коровы⁷⁰. Даже крестьяне, бежавшие в 1660-х из центральных районов на юг, оказывается, отнюдь не были бедняками: они имели на двор в среднем по 3 лошади и 2 коровы⁷¹.

Эти данные согласуются с впечатлением западных путешественников. Олеарий свидетельствует о «громадном изобилии хлеба и пастбищ», о больших пространствах свободных плодородных земель, о том, что в России редко приходится слышать о дороговизне⁷². Как видно из рис. 1.1, индекс хлебных цен (в особенности цен в серебре) резко упал сразу же по окончании Смуты и продолжал падать до середины столетия. Подъем цен в 1657–1670-х гг. был связан с войной и инфляционной политикой правительства, а затем цены снова упали, причем их реальный уровень в конце столетия был ниже, чем в 1630-х гг., — это говорит о том, что *посевные площади росли быстрее, чем население*. Много повидавший Юрий Крижанич писал, что на Руси «крестьянам... живется намного лучше, нежели во многих местах Греческой, Испанской и других подобных земель, в которых кое-где мясо, а кое-где рыба слишком дороги, а дрова продаются на вес... Ни в одном королевстве простые черные люди не живут так хорошо и нигде не имеют таких прав, как здесь»⁷³. «Ведь всем известно, — продолжает Крижанич, — что в нашем королевстве крестьяне устроены гораздо лучше, чем в некоторых соседних странах, где боярские люди и воины безнаказанно обижают земледельцев»⁷⁴.

Высокий уровень жизни крестьян нашел отражение в высокой оплате сельскохозяйственных рабочих. Запросы поденщиков в 1630-х гг. были столь велики, что монахи Иосифо-Волоколамского монастыря не могли подрядить крестьян для обработки своей пашни. «Люди стали огурливы, в слободу посылаем для жнецов нанять, и никто из нойму не идет,

Табл. 1.4. Поденная плата рабочих в XVII веке⁷⁵

Годы	Район	Выполняемые работы	Плата в деньгах	Цена юфти (денег)	Плата в кг хлеба
1640	Подмосковье	Расчистка леса	12	200	9,6
1641	Подмосковье	Жатва	8	200	6,4
1642	Подмосковье	Молотьба	11	200	8,8
1640-е	Подмосковье	Косцы	20	200	16
1640-е	Москва	Чернорабочие	11	200	8,8
1646	Архангельск	Каменщик	10	200	8
1647	Тульские заводы	Чернорабочий	10	200	8
сер. XVII в.	Москва	Каменщик	12	200	8,0–9,6
сер. XVII в.	Москва	Портной	10	200	8
сер. XVII в.	Москва	Плотник	10	200	8
Средние сер. XVII в.					9,1
1666–1670	Подмосковье	Косцы	12	350	5,5
1666–1670	Подмосковье	Расчистка леса	14	350	6,4
1669	Измайлово	Чернорабочие на строительстве	15	350	6,9
1677	Подмосковье	Расчистка прудов	10	220	7,3
1670-е	Подмосковье	Носильщик в каменно-ломнях	6	220	4,4
Средние 1660–1670-е гг.					6,1
1690	Тульские заводы	Чернорабочие	10	150	14,2
1690-е	Москва	Чернорабочие	10	150	14,2
1698–1699	Подмосковье	Косцы	13	150	18,6
кон. XVII в.	Москва	Портной	10	150	14,2
кон. XVII в.	Москва	Каменщик	8	150	11,4
кон. XVII в.	Москва	Плотник	10	150	14,2
Средние кон. XVII в.					14,5

не страшатся никою», — жаловались монахи⁷⁶. Не шли работные люди и на тульские заводы — так что правительству пришлось обязать крестьян соседних деревень работать определенное число дней взамен уплаты обычных налогов (это была практика, аналогичная существовавшей у турок)⁷⁷. В таблице 1.4. приведены некоторые данные об оплате сельскохозяйственных и городских рабочих.

Р. Хелли собрал большое число данные о заработной плате неквалифицированных рабочих в 1635–1725 гг.⁷⁸ Большинство этих данных, однако, относятся к олонечким медеплавильным заводам и короткому промежутку 1669–1674 гг. Если исключить весьма специфические олонечские данные, то окажется, что средняя поденная плата на протяжении столетия составляла 5 копеек (10 денег)⁷⁹. Р. Хелли определяет среднюю цену ржи в этот период в 58 копеек за четверть⁸⁰, не учитывая изменения размеров четверти, которая в 1678 г. была увеличена с 6 до 8 пудов. Поскольку медианная цена Р. Хелли учитывает экстремально высокие цены периода медной инфляции (и высокие цены Поморья), то она представляется существенно завышенной, тем не менее, приняв эту цену, мы получим, что хлебный эквивалент поденной платы составлял от 8,5 кг (при 6-пудовой четверти) до 11,3 кг (при 8-пудовой четверти) ржи.

Эти данные согласуются с имеющимися сведениями о динамике потребления в европейских странах. Практически повсюду в Европе поденная плата в начале второго европейского демографического цикла (в начале XVI в.) в пересчете на хлеб составляла 9–12 кг, а в конце столетия (и в конце цикла) — 3,5–4,5 кг⁸¹. Таким образом, российский уровень поденной платы соответствовал обычному уровню начала демографического цикла и был относительно высоким.

Данные Р. Хелли не дают представления о динамике реальной заработной платы. Данных, когда заработную плату можно сопоставить с ценами на зерно, не так много; в таблице 1.4. приведены некоторые из них.

Как видно из этой таблицы в середине XVII в. поденная плата составляла около 10 кг хлеба, затем в период инфляции и во время последующего периода высоких цен (1654–1679) она уменьшилась примерно до 6 кг, но с последующим падением цен в конце XVII в. заработная плата увеличилась до 14 кг. В 1674 г. пуд говядины стоил 56 денег⁸², и чернорабочий на дневную плату в 15 денег мог купить примерно 4 кг мяса — притом что 1674 год — это было далеко не лучшее для страны время.

Итак, состояние России после Великой смуты было подобно состоянию Европы после кризиса XIV в.: обширные пространства запустевших земель, разоренные, полувымершие города, государство, которое требуется вновь восстанавливать — но вместе с тем изобилие земли, лесов, природных богатств, которые достались в наследство немногим уцелевшим. Подобно американским фермерам, крестьяне могли вновь осваивать свою страну, могли пахать, сколько захочется, и ни помещики, ни слабое государство пока не осмеливались притеснять их, опасаясь нового восстания. Постепенно крестьяне стали возвращаться в свои родные места, основывать новые деревни и расчищать лес под пашню. Московское государство постепенно «пополнялось» и «приходило в достоинство», и люди за «многое время тишины и покоя», по выражению источника,

«в животах своих пополнились гораздо»⁸³. В 1646–1678 гг. численность населения (без учета территориальных приращений) возросла с 4,5–5 до 8,6 млн. На Новгородчине в этот период население увеличилось более чем в два раза (но все еще оставалось на треть меньше, чем в 1500 г.)⁸⁴.

Быстрому росту населения не помешала и эпидемия чумы 1654 г., которая была принесена из Персии и данные о числе жертв которой сильно преувеличивались современниками⁸⁵. Олеарий отмечает, что в целом эпидемии были на Руси редкостью: «Что касается Московской области и пограничных с нею, то здесь вообще воздух свежий и здоровый, как свидетельствуют все жители... здесь мало слышали об эпидемических заболеваниях или моровых поветриях, да и встречаются здесь зачастую весьма старые люди»⁸⁶.

Огромную роль в процессе восстановления экономики сыграло строительство 800-километровой Белгородской черты, которая должна была защитить южные области от татарских набегов и обеспечить возможность земледельческого освоения обширных территорий. Строительство укрепленной линии продолжалось 12 лет (1635–1646), на черте было построено 23 города-крепости, несколько десятков острогов, пять больших земляных валов, протяженностью по 25–30 км каждый. В 1648–1654 гг. была создана Симбирская черта, продолжившая укрепленную линию до берега Волги.

В 1642–1648 гг. в уездах, расположенных вдоль Белгородской черты, большинство крестьян было отписано на государя и зачислено во вновь созданные драгунские полки. Крестьяне были освобождены от податей, они жили в своих деревнях, пахали землю и раз в неделю проходили военное обучение. Казна обеспечивала драгун оружием, и они должны были нести на черте сторожевую службу⁸⁷. Нехватка солдат заставляла зачислять в полки всех желающих, даже беглецов из центральных районов⁸⁸ — поэтому сюда держали путь многие беглые. Белгородчина была изобильным краем: урожайность ржи на юге была в 2–3 раза выше, чем в центральных районах, и запасы хлеба в хозяйствах служилых людей в среднем (по 45 известным описям) составляли около 500 пудов (на год человеку хватало 15 пудов)⁸⁹. В 1639–1642 гг. власти предлагали платить за работу на жатве 7–10 денег в день, что в пересчете на зерно составляет 14–20 кг. Это была щедрая плата, в два раза больше, чем платили в Подмосковье, — однако зажиточные крестьяне юга не желали работать и за эту плату⁹⁰. Если бы не постоянные войны и татарские набеги, то многие могли бы позавидовать жизни поселенцев юга.

В 1678 г. в Черноземном центре проживало уже 1,8 млн человек, в то время как в старом Нечерноземном центре — 3,5 млн. На Белгородчине насчитывалось 260 тыс. не имевших крепостных детей боярских «однодворцев» (с семьями), поставлявших в войско 40 тыс. солдат, драгун, рейтар⁹¹. У служилых людей были крепкие хозяйства: на двор в среднем приходилось 3 лошади и 4 коровы. Небедно жили и дворцовые крестьяне: в Тамбовском уезде большинство дворов имело 2–3 лошади, 2–3 коровы и с избытком обеспечивало себя хлебом⁹².

Белгородская черта стала надежным препятствием на пути татарских набегов. Хотя татары многократно опустошали Белгородчину, им ни разу не удалось прорваться за черту. С середины XVII в. началась прочная ко-

лонизация южных областей; сюда устремился поток переселенцев из центральных районов. Со времени строительства черты до конца XVII в. запашка в южных уездах возросла в 7 раз⁹³. Благодаря этому, говорилось в докладе Разрядного приказа в 1681 г., «в Московском государстве хлеба и съестных запасов учинилось множество и покупке всего цена дешевая...»⁹⁴

Это были процессы огромного значения, ведь оттесненное татарами в северные леса русское крестьянство веками пыталось выйти в черноземные степи. После побед Ивана Грозного Русь продвинулась за Оку в верховья Дона — но в период Смуты татары отбросили поселенцев назад в северные леса. Теперь России наконец-то удалось закрепиться в южных степях; это означало, что мощь русского государства будет расти за счет освоения новых плодородных земель. Скученное на севере население получило возможность переселяться на юг, и угроза нового перенаселения отодвигалась на долгий срок. С точки зрения демографически-структурной теории процесс колонизации означал расширение экологической ниши — увеличение средств существования (means of subsistence), последствием которого должны были стать уменьшение цен и увеличение реальной заработной платы — те явления, которые действительно отмечались в конце XVII в. Классическая теория демографических циклов делит цикл на три периода: периоды восстановления, Сжатия и экосоциального кризиса. *В российском случае вслед за периодом восстановления начался период расширения экологической ниши, период колонизации новых земель, период роста — поэтому демографический цикл оказался намного длиннее обычного, он продолжался около трехсот лет.*

1.3. Положение дворянства

Положение высшего слоя элиты, боярской аристократии, в период Смуты и после нее претерпело существенные изменения. Дьяк Котошихин, писавший в середине XVII в., свидетельствует, что к тому времени «прежние большие роды многие без остатку миновались»⁹⁵. Переход на сторону королевича Владислава привел к окончательной утрате авторитета «старшими боярами», и после коронации Михаила на сцену вышло новое боярство из среды участников ополчения. Эта новая знать получила от царя поместья и вотчины, но она была немногочисленна, и ее земельные владения не могли сравниться с вотчинами бояр XVI в. или с владениями екатерининских вельмож. По росписи 1638 г. лишь 14 бояр имели свыше 500 крестьянских дворов, причем их владения были разбросаны по многим уездам⁹⁶. Новая знать была сильна, главным образом, своим положением на государственной службе. «Наследственной аристократии, высшего сословия не было, — писал С. М. Соловьев, — были чины: бояре, окольные, казначеи, думные дьяки...»⁹⁷

Бояре до некоторой степени сохраняли свое влияние потому, что они исполняли должности воевод-наместников и руководили судами. При Иване Грозном наместничества были упразднены и суд был передан губным и земским старостам; наместники сохранились лишь в пограничных областях. Во время Смуты (когда вся страна стала пограничьем) воеводства были восстановлены и административная система вернулась к вре-

менам далекого прошлого. Однако теперь воеводы не получали ни жалования от государства, ни установленных «кормов» от населения; они жили «добровольными» подношениями и, естественно, вымогали эти подношения с помощью неправого суда и всяческих злоупотреблений. Так же как и прежде, правительство меняло воевод каждые один-два года — но это не спасало население от вымогательства⁹⁸.

После Смуты государство находилось в таком же состоянии разрухи, как и экономика. Российская государственная система была в свое время заимствована у Османской империи⁹⁹; ее принцип состоял в том, что крестьяне, имеющие стандартные наделы («выти»), содержат воинов, имеющих небольшие, но достаточные для снаряжения на войну поместья. Кроме поместных имелись также государственные и дворцовые земли, доходы с которых полностью принадлежали казне. Система базировалась на проведении регулярных земельных переписей и на выплате поземельных налогов — это было в своем роде уникальное административное сооружение, равного которому не было в тогдашней Европе. Катастрофа времен Смуты полностью разрушила эту государственную систему. Крестьяне добились резкого снижения налогов и оброков — и это обернулось оскудением казны и военного сословия, дворянства.

В прежние времена государство следило, чтобы воины были обеспечены поместьями достаточных размеров; в середине XVI в. рядовой служилый на Новгородчине имел 20–25 крестьянских дворов¹⁰⁰. После Смуты положение резко изменилось. Помещики Шелонской пятины в 1626–1627 гг. имели в среднем по 3,8 двора и по 6,2 душ мужского пола на владение, 35% владений стояли пустыми. Лишь самое богатое, московское, дворянство в 1632 г. имело на одно поместье (или вотчину) в среднем 24 крестьянина, включая бобылей¹⁰¹. Уход крестьян доводил некоторых помещиков до отчаяния. «Государь нас не жалует, крестьян из-за нас велит выводить, — говорил ливенский помещик Авдей Яковлев, — нас в заговоре человек пятьсот: кто из-за нас крестьян выводит, у тех мы вотчины выжжем, а крестьян побьем, и пойдем до другого государя»¹⁰². Яковлева можно было понять: учитывая, что оброки сократились в 2–3 раза, доходы помещиков уменьшились примерно в 10 раз. Петр Петрей отмечал, что первое время после Смуты многие дворяне ходили в лаптях — так же, как и крестьяне¹⁰³. В 1580-х гг. в списках имелось 80 тыс. воинов, из них 65 тыс. ежегодно выходили на южную границу. По сметному списку 1630 г. числилось 27 тыс. служилых дворян, из них лишь 15 тыс. воинов могли нести полевую службу; остальные были не в состоянии снарядиться в поход и сидели в гарнизонах по своим городам¹⁰⁴. Чтобы как-то поддержать этих служивых, один раз в пять лет им выдавали денежное жалование. В 1648 г. давали по 13 рублей¹⁰⁵; эта сумма была эквивалентна 130 пудам хлеба, или примерно годовому доходу крестьянского хозяйства — и только.

Таким образом, хотя численность дворянства резко сократилась, социально-экономическое равновесие в структуре «государство–элита–народ» не было восстановлено в полной мере. Доходы дворянства оставались крайне низкими, и дворянство требовало улучшения своего положения путем более строгого прикрепления крестьян к земле — реального введения крепостного права. Эти требования усиливались диффузионными

процессами, выражавшимися в стремлении подражать Польше. Продемонстрированное в годы Смуты, а затем в Смоленскую войну военное превосходство Польши побуждало к заимствованию ее порядков — в том числе и крепостного права. Польские порядки были настолько привлекательны для дворянства, что после окончания войны, на переговорах о совместных действиях против турок, князь Голицын говорил, что «русским людям служить вместе с королевскими нельзя ради их прелести, одно лето побывают с ними на службе, и у нас на другое лето не останется и половины лучших русских людей...»¹⁰⁶ Князь Иван Хворостинин в 1632 г. перешел в католичество, наряжался польским гусаром и собирался отъехать в Литву. В соответствии с фразеологией «свободной» шляхты он называл царя «деспотом русским»¹⁰⁷. За границей знали о симпатиях русских дворян к Польше: «Главная причина мира великого князя с Польшей — неуверенность в верности подданных, поскольку они связаны клятвой Польше», — говорится в протоколе шведского риксрода¹⁰⁸.

Период после окончания Смоленской войны стал временем дворянского наступления на правительство. Как отмечалось выше, дворяне начали предъявлять свои требования еще перед войной, и им удалось добиться многократного снижения налогов со своих крестьян. «Начавшееся еще перед войной движение дворян не прекращалось и приобретало все более широкие и опасные формы, — отмечал П. П. Смирнов. — К этому полуприкрытому мятежу подчас присоединялись черные слободы и сотни...»¹⁰⁹. Дело в том, что облегчив обложение поместных и вотчинных крестьян, правительство было вынуждено увеличить обложение черных посадских людей. Между тем в посадах складывалась та же ситуация, что и на селе; здесь существовали освобожденные от посадского тягла («беломестные») боярские и монастырские слободы, куда, стремясь жить на «льготе», уходили посадские люди. Чем больше купцов и ремесленников уходило в слободы, тем больше налогов приходилось платить оставшимся — и естественно, посадские люди требовали включения слобод в «тягло». Посадские общины жаловались на бояр и монастыри, удививших у них тяглецов, — однако жалобы попадали в воеводские или московские суды, где сидели бояре, владельцы «беломестных» слобод. Точно так же и дворяне жаловались на бояр и монастыри, уводившие у них крестьян, — но жалобы попадали к тем же боярам.

После смерти Филарета не стало той сильной руки, которая сдерживала проявления недовольства. Началось время коллективных челобитий, своеобразное «петиционное движение»¹¹⁰, в котором дворяне и поместные люди все энергичнее высказывали свои требования. Ослабевшее правительство было вынуждено возобновить созыв Земских соборов — но на эти соборы уже не приглашали представителей от крестьян, новая монархия постепенно теряла народный характер. На Соборе 1637 г. дворяне обратились к царю с петицией, жалуясь на то, что в то время, как они пребывают на службе, крестьяне из их поместий и вотчин бегут за монастыри, за московских сильных людей, а если дело дойдет до суда, то в приказах волочат по пять, по десять лет и больше. В конце концов беглые крестьяне из урочных лет выходят, и поместья остаются пустыми¹¹¹. Дворяне требовали облегчить службу, открыть в городах выборные суды и установить

бессрочный сыск беглых. По этой челобитной дворянам было разрешено являться в ополчение по очереди, через год, а срок сыска беглых крестьян («урочные лета») был увеличен с пяти до девяти лет¹¹². «Помещикам понадобилось около десяти лет натиска на правительство, чтобы уничтожить урочные лета, причем выступления армии были весьма бурными», — пишет Д. А. Высоцкий¹¹³. В 1641 г. собравшееся в Москве (по случаю ожидавшейся войны с Турцией) поместное ополчение подняло настоящий мятеж. Современник сообщает, что служилые люди «завели на Москве рокош»¹¹⁴; 11 июля они с «большим шумом» ломились в царский дворец, чтобы подать петицию от имени дворян 44 городов¹¹⁵. Здесь впервые упоминается характерное слово «рокош» — так называли вооруженные мятежи польских и венгерских дворян, мятежи, результатом которых было закрепощение крестьян и установление шляхетских «свобод». Таким образом, события развивались по хорошо известному восточноевропейскому сценарию.

В 1642 г. в Москве собрался Земский собор для обсуждения вопроса о турецкой войне. На Соборе сословия снова предъявили свои претензии властям. Посадские люди жаловались на иноземцев, которые отняли их торговлю, и на неправый суд воевод; депутаты вспоминали, что «при прежних государях в городах ведали губные старосты, а посадские люди судились сами собой, воевод в городах не было»¹¹⁶. Дворяне снова жаловались на свою бедность, советовали послать в Азов стрельцов и выказывали свое нежелание воевать. Правительство было вынуждено отказаться от своих планов и вернуло туркам занятый казаками Азов. Летом 1645 г. умер царь Михаил Федорович, и в сентябре состоялась коронация его 16-летнего сына Алексея. На эту коронацию прибыли тысячи дворян — почти все поместное ополчение; дворяне снова потребовали установления бессрочного сыска и отмены «урочных лет»¹¹⁷. Юный царь неуверенно чувствовал себя на престоле и не мог отказать. Дворянам было дано обещание, что «как крестьян и бобылей и дворы их переписут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки без урочных лет»¹¹⁸.

Таким образом, дворянство добилось реального введения крепостного права — той цели, к которой оно стремилось с 1580-х гг. Следует отметить, однако, что еще до введения крепостного права, по мере преодоления хозяйственной разрухи (и, может быть, в связи с увеличением «урочных лет»), положение дворянства постепенно улучшалось. В 1646 г. в Шелонской пятине на одно владение приходилось уже 6,8 двора и 22,1 душ мужского пола, а количество пустых поместий сократилось до 14%. Общая численность служилых дворян в России увеличилась с 27 тыс. в 1630 г. до 39 тыс. человек в 1651 г.¹¹⁹

1.4. Истоки вестернизации

Историю любой страны нельзя рассматривать в отрыве от мировой истории. Одним из примеров того, как внешнее диффузионное воздействие изменяет судьбу нации, являются реформы Петра Великого. Однако влияние Европы на развитие России стало проявляться задолго до Петра,

и уже при первых Романовых начались реформы, призванные приблизить Россию к Европе.

Истоки реформ лежали в техническом и культурном превосходстве Запада, поэтому необходимо сделать отступление и остановиться на том, в чем проявлялось это превосходство. Если говорить о технике, то крупнейшими западными достижениями того времени были изобретение доменных печей, литье чугуна и получение из него железа, применение водяных колес на мануфактурах и создание океанских кораблей — галионов и флейтов. Эти три *фундаментальных открытия* определили тот триединый облик, в котором предстал перед Россией Запад: чугун и железо — это были пушки и мушкеты, это были полки нового строя, перед которыми была бессильна средневековая русская конница. Мануфактуры — это были дешевые и добротные ткани для обмундирования новой армии, стеклянная посуда, бумага и другие полезные предметы. Корабль выступал как символ торговли, это была возможность продавать свои товары и покупать мушкеты, ткани и всякие заморские «дикивины».

Новые океанские парусные корабли — знаменитые флейты — были созданием голландских корабелов из Саардама. Голландцы не только создали новые корабли, но и усовершенствовали методы строительства кораблей. В 1597 г. мастер Корнелиус Корнелесен изобрел лесопильную мельницу, в которой распилка бревен на доски осуществлялась силой ветра; это намного удешевило стоимость строительства и дало начало механизированному судостроению. На берегах реки Заан появились огромные верфи, где большую часть работ выполняли машины, приводимые в движение тысячей ветряных мельниц. Голландцы превратились в народ мореходов и купцов; им принадлежали 15 тыс. кораблей, втрое больше, чем остальным европейским народам.

С появлением флейты стали возможны массовые перевозки невиданных прежде масштабов. Началась эпоха мировой торговли, которая неузнаваемо преобразила многие государства и страны. Посредническая торговля — это был совершенно особый вид торговли, схожий с торговой интервенцией: голландцы обладали огромными капиталами и средствами давления на правительства — ведь они имели европейское оружие и господствовали на море. Таким образом, голландские купцы могли добиться торговых привилегий и в некоторых случаях получали возможность организовать крупномасштабную скупку местных товаров непосредственно у производителей. Торговая интервенция насильно приобщала народы к мировому рынку, и — в соответствии с мир-системной теорией И. Валлерстайна — мировой рынок начинал диктовать свою волю. Влияние мировой торговли было многообразным, она позволила обеспечить хлебом население растущих промышленных городов в Голландии, и она же породила развитие плантационного хозяйства и рабства в Америке — а также распространение фольварков и крепостного права в Прибалтике. Полторы тысячи голландских кораблей ежегодно вывозили из Данцига около 100 тыс. ластов хлеба; голландские купцы предлагали за этот хлеб всю роскошь Запада и Востока — и польские паны расширяли свои фольварки, гнали крестьян на барщину, вводили порядки, близко напоминавшие плантационное рабство.

Мировой рынок означал для одних рабство, а для других — процветание. Колоссальные прибыли от монопольной посреднической торговли подарили Голландии богатства, сделавшие ее символом буржуазного преуспевания. Голландия стала примером, вызвавшим подражание всей Европы, — в соответствии с теорией культурных кругов, фундаментальное открытие, флейт, породило распространяющуюся по миру диффузионную волну. *Главными компонентами голландского культурного круга были океанские корабли, морская торговля и торгово-промышленное предпринимательство, а в политической сфере — правление купеческой олигархии.* В некоторых районах Азии, где техническое превосходство голландцев ощущалось наиболее рельефно, эта волна привела к основанию голландских колоний. В Европе распространение голландских инноваций приняло в основном характер мирной диффузии. Почти каждое европейское государство стремилось по голландскому образцу завести свой флот, основать торговые компании и вступить в торговлю с дальними странами — и конечно, без корыстных голландских посредников. В 1651 г. Англия запретила ввоз в страну товаров на голландских судах, затем этому примеру последовала Франция. Министр Людовика XIV Жан-Батист Кольбер осуществил масштабное преобразование французской промышленности по голландскому образцу, построил сотни мануфактур и создал французский флот. Эти реформы резко усилили экономическую и военную мощь Франции, и, будучи крупнейшим государством Европы, Франция начала претендовать на европейскую гегемонию. Победы Людовика XIV побудили и другие страны вступить на путь реформ. Распространяясь по Европе, диффузионная волна достигла Пруссии и Австрии — здесь тоже строили мануфактуры, пытались создать свой флот и, подражая не только Голландии, но и Людовику XIV, строили дворцы, подобные Версалю. Далее наступала очередь России, С. М. Соловьев писал, что *«основное движение российской преобразовательной эпохи — это начатое Кольбером движение подражания Голландии»*¹²⁰. В то время как одни страны пытались изгнать голландцев, другие старались использовать их опыт и капиталы. Дело в том, что голландские купцы эксплуатировали не только торговые, но и промышленные возможности других стран. Они не просто покупали товары, они создавали плантации, на которых производили табак или сахарный тростник, они разрабатывали рудные месторождения и строили горные заводы. В наше время эту политику назвали бы политикой привлечения иностранных инвестиций; пример такой политики показывала Швеция.

Швеция в те времена была бедной сельской страной с населением менее одного млн жителей; в этой стране снегов и лесов был лишь один значительный город, Стокгольм, в котором жили по большей части немецкие купцы. Швеция сохраняла патриархальные обычаи раннего Средневековья: шведские крестьяне были свободными людьми, они владели землей и имели право носить оружие. Каждый зажиточный бонд мог записаться в дворянское сословие и стать рыцарем («фрельсе»); а основную часть войска составляло крестьянское ополчение — надо сказать, что Швеция была единственной страной Европы, где сохранилась всеобщая воинская повинность; по традиции, в феодальных странах война была делом рыцарей и наемников.

Ситуация изменилась с началом «военной революции». Майкл Робертс датирует первый этап «военной революции» реформами Морица Нассау, штатгальтера Нидерландов в 1585–1625 гг. В этот период Нидерланды, отстаивая свою независимость, вели тяжелую борьбу с Испанией, и Мориц Нассау противопоставил испанским терциям новую военную тактику. При этой тактике мушкетеры строились в 8–10 шеренг, первая шеренга стреляла залпом, разворачивалась и уходила сквозь проходы в других шеренгах, чтобы встать позади них (это называлось «контрмарш»). Пока другие шеренги стреляли и совершали контрмарш, первая шеренга перезаряжала свои мушкеты; эта операция была разделена на 42 «темпа» и проводилась солдатами синхронно под команды офицеров. Время было рассчитано так, что на последнем такте шеренга вновь стояла перед противником; она делала залп и снова уходила в тыл¹²¹.

Особое место в планах Морица Нассау занимала протестантская Швеция, которая рассматривалась как союзник Голландии в борьбе с католическими державами. Молодой шведский король Густав Адольф II получил первоначальные сведения о новой тактике от своего наставника Йохана Скитте. В 1620–1621 гг. король, сохраняя инкогнито под именем «капитана Гирса», предпринял поездку в Германию, где ознакомился с военными реформами в протестантских княжествах¹²².

Густав Адольф стал продолжателем дела Морица Нассау, а шведские военные реформы стали началом второго этапа «военной революции». Этот новый этап был связан с появлением легкой артиллерии, шведских полковых пушек, «regementsstycke».

Швеция была богата железными и медными рудами, но до начала XVII в. производство металла было невелико, а металлургическая техника была архаической. Густав Адольф настойчиво приглашал в Швецию голландских капиталистов, им сдавались в аренду рудные месторождения, шахты, горные заводы и зачастую давались монопольные права на производство и вывоз железа и меди. В 1618 г. крупнейший голландский финансист Луи де Геер при посредничестве горного инженера Вильяма Беше взял в аренду железные рудники Финспанга; с этого времени началось быстрое техническое перевооружение шведской металлургии. Из крупнейшего металлургического центра Европы, Льежа, были выписаны сотни мастеров, которые строили большие «французские» домны и вводили «валлонскую» ковку. Мощные воздухоудные устройства новых домен работали от водяных колес, и производительность увеличилась в два раза — до 2,2 тонны чугуна в сутки. Одновременно другой голландский промышленник, Гуверт Силентц, модернизировал медные рудники и заводы Фалуна, обеспечив резкое улучшение качества медного литья. Необходимо подчеркнуть, что вводимая в металлургии новая технология требовала очень больших капиталовложений и ее внедрение было невозможно без привлечения иностранных капиталов и иностранных специалистов¹²³.

В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Французская «трехфунтовая» (стрелявшая ядрами в 3 фунта) пушка весила 30 пудов и требовала запряжки из 4 лошадей — притом что скорострельность и боевая эффектив-

ность этого орудия были очень низкими. Густав Адольф сразу же осознал, какие перспективы открывает перед Швецией улучшение качества литья — и приступил к целенаправленным работам по созданию *нового оружия*. Эти работы продолжались десятки лет; были выписаны лучшие оружейники Европы; король сам давал им технические задания и проводил испытания новых орудий на полигоне близ Стокгольма. В 1626 г. мастер Мельхиор Вумбрант создал так называемую кожаную пушку: тонкий медный ствол обматывался канатами и закрывался кожаным чехлом; эти трехфунтовые пушки весили 7 пудов — они были в четыре раза легче прежних орудий. Но «кожаные пушки» быстро перегревались и выходили из строя; шведские оружейники продолжали свои эксперименты, и в 1629 г. было создано всепобеждающее новое оружие — «полковая пушка», *regementsstycke*¹²⁴.

В отличие от «кожаной пушки», *regementsstycke* представляла собой цельнолитое медное орудие — при том же трехфунтовом калибре эта пушка имела вес в 7–8 пудов. «Полковую пушку» могла везти одна лошадь; два-три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты — и таким образом пехота получала постоянную огневую поддержку. Стенки ствола «полковой пушки» были настолько тонкими, что она не могла стрелять ядрами — секрет *regementsstycke* состоял в том, что это была первая пушка, предназначенная для стрельбы картечью. Картечь изредка использовалась и ранее, но ее применение вызывало трудности при зарядании. Шведские оружейники создали зарядный патрон — плотный матерчатый мешок, куда помещались картечь и порох. Благодаря применению патронов «полковая пушка» обладала невиданной скорострельностью: она делала до шести выстрелов в минуту и буквально засыпала противника картечью¹²⁵.

«Полковая пушка» стала основным оружием шведской армии в Тридцатилетней войне; каждому полку было придано несколько таких пушек. Но шведские литейщики продолжали совершенствовать свое искусство, и к середине XVII в. на заводах де Геера научились отливать легкие чугунные пушки. Эти четырехфунтовые орудия имели более толстые стенки ствола и весили 16–19 пудов; чугунные пушки могли стрелять ядрами, однако для их перевозки требовалась запряжка из двух лошадей и они были менее мобильными. Но чугунные пушки были *в десять раз* дешевле медных, и де Геер мог отливать в год тысячи таких пушек. Швеция стала великой артиллерийской державой¹²⁶.

После изобретения *regementsstycke* в руках Густава Адольфа оказалось новое оружие — но нужно создать армию, которая смогла бы использовать это оружие. Швеция была маленькой и бедной страной, в 1623 г. доход королевства составлял 1,6 млн рейхсталеров, на эти деньги можно было содержать не более 15 тыс. наемников. Естественный выход из финансовых затруднений состоял в использовании уникального шведского института, всеобщей воинской повинности. Густав Адольф упорядочил несение этой повинности: в армию стали призывать одного из десяти военнообязанных мужчин и срок службы был установлен в 20 лет¹²⁷.

В 1626–1630 гг. Густав Адольф призвал в войска 50 тыс. рекрутов; таким образом, была создана *первая в Европе регулярная армия*. Однако финансо-

вая проблема была решена лишь отчасти. Содержание постоянной армии требовало огромных затрат, и Густав Адольф испробовал различные способы решения этой проблемы. Он создавал монопольные государственные компании, строил корабли и старался наладить морскую торговлю в обход голландцев. В 1624 г. король провел первую в Швеции земельную перепись и ввел поземельный налог. В Западной Европе еще не проводилось подобных переписей, и само собой напрашивается предположение, что Густав Адольф заимствовал эту идею из России. По-видимому, из России была заимствована и идея монополизации хлебной торговли: в 1629 г. король скупил весь лифляндский хлеб — около 14 тыс. ластов — по назначенной им цене, а затем перепродал его в Амстердаме вдвое дороже¹²⁸.

В конце концов Густав Адольф разрешил финансовую проблему путем чеканки медных денег с высокой номинальной стоимостью; он первый стал эксплуатировать монетную регалию, заявляя, что деньги, каковы бы они ни были, имеют ценность только благодаря власти короля, выраженной в наложенном на монету штемпеле. Медные деньги позволили Густаву Адольфу дополнить призывные контингенты наемниками и создать невиданную по тем временам 80-тысячную армию, вооруженную полковыми пушками и облегченными мушкетами¹²⁹.

Создание легких пушек и регулярной армии породило волну шведских завоеваний. В 1630 г. шведские войска высадились в Германии, а год спустя в битве при Брейтенфельде шведские пушки расстреляли армию императора Фердинанда II. Шведы стали хозяевами Центральной Европы, за двадцать лет войны было сожжено 20 тысяч городов и деревень и погибло $\frac{2}{3}$ населения Германии.

Как отмечалось выше, создание «полковой пушки» и дальнейшие реформы Густава Адольфа послужили для историков материалом для создания теории военной революции. Как полагает Майкл Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий означало необходимость перестройки финансовой системы европейских государств, необходимость увеличения налогов, что вело к росту бюрократии и усилению королевской власти. Рождение новой армии должно было привести к утрате дворянством положения военного сословия и значительным изменениям в социальной структуре общества¹³⁰.

В контексте теории диффузионизма «полковая пушка» была новым фундаментальным открытием, породившим волну завоеваний и создание нового «культурного круга», основными компонентами которого были металлургические заводы, пушки, регулярная армия и абсолютизм шведского образца. Этот культурный круг в первую очередь распространился на германские государства, которые стали объектом шведской агрессии. Во второй половине XVII в. в немецких землях стали налаживать производство гаубиц шведского образца, но перенимание технологии было непростой задачей, а немецкие трехфунтовые орудия были более тяжелыми, чем шведские, — они весили около 15 пудов¹³¹. Одновременно решалась задача финансирования новой армии — и решалась таким способом, который вел к абсолютизму. В 1653 г. «великий курфюрст» Бранденбурга Фридрих Вильгельм добился от ландтага права на бесконтрольное расходование средств, полученных от прямой подати; после этого ландтаг стал не ну-

жен курфюрсту и больше не созывался. «Великий курфюрст» стал абсолютным монархом, создавшим сильную армию, которая в 1675 г. разбила шведов при Фербеллине — это была «прусская Полтава», показавшая, что, перенимая новое оружие противника, можно остановить его дальнейшее наступление¹³².

Естественно, что происходившие на Западе революционные перемены не могли обойти стороной Россию. Регулярная армия и мировой рынок — это были два лика Запада, обращенные к России, это были два вызова — и России предстояло найти ответ.

1.5. Первые реформы

Когда в ноябре 1631 г. в Москву пришло известие о победе при Брейтенфельде, царь Михаил Федорович распорядился произвести салют и устроить народные гуляния. Швеция была союзником России в давней борьбе с Польшей, и успехи Густава Адольфа позволяли надеяться, что после быстрого окончания германской кампании шведы и русские вместе обратятся против поляков. В надежде на этот союз Москва оказывала прямую поддержку Густаву Адольфу: с 1628 г. русская казна беспощадно продавала Швеции от 3 до 5 тыс. ластов хлеба в год. Разница в ценах на хлеб в России и Европе была такова, что эта «продажа» в действительности была подарком: шведы покупали хлеб по 5–6 рейхсталеров за ласт и продавали его в Амстердаме по 75 рейхсталеров. Густав Адольф высоко ценил русскую помощь — до такой степени высоко, что предлагал царю поделиться своими военными секретами. В январе 1630 г. в Москву прибыла шведская военная миссия во главе с полковником Александром Лесли (по происхождению шотландцем). В состав миссии входили два капитана, три лейтенанта и артиллерист Юлиус Коет, владевший искусством литья пушек. Михаил Федорович тепло приветствовал Лесли и одарил его дорогими подарками — и в ответ полковник предложил не более не менее как преобразовать и перевооружить русскую армию по шведскому образцу! Побывавший в плену в Польше отец царя, патриарх Филарет, был горячим сторонником внедрения западных военных новшеств, поэтому предложение было принято без долгих раздумий; вскоре Юлиус Коет возглавил «новое пушечное дело» и отливал в Москве пушки по «немецкому образцу». Шведы все-таки не хотели полностью раскрывать свои секреты, и, хотя пушки Коета были лучше русских, он не умел отливать «*regementsstycke*». Густав Адольф предложил царю прислать эти пушки из Швеции, и Лесли подробно объяснил царю их преимущества. После длительного согласования планов в январе 1631 г. Лесли в сопровождении двух русских послов отправился в Стокгольм. Царь просил Густава Адольфа разрешить Лесли завербовать 5 тыс. солдат и офицеров шведской службы и закупить в шведских арсеналах 10 тыс. мушкетов. Густав Адольф, конечно, не мог во время войны отпустить к царю своих офицеров, но он помог послам набрать немецких наемников. Эти опытные солдаты и офицеры должны были обучить 10 тыс. русских солдат и вместе с ними образовать шесть пехотных полков «иноземного строя». Чтобы привлечь в Россию иностранных офицеров, им положили самые

высокие в Европе оклады, немецким солдатам платили 4,5 рейхсталера в месяц, в то время как русским — 5 рублей (10 рейхсталеров) в год. В конце концов стала ощущаться нехватка денег и два полка (в дополнение к первым шести) были пополнены русскими солдатами на основе всеобщей воинской повинности. В России с давних пор население было обязано по разверстке поставлять «даточных», но раньше эти даточные служили в обозе; теперь же, по шведскому образцу, из мобилизованных крестьян сформировали солдатские полки. Для финансирования новой армии правительство использовало тот же прием, что и Густав Адольф: пользуясь монополией хлебной торговли, оно продало в 1631 г. свыше 5 тыс. ластов зерна по цене 55 рейхсталеров за ласт. Нужно отметить, что хотя в России и раньше существовала государственная монополия на торговлю некоторыми товарами (она восходила к османским и персидским традициям), столь объемная продажа хлеба на внешнем рынке было осуществлена впервые¹³³.

Чтобы содержать новую армию требовались огромные деньги (около 370 тыс. рублей за год¹³⁴), и правительство в ноябре 1632 г. созвало Собор, чтобы он утвердил чрезвычайный налог «ратным людям на жалование». У дворян просили немного — «кто сколько даст» — и тяжесть налога упала на монастырских, черных, дворцовых крестьян и на поместных людей¹³⁵. С монастырских и черных крестьян потребовали по 2–3 рубля со двора¹³⁶; если считать по ценам 1630 г.¹³⁷, то это эквивалентно 4–6 пудам с души. Таких налогов не бывало уже давно — со времен Ливонской войны. «Нам платить нечем, хотя на правеже умереть стоя, взять не с кого», — писали монахи Иосифо-Волоколамской обители¹³⁸. С Вятки воевода П. Волынский писал, что там «на ослушниках правят нещадно весь день до вечера, а к ночи в тюрьму мечут»¹³⁹. Налог все-таки был собран, но власти не осмелились повторить его в следующем году.

Несмотря на все трудности, благодаря энергии патриарха Филарета и помощи Густава Адольфа, в России была создана новая армия. Эта армия была обучена новейшей военной тактике и вооружена новым оружием: в войсках имелось 66 полковых пушек. Новую армию дополнили дворянской поместной конницей, и осенью 1632 г. возглавляемое воеводой Шеиным 32-тысячное войско двинулось к Смоленску; Лесли командовал передовым полком. Поначалу осада шла успешно, но летом 1633 г., узнав о татарском набеге, дворянская конница самовольно покинула лагерь под Смоленском — такого еще не бывало на Руси. В прежние времена за дезертирство полагалась смертная казнь, но в этот раз правительство не смогло справиться с тысячами непокорных дворян и ограничилось тем, что уменьшило им денежное жалование¹⁴⁰.

Осенью 1633 г. умер создатель новой армии и глава правительства патриарх Филарет. Дела под Смоленском становились все хуже: маленькая новая армия осталась один на один с поляками и была окружена численно превосходящим противником. В осажденном лагере не хватало продовольствия, иностранные наемники стали переходить на сторону врага. Царь Михаил Федорович попытался снарядить новое войско на выручку Шеина, но собравшиеся дворяне отказались выступать в поход: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы (весь цвет дворянства) били

челом царю, что «им на государевой службе быть не с чем, поместий и вотчин за иными нет, а за иными и есть крестьянина по три и по четыре, по пяти и по шести, и им с тех крестьян подняться и на службе быть никак нельзя: так государь бы их пожаловал, велел им дать денежное жалование...»¹⁴¹ Между тем у правительства не было денег, положенный на Соборе 1632 г. чрезвычайный налог собирался с трудом: «гости и торговые люди многие давали пятую деньгу неправдою»¹⁴². Царь был вынужден снова обратиться к Собору и снова просить денег. В конце концов правительство заплатило дворянам по 25 рублей, но время было потеряно, Шеин не получил помощи и подписал соглашение о капитуляции¹⁴³.

По существу, своим дезертирством из-под Смоленска и отказом выступить на помощь дворяне выдали новое войско на истребление врагам. Дворяне имели причины ненавидеть новую армию: их, несомненно, раздражала очень высокая, сравнительно с их скудными доходами, оплата иностранных наемников, и они не могли не понимать, что военная реформа лишала значения поместное ополчение, что она грозила помещикам переводом в рейтары. Не случайно после возвращения Шеина дворянство потребовало казни неповинного ни в чем полковника. Остатки новой армии были распущены, почти все иностранные офицеры (в том числе и Лесли) были высланы из страны; более того, в угоду дворянам правительство стало запрещать въезд ратных иноземцев в Россию. Было оставлено и «новое пушечное дело» — в 1640-х в Москве уже не отливали пушки немецкого образца¹⁴⁴.

Таким образом, первая попытка преобразования русской армии по западному образцу закончилась неудачей. Однако воздействие Запада продолжалось — теперь оно приняло форму мощного торгово-финансового давления. Голландское торговое проникновение в Россию началось сразу после Смуты, когда открылись для торговли пути вглубь страны. В 1618 г. в Архангельск пришло 30 голландских кораблей, а в 1630 г. — около 100 голландских и несколько английских судов. В России голландцы закупали кожи, сало, меха, пеньку, поташ (продукт переработки золы, который использовали в производстве стекла и мыла). Однако больше всего купцов интересовало зерно, цены на зерно в России были в 10–15 раз ниже, чем в Европе, и торговля зерном давала до 1000% прибыли. По русским законам зерно можно было покупать только у государства, но голландцы давали взятки местным властям и скупали зерно у населения. В 1629 г. в Вологде при досмотре было обнаружено 11 тайных складов, устроенных для голландских купцов. В 1630 г. в Москву прибыло голландское посольство, которое привезло с собой комплексный план включения России в мировой рынок. Послы Бурх и Фелтдриль предлагали Москве стать поставщиком хлеба, льна, пеньки, поташа, смолы, леса; речь шла не просто о торговле, а об организации экспортного производства: с участием голландских фермеров-предпринимателей предполагалось свести обширные леса в Среднем Поволжье и создать огромные хлебные плантации; побочным продуктом при сжигании древесины были зола и поташ, которые также предполагалось вывозить. Для начала послы от имени правительства обещали закупать ежегодно по 10 тыс. ластов ржи по цене 30 рейхсталеров за ласт¹⁴⁵.

Голландский проект был отклонен русским правительством, но тем не менее голландцы получили право скупать во внутренних районах государства все упомянутые послами товары, за исключением хлеба. Этого было достаточно, чтобы голландская торговая интервенция охватила всю Россию: почти в любом городе можно было встретить голландцев или их агентов, закупающих русские товары по самым низким ценам. «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отнимают у англичан выгоды... — свидетельствует Самуэль Коллинс. — Голландцы налетают как саранча, и всюду бросаются, куда манят их выгоды. В России их принимают лучше, чем англичан, потому что они подносят подарки боярам и, таким образом, приобретают их покровительство»¹⁴⁶. Обороты торговли быстро росли; к середине XVII в. стоимость товаров, ежегодно вывозимых из Архангельска достигла 1,2 млн рублей или 6,2 млн ливров. Это была весьма значительная сумма; для сравнения можно отметить, что стоимость французского экспорта, до реформ Кольбера осуществлявшегося (так же как в России) на голландских судах, составляла около 16 млн ливров. Учитывая, что население Франции было в три раза больше, чем население России, и что Франция расположена намного ближе к Голландии, нужно признать, что голландские торговцы в России достигли больших успехов. Еще одним свидетельством о масштабах голландской торговой интервенции является перестройка российской денежной системы: в 1620-х гг. русская копейка была девальвирована так, чтобы соответствовать по ценности голландскому штиверу¹⁴⁷.

Около 1630 г. на Русь приехал очень богатый голландский купец Андрей Виниус, который поначалу был посредником в хлебных закупках шведского правительства. В 1632 г. Виниус обратился к царю с неожиданным предложением: он просил разрешения построить в Туле доменный завод для отливки пушек «по иностранному способу из чугуна». Виниус желал стать российским де Геером: он собирался выручить хорошие деньги на казенных заказах, а остальные пушки вывозить за границу. Шведские чугунные пушки стоили в России примерно 1,5 рубля за пуд, Виниус предлагал поставлять по 60 копеек за пуд, а действительная цена была около 10 копеек. Как бы то ни было, для русского правительства это было чрезвычайно выгодное предложение: голландцы сами, с минимальной помощью, обещали построить домны, привезти мастеров, раскрыть все секреты, научить русских литейному делу и снабдить русское войско пушками. К 1637 г. Виниус построил в районе Тулы четыре завода, однако строительство стоило больших затрат, и голландский предприниматель был вынужден взять в компаньоны двух других купцов, Петра Марселиса и Телемана Акему. Через некоторое время компаньоны рассорились, не поделив прибылей; в конечном счете Марселис и Акема отняли у Виниуса его дело, но Виниус все же не остался внакладе; он по-прежнему слыл очень богатым человеком. Царь оказывал уважение Виниусу, давал ему поручения по иностранным делам и наделил пышным титулом: «Его царского величества Российского государя комиссар и московский гость»¹⁴⁸.

Марселис и Акема также пользовались большим почетом у царя; они расширили предприятие Виниуса, и к 1660 г. в России было уже семь за-

водов, которые могли выпускать сотни пушек в год. Это был очевидный успех политики привлечения иностранных инвестиций; в 1646-м было вывезено в Голландию 600, а в 1647 г. — 340 пушек. Однако тульская руда содержала примесь фосфора, и получаемый из нее металл был «холодноломким»; качество пушек было невысоким, несколько пушек, проходивших испытания в Голландии, дали трещины. Русские тоже признавали, что тульские пушки уступают шведским, но приходилось радоваться и тому, что есть: как-никак новые заводы обеспечили русское войско дешевыми чугунными пушками. Хуже было с мушкетами, их делали мало и плохого качества; приходилось закупать огромные партии мушкетов в Голландии и Швеции¹⁴⁹.

Иностранные купцы строили в России не только пушечные заводы. Голландец Демулин построил канатную фабрику в Холмогорах, Фимбрант завел производство по выделке кож, известный нам литейщик «астратамлянин» Е. Коег воссоздал стекольное производство (забытое на Руси со времен монгольского нашествия). В лесной России чрезвычайно выгодным делом был выжиг золы и поташа. В 1644 г. полковник Краферт получил разрешение организовать производство поташа в муромских лесах — и, видимо, по примеру Краферта, московские бояре тоже стали выжигать поташ и продавать его голландцам. Почувствовав вкус огромных прибылей, некоторые представители знати были буквально охвачены лихорадкой предпринимательства. Бояре Б. И. Морозов и Я. К. Черкасский с начала 1640-х гг. скупали лесные земли Арзамасского уезда и заводили будные станы для производства поташа. Б. И. Морозов занимался и другими прибыльными делами; одно время он был компаньоном Виниуса и, очевидно, по его примеру выписал из-за границы мастеров и основал небольшой доменный завод. В торговые операции с голландцами были втянуты и некоторые русские купцы, ярославцы Назарий Чистой и Антон Лаптев ездили со своими товарами в Голландию¹⁵⁰.

Таким образом, часть русской знати и купечества увлеклась примером голландцев, эти русские «западники» занимались предпринимательством и подражали иноземцам в быту, украшали свои дома картинами, покупали часы и музыкальные инструменты. Некоторые учили иностранные языки, к примеру, известный купец Петр Микляев испросил разрешение, чтобы его сын учился немецкому и латыни. Вопреки православной традиции многие подстригали или брили бороды: «сею ересью не токмо простые, но и самодержавные объаты быша», — свидетельствует современник¹⁵¹. Пример подражания немецким вкусам подавал двоюродный брат царя, Никита Иванович Романов. В его доме постоянно играли немецкие музыканты, он одевался сам и одевал свою свиту в немецкое платье; все это вызывало крайнее неудовольствие патриарха¹⁵².

Что думало по поводу голландского вторжения большинство населения? Вспомним Коллинса: «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отнимают у англичан хлеб...» Если нападение саранчи на Москву вызывало недовольство у *англичан*, то естественно, что оно вызывало яростный протест русских купцов. В 1628 г. была представлена царю первая челобитная с протестами против торговли иноземцев. Купцы писали, что после Смуты иноземцы проникли внутрь московского государства, они

покупают дворы в городах, держат на них свои товары, не заявляя о них в таможенную, продают свои товары в розницу, чем у русских «торги отняли». Они занимаются даже внутренней торговлей, скупают в устье Двины соль и продают ее в Москве. Товарами, скупленными на Руси, они торгуют меж собой в Архангельске, не платя пошлин. Такие массовые челобитья повторялись много раз, в 1635, 1637, дважды в 1639, в 1642, 1646 гг.; купцы и посадские люди жаловались на свое «конечное разорение» и все настойчивее просили закрыть внутренние районы для иноземной торговли¹⁵³.

«Конечное разорение» привело к тому, что на Руси крепко невзлюбили «галанских», «аглицких», «амбурских» и других «немцев» (в то время всех иностранцев называли «немцами»). Появление иноземцев на улицах сопровождалось недружелюбными возгласами: «Кыш на Кокуй, поганые!», а мальчишки были не прочь запустить им вдогонку камень. «Их громко обзывают глупейшей бранью, „шипши“, — свидетельствует Рейтенфельс, — ведь право, этим шипением («кыш!» — С. Н.) обычно пугают птичек»¹⁵⁴. По утверждению Олеария, от названия слободы Кокуй возле Москвы, где проживало много немцев, происходит самое грязное русское ругательство: «Пошел на ...!»¹⁵⁵ Поджоги домов в Кокуе и нападения на «немцев» были нередким явлением. Помимо непомерной алчности им вменяли в вину «скобление рыла», то есть бритье бород, и курение «богомерзкой травы», табака. Неприятие иностранцев объяснялось не только торговыми интересами, это был конфликт людей, принадлежащих к разным культурам и имеющих разный менталитет¹⁵⁶.

Российская действительность середины XVII в. представляла собой сложный клубок проблем, как внутренних, так и внешних. Однако главной проблемой оставалась военная слабость, которая привела к страшному разорению во времена Смуты. Первая попытка создания новой армии закончилась неудачей, но военная реформа оставалась вопросом жизни и смерти. Поэтому главной заслугой реформаторов было понимание той угрозы, перед которой стоит страна, и понимание того, что ответить на силу Запада можно только с помощью Запада. В сущности, это было понимание необходимости реформирования по западному образцу — и это было чрезвычайно важно: в большинстве стран Востока не понимали этой необходимости, и в конечном счете эти страны стали колониями европейских держав.

Российской «партии реформ» повезло: ее главой был воспитатель царевича Алексея боярин Борис Иванович Морозов. Морозов был высокообразованным человеком; он имел большую библиотеку, в которой имелись и книги, написанные на латыни, — Тацит, Цицерон, Гален; по-видимому, боярин знал латинский язык. Известный ученый Адам Олеарий был знаком с Морозовым и тепло отзывался о «гофместере Борисе Ивановиче». Мы говорили об увлечении Морозова предпринимательством и о его связях с Винусом; он слыл великим покровителем «немцев». Морозов старался привить Алексею уважение к достижениям Европы; он показывал царевичу немецкие гравюры и иногда одевал Алексея и его друзей в немецкую одежду; в библиотеке царевича было 29 латинских и немецких книг по арифметике, астрономии, географии, строительному делу, фортификации и т. д. Однако при этом боярин не приучал ца-

ревича к государственным делам: Морозов собирался править сам, и он направлял увлечения Алексея в сторону соколиной охоты и других забав. В целом воспитание было вполне традиционным, и Алексей вырос богомольным и нищелюбивым, как все русские люди; он был большим любителем охоты и до 25 лет почти не занимался государственными делами¹⁵⁷.

Когда в 1645 г. умер царь Михаил Федорович, Алексею было 16 лет, он всецело подчинялся влиянию своего воспитателя — и, таким образом, власть оказалась в руках «партии реформ». Следующие месяцы стали свидетелями настоящей «бархатной революции»: родовитые бояре, возглавлявшие приказы и ведомства один за другим отстранялись от своих постов и отсылались воеводами в дальние города. На смену им приходили незнатные, но преданные Морозову чиновники. Сам Морозов стал главой правительства и непосредственным руководителем пяти приказов: Большой казны, Стрелецкого приказа, Иноземного приказа, Аптекарского приказа и Новой четверти. Вторым по значению человеком в правительстве был купец Назарий Чистой (тот самый, который ездил в Голландию); он заведовал Посольским приказом, а его брат, тоже купец, возглавил Монетный двор. Эти двое купцов вместе с Морозовым и управляющим Сибирским приказом князем Трубецким пользовались постоянными советами Виниуса и, по словам шведского агента Фарбера, «располагали всем правлением». При этом в Думе возникали забавные коллизии, когда, выслушав купеческое «правительство» (братьев Чистых и Виниуса), перед принятием решения его просили выйти за двери¹⁵⁸. Помимо этих купцов в роли советника Морозова выступал еще один крупный торговец, друг Чистого Василий Шорин. Другие должности были заняты по большей части родственниками главы правительства: шурина Морозова Петр Траханиотов стал во главе Пушкарского приказа, другой родственник Морозова, Леонтий Плещеев, получил Земский приказ. Все это были незнатные и к тому же неопытные в делах молодые люди, «молодые реформаторы». «В царском совете заседают все молодые и неопытные люди», — доносил из Москвы летом 1647 г. шведский резидент Поммеренинг¹⁵⁹.

Программа правительства русских «западников» была изначально очевидной: их целью было преобразование России по голландскому образцу — та цель, которую ставил перед собой Кольбер и другие реформаторы того времени. Сразу же после «бархатной революции» в Голландию был отправлен с особой миссией стольник Илья Милославский. Целью миссии было упрочить дружеские отношения с правительством Штатов и заручиться его содействием в проведении реформ. В первую очередь речь шла о создании армии иноземного строя; Милославский должен был вербовать офицеров, закупать оружие для новой армии и искать мастеров для организации производства мушкетов. Милославский справился со своей задачей, он привез с собой оружейного мастера Индрика Фан Акина, под руководством которого была построена мушкетная мануфактура на Яузе под Москвой. Мушкетные стволы делали в основном из шведского железа, но качество изделий было неважным — шведский резидент Родес писал, что при пробах почти половина мушкетов разрывается. Мушкетные замки выписывались из-за границы и прилаживались на мануфактуре к русским ружьям. Всем мушкетным производством в России и закупка-

ми за границей заведовал новосозданный Ствольный приказ, начальником которого был назначен только что вернувшийся из Швеции окольный Григорий Пушкин. В 1647–1653 гг. по приказам Ствольного приказа было изготовлено более 40 тыс. мушкетов — но все-таки этого было недостаточно для многочисленного русского войска¹⁶⁰.

Милославский вернулся из поездки большим поклонником всего голландского, он был в восторге от голландских офицеров и старался подражать голландским купцам. Как и Морозов, он увлекся предпринимательством, стал заниматься выжигом поташа и построил доменный завод. По свидетельству Олеария, Милославский «неоднократно являлся к Морозову... и прилежно ухаживал за ним», и Морозов «ради его угодливости очень его полюбил»¹⁶¹. У Милославского было две дочери-красавицы, и Морозов предложил сосватать одну из них царю, а на другой должен был жениться он сам. Этот хитроумный план увенчался блестящим успехом: друзья, Морозов и Милославский, одновременно стали родственниками Алексея Михайловича, а новая царица Мария стала безотказным орудием политики реформаторов. Пристрастие Морозова к иностранцам было хорошо известно, и шведский резидент Фарбер писал, что многие опасались, что по случаю царской свадьбы будут приняты иностранные обычаи и произойдут перемены при дворе¹⁶².

Перемен не произошло: Морозов был достаточно благоразумен, чтобы не вводить при дворе парики и немецкую одежду. Он понимал, что власть реформаторов слаба, ведь царь Михаил, от которого они ее унаследовали, не был самодержцем, ему приходилось собирать Земские соборы и советоваться с сословиями. Старый царь все-таки обладал немалым авторитетом и мог не исполнять просьбы дворян и посадских людей — но теперь, после его смерти, эти просьбы стали требованиями, которые были тут же предъявлены юному Алексею. Дворяне и посадские люди вновь выступили с массовыми петициями, требуя окончательного закрепощения крестьян и закрытия страны для торговых иноземцев. Морозову не оставалось ничего иного, как пообещать сословиям удовлетворить их челобитья. Однако пожелания посадских людей были удовлетворены лишь частично: было установлено, что отныне иноземцы должны платить ввозные пошлины — впрочем, очень небольшие, в 3–4% от стоимости товара. Закрывать страну для иностранцев не входило в намерения правительства: реформы планировалось проводить совсем в другом направлении¹⁶³.

Первая реформа, как отмечалось, была военной: это был вопрос жизни и смерти, это было главное, с чего следовало начать. С приходом к власти Морозова в Россию вернулся полковник Лесли, который был незамедлительно принят на царскую службу — это было знаковое событие, ведь Лесли еще перед Смоленской войной пытался реформировать русскую армию по шведской модели. В 1647 г. по заказу правительства в Голландии был отпечатан переведенный с немецкого строевой устав «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей». Было завербовано большое количество иностранных офицеров; осенью 1646 г. началось формирование драгунских полков в Комарицкой волости на южной границе: крестьяне были освобождены от податей, каждый двор должен был выделить одного человека на учебные сборы, обучение (один день в неделю) вели прислан-

ные немецкие офицеры. Весной 1648 г. в Москве был сформирован первый рейтарский полк. Однако реформа сталкивалась с финансовой проблемой: налоги были незначительны, и у государства не было средств для формирования новой армии. Вначале Морозов попытался собрать недоимки от прежних лет; эта попытка ярко высветила реформаторский характер правительства: оно возложило недоимки за сбор налогов на тех, кто их собирал — на воевод. Это было нечто неслыханное: захватившие Кремль чиновники и купцы угрожали «правежом» родовитым боярам! Однако вскоре правительство испугалось своей смелости и отменило указ; было решено перейти к осуществлению финансовой реформы¹⁶⁴.

Морозов и его советники предполагали решить все проблемы путем реформирования российской налоговой системы по голландскому образцу. Они предлагали заменить прямые налоги косвенными путем введения соляной пошлыны: в этом случае пошлыну будут вынуждены платить все, в том числе и мало платившие до тех пор помещичьи крестьяне, и «беломестные» слободчики, и даже дворяне. «Та соляная пошлына всем будет равна, — говорилось в царском указе, — в избылых никто не будет, и лишнего платить не станет, а платить всякой станет без правежа собою, а стрелецкие и ямские деньги собираются неровно, иным тяжело, а иным легко...»¹⁶⁵ Кроме того, было разрешено курить «богомерзкую траву» табак, и при продаже табака тоже взималась большая пошлына. Трудно установить, кому конкретно принадлежала мысль о введении соляной и табачной пошлыны, некоторые говорили, что автором был Шорин. По свидетельству Поммеренинга, позднее, в 1648 г., Милославского обвиняли в том, что это он «ввел новые пошлыны и другие установления из Голландии»¹⁶⁶. Таким образом, на Руси прекрасно знали, что, заменяя прямые налоги косвенными, новое правительство подражает голландцам — действительно, центральная налоговая система Соединенных Провинций не знала прямых налогов, но зато косвенные налоги были огромными, и пошлына на соль была больше цены соли. О подражании Голландии говорит также введение на рынках казенных весов — эта мера была аналогична голландскому сбору за взвешивание. Еще одна мера правительства, перевод местных чиновников (городовых приказчиков, приставов и т. д.) на оплату за счет местных доходов, также соответствовала голландской практике¹⁶⁷.

Идея введения соляной пошлыны была чрезвычайно смелой — интересно отметить, что Петр I позднее использовал эту идею, но петровская пошлына была много меньше, чем пошлына Морозова, и, вводя ее, Петр I не обещал отменить другие налоги. После введения пошлыны в 1646 г. цена на соль увеличилась в два-три раза и составила 60–80 денег за пуд, это была стоимость 3–4 пудов хлеба. Однако реформаторы просчитались: соли стало продаваться гораздо меньше, чем прежде. Оказалось, что население не в состоянии покупать дорогую соль, и казна, временно отказавшаяся от сбора прямых налогов, осталась без средств. Через два года после введения, в декабре 1647 г., соляная пошлына была отменена, и правительство стало собирать старые налоги за эти два года — как будто оно ничего не обещало. Пытаясь пополнить пустую казну, власти принимали меры строгой экономии, было урезано жалование стрельцов и сокращены придворные штаты; снова усиленно взыскивались недоимки за прошлые годы¹⁶⁸.

Помимо соляной пошлины, необходимо упомянуть и о других экономических новациях правительства — хотя часть из них относится к более позднему времени, к началу 1650-х гг. После долгого периода запретов вновь начался вывоз хлеба, предпринимались первые попытки освоить виноделие, производство шелка и красителей. В 1651 г. французский офицер Жан де Грон выступил с проектом, воскрешающим предложения Бурха и Фельтдриля: он предлагал создать «громадные хлебородные страны» путем выжиг леса с попутным производством поташа и дегтя. По словам К. В. Базилевича, этот проект породил настоящую «предпринимательскую горячку», вслед за Морозовым и Черкасским в производство поташа включилась вся правительственная верхушка: Ф. М. Ртищев, И. Д. Милославский, Ю. П. Трубецкой, Н. И. Одоевский — и более мелкие предприниматели, в том числе и А. Л. Ордин-Нащокин. На будных станах Морозова в это время трудились 6 тыс. крестьян, и их продукция составляла существенную долю российского вывоза¹⁶⁹.

«Во второй половине 40-х гг. XVII в. на русской почве был проведен экономический эксперимент с использованием западных экономических рецептов, — так оценивается деятельность правительства в работе В. П. Жаркова. — Однако уровня развития страны явно не хватало для того, чтобы передовой опыт раннебуржуазной Европы мог прижиться на просторах Московии... Сконструированная европейским умом и собранная в Москве колесница морозовских реформ быстро увязла в топком бездорожье российской действительности»¹⁷⁰.

1.6. Дворянская революция

В общем, политика правительства реформаторов оказалась неудачной; налоговая реформа провалилась, а судебные решения не стали более справедливыми. Характерной чертой новой власти были беспредельные вымогательства и взяточничество. Почти все иностранцы, оставившие записки о России тех дней, в один голос свидетельствуют об алчности Морозова, Милославского и их подчиненных¹⁷¹. Этот «голландский» менталитет был характерной чертой «западников», связанной с их предпринимательской деятельностью. Чистого и Шорина обвиняли в финансовых махинациях еще при царе Михаиле, и, получив власть, эти предприниматели полностью проявили свои таланты. Однако более других на этом поприще выделялся начальник и главный судья Земского приказа Леонтий Плещеев. «Он обирал простонародье и драл с него сверх всякой меры, — свидетельствует Олеарий, — подарками нельзя было насытить его»¹⁷². Политика реформаторов вызывала недовольство как отстраненных от власти бояр, так и посадских людей. Дворяне тоже были недовольны: прошло уже три года, а Морозов как будто не собирался выполнять данное им обещание отменить «урочные годы». Самое главное, однако, заключалось в том, что после отмены соляной пошлины правительство стало требовать налоги за прошедшие годы; в 1648 г. население должно было выплатить налоги за три года: за текущий год и за два предыдущих. При таких обстоятельствах восстание было неизбежным¹⁷³.

Весной 1648 г. по случаю нового осложнения в турецких делах был объявлен сбор поместного ополчения; одна половина собиралась в южных городах, а другая — в Москве. 2 июня 1648 г., во время крестного хода в Москве, дворяне и посадские люди пытались подать царю несколько петиций с обвинениями в адрес правительства. В одной из них, составленной от имени «московского простого дворянства, городских служилых людей, гостей и торговых людей», «высших правителей» называли «мучителями и кровопийцами» и говорилось, что «большая буря поднимается в твоём царском стольном городе Москве и в иных многих местах». От царя требовали «указать всяким людям самим всех служащих и судей назначать своими собственными средствами...», то есть вернуться к системе выборных губных судей¹⁷⁴.

Царь отказался принять петицию — тогда началось восстание. Были разгромлены дворы всех высших чиновников, был убит Назар Чистой, настигнутый толпой в своем доме. Ненависть, которую питали «черные люди» к «реформаторам» была такова, что в доме Морозова «не осталось ни одного гвоздя в стене», жемчуг и драгоценные камни толкли в порошок, не позволяя никому унести с собой, кричали: «То наша кровь!» Труп Назария Чистого раздели донага и бросили в навозную кучу, положив в изголовье государственную печать. Недовольные убавкой жалования стрельцы перешли на сторону восставших; толпа требовала выдачи Морозова, начальника Земского двора Плещеева и отвечавшего за военную реформу начальника Стрелецкого приказа Траханиотова. 7 июня правительство показало, на кого оно опирается: наемные «немцы» — офицеры и солдаты — были призваны в Кремль и заняли оборону на стенах. Испуганный царь выдал Плещеева и Траханиотова, но мятеж не прекращался. 10 июня дворяне и посадские люди собрались на большую сходку; когда царь узнал об этом, он, чтобы спасти Морозова, организовал его ночное бегство в Кирилло-Белозерский монастырь¹⁷⁵. Посовещавшись, дворяне и посадские снова потребовали от царя реформы суда и, кроме того, созыва Земского собора, на котором они «учнут бить челом государю о всяких своих делах» — то есть предъявят свои требования. Часть дворян поместного ополчения осталась в Москве, дожидаясь Собора. На собравшемся в сентябре Соборе преобладали дворянские депутаты, и правительство откровенно заискивало перед ними: им раздавали поместья и вотчины, для них устраивали угощения, им выдали большое дополнительное жалование, разрешили «у себя на дворе держати пиво и вино безъявочно» и «мылня топить безвыимочно». Власти опасались нового мятежа: царь приказал раздать мушкеты по боярским дворам, но многие знатные люди, не надеясь на эти мушкеты, привозили свое имущество во двор шведского посольства. Насколько слаба была в тот момент царская власть говорит признание патриарха Никона о том, что Уложение было принято «боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинной правды ради»¹⁷⁶. Царь был вынужден удовлетворить все требования дворянства и посадских людей — требования, которые высказывались уже давно, но не находили ответа. Был положен конец произволу воевод и боярских судов; уголовные дела были переданы выборным из дворян губным старостам, которые судили по новому Судебнику — Уложению 1649 года. «Беломест-

ные» слободы были наконец ликвидированы, и их жители стали нести тягло наравне с посадскими. Но самое главное — Собор принял решение об отмене «урочных лет» и окончательном прикреплении крестьян¹⁷⁷.

Таким образом, введение крепостного права было результатом восстания, в котором традиционалистская реакция против реформ соединилась с дворянским «рокошем», подобным выступлению 1641 г. Правительство капитулировало перед дворянами и внесло в Уложение все их пожелания по крестьянскому вопросу — глава XI Уложения иногда даже текстуально совпадает с дворянскими челобитными¹⁷⁸. По новым законам вечная крепость распространялась на всю крестьянскую семью, определение объема крестьянских повинностей отдавалось на усмотрение землевладельца, который становился также и судьей крестьянина во всех делах, кроме «татьбы и разбоя, и поличного и смертного убийства». За прием беглого крестьянина полагался штраф — 10 рублей за год укрывательства. Формально помещику запрещалось грабить своих крестьян, но закон не определял наказания — оно отдавалось на усмотрение царя. «Бесчестье» крестьянина каралось штрафом в 1 рубль, для сравнения можно отметить, что бесчестье посадского человека каралось штрафом в 5–7 рублей, а бесчестье дворянина — штрафом в 5–15 рублей¹⁷⁹.

Московское восстание в июне 1648 г. было ключевым моментом в установлении крепостного права, поэтому его освещение в трудах историков в определенной степени зависело от политических и партийных интересов. Мысль о том, что «верные государевы слуги», дворяне, подняли мятеж и заставили царя закрепить крестьян, была недопустима для дворянской историографии, по этой причине июньские события 1648 г. долгое время считались бунтом «черных людей» и никак не связывались с крепостническими статьями Уложения¹⁸⁰. Первым исследователем, доказавшим эту связь, был П. П. Смирнов, автор фундаментальной монографии¹⁸¹, которая до сих пор остается непревзойденной по широте и охвату материала. П. П. Смирнов доказывал, что дворянство играло главную роль с первых дней мятежа, и называл мятеж «*дворянской революцией*». Точку зрения П. П. Смирнова разделял и А. Н. Сперанский¹⁸². С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров и Е. В. Чистякова полагали, что события начались с восстания посадских людей, а дворянство присоединилось к движению позже, после 6 июня¹⁸³. Л. В. Черепнин считал, что дворяне с самого начала принимали участие в волнениях вместе с посадскими людьми, но преследовали свои собственные интересы¹⁸⁴. Однако, несмотря на некоторые расхождения, все исследователи согласны в том, что участие дворянства в мятеже (или «восстании») имело решающее значение: именно дворянские требования заставили правительство созвать Земский собор.

Оценивая общее направление развития русского общества, Б. Д. Греков писал, что «в России происходило то же самое, что и в Литве, и Польше, и Прибалтике, и Восточной Пруссии»¹⁸⁵. Эта общность развития была продиктована одинаковыми экономическими условиями, а именно наличием обширных свободных земель и недостатком рабочей силы. Именно эти общие экономические условия, указывал С. М. Соловьев, привели к господству крепостничества и рабства не только в Восточной Европе, но и в американских колониях¹⁸⁶. «Как и в ранней европейской Амери-

ке, — писал Фернан Бродель, — главной проблемой здесь было удержать человека, который был редок, а не землю, которой было сверх всякой меры. И именно это было причиной, которая в конечном счете навязала крепостничество»¹⁸⁷.

В целом в рамках демографически-структурной теории закрепощение крестьян может быть представлено как следствие демографической катастрофы начала XVII в. Катастрофа нарушила естественные демографические пропорции — возник тот недостаток рабочей силы, о котором говорили многие историки. Нехватка рабочей силы в силу экономических законов, описанных Мальтусом и Рикардо, создала дисбаланс в распределении ресурсов между крестьянством и дворянством. Этот дисбаланс мог быть скорректирован увеличением ренты посредством закрепощения крестьян.

С теоретической точки зрения наиболее важным было то обстоятельство, что в контексте демографически-структурной теории введение крепостного права означало *трансформацию структуры — создание новых отношений внутри структуры государство–элита–народ*. Эта трансформация выражалась в том, что народ становился зависимым от элиты, которая получала право устанавливать уровень ренты по своему произволу, независимо от экономических факторов.

Однако помимо демографического фактора на развитие России влиял и технологический (диффузионный) фактор. Мы отмечали выше, что русское дворянство стремилось подражать польской шляхте. Это нашло свое выражение и в составлении Уложения 1649 г.: в его основу был положен Литовский статут. Общая структура и целые главы Уложения были заимствованы из законов Литвы, а между тем эти законы содержали не только крепостное право — они содержали и ограничение королевской власти шляхетским сеймом. Можно представить, насколько опасным был этот документ для русского самодержавия в тот момент, когда оно было вынуждено заискивать перед дворянством. Но все закончилось благополучно для царской власти: опасные главы были исключены и не оставили следа в русских законах¹⁸⁸.

При определенной схожести экономических условий в России и Польше существовало серьезное различие в военно-политической ситуации. Дело в том, что по сравнению с польскими и венгерскими «рокошами» мятежи русского дворянства начались на полтора столетия позже, в период, когда могущество рыцарской кавалерии уже склонялось к закату. На смену рыцарскому ополчению шли полки «иноземного строя», и было неясно, успеют ли дворяне-рыцари взять свое на исходе отпущенного им историей срока.

Волею случая дворянский мятеж 1648 г. соединился с восстанием посадских людей, протестовавших против налогов, реформ и «немецкого» засилья. В ходе Собора посадские люди высказали правительству все, что они думают о заполонивших Россию иноземных купцах. К неприязни против иноземцев добавились новые аргументы: в Европе бушевали революции, в январе 1649 г. королевский двор бежал из Парижа, 30 января в Лондоне был казнен король Карл I. Это известие привело в ужас царя Алексея, и английским купцам был запрещен доступ в Россию дальше Ар-

хангельска. Что же касается голландской торговли, то несмотря на протесты купцов и формальные запреты, она продолжалась, и голландцы по-прежнему торговали в Москве. Некоторым утешением для противников иноземцев и ревнителей православия стал категорический запрет на продажу и курение табака¹⁸⁹.

Приняв требования восставших, царь сумел добиться «прощения» для Морозова, он вернулся из Кириллова монастыря и снова стал принимать участие в делах правительства. Однако, пережив смертельную опасность, Морозов стал осторожнее, он уже не занимал видных постов, передав их своему другу Милославскому. Шведский резидент Родес писал, что Морозов имеет влияние не меньше, чем раньше, но предоставляет имя правителя носить Милославскому¹⁹⁰.

Милославский показал себя энергичным правителем; он прежде всего взялся за создание военной силы, которую можно было бы противопоставить все еще волнуемому народу. Сначала он предлагал царю создать из голландцев лейб-гвардию и поставить во главе ее полковника Букгофена, но затем (поскольку голландцев было мало) стал формировать двухтысячный гвардейский корпус с русскими солдатами и голландскими офицерами. Однако набранные в этот корпус московские дворяне отказались подчиняться голландским офицерам, и корпус был распущен. В конечном счете роль избранной гвардии стал выполнять «приказ» (полк) «стреляных стрельцов», которым назначили повышенное жалованье и командиров которых царь постоянно потчевал за своим столом¹⁹¹.

Восстание посадских людей было направлено против голландского менталитета реформаторов и реформ, проводимых по голландскому образцу. Никто из «немцев» не пострадал — хотя голландские купцы были очень напуганы и одно время укрывались под охраной шведских мушкетеров на подворье резидента Поммеренинга. Но народ понимал суть событий, по России шла молва, что царь окружен недобрыми людьми, что Морозов дружит с «немцами» ко вреду русских. Весной 1650 г. в Пскове узнали, что из Москвы едет «шведский немец» с казной и будет закупать хлеб для Швеции. Сразу же пошел слух, что это заговор, что на этот хлеб и на эти деньги шведы соберут войско и пойдут на Русь. В Пскове и Новгороде началось восстание, были избиты и ограблены иноземные купцы, досталось и торговавшим с ними русским. Новгородские купцы Стояновы были известны своими связями с Назарием Чистым и Морозовым, новгородцы обвиняли их в измене и сговоре с «немцами». «Идет де твое жалование иноземцам, а вы де природные, живите с травы и воды», — говорили мятежные стрельцы в Пскове¹⁹². Царю пришлось оправдываться и объяснять, что он не благоволит немцам; лишь с трудом удалось потушить эту смуту¹⁹³.

Недовольство, выплеснувшееся во время восстаний и на Земском соборе, в конце концов переросло в *традиционалистскую реакцию*, которая развернулась под знаменем защиты православия. В начале 1652 г. собрался церковный собор, который постановил принять меры против нарушения иностранцами православных обычаев. На соборе прозвучали обвинения в адрес полковника Лесли: говорили, что Лесли вместе с другими офицерами развлекался тем, что стрелял по кресту на куполе церкви,

а его жена бросила в печь икону и заставляла русских слуг есть в пост собачье мясо. «Первым плодом этого было то, что открыто было провозглашено, что ни один русский впредь не должен служить у некрещеных язычников, под чем они разумеют всех чужестранцев, под страхом битья батогами... — доносил Родес. — Сходятся 10–20 стрельцов, вторгаются совершенно неожиданно в дома иностранных офицеров и купцов, обыскивают их, и если находят русского, то отводят под замок... Также хотят объявить, что у всех тех, кто имеет здесь поместья, будет их имущество обратно отнято... Это направлено против поступка Лесли, который теперь, на старости лет, сидит в заточении...»¹⁹⁴

В июле 1652 г. церковный собор избрал патриархом Никона, страстно проповедника и ревнителя церковной чистоты. С возвышением Никона реформаторы на время утратили часть своего влияния на царя: возле Алексея появился новый человек, обладавший необычайным ораторским даром и способностью убеждать. Алексей и раньше был ревнив к вере, и патриарх задел его чувства, возбудив их против «еретиков». По словам шведского резидента Эберса, началась «московская реформация»¹⁹⁵. Новый патриарх начал с того, что запретил немцам ходить в русском платье; ослушников тащили в приказ и наказывали кнутом. Ни один иностранец не должен был держать у себя русских икон; шведский двор подвергся самому тщательному осмотру с целью убедиться, что там не было православных образов и крестов. Русским было категорически запрещено поддерживать дружеские отношения с немцами, ходить в их дома, есть и пить с ними. Наконец, был издан строгий приказ: «Кто из немцев желает перекреститься по русскому обряду, тот пусть остается жить в городе, но кто отказывается поступить так, тот обязан в течение короткого времени вместе с жилищем своим выбраться из города за Покровские ворота, в Кокуй...»¹⁹⁶

У многих «немцев» были в Москве добротные каменные дома и переселение грозило им разорением. Еще большее впечатление произвела угроза отнятия поместий у тех, кто откажется креститься по православному обряду. Немецкие офицеры собрались и подали царю коллективное прошение, требуя отставки и отпуска на родину. Очевидно, этого и добились определенные круги дворянства: как и в 1634 г., речь шла об изгнании «ратных иноземцев» из России. Но Милославский и царь попытались спасти положение: тем, кто решит креститься, были обещаны большие подарки. В сентябре 1652 г. крестилась большая группа офицеров во главе с Лесли, который был не только помилован, но и получил огромное богатство, подарки на сумму 23 тыс. рублей. После крещения в доме Милославского состоялось православное венчание полковника с его женой. Крестившиеся вместе с Лесли офицеры получали поместья и 100–200 рублей деньгами, и даже простые солдаты записывались дворянами по «московскому списку»¹⁹⁷.

«Дело Лесли» показало, что и оппозиция, и реформаторы хорошо понимали роль этого «специалиста по реформам». Решение перейти в православие далось Лесли нелегко, ему пришлось столкнуться с бурными протестами шотландской родни. Несмотря на подарки и уговоры, многие иноземцы не приняли православия; часть из них уехала, остальные

стали постепенно перебираться в Немецкую слободу. Однако и в слободе «немцы» не знали покоя: когда они отстроили здесь две протестантские церкви, в слободу ворвалась толпа негодующих русских, сорвала крыши церквей, разломала и выбросила на улицу алтари. Лишь через некоторое время немцам было позволено восстановить церкви — но без алтарей и кафедр проповедников¹⁹⁸.

1.7. Первая Северная война: создание полков иноземного строя

В 1653 г. политика властей неожиданно смягчилась: русским было строго запрещено оскорблять немцев, и несколько ослушников были наказаны плетью. Назревала война с Польшей, и правительству требовались иноземные офицеры и добрые отношения с голландскими торговцами. Обстановка заставляла спешить с продолжением начатой перед восстанием военной реформы. К 1653 г. были сформированы четыре полка иноземного строя, но на большее не хватило денег. Мануфактура на Язуе работала на полную мощность, однако мушкетов все равно не хватало, и в октябре в Голландию направился подьячий Головин с небывалым по масштабам заказом на 20 тыс. мушкетов. Зависимость от Европы была объективным фактором, Россию связывала с Голландией связь, которую нельзя было разорвать — по крайней мере, в то время. Поэтому правительство не исполнило решения собора об ограничении иноземной торговли; в 1653 г. был издан торговый устав, допускавший голландцев в Москву при уплате небольшой пошлины¹⁹⁹.

Финансовая проблема не была решена, и пустая казна оставалась камнем преткновения, лежащим на пути создания новой армии. В этой сложной ситуации ярко раскрылись таланты и познания реформаторов: они нашли выход в проведении новой финансовой реформы в чеканке медных денег. Если придерживаться версии К. В. Базилевича, то идея выпуска медных денег принадлежала псковскому дворянину А. Л. Ордин-Нащокину, который в 1654 г. прислал в правительство некие «статьи в тетрадах»; в этих статьях говорилось о том, «как для пополнения ратей в полки с поместей и с вотчин и с скольких дворов даточных и рейтар взять, и почем им в год кормовых денег давать, и как о медных деньгах для тех же ратных людей промысл чинить». Сами «тетради» не сохранились, но из названия и более поздних писем Ордин-Нащокина видно, что он предлагал финансировать создание новой армии за счет выпуска медных денег и комплектовать ее с помощью набора даточных-рекрутов. Предложения Ордин-Нащокина *полностью копировали реформу, проведенную в 1625–1630 гг. шведским королем Густавом Адольфом*: именно так, с помощью введения медных денег и рекрутских наборов Густав Адольф создал первую в Европе регулярную армию. Ордин-Нащокин был дипломатом; он несколько раз участвовал в переговорах со шведами, знал немецкий, польский и латинский языки и, очевидно, был в курсе обстоятельств шведских реформ²⁰⁰. Однако возможны и другие версии происхождения денежной реформы: имеются свидетельства об участии в ней Морозова и Ртищева, и не следует забывать, что ближайшим советником Милославского был Лесли. Так или иначе, московское правительство было хо-

рошо информировано о европейских событиях: Посольский приказ выписывал около полусотни европейских газет²⁰¹.

Необходимо отметить, что реформаторы использовали еще два финансовых приема, заимствованных у шведов: во-первых, используя государственную монополию, они в огромном количестве продавали на внешнем рынке русский хлеб. В 1650–1653 гг. продавалось ежегодно по 10 тыс. ластов — Россия еще не знала таких масштабов хлебной торговли. Другой применявшийся реформаторами метод получения денег вызывает ассоциации с германской практикой Густава Адольфа: все церкви были обложены данью, а в монастырях проводились насильственные конфискации ценностей. «Ведомо нам учинилось, что у вас в монастыре есть деньги многие, — писал царь тихвинским монахам в 1655 г., — и мы указали взять у вас на жалование ратным людям 10 тысяч рублей...»²⁰²

Чеканка медных денег и продажа хлеба позволили незамедлительно начать войну с Польшей и оказать помощь восставшей Украине. Однако создавать новую армию не было времени, и Россия вступила в войну с тем войском, которое было, — с четырьмя полками «иноземного строя» и сотысячным средневековым воинством, поместной конницей и стрельцами. Весной 1654 г. армия, возглавляемая царем Алексеем Михайловичем, выступила в поход; Лесли, ставший к этому времени генералом, находился при царе в качестве главного военного советника и руководил осадой Смоленска²⁰³.

В отсутствие царя фактическим правителем в Москве почти на три года остался патриарх Никон; его официально именовали «великим государем», и он претендовал на власть, равную царской. Никон продолжал политику очищения православия; он обратился к реформам церковной службы и исправлению Библии, что вызвало большую смуту и «нестроение» в умах. Среди многих начинаний Никона была и борьба за трезвость. Было уменьшено число кабаков, ограничен отпуск вина в одни руки, запрещена продажа в праздники и по воскресеньям; это богоугодное начинание существенно подорвало доходы казны. Кроме того, Никон начал преследования русских «западников»; им запрещалось носить немецкую одежду, в боярских и купеческих домах устраивали обыски и изымали «фряжские» иконы. Позже, когда царь на время приехал в Москву из армии, патриарх устроил судилище над «арестованными» иконами: он поднимал икону над головой, показывая ее толпе, и громогласно объявлял в чьем доме она найдена, а затем бросал на железные плиты пола, так что она разбивалась в щепки. Вельможи из числа реформаторов, владельцы французских и польских икон, были смертельно напуганы, они ждали, что их обвинят в ереси, — но буря прошла стороной²⁰⁴.

Между тем военное положение резко изменилось: с запада в Польшу вторгся шведский король Карл X. Часть польской шляхты решила выйти из затруднительного положения, избрав Карла на польский престол; таким образом, для России война с Польшей грозила превратиться в войну со Швецией. Голландское правительство настойчиво выражало свою заинтересованность в открытии русскими «окна в Европу»: это позволило бы увеличить масштабы торговли. Окрыленный успехами в Польше, царь Алексей сменил фронт и двинулся на Ригу. Лесли предупреждал царя,

что русскому войску предстоит сражаться с первой в Европе регулярной армией — но царь приказал престарелому генералу руководить осадными работами. В октябре 1656 г. под Ригой русские войска потерпели тяжелое поражение от многократно уступавших в численности шведов. В следующем году последовало новое поражение под Валком, шведы взяли приступом и разграбили знаменитый Псково-Печерский монастырь. Эти поражения заставили реформаторов приступить к скорейшему созданию новой армии²⁰⁵.

После разгрома под Ригой все руководство русской армии — во главе с царем — принялось за изучение европейской военной техники и организации. В 1658 г. Алексей Михайлович заказал в Голландии несколько военных руководств, в том числе «Книгу огнестрельную в четырех частях» и «Книгу пушечным двором». По-видимому, именно в это время в библиотеке Тайного приказа появились «Книга судебная и о ратном ополчении», «Книга о наряде и огнестрельной хитрости» и «Роспись образцовым артолерейским пушкам»²⁰⁶.

Началось создание регулярной армии. Было решено комплектовать новую армию так же, как в Швеции, набирая рекрутов с определенного числа дворов, причем (как и в Швеции) норма набора с помещичьих крестьян была меньше, чем с государственных. Прежде в России бывали наборы «даточных людей», их набирали на одну военную кампанию, то есть на лето, осенью «даточного» отпускали домой, и он снова становился крестьянином. Если в следующий год снова брали «даточных», то воевать шли другие люди. Теперь «даточные» превратились в рекрутов, они должны были служить всю жизнь; лишь во время мира их могли отпустить в родную деревню. Новые солдаты находились полностью на содержании государства; они получали жалование и обеспечивались обмундированием и оружием. Это были неслыханные для России порядки — ведь крестьянина на долгие годы отрывали от земли и дома. Правда (как и в Швеции), солдаты получали неплохое жалованье — по 6 копеек в день, это была оплата квалифицированного ремесленника²⁰⁷.

Создание новой армии было немыслимо без приглашения тысяч иностранных офицеров, а ее финансирование требовало новых конфискаций церковных ценностей. В этой обстановке вспыхнул резкий конфликт между Никоном и царем — позднее Никон выставлял причиной конфликта то, что царь «обнищал и ограбил святую церковь»²⁰⁸. Летом 1658 г. Никон был низложен, а осенью этого года был проведен первый массовый набор «даточных»; затем последовали еще два набора, которые дали в общей сложности 48 тыс. солдат. Так же как в Швеции, в случае гибели или дезертирства солдата с помещика или с общины требовали его замены²⁰⁹. Царь дал задание русскому резиденту в Голландии Ивану Гебдону подыскать в Европе командира и офицеров для новой армии, и Гебдон подписал контракт с английским генералом Эргардом и, кроме того, нанял три тысячи офицеров. По словам имперского посла Мейерберга, в русской армии было больше ста иностранных полковников и «почти бесчисленное множество капитанов и прапорщиков»²¹⁰. Формирование новой армии было ускорено страшным разгромом поместного ополчения у Котлопа в июне 1659 г. — стало ясно, что средневековая дворянская конни-

ца не может сражаться не только со шведами, но и с татарами. К началу 1660-х было сформировано 55 полков «иноземного строя» с русскими солдатами и иностранными офицерами. Дело не ограничивалось формированием солдатских пехотных полков; старую дворянскую конницу учили сражаться в строю и создавали полки рейтар — дворяне, конечно, были недовольны, но после Конотопа им пришлось смириться с новой реальностью. Однако Милославский на всякий случай застраховался от возможных осложнений: в 1657 г. были созданы два гвардейских («выборных») солдатских полка, которые разместили в слободах под Москвой²¹¹.

Однако оставалась проблема вооружения новой армии. К 1662 г. было организовано производство мушкетеров на Ченцовском заводе под Тулой — тем не менее, оружия не хватало, и свыше 60 тыс. мушкетеров было закуплено в Голландии²¹². Но самое главное: нужно было вооружить новую армию *новым оружием*, легкими полковыми пушками. На этот раз пришлось создавать «новое пушечное дело» без шведской помощи — и это оказалось намного труднее. Царь просил прислать из Голландии книгу о том, «какие пушки надобно... и в обозе и в полках... и какими легкими снастями их возить». Гебдону было предложено срочно «привезать из немецких земель... огнестрельных мастеров, которые б умели стрелять из верхова и ис полкового наряду... и гранатных мастеров, которые составляют составы, как стрелять из верховых и ис полковых пушек»²¹³. В 1660 г. в Голландии было закуплено 300 пушек — по-видимому, это были шведские пушки, поскольку голландцы и прежде продавали России шведские орудия. По сообщению А. Роде созданием новых моделей русских пушек руководил датский полковник Николай Бауман, причем царь Алексей (подражая Густаву Адольфу?) не только присутствовал на испытаниях, но и сам рисовал чертежи артиллерийских орудий²¹⁴. Одновременно в Новгороде пытались делать «кожаные пушки» (это была шведская модель, предшествовавшая «полковым пушкам»), а на московском Пушечном дворе мастер Иванов отлил шесть трехфунтовых медных пушек, имевших вес 20 пудов. Однако не всякий литейщик обладал мастерством Иванова, и эти пушки не пошли «в серию»; на вооружение были приняты двухфунтовые орудия, имевшие тот же вес, но больший запас прочности. В 1664 г. в Москве было отлито 60 медных двухфунтовых пушек; позднее на тульских заводах стали отливать чугунные двухфунтовые орудия; таким образом, русская армия получила полковые пушки — но менее мощные, чем пушки де Геера²¹⁵.

Россия не могла сражаться сразу с тремя противниками, Швецией, Польшей и Крымом, поэтому правительство поручило Ордин-Нащокину заключить мир со Швецией. Ордин-Нащокин попытался протестовать: он предлагал продолжить войну и, завоевав один из балтийских портов, прорубить для России «окно в Европу». Однако правительство лучше понимало опасность ситуации; оно отвергло настояния Ордин-Нащокина и заключило мир²¹⁶.

После перемирия со шведами противниками России оставались поляки (которые к тому времени изгнали Карла X) и крымские татары. Летом 1660 г. 70-тысячная русская армия под командованием князя Шереметева выступила в поход на Львов; ядро этой армии составляли полки

иноземного строя. Шереметев должен был действовать вместе с новым украинским гетманом Юрием Хмельницким, сыном Богдана Хмельницкого, но украинцы перешли на сторону Польши. В результате русское войско было окружено на Западной Украине превосходящими силами поляков и татар. Окруженные русские построили движущийся «табор» из телег и полтора месяца отступали, отбиваясь от нападавших со всех сторон врагов. Однако в конце концов в русском «таборе» закончилось продовольствие, и в безвыходном положении Шереметев подписал соглашение о капитуляции²¹⁷.

Имперский посол Мейерберг дал следующую оценку действиям новой русской армии: «Пехотинцы дерутся превосходно, перестраиваясь на месте, пока находятся за укреплениями или плотно огорожены переносным забором из поперечных брусьев, из которых во все стороны выставлены пики... А конники никогда не показывают опытов такой же военной храбрости, потому что дворян, недостойных этого названия, никак нельзя заставить, чтобы они напали на неприятельский строй... Они бегут, бесстыдно покидая пехоту и подвергая ее плену или смерти»²¹⁸.

Поперечные брусья с пиками, о которых говорит Мейерберг, назывались «испанскими рогатками»; такого рода противокавалерийские «ежи» использовались и в шведской армии. Это был существенный элемент новой тактики регулярных армий: находясь под защитой этих переносных укреплений, солдаты могли отражать атаку кавалерии огнем из мушкетов и пушек²¹⁹. Овладение новой тактикой говорит о том, что, несмотря на все неудачи, реформаторы добились своей цели: они создали регулярную армию европейского типа. Они смогли это сделать, не взимая с населения чрезвычайных налогов, с помощью приема, который в наше время называют инфляционной политикой. Как отмечалось выше, этот прием в свое время использовал Густав Адольф, и русские политики, конечно, знали, к чему привела политика шведского короля: медные деньги со временем обесценились, и начался быстрый рост цен. Однако Густав Адольф успел создать армию и одержать победу; разграбление побежденной Германии решило все финансовые проблемы. Морозов и Милославский надеялись на победу и шли ва-банк. В первые два года войны на содержание войск было истрачено 1 300 000 рублей, но курс медных денег был еще достаточно устойчив. Затем — в связи с созданием новой армии — расходы резко возросли, и правительство увеличило чекан медной монеты; за пять лет ее было выпущено на 20 млн рублей. Естественно, началась инфляция. Обычная цена четверти ржи в Вологде составляла около 90 денег; в конце 1658 г. цена выросла до 160 денег, а к осени 1661 г. — до 2,5 рублей (500 денег)²²⁰. «Многие помещики и вотчинники и крестьяне на медные деньги и не продают, — жаловались московские купцы, — и в таком дорогом хлебе... скудные людишки погибают»²²¹. 25 июля 1662 г. в Москве вспыхнул «медный бунт»: толпа посадских людей требовала выдать ей на расправу «изменников», чеканивших медные деньги, — в том числе Милославского и Шорина. К восставшим присоединились и солдаты стоявших под Москвой полков, недовольные тем, что им платят медью²²².

Это было уже второе восстание против правительства реформаторов. На этот раз Милославский учел прошлый опыт и знал, что делать. Были

вызваны полки стрельцов, а в подкрепление к ним — все офицеры из Немецкой слободы на Кукуе. Бунт был подавлен, однако положение продолжало ухудшаться; в январе 1663 г. четверть ржи в Вологде стоила 24 рубля. Между тем солдатам и офицерам новой армии платили медными деньгами, а крестьяне не продавали хлеб на медь²²³. «В Быхове хлебных запасов нет, ратные люди едят траву и лошадей», — докладывал смоленский воевода в 1662 г.²²⁴ В самом Смоленске на рынке не было хлеба, потому что крестьяне, собрав урожай, прятали его в ямы — боялись, что солдаты отнимут зерно. Дезертирство приняло массовый характер; в Москве сам царь два раза упрашивал войско не покидать службы²²⁵.

Таким образом, новая армия была создана на медные деньги и начала распадаться, когда эти деньги обесценились. Правительству в конце концов пришлось отказаться от чеканки медяков и возвращаться к серебряной монете. Чтобы получить эту монету, реформаторы еще раз использовали прием монополизации внешней торговли. В 1662 г. была взята в монополию торговля основными экспортными товарами: пенькой, юфтью, поташем, смолой, соболями, салом, лесом. Все перечисленные товары забирались у купцов с выплатой компенсации медными деньгами и продавались иностранцам за серебро. С 1661 г. власти стали собирать стрелецкую подать хлебом, в следующем году оклад этой подати был увеличен вдвое; в целом поместные крестьяне платили примерно 0,3 пуда с души. С февраля 1663 г. солдатам стали платить серебром — но меньше, чем раньше: одним по 2, а другим по 3 копейки в день. Тем не менее доходы не могли обеспечить содержание армии, и уже в 1664 г. правительство начало переговоры о мире с Польшей. Польша была тоже обессилена войной, и в конечном счете России удалось удержать за собой Смоленск и левобережную Украину²²⁶.

Окончание войны позволило уменьшить военные расходы. Половина солдат была отправлена в отпуск без содержания, а другая расквартирована в слободах, где солдаты получали лишь небольшие оклады и подобно стрельцам могли подрабатывать торговлей или ремеслами. По некоторым сведениям, обе эти половины регулярно сменялись, то есть солдаты из гарнизонов отправлялись в отпуска, а отпускники возвращались на службу²²⁷. Но как бы то ни было, регулярная армия сохранилась и в случае необходимости могла быть пополнена новыми наборами даточных.

Таким образом, русская регулярная армия была создана задолго до Петровских реформ — и это признавал сам Петр I. В начале своего манифеста о Воинском уставе Петр писал: «Понеже всем есть известно, коим образом отец наш... в 1647 г. начал регулярное войско употреблять и устав воинский издан был...» Необходимую для новой армии военную промышленность тоже создал не Петр — она была создана Виниусом и Марселисом. Петр Великий продолжал начатые до него реформы — при этом он во многом подражал своим предшественникам: снова вводил соляную пошлину и медные деньги, снова монополизировал внешнюю торговлю и отнимал богатства у церкви.

1.8. Послевоенные реформы

В соответствии с теорией, создание новой армии требовало реорганизации прежнего военного сословия, перераспределения ресурсов в пользу государства и введения новых налогов. «Военная революция» XVII в. требовала преобразования дворянской конницы в регулярную кавалерию. Во время войны 1654–1667 гг. мелкопоместных дворян стали направлять на службу в полки «иноземного строя» — но не в солдаты, а преимущественно в рейтары. По указу 1678 г. служба в дворянском ополчении была разрешена только тем дворянам, которые имели больше 24 крестьянских дворов. Рейтары обучались регулярному строю, получали жалование и оружие из казны, но лошадей покупали сами. Во время войны в рейтары «прибирали» и недворян, но после войны недворяне по большей части были уволены, и рейтары превратились в дворянскую конницу «иноземного строя»; в 1663 г. имелось 18 тыс. рейтар (и 15 тыс. в дворянском ополчении), в 1680 г. — 30 тыс. рейтар (и 16 тыс. в ополчении)²²⁸. Естественно, что дворяне были недовольны этими военными реформами, и шведский резидент Форстен сообщал, что в восстании 1662 г. наряду с горожанами и солдатами участвовали также «некоторые обедневшие дворяне»²²⁹. О недовольстве дворянства в связи с военной реформой писал также Ю. Крижанич²³⁰.

Как отмечалось выше, в середине XVII в. значительная часть дворян не имела крепостных. В особенности много было таких дворян в южных областях, где с конца XVI в. существовала практика верстания казаков и крестьян в «дети боярские». В 1670–1680-х гг. на юге были проведены переписи служилых людей, в ходе которых всех детей боярских, не имевших крестьян, («однودворцев») исключили из числа рейтар и определили в солдаты. Позже, при Петре I, было указано считать однودворцев государственными крестьянами — таким образом, они лишились дворянского статуса²³¹. В итоге переформирование дворянского сословия привело к значительному уменьшению численности дворянства: если в 1651 г. численность служилых дворян составляла 39 тыс., то в 1700-м количество дворян-помещиков равнялось 22–23 тысячам.²³²

В рамках переформирования поместного ополчения в регулярную конницу «иноземного строя» в 1682 г. была проведена отмена местничества. Эта акция натолкнулась на противодействие знати, которая в качестве компенсации стала добиваться установления пожизненных наместничеств — однако этот боярский проект был отвергнут²³³.

В целом реформа привела к тому, что последствия «дворянской революции», выразившиеся в падении военной дисциплины среди дворянства, были постепенно нейтрализованы. Будучи включена в новые рейтарские полки, дворянская конница была вынуждена подчиняться более строгим и обременительным условиям военной службы.

Как и в XVI в., создание новой армии привело к финансовым реформам и перераспределению ресурсов в пользу государства²³⁴. В 1676 г. была начата всеобщая перепись земель, подобная тем переписям, которые проводились при Грозном. Как отмечалось выше, попытка проведения такой переписи после Смуты закончилась неудачей, и вот теперь пра-

вительство вновь пыталось восстановить систему точного учета земель. Перепись встречала сопротивление помещиков, которые желали скрыть свои земли от обложения, поэтому она затянулась и продолжалась двадцать лет, пока в конце концов Петр I не осуществил переход к подушному налогообложению²³⁵.

Поскольку работы по проведению переписи затягивались, а финансовая проблема требовала немедленного решения, то в 1679 г. временно, до окончания переписи, было введено подворное обложение (количество дворов к этому времени было уже подсчитано). Поместные крестьяне с этого времени платили со двора 3 пуда «стрелецкого хлеба» и 20 копеек «ямских и полоняничьих денег», в хлебном исчислении примерно 0,7 пуда на душу, в полтора раза больше, чем прежде (см. табл. 1.1.) В 1680 г. обычные доходы казны составляли 950 тыс. рублей и 1,6 млн пудов хлеба, что в сумме было эквивалентно 23 млн пудов — даже меньше, чем в конце XVI в. Правительство не решалось увеличивать налоги на основную часть населения, поместных крестьян, и прямые налоги давали лишь около трети денежных доходов, остальное составляли кабацкие и таможенные деньги. Расходы на армию составляли около 700 тыс. рублей²³⁶, однако этого было недостаточно, чтобы содержать «полки иноземного строя» на постоянной основе; после войны солдат распускали по деревням, и на время мира они становились крестьянами. В 1688 г. «стрелецкий хлеб» был увеличен до 5 пудов со двора и налоги стали составлять 0,9 пуда с души. Таким образом, процесс перераспределения ресурсов начался еще в 1670-х гг. — но решающий шаг в этом направлении был сделан Петром I.

Новое отягчение налогов обернулось в некоторых регионах тяжелыми демографическими последствиями. Не имея возможности существенно увеличить налоги поместных крестьян, правительство поначалу пошло по пути усиления обложения черносошного крестьянства. Основной массив черносошного крестьянства располагался на Севере — в Поморье и на Вятке. В 1663–1668 гг. вятские крестьяне платили около 10 пудов хлеба со двора²³⁷ или примерно 2 пуда с души, и, за исключением последнего года, платили без недоимок. Однако дальнейшие события показали, что происходит, если размеры налогов превосходят допустимый предел. В 1668–1669 гг. правительство предписало вятчанам платить вместо хлеба деньгами, и в результате этой коммутации на двор пришлось 2 рубля налога, а на душу — примерно 40 копеек; по вятским ценам это эквивалентно 4 пудам хлеба²³⁸. Так как крестьяне для уплаты налогов выбросили на рынок большое количество зерна, то цены стали снижаться; в 1674–1675 гг. они упали вдвое. Платежи со двора в это время составляли 2 рубля 70 копеек, это было эквивалентно 54 пудам хлеба, более 10 пудов с души! Недоимки копились из года в год, правяжи становились все более жестокими, у крестьян отбирали последнее — в конечном счете на рубеже 1670–1680-х гг. разразился страшный трехлетний голод. Население разбегалось, «последние вятчаны, покиня свои дворы и деревни, бредут врозь», — говорилось в крестьянской челобитной²³⁹.

В 1660–1670-х гг. непомерные налоги разорили не только Вятку, та же картина наблюдалась во всех «черных» уездах Севера. Однако, в отли-

чие от Вятки, на Двине ощущалось действие еще одного негативно-го фактора — перенаселения. Как отмечалась выше, бедствия Смутного времени вытеснили часть населения из центральных районов на Север и в 1620-е гг. здесь наблюдался относительно высокий уровень распашки (принимая во внимание неблагоприятные условия этого региона). Рост налогов привел к тому, что многие крестьяне не могли заплатить налоги и, спасаясь от «правежей», бежали в Сибирь; эти недоимки раскладывались на оставшихся. Северяне жаловались в Москву, что «тех денег сполна не выплачивают за пустотою, потому что у них многие тягла запустели и взять тех денег не на ком, и достальные посадские и уездные люди от непомерного правежа бегут в Сибирские разные города»²⁴⁰. В конце концов бегство тяглого населения вызвало цепную реакцию неплатежей; к 1671 г. поступления по Устюжской «четверти» упали более чем в три раза. На Вологодчине разразился страшный голод — цена четверти ржи достигала 2 рублей 70 копеек. Крестьяне толпами уходили из северных областей; в 1646 г. в Устюжском уезде насчитывалось 9,5 тыс. дворов, а в 1670 г. — 7 тыс., но эти цифры не отражают реальной убыли: ведь до начала 60-х гг. население возрастало и достигло, возможно, 11–12 тыс. дворов. Население продолжало уменьшаться и дальше; в 1679–1686 гг. произошла катастрофа в Тотемском уезде: число жителей здесь сократилось на 40%; пятую часть оставшихся составляли нищие²⁴¹. Эти данные показывают, что в Приморье кризис был более разрушительным, чем на Вятке.

Таким образом, разорение северных уездов было *структурным кризисом*, порожденным «военной революцией» и перераспределением ресурсов в структуре «государство–элита–народ» в пользу государства. Кризис достигает особой остроты в перенаселенных областях, где положение было тяжелым и раньше — с увеличением налогов оно стало невыносимым. В целом, однако, структурный кризис имел локальный характер: он распространился только на северные «черные» земли.

1.9. Восстание Степана Разина

Война с Польшей началась вскоре после «рокоша» 1648 г., закончившегося победой дворянства и утверждением крепостного права. Как отразилось это событие на положении помещичьих крестьян? Последствия отмены «урочных лет» сказались не сразу: ведь реальный механизм сыска беглых еще не существовал и крестьяне продолжали уходить от помещиков. Бояре и церковь продолжали сманивать крестьян на «льготу»; в 1650-х гг. приказчики патриарха Никона разъезжали по казанским уездам и увели от помещиков тысячи крестьян. Возможно, затягивание исполнения решений о закрепощении было тактикой правительства реформаторов — однако это не могло продолжаться вечно. В 1657 г. поместное ополчение перед походом собралось в Москве, и дворяне подали царю новую челобитную: они требовали организации сыска беглых. В 1658 г. были впервые посланы сыщики по уездам выявлять бежавших крестьян; затем они посылались ежегодно. В 1661 г. было установлено, что землевладелец, принявший крестьянина, должен в качестве штрафа отдать четырех своих крестьян. Сыск беглых в 1660-х гг. стал грандиозным предприятием, ох-

ватившим всю страну; были пойманы и возвращены прежним владельцам десятки тысяч крестьян²⁴².

Необходимо отметить, что хотя прикрепление к земле означало потерю крестьянами свободы передвижения, в других отношениях они оставались свободными людьми. Крестьяне владели своим имуществом, которое не мог отнять помещик, могли вступать в финансовые сделки, брать на себя денежные обязательства. Крестьяне могли жаловаться в суд, в том числе и на господские поборы «через силу и грабежом»; они могли по суду вернуть себе насильственный перебор. Крестьянин не мог быть лишен земли и превращен в дворового; помещик был обязан наделить своего крестьянина землей и, в случае необходимости, инвентарем. В то же время помещики издавна обладали судебной властью над крестьянами в гражданских делах, и вместе с прикреплением крестьян это создавало благоприятную почву для дальнейшего наступления на крестьянство²⁴³.

Это наступление началось в 1660-х гг., когда экономическая обстановка побудила помещиков к увеличению барщины. Средний размер барщины в 60-х гг. составлял 0,66 десятины на душу; эта величина вдвое превосходила средние нормы 30–40-х гг. Усиление эксплуатации вызвало немедленный отпор крестьян: в 1670 г. началось восстание Степана Разина. Восстание вспыхнуло на Дону, где скопились беглые крестьяне из центральных районов, «голутвенное казачество». Вследствие своей многочисленности казаки страдали от голода; сначала они попытались «добыть зипунов» набегом на Персию, а потом обратились против московского правительства, против ненавистных бояр и дворян. В июне 1670 г. казаки овладели Астраханью, а в конце июля десяти тысячное казачье войско на двухстах стругах двинулось вверх по Волге; приволжские города без сопротивления открывали ворота, народ выходил встречать казаков хлебом-солью. Разин рассылал во все стороны своих есаулов; казаки приходили в деревни и читали призывающие к восстанию «прелестные письма». Призывы попали, как огонь в стог сена, — в начале осени полыхнула вся степная Россия от Воронежа до Самары. Ненависть закрепощаемых крестьян наконец нашла выход, все брались за топоры и вилы, повсюду горели дворянские поместья. «Дворян и детей боярских побили с женами и детьми и дома их все разграбили», — свидетельствует симбирский летописец. Повсюду собирались повстанческие отряды — в пять, десять, пятнадцать тысяч человек; были взяты Саранск, Пенза и пятьдесят других городов. В начале сентября главное войско Разина подступило к Симбирску — но после упорных боев восставшие потерпели поражение, и казаки с раненым Разиным ушли на Дон.

Между тем царское войско князя Долгорукого обрушилось на пензенских и тамбовских повстанцев. В октябре и ноябре на пространстве между Волгой и Доном кипели ожесточенные бои — но в конце концов восставшие были разбиты. Выходившие из Арзамаса карательные отряды жгли деревни и истребляли всех подряд — было убито свыше ста тысяч крестьян. «Место сие являло зрелище ужасное и напоминало собой преддверие ада, — говорит свидетель событий об Арзамасе, — вокруг были возведены виселицы, и на каждой висело человек 40, а то и 50. В другом месте валялись в крови обезглавленные тела. Тут и там торчали колы

с посаженными на них мятежниками, из которых немалое число было живо и на третий день, и еще слышны были их стоны...»²⁴⁴ Дворяне хотели поразить «чернь» ужасом — чтобы она не смела восставать против господ, чтоб смиренно несла свой хомут.

Восстание Степана Разина в основных чертах повторило крестьянскую войну начала XVI в. Это было восстание беглецов из центральных уездов, которые ушли на юг, спасаясь от крепостного права. Но правительство не давало им спокойно жить на юге, и тогда они пошли на Русь, поднимать на бунт крепостных крестьян. Эта схема крестьянской войны повторится еще дважды во времена Булавина и Пугачева. Восстание Богдана Хмельницкого также развивалось по этому сценарию. Инициаторами восстания были люди, сумевшие бежать на юг и выжить в обстановке преследований; это были самые сильные и самые свободолюбивые из миллионов крестьян России. Поэтому понятна самозабвенная любовь к свободе и ненависть к крепостникам, которая звучит в призывах Разина: «За дело, братцы! — писал вождь восстания в „прелестных письмах“. — Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки и язычники! Я пришел вам дать свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми — будьте только мужественны!»²⁴⁵ Становится понятным и ожесточение борьбы, когда повстанцы убивали дворян вместе с их семьями, а дворяне устраивали «преддверие ада» в Арзамасе.

После восстания Разина барщинные нормы стали уменьшаться, и в 1680–1700 гг. средняя барщина составила 0,36 десятины на душу²⁴⁶. Таким образом, норма барщины уменьшилась вдвое и практически вернулась к тем небольшим размерам, которые были характерны для периода до закрепощения. Это уменьшение отчасти объясняется «испугом» помещиков, но оно имеет и экономические причины — а именно падение цен на хлеб. Когда в 1670–1680-х гг. цены резко упали, рентабельность барщинного хозяйства снизилась, поэтому многие помещики сократили запашку и стали покупать хлеб на рынке.

Таким образом, закрепощение крестьян к 1690-м гг. не привело к увеличению барщины. Денежный оброк также формально оставался примерно на одном уровне — однако реально падение цен на хлеб привело к тому, что тяжесть оброка возросла до 3,5–4 пудов с души (см. табл. 1.3). Более существенный выигрыш дворянство получило не от увеличения ренты, а от увеличения числа крестьян в поместьях вследствие прекращения бегства. Этот процесс начался еще до 1649 г. В 1626–1627 гг. в Шелонской пятине Новгородчины на одно владение приходилось в среднем 3,8 двора и 6,2 крестьянина мужского пола, в 1646 г. — уже 6,8 двора и 22,1 крестьянина, в 1678 г. — 7,5 двора и 29,1 крестьянина. Более общие данные по всей Новгородской земле приведены в табл. 1.5.

Как следует из таблицы 1.5, две трети новгородских помещиков были мелкопоместными, у них было менее 10 крестьян мужского пола. Тем не менее в целом положение дворянства значительно улучшилось, на Новгородчине уже не было пустых поместий и диспропорция между численностью дворянства и крестьянства была в значительной степени преодолена. Помимо прекращения бегства крестьян существенное значение имело сравнительно медленное увеличение численности дворянского сословия при очень быстром росте населения²⁴⁷.

Табл. 1.5. Среднее число крестьян мужского пола (включая бобылей и дворовых) в поместьях и вотчинах Новгородской земли²⁴⁸

Год	Число владений	Число крестьян на одно владение		
		в среднем	богатая треть	остальные 2/3
1646	1540	14,9	36,2	4,2
1678	1901	26,4	60,1	9,0

Дальнейшие изменения в положении дворянства были связаны с военной реформой и переводом большого числа дворян-однодворцев в солдаты. После исключения однодворцев в целом по стране в 1700 г. на одного помещика приходилось 19 крестьянских дворов и 70 крепостных мужского пола (если считать по 3,68 крестьянина на двор). Однако средние цифры скрывают за собой наличие большой группы мелкопоместных дворян и концентрацию огромных владений у земельной аристократии. Дворяне, имевшие от одного до пяти дворов, составляли около половины (47%) всех помещиков, и в среднем у них было всего лишь по 2,4 крестьянских двора и по 8,8 крестьянина мужского пола. С другой стороны, 464 богатейших помещика (и вотчинника) владели 42% всех крепостных, на каждого из них приходилось в среднем 355 дворов, то есть примерно по 1300 душ мужского пола²⁴⁹.

1.10. Царь и бояре

«После смерти Грозного наследственная монархия в России сменилась избирательной, — писал Л. В. Черепнин. — Все последующие цари до Алексея Михайловича избирались Земским собором или добивались трона при его фиктивном участии. Алексей Михайлович занял престол как прямой его наследник, но затем, по-видимому, был утвержден Земским собором»²⁵⁰.

Дьяк Григорий Котошихин писал, что «прежние цари, после царя Ивана Васильевича, обираны (избраны — С. Н.) на царство: и на них были иманы писма, что им быть не жестоким и непалчивым, без суда и без вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всяких делах з бояры и з думными людьми сопча, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делати...»²⁵¹ Принято считать, что, в отличие от европейских сословных монархий, в России отношения между сословиями и монархом не были кодифицированы и определялись, главным образом, традицией²⁵². Однако в рамках традиции существовали также и отдельные документы, регулировавшие правовые отношения в структурах власти. Указание на то, что царь должен советоваться с боярами имеется и в Уложении 1649 года: вторая статья десятой главы Уложения говорит, что «спорные дела... вносить ис приказов в доклад к государю... и к его государевым бояром и околничим и думным людям. А бояром и околничим и думным людям сидети в полате и... государевы всякия дела делати всем въместе».

Таким образом, русские цари, правившие в конце XVI и в первой половине XVII в., не были «самодержцами». Их выбирали на престол, и они были ограничены в своих решениях необходимостью советоваться с Боярской думой и Земскими соборами. «Боярин» и «окольный» в XVII в. были формально ненаследуемыми чинами. Однако по традиции эти чины могли быть пожалованы лишь представителям ограниченного числа знатных родов. Члены 16 родов могли стать боярами, минуя другие чины, а члены 15 других родов сначала получали чин окольного²⁵³. Бояре выставляли свою знатность и влияние напоказ: они носили особую, расшитую золотом и жемчугами одежду, собольи шубы и высокие «горлатые» шапки; выезд боярина сопровождали десятки дворян-«знакомцев». С удельных времен бояре содержали вооруженные дружины из «боевых холопов», которых в народе звали «нахалами»²⁵⁴.

Среди боярских родов поддерживалась строгая местническая иерархия, чем знатнее было лицо, тем более высокие должности оно занимало. Никакие государственные заслуги не могли уравнивать дворянина с боярином. Даже знаменитый князь Дмитрий Пожарский не мог спорить со знатными боярами, и одному из них, известному «тушинцу» Салтыкову, он бы «выдан головой». Человек из простонародья не имел никаких шансов попасть в окружение царя; даже простые истопники во дворце были дворянами²⁵⁵. А. Г. Маньков писал, что «Боярская дума еще прочно держала в своих руках во второй половине XVII в. важнейшие рычаги феодальной экономики и социальных отношений»²⁵⁶. Сопоставление царских именных указов и указов с боярскими приговорами показывает, что едва ли не все крупные законодательные акты начинались словами «царь указал, и бояре приговорили». Именные царские указы относились к более мелким вопросам и, по большей части, к военной сфере²⁵⁷.

Победа в войне с Польшей подняла авторитет царской власти. После 1653 г. Алексей уже не созывал Земских соборов, а в царском титуле снова появилось слово «самодержец»²⁵⁸. Дьяк Котошихин писал о царе Алексее, что он «государство свое правит по своей воле... в его воле, что хочет, то учинить может...», в отличие от своего отца, который «хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего»²⁵⁹. В 1650-х гг. Алексей Михайлович создал приказ Тайных дел, свою личную канцелярию, в которой царь рассматривал подаваемые челобитные. Однако и в последний период царствования Алексея I Боярская дума не была отстранена от дел: царь постоянно советовался с боярами²⁶⁰.

В 1682 г. смерть царя Федора, тяжелая болезнь его брата Ивана и малолетство другого наследника, Петра, вызвали кризис самодержавия. На арену снова вышли боярские группировки, начавшие борьбу за власть под видом поддержки царя Петра или царя Ивана. В эту борьбу вмешались московские стрельцы, недовольные злоупотреблениями своих начальных людей и опасавшиеся роспуска стрелецкого войска (стрелецкие полки вне Москвы уже были преобразованы в солдатские)²⁶¹. Князь Хованский, возбуждая стрельцов, кричал, что «и вас, и нас отдадут в неволю чужеземному врагу, Москву погубят, а веру православную истребят»²⁶². Это была *традиционалистская реакция*, направленная против военной реформы, проводимой по иноземному образцу.

Единственным представителем царской семьи, способным поддержать авторитет власти в обстановке начавшейся анархии, оказалась царица Софья. Софья укрылась вместе с царями в Троице-Сергиевой лавре, призвала на помощь поместное ополчение и привела стрельцов к покорности. Таким образом, в критический момент монархия нашла опору в дворянстве; другой опорой Софьи стала боярская аристократия. В силу своего положения Софья не могла проявлять самовластие, и она искала поддержки знати, в большом количестве раздавая думные чины. Современники свидетельствуют, что Софья правила вместе с боярами²⁶³.

Бояре, как и стрельцы, не были заинтересованы в сохранении полков иноземного строя. Правительство было вынуждено пойти на уступки традиционалистам, около четырехсот иностранных офицеров (примерно треть) было уволено, и на службе остались только обрусевшие «немцы», которых принимали «по выбору»²⁶⁴. С другой стороны, дворянство воспользовалось слабостью центральной власти и уже во время сбора в Троице предъявило ей свои сословные требования, в первую очередь касавшиеся усиления сыска беглых крепостных. Другой уступкой дворянству был указ 1684 г., установивший, что поместья (даже большие) после смерти их владельца остаются в роду и делятся между наследниками сверх их поместных окладов — несмотря на то, что наследники не выслужили этой прибавки. Указ 1688 г. разрешал продажу вотчинных крестьян без земли; указы 1688 и 1690 гг. санкционировали право владельцев обменивать как вотчины, так и поместья. К концу XVII в. различие между поместьем и вотчиной почти стерлось; поместья передавались по наследству по мужской линии, отдавались вдовам и незамужним девушкам «для прокорму» и иногда даже продавались²⁶⁵.

Традиционалистская политика Софьи была вынужденной. Первым помощником Софьи в государственных делах (и ее возлюбленным) был начальник Посольского приказа известный «западник» князь В. В. Голицын. По свидетельству де ла Невилля, Голицын знал польский язык, он разрешил иностранцам свободный въезд в Россию, позволил дворянам посылать детей на обучение в Польшу, допустил в страну иезуитов и часто беседовал с ними. Ходили слухи, что Голицын искал способы объединить греческую и латинскую церковь²⁶⁶. Эти планы (или слухи о них) вызывали яростный протест патриарха Иоакима, который стал главным врагом Голицына и Софьи.

В 1687–1689 гг., во время войны с Турцией, Голицын был вынужден снова обратиться к найму иностранных офицеров, чтобы доукомплектовать 75-тысячное войско «иноземного строя». Знать (по польскому образцу) была расписана по регулярным ротам во главе с ротмистрами и хорунжими. Протестуя против этих нововведений, князь Б. Ф. Долгоруков и Ю. А. Щербатов явились на смотр, одетые вместе со своими людьми в черное траурное платье. Позже к протесту знати присоединился и патриарх Иоаким, который публично предрек несчастье армии, зараженной присутствием офицеров-иноверцев. Поход действительно закончился неудачей — и патриарх сразу же напомнил о своем пророчестве²⁶⁷.

Неудача крымских походов пошатнула положение Софьи и Голицына. Когда в 1689 г. вспыхнул конфликт между Софьей и царем Петром, па-

триарх Иоаким и многие князья (в том числе Долгоруковы и Шербатовы) немедленно перешли на сторону молодого царя²⁶⁸. Таким образом — как это ни странно — победа Петра была обусловлена поддержкой традиционалистской партии. По словам М. М. Богословского, царь «в этой борьбе был все же гораздо более символом, чем активно действующим лицом с собственной инициативой»²⁶⁹. Поглощенный своими потехами, царь не занимался государственными делами, и власть оказалась в руках патриарха Иоакима и традиционалистски настроенных бояр, родственников матери Петра Натальи Нарышкиной. Де ла Невиль писал, что «те, кто радовался падению Голицына, вскоре раскаялись в его гибели, так как Нарышкины, которые управляют ими в настоящее время, будучи необразованны и грубы, начали... уничтожать все, что этот великий человек ввел нового...»²⁷⁰. Иезуитам пришлось покинуть Россию, полки иноземного строя были распущены по домам, а большинство иностранных офицеров были уволены в отставку.

В конечном счете боярское правление тяжело отразилось на дисциплине дворянства и состоянии «полков иноземного строя». В 1695 г., при первом походе на Азов, в боевой готовности оказалось лишь 14 тыс. солдат; остальное 120-тысячное войско состояло из ратников «русского строя», то есть из стрельцов и поместного ополчения. Впоследствии, в 1717 г., князь Я. Ф. Долгоруков говорил Петру, что его отец устроением регулярных войск путь ему показал, «да по нем несмысленные все его учреждения разорили», так что Петру пришлось, почитай, все вновь делать и в лучшее состояние приводить²⁷¹.

Таким образом, ослабление самодержавия было обусловлено в основном случайными факторами, но оно открыло дорогу традиционалистской реакции и привело к тому, что результаты «военной революции» были отчасти утрачены.

1.11. Традиции и вестернизация во второй половине XVII века

Возвращаясь к описанию роли технологического (диффузионного) фактора, необходимо прежде всего дать краткую характеристику соотношения восточных и западных компонентов в российском обществе XVII в., в его социальной и материальной культуре. Европейцам, посещавшим Россию в этот период, бросалось в глаза отличие русских обычаев и порядков от европейских. «И поныне у них оказывается мало европейских черт, а преобладают азиатские, — отмечал в 1680 г. тосканский посол Яков Рейтенфельс. — Покрой одежды, пышность при общественных торжествах, обычный способ ведения хозяйства, приемы управления государством, весь, наконец, строй жизни отзывается у них более азиатской необузданностью, нежели европейскою образованностью...» Рейтенфельс описывает восточные обычаи русских: они имеют обыкновение спать после обеда, берут пищу с блюда пальцами, при встрече целуют друг друга или отвешивают глубокие поклоны, постоянно упражняются в верховой езде и стрельбе из лука, свободное время, как персы, проводят за игрой в шашки²⁷². «Пренебрегая каменными домами, они совершенно справедливо полагают, что гораздо здоровее, по причине сильных и постоянных хо-

лодов, запираются, подобно татарам и китайцам, в деревянные»²⁷³. Голландский путешественник Ян Стрейс писал, что в Москве много общественных бань, подобных турецким и персидским, что вследствие закона об одежде каждый должен одеваться по назначенному ему образцу, что «они пишат на коленях, хотя бы перед ними и стоял стол», что женщин «держат взаперти, почти как турчанок»²⁷⁴. Придворный врач С. Коллинс добавляет, что «красотою женщин почитают они толстоту», что женщины, чтобы понравиться мужьям, чернят свои зубы и белки глаз²⁷⁵.

К восточным обычаям относилось и почитание царя. «Приветствуя же царя, они обыкновенно расprostираются ниц всем телом по земле», — отмечает Я. Рейтенфельс²⁷⁶: это был китайский обычай «челобития», «коу-тоу»²⁷⁷. Такого же коленопреклонения требовали от западных послов, одаряя их взамен, по восточному обычаю, шубами²⁷⁸. Московиты почитали царя наравне с Богом: «Мосхи постоянно открыто всюду заявляют, что Богу и царю все возможно и все известно, что только Богу и царю они готовы отдать все, что только имеют наилучшего, и даже самую жизнь»²⁷⁹.

В начале XVII в. обычаи царского двора не отличались от народных обычаев и москвичи чутко реагировали на случаи их нарушения: когда стало известно, что Лжедмитрий не спит после обеда, сразу же распространился слух, что царь «подмененный». Для Михаила Федоровича итальянские мастера построили каменный дворец, но он предпочитал жить в деревянных хоромах, находя их более здоровыми²⁸⁰. Алексей Михайлович был настолько набожен, что стоял на службе 5–6 часов и отбивал по тысяче земных поклонов²⁸¹. В 1648 г. царь официальным указом запретил работать по воскресеньям и праздникам, обязал всех ходить в церковь и соблюдать пост, а также запретил играть в карты и шахматы, приказал уничтожить музыкальные инструменты и т. д.²⁸² Тогда же было запрещено курение, выращивание и продажа табака²⁸³. В 1675 г. Алексей Михайлович повелел объявить придворным, чтобы они «иноземных немецких и иных извычаев не перенимали, волос у себя на голове не подстригали, а также платья, кафтанов и шапок у себя не носили и людям своим потому же носить не велели»²⁸⁴. Летний дворец, построенный царем в Коломенском, имел вид русского терема, был украшен резьбой и флюгерами и расписан внутри русским иконописцем Федором Ушаковым и армянином Иваном Салтановым. Царский трон Алексея Михайловича был сделан персидскими мастерами, а корона была привезена из Константинополя, но во дворце было множество зеркал и часов — это были первые признаки культурного влияния Европы²⁸⁵.

Европейское культурное влияние прокладывало себе дорогу через экономические новации. При Алексее Михайловиче инициатором этих новаций выступал Б. И. Морозов; в своем обширном хозяйстве он экспериментировал с различными сельскохозяйственными культурами и осваивал новые по тем временам промыслы: разводил рыбу в искусственных прудах, занимался садоводством, создавал конские заводы. Новаторский дух этого предпринимателя хорошо отражает случай, произошедший в 1651 г.: узнав, что полковник Крафорд имеет привезенные из Европы семена новой масленичной культуры, Морозов предложил ему лучшие земли и послал нескольких крестьян учиться у Крафорда²⁸⁶. С помощью

немецких монахов было заведено виноделие в Астрахани, и в 1658 г. ко двору было доставлено оттуда больше тысячи ведер красного вина²⁸⁷. В 1659 г. Морозов познакомился с известным славянским просветителем Юрием Крижаничем, который приводит в своем трактате «Политика» множество социально-экономических рекомендаций в духе эпохи просвещения. «Отчего я не молод, чему бы я еще смог научиться!» — воскликнул Морозов после беседы с Крижаничем²⁸⁸.

А. И. Заозерский считает, что Морозов передал дух новаторского предпринимательства своему воспитаннику, царю Алексею: Алексей не раз бывал в морозовском поместье Покровское и был в курсе проводимых там хозяйственных экспериментов²⁸⁹. В те времена ботанические сады были в моде в Европе. Марселис привез царю подарок герцога голштинского — садовые розы из Готтфордского сада; Виниус достал саженцы персика, абрикоса, миндаля, испанской вишни²⁹⁰. В 1662 г. направлявшимся в Англию послам было приказано привезти оттуда «семян всяких». В 1664–1665 гг. царь основал собственное экспериментальное хозяйство, поместье Измайлово; были разосланы гонцы, чтобы привести из различных мест семена или саженцы винограда, тутового дерева, хлопчатника, красильной травы марены, грецкого ореха и многих других культур. Попытки разведения тутовых деревьев и хлопчатника, естественно, закончились неудачей, но эксперименты продолжались: было освоено мануфактурное производство льняных тканей, построен сафьянный завод, два стекольных и три железоделательных завода²⁹¹.

Эксперименты и новшества вскоре вышли за рамки царского хозяйства. Еще в 1657 г. царь приказывал своему голландскому эмиссару Гебдону нанять «алхимистов самых ученых, рудознатцев серебряных, медных и железных». Начиная с 1666 г. нанятые рудознатцы отправляются с экспедициями для разведки руд в различных районах страны. Выдвигались торговые проекты, еще в 1663 г. московский посол пытался договориться с курляндским герцогом об отправке кораблей в Индию. Переговоры закончились неудачей, тогда московское правительство стало искать торговые пути на юге. Торговый путь через Каспийское море уже давно привлекал к себе внимание западных купцов, просивших у Москвы разрешения организовать транзит персидского шелка в Европу. В 1663 г. с «великим посольством» в Персию была отправлена большая торговая экспедиция, которая привезла товаров на 80 тыс. рублей²⁹².

В 1665–1667 гг. главой московского правительства стал А. Л. Ордин-Нащокин, «царственных и государственных посольских дел боярин». Ордин-Нащокин организовал для Посольского приказа регулярный перевод иностранных газет (время от времени они переводились и раньше) и присылку большого количества книг²⁹³. В это время во множестве печатаются переводные польские книги, если в первой половине XVII в. было переведено с европейских языков лишь 13 книг, то во второй половине — 114 книг²⁹⁴. Вслед за переводной беллетристикой появляются и первые русские повести, например «История о российском дворянине Фроле Скобееве»²⁹⁵.

Одним из ближайших сотрудников Ордин-Нащокина был проживавший в Москве голландский купец Иоганн ван Сведен. Ван Сведен постро-

ил первую в России бумажную мельницу и первую суконную фабрику. В 1665 г. Ордин-Нащокин поручил ван Сведену организацию регулярной почтовой службы, а в 1667 г. — строительство первого корабля для каспийского флота²⁹⁶. Прежде на Каспии плавали допотопные «царские бусы», обшивку которых вязали лыком, без гвоздей, так что эти суденышки годились только на один-два рейса²⁹⁷. Теперь же предполагалось завести настоящий торговый флот, и первый корабль этого флота, «Орел», был построен весной 1669 г.; он спустился по Волге к Астрахани, но был захвачен здесь казаками Разина. Тем не менее Ордин-Нащокин подписал договор с армянской компанией о транзите персидского шелка через Россию, и со временем эта торговля стала весьма значительной. В правление Софьи князь В. В. Голицын построил два фрегата, которые доставляли шелк из Шемахи в Астрахань²⁹⁸.

Вторым лицом в правительстве 1660-х гг. был окольный Богдан Матвеевич Хитрово, друг царя и ближайший поверенный его личных дел. Как и Ордин-Нащокин, Хитрово был «западником», и говорили, что он получает от голландцев большие деньги²⁹⁹. Под влиянием Хитрово царь назначил воспитателем своих детей западнославянского просветителя Симеона Полоцкого, который учил их латинскому и польскому языкам — и даже сочинению стихов. Полоцкий был одним из первых русских церковных философов и поэтов (он писал на церковнославянском языке); одно время он руководил школой в Спасском монастыре, которая знакомила с польской культурой молодых дипломатов и чиновников из Тайного приказа. Полоцкий содействовал также и распространению западной живописи, в это время появились первые царские парадные портреты и пейзажи, которыми украшали не только дома, но и аллеи парков³⁰⁰.

После смерти Алексея Михайловича на престол вззошел ученик Симеона Полоцкого царь Федор Алексеевич (1676–1682). Молодой царь Федор был женат на польской дворянке Агафье Грушецкой, он знал латинский и польский языки и был поклонником польской культуры. Федор приказал придворным носить польские кафтаны; это был символический акт культурной переориентации с Востока на Запад, и царский летописец Адамов четко передал идейный смысл реформы: «платье народу российскому повелел носить от татар отменное»³⁰¹. Это был пролог к мощной волне вестернизации, затопившей Россию при Петре I.

1.12. Выводы

В какой мере трехфакторная модель может объяснить развитие России в XVII в.?

Социально-экономическое развитие России в этом периоде определялось, главным образом, последствиями кризиса и демографической катастрофы времен Смуты. В соответствии с демографически-структурной теорией мы наблюдаем в XVII в. характерные признаки *периода восстановления*: наличие большого количества свободных земель, низкий уровень земельной ренты и налогов, относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены

на хлеб, дороговизна рабочей силы, незначительное развитие ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел.

Специфической особенностью этого периода, казалось бы, противоречащей общей теории, было значительное развитие аренды. Это объясняется тем, что аренда была способом ухода от государственного налогообложения; что же касается размеров арендной платы, то она была низкой (что согласуется с теорией).

В плане динамики экологической ниши наиболее важным обстоятельством была вновь начавшаяся после строительства Белгородской черты колонизация черноземных областей. Эта колонизация стала возможной в результате военной революции XVI в., в результате создания вооруженного огнестрельным оружием стрелецкого корпуса — то есть в результате действия *технологического фактора*. В итоге сочетание процесса восстановления в центральных областях с колонизацией Юга обусловило очень быстрый рост населения. При этом экологическая ниша и посевные площади, по-видимому, *расширялись даже более быстро, чем росло население*; это объясняет падение хлебных цен в конце столетия и сохранение относительно высокого уровня жизни на протяжении всего периода (за исключением северных областей).

Р. Крами отметил, что такое поведение цен не соответствует обычным представлениям демографически-структурной теории, которая (по Дж. Голдстоуну) рассматривает лишь случай, когда ресурсы пахотных земель не расширяются³⁰². В России, как подчеркивает Р. Крами, посевные площади расширялись за счет освоения плодородного пограничья — следовательно, на наш взгляд, такое поведение цен вполне объяснимо.

Обращаясь к демографически-структурному анализу, можно констатировать, что ситуация после Смуты характеризовалась диспропорцией между численностью крестьян и численностью дворянства. Этот дисбаланс усугублялся уменьшением ренты, поэтому дворянство требовало предоставить ему возможность повысить ренту путем более эффективно прикрепления крестьян к земле. В конечном счете усиливающееся давление дворянства заставило правительство утвердить крепостническое Уложение 1649 г. Помимо демографического фактора в направлении закрепощения действовал также фактор диффузии — тенденция к перениманию польско-литовских порядков, обусловленная военным превосходством Польши.

С теоретической точки зрения закрепощение представляло собой *трансформацию структуры* — качественное изменение отношений между ее элементами, в данном случае между элитой и народом. Утверждение крепостного права и расстройство хлебного рынка в 1660–1670-х гг. обусловили отмечаемое в этот период увеличение барщины. Это наступление дворян натолкнулось на сопротивление крестьянства, но крестьянско-казацкое восстание было подавлено. Однако это восстание на время остановило наступление дворянства и (вместе с экономическими факторами) привело к уменьшению ренты до прежних размеров. Тем не менее к концу столетия положение дворянства улучшилось в результате быстрого роста крестьянского населения при относительно медленном росте численности помещиков.

Состояние государства в период после Смуты характеризуется слабостью финансового аппарата, уменьшением налогов и распадом военной организации. При Филарете предпринимается попытка укрепления налоговой системы и перераспределения ресурсов в пользу государства — но эта попытка не привела к существенным результатам. Важным фактором, обусловившим тенденцию к укреплению государства был *технологический фактор*. Военное давление соседей побуждало к перениманию западной военной технологии. Создание «полков иноземного строя» в середине XVII в. стало отправным моментом «военной революции», результатом которой, в соответствии с теорией, был рост налогов, усиление бюрократического аппарата и наступление самодержавия.

«Военная революция» требовала проведения финансовых реформ и перераспределения ресурсов для финансирования новой армии. Однако правительство Алексея Михайловича не осмелилось повышать налоги на помещичьих крестьян, поэтому необходимые средства были получены путем введения медных денег, что вызвало стремительную инфляцию и восстание 1662 г. Другим способом финансирования армии стало повышение налогов на черносошных крестьян Севера и Вятки. Между тем Север был регионом, который менее других пострадал во время Смуты, здесь сохранялось высокое демографическое давление, а в середине столетия отмечались явные признаки Сжатия: крестьянское малоземелье, распространение аренды по очень высоким ставкам, отсутствие свободных земель, частые голодные годы и уменьшение населения в отдельных уездах. Налоговое давление государства в условиях Сжатия привело к катастрофическому голоду, бегству жителей и резкому уменьшению численности населения Поморья.

Еще одним следствием военной революции было реформирование дворянского сословия. «Военная революция» XVII в. заставила дворян нести службу в рейтарских полках и привела к значительному сокращению численности дворянского сословия. С другой стороны, сокращение численности сословия привело к улучшению материального обеспечения дворян, к увеличению среднего размера поместий и вотчин. В целом военные реформы представляли собой новую трансформацию структуры (вторую в XVII в.) — но эта трансформация затянулась и завершилась лишь в следующем столетии реформами Петра Великого.

В конце столетия в процесс военных реформ вмешались случайные факторы, связанные с внутренней динамикой государства. Ослабление центральной власти ввиду малолетства (или недееспособности) наследников царя Федора открыло дорогу *традиционалистской реакции*, это привело к уменьшению численности полков «иноземного строя» и частичному возврату к прежней военной системе. Эти процессы сопровождалось временным ослаблением центральной власти и новым усилением влияния элиты на правительство.

Большая роль случайных и внешних факторов в социально-экономических процессах XVII в. оттеняется сравнительно менее интенсивным влиянием демографического фактора. Это обстоятельство, очевидно, связано со спецификой роли этого фактора в период восстановления. Роль демографического фактора особо значима в периоды Сжатия и перена-

селения, когда малоземелье и повторяющиеся голодовки предписывают людям и властям определенную линию поведения. В период восстановления изобилие ресурсов и относительно высокий уровень жизни обуславливают большую свободу поведенческого выбора. В этот период демографический фактор почти не ставит ограничений вмешательству других факторов, в том числе и случайных. В это время действие демографического фактора, не «запрещающее», а «разрешающее»; например, он «разрешает» крепостное право и рабство, которое в условиях перенаселения и избытка дешевой рабочей силы становится неэффективным и исчезает.

глава II

Время этатистской монархии

2.1. Новая военная революция: появление линейной тактики

Начиная с XVI в. крупные военные инновации в Европе следовали одна за другой: вслед за появлением первых подразделений, вооруженных огнестрельным оружием, пришло время баталий и терций, затем появились полковые пушки, а потом — фузея, штык и линейная тактика. Эти инновации можно считать отдельными военными революциями, или этапами одной перманентной военной революции, — в любом случае механизм их воздействия на общество был один и тот же: они вызывали волну завоеваний и перенимание окружающими странами новой военной техники, создание вооруженных новым оружием армий, увеличение налогов, часто приводящее к голоду и народным восстаниям, усиление монархии, перераспределение ресурсов в пользу государства и в ущерб дворянской элите, конфликт между монархией и элитой, а потом — традиционалистскую реакцию.

Очередная военная революция пришла в Европу в конце XVII в. До этого времени технические достижения касались, главным образом, артиллерии: пехота продолжала пользоваться тяжелыми фитильными мушкетерами, стрелявшими с сошки. Так как скорострельность была низкой, то огневое воздействие было еще сравнительно слабым и пехота не могла остановить огнем атаку кавалерии. Для защиты от кавалерийских атак мушкетерам придавались подразделения пикинеров; в нужный момент пикинеры выходили вперед и выставляли навстречу вражеским кавалеристам свои пятиметровые пики. Атаку пехотного строя противника после залпа мушкетеров также проводили пикинеры: они смыкались в передних линиях и атаковали врага примерно так же, как это делала фаланга Александра Македонского.

На поле боя пикинеры и мушкетеры строились квадратной колонной, которую в Германии называли «баталией», а в Испании — «терцией». По периметру баталии располагались мушкетеры, внутри баталии — пикинеры; в общей сложности баталия насчитывала от 2 до 5 тыс. солдат. Перестроения, связанные с выходом пикинеров на внешний фронт, были достаточно сложными: в некоторых случаях мушкетерам приходилось проползать под опущенными пиками. Эта сложность перестроения требовала длительной подготовки солдат, поэтому армии XVII в. состояли, главным образом, из профессиональных наемников. Голландский полководец Мориц Оранский и шведский король Густав Адольф строили свои войска более мелкими батальонами, вытягивая их в линию для того, что-

бы более эффективно использовать огневую мощь мушкетеров, однако эти паллиативные преобразования не решали главной проблемы взаимодействия пикинеров и мушкетеров.

Новый этап военной революции был связан с появлением двух важных военных инноваций, штыка и кремниевого замка. В 1646 г. французские мушкетеры получили на вооружение багинет, клинок 30-сантиметровой длины, узкая рукоять которого вставлялась в дуло мушкета, на время превращая его в копьё. Багинет использовался при отражении кавалерийских атак и в рукопашном бою, но это был лишь первый шаг на пути к изобретению штыка. В 1684 г. некоторые французские полки получили на вооружение клинок с пустой ручкой, надевавшийся на ствол мушкета. Это дало возможность стрелять, не снимая клинок со ствола, но и в этом варианте зарядание было невозможно. Наконец, в 1699 г., была создана трубка с горизонтальной шейкой, превратившая багинет в настоящий штык¹.

Одновременно с 1660-х гг. происходила замена старого фитильного замка в мушкетах кремниевым ударным замком. Это усовершенствование упростило процесс зарядания мушкета и увеличило его скорострельность с одного выстрела в две минуты до трех выстрелов в минуту. Одновременно был существенно снижен вес мушкета; облегченный кремниевый мушкет получил во Франции название «фюзиль», превратившееся в России в «фузею»².

Таким образом, огневая мощь мушкета резко увеличилась, а штык превратил его в комбинированное стреляющее и колющее оружие; это дало возможность отражать атаки кавалерии огнем и штыками. В результате присутствие пикинеров в составе батальонов стало излишним. В 1684 г. пика была снята с вооружения в австрийской армии, в 1689 г. — в армии Бранденбурга, а в 1703 г. — во французской армии. На смену сложным передвижениям мушкетеров и пикинеров пришла линейная тактика: мушкетеры строились в линию из 4–6 шеренг; при приближении к противнику первая шеренга стреляла и становилась на колено, заряжая ружья, затем то же самое делала вторая шеренга, затем третья — и так далее (впрочем, очередность стрельбы могла меняться и в некоторых случаях шеренги не становились на колено, а менялись местами)³.

Пионером внедрения новой тактики была австрийская армия. Австрийцы первыми пожали плоды этих фундаментальных инноваций: предводимые Евгением Савойским, они в 1697 г. разгромили турок в сражении при Зенте и затем в союзе с англичанами одержали верх в войне за австрийское наследство. В результате этих побед были завоеваны Венгрия, Бельгия и часть Италии, территория габсбургской монархии увеличилась более чем вдвое, а Евгений Савойский стал самым знаменитым полководцем того времени. Таким образом, новое фундаментальное открытие породило волну австрийских завоеваний и привело к рождению огромной империи Габсбургов.

Однако к началу XVIII в. от пики отказались еще не все европейские армии. Шведы восприняли линейную тактику, но сохранили в своем составе пикинеров, которые составляли треть в каждом батальоне. В силу этой особенности шведы стремились решать сражение быстрой атакой

с применением штыков, пик и шпаг. Тактика быстрой штыковой атаки настолько увлекла Карла XII, что он стал уделять меньше внимания артиллерии, за что потом поплатился под Полтавой⁴. Очевидно, что путь прогресса не прямолинеен и даже лидирующая в военном отношении страна может совершать ошибки в своей военно-технической политике — ошибки, которые приводят к утрате лидерства.

Линейная тактика позволила в широких масштабах привлекать в войска «непрофессионалов», рекрутируемых из крестьян. Как отмечалось выше, первым рекрутские наборы начал проводить шведский король Густав Адольф, однако когда после разграбления Германии у шведов появились деньги, они отчасти вернулись к наемной армии. Позднее (в связи с очередными финансовыми трудностями) король Карл XI отказался от вербовки наемников и ввел систему *indelting Werket*. Все военнообязанное мужское население была поделено на «роты» по 10 человек, и каждая рота должна была поставлять одного рекрута (всего около 37 тыс. солдат). Этому солдату выделяли ферму, «торп», на которой он со своей семьей жил в мирное время (иногда отлучаясь на учебные сборы). Во время войны «рота» помогала семье солдата в сельских работах, а жалование солдату платило государство. Срок службы составлял 30 лет, и рота обязывалась заменить убитого или состарившегося солдата⁵.

«Индельта» была первой «регулярной» системой рекрутского набора, но вместе с тем она содержала в себе элементы будущих военных поселений. Система содержания армии, принятая в России при Алексее Михайловиче, в целом напоминала «индельту»: в мирное время многие солдаты жили в своих деревнях, иногда собираясь на учебные сборы. Численность московской пехоты «иноземного строя» в мирное время составляла около 30 тыс. человек (25 полков); на каждого солдата, живущего в своей деревне, община давала поручительную запись, гарантируя его возвращение в полк⁶. Де Невиль называет эти войска «милицией», подобно тому как во Франции существовала провинциальная милиция, пополняемая рекрутскими наборами. Разница, однако, состоит в том, что во Франции основу армии составляли наемники, а милиция была лишь вспомогательным контингентом; служба в милиции в мирное время продолжалась только два года. Милиция существовала и в некоторых германских княжествах, но и там — в отличие от России — она не имела самостоятельного военного значения⁷. Таким образом, первые шаги к массовой регулярной армии, комплектуемой рекрутскими наборами, были сделаны Швецией, и вслед за ней — Россией. Как мы увидим далее, по этому пути следом за Россией пойдут и крупнейшие германские государства — Пруссия и Австрия. Во Франции же рекрутская повинность будет введена только после Французской революции и в другой форме, в форме всеобщей воинской обязанности.

Одной из проблем, вставших перед новой массовой армией, была проблема дисциплины и дезертирства. Естественно, что набираемые насильно рекруты были склонны к побегам, поэтому Густав Адольф ввел суровые наказания (в том числе шпицрутенами) за самовольные отлучки из лагеря и другие нарушения дисциплины. Шведский король создал военные суды и первый военно-уголовный кодекс, который потом лег в основу «Артикула воинского» Петра I⁸.

Таким образом, новые технические инновации, создание облегченной фузеи со штыком и кремниевым замком, породили линейную тактику и массовую армию, которая с течением времени стала комплектоваться путем рекрутского набора и превратилась в регулярную армию, находящуюся на постоянном казарменном содержании. Создание такой армии стало основной целью реформ Петра Великого.

2.2. Механизм диффузионного влияния: пример Петра I

Вокруг реформ Петра Великого уже три столетия ведутся оживленные споры, в то время как одни историки (например, С. М. Соловьев) признают их кардинальным переворотом, «революцией», другие (как П. Н. Миллюков) отказываются называть их реформами, ибо «хозяйничанье изо дня в день не представляет собой ничего похожего на реформу»⁹. Сложность восприятия петровского времени заключается в том, что в преобразованиях Петра было много внешнего, и такие мероприятия, как принудительное стрижение бород и резание рукавов кафтанов, производили на общество большее впечатление, чем создание новой армии и флота. Будучи определены в своей основе глубинными историческими процессами, преобразования Петра в то же время представляют собой *пример действия механизма диффузии*, который в конечном счете работает через личные связи конкретных людей и поэтому в некоторой степени зависит от сочетания случайных событий. (Более подробное описание механизма диффузии можно найти в работах Е. В. Алексеевой¹⁰).

Формирование личности Петра протекало в необычных условиях; волею случая он был отторгнут из дворцовой кремлевской среды, о его образовании никто не заботился, и сцепление странных обстоятельств привело к тому, что его воспитателями стали не московские попы и дьяки, а голландские матросы и плотники — такие как Тиммерман и Брант. Эти люди сделали из русского царя матроса и плотника; юный Петр перенял у них страстную любовь к морю и плотницкому делу, он позаимствовал простонародные голландские манеры, голландскую одежду и пристрастие к табаку¹¹. В то же время он оказался лишен того, что считалось необходимыми качествами русского царя: набожности, православной образованности, уважения к церкви и национальным традициям. До двадцати двух лет Петр вообще не занимался государственными делами, проводя время в строительстве яхт и военных потехах. В это время у него появились новые друзья и «воспитатели», офицеры из Немецкой слободы; из их числа выделялись полковник Лефорт, который приучил Петра к умеренной выпивке и свел его со своей любовницей Анной Монс, а также генерал Гордон, которому Петр был обязан своей любовью к артиллерии и фейерверкам. Когда Петру было уже 25 лет, царь признался ганноверской принцессе Софии в том, что его настоящей страстью являются мореплавание и фейерверки. «Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек», — отметила принцесса София¹².

Голландская одежда Петра, его постоянное общение с иностранцами, пренебрежение официальными и религиозными церемониями — все это вызывало ропот и возмущение в народе. Патриарх Иоаким в своем заве-

щании убеждал царя избегать общения с еретиками-протестантами, отказать от иноземных одежд и обычаев. Когда после смерти Иоакима вопреки царю Святейший собор выбрал новым патриархом Адриана, Петр создал свой «всеппянейший собор», избравший «князя-папу», и принялся непристойным образом пародировать церковные процессии.

При всей случайности обстоятельств юности Петра, нельзя не признать, что во влиянии, оказываемом на царя его окружением, сказывалась сила технического превосходства Европы. За увлечением артиллерией стояли маневры «потешного» Преображенского полка, на которых Гордон продемонстрировал царю новую линейную тактику в сочетании с применением «полковых пушек». В любви к строительству кораблей проявлялось влияние другого фундаментального открытия Запада — именно тогда, в XVII в., создание совершенных океанских парусных кораблей, «флейтов», заложило основу торгового превосходства Голландии.

Любовь к плаванию под парусами подпитывалась целенаправленным влиянием заинтересованных лиц. В начале 1690 г. бургомистр Амстердама и президент Ост-Индской компании Николаас Витсен прислал царю план организации торговли с Персией и Индией через территорию России. Это был знаменитый «Каспийский проект», который сулил огромные прибыли и стал скрытой пружиной внешней политики Петра I. Посредником между молодым царем и амстердамским бургомистром стал почмейстер Андрей Виниус, сын голландского купца, основателя тульских заводов. Со временем Виниус вошел в круг ближайших друзей Петра и участников «всеппянейшего собора»¹³. Кроме того, в силу своих обязанностей Виниус рассказывал царю о европейских новостях. Молодой царь Петр не имел достойных этого имени учителей, и Виниус постепенно занял место его учителя и наставника. У Виниуса была обширная библиотека, состоявшая по большей части из голландских и немецких книг. Петру особенно понравилась книга об истории мореплавания и судостроения, автором которой опять же был Витсен. Виниус переводил для царя эту книгу, а потом по просьбе Петра стал учить его голландскому языку¹⁴. Конечно, в процессе обучения он рассказывал о Голландии, о мореплавании, о европейской политике и многом другом. Опытные учителя могут формировать мировоззрение своих учеников, так что постепенно Петр стал «русским голландцем» и летом 1692 г. несколько дней праздновал победу голландцев и англичан над французским флотом в сражении у мыса Ла-Хог. В 1693 г. царь вместе с Виниусом поехал в Архангельск, чтобы посмотреть на голландские корабли; он дружески общался с моряками, называл себя «шкипером Питером» и заказал Витсену фрегат, на котором хотел отправиться в плавание в Китай¹⁵.

Осуществление этих планов было прервано войной с Турцией и азовскими походами 1695–1696 гг. После взятия Азова царь решил строить большой флот на Азовском море и послал 50 дворян за границу учиться морскому делу. Весной 1697 г. с той же целью в составе «Великого посольства» поехал за границу и сам Петр; он ехал в Саардам, где были расположены знаменитые голландские верфи. Петр был настолько увлечен своими мечтами, что, подъехав к Рейну, бросил посольство, нанял маленькую лодку и пустился вниз по реке к верфям, даже не остановившись в гол-

ландской столице. Царь устроился плотником на верфь в Саардаме, но его инкогнито было вскоре раскрыто, и ему пришлось перебраться на амстердамские верфи, а потом — в Англию, где он строил корабли в Дептфорде. Поведение русского царя многим казалось странным: было очевидно, что он занимается не царским делом. «Он создан природой скорее затем, чтобы стать корабельным плотником, чем великим правителем, — записал после встречи с Петром епископ Бернет. — Овладение этим ремеслом и являлось главным его занятием, пока он здесь находился»¹⁶.

Хотя молодой царь смотрел на мир глазами моряка и плотника — или, может быть, благодаря этому — Амстердам и Лондон произвели на него огромное впечатление. С этого времени в душе Петра поселилась мечта по мере возможности превратить Россию в Голландию — и главное: построить свой Амстердам, город кораблей, каналов и многоэтажных каменных зданий. Во время пребывания Петра в Амстердаме роль гостеприимного хозяина исполнял бургомистр Николаас Витсен. Витсен составил для Петра «культурную программу», предусматривавшую беседы с купцами, посещение порта, мануфактур, мастерских, музеев и лабораторий крупных ученых. Петр некоторое время изучал анатомию и хирургию у профессора Рюйша и учился рисованию у знаменитого Шхонебека. В Англии Петр основательно освоил черчение и необходимые для кораблестроителя элементы математики и механики. Все это существенно расширило кругозор Петра, и он вернулся из поездки с большим багажом знаний¹⁷.

Хотя Великое посольство отправилось в Голландию с целью укрепления антитурецкой коалиции, советы Вильгельма III и Витсена обратили мысли Петра к задаче приобретения порта на Балтике. Выход на Балтику был необходим для реализации «Каспийского проекта» Витсена — для организации «шелкового транзита» из Персии в Голландию, что обещало огромные прибыли как голландским купцам, так и русской казне. Однако попытка прорваться на Балтику означала неминуемую войну со Швецией. Возвращаясь из поездки в Европу, Петр встретился с польским королем Августом II и попытался договориться с ним о совместных действиях против Швеции. Но на свидании в Раве-Русской речь шла лишь о предварительном выяснении намерений: будущие союзники в то время не были готовы выступить против шведов¹⁸.

Причиной этой неготовности была не только продолжавшаяся война с Турцией, но и техническая отсталость русской армии. Во время встречи с Августом II Петр беседовал с генералом Флемингом и под его руководством принимал участие в маневрах саксонской армии. Увиденное убедило царя в необходимости создания новой, обученной линейной тактике регулярной армии¹⁹.

Когда Петр находился в Вене, гонцы из России доставили ему известия о стрельцком бунте. Осенью 1697 г. четыре полка охранявших Азов московских стрельцов получили приказ идти к польской границе. Стрельцы были недовольны: им не платили жалованье и не дали зимних квартир — даже помимо других причин этого было достаточно, чтобы ненавидеть командовавших ими немецких офицеров. Между тем демонстративная дружба Петра с «немцами» уже давно вызывала ропот: «Попутали молодого царя еретик Францко Лефорт и немка Монсова». 6 июня 1698 г. стрель-

цы подняли бунт; вожаки кричали: «Идти к Москве! Немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело, бояр побить... а государя в Москву не пустить и убить за то, что сложился с немцами!»²⁰

Известия о новом выступлении стрельцов утвердили царя в мысли, что стрельцы являются оружием его врагов-бояр и он может опираться только на своих преображенцев. По возвращении в Москву 25 августа 1698 г. Петр, не заезжая в Кремль, сразу поехал в Преображенское; при этом он ночевал не во дворце, а в маленьком деревянном доме, стоявшем среди солдатских казарм; вокруг этого дома было установлено несколько пушек²¹.

Петр был уверен, что мятеж стрельцов был частью боярского заговора, который возглавляли тайные сторонники Милославских. Чтобы найти вождей заговора, Петр приказал заново расследовать обстоятельства стрелецкого мятежа; он сам участвовал в пытках стрельцов — но не нашел свидетельств против бояр. 23 октября имперский посол Корб стал свидетелем спора царя с боярами, когда «не щадили ни слов, ни рук», — то есть разъяренный царь дошел до рукоприкладства²². Подробности этого спора мы узнаем в записках Джона Перри, одного из капитанов, нанятых Петром во время поездки на Запад. Оказывается, дело было не в мнимом заговоре бояр: конфликт имел финансовый характер. Произошедшая военная революция требовала создать новую регулярную армию. Но для этого требовались деньги: солдаты обходились дороже стрельцов. Царь задумал повысить вдвое налоги с городов — а взамен предлагал посадским людям ввести городское самоуправление по типу голландского. При этом воеводы (по большей части бояре) лишались не только власти, но и сопряженных с ней официальных и неофициальных доходов. «Но когда в торжественном собрании Господ (то есть в Боярской думе — С. Н.) царь сделал им это полезное предложение, — свидетельствует Перри, — то оно вызвало борьбу в среде дворян, так как отсекало значительную отрасль их власти... Убедившись, что борьба ни к чему не приведет, и что под конец царь начал уже сердиться на них, они начали бояться, что несколько голов будет отрублено для примера заслушание, и принуждены были покориться»²³. Корб рассказывает, что 1-2 января 1699 г. Петр вызвал бояр в Преображенское, но даже здесь, посреди военного лагеря, они осмелились перечить царю, и в итоге один из спорщиков был высечен²⁴. В конечном счете указ о местном самоуправлении был подписан 30 января 1699 г. как царский именной указ, без упоминания о «боярском приговоре»²⁵.

Январь 1699 г. был решающим периодом противостояния царя и Боярской думы. В итоге Дума был сломлена и практически исчезла со страниц исторических документов. «Приговоры этого учреждения, прежде всем руководившего... делаются малозаметным, редким явлением; на место боярских приговоров в актах становятся именные указы и высочайшие резолюции», — констатирует В. О. Ключевский²⁶.

Наиболее яркое описание произошедшего переворота дал прусский посол И. Г. Фоккеродт: «С этой (стрелецкой — С. Н.) казни... Петр пользовался самой полной самодержавной властью в духовных и светских делах... и подлинно заставил своих дворян почувствовать иго рабства: совсем отменил

все родовые отличия, присуждал к самым позорным наказаниям, вешал на общенародных виселицах самих князей царского рода... всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом тяжкого наказания, не давал значения ни какой другой чести или преимуществам, кроме таких, какие присваивал каждому чин его, приобретенный службой...»²⁷ «Он отнял у всех дворян, от высшего, до низшего, самую малейшую тень их старых преимуществ, — уточняет Фоккеродт, — и отменил старинный образец, по которому в законах и указах упоминалось о согласии бояр»²⁸.

Таким образом, в соответствии с теорией «военной революции» создание новой армии потребовало перераспределения финансовых ресурсов; это вызвало конфликт царя с боярами, который закончился *установлением абсолютизма*.

Отняв часть доходов у знати, абсолютный монарх не оставил без внимания доходы церкви. В январе 1701 г. монастырские и церковные вотчины были взяты под управление государства, которое забирало все доходы, оставляя монахам на содержание по 10 (а потом по 5) рублей в год. Проявлявшаяся со времен «всеявнейшего собора» враждебность царя к монахам была такова, что им запретили иметь письменные принадлежности; в случае неуплаты «начетных» денег власти предписывали избивать архимандритов на правеже²⁹.

Петр, конечно, понимал, что православная церковь является опорой традиционализма и по мере возможности она будет сопротивляться реформам. Стрелец и монах были для него на одно лицо — но в любом случае в этом открытом объявлении войны православию проявлялся иррациональный, юношеский максимализм царя, который наложил свои отпечаток на весь процесс преобразований.

Столь же иррациональный характер имели указы о бритье бород, о запрещении всем, кроме крестьян и духовенства, носить русскую одежду, о переносе празднования Нового года на 1 января. Реформы такого рода следуют обычно в заключительной фазе преобразований, после того как осуществлены главные заимствования, касающиеся техники и общественных отношений. В то же время они наиболее болезненно воспринимаются обществом, потому что символизируют собой отказ от основных жизненных традиций. В 1766 г. в аналогичной ситуации в Испании запрет ношения сомбреро вызвал большое народное восстание, и возмущенные толпы едва не взяли штурмом королевский дворец. Указ Петра также вызвал восстание — но не сразу, в 1705 г. против «немецкого платья» вспыхнул большой бунт в Астрахани.

2.3. Военная реформа и Вторая Северная война

Как отмечалось выше, Петр I усвоил западную культуру в основном в ее голландском варианте. Однако первостепенные интересы России требовали, в первую очередь, освоения западных военных инноваций, связанных с развитием артиллерии и линейной тактики. Это были элементы других культурных кругов, австрийского и шведского. Как отмечалось выше, пионером внедрения линейной тактики в конце XVIII в. была австрийская армия Евгения Савойского. В 1697 г. Петр послал к принцу Ев-

гению майора Преображенского полка австрийца Адама Вейде, который прошел стажировку в имперских войсках и даже участвовал в знаменитой битве при Зенте. По возвращении в Москву Вейде на основе австрийских документов подготовил новый воинский устав под названием «Краткое обыкновенное учение». По этому уставу полк состоял из одних мушкетеров, вооруженных ружьем с багинетом; мушкетеры строились в шесть шеренг и вели стрельбу залпами. В уставе описывались также приемы штыковой атаки; солдаты получили форму австрийского образца («венгерские кафтаны»)³⁰.

В Россию были приглашены два австрийских фельдмаршала, герцог де Кроа и барон Огильви. По словам К. Манштейна, именно Огильви русские «обязаны первоначальным наведением порядка и дисциплины в русской армии, и в особенности в пехоте»³¹.

Как отмечалось выше, решение Петра начать войну со Швецией было связано с проектом Витсена о создании торгового пути с Каспия на Балтику для вывоза в Европу персидского шелка. Царь объяснял Северную войну желанием открыть торговлю с дальними странами, «дабы народ через то облегчение иметь мог». Приобретение балтийских портов и последовавшая затем экспедиция в Персию были частью единого плана — и Витсен приложил все силы, чтобы помочь Петру осуществить этот план. Когда русские вышли на берега Невы, Витсен сразу же послал к Петру один из своих кораблей — это был тот самый первый корабль, который «царь-лоцман» самолично провел к Петропавловской крепости³². По сообщению датского резидента Г. Грунда, Петр полагал, что овладение персидской шелковой торговлей позволит окупить все издержки шведской войны³³; в 1723 г. Петр действительно направил войска в Персию и захватил «шелковую» провинцию Гилян. Хотя, казалось бы, все было рассчитано точно, однако оккупация Гиляна не дала ожидаемых выгод. Военные власти оказались неспособны организовать эффективное управление, доходы от шелковой торговли расхищались, войска потеряли боеспособность из-за косившей солдат малярии. В любом случае оккупация могла продолжаться лишь до тех пор, пока в Персии не появится сильный правитель, и с воцарением могущественного Надир-шаха России пришлось вывести свои войска. Таким образом, попытка направить восточную торговлю через Россию в конечном счете закончилась ничем³⁴.

С военной точки зрения нападение на Швецию было связано с большим риском: в России не было качественного железа для производства мушкетов, а единственным поставщиком железа была как раз Швеция. Меди для легких полковых пушек в России также не было, и ее также привозили из Швеции³⁵. Решиться в таких обстоятельствах на войну можно было лишь при условии голландской поддержки — и эта поддержка была оказана: Витсен через посредство компании Любса в огромных количествах поставлял Петру оружие в самый трудный допотопский период войны³⁶.

Подготовка к войне со Швецией началась в ноябре 1699 г., когда было объявлено о наборе даточных по одному человеку с 50 дворов и одновременном наборе добровольцев-наемников — причем разрешалось записываться холопам и крепостным. Беря пример с Австрии и Голландии, Петр полагал, что настоящими солдатами могут быть только наемники, кото-

рым хорошо платят, — поэтому он пытался перейти от набора даточных к вербовке добровольцев³⁷. Петровский солдат получал 11 рублей в год плюс кормовые — в общем, на дневную плату в 3 копейки можно было купить 10 кг хлеба — каменщик зарабатывал немногим больше. Кроме того, солдаты получали паек по нормам австрийской армии: два фунта хлеба, один фунт мяса и один гарнец пива в сутки. Не удивительно, что две трети новобранцев 1699 г. составляли добровольцы³⁸.

К осени 1700 г. из новобранцев было сформировано 27 полков. Саксонский генерал Ланген, видевший русскую армию до Нарвы, находил ее превосходной по составу: люди все были рослые, молодые, хорошо обмундированные и обученные стрельбе так хорошо, что не уступали немецким полкам³⁹. Среди командиров полков не было ни одного русского, офицерами тоже были преимущественно иностранцы. Однако этот новый офицерский состав был набран наспех, и по отзыву генерала А. М. Головина, многие из них были «гуляки великие», некоторые «за мушкет взяться не умели»⁴⁰.

Существенные сдвиги произошли и в артиллерии. Новая артиллерия была создана по шведскому образцу и состояла из трехфунтовых полковых пушек весом в 20 пудов. Производство этих орудий (вместо прежних двухфунтовых) было освоено незадолго до войны — но они уступали шведским пушкам, которые при немного меньшем весе имели четырехфунтовый калибр⁴¹. Каждому полку новой армии (так же как в Швеции) было придано две полковые пушки⁴².

Таким образом, первоочередная задача заимствования фундаментальных военно-технических достижений была решена достаточно быстро, и для этого не нужно было воевать со шведами. Решение этой задачи было облегчено тем, что реформирование армии по шведскому образцу началось еще при царе Алексее Михайловиче, методы комплектования «полков иноземного строя» были уже опробованы, и Петру было достаточно закупить новые мушкеты и обучить рекрутов новой линейной тактике.

После сражения под Нарвой Петр говорил, что новобранцы были плохо обучены: ему нужно было как-то объяснить поражение. Но истинная причина разгрома заключалась, по-видимому, в другом. После указов о брандентинизации и запрещении национальной одежды у русских солдат были веские причины не любить своих немецких офицеров. Офицеры чувствовали себя неуверенно, многие из них еще не успели освоиться в новых условиях: стоит вспомнить о том, что австрийский фельдмаршал герцог де Кроа был назначен командующим за день до начала сражения; он не знал своих офицеров и не владел русским языком⁴³.

Ни Петр, ни русское командование не ожидали, что шведский король осмелится атаковать вчетверо более многочисленную армию, находящуюся в укрепленном лагере. Однако сражение, разыгравшееся 20 ноября 1700 г., до сих пор приводит в изумление военных историков. Стоило шведам взобраться на земляной вал, как раздались крики: «Немцы изменили!» — и русские солдаты принялись избивать своих офицеров. «Пусть сам черт дерется с такими солдатами!» — воскликнул де Кроа и вместе с другими немецкими офицерами поспешил сдаться в плен⁴⁴. По-видимому, это был единственный случай в военной истории, когда командующий искал в плену спасения от своих солдат. По существу, то, что прои-

зошло под Нарвой, было продолжением стрелецкого бунта, проявлением традиционалистской реакции на реформы Петра — этот бунт произошел во время сражения со шведами и обеспечил им победу над многократно сильнейшим противником.

Таким образом, поразительная победа шведов была следствием «обратного порядка» Петровских реформ. После битвы приближенные Карла XII советовали королю вторгнуться в Россию, поддержать приверженцев Софьи и воспользоваться недовольством стрельцов и черни, противившихся введению «немецких» обычаев⁴⁵. Карл XII был хорошо осведомлен о глубоком конфликте, расколовшем русское общество — но он не воспользовался открывшимися возможностями.

Под Нарвой Россия столкнулась с армией, первой овладевшей новым оружием, армией, победы которой еще недавно олицетворялись с волной завоеваний, порожденной фундаментальным открытием, «полковой пушкой». Своеобразие ситуации, однако, заключалось в том, что в то время волна не угрожала России — шведская агрессия направлялась на Германию и Польшу, где в плане военной добычи война сулила большие перспективы. Россия, вероятно, стала бы объектом дальнейших завоеваний — но Петр сумел позаимствовать новое оружие до того, как его страна подверглась удару волны, и, более того, сам напал на потенциального агрессора. Однако «странная победа» под Нарвой создала у гордых обладателей нового оружия обманчивое впечатление о неспособности «русских варваров» заимствовать их достижения.

Как бы то ни было, Россия получила передышку, и Петр смог приступить к восстановлению армии. После нарвского разгрома выяснилось, что Россия была совершенно не подготовлена к войне — не было ни пушек, ни ружей, ни шпаг, ни сукна для солдатской формы. Даже седла, палатки и сапоги пришлось первое время закупать за границей⁴⁶. Под Нарвой была потеряна большая часть артиллерии — 177 пушек и мортир, и Петр решился на поступок, который многие сочли святотатством — он приказал снимать с церкви колокола и переливать их в пушки. «Ради бога, поспешайте с артиллериею, как возможно: время яко смерть», — писал Петр Виниусу, который теперь стал «надзирателем артиллерии»; в ответ Виниус предлагал снять медную кровлю с кремлевских дворцов. Переплавка колоколов дала 90 тыс. пудов меди — это было очень большое количество металла: Англия, лидировавшая в середине XVIII столетия в выплавке меди, производила в год около 230 тыс. пудов. Из колокольной меди в 1701 г. на Московском пушечном дворе было отлито 243 полковых пушки; непосредственно отливкой руководил ближайший помощник Виниуса, голландский мастер Иоган Гошке, который ввел проверку качества литья и усовершенствовал пушечные лафеты⁴⁷.

Однако колокольная бронза не могла спасти положения, война продолжалась, и орудий требовалось гораздо больше. Нужно было создавать новую военную промышленность и ускорять строительство заводов на Урале. Осенью 1701 г. была пущена первая домна Каменского завода, и вскоре первые пять пушек санным путем, не дожидаясь вскрытия рек, привезли в Москву. Присутствовавший на испытаниях Виниус сообщил царю, что орудия оказались «зело изрядны». В 1702 г. было отлито 180 пу-

шек; их доставляли в Москву как можно быстрее, на санях, в подводах. В 1703 г. английские мастера Жартон и Панкерст в присутствии Виниуса запустили вторую домну Каменского завода; в этом году было отлито 572 орудия, и, хотя качество последующих отливок оставляло желать лучшего, на первое время проблема с артиллерией была решена⁴⁸.

Одновременно с воссозданием артиллерии решалась проблема производства ружей. В начале войны тульские мастера могли изготавливать лишь несколько тысяч ружей в год; качество было плохим, царю приходилось самому присутствовать на испытаниях; если ружья разрывало, то мастеров били батогами. Между тем по штатам 1711 г. для армии требовалось более 170 тыс. ружей. В 1701–1710 гг. за границей было закуплено 115 тыс. ружей и ружейных стволов; эти закупки производились в основном голландской компанией И. Любса, тесно связанной с другом Петра Витсенем. Закупки продолжались до 1712 г., когда в Туле был пущен большой оружейный завод; в 1714 г. на этом заводе было произведено из уральского железа 14 тыс. ружей. Благодаря естественным легирующим добавкам уральское железо давало превосходный материал для ружейных стволов; австрийский посол Отто Плейер писал, что нельзя отыскать железа лучше, чем сибирское⁴⁹.

В целом за время правления Петра было построено около полусотни металлургических и оружейных заводов и производство чугуна возросло с 150 до 800 тыс. пудов⁵⁰. Но для армии были необходимы также мундиры; в 1704–1705 гг. были построены две большие суконные мануфактуры в Москве и Воронеже, однако они давали лишь пятую часть потребного сукна. В 1705–1710 гг. в Англии и Голландии было закуплено 300 тыс. аршин сукна. Петру так и не удалось решить проблему обмундирования, и до конца XVIII в. сукно в больших количествах ввозили из-за границы. Для обеспечения армии и флота Петр строил также полотняные, кожевенные, амуничные мануфактуры — в общей сложности было построено около 200 мануфактур, заложивших начало русской промышленности. Большинство рабочих на этих мануфактурах составляли «приписные» крестьяне из соседних деревень — в зачет податей они были обязаны отрабатывать на мануфактурах несколько месяцев в году. Петр стремился привлечь в новую промышленность купеческие капиталы и часто передавал построенные им предприятия (вместе с приписными крестьянами) компаниям купцов с обязательством поставлять часть продукции казне. Таким образом, к концу царствования большая часть предприятий принадлежала купцам, но деятельность этих фабрикантов строго регламентировалась⁵¹.

Одновременно с созданием военной промышленности проводились мероприятия по созданию огромной новой армии. В первые годы после Нарвы Петр ограничился восстановлением и доукомплектованием разбитых дивизий «прибором» людей из «старых служб» — главным образом из стрельцов; он по-прежнему не доверял «даточным»⁵². Но необходимость создания большой армии заставила царя вернуться к массовым наборам, подобным наборам 1658–1660 гг. В феврале 1705 г. был произведен первый большой набор даточных (теперь их называли рекрутами) — по одному человеку с 20 дворов, затем большие наборы повторялись ежегодно до 1709 г. По этим наборам было призвано 118 тыс. рекрутов. К 1708 г.

полевая армия увеличилась в 2,5 раза, она насчитывала теперь 57 пехотных и 28 кавалерийских полков, 113 тыс. солдат (но кроме того, были еще многочисленные гарнизонные части)⁵³.

Естественно, подневольные крестьяне, загнанные в армию силой, использовали любой удобный случай для бегства. Во время следования в полк рекрутов заковывали в колодки, тем не менее в 1705 г. из партии в 2277 человек бежало 895, в 1710 г. из партии в 5715 человек бежало 1669 — таких примеров было множество. Бежали и с поля боя, после сражения при Голловчине в 1708 г. в дивизии князя Репнина насчитали 113 убитых, 218 раненых и 409 беглых. По указу 1705 г. из каждых трех пойманных дезертиров одного вешали, а двух других секли кнутом и отправляли на каторгу — но дезертиров было так много, что армейские власти были не в состоянии всех казнить. В 1712 г. для удобства опознания беглых рекрутам стали делать наколку на правой руке в виде креста, в народе ее называли «печатью антихриста»⁵⁴.

С точки зрения теории культурных кругов поражение от завоевателей, обладающих новым оружием, («удар завоевательной волны») должно было бы породить спешное перенимание их военной технологии. Такое перенимание действительно имело место: полки русской армии получили организацию шведского образца (они делились на два батальона по четыре роты). Комплектование полков (как и в Швеции) стало территориальным: полки носили название того города или области, откуда получали рекрутов, и если солдат погибал или дезертировал, с его деревни требовали нового рекрута. Был введен 4-шереножный строй, и Петр срочно принялся переучивать свою армию с австрийского на шведский вариант линейной тактики; приоритет теперь отдавался штыковой атаке, в армию вернули пикинеров. В действительности Петру не нужно было что-либо менять, потому что военная реформа была проведена заблаговременно, перед войной. В дальнейшем оказалось, что австрийский вариант линейной тактики был более эффективным, и в 1730-х гг. русская армия вернулась к «стреляющим линиям»⁵⁵. Однако одно нововведение тех времен было довольно существенным: багинеты были заменены на штыки, и Р. Хелли полагает, что именно это новшество позволило петровской армии отказаться от прежней оборонительной тактики⁵⁶.

Таким образом, мобилизовав ресурсы страны и резко увеличив налоги, царь смог создать огромную, более чем сотысячную полевую армию. Карл XII не верил, что огромная русская армия овладела секретом нового оружия — он самонадеянно бросил свои войска в штыковую атаку под Полтавой, и на большей части фронта шведские линии не успели добежать до противника: они были сметены картечью полковых пушек⁵⁷.

2.4. Трансформация структуры

После реформ Ивана Грозного и Алексея Михайловича реформы Петра I были третьей «военной революцией». Каждая «военная революция» сопровождается трансформацией структуры, качественными изменениями в структуре «государство–элита–народ»⁵⁸. Петровская трансформация структуры привела к радикальному изменению положения элиты. Как от-

мечалось выше, при царе Алексее Михайловиче началось переформирование дворянской элиты в рамках второй «военной революции». Этот процесс был остановлен традиционалистской реакцией после смерти царя Федора и возобновился с началом Северной войны. Воздействие технологического фактора было настолько велико, что «военная революция» меняла не только распределение ресурсов между государством и элитой, но трансформировала функции и положение элиты. Как и прежде, одним из основных моментов этого процесса было преобразование поместного ополчения в регулярную кавалерию. После Нарвы началось формирование новых регулярных кавалерийских полков. В 1700–1701 гг. комиссия под председательством князя Б. Голицына произвела перепись всех дворян и их сыновей; всего было учтено 27 тыс. человек, и годные к службе были распределены по полкам. При этом существенно, что дворян теперь посылали на службу не в рейтары, а в драгуны; это было вызвано падением значения тяжелой кавалерии в результате усиления артиллерии и широкого применения картечи. Однако служба в драгунах означала умаление престижа дворян и должна была вызвать их недовольство⁵⁹.

Другим направлением преобразования элиты было создание нового офицерского корпуса. Петр полагал, что офицерами новой армии должны быть в основном дворяне — но для того, чтобы стать офицером, дворянин должен был сначала получить необходимое образование, а затем в качестве солдата пройти военное обучение в гвардейских частях. В 1714 г. было указано всех дворянских недорослей десяти лет определить для учебы в новосозданные «цифирные» школы; это мероприятие было сопряжено с отрывом детей от семьи — ведь школы имелись лишь в немногих губернских городах. Учеба в школах продолжалась до 16 лет, после чего юношей распределяли рядовыми в полки. Отпрыски знатных фамилий обычно служили в гвардии; тех, кто не служил в гвардии и «с фундамента солдатского дела не знает», было запрещено производить в офицеры. Особенно престижно было служить в конногвардейском полку, там числилось около 300 рядовых из князей⁶⁰.

Если раньше дворяне жили в поместьях и собирались лишь перед началом похода, то теперь служба стала постоянной. После окончания Северной войны постепенно установился порядок, по которому в мирное время офицер раз в два года мог получить полугодовой отпуск. Отставку давали только по старости или из-за увечья. Правда, можно было записаться на гражданскую службу, но число принимаемых в чиновники было ограничено третьей от каждой фамилии и требовалось соответствующее образование⁶¹.

Другой указ 1714 г. вводил единонаследие поместий и вотчин, нарушенное в правление Софьи; по существу, это было частичное восстановление традиционной системы верстания «в припуск», когда один из сыновей заменял на службе отца. Кроме того была запрещена продажа не только поместий, но и вотчин. В целом политику Петра I в отношении дворянства можно рассматривать как меры, направленные на реставрацию и усиление поместной системы, со времен Ивана III составлявшей основу российской этактистской монархии.

Отягчение службы, естественно, вызывало недовольство дворян, некоторые не являлись на смотр и скрывались в «нетях». В 1703 г. многие

дворяне не явились к сроку в стоявший в Пскове корпус Б. П. Шереметева. У «нетчиков» были отобраны поместья и вотчины — причем эти конфискации приобрели массовый характер; за время войны было конфисковано в общей сложности около 3 тыс. поместий⁶². Таким образом, Петр эффективно использовал старый принцип поместной системы, возможность конфискации поместий; благодаря этому царю удалось навести дисциплину среди дворян⁶³.

Тем не менее недовольство дворянства оставалось постоянно действующим фактором. Французский эmissар де ла Ви в 1716 г. писал о том, что деятельность Петра крайне непопулярна, что дворянство недовольно. Ганноверский посол Ф. Х. Вебер придерживался того же мнения. Императорский посол Плейер сообщал о недовольстве и заговоре в гвардейских полках⁶⁴. Дело царевича Алексея показало, что к недовольным примыкали широкие круги старомосковского боярства, включавшие и часть генералитета — князья Долгорукие, Нарышкины, Апраксины, Голицыны. Следствие не подтвердило наличие заговора, но раскрыло картину широкой оппозиции. Голландский и австрийский послы сообщали, что сторонники Алексея ставили перед собой четыре основные задачи: мир со Швецией, уход из Петербурга, отказ от регулярной армии европейского образца в пользу дворянской конницы и снижение налогов⁶⁵ — в основном это были традиционалистские требования.

Однако сила петровского государства была столь велика, что оппозиция не смогла объединиться для сколько-нибудь организованного сопротивления. Более того, в конце своего правления Петр смог приступить к решительной перестройке элиты в духе военно-бюрократического абсолютизма. Царь в большом количестве раздавал офицерские чины недворянам, и к концу Северной войны лишь 62% офицеров русской армии происходили из русских дворян (в пехоте 52%), остальные были из служилых людей, из городских сословий, 13% были иностранцами⁶⁶. В 1722 г. была введена «Табель о рангах», установившая лестницу чинов и правила производства. Одно из этих правил имело фундаментальное значение: любой выходец из простонародья, получая чин 14-го ранга (прапорщик или секретарь) становился вместе с тем дворянином. Правда, чиновникам этот ранг давал только «личное» дворянство (без права передачи по наследству), но, дослужившись до 8-го ранга, чиновник становился стопроцентным дворянином. Таким образом, дворянское сословие было открыто для выходцев из низов — это было одно из важнейших проявлений трансформации структуры при Петре I. После реформы российская элита состояла из двух классов, собственно «дворян», то есть помещиков и офицеров, и «чиновников» — тоже дворян, но выслужившихся из народа. При этом дворянина, занимавшего высокий чиновный пост, никогда не называли чиновником. Дворяне неприязненно относились к чиновникам, рассматривая в их возвышении покушение на свои привилегии. Во время событий 1730 г. «шляхта» требовала исключить из дворянства петровских выдвиженцев; в 1758 г. чиновникам было запрещено владеть крепостными. В середине XVIII в. чиновники занимали около половины гражданских должностей, но в армии офицеров, происходивших из недворян, было гораздо меньше — около 1/6 от общего числа⁶⁷.

Другим важнейшим проявлением трансформации структуры было перераспределение ресурсов в пользу государства. Создание новой армии требовало огромных затрат, поэтому так же, как и раньше, во время войн Алексея Михайловича, на первый план вышла финансовая проблема. В этой области правительство Петра в основном копировало реформы руководителей правительства царя Алексея, Морозова и Милославского, но, учитывая опыт своих предшественников, оно действовало более осторожно. В 1705 г. была введена государственная монополия на продажу соли; соль стала продаваться вдвое дороже, что давало казне около 200 тыс. рублей в год. В 1705–1710 гг. расходы населения на покупку соли составляли 400 тыс. рублей⁶⁸, то есть примерно 4 копейки на человека — сумма, эквивалентная 0,8 пуда хлеба; это была существенная добавка к прямым налогам. Наибольшую выгоду давала монетная реглаляция: с 1698 г. правительство чеканило серебряные копейки в полтора раза более легкие, чем прежде; население заставляли менять старую монету на более легкую, и от этой девальвации казна получала в 1701–1709 гг. в среднем 500 тыс. рублей в год. Когда основная часть серебряной монеты была перечеканена, стали во все возрастающих масштабах выпускать медные деньги, которые должны были иметь хождение наравне с серебряными; чеканка медных денег давала в 1710–1718 гг. 130 тыс. рублей прибыли в год⁶⁹. Зная о «медном бунте» 1662 года, Петр ограничивал размеры чеканки, и до 1714 г. она почти не сказывалась на ценах, но в конце концов началась инфляция: в 1715–1721 гг. хлебные цены возросли вдвое.

Морозов и Милославский боялись повышать прямые налоги с составлявших большинство населения помещичьих крестьян — Петр преодолел этот давний страх перед Смутой. Уже в начале Северной войны, в 1701 г., правительство повысило денежные налоги с поместных крестьян до 40 копеек со двора, в хлебном исчислении — с 0,7 до 1,9 пуда на душу; расходы бюджета возросли до 2,3 млн рублей. Но это было только начало, в 1705 г. расходы составили 3,2 млн рублей⁷⁰, были введены чрезвычайные налоги, и в итоге прямые налоги на поместных крестьян в 1707–1710 гг. достигли 2,3 пуда на душу⁷¹. Таким образом, Петр сломал старую государственную традицию, предусматривавшую щадящее обложение крестьян налогами. Именно этот «фискальный скачок» позволил царю резко увеличить армию и создать военную промышленность.

После окончания Северной войны армия не была распущена по домам, как делалось прежде; 210 тыс. солдат были переведены на постоянное содержание. Предполагалось, что полки будут расквартированы по деревням и будут принимать участие в сборе подушной подати, шедшей на их содержание. Крупнейшая в Европе постоянная армия стала основой мощи новой Российской империи; ее содержание было определено Петром I в 4 млн рублей, но эти цифры были сразу же превышены; в бюджете 1725 г. на армию предполагалось истратить 5,1 млн рублей, а на флот — 1,4 млн. В пересчете на хлеб военные расходы были примерно в 2,5 раза больше, чем до Петра. Кроме того, если прежнее войско финансировалось по большей части за счет кабацких и таможенных пошлин, то содержание новой армии обеспечивалось прямыми налогами, введенной Петром подушной податью. Для организации сбора этой пода-

ти в 1719–1723 гг. была проведена перепись мужских душ. По сравнению с проводившимися в XVI в. кадастрами новая налоговая система была шагом назад: она не предусматривала измерения полей. Однако сопротивление помещиков было настолько значительным, что и подушную перепись удалось провести лишь с большим трудом, угрожая за утайку душ смертной казнью. В бюджете 1724 г. подушная подать составила 4,6 млн рублей, таможенные и кабацкие сборы — по 1 млн, а все доходы — 8,6 млн рублей; в пересчете на хлеб по высоким ценам тех лет получается 58 млн пудов — в 2,5 раза больше, чем при царе Федоре⁷².

Подушная подать должна была заменить все существовавшие прежде прямые налоги; для поместных крестьян она была установлена в 74 копейки с ревизской (то есть с мужской) души; государственные крестьяне платили на 40 копеек больше. Кроме того, при покупке соли крестьяне платили пошлину, которая составляла в 1731–1749 гг. в среднем 12 копеек с ревизской души. После стабилизации цен в 30-х гг., подушная подать и соляная пошлина отнимали у крестьян в среднем 3,9 пуда хлеба с души — это был тот новый уровень налогов, который был результатом петровских реформ, уровень, обеспечивавший содержание постоянной армии и великодержавие России. По сравнению с допетровским временем налоги возросли в пять-шесть раз.

Таким образом, количественное выражение петровских реформ дается следующими цифрами: увеличение налогов на поместных крестьян в 5–6 раз и увеличение расходов на армию в 2,5 раза.

Это было масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства. Причем перераспределялись не только денежные средства, в рамках трансформации структуры перераспределялись и обязанности сословий. Дворянство было обременено более тяжелой, чем когда-либо, службой, а народ был вынужден платить «налог кровью» — поставлять рекрутов.

При Петре Россия стала самой милитаризованной из крупных держав того времени. По отношению к численности населения русская армия составляла 1,56%, австрийская армия во время Войны за испанское наследство составляла 1,25% от населения, для французской и английской армий этот показатель был существенно меньше. При этом нужно заметить, что армии других великих держав сильно сокращались в мирное время, в то время как русская армия была постоянной. Преимущество в численности и относительной дешевизне содержания вооруженных сил было достигнуто за счет того, что Россия первой из великих держав (за исключением Швеции) ввела рекрутскую повинность — однако рекрутская повинность была дополнительным тяжелым бременем для населения⁷³.

Принципиальная позиция Петра в вопросе о размерах налогов и повинностей выражена в его регламенте для Камер-коллегии: «Никакого государства на свете нет, — писал царь, — которое положенную тягость снести не могло, ежели правда, равенство и по достоинству в податях и расходах осмотрено будет». Соответственно, Петр предписывал следить, «чтобы между великими и нижними, убогими и богатыми» налоги собирались «по препорции». На общину налог накладывался по числу душ, но внутри общины он распределялся крестьянами по прожиточности; это несколько снижало тяжесть налогов для бедняков — но они все равно оставались разорительными⁷⁴.

Одной из важнейших сторон произведенной Петром Великим трансформации структуры было укрепление самодержавия. Согласно теории «военной революции», создание регулярной армии приводит к установлению военно-бюрократического абсолютизма. Высшей формой бюрократического абсолютизма, включающей в себя не только самодержавие, но и государственное регулирование социально-экономических процессов, является *этатистская монархия*. К периоду правления Петра I относится пик этатизма, отмеченный широким распространением практики государственного регулирования. Идеологической основой петровского этатизма было учение о «всеобщем благе» и «регулярном полицейском государстве». Наиболее известным представителем этого учения был немецкий философ Христиан Вольф, которого Петр собирался назначить президентом Петербургской академии⁷⁵. Х. Вольф утверждал, что в целях достижения «всеобщего блага» государство должно регламентировать все стороны жизни граждан: принуждать их к работе, регулировать заработную плату, условия труда, цену товаров, поддерживать правопорядок и нравственность, поощрять образование, науки, искусства и т. д.⁷⁶ В конце XVII в. теория регулярного государства получила широкое распространение, и ее принципами (иногда не вполне осознанно) руководствовались в своей деятельности шведский король Карл XI, «великий курфюрст» Фридрих Вильгельм, Людовик XIV и его министр Кольбер. Эту теорию часто отождествляют с европейским «просвещенным абсолютизмом», который отличается от восточного самодержавия тем, что имеет светский характер и руководствуется в своих действиях не религиозным идеалом, а «законами разума» и «общим благом»⁷⁷.

Правление Петра I было периодом расцвета этатистской монархии, когда государственное регулирование достигло чрезвычайной интенсивности и указы регламентировали все и вся. В соответствии с этой теорией Петр издавал множество указов, посвященных регламентации того или иного вида деятельности, например предписывалось ткать широкие холсты, а не узкие, выделывать кожу салом, а не дегтем, строить крестьянские избы по приложенному чертежу, хлеб убирать не серпами, а косами. За 1718–1723 гг. было выпущено 14 указов, регламентирующих постройку речных судов — и каждый указ сопровождался разъяснениями, зачем и почему. «Сами знаете, хотя что добро и надобно, а новое дело... то наши люди без принуждения не сделают», — такова была принципиальная позиция Петра, стремившегося «вразумить» свой народ⁷⁸. Как отмечает А. Н. Медушевский, в отношении глубины вмешательства государства в жизнь общества империя Петра Великого может сравниться только с «полицейским государством» императора Иосифа II⁷⁹.

Однако в одном, и самом важном, отношении в государственном регулировании Петра имелся очевидный пробел. В начале XVIII в. (в отличие от времен Иосифа II) теория регулярного государства уделяла мало внимания регламентации сельскохозяйственной деятельности и отношений между крестьянами и землевладельцами. Между тем прикрепление крестьян к земле давало помещикам отягощать крестьянские повинности; в 1720-х гг. появились купчие на крестьян — хотя по закону продажа поместных крестьян не разрешалась⁸⁰. В 1719 г. воеводам

был разослан наказ, требующий наказания помещиков, которые «своим деревням сами беспутные разорители суть... налагая на крестьян всякие неносные тяготы, и в том их бьют и мучат, и от того крестьяне, покинув тягла свои бегают...» «Разорителей своих имений» предписывалось отдавать под опеку их родственникам⁸¹. «Обычай был в России, — гласил указ 15 апреля 1721 г., — который ныне есть, что крестьян, и деловых, и дворовых людей мелкое шляхетство продают врознь, кто похочет купить, как скотов, чего на целом свете не водитца... Его царское величество указал оную продажу людям пресечь, а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то хотя бы по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь, и о том бы при сочинении нынешнего уложения изъяснить, как Высокоправительствующие Господа Сенаторы за благо рассудят»⁸². Действительно, соответствующий закон был включен в готовившееся новое Уложение в форме, запрещающей продажу семей в разбивку и без земли, но после смерти Петра работа над сводом законов была прервана. Однако в целом, как отмечают специалисты, царь уделял положению крестьян гораздо меньше внимания, чем многим другим вопросам⁸³.

Основным инструментом всеобщей регламентации и контроля было правильно организованное и четко функционирующее чиновничество (включающее в себя и полицию). Наука об управлении государственным хозяйством, и в частности, о коллегиальной и четкой организации чиновничества составляла часть теории «регулярного государства» и называлась камерализмом. Одним из примеров применения принципов камерализма была реформированная королем Карлом XI административная система Швеции; Лейбниц в письме к Петру сравнивал правильно организованное государство с точным часовым механизмом⁸⁴.

Для старинной русской приказной системы было характерно сосредоточение разных функций в ведении одного приказа или одного воеводы, отсутствие контролирующих инстанций и правильной системы оплаты чиновников. Многие дьяки жили «от дел» — то есть существовали на взятки и подношения просителей, и, соответственно, решение вопроса зависело от размера подношений. Петр решил наладить правильную администрацию, но двигался в этом направлении непоследовательно, методом проб и ошибок. В монографии Е. В. Алексеевой дан подробный очерк этих исканий Петра I: сначала царь ввел систему городского самоуправления, затем перешел к губернскому устройству и в конце концов решил полностью скопировать административную систему Швеции⁸⁵. «Увидев ясно беспорядок в управлении и царившее повсюду взяточничество... — писал прусский посол Фокеродт, — Петр I напал на мысль установить во внутреннем управлении царства, подобно военному делу, такой же порядок, какой был заведен в других европейских землях. Признавая шведов своими учителями в военном деле, он думал, что также точно и их учреждения... можно с таким же хорошим успехом ввести в своем царстве. И до того допустил он собой овладеть такому предубеждению, что, не советуясь ни с кем, в 1716 г. тайно послал одного человека в Швецию, дав ему множество денег, чтобы только достать указы и правила тамошних коллегий...»⁸⁶ В соответствии с докладом, представленным ездившим в Швецию советником царя Г. Фиком, в 1717 г. был издан указ о создании

коллегий, а в 1719 г. — указ о введении провинциальной администрации шведского образца. Однако характерно, что на предложение ввести в России местное самоуправление с участием крестьянства (как в Швеции) Сенат ответил: «В уездах ис крестьянства умных людей нет»⁸⁷.

М. Богословский отмечал, что почти всем нововведениям Петра можно найти прообразы в допетровской России и «только заимствование иностранной администрации... было действительно новым, оригинальным явлением допетровской эпохи»⁸⁸. Административная реформа привела к резкому разрастанию штатов центральных и местных учреждений, всем чиновникам которых отныне платили оклады. В проекте бюджета 1725 г. расходы на чиновничество (вместе с дворцовыми расходами) составляли 2,5 млн рублей, в то время как в 1680 г. они составляли 250 тыс.; в пересчете на хлеб расходы возросли более чем в три раза⁸⁹.

Петр I сумел подчинить и поставить себе на службу даже оплот старых московских традиций, православную церковь. Как считал Б. И. Сыромятников, царь фактически провел реформацию по протестантскому образцу⁹⁰. В 1721 г. наряду с другими коллегиями была создана Духовная коллегия или «Святейший синод» — бюрократическое учреждение, призванное руководить делами церкви. С 1722 г. Синод возглавлялся назначаемым царем обер-прокурором, гвардейским офицером, поставленным надзирать за «святыми отцами». «Я им обое — государь и патриарх», — говорил Петр. Священники стали чиновниками на содержании властей, были установлены штаты: на 100–150 дворов прихожан — один священник; «лишних» служителей церкви обращали в крестьян, иногда даже в крепостных. В рамках теории «регулярного государства» Петр считал церковь удобным орудием гражданского воспитания и полицейского надзора. Указы Петра обязывали всех прихожан исповедоваться каждый год, священники в нарушение тайны исповеди должны были доносить о «преступных умыслах» доверившихся им людей⁹¹.

Этатизм Петра Великого породил в среде историков представление о независимости Российского государства от сословий и классов⁹². «Как и на Западе, с победой абсолютной монархии, государство — как институт и идея — приобрело автономное существование и получило свои самоувековечивающиеся интересы, цели и дела», — отмечал М. Раев⁹³. Х. Баггер, суммируя в обзоре историографии мнения различных историков, указывает, что абсолютизм в России был гораздо более последовательным, чем на Западе, и что здесь, в отличие от Запады, «государство и проводимая им политика формировали социальную структуру»⁹⁴. Развитием этих взглядов была теория о «закрепощении» самодержавным государством всех сословий: крестьянства, городских жителей и дворянства. Эта концепция восходит к работам Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина и в настоящее время разделяется многими историками⁹⁵. Этой концепции, однако, противостоит аргументированная точка зрения Ю. Г. Алексеева, который настаивает на том, что не «закрепощение сословий», а регламентация их прав и обязанностей во имя общего интереса составляла суть сословной политики русского государства⁹⁶. Отметим также, что «закрепощение» имело различный характер и различную тяжесть для разных сословий и что государство все же не смогло полностью подчинить элиту, свиде-

тельством чего стала последовавшая после смерти Петра «эпоха дворцовых переворотов». С другой стороны, регламентация деятельности сословий является достаточно обычным явлением в этактистских монархиях, в частности в государствах Востока⁹⁷. В этом контексте «закрепощение» не представляло собой чего-то уникального, отличающего Россию от других стран Востока — хотя, конечно, отличало ее от стран Запада.

2.5. Преобразовательный экстремизм Петра I

Неслыханная до тех пор мобилизация сил привела к успеху, была одержана победа под Полтавой и завоевана Лифляндия. Была создана мощная регулярная армия — главная, рациональная задача Петровских реформ была решена. Казалось бы, можно снизить налоги и дать облегчение народу — но царь рассуждал иначе. Началось время иррациональных решений. Петр считал, что, хотя война еще не закончилась, пришла пора заняться строительством Петербурга.

Е. В. Анисимов полагает, что в строительстве Петербурга проявилось максималистское желание Петра начать свою жизнь заново, на западный лад, что Петербург создавался Петром как антипод «варварской» Москвы⁹⁸. Это было политическое решение, с экономической точки зрения это строительство было нелепостью: в руках царя уже находились Рига, Ревель, Нарва — у России было вполне достаточно портов с готовой инфраструктурой. От Риги шел удобный водный путь на Смоленщину, и, несмотря на противодействие властей, именно Рига, а не Петербург, впоследствии стала главным портом России⁹⁹. «Еще не имея ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров, — писал Н. М. Карамзин, — но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах»¹⁰⁰.

Построенный в суровом северном крае Петербург был изначально обречен на нехватку продовольствия: хлеб нужно было везти из центральных районов, а провоз обходился очень дорого: в 1726–1730 гг. пуд ржи стоил в Ярославле 11 копеек, а провоз до Петербурга стоил 18 копеек. До Архангельска благодаря водному пути доставка обходилась втрое дешевле¹⁰¹. В дальнейшем, когда население Петербурга увеличилось, доставка хлеба в столицу потребовала сотен тысяч бурлаков и стала основным занятием для значительной части населения Центрального региона. Таким образом, Петр взвалил на экономику России тяжелое бремя, которое и при нем, и после него препятствовало решению актуальных хозяйственных задач.

Решение о возведении новой столицы, по-видимому, необходимо рассматривать в контексте случайного характера действия диффузионного фактора, в контексте тех случайных обстоятельств, которые повлияли на воспитание юного Петра и способствовали созданию психологического комплекса максималистского подражания Европе. Как показывает мировой опыт, перенесение столицы не является необходимым моментом реформ.

Об иррациональном максимализме царя говорит уже то, что поначалу Петр намеревался построить новую столицу не в устье Невы, а на острове Котлин. Был составлен проект строительства «Нового Амстердама» — каменного города, расчерченного сеткой каналов; люди должны были передвигаться по этому городу не в каретах, а в лодках — как в Амстердаме. «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландию», — писал Н. М. Карамзин¹⁰². Указом 16 января 1712 г. предписывалось переселить на Котлин тысячу дворянских семейств (всю высшую знать), тысячу купеческих и тысячу ремесленных семей¹⁰³.

Таким образом, царь намеревался уехать из нелюбимой им «Московии», создать на островке в море «Новую Голландию» и переселить туда русскую знать (уже переодетую им в голландскую одежду). Лишь появление у острова шведского флота удержало царя от реализации этого замысла: опасность того, что вся русская аристократия будет в один момент пленена шведами, была слишком очевидна. Тогда царь решил построить «Новый Амстердам» на Васильевском острове в устье Невы. В 1716 г. десятки тысяч строителей приступили к осуществлению проекта Трезини и Леблона: остров должны были прорезать два главных канала, пересекавшихся с другими каналами поменьше. При каждом доме предусматривался внутренний двор, сад и пристань для хозяйской лодки-гондолы. В центре этой огромной водяной шахматной доски царь собирался построить новый дворец с обширным регулярным садом¹⁰⁴.

Сам по себе проект был не лишен изящества, но он осуществлялся во время войны, которая отнимала у народа все силы и средства. В 1710–1717 гг. на строительство Петербурга ежегодно требовали по одному работнику с 10–15 дворов, в среднем по 35 тыс. человек в год. Подневольные рабочие шли в Петербург из всех областей — даже из Сибири — тратя на дорогу по несколько месяцев¹⁰⁵. Французский консул де ла Ви свидетельствует, что две трети этих людей погибали на петербургских болотах¹⁰⁶. Фельдмаршал Миних писал, что в Северную войну «от неприятеля столько людей не побито... сколько погибло при строении Петербургской крепости и Ладожского канала»¹⁰⁷.

Одновременно со строительством Петербурга началось строительство флота. В 1704–1708 гг. были построены Адмиралтейские верфи в Петербурге, на которых к 1714 г. было спущено на воду 11 линейных кораблей. Строительством судов руководили английские мастера, а командовали кораблями английские и голландские офицеры¹⁰⁸. В 1712–1714 гг. Петр закупил в Англии и Голландии еще 16 кораблей. Новый флот уже мог сражаться с противником, но царя охватил кораблестроительный азарт — ведь он был корабельным плотником. Была развернута огромная программа по строительству парусных гигантов, в 1717 г. одновременно на стапелях находилось 11 кораблей — но они строились в спешке, с нарушением технологии, из сырого леса. К 1720 г. Россия имела 31 линейный корабль, а Швеция — только 11; русский флот господствовал на море и мог безнаказанно высаживать десанты на шведское побережье. Но это продолжалось недолго — через несколько лет после смерти Петра построенные в спешке корабли вышли из строя — попросту сгнили¹⁰⁹.

Табл. 2.1. Средняя продуктивность десятины в Центральном районе¹¹⁰

	Урожайность в самах		Высев в пудах на дес.		Сбор с десятины (пуд.)		Средняя продуктивность десятины (пуд.)
	ржи	овса	ржи	овса	ржи	овса	
1650–1700	3,3	3,1	9,0	12,0	20,7	25,2	15,3
1710–1730	3,0	2,6	9,0	12,0	18,0	19,2	12,4
1731–1760	3,5	3,1	9,0	12,0	22,5	25,6	16,0
1761–1780	3,5	3,5	9,0	12,0	22,5	30,0	17,5
1781–1800	3,0	2,6	11,0	17,0	22,0	25,6	15,9

Во что обошлось крестьянам строительство Петербурга и флота? Как отмечалось выше, в 1707–1710 гг. помещичьи крестьяне платили постоянных и чрезвычайных налогов в среднем около 60 копеек со двора. В связи с началом широкомасштабного строительства в 1711 г. был введен налог «на дачу петербургским работникам», затем к этому налогу были добавлены сборы «на известное жжение», «на кирпичное дело» и «на городское строение» — в общей сложности 35 копеек со двора. Но это было далеко не все: были введены новые чрезвычайные налоги. Главным из них был «санкт-петербургский провиант», составлявший в 1712–1717 гг. в среднем 60 копеек в год, а с 1718 г. — 1 рубль. В 1714–1715 гг. собирали «на каменное строение на острове Котлин» по 25 копеек, в 1716–1717 гг. «на гаванное строение в Петербурге» по 1 рублю 21 копейке, в 1718–1719 гг. на постройку Ладожского канала по 70 копеек — и так далее, здесь трудно перечислить все тогдашние сборы¹¹¹.

Всего в 1711–1716 гг. прямые и чрезвычайные налоги составили в среднем 2 рубля 50 копеек со двора, в четыре раза больше, чем до начала широкомасштабного строительства! Правда, нужно учесть, что в это время возросли хлебные цены; в пересчете на хлеб с учетом натуральных поставок и соляной пошлины в 1707–1710 гг. крестьяне отдавали государству 3,1 пуда с души, а в 1710–1716 гг. — 5,6 пуда¹¹². По сравнению с допетровскими временами тяжесть налогов возросла в восемь раз!

Мог ли крестьянин платить такие налоги? Попробуем приблизительно подсчитать, каковы были в то время возможности крестьянского хозяйства. Трудность состоит в том, что для конца XVII — начала XVIII в. не сохранились данные о реальных размерах крестьянской запашки. Как мы отмечали выше, барщинные крестьяне в XVII в. были в состоянии обрабатывать 1,6–1,8 десятины пашни на душу. Многие исследователи полагают, что в этот период крестьяне пахали меньше¹¹³, но, как отмечал В. О. Ключевский, именно повышение налогов Петром заставило крестьян увеличить запашку¹¹⁴. Исходя из максимальных возможностей крестьянского хозяйства, мы будем считать, что в этот период крестьяне могли обрабатывать 1,8 десятины пашни на душу. Большинство крестьян в это

время находились на барщине, которая составляла в среднем около 0,4 десятины на душу¹¹⁵, таким образом на себя они могли пахать 1,4 десятины.

Учитывая, что урожайность в этот период снизилась и средняя продуктивность десятины составляла 12,4 пуда хлеба (табл. 2.1), крестьянин мог получить с этого надела 18 пудов хлеба. Считается, что норма потребления (с учетом, что потребляются также продукты животноводства) составляла минимально 15 пудов на душу¹¹⁶; стало быть, на уплату налогов оставалось максимально 3 пуда. Таким образом, при всех оптимистических допущениях получается, что крестьяне, возможно, еще могли кое-как платить допотопские военные налоги. Но «петербургские» налоги в 5,6 пуда хлеба вынуждали крестьянина брать хлеб из запасов, предназначенных на случай голода. Такие запасы были у многих крестьян. В российских условиях, при гораздо больших, чем в Европе, колебаниях урожаев, крестьяне старались обеспечить себя на случай недорода. Какое-то время крестьяне могли платить непомерные налоги и жить за счет запасов. Но в случае неурожая истощение запасов должно было привести к катастрофе — а большой неурожай имел место в среднем один раз в семь лет. Так что дело было только во времени.

Таким образом, налоги превзошли уровень времен Ивана Грозного, когда у крестьян отнимали по 3,6 пуда хлеба с души. Как известно, «фискальный скачок» Ивана Грозного привел к катастрофе — страшному голоду и чуме 1568–1571 гг.¹¹⁷ П. Н. Милюков считал, что непомерные налоги Петра I также привели к демографической катастрофе — к уменьшению населения на одну пятую. Действительно, в 1704 г. был «голод великий по деревням», когда цена ржи возросла вчетверо. В 1707 г. сборщик налогов докладывал из Борисоглебского монастыря, что «великие правежи» с крестьян уже ничего не дают; в 1708 г. из Олонецкого края сообщали, что крестьяне из-за непосильных налогов «обнищали и сошли безвестно и дворы их пусты...»¹¹⁸

Перепись 1710 г. зафиксировала уменьшение численности дворов на одну пятую — однако правительство не поверило переписчикам¹¹⁹. Сокращение числа дворов было истолковано как результат распространившейся практики сведения нескольких дворов в один с целью уменьшения обложения. Более строгая и точная подушная перепись 1719–1721 г. действительно показала, что по сравнению с 1678 г. численность населения возросла с 8,6 до 11,6 млн человек (в границах 1650 г.)¹²⁰. Однако, хотя в целом население в годы Северной войны, по-видимому, не уменьшилось, отдельные категории населения понесли существенные потери — в особенности это касается монастырских крестьян, на которых падала наибольшая тяжесть налогов. Население домовых патриарших вотчин в 1679–1702 г. увеличилось с 32 до 49 тыс., а к 1719 г. уменьшилось до 46 тыс. Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь к концу войны потерял от голода и побегов около трети из 20 тыс. крестьян¹²¹.

Особенно тяжелым было положение крестьян северных областей, которым приходилось нести тяжелые повинности, связанные со строительством Петербурга. Население восточной части Вологодского уезда в 1678–1719 г. сократилось наполовину, а в целом численность населения северных уездов уменьшилась на 13%¹²². На значительной территории

Центрального района (Владимирский и ряд других уездов к востоку от Москвы) население в 1678–1719 г. не увеличилось, и поскольку в 1678–1700 г., оно, очевидно, росло, то это означает, что в 1701–1719 г. население этих территорий сокращалось¹²³.

Резкий рост налогов и повинностей привел к массовому бегству крестьян в южные области, на Дон, Украину, в Сибирь. Бежали большими партиями, «многочисленным, человек по сту и более»¹²⁴. Правительство приняло жесткие меры, чтобы остановить это бегство, была введена паспортная система и создана цепь кордонов вдоль границ¹²⁵. Однако начальник уральских горных заводов В. И. Геннин докладывал, что, если вернуть беглых, то все заводы будут пусты, что бегство не остановить, даже если поставить караулы на каждой версте¹²⁶. В 1707 г. была предпринята операция по возвращению беглых с Дона — в результате там вспыхнуло большое крестьянское восстание, и летом 1708 г. войскам Петра I пришлось сражаться на два фронта: против вторгшихся в страну шведов и против собственных крестьян. В этой ситуации Петр предписывал карателям самые жесткие меры: «...Людей рубить, а заводчиков на колеса и колья... ибо сия сарынь кроме жесточи не может унята быть»¹²⁷.

«Известно, что среди низших классов населения... распространено было крайне враждебное отношение к личности Петра и его деятельности... — писал Н. П. Павлов-Сильванский. — Жаловались больше всего на то, что... „крестьян разорил с их домами, мужей побрал в рекруты, а жен и детей осиротил“»¹²⁸. В народе ходили слухи о том, что царь «подмененный», что он не русский, а немец, или даже, что царь — «антихрист», воцарившийся перед концом света. После подавления больших восстаний на Дону и в Астрахани народное сопротивление приняло форму широкого движения партизан-разбойников. Беглые крестьяне и рекруты собирались в отряды разбойников, разбои стали повсеместными, и против них не помогали никакие меры. Разбойники ходили отрядами в 200 и более человек с «порядком регулярным», и не только грабили помещичьи дома и монастыри, но иногда врывались и в города, разбивали тюрьмы и освобождали своих соратников. Вооруженные отряды разбойников и беглецов с боем прорывались через пограничные кордоны и уходили в Польшу¹²⁹.

Ненависть к Петру чувствовалась не только в народной среде — она проявлялась и в других сословиях. Выше упоминалось о недовольстве дворянства. Священники были возмущены секуляризационными мерами императора. В 1707 г. нижегородский митрополит Исайя в ответ на очередное требование денег разразился гневной тирадой: «Как хотят другие архиереи, а я за свое умру, а не отдам... И так вы пропадаете, как червей, шведы вас побивают, а все за наши слезы и за ваши неправды...»¹³⁰ Феодосий, архиепископ новгородский, говорил о Петре после его смерти: «Излишняя его охота к сведению тайных дел показывает мучительское его сердце, жаждущее крови человеческой... Никому не верил, только молодым своим придворным и зловестным людям, для чего и тайных имел шпионов... для того подозрения всех боялся, за не очень важные слова повелевал казнить смертью»¹³¹. «Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском, — писал Н. М. Карамзин, — пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного. Многие гибли за одну

честь русских кафтанов и бороды: ибо не хотели оставить их и дерзали порицать монарха. Сим бедным людям казалось, что он, вместе с древними привычками, отнимает у них самое Отечество»¹³².

2.6. Структурный кризис и традиционалистская реакция

Непомерное увеличение налогов в процессе трансформации структуры при Петре Великом означало сокращение экологической ниши народа. Как отмечалось выше, перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе военных реформ почти всегда приводит к *структурному кризису* — так было при Иване Грозном и (в северном регионе) при Алексее Михайловиче. Петровские реформы в конечном счете также привели к кризису. Многолетнее тяжкое налоговое бремя вызвало истощение запасов хлеба в крестьянских хозяйствах, и с чередой неурожайных лет (1722–1724) пришел большой голод. Летом 1723 г. из провинций сообщали, что вследствие неурожая, бывшего два года сряду, крестьяне едят льняное семя и дубовые желуди, бывают по несколько дней без пищи, многие от того пухнут и умирают, иные села и деревни стоят пусты...¹³³ Полковник Трайден, отправленный в Пошехонье с ревизией, докладывал, что в 1723 г. от голода погибла десятая часть местного населения¹³⁴. В таких условиях Петр I решился на крайнюю этатистскую меру: было указано повсеместно конфисковать излишки хлеба у дворян, купцов и богатых крестьян, чтобы раздать голодающим¹³⁵.

Однако эта «продразверстка» не имела успеха: голод продолжался до самой смерти императора — и еще год после нее. Сразу после кончины Петра Екатерина I уменьшила подушную подать на 4 копейки и сняла с крестьян повинность по строительству квартир для солдат. Через два месяца Сенат приказал собиравшим налоги комиссарам умерить жестокость правейей. Генерал-прокурор Ягужинский подал императрице доклад, в котором требовал более действенных мер по облегчению положения крестьян. Ягужинский писал, что «великое число уже является умерших» от голода, что «множество бегут за рубеж польский и в башкиры», что необходимо убавить подушную подать, вывести из сел солдат и выключить из числа ревизских душ умерших, за которых по-прежнему берут налоги¹³⁶. Крестьяне уже не могли платить, за восемь месяцев 1725 г. недоимка достигла половины окладных сумм. В 12 провинциях имели место антиналоговые выступления голодающих крестьян¹³⁷. В июне 1726 г. в Верховном тайном совете был поставлен на обсуждение вопрос, какие меры нужно принять «ввиду крайнего разорения крестьян». В представленных по этому поводу «мнениях» ближайшие сподвижники Петра говорили о «великой скудости крестьян», их «крайнем всеконечном разорении». Было решено в 1727 г. снять третью часть подушной подати и учредить комиссию для учета умерших и исключения их из оклада¹³⁸.

Комиссия, возглавленная Д. М. Голицыным, стала собирать по губерниям ведомости об убыли населения. В не полностью сохранившихся материалах комиссии не имеется окончательных данных по всей стране, но они приводятся в более позднем докладе Сената. В этом докладе утверждается, что из учтенных в 1719–1724 г. 5,5 млн душ мужского пола

к 1727 г. было 199 тыс. бежавших и 733 тыс. умерших¹³⁹. Беглецы в то время обычно умирали от голода на дорогах, поэтому их можно причислить к умершим; в этом случае расчеты по таблице смертности Буняковского показывают превышение над естественной смертностью в 300 тыс. душ обоего пола; 300 тыс. человек — это было число погибших от голода.

Таким образом, царствование Петра I завершилось голодом, унесшим сотни тысяч жизней. Это был уже третий структурный кризис (после кризисов времен Ивана Грозного и Алексея Михайловича), вызванный различными этапами «военной революции» — в данном случае созданием петровской регулярной армии и сопутствующим увеличением налогов. Необходимо, однако, добавить, что кризис времен Петра I был обусловлен не только налоговыми требованиями военного характера. Кризис в значительной степени был ценой строительства Петербурга — то есть был обусловлен отчасти случайным действием диффузионного фактора. Некоторую роль, возможно, играли также изменения климата: отмеченное выше падение урожайности может быть связано с уменьшением среднегодовой летней температуры с 17,4 °С в 1650–80-х гг. до 17 °С в 1680–1740-х гг. Однако зимы были, наоборот, мягкими, а количество экстремальных летних сезонов в 1710–1740-х гг. соответствовало уровню благополучных лет¹⁴⁰. Таким образом, кризис 1723–1726 г. был порожден в основном налоговым давлением государства.

В обстановке кризиса власти были вынуждены принять меры для облегчения тяжести налогов. Подушная подать в 1727–1732 г. трижды сокращалась на год на одну треть, но в действительности сокращение было больше, так как подать собиралась с большими недоимками. В 1728 г. была ликвидирована соляная монополия и понижена цена соли. После смерти Петра, при императрице Екатерине I, у власти находилась группа ближайших соратников преобразователя, возглавляемая князем А. Д. Меншиковым. Но в условиях кризиса, уменьшения налогов и отсутствия средств им не оставалось ничего иного, как начать демонтаж петровских учреждений. Армия чиновников, призванная обеспечить «всеобщее благо», была частично распущена — просто потому, что не было денег для ее содержания. Ряд изданных в 1727 г. указов возвращал областную администрацию к допетровским временам, суд и сбор налогов были снова поручены воеводам, а дьяки, как и прежде, должны были иметь пропитание «от дел». Коллегии сохранились, но их штаты были сокращены втрое; осуществлявший контрольные функции институт прокуроров был уничтожен. В целом расходы на чиновничество к 1734 г. сократились в два раза¹⁴¹.

Не было денег и на содержание флота. Расходы на флот в результате недоимок по сбору пошлин сократились на четверть. В 1727–1730 г. не было заложено ни одного линейного корабля. Между тем корабли, построенные Петром из сырого леса, как уже упоминалось, сгнили. В 1731 г. из 36 линейных кораблей в море могли выйти только 13 и лишь 8 из них были полностью боеспособны¹⁴². Шведский посланник доносил в Стокгольм: «Русский галерный флот сравнительно с прежним сильно уменьшился; корабельный же приходит в прямое разорение»¹⁴³.

Сократились и расходы на армию. В результате нехватки средств военные не получали установленного содержания. В январе 1727 г. польский

посол писал, что флот девять месяцев не получает ни гроша, а гвардия — около двух лет¹⁴⁴. В 1727 г. было разрешено две трети солдат и офицеров из дворян уволить в продолжительные (год и более) отпуска без сохранения оплаты; на службе рекомендовалось оставить лишь тех, у кого не было поместий и кто жил жалованьем. Была создана Военная комиссия для рассмотрения вопроса о сокращении штатной численности армии с целью уменьшения подушной подати¹⁴⁵.

Недостаток средств совмещался с недостатком энергии: новые правители были не в силах (и не хотели) поддерживать темп государственной деятельности Петра Великого, вникать во все дела и руководить всем и вся путем бесчисленных указов. Если десятки указов первой четверти XVIII в. предписывали подданным, какого покроя носить одежду, как строить дома и сооружать барки, как убирать хлеб и лечить больных, то в дальнейшем такого рода указы почти исчезли¹⁴⁶. Смерть императора означала вместе с тем прекращение попыток построения «регулярного полицейского государства» и резкий спад в политике государственно-регулирования.

Таким образом, ближайшие соратники Петра стали проводить политику, противоположную идеям почившего императора. «Оказывается, главные деятели петровского времени не сочувствовали этим идеям», — с удивлением писал Н. П. Павлов-Сильванский¹⁴⁷. Соратники Петра убедились в невозможности сохранить результаты реформ и, чтобы спасти положение, фактически перешли на позиции традиционалистской реакции. Князь А. Д. Меншиков, предав своих друзей, попытался заключить союз с партией старых бояр. Но запоздалые уступки не могли удовлетворить традиционалистов, и в конечном счете виднейшие соратники Петра оказались в ссылке.

После смерти Екатерины I, при юном императоре Петре II, к власти пришла партия старомосковского боярства во главе с князьями Долгорукими и Голицыными. Старинные бояре Долгорукие еще продолжали носить у себя дома старую русскую одежду, ферязи и охабни¹⁴⁸. Это была традиционалистская оппозиция, которая в свое время поддерживала царевича Алексея, но была вынуждена смириться из-за страха перед застенками Преображенского приказа. Первым делом новая власть уничтожила символ петровского террора — Преображенский приказ. Другим символом петровской политики был Петербург. «Петербург, — говорил князь Д. М. Голицын, — это часть тела, зараженная антоновым огнем; если ее впору не отнять, то пропадет все тело»¹⁴⁹. В феврале 1728 г. двор и государственные учреждения переехали из Петербурга в Москву. Жизнь Петербурга замерла, началось бегство из города дворян, купцов и мастеровых. Все строительные работы были остановлены, сотни недостроенных домов постепенно превращались в руины¹⁵⁰. Но народ радовался решению Петра II. «Русские старого времени находили в нем государя по душе оттого, что он, выехав из Петербурга, перевел их в Москву, — свидетельствует К. Манштейн. — Вся Россия до сих пор считает его царствование самым счастливым временем из последних ста лет. Государство находилось в мире со своими соседями; служить в войсках никого не принуждали... вся нация была довольна; радость отражалась на всех лицах... Только армия и флот приходили в упадок...»¹⁵¹ «Теперь больше не подрываются финансы этого государства

**Табл. 2.2. Оброк поместных крестьян Центрального района
в первой половине XVIII в.¹⁵²**

Год	Уезд, селение	Душ муж. пола	Оброк на душу об. пола (коп)	Цена юфти (коп)	Пудов на душу
1701	Суздальский, с. Мыт		25	75	4,5
1708	Ярославский, Юхотская вол.	7 524	33	79	5,7
1708	Ржевский, с. Молодой Туд	4 005	24	79	4,0
1708	Костромской, с. Харитоновка	134	29	79	4,9
1708	Мещовский, д. Дербинка	41	30	79	5,2
1715	Алексинский, с. Ясенево	126	32	87	4,9
1715	Владимирский, д. Сулово	38	20	87	3,0
1716	Каширский, с. Жерновки	816	33	95	4,7
средние 1701–1716 г.			28		4,6
1727	Вотчины А. Д. Меньшикова в 10 уездах	21 567	29	165	2,4
1742	Каширский, с. Тешилово		36	149	3,1
1742	Звенигородский, с. Троицкое		67	149	5,9
1742	Суздальский, с. Богоявленское		37	149	3,2
1742	Каширский, с. Шульгино		60	149	5,3
1742	Переяславский, с. Рюмино		44	149	3,8
1742	Серпейский, с. Успенское		20	149	1,8
1742	Вяземский, с. Дугино		25	149	2,2
средние 1742–1744 г.			41		3,6
1758–59	Суздальский, с. Богородское		73	157	6,2
1758–59	Суздальский, с. Богословское		74	157	6,3
1758–59	Суздальский, с. Васильевское		62	157	5,3
1758–60	Ярославский, вотчины М. М. Щербатова		60	142	5,7
средние 1758–1760 г.			67		5,9

ненужными постройками гаваней и домов, — писал прусский посол А. Мардерфельд, — плохо усвоенными мануфактурами и заводами, слишком обширными и неудобноисполнимыми затеями или пиршествами и пышностью...»¹⁵³

Итак, через три года после смерти Петра Великого к всеобщей радости налоги были уменьшены, Петербург был оставлен, флот сгнил, петровская администрация была распущена, армейские офицеры вернулись в свои деревни, а ближайшие соратники преобразователя оказались в ссылке. Преобразования Петра Великого в конечном счете вызвали волну *традиционалистской реакции*, которая свела на нет многие результаты реформ.

Что же осталось в итоге? Конечно, осталось то, без чего государство не могло существовать: петровская армия с ее линейной тактикой и с новым дворянским офицерским корпусом — заимствования первой очереди. Полковые пушки и фузеи теперь в достаточных количествах производили на тульских и уральских заводах, и армия была обеспечена отечественным оружием. Из административных заимствований уцелели лишь обломки петровской административной системы в виде коллегий и губерний. И, как это ни странно, сохранилось много культурных заимствований: европейская одежда у дворян, черты европейского быта, европейская архитектура поместий. По-видимому, это было вызвано тем, что едва ли основной упор в реформах Петра делался на преобразования именно в сфере внешней культуры и быта. Политика культурного онемечивания дворянства в конечном счете привела к глубокому расколу русской нации, к тому, что крестьяне считали своих господ то ли немцами, то ли французами. Это новое общество, состоящее из «двух наций», было результатом социального синтеза и вестернизации.

После внезапной смерти Петра II власть оказалась в руках Верховного тайного совета, состоявшего по большей части из старой знати. Князь Д. М. Голицын предложил избрать на престол племянницу Петра герцогиню курляндскую Анну Иоанновну, ограничив ее власть конституционными «кондициями». «Так как со смертью Петра II потомство Петра I пресеклось по мужской линии, — говорил Д. М. Голицын, — а между тем Россия страшно пострадала от деспотической власти, чему содействовали иностранцы, привлеченные в страну Петром I в большом количестве, то следует верховную власть ограничить полезными законами и поручить царствование той императрице, которая будет избрана, не иначе как под некоторыми ограничениями»¹⁵⁴. В целом этот проект можно рассматривать как продолжение контрреформ, и В. Кивельсон генетически связывает его с традициями Московского царства, с Боярской думой, Земскими соборами и теми «кондициями», которые были представлены в 1610 г. королевичу Владиславу¹⁵⁵.

«Верховники» не просто стремились к ограничению самодержавия, они обвиняли Петра в насаждении западных обычаев деспотическими методами. При этом члены Тайного совета отнюдь не были ретроgrадами. Князь Д. М. Голицын был одним из образованнейших людей того времени, он знал иностранные языки, бывал за границей и имел библиотеку в шесть тысяч томов. Голицын изучал государственное устройство европейских стран под руководством советника Петра Г. Фика, одного

из авторов петровской административной реформы. Не удивительно, что проект «кондиций», предложенный Анне Иоанновне, был составлен под влиянием шведских конституционных актов, и в частности, условий избрания королевы Ульрики-Элеоноры в 1719 г.¹⁵⁶ Таким образом, «верховники» противопоставляли западному абсолютизму Карла XII — Петра I другую западную модель, а именно ту олигархию, которая пришла на смену шведскому абсолютизму и была связана с английской и голландской политической традицией. Д. М. Голицын полагал, что эта модель сможет спасти страну от прозападного экстремизма императоров и их фаворитов.

Когда олигархический замысел «верховников» открылся, то выяснилось, что он противоречит интересам мелкого дворянства, опасавшегося восстановления привилегий родовой аристократии. Этот замысел угрожал также и положению петровских выдвиженцев, особенно иноземцев на русской службе, чья судьба была связана с монархией, раздающей чины по заслугам, а не по происхождению. Натолкнувшись на сопротивление, «верховники» были вынуждены обещать дворянству конституцию и освобождение от обязательной службы. «Здесь, — писал из Москвы секретарь французского посольства Маньян, — только и слышны речи об английской конституции и о правах английского парламента»¹⁵⁷.

В этой политической борьбе сформировалась также и монархическая партия, которая состояла из офицеров и сановников, которые желали получить привилегии и «свободы» не от Верховного тайного совета, а из рук императрицы. Вдохновителем этой партии был виднейший из немецких друзей Петра, вице-канцлер А. И. Остерман. 25 февраля монархисты подали Анне Иоанновне петицию, в которой требовали уничтожения уже подписанных императрицей «кондиций», и Анна, воспользовавшись растерянностью «верховников», объявила о намерении править самодержавно, как ее предки¹⁵⁸.

2.7. Правление Анны Иоанновны: продолжение вестернизации

Княжна Анна в семнадцатилетнем возрасте стала женой курляндского герцога и почти двадцать лет жила в немецком окружении. Ходили слухи, что герцогиня перешла в протестантство, и по возвращении в Москву ей пришлось издать указ, опровергающий эти слухи. Другьями и любовниками Анны были немцы — Э. Бирон и К. Левенвольде, и «верховники», сознавая опасность немецкого влияния, особо оговаривали, что она не возьмет Бирона с собой в Москву. Между тем Анна страстно любила Бирона (которого позже сделала герцогом Курляндским), и надежда воссоединиться с ним, несомненно, была одной из причин, побудивших ее разорвать «кондиции». «Ее воля всегда почти зависела больше от других, нежели от нее самой, — писал Э. Миних. — Верховную власть над оною сохранял герцог Курляндский даже до кончины ее неослабно и в угождение ему сильнейшая монархия в христианских землях лишала себя вольности своей до того, что не токмо все поступки свои по его мыслям наитончайше распоряжала, но также ни единого мгновения без него обойтись не могла и редко другого кого к себе принимала, когда его не было»¹⁵⁹. «В Бироне Анна нашла своего избранника и подчинялась ему, как подчинялась бы мужу», — пишет Е. В. Анисимов¹⁶⁰.

Сразу же после уничтожения «кондиций» Бирон и Левенвольде прибыли в Москву и вместе с Остерманом образовали негласный немецкий «триумvirат», который решал все дела. Уже в мае 1730 г. иностранные послы сообщали, что Бирон, Левенвольде и Остерман управляют императрицей, как хотят, и что русские ненавидят этих немцев¹⁶¹. Сопrotивление русской знати было подавлено — хотя и не сразу; князья Долгорукие были сосланы, Д. М. Голицын умер в заключении в Шлиссельбургской крепости. В 1732 г. двор покинул боярскую Москву и вернулся в Петербург — поближе к Лифляндии. Для охраны новой власти от недовольных под именем Тайной канцелярии был восстановлен петровский Преображенский приказ — однако Анна старалась избегать казней, предпочитая отправлять противников в ссылку. За десять лет было сослано свыше 20 тыс. человек, причем зачастую ссылали так, что от человека не оставалось никаких следов, меняли сосланным имена и уничтожали записи о месте ссылки. С той же целью обороны от недовольных русских был создан третий гвардейский полк, Измайловский: офицерами в нем были лифляндские немцы, а солдат набирали из украинской шляхты; командиром полка стал К.-Г. Левенвольде. Президентом Военной коллегии стал Б.-К. Миних, основную часть генералитета составляли наемные иностранцы. «Немцы посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, — писал В. О. Ключевский, — облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места»¹⁶².

В контексте диффузионистской теории победа «немецкой партии» означала победу петровской вестернизации над традиционалистской реакцией. «Анна взошла на престол с твердым намерением следовать правилам своего дяди Петра I, — свидетельствует Б.-К. Миних, — но она хотела довершить начатое им, опираясь больше на честность и способность иностранцев, чем природных русских, — ибо до Анны бояре, в руках которых находилась власть, старались только в том, чтобы разрушить дело, начатое Петром»¹⁶³.

Бурхард-Кристоф Миних в свое время в звании майора воевал под командованием принца Евгения Савойского, он был представителем австрийской военной школы. Став Президентом Военной коллегии, он стремился преобразовать русскую армию по немецкому, то есть австрийскому и прусскому, образцу. В 1732 г. была введена форма, напоминавшая прусскую, солдат заставили носить парики и косы. Новый пехотный устав («Экзерциция пешая») упразднил пикинеров и не упоминал о штыковых атаках; главное внимание уделялось теперь стрельбе залпами; обучение строю и маршам проводилось на прусский лад. Гренадеры лишились своих гранат — хотя само название сохранилось. Из Пруссии привезли образцы вооружения пехотинцев и кавалеристов, и Миних требовал, чтобы ружья изготавливались по прусским образцам — однако перевести тульские заводы на выпуск новых ружей не удалось¹⁶⁴.

Миних и фельдцейхмейстер принц Гессен-Гамбургский, ведавший в то время русской артиллерией, добивались перехода русской артиллерии на стандарты, принятые в Пруссии; это привело к утяжелению орудий; вес шестифунтовых орудий увеличился с 36 до 55 пудов. Число легких трехфунтовых пушек в полку было при этом увеличено с двух до четырех¹⁶⁵.

Реформы проводились и в кавалерии. Русская кавалерия состояла в основном из драгун, которые могли сражаться как в конном, так и пешем строю, но как кавалеристы уступали шведской и немецкой коннице. По словам австрийского офицера, капитана Парадиза, «в кавалерии у русских был большой недостаток... Правда, есть драгуны, но лошади у них столь дурны, что драгун за кавалеристов почитать нельзя. Драгуны, сходя с седла, лошадей на землю валили»¹⁶⁶. Между тем в германских странах преобладала тяжелая кавалерия кирасир, в которой служили по большей части дворяне, — это было наследие рыцарского строя. Миних попытался сформировать десять кирасирских полков; кирасирам платили жалование большее, чем драгунам, и рядовые имели капральский чин. Был переведен прусский кавалерийский устав «Экзерциция в кирасирском полку», выписаны тяжелые лошади из Германии и заведено несколько конских заводов — тем не менее, реально удалось создать только три полка¹⁶⁷.

Миних значительно усовершенствовал тыловую службу; он улучшил материальное снабжение, ввел провиантские магазины, учредил госпитали для солдат и школы для солдатских детей. Принимались меры для улучшения боевой подготовки — в частности, были введены генеральные смотры войск. Кроме того, военный министр уравнивал служебное жалование русских и иностранных офицеров¹⁶⁸.

В 1731 г. был учрежден Шляхетский кадетский корпус, выпускники которого шли в армию офицерами. Программа Шляхетского корпуса была скопирована с прусской *Ritterakademien*, прусский король прислал офицеров-инструкторов, и корпус выпускал офицеров, воспитанных по-прусски. Треть вакансий была предоставлена немцам из балтийских провинций; в 1733 г. из 245 кадет немецкому языку обучались 237, французскому — 51, русскому — 18¹⁶⁹.

На южной степной границе в 1731 г. под названием «ландмилиции» были восстановлены распущенные Петром старые драгунские полки — они обходились дешевле, чем регулярная армия. Служившим в этих полках однодворцам, которых император превратил в государственных крестьян, было приказано «быть по-прежнему в службе, как деда и прадеды их были... и государственными крестьянами их не называть»¹⁷⁰. Хотя по форме это было восстановление старых порядков, специалисты считают, что Миних подражал устройству австрийских военных поселений на австро-турецкой границе¹⁷¹.

Результаты преобразований, произведенных в правление Анны Иоанновны, сказались во время русско-турецкой войны 1735–1739 г. Стрелковая тактика и картечный огонь многочисленной артиллерии позволили войскам Миниха прорваться в Крым, а затем одержать победу над турками при Ставучанах. Фридрих Великий назвал Миниха «российским Евгением Савойским», а сам принц Евгений писал императрице Анне, о том, что она «вверила военные дела человеку, соединяющему в себе редкие достоинства с примерною ревностью к службе»¹⁷².

«Немецкая партия» имела чиновный, бюрократический характер, поэтому она была заинтересована в сохранении этактистского абсолютизма. Однако, придя к власти, Анна была вынуждена удовлетворить часть требований поддержавшего ее дворянства. Были отменены указ о единона-

следии и содержащиеся в этом указе ограничения на продажу поместий; поместья стали именоваться вотчинами — в юридическом отношении эти два типа владений уже не различались. В 1738 г. срок службы дворян был ограничен 25 годами, и отцы нескольких сыновей получили право удерживать одного из них дома для ведения хозяйства. Были несколько облегчены условия обучения, отныне богатые родители могли обучать своих детей дома — но по окончании обучения дети должны были сдавать экзамены на общих основаниях¹⁷³.

Несмотря на эти уступки, отношения между «немецкой партией» и русским дворянством были достаточно напряженными. Для поддержания сильного государства требовалось сохранить петровскую систему сбора налогов. Однако тот уровень налогов, который был установлен Петром I, отнимал у крестьян все излишки и не позволял дворянам увеличивать ренту. Борьба за ресурсы стала причиной конфликта между дворянством и монархией¹⁷⁴.

2.8. Борьба за ресурсы

Важным фактором, который в соответствии с демографически-структурной теорией, должен был обострить борьбу за распределение ресурсов, был рост численности дворянства. По оценке Я. Е. Водарского в 1700 г. насчитывалось 22–23 тыс. дворян, владеющих поместьями; к 1737 г. их число увеличилось примерно до 46 тыс.; число владений возросло с 29 тыс. до 63 тыс. (некоторые помещики имели несколько владений). Между тем, вследствие резкого увеличения налогов и падения уровня жизни, рост населения в указанный период был медленным и существенно уступал численному росту элиты. Эта диспропорция привела к значительному уменьшению среднего размера владений (см. табл. 2.3).

Как показывают данные табл. 2.3. владения не более 25 дворов составляли около 90% всех владений. Средний размер этих владений уменьшился в 1700–1737 г. в полтора раза, с 31 до 21 души мужского пола (без учета дворовых людей). Таким образом, имело место падение доходов основной массы дворянства. Материалы Герольдмейстерской канцелярии этого времени содержат многочисленные упоминания о нищих дворянах, которые «скитались меж двор», переходили от монастыря к монастырю в поисках пропитания¹⁷⁵.

Естественно, что дворяне пытались компенсировать падение доходов увеличением ренты. Однако уровень совокупной ренты, установившийся после Петровских реформ был максимальным для нечерноземных областей — с крестьян нельзя было брать больше, не доводя их до голода. При этом если сравнивать с концом XVII в., то нормы барщины и денежного оброка держались примерно на том же уровне, что и прежде, однако все излишки прибавочного продукта, остающиеся после выплаты оброка, теперь забирало государство. В таких условиях помещики могли увеличить свою ренту только за счет государственных налогов — и действительно, вплоть до правления Екатерины II снижение налогов было постоянным требованием дворянства; это особенно проявилось в наказах дворянских депутатов в Комиссию 1767 г.¹⁷⁶

Табл. 2.3. Размеры владений помещиков в 1700 и 1737 гг.¹⁷⁷

Год	Все владения			Крупные владения (более 25 дворов)			Остальные владения		
	Число владений	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение	Число владений	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение	Число владений	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение
1700	28 534	1708	60	2873	915	318	25 661	793	31
1737	63 097	2599	41	5240	1412	269	57 857	1 187	21

Правительство Бирона-Остермана не собиралось идти на уступки дворянству и снижать подушную подать. В 1733 г. были приняты решительные меры для строгого сбора налогов и недоимок, которые к тому времени достигли 7 млн рублей. Еще в 1727 г. правительство поручило помещикам собирать подушную подать со своих крестьян, одновременно возложив на них ответственность за недоимки. Однако, по свидетельству Б.-К. Миниха, некоторые помещики, собрав налоги, не отдавали их в казну, а тратили на свои нужды¹⁷⁸. В случае непоступления налога землевладельцев сажали под караул, а в деревни посылали «экзекуторские команды», при приближении которых крестьяне в ужасе разбегались и прятались по лесам. Но тем не менее помещики отказывались платить — и пример подавала высшая знать: 111 «знатных персон» должны были в казну 445 тыс. рублей¹⁷⁹. От помещиков поступали в Сенат «страшные жалобы» на разорение крестьян от беспощадного взыскания недоимок — в ответ сенатский указ обвинил владельцев «душ» в том, что они так отягчают крестьян работой, что у них «не только на подати государственные, но и на свое годовое пропитание хлеба добыть... времени не достаёт»¹⁸⁰. Обер-прокурор Сената А. С. Маслов выступил с проектом ограничения помещичьих оброков и барщин, но императрица Анна наложила резолюцию: «Обождать»¹⁸¹.

Другой сферой борьбы за ресурсы были косвенные налоги. В 1731 г. была восстановлена соляная пошлина, которая стала давать 600–800 тыс. рублей ежегодного дохода. Однако появились проблемы с винными откупами. В 1730-х гг. значительно расширилось дворянское винокурение; хотя дворяне могли курить вино лишь для собственного употребления, они нелегально продавали его и тем самым отнимали у государства часть доходов от пошлины. В 1741 г. фактический глава кабинета барон Остерман предложил резко расширить казенное производство вина за счет сокращения подпольного винокурения. Остерман утверждал, что дворяне выкуривают больше половины из производимых в стране 4 млн ведер вина¹⁸². Проект Остермана не был принят, но его появление, как и появление проекта Маслова, свидетельствовали о нарастающем конфликте между дворянством и монархией.

Таким образом, анализ событий периода правления императрицы Анны с точки зрения демографически-структурной теории показывает, что это было время ожесточенной борьбы за ресурсы между абсолютной монархией и элитой. Причинами этой борьбы был рост численности элиты и то обстоятельство, что перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе петровской трансформации структуры лишило элиту возможности увеличивать ренту крестьян. Обстоятельства этой борьбы свидетельствуют о том, что у крестьян отнимали максимум возможного. Столь интенсивный нажим на крестьянство должен был вызвать неминуемые демографические последствия.

Подушная подать не учитывала размеры крестьянских наделов, и в наиболее густонаселенных и малоземельных районах доходы крестьян не могли обеспечить уплату подати. Особенно тяжелое положение сложилось в Московской губернии. «В Московской губернии... от худой и выпаванной земли никогда хлеб не родится, — писал управляющий дворцовыми волостями барон Розен, — а в иных местах, хотя и родится, токмо за тесным расселением той земли надлежащим их участков довольно не достает, и оттого приходится в нищету...»¹⁸³ Тяжелое положение отмечалось и в других районах Центра, в частности на Белоозере, где, по расчетам Л. С. Прокофьевой, уровень потребления был ниже минимального¹⁸⁴. По расчетам М. Ф. Прохорова и А. А. Федulina, средняя величина надела в Центральном районе не обеспечивала пропитания семьи, и «в середине XVIII века вопрос о малоземелье крепостных... приобретает острый характер»¹⁸⁵. «Вопрос о земле у крестьян Центрально-промышленного района в то время стоял очень остро, — отмечает П. К. Алефиренко, — и часть из них в поисках земли бежала в малоосвоенные уезды Поволжья или Земледельческого района»¹⁸⁶. Неурожай 1733 г. вызвал большой голод и массовое бегство крестьян; в 1732–1735 гг. из дворцовых сел Московской губернии бежала почти десятая часть населения. Правительство снова прибегло к описям хлебных запасов, конфискациям излишков и раздачам зерна нуждающимся. В 1734 г. был издан указ, по которому помещики и приказчики в годы голода должны были кормить своих крестьян и снабжать их посевным зерном. В 1742–1743 г. снова пришел большой голод. Дворцовое ведомство пыталось решить проблему, переселяя крестьян в Воронежскую губернию, в 1745 г. было переселено 14 тыс. человек. Тем не менее земли не хватало и крестьяне разорялись; седьмая часть дворцовых крестьян Подмосковья не имела ни лошадей, ни коров¹⁸⁷. В крестьянских хозяйствах не было запасов зерна, поэтому в неурожайные годы цены резко возрастали и начинался голод.

Перенаселение Центрального региона в этот период было в основном относительным, оно было вызвано увеличением налогов — при прежних налогах крестьяне еще могли как-то жить, хотя их наделы постепенно уменьшались. Однако в пределах Центрального района имелись и такие местности, где надел не мог кормить крестьянина ни при каких налоговых условиях. В. Н. Татищев полагал, что минимальный надел, обеспечивавший существование крестьянской семьи, был равен 1 десятине на душу; И. Д. Ковальченко оценивал размеры такого надела в 1–1,2 десятины на душу¹⁸⁸. Между тем материалы дворцового хозяйства свидетель-

ствуют, что в Хатунской, Селинской и Гжельской волостях Московской губернии в 1730–1740-х гг. на душу приходилось лишь 0,5–0,9 десятины¹⁸⁹. Таким образом, в отдельных уездах Центра уже проявлялось абсолютное перенаселение.

Регулярно повторяющиеся голодовки, а также массовое бегство привели к тому, что население Владимирской, Ярославской и Нижегородской губерний в 1719–1744 г. уменьшилось, а население Центрального района в целом осталось на прежнем уровне (4,5 млн). Нехватка земли, голод, остановка роста населения — это были свидетельства наступившего *Сжатия*, и очевидно, что Сжатие было ускорено повышением налогов при Петре I. Если в прежние времена крестьянин-бедняк еще мог как-то прокормиться на душевом наделе в 1 десятину, то петровские налоги обрекали его на голод. Центральный регион оказался перед угрозой демографической катастрофы — и, в соответствии с теорией, ответом общества стала стихийная перестройка хозяйственной системы, постепенная переориентация региона на развитие промыслов. «Петр Великий наложением подати принудил крестьян стараться другими ремеслами приобретать себе на пропитание и на уплату податей», — писал князь М. Щербатов¹⁹⁰.

Нехватка земли привела к массовому переводу крестьян на оброк. «В тех местах, где довольно земли, сходнее держать их на пашне, — писал известный экономист и агроном П. И. Рычков, — но в таких местах, где недостаток есть в землях... оброчное содержание крестьян необходимо»¹⁹¹. Известно, что в первой половине XIX в. имения, где крестьянский надел на душу был меньше 0,8 десятины, как правило, были оброчными, так как эксплуатация столь скудных крестьян на барщине была практически невозможна¹⁹². Действительно, с конца 1740-х гг. Главная дворцовая канцелярия постепенно ликвидирует барщинное хозяйство и переводит крестьян на денежный оброк; барщинные земли при этом передаются крестьянам, что несколько улучшает их положение¹⁹³. Помещики Центрального района также переводят крестьян на оброк; если в петровские времена основная часть крестьян была на барщине, то к 1780-м годам 62% крестьян шести губерний района находились на оброке¹⁹⁴. Переход на денежный оброк дал возможность крестьянам заниматься ремеслами.

Таким образом, в соответствии с демографически-структурной теорией, перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе петровской трансформации структуры вызвало *сокращение экологической ниши населения и преждевременное Сжатие в Центральном районе*. Как и предсказывает теория, Сжатие вызвало массовое развитие ремесел и торговли.

2.9. Правление Елизаветы Петровны: традиционалистская реакция

Проводником стремлений русского дворянства и его «ударной силой» была состоящая преимущественно из дворян гвардия. Как свидетельствуют следственные дела Тайной канцелярии, в настроениях гвардейцев в конце 30-х — начале 40-х преобладало резкое недовольство засильем немецкой клики¹⁹⁵. Бирон понимал опасность мятежа дворянской гвардии и пытался разбавить состав полков крестьянами, но молодые рекруты из крестьян, естественно, подчинялись моральному авторитету гвар-

дейцев-дворян. О недовольстве гвардии знали и иностранные дипломаты и пытались спровоцировать ее на выступление с целью ослабить Россию внутренней смутой¹⁹⁶. Когда Швеция в 1741 г. объявила войну России, шведский командующий К. Э. Левенгаупт объявил, что стремится к освобождению русского народа «от притеснений и тирании чужеземцев»¹⁹⁷. В конечном счете в ноябре 1741 г. дочь Петра Елизавета во главе гвардейцев произвела дворцовый переворот и стала императрицей Елизаветой Петровной.

По свидетельству К. Манштейна, Елизавета обещала тем, кто помог ей взойти на престол, что она освободит их от притеснений иностранцев¹⁹⁸. Миних, Остерман, Левенвольде, Менгден и несколько менее видных членов «немецкой партии» были арестованы и приговорены к смерти, которая, впрочем, была заменена пожизненной ссылкой в Сибирь. Гвардейцы, совершившие переворот, требовали высылки всех служилых иноземцев из России; в Петербурге происходили нападения на немцев. В армии, воевавшей со шведами, начался бунт против немецких офицеров, и его с трудом удалось притушить¹⁹⁹.

Под впечатлением этих событий многие иностранные офицеры вышли в отставку и покинули Россию, что привело к ослаблению русской армии. К руководству армией пришли старые петровские генералы из числа русских. Новым президентом Военной коллегии стал вернувшийся из ссылки фельдмаршал В. В. Долгоруков; он требовал отставить «новые учения» и вообще все, что было введено в предшествующее царствование Минихом²⁰⁰. Устав Миниха («Экзерциция пеша») был отменен, армия возвратилась к петровскому уставу 1716 г. с упором на штыковой бой. Военная коллегия разъясняла: «В полках экзерцицию чинить... как было при жизни государя императора Петра Великого... *а не по-прусски*» (подчеркнуто в документе)²⁰¹. Были восстановлены гренадерские полки, и гренадеры снова получили гранаты. Возвращение к петровским штатам 1720 г. означало сокращение численности артиллерии в полках и ликвидацию кирасирской конницы — но на деле эти намерения не были претворены в жизнь; кирасирские полки сохранились²⁰².

Большой ущерб был нанесен армии распространившейся системой уклонения дворян от службы. Количество офицеров-иностранцев, исправно выполнявших свои обязанности, резко уменьшилось. Из числа офицеров — русских дворян примерно половина постоянно находилась в отпусках, а остальные манкировали своими обязанностями и занимались чем угодно, но не подготовкой солдат. Распространился обычай записывать дворянских детей в полки с малолетства, так что, подрастая, они получали офицерский чин²⁰³. В определенном смысле эту практику можно рассматривать как возвращение к старомосковским традициям, когда дворяне собирались в полки лишь по время походов, а дворянские дети, подрастая, само собой получали чины и поместья.

Нежелание дворян служить привело к некомплекту офицеров. Например, в Бутырском полку недоставало свыше половины офицеров и четвертой части солдат. Система пополнения армии находилась в состоянии разложения. В 1751 г. было взято 41 тыс. рекрутов, из них многие бежали, и в полки поступило лишь 23 тыс. Разложение коснулось и вер-

хов армии. В 1756 г. из четырех фельдмаршалов двое — А. Г. Разумовский и Н. Ю. Трубецкой — вообще не были военными, получив свои чины за альковные и иные услуги²⁰⁴.

Пришедшая к власти в результате переворота императрица Елизавета Петровна чувствовала себя неуверенно, и ей пришлось пойти на уступки дворянству, не только в военной, но и в финансовой и экономической сферах. При восшествии на престол Елизавета отказалась принимать присягу у помещичьих крестьян; присягу за крестьян приносили их помещики — это был символ перемен, происходивших в отношениях между сословиями. Проекты ограничения помещичьих оброков и барщин были забыты, и правительство уже не пыталось защищать крестьян. Сбор податей стал не таким строгим, и помещиков уже не держали под караулом²⁰⁵. Фактическим главой правительства Елизаветы был граф П. И. Шувалов; он проводил линию на частичную замену подушной подати косвенными налогами — прежде всего, пошлинами на соль и хлебное вино. Цены на вино в правление Елизаветы увеличились вдвое, и в целом к 1758 г. косвенные налоги превзошли по своим размерам прямые.

Для армии такая политика оборачивалась нехваткой средств. Даже когда началась Семилетняя война, Елизавета Петровна не осмелилась увеличить прямые налоги; война финансировалась за счет дальнейшего повышения цен на вино и соль, но главным образом за счет огромной эмиссии медных денег. В 1757–1762 г. было начеканено медных денег на 15 млн рублей; это вызвало инфляцию, и в следующие пять лет, в правление Екатерины II, цена на хлеб возросла в два раза²⁰⁶.

Другой уступкой дворянству стало поощрение дворянского винокурения. Винокуренный бум стал первым свидетельством пробуждения интереса русских дворян к предпринимательству. Пример нового подхода к ведению хозяйства был подан владельцами лифляндских фольварков, этими новыми подданными России. В экономическом отношении Лифляндия была частью обширного балтийского зернового рынка, и лифляндские мызы и экономии ничем не отличались от прусских и польских фольварков — это были барщинные хозяйства, производившие хлеб для экспорта в Западную Европу. В XVIII в. по соседству с Лифляндией вырос новый огромный потребительский центр, Петербург, и владевшие экономиями немецкие бароны сочли более выгодным не экспортировать хлеб, а перерабатывать его в вино для продажи в Петербурге. Уже в 1740-х гг. половина хлеба экономий перерабатывалась в вино. В 1750-х гг. известный ученый М. В. Ломоносов написал книгу «Лифляндская экономия», в которой популяризовал хозяйственную практику остзейских баронов — но, конечно, многие русские дворяне последовали этому примеру задолго до Ломоносова²⁰⁷.

В начале 1720-х гг. у дворян было лишь 40 маленьких винокуренных заводов, а в 1753 г. — 280 заводов, и среди них встречались значительные предприятия. Винокурением занималась высшая знать: граф П. М. Апраксин, граф С. А. Салтыков, граф П. И. Шувалов. Формально дворяне производили хлебное вино по подрядам казны, но на деле сбывали часть продукции на сторону, что приносило им огромные доходы. В 1754 г. было подсчитано, что на дворянских и купеческих заводах выкуривается 4 млн ведер, а из казны продается не более 2 млн ведер; при этом Сенат совер-

шенно резонно полагал, что оставшееся вино продается тайно. Однако результат обсуждения был парадоксальным: правительство запретило купцам заниматься винокурением, и эта самая выгодная отрасль предпринимательства стала монополией дворян²⁰⁸.

Винокурение было главной отраслью развивающегося дворянско-го предпринимательства. Помимо винокурения, прибыльным занятием было горное дело. В 1754 г. П. И. Шувалов добился передачи в свои руки трех богатейших Гороблагодатских заводов на Урале; позже владельцами заводов стали канцлер М. И. Воронцов, фельдмаршал И. Г. Чернышев и некоторые другие вельможи. Таким образом, была приватизирована почти вся казенная горная промышленность, а первейшие российские вельможи превратились в крупных заводчиков и торговцев, в огромных масштабах поставлявших железо за границу. Эта метаморфоза, однако, была недолгой: после смерти Елизаветы ее вельможи лишились монаршего покровительства и, обремененные долгами, сочли за лучшее продать заводы казне²⁰⁹.

Усиление дворянства в период правления Елизаветы ознаменовалось выработкой его политической программы, которая нашла свое выражение в проекте нового Уложения. Уложение предназначалось для замены устаревшего кодекса 1649 г. и было разработано сенатской комиссией, созданной по инициативе графа П. И. Шувалова. Смерть Елизаветы, а затем свержение Петра III помешали завершить работу над Уложением, но проект четко формулирует те основные требования дворянства, которые пришлось принять последующим правительствам и которые определили политическое развитие России. Новые законы должны были удовлетворить главное требование дворянства и предоставить ему освобождение от обязательной службы. Далее, закон запрещал конфискацию имений (возможность такой конфискации была основным положением поместной системы) даже у дворян, совершивших преступление. Дворян нельзя было (без поимки с поличным) арестовывать, пытать, подвергать телесным наказаниям и ссылая на каторгу. Дворяне могли свободно выезжать за границу и поступать там на службу; на местах предполагалось создать дворянское самоуправление. Предполагалось также, что чиновники, выслужившие дворянство по Табели о рангах, больше не будут пользоваться дворянскими привилегиями. Новые законы должны были отдать крестьян в полную власть помещиков. «Дворянство имеет над людьми и крестьяны своими мужескаго и женскаго полу и над имением их полную власть без изъятия, — гласил первый параграф главы XIX, — кроме отнятия живота и наказания кнутом и произведения над оными пыток. И для того волен всякий дворянин тех своих людей и крестьян продавать и закладывать, в приданое и в рекруты отдавать... мужеску полу жениться, а женскому полу замуж идти позволять и, по изволению своему, во услужение, работы и посылки употреблять и всякие, кроме вышеописанных, наказания чинить...»²¹⁰

В плане конкретизации политических требований дворянства проект Уложения может быть дополнен проектом И. И. Шувалова. Брат П. И. Шувалова и фаворит Елизаветы предлагал ввести конституцию, обязательные для монарха «фундаментальные и непрменные законы», за соблюдением которых должно было следить дворянство. Таким образом, дворянство претендовало не только на привилегии, но и на политическую власть²¹¹.

Мотивация главного требования дворянства, освобождения от службы, изложена в докладе Комиссии о вольности дворянства, созданной в 1763 г. Екатериной II. Одним из аргументов была необходимость личного ведения помещиком своего хозяйства. Но главным доводом был пример Европы. Если будет подтверждено право дворян служить по своей воле, говорилось в докладе, то «тем уподобится российское дворянство всем просвещенным в Европе государствам». В докладе отмечалось также, что лифляндское дворянство (часть дворянства империи) уже обладает такими правами²¹².

Дворянство стремилось также к установлению права собственности на свои земли. Само понятие собственности было до XVIII в. фактически неизвестно в России. «Все подданные царя открыто признают, что все они целиком и все их имущество принадлежат Богу и царю», — писал в конце XVII столетия Я. Рейтенфельс²¹³. Само слово «собственность», введенное в употребление Екатериной II, представляет собой кальку с немецкого слова «eigentum» — и очевидно, это юридическое понятие является продуктом вестернизации²¹⁴.

Таким образом, в основной своей части дворянская программа следовала идее вестернизации; она была обусловлена новой волной диффузионного влияния Европы.

2.10. Освоение Черноземья

Возвращаясь к анализу социально-экономического развития в 1720–1740-е гг. с точки зрения демографически-структурной теории, нужно отметить, что многие наблюдающиеся в это время явления подпадают под определение Сжатия. Действительно, мы наблюдаем малоземелье в Центральном регионе, прекращение роста населения, голод и нищету, тяжелое положение элиты, ее раскол и фрагментацию, ожесточенную борьбу элиты с государством за ресурсы.

Исходя из теории, можно сделать вывод, что следствием этой ситуации мог быть экосоциальный кризис — более того, кризис уже начался в 1724–1726 г. Однако дальнейшее развитие кризиса было предотвращено расширением экологической ниши — колонизацией Черноземья и поставкой хлеба этого региона в центральные губернии. Такое развитие событий стало возможным благодаря строительству оборонительных линий на юге и общему усилению военной мощи России — то есть благодаря «военной революции» и мобилизации ресурсов на военные цели. Вторжение русской армии в Крым в 1735–1739 г. нанесло решающий удар крымским татарам и практически лишило их возможности производить набеги на южные области России. Таким образом, с одной стороны, перераспределение ресурсов в пользу государства приблизило Сжатие в центральных районах, с другой стороны, оно обеспечило колонизацию Черноземья и предотвратило перерастание Сжатия в экосоциальный кризис.

Колонизация Черноземья позволила наладить снабжение Центрального района привозным хлебом. Мы употребляем традиционное понятие «Центральный район» для обозначения семи центральных губерний: Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской,

Тверской и Калужской. Этот район позже, с развитием промышленности, стали называть также «Центрально-промышленным», чтобы отличать его от «Центрально-Черноземного района», включающего Тульскую, Рязанскую, Курскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии. В XVIII в., однако, перечисленные черноземные губернии еще не составляли центра Российского государства, а располагались вблизи южной границы — поэтому мы будем называть эти семь губерний просто «Черноземным районом» или, кратко, «Черноземьем».

Процесс колонизации черноземных областей был важнейшим процессом, определявшим экономическую жизнь России XVIII в. В период с 1678 по 1719 г. население четырех черноземных губерний увеличилось с 0,8 до 2,1 млн человек — в основном за счет переселенцев и беглецов из Центрального региона²¹⁵. Население изобильного Черноземья росло гораздо быстрее, чем население обделенного почвами и климатом и к тому же перенаселенного Центра, и к концу столетия Черноземный регион обошел Центральный по численности населения (рис. 2.1).

Южные помещики из числа высшей знати владели обширными пространствами незаселенных земель — и, чтобы привлечь на них поселенцев, они предоставляли им льготы и укрывали беглых. Посошков писал, что у знатных землевладельцев на юге населены беглыми крестьянами «целые села великие». Князь А. Д. Меншиков в своих трех огромных вотчинах требовал с крестьян лишь небольшой оброк: в переводе на хлеб около 2–3 пудов с души²¹⁶. На юге Черноземья, в Воронежской и Курской губерниях, такой уровень оброков сохранялся и в 1760-х гг. Крестьяне на Черноземье имели большие наделы, около 2,5 десятин пашни на душу²¹⁷. «Великое число земель и легкая работа дают способ земледельцам великое число земли запахивать, — писал князь М. Щербатов, — так что во многих местах они четверть жатвы своей отдают приходящим из Московской губернии за то, что помогают хлеб их убирать»²¹⁸. О найме работников «немалой платой» говорят и ответы на Сенатскую анкету 1767 г. из Тамбовской губернии²¹⁹.

Около половины населения южных губерний составляли однодворцы, которые прежде несли пограничную службу в драгунских полках, затем в ландмилиции, а после ее расформирования (в 1780-х гг.) превратились в государственных крестьян. Топографическое описание Курской губернии 1784 г. говорит, что средний двор государственных крестьян имел 5 лошадей, 5 коров и чистый сбор в 300 пудов хлеба — в 3–4 раза больше, чем нужно для потребления. По ответам на анкету Вольного экономического общества 1765 г. в Острожском уезде Воронежской губернии у средних крестьян было 5–15 коров, а у зажиточных — 15–50 коров (для сравнения: во Владимирской губернии на двор приходилась в среднем одна лошадь и одна корова)²²⁰.

О жизни тех времен повествуют рассказы стариков, записанные священником из села Ольшаницы (Орловская губ.) в 1850 г.: «Старики со слезами вспоминают золотой век, когда предки их жили без нужды и без горя. Денег было мало, и они были почти не нужны. Продавая за 3 алтына меру пшеницы за 300 или 400 верст, они клали алтыны в горшки. Из алтынов составлялись у них сотни рублей. Кто имел 100 рублей, считался

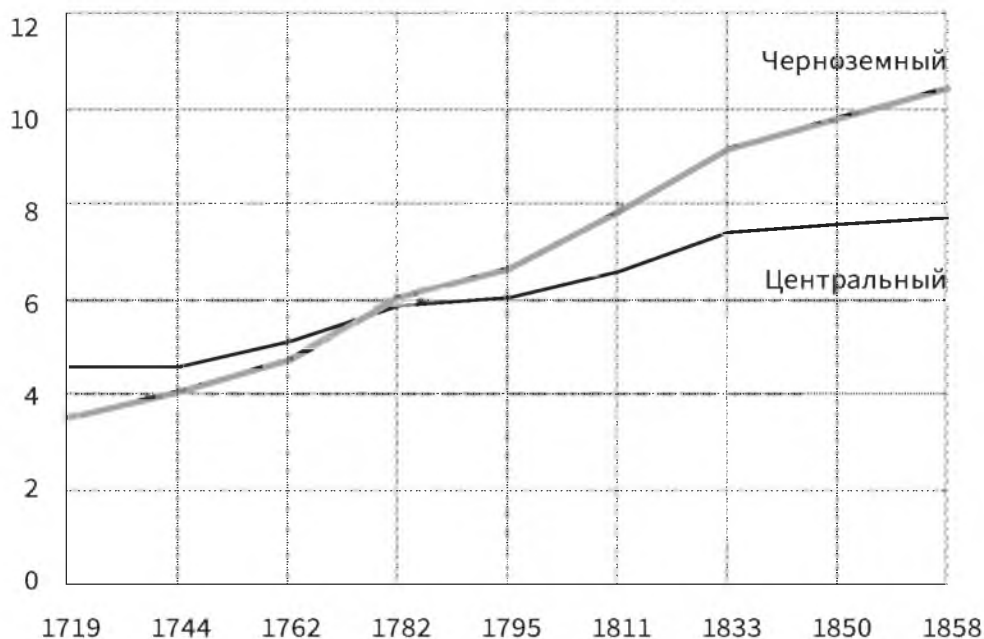

Рис. 2.1. Рост численности населения Центрального и Черноземного регионов (млн)²²¹

богатеет беспримерным. „Не наживи, — говаривали, — 100 рублей, а имей 100 друзей“. Пчеловодство, множество хлеба и скота позволяли варить для себя мед, пиво, водку и делали стариков роскошными без всякого ущерба для их состояния. „Поглядел бы, — говорили они, — на тогдашние праздники. То-то ли бы было! Бывало, выставят на стол меду кисейного, пресного, перегонного, пива, а вина-то — хоть залейся!“²²²

Высокий уровень жизни на Черноземье объяснялся сравнительно высокой урожайностью и легкостью обработки почв: на обработку десятины ржи здесь требовалось почти вдвое меньше времени, чем в Центральном районе²²³. Попробуем приблизительно оценить продуктивность десятины черноземных полей. Во второй половине XVIII в. высев ржи составлял около 10 пудов на десятину, высев овса — около 12 пудов. Урожайность в середине столетия составляла сам-4,6 для ржи и сам-4,2 для овса²²⁴, и в среднем десятина давала примерно 25 пудов чистого сбора (а в нечерноземных областях — 15 пудов). Без привлечения наемной силы крестьянин мог обработать (и обрабатывал в XIX в.) 2,2–2,5 десятины черноземной пашни на душу населения²²⁵. Следовательно, на одного крестьянина (крестьянку), при условии полной отдачи сил, приходилось 55–62 пуда! Крестьянину же было вполне достаточно 20 пудов, и ему было некуда девать такое количество зерна: ведь везти приходилось за 300–400 верст. Таким образом, становится понятной «Легенда о Золотом веке», ходившая среди крестьян Черноземья — а также и то, что в действительности, как показал Л. В. Милов, крестьяне в те времена не обрабатывали полностью своих больших наделов²²⁶: это было просто ненужно. Становится понятным

также и то, какую огромную выгоду могла принести помещикам организация товарного производства зерна на Черноземье — если в центральных областях максимальная рента составляла 7–9 пудов с души, то в черноземных областях она могла составлять 15, 20 и более пудов!

«Легенда о Золотом веке» повествует о патриархальных временах, когда на юге еще не было товарного производства хлеба и барщинных латифундий. В 20-е гг. XVIII в. общий объем хлебной торговли оценивался лишь в 2,5 млн пудов²²⁷ — это было до начала промышленной специализации Центра, когда промысловые села стали кормиться хлебом Черноземья. В 1730-е гг. поставки с юга возросли; они осуществлялись гужевым транспортом из ближайших к Центру тульских и рязанских черноземных районов, а также водным путем: в 1737 г. в Москву было доставлено 1 млн пудов зерна из Орловской губернии²²⁸. По некоторым оценкам, в 1730-х гг. общая масса товарного хлеба (с учетом винокурения) достигла 10 млн пудов²²⁹. Как отмечают И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов, в 1740–1750-х гг. происходило формирование Московско-Черноземного регионального хлебного рынка и товарный оборот хлеба стремительно рос. В 1780-х гг. реализация товарного хлеба лишь по двум черноземным губерниям, Орловской и Курской, оценивается в 24 млн пудов²³⁰. Очевидно, именно поставками с юга объясняется наблюдавшееся в это время падение цен на рожь в Центральном районе: эти цены уменьшились со 110 копеек за четверть в среднем в 1741–1750 г. до 87 копеек в 1751–1760 г.²³¹

Налаживание хлебного снабжения способствовало выходу центральных областей из состояния Сжатия, в котором они находились на протяжении 1720–1730-х гг. Вероятно, некоторую роль сыграло и отмечавшееся в это время увеличение урожайности (см. табл. 2.1). В 1740–1750-х гг. население Центра снова стало расти (рис. 2.2), хотя темпы роста были меньше, чем на юге²³².

В результате увеличения поставок с юга крестьяне Центрального района получили возможность заниматься промыслами и обменивать ремесленные изделия на черноземный хлеб. В Московской губернии стали расти промысловые села, в Измайловском, Покровском, Тайнинском развивается текстильное производство, в Гжельской волости — производство посуды. По некоторым подсчетам, к 1760-м гг. до двух третей крестьянского населения Московского уезда наряду с сельским хозяйством занималось домашними промыслами. Крестьяне стали конкурентами посадских ремесленников и купцов-мануфактуристов, которым традиционно принадлежало исключительное право заниматься торговлей и ремеслами; помещичьим крестьянам разрешалось торговать лишь съестными припасами с возов. Купцы и посадские люди подавали жалобы на крестьян, нарушающих эти правила, и в начале 1750-х гг. было издано несколько строгих указов, по которым никому, кроме настоящих «фабрикантов», не разрешалось вырабатывать промышленные товары. Однако крестьянское производство ремесленных изделий не только продолжало существовать, но и расширялось. В конечном счете ряд указов, изданных в начале правления Екатерины II, позволил крестьянам свободно заниматься ремесленной и промышленной деятельностью²³³.

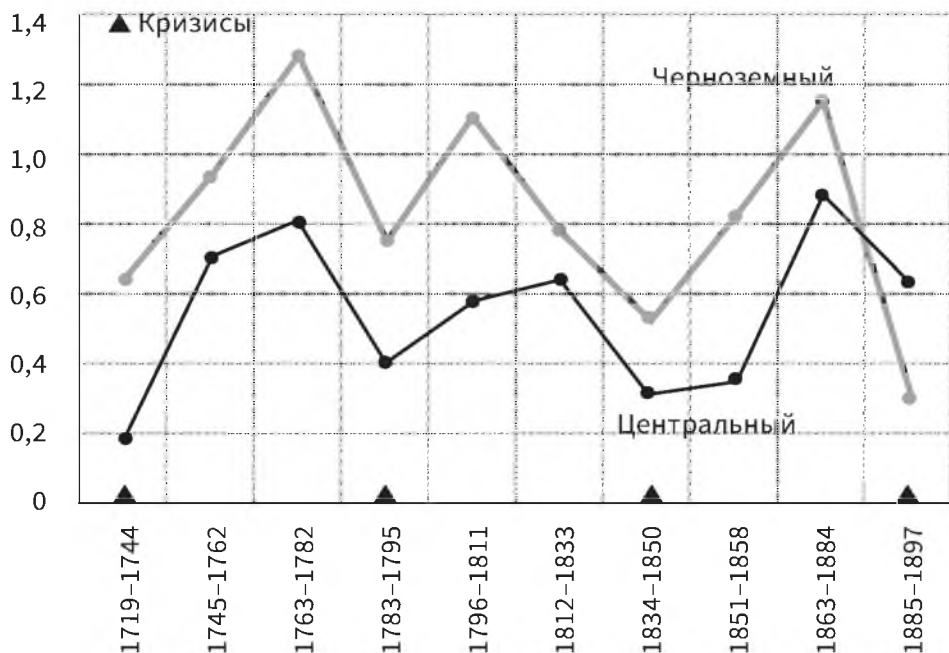

Рис. 2.2. Темпы роста населения по регионам (%)²³⁴

Развитие промыслов и появление у крестьян новых ресурсов не осталось незамеченным помещиками, и они сразу же стали увеличивать оброки. Если раньше, на протяжении почти столетия, средний оброк составлял около 25 копеек с души и 50 копеек с души мужского пола, то данные 1742 г. говорят о росте ренты примерно до 80 копеек с души мужского пола. К концу правления Елизаветы оброк крестьян на Суздальщине и Ярославщине достигал 1 рубля 34 копеек с души мужского пола или 5,9 пуда в пересчете на хлеб (см. табл. 2.2). Оброк с государственных крестьян, составлявший со времен Петра 40 копеек с души мужского пола, в 1745 г. был увеличен до 55 копеек, оброк с дворцовых крестьян, формально также равнявшийся 40 копейкам, в 1743-1750 г. составлял в среднем 67 копеек. В 1755 г. дворцовый оброк вырос до 1 рубля с души мужского пола, а в 1762 г. — до 1 рубля 25 копеек. Поскольку оброк дворцовых и государственных крестьян всегда рассматривался как эквивалент тех оброков, которые платят своим хозяевам помещичьи крестьяне, то его рост был отражением роста ренты в помещичьих хозяйствах. В 1761 г. оброк государственных крестьян был увеличен до 1 рубля, и в указе особо отмечалось, что почти все помещичьи крестьяне уже давно платят такой оброк своим владельцам²³⁵. В отношении барщины у нас не имеется статистических данных, но характерно, что в это время появляются помещичьи инструкции, вводящие невиданные ранее нормы отработок — до 1 десятины на душу²³⁶.

2.11. Выводы

В какой мере трехфакторная модель может объяснить развитие России в первой половине XVIII в.?

Основным фактором, определявшим это развитие в начале столетия, был *технологический фактор*. Новая военная революция, слившись с диффузионным влиянием, резко ускорила процесс вестернизации России. Создание империи, прежде всего, означало решительную *трансформацию структуры*: появление нового структурного элемента, постоянной регулярной армии, отягчение служебных повинностей дворянства, создание нового чиновничества и переформирование элиты, перераспределение ресурсов в пользу государства, значительное увеличение налогов на крестьян. Мобилизация ресурсов позволила создать мощную армию, которая утвердила господство России в Восточной Европе. С точки зрения демографии наибольшее значение имел не выход России к Балтийскому морю, а прекращение татарских набегов, и в дальнейшем — завоевание Крыма. Это сделало возможным освоение обширных областей Южного Черноземья, что означало новое значительное расширение экологической ниши русского этноса. Колонизация Черноземья была основным содержанием экономической истории России XVIII в.

Классическая теория демографических циклов делит цикл на три периода: периоды восстановления, Сжатия и экосоциального кризиса. Однако *российский демографический цикл был уникальным: технологический фактор обеспечил значительное расширение экологической ниши русского народа, и вслед за периодом восстановления в XVII в. обозначается период, когда начавшееся в центральных областях Сжатие сопровождалось колонизацией новых земель Черноземья. Мы будем, называть этот период периодом роста, он продолжался на протяжении всего XVIII в.*

Процессы колонизации Черноземья и роста общей численности населения перемежались с эпизодическим Сжатием в Центральном районе. Сжатие, которое должно было проявиться здесь с естественным ростом населения, было ускорено резким увеличением налогов при Петре I. Преобразовательный экстремизм Петра выразился в чрезмерной мобилизации средств на строительство Петербурга и в конце концов привел к *структурному кризису* 1723–1726 г. Этот кризис сомкнулся с *традиционалистской реакцией* на Петровские реформы и вызвал некоторое сокращение налогов и военных расходов, а также временный отказ от строительства Петербурга.

В правление Анны Иоанновны к власти пришла немецкая партия, которая закрепила результаты вестернизационной политики Петра. При этом уровень налогов оставался высоким, и Сжатие в центральных районах продолжалось. Анализ в рамках неомальтузианской теории обнаруживает в этот период такие характерные признаки Сжатия, как *низкий уровень потребления основной массы населения, приостановка роста населения, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, развитие ремесел и торговли*. Наблюдается отток населения на юг, однако города растут по-прежнему медленно, что объясняется трудностью переселения из деревни в условиях крепостного права.

Анализ структурной динамики показывает, что усиление давления государства на элиту при Петре I вызвало противодействие, которое в 1730-х гг. стало более активным. Внутренняя динамика элиты, увеличение ее численности и уменьшение размеров поместий, в соответствии с демографически-структурной теорией, подталкивала дворянство к более активной борьбе. На динамику элиты оказывал важное влияние и диффузионный фактор: вестернизация постепенно пробуждала в дворянстве стремление к роскоши, что требовало увеличения его доходов. Наиболее важным аспектом борьбы между государством и дворянством был вопрос о распределении ресурсов. В условиях, когда совокупные поборы с крестьян центральных областей уже не могли быть увеличены, этот вопрос в значительной степени сводился к проблеме соотношения размеров ренты и налогов.

По совокупности признаков социально-экономическая ситуация в 1720–1740-х гг. может быть охарактеризована как ситуация накануне экосоциального кризиса, однако кризис был преодолен за счет расширения экологической ниши, достигнутого в результате колонизации Черномозья. В то же время эта колонизация была невозможна без мобилизации ресурсов и создания новой армии — таким образом, в конечном счете именно этактистская военная мобилизация позволила избежать катастрофы, которая теоретически была вполне возможна.

В своей борьбе с государством элита использовала традиционалистские лозунги, и переворот 1741 г. означал не только поражение абсолютизма, но и некоторый возврат к традиционализму. Это проявилось, прежде всего, в возврате к традиционно мягким, допетровским, условиям службы дворян. Кроме того, государство было вынуждено пойти на уступки в вопросе распределения ресурсов, что выразилось в частичной замене прямых налогов косвенными и поощрении дворянского винокурения. Однако это было лишь временным компромиссом между этактистской монархией и дворянством — решающая борьба была еще впереди.

глава III

Время дворянской монархии

3.1. Прусский образец

Как отмечалось выше, к правлению Елизаветы Петровны относится новая волна европейского диффузионного влияния. Эпицентром этой новой волны и новым образцом для подражания была Пруссия.

Для того чтобы проанализировать сущность прусской монархии 1740-х гг., нам придется вернуться назад — к преобразованиям Петра Великого. Русская армия была создана в подражание победоносной шведской армии, и победа над шведами сделала ее, в свою очередь, образцом для подражания. Оказалось, что российские инновации также могут распространяться путем диффузии. В первую очередь, заимствовался принцип всеобщей рекрутской повинности: в 1722 г. рекрутская повинность была введена в Австрии, а в 1733 г. — в Пруссии. Король Пруссии Фридрих Вильгельм I (1713–1740) был личным другом Петра, восхищался им и подражал грубоватым манерам русского царя¹. Он не только ввел рекрутскую повинность, но и заимствовал принцип обязательной службы дворянства. Правда формально эта обязанность не была утверждена законом, но король сумел создать такое положение, при котором служба стала моральным долгом дворян, «делом чести». Сыновья прусских юнкеров уже детьми отправлялись в кадетские школы, либо (как в России) поступали прямо в полк, начиная службу с нижних чинов. Если недворянин покупал дворянское поместье (что, впрочем, бывало редко), его сыновья также должны были идти на службу².

Далее, находясь под двойным влиянием России и Швеции, Фридрих Вильгельм I заимствовал идею военизированного «регулярного государства» и приложил все силы для претворения ее в жизнь. Вся жизнь в Пруссии регулировалась многочисленными регламентами и инструкциями. «Фридрих Вильгельм I довел самодержавную форму правления до высшей степени развития, — пишет В. Фенор. — Пруссия выглядела тогда так: правительство, Генеральное управление, находилось тогда в Берлине и работало так, что только щепки летели. Обо всем, о самой последней мелочи, докладывали королю, обычно находившемуся в Потстдаме или Вустерхаузене. Там он все решал самостоятельно и отдавал распоряжения готовить указы, разлетавшиеся затем по всей стране, как гром и молния. Для всех король был образцом усердия и эталоном рабочего

ритма, а „внизу“ все было в постоянном движении: министры говорили, офицеры муштровали, солдаты брали на караул, бюргеры производили товары, а крестьяне работали на полях и стройках. Все государство двигалось как батальон на парадном плацу»³. «Он являлся... первым в истории социалистом государственного масштаба», — добавляет В. Фенор⁴; именно Фридрих Вильгельм I положил начало доктрине прусского государственного социализма, на которую позже ссылался Бисмарк.

При всеобщей регламентации частного сектора экономики Фридрих Вильгельм I делал ставку на государственный сектор: государству принадлежали 35% сельскохозяйственных угодий, многочисленные мануфактуры и торговые заведения. В соответствии с меркантилистской теорией иностранные товары были обложены высокими таможенными пошлинами. Это помогло решить финансовую проблему: за время правления Фридриха Вильгельма государственные доходы возросли вдвое. Король признавал традиционный принцип сословности, но каждое сословие должно было трудиться на благо государства. Дворяне должны были быть прилежными офицерами, им запрещалось пить вино, играть в карты, делать долги; жалование было очень скромным. Торговля и ремесла были делом бюргеров, сельскохозяйственные занятия — делом крестьян; ни одно сословие не должно было заниматься несвойственными ему делами. Вместе с тем король старался защитить крестьян, традиционно находившихся на положении крепостных, и ограничил применение телесных наказаний помещиками⁵.

В соответствии с теорией «военной революции» Фридрих Вильгельм I построил милитаризованное государство, главным компонентом которого была армия. Первым и главным регламентом «регулярного государства» был подробный военный устав, который был принят в Пруссии в 1714 г. За время правления короля прусская армия увеличилась с 30 до 75 тыс. человек. Маленькая Пруссия стала одним из сильнейших государств Европы; под ружьем находилось 3% населения страны (как отмечалось выше, в России при Петре I эта цифра составляла 1,6%; в других «великих державах» она была существенно меньше). Армия поглощала 2/3 доходов государства, для того чтобы сократить остальные расходы, был введен режим всеобщей экономии⁶. Король постоянно носил военную форму и самолично занимался обучением солдат, всю первую половину дня он проводил на вахтпарадах. Именно Фридрих Вильгельм I ввел знаменитую «прусскую муштру» — как оказалось, это был необходимый элемент линейной тактики. Доведенный до автоматизма процесс заряжания позволял прусскому солдату делать пять выстрелов в минуту, в то время как солдаты других армий производили лишь два-три выстрела. Это дало возможность уменьшить глубину строя до трех шеренг и, соответственно, увеличить длину линии. Другим преимуществом, приобретенным «муштрой», была способность быстро разворачиваться из походных колонн в боевой порядок. При линейной тактике такие перестроения были довольно сложным процессом, и другие армии стремились развернуться и занять позиции заблаговременно до подхода противника. Прусская армия умела перестраиваться непосредственно на поле боя; это позволяло ей маневрировать и заходить во фланг противнику⁷.

Еще одной особенностью прусской армии была система «флигельманов» и «флигель-рот». Массовые армии комплектовались подневольными рекрутами и ненадежными наемниками, поэтому дезертирство было их большим местом. Для предотвращения дезертирства пруссаки ставили на края взводной шеренги специальных надсмотрщиков-«флигельманов», которые убивали бегущих; фланги полка занимали особые «флигель-роты». Зажатые флигель-ротами прусские солдаты не помышляли о бегстве и сражались до последнего⁸. «Идя вперед, мой солдат наполовину рискует жизнью, идя назад, он теряет ее наверняка», — говорил Фридрих II⁹. Дисциплина и порядок в условиях изнурительной муштры поддерживались с помощью палки; офицеры и унтер-офицеры носили трость, которой избивали солдат за малейшую ошибку. Фридрих Вильгельм I (так же как Петр I) тоже носил трость, которую постоянно пускал в ход, не разбирая, кто перед ним — простолюдин или «благородный»¹⁰.

Нужно отметить, однако, что палочная дисциплина не была самоцелью, а диктовалась военной целесообразностью. Исходя из той же целесообразности, Фридрих Вильгельм I заботился, чтоб солдаты были всегда сыты и хорошо одеты; он существенно усовершенствовал систему материального снабжения армии. Король-солдат распорядился, чтобы солдат учили читать и писать, он учредил приюты для солдатских детей¹¹.

Дисциплина и порядок, царившие в прусской армии, обращали на себя внимание задолго до громких побед Фридриха II. Австрийский посол граф Зекендорф писал из Берлина Евгению Савойскому о впечатляющих «красоте и порядке» прусских войск, о превосходном состоянии полков, ружей и амуниции, о прусской дисциплине¹². Армии соседних государств пытались перенять прусский порядок: в 1732 г. во Франции, а в 1737 г. в Австрии были приняты военные уставы, подобные прусским. Как отмечалось выше, фельдмаршал Миних также многое заимствовал у пруссаков.

Наследник Фридриха Вильгельма, Фридрих II (1740–1786), продолжал военные реформы и приложил значительные усилия к совершенствованию прусской кавалерии и артиллерии. Кавалерия прежде придерживалась традиционной французской тактики: при приближении к противнику она останавливалась и делала залп из пистолетов, а затем уходила назад перезаряжать оружие. Фридрих II, следуя примеру шведов, перешел к тактике быстрой атаки сомкнутым строем с применением исключительно холодного оружия; при такой атаке кавалерия опрокидывала противника, главным образом, своей массой¹³. Наибольшие успехи были достигнуты в совершенствовании артиллерии. Введенные Фридрихом II новые артиллерийские системы были много легче и маневреннее прежних. Облегчение орудий было достигнуто за счет нового технологического приема, впервые примененном швейцарским мастером Жаном Марицем: Мариц стал отливать бронзовые орудия «глухими» и затем высверливать каналы ствола с помощью мощной сверлильной машины (ранее канал отливался вместе с орудием, что уменьшало прочность стенок). В 1733 г. прусские трехфунтовые полковые пушки весили 22 пуда; к 1745 г. их вес сократился до 8,5 пуда. Вес шестифунтовых пушек уменьшился с 43 до 14,1 пуда, и это позволило заменить в некоторых полках трехфунтовые пушки шестифунтовыми. Создание новой прусской артиллерии стало толчком к аналогичным преобразованиям в других странах¹⁴.

В то время как Фридрих Вильгельм I был относительно миролюбив, его сын Фридрих II стремился использовать возросшую военную силу Пруссии для расширения ее территории. Прусская армия добилась громкой славы своими победами в войне за австрийское наследство (1740–1748) и Семилетней войне (1756–1763). Фридрих II использовал преимущества прусской муштры и громил превосходящего противника, заходя ему во фланг. В период Семилетней войны Фридриху II приходилось сражаться с численно подавляющими силами трех великих держав: Австрии, Франции и России. Тем не менее прусский король одержал знаменитые победы над французами при Россбахе, над австрийцами при Лейтене и над русскими при Цорндорфе. Несмотря на отдельные неудачи (как в битве при Кунерсдорфе), преимущества прусской армии были очевидны для генералов и политиков европейских держав. Военные победы породили волну перенимания прусских порядков — не только военных, но и государственных.

Реформы «короля-философа» Фридриха II создали из Пруссии образец просвещенной монархии и «регулярного государства», о котором мечтал Петр I. В 1740-х гг. под руководством канцлера Коччеги была создана строго иерархичная и правильно функционирующая административная система, введены постоянные ревизии, новые чиновники стали получать втрое большие оклады и уже не брали взятки. Пруссия была единственной страной в Европе, в которой существовали экзамены для претендентов на чиновничьи должности и продвижение по служебной лестнице зависело не от знатности, а от заслуг и таланта. Вся деятельность чиновничества была подчинена четкой и мелочной системе предписаний; в 1749 г. Коччеги по плану Фридриха закончил составление нового свода законов «*Corpus juris Fridericianum*», который должен был стать основой «регулярного государства». Было введено независимое судопроизводство и запрещены пытки; провозглашалась свобода вероисповедания. Каждому сословию было определено свое место: офицерский корпус комплектовался исключительно из дворян-«рыцарей», для которых военная служба была нравственным долгом. Для поддержания дворянского сословия было создано несколько «Дворянских банков», обеспечивших дешевый кредит. Чиновникам недворянского происхождения запрещалось покупать рыцарские имения; дворянству, в свою очередь, запрещалось заниматься торговлей и промыслами¹⁵.

Хотя король много говорил об «общем благе», построенное на основе средневекового германского общества прусское «регулярное государство» носило сословный характер. Дворянство выступало в качестве привилегированного сословия; дворяне уже давно пользовались свободой от военной службы и были полными господами в своих поместьях. Несмотря на официальный запрет, дворяне отнимали у крестьян наделы и расширяли фольварки; Фридрих II, как мог, боролся с этой практикой и в 1763 г. отменил крепостное право в одной из прусских провинций, в Померании. «Среди всяческих разновидностей жизненного жребия, — писал король, — бесспорно наиболее злосчастным и трогательным человеческое сердце является удел крестьянина, принадлежащего земле и ставшего холопом дворянина. Разумеется, ни один человек не рождается для того, чтобы быть рабом себе подобного».

Реальное прусское государство далеко не соответствовало идеалам «короля-философа» — тем не менее, именно эта фридриховская Пруссия стала примером для монархов Европы. Громкие военные победы Фридриха Великого породили в Европе волну трансформации по прусскому образцу. Первым государством, приступившим к этой трансформации, была Австрия, потерпевшая от пруссаков жестокое поражение в войне за австрийское наследство.

В начале 1750-х гг. императрица Мария Терезия предприняла решительные шаги для реформирования своей армии. Было уделено особое внимание обучению пехоты, кавалерия стала атаковать, так же как прусская, в сомкнутом строю. Генерал-фельдцейхмейстер князь Лихтенштейн провел реформу австрийской артиллерии и принял на вооружение облегченные и стандартизированные артиллерийские системы. Зарядные ящики были приспособлены для перевозки артиллерийской прислуги — австрийская артиллерия стала «ездящей», а следовательно, более мобильной¹⁶.

После Семилетней войны сфера реформ расширилась. Для содержания армии был введен подоходный налог, который собирало непосредственно венское правительство; казна получила в распоряжение большие средства и избавилась от опеки сеймов. Новый налог распространялся также и на дворянство, которое утратило налоговые и судебные привилегии. Принимались меры по развитию государственного сектора; было построено большое количество государственных мануфактур; в соответствии с теорией меркантилизма национальная промышленность была защищена от иностранной конкуренции 60-процентными ввозными пошлинами, вывоз сырья запрещался.

Крестьянское восстание в Чехии в 1775 г. побудило правительство придать реформам социальный характер; поначалу барщина была ограничена тремя днями в неделю, а затем, в 1781 г., император Иосиф II (1780–1790) отменил крепостное право во всех провинциях империи. Крестьяне стали свободными и неподвластными помещичьим судам; они получили право на наследственное владение своими наделами при условии уплаты помещику $\frac{1}{6}$ урожая. В соответствии с теорией Х. Вольфа, Иосиф II считал задачей регулярного государства достижение «всеобщего блага», он говорил, что «государство — это наибольшее благо для наибольшего числа подданных»¹⁷. Впервые в истории была создана система обязательного и практически бесплатного образования для простого народа; было основано 4 тыс. школ.

Вместе с тем реформы Иосифа II означали победу абсолютизма: ландтаги и сеймы были окончательно отстранены от участия в управлении, повсюду было введено чиновничье-полицейское правление. «Он хочет в буквальном смысле превратить свое государство в машину, душой которой составляет единоличная его воля...» — писал об Иосифе II современный публицист. На практике это означало создание военно-бюрократического государства, где все подчинялось регламенту, за соблюдением которого следила полиция. В течение десяти лет правления Иосифа II были изданы 6 тыс. декретов и 11 тыс. законов, призванных регулировать все стороны жизни общества. Австрия Иосифа II стала символом регулярного «полицейского государства» («polizeistaat») — символом, ненавистным для сожалевшего об утрате своих привилегий дворянства.

3.2. Петр III: первая попытка трансформации по прусскому образцу

«Регулярное государство» Фридриха II стало образцом и для российских политиков. Некоторые мероприятия прусского короля, такие как создание Дворянского банка и запрещение чиновникам покупать дворянские земли, были скопированы еще при жизни Елизаветы Петровны, другие — формальное освобождение от военной службы, отмена телесных наказаний для дворянства и независимые сословные суды — вошли в программу дворянства и были реализованы позднее, при Петре III и Екатерине II. Как обычно бывает, первым признаком новой диффузионной волны были преобразования в армии; инициатором реформ выступил большой поклонник прусской военной системы граф П. И. Шувалов, генерал-фельдцейхмейстер и командир военных частей, стоявших в Санкт-Петербурге. Шувалов переучил подчиненные ему части на прусский лад, и его эксперимент произвел большое впечатление на Военную коллегию. В 1755 г. в русской армии был введен устав прусского образца, делавший упор на стрелковой тактике и быстроте перестроений. Кавалеристам было предписано атаковать противника в сомкнутом строю холодным оружием. Впрочем, обучение было поставлено слабо, и проведенный в 1757 г. смотр показал полную неготовность кавалерии к боевым действиям¹⁸.

Более важные реформы были проведены в артиллерии. После принятия на вооружение в Пруссии и Австрии облегченных артиллерийских систем Россия была вынуждена спешно провести модернизацию своей артиллерии. Эта работа проводилась под руководством П. И. Шувалова, вследствие чего за новым типом орудий закрепилось название «единорог» (это был герб рода Шуваловых). «Единорог» представлял собой удлиненную гаубицу, но в отличие от гаубицы, мог стрелять не только картечью, но также ядрами и разрывными бомбами. «Единороги» были различных калибров; предназначавшиеся для замены трехфунтовой полковой пушки (имевшей вес 17,5 пуда) восьми- и двенадцатифунтовые «единороги» имели вес соответственно 6 и 12 пудов, а действие картечи двенадцатифунтового «единорога» было в четыре раза сильнее, чем у шестифунтовой пушки. Однако при всех достоинствах «единороги» имели и недостатки: дальность стрельбы была меньшей, чем у пушек, и, кроме того, легкие орудия подпрыгивали при стрельбе и выводили из строя лафеты, поэтому в дальнейшем стали делать более тяжелые и длинные гаубицы. Кроме того, после введения на вооружение «единорогов» другие системы не были сняты с вооружения, и в русской артиллерии существовал большой разноряд систем и калибров¹⁹.

Новая русская артиллерия оказалась более мощной, чем артиллерия Фридриха II, и благодаря «единорогам» (и практически неприступной позиции) русским войскам удалось нанести поражение армии Фридриха у Кунерсдорфа — это была одна из немногих неудач прусского короля. Но в целом ход военных действий показал преимущество пруссаков в организации, маневренности и обученности пехоты, что побудило русских перенимать методы противника. Командовавший русскими войсками в Померании П. А. Румянцев был большим поклонником Фридриха II, по образцу пруссаков он создал подразделения егерей и, чтобы поднять дисциплину, усиленно применял шпицрутены²⁰.

Среди поклонников прусского короля был и наследник русского престола, сын голштинского герцога Карла Фридриха и дочери Петра I Анны Карл Петер, которого в России называли «Петром Федоровичем». Карл Петер до 14 лет воспитывался на своей родине, в Германии, и по отзывам современников был истым немцем; он плохо говорил по-русски. Получив от императрицы Елизаветы большое поместье в Ораниенбауме, Карл Петер завел здесь свое маленькое войско, состоявшее по большей части из голштинцев, обученное прусскими офицерами и носившее прусскую форму. Подражая своему кумиру, «Петр Федорович» следовал точно утвержденному распорядку дня, утром сам принимал вахтпарады, вечером музицировал на скрипке (Фридрих играл на флейте), а потом, как прусский король, курил табак и пил пиво со своими офицерами²¹.

Став императором Петром III, Карл Петер заключил союз с Фридрихом II и попытался ввести в России прусские порядки. Прежде всего эти порядки касались армии: была введена строгая дисциплина и система вахтпарадов, которые принимал сам император. В этих парадах должны были принимать участие все — как престарелые штаб-офицеры, так и записанные в полки малолетние дворяне. Офицеры должны были интенсивно, по-прусски, муштровать своих солдат. Была введена новая военная форма прусского образца и новые военные штаты. В подражание прусской армии гренадеры были снова упразднены, зато увеличилось количество кирасирских полков²².

Подражая Фридриху II, Петр III наладил дисциплину в государственных учреждениях, разрешил вывоз хлеба, ликвидировал Тайную канцелярию и запретил пытки. Немцы вновь заполнили императорский двор, из ссылки вернулись Миних и Бирон. Император конфиденциально советовался с Фридрихом о возможности введения в России протестантской религии — причем прусский король выражал опасения относительно возможных последствий. Тем не менее Петр III конфисковал церковные имущества, и в духе свободы вероисповедания прекратил преследование старообрядцев. 19 февраля 1762 г. Петр III подписал «Манифест о вольности дворянства», даровавший русскому дворянству ту привилегию, которой формально обладало немецкое дворянство — свободу от обязательной службы. При этом император выражал желание, чтобы освобожденные от обязанности дворяне все же продолжали служить и чтобы служба стала для них, как в Пруссии, делом чести²³.

Реформы Петра III были третьей попыткой трансформации России по европейскому образцу. На этот раз реформы были более глубокими и затронули саму основу Российского государства, поместную систему. Вестернизация в этом направлении как нельзя более удовлетворяла требованиям дворянства, и Петр III сделал решающий шаг, на столетие определивший судьбу страны. «По существу, своими законодательными актами он совершил революцию в системе социальных отношений России, — пишет А. Б. Каменский, — в борьбе с государством дворянство одержало окончательную победу»²⁴.

Таким образом, реформа Петра III означала новую *трансформацию общественной структуры*. Освобождение дворянства означало ликвидацию государства, господствовавшего над обществом и регламентирующего

положения сословий, — то есть ликвидацию этактистской монархии. Новая монархия уже не могла приказывать дворянству: как только Петр III попытался навести дисциплину в дворянской гвардии, он был сразу же свергнут. Однако характерно, что социальный конфликт снова принял форму *традиционалистской реакции*: во главе мятежных гвардейских полков рядом с недовольными отягчением службы офицерами шли православные священники, поднявшие бунт против секуляризации. Петра III обвиняли в измене православию, в союзе с Фридрихом II и предательстве интересов России.

3.3. Екатерина II: падение этактистской монархии

Орудием дворянской гвардии на этот раз стала жена Петра III Екатерина. Немка, воспитанная на произведениях французских философов, она, тем не менее, была вынуждена проводить политику русского дворянства. Посаженная на престол гвардейцами, пишет В. О. Ключевский, «Екатерина чувствовала себя на углях». В разговоре с иностранным послом она сравнивала себя с зайцем, которого поднимают и травят со всех сторон²⁵. Заговоры следовали один за другим. В 1772 г. (после девяти лет правления), узнав об очередном заговоре в гвардии, императрица перепугалась до такой степени, что бежала из столицы в Финляндию, а когда заговорщики были арестованы, не посмела казнить никого из них²⁶.

В начале правления Екатерины II был момент, когда она была готова согласиться на формальное ограничение самодержавной власти путем создания постоянного Императорского совета. Инициатором этого проекта был граф Н. И. Панин, бывший одно время послом в Стокгольме, и образцом для Императорского совета должен был стать шведский аристократический Государственный совет. Императрица уже подписала соответствующий манифест, но потом одумалась и надорвала свою подпись²⁷. Однако это не меняло сути дела: в течение всего своего правления Екатерина была вынуждена подчиняться требованиям дворянства.

Политика русской дворянской партии заключалась в том, чтобы брать от вестернизации то, что ей выгодно, и отторгать то, что невыгодно. В угоду дворянству Екатерина II отменила все военные нововведения Петра III — прежде всего те, которые касались наведения дисциплины и порядка в армии и введения прусской системы обучения²⁸. Но многие реформы низложенного императора были подтверждены новой властью — отвергнута была лишь та государственная дисциплина, которую пытался восстановить Петр III. Роль Екатерины II в значительной мере была сведена к тому, чтобы ублажать дворянство землями, деньгами и привилегиями. При вступлении Екатерины на престол помещикам было роздано 18 тыс. крестьян, а всего за время царствования — более 850 тысяч²⁹. Манифест о Генеральном межевании 1765 г. объявил помещикам, что им «всемиловитейше жалуются и утверждают» самовольно захваченные ими государственные земли, если они «полюбовно только между соседями своими разберутся»³⁰. В 1763 г. были введены новые административные штаты, предусматривавшие специализацию служащих и резкое увеличение окладов; жалование стали платить и тем служащим, которые пре-

жде питались «от дел». В итоге расходы на содержание администрации в начале правления Екатерины увеличились до 8 млн рублей (40% расходов бюджета); они продолжали расти и далее, так что к концу правления содержание чиновничества обходилось дороже содержания армии³¹. В 1775 г. административная реформа была продолжена, было установлено новое административное деление и учреждена губернская администрация с отдельными финансовыми и судебными учреждениями; новые суды были сословными: отныне дворяне имели свой суд с выборными заседателями. Власть на нижнем, уездном уровне была передана в руки дворян, которые получили право выбирать уездного капитана-исправника. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. оформила существование дворянских губернских корпораций, органами которых были дворянские собрания, избиравшие губернских и уездных предводителей дворянства, капитан-исправников и судебных заседателей. Статьи 11 и 24 «Жалованной грамоты» запрещали практиковавшие в рамках поместной системы произвольные конфискации поместий и устанавливали принцип, по которому дворяне получали право свободного распоряжения своими именьями. Это означало признание частной собственности дворян на землю. Незадолго до этого Екатерина II ввела в российское законодательство сам термин «собственность», сразу же принявший частноправовой характер. Таким образом, *вслед за освобождением дворян от службы была юридически оформлена приватизация дворянских имений, земли которых при существовании поместной системы считались государственными*. Сравнивая «Жалованную грамоту» с дворянской политической программой времен Елизаветы, можно сделать вывод, что к 1785 г. все основные требования дворянства были удовлетворены Екатериной II и Петром III³².

Таким образом, в результате трансформации структуры, совершившейся в 1760-х гг., дворянство в значительной мере подчинило себе государственную власть. Как отмечалось выше, одной из причин этого конфликта был демографический дисбаланс, повлекший за собой оскудение дворянства, — та же причина, что толкала дворянство к «рокошам» 1640-х гг. Этот дисбаланс продолжал ухудшаться и далее, по данным В. М. Кабузана, удельный вес дворянства в населении страны постоянно рос; в 1744 г. он составлял на территориях, вошедших в первую ревизию, 0,50%, в 1762 г. — 0,59%, в 1795 г. — 0,68%³³. Число крепостных крестьян, приходящихся на одного дворянина, постоянно уменьшалось, а число обедневших дворян — росло, что подталкивало их к попыткам увеличить ренту.

Но помимо демографического фактора, действовал и диффузионный фактор, проявлявшийся в подражании русского дворянства европейским, и в частности немецким, порядкам. Пруссия и Австрия в этот период были странами, где дворянство формально было свободно от служебной повинности, где оно обладало собственностью на свои земли, где господствовало крепостное право и барщинная система. Очевидно, некоторую роль сыграл и случайный фактор, проявившийся в династических кризисах, наступивших после смерти Петра Великого, а затем — после смерти императрицы Анны. Династический кризис способствовал ослаблению самодержавия, и в конечном счете этот кризис привел на русский престол немецкого принца Карла Петера, стремившегося ввести в России

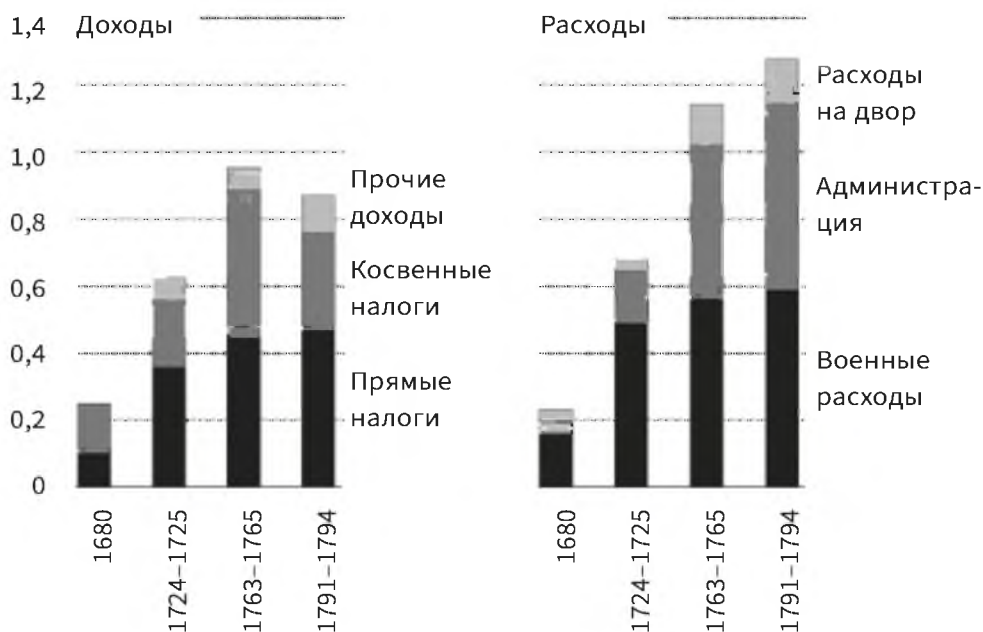

Рис. 3.1. Доходы и расходы государственного бюджета в 1680–1794 гг. (в пересчете на хлеб, млн пуд.)³⁴

порядки Пруссии. Однако стеснявшая русское дворянство прусская государственная дисциплина была отвергнута, и в итоге было заимствовано не то, что составляло силу прусского государства, а то, что было средневековыми пережитками, — принцип сословности, привилегированное положение дворянства, вотчинная власть помещиков — то, с чем пытались бороться Фридрих Великий и Иосиф II.

Трансформация структуры означала радикальное перераспределение ресурсов в пользу дворянства. Государство было вынуждено поступить в пользу дворянства значительной частью ренты, которую оно собирало с помещичьих крестьян в виде подушного налога. Как отмечалось выше, огромная эмиссия медных денег во время Семилетней войны вызвала инфляцию и двойной рост цен. Соответственно, реальная величина подушной подати уменьшилась в два раза, и государственный бюджет понес большие потери. Однако Екатерина не осмелилась увеличить подать, чтобы компенсировать потери, в результате государственная доля ренты с крестьян сократилась, и это дало возможность помещикам увеличить свою долю — произошло то, чего давно добивались помещики (см. рис. 3.1). Но инфляция продолжалась и далее, к 1794 г. подушная подать уменьшилась по сравнению с 1750-ми гг. более чем в четыре раза. Государственные доходы с крепостных крестьян были отданы помещикам. График на рис. 3.1 иллюстрирует этот кардинальный результат совершившейся социальной революции: до 50-х гг. кривые государственной и частной ренты с крепостных крестьян идут параллельно, но затем они расходятся: государственная рента убывает, а помещичья растет, поглощая те ресурсы, которые раньше принадлежали государству.

Таким же образом обстояло дело и в сфере косвенных налогов. Сразу же после захвата власти Екатерина в демагогических целях понизила цену на соль с 50 до 40 копеек; после восстания Пугачева последовало новое понижение — до 35 копеек. В условиях инфляции это привело к тому, что продажа соли стала убыточной, то есть соляная пошлина прекратила существование, и деньги, которые крестьяне платили за соль, достались помещикам.

Правительство пыталось компенсировать свои потери дальнейшим повышением пошлины на вино, но столкнулось с огромным ростом нелегальной «корчемной» торговли³⁵. В 1780 г. откупщик столичных сборов Голиков доносил, что «корчемство распространилось до крайней чрезвычайности, и корчемники до толикой дошли наглости, что нередко, скопясь во многом числе, вооруженные, провозят великими обозами, бочек по 200...»³⁶. Поскольку вино корчемникам продавали дворяне, то Екатерина не осмеливалась принимать решительные меры к искоренению нелегальной торговли; в результате, несмотря на рост населения, доход от винных откупов в 1791–1794 гг. сократился по сравнению с 1750-ми гг. в полтора раза³⁷.

Более того, вслед за ликвидацией монополии на вывоз хлеба при Петре III в правление Екатерины II были уничтожены почти все оставшиеся торговые и промышленные монополии государства. Доходы от этих монополий были переданы в частные руки — то есть в значительной степени в руки дворянства³⁸.

Символом бессилия Екатерины II была ее финансовая политика. Не смея компенсировать потери от инфляции повышением налогов, Екатерина покрывала огромный дефицит бюджета печатанием бумажных денег, ассигнаций. Естественно, это вызывало огромный рост цен — за время правления Екатерины цены возросли в три раза. Рост цен обесценивал реальные доходы бюджета, и правительство восполняло недостаток печатанием новых ассигнаций — это был порочный круг, который удалось разорвать лишь Николаю I.

Таким образом, Екатерина II отдала дворянству власть на местах и большую часть государственных доходов. По существу, это был демонтаж некогда могущественной государственной машины, созданной Петром Великим, *демонтаж механизмов этатистской монархии*. В хлебном исчислении доходы государства в расчете на душу населения уменьшились вдвое, и в целом, несмотря на то что население возросло в 1,7 раза, доходы в конце правления Екатерины были меньше, чем в его начале! Сокращение доходов притом, что все большая часть их уходила на двор и чиновников, должно было привести к сокращению расходов на армию. Диаграмма на рис. 3.2 наглядно показывает, как в послепетровские времена вместе с прямыми налогами уменьшались душевые расходы на армию. При Петре I численность армии составляла 1,56% от численности населения, при Екатерине II этот показатель снизился до 0,83% — в то время как в Австрии он составлял 1,04%, а в военизированной Пруссии — 3,45%³⁹.

Однако дело было не только в относительном уменьшении армии, но и в ее разложении. Коррупция стала еще одним способом перераспределения доходов в пользу элиты. Екатерина не смела контролировать своих генералов и полковников, и, пользуясь этим, они присваивали деньги,

отпускаемые на содержание полков. «Несколько полковников признались мне, что каждый год получают от трех до четырех тысяч рублей со своих полков», — свидетельствует французский посол Сегюр. Князь Цицианов, приняв полк от своего предшественника, писал, что довольствие расхищается и не доходит до солдат, что «ротные командиры избалованы и считают роту за деревню»⁴⁰. Расхищали и самих солдат: полковники отправляли рекрутов в свои деревни, и они навсегда исчезали из армии. Князь Г. А. Потемкин присвоил целый рекрутский набор; по словам канцлера А. А. Безбородко, в 1795 г. было 50 тыс. «растасканных» солдат⁴¹. При проверках на смотр выводили не более половины от списочного состава полков, три четверти офицеров числились на бумаге. Среди знати распространилась практика, когда в полки записывали малолетних детей, и, подрастая, они «выслуживали» очередные офицерские чины. В армии было много 20–22-летних полковников и даже генералов, в то же время заслуженные офицеры не получали повышения⁴². Наивысшей степени разложение достигло в гвардейских частях, где числилось 20 тыс. мнимых сержантов и унтер-офицеров, а офицеры годами не показывались в полках. «Гвардия — позор и бич русской армии», — писал граф Ланжерон⁴³. В этих условиях победы в русско-турецких войнах объяснялись не силой русской армии, а слабостью разваливавшейся Османской империи⁴⁴.

Подобное разложение отмечалось и в среде чиновничества. «Судии во всяких делах стали стараться... лихоимственно продавая правосудие, получить себе прибыль», — свидетельствует князь М. М. Щербатов⁴⁵. «В 20 последних лет предыдущего царствования всевозможные части управления пришли в упадок... — докладывал в 1797 г. прусский посол генерал Гребен. — Чиновники, без всякого исключения, проводили дни в попойках и игре... Отсюда проистекало взяточничество в обширных размерах... отсюда же проистекали бесчисленные злоупотребления...»⁴⁶ «Внутри страны происходят ужасы, — писал Ф. В. Растопчин. — Никогда еще преступления не были так наглы, как ныне. Безнаказанность и дерзость дошли до крайнего порядка. Один Рибас ворует более 500 тысяч рублей в год»⁴⁷. Пушкин подытожил это разложение одной фразой: «Развратная государственная развратила свое государство».

Таким образом, трансформация структуры, произошедшая в 1760-х гг., привела к радикальному перераспределению доходов в пользу дворянства и в ущерб государству, к ослаблению государства и разложению государственного аппарата.

3.4. Французское влияние и перерождение дворянства

Освободившись от обязанностей военной службы, дворянство смогло удовлетворить свое стремление к роскошной и праздной жизни. Многие историки связывают стремление к роскоши и перерождение дворянства с «европеизацией», стремлением не отстать от европейских дворян⁴⁸. О неприхотливости русской знати в допетровскую эпоху писали многие иностранные путешественники. «Как бы русский не был знатен, он во все неприхотлив, — писал Я. Стрейс. — Самая обычная его пища: каша, горох, кислая капуста, соленая рыба, ржаной хлеб...»⁴⁹ В прежние времена,

писал князь М. Щербатов, «не токмо подданные, но и государи наши вели жизнь весьма простую», но Петр Великий, подражая «чужестранным народам», ввел ассамблеи и роскошные чужестранные одежды⁵⁰.

Процесс вестернизации был достаточно сложным явлением, и помимо прусско-австрийского культурного круга (для которого роскошь была нехарактерна) на Россию оказывали воздействие еще две диффузионные волны. Одна из этих волн — это был англо-голландский культурный круг, о котором мы говорили выше. Основными компонентами этого круга были океанские корабли, морская торговля, частное предпринимательство и парламентское правление. Богатство и сила морских держав побуждали другие страны перенимать их порядки, и среди русской знати было немало сторонников английского аристократического парламентаризма. Однако в соответствии с мир-системной теорией морская торговля Запада оказывала воздействие на общество континентальных стран и другим путем. Чтобы вовлечь их в торговлю, морские державы предлагали различные товары, производимые в других странах. Например, в обмен на польский хлеб Голландия предлагала польской шляхте различные предметы роскоши, как голландского, так и французского производства. И чтобы покупать эти престижные товары, а потом похвалиться друг перед другом, польские шляхтичи создавали фольварки и заставляли своих крестьян работать на барщине. Таким образом, экономическое давление Запада было способно деформировать существующие общественные отношения в периферийных странах.

Другая волна диффузионного влияния шла из Франции и ассоциировалась с былыми победами Людовика XIV и блеском Версаля. Франция сравнительно медленно двигалась по пути к регулярному государству и усваивала военные достижения XVIII в.; во французской армии до конца столетия не было ни рекрутской повинности, ни легких пушек. Франция терпела поражения от пруссаков и австрийцев, но она оставалась самым большим государством Европы, и до поры до времени эти поражения не угрожали ее существованию. Поэтому французское общество могло сохранять архаичные ренессансные черты — роскошь двора и излишества французской аристократии были одной из таких черт. Производство предметов роскоши было основной отраслью парижской промышленности. Изысканная французская культура, отождествляемая с Версалем и «Комеди Франсез», в конечном счете также была порождением аристократизма и проявлением роскоши; простой народ не знал о ее существовании. В XVIII в. эта культура распространилась по всей Европе, и Фридриху Вильгельму I стоило большого труда противостоять проникновению французской роскоши и французских нравов.

Императрица Анна Иоанновна, так же как прусский король, боролась с распространением излишеств и неоднократно издавала указы против роскоши. Распространение роскоши в России началось при Елизавете Петровне. По заказу Елизаветы знаменитый итальянский архитектор Растрелли построил два дворца, способных соперничать с Версалем: Зимний дворец в Петербурге и Большой дворец в Царском Селе. «Капители колонн, фронтоны, наличники окон, даже статуи вдоль верхней баллюстрады дворца — все было позолочено», — писал Растрелли⁵¹.

Екатерина II намного превзошла в роскоши свою предшественницу. «Роскошь и блеск придворных нарядов и обилие драгоценных камней далеко оставляют за собой великолепие других дворов», — писал английский путешественник У. Кокс⁵². Расходы на двор достигли 11% государственного бюджета. По закону императрица могла расходовать на нужды двора лишь доходы с дворцовых крестьян, составлявшие в то время 3,6% бюджета, — но императрица не стеснялась нарушать закон⁵³.

Дворянство следовало примеру императорского двора. «Примеры таковые не могли не rozлиться на весь народ, — писал князь Щербатов, — и повсюду роскошь и сластолюбие умножились. Дамы стали великолепно убираться и стыдились неанглийские мебели иметь; столы учинились великолепны и повары... стали великие деньги в жалованье получать... Вины дорогие и до того незнаемые не токмо в знатных домах вошли в употребление... Роскошь в одеждах все пределы превзошла... и в таком множестве, что часто гардероб составлял почти равный капитал с прочим достатком какого придворного...»⁵⁴

Е. И. Марасинова отмечает, что соперничество в роскоши среди высшей знати было санкционировано самой императрицей Екатериной II и что среди рядового дворянства «умеренная роскошь» считалась не прихотью и не расточительством, а уровнем, ниже которого не позволяло опускаться достоинство дворянина⁵⁵.

Прежде, отмечал П. И. Рычков, лучшие люди жили в своих домах умеренно и бережно, теперь же молодые помещики выстраивают себе богатые дома, роскошно убирают их и заводят немалое число официантов и ливрейных служителей. Лет двадцать тому назад знатные и заслуженные дворяне имели при себе по два, по три человека, а теперь их дети и наследники предаются всевозможным излишества, не жалея себя и крестьянства⁵⁶.

Стиль нового образа жизни задавало гвардейское офицерство — цвет дворянства, окружавший двор императрицы. Екатерининский гвардеец должен был ездить в карете, запряженной шестеркой лошадей, иметь несколько роскошных мундиров, ценой не менее 120 рублей каждый, и десяток-другой лакеев и слуг (у выходцев из богатых семей число слуг достигало пятисот). В гвардии сформировались определенные нормы престижного потребления, например за обедом было положено выпивать не менее двух бутылок настоящего шампанского. «Жить не просто в долг, но жить не по средствам было нормой в гвардейской среде, — пишет Ю. А. Сорокин. — Более того, такой образ жизни стал модным и считался единственно приличным для дворянина»⁵⁷.

Представление о доходах и расходах знати может дать, к примеру, бюджет князя Н. Б. Юсупова. В 1798 г. доход составил 100 тыс. рублей, из них на жалование слугам, на расходы по дому и канцелярии ушло 7 тыс., на личные расходы — 63 тыс. В 1815 г. оброков собрано 91 тыс., расходы на дом и дворню — 29 тыс., на фаворитку мадам Ларни — 18 тыс. Все производительные расходы за 1798–1815 гг. — 1640 рублей (две молотильные машины, веялка и шотландский плуг). Денег, тем не менее, не хватало; в 1818 г. долг князя достиг 616 тыс. рублей, 7537 крепостных Юсупова (1/3 общего числа) находились в залоге. В 1821 г., будучи весь в долгах,

Юсупов купил «Никитский дом» и устроил в нем театр, расходы составили 142 тыс. После смерти князя в 1831 г. в его кассе обнаружили 27 тыс. рублей, долгов же осталось на 2,5 млн — сумма, сравнимая с расходными статьями государственного бюджета⁵⁸.

Долгами были обременены и другие представители знати. У графа Н. П. Шереметева в 1798 г. из дохода в 632 тыс. рублей. 29% уходило на уплату долгов, 35% — на личные расходы, 13% — на дворню, 11% — на расходы по дому. У князя А. Б. Куракина в начале XIX в. на уплату долгов уходила половина доходов, а остальное — на дом в Петербурге, на экипажи и содержание 800 дворовых⁵⁹. Граф И. Г. Чернышев, находясь при смерти, писал Екатерине II: «Оставляю наследство в крайней нищете, ибо долгу на мне, всемилостивейшая государыня, более полумиллиона рублей». Чернышев объяснял свои долги расходами на светскую жизнь в столице: они накопились, писал граф, в «тридцатилетнее мое бытие в Адмиралтейской коллегии, в которой, а особливо сначала, принужден был держать большой стол, кормить всех и приучать подчиненных своих... к большому свету»⁶⁰.

Стремление к роскоши было лишь одним из компонентов новой, заимствованной с Запада, модели поведения дворян. Смена стереотипов поведения сопровождалась отказом от традиционных православных норм, и защитники старины называли ее «повреждением нравов в России». «Вера и Божий закон в сердцах наших истребились... — писал князь Щербатов. — Несть ни почтения чад к родителям... несть ни родительской любви к их исчадию... Несть искренней любви между супругов... Несть родственнические связи... ибо... каждый живет для себя. Несть дружбы, ибо каждый жертвует другом для пользы своея... Несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, нежели для пользы отечества...»⁶¹

Открыто нарушались каноны православного брака, вошли в моду «метресы» и «французское распутство». Г. Державин со вкусом рассуждал «о модном искусстве давать друг другу свободу». В помещичьих усадьбах стало обычаем «право первой ночи», и дворяне содержали гаремы из крепостных девушек. Авторитет церкви среди дворян пал так низко, что помещик мог запросто приказать высечь сельского священника. Более того, наблюдался отход части дворянства от православия; получили распространение протестантские секты и масонские клубы. В своей европеизации дворянство все более удалялось от народа, забывая не только свое происхождение, но и свою веру⁶².

Распространение французской культуры привело к «офранцуживанию» русского дворянства. Дворяне подражали французским манерам, читали французские книги, посещали театр, где играли французские актеры. Французский язык стал языком русской знати, и вошло в обычай давать только что родившемуся ребенку кормилицу-французенку — с тем, чтобы она учила его говорить по-французски⁶³. «Русское дворянство отделено от других сословий не только многочисленными привилегиями, — писал Н. И. Тургенев, — но и внешним видом, одеждой, и, словно опасаясь, что различие это может показаться недостаточным, дворяне... отказались от родного языка и даже в частной жизни, в кругу семьи, говорят обыкновенно на иностранном языке. Отличаясь от народа привилегиями, образом жизни, костюмом и наречием, русское дворянство *уподоби-*

лось племени завоевателей, которое силой навязало себя нации, большей части которой чужды их привычки, устремления, интересы. Причина подобного отчуждения вовсе не в русском образе правления; это лишь следствие той поспешности, с коей Россия пустилась догонять цивилизованную Европу»⁶⁴. «Новая культура стала достоянием лишь малой части народа, в результате разделившегося на две неравные части, — указывает А. Б. Каменский. — Произошел культурный раскол русского народа... который стал, по сути, его трагедией. Столь часто с насмешкой описываемая в светских школьных учебниках ситуация, когда русские крестьяне воспринимали своего говорившего по-французски барина как „немца“, была на деле знаком величайшей беды русской истории, грозившей разрушительными социальными последствиями»⁶⁵.

В то время как крестьяне считали помещиков «немцами», помещики удивлялись обычаям своих крестьян, как будто это были обычаи другого народа. Случайно попавший на крестьянский праздник А. Т. Болотов писал: «Мы не могли странности обычаев их, принужденности обрядов и глупым их этикетам и угощениям довольно надивиться»⁶⁶.

В соответствии с мир-системной теорией охватившая дворянство страсть к роскоши была связана с развитием внешней торговли и широким рыночным предложением западных изделий. За время правления Екатерины ввоз в номинальных ценах увеличился почти в пять раз: с 9,3 млн рублей в 1763–1765 гг. до 41,9 млн рублей в 1796 г. Первое место среди ввозимых товаров занимал сахар (5,6 млн рублей), затем шли тонкие сукна (3,9 млн рублей), хлопчатобумажные ткани (2,6 млн рублей), шелка, вина, фрукты и т. п. «Ввоз носил исключительно потребительский характер для удовлетворения потребностей высших классов», — отмечал П. И. Лященко⁶⁷.

Ф. Бродель, акцентируя этот аспект проблемы, цитирует памятную записку неизвестного русского автора, поданную в правительство в 1765 г. Автор сетовал на то, что дворянство приохотилось к роскоши, и призывал вернуться к простоте времен Петра Великого. Причиной распространения роскоши является торговля, и особенно опасна торговля с Францией, потому что груз одного французского корабля «поелику состоит он из всяких предметов роскоши», обычно равен по ценности десяти-пятнадцати кораблям других наций. В итоге автор записки рекомендовал по примеру Китая закрыть страну для ввоза иностранных предметов роскоши, ибо если такой роскоши суждено продолжаться, то она станет причиной «разорения землеспашества»⁶⁸.

А. Кахан приблизительно подсчитал «цену вестернизации», то есть стоимость расходов, которые платило русское дворянство за западную роскошь, а также за западный стиль жизни, путешествия в Европу и за образование, сводившееся по преимуществу к изучению французского языка. По оценке американского исследователя, эти расходы в 1793–1795 гг. в среднем составляли ежегодно не менее 18 млн рублей и отнимали более 35% дохода помещичьих хозяйств; такие расходы были непосильны более чем для половины помещиков. Отсюда следует, заключает А. Кахан, что вестернизация была мощным стимулом, заставлявшим помещиков искать пути увеличения своих доходов⁶⁹.

В то же время необходимо отметить, что стремление к роскоши характерно для правящих классов во все времена и его нельзя полностью приписать влиянию вестернизации. Русская роскошь имела и восточные оттенки, и это проявлялось, в частности, в огромном количестве слуг. «Число крестьян, которых употребляли для домашнего услужения было так велико, что в других странах не могут себе этого и представить», — писал академик А. К. Шторх⁷⁰. У богатого помещика Головина было 300 человек дворни, у графа Орлова — не менее 500 слуг, у графа Разумовского — 300 человек в Батурине, 190 в петербургском доме и т. д. А. К. Шторх объяснял эту «восточную роскошь» наличием крепостного права, то есть дешевизной содержания крепостных слуг⁷¹. Таким образом, вызванное в значительной степени вестернизацией стремление к роскоши порождало отягчение крепостничества, а крепостничество, в свою очередь, способствовало усилению роскоши — имела место «автогенерация», которая, с одной стороны, побуждала помещиков еще более усиливать эксплуатацию крепостных, а с другой стороны, доводила их стремление к роскоши до абсурда.

Охватившая дворянство страсть к роскоши не могла не повлиять на экономическую жизнь страны. «Лет 70 назад, — писал в 1856 г. историк и философ Ю. Ф. Самарин, — владельцы значительных имений мало занимались сельским хозяйством и по большей части довольствовались умеренным оброком... Они управляли своими вотчинами издали... оставляя в покое крестьян... Этот порядок вещей изменился постепенно под совокупным действием многих причин. Имения быстро дробились, и с каждого нового раздела средства владельцев уменьшались, а потребности, как существенные, так и искусственные, порожденные непомерным развитием роскоши, не только не ограничивались, но и возрастали в изумительной прогрессии... Тогда дворяне почувствовали необходимость пристальнее заняться своими делами, увеличить свои доходы... и для достижения этих целей, естественно, избрали самое сподручное и дешевое средство: *заведение барщины*»⁷².

3.5. Отягощение крепостничества

Один из путей увеличения доходов дворянства заключался в расширении барщинных хозяйств. Для этого, прежде всего, требовались соответствующие земельные ресурсы. Во время Генерального межевания Екатерина II постаралась удовлетворить это требование дворянства и передала помещикам огромные массивы государственных земель — в числе этих земель были и еще неосвоенные степные просторы Черноземья. Это дало толчок к развитию помещичьего предпринимательства. «Началась земельная лихорадка, которая охватила большинство дворянства», — отмечает А. Кахан⁷³. «Никогда такого хода на землю не было, как теперь, — свидетельствует агроном А. Т. Болотов, — все хватают себе земельки и рвут, и едва только успевают отсыпать денежки»⁷⁴. Во главе хозяйств теперь становились наиболее опытные, энергичные члены дворянских семейств; как писал Болотов, «все лучшее тогда в армии российское дворянство, а не те престарелые старики и старушки»⁷⁵.

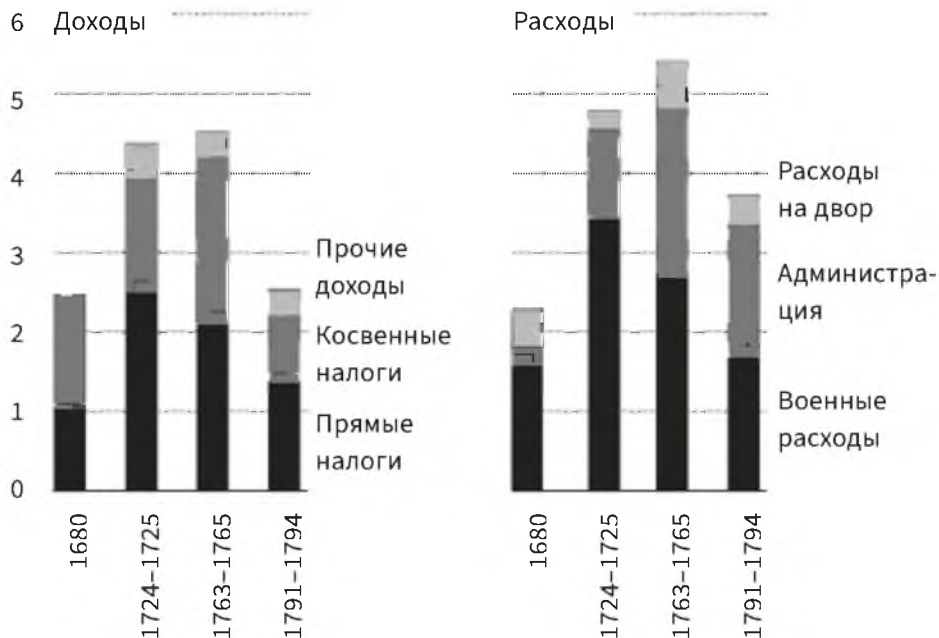

Рис. 3.2. Доходы и расходы бюджета в расчете на душу населения (в пудах хлеба)

Возрастающий интерес помещиков к предпринимательству был отмечен появлением в середине XVIII в. ряда помещичьих инструкций, предусматривающих организацию товарного барщинного хозяйства, в частности известных инструкций Татищева и Румянцева. В 1765 г. было создано Вольное экономическое общество, основной целью которого была выработка наиболее эффективных методов ведения барщинного хозяйства и подготовка наставлений для управителей латифундий. В 1769–1770 гг. появилось несколько таких наставлений, в том числе «Наказ управителю» лифляндского помещика барона Вольфа, «Наказ для управителя или приказчика» П. Рычкова и «Инструкция управителям и приказчикам имений» А. Т. Болотова. «Наказ» П. Рычкова дает представление о степени развития барщинного хозяйства: уже в то время многие помещики отводили на барщину четыре дня, оставляя для обработки крестьянских полей так мало времени, что крестьяне были вынуждены нарушать церковные заповеди и работать по воскресеньям. Помещики, которые забирали на барщину три дня и давали крестьянам отдохнуть в воскресенье, считались «умеренными». П. Рычков рекомендовал норму барщины, которая в пересчете на душу составляла 0,8 десятины, максимально — 1,2 десятины⁷⁶. Как мы увидим далее, норма в 0,8 десятины, действительно, стала обычной в 80-х гг.

В «наказах» детально описывается организация барщинных работ не только в полеводстве, но и в садоводстве, винокурении и других областях; при этом подчеркивается товарная ориентация хозяйства на производство хлеба и хлебного вина (то есть водки)⁷⁷. Винокурение было частью

барщинного хозяйства, и барщинный бум сопровождался винокуренным бумом. «Бесчисленное множество корыстолюбивых дворян... — писал А. Т. Болотов, — давно уже грызли губы и зубы от зависти, видя многих других от вина получающих страшные прибыли... Повсюду началось копанье и запруживание прудов... и воздвигание огромных винных заводов...»⁷⁸

Как известно, в ряде стран Восточной Европы, в частности в Польше, помещики, принимавшие участие в торговле через своих управляющих, обменивали произведенный в барщинных фольварках хлеб на западные предметы роскоши, и этот обмен служил непосредственным стимулом к распространению барщины и отягчению крепостничества⁷⁹. Некоторые авторы проводили аналогию между процессом становления крепостничества в России и Восточной Европе, акцентируя роль экспортной торговли хлебом⁸⁰. Действительно, русские помещики проявляли заинтересованность в налаживании хлебного экспорта, и отмена ограничений на экспорт стала одним из следствий революции 1762 г. Однако транспортные условия в то время не позволили наладить широкий вывоз хлеба из России. Лишь в немногих доступных для мирового рынка районах страны (в частности, на Смоленщине) получили развитие ориентированные на экспорт барщинные экономики⁸¹. В 1790-х гг. среднегодовой экспорт хлеба из России составлял лишь 2,5 млн пудов, тогда как из Польши только через Данциг экспортировалось 170 тыс. лаштов, то есть примерно 23 млн пудов. По некоторым оценкам, общая масса продаваемого хлеба в России составляла в это время около 140 млн пудов, таким образом, на экспорт шло лишь около 5% товарных поставок⁸².

Если в Польше барщинные хозяйства непосредственно работали на внешний рынок и производимый в них хлеб питал перенаселенные страны Западной Европы, то в России производимый помещиками хлеб потреблялся ремесленниками и крестьянами перенаселенного Центрального региона. В обмен на этот хлеб население Центра производило некоторые предметы роскоши для помещиков и более простые товары для их двора, а также лен, пеньку, полотно, которые обменивались на внешнем рынке на западные товары для дворян. Таким образом, торговля имела треугольный характер «Черноземье — Центр — Запад», и роль барщинных плантаций в этой торговле заключалась в основном в снабжении хлебом «промышленного» Центра.

Введению барщинного хозяйства предшествовал рост оброков. Рост оброков начался в 60-х гг. с тех губерний, которые были ближе к Москве: уже в это время оброк в тульском имении графа П. Б. Шереметева достиг 11 пудов на душу, а в имении князя А. М. Голицына — 13 пудов с души. К 1776–1780 гг. оброк в 13 пудов стал средним для крестьян двух южных уездов Тульской губернии, Епифанского и Ефремовского⁸³. На Орловщине увеличение оброков началось в 70-х гг.: еще в 1771 г. в имении Д. М. Голицына оброк в пересчете на хлеб составлял 8 пудов с души, а в 1776–1780 гг. средний оброк по Орловскому уезду достиг 17 пудов!⁸⁴ Следующим шагом была организация барщинного производства. В 1768 г. граф П. Б. Шереметев перевел крестьян своего тульского имения на барщину из расчета одной десятины барской запашки на душу. Примерно такая же норма запашки установилась в 70-х гг. в имениях Голицыных. В целом данные

по четырем черноземным уездам Тульской и Рязанской губерний говорят, что к 1780 г. в барщинных хозяйствах на душу приходилось 0,8 десятины барской запашки — намного больше, чем в Центральном регионе. Однако в Орловской и Тамбовской губерниях барщина еще не достигла таких размеров, как на Рязанщине: она составляла 0,5 десятины на душу⁸⁵.

Организация товарного производства хлеба повлекла за собой быстрое расширение посевов в 80–90-х гг. XVIII в.: по различным губерниям Черноземья они увеличились в 1,5–2 раза⁸⁶. Географическое расположение определило последовательность распространения барщинных плантаций: сначала они появились в Тульской и Рязанской губерниях. Далее на юг районы товарного земледелия формировались вдоль водных коммуникаций. Удобный путь сплавом по Оке превратил Орел в первую хлебную пристань Черноземья. В 1780-х гг. более 200 судов ежегодно отправлялись от Орла вниз по Оке, доставляя в Центральный регион около 4 млн пудов хлеба (по другим сведениям — 8 млн)⁸⁷. Другой водный путь вел от пристани Моршанск вниз по реке Цне, а затем по Оке на Волгу. В 80-х гг. по этому пути ежегодно вывозилось свыше 2 млн пудов хлеба, выращенного в Тамбовской губернии. В связи с трудностью доставки большая часть пензенского хлеба, около 1 млн пудов, расходовалась на винокурение; здесь располагались крупнейшие в России винокуренные заводы⁸⁸. Но много и вывозилось: поток хлеба шел от Пензы по реке Суре до Волги, здесь у пристани Лысково к нему присоединялся поток зерна из Нижегородской губернии. У Нижнего Новгорода встречались караваны с хлебом, шедшие по Оке и Волге; через Нижний проходило свыше 4 тыс. судов, которые следовали вверх по Волге к Ярославлю и Рыбинской слободе. Нижегородский губернатор с гордостью называл свой город «внутренним Российского государства портом»⁸⁹. Около 70 тыс. бурлаков собирались ежегодно в Нижнем, чтобы тянуть суда вверх по реке — это был один из основных промыслов волжских крестьян. Привозной хлеб питал ремесленный район Ярославля — Иваново, но большая его часть уходила дальше — на Петербург. Северная столица потребляла в общей сложности около 8 млн пудов хлеба ежегодно⁹⁰.

Таким образом, к 80-м гг. XVIII в. установился мощный поток хлеба в центральные губернии из крепостных поместий Северного Черноземья. Напротив, Южное Черноземье, Воронежская и Курская губернии, не имело удобной транспортной связи с Центром, поэтому товарное производство распространялось здесь сравнительно медленно; излишки зерна везли из этих районов на Украину, где их перерабатывали в водку⁹¹.

Некоторые помещики не ограничивались организацией полевых барщинных хозяйств, «экономий»; они создавали в своих имениях мануфактуры, на которых работали крепостные крестьяне. Крупнейший пензенский землевладелец А. И. Полянский имел в своей вотчине полотняную мануфактуру с 25 рабочими, суконную мануфактуру с 19 рабочими, ковровую «фабрику» с 12 рабочими, два кирпичных завода, два винокуренных завода. На этих предприятиях были заняты постоянные рабочие из крепостных, которые получали месячину, а также и барщинные крестьяне, привлекавшиеся на фабрики в свободное от полевых работ время — преимущественно зимой. Винокуренные предприятия были рас-

пространены повсеместно, и некоторые из них имели очень большие размеры, так, например, Чибирлеевский завод Воронцовых потреблял значительную часть зерна, производившегося в Саранском уезде, — около 200 тыс. пудов в год⁹². Молодой аристократ князь А. Б. Куракин завел в своем поместье полотняную, суконную мануфактуры и два винокуренных завода. Он признавался, что жалеет своих переобремененных повинностями крестьян: «Жалки они мне и жаль мне их... — писал он в письме к другу. — Не можешь поверить, как совесть меня мучит; я от неумеренного желания доход мой *утроить*, я один причиной мучений и великих трудов моих ближних...»⁹³

Если в первой четверти XVIII в. из 40 частных мануфактур только две принадлежали дворянам, то в 1773 г. из 328 мануфактур дворяне имели 66, которые производили до трети всех товаров; в 1813–1814 гг. из 1018 предприятий 520 принадлежали дворянам⁹⁴. В значительной части это были мелкие вотчинные предприятия, однако имелись и крупные крепостные мануфактуры, в частности в производстве сукон. Армия требовала большое количество сукна для мундиров, и производство сукон было одной из основных отраслей военно-промышленного комплекса, созданного Петром I. Это производство имело гарантированный сбыт и давало гарантированные прибыли, поэтому дворянство стремилось закрепить за собой эту отрасль предпринимательства — и в конце концов получило привилегии на поставку сукна для армии. В 1804 г. существовало 155 дворянских суконных мануфактур, и 90% работников на этих мануфактурах были крепостными⁹⁵. Н. И. Тургенев писал, что сотни крепостных, преимущественно молодых девушек и мальчиков, помещали в жалкие лачуги и силой заставляли работать. «Я помню, с каким ужасом говорили крестьяне об этих учреждениях: они говорили: „в этой деревне есть фабрика“ так, как если бы говорилось „там есть чума“»⁹⁶.

Создатели крепостных латифундий не знали меры в эксплуатации крестьян. Помещичьи инструкции полагали естественной работу крестьян по воскресеньям и праздникам — хотя прежде это считалось преступлением. Установленные инструкциями нормы барщины часто оказывались непосильными, у крестьян не оставалось времени для обработки своих полей. «Крестьянство едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от помещиков, — писал А. Т. Болотов, — и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием»⁹⁷. В 1775 г. в шереметевской вотчине начался голод. «За неимением хлеба, а особливо в нынешний год по худому урожаю, — писали крестьяне Шереметеву, — большая половина крестьян кормится пополам с мякиною, а прочие, не имея у себя ничего, скитаются со всеми семьями по миру...»⁹⁸ Шереметев был вынужден уменьшить барскую запашку до 0,8 десятины на душу. «Помилуйте, государь, мы уже из сил выбились, — жаловались крестьяне Полянского. — Воля твоя, хотя наши головы руби... хотя и не хочитца, да плакамши пойдем на чужую сторону»⁹⁹.

Характерной иллюстрацией происходивших процессов может служить положение в пензенском имении А. Б. Куракина (с. Архангельское). В 1768 г. оброк в имении был увеличен с 2 до 3 рублей с души мужского пола; это повышение было усугублено падением цен на хлеб, в результате,

Рис. 3.3. Динамика душевого оброка в пензенском имении А. Б. Куракина (с. Архангельское)¹⁰⁰

если в 1767 г. с крестьян требовали оброк, эквивалентный 5 пудам хлеба с души, то в 1771–1772 гг., чтобы заплатить оброк, нужно было продать 12 пудов¹⁰¹. Крепостные Куракина, несмотря на массовые порки, четыре года отказывались платить повышенный оброк; в конце концов они присоединились к повстанцам Пугачева и разгромили усадьбу помещика. Когда пришли каратели и восстание было подавлено, в Архангельском был установлен вотчинный полицейский режим: все крестьяне были разделены на группы в 25–30 человек во главе с десятским. Десятский получил право наказывать своих крестьян за посещение чужого «десятка», нерадивость, непосещение церкви и т.д.; было запрещено уходить из вотчины даже на несколько часов. Только так удалось заставить крестьян платить оброк, который к 1782–1784 гг. достиг в пересчете на хлеб 15 пудов с души¹⁰².

В контексте демографически-структурной теории резкое перераспределение ресурсов в пользу элиты означало значительное сужение экологической ниши народа — несмотря на то что земли на Черноземье было достаточно. Сужение экологической ниши привело к падению потребления и, в теории, могло привести к голоду и кризису наподобие тех кризисов, которые раньше происходили вследствие перераспределения ресурсов от народа к государству.

Суть трансформации структуры 1760-х гг. заключалась не только в «освобождении» дворян и перераспределении доходов — ее обратной стороной было отягощение крепостного состояния крестьян. По словам И. Д. Беляева, «Манифест о вольности дворянства» 1762 г. «окончательно порешил судьбу крестьян и обратил их в полную исключительную собственность помещиков»¹⁰³. В. О. Ключевский также говорит о том, что

крестьяне стали «частной собственностью помещика», а помещики превратились в «рабовладельцев»¹⁰⁴. Обессиленная монархия уже не могла регулировать отношения между сословиями и защищать крестьян от притязаний помещиков. В 1765 г. Екатерина II предоставила помещикам право без суда и следствия отправлять своих крестьян на каторгу, то есть применять наказание, которое давалось только за самые тяжкие уголовные и государственные преступления. В 1767 г. крестьянам было запрещено жаловаться на помещиков, и попытки обращения за справедливостью стали квалифицироваться как преступления.

Иногда утверждается, что крестьяне и раньше не имели права жаловаться на помещиков, что этот запрет был введен еще Уложением 1649 г.¹⁰⁵ Однако это не так. Уложение (II,13) запрещает принимать «изветы» то есть доносы крестьян на владельцев, исключая случаи государственных преступлений. Но «челобитная», то есть жалоба не была «изветом», и до Екатерины II такие челобитные принимались, хотя часто не имели хода в низших инстанциях. Со времен Петра указы запрещали подачу жалоб государю в обход инстанций. Указ 19 января 1765 г. назначал уголовные наказания за подачу прошений на Высочайшее имя. *Указ 22 августа 1767 г. запрещал подачу крестьянских челобитных не только императрице, но и в другие инстанции.* Составителям и подателям челобитных грозило наказание кнутом и бессрочная ссылка на каторгу в Нерчинск с зачетом помещику рекрута¹⁰⁶.

Помещики прямо называли своих крестьян рабами — и сама Екатерина называла их рабами в Наказе Уложенной комиссии¹⁰⁷. Когда известный поэт А. П. Сумароков стал возражать, утверждая, что «между крепостным и невольником есть разность: один привязан к земле, а другой — к помещику», Екатерина воскликнула: «Как это сказать можно, отверзните очи!»¹⁰⁸ Однако желание «прилично выглядеть» перед Европой побудило императрицу в 1786 г. запретить использовать слово «раб» по отношению к своим подданным — хотя в секретных документах и частных беседах императоры часто называли крестьян рабами¹⁰⁹. Ввиду цензурных требований русские историки были вынуждены избегать упоминаний о рабстве и называли помещичьих крестьян «крепостными». Приглашенный преподавать в Харьков немецкий профессор Шад осмелился написать (на латинском языке) книгу, в которой клеймил рабство, — и был немедленно выслан из России¹¹⁰. Академик А. К. Шторх, в начале XIX в. упорно доказывавший тождество «крепостных» и рабов, так и не смог опубликовать своих работ на русском языке¹¹¹. Известный правовед и экономист Н. И. Тургенев издал свою книгу «Россия и русские» в Париже. «Слово „раб“ вызывает столь ужасные и отвратительные представления, — писал Тургенев, — что видя несвободного русского крестьянина, пожалуй, не решишься так его называть... Однако если вспомнить, какой властью над своими крепостными обладают... помещики, то определение *рабство* становится единственно возможным...» (выделено Тургеневым)¹¹².

Впоследствии на тождество «крепостных» и рабов указывали некоторые либеральные историки, в том числе П. Б. Струве¹¹³. Однако В. И. Ленин заявил, что феодальный строй России отличался от рабовладения именно тем, что при нем «крепостник-помещик не считался владельцем крестья-

нина как вещи»¹¹⁴. Поэтому историки-марксисты в подавляющем большинстве отрицали рабовладельческий характер крепостного строя. Лишь немногие из них осмеливались противоречить В. И. Ленину. «Но во второй половине XVIII века помещики не случайно называли своих крестьян рабами, — писал М. Т. Белявский. — Они продавали крестьян без земли и в розницу... Крепостной не мог вступить в брак без согласия помещика... Но помещик не только определял семейные отношения крестьян. Он безнаказанно бесчестил их жен и дочерей, создавая настоящие крепостные гаремы и возрождая отвратительные нравы рабовладельцев в отношении своих рабынь. Неограниченный произвол помещиков, простиравшийся на экономическую деятельность крестьянина, его юридическое положение, его имущество, личность и семейные отношения был юридически оформлен и узаконен...»¹¹⁵

Что же касается зарубежных историков, то тождество русского крепостничества и рабства не вызывает у них сомнений — в качестве примера можно привести труды П. Колчина, М. Раева, А. Лентина, Дж. Блюма, Б. Муравьева, Е. Домара, Э. Хобсбаума и многих других авторов¹¹⁶. М. Раев пишет, что не только экономическое положение рабов, но и их юридическое состояние было ужасным¹¹⁷. Дж. Блюм отмечает, что законы Екатерины II низвели положение крестьян «до уровня правового статуса американских негров»¹¹⁸. Б. Муравьев квалифицирует социальную систему, «характеризуемую свободой дворянства от обязательной службы и рабским положением крепостных», как «наиболее одиозную форму государственности» и называет ее «социальным феодализмом»¹¹⁹. Э. Хобсбаум, оценивая положение русских крестьян, подчеркивает, что «рабство было настолько велико, что крестьянин приравнивался к движимому имуществу»¹²⁰.

Отягчение крепостничества сказалось и на положении солдат. При Петре I (помимо пайка) солдату платили три копейки в день, на которые можно было купить 9 кг хлеба, при Екатерине II на дневное жалование можно было купить только 1 кг — но и эти малые деньги обычно присваивали офицеры, которые считали солдат своими крепостными. За малейшую провинность — и просто по прихоти офицеров — солдат жестоко истязали, нанося сотни и тысячи ударов шпицрутенами. В своей ненависти к офицерам солдаты были готовы на все: «За свою отдачу рекруты всегда дышат... самым злодейством и мщением», — писал генерал-аншеф П. И. Панин¹²¹.

Таким образом, трансформация структуры в 1760-х гг. привела к резким изменениям в отношениях элиты и простого народа, к крайнему отягощению крепостничества, принявшего формы, практически неотличимые от рабства.

Переход помещиков к предпринимательской деятельности и порабощение крестьян были отражением той трансформации структуры, которая произошла в России в середине XVIII в. До этого времени в России господствовала этатистская монархия, и все сословия были обязаны службой государству. В соответствии с порядком, установленным в XVI в., владение поместьями и вотчинами было обусловлено тяжелой военной службой; крестьяне были государственными подданными и повинности, которые они несли в пользу дворян, были государственным вознаграж-

дением дворянам за их службу. Эта социальная система коренным образом отличалась от западноевропейской; в Европе дворяне уже давно были никому ничем не обязанными землевладельцами, частными собственниками, земельной буржуазией. В Пруссии и Польше — и в российской Лифляндии — эта буржуазия вела крупное товарное производство, и там существовали огромные барщинные латифундии, фольварки, которые производили хлеб на экспорт. В погоне за прибылью польские помещики постепенно увеличивали повинности своих крестьян и в конце концов превратили их в рабов. По определению, раб — это собственность другого человека. «Сидящие на земле и отбывающие барщину подданные не только сами, но и со своим потомством составляют собственность помещика», — писал известный правовед Теодор Островский¹²². В качестве сельского судьи пан обладал над своими крестьянами «правом жизни и смерти», «*jus vitae ac necis*». «У нас без суда и часто без должной причины можно повелеть казнить своего мужика», — свидетельствует король Станислав Лещинский¹²³. В Пруссии закон не позволял лишать крестьянина жизни — но и там помещики подвергали своих крестьян жестоким наказаниям, продавали их без земли и считали их своей собственностью¹²⁴.

Как известно, многие классики исторической науки — среди них Э. Мейер, М. Вебер, М. И. Ростовцев — полагали, что рабовладельческое общество является разновидностью буржуазного общества, при которой не только труд, но и сам человек превращается в товар. Таким образом, польские и прусские латифундисты, подобно американским рабовладельцам, вели товарное производство на основе рыночных, товарно-денежных отношений и рассматривали крепостных, как принадлежащий им капитал. Латифундисты были представителями крупной буржуазии, крупными предпринимателями, организаторами товарного производства. По свидетельству прусского сельскохозяйственного эксперта барона А. Гакстгаузена, в России помещики также смотрели на своих крепостных как на капитал. Русский помещик говорит своему крепостному, пишет Гакстгаузен: «Так как ты имеешь какую-то ценность, то следовательно, ты должен зарабатывать столько-то, ты должен принести мне проценты с заключенного в тебе и принадлежащего мне капитала, и следовательно, ты будешь мне платить столько-то»¹²⁵. «В целом можно констатировать, что помещичье хозяйство в условиях крепостничества успешно вписалось в систему рыночных, товарно-денежных отношений», — отмечает В. П. Яковлева¹²⁶. «Крепостное хозяйство было денежно-хозяйственным клином, глубоко вбитым в натурально-хозяйственную ткань страны», — писал П. Б. Струве¹²⁷. При этом, добавлял этот либеральный экономист, «нельзя забывать, что русское крепостное право было — как это указывал с полной ясностью академик Шторх и как постоянно подчеркивали иностранные наблюдатели — *настоящее рабство*»¹²⁸.

Для того чтобы проиллюстрировать рабовладельческие порядки тех времен мы приведем несколько свидетельств, взятых из книги В. И. Семевского¹²⁹. «Помещик может продать мужа от жены, жену от мужа, детей от родителей, избу, корову, даже и одежду может продать», — писал венгерский путешественник Савва Текели. Текели видел, как на площади в Туле продавали сорок девушек: «Купи нас, купи», — наперебой про-

сили его девушки... «Бывало наша барыня отберет людей парней да девок человек 30, мы посажаем их на тройки, да и повезем на Урюпинскую ярмарку продавать... — рассказывал один крестьянин Саратовской губернии. — Каждый год возили. Уж сколько вою бывало на селе, когда начнет барыня собираться на Урюпино...» В начале XIX в. широкая торговля крепостными велась на базаре в известном промышленном селе Иваново, причем сюда в большом количестве привозили девушек из Малороссии... В Петербург в 1780-х гг. людей на продажу привозили целыми барками... Н. И. Тургенев писал: «В одной губернии, как сказывают, некоторые помещики ежегодно на ярмарке продают девок приезжающим туда для постыдного торга азиатцам, которые увозят сих жертв... далеко от места их родины». «Всем известно, что помещики-псары за одну собаку меняли сотню людей, — рассказывал один сельский священник. — Бывали случаи, когда за борзую отдавали деревни крестьян. Один продавал девушек-невест по 25 рублей, другой в то же время покупал борзых щенков по 3000 рублей. Стало быть, 120 девушек равнялись одной суке». «Наказание рабов, — свидетельствует один француз, долго живший в России, — изменяется сообразно расположению духа господина... Самые обычные исправительные средства — палки, плети и розги... Я видел, как палками наказывали как за кражу, так и за опрокинутую солонку, за пьянство и за легкое непослушание, за дурно сваренную курицу и за пересолённый суп... Какие предостережения не принимал я, чтобы не быть свидетелем этих жестоких наказаний — они так часты, так обычны в деревнях, что невозможно не слышать сплошь и рядом криков несчастных жертв бесчеловечного произвола. Эти пронзительные вопли преследовали меня даже во сне». Аббат Шапп, путешествовавший по России в 1760-х гг., писал, что так как помещики имеют право наказывать своих крестьян батогами, «то они употребляют это наказание таким образом, что на деле получают возможность казнить их смертью». Императрица Екатерина, возражая в «Антидоте» на каждое слово Шаппа, в данном случае не нашлась, что ответить.

Рабовладельческие порядки ярко проявились в стремлении помещиков регулировать хозяйственную жизнь крестьян. Широкое распространение получила регламентация вотчинного режима. Некоторые помещики расписывали работу крестьян по часам — причем не только работу на барщине, но и работу в крестьянском хозяйстве¹³⁰. Старосты и десятские следили, как крестьянин выполняет свои работы, хорошо ли вспахано его поле, вывезен ли навоз, обработан ли огород, запасено ли сено, накормлена ли скотина, чисто ли в избе — и т. д. Контролю подвергалась и нравственность, приказчики и старосты должны были следить, чтобы не было пьянства и разврата, чтобы молодые почитали старших, а старшие бы не обижали младших¹³¹. Контент-анализ трех тысяч писем 144 помещиков показал, что в переписке с управляющими они уделяли наибольшее внимание четкой организации хозяйства, детальной регламентации крестьянского труда, сохранению общины как института крестьянской взаимопомощи и укреплению крестьянской семьи¹³².

В сохранившихся вотчинных инструкциях А. В. Суворова, Е. Р. Дашковой, А. М. Голицына, Г. Р. Державина, П. А. Полетико, П. А. Демидова,

М. М. Щербатова их авторы предстают «нетерпеливыми властными помещиками», требующими «попоровкой прихотям крестьян не попустить их в сущую праздность», «не давать им досыпать ночей и попусту расхаживать»¹³³. За «леность», пьянство, мотовство, прогулки по ночам и прочие нарушения немедленно следовало наказание — батоги, розги, плети, тюрьма, а самым «неисправным» — отдача в рекруты¹³⁴. Армия была синонимом каторги; когда рекрутов провожали в армию, то, по сложившемуся обычаю, им вслед пели похоронные песни¹³⁵.

Стремление регулировать жизнь крестьян привело к вмешательству помещиков в общинные распоряжки. Еще в XVI-XVII вв. отмечаются случаи, когда при нехватке земли вотчинники предписывали крестьянам переделывать ее по «душам» или по трудоспособности дворов. В XVIII в. единицей трудоспособности в помещичьих хозяйствах стало «тягло»; за тягло первоначально считались муж с женой, позже стали наवरсты-вать доли тягла на подростков и на трудоспособных холостяков¹³⁶. К середине XVIII столетия уравнильные переделы по тяглам стали уже «старинным обычаем». «Старинное ж у нас обыкновение могущих работать крестьян разверстывать по тяглам, — писал П. Рычков, — считая в тягле мужа и жену (а увечных и престарелых из тягла выключают), разделяя по них землю, где оной не весьма достаточно...»¹³⁷

«Крестьянство среднерусской полосы, оказавшееся в наиболее суровых условиях помещичье-вотчинной эксплуатации, обретает уравнильно-переделный тип общины», — отмечает Л. В. Милов¹³⁸. «Установлением строго регламентированного надела помещик старался подтянуть всех крестьян до уровня среднего крестьянина», — пишет Л. С. Прокофьева¹³⁹. Другой стороной этого регулирования было поддержание больших семей, маленьких общин внутри большой общины и недопущения «собинов» — разделения имущества внутри большой семьи. «Не успеют они (собины — С. Н.) начаться, — указывал А. Т. Болотов, — как начинается вражда и несогласие в семействе... что принуждает их к многочастному разделу. И наконец, доводит до того, что заживные и хорошие дома совсем исчезают и разоряются. Ибо в крестьянском быту, чем который дом семьянистее и согласнее, тем он богаче и заживнее... И не успеют разделиться на многие части, как все приходит в бедность и разорение»¹⁴⁰.

Дворяне не были заинтересованы в разорении своих крестьян, ведь безлошадные бедняки не смогли бы исполнять барщину. Поэтому помещики предписывали своим управляющим оказывать необходимую помощь беднякам, предоставлять им ссуды зерном и скотом, облегчать им тягло, «дабы они могли поправиться». «Ежели для пашни... нет лошади, то надо дать ему господскую лошадь, буде можно и корову с овцой, чтобы был он в состоянии господские и свои работы исправлять», — рекомендует П. Рычков¹⁴¹. «Имей первым делом исправлять бедных и не давать потворства богатым», — писал князь Гагарин своему управляющему¹⁴². Для укрепления слабого хозяйства управляющий мог выделить из богатого двора «справного мужика» с долей скота и перевести его в слабый двор в качестве «преемыша» или «дольника». Нередко помещик помогал бедняку освоить какое-нибудь ремесло, чтобы затем отправиться на заработки¹⁴³. «Молодых робят отдавать в разные мастерства к чужим или

к своим, — предписывал своему приказчику князь М. М. Щербатов, — чтобы они, выучась, могли как хлеб себе достать, так и исправны во всяких платежах быть»¹⁴⁴.

В целях поддержания платежеспособности крестьянских хозяйств помещики запрещали крестьянам делать долги, сдавать наделную землю в аренду и поощряли крестьянскую взаимопомощь — старинный обычай «помочей». В рамках «помочей» помещики предписывали общине помогать обрабатывать земли крестьян, временно оказавшихся нетрудоспособными¹⁴⁵. Политика уравнивания имела определенные результаты: специалисты отмечают, что вплоть до реформы 1861 г. имущественное расслоение в деревне было небольшим. Чуть больше половины крестьянских дворов имело две лошади — то есть принадлежало к «середнякам», около четверти имело три и более лошадей, примерно столько же — одну лошадь, безлошадных было сравнительно немного. Эти средние цифры, однако, скрывают значительные порайонные различия: барщинные крестьяне Черноземья имели больше лошадей, чем оброчные крестьяне Центра¹⁴⁶.

Таким образом, стихийный процесс приспособления крестьян в сочетании с целенаправленным воздействием помещиков привел к трансформации и адаптации крестьянских общин к новым условиям крепостного рабства. Трансформация структуры привела к трансформации общины, что подразумевало, в частности, и некоторую трансформацию крестьянского менталитета в сторону большего коллективизма.

Процесс трансформации крестьянской общины отчасти распространился и на государственных крестьян. В целях обеспечения поступления оброка и подушной подати Екатерина II стала проводить политику искусственного насаждения передельной общины в тех районах поселения государственных крестьян, где прежде не было переделов (в основном на Севере и в области однодворческих поселений Черноземья). В 1780-х гг. в губернии для проведения переделов были посланы специальные экспедиции во главе с «директорами экономии»; иногда (как было в Архангельской губернии) власти приказывали переделывать по душам не только земли, но и все крестьянское имущество¹⁴⁷. При Павле I практика уравнительного передела земель государственных крестьян была утверждена — ее введение аргументировалось ссылкой на порядки помещичьих хозяйств. Однако в некоторых районах, например на юге Черноземья, сохранились однодворческие поселения, где крестьяне владели своей землей практически на правах собственников¹⁴⁸.

Основным содержанием социальных сдвигов, произошедших в структуре государство-элита-народ в середине XVIII в., было подчинение государства элитой, перераспределение ресурсов государства и народа в пользу элиты и резко усилившееся давление элиты на народ с целью его подчинения и порабощения. Народ, естественно, оказывал сопротивление отягчению крепостничества. Самой распространенной формой сопротивления крестьян было бегство. Поскольку донские казаки перестали давать убежище беглецам, то усилилось бегство за границу; в 1767 г. смоленские дворяне заявили, что в Польшу бежало 50 тыс. крепостных со Смоленщины¹⁴⁹. Участились и крестьянские волнения; в 1756–1760 гг. происходили выступления монастырских крестьян, давшие Петру III по-

вод к секуляризации монастырских земель. Когда Екатерина II приостановила секуляризацию, волнения приняли еще более широкий характер. По сведениям Н. Л. Рубинштейна, в 1762–1769 гг. имело место 73 крестьянских выступления¹⁵⁰. Императрица с тревогой писала, что 150 тыс. монастырских и помещичьих крестьян находятся в явном возмущении и предписывала войскам использовать пушки, действовать против крестьян «как против неприятеля». После того как монастырские крестьяне стали государственными, распространился слух, будто Петр III хотел сделать государственными и помещичьих крестьян, и именно за то был убит дворянами. В 1773 г. казак Емельян Пугачев объявил себя «императором Петром Федоровичем» и поднял на восстание казаков и крестьян на Яике. Повстанцы убивали дворян, выступая под лозунгами свободы и возвращения к старым московским порядкам. Пугачев говорил, что в случае победы он прикажет всем держаться старой веры, носить русское платье и запретит брить бороды¹⁵¹.

31 июля 1774 г. «император Петр III» именным указом пожаловал крепостных крестьян «вольностию и свободой» и призвал их «казнить и вешать» своих господ. Тому, кто убьет помещика, обещали 100 рублей, тому, кто убьет 10 помещиков — 1000 рублей и генеральский чин. Ненависть к господам была такова, что восставшие вырезали дворян вместе с семьями. Во время восстания было убито в общей сложности около 1600 помещиков, включая их жен и детей, около тысячи офицеров и чиновников и больше 200 священников — уже тогда официальные священники воспринимались повстанцами как «продавшие Христа» прислужники власти. Правительство Екатерины, в свою очередь, «наводило порядок» самыми жестокими методами, оно воскресило самые изуверские и уже забытые виды казни — такие как колесование, четвертование, повешение за ребро на крюк и т. д.¹⁵²

В конечном счете повстанцы были разбиты, но восстание показало всю глубину раскола между «двумя нациями» и масштабы накопившейся ненависти. Оказалось, что огромные массы народа ненавидят существующую власть и готовы в любой момент обратиться против захвативших престол «русских немцев». Этот раскол сохранялся до 1917 г. и проявлял себя во всех событиях XIX в. — любое затруднение власти, смена царствования или война с внешним врагом вызывали враждебные верхам движения народных низов. Пословица «люби барина в гробу» стала зеркалом социальных отношений в Российской империи.

Подавление восстания Пугачева сделало возможным дальнейшее увеличение оброков и барщин. Однако возникает естественный вопрос: почему сопротивление крестьян не привело, как это было в начале XVII в. (и в 1670-х гг.), к отступлению дворянства и уменьшению ренты? Очевидно, изменилось соотношение сил между борющимися сословиями, между крестьянством и дворянством. В начале XVII в. крестьяне действовали вместе с казаками и даже с частью дворян; они неоднократно одерживали победы над правительственными войсками. В 1773–1774 гг. крестьяне тоже действовали вместе с казаками, но, как правило, терпели поражение даже при очень большом численном превосходстве. Дворянство одержало победу с помощью регулярной армии, созданной Петром I, — и следовательно, причиной его превосходства над народом в конечном счете были,

во-первых, мощь новой армии и нового оружия и, во-вторых, подчинение дворянами государства, которому принадлежали эта армия и это оружие.

Таким образом, выявляется существенная роль технологического фактора, определившего полное преобладание профессиональной армии над многочисленными, но плохо вооруженными и необученными повстанцами. Но более выпуклой становится также и роль обстоятельств, которые позволили элите овладеть государством и армией, в частности роль гвардейских полков в событиях 1741 и 1762 гг. (и, забегая вперед, в событиях 1801 г.). Речь идет о степени влияния элиты на офицерский корпус армии и, в частности, о том, может ли это влияние превосходить влияние государства, которому формально принадлежит армия. Влияние государства на армию определяется прежде всего авторитетом монарха: мы видим, что при всем недовольстве дворянства гвардия покорно подчинялась не только Петру I, но и Анне Иоанновне. Но конечно, влияние государства на армию резко падало, когда на престоле волею случая оказывался ребенок или плохо говоривший по-русски иностранец. В конечном счете мы приходим к выводу о важной роли династических кризисов — обеспечения преемственности власти в монархических государствах — к вопросу, важность которого так хорошо понимал Петр I, так и не сумевший его разрешить.

3.6. Сжатие в Центральном районе

Главным фактором, определявшим развитие Центрального района, было перенаселение, первые признаки которого отмечались уже в 1730-х гг. В 1770-х гг. в Центральном районе было распаханно 32% территории, и большая часть оставшихся земель — это были неудобные и скудные земли¹⁵³. Ввиду недостатка земли помещики центральных областей переводили своих крестьян на оброк. Однако влияние крупнейшего потребительского центра, Москвы, привело к тому, что в Московской губернии, а также в северных уездах Калужской губернии сохранилось преобладание барщины. В «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию имеются массовые статистические данные по семи уездам Московской и Калужской губерний: Клинскому, Дмитровскому, Малоярославецкому, Боровскому, Тарусскому, Серпуховскому и Мосальскому. В этих уездах было в общей сложности около 100 тыс. барщинных крестьян, которые обрабатывали на себя в среднем 0,96 десятины на душу, а на помещика — 0,5 десятины.¹⁵⁴ По сравнению с 1720-ми гг. барщина увеличилась на треть, а размер крестьянского надела был сведен к тому минимуму, о котором писал В. Н. Татищев, — одной десятины на душу.

Согласно неомальтузианской теории перенаселение должно было вызвать частичный переход крестьян к занятию ремеслами — и действительно, главным фактором, определявшим жизнь крестьян Центрального района, было развитие промыслов. Промыслы позволяли избыточному населению Центра кормиться, обменивая продукты своего труда на хлеб, поступающий с юга. В царствование императрицы Екатерины развитие крестьянских ремесел заметно ускорилось. «Историческое и топографическое описание Московской губернии», составленное в 1787 г.,

дает обстоятельное описание крестьянской торговли и промышленности по уездам. По свидетельству этого источника, крестьяне Московского уезда больше упражняются в ремеслах, нежели в хлебопашестве, среди них распространено ткачество полотняных и шелковых тканей, изготовление глиняной посуды, кузнечное, слесарное, столярное и прочие ремесла¹⁵⁵. Особую роль играло производство грубых льняных холстов, которые шли не только на изготовление крестьянской одежды, но и на паруса для кораблей — поэтому их охотно покупали иностранцы. В Дмитровском уезде Московской губернии на душу приходилось лишь 0,7 десятины пашни и крестьяне занимались сапожным, извозным, гребенным промыслами¹⁵⁶. Десятая часть мужского населения Московской губернии ежегодно отправлялись на заработки¹⁵⁷. Похожая ситуация складывалась и в соседних губерниях. В Егорьевском уезде Рязанской губернии к середине XVIII в. были вырублены все леса и малоземелье заставляло крестьян платить большие деньги за аренду угодий. В 70-х гг. большая часть населения уезда стала заниматься ремеслом, в селах развилось производство бочек, колес, полозьев, тысячи крестьян отходили на работы в Москву и бурлачили на Оке¹⁵⁸.

По некоторым оценкам, в 1760–1790-е гг. количество вольнонаемных работников из числа отходников и постоянных рабочих увеличилось с 220 до 420 тыс.¹⁵⁹ Половину этого числа составляли бурлаки — это говорит о том, что крестьяне зарабатывали дополнительные средства на жизнь не только производством ремесленных изделий для знати и ее двора, но и перевозкой хлеба в потребительские центры, в Москву и Петербург, где была сосредоточена знать.

Развитие промыслов позволяло помещикам Центрального района требовать повышенные оброки со своих крестьян. Один из инициаторов новых принципов хозяйствования, князь М. М. Щербатов, в 1763 г. перевел своих ярославских крестьян на денежный оброк, эквивалентный 8 пудам хлеба с души. Крестьяне не могли производить столько хлеба, но предприимчивый князь построил в своей вотчине полотняную мануфактуру, и крепостные нанимались на нее, возвращая часть заработанных денег в качестве оброка¹⁶⁰.

Другой тип помещика представлял граф П. Б. Шереметев; этот богатейший в России вельможа владел 170 тыс. крепостных; он не вникал в хозяйственные вопросы и предоставлял крестьянам своих нечерноземных вотчин максимально широкую свободу в зарабатывании для него денег. Сотни крестьян Шереметева занимались торговлей и имели лавки в Москве и Петербурге; некоторые из них, разбогатев, становились владельцами маленьких мануфактур — граф, как правило, не отнимал у «капиталистов» крестьян все заработанные ими деньги, а лишь повышал оброк. В шереметьевском селе Иванове и в его окрестностях в 1803 г. было 60 ситцевых мануфактур, а в селе Павлове больше 300 ремесленных мастерских, производивших замки, ножи, ружья¹⁶¹.

Хотя наладившийся товарообмен позволял многим крестьянам жить за счет промыслов и питаться привозным хлебом, продовольственное положение Центра оставалось тяжелым. Данные, приводимые И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым, говорят о том, что в Московской и Тверской губерниях

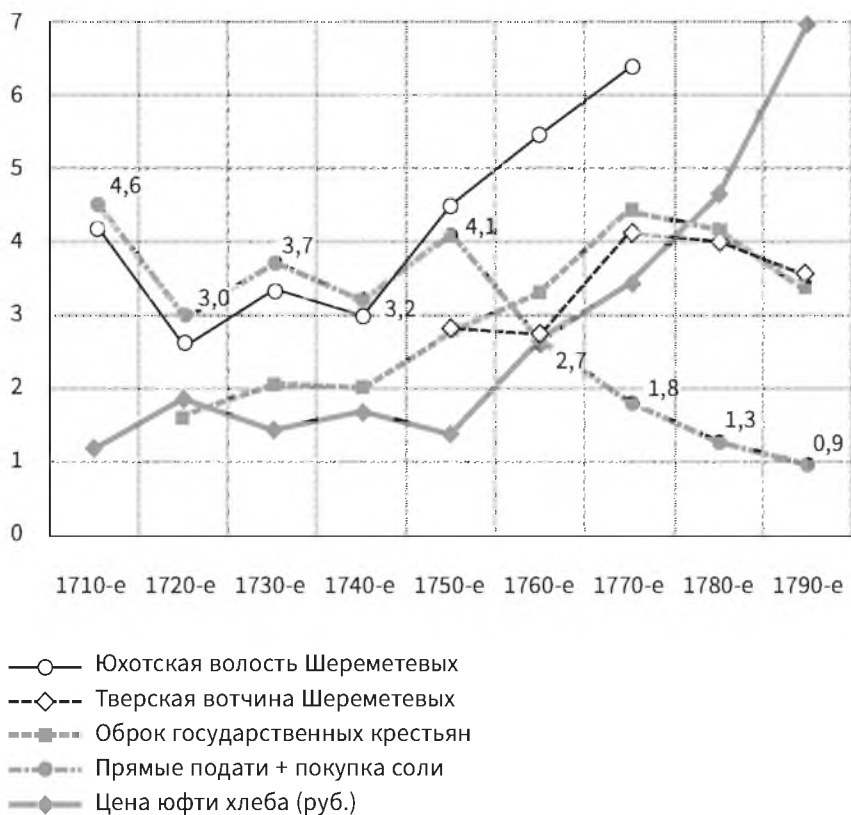

Рис. 3.4. Динамика оброков и податей в Центральном районе (в пудах хлеба на душу населения)¹⁶²

в конце XVIII в. потребление хлеба было ниже минимальной нормы¹⁶³. После некоторого улучшения экономической ситуации в середине XVIII в., положение снова стало ухудшаться. В 1767 и 1775 гг. центральные районы были поражены голодом, а 1771 г. был отмечен эпидемией чумы¹⁶⁴. В 1787–1788 гг. разразился новый кризис, сопровождавшийся катастрофическим голодом. Восстановление после кризиса было медленным, и темпы роста населения оставались низкими (см. рис. 2.2). Фактически после 1787 г. Сжатие в Центральном районе стало постоянным явлением, и по отношению к последующим временам иногда можно говорить о его временном ослаблении – но не о прекращении.

Величина оброка в различных уездах в большой степени зависела от развития ремесел, от близости столиц, от наличия водных путей – в общем, от возможности для крестьян заниматься ремеслами на месте или уходить на отхожий промысел. Имеющиеся массовые данные показывают большую пестроту оброков (см. табл. 3.1), что позволяет некоторым авторам говорить о невозможности вычисления «среднего» оброка для больших регионов¹⁶⁵. Попытки такого рода, однако, делались, и ниже мы приводим оценки оброков, принадлежащие В. И. Семевскому и Л. В. Милову. Первая оценка относится ко всей России, вторая – к Центральному району.

Отметим, что А.Кахан, используя оценку В.И.Семевского, построил таблицу динамики оброка в период 1730–1800 гг.¹⁶⁶ Но как видно из табл. 3.2 в существующих оценках имеются большие расхождения, поэтому, на наш взгляд цифры А.Кахана не отличаются надежностью, что отчасти признает и сам автор¹⁶⁷. Заниженная оценка В.И.Семевского приводит А.Кахана к выводу, что совокупные размеры ренты и налогов в послеаннинский период не увеличивались, что происходило лишь замещение убывающей подушной подати помещичьими оброками¹⁶⁸. Однако если использовать оценку Л.В.Милова и учесть платежи за соль, то получится, что совокупные платежи в хлебном эквиваленте возросли с 7–7,5 пудов хлеба в 1730-х гг. до 8,5–11,4 пудов в 1780-х гг. (см. рис. 3.4 и табл. 3.2). Таким образом, помещичья рента росла быстрее, чем уменьшались государственные налоги.

При недостатке массовых данных о динамике ренты можно судить лишь по ее изменению в отдельных больших имениях. Однако сопоставимые данные о динамике оброка за длительные промежутки времени имеются в литературе лишь для небольшого числа имений, некоторые из них представлены на рис. 3.4. Известны также данные об оброке государственных крестьян, но он, по-видимому, возрастал медленнее, чем оброк помещичьих крестьян.

В целом вырисовывается картина значительного роста оброков с 1750-х до 1780-х гг. Голод 1787–1788 гг. и наступившая затем инфляция привели к некоторому снижению ренты как в центральных областях, так и на Черноземье.

Как отмечалось выше, развитие ремесел в Центральном районе было следствием проявлявшегося там относительного перенаселения. В соответствии с неомальтузианской теорией развитие ремесел должно было бы вызывать рост городов: в странах, где население обладает свободой передвижения, ремесленники стремятся поселиться ближе к крупным рынкам и уходят из деревень в города. Однако в России крестьяне были прикреплены к земле, поэтому ремесло имело преимущественно деревенский характер, а стремление к переселению в города приняло форму сезонного отходничества. Мануфактуры также часто располагались не в городе, а в деревне и имели характер вотчинных предприятий. В 1725 г. на предприятиях обрабатывающей промышленности было занято 14 тыс. работников, из них только 2 тыс. в деревне; в 1803–1804 гг. — 75 тыс., из них 34 тыс. в деревне¹⁶⁹.

Что касается других регионов, помимо Центра, то в Черноземном регионе и Поволжье было достаточно свободных земель, и у крестьян не было стимула к переселению в города. Поэтому в целом российские города росли в XVIII в. очень медленно, численность городских сословий возросла в 1719–1796 гг. только на 34% (в границах первой ревизии без Прибалтики); в перенаселенном Центральном районе рост был более быстрым — 61%¹⁷⁰. Темп роста населения городов в 1743–1783 гг. составлял 0,84% в год, причем на долю миграций из деревни приходилось только 0,04%, а 0,8% — на естественный прирост. Сельское население росло значительно быстрее, поэтому доля горожан в населении страны сократилась с 11,5% в 1740-х гг. до 7,1% в 1830-х гг.¹⁷¹

Табл. 3.1. Динамика оброка в некоторых уездах Центрального района (пудов хлеба на душу)¹⁷²

Губерния	Уезд	Кре- стьян (тыс.)	1769–73	1773–78	1782–89
Костромская	Кинешем- ский	13,4		3,3	3,9
Костромская	Нерехот- ский	21,7		5,4	5,8
Рязанская	Егорьев- ский	31,8	7		9,5

Как отмечалось выше, в 1678 г. численность городского населения оценивалась примерно в 329 тыс. душ мужского пола, причем собственно городские сословия (тогда именуемые «посадскими людьми») составляли только 40% горожан, а 45% составляли «служилые люди» — стрельцы, пушкарки, казаки и т. д. При Петре I «служилые люди» были определены в солдаты или в посадские люди, но военные продолжали составлять значительную часть населения русских городов. «Настоящие» горожане входили в городские сословия посадских, мещан, купцов, «цеховых»; их доля, как и прежде, составляла около $\frac{2}{5}$ всего населения. Другую значительную часть населения городов составляли крестьяне, занимавшиеся ремеслом или торговлей по большей части нелегально, без приписки к посаду. Доля крестьян в населении городов возросла с 20% в 1737 г. до 29% в 1796 г., и этот процесс показывал, что общая тенденция к миграции части крестьян в города все же пробивала себе дорогу.

3.7. Структурный кризис 1787–1788 годов

Трансформация структуры и резкое перераспределение ресурсов в пользу дворянства привели к сокращению экологической ниши народа. Так же как в 1710–1720-х гг., чрезмерное изъятие ресурсов было чревато большим голодом и демографическим кризисом.

Необходимо отметить, что во второй половине XVIII в. почвы на Черноеземье понемногу истощались и урожайность падала, в 1780–1790-х гг. она уменьшилась до сам-3,9. По данным губернаторских отчетов, средний чистый сбор в начале 80-х гг. составлял в Орловской губернии 43 пуда на душу, затем он уменьшился и в среднем за 80–90-е гг. был равен 32 пудам. Примерно таким же был чистый сбор в конце века в Тульской и Рязанской губерниях¹⁷³. За вычетом необходимых для потребления 15 пудов на оброк и налог остается 17 пудов — как отмечалось выше, именно таким был уровень ренты в Орловском уезде в начале 1780-х гг., и, таким образом, у крестьян не оставалось никаких запасов зерна. Л. В. Милов указывает, что помещики буквально «выдирали» прибавочный продукт их крестьянских хозяйств¹⁷⁴. В случае неурожая такое положение было чревато голодом, и действительно, за плохим урожаем 1785 г. последовал неурожай

1786-го, и в следующем, 1787 г., разразился голод невиданной прежде силы. По свидетельству князя М. М. Щербатова, голод произошел от «недостатка запасного хлеба и уменьшения доброты» земель¹⁷⁵. Крестьяне юсуповских вотчин в Нижегородской губернии писали, что «запасного старого хлеба у нас... ни у единого человека не имеется»¹⁷⁶. В ряде губерний (например, в Калужской) отсутствие запасов привело к тому, что осенью 1787 и весной 1788 г. крестьяне не имели зерна на посев, поля не были полностью засеяны, поэтому урожай 1788 г. был скудным и голод продолжался до осени 1789 г. — то есть более двух лет¹⁷⁷. Характерно, что в наибольшей степени пострадали черноземные губернии, где прежде голодовки и неурожаи были большой редкостью¹⁷⁸, а теперь непомерно увеличившиеся оброки отнимали у крестьян все излишки. Таким образом, голод был результатом интенсификации помещичьего хозяйства и увеличения ренты.

Характерно, что правительство пассивно отнеслось к этому бедствию и, в отличие от времен Петра и Анны Иоанновны, не пыталось конфисковать хлебные излишки и раздавать их голодающим. Монархия уже не имела сил для энергичного вмешательства в частную хлебную торговлю. «Ныне, когда большая часть государства с голоду помирает, — писал М. М. Щербатов, — кажется на сие правительство наихолоднейшим духом смотрит»¹⁷⁹.

По существу, кризис 1787–1788 гг. был подобен кризису 1723–1726 гг., только теперь хлеб у народа отнимала элита, а не государство. Новая трансформация структуры, как и все предыдущие, привела к отнятию ресурсов у народа и голоду. Свидетельством нового усиления Сжатия было падение естественного прироста населения. Естественный прирост в Центральном регионе уменьшился с 0,73% в 1763–1782 гг. до 0,26% в 1783–1795 гг. (см. рис. 2.2).

Кризис 1787–1788 гг. стал одной из причин последовавшего затем уменьшения ренты: в период после голодовки помещики уже не могли повышать оброки. Между тем чрезмерная эмиссия ассигнаций в конце правления Екатерины II вызвала инфляцию. Помещики не могли угнаться за быстрым ростом цен, в Тульском имении Юсуповых оброк в переводе на хлеб уменьшился с 11 пудов в 1778–1782 гг. до 6 пудов в 90-х гг.¹⁸⁰ А. Б. Куракин не стал состязаться с ценами и перевел своих крестьян на барщину. А. М. и Д. М. Голицыны увеличили в 1793 г. оброк до 4 рублей с души мужского пола, но в хлебном исчислении душевой оброк уменьшился до 6 пудов. Правда, рента в имениях Голицыных, по-видимому, была меньше, чем у их соседей: А. М. Голицын писал, что другие помещики берут по 6 рублей (то есть по 9 пудов)¹⁸¹. Мы не имеем массовых данных по Тульской губернии, но данные по Тамбовской и Рязанской губерниям говорят, что в 1788–1793 гг. средний оброк составлял 9–10 пудов. Благодаря уменьшению ренты потребление оброчных крестьян несколько возросло¹⁸².

Таким образом, помещики временно отступили, потребление крестьян увеличилось, голодовки прекратились, и естественный прирост населения снова увеличился (см. рис. 2.2). Страна вышла из кризиса, и Сжатие на время ослабло. Это улучшение ситуации, по-видимому, было связано также и с новой политикой монархии, с возвратом к этатизму и ограничением барщины императором Павлом I.

Табл. 3.2. Динамика оброков по В. И. Семевскому и Л. В. Милову в расчете на ревизскую душу (в руб.) и на душу населения (в пудах хлеба)¹⁸³

Годы	Оброк (руб.)	Цена юфти хлеба (руб.)	Оброк (пуд.)
Оценка В. И. Семевского			
1760-е	1–2	2,2	3–6
1770-е	2–3	3,5	3,9–5,8
1780-е	4	4,6	5,8
сер. 1790-х	5	7,4	4,5
Оценка Л. В. Милова			
1770–73	2	3,5	3,8
1780-е	5–7	4,6	7,2–10,1
1797–99	7–10	7,2	6,5–9,3

3.8. Павел I: вторая попытка трансформации по прусскому образцу

Сын Екатерины и Петра III Павел был воспитан по учебной программе французских дофинов, он знал французский, немецкий, итальянский языки, изучал историю, географию, естественные науки. Особое внимание уделялось изучению французской литературы: наследник престола штудировал Корнеля, Вольтера, Руссо — он почитал Руссо до такой степени, что во время путешествия по Европе в 1781 г. специально посетил Эрменонвиль, чтобы возложить цветы на могилу философа. Идеалом Павла был Фридрих Великий, во время пребывания в Берлине прусский король произвел на великого князя такое впечатление, что Павел стал подражать ему даже в мелочах — в одежде, походке, манере ездить на лошади, режиме дня, грубоватом солдатском обхождении. Речь шла не только о подражании королю: идеалом Павла было прусское «регулярное государство» — четкая бюрократическая организация, регламенты, дисциплина, военная выучка — то, чем Пруссия славилась во всей Европе. Вернувшись в Россию, Павел создал в Гатчине «маленькую Пруссию»: чистый городок с аккуратными домиками, больницей, школой, четырьмя церквями разных исповеданий и караульными будками, окрашенными в прусские государственные цвета. В Гатчине были несколько устроенных по прусскому образцу мануфактур и обученная по-прусски маленькая армия. Армия была одета в прусские мундиры, ее возглавлял прусский полковник, а офицеры — хоть и русские — придумывали себе вторые немецкие фамилии¹⁸⁴.

О приверженности Павла теории «регулярного государства» и «общего блага» говорит его «Наказ», написанный по случаю отправления на войну со Швецией в 1788 г. «Предмет каждого общества — блаженство каж-

дого и всех... — писал Павел. — Крестьянство содержит собою все прочие части и своими трудами, следственно, особого уважения достойно...»¹⁸⁵ К. Валишевский утверждает, что цель Павла «заключалась в том, чтобы подражать Фридриху II, следовать по стопам Петра Великого, продолжать работу Петра III...»¹⁸⁶ Петр Великий начал построение российского «регулярного государства», Петр III попытался его продолжить, а правление Павла было уже третьей попыткой такого рода. Однако еще в 1776 г. хорошо знавший Павла и симпатизировавший ему Фридрих II предрек этой попытке печальное будущее. Прусский король выказал опасение, что Павлу с его гордым характером будет трудно удержаться на троне и управлять народом, распущенным слабым правлением императриц, что он должен страшиться участи, подобной участи его несчастного отца¹⁸⁷.

Реформы Павла I прежде всего преследовали цель наведения порядка в государственных учреждениях, восстановления дисциплины в гвардии и армии. Полторы тысячи малолетних офицеров были исключены из списков полков; примерно таким же было число отставленных за хищения; два десятка генералов и более ста старших офицеров были сосланы в Сибирь¹⁸⁸. Особенно суровой была чистка в Конной гвардии, где из 139 офицеров не были отставлены только двое¹⁸⁹. «Начиная с Павла, — свидетельствует Ланжерон, — довольствие всегда выдавалось точно и даже до срока. Полковники не могли более присваивать то, что принадлежало солдатам»¹⁹⁰. Повышения теперь производились строго по старшинству, отпуск офицеров был ограничен 28 днями. Отягчение условий службы привело к увольнению многих офицеров-дворян; высвободившиеся вакансии заполнялись в значительной степени прибалтийскими немцами; это вновь привело к «опруссачиванию» русской армии. Во время войн с Францией 9–11% офицеров имели нерусские фамилии; особенно много немцев было среди генералов¹⁹¹. Известна история, что когда собравшиеся в ожидании царя генералы обсуждали перипетии Кульмской битвы на немецком языке, вошедший А. П. Ермолов недоуменно вопросил: «Господа! Здесь кто-нибудь говорит по-русски?»

Условия службы офицеров при Павле стали намного более тяжелыми, но в армии возобновилась боевая подготовка, император сам принимал вахтпарады, заставляя гвардейцев маршировать «прусским шагом». Была введена прусская форма, в войсках появились «пруссские» флигельманы, гренадерские полки были снова упразднены, количество кирасирских полков было увеличено с 6 до 16¹⁹². Многие современники, в том числе генерал Л. Л. Беннигсен, полковник Н. А. Саблуков, писатель А. Коцебу, подчеркивают заботливое отношение Павла I к солдатам; их жалование и довольствие были существенно увеличены, и — между прочим — солдаты впервые получили удобные и теплые шинели¹⁹³.

Павел пытался отучить гвардию от роскошной и праздной жизни, превратить ее из скопища придворных в воинскую часть. Офицерам было запрещено ездить в каретах, носить шубы и муфты; мундиры отныне должны были шить из простого сукна, так что они были в пять раз дешевле прежних. Был запрещен импорт европейских тканей, хрусталя, фарфора, зеркал и прочих предметов роскоши. Офицерам было запрещено брать в долг деньги и товары, за большие долги их сажали под арест, а их жалование шло кредиторам¹⁹⁴. Император пытался личным примером

Табл. 3.3. Численность и социальный состав городского населения (в границах 1737 г. без Прибалтики, Украины, Белоруссии и Бессарабии)¹⁹⁵

	1737	1796	1825	1857	1870
Все городское население (тыс.)	1074	1644	1970	2445	2566
В том числе (%)					
дворяне и чиновники	2,6	3,0	4,3	6,4	6,0
духовенство	2,4	2,4	2,2	2,3	2,2
военные	9,9	11,9	11,0	12,5	12,2
городские сословия	39,8	38,3	41,8	45,9	47,1
крестьяне	19,9	29,2	27,4	25,9	30,5
дворовые слуги	12,2	8,4	8,3	4,4	0
разночинцы	13,2	6,8	5,1	2,6	2,0

противостоять тому стремлению к роскоши и моральному разложению, которое охватило русское дворянство при Екатерине. Павел был скромнее в быту и одежде, постоянно ходил в одном и том же простом мундире, экономил на дворцовых расходах. Многие наблюдатели отмечали стремление царя бороться с пьянством, развратом, карточной игрой¹⁹⁶.

Павел считал, что (как и в Пруссии) военная служба должна быть для дворян делом рыцарской чести — отсюда его постоянные разговоры о «рыцарстве». В начале 1797 г. император предложил всем дворянам выбрать себе службу, а также велел «наблюдать, чтобы все сословные преимущества соответствовали служебным заслугам, чтобы не было дворян-тунеядцев»¹⁹⁷. Это была не формальная отмена «вольности дворянства», а скорее форма морального давления — тем не менее, это давление не могло быть приятным привыкшим к «вольности» помещикам. Были уничтожены губернские дворянские собрания и ограничено местное дворянское самоуправление. Таким образом, Павел I пытался более жестко регламентировать положение дворянства, не позволяя ему злоупотреблять «вольностью» и диктовать свои требования государству. Павел восстановил принципы неограниченной абсолютной монархии, независимой от воли сословий — но это не значило, что он был «противодворянским царем». Наоборот, в соответствии с идеалом Фридриха Великого, Павел относился к дворянству как к «благородному рыцарству» и отводил ему почетное положение — но в рамках регулярной абсолютной монархии. Как и Фридрих, Павел раздал своим «рыцарям» тысячи удельных крестьян — он искренне надеялся на «отеческое» отношение дворян к крепостным. По примеру Фридриха Павел утвердил монополию потомственных дворян на офицерские должности и отправил в отставку всех офицеров-недворян. Как и в Пруссии, для дворян был образован Вспомогательный дворянский банк, предоставлявший льготные ссуды под залог имений¹⁹⁸.

В соответствии с режимом экономии расходы на двор, составлявшие в 1795 г. 10,6 млн рублей, уменьшились в 1797 г. до 1,2 млн рублей, то есть

почти в десять раз. Было произведено сокращение чиновничьих штатов, но вместе с тем, в целях предотвращения взяточничества, повышено жалование чиновникам (так поступал и Фридрих II). Была налажена дисциплина среди чиновников и введены регулярные ревизии, уделявшие особое внимание жалобам на взяточничество и лихоимство¹⁹⁹. Сокращая расходы на двор и чиновничество, император увеличивал расходы на армию и флот, в 1796–1801 гг. они возросли с 27,7 млн до 41,7 млн рублей.

Подражая Фридриху Великому и Иосифу II, Павел пытался регламентировать отношения между дворянами и крестьянами. Он допустил крестьян к присяге, вернул им право жалобы, запретил работу по воскресеньям и ограничил барщину тремя днями в неделю. Закон об ограничении барщины, торжественно оглашенный в апреле 1797 г., в основных чертах копировал «Патент о барщине» Иосифа II и Марии Терезии (1775), также ограничивавший барщину тремя днями. Павел встречался с Иосифом II в Вене в 1781 г., как раз в те дни, когда австрийский император объявил об отмене крепостничества, — и они оба были поклонниками Руссо. По классификации П. Рычкова, норма барщины, установленная законом 1797 года, была «умеренной», то есть минимальной из всех норм, — необходимо отметить, что при жизни Павла этот закон воспринимался вполне серьезно²⁰⁰.

Подобно Фридриху II, Павел I уделял особое внимание государственным крестьянам. Государственные крестьяне, в отличие от помещичьих, считались «свободными сельскими обывателями» — хотя формально были прикреплены к земле и могли переселяться только с разрешения властей. В 1762 г. численность государственных крестьян увеличилась за счет секуляризации владений духовенства. Кроме того, на протяжении XVIII в. оброки государственных крестьян были значительно меньше, чем оброки помещичьих крестьян, поэтому их численность росла быстрее. В 1719 г. государственные и дворцовые крестьяне составляли 26% всех крестьян, а к концу столетия — 44%. Резко возросшая роль государственного крестьянства заставила правительство — в соответствии с европейскими веяниями — принять меры к поощрению его хозяйственной деятельности. В 1797 г. было учреждена «Экспедиция государственного хозяйства», занимавшаяся «попечением о развитии земледелия», была создана «Практическая школа земледелия» в Павловске, учащиеся которой осваивали основы новой западной агрономической науки: многопольную систему, травосеяние, приемы мелиорации, правила удобрения полей и т. д.²⁰¹

Финансовые мероприятия Павла I были подчинены задаче восстановления утраченных при Екатерине II доходов казны. Чтобы компенсировать обесценение подушной подати в результате скачка инфляции в конце правления Екатерины II, Павел увеличил подать с 1 рубля до 1 рубля 26 копеек с души мужского пола. В хлебном исчислении подушная подать в Центральном районе возросла с 0,9 до 1,2 пуда на душу (всего населения), но ее размеры по-прежнему были в три с лишним раза меньше, чем при Елизавете²⁰². После того как реальные размеры подушной подати резко сократились, главную роль в прямых налогах стал играть оброк с государственных крестьян; в конце правления Екатерины он превосходил подушную подать в полтора раза. Не осмелившись существенно

увеличить подушную подать помещичьих крестьян, Павел I увеличил оброк казенных крестьян с 3 до 4–5 рублей с ревизской души, введя дифференциацию по губерниям в зависимости от развития ремесел. После этого повышения крестьяне платили в Центральном районе в пересчете на хлеб примерно 4,2 пуда с души, а в Черноземном районе 6,7 пуда — столько же, сколько в 1780-х гг., до последнего всплеска инфляции. В целом государственные крестьяне Центрального и Черноземного районов платили казне 5 рублей оброка и 1 рубль 26 копеек подушной подати с ревизской души, а помещичьи крестьяне только 1 рубль 26 копеек, то есть в пять раз меньше.

В целом усилия Павла I по восстановлению сильного государства не прошли бесследно. Если в последние годы правления Екатерины доходы государства в пересчете на хлеб составляли 2,6 пуда хлеба на душу населения, то при Павле они поднялись до 5 пудов — таким образом, правительству удалось увеличить доходы казны и вернуться к уровню налогообложения доекатерининских времен. Это восстановление военных и финансовых сил государства имело большое значение в преддверии войн с Наполеоном. «Император Павел, — доносил прусский агент в 1801 г., — создал в некотором роде дисциплину, регулярную организацию, военное обучение русской армии, которой пренебрегала Екатерина II»²⁰³. Английский историк Мак Грю полагает, что Павлу I удалось восстановить порядок в государственном аппарате и боеспособность армии, более того, именно Павел создал ту централизованную систему управления и военизированную бюрократию, которые были характерны для России первой половины XIX в.²⁰⁴

Однако, как пишет Ю. А. Сорокин, «жесткое требование беспорочной службы со стороны императора вызвало невиданное озлобление петербургского дворянства против личности Павла»²⁰⁵. Пророчество Фридриха II сбылось, император был убит заговорщиками, и попытка восстановления регулярного государства закончилась неудачей. Дворянство вернуло свои «вольности», и закон об ограничении барщины стал мертвой буквой.

3.9. Цены и потребление в XVIII веке

До сих пор мы уделяли главное внимание динамике перераспределения ресурсов в структуре «государство–народ–элита» и происходившим в XVIII в. трансформациям этой структуры. Теперь нам необходимо вернуться к анализу основных макроэкономических параметров, изучаемых демографически-структурной теорией, к ценам и потреблению.

Рис. 3.5 дает общую картину движения цен в этот период. Видно, что в правление Петра I, в 1707–1720 гг., цены возросли втрое, а затем, в 1723–1725 гг., последовал голод и структурный кризис. Потом цены уменьшились и положение улучшилось, но все же впоследствии имел место голод в 1733–1735 гг. В 1750-х гг. цены продолжали уменьшаться, очевидно, за счет организации подвоза хлеба из Черноземного района. В начале 60-х гг., однако, последовал резкий рост цен, отчасти объясняющийся инфляцией в результате эмиссии медных денег, которые номинально

Рис. 3.5. Цена пуда ржи в Центральном районе в граммах серебра²⁰⁶

приравнивались к серебру. Но помимо инфляции, играло роль и увеличение ренты, и в итоге мы видим резкий скачок цен во время голода 1766–1768 гг. После голода произошло некоторое снижение цен, но затем эмиссия бумажных ассигнаций привела к новому росту. В конечном счете увеличение ренты и отсутствие запасов хлеба в крестьянских хозяйствах вызвали структурный кризис в 1787–1788 гг.

В целом тенденция к росту цен соответствует прогнозу демографически-структурной теории. Цены растут, но неравномерно, что, очевидно, объясняется происходившим одновременно с ростом населения освоением Черноземья (расширением экологической ниши), а также инфляционными процессами, эмиссией медных денег и ассигнаций.

Влияние инфляции было весьма существенным, количество денег в обращении в расчете на душу населения (так называемое *per capita circulation*, «душевое обращение») на протяжении XVIII в. увеличилось в несколько раз. Поэтому представляется важным попытаться исключить инфляцию, что можно сделать, например, поделив индекс цен на индекс «душевого обращения». Полученный таким путем нормированный индекс цен на рожь изображен на рис. 3.6.

Исключение инфляции дает существенно иную картину, чем исходный индекс цен. Оказывается, что реальное падение цен в 1750-х гг. было значительно большим, чем номинальное, то есть эффект организации транспортировки хлеба с Черноземья был чрезвычайно важным. Однако затем рост цен возобновился и был очень значительным — это и была основная тенденция, определяемая ростом населения.

Рост цен в теории свидетельствует о падении потребления, но более надежным в этом отношении параметром является реальная заработная

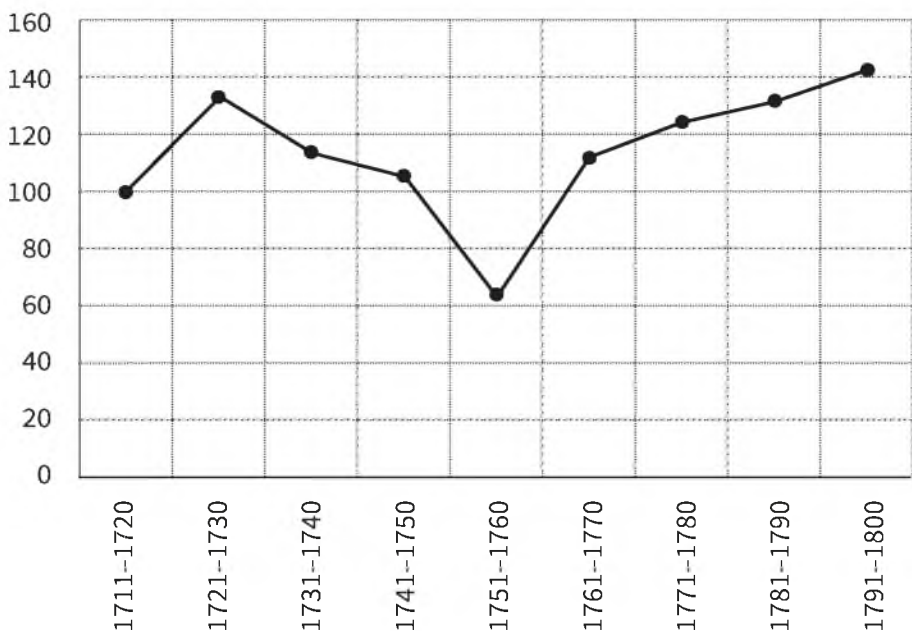

Рис. 3.6. Нормированный индекс цен на рожь для Центрального района²⁰⁷

плата. Однако условия крепостничества деформировали рынок рабочей силы и искажали реальную цену на труд. С одной стороны, затрудненность перехода крестьян в города создавала там дефицит рабочей силы даже с учетом распространения отхода, с другой стороны, крестьяне-отходники должны были платить оброк помещикам; этот оброк, естественно, включался в стоимость рабочей силы, и его динамика влияла на динамику заработной платы. В частности, увеличение оброка, наблюдавшееся во второй половине XVIII в., при условии постоянства в действии других факторов, должно было бы привести к *росту* реальной заработной платы. В итоге как рост оброка, так и ограничение отхода *завышали действительный уровень реальной заработной платы*. Таким образом, имеются все основания считать имеющиеся данные о реальной заработной плате в Петербурге для второй половины XVIII в. существенно завышенными. Как видно из рис. 3.7, эти данные говорят о значительном падении реальной заработной платы в 1740-х гг., но не показывают дальнейшего уменьшения.

Е. С. Корчмина подсчитала доход, остающийся у крестьянина-отходника (чернорабочего) в Москве за вычетом расходов на пропитание, оброка, подушной подати и оплаты паспорта. В 1760-х гг. эта сумма составляла 25,2 рубля (66% от заработанного), в 1790-х гг. она уменьшилась до 3,8 рубля (12% от заработанного)²⁰⁸.

Наиболее информативный показатель уровня жизни в XVIII в. — это темпы роста населения в промежутках между переписями (ревизиями). Как видно из рис. 2.2 эти темпы существенно различались не только по периодам, но и по регионам. В Центральном регионе период 1719-1744 гг. характеризуется острым кризисом, когда население не только не росло, но даже сокращалось. Очевидно, этот кризис был обусловлен высоким

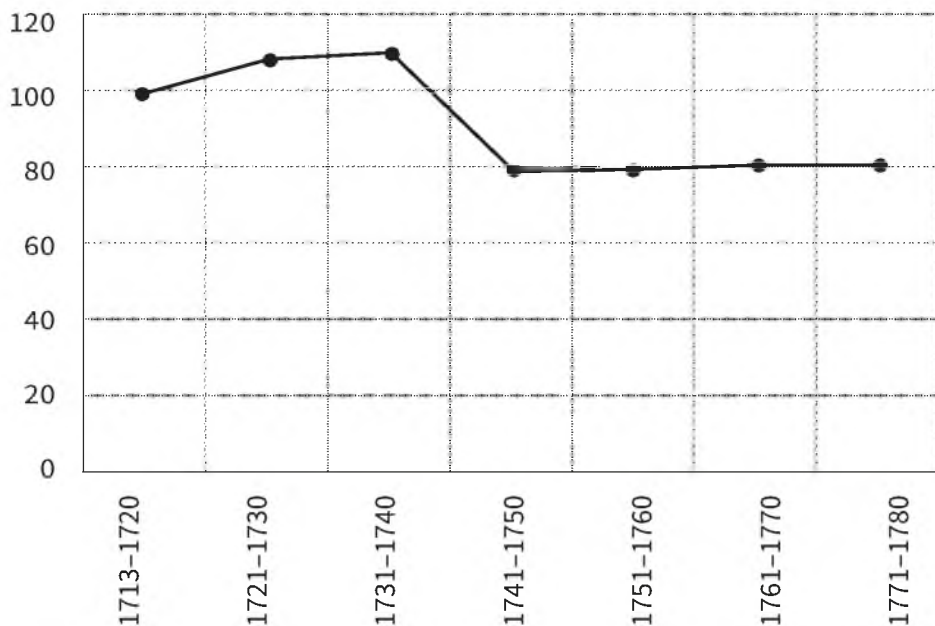

Рис. 3.7. Индекс реальной заработной платы петербургских плотников²⁰⁹

уровнем налогов, введенных Петром I и сохранявшимся при Анне Иоанновне. Это было время повторяющихся голодовок (1723–1724, 1734, 1743). В 1745–1762 гг. положение улучшилось за счет освоения Черноземья и поступления хлеба с осваиваемых земель в Центральный район. Эти процессы продолжались и в 1763–1782 гг., но увеличение барщины и оброков привело к голоду в 1787–1788 гг. и падению естественного прироста в 1783–1795 гг. Затем положение улучшилось в значительной степени благодаря законодательному ограничению барщины Павлом I в 1796 г.

В итоге можно считать, что общее поведение цен и потребления, во всяком случае, с середины XVIII в. соответствовало прогнозу демографически-структурной теории: рост населения сопровождался ростом цен и падением потребления. До 1760-х гг. тенденции в ценах и потреблении были неустойчивыми и определялись взаимодействием трех факторов: роста населения, расширения экологической ниши за счет колонизации Черноземья и перераспределения ресурсов внутри структуры «государство–элита–народ». Колонизация Черноземья привела, в частности, к существенному падению цен и увеличению потребления в 1740–1750-х гг., а перераспределение ресурсов – к падению потребления в 1720-х и 1780-х гг. Перераспределение ресурсов сказывалось не динамике потребления и далее, во второй половине XVIII в.

3.10. Выводы

В какой мере трехфакторная модель может объяснить развитие России во второй половине XVIII в.?

Изучение диффузионных процессов показывает, что в 1750-х гг. в Россию пришла новая волна диффузионного влияния, исходившая из Пруссии. Петр III предпринял первую попытку трансформации по прусскому образцу — но она вызвала *традиционалистскую реакцию* и военный переворот 1762 г. Этот переворот означал новое — и на этот раз решительное — поражение диффузионного абсолютизма. В ходе этой «дворянской революции» и в последующие десятилетия произошла новая *трансформация структуры*, включавшая освобождение дворянства от служебных обязанностей перед государством и превращение его в сословие независимых собственников, отягчение крепостного права, приблизившее положение крепостных к положению рабов, масштабное перераспределение ресурсов в пользу дворянства, выразившееся в резком сокращении реального размера налогов и росте ренты. Дворянство получило в свои руки власть на местах и в значительной мере определяло политику правительства. Это означало превращение этактистской монархии в служащую интересам элиты дворянскую монархию. Вестернизация приобрела отчетливо элитарный характер и служила теперь не интересам государства, а потребительским целям элиты. Произошла смена приоритетов с военного и экономического реформирования по шведско-голландскому образцу на перенимание элитарной французской культуры.

Дворянство оказывало давление одновременно на государство и крестьянство. Сокращение государственных доходов привело к ослаблению государства и армии. С другой стороны, рост ренты привел к искусственному сужению экологической ниши и структурному кризису 1787 г. Кризис 1787–1788 гг. был переломным моментом, заставившим как правительство, так и дворян осознать тяжесть положения крестьянства. Дворянство было вынуждено на время смириться с невозможностью увеличения ренты, и более того, в результате инфляции она стала уменьшаться. Со своей стороны, правительство впервые обратилось к мерам, которые в период Сжатия проводят многие государства, и Павел I ограничил размеры крестьянской барщины. При Павле I монархия вновь предприняла попытку трансформации по прусскому образцу, она на время вышла из подчинения дворянства, вновь попыталась регулировать отношения между условиями и перераспределять в свою пользу экономические ресурсы. Это позволило увеличить военные расходы и усилить армию, но в конечном счете конфликт с дворянством привел к государственному перевороту и гибели Павла I.

В целом анализ в рамках трехфакторной модели показывает, что XVI–II столетие было периодом колонизации и роста России — как в отношении территории, так и в отношении численности населения. В 1720-х гг. в Центральном районе появились признаки Сжатия, но в 1740–1750-х гг. колонизация Черноземья и организация торгового обмена между Черноземьем и Центром позволили отчасти разрядить ситуацию и увеличить потребление. Но в дальнейшем тенденция к уменьшению потребления снова возобладала. На эту общую картину накладывалась структурно-демографическая динамика, состоявшая из ряда трансформаций структуры, каждая из которых вызывала отток ресурсов от народа и структурный кризис.

глава IV

Сжатие в крепостной деревне

4.1. Французский образец

Как отмечалось выше, Франция была центром одной из трех диффузионных волн, оказывающих влияние на Россию во второй половине XVI–II в. Влияние Франции основывалось на культурном, а не на военном превосходстве; в военном отношении Франция середины XVIII в. отставала от Пруссии и Австрии. Однако во второй половине столетия волна военных преобразований дошла и до Франции, и здесь была предпринята решительная реформа артиллерии, связанная с именем генерала Ж.-Б. Грибовала. Грибоваль долгое время служил в австрийской армии под началом генерал-фельдцейхмейстера князя Лихтенштейна, поэтому в своих преобразованиях он широко использовал австрийский (а также прусский и русский) опыт. Так же как Лихтенштейн, Грибоваль свел всю артиллерию к нескольким стандартным образцам. Орудия стали отливаться цельными и потом рассверливаться, вес пушек был существенно облегчен, но главное — были усовершенствованы лафеты (которые получили железные оси и чугунные втулки колес) и механизмы наводки. Позднее, с 1800 г., французская артиллерия, так же как и австрийская, стала «ездящей»¹.

В конечном счете труды Фридриха II, Лихтенштейна, Шувалова и Грибовала привели к тому, что составлявшие полевую артиллерию мощные шести- и восьмифунтовые орудия стали столь же подвижными, как трехфунтовые полковые пушки. «Подвижность имела неожиданные последствия, она произвела полную революцию в употреблении артиллерии», — отмечал А. Нилус². Прежде батареям полевой артиллерии редко удавалось сменить позицию на поле боя, теперь появилась возможность маневра артиллерией и сосредоточения ее на участке прорыва. Слабая полковая артиллерия стала ненужной; в случае нужды ее заменяли придаваемые полкам мощные батареи³. Появление мощной мобильной артиллерии привело к переменам в тактике. Новые орудия позволили увеличить дальность картечного выстрела с 200 до 300–500 метров. В то же время дальность ружейного выстрела по-прежнему составляла 200–220 метров; таким образом, картечь новых орудий поражала пехотинцев прежде, чем те успевали выстрелить. Сила артиллерийского огня в 6–10 раз превосходила силу огня пехотных линий. Это в значительной мере обесценило значение ружейного огня и той «прусской муштры», с помощью которой достигалась скорострельность⁴.

На смену линейной тактике шла тактика рассыпного строя и колонн. Рассыпной строй, заменивший прежнюю линию, был менее уязвим для картечи, и солдаты могли стрелять не торопясь, прицельно. Для того чтобы сделать стрельбу более прицельной, приклад ружья стали вытаскивать изогнутым, как у охотничьих ружей. Кроме того, некоторые солдаты («егеря») были вооружены нарезными ружьями, «штуцерами». Штуцер стрелял на 700 метров, но его было трудно заряжать, поэтому скорострельность составляла всего лишь один выстрел в 4–5 минут⁵.

Главным элементом новой тактики была колонна — боевой порядок, созданный французской революцией. Его появление было связано с глубокими преобразованиями социального строя Франции и с введением всеобщей воинской повинности. До революции французская армия была в основном наемной и (поскольку наемники обходились дорого) ее численность составляла лишь 172 тыс. солдат — меньше, чем в Австрии и Пруссии, армии которых пополнялись посредством рекрутирования. Когда в 1792 г. Австрия и Пруссия объявили войну французскому революционному правительству, оно было вынуждено мобилизовать все силы страны и пошло на беспрецедентный шаг, введя всеобщую воинскую повинность. Если рекрутские наборы давали одного солдата с 10 или 20 дворов, то всеобщая повинность ставила под ружье всех молодых мужчин, и один лишь набор 1793 г. дал 450 тыс. рекрутов. В 1794 г. численность французской армии достигла одного миллиона солдат! Эту армию необходимо было снарядить и вооружить, и якобинская диктатура превратила страну в огромный военный лагерь, живущий по законам регулируемой экономики. Все зерно, кроме «семейного запаса», подлежало сдаче в государственные хранилища, рыночная торговля прекращалась. Население городов снабжалось из государственных амбаров по карточкам. Была введена система принудительного труда по фиксированным расценкам; за один год было построено 39 оружейных заводов, производство чугунных пушек увеличилось с 900 до 12 тыс., производство бронзовых пушек — до 7 тыс., как и при Петре I, пушки отливали из снятых с церкви колоколов⁶.

С точки зрения теории «военной революции» это был пример до крайности милитаризованной военно-бюрократической диктатуры «революционного правительства». Военным министром этого правительства был Лазар Карно — знаменитый военный инженер и создатель тактики колонн. Имея огромную, но плохо вооруженную и обученную армию, Карно предложил строить атакующие войска колонной и бросать их в штыковую атаку — без единого выстрела. Передние ряды колонны погибали под вражеским огнем, но, шагая по трупам, колонна в конечном счете прорывала тонкую стрелковую линию противника — и одерживала победу. Таким образом, новая тактика представляла собой сочетание стрелковых цепей в первом эшелоне и глубоких колонн во втором эшелоне. Переброшенная к намеченному месту прорыва артиллерия должна была подавить батареи противника и ослабить его пехоту, стрелки прицельно выбивали офицеров, знаменосцев и артиллеристов; затем подтянутые из глубины колонны одна за другой устремлялись в штыковую атаку, пробивая линию противника своей массой. Позднее приемы боя были усовершенствованы и за стрелками иногда появлялись три шеренги пехоты — как в старой

линейной тактике. Колонны двигались за этими шеренгами, выбирая место для атаки⁷.

Французская армия обладала двумя особенностями, отчасти обусловленными ее массовым характером. Эта армия состояла в основном из свободных крестьян, которые не стали бы терпеть палку в руках капрала, — поэтому в армии Наполеона не было палочных наказаний. Храбрость солдат возбуждали орденами и медалями, которые сопровождались прибавкой жалования, возможностью стать сержантом, офицером и даже маршалом; некоторые наполеоновские солдаты действительно носили маршальский жезл в солдатском ранце. Другая особенность французской армии состояла в отсутствии обоза. Снабжать армию столь колоссальных размеров в те времена можно было лишь с помощью этактической военной диктатуры. Когда якобинский военный режим рухнул в термидоре 1794 г., армия осталась без продовольственного снабжения, и Карно приказал ей довольствоваться реквизициями — то есть грабежом завоеванных стран. Лишь в 1807 г. Наполеон отчасти восстановил обоз, но и после этого императорская армия жила в значительной степени реквизициями. В условиях войны эти реквизиции были бесконтрольными и постоянно переходили в мародерство; солдаты беспощадно грабили население. Возможность грабежа была еще одним стимулом для французских солдат — они знали, что победа может принести им не только славу, но и богатство⁸.

Тактика колонн была *фундаментальным открытием*, она стала новым всепобеждающим оружием французской армии — и именно этому оружию был обязан своей славой Наполеон Бонапарт. В соответствии с теорией, новый этап военной революции привел к формированию нового военно-бюрократического государства. Империя Наполеона была современным образцом регулярного государства, в котором абсолютизм (под действием революционной традиции) был закамуфлирован конституцией, предусматривавшей существование Государственного совета и двух законодательных палат. В действительности все вопросы решал император. Наполеон, как Иосиф II и Петр I, работал круглые сутки и вместе со своими министрами отдавал тысячи распоряжений. Символом его регулирующей деятельности стал «Кодекс Наполеона», который провозглашал равенство всех граждан перед законом и уничтожение сословных привилегий. В своей экономической политике Наполеон следовал заветам Кольбера и теории меркантилизма; национальная промышленность была защищена высокими таможенными пошлинами, но при этом деятельность предпринимателей регламентировалась: правительство прежде всего старалось обеспечить заработок рабочим⁹. После падения Наполеона современники вспоминали о его правлении как о «золотом веке» всеобщей занятости, высоких заработков и дешевого хлеба. Внешние атрибуты новой империи представляли собой смешение черт военного государства и старой ренессансной Франции, Наполеон, как Карл XII и Петр I, ходил в солдатском мундире, он заставлял своих чиновников носить униформу, но его двор в Фонтенбло своей роскошью затмевал Версаль¹⁰.

Как обычно, волна французских завоеваний вызвала диффузионную волну заимствования французских инноваций. Сражавшиеся в линиях русские были разгромлены при Аустерлице, а пруссаки — при Иене-Ауэр-

штерте. Разгромленная Пруссия сразу же приняла тактику колонн, ввела у себя всеобщую воинскую повинность, открыла доступ в офицеры недворянам и практически запретила телесные наказания. Более того, прусский король Фридрих Вильгельм III обещал своему народу ввести конституцию — но забыл о своем обещании после поражения Наполеона¹¹. Наиболее важной реформой, проведенной под влиянием Франции, было освобождение крестьян. 22 июля 1807 г. Наполеон подписал конституцию новой Польши («герцогства Варшавского»), один из первых параграфов которой гласил: «Крепостничество упраздняется. Все граждане равны перед законом»¹². «Отмена крепостничества, — признавал прусский король, — стала в результате действия соседних правительств делом чрезвычайной необходимости». В октябре 1807 г. правительство Пруссии объявило об освобождении крепостных¹³.

Таким образом, Россия оказалась перед фронтом новой диффузионной волны. Компонентами этой новой волны были мобильная артиллерия, тактика колонн, всеобщая воинская повинность, а в политической сфере — конституционализм, подобный французскому, и равенство граждан перед законом — то, что тогда называлось «свободой». Лозунг «свободы, равенства и братства», написанный на знаменах французских армий, не мог оставить равнодушным население тех стран, где народ страдал от сословных привилегий и крепостного права. Французская армия при поддержке народов уничтожила сословные привилегии и насадила конституционный строй почти во всех государствах Западной Европы. «Самое могучее оружие, которым пользовались до сих пор французы, — писал Александр I в 1804 г., — это общее убеждение, что их дело есть дело свободы и счастья народов»¹⁴. Однако после французских побед часто наступало разочарование: система грабежей и реквизиций восстанавливала народы против завоевателей — и навстречу диффузионной волне поднималась волна традиционалистской реакции. Именно традиционалистская реакция привела к грандиозному восстанию против Наполеона в Испании, а затем — к подъему немецкого национализма и битве при Лейпциге.

4.2. Царствование Александра I: период французского влияния

Как отмечалось выше, французское влияние было ощутимо в России уже во второй половине XVIII в. Оно сказывалось в основном в распространении французской культуры, но также и в популярности французских философов. Как известно, Екатерина II при составлении своего «Наказа» заимствовала целые страницы у Монтескье; она пригласила в Петербург Дидро — но заигрывания с «вольнодумцами» были лишь данью моде; когда началась французская революция, императрица приказала отнести бюст Вольтера в чулан. Всем русским было приказано немедленно покинуть Францию, на сообщения из Парижа была наложена строгая цензура.

Однако французское влияние преодолело эти преграды — причем самым неожиданным способом, заставляющим (как в случае Петра I) обратить особое внимание на личностные каналы механизма диффузии. Волею случая наставником Александра оказался Фридрих Цезарь Лагарп,

швейцарский республиканец, впоследствии ставший одним из руководителей Гельветической республики. По собственному признанию Александра, он был обязан Лагарпу «всем, кроме рождения»¹⁵. Насколько можно судить по конспектам Лагарпа, воспитатель стремился привить наследнику престола идеалы просвещенной монархии, ограниченной «фундаментальными законами», то есть конституцией. В 1790 г., когда Александру было 13 лет, он дал своему воспитателю клятву «утвердить благо России на основании законов непоколебимых»¹⁶. В 1797 г. вокруг наследника образовался кружок молодых друзей, который Г. Р. Державин называл не иначе как «якобинской шайкой». Друзья направили Лагарпу (который в то время был во Франции) письмо, испрашивая его совета: «Письмо это вам передаст Новосильцев, он едет с исключительной целью повидать вас и спросить ваших советов и узаконений в деле чрезвычайной важности — об обеспечении блага России при введении в ней свободной конституции... Не уstraшайте теми опасностями, к которым может привести подобная попытка, способ, которым мы хотим осуществить ее, значительно устраняет их... Мне кажется, это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы проведена законной властью...»¹⁷ Очевидно, план «молодых друзей» состоял в постепенных преобразованиях «сверху» с целью введения конституции — причем Александр хорошо сознавал опасность этого плана, поэтому конечная цель преобразований должна была долгое время оставаться тайной для всех, кроме немногих посвященных.

В планы молодого царя входила и отмена крепостного права. Государственный секретарь А. С. Шишков писал позже, что у Александра сложилось «несчастное предубеждение против крепостного в России права, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка». Предубеждение это, по словам Шишкова, «внушено в него было находившимся при нем французом Лагарпом и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавших глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов и, словом, от всего русского»¹⁸.

Таким образом, политическая программа Александра подразумевала частичную трансформацию России по французскому образцу и включала постепенное установление конституционного правления и отмену крепостного права. Однако, в отличие от Петра I, Александр I не был абсолютным монархом и не мог проводить реформы силой самодержавной власти. Переворот 1801 г. означал новую победу дворянства и поражение абсолютизма. В первых указах, изданных Александром, он был вынужден уничтожить едва ли не главное орудие самодержавия, Тайную экспедицию, и амнистировать всех осужденных ею заговорщиков. Было объявлено о подтверждении постоянно нарушавшейся Павлом I Жалованной грамоты дворянству и восстановлении дворянского самоуправления. «Для рассуждения и уважения дел государственных» был образован Непременный совет из представителей высшей аристократии. С первых дней своего существования этот Совет приобрел такое значение, что его позиция предопределяла решения Александра по важнейшим политическим вопросам. В частности, Совет отклонил представленный императором проект закона о запрещении продажи крестьян без земли. Вельможи стремились превратить Сенат в выборное дворян-

ское представительство и ограничить власть императора аристократической конституцией. А. Р. Воронцов, один из знаменитых вельмож екатерининского царствования, предлагал положить в основу конституции средневековую английскую Великую хартию вольностей и «Habeas corpus act»; предложенный им проект говорил исключительно о правах дворянства. А. Чарторижский писал о А. Р. Воронцове: «В нем оставалась заваска той старой либеральной русской аристократии, которая хотела, призвав на престол Анну, ограничить ее власть»¹⁹. Другой известный англоман, адмирал Н. С. Мордвинов, предлагал пригласить в Комиссию по составлению законов известного английского философа Иеремию Бен-тама (но Бентам не согласился ехать в Россию)²⁰. Таким образом, аристократическая оппозиция, как и раньше, использовала английский пример как аргумент для введения олигархического правления.

«Впрочем, — отмечает М. М. Сафонов, — у дворянства было испытанное средство „контролировать“ действия правительства и без „конституции“, пресекать любые попытки отклониться от дворянской линии — дворцовый переворот. Это было проверенное и надежное средство, оно всегда действовало как потенциальная угроза. Александр постоянно имел это в виду»²¹. В правление Александра слухи о заговорах, угрозы и резкая критика в адрес императора были постоянным явлением, и жесткая оппозиция дворянства останавливала реформы уже в их начальной стадии. Поэтому, пишет М. М. Сафонов, широко задуманная программа социально-экономических и политических реформ свелась к административным преобразованиям²².

В военной сфере дворянская реакция в начале правления Александра привела к тому, что отставленные Павлом за злоупотребления офицеры и генералы снова вернулись в армию. Вместе с ними вернулись екатерининские порядки — хищения казенных средств, использование солдат как своих крепостных, запись в полки малолетних дворян, которые, вырастая, становились офицерами. А. Р. Воронцов требовал сократить военные расходы и прекратить столь обременительное для офицеров «прусское» обучение²³. Однако победы Наполеона вынудили аристократическую оппозицию на время смириться с устроением дисциплины и не препятствовать военному реформированию по новому, французскому, образцу — хотя эта реформа была сопряжена с возвращением к власти некоторых деятелей павловского режима. В 1802 г. была составлена особая комиссия под председательством А. А. Аракчеева, вызванного из отставки и снова назначенного в 1803 г. инспектором всей артиллерии. Выработанная комиссией система полевых орудий получила название «аракчеевской». Разнобой артиллерийских систем был ликвидирован, и все многообразие пушек и гаубиц было сведено к нескольким стандартным образцам. Пушки получили конструкцию, подобную орудиям Грибоваля, были снабжены облегченными лафетами и грибовалевскими подъемными механизмами. Орудия стали отливать цельными, с последующим высверливанием канала ствола²⁴.

Займствовалась и французская тактика, с 1805 г. были прекращены линейные учения. В русском уставе «Наставление пехотным офицерам» 1811 г. говорится, что прежние «излишнее учения, как-то многочисленные

темпы ружьем и прочие, уже давно отменены»²⁵. Основное внимание теперь уделялось действию в рассыпном строю и в колонне. Сражавшаяся в линиях при Аустерлице в 1805 г. русская армия в 1807 г. при Прейсиш-Эйлау уже использовала колонны²⁶. В 1808–1810 гг. русские пехотные батальоны получили организацию и ружья французского образца. Форма также стала похожа на французскую, солдаты стали носить кивера²⁷. Устав 1811 г. рекомендовал офицерам избегать палочных наказаний. Выходцы из простолюдинов вновь стали допускаться в число офицеров — во всем этом можно видеть результат французского влияния²⁸. «Все на французский образец, — писал французский посол Коленкур, — шитье у генералов, эполеты у офицеров, португеза вместо пояса у солдат, музыка на французский лад, марши французские, учение тоже французское»²⁹. Однако несмотря на затруднения с комплектованием армии, всеобщая воинская повинность так и не была введена: дело в том, что взятие рекрута в армию подразумевало освобождение его (и его семьи) от крепостной зависимости. Вместо этого правительство попыталось производить наборы в ополчение — в отличие от солдат, ополченцы оставались крепостными и после войны должны были вернуться к своим помещикам. Но, как свидетельствует А. Ланжерон, ополченцы, набранные в 1806 г., воевали плохо: «Многие из них бежали, и были даже случаи возмущения целых батальонов»³⁰. Во время войны 1812 г. призыв ополченцев также сопровождался бунтами — наиболее известным из них был бунт Пензенского ополчения в Инсаре. Бунты были подавлены, однако после окончания войны 1812–1814 гг. ополченцы отказались возвращаться к подневольному труду, и большую часть из них пришлось вернуть в армию³¹.

Как обычно, заимствования в военной сфере вскоре повлекли за собой заимствования в сфере политической и социальной. Эти заимствования проявились, прежде всего, в созданном ближайшим помощником Александра статс-секретарем М. М. Сперанским проекте конституции (введение Государственного совета, разделение властей, иерархия выборных местных дум и др.). «Он хотел насадить на русской почве те же порядки, которые, по его представлению, превратили Францию в первую страну в мире», — писал Е. В. Тарле о Сперанском³². Наиболее важным обстоятельством было то, что конституция предоставляла гражданские права (во всяком случае, некоторые права) крепостным крестьянам. «Богатые помещики, имеющие крепостных, — свидетельствует Д. П. Рунич, — теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право»³³.

Таким образом, дворянство в принципе желало конституции, которая бы узаконила его власть, но оно было против той конституции, которая освободит крестьян. «Недовольство императором усиливается, и разговоры, которые слышны повсюду, ужасны... — писал шведский посол Стединг. — Слишком достоверно, что в частных и даже публичных собраниях часто говорят о перемене царствования»³⁴.

Оппозиция преобразованиям, как и раньше, выступала под знаменем традиционалистской реакции. В марте 1811 г. известный историк Н. М. Карамзин подал Александру I «Записку о древней и новой России». Карамзин констатировал, что правительственные реформы являются результатом подражания Франции, и предупреждал, что они способ-

ствуют переносу в Россию революционных идей. Карамзин выступал как против конституционных проектов, так и против отмены крепостного права³⁵. Если и есть какая-то нужда в заимствованиях, то «государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях»³⁶. Этот тезис придал «Записке» характер традиционалистского манифеста. Карамзин первым среди русских историков осмелился подвергнуть критике вестернизационные реформы Петра I: «Страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев...»³⁷ Карамзин первый заговорил о народном духе, святой православной вере и спасительности самодержавия: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»³⁸. Речь при этом шла не о насмеявшемся над церковью просвещенном абсолютизме Петра I, а о старинном московском самодержавии, когда милосердный царь выступал в качестве живого закона: «У нас не Англия; мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали высшим уставом... В России государь есть живой закон...»³⁹

В конечном счете традиционалистская реакция привела к отставке Сперанского; Александр I обвинил своего помощника в том, что «он жертвует благом государства из привязанности к своей французской системе»⁴⁰. Причина ненависти двора к Сперанскому (и Наполеону) заключалась, конечно, в том, что «французская система» подразумевала освобождение крестьян; крестьянская свобода и политическое равноправие были неотъемлемыми элементами французской диффузионной волны. Вторжение Наполеона в Россию могло привести к освобождению крестьян, и Наполеон рассматривал такую возможность. «Дайте мне знать, — писал император Евгению Богарне в августе 1812 г., — какого рода декреты и прокламации нужны, чтобы возбудить в России мятеж крестьян и сплотить их»⁴¹. А. А. Казеветтер отмечал, что частные письма помещиков были переполнены указаниями на то, что русское дворянство в первую очередь страшилось не французов, а собственных крепостных крестьян⁴².

Действительно, с приходом французов литовские и белорусские губернии были охвачены крестьянскими восстаниями. «Их крестьяне сочли себя свободными от ужасного и бедственного рабства, под гнетом которого они находились благодаря скупости и разврату дворян, — свидетельствует генерал А. Х. Бенкендорф. — Они взбунтовались почти во всех деревнях... и находили в разрушении жилищ своих тиранов столь же варварское наслаждение, сколько последние употребили искусства, чтобы довести их до нищеты»⁴³. После взятия французами Москвы крестьяне многих подмосковных имений отказались повиноваться своим помещикам и вместе с оккупантами грабили столицу. В Москве Наполеон вновь вернулся к вопросу об освобождении крестьян и приказал разыскать в архивах сведения о пугачевском восстании⁴⁴.

Наполеон объяснил причины своего решения отказаться от освобождения крестьян в речи, обращенной к Сенату 20 декабря 1812 г.: «Я веду против России только политическую войну... Я мог бы вооружить против

нее самую большую часть ее населения, провозгласив освобождение рабов; во множестве деревень меня просили об этом. Но когда я увидел огрубение этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая предала бы множество семейств (дворян — С. Н.) на смерть и самые ужасные мучения»⁴⁵.

Наполеон имел в виду учиненную пугачевцами резню дворян, однако, по другим свидетельствам, император просто промедлил с решением, а потом оказалось поздно — катастрофа французской армии была столь неожиданной и быстрой, что уже ничто не могло помочь⁴⁶. А. А. Казеветтер пишет, что когда остатки французской армии покинули Россию, «дворянство вздохнуло полной грудью и радость, его охватившая, только еще рельефнее оттенила силу предшествующей тревоги»⁴⁷.

Поход Наполеона в Россию был последним ударом волны завоеваний, вызванных появлением мобильной артиллерии, тактики глубоких колонн и всеобщей воинской повинности. К 1812 г. эти военные инновации были переняты противниками Наполеона и французская армия лишилась своих преимуществ, сохранив вместе с тем свои недостатки. Как отмечалось выше, наиболее значительным недостатком было отсутствие необходимой системы снабжения. В 1812 г. русские применяли тактику выжженной земли и наполеоновская армия осталась без продовольствия; солдаты голодали, и уже к смоленскому сражению армия потеряла сто тысяч солдат из-за болезней и огромного дезертирства⁴⁸. К моменту сражения под Бородином наполеоновская армия сократилась вчетверо, и, хотя французы выиграли сражение, все тот же недостаток снабжения заставил их покинуть Москву и двинуться в обратный путь. Этот путь среди заснеженной русской равнины оказался гибельным; уже под Гжатском, когда ударили первые морозы, около десяти тысяч солдат обморозили ноги; в дальнейшем число обмороженных постоянно росло, и все они были обречены на гибель⁴⁹. Авторы юбилейного издания «Отечественная война и русское общество. 1812–1912» писали: «Французская армия была деморализована, и к гибели ее вели в равной степени природа — суровой зимой и дурными дорогами, и свое начальство — неподготовленностью, растерянностью. Русским войскам оставалось только довершать начатое разложение армии»⁵⁰.

После поражения в России Наполеону пришлось бороться с поднимающейся на борьбу за независимость Германией. Прусская и австрийская армии (так же как и русская армия) переняли военные инновации французов, и, не имея военно-технологических преимуществ, Наполеон не смог сопротивляться огромному численному превосходству союзников. С теоретической точки зрения история наполеоновских войн представляет собой один из редких примеров «отката» завоевательной волны — пример, когда подвергнувшиеся нападению страны заимствуют оружие противника и обращают волну вспять.

Однако поражение Наполеона не означало окончания диффузионного процесса; овеванные наполеоновской легендой идеи французской революции продолжали оказывать влияние на Европу. Это проявилось, в частности, в политике российского императора: Александр сохранял свою приверженность к конституционным идеям, некогда привитую Лагарпом.

Настойчивое вмешательство Александра способствовало тому, что побежденная Франция не вернулась к абсолютизму, а сохранила конституционный строй. Многие германские государства, где конституции были введены французами, также получили новые основные законы по образцу французской хартии 1814 года⁵¹. В 1815 г. Александр даровал конституцию Царству Польскому, которое составилось из уступленной России по Венскому конгрессу части бывшего герцогства Варшавского. Эта конституция, в частности, провозглашала равенство сословий перед законом и свободу печати. При открытии польского сейма в 1818 г. Александр намекнул, что конституционные начала, дарованные Польше, он предполагает распространить на всю империю. «Русская конституция здесь уже давно закончена одним французом, состоящим при Новосильцеве», — докладывал в мае 1819 г. прусский консул в Варшаве⁵². Естественно, оригинал этой российской конституции был написан на французском языке⁵³.

Современники отчетливо сознавали, что движение по пути к конституции и политическим свободам неразрывно связано с освобождением крестьян⁵⁴. Император намеревался энергично приступить к решению крестьянского вопроса. В 1816–1819 гг. были освобождены крестьяне в прибалтийских губерниях и было составлено несколько проектов освобождения помещичьих крестьян в русских губерниях. Во время посещения Малороссии в 1818 г. Александр в публичной речи объявил о своих намерениях, но это вызвало резкую оппозицию дворянского собрания. В московских салонах снова, как во времена Сперанского, дошло до угроз в адрес императора⁵⁵. Александр решил двигаться к освобождению постепенно и в качестве предварительной меры в 1820 г. вновь предложил закон о запрете продажи крестьян без земли. В проекте говорилось, что «продажа людей по одиночке, как бессловесных животных, не соответствует духу времени». «Дух времени» — это выражение часто использовалось императором и, очевидно, означало «дух просвещенного Запада». Именно эта формула вызвала жесткую критику членов Госсовета, которые не желали воспринимать диффузионные западные веяния и снова заблокировали принятие решения⁵⁶.

В то время как придворная аристократия и провинциальное дворянство выступали против прозападных реформ, дворянская молодежь в значительной части была увлечена конституционными идеями. После войны французское влияние подчинило себе не только Александра. Декабрист М. А. Фонвизин вспоминал: «В походах на Германию и Францию наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнее впечатление, что они могли сравнивать все виденное с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине»⁵⁷. «Дворяне, возвратившиеся из чужих краев с войском, привезли начала, противные собственным их пользам и спокойствию государства, — писал В. Н. Каразин. — Молодые люди первых фамилий восхищаются французской вольностью и не скрывают своего желания ввести ее в своем отечестве»⁵⁸. По свидетельству одного из декабристов, А. Розена, они хотели попросту «пересадить Францию в Россию». Особое значение имело то обстоятельство, что эти настроения поддерживались императором. Н. И. Греч писал о том времени: «Я был в то время отъявленным ли-

бералом. Да и кто из тогдашних молодых людей был на стороне реакции? Все тянули песню конституционную, в которой запевалой был сам Александр Павлович»⁵⁹. Ф. Ф. Вигель писал, что все, вслед за правительством, «из раболепства стали прикидываться свободомыслящими, завелся обычай в обществе хоть что-то сказать о конституциях»⁶⁰.

Таким образом, император сам был причастен к возникновению движения декабристов, которое было связано с распространением «официального либерализма». С. А. Экшут отмечает, что правительство и декабристы, таясь друг от друга, готовили проекты одних и тех же государственных преобразований⁶¹. Однако на развитии движения декабристов сказалось также и прямое влияние революционных европейских организаций, итальянских карбонариев и немецкого «Тугенбунда». «Главные черты законоположения Союза Благоденствия, — свидетельствует Н. И. Тургенев, — разделение, замечательнейшие мысли и самый слог ясно показывают, что он есть подражание и даже большей частью перевод с немецкого»⁶². Существовали и прямые контакты с западными революционерами — правда, по-видимому, немногочисленные. Известно, в частности, что одним из видных членов «Союза благоденствия» был итальянский карбонарий Мариано Джильи. После разгрома восстания декабристов Николай I говорил пьемонтскому послу, что «исповедуемые ими принципы те же, что и карбонариев»⁶³.

Как дореволюционная либеральная, так и значительная часть современной западной историографии рассматривают декабристское движение исключительно как продукт западного влияния — в духе теории вестернизации⁶⁴. Близкой точки зрения придерживаются и некоторые современные российские исследователи⁶⁵. Ю. М. Лотман писал о перенимании декабристами западной идеологии: «Перед нами чрезвычайно интересный пример того, как одна идеологическая система, попадая в орбиту другой, „облучается, заражается“ по существу чуждыми ей идеями»⁶⁶. В. В. Леонтович доказывает, что корни либерализма в России в принципе отсутствовали и что идеологи русского либерализма получали и перенимали западные идеи⁶⁷. А. В. Предтеченский указывал на явное несоответствие «сознания передовой части дворянской общественности» «экономическому базису» — то есть на невозможность объяснить движение декабристов внутренними социально-экономическими процессами⁶⁸.

В начале 1820 г. вспыхнула революция в Испании, быстро распространившаяся на Италию; Южная Италия погрузилась в хаос междоусобной войны. Характерно, что наслышанные о либерализме русского царя итальянские республиканцы первое время надеялись на его поддержку⁶⁹. Однако именно эти события привели к резкой перемене в политических взглядах Александра. Царь понял, что либеральные преобразования несут в себе угрозу политической нестабильности не только Европы, но и России. В августе 1820 г. Александр писал главе австрийского правительства Клеменсу Меттерниху: «...Я неправильно судил об обществе, сегодня я нахожу ложным то, что мне казалось истинным вчера. Я принес много зла, я постараюсь его исправить»⁷⁰. Меттерних был главным идеологом традиционалистской реакции против французского влияния. Во время конгресса в Троппау он в длительных беседах с им-

ператором приложил все усилия, чтобы убедить Александра в существовании общеевропейского революционного заговора (после конгресса Меттерних оформил свои взгляды в специальном «мемуаре»)⁷¹. «Проникнувшись этой „высшей политической философией“ Александр I стал воспринимать все происходящее глазами австрийского канцлера, — отмечает Т. Н. Жуковская. — Беспорядки в семеновском полку им были восприняты, как происки партии „революционеров“ в самом сердце Империи»⁷². «Признаюсь, — писал Александр о бунте семеновцев из Троппау, — я его приписываю тайным обществам, которые, по доказательствам, которые мы имеем, все в сообщениях между собой...»⁷³ В Петербурге командир гвардейского корпуса генерал И. В. Васильчиков, в отличие от царя, располагавший реальной информацией о декабристах, и опасавшийся их выступления, поднял по тревоге весь гарнизон — но на этот раз все ограничилось стихийными солдатскими волнениями. Через полгода, когда царь вернулся в Россию, Васильчиков доложил Александру о существовании тайного общества. Александр I после долгого раздумья ответил: «Дорогой Васильчиков, вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения... Не мне подобает карать»⁷⁴.

В этих словах, несомненно, звучит сознание Александром своей ответственности за распространение в стране либеральных настроений. Царь не желал карать людей, которых он сам побудил к деятельности. Но, тем не менее, подчиняясь влиянию Меттерниха и российских консерваторов, Александр I отложил в сторону проекты реформ⁷⁵. С точки зрения диффузионистской теории это означало переход с позиций вестернизации на позиции традиционализма. Это вызвало кризис в среде декабристов, часть либералов отошла от движения, но наиболее радикально настроенные элементы продолжали агитацию. Испанская революция убедила радикалов в возможности успеха военного переворота и в России — они приняли курс на «pronunciamento». Некоторые агитационные произведения декабристов стали оформляться в стиле испанского катехизиса, а отдельные положения испанской конституции 1812 г. вошли в проект конституции Н. М. Муравьева⁷⁶.

В целом, однако, «либеральных иллюзий» продолжала придерживаться лишь малая часть дворянской молодежи. Ф. Ф. Вигель писал, что стоило правительству «объявить войну вольнодумству... либерализм исчез, как будто ушел под землю, все умолкло»⁷⁷.

Но французское влияние продолжало сказываться в других аспектах, и одним из них была вновь проявившаяся с екатерининских времен тенденция к распространению роскоши. Вернувшись победителями из Парижа, русские дворяне пожелали жить по-парижски.

«Когда после 1812 г. среднее дворянство познакомилось с западной Европой, — свидетельствует барон Гакстгаузен, — с ее роскошью и комфортом, оно не могло уже удовлетвориться своей домашней жизнью, оно начало презирать обычаи старины и стремиться перенести европейскую жизнь в свое отечество. Это стоило очень дорого, а так как дворянство издавна было склонно к роскоши, то вошло теперь в непомерные долги... Положение крепостных крестьян стало через это еще хуже, так как новые господа смотрели на них уже исключительно как на средство, как на машины для зарабатывания денег»⁷⁸.

«По сравнению с российскими сановниками... даже крупные прусские помещики выглядели как жалкие скряги», — отмечает И. Ф. Гиндин⁷⁹. «„Жизнь не по средствам“ вело множество помещиков, — указывает Н. И. Яковкина. — Столичное дворянство чуть ли не поголовно было в долгах. Причина этого крылась не столько в дороговизне предметов роскоши... сколько в господствовавшем еще с конца XVIII века убеждении в необходимости „широкого“ образа жизни. Представление о том, что истинно дворянское поведение заключается не только в тратах, но именно в тратах чрезмерных, не по средствам, прочно укоренилось в дворянской среде. Отсюда — необычайная роскошь дворцов, празднеств и даже обычного обихода столичной знати, безумные проигрыши в карты, различные фантастические затеи»⁸⁰. Популярны сборники по этикету того времени разъясняют выражение «прилично жить» как участие в изысканном обществе, постоянные увеселения, разнообразный досуг и т. д. Контент-анализ нескольких десятков мемуаров выявил, что для быта почти 80% крупных помещиков характерны такие определения, как «показная роскошь», «буйная, безудержная роскошь», «нарочитое великолепие», «роскошество». Роскоши состоятельных дворян часто старались подражать менее обеспеченные помещики, что приводило к разорению их хозяйств⁸¹. «Ни в одной стране нет такой изнеженности и роскоши между образованными классами», — констатирует Гакстгаузен⁸².

Введенные Павлом запреты на импорт предметов роскоши были сняты, а низкие ставки тарифа 1819 г. способствовали поступлению на русский рынок предназначенных для престижного потребления европейских товаров⁸³. Новая волна потребительства предопределила новую волну повышения оброков, которая превзошла все, что было до тех пор. Другим отзвуком екатерининских времен было вновь начавшееся разложение в армии и на государственной службе. Характерная для времен Павла I прусская дисциплина была забыта. Николай I писал, что после войны «и без того уже расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и в довершение всего, дозволена была носка фраков. Было время (поверит ли кто сему), что офицеры приезжали на учения во фраках, накинув шинели и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка...»⁸⁴ «Все без исключения обер-офицеры никуда не годны... — так оценивал alexандровскую армию прусский генерал Нацмер. — Никто не думает о высшем образовании среди офицеров и о целесообразных упражнениях войск»⁸⁵.

Порядок отсутствовал и в гражданской сфере. За время войны 1812–1814 гг. было возбуждено более ста судебных дел о растратах, присвоении казенных денег, преступных махинациях с подрядчиками. Однако хищения подобного рода были столь распространенным явлением, что правительство решило большинство из этих дел замять⁸⁶. «Отеческое сердце ваше, государь, содрогнется при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний, — писал генерал-губернатор А. Д. Балашов. — Недоимок миллионы. Полиция уничтожена... Дел в присутственных местах без счету, решают их по выбору и произволу...»⁸⁷ О произволе чиновников и огромных злоупотреблениях в провинциях докладывал Александру I и П. Д. Ки-

селев, но император уклонялся от рассмотрения подобных вопросов⁸⁸. «Управление... никогда не действовало так худо, как в это время, — писал В. О. Ключевский, — никогда общество не обнаруживало такого ужасного развития ябедничества, неправды, лихоимства и казнокрадства; сам император выразил удивление такой быстрой порчей новых учреждений»⁸⁹.

В итоге в конце царствования Александра мы видим те же явления, что и в конце царствования Екатерины II: отсутствие порядка в управлении и дисциплины в армии, роскошь помещиков и отягощение барщины. Все это было следствием слабости центральной власти, неспособной навести порядок и осуществить реформы — хотя все правление Александра прошло в попытках преобразований. «Вообще, если бы сторонний наблюдатель, — писал В. О. Ключевский, — который имел случай ознакомиться с русским государственным порядком и с русской общественной жизнью в конце царствования Екатерины, потом воротился бы в Россию в конце царствования Александра, он не заметил бы, что это была эпоха правительственных и социальных преобразований; он не заметил бы царствования Александра»⁹⁰.

4.3. Царствование Николая I: традиции и немецкое влияние

Как отмечалось выше, после конгресса в Троппау Александр I в значительной мере подчинился моральному влиянию Меттерниха — и это обстоятельство не осталось незамеченным в петербургских салонах⁹¹. Николай I также признавал высокий авторитет австрийского канцлера: «Берегите себя, — сказал он Меттерниху, — вы — наш краеугольный камень»⁹².

Клеменс Меттерних был «краеугольным камнем» немецкого традиционализма — но вместе с тем одним из последних апостолов «регулярного полицейского государства», которое пытался построить Иосиф II. После реформ и пришедших им на смену контрреформ здание австрийского регулярного государства осталось недостроенным: в нем продолжали существовать сословные привилегии и дворяне время от времени собирались на провинциальные сеймы, которые, впрочем, почти ничего не решали. Меттерниховская Австрия была царством чиновников, которые по возможности честно вели вверенные им дела, но не обладали никакой инициативой. Поскольку сложное здание многонациональной монархии могло разрушиться при попытке его перестроить, то основным принципом Меттерниха было: *Quieta non movere* («Не трогать того, что находится в покое»)⁹³. Охранительные соображения определяли и внешнюю политику Меттерниха: необходимо было оберегать хрупкую монархию от приносимых из-за границы революционных смут. В целях поддержания европейской стабильности Меттерних с помощью Александра I создал «Священный союз» монархов, который вооруженной силой подавил европейские революции двадцатых годов. Однако не следует понимать «Священный союз» исключительно как дело монархов. «Не только у монархов, — пишет П. Берглар, — но и у очень многих людей, переживших и выстрадавших революцию и империю, действительно существовало стремление построить новую Европу на основах ее старых традиций (как их понимали) и создать духовно-художественно-религиозную

„контримперию“ „идеям 1789 года“. Романтизм в различных видах и вариациях был общеевропейским феноменом, универсальным движением, охватывающим все области жизни не только в пространственном, но и в социальном отношении»⁹⁴.

«Именно немцы, первые жертвы вестернизации, указали (устаами Гердера), на ту истину, что каждый народ обладает уникальным коллективным духом, — пишет А. И. Уткин. — Более того, каждый народ имеет право на эту уникальность, право отстаивать ее. Именно так думали все остальные — до и после немцев — жертвы вестернизации... Русские одними из первых учились этой германской идеологии национальной самозащиты»⁹⁵.

Романтизм был идеализацией прошлого с его духовностью и верой в Бога. В XVIII в. теоретики и практики регулярного государства были приверженцами «культа Разума» и часто не ладили с церковью. Теперь, когда идеи рационализма и безверия привели к революции, монархи обратились за помощью к Богу. Вера выступает как опора самодержавия в «Записке о древней и новой России». Обращение за помощью к Богу буквально запечатлелось в первых строках «Акта Священного союза», в которых три монарха, «объявляют торжественно, что предмет настоящего акта есть открыть перед лицом вселенной их непоколебимую решимость как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам, *руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями, сея святыя веры, заповедями любви, правды и мира...* (курсив наш — С. Н.)»⁹⁶

Двадцатые и тридцатые годы были временем господства романтического традиционализма во всех германских государствах. Пруссия, позаимствовав некоторые французские инновации (о которых упоминалось выше), в целом сохранила систему Фридриха II, в основе которой лежало все то же «регулярное государство», «действующее как часовой механизм». Современники действительно признавали традиционно высокие качества прусских чиновников, их честность, исполнительность, усердие и стремление к порядку⁹⁷. При всем том в Пруссии продолжали существовать некоторые сословные привилегии и провинциальные ландтаги, как и австрийские сеймы, носили дворянский характер.

В контексте социального развития Европы прусско-австрийская модель представляла собой альтернативу французскому влиянию. Эта модель была хорошо знакома русскому обществу по реформам Петра III и Павла I и отчасти уже вошла в российскую социальную традицию — поэтому смена французского влияния немецким могла рассматриваться также как возврат к прошлому.

Возвращению к ориентации России на немецкий культурный круг отчасти способствовало и воспитание императора Николая Павловича. Учителем третьего сына Павла I был не француз Лагарп, а немец, начальник кадетского корпуса генерал Ламздорф. Воспитание великого князя в духе немецкой дисциплины и порядка нередко подкреплялось розгами, но в конечном счете из Николая получился отличный кадет, который вел спартанский образ жизни, пил только воду, спал на соломе и великолепно выполнял ружейные приемы⁹⁸. «Одни военные науки занимали меня страстно, — писал позднее Николай I, — в них одних я находил уте-

шение...»⁹⁹ «Фрунтова наука» постепенно переросла в глубокое увлечение военно-инженерным делом; великий князь слушал лекции в Главном инженерном училище и сразу же использовал свои знания на практике: в 23 года он был назначен генерал-инспектором по инженерной части. Впоследствии, в 1830–1840-е гг., Николай Павлович с гордостью называл себя «инженером» и тщательно изучал чертежи проектируемых сооружений, при случае поправляя архитекторов и строителей¹⁰⁰.

Естественно, воспитанный в немецкой дисциплине наследник, обнаружив отсутствие дисциплины и обучения во вверенных ему частях, сразу же попытался навести порядок — но не встретил поддержки у военного начальства¹⁰¹. Более того, гвардейские офицеры невзлюбили Николая Павловича за его требовательность, и, по некоторым сведениям, после смерти Александра I Милорадович «предупредил великого князя, что не отвечает за спокойствие столицы, по той ненависти, какую питает к нему гвардия»¹⁰². По-видимому, в восстании декабристов (помимо его общеизвестных причин) присутствовали те же мотивы, что и в убийстве Павла I: ненависть гвардейцев к жесткой военной дисциплине.

Что же касается гуманитарных наук, то великий князь не проявлял к ним особого интереса, и образовавшийся пробел был восполнен лекциями Н. М. Карамзина уже после вступления Николая на престол. Начиная с первых дней после смерти Александра I апостол русского традиционализма по собственной инициативе каждый день приходил в Зимний дворец, чтобы помочь молодому властителю России освоить политическую науку. В этом свете представляется естественным вывод А. А. Корнилова о том, что царствование Николая I было последовательным осуществлением традиционалистской доктрины Н. М. Карамзина¹⁰³. Главный лозунг николаевского времени — «самодержавие, православие, народность» — была лишь суммарной формулировкой идей «Записки о древней и новой России»¹⁰⁴.

Однако традиционализм Николая I имел и другие, более очевидные источники — это была реакция на восстание декабристов. Декабристский мятеж был воспринят Николаем I как результат западного влияния, более того — как веяние надвигавшейся с Запада революции¹⁰⁵. «Революция на пороге России, — говорил Николай I, — но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни»¹⁰⁶. После восстания декабристов традиционалистская реакция отмечалась не только в правительстве, но и в дворянских кругах. В провинции и Москве почти единодушно осуждали планы и методы заговорщиков. Декабристов называли «обезьянами Запада»¹⁰⁷. Отец известного славянофила А. С. Хомякова писал сыну о выступлении декабристов: «Их преступление есть оскорбление нации»¹⁰⁸. Что касается реакции простого народа, то по донесениям тайной полиции, среди крестьян ходили суждения наподобие: «Начали бар вешать и ссылают на каторгу, жаль, что не всех перевесили...»¹⁰⁹.

Еще одним толчком, вызвавшим традиционалистскую реакцию, стало польское восстание 1830 г. Восстание в Польше произошло непосредственно под впечатлением революции во Франции; когда стало известно, что польская армия станет авангардом русской армии в намечавшемся походе во Францию, польские дивизии подняли мятеж. Восстание инициировали польские карбонарии, прямо связанные с руководящим центром

в Париже; вместо похода на запад русской армии пришлось около года воевать в Польше. Эти события стали для Николая I очевидным доказательством существования общеевропейского революционного заговора. Царь распорядился лишить Польшу конституции, которую дал ей Александр I; польские области были разделены на пять губерний¹¹⁰.

Извне традиционалистская политика подпитывалась влиянием «Священного союза» — это была политика «романтического консерватизма», общая для трех союзных держав. В прусской и австрийской регулярных монархиях самодержавные государи точно так же, опираясь на поддержку церкви и бюрократии, боролись с западными влияниями. И монархи поддерживали друг друга в этой борьбе. Престарелый австрийский император Франц I поручил своего больного сына (будущего императора Фердинанда I) попечению Николая I, и эта просьба стала впоследствии одной из причин венгерского похода русской армии. Отношения с Пруссией были еще более близкими: Николай был женат на дочери прусского короля Фридриха Вильгельма III, Шарлотте, он поддерживал дружеские отношения с тестем и кузеном (будущим Фридрихом Вильгельмом IV) и вместе с ними проводил военные маневры, на которых русские и пруссаки соревновались в искусстве выполнения маршей и перестроений¹¹¹.

Как отмечалось выше, традиционалистская реакция нашла свое выражение в формуле «православие, самодержавие, народность». В соответствии с этой формулой государство опиралось на православную религию, которой был придан статус государственной. Преступления против веры, переход в другие исповедания, пропаганда в их пользу теперь карались по закону. Улучшилось материальное обеспечение духовенства, возросло число монастырей и храмов. Символом новой религиозной политики стал грандиозный Храм Христа Спасителя в Москве, построенный в традиционном русском стиле¹¹². Это возрождение традиций было сразу же отмечено иностранцами: «Ныне император Николай наконец постиг, что России пришло время отказаться от заимствования чужеземных образцов ради господства над миром и его завоевания, — писал маркиз де Кюстин. — Он первый истинно русский государь, правящий Россией, начиная с Ивана IV»¹¹³.

Традиционализм Николая I сказался на его отношении к «офранцузенной» русской аристократии. «Уже многие из первых сподвижников Александра I говорили с большим трудом по-русски и с совершенной легкостью на иностранных языках, — писал А. И. Васильчиков, — дамы высшего общества вовсе отвыкли от русского наречия... Молодые люди или воспитывались в чужих краях или отдавались в Петербурге в школы иезуитов (*l'abbé Nicole* и др.); целые семейства (Ростопчины, Голицыны, Бутурлины, Шуваловы) переходили с матерями в католическую веру... Император Николай I стал преследовать эти иноземные тенденции дисциплинарным порядком, запрещением выезда за границу, воспитания в чужих краях, цензурой и полицией. Вместе с тем, подражая Петру Великому... он привлекал почти насильственно все знатные роды к службе преимущественно фрунтовой, к пребыванию в Петербурге при дворе, в армии и в гвардии и негодовал почти одинаково на туристов, посещавших Париж, и на офицеров и генералов, выходивших в отставку для заведывания своими хозяйственными делами»¹¹⁴.

Николай I сделал все возможное, чтобы ограничить контакты с «растленным» Западом. Была введена высокая плата за паспорта, срок пребывания за рубежом был ограничен тремя годами для простолюдинов и пятью годами для дворян; было сокращено число обучающихся за границей студентов¹¹⁵. Николай I был убежденным противником западного гуманитарного образования — и с особой неприязнью относился к философии, которую он называл «нечестивой, безбожной, мятежной наукой». Но император отделял западную философию от западных технических наук, к которым относился с большим уважением, и всячески содействовал их распространению в России¹¹⁶.

Среди мер Николая I обращает на себя внимание насильственное привлечение дворян к службе — это один из характерных элементов этактистской политики не только Петра, но и Павла I, а также и прусских королей. О других планах императора красноречиво говорит его записка А. Д. Боровкову, написанная вскоре после вступления на престол. «Надобно, — писал Николай Павлович, — даровать ясные, положительные законы, водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства, возвысить нравственное образование духовенства, подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию; улучшить положение земледельцев, уничтожить унижительную продажу людей... словом, исправить немислимые беспорядки и злоупотребления»¹¹⁷.

Нетрудно видеть, что все это — повторение программы Фридриха Великого, программы построения «регулярного государства», главным пунктом которой является «наведение порядка». Так же как правление Петра III и Павла I, правление Николая Павловича началось с наведения порядка в государственных учреждениях и армии. «Он сам лично ревизовал ближайшие столичные учреждения... — писал В. О. Ключевский. — В губернии он разослал доверенных сановников для производства строгой ревизии. Вскрылись ужасающие подробности; обнаружилось, например, что в Петербурге, в центре, ни одна касса никогда не проверялась; все денежные отчеты составлялись заведомо фальшиво, несколько чиновников с сотнями тысяч пропали без вести. В судебных местах император нашел два миллиона дел, по которым в тюрьмах сидело 127 тыс. человек. Сенатские указы оставались без последствий подчиненными учреждениями. Губернаторам назначен был годовой срок для очистки неисполненных дел; император сократил этот срок до трех месяцев, дав неисправным губернаторам положительное и прямое обещание отдать их под суд»¹¹⁸.

В 1826 г. Николай I предпринял коренную реорганизацию Собственной его величества Канцелярии. Перед Первым отделением этой Канцелярии была поставлена задача наведения порядка в государственных учреждениях. Николай I был уверен, что в России был избыток чиновников, и из них «весьма многие остаются праздными, считаясь для одной формы на службе, шатаясь по гуляньям и в публичных местах от праздности...»¹¹⁹ Задачей Второго отделения была кодификация законодательных актов. Третье отделение стало органом административного надзора и политического сыска, на него была также возложена задача доносить императору

о слухах и толках на местах — в современной терминологии, задача изучения общественного мнения¹²⁰. Третье отделение было непосредственным воплощением идеи о «регулярном полицейском государстве», в соответствии с которой полиция должна быть не сколько карательным органом, сколько инструментом опеки над подданными. «Государь избрал меня для образования высшей полиции, — писал начальник отделения генерал А. Х. Бенкендорф, — которая бы покровительствовала утесненным и наблюдала за злоумышлениями и людьми, к ним склонными»¹²¹. Когда Бенкендорф попросил у императора инструкции, Николай I подал ему свой носовой платок: «Вот тебе все инструкции. Чем больше отрешь слез этим платком, тем вернее будешь служить моим целям!»¹²²

За этим красивым жестом стояло определенное содержание. 19 июня 1826 г. Министерство внутренних дел направило в провинции инструкцию, которая предписывала помещикам «обращаться с крестьянами по-христиански и согласно законам». Предводителям дворянства вменялось в обязанность следить за действиями помещиков и информировать власти при нарушении предписаний; при несоблюдении этой обязанности им грозили строгие дисциплинарные наказания¹²³.

Возрождение регулярного государства проявилось прежде всего в создании всеобъемлющего «Свода законов Российской империи». Однако это был лишь «генеральный регламент» в бесчисленном море регламентов и установлений. В соответствии с теорией регулярного государства правительство выпускало тысячи предписаний, регламентируя всю жизнь общества. «Всеобщее представление было таково, что все должно быть приказано и предопределено свыше, — писал В. В. Леонтович. — Всякая инициатива, исходящая от самого населения, отклонялась как нечто недопустимое, как выражение недоверия к правительству... Действительно, правительство при Николае не сомневалось в том, что оно одно призвано решать все государственные проблемы, все приводить в порядок и все проверять, и что оно все это может»¹²⁴. Однако для того, чтобы оперативно «решать все проблемы», императору приходилось работать по восемнадцать часов в день и без конца колесить по стране, проводя инспекции воинских частей, государственных учреждений, фабрик, строительных объектов, больниц, тюрем и т. д. «Мы все на службе не для того, чтобы гулять, а для того, чтобы дело делать», — говорил Николай I¹²⁵.

Примером всеобщей регламентации в духе «регулярного государства» стала реформа государственных крестьян, проведенная ближайшим помощником императора, графом П. Д. Киселевым. В государственной деревне был наведен порядок — в том числе в отношении сбора налогов (где прежде имелись многочисленные хищения)¹²⁶.

Политика монархии в отношении крепостничества в значительной мере определялась влиянием диффузионного фактора. Россия оставалась единственной крепостнической (или, как считали многие, рабовладельческой) страной в Европе, и это обстоятельство подрывало престиж империи. Разговаривая с П. Д. Киселевым, Николай I называл вещи своими именами: он говорил, что готовится вести «процесс... против *рабства*, когда наступит время, чтобы освободить крестьян во всей империи»¹²⁷. «Крепостное состояние есть пороховой погреб под государство

и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же... — писал шеф жандармов А. Х. Бенкендорф. — Начинать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа»¹²⁸. В 1841 г. император поручил П. Д. Киселеву разработать закон об обязательной инвентаризации, по которому планировалось регламентировать крестьянские повинности по образцу урбаральной реформы Марии Терезии и Иосифа II. Характерно, что реформа, проектировавшаяся по австрийскому образцу, подкреплялась ссылками на исконно русскую традицию. Введение инвентарей, писал П. Д. Киселев, «совершенно сообразно и с прежними отношениями крестьян наших к помещикам, как сие можно видеть из законов времени царя Иоанна Васильевича III»¹²⁹. Идея возврата к древним порядкам была достаточно популярна в среде высших сановников: еще в 1826 г. М. М. Сперанский предлагал восстановить «настоящее крепостное право», то есть прикрепить крестьян не к особе помещика, а к земле и ограничить крестьянские повинности¹³⁰.

Однако Николай I был вынужден отступить перед сплоченным сопротивлением высшей знати и согласился на исключительно добровольное введение инвентарей — естественно, что помещиков, добровольно желающих ограничить свои права, нашлось немного¹³¹. В 1848 г., воспользовавшись крестьянским восстанием в австрийской Галиции, министр внутренних дел Л. А. Перовский предложил новый проект введения инвентарей, и хотя он не был принят, правительство силой провело инвентаризацию в западных губерниях. После этого знать называла советников императора не иначе как «коммунистами»; в 1848 г. по Москве ходила карикатура с подписью: «Идет тень Пугачева, опираясь одной рукой на плечо Перовского, а другой — на плечо Киселева»¹³².

Последним в ряду николаевских указов об ограничении крепостного права был секретный указ 1853 г. о неукоснительном исполнении забытого павловского закона о трехдневной барщине. Этот указ был издан после подавления крестьянского восстания в Ставропольском крае и в преддверии Крымской войны, которая — уже после смерти царя — поставила вопрос об окончательной отмене крепостничества¹³³.

Для всеобщей регламентации требовалось решительное расширение бюрократического аппарата. За полвека (1796–1847) количество ранговых чиновников возросло с 15 до 62 тыс. — государственный аппарат рос в три раза быстрее, чем численность населения¹³⁴. С целью обучения нового поколения чиновников была создана сеть гимназий немецкого образца, и поскольку дворян не прельщали гражданские «штудии», учениками гимназий были по большей части дети священников. После окончания Училища правоведения или Московского университета наиболее способных молодых чиновников отправляли для дальнейшей подготовки в Берлинский университет. В результате такого обучения, пишет М. Раев, чиновники «приобретали высокое чувство профессиональной ответственности», их идеалом было «служить не только государю и государству, но и народу»¹³⁵.

Какая-то часть русских чиновников позаимствовала у немцев дисциплину и исполнительность, но далеко не все — поэтому Николай I предпочитал иметь на высших должностях настоящих немцев. В те времена

формулярные списки чиновников не содержали сведений о национальности, но характерно, что среди членов Государственного совета в 1853 г. было 17% лютеран (и кроме того, было много лиц с немецкими фамилиями, исповедовавших православие)¹³⁶. М. А. Корф писал в 1842 г.: «Из 40 человек (членов Госсовета) едва ли найдется пять или шесть, и то из самых младших, которые в состоянии написать по-русски что-нибудь серьезное»¹³⁷. Подсчитано, что из 2867 государственных служащих, состоявших в период империи в высших чинах, 1079 человек (38%) было иностранного, преимущественно немецкого, происхождения¹³⁸. «В немецких офицерах и чиновниках русское правительство находит именно то, что ему надобно, — писал А. И. Герцен, — точность и бесстрашие машины, молчаливость глухонемых, стоицизм послушания при любых обстоятельствах, усидчивость в работе, не знающая усталости. Добавьте к этому известную честность (очень редкую среди русских) и как раз столько образованности, сколько требует их должность... добавьте к этому полнейшее равнодушие к участи тех, которыми они управляют, глубочайшее презрение к народу... и всем станет понятно, почему народ ненавидит немцев и почему правительство их так любит»¹³⁹.

Огорченный современник заметил: «Немцы завоевали Россию в то самое время, когда должен был завершиться процесс их собственного завоевания русскими. Случилось то же, что произошло в Китае с монголами, в Италии с варварами, в Греции с римлянами»¹⁴⁰. «Немецкий романтизм и немецкая механическая дисциплина были противопоставлены раскрепощенной энергии британцев и галлов», — добавляет А. И. Уткин¹⁴¹.

В этом третьем или четвертом по счету «немецком нашествии» на Россию явственно проявлялось то обстоятельство, что период правления Николая I был не просто периодом традиционалистской реакции: да, это был период отторжения французского влияния, но возврат осуществлялся не к старинным русским традициям, а к предыдущей, павловской, эпохе немецкого влияния — и к современной Николаю консервативной немецкой традиции.

Культурная вестернизация встречала естественное сопротивление народных масс. Поскольку официальная церковь была подчинена «немцам», то русская национальная реакция находила свое выражение в старообрядчестве. Во времена Петра I старообрядцы протестовали против правления «антихриста» массовыми саможжениями. Затем раскольники замкнулись в рамках скрытной, но могущественной секты, стремящейся изолировать своих членов от «нечистого» внешнего мира. Старове-ры сохранили в неприкосновенности русскую культуру XVII века — стиль и технику иконописания, убранство церквей, традиционные народные мелодии, обряды, язык и народную поэзию¹⁴². Правительственные чиновники не раз отмечали массовый характер и сплоченность раскольнических сект. Например, в 1830-х гг. ревизор сообщал из Пскова, что здесь имеется 7 тыс. «беспоповцев», это люди исключительно трудолюбивые, непьющие; они всемерно поддерживают вдруг друга, исправно платят подати, но притом ненавидят официальные власти¹⁴³.

Националистическая реакция русского образованного общества проявилась в быстро развивавшемся движении славянофилов. Наиболее яр-

кими представителями этого течения были А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, И. Д. Беляев, братья Константин и Иван Аксаковы. Славянофилы призывали вернуться к патриархальным порядкам Московской Руси, к Земским соборам, патриаршеству, крестьянской свободе. К. А. Аксаков демонстративно облачился в истинно русский кафтан и отпустил окладистую бороду — но полиция немедленно предписала ему прекратить эту демонстрацию. Суть конфликта заключалась, разумеется, не в бороде. Славянофилы хорошо видели «немецкую» сущность николаевского режима, и Ю. Ф. Самарин осмелился откровенно описать засилье немцев в своих «Письмах об Остзейском крае». Ему пришлось некоторое время провести в тюрьме. «Ты пустил в народ опасную идею, — объяснил Николай I Самарину, — толкуя, что русские цари со времен Петра Великого действовали только по внушению и под влиянием немцев. Если эта мысль пройдет в народ, она произведет ужасные бедствия»¹⁴⁴.

Немецкое влияние особенно явственно проявлялось в жизни армии. После короткого периода французских заимствований в армию вернулась прусская муштра: прусский строевой шаг, палочная дисциплина, «экзерциции» на плацу и ружейные «темпы». Происхождение этой «фрунтовой науки» не вызывало сомнений. «Это экзерцицимейстерство мы переняли у Фридриха II, — писал генерал И. Ф. Паскевич, — который от отца наследовал эту выучку. Хотели видеть в том секрет его побед, не понимая его гения, принимая наружное за существенное»¹⁴⁵. «Этот порядок получил, к сожалению, полную силу со времен вступления на престол императора Николая, — свидетельствует герой 1812 г. Д. В. Давыдов. — И подлинно, относительно равнения шеренг и выделявания темпов наша армия бесспорно превосходит все прочие»¹⁴⁶. Император сам — как Павел I и Фридрих Великий — командовал вахтпарадами и проводил строевые смотры. Офицеры уже не могли манкировать своими обязанностями, войска постоянно маршировали по плацу, дисциплина и порядок намного улучшились; армия была хорошо снабжена довольствием и обмундированием¹⁴⁷. На калишских маневрах 1835 г. прусскому королю были представлены войска одного из резервных корпусов русской армии, и король был изумлен точностью, с которой эта далеко не элитная часть выполняла все перестроения¹⁴⁸. В 1852 г. после очередной инспекции войск в Красносельском лагере Николай I «к истинному своему удовольствию нашел, что строевые образования сих войск доведены до высокой степени совершенства. Доказательством того служат необыкновенный порядок, спокойствие и вместе с тем быстрота и самая подробная отчетливость, с какими исполняются все движения и перестроения»¹⁴⁹. Качество огневой подготовки пехоты царя не интересовало, что отчасти объяснялось установкой на атаку в колоннах и малой эффективностью огня гладкоствольных ружей по сравнению с огнем артиллерии. Однако через три года царю пришлось убедиться в фатальном просчете, который был связан с недооценкой перемен, произошедших с появлением скорострельных нарезных ружей, «штуцеров».

В 1850 г. Россия была самым могущественным государством Европы; она имела армию в 1 117 000 человек, что составляло 1,95% населения (против 0,83% при Екатерине II)¹⁵⁰. «Все без исключения источники, — пишет И. В. Бестужев, — свидетельствуют о том, что в способности русской армии

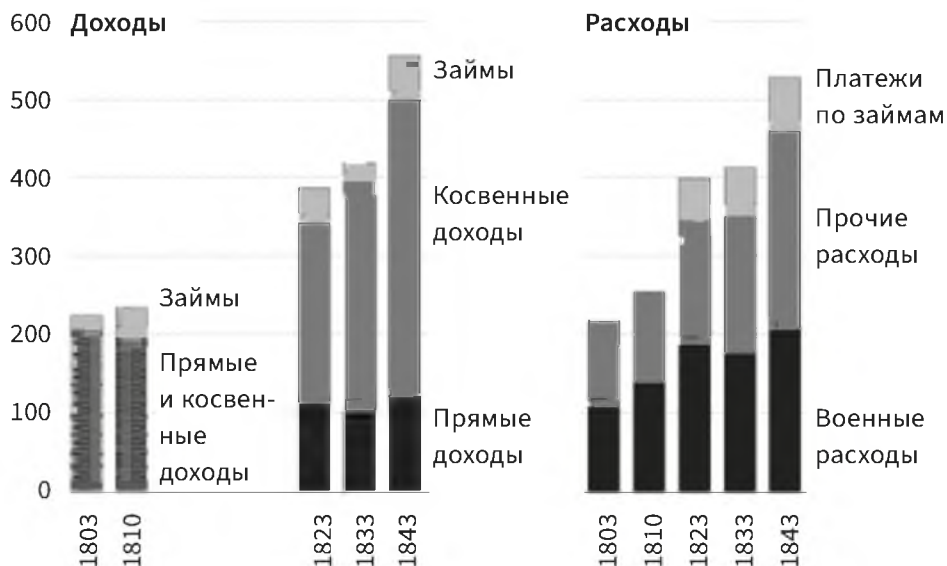

Рис. 4.1. Доходы и расходы государственного бюджета в первой половине XIX в. (в пересчете на хлеб, млн пуд.)¹⁵¹

разгромить любую другую армию (или армии) мало кто сомневался перед Крымской войной, не только в России, но и, скажем, в Австрии или Пруссии... Убеждение в том, что 200-тысячная (как это имело место в 1830 и 1849 гг.) или даже вся 700-тысячная полевая армия России с бездушностью автомата способна раздавить все попытки сопротивления воле российского императора вне и внутри страны совершенно парализовало многих передовых русских деятелей того времени. Даже революционно настроенные круги, не говоря уже о либеральной оппозиции, нередко приходили в отчаяние от сознания „непобедимости“ самодержавия»¹⁵².

Таким образом, никто не ожидал столь внезапного краха николаевского «регулярного государства». Глубинные процессы, обусловившие его крушение, протекали незаметно для современников — и, во всяком случае, не связывались ими с неотвратимостью перемен.

4.4. Борьба за ресурсы

Попытки проведения реформ и сопротивление дворянства отражают динамику отношений государства и элиты. Другим аспектом этих отношений, рассматриваемым в рамках демографически-структурной теории, была борьба за ресурсы. В отношении налогов политика Александра I была столь же робкой, как политика Екатерины II. Хотя в 1805 г. начались войны с Наполеоном, царь не решался увеличивать налоги; как и при Екатерине, военные расходы финансировались путем печатания ассигнаций. Объем находившихся в обращении ассигнаций, составлявший в 1801 г. 221 млн рублей, к 1809 г. увеличился до 532 млн. Естественно,

это привело к бурной инфляции, и курс ассигнационного рубля упал в 1,7 раза, с 72 до 43 копеек серебром. Цена на хлеб в ассигнациях увеличилась примерно в том же соотношении, следовательно (учитывая, что доходная часть бюджета возросла незначительно) казна потеряла свыше трети своих доходов¹⁵³. Государственный секретарь М. М. Сперанский утверждал, что существующие налоги с «умножением ассигнаций» и «повышением цен» упали с 1800 г. в ущерб казне «более, нежели вдвое»¹⁵⁴.

В 1809 г. все доходы государственного бюджета составляли 136 млн рублей, а эмиссия ассигнаций — 127 млн то есть расходы наполовину финансировались за счет эмиссии. Положение стало нетерпимым, и Александр I поручил М. М. Сперанскому провести финансовую реформу. Сперанский увеличил денежные ставки подушной подати для крестьян на 30%, а размеры оброчной подати (для государственных крестьян) — на 60%. Кроме того, был увеличен питейный сбор (что задело интересы помещиков), а также впервые был введен чрезвычайный налог на поместья — по 50 копеек с ревизской души. Благодаря этим нововведениям Сперанскому удалось увеличить государственные доходы почти вдвое и восстановить тот уровень налогов на душу населения, который существовал в 1803 г. (см. рис. 4.2). В начале 1812 г. государственный секретарь попытался временно ввести подоходный налог с недвижимых имуществ, в том числе с помещичьих имений. Этот налог (так же как чрезвычайный налог 1810 г.) вызвал бурное негодование помещиков и стал одной из причин падения Сперанского¹⁵⁵.

Таким образом, дворянство, с одной стороны, подталкивало правительство к войне с Наполеоном, а с другой стороны, оказывалось оплачивать военные приготовления. Лишь непосредственно в преддверии войны правительство смогло увеличить подушную подать на 50%; оброчная подать государственных крестьян возросла на 25%. Этих сумм было недостаточно для финансирования военных расходов, и правительство вновь обратилось к печатанию ассигнаций. В начале 1812 г. государственный секретарь попытался временно ввести подоходный налог с недвижимых имуществ, в том числе с помещичьих имений. Этот налог (так же как чрезвычайный налог 1810 г.) вызвал бурное негодование помещиков и стал одной из причин падения Сперанского¹⁵⁶.

Другим опасным для государства обстоятельством была ненадежность мобилизуемых в армию крестьян-ополченцев и опасность восстания крестьян в тылу. Восстание Пензенского ополчения в декабре 1812 г. было чрезвычайно характерным симптомом; имели место также многочисленные волнения и восстания крестьян в прифронтовых районах¹⁵⁷.

После окончания войны 1812 г. правительство столкнулось с волнениями ополченцев, которые не желали снова возвращаться в крепостное состояние. Большую часть демобилизованных ополченцев пришлось вернуть в армию, что вместе с необходимостью поддерживать престиж России в новой геополитической ситуации привело к резкому росту вооруженных сил. Власти пытались решить проблему содержания армии путем перевода отдельных частей в «военные поселенцы»; кроме того, планировалось получить недостающие средства за счет отмены откупов и введения казенной питейной монополии. В соответствии с новыми порядками все вино, выкуренное на частных предприятиях, должно

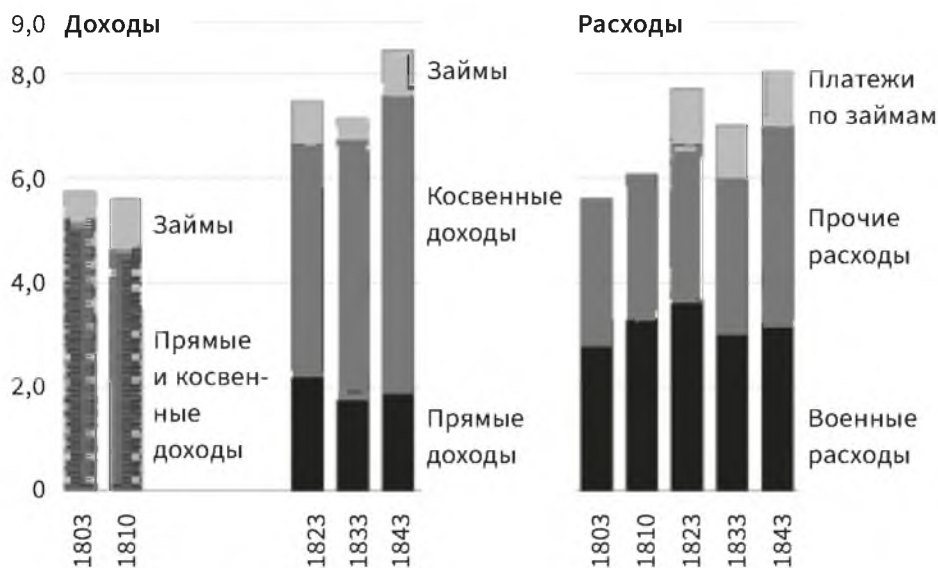

Рис. 4.2. Доходы и расходы государственного бюджета в первой половине XIX в. в расчете на душу населения (в пудах хлеба)¹⁵⁸

было поставляться в казенные магазины. Как отмечалось выше, владельцами этих предприятий были исключительно дворяне, причем винокуреннием занималась и высшая знать. Вскоре начались повсеместные нарушения монополии и подпольная торговля — в итоге монополия была отменена и неудача этой реформы еще раз продемонстрировала слабость центральной власти¹⁵⁹.

Таким образом, в области распределения ресурсов, так же как и в политической сфере, соотношение сил государства и элиты практически не изменилось: элита сохранила свое преобладающее положение.

Конкуренция за ресурсы и влияние между государством и элитой продолжалась и в правление Николая I. Николай I проводил политику укрепления государства; он пытался восстановить четко функционирующий централизованный бюрократический аппарат и считал своей опорой дисциплинированное чиновничество. В рамках демографически-структурной теории чиновничество (несмотря на то что некоторые чиновники принадлежат также и к элите) считается частью государства и его естественной опорой. В этой связи приобретает большое значение социальное различие между дворянами и чиновниками, ставшее в первой половине XIX в. более рельефным. Дворянство, элита российского общества, стало резко отличать себя от чиновничества. «В понятиях того времени гражданская служба вообще не пользовалась особенным сочувствием, — говорится в издании, посвященном 100-летию государственной канцелярии. — Клички „приказный“, „чернильная душа“, „крупивное семя“... наглядно свидетельствовали о пренебрежительном отношении к людям, которым, однако, вверялись важные государственные

дела. Для дворян вступление в ряды чиновников считалось даже неуместным, и взгляд этот поддерживался иногда указаниями высших правительственных лиц»¹⁶⁰.

С одной стороны, потомственные дворяне часто презирали чиновников, но с другой стороны, от присутствия дворян в среде чиновников зависела степень контроля элиты над государством. По некоторым оценкам, в середине XIX в. потомственное дворянство составляло примерно шестую часть чиновников XIV–VIII классов и пятую часть чиновников VIII–V класса¹⁶¹. Однако потомственные дворяне не обязательно были помещиками или детьми чиновников, выслуживших дворянство, но никогда не владевших поместьями. В 1858 г. среди высших чиновников I–IV класса (которые все были потомственными дворянами), землевладельцев было 54%, а владельцев родовых поместий, то есть настоящих помещиков — 34%. В среде высшей бюрократии ситуация была иной; в 1853 г. практически все члены Государственного совета были землевладельцами, а 69% из них — крупными латифундистами, владельцами более чем 1 тыс. душ или 5 тыс. десятин каждый¹⁶². Эта ситуация отражала преобладающее положение элиты по отношению к государству: через своих представителей, занимающих высшие государственные посты, элита контролировала принятие наиболее важных правительственных решений. Преобладание латифундистов определяло позицию Совета, в частности, по вопросу об отмене крепостного права. «Есть при том и такие предметы или вопросы, по которым... Совет вдруг становится чрезвычайно упорным, — писал член Госсовета М. А. Корф, — и, ничего не слушая, не склоняясь ни к каким рассуждениям, как упрямый осел, только лягается... Таковы особенно все дела о крепостном состоянии...»¹⁶³

Со времен Петра I чиновник, занявший первую «классную» должность (XIV ранга) становился личным дворянином, а должности, начиная с VIII класса, давали потомственное дворянство — таким образом, высшее чиновничество вливалось в ряды дворянства. В николаевское время социальное различие между дворянством и чиновничеством стало более резким, и дворянство постаралось ограничить приток в свои ряды выходцев из «неблагородных». С 1845 г. чиновники получали личное дворянство, лишь начиная с IX класса, чиновники более низких рангов считались «почетными гражданами». Потомственное дворянство теперь давалось лишь чиновникам V класса, а с 1858 г. — IV класса, что соответствовало высокой должности действительного статского советника. Чиновники-дворяне четырех высших классов в 1858 г. составляли лишь 1% от общей численности бюрократии; таким образом, между чиновничеством и дворянством пролегла резкая грань, и шансы чиновника стать потомственным дворянином стали призрачными¹⁶⁴.

Вследствие резкого сокращения социальной мобильности стала складываться каста потомственных чиновников — детей личных дворян, которые шли по стопам своих отцов. В середине XIX в. численность потомственных чиновников достигала 40% от общего числа чиновников VIII–V классов¹⁶⁵. Не имея возможности влиться в среду потомственных дворян, чиновники без сочувствия относились к привилегиям дворянства и свя-

зывали свои надежды с упрочением самодержавия. Таким образом, в социальном отношении новое этакратическое чиновничество противостояло старой аристократии. Небогатые служаки с раздражением взирали на дворцы «плантаторов» и, естественно, выступали против ущемляющих их интересы привилегий знати. Многие из них считали своим долгом служить народу и негативно относились к крепостному праву. Марк Раев характеризует отношения между бюрократией и дворянством как «подспудный и жестокий конфликт»¹⁶⁶.

Отражением возрастающей силы государства был рост доходов казны (рис. 4.1). В пересчете на хлеб доходы на душу населения возросли с 5,2 до 7,6 пуда, но увеличения прямых доходов (подушной подати и казенных оброков) при этом не отмечалось: государство по-прежнему не осмеливалось увеличивать прямое обложение помещичьих крестьян. Рост доходов происходил за счет косвенных налогов, питейной подати и таможенных пошлин, но в итоге он позволил сохранить тот уровень военных расходов, который был достигнут во время наполеоновских войн.

В целом, несмотря на некоторые сдвиги, социально-экономическая система России в первой половине XIX в. находилась в состоянии относительно стабильности. Дворянство по-прежнему занимало преобладающее положение в структуре «государство–элита–народ» и блокировало попытки государства изменить существующий порядок. Хотя монархия укрепила свое положение, она не решалась пойти на конфликт с дворянством.

4.5. Положение крестьянства

В неомальтузианской теории главными признаками наступления фазы Сжатия являются отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения. Как отмечалось в предыдущей главе, эти признаки появляются в Центральном районе в 1720-х гг. и становятся явными в 1780-х гг. В то же время в Черноземном районе до конца XVIII в. происходит процесс колонизации и освоения новых земель, Сжатие пришло в этот район позже, поэтому нельзя говорить о единовременном переходе Европейской России в новую фазу демографического цикла.

В рамках неомальтузианской теории основными параметрами, характеризующими экономическую динамику, являются данные о посевах, сборах, потреблении и росте населения.

Общая динамика экономического положения в первой половине XIX в. обычно реконструируется по данным губернаторских отчетов. Опираясь на отрывочные данные этих отчетов, И. Д. Ковальченко подсчитал, что в 36 губерниях Европейской России чистый сбор зерновых на душу населения уменьшился с 3,04 четверти в 1802–1811 гг. до 2,37 четверти в 1851–1860 гг.¹⁶⁷ Однако историки полагают, что губернаторские отчеты значительно занижали размеры сборов, поэтому эти цифры говорят лишь о том, что в первой половине XIX в. душевые чистые сборы уменьшались.

Табл. 4.1. Динамика среднегодового естественного прироста и душевого чистого сбора в 1802–1860 гг.¹⁶⁸

Губернии	Даты для душевого сбора —	1802–1811	1841–1850	1851–1860
	Даты для естественного прироста —	1795–1811	1834–1850	1851–1857
Семь центральных губерний	Душевой сбор (четв.)	2,22	2,18	2,08
	Естественный прирост (%)	0,47	0,16	0,22
Рязанская, Тамбовская, Курская, Пензенская, Тульская	Душевой сбор (четв.)	4,19	3,99	3,19
	Естественный прирост (%)	0,76	0,35	0,86
Тульская	Душевой сбор (четв.)	4,24	5,12	4,45
	Естественный прирост (%)	0,71	0,08	0,26

Коэффициент естественного прироста, указанный в этой таблице (и на рис. 2.2), — это так называемый брутто-коэффициент, показывающий средний прирост населения за год с учетом миграций. Когда речь идет о популяционной динамике большого региона или сословия учет пространственных и социальных миграций представляется естественным и необходимым. Уровень потребления влияет на миграции точно так же, как на рождаемость и смертность, поэтому их учет тем более необходим в работах, посвященных изучению связей между этими факторами. При этом безразлично, идет ли речь о динамике численности населения отдельного региона или об изменении численности отдельного сословия (в частности, крепостных крестьян). Далее в этой работе используется только брутто-коэффициент естественного прироста.

Падение потребления, в свою очередь, замедлило рост населения; естественный прирост уменьшился с 0,91% в 1795–1833 гг. до 0,58% в 1834–1850 гг. и до 0,49% в 1851–1957 гг.¹⁶⁹ Однако существовали значительные порайонные различия (табл. 4.1).

Возвращаясь к данным таблицы 4.1, можно заметить, что в центральных губерниях душевой сбор находился на относительно низком уровне уже в начале столетия; это свидетельствует о том, что здесь уже существовало аграрное перенаселение и регион с трудом обеспечивал себя продовольствием. На протяжении полувека душевой сбор практически оставался постоянным; он лишь немного уменьшился. Низкое потребление привело к падению естественного прироста в 1833–1850 гг. до 0,16% — уровня, при котором можно говорить о демографической стагнации. В 50-х гг.

XIX в. положение несколько улучшилось, по-видимому, в результате ввоза продовольствия извне. Действительно, в 1850-х гг. только в Москву из черноземных областей доставлялось 23 млн пудов хлеба в год¹⁷⁰, что давало в расчете на душу населения центральных губерний дополнительно 2,7 пуда. Таким образом, реальное потребление в Центральном районе, по-видимому, превышало минимальную норму, что и объясняет рост населения.

В Черноземном районе в начале столетия душевой сбор был вдвое больше, чем в Центральном районе. В начале века, несмотря на потери в войнах, численность населения быстро росла, но в 1834–1850 гг. темпы естественного прироста упали вдвое, хотя душевое производство почти не изменилось. В 1850-х гг. естественный прирост, наоборот, увеличился вдвое, и эти странные колебания невозможно объяснить исходя из классической теории. Наиболее странной выглядит ситуация в Тульской губернии: в 1834–1850 гг. здесь отмечается стагнация населения, притом что душевое производство находилось на очень высоком уровне (табл. 4.1).

Факт отсутствия корреляции между душевым производством и естественным приростом в Черноземном районе был в свое время отмечен И. Д. Ковальченко¹⁷¹. В. М. Кабузан отмечал, что понижающее влияние на темпы роста населения оказало крепостничество, и это влияние особенно проявилось с 40-х гг. XIX в.¹⁷². А. И. Комиссаренко указывал на связь между естественным приростом в различных губерниях и долей крепостных в их населении¹⁷³. Коэффициент корреляции между долей крепостных и естественным приростом в 1833–1850-х гг. в 21 губернии Центральной России — регионе наибольшего развития крепостничества, оказывается равным 0,79. Это означает, что доля крепостных объясняет различие в естественном приросте по губерниям на 62%. Чем больше было крепостных в губернии, тем меньше был естественный прирост. В целом ежегодный естественный прирост по 21 губернии составлял в 1833–1850 гг. только 0,25%, однако в Воронежской губернии, где доля крепостных была наименьшей, прирост составлял 0,65% — здесь не было речи о приостановке роста населения. Но там, где крепостных было больше всего, — в Минской, Смоленской, Могилевской губерниях — естественный прирост был отрицательным. В этих губерниях уменьшение крепостного населения приводило к уменьшению населения в целом¹⁷⁴.

В общем по шести губерниям Черноземья (кроме Курской) естественный прирост крепостного населения упал с 0,62% в 1795–1833 гг. до минус 0,03% в 1834–1850 гг., то есть при достаточно большом душевом производстве началась внезапная стагнация. Именно эта стагнация и была основной причиной резкого уменьшения общего прироста населения — с 0,9% в 1795–1833 гг. до 0,37% в 1834–1850 гг. Естественно предположить, что причиной наступившей в 30-х гг. стагнации крепостного населения был резкий рост повинностей. В принципе известно, что в конце XVIII — первой половине XIX в. барщина существенно возросла. В литературе имеются сведения о размерах барщинной и крестьянской запашки в некоторых губерниях района. Как следует из приведенных в табл. 4.2. данных за указанный период барщина возросла более чем в два раза, и это должно было привести к уменьшению естественного прироста.

Табл. 4.2. Размеры запашки на душу населения в конце XVIII и середине XIX в. (в дес.)¹⁷⁵

Губерния	Уезды	Барщинная запашка		Крестьянская запашка	
		Конец XVIII в.	Середина XIX в.	Конец XVIII в.	Середина XIX в.
Тамбовская	Темниковский, Спас-ский, Шацкий, Тамбов-ский, Усманский	0,5	1,2	1,4	1,0
Рязанская	Сапожковский, Скопинский	0,5	1,2	1,9	1,2
Тульская	все уезды губернии	0,6	1,3	1,4	1,1

В обстановке тяжелой эксплуатации менялось и демографическое поведение крестьян: отцы, желая сохранить рабочие руки, не отдавали своих дочерей замуж и требовали большой «выкуп». Когда крестьян одной из вотчин Шереметевых спросили, почему они не женаты, крестьяне ответили: «Хотя невесты есть, но они дороги и купить не на что, а отводу отцы невест берут по 20 рублей, по 30 рублей и более. И если они такие деньги заплатят, то должны лошадь или какой другой скот продать и через то прийти в разорение...»¹⁷⁶. В особенно тяжелом положении находились крестьяне мелких имений: они не могли жениться в своей деревне, так как обычно она была населена родственниками, и не могли купить невесту, так как соседние помещики запрещали вывод невест в чужие поместья¹⁷⁷. Уменьшение числа детей в семьях проявилось в росте доли трудоспособного населения в общем населении деревень, причем этот рост был наиболее заметным в беднейшей прослойке крестьян¹⁷⁸. По-видимому, это было результатом повышения детской смертности и сокращения рождаемости. Имеющиеся статистические данные по Харьковской (1808–1817) и Полтавской (1835–1850) губерниям показывают, что рождаемость и естественный прирост у помещичьих крестьян были существенно меньше, чем у государственных¹⁷⁹.

Стагнация крепостного населения имела место и в масштабах всей страны. В 1833 г. общая численность помещичьих крестьян в Европейской России составляла 22,4 млн а в 1857 г. — 22,1 млн человек¹⁸⁰. Механизм этой стагнации включал в себя такие факторы, как бегство крепостных, попытки перейти в другие сословия, ограничение рождаемости и рост смертности. Эти факторы были непосредственно связаны с уровнем жизни крепостных и находят объяснение в основном через корреляцию с барщиной. Однако существовал также один официальный канал выхода из крепостного сословия — рекрутские наборы. По подсчетам В. М. Кабузана, в 1835–1850 гг. было взято в рекруты 546 тыс. крепостных

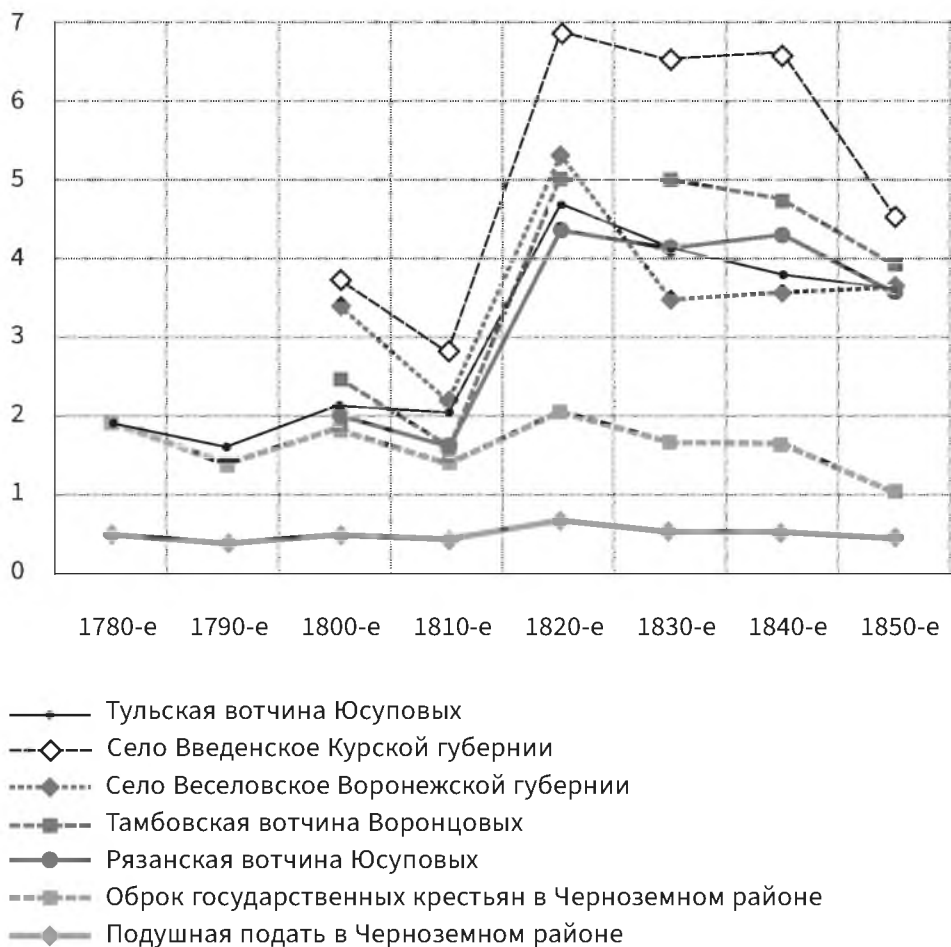

Рис. 4.3. Динамика оброков на Черноземье в 1780–1850-х гг. (в пудах хлеба на душу населения)¹⁸¹

крестьян; смертность в армии за этот период составила 44%, следовательно, 306 тыс. крепостных за 16 лет получили свободу¹⁸². В 1835 г. в России насчитывалось 11 447 000 крепостных душ мужского пола, и можно подсчитать, что в среднем за год через армию переходило в сословие государственных крестьян 0,165% крепостных. В 1833–1850 гг. крепостное население уменьшалось в среднем на 0,0325% в год, следовательно, если бы рекруты не выходили из крепостного состояния, то рост составил бы 0,132% в год. Если сравнить этот процент с 0,76% роста (даже с учетом ухода рекрутов) в 1815–1833 гг., то вывод о происходившей в этот период стагнации останется неизменным¹⁸³.

Когда произошло то масштабное перераспределение ресурсов, которое вызвало стагнацию крепостного населения? Имеющиеся массовые данные (табл. 4.2) разделены большим временным промежутком, и неясно, когда именно на протяжении этого промежутка имел место рост

барщины, был ли он постепенным или происходил резкими скачками. Величина барщины и оброка имела чрезвычайно высокую корреляцию (0,95)¹⁸⁴, и это позволяет достаточно уверенно предполагать, что барщина и оброк росли одновременно, и, таким образом, данные об оброке могут восполнить пробел в данных о барщине.

Динамика оброка в ряде крупных поместий Черноземного региона представлена на рис. 4.3. Чтобы исключить инфляцию (в том числе и по отношению к серебру) мы пересчитали оброки на хлеб соответственно уровню цен. Поскольку крестьяне выращивали преимущественно рожь и овес, то было принято, что в пуде условного «хлеба» содержится 60% ржи и 40% овса, и, соответственно, при расчетах учитывались текущие цены на эти продукты.

В целом из приведенных данных складывается следующая картина. В начале XIX в. финансирование войн с Наполеоном потребовало огромной эмиссии ассигнаций; это вызвало инфляцию и невиданный до того времени рост цен. Помещики увеличивали оброки, но не могли угнаться за ценами: их сдерживала опасность нового крестьянского восстания. В 1807 г. Наполеон освободил крестьян в Польше, вследствие чего прусский король был вынужден объявить об освобождении крепостных в Пруссии. Над Россией постоянно висела угроза французского вторжения, которое могло привести к крестьянской войне. Один за другим производились чрезвычайные рекрутские наборы, от крестьян требовали все возрастающий «налог кровью». В 1810–1811 гг. было взято в армию 211 тыс. рекрутов, в 1812 г. — 420 тыс. рекрутов¹⁸⁵. В такой обстановке помещики были вынуждены смириться со значительным падением реального оброка в пересчете на хлеб (см. рис. 4.3).

Однако, вернувшись победителями из Парижа, русские дворяне пожелали жить по-парижски. Новая волна потребительства предопределила новую волну повышения оброков, которая превзошла все, что было до тех пор. В 1815–1828 гг. денежные оброки возросли в два-три раза, затем началось падение цен, дополнительно усилившее тяжесть эксплуатации. На Черноземье за десять послевоенных лет оброк в хлебном исчислении вырос втрое, с 4–6 до 17–20 пудов на душу, и достиг предела крестьянских возможностей.

Вторая волна повышения ренты сопровождалась новым бурным оживлением дворянского предпринимательства. В 1818 г. было основано Общество сельского хозяйства, имевшее экспериментальную ферму и Земледельческую школу для подготовки приказчиков помещичьих хозяйств. В отличие от времен первого предпринимательского бума (1760–1770-е), основное внимание теперь уделялось не организации барщинного хозяйства, а интенсификации аграрного производства, новым сортам зерновых, травосеянию, распространению посевов картофеля и сахарной свеклы¹⁸⁶.

Вторая четверть XIX в. стала временем расцвета барщинных латифундий Черноземья. Три четверти из 4,3 млн помещичьих крестьян этого региона находились на барщине; в 1850-е гг. Черноземье поставляло — в основном в центральные области — около 50 млн пудов хлеба, еще 10 млн пудов расходовалось на производство водки. В целом на вывоз и винокурение шло около 30% чистого сбора хлеба. В это время Москва потребляла

ла 23 млн пудов в год, Петербург — около 30 млн пудов. Каждый год тысячи барок с зерном спускались по рекам на север, к Оке и Москве; часть из них бурлаки тащили вверх по Волге и по каналам — к Петербургу. Назад барки не возвращались, это была односторонняя торговля: по Рязанской губернии, к примеру, вывоз превышал ввоз в 10 раз¹⁸⁷.

По сравнению с концом XVIII в. средняя норма барщинной запашки увеличилась в два раза. В целом по Черноземью площадь барщинных полей лишь немного уступала общей площади наделов помещичьих крестьян¹⁸⁸. Механизм, через который увеличение барщины приводило к падению уровня жизни и уменьшению естественного прироста хорошо известен: это был механизм доведенной до предела интенсификации труда. Для интенсификации труда использовалась урочная система, и время, полагавшееся на выполнение «уроков», было урезано вдвое по сравнению с нормами конца XVIII в.¹⁸⁹ Темп работы на барщине поддерживался суровыми наказаниями «за леность»; в имении Гагариных, например, в 1819–1858 гг. в среднем в год подвергался телесному наказанию каждый четвертый крестьянин¹⁹⁰. Летняя барщина отнимала у крестьянина в среднем 4 дня в неделю; работать должны были все, женщины с грудными детьми работали на току, старики сторожили урожай, 10-летние мальчики работали на возке навоза и бороновании, а малые дети подбирали за жнецами упавшие колоски¹⁹¹. В зимнее время крестьяне выполняли тяжелую барщину по доставке помещичьего зерна в большие города или к речным пристаням. По некоторым оценкам, за полвека извозная повинность в Московской, Тульской и Рязанской губерниях увеличилась в 2–3 раза. В зимнее время эту повинность отбывали до 3 млн крестьян, в Москву ежегодно доставлялось минимум 450 тыс. саней с хлебом. Наезженные годами тракты превращались зимой в живую реку обозов и грузов; подводная повинность отнимала у крестьян почти столько же сил и времени, сколько барщинная работа летом. В одном из сел князя Волконского в Саратовской губернии каждая крестьянская семья (тягло) должна была в течение зимы доставить за 200 верст на пристань в Моршанске шесть подвод с хлебом. По суммарному расстоянию это было то же самое, что заставить крестьянина отвезти одну подводу с хлебом в Петербург¹⁹².

Многочисленные свидетельства говорят о том, что постоянно занятые на барщине крестьяне не успевали производить работы на своем участке — хотя работали от восхода до заката, и в воскресные, и в праздничные дни, а иногда и ночью. Сплошь и рядом крестьянам приходилось употреблять в пищу невызревшее или проросшее зерно; из-за нехватки времени муку не очищали от спорыньи, и такой хлеб был вреден для здоровья¹⁹³. Тяжелый, выматывающий труд сказывался на психическом состоянии крестьян. «От недостатка скота и хлеба происходит и чрезмерная бедность барщинных крестьян, доведшая их до отчаяния... — писал приказчик одного из крупных имений, — следствие чего есть необыкновенное равнодушие к своему положению»¹⁹⁴. «Самое существенное, на наш взгляд, — пишет о положении крестьян Л. В. Милов, — состоит в том, что в этой среде становилось заметным явлением пассивное отношение к своему собственному хозяйству, безразличие к удручающей перспек-

тиве своей собственной жизни и жизни членов своей семьи... В итоге такие крестьяне... „смерть свою за покои считают“»¹⁹⁵.

Таким образом, есть все основания полагать, что главной причиной демографической стагнации крепостного населения в 1830–1840-х гг. было повышение уровня ренты, сопровождавшееся усилением внеэкономического принуждения.

Крепостническая эксплуатация непосредственно влияла на биологический статус населения, что сказывалось в уменьшении роста крестьян. Коэффициент корреляции между долей крепостных и средним ростом мужчин, родившихся в 1853–1860 гг., в населении 21 губернии Центральной России оказывается равен $-0,823$. Это означает, что доля крепостных объясняет различие в росте мужчин по губерниям на 67,7%. Чем больше было крепостных, тем ниже был средний рост мужчин. Разница между ростом мужчин в Минской губернии (где было 61,7% крепостных) и Полтавской губернии (где было 33,9% крепостных) составляла 2,7 см¹⁹⁶.

Перераспределение ресурсов не сводилось к повышению ренты; оно означало также и сокращение крестьянских наделов. Крестьянское малоземелье является основным признаком Сжатия, но на Черноземье малоземелье было результатом экспроприации крестьян, и следовательно, Сжатие в этом регионе носило искусственный характер — оно было ускорено демографически-структурным процессом, перераспределением ресурсов (в данном случае земли) в пользу элиты.

Помещики оставляли барщинным крестьянам мизерные наделы, едва обеспечивавшие прожиточный минимум при обычном урожае. Такая практика лишала крестьян возможности создавать запасы на случай голода. В конечном счете, так же как в 1780-х гг., наступление элиты на крестьянство должно было привести к демографическому кризису.

В 1840–1850-х гг. широко распространилась практика сгона крестьян с земельных наделов; экспроприированные крестьяне должны были работать на барщине за «месячину» — месячные продуктовые пайки. Эта практика было аналогична той, которая применялась на польских и остзейских барщинных фольварках (*Bauernlegen*)¹⁹⁷. В Центрально-Черноземном районе эта практика была распространена меньше, чем в западных областях; здесь помещики обычно ограничивались урезанием крестьянского надела. Средний надел крестьян района в конце XVIII в. составлял 1,3–1,7 десятины на душу, к середине XIX в. он уменьшился до 1,0–1,3 десятины на душу. Это была грандиозная экспроприация крестьянства, которая определила все будущее развитие деревни: именно эта экспроприация была причиной крестьянского малоземелья, проблемы, впоследствии ставшей роковой для России.

По расчетам Л. В. Милова и И. Д. Ковальченко, надел, оставленный барщинным крестьянам, был той нормой, которая обеспечивала минимальные возможности для простого воспроизводства¹⁹⁸. Оброчные крестьяне имели такой же надел, что и барщинные, но вместо барщины, должны были платить оброк, эквивалентный в конце 50-х гг. 9–10 пудам¹⁹⁹. Очевидно, что оброчные крестьяне были вынуждены зарабатывать деньги для уплаты оброка ремеслом и отходничеством; оценка этих доходов затруднена недостатком данных, тем не менее, И. Д. Ковальченко и Л. В. Миллов выполни-

ли такой расчет для Рязанской губернии и установили, что заработки оброчных крестьян не обеспечивали минимального уровня потребления²⁰⁰.

Интегральным показателем крайнего предела эксплуатации крестьян и невозможности исполнять требования помещика был *огромный рост недоимок по оброкам*. Примеры, приводимые В. А. Федоровым, показывают, что в 1820–1830-е гг. недоимка возросла во много раз и зачастую в 2–3 раза превышала годовую сумму оброка. Это говорит о том, что у крестьян отнимался не только весь прибавочный, но и часть необходимого продукта²⁰¹. «Приобретенные крестьянами от их помещиков выгоды обеспечивали им лишь *минимум* средств существования, — подчеркивал А. Д. Повалишин, — и не давали возможности даже в отдаленном будущем думать об улучшении этого положения... Наоборот, весь ход развития помещичьего хозяйства давал основание заключить о переходе крестьян в совершенное рабство...»²⁰²

В урожайные годы остававшегося у крестьян зерна еще хватало на пропитание, но в неурожайные годы наступал голод. После резкого увеличения оброков и барщины в 1815–1825 гг. у крестьян не было запасов хлеба, и каждый неурожай приводил к резкому росту цен и голоду. Неурожай и голод на Черноземье отмечался в 1833–1834, 1839–1840, 1848, 1856 гг. «В голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно, — писал в 1841 г. А. П. Заблоцкий-Десятковский. — Он ест всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома, — все идет в пищу. Притом ему не на что купить соли. Он почти отравляется, у него делается понос, он пухнет или сохнет. Являются страшные болезни... У женщин пропадает молоко в груди, и грудные младенцы гибнут как мухи. Никто не знает этого потому, что никто не посмеет писать или громко толковать об этом, да и многие ли заглядывают в лачуги крестьянина?»²⁰³

Необходимо отметить, что современные исследователи отмечают наличие прямой корреляции между угнетенным психическим состоянием людей, заболеваемостью и смертностью. Причем речь идет не только о том влиянии, которое оказывает на психику людей ухудшение их материального положения, но и о прямом воздействии социального насилия и приниженного социального статуса на процессы воспроизводства населения. «Уже общепризнанно, — пишет В. С. Томилина, — что длительное состояние страха, неуверенности, низкая самооценка оказывают серьезное влияние на здоровье: вызывают депрессию, повышение предрасположенности к инфекционным заболеваниям, диабету... сердечно-сосудистым заболеваниям»²⁰⁴.

Представление об уровне социального насилия дает исследование Д. Л. Мордовцева, который на основании архивных дел составил сводку жалоб крестьян Саратовской губернии²⁰⁵. Из этой сводки видно, что в помещичьих имениях применялись розги, палки, шпицрутены, «битье по зубам каблуком», «битье по скулам кулаками», «подвешивания» за руки и за ноги на шесты, «вывертывание членов» посредством подвешивания, так называемая уточка (связывание рук и ног и продевание на шест), надевание «шейных желез», «конских кандалов», «личной сетки» (для пытки голодом), опаливание лучиной волос у женщин «около естества», «взнуздывание», «сажание в куб», «ставление на горячую ско-

вороду», «набивание деревянных колодок на шею», сечение «солеными розгами» и «нати́вание солью» по сеченым местам, принуждение работать с колодками на шее, «забивание в рот кляпа», употребление железных ошейников и т. д.²⁰⁶ Систематический характер имело насилие помещиков над крепостными девушками. Д. Л. Мордовцев говорит о случаях поголовного отобрания крестьянских девушек в наложницы: «для барского двора и постельного дела всех девок из имения выбрал», «из покупных и из наших девок сделал для своей похоти турецкий гарем», некоторые помещики требовали в барский дом молодых женщин на ночь, «отчего крестьянские дети без матерей от крику в люльках задыхаются». Оренбургский помещик Сташинский растлевал девочек, которым было 12–14 лет, причем двое из них умерли после изнасилования — но насильник не понес никакого наказания²⁰⁷. Гакстгаузен свидетельствует, что помещики в массовом порядке посылали женщин в Москву и Петербург для зарабатывания оброка проституцией. Некоторые помещики создавали в столицах публичные дома из крепостных рабынь²⁰⁸.

«Роскошь цветов и ливрей в домах петербургской знати меня сначала забавляла, — писал маркиз де Кюстин. — Теперь она меня возмущает, и я считаю удовольствие, которое эта роскошь мне доставляла, почти преступлением... Я невольно все время высчитываю, сколько нужно семей, чтобы оплатить какую-нибудь шикарную шляпку или шаль. Когда я вхожу в какой-нибудь дом, кусты роз и гортензий кажутся мне не такими, какими они бывают в других местах. Мне чудится, что они покрыты кровью. Я всюду вижу оборотную сторону медали. Количество человеческих душ, обреченных страдать до самой смерти для того лишь, чтобы окупить материю, требующуюся знатной даме для мебелировки или нарядов, занимает меня гораздо больше, чем ее драгоценности или красота»²⁰⁹.

Иногда признания такого рода раздавались из уст самих помещиков. Известный малороссийский меценат Г. П. Галаган писал после осмотра своей нищей деревни: «О, когда-нибудь воздастся мне за это от Бога, от брата бедных; тут будет плач и скрежет зубов»²¹⁰.

4.6. Динамика социальной борьбы и кризис 1847–1849 годов

Увеличение повинностей в первой половине XIX столетия вызывало сопротивление крестьянства, проявлявшееся, прежде всего, в крестьянских волнениях. Динамика крестьянских волнений отражает интенсивность борьбы за перераспределение ресурсов в структуре «государство–элитанарод». На долю помещичьих крестьян приходилось 90% всех выступлений, что объясняется большим различием в материальном и социальном положении двух категорий крестьянства. Основным социальным конфликтом, угрожавшим стабильности государства, был конфликт между помещиками и крепостными.

Как видно из рис. 4.4, число крестьянских волнений резко возросло в период повышения ренты в 1820-х гг., затем несколько понизилось, а потом снова стало расти. В 1840-х гг. общее число волнений было почти в четыре раза больше, чем в первое десятилетие XIX в. По данным В. А. Федорова, в Центральном районе 59% всех волнений были обуслов-

лены ухудшением положения крестьян — увеличением оброка и барщины, переводом на смешанную повинность, отобранием земли, недостатком продовольствия, жестокими наказаниями, стеснением в промыслах, самоуправством властей. Причиной 20% волнений была смена владельца, которая также часто вела к ухудшению положения крестьян, но иногда порождала и надежды на освобождение по завещанию умершего помещика. 15% волнений было вызвано слухами о «воле», дарованной царем²¹¹.

Теоретически число волнений было невелико, ежегодно в среднем по Центральному району в них принимало участие лишь 0,3% помещичьих крестьян²¹². Однако присутствие такой причины волнений, как слухи о «воле», приводило к непредсказуемым и сильным всплескам крестьянских волнений, вызывавшим острое беспокойство у правительства. Эти всплески говорили о потенциальной возможности спонтанного социального взрыва, в котором могло проявиться накопленное за десятилетия социальное напряжение. Резкие всплески массовых выступлений отмечались в 1797, 1812, 1826, 1848 гг. (см. рис. 4.4). Поводом для волнения 1796–1797 гг. были надежды крестьян на освобождение, вызванные реформами Павла I. Волнения 1826 г. были связаны с ожиданием перемен при воцарении императора Николая I; эти надежды совместились с реакцией крестьян на повышение ренты. В этом году волнениями были охвачены некоторые большие имения, насчитывавшие тысячи крепостных душ, и помещики одно время говорили о «второй пугачевщине»²¹³.

Под впечатлением волнений 1826 г. Николай I издал рескрипт, предписывающий предводителям дворянства вести негласное наблюдение за помещиками и в случае обнаружения злоупотреблений информировать вышестоящие власти. За 12 лет, с 1834 по 1845 г. было осуждено за злоупотребления 630 помещиков, но наказания были довольно легкие и не соответствовали тяжести преступлений²¹⁴. В 1860 г. полицией было зафиксировано 65 случаев смертельного наказания и 22 случая рождения мертвых детей в результате наказания беременных женщин²¹⁵. В действительности подобных случаев было много больше, но они скрывались местными властями (теми же помещиками), стремившимися избежать огласки. «При рассмотрении самой организации раскрытия злоупотреблений, — отмечает И. И. Игнатович, — бросается в глаза ее главный недостаток: следить за злоупотреблениями помещичьей власти было предоставлено самим дворянам»²¹⁶. «Я хорошо знаю, — писал новороссийский губернатор князь М. Воронцов, — что всякий раз, когда что-либо в этом роде дойдет до сведения государя, он громит преступников... Но что значит 4, 5, 6 случаев в год, которые доходят до его сведения, когда тысячи остаются неизвестными»²¹⁷. В некоторых случаях власти оказывались просто бессильными. Например, саратовский помещик Жарский, дело о котором началось в 1827 г., употреблял наручни, шейные цепи, прикрепленные одним концом к потолку настолько, чтобы наказываемый находился в стоячем положении, рогатки, пытку при помощи пригибания колен к груди, причем руки связывались тонкой бечевкой за колени, а под коленями продевалась палка, так что человек не мог пошевелиться: веревки врезывались в руки, которые отекали и запухали. Крестьян так немилосердно били, что староста Платон Иванов умер после жестоких побоев. Несмотря на все меры,

Рис. 4.4. Динамика волнений помещичьих и государственных крестьян и тренд для общего числа волнений в 1796–1856 гг.²¹⁸

принятые губернатором князем Голицыным в деле раскрытия жестокостей Жарского, дело это кончилось ничем²¹⁹. Все же сам факт заведения судебных дел, по-видимому, сыграл некоторую роль в приостановке роста ренты; в 1830-х гг. число крестьянских волнений уменьшилось, но затем снова стало расти.

Спонтанные вспышки крестьянских волнений порождали у властей боязнь перемен, боязнь того, что реформы могут спровоцировать всеобщий бунт. «Нет сомнения, что крепостное право... есть зло, для всех ощутительное и очевидное, — говорил Николай I в 1842 г., — но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным»²²⁰. Но в то же время власти хорошо понимали всю опасность нарастания социальной напряженности. «Год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности», — писал в своем отчете царю за 1834 г. начальник III отделения Бенкендорф. «Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим... — писал он в отчете за 1839 г. — Вообще весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению»²²¹.

О нарастании социальной напряженности говорит также и рост числа крестьян, сосланных в Сибирь помещиками за «дурное поведение». В 1827–1831 гг. было сослано 1249 крестьян, в 1832–1836 гг. количество сосланных уменьшилось до 882 (что соответствует уменьшению числа крестьянских волнений), но затем оно возросло до 1980 в 1837–1841 гг. и 2775 в 1842–1846 гг.²²² В то же время другой показатель социальной напряженности, динамика преступности, не показывает определенной тенденции к росту. В то время как число волнений исчислялось десятками, стати-

стика преступлений оперировала десятками тысяч, и социальные конфликты растворялись в массе бытовых преступлений. В целом уровень криминогенности в России был намного ниже, чем в европейских странах: в 4 раза ниже, чем во Франции, в 7,6 раза ниже, чем в Англии²²³. Это обстоятельство можно интерпретировать как свидетельство рабской покорности и подавленности крестьянского населения. Покорность крестьян была результатом векового социального отбора: помещики «очищали» сословие крепостных от лиц с повышенной эмоциональностью и агрессивностью, сдавая потенциальных «смутьянов» в рекруты; таким образом, такие люди, как правило, не давали потомства и не передавали своего характера по наследству; в крестьянской среде выживали лишь робкие и покорные. Социальный отбор формировал крестьянскую психологию: так, В. Г. Белинский в известном письме к Н. В. Гоголю писал о распространенном явлении самоуничтожения крепостных. Написанная неизвестным крестьянином поэма «Вести о России» призывает крестьян притворяться покорными:

Умей под рабством находиться
И знай, помещика как чтить²²⁴.

Число покушений на жизнь помещиков было в целом невелико, тем не менее, имеются свидетельства о росте числа убийств и избиений «господ». В Рязанской губернии в 1801–1820 гг. был лишь один такой случай, в 1821–1830 гг. — 6 случаев, в 1831–1840 гг. — 9 случаев, в 1841–1850 гг. — 10 случаев и в 1851–1860 гг. — 20 случаев²²⁵.

Демографически-структурная теория утверждает, что процесс Сжатиya сопровождается падением авторитета официальной церкви и распространением диссидентских течений. Действительно, наблюдалось определенное «охлаждение» крестьян к православной церкви, которая покорно служила их господам и постепенно утрачивала доверие народа. По закону 1722 г. каждый подданный был обязан ежегодно исповедоваться у священника, но число уклонявшихся от исповеди постоянно возрастало. Например, в Волоколамском уезде Московской губернии в 1796 г. уклонились от исповеди 4,2% помещичьих крестьян, а в 1858 г. — 9,5%; значительно возросло число раскольников²²⁶.

Постоянное недоедание снижало сопротивляемость организма и увеличивало опасность распространения эпидемий. В XVII и XVIII вв. эпидемии были редкостью, за два столетия были зарегистрированы только две большие эпидемии, в 1654 и 1770–1772 гг. В XIX в. было зарегистрировано семь больших эпидемий: в 1830–1831, 1847–1848, 1853–1855, 1865–1866, 1871–1872, 1892–1893. Первая из них, эпидемия холеры 1830–1831 гг. унесла около 240 тыс. жизней²²⁷; в целом по сравнению с 1829 г. излишняя смертность составляла 526 тыс.²²⁸

В конечном счете, так же как в 1780-х гг., увеличение ренты привело к демографическому кризису. В 1847–1849 гг. к голоду присоединились его обычные спутники — эпидемии, но вследствие постоянного недоедания огромных масс крепостных эпидемия холеры приняла катастрофический характер. Толпы нищих, как тени, блуждали по селам, прося

милостыню; крестьяне питались мякиной и лебедой. Зимой к холере присоединились цинга и оспа. Причина распространения этих болезней, докладывал воронежский губернатор, «заключается преимущественно в недостатке питательной и привычной пищи». «Болезнетворное влияние это еще более усиливается от недостатка в топливе, которое, в беслесных уездах, состоит большей частью из соломы, употребляемой на корм животным, с раскрытием даже избыточных крыш»²²⁹.

Помещики, конечно, не были заинтересованы в гибели своих крестьян, но некоторые «душевноладельцы» соблазнялись возможностью продажи своего хлеба по спекулятивным ценам и не спешили раздавать его голодающим. Так, на просьбы о выдаче ссуд канцелярия Юсуповых отвечала, что «главная причина скудного состояния крестьян» состоит в том, что они «предаются лености и пьянству» и «лебеда в настоящее время — тот же хлеб». Правительство было вынуждено принимать экстренные меры. Местные власти оказывали давление на помещиков, требовали от них выдачи подписок-обязательств о прокормлении крестьян до нового урожая и об обеспечении посева весной. Помещикам выдавались ссуды для приобретения посевного зерна, а в случае растраты этих ссуд их имени передавались в опеку. Власти организовали общественные работы, бесплатно выдавали паспорта отходникам. В деревнях на случай неурожая создавались запасные хлебные магазины²³⁰. Очевидно, влияние кризиса сказалось также и на поспешном введении инвентарей в Западном крае (о чем говорилось выше).

В 1848 г., по данным Министерства внутренних дел, только от холеры погибло 668 тыс. человек, а в целом по России, по некоторым оценкам, число жертв эпидемии и голода в 1847–1849 гг. составляло около одного миллиона²³¹. Однако возможно, что в действительности число жертв было больше: по сравнению с уровнем смертности 1846 г. «излишек» смертей за 1847–1849 гг. только среди православного населения составлял 1,4 млн.²³² Хотя в 1849 г. голод и эпидемия пошли на убыль, кризис принял рецидивирующий характер. В 1852–1855 гг. эпидемия вернулась и унесла еще 250 тыс. жизней²³³.

Голод (вместе с влиянием европейских событий) привел к невиданной до тех пор волне крестьянских бунтов. В 1847 г. голод породил массовое переселение крестьян Белоруссии, которое привело к крупным столкновениям с войсками²³⁴. В обстановке голода и холерной эпидемии снова распространились слухи об освобождении; эти слухи были связаны с появлением указа 1847 г. о возможности выкупа крестьян при продаже имения за долги. Одновременно под влиянием сопровождавшегося резней помещиков восстания в австрийской Галиции произошла мощная вспышка волнений на Украине. В 1848 г. было зарегистрировано 160 крестьянских волнений — число, примерно в четыре раза превышающее средний уровень (см. рис. 4.4). Волнения на Украине вызвали панику среди помещиков и их массовое бегство из деревень в города; среди крестьян западных областей ходили слухи, что французы уже идут освобождать их от помещиков²³⁵.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что после кризиса 1848 г. стала явным образом проявляться связь между количеством крестьянских

волнений и уровнем смертности — то есть уровнем материальных тягот, которые несло на себе крестьянство. В 1848–1856 гг. коэффициент корреляции между смертностью и числом волнений равнялся 0,89, причем кривая волнений повторяла кривую смертности с запозданием на один год²³⁶. Крестьяне перестали ждать, как прежде, смерти царя и перемены правления — теперь они сразу же реагировали на ухудшающиеся условия.

Как и в 1790-х гг., кризис вынудил помещиков к временному снижению ренты. Известны конкретные случаи такого рода, например голод в тульской вотчине заставил графа Шереметева дать крестьянам ссуду и отпустить их на оброк²³⁷. Более существенным моментом было то, что, как и в 1790-х гг., помещики уже не могли увеличивать оброки, чтобы компенсировать инфляцию. В 1855–1859 гг. в результате эмиссии кредитных билетов в период Крымской войны цена ржи возросла по сравнению с предыдущим пятилетием в полтора раза. В итоге перед освобождением оброк составлял в Рязанской и Тамбовской губерниях (и во всем Черноземье) в пересчете на хлеб 10 пудов с души²³⁸ — то есть уменьшился по сравнению с 1840-ми гг. примерно в полтора раза.

4.7. Сжатие в Центральном районе

Центральный район пребывал в состоянии Сжатия еще с 20-х гг. XVIII в., и положение здесь смягчалось лишь поставкой хлеба с Черноземья. В 1815–1833 гг. среднегодовой прирост крепостного населения в Центре составлял лишь 0,39%, а в 1833–1857 гг. прирост сменился убылью в 0,07%. Поскольку крепостные составляли основную часть населения, то в целом население также стагнировало: по пяти центральным губерниям среднегодовой рост составлял в 1833–1857 гг. лишь 0,08%. За полвека посевы хлебов увеличились на 22% — отчасти за счет увеличения нормы высева, отчасти за счет ввода в оборот бедных земель, которые раньше не использовались. В силу этих обстоятельств, а также вследствие общего истощения почв урожайность, которая в XVIII в. составляла в среднем сам-3,1, в первой половине XIX в. упала до сам-2,7. Чистый сбор хлебов на душу населения на протяжении первой половины столетия оставался практически постоянным и составлял 2,3 четверти (17,7 пуда на душу). Вследствие распашки лугов значительно сократилось поголовье скота; в 1842 г. на 100 человек приходилось 29 лошадей и 38 коров, а в 1860 г. — 23 лошади и 31 корова²³⁹.

Крестьянское малоземелье заставляло помещиков переводить еще оставшихся барщинных крестьян на оброк и отказываться от барской запашки — к середине XIX в. барская запашка составляла только 15% пашни. Высвободившиеся земли делили между крестьянами, и — вместе с освоением новых земель — это до какой-то степени позволяло бороться с малоземельем. Чистый сбор на наделах помещичьих крестьян в середине столетия составлял около 2 четвертей (15,4 пуда) хлеба на душу²⁴⁰ — то есть был как раз на уровне потребительского минимума. Но, кроме того, крестьянину нужно было платить налоги и оброк; в Центре преобладали оброчные крестьяне, оброк был очень различным и зависел от развития промыслов в конкретном селе, от близости столиц, куда отправлялись массы отходников, и некоторых других факторов. После резкого увеличе-

ния в 20-х гг. оброки в целом стабилизировались. В середине XIX в. средний оброк в Московской губернии был равен примерно 4 рубля 68 копеек серебром или 8,7 пуда хлеба на душу²⁴¹ — и часто получалось так, что крестьяне продавали весь свой урожай, платили оброки и налоги, а потом уходили на заработки и, как могли, жили ремеслами и промыслами.

Помещики не желали потерять контроль над отходниками и предписывали им определенные правила. Отходники обычно шли группой, которую возглавлял староста. Староста должен был отбирать у отходников большую часть заработанных денег, выдавая им «ярлыки», а деньги предоставлял в правление. Он должен был также смотреть за «нравственностью» крестьян и не допускать лишних расходов²⁴². По словам современника, в столицы, в Москву и Петербург, стекались десятки тысяч людей. «Создавшаяся вследствие этого конкуренция совершенно обесценивала рабочие руки. Крестьяне, которым наконец посчастливилось получить работу в столице, попадали в рабскую зависимость от своего нанимателя, нередко вовсе не уплачивавшего заработанные деньги. Эти бедные люди, без пищи, без крова, со смертельной бледностью на лицах, едва прикритые какими-то лохмотьями, шатались как привидения по улицам»²⁴³.

Оценка уровня доходов и расходов оброчных крестьян, произведенная И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым для Московской и Тверской губерний²⁴⁴, показывает, что, несмотря на масштабы промысловой деятельности крестьян, их заработки были недостаточны, и у них не хватало денег на пропитание и на уплату оброков. Данные по отдельным крупным имениям указывают на постоянный рост недоимок, которые помещики вынуждены были снимать — но они снова росли. К 1858 г. средняя недоимка по Калужской губернии составляла около $\frac{4}{5}$ годового оброка²⁴⁵.

Особенно тяжелым было положение крестьян заложенных и «взятых в опеку» имений. О том, что представляло собой «взятие в опеку» дает представление следующий пример. За тверским имением княгини М. И. Голицыной в 1842 г. числился баснословный долг в 196 тыс. рублей — 140 рублей на крепостную душу, или в переводе на хлеб, 340 пудов, примерно двадцатилетний урожай с крестьянского надела! Московскому опекунскому совету нужно было во что бы то ни стало вернуть деньги с процентами, и совет определил оброк вдвое больше обычного — примерно 28 пудов в хлебном эквиваленте. Крестьяне отдавали весь урожай с полей, после чего шли кормиться на московские фабрики, они голодали и продавали свой скот, и за 1842–1848 гг. выплатили 84 тыс. рублей. Однако... из этих денег лишь 24 тысячи пошло на погашение долга, а 60 тысяч — на уплату процентов. Крестьянам приходилось оплачивать не только прихоти расточительной княгини, но и доходы банка. Но, с другой стороны, поражает живучесть крепостного хозяйства, способного вынести непомерные тяготы — и продолжать существовать²⁴⁶.

Положение государственных крестьян было лучше, чем положение крепостных, но недостаток земли ощущался и в казенной деревне. По вычислениям комиссий, работавших в 1850-х гг., в Костромской губернии доля избыточной рабочей силы составляла 37%, во Владимирской губернии — 41%²⁴⁷.

В соответствии с демографически-структурной теорией нехватка земли вынуждала крестьян заниматься ремеслом. 27% мужчин из де-

ревень центральных губерний вообще не пахали землю: они ежегодно уходили на промыслы; 700 тыс. работали бурлаками и грузчиками на судах, 600 тыс. — батраками на южных латифундиях, 400 тыс. — строительными рабочими, 400 тыс. — извозчиками, 250 тыс. — слугами, 200 тыс. становились ремесленниками в городах, 100 тыс. — фабричными рабочими²⁴⁸. Перенаселение понизило цены на рабочие руки, и на многих вотчинных мануфактурах вместо принадлежавших хозяину крепостных стали использовать отходников из других поместий. В суконной промышленности в 1825 г. насчитывалось 324 мануфактуры, на которых работали в основном крепостные (82%); в 1850 г. на 492 мануфактурах было лишь 4% крепостных, принадлежащих хозяевам²⁴⁹.

Начинающаяся промышленная революция вызвала упадок многих старых промыслов и появление новых. Бурлаки на Волге в 1810-х гг. зарабатывали около 300 рублей за сезон, но в 30-х гг. появились суда с конными машинами, а затем пароходы и заработок упал до 60–90 рублей. Это означало разорение и нищету для многих прежде богатых волжских сел²⁵⁰. Появление пароходов привело к упадку полотняного и парусинного промысла, но с другой стороны, промышленная революция вызвала стремительное развитие хлопчатобумажного производства. Поначалу ткачи работали на английской пряже, в 1842 г. был разрешен ввоз прядильных машин из Англии. В 1843 г. в России насчитывалось уже 40 бумагопрядильных мануфактур с 350 тыс. веретен, в 1869 г. число веретен достигло 1,6 млн. Дешевые хлопчатые ткани быстро вытесняли льняные. В одной Владимирской губернии, имевшей в 1850 г. 1 100 000 жителей, было 150 тыс. ткачей-надомников. Село Иваново выросло в промышленный город, в нем было 135 фабрик с 10 тыс. рабочих, причем хлопок для фабрик доставляли из Америки! Промышленные города и ремесленные поселки жили привозным хлебом; в губернию ежегодно ввозилось 4 млн пудов хлеба, то есть около 4 пудов на каждого жителя — таким образом, привозной хлеб обеспечивал 20–25% потребления²⁵¹.

Согласно теории, перенаселение и нехватка земли побуждают крестьян не только заниматься ремеслами, но и переселяться в города — ближе к большим рынкам. В России крепостное право препятствовало этому процессу, и ремесла развивались по большей части в селах. Однако тенденция к миграции в города все же пробивала себе дорогу: темп роста городского населения Европейской России заметно ускорился, в 1811–1831 гг. он составлял 0,47% в год, а в 1832–1859 гг. — 0,91%; при этом $\frac{3}{4}$ прироста давали мигранты. В отличие от XVIII в., городское население росло значительно быстрее, чем население в целом (в 1833–1857 гг. темп роста населения в границах I ревизии составлял 0,65%). В населении городов по-прежнему большую долю (около одной трети) составляли крестьяне, осевшие в посадах, но числившиеся деревенскими жителями²⁵².

4.8. Положение государственных крестьян

Как отмечалось выше, демографически-структурная теория акцентирует роль дифференциации крестьянства. Дж. Голдстоун особо отмечал, что ухудшение положения беднейших слоев населения может привести к со-

циальному взрыву задолго до того, как продовольственные возможности страны будут исчерпаны²⁵³. Ухудшение положения крепостных крестьян делало такой вариант развития событий вполне реальным. Но в то же время нельзя забывать о том, что рядом с крепостнической Россией существовала другая Россия — страна свободных государственных крестьян-общинников.

«В Европе распространено мнение, что положение государственных крестьян не отличается от положения прочих крепостных: это ошибка, — писал Н. И. Тургенев. — Эти крестьяне свободны настолько, насколько можно быть свободными в России»²⁵⁴. В то время как рост численности помещичьих крестьян остановился, численность государственных крестьян быстро росла, и в середине XIX в. они составляли половину населения. Император Александр I, придя к власти, заявил, что не желает «насаждать рабство», и прекратил пожалование государственных и дворцовых крестьян помещикам — поэтому численность государственных крестьян теперь не уменьшалась, как прежде, за счет обращения их в крепостных²⁵⁵.

В то время как оброки крепостных в 1820-х возросли в два-три раза и достигли 8–10 рублей серебром с ревизской души, государственные оброки остались на уровне 2,5 рублей серебром. На Черноземье крепостные крестьяне платили в 1830–1840-х гг. в пересчете на хлеб 15–18 пудов с души всего населения, а государственные крестьяне — 5–7 пудов, примерно столько же, сколько во времена Екатерины II (см. рис. 4.3). Подушная подать также почти не изменилась с тех времен, в пересчете на хлеб она составляла около 2 пудов на душу (в Центральном районе вдвое меньше — рис. 4.5). Таким образом, «эксплуататорский бум» 1820-х гг. не коснулся государственной деревни, оброки и налоги оставались умеренными.

Уровень жизни крестьян зависел от размеров наделов. В конце 50-х гг. помещичьи крестьяне Тамбовской губернии имели в среднем одну десятину пашни на душу, а государственные крестьяне — 1,7 десятины (таким же был и средний надел по всему Черноземью). Уровень оброка помещичьих крестьян в пересчете на хлеб в результате инфляции к этому времени понизился до 11 пудов на душу, а оброк государственных крестьян составлял 6,7 пуда²⁵⁶.

В целом государственные крестьяне Черноземья жили намного лучше, чем помещичьи. К примеру, государственные крестьяне потребляли вдвое больше вина — в 40-х гг. в среднем на 4 рубля ассигнациями (2,4 пуда хлеба) на душу. В Пензенской губернии в урожайный год средний двор имел излишки до 25 пудов на душу. На средний двор в этой губернии (насчитывавший 8 душ) приходилось 2 лошади, 2 коровы и 8 голов мелкого скота²⁵⁷. А. де Кюстин писал, что «высший предел честолюбия» русских крестьян — «стать государственными крепостными»²⁵⁸.

Однако как отмечалось выше, господство дворянства в структуре «государство-элита-народ» привело к подчинению государства элите и массовому распространению коррупции. В то время как помещичьи крестьяне находились во власти помещиков, государственные крестьяне находились в зависимости от чиновников. Павел I утвердил выборное волостное самоуправление, однако в правление Александра I крестьян-

ское самоуправление было подмято под себя коррумпированным чиновничеством. По свидетельству современников, государственную деревню грабили все без исключения, на ней наживались и земские исправники, и коронные чиновники через посредство выборных крестьянских начальников. Сметные книги волостных правлений содержали приходные записи, во много раз превышающие официальные сборы; под самыми разными поводами среди крестьян устраивались «добровольные» складки для «задабривания» чиновников. Этой практике способствовала почти поголовная неграмотность крестьян, волостная управа часто оказывалась не в состоянии найти толкового и честного писаря для ведения финансовой документации²⁵⁹.

По донесению сенатора Мавродина, проводившего ревизию в Вятском наместничестве, за вымогательство и взяточничество следовало предать суду 3900 человек. При другой ревизии, проведенной в Слободской Украине, выяснилось, что в 22 волостях под предлогом платежа податей с убылых было собрано 103 тыс. рублей, а в казну поступило только 13 тыс. рублей. Когда объявлялся набор рекрутов, начиналась настоящая торговля людьми, зажиточные крестьяне платили 300–400 рублей чиновникам, чтобы освободить от рекрутчины своих детей. Еще одним объектом обогащения чиновников было распределение сдававшихся в аренду мельниц, рыбных ловель и других угодий²⁶⁰.

Дополнительный «оброк», наложенный коррумпированным чиновничеством на государственную деревню, и беспорядок в финансовой отчетности привели к резкому росту недоимок по государственным податям. Недоимки, составлявшие в 1828 г. 45 млн рублей, к 1835 г. возросли до 68 млн; это побудило правительство приступить к наведению порядка. Первой была проведена реформа дворцового ведомства, управлявшего личными владениями императорского дома, в которых проживало свыше 1 млн крестьян. В ходе этой реформы новый руководитель ведомства Л. А. Перовский сменил за воровство и вымогательства свыше 70% чиновников²⁶¹.

Реформа управления государственными имениями была поручена графу П. Д. Киселеву, одному из доверенных друзей императора Николая I. Помимо пресечения коррупции, предусматривалось проведение кадастра и замена подушного оброка податью, взимаемой с земли и промысловых доходов. Было создано Министерство государственных имуществ, взявшее на себя управление государственными крестьянами и провозгласившее своей целью «упрочение хозяйственного быта поселян». Земля в общинах по-прежнему подлежала переделам, но для малоземельных было организовано переселение в окраинные губернии, и переселенцы могли устраиваться отдельными хуторами. Создавалась сеть учебных ферм, где молодых крестьян, набранных из разных областей, учили новым методам хозяйствования; по возвращении на родину им помогали основать образцовые усадьбы, где они должны были передавать свои знания окрестным крестьянам. Для внедрения начальной грамотности были созданы тысячи приходских школ и специальные училища для волостных писарей. В 1838 г., в первый год после создания министерства, в России почти не было народных школ, к 1866 г. их число достигло 7869, в школах насчитывалось 280 тыс. учеников. В волостях

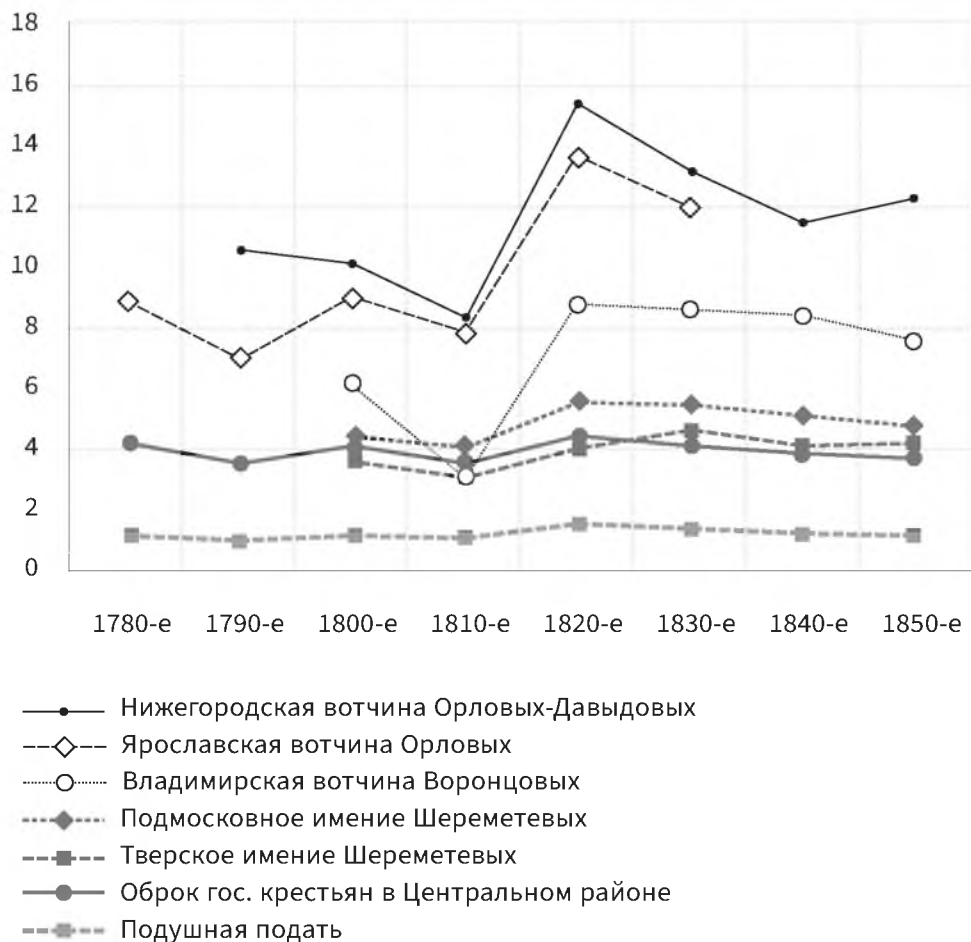

Рис. 4.5. Динамика оброков в Центральном районе в 1780–1850-х гг. (в пудах на душу населения)²⁶²

открывались бесплатные лечебницы для крестьян, велась работа по профилактике эпидемий. Волостное самоуправление становилось звеном государственной системы, направленной на поощрение земледелия. Волость получила право собирать местный налог, за счет которого (помимо школ и лечебниц) создавались запасные хлебные магазины, оказывалась помощь нуждающимся, строились мосты и дороги. Выборные старосты деревень должны были стать агентами власти в деле «попечительства» над крестьянами: они были обязаны следить за проведением работ в каждом крестьянском хозяйстве, поощрять хороших работников и наказывать нерадивых, бороться с ленью, пьянством, развратом, следить за добрыми отношениями в семьях, за «благочестием» и «добронравием»²⁶³.

Сравнительно более высокий уровень жизни определял и высокий уровень естественного прироста государственных крестьян. По шести губерниям Черноземья в 1795–1833 гг. этот прирост составлял 1,6%, в 1834–

1850 гг. он упал до 0,98%, а в 1851–1857 гг. увеличился до 1,15%. Разницу между приростом в двух последних периодах, по-видимому, можно в основном отнести на счет эпидемии холеры 1848 г., поэтому наибольший интерес представляет уменьшение естественного прироста в 1834–1850 гг. При этом, хотя коэффициент естественного прироста снизился более чем в полтора раза, рост оставался все же достаточно быстрым. За 1795–1833 гг. численность государственных крестьян увеличилась в 1,97 раза, за 1834–1857 гг. еще в 1,28 раза. Поскольку численность государственных крестьян за 1795–1857 гг. увеличилась в 2,5 раза, то земельные ресурсы, приходившиеся на душу населения, существенно уменьшились, и это не могло не отразиться на уровне жизни государственных крестьян. На связь между величиной надела и темпами естественного прироста в свое время обратил внимание известный статистик П. П. Семенов, изучавший движение населения в 1858–1878 гг. По подсчетам Семенова, в Центрально-земледельческом районе эта связь выглядела следующим образом:

Табл. 4.3. Зависимость между размерами надела и приростом крестьянского населения в 1858–1878 гг.²⁶⁴

Прирост (%)	Надел на ревизскую душу (дес.)						
	Менее 1	1–2	2–3	3–4	4–5	5–6	Более 6
в 1858–1878 гг.	16,6	17,3	19,0	21,2	25,4	27,6	30,3
годовой естественный	0,77	0,80	0,87	0,96	1,14	1,23	1,33

Из данных табл. 4.3 с очевидностью следует, что величина естественного прироста была самым тесным образом связана с величиной надела. При этом существенно, что увеличение прироста с увеличением надела отмечалось и при сравнительно больших наделах, подобных тем, которые были у государственных крестьян черноземных губерний в середине столетия (наделах в 3–5 десятин на ревизскую душу). Естественно ожидать, что связь между величинами надела и естественного прироста должна отмечаться и в 1850-е гг. Действительно, для этого периода коэффициент корреляции между земельными наделами государственных крестьян и их естественным приростом составляет 0,79. Связь оказывается слабее, чем в последующий период, но все же величина надела определяла динамику роста на 62%. Это позволяет утверждать, что падение естественного прироста в 1834–1858 гг. было вызвано, главным образом, уменьшением величины надела, то есть это был результат действия основного мальтузианского механизма.

4.9. Положение дворянства

Демографически-структурная теория уделяет большое внимание динамике материального положения элиты. Ухудшение материального положения в связи с ростом численности элиты и дроблением поместий служит классическим объяснением повышения недовольства дворянства и увеличения

**Табл. 4.4. Численность дворян (мужского пола)
на территории Европейской России (в границах 1772 г.)²⁶⁵**

	Численность (тыс.) по годам					
	1782	1795	1816	1834	1850	1858
По Европейской России						
Дворян	84	112	156	166	190	218
в том числе личных			66			94
% дворян ко всему населению	0,64	0,77	0,92	0,8	0,82	0,84
Крепостных на одного дворянина	76	64	48	52	45	39
В Центральном районе						
Дворян	20,5	19,2	19,9	21,6	25,7	34
в том числе личных			11,7			17,7
Крепостных на одного дворянина	94	106	103	102	85	65
В Черноземном районе						
Дворян	13,1	21,3	25,7	33,4	35,5	32,9
в том числе личных			10,0			11,0
Крепостных на одного дворянина	116	78	73	63	59	64

давления элиты как на народ, так и на государство. Как отмечалось выше, в XVIII в. доля дворянства в общей численности населения постоянно возрастала. Как следует из данных, приводимых В.М. Кабузаном и С.М. Троицким (табл. 4.4), эта доля продолжала возрастать и в начале XIX в. Число крепостных на одного дворянина за 1782–1816 гг. сократилось в 1,6 раза; соответственно уменьшились и доходы дворянства, что до некоторой степени объясняет недовольство дворян и последовавшее в 1816–1820 гг. увеличение ренты (хотя, конечно, это была не единственная причина).

В численном отношении преобладающую часть дворянства составляли мелкие дворяне, но все вместе они владели лишь малой частью крестьян. Правительство было обеспокоено ростом «дворянского пролетариата», и по указу Николая I была проведена «чистка» дворянства. Был организован перевод разорившихся дворян в однодворцы и в государственные крестьяне, поэтому число беспоместных и мелкопоместных дворян в 1838–1858 гг. существенно уменьшилось (табл. 4.5).

Табл. 4.5. Численность помещиков Европейской России в зависимости от числа душ в их владении²⁶⁶

			Беспоместные	1–40
1838	Помещиков	в тыс.	17,8	58,5
		в %	14	46
	У них крестьян	в тыс.	124	900
		в %	0,6	4,1
	На одного помещика крестьян		6	16
1858	Помещиков	в тыс.	3,6	41,0
		в %	3,5	39,5
	У них крестьян	в тыс.	24	655
		в %	0,1	3,1
	На одного помещика крестьян		6	16

На территориях, находившихся ранее в составе Речи Посполитой, положении было иным: здесь имелось огромное количество малоземельной польской шляхты. Если в 1795 г. в собственно России было 112 тыс. дворян мужского пола, то на присоединенных территориях — 251 тыс.; на одного дворянина (включая детей и женщин) здесь приходилось только 14 крестьян, в то время как в собственно России — 64.

Мелкая шляхта в массовых масштабах отнимала у крестьян землю и переводила их на «месячину» — голодные месячные пайки. Малоземельные помещики отправляли крестьян на работы в Россию, отрывая их на многие годы от семьи и хозяйства, — так что Государственный совет был вынужден запретить помещикам отсылать на работы более половины своих крестьян²⁶⁷. Последние десятилетия перед освобождением получили у белорусских крестьян название «Время смолы» — потому что тогда исполнилось знаменитое пророчество монаха Белеуша: «Придут к вам хозяева. Они будут из вас смолу гнать, а вы будете их панами называть»²⁶⁸.

Среди обычаев польской шляхты был обычай спаивать своих крестьян. «Богатые помещики выкуривают огромное количество вина, употребляя на это весь свой хлеб, — докладывал витебский ревизор, — и часто отбирают хлеб у собственных крестьян, которых после вместо скота кормят хлебом из винной барды... Потом открывают продажу этого вина по самой наидешевейшей цене... а крестьяне, как помещичьи, так и казенные, совершенно предавшись пьянству, проживают все свое состояние, деньги, хлеб, скот и даже одежду»²⁶⁹.

«Нищета помещичьих крестьян превосходит всякое вероятие... — говорилось в докладе Министерства внутренних дел от 7 февраля 1853 г. — Крестьяне, особенно у мелкопоместных владельцев, находятся в бедственном

41–200	201–1000	1001–2000	более 2000	Всего
30,4	16,7	2,3	1,5	127103
24	13	1,8	1,1	100
3001	7268	3126	7114	21533
13,9	33,9	14,5	33,0	100
98	434	1376	4896	168
35,5	19,9	2,4	1,4	103880
34,5	19,2	2,3	1,3	100
3332	7850	3140	6101	21102
15,8	37,1	14,9	29,0	100
94	394	1296	4414	202

и угнетенном положении... Крестьяне нисходят до последней степени нищеты и нравственного унижения...»²⁷⁰ Характеризуя положение крепостных на Украине, Ю. Ф. Самарин писал: «Требования помещиков непомерны; средства истязания развратили народ и сделали его бесчувственным. В имении, которым управляет Т., ежегодно секли от 40 до 60 баб, в том числе и беременных»²⁷¹. Сам Николай I в резолюции на рапорте виленского генерал-губернатора признавал, что западные губернии находятся в «страшном состоянии», которое невозможно исправить, действуя лишь законными мерами²⁷².

Рост численности дворянства был не единственной причиной усиления его давления на народ. Как отмечалось выше, вестернизация привела к деформации дворянского менталитета и формированию комплекса престижного потребления, который психологически давил на дворян, подталкивая их к непосильным расходам.

В 1850-х гг. — отчасти под влиянием крестьянских волнений — отмечается некоторое уменьшение крестьянских повинностей. Это породило среди историков споры о рентабельности крепостного хозяйства. Согласно марксистской историографии крепостное хозяйство «изжило себя» и приходило в упадок. Вопрос о том, имело ли место «изживание» крепостничества, имеет существенное значение в контексте неомальтузианской теории: дело в том, что увеличение численности населения приводит к удешевлению рабочей силы, и в условиях избыточного предложения свободного труда рабство и крепостничество, действительно, может стать невыгодным. О том, что такое развитие событий вполне возможно, говорят некоторые исторические примеры, в частности, исчезновение категории крепостных крестьян в Китае в эпоху Цинь²⁷³.

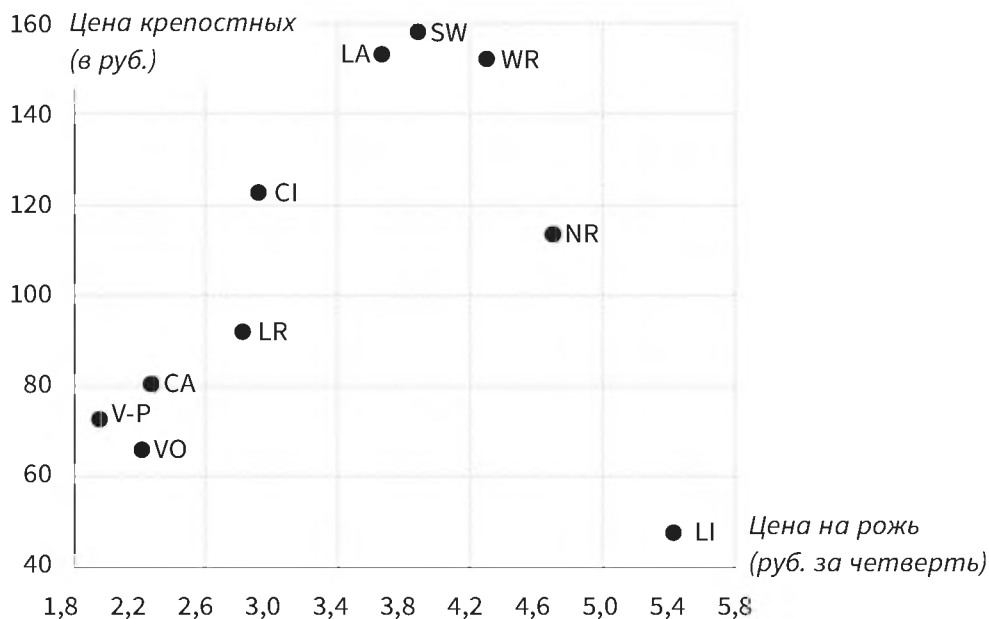
Связь между рентабельностью крепостничества и плотностью населения не была секретом и для государственных деятелей эпохи Николая I. «Крепостное право падет само собой, — писал адмирал Н. С. Мордвинов... — когда население будет соответствовать пространству земли...»²⁷⁴ Министр внутренних дел Л. А. Перовский также отмечал, что опыт отдельных губерний показывает, что там, где нет недостатка в рабочих руках, хозяйствовать вольнонаемным трудом выгоднее, чем крепостным²⁷⁵.

Е. Домар и М. Мачина²⁷⁶ на основе экономико-математической модели изучили вопрос о рентабельности крепостного хозяйства в различных регионах России. Вывод этих исследователей сводился к тому, что с ростом населения рентабельность действительно уменьшалась, однако в 1850-х гг. владение крепостными в России было еще достаточно выгодным. Недостаточная рентабельность наблюдалась лишь в Литве, где отношение стоимости крепостного к цене зерна (то есть к затратам на его прокормление) было существенно ниже, чем в других регионах (см. рис. 4.6).

Таким образом, в целом уровень прибыли крепостных хозяйств оставался еще достаточно высоким. «Барщинное хозяйство в момент своей ликвидации было наиболее производительной организацией земледельческого труда, и объективно, и в особенности с точки зрения получения прибавочной стоимости, — писал П. Б. Струве. — Владение крещеной собственностью могло тяготить русских помещиков только в перенаселенных местностях, то есть в малоземельных имениях. Но мы не имеем указаний на то, чтобы помещики этих мест настолько тяготились своими крестьянами, чтобы стремиться от них избавиться. Иначе мы бы видели массовый отпуск крестьян на волю...»²⁷⁷

«Поскольку можно заключить из многочисленных в тогдашней литературе вычислений... а также из факта все еще широкого распространения барщины, — отмечал известный экономист П. И. Лященко, — крепостное помещичье хозяйство... было все еще выгодно, как сравнительно с оброчным, так и с вольнонаемным хозяйством»²⁷⁸. Мнения о том, что крепостное хозяйство было достаточно прибыльным, придерживаются также многие современные исследователи²⁷⁹. Можно привести много примеров высоко рентабельных барщинных хозяйств. Известно, например, о громадном превышении доходов над расходами в тульских и рязанских вотчинах Юсуповых²⁸⁰. Петровское имение Гагариных в Тамбовской губернии насчитывало 3,2 тыс. ревизских душ и приносило в 1856–1859 гг. в среднем по 35 рублей с души или в хлебном эквиваленте по 28 пудов хлеба. В этом имении на душу приходилось 1,2 десятины пашни в барском поле и 1,4 десятины в крестьянском поле. Из-за большой барщины крестьяне не успевали вспахивать свои поля, они имели большую задолженность, жили впроголодь и понемногу вымирали — тем не менее, помещик получал свою прибыль²⁸¹.

Если у помещика не хватало земли, то, конечно, начинались проблемы. Граф Шереметев в 1846 г. был вынужден отпустить крестьян своей тульской вотчины на оброк, и они платили по 10 рублей серебром с ревизской души²⁸²; по тульским ценам 1846–1850 гг. этот оброк соответствовал 18 пудам хлеба с человека.

V-P — Вятка-Пермь, VO — Волжский регион, CA — Центральное Черноземье, LR — Малороссия, CI — Центрально-промышленный район, LA — Петербургский район; SW — Северо-Западный район, WR — Белоруссия, NR — Новороссия; LI — Литва

Рис. 4.6. Соотношение средней цены на крепостных и средней цены на рожь в 1850-х гг. по регионам²⁸³

Существенное влияние на прибыльность барщинных хозяйств оказывала и рыночная конъюнктура. Расширение барщинных хозяйств в 1820-х гг. имело своим следствием перепроизводство хлеба и падение цен; цена ржи на Черноземье уменьшилась с 34 копеек серебра за пуд в 1831–1835 гг. до 25 копеек в 1851–1855 гг.; уменьшение прибылей вызывало многочисленные жалобы помещиков. Вдобавок цены стали резко колебаться: в голодном 1840 г. цена достигла 74 копейки за пуд, а в 1844 г. упала до 13 копеек. Периодические падения цен почти до нуля объяснялись спецификой крепостного хозяйства: помещики «не знали» цены произведенного даровым трудом хлеба, «не знали», с каким трудом обеспечивается его перевозка в крупные города, и, чтобы поддержать свой уровень престижного потребления, могли продавать хлеб по любой цене²⁸⁴.

Высокая прибыльность барщинных латифундий объясняет и медленное внедрение сельскохозяйственных новаций: зачастую в них не было необходимости. «Помещик хорошо знал, какие улучшения вводятся в сельском хозяйстве других стран, — писал В. О. Ключевский, — но ему эти улучшения не были нужны при дармовом труде; машины и т. п. оставили бы без работы часть его крепостных... „Введу я эту машину, — говорит

помещик, — а мои бабы что будут делать зимой?» «Внедрялись лишь те новации, которые давали быструю и очевидную отдачу, такие как новые сорта зерновых, простейшие молотилки и веялки, крытые тока и т. п. Что же касается более глубоких усовершенствований, то, к примеру, известный рационализатор Н. И. Шишков был вынужден признать, что они не дают существенного увеличения дохода. Более прибыльным вложением денег было приобретение новых поместий с крепостными — и большинство землевладельцев предпочитало покупать не машины, а крепостных: рабы были дешевле машин²⁸⁵.

С вопросом о рентабельности барщинного хозяйства тесно связан вопрос о росте задолженности помещиков. Дворянская монархия пыталась помочь правящему сословию, в том числе через организацию льготного кредитования. В 1759 г. по инициативе П. И. Шувалова был создан Медный банк, выдававший кредиты такого рода. Канцлер граф М. И. Воронцов предупреждал, что получившие ссуды дворяне растратят деньги впустую. Уже сейчас, отмечал канцлер, многие дворяне, заложив свои имения, тратят деньги в заграничных путешествиях. Действительно, получившие ссуды представители высшей знати практически ничего не вернули банку, и вскоре он прекратил существование²⁸⁶. Тем не менее в конце XVIII в. система государственных банков была создана; эти банки давали кредиты под залог поместий на очень большие сроки (до 24 лет) и под очень низкий процент (до 1831 г. — 6%, а затем — 5%)²⁸⁷.

Задолженность помещиков быстро росла, и к 1859 г. было заложено 7,1 млн душ — 66% их общей численности. Условия кредитов были настолько выгодны, что помещики часто брали ссуды, чтобы передать эти деньги в долг купцам под больший процент. В то же время они не торопились отдавать кредиты, постоянно добиваясь новых пролонгаций и облегчения условий возврата. Банки не решались применять к помещикам жесткие меры и продавать поместья за долги. В Петербургской сохранной казне к 1859 г. было заложено 8453 поместья, из них за 1849–1859 гг. было назначено к продаже 404 и меньше 100 были действительно проданы. В Тульской губернии было заложено три четверти всех крестьян, но из 3 тыс. заложенных поместий за 1854–1858 гг. было продано только 20²⁸⁸. В 1866 г. министр финансов М. Х. Рейтерн докладывал, что за 1831–1865 гг. помещикам было роздано в ссуду не менее 400 млн рублей и «за малейшей частью все остальное пропало бесследно для народного хозяйства»²⁸⁹.

В то же время масштабы дворянской задолженности не следует преувеличивать. На Черноземье помещики могли получить в виде займов до 70 рублей на ревизскую душу, но фактически задолженность была вполтину меньше, и с 1842 г. она не увеличивалась. По некоторым оценкам, стоимость только недвижимого имущества помещиков в 1859 г. составляла 2,1 млрд рублей, а все их долги исчислялись в 425 млн рублей. Такое соотношение долга и собственности отнюдь не считается чрезмерным²⁹⁰.

С другой стороны, те же самые государственные банки, которые давали кредиты помещикам, принимали от них вклады. До 1820-х гг. объем вкладов был невелик, но затем он начал стремительно расти — намного быстрее, чем объем долгов (см. табл. 4.6). К 1850 г. российские дворянские банки (мы не учитываем здесь вклады купеческого Коммерческого банка)

Табл. 4.6. Объем задолженности и вклады помещиков в 1823–1859 гг.²⁹¹

	1823	1833	1843	1859
Объем задолженности (млн руб. сер.)	90	205	340	425
Заложено крестьян (млн и процент к общему числу)	2,1 (20%)	4,5 (43%)	6,4 (52%)	7,1 (66%)
Объем вкладов (млн руб. сер.)	111	268	416	746
Соотношение долги/вклады	0,81	0,76	0,82	0,57

имели на хранении огромные средства, в несколько раз большие, чем все банки Лондона²⁹². Откуда взялись эти деньги? Очевидно, это были аккумулярованные крестьянские оброки, те самые колоссальные суммы, которые стали получать помещики после тройного увеличения оброков в 20-х гг. Банки давали 5% по вкладу, и в стране, где практически не было акций, это был самый простой и выгодный способ хранения и преумножения денег²⁹³. Таким образом, огромный рост вкладов говорит о росте богатства дворянского сословия.

Что же касается роста задолженности, то отсутствие связи между задолженностью и разорением помещиков отмечалось еще современниками. Так, в 1856 г. министр внутренних дел Ланской писал, что на богатых саратовских помещиках числилось почти столько же долгов, сколько на помещиках нищей Витебской губернии²⁹⁴.

Таким образом, суждения о «кризисе» крепостного хозяйства выглядят преувеличенными и не объясняют последовавшей в 1861 г. отмены крепостничества. Крепостное право было ликвидировано сверху, и отмена крепостничества была результатом воздействия новой диффузионной волны — волны, вызванной европейской промышленной революцией.

4.10. Выводы

Анализ развития России в контексте трехфакторной модели показывает, что события царствования Александра I определялись действием *диффузионного фактора*. Военная революция, вызванная созданием маневренной полевой артиллерии и тактики колонн, породила волну наполеоновских завоеваний и привела к диффузионному распространению французских заимствований. Элементами нового культурного круга были не только новые военные технологии, но и французский конституционализм, а также принципы свободы и равенства сословий. С этим диффузионным влиянием были связаны как конституционные проекты Александра I, так и аналогичные по содержанию планы декабристов. Военный заговор декабристов и восстание в Польше вызвали традиционалистскую реакцию, которая

сомкнулась с аналогичной реакцией в Германии и породила традиционалистское и прусское правление Николая I. После неудачных попыток Петра III и Павла I это была уже третья попытка построения в России регулярного государства прусского образца — и на этот раз проект преобразований был отчасти реализован.

С точки зрения демографически-структурной теории наиболее важным процессом первой половины XIX в. было замедление процесса колонизации и сопутствующее росту населения падение потребления. Помимо этого на протяжении всего периода мы наблюдаем в Центральном районе и другие явления, характерные для периода Сжатия: замедление роста населения, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, разорение крестьян, быстрое развитие ремесел и торговли, дешевизна рабочей силы, высокие цены на хлеб, распространение отходничества, уход крестьян в города, быстрый рост городов.

Анализ распределения ресурсов в структуре «государство-элита-народ» позволяет существенно дополнить эту картину. После убийства Павла I баланс сил в борьбе за распределение ресурсов вновь изменился в пользу дворянства. Ограничив претензии государства, дворянство приступило к неслыханному до тех пор увеличению оброков и барщин крепостных крестьян. В контексте теории эта экспансия отчасти объясняется непропорциональным ростом численности дворянства и уменьшением числа крестьян, приходящихся на одного дворянина, однако в данном случае существенную роль сыграло также влияние диффузионного фактора — проявлявшегося еще в правление Екатерины II стремления жить «по-французски».

В результате резкого перераспределения ресурсов в пользу элиты крестьянам был оставлен лишь минимум жизненных средств. Это привело к хроническому недоеданию среди крепостных, в годы неурожая превращавшемуся в голод, сопровождаемый эпидемиями. *Рост численности крепостных фактически прекратился, и, таким образом, мы наблюдаем (в дополнение к общей картине) картину исключительно интенсивного Сжатия внутри одного сословия — Сжатия, вызванного не ростом численности этого сословия, а сужением его экологической ниши в результате перераспределения ресурсов.* В конечном счете это Сжатие привело к кризису 1847–1849 гг., когда голод и эпидемия унесли более миллиона жизней. Так же как кризисы 1723–1726 и 1787–1788 гг., этот кризис носил по преимуществу структурный характер и был вызван перераспределением ресурсов внутри структуры, в данном случае от крестьянства к элите. Так же как в 1787–1788 гг., после кризиса наблюдается уменьшение реальной ренты, то есть частичная корректировка неадекватного распределения ресурсов. Как и в те времена, государство, со своей стороны, обращает внимание на бедственное положение крестьян и принимает некоторые меры в пользу крестьянства — в частности, восстанавливает забытый павловский закон о трехдневной барщине.

В рамках демографически-структурной теории назревающий конфликт между монархией и элитой объяснялся также и конкуренцией за ресурсы. Дворянство вело борьбу за ресурсы не только с крестьянством, но и с государством, и в частности, оно не допускало увеличения прямых налогов на крепостных крестьян. Государство, стесненное в своих финансовых возможностях, выходило из положения с помощью повышения косвенных на-

логов, увеличения оброков государственных крестьян, а во время войн — путем печатания бумажных денег. Крымская война вновь поставила вопрос о недостатке средств и взрывоопасном положении в тылу армии — о «пороховом погребе под государством». Как утверждает демографически-структурная теория, *Сжатие должно было вызвать попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, и тенденцию к установлению этактистской монархии.* Однако необходимо отметить, что демографический фактор действовал не изолированно, а синхронно с диффузионным фактором.

глава v

Начало модернизации

5.1. Европейская промышленная революция

Как было показано ранее, до начала XIX в. диффузионные процессы на европейском континенте инициировались в основном военно-техническими открытиями и протекали по схеме, описываемой теорией военной революции. На протяжении 1620–1820 гг. имели место четыре военных революции: первая из них ознаменовалась созданием легких полковых пушек и первого варианта линейной тактики, вторая — изобретением штыка и фузеи, третья — усовершенствованием линейной тактики Фридрихом II, четвертая — созданием подвижной полевой артиллерии и тактики колонн. Каждая крупная военная инновация порождала волну завоеваний, и соседние страны были вынуждены перестраиваться по образцу завоевателя, заимствуя его военную технику, политические и культурные институты. Как показывает теория военной революции, политико-социальной системой, соответствующей данному уровню военной техники, было военно-бюрократическое «регулярное государство» или, как его называли иначе, «просвещенная монархия».

Однако технические открытия делались не только в военной области, одним из важных достижений эпохи было создание совершенного океанского парусного корабля, «флейта». Это голландское изобретение породило особый культурный круг, главными элементами которого, помимо «флейта», были морская торговля и торгово-промышленное предпринимательство, а в политической сфере — правление купеческой олигархии. Однако более или менее полная трансформация по голландскому образцу произошла только в Англии; в других странах голландские элементы не были преобладающими: хотя Франция во времена Кольбера создала торговый флот и торговые компании, она осталась военной монархией. В условиях постоянных войн на континенте могли существовать лишь военные монархии; купеческая Голландия вскоре потерпела поражение в этих войнах и была жестоко разорена войсками монархий. Значительная часть голландских купцов эмигрировала в Англию, которая стала новым центром голландского (теперь англо-голландского) культурного круга. Английские корабли создали многопалубные линейные корабли, и эта техническая инновация окончательно утвердила британское господство на морях.

Поскольку морская торговля дала английскому купечеству огромную финансовую силу, то оно вступило в борьбу с королем и вынудило его и землевладельческую аристократию поделиться властью. Билль о правах 1689 г. закрепил всю законодательную власть за парламентом, однако избирателями могли быть только богатые собственники, и реально властью владела олигархия купцов и землевладельцев.

Богатства Англии и «свободы» английской аристократии вызывали зависть у дворянства и буржуазии континентальных стран. Диффузионное влияние англо-голландского культурного круга стимулировало попытки введения олигархических конституций в разных странах, в частности в Швеции. Английское влияние сказывалось и в России, например в олигархической попытке 1730 г., в конституционных проектах Н. И. Панина в начале царствования Екатерины и в попытках ограничить самодержавие после убийства Павла I.

Однако философы и политики тех времен хорошо понимали, что олигархическому правлению свойственна внутренняя слабость, происходящая от постоянной борьбы между различными аристократическими группировками — ярким примером такой борьбы было польское «безнарядье». С другой стороны, олигархия не могла опереться на поддержку народа и вручить ему оружие — поэтому армии в таких странах были наемными и, следовательно, малочисленными; они не могли сопротивляться огромным армиям военных монархий. Как известно, Россия поддерживала олигархическое устройство Швеции и Польши именно с целью не допустить усиления этих стран; эта логика присутствовала и в решении сохранить конституцию во Франции. Англия с ее парламентом и слабой наемной армией могла существовать только в условиях островной изолированности. Поэтому, хотя олигархические режимы были привлекательны для аристократии, они не получили распространения в Европе XVIII в.; Польша была в конце концов поделена между тремя военными монархиями, а Швеция была вынуждена ввести абсолютистское правление¹.

Таким образом, английское влияние в XVIII в. было обусловлено не военными, а финансовыми и торговыми преимуществами; оно распространялось не войнами, а деньгами и примером — то есть постепенным, диффузионным путем. Правда, Англия сумела завоевать значительную часть Индии — но этот успех был следствием общего военного превосходства, которого добились к тому времени европейские народы, и результатом того, что, господствуя на морях, Англия могла реализовать это превосходство в отдаленных регионах. Необходимо отметить также, что английские войска в Индии состояли из наемников-сипаев, и победа была обеспечена английскими деньгами в той же степени, что и английскими мушкетами. Этот невоенный механизм распространения английского культурного круга необходимо иметь в виду при рассмотрении последствий промышленной революции.

Начавшаяся в конце XVIII в. промышленная революция породила грандиозную диффузионную волну, намного превосходившую диффузионные волны прошлого. Промышленная революция означала рождение новой культуры и новой цивилизации; это был процесс, полностью изменивший жизнь людей, социальную структуру общества, производственные

и социальные отношения. Технический фактор вышел на первый план и стал обуславливать течение многих социально-экономических процессов, постепенно все более расширяя сферу своего влияния. Как отмечалось выше, процесс трансформации общества под воздействием промышленной революции называют *модернизацией* (хотя употребление этого термина достаточно вариативно, и иногда говорят о ранней модернизации, связанной с распространением англо-голландского культурного круга в XVII–XVIII вв.). Модернизация началась на родине промышленной революции, в Англии, и постепенно распространялась на европейский континент, на Францию, страны Центральной Европы, а затем и на Россию. История России XIX – начала XX в. определялась взаимодействием процесса модернизации с процессами внутреннего развития, причем российская модернизация неизбежно повторяла этапы, уже пройденные теми странами, где модернизация началась раньше. Это была «догоняющая модернизация» – и поэтому анализ российской истории этого периода невозможен без краткого обзора процесса модернизации в странах Европы.

В основе промышленной революции лежала техническая революция, начавшаяся в Англии во второй половине XVIII в. Эта революция началась с механизации прядения хлопка, с создания в 1760-х гг. механической прялки «Дженни» и ватерной машины Аркрайта. Затем революция распространилась на другие отрасли промышленности, в 1769 г. Джеймс Уатт взял первый патент на свою паровую машину, а в 1785 г. Генри Корт изобрел способ производства чугуна на каменном угле. Уже вскоре после появления паровой машины начались попытки создания пароходов. В 1807 г. американец ирландского происхождения Роберт Фултон построил пароход «Клермонт», и через девять лет в Америке было 300 пароходов, а в Англии – 150. Одновременно со строительством пароходов делались попытки создания паровой повозки. В 1830 г. Джордж Стефенсон завершил строительство первой большой железной дороги между городами Манчестер и Ливерпуль; по сравнению с гужевым транспортом скорость перевозок увеличилась примерно в четыре раза при четырехкратном уменьшении их стоимости². В 1832 г. была пущена первая железная дорога во Франции, немного позже – в Германии и США; локомотивы для этих дорог изготовлялись на заводе Стефенсона в Англии.

Появление железных дорог означало «великую транспортную революцию», которая повлекла за собой многочисленные и чрезвычайно важные последствия. Прокладка железных дорог делала возможной доставку грузов из районов, удаленных от морского побережья, и многократно расширила обороты мировой торговли.

Первым экономическим последствием промышленной революции стало создание фабричной текстильной промышленности. Фабрики давали фантастические прибыли – не 5 и не 10% в год, как при обычном вложении капитала. «Счастье Ланкашира составили сотни и тысячи процентов прибыли», – скажет позднее один английский политик³. Владельцы капиталов торопились вложить их в строительство фабрик; в 1785 г. было выпущено только 40 млн ярдов хлопчатобумажных тканей, в 1830 г. – 2025 млн ярдов! В результате огромного расширения производства цена продукции уменьшилась в 10 раз, но прибыль, хотя и снизилась, еще оставалась высокой – порядка 50% на производстве одного фунта пряжи⁴.

«Текстильный бум» означал появление новых промышленных городов, таких как Манчестер, с его «сотнями пяти- и шестизэтажных фабрик, увенчанных каждая огромной трубой с султаном черного дыма»⁵. Тысячи рабочих уходили из деревни в города. Другой стороной этого процесса было разорение ремесленников, не выдерживавших конкуренции с фабриками. Ремесленники голодали и устраивали бунты, в 1830–1840 гг. численность ручных ткачей сократилась вдвое. Движимые отчаянием ткачи составляли самый решительный отряд чартистского движения⁶.

Промышленная революция дала Англии не только дешевый текстиль, на английских заводах производились разнообразные машины и станки, прежде всего паровозы и пароходы. Развитие судостроения позволило Англии сосредоточить в своих руках половину тоннажа мирового флота и подавляющую часть морских перевозок. К 1840-м гг. Англия превратилась в «мастерскую мира», на ее долю приходилось более половины производства металла и хлопчатобумажных тканей, основная часть производства машин. Население стекалось к фабрикам, и фабричные поселки превращались в огромные мегаполисы; в 1844 г. в Лондоне было 2,5 млн жителей.

Символом нового индустриального общества стал «Хрустальный дворец» — огромное здание, в котором размещалась промышленная выставка 1851 г. Впечатление, которое производили выставки 1851 и 1862 гг. на людей из другого мира, почти не затронутого промышленной революцией, было огромным. «Да, выставка поразительна, — писал Ф. М. Достоевский. — Вы чувствуете страшную силу... вы сознаете исполинскую мысль, вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа торжества»⁷.

Промышленная революция принесла с собой кардинальные перемены в социальной структуре Англии. Если прежде Англия была аграрной страной, то к 1840 г. доля занятых в сельском хозяйстве сократилась до 22% населения. Основную часть населения теперь составляла новая социальная группа — фабричные рабочие; другой новой группой была промышленная буржуазия. Производственные и социальные отношения нового общества еще только складывались, и их первоначальные формы были далеки от оптимальных. Чтобы адаптироваться к новым условиям, английскому обществу предстояло пройти длительный путь развития, и поскольку следом за Англией этим путем (с возможными вариациями) шли и другие страны — в том числе Россия, — то представляется важным хотя бы вкратце отметить основные этапы английской социальной модернизации.

Государство поначалу практически не вмешивалось в отношения между рабочими и хозяевами, трудового законодательства не существовало. Это приводило, в частности, к широкому использованию труда детей и женщин: рабочий день продолжался в среднем 14 часов, причем часть рабочих выходила в ночную смену. Жизнь в грязных рабочих казармах, скученность и антисанитария негативно отражались на здоровье и физическом состоянии населения⁸.

В начале XIX в. основную часть рабочего класса составляли недавние выходцы из деревни, как правило, неграмотные и еще не освоившиеся в новом мире. Но со временем массы рабочих адаптировались к новым условиям и осознали единство своих целей; процент грамотности среди населения постепенно повышался и к 1850 г. достиг 70%. Наступавшие время от времени экономические кризисы приводили к массовым уволь-

нениям и понижению заработной платы, они активизировали рабочих и побуждали их бороться за свои права⁹.

Другой новой социальной группой английского общества была промышленная буржуазия. В 1820–1830-х гг. центром притяжения разбогатевшей буржуазии стала партия вигов (впоследствии принявшая название либеральной партии). Доктриной вигов стал либерализм, главным принципом которого был «laissez faire» — принцип невмешательства государства в экономическую деятельность граждан; в конкретном контексте это означало, прежде всего, свободу торговли¹⁰.

Еще одним элементом новой социальной структуры был новый образованный средний класс. Специалисты отмечают, что в 1820-х гг. число студентов в английских университетах, на протяжении предыдущего столетия остававшееся стабильным, внезапно возросло вдвое. Этот скачкообразный рост численности лиц с высшим образованием был одним из проявлений процесса модернизации: новому обществу требовались люди с образованием. Но этот рост был также и следствием того, что образование стало более доступным — прежде всего, в результате технической революции в книгопечатании. В 1814 г. инженер Фридрих Кениг создал автоматическую печатную машину, дававшую 1000 оттисков в час; после этого книги и газеты стали массовым товаром, доступным широким слоям населения¹¹. С другой стороны, *резко возросли возможности печатной пропаганды, которая стала новым мощным средством распространения диффузионных влияний*.

Недавно образованный класс впитывал в себя новые научные и технические знания, новые философские и социальные теории, в конечном счете обязанные своим развитием научно-технической революции. Обладание появившимися знаниями придавало образованному классу новые качества и, прежде всего, уверенность в том, что он играет особую роль, что он является представителем «прогресса», представителем нового мира фабрик и железных дорог, уверенность в том, что ему принадлежит будущее. В 1830–1840-х гг. «прогрессивный» образованный класс в Германии и Франции называли «интеллигенцией»; интеллигенция была молодой социальной группой — и естественно, она состояла из молодых людей, в значительной степени из студентов. Резкий рост образованного класса привел к тому, что выпускники университетов не могли найти себе применения, поэтому в 1830-х гг. численность студентов немного уменьшилась и в дальнейшем стабилизировалась. Будучи молодыми и обладая новыми знаниями, интеллектуалы имели повышенные амбиции — и невозможность найти свое место в новом мире толкала образованный класс на путь радикализма¹².

Радикализм был политическим течением, зародившимся в конце XVI–II в., его главным лозунгом было всеобщее избирательное право и уничтожение привилегий правящей элиты. Политическая система Англии была наследием допромышленной эпохи, когда власть и влияние принадлежали двум классам, составлявшим основу партии тори, крупным землевладельцам (лендлордам) и торговой буржуазии. Избирательная система была архаичной: в конце XVIII в. насчитывалось 220 тыс. избирателей, но при этом половину парламента выбирали 11,5 тыс. избирателей

и имелось много округов (так называемых гнилых местечек), где число избирателей было меньше десяти. Коррупция и контроль над «гнилыми местечками» обеспечивали сохранение власти в руках сравнительно немногочисленной и замкнутой торийской аристократии.

Радикализм отрицал привилегии власть имущих, поэтому он, с одной стороны, поддерживал амбиции образованной молодежи, а с другой стороны, выражал интересы стремящихся к улучшению своего положения рабочих. В 1816 г. лидер радикалов Уильям Коббет опубликовал в специальном номере издаваемой им газеты «Письмо к поденщикам и рабочим», в котором доказывал, что единственным средством для улучшения положения рабочих является борьба за всеобщее избирательное право. Тираж этого «Письма» составлял 200 тыс. экземпляров — это была первая массовая листовка, первое использование нового метода политической пропаганды¹³.

Традиционные английские политические свободы, неприкосновенность личности, свобода печати, митингов и демонстраций облегчали политическую трансформацию старого общества. Огромные митинги, собиравшие до 100 тыс. человек, стали основным средством давления на правительство¹⁴. В конечном счете правящая аристократия была вынуждена пойти на уступки. Закон 1832 г. ликвидировал «гнилые местечки», понизил избирательный ценз и расширил контингент избирателей до 670 тыс. человек (13% взрослого мужского населения). В результате реформы промышленники и новый средний класс получили избирательные права; к власти пришла партия вигов. Что же касается рабочих, то они остались за бортом избирательной системы и продолжали свои выступления в рамках движения чартистов, сторонников «Народной хартии», требовавшей всеобщего избирательного права. Однако новый либеральный парламент отверг хартию, были произведены массовые аресты, и движение чартистов было разгромлено. Таким образом, в Англии впервые реализовалась описанная Э. Хобсбаумом *стандартная схема европейских революций*: либералы и радикалы инициируют выступления и вовлекают в них рабочих, либералы добиваются своих целей, а затем объединяются с консерваторами и отражают продолжающееся наступление рабочих¹⁵.

С середины XIX в. вигов стали называть либералами, а радикалы составляли левое крыло либеральной партии. Постепенный рост грамотности и сознательности рабочих привел к распространению социалистических теорий. Как известно, отцом «английского социализма» был Роберт Оуэн, предлагавший создание коммун-ассоциаций, которые, существуя рядом с капиталистическими предприятиями, убедили бы людей в своем экономическом превосходстве, распространяли бы новую коллективистскую мораль и в конечном счете вытеснили бы капиталистическое предпринимательство¹⁶. Однако главную роль в борьбе рабочего класса сыграло не распространение социалистических идей, а усиление профсоюзов («тред-юнионов»), превратившихся в сплоченные организации, основанные на дисциплине и взаимопомощи. В 1867 г. радикалы при поддержке тред-юнионов вновь подняли вопрос о расширении избирательного права и после месяца митингов, демонстраций и ожесточенных столкновений с полицией добились решающих уступок: круг избирателей был расширен примерно до трети взрослого мужского населения. После этой рефор-

мы профсоюзы получили возможность влиять на исход выборов и играть на противоречиях либералов и тори (которые стали называться консерваторами). В 1870–1880 гг. были приняты законы о всеобщем начальном образовании, о 10-часовом рабочем дне для мужчин, о расширении прав профсоюзов. В 1885 г. новая избирательная реформа расширила контингент избирателей до двух третей мужского населения. Под натиском забастовочной борьбы предприниматели были вынуждены идти на уступки, и к концу XIX в. рабочий день на многих фабриках уменьшился до 8 часов, а реальная заработная плата по сравнению с серединой столетия возросла примерно вдвое¹⁷.

Таким образом, процесс приспособления социальной системы к новым техническим и экономическим условиям был достаточно длительным и продолжался более столетия. К концу XIX в. он привел к формированию демократического общества, сочетавшего свободу частного предпринимательства с определенными социальными гарантиями и достаточно высоким уровнем жизни рабочих. Поскольку на протяжении долгого времени Англия была лидером мировой модернизации, то эта модель служила образцом для других стран. Практически в каждой европейской стране были свои либералы, радикалы и социалисты, бравшие за образец своих английских собратьев и искавшие у них поддержки. Англия оказывала финансовую и дипломатическую поддержку либеральным и радикальным партиям. «Пальмерстон всячески поддерживал либеральное движение в Италии и других странах, — писал Джордж Канделоро, — пытался направить его на путь реформ и конституционных преобразований и старался вовлечь средние и мелкие государства европейского континента в орбиту английской политики и экономики...»¹⁸

5.2. Процессы диффузии и модернизации в первой половине XIX века

Фундаментальные открытия в технической сфере сделали Англию центром распространяющегося *культурного круга*, который обычно называют «промышленной цивилизацией». Помимо машин и фабрик элементами этого культурного круга стали английские социальные традиции: парламентаризм, свобода частной собственности и частного предпринимательства — те общественные принципы, которые обычно называют «либеральными ценностями». Вслед за либерализмом — по мере того как в Англии получали распространение новые социальные доктрины — заимствовались также радикальные и социалистические учения. Заимствовались и многие культурные достижения и традиции; все английское на долгое время вошло в моду.

Прежде всего, техническая революция в Англии породила стремление к перениманию английских технических новшеств. Вывоз машин из Англии был запрещен, однако они вывозились контрабандой. В 1771 г. французский инспектор мануфактур Холпер привез из Англии прялку «Дженни» и, скопировав несколько экземпляров, разослал их по провинциям в качестве образцов. В 1785 г. английские механики Вуд и Холл построили в Лувье первую французскую прядильную фабрику; в этом же году английский металлург Вилькинсон наладил на заводе в Нанте выплавку

чугуна с использованием каменного угля. Революция и наполеоновские войны на время прервали процесс заимствований. В 1828 г. при поддержке французского правительства близ Компьена была создана образцовая хлопкопрядильная фабрика с лучшими английскими машинами, и описание этой фабрики вместе с чертежами машин распространялось среди французских предпринимателей. К этому времени во Франции и Бельгии было налажено копирование станков по нелегально ввезенным английским образцам, и такие станки вывозились в другие страны, в частности в Россию, — однако копии были дорогими и плохого качества¹⁹.

В России распространение английской техники было связано с деятельностью шотландского механика Чарлза Берда, который в 1792 г. основал в Петербурге первый механический завод. На этом заводе до 1825 г. было изготовлено 140 паровых машин, в том числе паровые машины (и токарные станки) для тульских оружейных заводов. Русское горное ведомство и горнозаводчики приложили немало усилий, чтобы постоянно получать сведения о новых конструкциях машин; для этой цели в Англию и другие европейские страны регулярно отправляли способных инженеров. Англичане хранили в тайне чертежи машин, тем не менее в 1821 г. гениальный механик Е. А. Черепанов, вернувшись из поездки в Англию, составил список из десяти аппаратов, которые он мог восстановить, не имея чертежей, по внешнему виду — в числе этих аппаратов была паровая машина и токарный станок. В 1834 г. Е. А. Черепанов с сыном построили первый русский паровоз²⁰.

С момента появления первых европейских железных дорог отношение к ним в России было неоднозначным. В 1830-х гг. существовала придворная партия, скептически относившаяся к западным техническим новшествам. Министр финансов Е. Ф. Канкрин и главноуправляющий путей сообщения К. Ф. Толь утверждали, что строительство дорог обойдется слишком дорого, что перевозка по рекам и каналам обходится дешевле. Учитывая военно-стратегические потребности, Николай I принял решение о постройке линии между Петербургом и Москвой, но, уступая консерваторам, отказался от строительства других дорог. Поскольку царь исходил из примата ведущей роли государства в регулировании экономики, то строительство Николаевской линии велось на государственные деньги. В принципе в российских банках хранились значительные средства, которые можно было бы привлечь к железнодорожному строительству путем организации частных акционерных обществ. Однако эти капиталы негласно использовались правительством для финансирования огромных военных расходов; таким образом, истинной причиной нехватки средств была великодержавная политика Николая I. Консерватизм и недостаток средств привели к тому, что масштабы строительства дорог в России были много меньше, чем на Западе. В 1855 г. в России насчитывалось 1004 км железнодорожных путей, во Франции — 4536 км, в Германии — 7540 км, в Англии — 12914 км. Железные дороги создавали основной спрос на продукцию металлургии и машиностроения. В итоге соответственно размерам железнодорожного строительства, в России производилось металла в три раза меньше, чем во Франции, и в 12 раз меньше, чем в Англии. *Россия, чем дальше, тем больше отставала от стран Запада в разви-*

тии тяжелой промышленности; причем это отставание имело не только количественный, но и качественный характер, особенно сказываясь в производстве станков и паровых машин²¹.

В легкой промышленности развитие производства тканей сдерживалось запретом на вывоз английских машин. До отмены запрета в 1842 г. машинное хлопкопрядение помимо Англии в значительных масштабах существовало только во Франции; в остальных европейских странах предприниматели использовали в основном дешевую английскую пряжу, которой они снабжали местных ручных ткачей. После 1842 г. на континенте начался бум строительства хлопчатобумажных фабрик, причем большую роль играли английские фабриканты, которые предоставляли капиталы, машины и инженеров. В Англии к этому времени образовались значительные избыточные капиталы, которые искали своего применения; с другой стороны, англичан привлекали дешевизна рабочей силы и широкие возможности для сбыта продукции на континентальных рынках. Англичане строили не только фабрики, но и железные дороги; большинство железных дорог в тот период строилось английскими инженерами; все оборудование, паровозы и рельсы ввозились из Англии. Ввозился и капитал, в 1848 г. одна треть капитала французских железнодорожных линий принадлежала англичанам²².

В середине XIX в. уровень модернизации стран Европы сравнительно с Англией был еще невысок. В 1850 г. на хлопкопрядильных фабриках Англии имелось 21 млн веретен, на фабриках Франции — 4,6 млн веретен, в Австрии — 1,4 млн, в России — 1,1 млн, в Германии — 0,75 млн. Еще большим был разрыв в использовании паровых двигателей: в Англии на душу населения приходилось 33,3 л. с., во Франции — 2,6 л. с. В то время как в Англии в сельском хозяйстве было занято лишь 22% населения, во Франции и Германии — более 60%; континентальные страны еще оставались по преимуществу традиционными аграрными обществами²³. Тем не менее техническая модернизация и развитие промышленности постепенно приводили к изменениям в социальной структуре в том же направлении, что и в Англии. Прежде всего, расширилась и приобрела большую финансовую мощь торгово-промышленная буржуазия. Богатства буржуазии позволили ей претендовать на власть, и она начала наступление на монархию, требуя права на участие в управлении. Значительно вырос класс наемных рабочих, вскоре заявивший о своих интересах. Наконец, появилась интеллигенция — образованный средний класс, непосредственно связанный с распространением новой техники и новых знаний и так же требовавший права на участие в управлении.

С одной стороны, эти социальные изменения были неизбежным следствием распространения английской техники и промышленной революции, но с другой стороны, они постоянно подпитывались диффузионным процессом, не ограничивавшимся областью техники и распространившимся на социальную сферу. Буржуазия стремилась к власти не только потому, что она стала богатой и сильной, но и потому, что ее побуждал к этому пример Англии. К тому же интересы английских капиталистов, вкладывавших свои средства на континенте, переплетались с интересами местных предпринимателей, и Англия зачастую оказывала прямую

поддержку буржуазным партиям в других странах. Аналогично интеллигенция во многих странах (в том числе и в России) боролась за участие в управлении не только потому, что она многократно численно возросла, но и потому, что ее воодушевляли успехи английских радикалов — и английские радикалы (а иногда и правительство) оказывали ей определенную помощь.

Необходимо, однако, отметить, что процессы диффузии в континентальной Европе имели мирный характер: Англия, несмотря на свое промышленное могущество, не обладала достаточной военной силой, чтобы навязать свою волю и свою социальную систему европейским монархиям. Процесс диффузии в социальной сфере первоначально проявлялся в появлении политических группировок, боровшихся за установление конституционного строя по английскому образцу. В 1820-х во Франции сформировалась группировка, члены которой называли себя «либералами» (это имя затем приняли и английские виги). Эта партия состояла преимущественно из богатых буржуа; она требовала предоставления гарантий политических свобод в рамках конституционной монархии, причем избирательные права должны были принадлежать (как в торийской Англии) узкому кругу богатых собственников. Лидер либералов, известный историк Ф. Гизо, использовал свою кафедру в Сорбонне для пропаганды английского государственного строя и английской «славной революции» 1688 года²⁴.

Во Франции имелась и другая политическая группировка, члены которой называли себя «независимыми». «Независимые» требовали широких избирательных прав и были близки по духу английским радикалам. Как отмечает Э. Хобсбаум, распространение радикальных движений на континенте (как и в Англии) было связано с ростом образованного класса, который не мог найти приложения своим силам в рамках «старого режима»²⁵. Помимо радикалов во Франции существовали и социалисты; социалистическое учение Фурье появилось немногим позже учения Оуэна и в некоторых отношениях представляло собой его развитие: коммуны Фурье (которые он называл «ассоциациями») были устроены сложнее, чем коммуны Оуэна, и в них предполагалось вознаграждение в зависимости от вложенного капитала.

В России также появилась фракция либералов-«западников», которая требовала введения гражданских свобод, независимого суда, представительного правления и местного самоуправления. Либералы выступали за отмену крепостного права — но на условиях, не ущемляющих имущественные интересы дворянства. Выразителями интересов этой фракции на страницах печати были известные университетские профессора К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин. Кавелин не скрывал, что он исходит из признания «необходимого неравенства людей», он утверждал, что «значение и влияние должны принадлежать не толпе, а образованнейшему и зажиточному сословию»²⁶.

Либеральные группы конституционалистов существовали также в Испании и Италии, причем в Италии они приняли присущий для этой страны характер тайных союзов. Самым влиятельным из этих союзов было общество карбонариев; оно представляло собой иерархическую систему строго законспирированных ячеек, «вент». Карбонарии распространили

свою сеть на армию и делали ставку на военное восстание. В 1820 г. либералы подняли военные восстания в Испании и Италии, но потерпели поражение в результате интервенции держав, входивших в «Священный союз». Англия пыталась противодействовать этой интервенции и, не добившись успеха, вышла из «Священного союза»²⁷.

После революций 1820 г. общество карбонариев по итальянскому образцу было создано и во Франции, однако мятежи французских карбонариев были неудачны, и общество распалось на несколько тайных союзов. Когда в 1830 г. король Карл X предпринял попытку абсолютистского переворота, тайные союзы возглавили восстание в Париже; рабочие и ремесленники, страдавшие от экономического кризиса, поддержали восставших, а многие офицеры, недовольные уменьшением жалования, перешли на сторону народа. В результате победы революции 1830 г. была принята новая конституция, расширившая права Законодательного собрания; по этой конституции контингент избирателей, хотя и увеличился, но составлял лишь 2,2% от взрослого мужского населения. Таким образом, программа либералов была отчасти реализована, и политическая система Франции приблизилась к политической системе торийской Англии. «Независимые» радикалы, однако, не были удовлетворены результатами революции, и их тайные общества продолжали инициировать восстания²⁸.

Одним из знаменитых вождей тайных обществ 1830-х гг. был Огюст Бланки. Бланки заимствовал у карбонариев сопровождаемые страшными клятвами ритуалы посвящения, раздельное существование венг, состоящих из 10 человек, из которых только руководитель был связан с вышестоящей венгой, и так далее. Основанное Бланки «Общество времен года» вербовало своих членов среди озлобленных парижских безработных и ставило своей целью уничтожение «всякой аристократии». Главная идея Бланки состояла в том, чтобы с помощью небольшого, но хорошо организованного и подчиненного железной дисциплине тайного общества начать восстание, а затем к нему, само собой, присоединятся толпы голодающих парижских бедняков. Сигналом к восстанию должно было стать убийство короля Луи-Филиппа, и в июле 1835 г. бланкисты совершили покушение на короля с помощью «адской машины» из нескольких десятков ружей; было убито и ранено сорок человек, но король уцелел и выступление было отложено. В мае 1839 г. шестьсот бойцов «Общества времен года» внезапно захватили парижскую ратушу; они бегали по окружающим улицам и призывали парижан присоединиться к восстанию, но не встретили той поддержки, на которую надеялись. Восстание было подавлено, однако тактическая идея Бланки — создание тайного общества, инициирующего восстание террористическими методами, была взята на вооружение многими революционерами. В политическом отношении бланкисты причисляли себя к «коммунистам», но их программа была довольно расплывчатой. После победы революции они собирались установить «диктатуру Парижа», упразднить Национальное собрание, запретить буржуазную печать и некоторое время в целях «воспитания народа» править авторитарными методами²⁹.

Одним из новых факторов социальных отношений первой половины XIX в. был подъем национальных движений. Как полагает Э. Хобсба-

ум, национализм был следствием численного роста образованных элит. В прошлом малочисленные элиты владели международными языками, такими как латынь и французский; с ростом элит появилась литература на национальных языках, и эти языки стали использоваться в университетах, администрации, судах и т. д. Этнический маркер разделил образованную элиту многонациональных монархий на национальные группы, и по мере обострения внутриэлитной конкуренции национализм стал одним из ее проявлений³⁰.

В XIX в. националисты были союзниками либералов и радикалов в борьбе с абсолютизмом. Оформившийся союз отразился в понятии «национально-освободительная борьба», которое включало в себя борьбу не только за национальное освобождение, но и за политические свободы. В качестве примеров либеральных теорий прав наций исследователи приводят идеи И. Г. Гердера, Дж. С. Милля, В. С. Соловьева, В. Вильсона, Т. Г. Масарика; в этом ряду особое место занимает Джузеппе Мадзини, бывший не только теоретиком, но и практиком национально-освободительной борьбы³¹. Идеи и деятельность Мадзини иллюстрируют конкретный механизм действия диффузионного фактора; они раскрывают механизм революционного процесса, который имел международный характер и происходил не только в странах Западной Европы, но и в России.

С точки зрения идеологической преемственности Мадзини был наследником карбонариев 1820-х гг.; в молодости он был членом одной из карбонарских вент. Программа карбонариев была сочетанием национализма и диффузионных либеральных идей, эта программа ничего не обещала народу и не обращалась к нему за поддержкой. Мадзини научился у карбонариев искусству конспирации, умению организовывать «пятерки» и налаживать между ними связь с помощью шифров и симпатических чернил. Однако вскоре он понял, что заговоры в узком кругу революционеров обречены на провал, что для успеха борьбы надо привлечь к ней народ. Обстановка порожденных Сжатием малоземелья и нищеты итальянских крестьян внушала Мадзини уверенность, что народ всегда готов к восстанию, что ему не хватает лишь вождей. Таким образом родилась теория «революционной инициативы» (или «хождения в народ»): образованная молодежь, прежние заговорщики-карбонарии должны были идти в народ и поднимать его на борьбу. «Почему... не идете, неся огненный крест (символ восстания — С. Н.) из местности в местность, из деревни в деревню? Идите к простолюдинам, поднимайтесь в горы, присутствуйте при трапезе земледельца, посещайте мастерские ремесленников», — призывал Мадзини³².

Чтобы поднять народ на борьбу, молодежь должна была обещать простолюдинам равноправие сословий и всеобщее избирательное право³³. Но Мадзини не обещал народу хлеб и землю. «Начало ее движения было непосредственное... — писал В. Г. Белинский о революционной буржуазии, — тогда она не отделяла своих интересов от интересов народа... ее ошибка была в том, что она подумала, что народ с правами может быть сыт и без хлеба»³⁴. В 1831 г. Мадзини создал из итальянских эмигрантов во Франции и Швейцарии организацию «Молодая Италия». Идея «революционной инициативы» завоевала популярность, и в 1834 г. была создана «Мо-

лодая Европа», включавшая «Молодую Францию», «Молодую Германию», «Молодую Польшу» (в 40-х гг. появилась и «Молодая Венгрия», а в конце XIX в. — «Молодая Босния», «Молодая Турция» и т.д.). Большую роль в революционной агитации играли личные качества Мадзини — он олицетворял образ вождя, пламенного революционера. «Когда он впервые появился в Марселе, — вспоминал один из сподвижников Мадзини, — с лицом бледным, аскетичным, но точно озаренным божьим светом, он увлекал своей вдохновенной речью, своим неотразимым энтузиазмом тех, кто его окружал». «Он тем более опасен, — говорилось в донесении полиции, — что неподкупен, фанатичен, готов на любую жертву»³⁵. Этот образ позднее был воспроизведен в «Катехизисе революционера» Бакунина и Нечаева и в романе Э. Л. Войнич «Овод»; он вдохновлял многих — в том числе и русских — революционеров.

После неудачи первого организованного им восстания Мадзини в 1837 г. приехал в Лондон и при поддержке английских радикалов создал здесь базу для подготовки новых выступлений. В этот период своей деятельности итальянский революционер познакомился с идеями Оуэна и Фурье о производственных ассоциациях и включил их в свою социальную программу; он писал также о необходимости введения прогрессивного налога и ограничении права наследования. Однако главного требования крестьян — конфискации и раздела помещичьих земель — в программе Мадзини не было; он не мог идти на разрыв с либералами, имевшими сильные позиции в освободительном движении³⁶.

В период лондонской эмиграции Мадзини освоил новый метод революционной борьбы: руководство из заграничного центра посредством тайной шифрованной переписки, а также ведение пропаганды в Италии с помощью издаваемого в заграничном центре журнала, который тайно доставлялся на полуостров. Таким образом, Мадзини первым создал инфраструктуру политической «революции извне», основанную на массовой печатной пропаганде, которая стала возможной после создания мощных печатных машин. Используя эти методы, в 1843–1844 гг. Мадзини организовал три восстания в Италии, но все они закончились неудачно. Поднявшим красный флаг группам заговорщиков не удавалось увлечь за собой народ; их лозунги были непонятны для крестьян, думавших главным образом о земле. Между тем в Италии получило распространение умеренно-либеральное движение, его лозунгами были борьба с Австрией, объединение Италии и конституционная монархия с ограниченным представительством высших классов³⁷.

В 1846 г. начался экономический спад, вызванный чередой неурожаев; в 1847 г. во многих городах Италии прокатилась волна голодных бунтов и демонстраций. Эти события совпали с активизацией английской политики, Англия стремилась вытеснить из Италии австрийцев и — под лозунгом свободы торговли — захватить итальянский рынок. В сентябре 1847 г. Пальмерстон отправил в Италию миссию лорда Минто, который, опираясь на военно-дипломатическую поддержку курсировавшего вдоль итальянских берегов английского флота, побуждал итальянские правительства пойти по пути либеральных реформ. Не без влияния со стороны миссии Минто в начале 1848 г. в Палермо началось восстание сицилийских сепара-

тистов; в обстановке голода оно было поддержано населением, и неаполитанский король Фердинанд II был вынужден принять конституцию по образцу французской конституции 1830 г. Это вызвало цепную реакцию, под давлением народных манифестаций (и английской агитации) монархи Северной Италии были вынуждены принять конституции, а затем объявить войну Австрии. Так начались европейские революции 1848 г.³⁸.

5.3. Европейские революции 1848 года

Диффузионное влияние Англии было одним из главных факторов, обусловивших волну европейских революций 1848 г. Сторонники теории модернизации рассматривают революции 1848 г. как важнейший этап модернизации — начало периода, когда власть в странах континентальной Европы переходит к «модернизаторскому руководству»³⁹.

Влияние технической модернизации сказывалось, в частности, в появлении промышленного пролетариата — нового класса, сыгравшего большую роль в революции, охватившей в первую очередь промышленные столичные города. В конкретной ситуации 1848 г. большое значение имел процесс разорения ручных ткачей, вызванный созданием в 1820-х гг. усовершенствованного ткацкого станка. Именно разорение ткачей привело к лионским восстаниям 1830-х гг., к восстанию 1844 г. в Силезии и волнениям в Берлине и Праге⁴⁰.

Фактор диффузии (помимо своего влияния на развитие промышленности) проявлялся прежде всего в той роли, которую сыграли в революционном кризисе либеральные и радикальные группировки. Как отмечает Э. Хобсбаум, все революции 1848 г. «имели что-то общее». По Хобсбауму, это общее заключалось в том, что революцию начинали либералы и радикалы, увлекавшие за собой рабочих. Этот союз быстро добивался успеха, и весной 1848 г. почти все монархи Европы были вынуждены даровать своим подданным конституции. Достигнув своих целей, либералы переходили от союза с радикалами и рабочими к союзу с консервативными монархическими силами, создавая «партию порядка». Но рабочие были не удовлетворены достигнутым, им нужна была не конституция, а «право на труд» и высокая зарплата, и они продолжали свое наступление, грозившее превратиться в «социальную революцию». Это приводило к столкновению с «партией порядка», и рабочие терпели поражение. Когда опасность со стороны низших классов уменьшалась, «партия порядка» распадалась, консерваторы собирались с силами, разгоняли либеральные парламенты и отнимали у либералов большую часть конституционных гарантий. В итоге монархия возвращалась к власти, но в обновленном и реформированном виде⁴¹.

Как мы увидим далее, эта общая схема реализовалась и в русской революции 1905 г., поэтому представляет интерес вкратце описать, какое воплощение она получила в европейских странах. Необходимо, однако, отметить, что как в европейских революциях 1848 г., так и в русской революции 1905 г., диффузионный фактор действовал вместе с демографическим фактором. Анализ европейских революций 1848 г. с позиций демографически-структурной теории был дан Дж. Голдстоуном⁴². Акцен-

тируя роль демографического фактора, Дж.Голдстоун указывает прежде всего на рост населения, которое увеличилось во Франции в 1800–1851 гг. на 31%, а в Германии в 1815–1845 гг. на 40%. Сельскохозяйственное производство повсюду (кроме Восточной Германии) росло медленнее, чем население, что нашло свое выражение в постепенном росте цен и уменьшении реальной заработной платы. Рост населения привел к измельчению крестьянских наделов и уходу крестьян в города, где они пытались заработать на жизнь ремеслом или работой по найму. Численность городского населения во Франции увеличилась вдвое, а его доля возросла с 9,5 до 14,5%. Хотя промышленное производство росло, индустриализация еще только начиналась, и, к примеру, в Германии фабричные рабочие составляли только несколько процентов от всех работников, поэтому фабрики не могли обеспечить излишнее население работой⁴³.

Чрезвычайно важно, отмечает Дж.Голдстоун, что в условиях напряженной продовольственной ситуации в Европе (как и в России) неурожайные годы приводили к значительным колебаниям цен и реальной заработной платы. Во Франции фазы падения заработной платы приходились на 1828–1832 и 1845–1848 гг., и эти периоды голода и нищеты были важными экономическими предпосылками революций 1830 и 1848 гг.⁴⁴

С другой стороны, численный рост элиты привел к увеличению числа претендентов на чиновные и другие доходные места. Число учащихся лицеев во Франции в 1816–1848 гг. увеличилось в три раза, в такой же степени возросло число студентов германских университетов. Администрация, армия, суды не могли дать работу массе новых выпускников. Во Франции в 1820-х гг. жалование офицеров было сокращено вдвое. Уменьшение жалования и недостаток доходных мест вызывали массовое недовольство средних классов общества, прежде всего молодежи. Это недовольство было питательной средой для либеральных и радикальных группировок⁴⁵.

Начало французской революции характерно с точки зрения методов, которые использовали революционеры для возбуждения масс (эти методы использовались и в начале русской революции). В первые месяцы 1848 г. радикалы развернули так называемую банкетную кампанию, в ходе которой устраивались якобы «частные» банкеты с сотнями и тысячами участников, на которых подписывались петиции с требованием расширения избирательных прав. Когда назначенный на 22 февраля банкет был запрещен, начались демонстрации; толпа, подошедшая к резиденции главы правительства (а им был лидер либералов Гизо), была остановлена солдатами; внезапно из толпы стали стрелять в солдат, те ответили залпом — было убито более 20 человек. Демонстранты погрузили тела убитых на телеги и двинулись по парижским бульварам, крича, что расстреливают народ. Во Франции свирепствовал кризис, и в Париже было множество голодающих безработных; народ стал строить баррикады. Войска, двинутые на подавление бунта, вследствие неудачных распоряжений вошли в соприкосновение с толпой, были сразу же разогнаны, и многие батальоны перешли на сторону народа. Вооруженные инсургенты двинулись к Тюильри, и король был вынужден бежать⁴⁶.

Восставший народ ворвался в здание Национального собрания, большинство депутатов разбежалось, но радикалы остались и, приветствуемые

народом, сформировали временное правительство. Временное правительство провозгласило Францию республикой и объявило о созыве Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. Рабочий день в Париже был ограничен 10 часами (11 часами в провинции), было объявлено «право на труд», и, в духе социалистической программы создания ассоциаций, были основаны национальные мастерские. Количество рабочих в этих мастерских уже в мае достигло 100 тыс., и для их содержания пришлось увеличить прямые налоги на 45%; это вызвало негативную реакцию крестьян. Учредительное собрание, избранное в основном голосами крестьян, было настроено враждебно к парижским рабочим, 21 июня оно объявило о закрытии национальных мастерских. Рабочие восстали, но восстание было подавлено армией⁴⁷.

После подавления восстания республиканское правительство провело новый избирательный закон, вводивший ценз оседлости и лишивший голоса 29% избирателей — в основном рабочих, которые в поисках работы часто меняли место жительства. Сохранив высокие налоги и отказавшись ограничить ростовщичество, республиканцы вскоре лишились поддержки крестьян. Страдавшие от малоземелья крестьяне ничего не получили от революции; простой народ имел все основания воспринимать республику как власть богачей — это породило стремление вернуться к пекущейся о благе народа монархии. Воплощением этой «наполеоновской легенды» стал племянник императора Наполеона I Луи-Наполеон. 10 декабря 1848 г. состоялись президентские выборы, и крестьяне шли к избирательным урнам, восклицая: «Долой налоги, долой богачей, долой республику, да здравствует император!»⁴⁸ 2 декабря 1851 г. «принц-президент» Луи-Наполеон произвел государственный переворот и распустил Законодательное собрание. Проведенный затем плебисцит изменил конституцию и закрепил за Луи-Наполеоном почти монархическую власть; год спустя новый правитель Франции был провозглашен императором Наполеоном III. Таким образом, в контексте диффузионистской теории восстановления империи было тесно связано с традиционалистской реакцией на распространение англо-голландского культурного круга, на экспансию либерализма и частнособственнических отношений.

Французский политический кризис 1848 г. имеет некоторые общие черты с английским «чартистским» кризисом: в обоих случаях радикалы и социалисты выступали против уже находившихся у власти либералов. В отстававшей на пути модернизации Центральной Европе у власти находились абсолютные монархи, и революция, происходившая в Пруссии, имеет много общего с русской революцией 1905 г.

В Пруссии с 1830-х гг. существовали как либеральные, так и радикальные политические группы. Либералы объединяли часть помещиков-юнкеров и предпринимателей; они имели большинство в местных ландтагах, и их лозунгом было создание общепрусского Соединенного ландтага с последующим принятием конституции. Англия и международный капитал оказывали либералам прямую поддержку: когда король Фридрих Вильгельм IV обратился к Ротшильдам с просьбой о предоставлении займа, они обусловили свое согласие созывом представительного собрания. В 1847 г. в условиях экономического кризиса, голода и надвигающегося

банкротства король принял эти требования и объявил о созыве в следующем году Соединенного ландтага, который должен был вотировать займы и новые налоги. Ландтаг еще не успел собраться, когда пришли известия о революции во Франции, и в Берлине начались многочисленные митинги, на которых радикалы призывали голодающих рабочих к составлению петиции с требованиями политических свобод. 13–15 марта 1848 г. имели место несколько столкновений демонстрантов с полицией и войсками. 17 марта, после получения известий о революции в Вене, на собраниях горожан было принято решение на следующий день идти толпой ко дворцу и передать королю петицию с требованием свободы печати, ускорения созыва ландтага и удаления войск. Однако король пошел на уступки и подписал указ о свободе печати и скорейшем созыве ландтага — поэтому запланированное шествие превратилось в верноподданническую манифестацию. В разгар манифестации группа демонстрантов подняла черно-белое знамя оппозиции, начались беспорядки и охранявшие дворец солдаты открыли огонь по толпе. Народ отхлынул на соседние улицы и начал строить баррикады; бои продолжались два дня. В конце концов, 19 марта, король приказал вывести войска из Берлина и вышел к народу, обнажив голову перед принесенными на площадь телами убитых революционеров⁴⁹.

Непосредственный свидетель событий, известный историк Леопольд фон Ранке, в докладной записке королю доказывал, что революция была вызвана, главным образом, «Invasion» — «нашествием» чужеземных идей, то есть широчайшим распространением в 1840-х гг. английских и французских либеральных теорий⁵⁰.

29 марта Фридрих Вильгельм IV пригласил возглавить правительство двух либеральных лидеров — Л. Камгаузена и Д. Ганземана. В противовес королевской армии в Берлине была создана городская милиция из зажиточных бюргеров. 2 апреля собрался Соединенный ландтаг, который принял закон о проведении выборов в Учредительное собрание. 22 мая начало работу Учредительное собрание; примерно четверть депутатов собрания принадлежали к радикалам, треть — к монархистам, остальные — к либеральному центру. Собрание представило проект конституции, которая устанавливала равенство перед законом, политические свободы и уничтожала остатки феодализма, в том числе вотчинную полицию и вотчинный суд. По конституции исполнительная власть принадлежала королю, который имел право созывать и распускать палаты. Выборы в нижнюю палату были всеобщими, но двухстепенными⁵¹.

Берлинские рабочие считали себя победителями мартовских боев, они не были удовлетворены результатами революции, рабочие требовали от заводоуправленцев сокращения рабочего дня и повышения зарплат. Большинство берлинских предпринимателей было вынуждено пойти на уступки, но дать работу всем безработным и пришедшим из деревни крестьянам было невозможно. В Берлине продолжались демонстрации, 14 июня толпа рабочих овладела арсеналом, но восстание было подавлено городской милицией и вновь введенными в город войсками⁵².

Таким образом, раскол между рабочими и либералами привел к тому, что либералы стали искать союза с монархической партией. Тем временем дворянская монархическая партия консолидировалась, в августе

в Берлине состоялся съезд монархических союзов, провозгласивший своей задачей не соглашение с либералами, а роспуск Собрания. Оценив изменения в расстановке сил, король 11 сентября отправил в отставку либеральное правительство. 1 ноября министром внутренних дел нового правительства был назначен Отто фон Мантейфель — один из видных чиновников-бюрократов, ставший фактическим руководителем королевской политики. 10 ноября Фридрих Вильгельм IV приказал Учредительному собранию перенести свои заседания из Берлина в Бранденбург; собрание отказалось подчиниться и было разогнано войсками. Бюргерская милиция не осмелилась оказать сопротивление, а депутаты ограничились призывом к «пассивному сопротивлению» властям, к отказу от уплаты налогов и поставки рекрутов⁵³.

При роспуске Учредительного собрания было заявлено, что оно выполнило свою миссию — создание конституции, и эта конституция теперь дарована королем народу. Однако Мантейфель произвел в конституции ряд изменений, и в частности добавил особую (105-ю) статью, позволявшую правительству не только издавать в промежутке между сессиями палат новые законы, но и пересматривать отдельные статьи самой конституции. Было объявлено также о выборах в новое Законодательное собрание; эти выборы были проведены в соответствии с предусмотренной конституцией всеобщей подачей голосов, и они не дали правительству необходимого большинства. 27 апреля Мантейфель распустил второе собрание и заявил об изменении избирательного закона. По новому закону избиратели делились на три класса в зависимости от размера уплачиваемых налогов, и каждый класс избирал одинаковое число выборщиков, которые затем, объединившись, избирали депутатов. В первом классе оказалось 153 тыс. наиболее состоятельных избирателей, во втором классе — 409 тыс. менее состоятельных и в третьем классе — 2 651 000 бедняков; таким образом, один голос избирателя первого класса приравнялся к 17 голосам избирателей третьего класса. Получив необходимое большинство в палатах, Мантейфель в январе 1850 г. провел через Собрание новую конституцию, по которой правительство было ответственно только перед королем, а финансовые права палат были ограничены утверждением новых налогов (то есть правительство получало право повторять бюджет предыдущего года). Таким образом, король вернул большую часть своей абсолютной власти⁵⁴. П. А. Столыпин признавал впоследствии, что он копировал методы Мантейфеля⁵⁵.

Одной из важнейших реформ Мантейфеля стал аграрный закон, принятый 2 марта 1850 г. Революция ничего не дала крестьянам, и решение аграрной проблемы взяла на себя монархия. Как отмечалось выше, крестьяне в Пруссии были освобождены в 1807 г., но земля осталась в собственности помещиков и за пользование ею крестьяне несли повинности и платили ренту⁵⁶. Новый закон безвозмездно отменял часть крестьянских повинностей, но основная рента для всех крестьян подлежала выкупу, который производился следующим образом: сначала все повинности по определенным нормам переводились в ежегодную денежную ренту и крестьянину предоставлялось право выкупить эту ренту, заплатив ее 18-кратную величину. До тех пор пока крестьянин не выкупит ренту, он

должен платить ее, но не помещику, а в государственный рентный банк (таким образом, рента по существу превращалась в налог). Банк в свою очередь выдавал помещику рентное письмо (долговую расписку) на сумму, равную 20-кратной ренте; по этому письму каждый год платилось 4% от указанной суммы, как процент на вклад. По мере накопления средств банк выкупал эти рентные письма. Впоследствии подобная схема платежей была использована в русской реформе 1861 г.⁵⁷

В мотивировке аграрных законов содержались ссылки на теорию «всеобщего блага», и Мантейфель подчеркивал, что принятие аграрных законов продиктовано государственной необходимостью — то есть ссылался на принципы этатизма⁵⁸. Необходимо отметить, что во время революции в Австрии (4 марта 1849 г.) император Франц Иосиф «даровал» крестьянам подобный закон о выкупе повинностей (правда, он следовал проекту рейхстага, но сделал закон более радикальным и постарался присвоить заслугу себе). Австрийский закон был более этатистским и более выгодным для крестьян, нежели прусский: по этому закону крестьяне уплачивали $\frac{2}{3}$ выкупной суммы, а остальное платило государство⁵⁹.

Таким образом, в соседних с Россией странах, Пруссии и Австрии, остатки крепостного права были отменены монархами, действовавшими из этатистских принципов. Как утверждает демографически-структурная теория, для фазы Сжатия характерны социальные реформы, направленные на облегчение положения народных масс, — и эти реформы обычно сопровождаются усилением этатистских тенденций. В то время как увлекаемые диффузионной волной либералы игнорировали нужды крестьянства, монархия шла навстречу народу и пыталась регулировать общественные отношения, не допуская крайних проявлений социального неравенства. Конечно, пример соседних монархий не мог не оказать влияния на решение вопроса о крепостничестве в России.

В странах, где революционеры 1848 г. уходили от решения аграрной проблемы, им пришлось столкнуться с противодействием со стороны крестьян. В Северной Италии местные крестьяне выступали на стороне австрийской монархии, которая обещала облегчить их положение. «Да здравствует Радецкий! — кричали крестьяне, приветствуя австрийского фельдмаршала. — Смерть хозяевам!»⁶⁰ В Риме одержавшие верх повстанцы изгнали папу и вручили власть Мадзини, однако знаменитый революционер оказался беспомощным перед лицом порожденной Сжатием аграрной проблемы. В провинции начались крестьянские бунты, а затем вторгнувшиеся французские и австрийские войска вернули власть папе. Революция в Италии была подавлена.

В итоге в странах Европы «либеральные» диффузионные революции натолкнулись на встречную этатистскую тенденцию и имели лишь ограниченный успех. В конечном счете на смену либеральной модернизации пришла бонапартистская модернизация, которая копировала технические достижения Англии, но старалась сохранить традиционную этатистскую монархию. Россия двинулась по этому пути несколько десятилетий спустя.

Таким образом, в революциях 1848 г. инициатива принадлежала «вестернизированной» либеральной и радикальной интеллигенции. Теодор фон Лауэ, автор «теории вестернизации»⁶¹, называл все революции XIX-

XX вв. «революциями вестернизации» или «революциями извне». Дело не только в том, революции были вызваны «Invasion», интеллигенция получала поддержку извне, она опиралась на эмигрантские центры, на печатную пропаганду, на финансирование движения внешними силами. Ввиду своей слабости интеллигенция искала союзников и использовала в своих целях социальные конфликты традиционного общества — прежде всего, конфликты, обусловленные перенаселением и Сжатием. Пытаясь поднять на борьбу народ, интеллигенция широко использовала приемы политической провокации: стрельбу из толпы по полиции и организацию чреватых кровавыми репрессиями шествий к дворцам правителей. Как мы увидим далее, такое развитие событий имело место и во время русской революции 1905 г. Однако народные выступления носили ограниченный характер городских восстаний: европейское Сжатие было еще недостаточно сильным, чтобы поднять на борьбу крестьянские массы. Ситуация в России была иной: Сжатие привело к тому, что городские восстания спровоцировали восстания в деревне.

5.4. Диффузионные процессы в 1850-х годах

После подавления революций 1848 г. прибежищем бежавших революционеров стал Лондон. Английские радикалы создали для своих сотоварищей-эмигрантов «Центр связей друзей свободной мысли», где они могли получить как духовную, так и материальную поддержку. В 1853 г. в Лондоне был организован «Центральный европейский комитет», который возглавили Дж. Мадзини, вождь венгерской революции Л. Кошут, бывший министр французской республики А. Ледрю-Роллен, глава немецких социалистов А. Руге и вождь польских повстанцев С. Ворцель. Все перечисленные лидеры были одновременно главами «национальных революционных комитетов», деятельность которых был призван координировать «центральный комитет». Создание этой интернациональной революционной организации скрытно финансировалось английской разведкой и английскими радикалами. На эти деньги издавались газеты «Вождь» и «Голос изгнанников», предназначенные для революционной пропаганды на континенте. Король Бельгии Леопольд жаловался своей племяннице королеве Виктории: «У вас в Лондоне что-то вроде зверинца — всякие Кошуты, Мадзини, Легранжи, Ледрю-Ролены, и так далее... которых периодически спускают на континент, чтобы там невозможно было достичь ни покоя, ни процветания...»⁶²

Европейский комитет представлял собой новый канал диффузионного влияния английской цивилизации на Европу; комитет пытался вновь раздуть затухающий огонь революции и организовал несколько восстаний, в том числе ломбардское восстание 1853 г. Однако отсутствие поддержки «революции извне» со стороны внутренних сил, прежде всего со стороны крестьянства, заставляло революционеров искать пути решения аграрной проблемы. Ближайший сподвижник Мадзини Карло Пизакане в 1850 г. написал книгу «О революции», в которой призывал национализировать землю и раздать ее для обработки крестьянским общинам-«ассоциациям». Пизакане предлагал также обобществить все

капиталы, фабрики, здания, машины, транспорт и организовать производство с помощью рабочих ассоциаций. Право наследования также следовало отменить, а государственные органы — упразднить, ассоциации должны были управляться сами собой. Некоторые современные исследователи считают, что доктрина Пизакане стала основой анархистского учения М. А. Бакунина, которое впоследствии широко распространилось по всему миру и оказало чрезвычайно важное влияние на становление русского народничества⁶³.

В области революционной тактики Пизакане придерживался тех же идей, что и Мадзини: он считал, что нужно «идти в народ» и поднимать его на восстание. Дж. Берти называет Пизакане «героем-народником», для которого социализм являлся непосредственным слиянием интеллигенции с народом в ходе героической борьбы. В июле 1857 г. Пизакане высадился с отрядом добровольцев на юге Италии; он пытался поднять крестьян на борьбу, но был окружен правительственными войсками и, тяжело раненный, покончил с собой⁶⁴.

Восстания были подавлены, и, разочаровавшись в теории «революционной инициативы», Мадзини перешел к террористической тактике. Осенью 1854 г. агент «Европейского комитета» Феличе Орсини организовал в Милане «Союз смерти», который должен был подготовить покушения на Наполеона III, Франца Иосифа и короля Пьемонта Карла Альберта. Характерно, что эти покушения (как и другая деятельность Мадзини) финансировались одним из руководителей британской разведки Джемсом Стэнсфелдом. 14 января 1858 г. возглавляемая Орсини группа террористов забросала бомбами кортеж Наполеона III на площади у Парижской оперы. Было убито и ранено около двухсот человек, но император не пострадал. Это было первое в истории террора применение бомб, и акция произвела колоссальное впечатление на мировую общественность. Враждебная Наполеону III либеральная пресса объявила террористов героями; все газеты печатали их речи в зале суда, и пользуясь этим, Орсини не защищался, а обвинял и предъявлял свои требования⁶⁵. А. И. Герцен писал после казни Орсини: «Смерть Пизакане и смерть Орсини были два страшных удара в душную ночь. Романская Европа вздрогнула...»⁶⁶ В конечном счете император Наполеон не выдержал морального давления и пошел на уступки: он отказался от политики сдерживания итальянского освободительного движения и вместе с Пьемонтом начал войну за освобождение Италии от австрийцев. Воспользовавшись национальным подъемом, Мадзини и Гарибальди осуществили высадку отряда добровольцев на Сицилию — и на этот раз им действительно удалось поднять революцию, закончившуюся объединением Италии. Несомненно, эта победа была во многом результатом революционной деятельности, направляемой извне Мадзини и «Европейским комитетом». Но крестьяне в своей массе так и не получили землю; Гарибальди ограничился разделом между арендаторами государственных земель и быстро распустил крестьянские отряды⁶⁷.

«Европейский комитет» пытался распространить свою деятельность также и на Россию. Мадзини предлагал Герцену войти в состав руководителей комитета и взять на себя организацию революционной деятель-

ности в России — однако Герцен отказался, объяснив, что за ним не стоит никакой революционной организации. В то время Герцен был эмигрантом-одиночкой, одним из участников дискуссий в «Центре связей». По своим идейным взглядам Герцен был радикалом и сторонником учения Сен-Симона. Еще до отъезда за границу, в Москве, Герцен познакомился с прусским экономистом бароном Гакстгаузеном, который обратил его внимание на схожесть русской общины с теми коммунами-ассоциациями, которые пропагандируются европейскими социалистами. Эта мысль стала основой созданной Герценом концепции «русского социализма»: самоуправляемая, скрепленная совместным владением земель и духом коллективизма русская община есть та база, на которой может быть построено новое социалистическое общество. Поэтому главное, как полагал Герцен, — это освобождение общин из-под власти помещиков⁶⁸.

В Лондоне Герцен близко сошелся с членами «Европейского комитета», в том числе с Мадзини (которого он считал «величайшим политическим человеком»), а также с Оуэном и некоторыми видными радикалами. По примеру Мадзини Герцен пытался создать инфраструктуру «революции извне» и наладить в Лондоне выпуск пропагандистской литературы, которую доставляли бы в Россию по конспиративным каналам. В год начала Крымской войны Герцен открыл «Вольную русскую типографию» и стал выпускать листовки, призывающие крестьян не поставлять рекрутов и не платить налоги, а ополченцев — обращать оружие против царя. Листовки отправляли на театр военных действий, а также распространяли среди русских пленных; эта деятельность Герцена, несомненно, осуществлялась при поддержке английского правительства. Известно, что некоторые члены правительства и парламентарии оказывали содействие Герцену, в частности в организации доставки его печатной продукции в Россию⁶⁹. В 1857 г. Герцен и Н. П. Огарев приступили к выпуску газеты «Колокол», которая стала главным рупором русских радикалов.

5.5. Крымская война и первые реформы

Крымская война была первым военным столкновением России с новой промышленной цивилизацией Запада. В глазах новой Европы Россия представляла собой оплот старого мира; она считалась мощнейшим государством континента: миллионная русская армия превосходила объединенные армии ее соседей. Техническое превосходство Англии и Франции долгое время не находило должного отражения в военной сфере, и в Европе сохранялся миф о могуществе России. Однако в середине XIX в. — незадолго до начала войны — положение резко изменилось: промышленная цивилизация достигла решающего превосходства в военной технике. На морях появились линейные корабли-пароходы, намного превосходившие своими боевыми качествами парусные суда. Усовершенствование металлургического процесса позволило получать ствольную сталь и в массовых масштабах наладить производство нарезных ружей («штуцеров»). Новые штуцеры стреляли расширяющейся пулей Минье, благодаря чему их было легко заряжать и их скорострельность не уступала скорострельности гладкоствольных ружей. В 1853 г. на вооружение английской армии

был принят капсульный штуцер «Энфилд» с прицельной дальностью около 900 метров; большое количество штуцеров имелось и во французской армии. Между тем вооружение русских войск оставалось почти тем же, что и во времена Наполеона; гладкоствольные ружья русских солдат стреляли лишь на 350 шагов (240 метров)⁷⁰. Страны, запаздывавшие с модернизацией, оказались перед лицом превосходящей военной мощи; новая промышленная цивилизация готовилась перейти к широкомасштабной военной экспансии. Как это уже бывало не раз, военно-технические достижения должны были вызвать *волну завоеваний*.

В сентябре 1854 г. англо-французские войска высадились в Крыму и вскоре встретились с русской армией в сражении на реке Альме. Пехота союзников издала расстреливала русских солдат, и, несмотря на отчаянные штыковые атаки, сражение закончилось поражением русских войск. «Грозная атака наших батальонов, — вспоминал участник битвы, — эта стальная движущаяся масса храбрецов... каждый раз была неожиданно встречаема убийственным батальным огнем...»⁷¹ Русский парусный флот не мог даже вступить в сражение с паровыми кораблями противника и был затоплен в севастопольской бухте. Эти два события как громом поразили русское общество: факт технической отсталости предстал во всей наготе. «Верный народ тебя призывает! — писал М. Н. Погодин Николаю I. — От безбрежной лести отвори свое ухо и выслушай горькую правду... Освободи от излишнего стеснения печать... дай средства нам научиться лить такие же пушки, штуцеры и пули, какими бьют теперь враги наших милых детей... мы отстали во всех сознаниях...»⁷²

Война является достаточно обычным проявлением исторического процесса, она является проверкой крепости связей в структуре «государство-элита-народ», и согласно демографически-структурной теории, может вызвать «брейкдаун». Представляется важным рассмотреть, каков мог быть механизм этого брейкдауна в российских условиях.

Во время Крымской войны Россия была спасена от полного разгрома тем обстоятельством, что война имела локальный характер — она велась ограниченными силами на ограниченном театре боевых действий. Тем не менее к началу 1856 г. страна находилась в преддверии социально-экономического кризиса⁷³. Как утверждалось в записке, составленной генералом Д. А. Милютиним для Государственного совета, промышленность была не в состоянии снабдить армию необходимым количеством военного снаряжения и боеприпасов. Из 1 млн ружей, имевшихся в арсеналах к началу войны, в 1856 г. осталось только 90 тыс.; еще хуже обстояло дело с порохом и снарядами. *Таким образом, первая из порожденных войной проблем имела военно-промышленный характер: отставание в развитии тяжелой промышленности привело к тому, что страна была не в состоянии обеспечить армию оружием.* Это означало, что в случае продолжения войны полное поражение было неизбежным, а военное поражение было чревато утратой авторитета монархии и политическими потрясениями.

Вторая проблема была финансовая. В 1854–1855 гг. на войну было истратчено 500 млн рублей, что было равно сумме трехлетнего дохода; в 1856 г. дефицит бюджета достиг 300 млн рублей. Правительство финансировало войну, заимствуя средства из хранящихся в государственных банках

частных капиталов, в результате внутренний долг вырос с 400 до 525 млн рублей серебром, а внешний долг с 300 до 430 млн рублей. Как отмечалось выше, средства, хранившиеся в государственных банках, в основном принадлежали дворянству, то есть государство обращалось к финансовой поддержке элиты. Это была ненадежная поддержка, средства банков в любой момент могли быть востребованы вкладчиками, и государственным банкам грозил крах (что и произошло после войны). Однако средств все равно не хватало, и *главным способом финансирования военных расходов была эмиссия бумажных денег*. Сумма кредитных билетов, находившихся в обращении, возросла за 1853–1856 гг. с 311 до 735 млн рублей. В результате этой эмиссии стал невозможен свободный обмен билетов на серебро и курс рубля упал до 75% номинала; цена ржи на Черноземье увеличилась почти в два раза, в стране началась мощная инфляция, которая при продолжении военных действий грозила развалом экономики⁷⁴.

Третья проблема — это была проблема надежности армии. За время войны было призвано 800–900 тыс. рекрутов, примерно десятая часть взрослого мужского населения. Взятие крепостного в рекруты означало его освобождение, и рекрутские наборы вызывали недовольство помещиков. Правительство пыталось решить проблему путем призыва крестьян в ополчение; ополченцы должны были после войны вернуться к своим помещикам. Но призыв в ополчение спровоцировал массовые крестьянские волнения: весной и летом 1854 г. десятки тысяч крестьян самовольно двинулись на призывные пункты, требуя, чтобы их записали в ополчение или в казаки и дали свободу. В 10 губерниях произошли массовые беспорядки, для усмирения которых пришлось использовать войска. Весной и летом 1855 г. такие же волнения имели место в 6 губерниях. В южных уездах крестьянское движение приняло иной характер: крестьяне, собираясь огромными толпами, двигались в Крым, где, по слухам, «англо-французы дали волю»⁷⁵. После окончания войны вернувшиеся домой ополченцы, так же как в 1815 г., отказывались повиноваться помещикам и «увлекали к тому крестьян». Массовые волнения происходили в нескольких губерниях, в Калужской губернии в августе 1856 г. имело место восстание 726-й дружины ополченцев, воспротивившейся роспуску по домам и возвращению к помещикам⁷⁶. Война снова возбудила страх перед восстанием крестьян в тылу русской армии, страх взрыва «порохового погреба под государством». «При современном состоянии крепостного сословия, — писал Ю. Ф. Самарин, — ничтожный беспорядок может также легко перейти в бунт, а бунт развиться до всеобщего восстания»⁷⁷.

Таким образом, большая война ставила перед Россией тяжелые, почти неразрешимые проблемы. Первая проблема, недостаток вооружений, объяснялась техническим фактором. Но две другие проблемы — инфляция и опасность восстания крестьян-ополченцев — были обусловлены Сжатием и предсказаны теорией: инфляция была следствием финансового кризиса, о котором мы говорили выше, а волнения или восстания крестьян-ополченцев были ожидаемым последствием крестьянского бесправия и малоземелья. Эти две проблемы уже вставали во время войны 1812 г.; они снова встали во весь рост во время Первой мировой войны — и как мы увидим, привели государство к катастрофе.

В конечном счете правительство признало бесперспективность продолжения войны и приняло требования союзников. Но стране не удалось избежать внутреннего кризиса: поражение нанесло тяжелый удар по престижу самодержавия, нарушило внутреннюю стабильность и придало силы оппозиционным группировкам — как либералам, так и радикалам. Утесняемые самодержавием либералы во время войны желали поражения правительства: «Война, — писал К. Н. Бестужев-Рюмин, — разделила... общество на две части: в круге литературном большинство смотрело на наши неудачи как на зарю обновления»⁷⁸. Теперь либералы воспрянули духом. Кавелин писал Погодину в 1856 г.: «Здесь в Петербурге общественное мнение расправляет все более и более крылья. Нельзя и узнать более этого караван-сарая солдатизма, палок и невежества. Все говорит, все толкует вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкует, и через это, разумеется, учится»⁷⁹. Славянофилы, наоборот, поддерживали правительство в войне и тяжело переживали поражение. Однако они также принимали участие в развернувшихся после войны дискуссиях. И. С. Аксаков, бывавший по делам службы в различных губерниях, отмечал, что провинция говорила не только об «эмансипации», но и о железных дорогах — то есть о необходимости технической и культурной модернизации⁸⁰. В 1855–1857 гг. Чичерин, по согласованию с Кавелиным, написал серию статей, в которой излагалась программа либералов: строительство железных дорог, разрешение учреждения акционерных компаний, уничтожение крепостного права, свобода слова, печати, введение открытого судопроизводства и т. д. Однако лидеры либералов определенно заявляли, что они не требуют конституции, что все свободы они хотели бы получить из рук монарха⁸¹.

Внезапная смерть Николая I и воцарение нового императора усилили надежды на преобразования сверху. «В известных кружках, — писал Д. А. Милютин, — весть о кончине императора вызвала ликование, с бокалами в руках поздравляли друг друга с радостным событием»⁸². Перед Александром II стояла задача определения нового курса правительственной политики — и новый царь должен был прислушаться к пожеланиям общества.

Крымская война представляла собой удар волны завоеваний, столь же сильный как тот, который был нанесен под Нарвой. В соответствии с теорией, государство, подвергнувшееся удару волны и стремящееся выжить, должно полностью или частично трансформироваться по образцу победоносного противника. В ходе этой трансформации сначала заимствует оружие противника, затем — военная организация и военная промышленность. Это необходимые первоочередные заимствования, без которых государство не сможет противостоять завоевателям. Затем круг заимствований расширяется, охватывая другие области социальной организации — глубина заимствований в этих областях может быть различной, она определяется силой того влияния, которое оказывает на государство победоносный противник, а так же соотношением консервативных и модернизационных сил.

Первым и самым поспешным шагом на пути новой волны модернизации было освоение производства западной военной техники — того самого «штуцера», который обеспечил победу союзников в Крымской войне. Штуцеры имели стальные стволы, и освоение их производства в России

потребовало значительных усилий. В 1859 г. под руководством известного инженера П. М. Обухова была построена Князе-Михайловская сталепушечная фабрика. Все оборудование, в том числе паровые машины, станки для сверления болванок и паровой молот, было заказано в Бельгии и устанавливалось бельгийскими инженерами. Но выплавка тигельной стали по методу Обухова была сродни искусству; отдельные удачные плавки чередовались с неудачными, и уральские металлурги не смогли наладить массовое производство. В 1860-х гг. русские оружейные заводы использовали в основном импортные стальные стволы немецкого фабриканта Бергера. Лишь после 1871 г. с помощью Бергера удалось наладить массовое производство тигельной стали на Ижевском заводе⁸³.

Это было лишь начало гонки вооружений, в которой Россия пыталась догнать Запад, — вся вторая половина XIX в. прошла под знаком военного соревнования, и мы более подробно коснемся этой темы в следующей главе.

5.6. Освобождение крестьян

Первые шаги модернизации были сделаны в военной, технической и экономической сфере; они не вызывали в обществе сомнений и споров. Следующий шаг состоял в распространении модернизации на социальную сферу: на повестку дня ставился вопрос о социальных реформах, ликвидации крепостного права, политических свободах и конституции. В 1856 г. были отменены ограничения на поездки за границу и поступление в университеты, была ослаблена цензура. Требовало ли промышленное и техническое развитие освобождения крестьян? На этот счет высказывались различные мнения. П. Б. Струве утверждал, что крепостничество несовместимо с железными дорогами, но А. Гершенкрон возражал, что эта несовместимость была далеко не абсолютной⁸⁴. При определенных условиях рабские плантации экономически достаточно эффективны; как показали А. Конрад и Дж. Мейер, американские плантации были частью капиталистической рыночной экономики, они обеспечивали относительно высокую производительность труда и давали хозяевам высокую прибыль⁸⁵. Более того, распространение рабских плантаций в южных штатах в значительной мере было следствием промышленной революции: во-первых, плантации стали высокоприбыльными благодаря созданию хлопкоочистительной машины Уитни, и во-вторых, они поставляли хлопок для английских фабрик⁸⁶.

Как отмечалось выше, прибыльными были и барщинные хозяйства русского Черноземья, а проведение железных дорог должно было открыть для их продукции европейский рынок и еще более увеличить рентабельность.

Однако имелся еще один канал влияния технического фактора: появление сети железных дорог и создание новой оружейной промышленности позволило вооружать, снабжать и перевозить огромные воинские контингенты; это давало возможность в случае войны мобилизовать в армию большую часть мужского населения. Всеобщая воинская повинность, в свое время позволившая Карно и Наполеону создать огромную французскую армию, была перенята в некоторых странах Европы, но не в России:

она требовала отмены крепостного права. Крымская война вновь показала, что крепостные не могут быть мобилизованы без предварительного освобождения, поэтому сохранение крепостного права как минимум вдвое уменьшало людские ресурсы России. Как утверждает А. Рибер, это обстоятельство сыграло значительную роль в решении Александра II отменить крепостничество⁸⁷.

Как бы то ни было, помимо чисто технических соображений, действовал *фактор диффузии*: удар завоевательной волны привел не просто к технической модернизации, но к модернизации российского общества по европейскому образу, к *вестернизации*. Вестернизация однозначно означала освобождение крестьян, потому что в Европе уже не было крепостного права и потому что в глазах Запада (и русских «западников») крепостное право было позором России. Эти настроения хорошо передал декабрист М. А. Фонвизин, племянник знаменитого драматурга, выражавший надежду, что подражание Европе приведет к отмене крепостного права. «Тогда мы много выиграем во мнении европейцев, — писал Фонвизин, — потому что существование в России рабства... внушает им презрение к нам»⁸⁸. Таким образом, едва ли не главную роль в отмене крепостного права играл фактор диффузии, действовавший в форме морального, идеологического давления.

Моральное давление Запада проявлялось и на дипломатическом поле. После окончания Крымской войны Наполеон III — новый союзник России — призвал русского императора освободить крестьян. Как видно из письма Александра II римскому папе, в Европе было распространено мнение, что реформы в России были вызваны «внушениями» Наполеона и стремлением самодержавия повысить авторитет страны в глазах Европы⁸⁹. Полицейские сообщения свидетельствуют, что слухи об этих советах дошли и до крестьян; по словам князя Кропоткина, «среди крестьян шел слух в то время, что Наполеон III при заключении мира потребовал от Александра II дать волю»⁹⁰.

Главной движущей силой реформы была партия либералов-западников. Вождем западников в окружении нового императора Александра II был великий князь Константин Николаевич, глава военно-морского ведомства и (как многие моряки) закоренелый англоман. Нужно сказать, что англomanия великого князя имела веские причины: как раз в это время в Англии и Франции появились первые броненосцы, и копирование западных образцов было для русского флота вопросом жизни и смерти. Начиная с 1855 г. великий князь проводил в своем ведомстве «сепаратные» прозападные реформы: он не только строил новые корабли, он отменил цензуру, реформировал военно-морские суды и освободил принадлежащих адмиралтейству крестьян. «Морское министерство являет в русской администрации зрелище европейского оазиса в азиатской степи», — писал князь П. Долгоруков. По свидетельству П. Долгорукова, именно Константин Николаевич убедил брата приступить к освобождению крестьян⁹¹. Великий князь создал свою «партию реформ» и выдвигал своих приверженцев («константиновцев») на высокие посты, в частности М. Х. Рейтерн занял пост министра финансов⁹².

Свобода личности была для либералов самодовлеющей ценностью, но чтобы убедить крепостников в необходимости реформ, требовались

другие аргументы. Таким аргументом была угроза крестьянского восстания. «Если мы не произведем собственными руками мирной и полной революции — она неизбежно произойдет без нас и против нас», — говорил великий князь Константин, держа в руках книгу Токвиля о французской революции⁹³. Об этом же говорил и Александр II в его первом обращении к московскому дворянству: «Мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мной: следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». На позицию царя оказало большое влияние мнение барона Гакстгаузена, известного эксперта и деятеля прусских реформ, написавшего книгу о России и представившего царю в июне 1857 г. особый доклад. Гакстгаузен указывал, что в эпоху пара и электричества нет страны, которая могла бы предохранить себя от новых веяний, что правительство должно опережать события, «дабы события, опередив его... не вырвали от него уступок, которые повлекли бы к его падению». Прусский эксперт предупреждал царя, что Мадзини и английские радикалы возлагают большие надежды на социальную революцию в России, и что, как показывает опыт, предводители этой партии — не пустые мечтатели. «Гакстгаузен отгадал мое главное опасение, чтобы дело не началось само собой снизу», — писал царь⁹⁴.

В этих высказываниях суммирована аргументация сторонников реформ. Во-первых, это ссылка на неизбежность модернизации по западному образцу. Надо брать пример с Запада, потому что Запад продемонстрировал свое военное и культурное превосходство — таким образом формулировалось влияние *фактора диффузии*. Второй аргумент — это призыв к крестьянскому восстанию: если правительство промедлит, то освобождение «неизбежно произойдет без нас и против нас»; так формулировалось действие *демографического фактора*. Совокупное воздействие этих факторов должно было привести к неизбежным переменам.

Однако аргументы царя, изложенные в марте 1856 г. в московском дворянском собрании, не убедили дворян. «Речь была громовым ударом для большинства публики», — писал товарищ министра внутренних дел А. И. Левшин о реакции на выступление Александра II. Характерно, что против освобождения крестьян выступала и церковь; московский митрополит Филарет писал, что он не может восхвалять эту царскую милость, поскольку она «ущемляет права законных владельцев»⁹⁵. Среди высшего дворянства в окружении императора, за немногими исключениями, не было сторонников реформ. «У меня нет никого, кто бы помог мне в этом важном деле», — говорил Александр II графу П. Д. Киселеву⁹⁶.

Можно было ожидать сильного сопротивления, поэтому правительство сформировало для подготовки реформы две редакционные комиссии. Не без участия Константина Николаевича в обход высших сановников в эти комиссии были подобраны молодые (средний возраст 39 лет) министерские чиновники — убежденные «западники» и либералы. Наиболее активными из них были племянник П. Д. Киселева Н. А. Милютин и ближайший сподвижник знаменитого министра А. П. Заблоцкий-Десятковский. Возглавлял комиссии адъютант и близкий друг Александра Я. И. Ростовцев; он умер незадолго до начала реформы и его последние слова были: «Государь, не бойтесь!»⁹⁷ О том, что государь действительно боялся, гово-

рит то обстоятельство, что, начиная с декабря 1857 г., министр внутренних дел по требованию царя делал ему еженедельные доклады о настроениях дворянства и крестьянства, о «слухах» и «толках» на местах⁹⁸.

Таким образом, на одной чаше весов была боязнь нового дворянского переворота, на другой — страх перед крестьянским восстанием и стремление к модернизации по европейскому образцу⁹⁹. Кроме того, имелся еще один аспект проблемы, связанный с существованием этатистской традиции, опиравшейся на петровскую теорию «всеобщего блага» и «регулярного государства». Как отмечалось выше, основа этой традиции была диффузионной, а в данный момент она подпитывалась немецким влиянием — и в частности, примером уничтожения остатков крепостничества в ходе относительно недавних реформ Франца Иосифа и Фридриха Вильгельма IV. Решающим обстоятельством в успехе этатистских реформ было то, что как в Пруссии, так и в России дворянство уже не могло диктовать свою волю монархии, опиравшейся на чиновничество, воспитанное в этатистском духе.

Первые проекты реформы предполагали освобождение крестьян без земли по образцу прусской реформы 1807 г. В проекте, представленном в июне 1857 г. министром внутренних дел Ланским, говорилось, что «при сохранении за крестьянами полного надела земли они не будут иметь надобности работать на помещиков и сии последние... останутся без рабочих рук»¹⁰⁰. Это был ключевой вопрос реформы: дворяне соглашались на освобождение лишь при условии, что они останутся собственниками земли и лишенные земли крестьяне, таким образом, будут вынуждены обрабатывать их поля в качестве батраков или арендаторов. Однако представители этатистского чиновничества понимали, что предоставление крестьянам «свободы птиц» невозможно, что оно чревато восстанием. «...Хлебопашцы без земли перешли бы в тягостную зависимость землевладельцев и были бы их полными рабами или составили пролетариат, выгодный для них самих и опасный для государства», — писал императору граф П. Д. Киселев¹⁰¹.

Эти рассуждения в духе этатизма и теории «социальной монархии» оказались неожиданно близкими к «русскому социализму» Герцена. Основные требования Герцена, заявленные им на страницах «Колокола» летом 1859 г., сводились к тому, чтобы освободить крестьян с землей, сохранив при этом общину. В. И. Семевский отмечал, что эта программа фактически совпадала с правительственной программой¹⁰². Не удивительно, что, ожидая ее реализации от монархии, Герцен писал о том, что существует возможность превращения самодержавия в «демократическое социальное самовластие»¹⁰³. «Разве освобождение крестьян с землей — *не социальный переворот?* — спрашивал Герцен. — Разве освобождение крестьян с землей — *не социализм?*»¹⁰⁴

Решение освободить крестьян с землей подкреплялось также и тем, что по мере обсуждения реформы правительство ощущало все более нарастающее давление снизу. В отчете III отделения за 1857 г. указывалось, что слухи о приближающемся освобождении привели крестьян «в напряженное состояние», что возможны массовые волнения и «спокойствие России» будет зависеть главным образом от «расположения войск». В 1855 г.

было зафиксировано 63 крестьянских выступления, в 1856 — 71, в 1857 — 121, в 1858 — 423, в 1859 — 182, в 1860 — 212¹⁰⁵. В июне 1858 г. произошло большое восстание крестьян в Эстонии, причина которого, по общему мнению, заключалась в том, что эстонские крестьяне в свое время были освобождены без земли. Тревожные сообщения III отделения оказывали влияние на редакционные комиссии, в которых в конце концов возобладала позиция этатистов, настаивавших на освобождении крестьян с землей¹⁰⁶.

Группе молодых чиновников-реформаторов удалось провести процедуру разработки и принятия законов так, чтобы обеспечить видимость «согласия» со стороны дворянства. Дворяне называли Н. А. Милютина «красным» и направляли в правительство протесты и официальные записки против выработанного комиссиями проекта. «Суть достаточно однообразных записок и памфлетов... — отмечает И. А. Христофоров, — можно сформулировать следующим образом: реформа затеяна и проводится противниками дворянства, стремящимися разорвать союз высшего сословия с верховной властью, усилить роль бюрократии в управлении и распространить „социалистические начала“»¹⁰⁷.

Раздавались и замаскированные призывы к неповиновению властям; едва не начавшиеся оппозиционные выступления были предотвращены полицией. С 23 января по 17 февраля 1861 г. выработанный редакционными комиссиями законопроект обсуждался в Госсовете (69% членов которого были «плантаторами») и был отвергнут большинством его членов, но, несмотря ни на что, император утвердил его своей властью. О том, насколько реальной казалась тогда опасность, говорит то, что 19 февраля 1861 г., в день подписания указов о реформе, в Зимнем дворце были приняты особые меры безопасности, а для государя на всякий случай были приготовлены оседланные лошади. И хотя все окончилось благополучно, в апреле 1861 г. Александр II счел нужным уволить в отставку тех разработчиков реформы, которые возбуждали особенное негодование дворянства¹⁰⁸.

Первый параграф «Общего положения» о реформе гласил, что «крепостное право отменяется навсегда». Согласно «Местным положениям» (их было несколько для различных районов), повинности и наделы крестьян должны были фиксироваться в «уставных грамотах», которые составлялись с помощью мировых посредников. Для каждого района были установлены максимальная и минимальная величина крестьянского надела; если крестьянин имел надел меньше минимального, то ему прирезалась земля, если больше максимального, то земля отрезалась. При согласии крестьян помещик мог ограничиться выделением им маленького «дарственного» надела (который составлял одну четверть от максимального), но при этом крестьяне освобождались от повинностей. При любых обстоятельствах помещику отходило не менее трети всей удобной земли, а в южных степных районах — не менее половины. В итоге произведенного раздела угодий в Центральном районе крестьяне потеряли 20% земли, а на Черноземье — 16%¹⁰⁹. Таким образом, наделы крестьян были урезаны и не давали им достаточных средств для существования. Чтобы уплачивать выкупные платежи и налоги, часть крестьян была вынуждена идти батраками к помещикам или арендовать у них землю.

В Черноземном районе после проведения отрезки средний надел крестьян уменьшился с 1,54 до 1,28 десятины удобной земли на душу. В это

количество входила не только пашня, но и уголья (луга, сенокосы и проч.); пашня занимала в среднем 78% надела¹¹⁰, то есть составляла около 1,0 десятины на душу. За этот надел крестьянин должен был платить оброк или нести барщину, в соответствии с нормами, установленными «Положением». Для оброчных крестьян размеры оброка в связи с сокращением надела немного уменьшились, в среднем с 4 рублей до 3 рублей 55 копеек с души (всего населения), в хлебном исчислении примерно с 10 до 8 пудов. Размеры барщины сократились более существенно (в 3–5 раз), ее максимальный размер составлял теперь 40 мужских и 30 женских дней, преимущественно летом. Барщина стала невыгодной помещикам, и они стали переводить крестьян на оброк; оброк бывших барщинных крестьян был немного больше, чем у старых оброчных; он составлял в среднем 4 рубля 05 копеек с души¹¹¹.

Таким образом, крестьяне были освобождены, а их повинности зафиксированы, как это предполагалось сделать еще П. Д. Киселевым в 1841 г. Крестьяне, несшие эти повинности, назывались «временнообязанными», однако время их нахождения в этом состоянии не оговаривалось и зависело от помещика. Помещикам была предоставлена возможность перевести своих крестьян на выкуп земли и повинностей; помещик мог сделать это как по согласию с крестьянами, так и без их согласия (но в последнем случае он терял пятую часть выкупной суммы). Если же он не желал отпускать «временнообязанных» крестьян, то мог вести хозяйство по-старому; крестьяне могли лишь требовать перевода их с барщины на оброк (что было для них невыгодно)¹¹².

В селах сохранилось старое общинное самоуправление — но теперь уже без вмешательства помещика. Государство стремилось сохранить связанную круговой порукой общину, которая гарантировала уплату налогов и распределяла их по силам плательщиков. Сельский сход выбирал старосту, который теперь получил и полицейские полномочия; он должен был обеспечивать отбывание повинностей и исполнение требований вышестоящей администрации. Было создано и волостное самоуправление по образцу существовавшего у государственных крестьян¹¹³.

С юридической стороны важнейшей чертой манифеста 1861 г. было то, что он подтверждал право частной собственности помещиков на «все земли, принадлежащие им». Как известно, это право было сформулировано в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г., однако оно никогда не признавалось крестьянами в их обыденном сознании. Крестьяне исстари считали себя «вековыми царевыми» работниками, по царской воле обязанными нести тягло в пользу помещиков. По их понятиям, земля также являлась «вековой царевой» или божьей и находилась во владении тех, кто ее обрабатывает¹¹⁴. Поэтому требование выкупа земли, которую они считали своей, вызвало массовые протесты крестьян. Большинство крестьян отказалось подписывать «уставные грамоты», но, тем не менее, они вводились в действие. Крестьяне подчинились силе, но они так и не признали земли помещиков «неприкосновенной частной собственностью». Требование о возвращении захваченных помещиками земель стало частью крестьянского менталитета; оно воплотилось в мифе о будущем «черном переделе»; по стране постоянно ходили слухи о том, что гото-

вится царский указ, «что земля будет общая, для чего ее отберут у помещиков и разделят между крестьянами». Этими слухами и надеждами на царя крестьяне жили вплоть до революции 1905 г.¹¹⁵

Одной из форм крестьянского сопротивления было неисправное исполнение барщины — и этот метод оказался достаточно эффективным. Оказавшись не в состоянии наладить обработку своих полей, помещики стали переводить крестьян на выкуп. Для начала выкупа необходимо было перевести крестьян с барщины на оброк (или хотя бы определить сумму оброка, эквивалентную барщине). Размер выкупа определялся исходя из величины оброка так, чтобы, получив этот капитал и положив его в банк из 6% годовых, помещик мог получить ту же сумму. Цена надела, дававшего средний для бывших оброчных крестьян Черноземья душевой оброк в 3 рубля 55 копеек, таким образом, определялась в $3,55/0,06 = 59,16$ рублей; это было примерно на 20% больше рыночной цены. Если выкуп осуществлялся по согласию обеих сторон, то крестьяне должны были сразу же выплатить помещику 20% суммы из своих средств, а оставшиеся 80% выплачивало государство, предоставлявшее крестьянам ссуду. Эту ссуду нужно было выплачивать 49 лет, причем каждый год крестьяне платили по 6%. При выкупе надела и повинностей стоимостью 59 рублей крестьяне получали ссуду в $59 \cdot 0,8 = 47,2$ рубля, за которую нужно было каждый год платить $47,2 \cdot 0,06 = 2,83$ рубля, то есть меньше, чем прежний оброк в 3,55 рубля¹¹⁶.

К 1870 г. на выкуп перешло 67% крестьян, к 1880 г. — 85%¹¹⁷. Выкупные платежи превратились в новый налог, уплачиваемый государству и заменивший прежние оброки и барщину. На Черноземье при пересчете на хлеб по средним ценам 1862–1870 гг. этот налог составлял 6,5 пуда на душу против 10 пудов оброка в 1855–1859 гг.¹¹⁸. Если же учесть, что, судя по динамике оброка в отдельных имениях, в 40-х гг. он достигал 14–18 пудов, то *рента с того времени уменьшилась более чем вдвое* (нужно, правда, отметить, что и крестьянские наделы уменьшились на 16%). О том, что крестьяне сразу же почувствовали это уменьшение ренты, говорит быстрый спад волнений в деревне: за 1864–1869 гг. было зафиксировано лишь 389 выступлений — меньше, чем в одном 1863 г.¹¹⁹ Важным обстоятельством было также и то, что новый налог собирался не «с душ», а с земли, поэтому в расчете на душу с ростом населения выкупные платежи уменьшались. В следующей главе мы рассмотрим более подробно положение бывших помещичьих крестьян после освобождения.

Некоторые изменения произошли и в жизни государственных крестьян. В соответствии с указом 24 ноября 1866 г. было произведено размежевание государственных и крестьянских земель, и сельские общества получили на используемые ими земли «владенные записи». Наделы и платимый за них оброк при этом почти не изменились; крестьянам было предоставлено право выкупа земли; ее стоимость определялась так же, как для помещичьих крестьян, но ссуда не предоставлялась, и выкупить надел, заплатив сразу всю его стоимость, могли очень немногие. Наделы государственных крестьян были большими; в Черноземье в среднем на душу приходилось 2,4 десятины, почти в два раза больше, чем у помещичьих крестьян¹²⁰.

5.7. Политический кризис 1859–1864 годов

Оппозиция дворянства Великой реформе вылилась в форму адресов, принимавшихся на губернских и уездных дворянских собраниях. Ряд собраний (тульское, смоленское, московское, харьковское, псковское, воронежское, петербургское, рязанское, нижегородское, тамбовское, симбирское и др.) заявили о неприемлемости «Положения 19 февраля», о необходимости его пересмотра¹²¹. «Ожесточение их достигало таких взрывов ненависти, — писал о лидерах дворянской оппозиции князь А. И. Васильчиков, — коих едва ли позволял себе кто-либо из верноподданных русского племени»¹²². Сенатор Н. А. Безобразов, выступая в январе 1862 г. перед московским дворянством, утверждал, что «Положение» находится в вопиющем противоречии с «Жалованной грамотой дворянству», что оно покушается на священную частную собственность. В связи с этим предлагалось ходатайствовать о созыве государственного дворянского собрания, которое бы исправило «Положение» в соответствии с «Жалованной грамотой». Однако это предложение не набрало необходимых $\frac{2}{3}$ голосов¹²³. Дворянство понимало, что оно не может отменить реформу, и ему остается лишь требовать компенсации — такой компенсацией могла быть аристократическая конституция, которая отняла бы часть власти у монархии и передала бы ее дворянству. Этим стремлением получить возмещение за потери, по мнению В. П. Мещерского и Б. Н. Чичерина, и объясняется выставление оппозицией либеральных требований, массовый переход еще недавно консервативных дворян в лагерь либералов-конституционалистов¹²⁴. В среде дворян становится популярной аристократическая Англия с ее традициями лендлордизма и палатой пэров, обеспечивающей права знати. «Высшее дворянство мечтает о положении английских лордов и успехах Мирабо», — писал прусский посол граф Отто Бисмарк¹²⁵. Таким образом, происходило становление массового российского либерализма.

Переходу части дворянства на либеральные позиции способствовали новые победы конституционализма в Европе. Итальянская революция в 1859–1860-х гг. привела к падению абсолютистских режимов на Апеннинском полуострове и объединению страны. По свидетельству современников, победы Гарибальди вызывали в русском обществе чрезвычайный энтузиазм¹²⁶. Еще одним важным обстоятельством было то, что поражение Австрии привело к падению австрийского абсолютизма и утверждению конституционной монархии. После этих событий Россия осталась последней прибежищем самодержавия в Европе. Дарование конституции Австрии стало важным аргументом либералов в пользу введения конституции в России¹²⁷.

В феврале 1862 г. тверское дворянское собрание приняло адрес с требованием созыва «выборных от всей земли русской», а также с рядом других либеральных предложений, в том числе передачи земли крестьянам в частную собственность и создания независимого гласного суда. В поддержку требования о создании выборного представительства высказались ряд других дворянских собраний — рязанское, московское, воронежское, смоленское, екатеринославское и пр.¹²⁸ Подчеркивая остроту конфликта, министр внутренних дел П. А. Валуев в докладной записке, поданной

Александр II 26 июня 1862 г., писал, что дворянство стремится «иметь некоторое участие в управлении. До тех пор, пока эти стремления не будут в известной мере удовлетворены, не будет ни мира, ни перемирия»¹²⁹. Однако среди либералов не было единства; хотя многие из них агитировали за созыв выборных, Кавелин и Чичерин высказывали опасения, что эта борьба спровоцирует большое крестьянское восстание¹³⁰.

Известие о реформе действительно вызвало волнения крестьян. Требование выкупа земли, которую крестьяне считали своей, привело к массовым протестам. В 1861 г. имело место 784 выступления, это была самая большая волна бунтов со времен восстания Пугачева; при подавлении 499 выступлений были использованы войска. Волна крестьянских волнений изменила позицию русских радикал-социалистов; хотя крестьяне были освобождены с сохранением общины, условия освобождения были слишком тяжелыми, чтобы можно было говорить о перспективах общинного социализма. Весной 1861 г. Герцен и Огарев вступили на путь революционной борьбы и попытались создать тайное революционное общество для подготовки крестьянского восстания. Ближайшим помощником лондонских заговорщиков стал А. А. Слепцов, чиновник и богатый помещик, истративший большую часть своего состояния на создание школ для крестьян. Слепцов должен был связаться с Чернышевским и создать подпольный центр в Петербурге. Присутствовавший на встрече Слепцова с Герценом Мадзини рассказал Слепцову об основных принципах организации тайных обществ, в том числе о делении на «пятерки» и о способах тайной переписки¹³¹. Характерно, что, встретившись с Чернышевским, Слепцов в первую очередь сообщил о совете Мадзини: «Он и у нас ожидает революцию... Советовал сорганизоваться...»¹³². Этот совет вполне согласуется с мадзиниевским принципом «революционной инициативы», согласно которому народ всегда готов к революции.

Большую роль в организации общества (которое Герцен назвал «Землей и Волей») сыграли также Н. А. Обручев и братья Серно-Соловьевичи, в разное время встречавшиеся с Герценом и Мадзини в Лондоне. Члены первой «пятерки», в которую входили перечисленные выше лица, должны были привлечь пять новых членов и стать руководителями своих «пятерок», члены которых также привлекали новых членов и становились руководителями, и т. д. Благодаря этому принципу общество быстро увеличивалось в размерах и к началу 1863 г., по данным Слепцова (возможно, преувеличенным), насчитывало примерно 3 тыс. человек. Особая роль отводилась привлечению офицеров, которые должны были, в свою очередь, сагитировать солдат и возглавить крестьян, которые, как ожидали, весной-летом 1863 г. станут подниматься на восстания. Целью восстания была передача крестьянам всей земли без выкупа и созыв Земского собора, который правил бы вместе с царем¹³³.

Влияние международного революционного движения сказалось также и на деятельности другого подпольного центра — московского кружка Заичневского-Аргиропуло, который заявил свою программу в листовке под названием «Молодая Россия». Анализ содержания этой программы, выполненный В. Е. Невлером, указывает на близкое сходство с программой «Молодой Италии». Известно, что П. Г. Заичневский предлагал сделать де-

визом своей организации девиз «Молодой Италии»: «Ora e sempre» — «Отныне и навеки»¹³⁴.

Все это давало возможность Мадзини заявить, что «тайная и важная работа, с каждым днем усиливаясь, проводится в России. Национальная партия, враждебная царскому самодержавию, связана с нами открытым союзом. Для знамени выбран девиз „Земля и Воля“. Эта национальная русская партия братски связана с национальной польской партией»¹³⁵.

«Национальная польская партия» между тем готовила свое восстание под лозунгом национального освобождения. Польские заговорщики приезжали в Петербург к Слепцову и в Лондон к Герцену, требуя поддержки, но «Земля и Воля» была не готова к выступлению. Тем не менее, когда в январе 1863 г. вспыхнуло восстание в Польше, «Земля и Воля» выпустила воззвание к русским офицерам, призывая их соединиться с поляками, поднимать крестьян и идти на Москву. Польские эмигранты с английской помощью и при поддержке Мадзини попытались организовать высадку десанта на литовском побережье; они пригласили Бакунина участвовать в этом предприятии, но высадка не удалась. Другая экспедиция с отрядом гарибальдийцев под командованием Франческо Нуло достигла Польши, но отряд был разгромлен русскими войсками и гарибальдийцы попали в плен. Герцен со страниц «Колокола» обратился к Европе с отчаянным призывом: «Великий брат, на помощь! Скажите слово цивилизации». 5 апреля 1863 г. Англия и Франция вручили ноты царскому правительству с требованием автономии Польши¹³⁶.

Польские националисты приняли некоторые меры, чтобы поднять на восстание крестьян; крестьянам обещали отменить выкуп за их наделы (но за полученную землю крестьяне должны были платить налог). Однако царское правительство пообещало польским крестьянам больше: не только отмену выкупа, но и дополнительное наделение землей за счет конфискации поместий у мятежной шляхты. В Белоруссии и на Правобережной Украине (куда пытались прорваться повстанцы) выкупные платежи по различным губерниям были сокращены в 2–4 раза, плюс к тому крестьяне получили прирезку земли за счет помещиков, например в Киевской губернии — 21% к прежнему наделу, в Минской губернии — даже 45%¹³⁷. По существу многие чаяния крестьян областей, некогда входивших в Речь Посполитую, были удовлетворены, и в массе они отказались поддерживать мятежную шляхту.

С другой стороны, русская общественность была возмущена крайним национализмом повстанцев, которые намеревались восстановить Речь Посполитую в ее средневековых границах. Польское восстание и поддержка повстанцев Западом вызвали *традиционалистскую реакцию*, направленную против либералов и радикалов. День, когда Герцен выступил в «Колоколе» в поддержку поляков, был последним днем его популярности. «Диктатура мнения» перешла к М. Н. Каткову, который в «Московских ведомостях» резко выражал раздражение, вызванное требованиями поляков. Члены «Земли и Воли» были деморализованы, и организация распалась; некоторые руководители (Слепцов и Н. И. Утин) бежали за границу. Герцен потерял связь с Петербургским ЦК, каналы доставки «Колокола» сами собой закрылись, и газета вскоре перестала издаваться¹³⁸.

Во время польского восстания как либеральная аристократическая оппозиция, так и народники выступали в поддержку восставших поляков. Угроза новой войны с Европой усилила влияние диффузионного фактора, и, чтобы сделать «деспотизм» более привлекательным в глазах Европы, П. А. Валуев предложил конституционный проект, бравший за образец австрийское государственное устройство. Этот проект был поначалу одобрен, но когда угроза вмешательства держав миновала, его положили под сукно. Тем не менее дворянство продолжало оказывать давление на правительство. Будучи до конца последовательным, ярый англоман великий князь Константин Николаевич выдвинул план создания совещательного собрания из представителей земств и городов. Но правительство подавило дворянское сопротивление; московское дворянское собрание было распущено¹³⁹.

Тем не менее правительству пришлось пойти на уступки и создать земское самоуправление в губерниях и уездах. П. А. Валуев свидетельствует, что императорское окружение видело в земских учреждениях «средство откупиться от конституции»¹⁴⁰. Земства были выборными органами, имевшими много общего с немецкими «земскими собраниями», «ландтагами». Члены земств выбирались отдельно от трех сословий: от землевладельцев, горожан и крестьян, но численно преобладали дворяне. В 1865–1867 гг. дворяне и купцы составляли около 90% членов губернских земских управ, а крестьяне — только 1,5%. Земства назначали и собирали местные налоги, однако земское самоуправление было ограниченным и касалось в основном хозяйственных вопросов; вопросы охраны порядка оставались в ведении губернаторов¹⁴¹.

Другой вестернизационной реформой, проведенной в этот период, была судебная реформа. Законодатели заимствовали принципы нового судопроизводства, главным образом, у Англии и Франции: разделение административной и судебной власти, независимость судей, равенство граждан перед законом, гласное судопроизводство с прениями сторон, введение суда присяжных. Государственные суды были организованы по образцу французской магистратуры с ее трехстепенностью судопроизводства; так же как во Франции, должностные лица суда были несменяемыми — в отличие от прокуроров, назначаемых властями¹⁴².

5.8. Итоги реформы

Реформы 1860-х гг. создали две категории крестьян — мелких держателей. Одна из этих категорий, государственные крестьяне, имела относительно большие наделы, другая, бывшие крепостные крестьяне, изначально была поставлена в условия малоземелья. Проблема нехватки земли обычно возникает вследствие роста населения, но в России она была создана искусственно, путем обезземеливания крепостных помещиками и последующего закрепления создавшегося положения реформой 1861 г. Дальнейший рост населения должен был усугубить это положение и привести к социальному взрыву.

С другой стороны, сохранение общины и придание ей самостоятельного статуса создало новый сектор экономики, построенный на уравни-

тельных и коллективистских началах. Как известно, партия социал-революционеров (эсеров) считала общину готовой «ячейкой социализма» и полагала, что смысл будущей революции будет заключаться в основном в ликвидации частновладельческих земель и передаче их общинам¹⁴³.

Реформа была проведена монархией вопреки сопротивлению дворянства, что продемонстрировало силу самодержавия и его относительную независимость от сословий и классов. Монархия вновь стала этатистской монархией, то есть заняла ведущее положение в структуре «государство-элита-народ» и обрела силы, чтобы регулировать отношения между другими элементами структуры. Прежде находившиеся в жесткой оппозиции демократы были готовы аплодировать самодержавию. А.И.Герцен и Н.И.Тургенев теоретически обосновывали преимущества абсолютизма: «Я сочувствовал неограниченной власти, защищая необходимость ее для освобождения страны от эксплуатации человека человеком», — писал Тургенев¹⁴⁴. Дворянство, бывшее ранее опорой монархии, перешло в оппозицию и, взяв на вооружение западный либерализм, потребовало ограничения самодержавия. Одно время казалось, что опорой самодержавной власти может быть только «социалистическое» общинное крестьянство. «Если мы разрушим общину, — говорил Н. А. Милютин в 1865 г., — Россия не продержится и 24 часов. Крестьянский мир — единственный консервативный элемент у нас: все остальные классы исполнены революционных начал...»¹⁴⁵

Подводя итоги, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что реформы 1860-х гг. были вызваны совокупным действием демографического и диффузионного факторов. Действие демографического фактора проявлялось в угрозе крестьянского восстания, которая была следствием сокращения наделов и отягчения повинностей крепостных в первой половине XIX в. Начиная с 1820-х гг. крепостные крестьяне существовали в условиях регулярно повторяющегося голода, что вместе с учащением эпидемий было главной причиной фактической приостановки роста крепостного населения. Крайне тяжелые условия жизни крепостных крестьян отражались в увеличении числа крестьянских выступлений и угрозе всеобщего бунта.

Как утверждает неомальтузианская теория, Сжатие должно было вызвать тенденцию к этатизму и попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа. Великая реформа была именно такой этатистской социальной реформой, проведенной монархией, исходявшей из общегосударственных интересов. Однако демографический фактор смог вызвать трансформацию структуры лишь действуя совместно с диффузионным фактором. Действие этого фактора проявлялось по нескольким направлениям. Новая военная техника обеспечила победу союзников в Крымской войне, что доказало превосходство Запада и необходимость модернизации по западному образцу. Сама по себе новая техника, возможно, еще не требовала отмены крепостничества, но в контексте диффузионистской теории техническое превосходство Запада побуждало брать пример с Европы во всем — то есть, в том числе, освободить крестьян. Мощное диффузионное влияние проявилось в появлении партии «западников» и пропаганде либеральных идей, в том числе и в окружении императора.

Действие диффузионного фактора проявлялось не только в отмене крепостного права, но и в судебной и военной реформах, в начавшейся компании по строительству железных дорог и в «грюндерской лихорадке». В целом все эти (и некоторые другие) нововведения означали начало широкомасштабной модернизации по западному образцу. Однако один из аспектов этой модернизации — дворянское требование создания выборного представительства — вызвал неприятие со стороны этатистского правительства, и модернизация в этом направлении была ограничена созданием земств. Еще один аспект модернизации — требование автономии со стороны поляков — показал, что модернизация таит в себе опасность для целостности империи, и породил *традиционалистскую реакцию*. После 1866 г. все реформы, кроме экономических, были приостановлены и начался «период реакции».

глава VI

Сжатие и либеральная модернизация

6.1. Включение России в Мировой рынок

Поражение в Крымской войне имело огромные экономические, социальные и политические последствия. В экономической сфере поражение заставило Россию прислушаться к требованиям противников — в том числе в вопросе о таможенных пошлинах, которые защищали русскую промышленность от конкуренции Запада. Запад был заинтересован в открытии российского рынка для своих промышленных товаров, а с другой стороны, в поставках из России дешевого сырья и продовольствия. Перед началом войны британский министр иностранных дел Пальмерстон говорил, что «ограниченный конфликт с Россией заставит последнюю вести либеральную таможенную политику и присоединиться к принципам свободной торговли»¹. То есть речь шла о попытке заставить Россию открыть свои рынки так же, как ранее с помощью дипломатии и военной силы были открыты для английской торговли рынки Османской империи и Китая.

В результате дипломатического давления Англии и Франции Александр II утвердил тариф 1857 г., намного уменьшивший таможенные пошлины. «Свободная торговля» приветствовалась российскими либералами, которые с готовностью перенимали все, исходящее с Запада. «Большинство образованных русских людей того времени, — писал полвека спустя известный экономист и историк Н. А. Кислинский, — было всецело проникнуто господствовавшими тогда как в науке, так и в политической практике Западной Европы учениями о предпочтительности преобладания в отправлениях народной жизни частной инициативы над государственною, о свободе промышленности, о пользе ничем не стесняемой конкуренции — словом, теми взглядами, которые суммируются в известной политико-экономической формуле: „laissez faire, laissez aller“»².

Однако в данном случае имело место не только диффузионное влияние Запада, но и материальная заинтересованность российской элиты. Как и аграрии других стран, русские помещики были заинтересованы в свободном обмене производимого в экономиях зерна на престижные изделия западных мануфактур. Было подсчитано, что, учитывая разницу цен в Петербурге и Лондоне, состоятельные покупатели, вынужденные покупать аналогичные отечественные товары, за 1824–1850 гг. переплатили владельцам российских фабрик 455 млн рублей серебром³. Такого рода факты вызывали негодование либеральной прессы.

Таким образом, на повестку дня встал вопрос о включении российской экономики в Мировой рынок. До промышленной революции торговля осуществлялась преимущественно по морям, но теперь железные дороги открыли для торговли обширные территории, удаленные от морских побережий. Проведение железных дорог было особенно важно для помещиков внутренних районов России, которые, таким образом, получали возможность продавать свои товары по высоким ценам Мирового рынка.

Разумеется, строительство железных дорог имело также и стратегическое значение, оно облегчало перевозку войск — но первенство отдавалось экономическим задачам. Министр иностранных дел князь А. М. Горчаков прямо заявил военному министру Д. А. Милютину, что «он не видит никаких причин заботиться о стратегических требованиях и не признаёт других целей сооружения железных дорог, кроме экономических»⁴. Инициатива в создании русской железнодорожной сети исходила от Запада. В. И. Ден писал, что некоей «секретною конвенциею, заключенною в одно время с миром, предписано было принять с благодарностью французскую компанию концессионеров на сооружение целой сети железных дорог, под названием: „La grande société des chemins de fers russes“ („Главное общество российских железных дорог“) на условиях, которые в настоящее время не только были бы отвергнуты, но и, конечно, возбудили бы негодование»⁵. В роли учредителей компании выступила группа французских, английских и голландских банкиров во главе с руководителем банка «Креди мобилъе» И. Перейра. «Главное общество» должно было построить за десять лет четыре железнодорожные линии, в том числе две дороги, соединяющие Черноземье с портами на Балтийском и Черном морях. Эти дороги так и называли «вывозными», они предназначались для вывоза русского хлеба на Мировой рынок и должны были обеспечить французской компании монопольные прибыли.

Однако первая попытка включения Черноземья в Мировой рынок окончилась неудачей. Проект «Главного общества» натолкнулся на противодействие конкурентов, могущественных английских Ротшильдов. В результате обществу не удалось разместить свои акции на Западе, почти все они были размещены в России, что привело к отливу средств из русских государственных банков. Между тем эти банки и так находились в тяжелом положении, поскольку их активы использовались государством для финансирования Крымской войны. Они оказались неплатежеспособными; это породило финансовый кризис и падение курса рубля, обернувшееся огромными финансовыми потерями (250–300 млн рублей) при попытках стабилизации курса. Что же касается «Главного общества», то его учредители использовали собранный в России капитал не столько для закупок оборудования, сколько для спекуляций на иностранных биржах, в результате чего валюта ушла из России. Капитал был истрачен, но построено было только 755 верст путей вместо предполагавшихся 3900 верст. В октябре 1862 г. главноуправляющий путями сообщения П. П. Мельников докладывал Александру II, что банкиры-учредители выехали из России с большими премиями, бросив дело неоконченным⁶.

Вторая попытка включения внутренних районов России в Мировой рынок посредством строительства «вывозных» дорог была предпринята в се-

редине 1860-х гг. «Сооружение железных дорог можно назвать не только настоятельной потребностью, но и положительно важнейшею для будущности России задачей правительства... — докладывал царю министр финансов М. Х. Рейтерн в 1866 г. — Экономическое положение России может быть существенно улучшено лишь посредством железных дорог, которые дадут ценность ее произведениям и, следовательно, достаточное вознаграждение труду и безбедный доход с земли; в финансовом отношении можно ожидать существенного увеличения доходов лишь от улучшения экономического быта, который находится в зависимости от улучшения путей сообщения; наконец, даже в политическом отношении возможность скорого передвижения от центра к окраинам должна умножить силу России»⁷.

Строительство железных дорог соответствовало «духу времени», то есть было результатом диффузии западной цивилизационной модели. Но в конкретной ситуации 1860-х гг., предлагая программу широкомасштабного железнодорожного строительства, Рейтерн, прежде всего, рассчитывал, что увеличение экспорта вызовет приток валюты и стабилизирует пошатнувшийся курс рубля. Кроме того, имелось в виду, что увеличение доходов землевладельцев смягчит остроту конфликта между монархией и недовольной освобождением крестьян элитой.

Рейтерн был либеральным министром, последователем принципа „laissez faire, laissez aller“. Поэтому предложенная им программа предусматривала строительство железных дорог частными компаниями («обществами») на основе выдаваемых им концессий. Предполагалось, что средства будут получены компаниями в основном за счет распространения акций и облигаций за границей. Для привлечения акционеров правительство поначалу гарантировало установленный (обычно 5%) дивиденд на акции и облигации; в дальнейшем оно само распространяло за границей «консолидированные облигации российских железных дорог». Эти деньги поступали в специальный железнодорожный фонд, из которого компании заимообразно получали средства на строительство дорог.

Началось интенсивное строительство; в 1866 г. в стране было лишь 3543 версты железных дорог, в 1866–1870 гг. было построено 6659 верст, в 1871–1875 гг. — еще 7424 версты. Однако гарантированные акции компаний и «консолидированные облигации российских железных дорог» размещались за границей с большим дисконтом, до 30% доставались банкам-посредникам (тем же Ротшильдам). «Построенные в это время железные дороги обошлись очень дорого от невыгодной реализации за границей железнодорожных бумаг... — писал известный промышленник В. А. Кокорев. — Впрочем, эта невыгодность могла бы быть значительно уменьшена, если бы прежде приступа к сооружению дорог были устроены рельсовые, локомотивные, вагонные и другие заводы для всех железнодорожных принадлежностей... а вышло то, что... наш государственный вексель (облигация с 5%-ной гарантией) брали со скидкой 30% с рубля, а нам платили за него рельсами, локомотивами, вагонами и т. п. с накидкой, вероятно, 20% на рубль»⁸.

В странах Запада железнодорожное строительство было мощным драйвером промышленного развития. Именно заказы железных дорог стимулировали быстрое развитие металлургии и машиностроения. Но в России

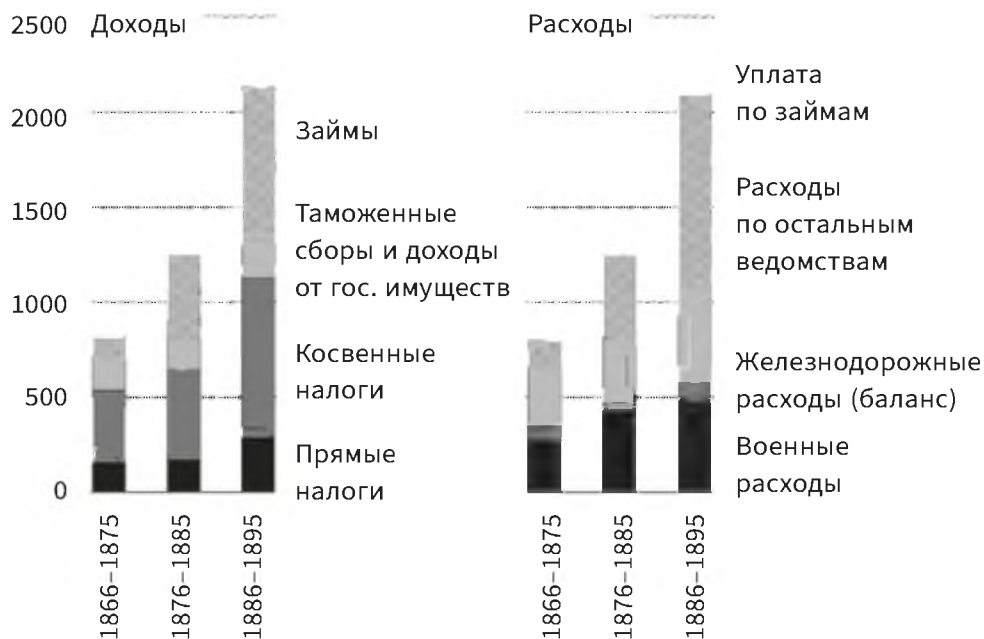

Рис. 6.1. Доходы и расходы бюджета второй половины XIX в. в пересчете на хлеб (млн пуд.)⁹

основная масса оборудования для дорог доставлялась из-за границы. Д. И. Менделеев, который был не только великим химиком, но и выдающимся экономистом, писал, что в 1869–1880 гг. «общая стоимость ввоза (чугуна, железа и стали и изделий из них) равнялась приблизительно 1100 млн руб... И поныне Россия платит проценты с этого миллиарда рублей, взятых за границей, и средняя плата, каждый год повторяемая, равняется по крайней мере 50 млн руб. Если бы ежегодно в дело развития русской каменноугольной и железной промышленности клали тогда не по 50 млн а только хоть по 5 млн — все бы давным-давно свое было»¹⁰.

Концессионная программа Рейтерна исходила из тезиса о необходимости спешного строительства железных дорог. Необходимость такой спешки ставилась под сомнение как современниками, так и позднейшими исследователями, однако она служила оправданием ставки на импорт рельсов и железнодорожного оборудования. «России нужны железные дороги; останавливать сооружение железных дорог впредь до достаточного развития рельсового промысла, только что начинающегося, очевидно, невозможно», — писал Рейтерн¹¹.

Железнодорожные общества получали право на беспошлинный ввоз железнодорожного оборудования, в том числе рельсов. Английские рельсы были примерно вдвое дешевле уральских, и до недавнего времени считалось, что при беспошлинном импорте уральские заводы не могли конкурировать с английскими. Именно поэтому заказы уходили за границу, а уральская металлургия стагнировала.

Однако проведенное исследование показало, что в действительности продукция уральских заводов была конкурентоспособной. Благодаря легирующим примесям в железной руде рельсы из уральского металла были намного прочнее английских — и намного выгоднее в эксплуатации. Если бы рыночная экономика функционировала нормально, то заказы оставались бы в России. Это были огромные деньги, можно было увеличить производство, освоить новую технику, построить железную дорогу на Урал и упростить доставку металла¹².

Предложенная Рейтерном концессионная система ранее применялась во многих странах и в условиях жесткого правительственного контроля приводила к положительным результатам, способствуя развитию отечественной промышленности. Но в России она приняла искаженные формы, связанные, прежде всего, с отсутствием контроля. По схеме, впервые реализованной «железнодорожным королем» П. Г. фон Дервизом, концессионеры намного завышали исходную смету проекта; они получали деньги, а затем строили дорогу как бы «вчерне», покупая самые дешевые английские рельсы и кладя «экономия» себе в карман. После сдачи дороги ее приходилось достраивать и перестраивать; это делалось за счет эксплуатационных расходов. Разумеется, такая дорога обычно не давала прибыли, но акционеры не оставались в накладе: 5% годового дохода по акциям и облигациям обеспечивала казна¹³.

Искаженный вариант концессионной системы был основан на коррупции. Когда выяснилось, что, получив концессию, можно быстро стать миллионером, в борьбу за концессии включились «влиятельные лица», выдвигавшие своих ставленников и получавшие свою долю наживы. Началась «концессионная лихорадка». «Железнодорожное поприще открылось всякому, кто умел сделаться приятным... влиятельным людям... — признавал в предсмертной записке фон Дервиз. — Заботы влиятельных лиц сосредотачивались уже не в соблюдении государственного интереса, а единственно на том, как бы устроить свои личные дела... При таких обстоятельствах в железнодорожном мире выработалась своя особая практика, которую следует назвать систематическим расхищением государственной казны»¹⁴.

Позднее происходившее стали называть «концессионной лихорадкой». «Открылся богатейший источник спекулянтской наживы, — резюмирует современный историк. — Задача заключалась в том, чтобы какими бы то ни было средствами раздобыть концессию на железнодорожную линию. Концессия становилась предметом торга, продаж и перепродаж. Вопрос о доходности будущей дороги и о характере строительства играл роль второстепенную. Правительство не только гарантировало доход предприятия, иногда заведомо убыточного, но сплошь и рядом путем облигационных займов давало средства на постройку. Золото буквально падало с неба, и миллионеры росли под этим дождем, как грибы. Именно в это время вырастают будущие столпы русской буржуазии. Неграмотные десятники на постройках, скромные подрядчики мгновенно превращаются в именитых миллионеров»¹⁵.

Табл. 6.1. Выплавка чугуна на душу населения (кг)¹⁶

	1825	1830	1835	1840	1845	1850	1855	1860	1865	1870	1875	1880
Англия	25	29	40	54	56	80	117	135	162	194	235	215
США	7	13	15	17	28	24	26	26	24	43	47	78
Германия	2	2	5	7	6	7	13	16	27	36	47	61
Франция	6	8	9	10	13	11	24	24	31	32	38	45
Россия	3	3	3	3	3	3	4	5	4	4	5	5

Князь В. П. Мещерский писал: «Никто не мог понять, почему такие люди, как Мекк, Дервиз, Губонин, Башмаков и прочие, которые не имели, во-первых, ни гроша денег, а во-вторых, никаких инженерных познаний, в два-три года делали миллионщиками»¹⁷.

Компании расхищали полученные средства и вернули в железнодорожный фонд лишь малую часть своих долгов. В итоге оказалось, что частные железные дороги строились в основном на средства, полученные от государственных и гарантированных государством внешних займов. Общий объем этих займов в 1861–1880 гг. составил более 1,6 млрд рублей, и за 1866–1880 гг. казна была вынуждена выплатить 350 млн рублей процентов по этим займам. В итоге Россия попала в долговую кабалу, выплата огромных процентов по займам стала главной статьей государственных расходов, намного превосходящей военные расходы (рис. 6.1)¹⁸.

Главное, однако, заключалось в том, что «свободная торговля» и извращенная коррупцией «рыночная» экономика препятствовали экономическому развитию. В то время как западные страны переживали промышленный бум, Россия откатывалась на периферию мировой экономики, становилась отсталой в промышленном отношении страной. Наиболее выразительным показателем этого отставания было производство металла, который в то время считался «хлебом промышленности» (табл. 6.1).

В апреле 1877 г. специально созданная комиссия составила «Записку о влиянии сооружения сети железных дорог на горнозаводскую промышленность в России»¹⁹, содержащую жесткую критику экономической политики правительства. Ввиду особой важности этого документа мы приведем здесь некоторые выдержки из него.

Всем известен факт, что в Западной Европе и Северной Америке железные дороги дали чрезвычайно сильный толчок горному промыслу, в особенности двум его важнейшим отраслям: железнному производству и добыче каменного угля.

У нас же, несмотря на богатейшие месторождения каменного угля и железа и превосходнейшее их достоинство, многие промышленные предприятия пришли к ликвидации... от отсутствия значительных и постоянных заказов для железных дорог рельсов и подвижного состава. Вследствие это-

го и оказывается, что добыча каменного угля и железа, вместо того чтобы служить производительному направлению народного труда, удовлетворяется путем выписки этих продуктов из-за границы на многие десятки миллионов рублей...²⁰

Таким образом, на недостаток природных средств наша горная промышленность жаловаться никоим образом не может. Вовсе не этим недостатком вызван тот застой, в котором она находилась во время сооружения сети железных дорог, в котором находится до сих пор и будет еще находиться очень долго, пока не примут энергических мер для того, чтобы изменить подобное положение... Застой этот происходит от того, что в одной России при сооружении железных дорог концессионеры забыли, или намеренно игнорировали, существование собственного горного производства, не предполагая его как будто бы способным служить для снабжения железных дорог...²¹

Отставание в развитии тяжелой промышленности сыграло роковую роль, когда во время Первой мировой войны Россия столкнулась с армиями индустриальных стран на полях сражений.

6.2. Голодный экспорт

Строительство железных дорог привело к значительному перераспределению ресурсов внутри структуры «государство–элита–народ», связанному с развитием хлебного экспорта. В прежние времена элита отторгала у народа часть ресурсов (в данном случае хлеб), но эти ресурсы не уходили из страны, часть из них обменивалась дворянами на ремесленные изделия и, таким образом, возвращалась обратно к народу. Становление системы массового хлебного экспорта привело к тому, что ресурсы вывозились из страны, что существенно сокращало экологическую нишу народа и усиливало Сжатие.

До 1850-х гг. экспорт хлеба был сравнительно невелик и не оказывал значительного влияния на потребление внутри страны. В то же время в открытых для мирового рынка прибалтийских странах еще в XVI–XVII вв. сложилась экономическая система, основанная на экспортной хлебной торговле. Основной чертой этой системы были барщинные фольварки и обмен хлеба на импортные предметы потребления для элиты.

В середине XIX в. в российской системе товарооборота произошли существенные изменения. Рост населения в Англии вынудил английское правительство в 1842 г. отменить ввозные пошлины и открыть английский рынок для ввоза русского хлеба. В 1850-х гг. вывоз хлеба из России увеличился вдвое, до 57 млн пудов в год, и хлеб стал давать треть доходов от экспорта²². Хлебная торговля «прибалтийского» образца постепенно принимала все большие масштабы, и П. И. Лященко отмечал, что помещики еще до освобождения крестьян нашли в экспорте хлебов способ реализации создававшегося в их хозяйствах прибавочного продукта²³.

Но в то время хлеб, вывозимый из России, производился в основном в Причерноморье, а глубинные районы, в том числе Черноземье, остава-

лись отрезанными от мировой торговли. Между тем, к примеру, в Курской губернии у помещиков имелись трехлетние запасы зерна, которое не находило сбыта²⁴. Гастгаузен отмечал, что благодаря близости к порту поместья в районе Одессы были вчетверо более прибыльны, чем в районе Киева. «Главнейшая потребность России заключается в улучшенных путях сообщения», — таков был вывод немецкого ученого²⁵.

Рекомендации Гастгаузена в полной мере были реализованы в 1860–1870-х гг., когда появились «вывозные» железные дороги. И хотя крепостничество уже пало, экспортная хлебная торговля сохранила прежний характер: она была основана на крупном дворянском землевладении, корни которого вели в крепостническую эпоху.

В 1868 г. в район Орла пришла первая железная дорога, связавшая Черноземье с Ригой. Эффект появления железных дорог был огромным: если стоимость гужевых перевозок составляла 0,1 копейки за пудо-версту, то по единому тарифу 1889 г. стоимость перевозки на средние расстояния (360–1600 верст) составляла 0,0125 за пудо-версту, то есть *в восемь раз меньше*. Большое значение имело также и увеличение скорости перевозок: если в 1860-х гг. средний срок оборота денег в хлебной торговле составлял около одного года, и для обеспечения прибыли наценка на один пуд равнялась 5–10 копейкам, то после проведения железных дорог срок оборота сократился до 25–30 дней, а наценка на пуд уменьшилась до 0,25 копейки.²⁶

Таким образом, появление железных дорог открыло внутренние районы России для мировой торговли и повлекло за собой бум хлебного экспорта. Если в 1850-х гг. среднегодовой экспорт составлял 57 млн пудов, то в 1875–1880 гг. — 257 млн пудов; вывоз хлеба давал 56% всей стоимости экспорта. Россия стала крупнейшим в мире экспортером хлеба, в 1880-х гг. вывозилось 18% от чистого сбора зерновых²⁷.

В контексте демографически-структурной теории вывоз шестой части чистого сбора означал соответствующее *сокращение экологической ниши народа*, уменьшение его средств существования. Ограничений на вывоз хлеба не было, и землевладельцы могли вывозить хлеб из страны, доводя отдельные районы до голода, например, появление железной дороги в Смоленской губернии сразу же вызвало нехватку продовольствия²⁸. Вывоз продолжался и в условиях голода, как это было в 1873 г. в Поволжье. Либеральная газета «Неделя» писала: «Среди известий о голоде и невозможности достать хлеб для нуждающихся неприятно действуют известия о том, что в тех или иных местах хлеб лежит массами или вывозится за границу... В настоящее время идет сильный отпуск хлеба от нас в Австрию... Но более всего странным представляется то, что хлеб вывозится даже из Самарской губернии — той самой, где люди грызут землю»²⁹.

«Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу, к немцам, которые не станут есть всякую дрянь, — писал известный экономист-аграрник А. Н. Энгельгардт. — Лучшую, чистую рожь мы пережигаем на вино, а самую что ни на есть плохую рожь, с пухом, костером, сивцом и всяким отбоем, получаемым при очистке ржи для винокурен — вот это ест уж мужик. Но мало того, что мужик ест самый худший хлеб, он еще недоедает. Если довольно хлеба в деревнях — едят по три раза; стало в хлебе умаление, хлебы коротки — едят по два раза, налегают больше на яро-

вину, картофель, конопляную жмаку в хлеб прибавляют. Конечно, желудок набит, но от плохой пищи народ худеет, болеет, ребята растут туже, совершенно подобно тому, как бывает с дурносодержимым скотом...»³⁰

Вывозился не только хлеб, но и другие продукты. «По головам голодавшего русского центра, — писал известный публицист И. И. Колышко, — неслись к Риге, Либаве, Одессе поезда с сибирским маслом, яйцами, мясом... Русским сахаром откармливала Англия своих свиней, а великоросс пил чай вприглядку. В Берлине в дни привоза русского мороженого мяса и птицы немцы обжирались ими до отвала, а великоросс ел мясо лишь по двенадесатым праздникам»³¹. «Лозунг „не доедим, а вывезем“ был не пустым лозунгом, ибо рост внутренних цен был связан с ростом мировых цен, — писал известный экономист Н. П. Огановский. — Не только крестьяне центральных районов перманентно недоедали, не только производители яиц и птицы сами в рот их не брали... Главные сельскохозяйственные продукты шли за границу: половина товарного зерна, $\frac{3}{4}$ льна, яиц, половина масла. Отсюда ужасающая смертность детей, отсюда сила эпидемий, отсюда глухое недовольство масс, постоянная борьба всеми доступными крестьянам способами с помещиками и начальством и стихийные вспышки бунтов — предвестники революционной грозы»³².

Таким образом, уже на рубеже 1870-х и 1880-х гг. экономисты и публицисты поставили вопрос о «голодном экспорте». Постановка вопроса о «голодном экспорте» противоречит устоявшимся представлениям о прогрессивном характере модернизации, о том, что она направлена на благо людей. Все оказывается намного сложнее: железные дороги лишали людей пищи не только в России. «Силами модернизации можно было злоупотреблять самым прискорбным образом, — констатирует Стивен Коткин. — В то время как Индия в 1870–1900 годы страдала от массового голода, вывоз зерна в Великобританию вырос с 3 миллионов до 10 миллионов тонн, обеспечивая пятую часть британского потребления пшеницы». Британские колонизаторы «соорудили в Индии четвертую по протяженности железнодорожную сеть в мире, но железная дорога, вместо того чтобы облегчать жизнь местному населению, оставляла его без еды»³³. Во время трех больших голодовок в 1876–1879, 1889–1891, 1896–1900 гг. в Индии погибло 15 млн человек³⁴.

Вернемся к положению в России. Средний уровень цен в Европе почти вдвое превышал российский уровень цен. Этот диспаритет цен был вызван не тем, что европейское население больше, чем русское, нуждалось в хлебе, а тем, что в богатой Европе было больше валюты, золота и серебра. В конце XIX в. на каждого жителя Франции приходилось 32 доллара в драгоценных металлах, а на каждого жителя России — 7 долларов³⁵. Богатые нации могли платить за хлеб больше, чем русское население, и хлеб, производимый в помещичьих и отчасти в зажиточных крестьянских хозяйствах, уходил за границу, несмотря на то что бедняки голодали. В 1860-х гг. пуд ржи стоил в Германии 93 копейки, а на Черноземье — 45 копеек, в 1880-х гг. соответственно 112 и 65 копеек³⁶. По железнодорожному тарифу 1889 г. стоимость перевозки до порта Либавы составляла 23 копейки, до германской границы — около 25 копеек. Вследствие разницы цен, намного превосходившей цену транспортировки, хлеб было выгод-

но вывозить даже в относительно неурожайные годы. Рыночный механизм работал таким образом, что в России создавалась нехватка продовольствия. Мировой рынок работал как насос, выкачивающий из России ее богатства: хлеб, масло, лес, лен, пеньку и другое сырье³⁷.

Таким образом, в России сформировался новый, типичный для восточноевропейской «фольварочной» экономики круг товарообмена, в котором зерно, производимое на помещичьих полях, обменивалось на импортные предметы потребления. Так, например, в 1884 г. было вывезено хлеба на 203 млн золотых рублей; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов на 119 млн рублей и 42 млн рублей составили расходы «русских путешественников» за границей (многие представители русской знати постоянно жили во Франции). На импорт металла и машин, предназначенных, главным образом, для обеспечивающих вывоз железных дорог, было потрачено 34 млн рублей.³⁸

6.3. Уровень производства и потребления

Данные о темпах роста населения (рис. 2.2) показывают, что численность населения после освобождения крестьян стала быстро расти. В 1858–1878 гг. крестьянское население Черноземья увеличилось на 23,8%, среднегодовой прирост составил 1,1% против 0,43% в 1851–1857 гг. Среднегодовой рост численности государственного крестьянства и прежде был большим (0,95%), теперь он увеличился до 1,11%. Огромные перемены произошли в демографическом поведении бывшего крепостного крестьянства: если раньше крепостное население убывало (со скоростью 0,1% в год), то после освобождения эта часть крестьянского населения возрастала со скоростью 1,09%³⁹. Этот демографический взрыв был вызван улучшением положения крестьян в первое десятилетие после освобождения, а также и теми оптимистическими настроениями, которые охватили большую часть крестьянства.

В 1870-х гг. ситуация, однако, стала меняться в связи с резким ростом хлебного экспорта. Уже в конце 1870-х гг. стали появляться статьи с подсчетами, говорившими о том, что огромный вывоз хлеба приводит к падению потребления внутри страны. Экономист Н. Ф. Даниельсон подсчитал, что в 1871–1878 гг. душевой чистый остаток уменьшился на 14%, в том числе на 9% за счет вывоза и на 5% за счет роста населения⁴⁰. И. Левитский, готовивший обзор для Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 г., писал, что, если использовать официальные данные, после вывоза и посева остается на потребление лишь 2,1 четв., из них 1,5 четв. продовольственных хлебов, что меньше принимаемой экономистами продовольственной нормы в 1,75 четв.⁴¹

Однако значимость подсчетов статистиков подвергалась сомнению. Считалось, что вывоз продуктов, которых недостает внутри страны, был бы противоестественным. Исходя из этих соображений, специалисты Министерства государственных имуществ заявляли, что если официальные данные о сборе указывают на недостаток зерна после вывоза, то значит, эти данные занижены⁴². Аналогично рассуждают и некоторые современные исследователи⁴³.

В отсутствие надежной статистики нарративные свидетельства не могут решить вопрос о связи экспорта зерна и массового недоедания. В этой ситуации на помощь приходят антропометрические методы. Считается, что рост людей отражает их уровень жизни и, в частности, уровень потребления продуктов питания. Пионер применения антропометрических методов, профессор Д. Н. Анучин, обратил внимание на то, что, по данным призывных комиссий, рост новобранцев в 1874–1885 гг. понижался⁴⁴. Б. Н. Миронов подсчитал, что средний рост новобранцев в 1882–1886 гг. по сравнению с 1874–1876 гг. уменьшился на 0,8 см. Одновременно отбраковка по негодности увеличилась с 35,6 до 41,9%⁴⁵. Б. Н. Миронов составил сводку данных о среднем росте новобранцев в различных губерниях с 1874 г., когда начали собираться эти данные, по 1913 г. Пользуясь этими материалами, мы можем подсчитать и сравнить средний рост на различных временных интервалах. В табл. 6.2, чтобы не загромождать раздел обилием цифр, приведена лишь разница в среднем росте в 1875–1877 и 1882–1884 гг.; знак минус показывает, что рост новобранцев уменьшался. Две неземледельческие губернии, Архангельская и Астраханская, исключены из рассмотрения.

Губернии в таблице упорядочены по степени уменьшения роста. Относительно Донской области можно предположить, что уменьшение среднего роста произошло здесь за счет низкорослых переселенцев из центральных районов. Но в целом можно видеть, что рост уменьшался, в первую очередь, в губерниях, через которые проходили «вывозные» железные дороги и из которых осуществлялся наиболее интенсивный вывоз хлеба. Это Воронежская, Харьковская, Орловская, Рязанская, Тульская, Саратовская, Тамбовская, Черниговская, Симбирская губернии. В некоторых из них уменьшение составило порядка одного сантиметра, что говорит о значительном падении уровня жизни, в частности о недостаточном питании. Меньшее по величине уменьшение роста произошло в Курской, Полтавской, Херсонской, Екатеринославской губерниях; в двух последних губерниях появление железных дорог не имело решающего значения, так как большую часть зерна там подвозили к пристаням гужом. Другая группа губерний — по большей части это губернии Нечерноземного региона — не вывозила хлеб, и положение в этих губерниях изменилось незначительно. Наконец, в Литве и Белоруссии положение улучшилось, по-видимому, в результате дополнительного наделения крестьян землей после подавления Польского восстания 1863–1864 гг. В целом по империи рост новобранцев уменьшился на 0,4 см.

Власти знали о том, что положение крестьян ухудшается; об этом свидетельствовал, прежде всего, рост недоимок по выкупным платежам. Недоимки могли накапливаться из года в год, но с другой стороны, старые недоимки выплачивались позже и текущую задолженность можно оценить как процентное отношение недоимок к платежам текущего года. В 1866 г. это отношение составляло в Центрально-Черноземном районе 30%, в 1871 г. — 19%, в 1876 — 31%, в 1881 г. — 23%⁴⁶. В Центрально-промышленном районе отношение суммы недоимок к сумме выкупных платежей в 1866 г. составляло 27%, в 1871 г. — 23%, в 1876 г. — 23%, в 1881 — 48%⁴⁷. Недоимки по подушной подати были еще больше, и Н. И. Ананьич отмечала,

Табл. 6.2. Изменение среднего роста новобранцев в период с 1875–1877 по 1882–1884 гг. (в см)⁴⁸

Губерния	+/-	Губерния	+/-
Донская	-1,30	Калужская	-0,23
Пермская	-1,00	Херсонская	-0,23
Харьковская	-1,00	Полтавская	-0,20
Орловская	-1,00	Екатеринославская	-0,17
Рязанская	-0,90	Оренбургская	-0,13
Тульская	-0,87	Киевская	-0,07
Саратовская	-0,83	Уфимская	-0,03
Казанская	-0,80	Самарская	0,00
Воронежская	-0,80	Пензенская	0,03
Тамбовская	-0,77	Тверская	0,03
Московская	-0,73	Гродненская	0,07
Бессарабская	-0,73	Могилевская	0,07
Черниговская	-0,70	С.-Петербургская	0,07
Симбирская	-0,67	Вологодская	0,10
Вятская	-0,63	Олонецкая	0,13
Костромская	-0,63	Таврическая	0,17
Волынская	-0,43	Минская	0,20
Смоленская	-0,40	Эстляндская	0,23
Владимирская	-0,33	Лифляндская	0,27
Курская	-0,33	Ковенская	0,33
Новгородская	-0,33	Псковская	0,37
Ярославская	-0,30	Виленская	0,37
Подольская	-0,27	Курляндская	0,50
Нижегородская	-0,23	Витебская	0,80

что ни в одной стране мира недоимки не достигали таких размеров⁴⁹. Невозможность собрать недоимки заставляла власти идти на их списание; в 1870-х гг. крупные суммы задолженности были списаны, в частности, с Рязанской и Пензенской губерний. Понижение недоимок по выкупным платежам в 1881 г. в значительной мере было достигнуто за счет их частичного списания, и в целом можно констатировать, что после некоторого улучшения к 1871 г. положение с платежами резко ухудшилось⁵⁰.

Пытаясь не допустить недоимок, местные власти часто шли на распродажу имущества крестьян, в том числе лошадей и инвентаря. В 1869 г. Рейтерн писал министру внутренних дел о массовой распродаже крестьянского имущества в ряде губерний, указывая, что тем самым подрывается сама возможность крестьян в дальнейшем платить налоги⁵¹. В конечном счете непосильные повинности приводили к тому, что у крестьян не было запасов хлеба, и в случае неурожая начинался голод. В 1867 г. голод охватил ряд северо-западных и центральных губерний, в 1871–1873 гг. он свирепствовал в Смоленской и Самарской губерниях, в 1881 г. — в Поволжье. Голодовки сопровождались эпидемиями, и превышение смертности над средним уровнем соседних лет составляло в 1872 г. 312 тыс. смертей, в 1882–1883 гг. — 630 тыс.⁵²

В годы голода уже не было речи о сборе недоимок — властям самим приходилось помогать голодающим. 20 сентября 1880 г. Н. Х. Бунге, бывший в то время товарищем министра финансов, по просьбе Александра II представил программную записку «О финансовом положении России». Бунге по понятным мотивам умалчивал о «голодном экспорте» и выставл главной причиной голода рост населения, который привел к уменьшению крестьянских наделов. «Когда население возросло, — говорилось в записке, — отведенная земля оказалась недостаточной для прокормления крестьян и для доставки им средств в уплате налогов и выкупных платежей. Когда же к этому присоединились неурожай... тогда положение крестьян в целых уездах и даже губерниях стало бедственным, исправное поступление налогов и платежей прекратилось, и правительство само оказалось вынужденным позаботиться о прокормлении нуждающегося населения»⁵³.

6.4. Положение крестьянства

В восприятии крестьян основное содержание экономических процессов того времени заключалось в нарастающем малоземелье. В 1861 г. на душу сельского населения приходилось 4,8 десятины наделной земли, в 1880 г. — 3,5 десятины, в 1900 г. — 2,6 десятины, в 1914 г. — 2,0 десятины⁵⁴. При этом демографически-структурная теория акцентирует то обстоятельство, что ситуация осложнялась неравномерным распределением земли среди крестьян. Две половины населения, «благополучная» и «голодающая», примерно соответствовали двум категориям крестьян, бывшим государственным и бывшим крепостным крестьянам. В 1877 г. на один двор государственных крестьян приходилось 15,1 десятины наделной земли, а на один двор бывших крепостных — 8,9 десятины⁵⁵. В различных районах достаток и бедность были смешаны в разных пропорциях. В Центральном районе преобладали быв-

шие крепостные, на Черноземье две группы крестьян были примерно равны, далее на юге и востоке, в Степном крае, в Среднем и Нижнем Поволжье, в Предуралье, на Вятке преобладали государственные крестьяне. Достаток крестьян увеличивался от центра к окраинам; это было обусловлено тем, что на окраинах было больше земли и что там, сравнительно с Центром, позже стало развиваться крепостное право. В тогдашней России наряду с нищим Центром существовали настоящие края изобилия, например, в Самарской губернии государственные крестьяне имели наделы средним 4,1 десятины на душу (1878), в 1889 г. в Новоузенском уезде, на юго-востоке губернии, половина крестьян жила в хозяйствах, имевших не менее четырех лошадей⁵⁶. Степное Причерноморье было знаменито не только своим благодатным климатом, но и тем, что после освобождения государственные крестьяне имели там огромные наделы — в среднем 5,8 десятины на душу⁵⁷. По данным социологических обследований, в Херсонской губернии потреблялось в пищу в среднем 29 пудов хлеба на душу (1898). Высокий уровень жизни проявлялся в более низкой смертности, что вместе с притоком мигрантов обеспечивало быстрый рост населения. За 1861–1914 гг. население Степного района возросло в 3,1 раза, а население Центра и Черноземья — только в 1,7 раза⁵⁸.

Анализируя общую динамику посевов и урожаев на Черноземье, можно отметить, что в 1860–1900 гг. процесс расширения пашни привел к тому, что *были распаханы практически все удобные земли*⁵⁹. Тамбовские историки-аграрии, досконально изучившие проблему, пишут, что «*в течение XIX в. в губернии обнаружались естественные пределы развития экономики, демографии и экологии традиционного общества*». К началу XX в. в аграрных регионах России все явственнее проявлялись черты системного кризиса, особо проявившиеся в аграрном перенаселении, сокращении природных ресурсов для сельского хозяйства, истощении почвы, стагнации производства основных зерновых культур...»⁶⁰ В четырех губерниях Черноземья — Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской — в 1850 г. пашня занимала 61% всей территории, в 1887 г. — 69%, в 1910 г. — 71%⁶¹. Распашка привела к тому, что за 1887–1916 гг. площадь кормовых угодий (лугов, сенокосов и выгонов) сократилась вдвое, до 8% общей площади⁶². «В Центрально-Черноземном районе относительные размеры распаханной площади достигли предела, какого не знают страны с интенсивной культурой», — признает официальный источник⁶³. Распаханность земель в отдельных уездах достигала 80–82%; она намного превосходила среднюю распаханность в Германии и Франции (около 50%)⁶⁴.

Известный агроном С. Советов в своем отчете 1876 г. писал: «Теперь здесь самая интенсивная в известном смысле культура, то есть нет ни клочка нераспаханного. Всюду и везде поля и поля со всевозможными красными и серыми хлебами»⁶⁵. Об этом же свидетельствовал в 1902 г. уполномоченный по сельскохозяйственной части Курской губернии А. И. Шахназаров: «Еще 30 лет назад Курская губерния превратилась в одно сплошное поле. Все, что можно было распахать, — распахано, леса сведены, уничтожены выгоны... Ввиду отсутствия естественных пастбищ... неизбежная пастьба скота по полям вдвое сокращает паровой период»⁶⁶. Комиссия, созданная Воронежским уездным комитетом о нуждах сель-

скохозяйственной промышленности, докладывала: «В короткий пореформенный период местность уезда изменилась до неузнаваемости. Леса поределели и сократились в площади, реки обмелели или совершенно исчезли, летучие пески надвинулись на поля, сенокосы и другие угодья, поля поползли в овраги и на месте когда-то удобных земель появились рытвины, вымоины, рвы, обвалы и даже зияющие пропасти»⁶⁷.

Бесконтрольная, неограниченная распашка земель должна было привести к экологическому кризису и падению урожайности. «Природа мстит человеку за то, что он не бережно относится к главному даровому благу — естественному плодородию почв, — писал Н. П. Огановский. — Тогда учащаются неурожаи и наступает аграрный кризис — голодовки, болезни, нищета. Такой кризис был во Франции в конце XVIII в., в Германии в 1840-х гг. и у нас в центральных губерниях — пятьдесят лет спустя — в 1890-х гг.»⁶⁸

Другая проблема, вызванная расширением распашки, была связана с недостатком пастбищ. «Уже при самом наделении крестьян землей отведенная им в наделах кормовая площадь в виде сенокосов и пастбищ являлась недостаточной для прокорма того количества скота, которое необходимо было содержать в соответствии с размерами полученной ими пахотной площади... — констатирует „Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности“. — Указанное несоответствие все более и более усиливалось вследствие широко применявшегося почти всюду обращения сенокосных и пастбищных угодий под пахоту... Ближайшим результатом... сокращения кормовой площади явился количественный упадок скотоводства»⁶⁹. Постоянный недостаток кормов привел к деградации скота, к увеличению числа малорослых, легковесных и низкопродуктивных животных. Средний вес рабочей лошади составлял около 18 пудов, в то время как в Америке — 40 пудов, а в Англии — 55 пудов⁷⁰.

Э. Вольф придает недостатку пастбищ и лесных угодий настолько большое значение, что говорит об «экологическом кризисе», поразившем крестьянское хозяйство в результате нарушения необходимого баланса между земледелием и животноводством⁷¹. Дело в том, что недостаток скота не позволял обеспечить поля навозным удобрением; к примеру, в Михайловском уезде Рязанской губернии навоза хватало только на седьмую часть паров⁷². С другой стороны, при нехватке пастбищ крестьяне были вынуждены пасти скот на парах, а это уменьшало урожайность на 20–30%. По данным Полтавского опытного поля, при заблаговременной июльской вспашке пара (после чего пастьба скота невозможна) получали урожай яровой пшеницы в 75 пудов с десятины, а при весенней вспашке непосредственно под посев — 51 пуд⁷³. Именно это обстоятельство — использование пара под пастбище — в значительной степени объясняло разницу в урожайности крестьянских и помещичьих полей. Другое преимущество помещичьих экономий заключалось в применении дорогих сортровок для отбора семенного зерна. Что же касается использования плугов, то оно давало лишь кратковременное увеличение урожайности⁷⁴.

Парадоксально, что хотя крестьяне старались до максимума расширить пашни, размеры посевов на Черноземье практически не росли. Это объясняется тем, что ввиду истощения земли крестьяне были вынуждены все большую ее часть отводить под пар⁷⁵. Посевные площади уже не увеличивались, и шло соревнование между ростом населения и урожайности.

К 1877 г. душевая обеспеченность земель по сравнению с 1861 г. уменьшилась и составляла в среднем по Черноземью для помещичьих крестьян 1,08 десятины, для государственных крестьян — 1,9 десятины. Государственные крестьяне имели наделы почти вдвое большие, чем бывшие крепостные; они составляли основу достаточно многочисленной прослойки зажиточных «сельских обывателей». В Курском уезде, например, в 1881–1882 гг. четвертая часть всех крестьянских дворов имела по меньшей мере три лошади⁷⁶.

Одним из основных способов получения дополнительного заработка была аренда помещичьей земли или работа на помещика. В 1877 г. у бывших помещичьих крестьян Черноземья было 5,6 млн десятин наделной земли (21% ко всей частной и наделной земле), у государственных крестьян — 10,5 млн десятин (39%), у дворян было 8,6 млн десятин частной земли (32%), у купцов и горожан — 1,1 млн десятин (4%), кроме того, было еще 0,8 млн десятин (3%) частной земли, купленной крестьянами у помещиков⁷⁷.

Хотя крестьяне иногда покупали землю у разорившихся помещиков, необходимо отметить, что в соответствии с прогнозом демографически-структурной теории цена на землю постоянно росла. По нотариальным данным средняя стоимость продававшейся в семи центрально-черноземных губерниях земли составляла в 1868–1877 гг. 42,5 рубля за десятину, в 1878–1881 гг. — 61,4 рубля, в 1888–1897 — 81,6 рубля⁷⁸. Купить участок земли по таким ценам могли лишь немногие зажиточные крестьяне. Обычно при недостатке земли ее брали в аренду. По расчетам А. М. Анфимова, арендная плата на Черноземье в 1887–88 г. составляла 52% валового урожая, в 1901 г. — 42%⁷⁹.

Прежде всего, необходимо оценить относительную величину арендной платы, понять, много это или мало — 40–50% урожая? Массовая аренда земли у частных землевладельцев была новым явлением российской истории, в крепостной период (после введения подушной подати) она не была распространена, поэтому сравнение возможно только с другими странами. Норма арендной платы в половину урожая была характерна для перенаселенных стран, где рабочая сила была дешева, например для Китая в середине XIX в. Как правило, в начале демографического цикла при наличии свободных земель арендная плата была низкой, а затем по мере роста населения и обострения аграрного кризиса она возрастала, например с начала XVI по середину XVII в. арендная плата увеличилась во Франции с 20 до 50% урожая⁸⁰. Таким образом, *величина арендной платы в 40–50%, наблюдавшаяся в России во второй половине XIX в., характерна для периодов перенаселения и аграрного кризиса; это было свидетельство острой нехватки пашен.*

«Вопрос о недостаточности крестьянских наделов... поднят был уже в докладе Комиссии для исследования сельского хозяйства в 1872 г., — говорится в одном из правительственных документов. — Сведения, собранные различными земствами и исследования частных лиц, между которыми заслуживают особого внимания работы статистика Московского земства Орлова и профессора Янсона, показали несомненную связь общего упадка крестьянского хозяйства и вообще обеднения большинства крестьян с недостаточными размерами их наделов и величиною падающих на них платежей»⁸¹. Упомянутая Комиссия отмечала, в частно-

сти, что «причины обеднения многих крестьян... заключаются в малом плодородии почвы, требующем сильного удобрения, в недостатке лугов и вследствие этого невозможности содержать достаточное количество скота, в общинном владении и круговой поруке, в значительном и почти повсеместном разделе семей, дробящем рабочие инвентари и препятствующем отхожим заработкам, в значительном обложении земли...»⁸²

Уменьшение доли зажиточных дворов было связано не только с нехваткой земли и общим обеднением деревни, но и с распадом больших семей. До реформы помещики старались сохранять большие трудоспособные семейные коллективы и часто запрещали семейные разделы. В этих запретах, так же как в запретах продажи лошадей и в предоставлении ссуд, проявлялось стремление помещиков не допустить разорения крепостных. В 1861 г. крестьяне получили волю, но вместе с тем были предоставлены самим себе. После освобождения разделы семей должны были производиться только с разрешения «мира», но фактически производились самовольно. В 1861–1882 гг. в 46 губерниях Европейской России разделилось 2 371 000 крестьянских семей, причем лишь 13% из них имели соответствующее разрешение. Согласно обследованию, проведенному в Ярославской губернии в 1873–1882 гг., 35% отделившихся семей не получали при разделе никакого имущества или получали очень мало⁸³.

Процесс распада сложных семей был связан с развитием отходничества: семья, один из членов которой почти постоянно находился в отходе, утрачивала свое единство. Отходник, нередко приносящий в семью значительные суммы денег, приобретал психологическую и экономическую независимость и часто стремился выделиться из семьи. С другой стороны, отходники приносили в деревню вольные нравы города и с трудом переносили необходимость подчиняться старшим в семье⁸⁴.

В Ренненбургском и Данковском уездах Рязанской губернии в 1858 г. средняя семья насчитывала 9,7 человека и среди них было 2,2 взрослых работника-мужчины. К 1882 г. средняя численность семьи уменьшилась до 6,4 человека, а число работников-мужчин — до 1,5 человека. В Коротоякском уезде Воронежской губернии соответствующие цифры для 1858 г. составляли 10,3 и 2,1, для 1882 г. — 7,3 и 1,7⁸⁵. В результате прогрессирующего распада больших семей за вторую половину XIX в. средняя численность семьи на Черноземье уменьшилась с 10,2 до 6,1 человека⁸⁶. На рубеже XIX–XX вв. совместное проживание родителей с несколькими женатыми сыновьями стало, как правило, кратковременным и длилось не более трех-пяти, реже — восьми лет. Семьи распадались, как только появлялась минимальная возможность для организации отдельных хозяйств. Совместное проживание женатых братьев стало редким явлением⁸⁷.

Распад больших семей резко ограничивал возможность взаимопомощи и кооперации внутри семейных коллективов и негативно отражался на благосостоянии крестьян. Труднее всего приходилось малым семьям, так как работать в хозяйстве мог один отец, а мать, обремененная малолетними детьми, могла лишь изредка оказывать ему помощь. Материалы обследования крестьян Воронежской губернии показывают, что душевой доход в малых семьях был в полтора раза меньше, чем в больших⁸⁸. Поэтому распад сложных семей рассматривался властями как одна из глав-

ных причин ухудшающегося положения деревни. В 1886 г. был принят закон, по которому семейные разделы могли происходить только с согласия главы семьи и по постановлению сельского схода, принятого $\frac{2}{3}$ голосов. Но закон постоянно нарушался, и разделы продолжались с неослабевающей интенсивностью⁸⁹.

«Распадение сложных семейств сделалось злобою дня в деревне и предметом самых горячих споров, как в литературных, так и в административных сферах... — писал И. Гурвич. — „O tempora, o mores!“ — вопиал бюрократ, негодуя на дух неповиновения старшим, которым начала проникаться деревня»⁹⁰.

Характерно, что раздел семей рассматривался Комиссией 1872 г. как следствие общего падения нравов, связанного с негативным влиянием на деревню буржуазного города. Это влияние, по мнению Комиссии, приводило к росту индивидуализма, неуважению к родителям, религии, проявлялось в семейных раздорах, в «щегольстве», в росте пьянства и т. д.⁹¹ С точки зрения правительства, наиболее существенной переменной в крестьянском сознании было то, что вслед за неуважением к родителям шло неуважение к властям. В одном из политических обзоров по Таганрогскому уезду говорится, что среди крестьян «прежнее подчинение старым и древним обычаям заменяется произволом, неуважением к власти и закону»⁹². «Крестьяновед» того времени Н. Н. Златовратский отмечал, что до реформы 1861 г. идеалами крестьянства были терпение, самопожертвование, солидарность, равенство, справедливость и взаимопомощь, а после реформы им на смену под влиянием города стали приходить индивидуализм, рациональность и расчет⁹³.

Поскольку отходничество было следствием Сжатия, то изменения в менталитете крестьян в конечном счете были вызваны переменами в экономической и демографической ситуации. Однако имело место и «влияние буржуазного города», то есть опосредованное влияние вестернизации. Важно отметить, что оба фактора в данном случае работали в одном направлении — в сторону ослабления коллективизма и усиления индивидуализма, что в итоге означало ослабление устоев традиционного общества.

В сознании крестьян шла постоянная борьба старых и новых идеалов, но до конца XIX в. старые традиции все же оставались преобладающими⁹⁴. Во всяком случае, вплоть до конца столетия крестьянство оставалось в целом законопослушным; индекс уровня преступности не показывал тенденции к росту и, по сравнению с другими странами, оставался низким. Однако уровень преступности среди рабочих был в 19 раз выше, чем у крестьян!⁹⁵ Рабочие были намного более «эмансипированными», чем крестьяне, намного более смелыми и активными в отстаивании своих интересов (пусть и незаконными средствами). Между тем рабочие в своей массе были те же крестьяне-отходники, которые бежали от нужды в город. Советник Лорис-Меликова генерал Е. М. Богданович отмечал, что «число недовольных в России весьма велико, причем они принадлежат преимущественно к населению наемному фабричному, заводскому, отхожему...»⁹⁶ По некоторым данным, работавшие на фабриках отходники проявляли даже большую активность, чем собственно пролетарии⁹⁷. Есте-

ственно, отходники возвращались в свою деревню и привносили в нее дух непокорности властям; таким образом, пробуждение социальной активности крестьянства было лишь вопросом времени.

В конечном счете *психологическая эмансипация крестьянства была одной из сторон процесса Сжатия и разрушения традиционного общества*. Малоземелье вынуждало часть крестьян к поискам пропитания вне привычной среды, и наиболее активные из них шли в города; им стоило немалого труда устроиться там; они часто бедствовали и вели полукриминальную жизнь бродяг и нищих. В конце концов они становились рабочими и иногда неплохо зарабатывали, но сохраняли ненависть к властям, которые преследовали их как бродяг, и к помещику, который когда-то захватил землю их отцов и обрек их на скитания. Возвращаясь в деревню к родственникам, они неизбежно передавали им заряд активности и ненависти.

Наконец, существовал еще один фактор, способствовавший психологической эмансипации крестьянства. Покорность крестьян была основана на их забитости и неграмотности, и с *распространением грамотности крестьяне становились более активными*. В 1860-х гг. число грамотных среди крестьян составляло 5–6%, к 1897 г. оно увеличилось до 17,4%, а к 1913 г. процент грамотных среди крестьян двенадцати центральных губерний достиг 25%. Показателем роста грамотности среди молодых мужчин является процент грамотных призывников (подавляющую часть которых составляли крестьяне). В 1874 г. доля грамотных призывников составляла 21%, в 1898 г. — 45%, в 1913 г. — 68%⁹⁸.

Многие современники, например С. Ю. Витте и К. П. Победоносцев, отмечали, что рост грамотности способствовал росту среди крестьян настроений недовольства своим приниженным положением. На роль образования, как фактора, дестабилизирующего традиционное российское общество, указывают также и некоторые современные исследователи, и в частности Р. Уэйд⁹⁹. Б. Д. Греков и К. Ф. Шацилло указывают на существование довольно тесной корреляции между временными рядами, характеризующими, с одной стороны, рост грамотности (такими, как посещение библиотек крестьянами) и, с другой стороны, процессы дестабилизации (такими, как число поджогов)¹⁰⁰.

Нужно отметить также, что с переходом ко всеобщей воинской обязанности большая часть крестьян получала навыки военной службы. Служба в армии, в особенности во время войн, способствовала повышению активности и агрессивности. Отслужив срок, призывники возвращались в деревню — и становились самой активной частью сельского населения. Как отмечает В. Л. Носевич, именно вернувшиеся с военной службы призывники часто выражали непочтение старшим и становились инициаторами семейных разделов¹⁰¹.

Таким образом, психологическая эмансипация крестьян была еще одним фактором, грозящим в перспективе нарушить социально-экологическое равновесие. Балансирование на полуголодном уровне потребления не могло продолжаться вечно, рано или поздно должен был наступить кризис.

6.5. Динамика элиты

Освобождение крестьян породило серьезные проблемы для помещичьих хозяйств, поставлявших хлеб на рынок. Лишенные дарового труда крепостных барщинные экономии были вынуждены перестраивать свое хозяйство, и многие мелкие помещики разорились. В 1862–1877 гг. число помещичьих имений в Европейской России сократилось на 11 тыс. (8,4%), 12% дворянской земли перешло в руки других сословий. В Центральном районе дворяне продали 21% своих земель, на Черноземье — 12%¹⁰². В некоторых районах сокращение дворянского землевладения было значительно большим, так, в Тверской губернии было ликвидировано 40% помещичьих имений, в Тульской губернии дворянское землевладение сократилось на половину. Земли разорявшихся дворян покупали по большей части купцы и мещане, которые становились новыми помещиками¹⁰³.

Положение помещичьих хозяйств осложнялось еще и тем, что в результате банковской реформы они лишились льготного кредита. Министр финансов М. Х. Рейтерн выступал против кредитования помещичьих хозяйств государством, указывая на то, что выданные ранее кредиты были непроизводительно растрачены. Выкуп крестьянских земель был организован так, что государство вычитало из выкупных сумм дворянские долги; таким образом, дворян заставили расплатиться за огромный накопленный долг, срок погашения которого еще не наступил и который дворяне вряд ли когда-нибудь вернули бы в иной ситуации. Из общей суммы выкупа в 902 млн рублей помещики получили на руки только 586 млн рублей, и притом не деньгами, а кредитными бумагами, которые давали 5% ежегодной прибыли и в дальнейшем подлежали выкупу казной. В принципе помещики могли продавать эти ценные бумаги на фондовом рынке, но реализация их была искусственно затруднена, что вызвало падение курса; уже в 1863 г. за них давали не более 80% номинальной стоимости, а в дальнейшем курс снизился до 66%¹⁰⁴.

Недостаток капиталов у помещиков и отсутствие у многих из них предпринимательских талантов обусловили кризис помещичьего хозяйства, наступивший в 1860-х гг. Посевы на частных землях Черноземного района по сравнению с предреформенным десятилетием уменьшились на 17%¹⁰⁵. Комиссия для исследования сельского хозяйства, созданная в 1872 г., усиленно подчеркивала, что крестьянская реформа поставила в наиболее затруднительное положение помещичьи хозяйства, которые испытывали «чрезвычайно трудный и тяжелый кризис». В докладе Комиссии отмечалось, что помещики, пытавшиеся сразу после отмены крепостного права перейти к применению вольнонаемного труда, должны были от этого отказаться «вследствие его убыточности, как по неопытности в организации этого дела, так и по неисправности рабочих». Помещики стали тогда прибегать к «издельной системе», основанной на обработке барской запашки крестьянами своим инвентарем, за что крестьяне получали в свое пользование часть помещичьей земли¹⁰⁶. Этот новый вариант барщины назывался «отработками», и он устраивал многих крестьян тем, что не требовалось платить за аренду деньги — у большинства крестьян не было денег. Но, с другой стороны, о внедрении новых ору-

дий и новой агротехники при такой системе не могло быть и речи — хозяйство велось как в домашинную эпоху.

Экономические трудности, переживаемые дворянством, отразились и в политической сфере. Как отмечалось в предыдущей главе, после реформы 1861 г. значительная часть дворянства перешла в оппозицию, и аристократическая оппозиция взяла на вооружение лозунги политических свобод и парламентского представительства. Это была мирная либеральная оппозиция, пытавшаяся достичь своей цели путем агитации за реформы.

Стремление удовлетворить экономические претензии дворянства сыграло важную роль в принятии широкомасштабной программы строительства «вывозных» дорог. Поскольку цены на европейском рынке были много выше, чем на Черноземье, то наводнившие регион торговцы начали массовую скупку хлеба для отправки в Европу. Это вызвало повышение цен на рожь с 38 копеек за пуд в 1861–1865 гг. до 57 копеек в 1869–1873 гг. Повышение цен, в свою очередь, повлекло за собой повышение арендной платы и цены на землю. Стоимость одной десятины удобной земли возросла почти вдвое, то есть богатства помещиков внезапно удвоились¹⁰⁷. Помещики энергично включились в экспортную торговлю и стали увеличивать посевы. В 1871–1880 гг. посевы на частных землях увеличились по сравнению с предшествующим десятилетием на 20%, а сборы — на 38%. В 1880-х гг. посевы увеличились еще на 5% и достигли максимума — к этому времени все удобные земли региона были уже распаханы¹⁰⁸.

О росте доходов «достаточных классов» говорит рост вкладов в Госбанк. В петербургском отделении эти вклады увеличились с 196,7 млн рублей в 1869 г. до 643,4 млн в 1878 г., в московском отделении — с 36 до 95,4 млн.¹⁰⁹ Еще один показатель роста доходов — увеличение числа «путешественников» за границу с 62,6 тыс. в 1866 г. до 352,2 тыс. в 1876 г. Вывоз валюты «путешественниками» в 1881 г. оценивался в 42 млн метал. рублей, при том что средний доход от экспорта хлеба в 1878–1881 г. составлял 182 млн метал. рублей.¹¹⁰ Ввоз потребительских товаров увеличился в 1869–1875 гг. в 2,1 раза и достиг 150 млн рублей, практически поглотив доходы от вывоза хлеба¹¹¹.

В контексте демографически-структурной теории большое значение имеет внутренняя динамика элиты; в том числе появление новых фракций. Хотя торговая буржуазия существовала в России и ранее, процессы модернизации и возникновения фабричной промышленности привели к качественному изменению положения купеческого сословия и формированию новой значительной элитной группы, торгово-промышленной буржуазии. Появление промышленной буржуазии было прямо связано с диффузией западной технологии и вывозом капитала из западных стран в Россию. Русские капиталисты часто выступали посредниками в этом процессе и были непосредственно связаны с западными фирмами, банками и биржами. Мощный толчок этому процессу дала бурная кампания учреждения новых акционерных обществ в сфере железнодорожного строительства. Как отмечалось выше, принятая в России система строительства железных дорог предполагала создание привилегированных компаний, получавших концессии на строительство. Возможность подоб-

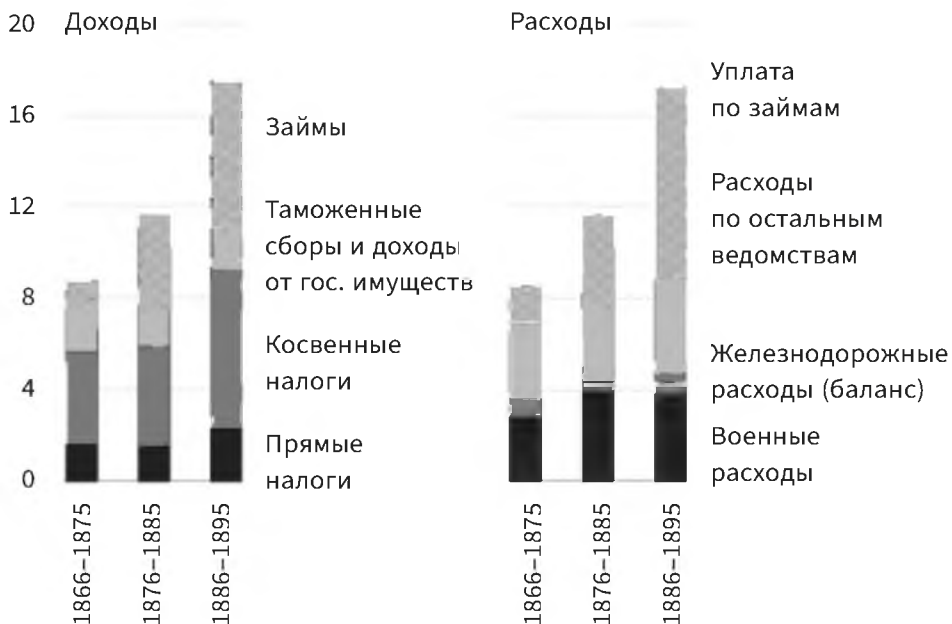

Рис. 6.2. Доходы и расходы бюджета на душу населения в пересчете на хлеб (пуд.)¹¹²

ного обогащения за счет государства породила «концессионную горячку», которая создала множество «железнодорожных королей» из числа прежде никому не известных спекулянтов, мелких подрядчиков и чиновников. Военный министр Д. А. Милютин прямо называл привлеченных Рейтерном предпринимателей мошенниками и негодяями, которые набивают карманы сотнями тысяч рублей, украденных из государственной казны¹¹³. Завышение стоимости строительства было возможно лишь благодаря «покровительству», оказываемому концессионерам со стороны высших правительственных чиновников; при этом чиновники получали свою долю прибыли. Видные чиновники приобщались к доходам новой буржуазии в качестве соучредителей акционерных обществ, членов правлений, управляющих или «специалистов» в банках; эта деятельность получила название «совместительства»¹¹⁴.

«Грюндерская лихорадка» распространилась из сферы железнодорожного строительства и на другие отрасли. Если в 1861 г. в России насчитывалось лишь 78 акционерных обществ с капиталом в 72 млн рублей, то за 1861–1873 гг. было учреждено 357 акционерных обществ с капиталом в 1116 млн рублей (причем на 53 железнодорожных общества приходилось 699 млн рублей капитала). Число акционерных банков увеличилось за 1868–1873 гг. с 3 до 42, их пассивы достигли 510 млн рублей.¹¹⁵

Однако многие банки, основанные на волне спекулятивной горячки, оказались нежизнеспособны. Вслед за банкротством Московского коммерческого и ссудного банка в 1875 г. последовал банковский кризис; в результате череды банкротств число банков снизилось до 32, а пассивы —

до 360 млн рублей. Этот кризис имел общеевропейский характер, и он воспринимался общественным мнением как кризис либеральной политики поощрения частного предпринимательства. Правительство было вынуждено прибегнуть к методам государственной регламентации банковской (и вообще учредительской) деятельности. В 1872 и 1884 гг. были приняты законы, устанавливавшие минимум уставного капитала, размеры обязательных резервов и некоторые другие показатели деятельности банков¹¹⁶.

Поскольку новые общества в значительной мере базировались на привлечении иностранного капитала, то в качестве их учредителей выступали специалисты, знакомые с иностранными языками и мировым финансовым рынком; по большей части это были прибалтийские немцы, поляки, евреи. В области экспортной торговли четыре крупнейшие петербургские компании возглавляли англичане, в южных портах первое место занимали торговцы греческого происхождения. Таким образом, новая российская буржуазия (И. Ф. Гиндин называет ее «петербургской») имела интернациональный характер; она работала с привлечением иностранного капитала, но в то же время посредством «совместительства» была тесно связана с высшими чиновниками и получала льготы от правительства¹¹⁷.

Кроме «петербургской» существовала и старая, «московская», буржуазия, сохранявшая национальный характер. В 1870 г. в Москве было взято 583 купеческих свидетельства первой гильдии, в 1898 г. — 947, причем свидетельства иногда брались не на определенное лицо, а на банк или фабрику. Крупнейшие московские капиталисты были владельцами текстильных фабрик Центрального района, и преуспевание «московской» буржуазии было связано с промышленным переворотом, происходившим в хлопчатобумажной промышленности. Тариф 1857 г. сохранил значительные пошлины на ввоз тканей, поэтому легкая промышленность (в отличие от стагнировавшей тяжелой промышленности) развивалась относительно успешно. В 1860–1880 гг. производство хлопчатобумажных тканей по стоимости увеличилось почти в пять раз, с 43 до 200 млн рублей; дивиденды некоторых предприятий достигали 40, 50 и даже 70%. В дальнейшем прибыли уменьшились, и в начале XX в. обычным дивидендом считались 10% — тем не менее текстильное производство было выгоднее других отраслей и «московские» промышленники не стремились к вложению капиталов в тяжелую промышленность. Что же касается иностранных капиталистов и работавших на их деньги «петербуржцев», то для них такое вложение было достаточно привлекательным, так как средний уровень прибыли в Европе был значительно меньше, чем в России¹¹⁸.

Русская буржуазия отличалась от интернациональной петербургской своими православными традициями; в ее среде было много старообрядцев, и это проявлялось в отрицательном отношении к биржевым спекуляциям и «неправедной» наживе. «Петроград в отношении соблазнов был страшный город, — писал крупнейший московский промышленник М. П. Рябушинский. — Биржевые вакханалии, беспринципные маклеры, главным образом из евреев, женщины — все это разрушающим образом влияло на слабых из нашей молодежи»¹¹⁹. С. И. Мамонтов писал об одном из столкновений с «петербуржцами» на совещании в правительстве: «С одной стороны немцы, иностранцы и вообще паразиты, а с другой — русские производители...»¹²⁰

Благодаря своим связям с правительством «петербуржцы» перехватывали у «москвичей» самые выгодные контракты и концессии, по этой причине московская буржуазия лишь в малой степени участвовала в «концессионной горячке». В 1867 г. компания, объединившая «под национальным флагом» 90 крупных русских промышленников, была вынуждена уступить «Главному обществу российских железных дорог» в борьбе за право покупки приватизируемой Николаевской дороги. Это вызвало большой скандал и обострило отношения между «петербуржцами» и русскими промышленниками, среди которых все более проявлялись славянофильские и националистические настроения. Купеческая газета «Москва», которой руководил один из видных славянофилов И. С. Аксаков, стала допускать выпады против прибалтийских немцев и была закрыта властями¹²¹.

Другой областью разногласий между русскими промышленниками и правительством была таможенная политика. М. Х. Рейтерн придерживался фритридерских принципов, что вызывало жалобы фабрикантов. При обсуждении проекта дальнейшего уменьшения тарифов в 1867 г. произошел конфликт между большинством Тарифной комиссии и привлеченными в ее состав промышленниками. «Нас всячески сбивают на уступки, — жаловались московские промышленники, — с нами торгуются, точно речь идет не о русской народной промышленности... а о личных интересах и барышах немногих фабрикантов. Слова, будто „фабриканты — монополисты, что их надо разоблачать, что фабриканты хотят только запугать правительство, предсказывая расстройство промышленности от понижения пошлин“ — все это оскорбляет нас, как депутатов, и в лице нашем промышленное сословие»¹²². «Теперь мы, как русские, желаем, чтобы промышленность была восстановлена, а вы, как иностранцы, желаете больше торговать иностранными товарами», — говорил известный текстильный фабрикант Т. С. Морозов¹²³.

При Александре III в соответствии с пожеланиями «московской» буржуазии (и к неудовольствию многих «петербуржцев») таможенные пошлины были увеличены. Осознав размеры промышленного отставания правительство перешло к политике поддержки национальной промышленности. Тариф 1891 г. создал прочную таможенную стену, ограждавшую промышленность от иностранной конкуренции и обеспечившую фабрикантам высокие нормы прибыли. В то же время правительство пыталось бороться со спекулятивными тенденциями «петербуржцев» и строго контролировало биржевые и банковские операции¹²⁴.

Необходимо остановиться также на том, как либеральная модернизация отразилась на доходах и расходах правительства. Новые потребности вызвали значительное увеличение расходов казны.

Для покрытия растущих расходов были увеличены косвенные налоги; в 1863 г. правительство отменило винные откупа и старинную монополию дворянства на курение вина, разрешив его свободное производство при уплате акцизного сбора. Питейный доход в 1857–1864 гг. увеличился с 73 до 121 млн рублей, но этого оказалось недостаточно, и министр финансов М. Х. Рейтерн настоял на увеличении подушной подати (которая не увеличивалась уже сорок лет). В 1861–1867 гг. подушная подать возрос-

ла в среднем с 95 копеек до 1 рубля 75 копеек с ревизской души (с некоторыми колебаниями по губерниям). В 1863 г. был введен налог с недвижимых имуществ в городах. В 1872 г. было указано взимать с помещичьих земель земский сбор, который вскоре стал называться государственным поземельным налогом. Хотя этот налог был поначалу невелик, его введение имело принципиальное значение: дворянство лишилось своего старинного податного иммунитета¹²⁵.

Как отмечалось выше, строительство железных дорог осуществлялось в основном за счет привлечения иностранных займов. За счет займов финансировалась и война с Турцией 1877–1878 гг. Таким образом, в 1876–1885 гг. займы составили почти треть доходов казны. Соответственно росли и расходы на погашение и уплату процентов по займам, которые практически сравнялись с новыми заимствованиями. То есть страна попала в долговую кабалу: чтобы платить проценты по старым займам нужно было брать новые займы.

В контексте демографически-структурной теории произошедшее в этот период повышение налогов следует рассматривать как перераспределение ресурсов в пользу государства, соответствующее его новой ведущей роли в структуре «государство–элита–народ». Рост хлебных цен, однако, привел к тому, что в пересчете на хлеб повышение налогов не было столь значительным. Налоги на душу населения в 1865–1870 гг. составляли около 7,5–8 пудов, в то время как в николаевские времена — 7–7,5 пудов.

Что касается общей картины капиталовложений, то, по подсчетам И. Ф. Гиндина, в 1861–1880 гг. все вложения в ценные бумаги составили 4,5 млрд рублей, в том числе 2,5 млрд рублей — внутренние вложения и 2 млрд — привлеченные иностранные капиталы. Однако из 2,5 млрд внутренних вложений на строительство железных дорог было потрачено лишь 108 млн рублей. Таким образом, вопреки ожиданиям, государству лишь в малой степени удалось привлечь владельцев капиталов (в частности помещиков) к модернизации страны. Из 2 млрд рублей иностранных капиталовложений 1,6 млрд составляли железнодорожные займы. Доля иностранных капиталовложений в производственных вложениях составляла 72%, а в железнодорожном строительстве она была подавляющей¹²⁶.

6.6. Становление российской интеллигенции и движение народников

Демографически-структурная теория утверждает, что Сжатие вызывает обеднение элиты, обострение конкуренции за доходные должности, фрагментацию элиты и выступления отдельных элитных групп против правительства. Эти обстоятельства играли важную роль в политическом кризисе 1860-х гг. Но в 1870-е гг. на первый план выходят процессы идеологической диффузии. Чтобы показать, как переплеталось действие демографического и диффузионного факторов нам придется уделить несколько страниц описанию некоторых сторон процесса модернизации в 60–80-х гг. XIX в.

Как отмечалось выше, современная историческая наука рассматривает социально-экономическое развитие России в общем контексте процесса мировой модернизации. Модернизацию XIX в. часто отождествляют

с вестернизацией, с перениманием европейской техники и промышленности, экономических, социальных и политических порядков передовых стран Запада. Процесс вестернизации приводит к столкновению с традиционными социально-политическими институтами и носит революционный характер, поэтому Теодор фон Лауэ называл его «революцией извне». В политической сфере «революция извне» осуществляется через бурные политические революции и радикальные реформы, и в этом смысле почти все революции XIX и начала XX в. можно назвать политическими «революциями извне».

Одним из проявлений модернизации были изменения в социальной структуре общества, связанные с появлением новых социальных групп и классов. Модернизация породила промышленный пролетариат, промышленную буржуазию и интеллигенцию, и хотя можно спорить о том, что эти группы существовали в какой-то форме и раньше, но несомненно, что в процессе модернизации они многократно увеличились количественно и приобрели новое качество. Ключевым моментом в этом процессе социальных изменений было появление интеллигенции, той социальной группы, которая была носителем новых знаний — знаний, которые разрушали старое общество.

Рассматривая освещение вопроса о происхождении русской интеллигенции в западной историографии, М. Д. Карпачев отмечает, что «в соответствии с духом теории „вестернизации“ (другое ее название — „теория модернизации“) большинство авторов признает ее искусственным социальным организмом, возникшим в результате действия внешних... факторов»¹²⁷. Фон Лауэ отмечал, что в контексте «теории вестернизации» интеллигенция была «типичным побочным продуктом излияния западноевропейской цивилизации в Россию... Ее миссия состояла в том, чтобы передать культурные стимулы с Запада и привязать их по возможности к местным условиям. В ее составе можно было найти всех образованных русских независимо от их социального происхождения, потому что образование само по себе подразумевало вестернизацию»¹²⁸. Такое понимание очень близко реальному самоощущению интеллигентов начала XX в. Интеллигенция «есть прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух», — писал С. Н. Булгаков в сборнике «Вехи»¹²⁹.

Как отмечает Дж. Фишер, слабость буржуазных средних классов привела к тому, что в России роль главной «прогрессивной силы» играла не буржуазия (как было на Западе), а интеллигенция (как в развивающихся странах). При этом русская интеллигенция была политически независимой и более активной, чем на Западе; она встала во главе народных масс, привлекая их лозунгами политического и социального равенства¹³⁰.

В контексте демографически-структурной теории интеллигенцию можно рассматривать как *новую элитную группу*, положение которой обуславливало не владение собственностью, а тем, что она являлась носителем необходимых обществу знаний. Интеллигенция росла вместе с распространением образования, и ее рост находил свое выражение в росте числа учащихся и студентов. За 1860–1880 гг. число учащихся средних школ увеличилось более чем в четыре раза, с 17,8 до 69,2 тыс.; число студентов высших учебных заведений возросло с 4,1 до 14,1 тыс. Появи-

лись технические школы и вузы — непосредственное проявление технической революции. В реальных училищах в 1880 г. было 13,2 тыс. учащихся, в технических вузах — 6,1 тыс.¹³¹ В классических вузах также давалось образование западного образца, и формирующаяся русская интеллигенция изначально воспитывалась в сознании интеллектуального, технического, экономического и социального превосходства Запада. По своему происхождению интеллигенция была «западнической», она была пропитана западной культурой, и ее политической программой была либеральная программа переустройства общества по западному образцу — сюда входили, в частности, политические свободы, парламент, свобода предпринимательства и вероисповедания. При этом естественно, что российская интеллигенция в значительной степени формировалась из тех народов империи, которые были более близки западной культуре, чем православные великороссы. В 1886 г. среди студентов российских университетов было 15% евреев, квота поляков составляла 20%, и, кроме того, было много немцев и финнов¹³².

«Россия находится на уверенном, устойчивом пути прогресса и реформы, — писала в марте 1865 г. газета «Нью-Йорк таймс». — С новыми провинциальными учреждениями и распространением средних школ и газет... она скоро обучит массу интеллектуальных и организованных граждан, которые будут полностью способны к управлению»¹³³. Считалось само собой разумеющимся, что «интеллектуальные граждане», получившие западное образование, должны стоять у руля управления обществом и переделывать его в соответствии с европейскими стандартами. Такое «общественное мнение» выражало не только стремление к модернизации, но и претензии интеллигенции на обладание властью. Для интеллигенции борьба за модернизацию была вместе с тем борьбой за свои групповые интересы¹³⁴. Однако реальность была такова, что власти не прислушивались к интеллигенции. Овладев западными знаниями, интеллигенты чувствовали свое превосходство над окружающими, что вступало в противоречие с их реальным, не слишком высоким положением и с отсутствием возможности влиять на власть. «Как обычно бывает с интеллектуалами в обществах, запоздавших с модернизацией, — писал С. Блэк, — они разрывались между европейскими стандартами, принятыми ими за образец, и действительностью, которую они видели вокруг себя»¹³⁵.

Это противоречие побуждало интеллигенцию к активным попыткам переделать действительность, искать союзников, пропагандировать свои взгляды через прессу и возбуждать другие недовольные социальные группы, чтобы, воспользовавшись их помощью, добиться своей цели. Интеллигенция выступала в роли проводника идей модернизации и инициатора борьбы за модернизацию — и хотя она была еще малочисленна, за ней стояло мощное диффузионное воздействие западной культуры, ей придавали силы технические и военные достижения Запада. *Роль интеллигенции — это была роль одного из каналов, через который проявлял свое действие могущественный фактор диффузии.*

В соответствии с теорией «революции извне» или «революции вестернизации» модернизация (или вестернизация) была основным со-

держанием происходивших в России и во всем мире революционных процессов. В контексте этой теории интеллигенция была носителем революционных идей и «революционным классом». «Русское революционное движение, а потом и сама революция развивалась по своему пути главным образом благодаря энергии и стремлениям интеллигенции... — писал М. Малиа. — Русское революционное движение в своих различных фазах не было ни буржуазным, ни пролетарским, а было, по сути дела, интеллигентской революцией»¹³⁶.

Основным способом распространения «западнических» идей были публикации в прессе. Журналисты и литераторы симпатизировали этим идеям уже в силу своего образования, которое подразумевало знакомство с европейской культурой. Большинство российских газет пореформенного периода придерживалось либеральной ориентации — постольку, поскольку это позволяли цензурные условия¹³⁷. «Пресса стала неоспоримой силой, — писал в 1862 г. министр внутренних дел П. А. Валуев. — Это факт не исключительный, а общий, который вытекает из универсальных форм цивилизации. Наша пресса вся целиком в оппозиции правительству»¹³⁸.

Пропаганда содействовала привлечению союзников, и первым союзником интеллигенции стала та часть дворянской аристократии, которая после реформы 1861 г. перешла в оппозицию и взяла на вооружение лозунги английского аристократического либерализма. Другим, более радикально настроенным союзником оказалось разоряющееся мелкое дворянство.

Формирование интеллигенции протекало в условиях кризиса, который охватил русское дворянство после реформы 1861 г. Падение доходов дворянства означало для этого сословия сокращение экологической ниши и, в соответствии с демографически-структурной теорией, было равносильно Сжатию внутри дворянского сословия.

Реакцией дворянства на это Сжатие (помимо растущего недовольства) был поиск новых источников доходов. Многие оставшиеся без средств существования мелкие дворяне пытались поправить свои дела, устроившись на государственную службу. Если прежде потомственные дворяне пренебрегали должностями низших чиновников, то теперь началась конкуренция за эти должности. Среднее образование давало значительные преимущества при поступлении на службу; лица, закончившие университет, могли сразу же претендовать на места до X класса. Дворянская молодежь — не только русская, но в значительной степени польская мелкая шляхта — устремилась в гимназии, училища и университеты¹³⁹. Около половины учащихся (как в средних школах, так и в вузах) составляли дети дворян и чиновников. В основном это были выходцы из низших слоев дворянства: для детей аристократии существовали особые привилегированные училища (Пажеский корпус, Александровский лицей и др.). Профессор Петербургского университета А. Н. Бекетов в 70-х гг. отмечал «всеобщую бедность студентов». В. Г. Короленко, учившийся в эти годы в Технологическом институте, описывал голодное истощение студентов, которые так привыкли к своей 14-копеечной колбасе и черному полуторакопеечному хлебу, что их желудок уже не мог принимать другой пищи¹⁴⁰.

Таким образом, разорившееся мелкое дворянство становилось одним из главных источников формирования интеллигенции. Но наплыв разо-

ренных дворян привел к «переизбытку кадров». В то время как численность учащихся возросла в четыре раза, число чиновничьих мест (включая неклассные) увеличилось в 1857–1880 гг. лишь на 8%, с 119 до 129 тыс. Если даже добавить к этому 52 тыс. мест в земствах¹⁴¹, то очевидно, что канцелярии были неспособны вместить резко возросший поток претендентов. Студентам 70-х гг., указывал Ю. Бергман, нередко приходилось страдать от безработицы. При слабости промышленного развития ни канцелярии, ни земства не могли обеспечить занятость многим выпускникам из мелких дворян, чьи семьи испытывали трудности в связи с отменой крепостного права, поэтому революционная деятельность становилась для них все более привлекательной¹⁴².

Необходимо отметить, что правительство понимало опасность складывающейся ситуации. «Лица, вышедшие из школы... должны найти место в обществе, — признавал П. А. Валуев в докладной записке 1866 г. — У нас, где почти каждый смотрит на государственную службу как последствие и цель образования, это условие неисполнимо. Таким образом, возрастает... тот интеллигентный пролетариат, который всегда готов действовать против всякого правительства»¹⁴³.

В итоге, как и предсказывает теория, в России сложилась обстановка жесткой конкуренции за доходные должности, которая фрагментировала элиту и отбрасывала тех, кто не смог получить должность, в ряды оппозиции. Интеллигенция была такой оппозиционной фракцией элиты, формировавшейся частью из мелкого дворянства, частью из разночинцев, сумевших повысить свой социальный статус получением образования.

Терпя нужду, студенты в процессе обучения знакомились с западными общественными идеями, что не могло не вызвать критического отношения к существующим порядкам¹⁴⁴. Таким образом, кризис элиты привел к тому, что наряду с основным, либеральным, течением «западнической» оппозиции появились радикальные «западнические» группы. Дворянские амбиции студентов усиливались сознанием превосходства, полученного от приобщения к западной культуре; в сочетании с молодостью и бедностью это способствовало росту радикализма и появлению отрицавших традиционные порядки «нигилистов». В 60-е гг., отмечает М. Конфино, сложился определенный стереотип «нигилиста», включавший в себя индивидуализм, требование женской эмансипации, отрицание религии и многих традиционных условностей¹⁴⁵. «Нигилисты» происходили преимущественно из дворянских семей, среди политических преступников 60-х гг. около 70% составляли дети дворян и чиновников, 61% составляли учащиеся, студенты и недавние выпускники¹⁴⁶.

«Нигилисты» не просто заимствовали европейскую идеологию, но брали свои идеи из ее радикальных течений, таких как социализм, марксизм, бланкизм. Р. Пайпс отмечал, что философские основы нигилизма «были созданы из материалов, взятых прямо с Запада, особенно из французской социалистической и позитивистской литературы и немецкого материализма»¹⁴⁷. Это заимствование облегчалось многочисленными личными контактами, непосредственным перетеканием людей, идей и революционной литературы через границы России. Примерами таких диффузионных процессов могут служить история «хождения в народ» и террористическая кампания «Народной воли».

«Хождение в народ» было анархическим движением, непосредственно связанным с деятельностью М. А. Бакунина. После подавления польского восстания М. А. Бакунин уехал в Италию; в 1865–1867 гг. он жил в Неаполе, где участвовал в кружке «Liberte e Giustizia», созданном сподвижниками Карло Пизакане братьями М. и Дж. Фанелли. Именно здесь на основе идей Пизакане он сформулировал доктрину анархизма, основными пунктами которой были передача собственности в руки крестьянских и рабочих ассоциаций и самоуправление ассоциаций при «отмене государства». Проявив необычайную энергию, Бакунин создал международную организацию анархистов, «Тайный альянс», скрытно действовавший внутри марксистского I Интернационала. В 1871 г. во время Парижской коммуны анархисты подняли восстание в Лионе, затем в 1873 г. — в Испании, а в 1874 г. — в Италии. Таким образом, анархистский «альянс» представлял собой организацию, продолжавшую мадзиниевскую политику экспорта революции¹⁴⁸.

В начале 1870-х гг. Бакунин был одним из знаменитых апостолов европейского революционного движения и к нему стекались сотни последователей. В 1872–1873 гг. несколько русских революционеров (Ф. Н. Лермонтов, С. Ф. Ковалик, В. К. Дебогорий-Мокриевич и др.), побывав в штаб-квартире Бакунина в Лугано, получили инструкции по созданию ячеек «альянса» в России. Бакунинцы начали широкую деятельность по организации революционных кружков и в короткое время достигли значительных успехов¹⁴⁹. Осенью 1873 г. в Россию по конспиративным каналам стала поступать книга Бакунина «Государственность и анархия», которая получила очень широкое распространение в революционном подполье. «Прибавление А» в этой книге в чисто мадзиниевском духе говорило о том, что страдающее от нищеты крестьянство всегда готово к восстанию, и призывало молодежь идти в народ и поднимать его на борьбу¹⁵⁰. «Сочинения Бакунина и проповеди его последователей имеют на молодежь положительное и страшное влияние», — говорилось в записке III отделения о революционной пропаганде 1873 г.¹⁵¹ «Несомненно, что его идеи во многом определили „хождение в народ“», — пишут Н. Ю. Колпинский и В. А. Твардовская¹⁵². Весной 1874 г. около двух тысяч кружковцев пошли в народ, чтобы вести пропаганду и поднимать крестьян на восстание — но народники не нашли поддержки у крестьян. В культурном отношении народники оказались чуждыми крестьянам, которые не понимали их наполненного иностранными словами городского языка и не верили им. Приверженность интеллигенции западной культуре препятствовала соединению ее с народом. «Народ, — писал Н. Г. Чернышевский, — не делает разницы между людьми, носящими немецкое платье»¹⁵³.

Кроме того, отмена крепостного права резко повысила авторитет самодержавия в глазах народа и укрепила распространенный в среде крестьян миф о справедливом царе. Даже в тех случаях, когда крестьяне поднимали восстания, они восставали не против царя, а против местных властей, скрывших «истинную волю» царя (как это было в Бездне в 1861 г.). В этих условиях народники иногда (как было в Чигирине в 1877 г.) прибегали к обману, распространяя «царские манифесты», призывавшие к восстанию против помещиков¹⁵⁴. Это был метод провоци-

рования конфликтов внутри традиционного общества, применявшийся интеллигенцией, в частности, в европейских революциях 1848 г. Однако попытки поднять крестьян на восстания были неудачными. «Хождение в народ» закончилось арестом 1600 человек и двумя большими судебными процессами, на которых около двухсот народников были осуждены на различные меры наказания¹⁵⁵.

Во время «хождения в народ» нигилисты сумели вовлечь в свои организации некоторое количество крестьян, но и в этот период большинство революционеров составляли представители элиты. Из числа 1665 народников, арестованных полицией в 1873–1879 гг., дворян было 28,2%, духовных лиц — 16,6%, военных — 13,4%; дети крестьян и мещан составляли по 13,5%. 87% революционеров 1870-х гг. были моложе 30 лет. Руководящее звено организации «Народная воля» (154 человека) на 38% происходило из дворян, на 10% — из духовенства, на 7% — из купеческого сословия. Две трети этих профессиональных революционеров учились в вузах, но половина из учившихся была исключена по причине нехватки средств или противозаконной деятельности. Так же как среди всех студентов и интеллигентов, среди революционеров было много поляков и евреев (имевших, кроме того, и свои счеты с властями)¹⁵⁶.

После неудачи «хождения в народ» и смерти Бакунина (1876) российское революционное движение вступило в период депрессии и раскола. В то время как одна часть революционеров стремилась продолжить пропагандистскую работу в деревне, другая, более решительная группа нашла новую идеологическую опору — «бланкизм». Огюст Бланки был одним из патриархов западного революционного движения; во время Парижской коммуны бланкисты входили в число ее руководителей, а сам Бланки (хотя его не было в Париже: он сидел в тюрьме) был избран «почетным председателем» Коммуны. После разгрома Коммуны уцелевшие бланкисты организовали в Лондоне «Центральный революционный комитет» во главе с Эдуардом Вайяном¹⁵⁷.

Среди участников Коммуны и членов «комитета» был польский националист, мелкий шляхтич Гаспар-Михаил Турский, который, по некоторым отзывам, являлся «любимым учеником Бланки»¹⁵⁸. Покинув Францию, он создал в Цюрихе русско-польский «Славянский кружок»; к этому бланкистскому кружку вскоре примкнул известный народник П. Н. Ткачев. С ноября 1875 г. Турский и Ткачев при поддержке Вайяна основали журнал «Набат», который имел тираж в 1,5 тыс. экземпляров и регулярно доставлялся в Россию. В 1877 г. «Набат» начал энергичную пропагандистскую кампанию, призывая российских революционеров перейти к террористическим методам борьбы против властей¹⁵⁹. «Призывая к террору, Турский доходил до состояния экстаза... — пишет Е. Л. Рудницкая. — Он провозгласил со страниц „Набата“ тотальный террор»¹⁶⁰. В начале 1878 г. Турский создал «Общество народного освобождения», которое находилось в федеративной связи с «Центральным революционным комитетом» и получало значительную помощь от французских бланкистов¹⁶¹. Конспирация была такова, что члены «Общества народного освобождения» знали лишь своих непосредственных командиров; они должны были внедряться в российские революционные кружки и постепенно

побуждать их перейти к террору. Как впоследствии выяснилось, агентами Турского были известные народовольцы И. М. Ковальский, Е. Н. Южакова, М. Н. Ошанина, П. Телларов и некоторые другие. Об их принадлежности к «Обществу народного освобождения» никто не знал, поэтому некоторые народовольцы отрицали влияние этого общества на деятельность «Народной воли». Однако членов «ОНО» можно было заметить по объединявшей их идеологии террористического экстремизма, «якобинства». В конечном счете «якобинцам» удалось завлечь часть русской революционной молодежи на путь террора¹⁶². По словам Ткачева, создание «Народной воли» явилось торжеством программы и идей «Набата»¹⁶³. М. Н. Ошанина стала членом Исполнительного комитета «Народной воли». В своих показаниях на следствии она говорила: «При своем образовании все члены Комитета (кроме меня) были народниками. Под конец все стали более или менее якобинцами...»¹⁶⁴

Как признавали сами народовольцы, террористические методы были совершенно нехарактерны для русской исторической традиции. «Мы, русские, — писал один из известных террористов С. М. Кравчинский, — вначале были более какой-либо другой нации склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всяких кровавых мер, к которым не могли нас приучить ни наша предшествующая история, ни наше воспитание»¹⁶⁵. Сам Кравчинский учился терроризму у итальянских анархистов; в 1877 г. он участвовал в восстании в Беневенто, на короткое время приехал в Россию, 4 августа 1878 г. убил шефа жандармов Н. В. Мезенцева и снова уехал за границу¹⁶⁶.

Убийство Мезенцева было одним из первых крупных террористических актов, «первым почином». В апреле 1879 г. произошло покушение А. Соловьева, а в августе этого же года Исполнительный комитет «Народной воли» вынес смертный приговор Александру II. Все террористические акты, следовавшие один за другим, описывались на страницах «Набата» «с восторгом полного счастья». Турский напутствовал «народовольцев»: «Нужно только не переставать казнить, нужно избегать длинных пауз»¹⁶⁷. В феврале 1880 г. состоялась встреча Турского с посланцем «Народной воли» Н. А. Морозовым, и Турский предложил объединить «Народную волю» и «Общество народного освобождения», а затем перевезти типографию «Набата» в Россию. Турский обещал «народовольцам» деньги, «много денег»¹⁶⁸. Откуда у Турского были деньги? По некоторым данным, он имел тесные связи с турецким правительством¹⁶⁹, а Турция во время развертывания «Набатом» террористической кампании вела войну с Россией... Как бы то ни было, перевозка типографии в Петербург в ноябре 1880 г. закончилась неудачно: полиция захватила типографский шрифт, а дальнейшие прямые контакты Турского с «Народной волей» прервались из-за ареста Н. А. Морозова¹⁷⁰.

Тем не менее, движимая овладевшей ею террористической идеей, «Народная воля» совершала одно покушение за другим. Уже первая волна террористических актов в феврале 1879 г. побудила правительство искать поддержки общества. Прежде всего, необходимо было нейтрализовать влияние народников на крестьянство. В марте было обнародовано «высочайшее повеление» Александра II, в котором говорилось о будущей

отмене подушной подати. Председатель Особого совещания Валуев, оценивая ситуацию, отмечал, что народные массы «готовы по первому призыву оказать содействие правительству против его врагов», в то время как «образованная часть населения» сохраняет нейтралитет¹⁷¹.

После покушения 2 апреля 1879 г. Александр II, принимая депутатов дворянства, выразил надежду, что теперь дворянство будет помогать ему, а не критиковать, как прежде¹⁷². Однако дворянство, с 1861 г. находившееся в оппозиции монархии, выжидало, а либералы стремились использовать ситуацию для давления на правительство с целью введения конституции. Либеральная программа в общих чертах воспроизводила проект Валуева 1863 г. и предполагала присоединение выборных от дворянства и земства к Государственному совету. В области аграрных отношений либералы предлагали уничтожить круговую поруку, разрушить общину и разрешить крестьянам продавать наделенную землю¹⁷³.

Когда 5 апреля 1880 г. прогремел взрыв в Зимнем дворце, император вручил чрезвычайные полномочия графу М. Т. Лорис-Меликову, который предложил удовлетворить требования либеральной оппозиции созданием совещательного органа при Госсовете, так называемой Общей комиссии. Советники Лорис-Меликова считали крестьянство в целом лояльным правительству. Генерал Р. А. Фадеев писал, что «подростки, составляющие реальную силу революционной партии, просто обмануты», что крестьяне «вполне благонадежны и ропщут лишь вследствие несовершенства налоговой системы, тяжело отражающейся на состоянии населения»¹⁷⁴. Лорис-Меликов принял меры, чтобы поддержать крестьянскую благонадежность: было принято решение о будущем снижении выкупных платежей. Когда поступили сведения о неурожае в ряде губерний, правительство поспешило организовать выдачу ссуд голодающим крестьянам, был отменен соляной акциз, а также приняты меры для снижения цены на хлеб в столицах¹⁷⁵.

Таким образом, правительству удалось нейтрализовать действия агитаторов и предупредить возможные крестьянские выступления. Либеральная оппозиция была успокоена обещанными уступками, поэтому, когда 1 марта 1881 г. народовольцы убили императора Александра II, в столице и провинции не последовало никаких волнений. Наоборот, убийство царя вызвало направленную против «западнической» оппозиции реакцию традиционалистских сил.

6.7. Выводы

Социально-политическое развитие в 1860–1870-х гг. определялось, главным образом, долговременными последствиям Великой реформы 1861 г. Эта реформа означала существенное перераспределение ресурсов в пользу широких народных масс и в ущерб землевладельческой элите. В итоге в первое время после реформы уровень жизни простого народа повысился, а потребление элиты сократилось — началось Сжатие в элите, которое обычно отождествляют с кризисом помещичьего хозяйства. Значительная часть дворянства перешла в оппозицию и в своем стремлении ограничить самодержавие приняла на вооружение принципы западного либерализма.

В контексте теории диффузионизма 1860-е гг. были временем, когда в России начался быстрый процесс модернизации по западному образцу. Этот процесс подразумевал военные, политические и экономические реформы — и прежде всего, перенимание западной техники и технологии, строительство железных дорог и заводов. Железные дороги открыли страну для мирового рынка, и, в соответствии с мир-системной теорией И. Валлерстайна, российская экономика трансформировалась, подчиняясь рыночным законам. *Эта коренная трансформация означала налаживание экспортной хлебной торговли огромных масштабов.* Но при этом в России не было значительных хлебных излишков: нечерноземные районы не обеспечивали себя хлебом, и даже на Черноземье многим крестьянам (бывшим крепостным) не хватало хлеба до весны. Однако у помещиков и некоторых зажиточных крестьян имелись излишки хлеба, которые в условиях свободного рынка было выгодно продавать за границу. Таким образом, сложилась характерная для многих подчинившихся мировому рынку стран система товарообмена, когда необходимые собственному населению продукты обменивались элитой на импортные предметы роскоши. Такой товарообмен в перспективе сокращал экологическую нишу народа, лишал его необходимых ресурсов и уменьшал потребление. Антропометрические данные говорят о том, что уровень жизни на Черноземье упал до той степени, когда недостаток продовольствия стал сказываться на физическом состоянии населения. В то же время на окраинах, где жили государственные крестьяне и земли было достаточно, потребление оставалось на удовлетворительном уровне.

С другой стороны, в соответствии с демографически-структурной теорией Сжатие сопровождалось фракционированием элиты, и разоряющееся мелкое дворянство стало питательной средой для радикальных оппозиционных групп. Другим источником формирования радикальной оппозиции стала новая элитная группа, интеллигенция. Появление этой группы было связано с процессом модернизации, с технической революцией, которая породила особый социальный слой, являвшийся носителем новых знаний — и этот новый слой, как и на Западе, претендовал на руководство общественной жизнью. В России этот новый слой формировался в большой степени за счет разорявшегося мелкого дворянства, поэтому оппозиционность дворянства смыкалась с оппозиционностью интеллигенции. В условиях превалирования процессов диффузии и подражания Западу эти социальные группы принимали идеологию западного радикализма, сначала анархизма, а затем бланкизма; это привело к появлению движения народников.

глава VII

Сжатие и бонапартистская модернизация

7.1. Военно-техническая революция второй половины XIX века

Как отмечалось выше, в середине XIX столетия промышленная цивилизация совершила решающий прорыв в военной технике: было освоено производство нарезных ружей, «штуцеров». Английские и французские штуцеры времен Крымской войны имели дальность боя около 900 метров — вчетверо больше, чем русские гладкоствольные ружья, однако они по-прежнему заряжались с дула и делали лишь один-два выстрела в минуту. Следующим шагом военно-технической революции было создание скорострельного нарезного ружья, заряжающегося с казны.

Первые казнозарядные ружья были изготовлены в 1808 г. французским оружейником Поли; в бумажном патроне помещались порох и затравка, взрываемая уколом игольчатого ударника. Если бы Наполеон вовремя получил такие ружья, он был бы непобедим — но дело в том, что изготовление казенного затвора требовало ювелирной точности, а у Поли не было высокоточного токарного станка. Позже, когда появился станок с суппортом Модсли, помощник Поли, немец Дрейзе, сконструировал игольчатое ружье, которое было в 1841 г. принято на вооружение прусской армии. Ружье Дрейзе делало пять-девять выстрелов в минуту — в пять раз больше, чем заряжающиеся с дула ружья других армий¹.

Таким образом, прусская армия получила в свои руки новое оружие, но новая винтовка была сложной и дорогой, поэтому процесс перевооружения занял длительное время и закончился лишь в начале 1860-х гг. Другие страны поначалу не проявили интереса к казнозарядной винтовке. В России ружье Дрейзе испытывалось в 1850-х гг. и было отвергнуто из-за дороговизны и сложности изготовления².

Одновременно произошла еще одна революция в военном деле, вызванная появлением нарезных пушек. Во время Крымской войны выяснилось, что дальность выстрела из штуцера превосходит дальность выстрела из пушки, и стрелки могут расстреливать артиллеристов противника. Это вызвало энергичные усилия, направленные к созданию дальнобойной нарезной артиллерии, и первый успех выпал на долю французского инженера Ля-Гитта: в 1858 г. он создал орудие, снаряд которого имел на корпусе выступы, входившие в спиральные нарезы ствола. Это орудие имело дальность боя в 2,8 км, втрое больше, чем у гладкоствольных пу-

шек; кучность огня увеличилась при этом в пять раз. Уже в следующем, 1859 г., новые пушки обеспечили французской армии победу в войне с Австрией: в битве при Сольферино они уничтожали австрийские батареи прежде, чем те успевали занять огневые позиции³.

Под впечатлением этого разгрома Австрия, Россия и Пруссия уже в 1860–1863 гг. ввели у себя артиллерийские орудия французского образца. Это были бронзовые пушки, заряжавшиеся с дула; первое время их получали, так же как во Франции, нарезкой прежних гладкоствольных орудий — поэтому перевооружение было быстрым. Однако в Пруссии пошли дальше: в 1850-х гг. известный промышленник Альфред Крупп после длительных экспериментов освоил производство стальных пушек. Сталь была намного прочнее бронзы; стальные орудийные стволы выдерживали давление в 4 тыс. атмосфер, а бронзовые — только до 2,5 тыс. атмосфер. В 1863 г. Крупп создал стальную казнозарядную пушку со снарядом в свинцовой оболочке и горизонтальным клиновым затвором. Это орудие имело дальность в 3,5–4 км; оно намного превосходило бронзовые пушки в скорости стрельбы (два выстрела в минуту) и точности. В придачу к ружью Дрейзе, Пруссия получила «последний довод королей» — пушки Круппа⁴.

Впрочем, когда в 1866 г. началась война с Австрией, казнозарядных крупновских пушек в войсках было еще немного, и главную роль в победе Пруссии сыграло ружье Дрейзе. В битве при Садова атакующие колонны австрийцев были расстреляны пруссаками, и война была окончена в семь недель⁵. «Теперь царствует игольчатое ружье», — писала британская газета «Таймс»⁶.

Молниеносная победа Пруссии вынудила великие державы спешно перевооружаться по прусскому образцу. Франция приняла на вооружение винтовку Шасспо, Россия — сначала винтовку Крнка, а с 1870 г. — винтовку Бердана. Однако наладить производство стальных орудий оказалось не так просто. Известный русский инженер П. М. Обухов после командировки на заводы Круппа попытался создать пушечное производство в Златоусте, однако испытания выдерживали лишь единичные образцы орудий (один из этих образцов был направлен на Лондонскую выставку 1862 г.). В итоге было решено на время отказаться от стальных пушек и наладить производство нарезных казнозарядных бронзовых орудий. Стальные же пушки было решено закупать у Круппа — и к 1871 г. было закуплено около 400 орудий⁷.

Франция также не смогла быстро наладить производство стальных орудий и закупила некоторое количество крупновских пушек. В 1860-х гг. Крупп был монополистом в производстве орудий, на заводе Круппа в Эссене было занято 10 тыс. рабочих; в 1862–1867 гг. этот завод изготовил для разных стран — но главным образом для Пруссии — 2,5 тыс. пушек⁸. В 1870 г. Пруссия имела 1,5 тыс. крупновских пушек, и когда началась франко-прусская война, французская армия оказалась беззащитна перед прусской артиллерией. В битве под Седаном пятьсот крупновских орудий подавили французскую артиллерию, а затем ураганным огнем заставили капитулировать французскую пехоту⁹. «Сражение выиграно вашей артиллерией», — сказал германскому генералу попавший в плен император Наполеон III¹⁰.

После заключения мира Франция приложила отчаянные усилия для освоения производства стальных орудий, но прошло еще восемь лет, прежде чем удалось наладить отливку пушек на заводе Шнейдера в Крезе. Однако к этому времени Крупп добился нового успеха и создал более совершенное орудие, стрелявшее снарядом с медными ободками. Дальность стрельбы новых полевых пушек Круппа достигала 6,4 км¹¹.

В России франко-прусская война послужила толчком к проведению военной реформы 1874 г. Как отмечалось выше, после наполеоновских войн Пруссия и Австрия ввели всеобщую воинскую повинность по французскому образцу. В прусской армии должны были служить все годные по состоянию здоровья молодые люди, однако срок действительной службы составлял только три года; после этого солдат зачисляли на четыре года в резерв (где они регулярно проходили военные сборы) и на пять лет — в ополчение, «ландвер». Благодаря этой системе, прусская армия, насчитывавшая в мирное время лишь 200 тыс. солдат, в случае войны за несколько дней увеличивалась до 700 тыс.¹² Впечатление от развертывания прусской армии в 1870 г. побудило российское правительство провести военную реформу, которая ввела всеобщую воинскую повинность. С 1874 г. срок службы был установлен в 15 лет, из них шесть лет на действительной службе и девять лет в резерве — это позволяло создать большие контингенты подготовленных резервистов. Необходимость расширения офицерского корпуса привела к тому, что дворяне (по крайней мере, формально) утратили привилегии на занятие офицерских должностей; в военные училища стали принимать детей из податных сословий. На место привилегий, даваемых происхождением, пришли привилегии, даваемые образованием: действительная служба для лиц со средним образованием составляла лишь полтора года, а с высшим — только девять месяцев, после этого они могли уволиться в запас или сдавать экзамены на офицерский чин¹³.

Развивалось также производство вооружений. В 1871 г. с помощью немецких инженеров и по крупновским чертежам было налажено производство стальных пушек для флота. Полевая же артиллерия оставалась в основном бронзовой. В 1877 г. Россия объявила войну, казалось бы, заведомо слабейшему противнику, Турции. Однако в ходе военных действий выяснилось, что русское оружие уступает оружию турок, которые имели стальные пушки Круппа и американские винтовки Пибоди. Вдобавок русские генералы придерживались старой тактики и посылали в огонь полки, построенные колоннами, — в результате штурм Плевны привел к огромным потерям. Русское командование обсуждало вопрос об отступлении, и лишь большое численное превосходство позволило успешно завершить войну¹⁴. Неудачи в ходе турецкой войны заставили русское правительство поспешить с перевооружением армии. В 1877–1879 гг. Крупп получил огромный заказ на 1850 полевых орудий, и в это же время с помощью немецких специалистов было освоено производство полевых пушек крупповского образца на нескольких русских заводах¹⁵.

В 1880-х гг. русская армия, наконец, получила достаточное количество стальных пушек крупповской модели, которую в России называли «образцом 1877 года». Однако гонка вооружений продолжалась, и в 1890-х гг.

фирма Круппа создала новые скорострельные пушки с поршневым затвором — эти пушки делали шесть выстрелов в минуту. Французские конструкторы теперь почти не отставали от немецких, и французская пушка 1897 г. обладала еще большей скорострельностью¹⁶. Новые вооружения требовали огромных затрат. «Военное министерство вполне сознает, — говорилось в докладе 1892 г., — что финансовое положение империи не позволяет нам тягаться в вооружениях с нашими западными соседями...»¹⁷ В 1898 г. военный министр А. Н. Куропаткин предложил заключить договор с Австрией с тем, чтобы обе стороны отказались от принятия на вооружение скорострельных полевых пушек. В наивной форме этого предложения проглядывало отчаяние военных, не поспевавших за противниками. В 1899 г. по инициативе России была созвана «мирная конференция» в Гааге, на которой был поставлен вопрос об ограничении вооружений. «Вся конференция... — констатировал Вильгельм II, — направлена против нашего военного развития, которое Россия желала бы заstopорить, чтобы противостоять нам с более слабых, неполноценных позиций. Им денег не хватает»¹⁸. Попытка остановить гонку вооружений оказалась безрезультатной.

Россия все-таки сумела создать свою скорострельную трехдюймовую пушку, но уровень насыщения артиллерией в русской армии был вдвое меньше, чем в германской, и самое главное — промышленность не могла обеспечить выпуск нужного количества боеприпасов¹⁹. Военное ведомство постоянно требовало увеличения расходов, и это создавало крайнее напряжение в государственных финансах. В 1884 г. морской министр представил Александру III доклад, в котором писал, что «Россия без самоубийства не может выйти из ареопага великих держав и заставить забыть о себе». В ответ министр финансов Н. Х. Бунге указал на истощение платежных сил крестьянства: «Идти далее по пути увеличения расходов, покрываемых займами или непосильными для плательщиков налогами, значило бы... идти на самоубийство»²⁰. Другой министр финансов, С. Ю. Витте, объясняя тяжелое положение в сельской экономике, говорил Николаю II, что, если сократить армию на четверть или на треть, то найдутся деньги и для сельского хозяйства²¹. Таким образом, социальная система России находилась под постоянным давлением извне и изнутри: с одной стороны, военная угроза извне требовала увеличения налогов, с другой стороны, повышающееся демографическое давление требовало уменьшить налоги²². Как и предсказывает демографически-структурная теория, в условиях Сжатия финансовый кризис стал перманентным. В конечном счете военная неподготовленность привела к поражениям в ходе сражений Первой мировой войны, и социальная система рухнула под напором внутреннего и внешнего давления.

7.2. Бонапартизм и традиционалистская реакция в Европе

Для того чтобы проследить, как военное и промышленное развитие влияло на социальную эволюцию стран Европы, нам необходимо вернуться назад, к той ситуации, которая создалась после революций 1848 г.

Как отмечалось выше, революция породила традиционалистскую реакцию, и голосами крестьян Луи-Наполеон был избран президентом Фран-

ции. 2 декабря 1851 г., опираясь на армию, он произвел государственный переворот и вскоре через посредство плебисцита объявил себя императором Наполеоном III. Новая конституция восстановила всеобщие выборы в Законодательное собрание, но лишила его права законодательной инициативы; правительство было ответственно только перед императором. Таким образом, восстанавливалась почти неограниченная монархия с декоративными конституционными учреждениями — положение, существовавшее при Наполеоне I, в эпоху до промышленной революции²³.

Так же как власть Наполеона I, автократия Наполеона III была порождена длительным социальным конфликтом, и император выступал в роли примирителя классов и партий. «Моя цель заключается в том, — говорил Луи-Наполеон в 1852 г., — чтобы примирить всех французов на основе крепкой власти, морали, национальной гордости и любви к трудолюбивым и страдающим классам»²⁴. Этого примирения император собирался достичь с помощью методов государственного регулирования, используя средства, полученные от налогов, для инвестиций как в экономику, так и в социальную сферу. Наполеон был противником либеральных экономических идей; он полагал, что ответственность за справедливое распределение богатств лежит на государстве, и оно должно обеспечивать трудящихся либо работой, либо средствами к существованию²⁵.

В принципе эти теоретические установки новой империи почти не отличались от этатизма времен просвещенной монархии с ее теорией «всеобщего блага» и «регулярного государства». Однако, как указывает А. Н. Медушевский, специфика нового политического режима — «бонапартизма» — заключалась в том, что он возник на основе народного волеизъявления и стремился представить себя как воплощение власти народа²⁶. Как отмечалось выше, Наполеон ввел всеобщее избирательное право и был провозглашен императором на основе всенародного голосования. Это означало, что социальной опорой Второй империи являются не 180 тыс. богатых избирателей, как при Луи-Филиппе, а широкие народные массы. Действительно, буржуазия, которую Наполеон лишил власти, была враждебна императору вплоть до его пленения при Седане²⁷.

Другое существенное отличие бонапартистского режима от просвещенных монархий прошлого заключалось в том, что он был порожден острым социальным конфликтом в рамках нового, модернизирующегося общества; в этом конфликте участвовали новые социальные слои, рабочие и промышленная буржуазия, и новой власти пришлось примирять эти новые классы и учитывать их интересы. Этатистская монархия училась управлять новым обществом, и первым идеологом бонапартизма был сам Луи-Наполеон, написавший в 1844 г. книгу «Уничтожение нищеты». Бонапартизм в интерпретации своего основателя признавал неприкосновенность частной собственности, но в то же время стремился предоставить рабочим право на труд и социальное обеспечение. Придя к власти, Наполеон III конфисковал собственность прежней Орлеанской династии и направил полученные средства на создание обществ взаимопомощи рабочих, пенсионных фондов, а также на строительство дешевого жилья для бедняков. Чтобы помочь попавшим в сети ростовщиков крестьянам, был создан банк «поземельного кредита», предоставлявший

займы на льготных условиях. Эта политика уступок низшим классам поначалу вызвала энтузиазм в рядах социалистов, и Прудон объявил бонапартистский переворот началом «социальной революции» — однако продолжения «революции» не последовало; уступки были ограниченными и преследовали цель поддержания баланса социальных отношений. Французские историки называют эту политику «социальным наполеонизмом»; как мы увидим далее, она имеет много общего с политикой Бисмарка в Германии и Витте в России — бонапартизм был общеевропейским явлением, не только девятнадцатого, но и двадцатого века²⁸.

Как отмечалось выше, бонапартизм был связан с традиционалистской реакцией на распространение английской диффузионной волны. В этом контексте характерно обращение новой автократии за поддержкой к естественному носителю традиций — церкви. Католическая церковь стала осуществлять надзор и контроль за народным образованием; она получала значительные субсидии от государства и энергично поддерживала во время выборов так называемых официальных кандидатов²⁹.

Еще одной чертой бонапартизма, характерной для всякой новой власти, было стремление к самоутверждению путем военной экспансии. Военные победы — как показал Наполеон I — были наиболее эффективным путем консолидации общества, расколотого острым социальным конфликтом. Наполеон III унаследовал эту традицию «национальной славы», и армия приветствовала его приход к власти³⁰. Пытаясь успокоить европейских дипломатов, Наполеон III постоянно повторял, что «империя — это мир», но в действительности империя принесла с собой бесконечные войны: с Россией, Австрией, колониальные экспедиции в Индокитай и Мексику. Штуцер и пушка Ля-Гитта поначалу приносили победы французской армии, и на короткое время Франция стала сильнейшим государством Европы. Военные победы Франции породили диффузионную волну подражания — соседние государства заимствовали как пушки французской конструкции, так и французский бонапартизм.

Французское влияние было особенно сильным в странах, непосредственно граничащих с Францией — в Австрии и Пруссии. Как отмечалось выше, в 1840–1850-х гг. Пруссия подвергалась интенсивному воздействию английской диффузионной волны, которое (в сочетании с внутренними процессами) привело к революции 1848 г. Диффузионное воздействие продолжалось и после революции; оно проявлялось, в частности, в заимствовании технических достижений, в наплыве английских капиталов, которые вкладывались в германскую экономику, в обогащении и усилении буржуазии и дальнейшем распространении либерализма. Обладая большими финансовыми возможностями и благодаря этому контролируя прессу, либеральная буржуазия оказывала все усиливавшееся давление на монархию и в 1858 г. добилась назначения на пост премьер-министра либерального бюрократа Шверина. В этом же году либералы одержали победу на выборах в ландтаг и фактически оттеснили монархистов от власти. Линия противостояния в борьбе за власть проходила между либеральной буржуазией и прусской этактистской монархией, опиравшейся на дворянское армейское офицерство и дисциплинированную бюрократию. В марте 1862 г. король Фридрих Вильгельм IV уволил в отставку

Шверина, но новое правительство не могло управлять страной из-за противодействия не утверждавшего бюджет либерального ландтага. Буржуазная оппозиция открыто угрожала королю и его министрам возбудить, как в 1848 г., рабочее восстание, и «тогда они легко могут разделить судьбу Бурбонов». Король уже подумывал об отречении, но монархическая партия убедила его проявить твердость и назначить премьер-министром Отто фон Бисмарка, который стал управлять страной, нарушая конституцию и не обращая внимания на ландтаг³¹.

До своего назначения на пост премьера Бисмарк занимал должность прусского посла во Франции, и, как отмечают многие исследователи, он был учеником и подражателем Луи-Наполеона³². Ф. Энгельс, в частности, писал, что Бисмарк научился у Наполеона III способам разрешения конфликта с парламентом и умению использовать в своих интересах всеобщее избирательное право, что он повторил в Пруссии государственный переворот Луи-Наполеона и установил режим правления бонапартистского типа³³.

Метод, использованный Бисмарком для того, чтобы остановить наступление буржуазии, был также позаимствован у Наполеона III: Бисмарк обратился за поддержкой к низшим классам. В 1863 г. премьер-министр пригласил на переговоры председателя Всеобщего германского рабочего союза Ф. Лассалья; на нескольких встречах обсуждался вопрос о перспективах введения всеобщего избирательного права, которое, наряду с созданием производственных ассоциаций, было центральным пунктом программы Союза. Глава монархического правительства и лидер социалистов нашли общий язык: «В странах с монархическими традициями, — писал Бисмарк, — всеобщее избирательное право, устраняя влияние либеральных буржуазных классов, будет приводить к выборам в монархическом духе»³⁴. Как только представилась возможность (в 1867 г.), Бисмарк ввел всеобщее избирательное право в конституцию Северогерманского союза, а затем — в конституцию Германской империи. На переговорах с Лассалем, очевидно, обсуждался и вопрос о поддержке ассоциаций: при рассмотрении вопроса о положении силезских ткачей правительство демонстративно встало на сторону рабочих и выделило им ссуду для создания ассоциации. С трибуны ландтага Бисмарк бичевал своекорыстие буржуазии и заявлял, что принцип защиты бедных осуществлялся прусскими королями начиная с Фридриха II. Таким образом, премьер-министру удалось разрушить планы оппозиции, привлечь на свою сторону народные массы и предотвратить назревавшую революцию³⁵.

Так же как во Франции при Луи-Наполеоне, средством консолидации расколотого социальным конфликтом общества стала война. Благодаря пушкам Круппа и винтовкам Дрейзе Пруссия одержала победы над Австрией и Францией; за этими победами последовало объединение Германии и создание могущественной Германской империи.

В контексте диффузионистской теории стальные пушки Круппа были *фундаментальным открытием*, породившим волну прусских завоеваний. Эта волна должна была вызвать в других странах модернизацию по германскому образцу, и в первую очередь, заимствование военной техники — как отмечалось выше, такое заимствование действительно имело место.

Вслед за техническими заимствованиями, как обычно, шло перенимание германских социально-политических институтов — поэтому необходимо более подробно рассмотреть, каким был новый образец модернизационных реформ.

Как отмечалось выше, конституция Германской империи предусматривала введение всеобщего избирательного права, но император имел возможность отклонить одобренные собранием законопроекты, а правительство было ответственно только перед монархом. Тем не менее бюджет и законы могли быть приняты только рейхстагом, поэтому император и его канцлер не могли управлять, не имея правительственного большинства в собрании. Первое время это большинство обеспечивалось огромным моральным авторитетом Бисмарка — результатом блестящих военных побед, которые консолидировали общество и заставили его идти за своим вождем. Однако со временем ореол побед тускнел, и Бисмарку приходилось сталкиваться с прорывавшимися на поверхность классовыми конфликтами. Наиболее острым был рабочий вопрос: Германия постепенно превращалась в промышленную страну, в 1870-е гг. численность рабочих значительно возросла — но их положение не улучшилось, заработная плата оставалась более низкой, чем в Англии и Франции. Между тем пример Парижской коммуны, деятельность I Интернационала и общий рост грамотности рабочих способствовали повышению их социальной активности. Влияние признававших авторитет Бисмарка лассальянцев постепенно уменьшалось; в 1875 г. была создана Социалистическая рабочая партия Германии, занявшая откровенно антиправительственную позицию. В мае 1878 г. анархист Гедель совершил покушение на Вильгельма I; затем последовало еще одно покушение, в результате которого престарелый кайзер был тяжело ранен³⁶. В атмосфере всеобщего негодования Бисмарк провел закон о запрете деятельности СРПГ — но одновременно попытался вновь привлечь рабочих к монархии. Канцлер отменил подушный налог, существовавший в Пруссии; в 1883 г. был принят закон о страховании по болезни, в 1884 г. — закон о страховании от несчастных случаев, а в 1889 г. — первый в истории закон о пенсиях по старости. Произнося речи в защиту этих законов, Бисмарк говорил, что государство имеет своей задачей «стремиться к поднятию благосостояния всех его сочленов, и в особенности, слабых и нуждающихся в помощи», «именно в этом смысле законодательное регулирование призрения бедных... включает в себе социалистический элемент»³⁷. Объявляя себя сторонником «государственного социализма», Бисмарк одновременно ссылался на этактические традиции просвещенной монархии — и иногда зачитывал перед рейхстагом параграфы Прусского земского уложения 1794 г., предписывавшего предоставлять бедным посильную работу с тем, чтобы они могли прокормить себя³⁸. Бонапартистские «социалистические» влияния в данном случае совмещались с традиционалистской реакцией на «английский» либерализм, в адрес которого канцлер продолжал посылать проклятия: «Я не держусь взгляда, что принципы „laissez faire, laissez aller“, „кто не в силах стоять, того повалят и растопчут“, „имущему дается, и от неимущего отымется“ — что эти начала могут найти применение в монархическом, патриархально управляемом государстве. Я думаю на-

оборот, что лица, подобным образом запугивающие от вмешательства государства в дело защиты слабых, сами подпадают подозрению, что хотят использовать свою силу... к получению выгоды, к подавлению других...»³⁹

Речи канцлера лежали в русле немецкой этатистской традиции, которая нашла свое новое выражение в появившейся в это время теории «социальной монархии» Лоренца фон Штейна. Эта теория имела много общего с теорией «всеобщего блага» и «регулярного государства» и приобретала особую актуальность в эпоху модернизации, когда монархия стала объектом атак со стороны либеральных партий. Штейн утверждал, что монархия должна стоять над классами, служить всеобщему благу и давать защиту угнетенным. Но во Франции при Луи-Филиппе государство стало служить одному классу — поэтому социальная революция стала неизбежной. «Истинная, самая могущественная, продолжительная и любимая монархическая власть, — писал Штейн, — есть монархия социальной реформы»⁴⁰. Теория Штейна была развита в работах Рудольфа Гнейста, который стал основателем так называемого катедер-социализма, научного государственного социализма, оказавшего большое влияние на политику Бисмарка. Как отмечал М. М. Ковалевский, «под руководством Гнейста, Нассе и Шмоллера созданный в Эйзенахе „Союз социальной политики“ повел немецкое рабочее законодательство по совершенно новому пути»⁴¹. Теория «катедер-социализма» сохраняла свое влияние и позже, и в конечном счете превратилась в теорию «социального государства» в исполнении Конрада Аденауэра и Людвиг Эрхарда⁴².

Возвращаясь к внутренней политике Бисмарка, необходимо отметить еще одну черту, свидетельствующую о приверженности канцлера к этатистской доктрине «регулярного государства». Эта черта — эффективное государственное регулирование и создание государственного сектора экономики. Государственный сектор экономики должен был удовлетворять самые насущные потребности государства и вместе с тем приносить доходы, за счет чего снижалась доля прямых налогов на население. Наиболее ярко этатистские тенденции проявились в национализации железных дорог, в 1891 г. 93% германских железных дорог принадлежали государству⁴³. Государственное регулирование экономики проявилось в создании промышленных палат, в установлении биржевого налога, введении акцизов на сахар, керосин, кофе, вино, табак, в попытках создания водочной и табачной монополий. В этом же ряду стоят и протекционистские меры правительства, резкое увеличение таможенных пошлин, которое не только защищало отечественную промышленность, но и существенно увеличивало доходы государства. При этом Бисмарк опирался на идеи известного экономиста Фридриха Листа, который показал, что проповедуемая либералами свобода торговли тормозит развитие производительных сил в странах догоняющего развития, то есть она выгодна для Англии, но не для Германии⁴⁴.

После смерти признававшего авторитет Бисмарка императора Вильгельма I позиции канцлера серьезно пошатнулись. Молодой император Вильгельм II (1888–1918) желал править самостоятельно, и в 1890 г. Бисмарк получил отставку. Воспитанный в романтическом духе Вильгельм II пытался предстать в роли «народного монарха»; уже в манифесте

о вступлении на престол он обещал «быть помощником бедным и угнетенным»⁴⁵. Были проведены законы о третейских судах из представителей рабочих и предпринимателей, о выходных днях, об ограничении рабочего дня для несовершеннолетних и т. д. Император содействовал отмене закона, запрещающего социал-демократическую партию. Однако в годы репрессий германские социалисты под влиянием Интернационала значительно полевели; в 1891 г. на съезде в Эрфурте они приняли марксистскую программу, которая в теории предусматривала овладение властью и уничтожение частной собственности, но в числе ближайших задач указывала на необходимость проведения общедемократических реформ и мер по защите труда (таких, как 8-часовой рабочий день). На выборах в этом же году социал-демократическая партия Германии (СДПГ) благодаря всеобщему избирательному праву получила 1/5 голосов и стала крупнейшей партией в рейхстаге. Этот успех вызвал волну подражания германским социал-демократам и их программе в мировом рабочем движении (в том числе и в России). Однако в дальнейшем под влиянием реформистской практики английских тред-юнионов СДПГ постепенно перешла на позиции реформизма и отчасти вписалась в систему германской «социальной монархии». В 1906 г. канцлер Б. Бюлов даже предлагал включить в правительство одного-двух социал-демократов, рассчитывая таким путем укрепить в широких массах веру в «социальную монархию»⁴⁶.

Между тем в последней четверти XIX в. Германия сделала мощный рывок в техническом развитии и в начале XX в. обогнала Англию по объему промышленного производства. Синтез английской техники и немецкой дисциплины породил четко организованную и работающую при поддержке государства промышленность, и более того — организованную науку. В отличие от Англии, где изобретения делались инициативными одиночками, в Германии предприятия тратили большие средства на научно-технические исследования, а технические дисциплины рассматривались в университетах в качестве важнейших предметов⁴⁷. Достижения немецких инженеров и ученых открыли новый этап промышленной революции, связанный с развитием химии и электротехники. В итоге Германия стала новым примером современного промышленного общества, новым центром западной цивилизации и образцом для развивающихся стран. Как отмечает У. Мак-Нил, Германия дала миру другой, отличный от английского, образец для модернизации, образец, в основе которого лежал не либерализм, а государственное регулирование экономических и социальных отношений⁴⁸. Победы Германии и успехи ее промышленного развития породили новую, германскую диффузионную волну, элементами которой были пушки Круппа, электромоторы Сименса, автомобили Даймлера, немецкая дисциплина и деловитость, государственное регулирование и «социальное государство». Перед Россией — так же как перед многими странами Европы и Азии — встала проблема выбора: какой из этих образцов следует принять за конечную цель развития?

7.3. Традиционализм и бонапартизм в России

Убийство Александра II произвело огромное впечатление на русское общество и вызвало резкую перемену общественных настроений. Терро-

ристы рассматривались как орудия западного влияния. «Мстительный дух отрицания и разрушения, захвативший нашу беззащитную молодежь, явился с Запада, — писал лидер славянофилов И. С. Аксаков. — Жестокость подпольных заговоров, подстрекательств и политических убийств не имеет корней в русской душе»⁴⁹. Гнев простонародья обрушился на «инородцев»; в южных губерниях произошли еврейские погромы. Новый министр внутренних дел славянофил граф Н. П. Игнатьев говорил, что «почву для тайной организации нигилистов составляли поляки и евреи».

Граф Игнатьев обвинял в скрытом пособничестве террористам либерально настроенную интернациональную петербургскую буржуазию. «В Петербурге, — писал Игнатьев, — существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновников и вообще на весь ход дел... Проповедуя слепое подражание Европе, люди этой группы ловко сохраняют свое нейтральное положение... Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими криками, твердящими о том, что нужно слушать только „интеллигентный“ класс и что русские требования следует оставить как отсталые и непросвещенные»⁵⁰.

Таким образом, убийство Александра II вызвало *традиционалистскую реакцию*, направленную против западного влияния, против «западников» и «инородцев». Либеральные министры убитого царя были вынуждены уйти в отставку; с поста председателя Госсовета был удален самый знаменитый «западник» предшествующего царствования — великий князь Константин Николаевич. К власти пришли деятели славянофильского направления: К. П. Победоносцев, Н. П. Игнатьев; глашатаями новой политики стал редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков и редактор «Гражданина» князь В. П. Мещерский. Принятая новым правительством доктрина «народного самодержавия» провозглашала отвержение западных идейных влияний и возврат к традиционным русским ценностям. В этой связи К. П. Победоносцев подчеркивал, что надо прежде всего препятствовать подпаданию народа под влияние интеллигенции, которая утратила связь с народной традицией. Наоборот, говорил он, интеллигенция может многому научиться у народа, который есть настоящий хранитель традиционных добродетелей. Победоносцев подчеркивал, что первая задача правительства — заботиться о народе: поддерживать его в борьбе против тяжелой материальной нужды и заботиться о его нравственном благе⁵¹. «Таким образом, — добавляет В. В. Леонтович, — вся идеология попечительства проявилась тут откровенно и страстно»⁵².

Доктрина «народного самодержавия» в известной степени повторяла лозунг «самодержавие, православие, народность» времен Николая I. Она подразумевала религиозное освещение власти государя, опору на дворянство, как связующее звено между царем и народом, и идеологию попечительства над крестьянством в духе николаевского «регулярного государства»⁵³. Однако имелись и существенные отличия: если за традиционализмом Николая I в действительности стояли немецкий бюрократ-

тизм и рационализм, то теперь на первый план вышел иррациональный миф о Московском царстве, о гармоничном духовном союзе царя и народа. С внешней стороны это проявлялось в смене облика русского царя, который стал носить бороду и ходить в крестьянской рубашке, в армейской форме, имитировавшей народную одежду, в официальных богослужениях и в новом искусстве, копировавшем образы XVII в. Вслед за царем бороды стали носить члены правительства, чиновники и офицеры⁵⁴. «Дикая допетровская стихия взяла верх», — писал «западник» П. А. Валуев⁵⁵.

«При Александре III миф определял отношения к политической власти в трех аспектах, — отмечает Р. Уортман. — Во-первых, он освящал личный авторитет царя как помазанника божия, дискредитируя ценность законов и институтов, связанных с конституционализмом. Во-вторых, он делал православную церковь основной выразительницей национальных ценностей, которые заменяли теперь материальный прогресс и национальное благоденствие в качестве главных целей самодержавия. В-третьих, миф оправдывал и прославлял сословные учреждения, дворянство и крестьянскую общину в качестве социальной основы царской власти»⁵⁶.

Если при Николае I традиционалистская реакция сопровождалась бюрократическим засильем немцев, то при Александре III проводилась политика «русификации» и стеснения «инородцев»; среди высших сановников уменьшилось количество лютеран-немцев (в 1853 г. лютеране составляли 16% членов Государственного совета, а в 1903 г. — только 2%)⁵⁷. Чтобы ослабить влияние петербургской буржуазии на чиновников, для чинов высших классов было запрещено «совместительство».

При Николае II старомосковская идея единения царя и народа нашла свое выражение в официальных ритуалах, в балах, на которых вестернизованная знать являлась в народных костюмах, в торжественном пасхальном шествии 1900 г. в Москве — первом за пятьдесят лет⁵⁸.

Авторы доктрины «народного самодержавия», в согласии с основной идеей славянофилов, считали, что Россия — не Европа и должна идти своим путем, отличным от капиталистического пути Запада. Они надеялись, что защищенная от проникновения буржуазных отношений община будет по-прежнему выступать в качестве основы российской социальной традиции. «Россия имеет свою отдельную историю и специальный строй... — утверждал в 1897 г. государственный секретарь В. К. Плеве, — имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнета капитала и борьбы сословий»⁵⁹.

Таким образом, политика «народного самодержавия» была проявлением *традиционалистской реакции* — но при всем том она не сводилась к традиционализму. Россия жила в новом мире промышленной революции и правительству приходилось решать вопросы, на которые традиция заведомо не могла дать ответа. Один из таких вопросов состоял в том, нужно ли продолжать принесшую убытки политику частного строительства железных дорог, или искать другое решение. В более общем контексте этот вопрос звучал так: следует ли и далее следовать политике либерализма, или перейти к этатистскому государственному регулированию? Германия, служившая новым примером для стран догоняющего развития, подавала пример государственного регулирования и национализа-

ции железных дорог. Волна национализации распространилась из Германии на Австро-Венгрию, Францию, Италию — и она не миновала России. «Нельзя допустить, чтобы железные дороги постоянно вели свое хозяйство за счет государственного казначейства, чтобы казна, давая деньги, позволяла расточать их даже непроизводительно и по всем расходам принимала на себя гарантии процентов и погашения, а затем и убытки, от этого происходящие», — писал министр финансов Н. Х. Бунге⁶⁰. Об отношении правительства и общества к героям «грюндерской лихорадки» говорит письмо П. Г. фон Дервиза Победоносцеву: «Приходится краснеть перед моими детьми при мысли, что я принадлежал к той среде, в которой ныне они видят вертеп разбойников»⁶¹. Однако выкуп железных дорог затруднялся нехваткой средств; в министерство Бунге (1881–1886) в казну было выкуплено только 1,3 тыс. верст дорог⁶².

Подражание Германии означало переход к политике государственного регулирования в духе этатистского абсолютизма. Как отмечалось выше, эта политика канцлера Бисмарка имела корни в прусском традиционализме — но она согласовывалась и с российским традиционализмом; в конечном счете это была политика «регулярного государства» Петра I и Фридриха Вильгельма I. Политика государственного регулирования в подражание Германии отчетливо сказалась в деле введения рабочего законодательства и в отмене подушной подати. «В России не менее, чем в Германии, — писал Н. Х. Бунге в официальном докладе Александру III, — нужно бороться с разрушительным стремлением революционной партии, но чтобы отнять у последней почву, необходимо обеспечить благоденствие народа и действовать в том же направлении, как действует князь Бисмарк. В этих видах предпринят был ряд мер, отчасти уже осуществленных... Отмена подушной подати и Крестьянский банк... должны поднять благосостояние народное...»⁶³ В 1882–1886 гг. были снижены выкупные платежи, появилась фабричная инспекция, наблюдавшая за условиями труда на производстве.

Подражая в силу необходимости социальной политике Бисмарка, в других отношениях Бунге оставался либералом; он возражал против повышения таможенных пошлин и перехода к политике государственного регулирования. Между тем последствия проводимой Рейтерном политики, промышленная стагнация и необходимость выплаты огромных процентов по железнодорожным займам, ставили казну перед угрозой банкротства. В конечном счете ухудшение финансового положения предрешило отставку Бунге⁶⁴.

В 1886 г. Александр III обратился за советом по поводу улучшения финансовой ситуации к известному математику, профессору И. А. Вышнеградскому, который предложил новый этатистский план резкого увеличения доходов бюджета и перераспределения ресурсов в пользу государства. В частности, по примеру Бисмарка Вышнеградский рекомендовал повышение таможенных тарифов, переход к политике защиты национальной промышленности, ускоренный выкуп частных железных дорог, повышение косвенных налогов, введение винной монополии. 1 января 1887 г. Вышнеградский был назначен министром финансов и приступил к реализации своего плана. При проведении выкупной операции акционеры

получили за свои акции суммы, соответствовавшие номиналу, но правительство не смогло полностью взыскать задолженность с железнодорожных компаний и списало 700 млн рублей долгов — это были чистые убытки государства. В министерство Вышнеградского казной было выкуплено 5,5 тыс. верст железных дорог. С 1889 г. железнодорожные тарифы стали устанавливаться государством и тарифная политика превратилась в мощный инструмент экономического регулирования⁶⁵.

Еще одним крупным проектом в области национализации было введение государственной винной монополии. Это была ярко выраженная этатистская мера: речь шла о том, чтобы отнять у виноторговцев — крупного слоя российской буржуазии — их огромные доходы (180–200 млн рублей в год) и обратить эти доходы на прибыль казны. Некоторые детали реформы показывают тождественность проекта Вышнеградского с проектом водочной монополии Бисмарка (который так и не был претворен в жизнь)⁶⁶. Из-за необходимости подготовительных мероприятий Вышнеградскому не удалось быстро ввести винную монополию, но министр увеличил акцизы на спирт, табак, сахар, ввел новые акцизы на керосин и спички. Были увеличены также и прямые налоги: поземельный налог, налог на городскую недвижимость и др.; усиленно собирались недоимки⁶⁷.

Другая характерная черта политики Вышнеградского — переход к жесткому протекционизму как к средству поддержки национальной промышленности. Эта политика отчасти была результатом осознания прогрессирующего промышленного отставания, отчасти — следствием германского диффузионного влияния. Ближайший помощник и продолжатель дела Вышнеградского С. Ю. Витте был последователем идей Ф. Листа и в 1889 г. опубликовал книгу «Национальная экономика и Фридрих Лист»⁶⁸. «Мы, русские, — писал Витте, — в области политической экономии, конечно, шли на буксире Запада, а потому при царствовавшем в России в последние десятилетия беспочвенном космополитизме нет ничего удивительного, что у нас значение законов политической экономии и житейское их понимание приняли нелепое направление. Наши экономисты возымали мысль кроить экономическую жизнь Российской империи по рецептам космополитической экономики. Результаты этой кройки налицо»⁶⁹. В контексте теории Листа (и практики Бисмарка) увеличение таможенных пошлин имело целью как увеличение казенных доходов, так и защиту национальной промышленности от иностранных конкурентов. В результате таможенной реформы Вышнеградского общая сумма таможенных пошлин возросла с 14,3% от стоимости импортируемых товаров в 1877 г. до 32,7% в 1892 г.⁷⁰

Таможенная реформа привела к росту цен сначала на импортные, а затем и на отечественные промышленные товары — поскольку российские производители получили возможность в отсутствие конкуренции поднимать цены. Рост цен на потребительские товары — в том числе на предметы роскоши — вызвал недовольство дворянства. Вдобавок Вышнеградский пытался ввести высокий налог на заграничные паспорта и затруднить вывоз валюты той частью русской аристократии, которая почти постоянно проживала за границей. Эта попытка закончилась неудачей, но она показала, что новый министр склонен проводить этатистскую по-

литику вопреки интересам элиты. Повышение пошлин и налогов позволило Вышнеградскому за три года увеличить доходы бюджета примерно на четверть. В пересчете на хлеб душевая налоговая нагрузка возросла примерно с 7,5 до 11,5 пуда; в конечном счете *смысл политики правительства состоял в перераспределении ресурсов в пользу государства*⁷¹.

7.4. Динамика элиты

Политический кризис рубежа 70–80-х гг. вынудил монархию к уступкам дворянству. Эти уступки лежали в русле традиционалистской политики и формально выглядели как примирение этактистской монархии с элитой после разрыва, произошедшего в 1861 г. Кризис рубежа 70–80-х гг. вынудил самодержавие искать опору в обществе, и этой опорой было признано дворянство. В октябре 1882 г. министром внутренних дел был назначен представитель консервативных дворянских кругов граф Д. А. Толстой. Протестуя против проводимой Н. Х. Бунге политики уступок крестьянству, новый министр заявил Александру III, что не признает «крестьянской России». «Ваши предки создали Россию, но они нашими руками ее создали», — говорил Толстой, имея в виду руки тысяч дворян⁷². Главная идея консервативной партии заключалась в том, что сохранение самодержавия невозможно без сохранения дворянства, что дворянство (а не крестьянство) является опорой самодержавия. «Здесь речь идет об одном из главных устоев государственного здания, об устое, который необходимо сохранить от разрушения и упрочить, без чего едва ли будет возможно сохранить само здание...», — говорится в материалах Особого совещания по делам дворянства⁷³.

По мысли консервативных идеологов, дворянство должно было играть роль «100 тысяч полицейских», осуществляющих надзор и опеку над другими сословиями, прежде всего над крестьянством⁷⁴. «Из теснейшего единения обоих сословий дворянство вынесет себе обновление, а крестьянство найдет в нем ограждение от „кулаков“ и всяких вражеских попыток», — утверждал Катков⁷⁵. Александр III принял эту программу консерваторов и во время коронации обратился к собравшим со всей России волостным старшинам с наказом слушаться своих предводителей дворянства.

В награду за охранительную роль государство должно было вернуть дворянству его привилегии, прежде всего льготный кредит. Во исполнение этой программы в 1885 г. был создан Дворянский банк, предоставлявший дворянам льготные кредиты под 5% годовых на срок до 48 лет. В 1889 г. процент был снижен до 4,5%; для сравнения ставка кредитования Крестьянского банка была больше на 2,25%, а акционерных банков — на 2,5–3,5%. В 1886–1888 гг. помещики получили 173 млн рублей кредитов, что в семь раз превышало выданные в те же годы кредиты Крестьянского банка⁷⁶.

В буржуазных кругах высказывались сомнения по поводу целесообразности этой финансовой поддержки. Так, в Записке съезда представителей ипотечных банков (1884) говорилось, что удешевление кредита «послужит к новому усилению обременения земли долгами, причем добытые средства пойдут так же непроизводительно, как и прежде»⁷⁷. У бан-

киров (так же как у многих современных историков) были основания сомневаться в деловых качествах русских дворян. Их образ жизни не располагал к предпринимательской деятельности. Многие аристократы постоянно проживали за границей: в Париже, Ницце, Италии; их расходы, а также расходы 350 тыс. русских «путешественников» оценивались в 42 млн золотых рублей в год⁷⁸. Так расходовалась значительная часть денег, полученных помещиками у Дворянского банка.

Широкомасштабное субсидирование дворянского класса было вызвано не только политическими причинами, но и попыткой противостоять разразившемуся в этот период аграрному кризису. Резкое увеличение хлебного экспорта из России, США и некоторых других стран вызвало падение цен на мировых рынках. Это привело к падению цен также и в России; на Черноземье средняя цена ржи уменьшилась с 72 копеек в 1881–1885 гг. до 45 копеек в 1886–1890 гг. Арендаторы помещичьих земель стали разрывать арендные договоры, арендная плата в Орловской губернии уменьшилась в 1886–1889 гг. на 20%. Для многих помещиков наступили трудные времена. В 1888 г. пензенские дворяне отказались от уплаты государственных и частных долгов, прося отсрочки. В 1889 г. недоимка Дворянского банка по процентам составила 5,2% к сумме долга, то есть превысила годовую сумму процентов⁷⁹.

В результате продаж общая площадь дворянских земель сократилась с 77,8 млн десятин в 1861 г. до 73,1 млн десятин в 1877 г., 57,7 млн десятин в 1892 г. и 53,2 млн десятин в 1905 г. Доля дворянских земель в частном землевладении уменьшилась в 1877–1905 гг. с 80 до 62%; на Черноземье помещики потеряли за эти годы 29% своих земель⁸⁰.

Таким образом, льготные кредиты Дворянского банка не спасли помещиков от утраты части поместий. Эти деньги по большей части ушли на досрочное погашение кредитов, взятых ранее в других банках, или использовались в спекулятивной биржевой игре на разнице между низким процентом Дворянского банка и более высоким курсом других ценных бумаг; лишь небольшая их часть вкладывалась в улучшение земледелия. Руководство банка публиковало тысячи объявлений о выставлении на продажу имений неисправных должников, но в действительности не осмеливалось приступить к массовой продаже — в 1896 г. было продано только 15 имений. К 1897 г. было заложено 14256 имений на сумму 440 млн рублей и лишь на 2866 имениях со ссудой в 85,2 млн рублей не числилось недоимок⁸¹.

В то время как дворянское землевладение сокращалось, численность дворянства постоянно росла. В 41 губернии Европейской России (без девяти западных губерний с польским дворянством) в 1858 г. насчитывалось 234 тыс. потомственных дворян, в 1870 г. — 305 тыс., в 1897 г. — 478 тыс. В шести губерниях Черноземья (без Пензенской губернии) в 1858 г. было 45,1 тыс. дворян, в 1870 г. — 45,8 тыс., в 1897 г. — 60,9 тыс.⁸² Если в 1870 г. на одного дворянина на Черноземье приходилось 176 десятин земли, то в 1897 г. — 104 десятины, на 40% меньше⁸³. Если принять численность дворянской семьи в 4–5 человек, то средний размер поместья на Черноземье составлял 400–500 десятин. Эта цифра близка к средней по России.

Табл. 7.1. Структура и динамика дворянского землевладения по 44 губерниям России⁸⁴

Группы владений по размеру	1877			
	Число владений (тыс.)	Общая площадь владений (тыс. дес.)	Средний размер владения (дес.)	Число владений (тыс.)
До 100 дес.	56,4	1916	34	60,4
%	50,2	2,8		57,8
100–500 дес.	33,4	8316	249	29,2
%	29,6	12,1		25,4
500–1000 дес.	10,6	7520	707	9,6
%	9,4	10,9		8,4
1000–5000 дес.	10,4	21121	2031	8,3
%	9,2	30,7		7,3
более 5000 дес.	1,8	29890	16437	1,2
%	1,6	43,5		1,1
Всего по 44 губерниям	112,6	68774	613	114,8
%	100	100		100

Более половины всех поместий сорока четырех губерний Европейской России составляли мелкие и мельчайшие поместья размером до 100 десятин. За 1877–1905 гг. численность мелкого дворянства заметно возросла, и его удельный вес в общей численности дворян увеличился с 50 до 59%. Имея поместья в среднем около 30 десятин, эти дворяне по уровню доходов немногим отличались от зажиточных крестьян. Как отмечала Особая комиссия 1892 г., такие владения «едва ли могут служить достаточным обеспечением развитых в этом сословии потребностей»⁸⁵. Мелкопоместное дворянство было особенно многочисленно в западных и левобережных украинских губерниях, где проживали потомки польской шляхты и казацкой старшины. Много мелких дворян было также и на Черноземье, в районах, где в XVII в. проходили «засечные черты». Особое совещание по делам дворянского сословия отмечало бедственное положение мелкого дворянства черноземных губерний, которое не получает никакой помощи ни от земств, ни от дворянских обществ⁸⁶. Таким образом, не удивительно, что значительная часть «нигилистов» происходила из мелкопоместных дворян.

На другом полюсе сосредотачивалось крупнейшее дворянство — так называемые латифундисты или лендлорды. 102 семьи, принадлежавшие по большей части к старинным родам, в 1905 г. владели 30% всей дворянской земли. Разница в положении этих семей и остального дворянства была столь велика, что на страницах дворянской прессы слово «лендлорд» приобрело бранное значение; «лендлордов» изображали как непримиримых противников среднепоместного дворянства и вообще дворянского дела⁸⁷.

1895			1905	
Общая площадь владений (тыс. дес.)	Средний размер владения (дес.)	Число владений (тыс.)	Общая площадь владений (тыс. дес.)	Средний размер владения (дес.)
1851 3,2	28	59,7 58,9	1601 3,4	30
7208 13,4	247	25,6 25,3	6397 13,3	250
6650 12,4	694	8,0 7,9	5634 11,8	703
16435 30,5	1972	6,9 6,8	13600 28,3	1976
21799 40,5	17594	1,1 1,1	20699 43,2	18301
53944 100	470	101,3 100	47902 100	473

Что касается средних поместий (от 100 до 1000 десятин), то их численность в 1877–1905 гг. уменьшилась почти на четверть, с 44 тыс. до 34 тыс. «Вымирающее» среднее дворянство было источником постоянных жалоб, с которыми обращались к правительству предводители дворянства. В 1896 г. 27 губернских предводителей дворянства, прибывшие на коронацию Николая II, подали царю «Записку», в которой вновь жаловались на всеобщее оскудение поместного дворянства, писали «о переходе из затруднительного положения в нестерпимое» и о появлении «на близком уже расстоянии разорения среднего и крупного землевладения»⁸⁸. В ответ правительство снизило процентную ставку для должников Дворянского банка до 4% в 1894 г. и до 3,5% в 1897 г. Было учреждено Особое совещание по делам дворянства, но его работа не привела к существенным результатам⁸⁹.

Иногда высказывается мнение, что главной причиной разорения дворянства был его экономический консерватизм — нежелание тратить деньги на улучшение хозяйства. Как показывают материалы исследований, помещичьи хозяйства не обладали существенными преимуществами перед крестьянскими хозяйствами в части внедрения усовершенствованных орудий труда⁹⁰. Авторы сборника «Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев» (1903) описывали положение следующим образом: «Немаловажным препятствием к распространению орудий специально во владельческих имениях является принятая во многих местах система ведения хозяйства за отработки или исполу, причем владельческие земли обрабатываются крестьянским

инвентарем. При таком способе ведения хозяйства нет расчета затрачивать средства на улучшение инвентаря, покупку плугов, сеялок и других орудий. Кроме того, во владельческих хозяйствах отсутствие некоторых машин и орудий объясняется дешевизной рабочих рук. Вследствие этой дешевизны хозяевам нет надобности стремиться к увеличению производительности труда и обзаводиться машинами»⁹¹.

Дешевизна рабочих рук и огромные размеры арендной платы были следствиями аграрного перенаселения. По официальным подсчетам, прибыль на десятину земли при «экономической» обработке полей батраками и сдаче их в аренду была практически одинакова, но при этом сдача в аренду не требовала капитала и освобождала хозяина от всех хлопот. По этой причине в начале XX в. у крупных помещиков лишь 43% пашни входило в состав экономии, остальная пашня сдавалась в аренду. Но и в экономиях 44% пашни обрабатывалось в счет отработок инвентарем крестьян⁹².

Бывали и случаи, когда, казалось бы, хорошо устроенная экономия приносила одни убытки. Так было, например, с Баландинской вотчиной графа С. Д. Шереметева, которая имела 38 тыс. десятин земли при многопольной системе, собственные мельницы, винокурни и т. д. Соседний помещик Ф. П. Бартенев, слышавший хорошим хозяином, объяснил графу, что выгоднее «перейти на арендную систему, то есть начать тем, чем кончили все крупные землевладельцы Запада, особенно английские лорды»⁹³. «Аграрное перенаселение вызывало... разложение крупного хозяйства и окончательное превращение прежнего дворянина-хозяина в эксплуататора крестьянской нужды», — писал Б. Бруцкус⁹⁴.

В условиях аграрного перенаселения главным фактором, влияющим на прибыль помещичьих хозяйств было не внедрение передовой агротехники, а дешевизна рабочей силы. Поденная плата батраков в южном степном районе была в полтора раза больше, чем на Черноземье, и это было главной причиной того, что и себестоимость пуда ржи была в полтора раза больше⁹⁵. Это делало производство ржи на юге нерентабельным (там производили в основном пшеницу), и юг не мог конкурировать с «отсталыми» помещиками Черноземья, несмотря на благоприятные природные условия и попытки внедрения усовершенствованной агротехники.

То же самое аграрное перенаселение делало помещичьи хозяйства Черноземья весьма прибыльными; отношение арендной платы к цене земли в начале XX в. составляло в этом регионе 10,3%, то есть землевладелец получал с капитала (с учетом трехполья) 6,7% прибыли — значительно больше, чем в среднем по Европейской России. Для сравнения отметим, что средний дивиденд в промышленности составлял в 1901–1905 гг. 5,9%, то есть владеть землей на Черноземье было выгоднее, чем вкладывать деньги в промышленные предприятия⁹⁶.

Таким образом, русских помещиков трудно упрекать в отсутствии деловой хватки — экстенсивный характер помещичьих экономий определялся условиями аграрного перенаселения.

Несмотря на постепенное «оскудение», дворянство сохраняло огромное влияние на решение государственных дел — главным образом потому, что высшее чиновничество империи состояло преимущественно из дворян. Чиновничество формально считалось особой сословной группой,

и эта сословная группа была почти столь же многочисленна, как потомственное дворянство. В пределах Европейской России ее численность вместе с семьями составляла в 1858 г. 277 тыс. человек, в 1870 г. — 317 тыс., в 1897 г. — 487 тыс. Чиновники низших классов (XIV–IX) составляли около половины всего чиновничества; они жили, в общем, небогато, получая вознаграждение лишь в два-три раза превосходившее зарплату квалифицированного рабочего. Тем не менее по сравнению с серединой столетия материальное положение низших и средних чиновников улучшилось. В 1900 г. жалование чиновника IX класса составляло 750–900 рублей в год, то есть было примерно втрое больше, чем в 1850-х гг. Для сравнения, чистый доход среднего крестьянского хозяйства в Калужской губернии в 1896 г. равнялся 238 рублям⁹⁷.

Чиновники, начиная с четвертого класса, по своему статусу получали потомственное дворянство — и именно они в основном определяли политику правительства. Однако доля настоящих дворян-помещиков в высшей бюрократии постепенно падала, в 1858 г. родовыми поместьями владели 34% чиновников I–IV классов, а в 1902 г. — только 16%. Государственный совет в 1858 г. почти полностью состоял из помещиков, причем 69% его членов были не просто помещиками, а латифундистами, владельцами более чем тысячи крестьянских душ или 5 тыс. десятин. К 1902 г. доля помещиков в Совете уменьшилась до 57%, а доля латифундистов — до 22%. Влияние дворянства постепенно уменьшалось, но на самом высшем уровне, уровне правительства, оно все же оставалось преобладающим: 90% членов правительств 1901–1917 гг. по происхождению были дворянами⁹⁸.

Помимо государственных чиновников, существовали и земские чиновники, работавшие в системе местного самоуправления. В 1880 г. из земских бюджетов оплачивалось около 140 тыс. чиновников, примерно столько же, сколько из государственной казны. Земское чиновничество зависело уже не от правительства, а от земских собраний, в которых преобладала либеральная дворянская оппозиция. Естественно, в этой среде были распространены оппозиционные настроения. Существенно, что среди земских чиновников было много специалистов, агрономов, врачей, учителей, то есть интеллигенции. Другой слой интеллигенции составляли служащие негосударственных предприятий и «лица свободных профессий». Интеллигенция получала в университетах западное образование и воспитывалась в пропитанной оппозиционными настроениями студенческой среде; естественно, что она сохраняла эти настроения и в дальнейшем. Перепись 1897 г. зарегистрировала 105 тыс. лиц с высшим образованием, из них 68% составляли дворяне. В России насчитывалось 17 тыс. врачей, 10 тыс. учителей средних школ, 3 тыс. адвокатов. Лиц со средним образованием насчитывалось около 1 млн, из них 30% — дворяне и чиновники⁹⁹. Таким образом, *русская интеллигенция была наполовину дворянской*, но, как отмечалось выше, она происходила в основном из обедневшего дворянства, вынужденного зарабатывать на хлеб службой или «свободными профессиями». Западное образование делало интеллигенцию оплотом либеральных идей, и недовольство своим положением находило выход в радикальном, «левом», либерализме.

В отличие от чиновничества, офицерский корпус армии всегда считался цитаделью поместного дворянства. В 1895 г. потомственные дворяне составляли половину (50,8%) офицерского корпуса; в пехоте, где служба была менее престижной, их было 40%; 27% пехотных офицеров составляли личные дворяне. Чрезвычайно важно, однако, что среди офицеров-дворян было очень мало настоящих помещиков, даже среди генерал-лейтенантов подавляющее большинство (81%) не имели никакой земельной собственности¹⁰⁰. Таким образом, позиции дворянства в армии и высших сферах чиновничества постепенно слабели, что способствовало большей независимости государства от элиты.

7.5. Политика по отношению к крестьянству

В соответствии с неомальтузианской теорией, в период Сжатия обедневшее население оказывается не в состоянии платить налоги, и государство вынуждено уменьшать свои предъявляемые народу требования.

В августе 1880 г. была организована серия сенаторских ревизий с целью выяснения положения в провинции. Сенатор С. А. Мордвинов, ревизовавший Тамбовскую и Воронежскую губернии, отмечал: «Неудовлетворительным и даже печальным является положение крестьян в том отношении, что оно постоянно и неуклонно падает... Признаки уменьшения крестьянского благосостояния, к прискорбию, весьма явные: истощение плодородности их земель... уменьшение количества рабочего скота и упадок большинства строений. Бедность и затем совершенное обнищание поражает неуклонно известную часть населения, тогда как вместе с тем меньшинство зажиточных крестьян... в некоторых местах богатеет»¹⁰¹.

Под влиянием отчетов о ревизиях М. Т. Лорис-Меликов пришел к выводу о необходимости снижения выкупных платежей. После убийства Александра II намеченная реформа стала тем более необходимой¹⁰². При обсуждении проекта реформы в апреле 1881 г. великий князь Константин Николаевич официально признал, что «выкупные платежи оказались в некоторых нечерноземных местностях... несоразмерными с доходностью выкупленных крестьянских наделов». «Несоразмерность же... обнаружилась в истекшие после 19 февраля 1861 года 20 лет с несомненной ясностью, произведя расстройство в быте крестьян и накопление на них... недоимок, совершенно безнадежных ко взысканию»¹⁰³.

Однако из-за сопротивления консервативных кругов потребовалось новое обследование, проведенное Министерством внутренних дел путем опроса уездных земств. Документы нового обследования также указывали на истощение почвы, недостаток наделной площади, не соответствующей приросту населения, на нехватку лугов и выгонов, а следовательно, кормов для скота и навоза для удобрения полей. В документах утверждалось, что земледелие не может обеспечить потребности крестьян, а сторонние заработки, особенно после проведения железных дорог, оказываются недостаточны¹⁰⁴.

Повторное обследование достаточно ясно раскрыло положение в деревне и решило исход прений. По закону, принятому 28 декабря 1881 г., выкупные платежи были уменьшены на один рубль с каждого надела, по-

лагавшегося на ревизскую душу. В Центральном районе средняя плата с десятины уменьшилась с 1 рубля 79 копеек до 1 рубля 27 копеек (на 30%). В Черноземном районе плата с десятины уменьшилась с 2 рублей 29 копеек до 1 рубля 80 копеек или, в переводе на хлеб, с 4,2 до 3,3 пуда с десятины и примерно столько же с человека (на Черноземье душевой надел составлял около одной десятины). Одновременно более чем наполовину были сложены недоимки, и все крестьяне, еще остававшиеся «временнообязанными», были переведены на выкуп с понижением платежа на 20%¹⁰⁵.

После снижения выкупных платежей на очередь встал вопрос об отмене Александром II подушной подати; она была отменена в 1886 г. На Черноземье подушная подать в переводе на хлеб составляла 2,5–3 пуда на душу, и вместе с уменьшением выкупных платежей *общее сокращение налогов бывших помещичьих крестьян составило 42–47%*. Стремясь компенсировать потери бюджета, правительство перевело государственных крестьян на выкуп. Выкупная операция была рассчитана на 44 года, в течение которых крестьяне должны были платить за ссуду в среднем 82 копейки с десятины вместо прежних 56 копеек оброчной подати. Однако и при этом повышении платежа государственных крестьян в расчете на десятину были в 1,6 раза меньше, чем платежи бывших помещичьих крестьян¹⁰⁶.

Под давлением Сжатиya правительство стремилось переложить часть тягот с плеч переобремененного крестьянства на другие сословия. Для компенсации потерь от отмены подушной подати был увеличен поземельный налог (который собирался и с дворян), увеличен имущественный налог с горожан, введены налоги на прибыль акционерных компаний и банковских вкладчиков¹⁰⁷. Однако, по сравнению с другими странами, участие зажиточных слоев населения в налоговых тяготах было незначительным. Поземельный налог давал в России лишь 1,5% доходов бюджета, в то время как во Франции — 9,1%. Налог на городскую недвижимость в России давал 0,77% доходов, а налог на денежный капитал — 1,4%. В других странах эти подати входили в состав подоходного налога, который давал в Пруссии 16,4%, а в Англии — 18% доходов¹⁰⁸. Высшие классы российского общества по-прежнему пользовались привилегиями, унаследованными от эпохи крепостного права и несовместимыми с понятием о цивилизованном обществе. Нежелание высших классов нести налоговые тяготы было одним из факторов, обуславливавших финансовую слабость России.

Чтобы до какой-то степени ослабить земельную нужду, правительство решило организовать покупку дворянских земель крестьянами через специально созданный Крестьянский банк. Условия этой покупки были тяжелее условий выкупа земель по реформе 1861 г.: крестьяне вносили 25% наличными, а за оставшуюся сумму уплачивали банку 6,5% в течение 55 лет. В принципе, купив землю на таких условиях, крестьяне еще долго платили за нее деньги, немногим уступавшие арендной плате, и эту землю можно лишь условно считать крестьянской. Как бы то ни было, за 1877–1900 гг. крестьяне приобрели десятую часть частных земель Черноземья. К 1900 г. частные земли крестьян увеличились с 3 до 7% всех удобных земель, и вместе с наделными землями крестьяне владели 67% удобных земель. Купцы и мещане, которые тоже скупали

земли разорявшихся дворян, увеличили свою долю с 4 до 9%, а доля дворянского землевладения уменьшилась с 32 до 24%¹⁰⁹.

Понятно, что на условиях, предоставляемых Крестьянским банком, землю могли покупать только зажиточные крестьяне или общины (иногда крестьяне создавали паевые товарищества). Из тех земель, которые были куплены в личную собственность две трети составляли имения свыше 50 десятин, и их покупателей уже нельзя назвать крестьянами¹¹⁰ — фактически это были новые помещики, вышедшие из крестьянской среды. Покупка земель открывала путь к формированию нового слоя землевладельцев, но она не решала проблемы малоземелья крестьянской бедноты.

В соответствии с неомальтузианской теорией для периода Сжатия характерны реформы, направленные на облегчение положения народа. Мы упоминали выше о значительном снижении налогов в 1880-х гг. Другим проявлением этой тенденции была политика попечительства по отношению к крестьянству. Эта политика была проявлением происходившего после убийства Александра II возвращения к традиционализму. Как отмечал позднее министр внутренних дел В. К. Плеве, политика попечительства началась во времена графа П. Д. Киселева, и нашла свое яркое проявление в реформе 1861 г.¹¹¹, но элементы этой политики можно обнаружить еще во времена Петра I и Павла I: в общем смысле она была частью теории «регулярного государства». В 1880-х гг. главным проводником политики попечительства был первый советник царя К. П. Победоносцев; идеи попечительства разделялись многими политиками и общественными деятелями того времени, в том числе и либералами. В 80-е гг. появилась целая литература либерально-народнического характера, которая доказывала преимущества общинного землевладения¹¹².

Основным принципом политики попечительства было сохранение общины как гарантии от появления нищего, голодного и склонного к бунту пролетариата. «Одна общинная связь может охранить крестьянское население от обезземеливания», — писал К. П. Победоносцев¹¹³. Один из идеологов реформы 1861 г., К. Д. Кавелин, называл общину «страховым учреждением от безземельности и бездомности»¹¹⁴. Эта мысль многократно повторялась в правительственных документах. «При сравнительно низком уровне крестьянского хозяйства, — говорится в проекте Редакционной комиссии о пересмотре законоположений о крестьянах (1903), — опека общины, оберегая слабых и подгоняя нерадивых, должна быть признана благотворительной»¹¹⁵. Политика сохранения уравнительного общинного землевладения предполагала, в частности, «защиту слабых элементов» из крестьянства от «натиска на них людей, одаренных большой энергией, а иногда и большой неразборчивостью в достижении цели»¹¹⁶. Речь шла о защите бедняков от «кулаков» и «мироедов», о борьбе со скрытыми формами мобилизации земли в общине и с расслоением крестьянства, то есть о борьбе с проникновением в общину буржуазных отношений¹¹⁷.

В ряду законов и указов, реализовавших основной принцип политики попечительства, следует назвать указ 1883 г., запрещавший продажу крестьянских изб и построек, закон 1886 г. об ограничении семейных разделов, указ 1887 г., запрещавший сдачу надельной земли в аренду без согласия общины. В целях укрепления общины были приняты законы 1893 г.

о запрещении продажи досрочно выкупленных наделов за пределы общины, об ограничении их залога и о контроле общины за арендой наделов¹¹⁸.

Важным принципом политики попечительства была опора на общину как основу политической стабильности. Как отмечалось ранее, в период кризиса конца 1870-х — начала 1880-х гг. крестьянство продемонстрировало свою полную лояльность правительству. «Наличность многочисленного самостоятельного крестьянства, сидящего на собственной земле, — писал в 1887 г. проправительственный журнал „Русский вестник“, — важна не столько в видах имущественного обеспечения рабочего класса, сколько для того, чтобы это крестьянство служило оплотом общественного порядка»¹¹⁹. С. Ю. Витте в 1893 г. называл крестьянскую общину «главной опорой порядка»; в подтверждение своих мыслей он цитировал Бисмарка, который говорил, что «вся сила России — в общинном землевладении»¹²⁰. В упомянутом выше проекте Редакционной комиссии говорится, что «крестьяне более, чем представители какой-либо другой части населения, всегда стояли и стоят на стороне созидających и положительных основ обществственности и государственности и... являются оплотом исторической преемственности в народной жизни против всяких разлагающих сил...»¹²¹ Это стремление опереться на крестьянство проявлялось, в частности, в том, что военное начальство посылало в команды для подготовки унтер-офицеров почти исключительно крестьян; городские жители считались неблагонадежными¹²².

Система попечительства во времена графа П. Д. Киселева включала такой элемент, как надзор за крестьянами со стороны деревенских и волостных старост, которые обходили крестьянские дворы и следили за «исправностью» хозяйств, не допускали раздела больших семей, продажи лошадей, делали внушения «лентяям» и «пьяницам». В помещичьих имениях эти функции выполняли управляющие, на которых была возложена обязанность не допустить разорения крестьянских хозяйств. После освобождения система надзора со стороны старост и управляющих исчезла, и правительство видело в этом одну из главных причин участвовавших семейных разделов, продажи лошадей, распространения пьянства и раздоров в крестьянских общинах. В 1889 г. была предпринята попытка возродить эту систему надзора; была введена должность «земского начальника», который при поддержке волостных старейшин должен был «способствовать развитию благосостояния в среде сельских жителей». Земские начальники назначались губернаторами из числа местных дворян и имели как административные, так и судебные функции на уровне низшей инстанции. (Эта деталь реформы вызвала возражения Победоносцева, утверждавшего, что дворянство само нуждается в «обуздании»¹²³.) Самоуправление общины было нарушено, мирские суды упразднены, судьи, как и другие должностные лица волости, отныне назначались земским начальником из предложенных обществом кандидатов. Любое постановление крестьянского схода теперь утверждалось земским начальником, который получил право подвергать аресту общинных должностных лиц и налагать на них штрафы¹²⁴.

Влияние земских начальников на общину проявилось, в частности, в том, что переделы стали производиться во многих местностях, где пре-

жде их не было. Однако в целом институт земских начальников не оправдал возлагавшихся на него надежд; семейные разделы и разложение крестьянской общины остановить не удалось. Будучи представителями дворянства, земские начальники, естественно, решали в пользу своего сословия вопросы, связанные с арендой и наймом; таким образом, дворянство извлекло некоторые выгоды из восстановления своей власти в деревне. С другой стороны, это восстановление было лишь частичным, и по прошествии некоторого времени земские начальники превратились в обыкновенных полицейских чиновников невысокого ранга. Когда в начале XX в. правительство провело выборочное обследование их деятельности, то оказалось, что главный порок земских начальников — это не произвол, а «леность и безразличие»¹²⁵.

«Императору Александру III ставится в укор... введение земских начальников, — писал С. Ю. Витте, — вообще введение принципа какого-то патриархального покровительства над крестьянами... Это была ошибка императора Александра III, но тем не менее, я не могу не засвидетельствовать, что это была ошибка не только добросовестная, но ошибка в высокой степени душевная. Александр III относился глубоко сердечно ко всем нуждам русского крестьянства в частности и русских слабых людей вообще. Это был тип действительно самодержавного монарха, самодержавного русского царя, а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе-печальнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах; он связан с идеей христианства, идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих...»¹²⁶

Еще одним направлением политики попечительства было создание церковно-приходских школ, предназначенных как для обучения грамоте, так и для нравственного воспитания народа в православном и верноподданническом духе. Победоносцев неоднократно заявлял, что он считал дело распространения школ самым важным, «так как оно делалось для народа». Народный учитель в его представлении должен был быть главным проводником в народные массы исконно русских национальных традиций и идеалов православной любви к ближнему¹²⁷. В 1880 г. в России насчитывалось только 273 церковно-приходские школы с 13 тыс. учащихся, а в 1902 г. их число достигло 31 855; школы посещало 1 783 000 учащихся¹²⁸. В деле начальной грамотности был достигнут огромный прогресс, но, как отмечал Витте, развитие образования должно было усилить стремление народа к справедливости и способствовать росту влияния социалистов¹²⁹.

Победоносцев был искренним в своей любви к народу. «Мы живем в ином мире сравнительно с тем, что было лет 40–50 назад, — писал он Николаю II в 1898 г. — Массы народные издавна коснели в бедности, нищете, невежестве и терпели от насилия сверху. Но они терпели, жили и умирали бессознательно... В последнее время эта бессознательность миновала, умножились средства сообщения, и вопиющая разница между нищетой одних и богатством и роскошью других стала еще разительнее... Образовались во множестве несметные капиталы, скопленные в одних руках... Все это легло на массу страшную тягостью, в иных местах невыносимою. Душа народная стала возмущаться. Стали подниматься всюду вопро-

сы: для чего мы страдаем? А другие обогащаются нашим трудом, кровью и потом? И к чему служат власти, которые в течение тысячелетий ничего не могли устроить для нашего облегчения? И к чему это правительство, которое только гнетет нас своими податями, правителями, судами?»¹³⁰

Забота о народном благе сочеталась у Победоносцев с нескрываемой неприязнью к его угнетателям — прежде всего, к дворянству. Князь Мещерский считал, что «Победоносцев испытывает отвращение ко всему, связанному с дворянством»¹³¹. Известный исследователь Ю. Б. Соловьев характеризует Победоносцева не только как эстета, но и как политика, видевшего угрозу самодержавию не со стороны народа, а со стороны дворянства¹³².

7.6. Структурный кризис 1892 года

Хотя государственные деятели 1880-х гг. по мере возможности старались облегчить положение крестьянства, их главной целью было проведение политики индустриализации и усиление армии. Ускорения промышленного роста планировалось достичь путем привлечения иностранных капиталов. Во второй половине 80-х гг. на Западе стал ощущаться избыток капиталов и ставка, по которой предоставлялись кредиты, составляла 2,5–3,5%, в то время как в Петербурге — 5–5,5%¹³³. Это означало, что предпринимательство в России давало в полтора-два раза более высокие прибыли, чем на Западе, и существовали благоприятные условия для привлечения капиталов. Однако имелось существенное препятствие, заключавшееся в неустойчивости курса русского кредитного рубля по отношению к золотой валюте: предприниматель, вложивший валюту, мог понести убытки в случае понижения курса. Таким образом, главным условием привлечения капиталов была стабилизация курса путем введения золотого рубля. Для этого нужно было увеличить приток в Россию золота — то есть увеличить экспорт. В принципе меры к увеличению экспорта принимались и ранее, и позиция правительства в этом вопросе совпадала с настоятельными пожеланиями дворянства. В 1884–1885 гг. тогдашний министр финансов Н. Х. Бунге совершил инспекционную поездку, осмотрел все порты Европейской России и наметил программу мер по расширению хлебной торговли. С 1885 г. стали выдаваться ссуды под зерно. В 1889 г. Вышнеградский произвел радикальное снижение железнодорожных тарифов и установил экспортные премии¹³⁴. Эти меры привели к тому, что вывоз в расчете на душу населения увеличился в полтора раза, с 3,9 пуда в 1884/85–1886/87 гг. до 5,8 пуда в 1887/88–1889/90 гг. В результате притока валюты курс рубля поднялся с 65 до 80 копеек, и правительство, печатая бумажные рубли, скупало на них золото для создания необходимого запаса и скорейшего введения золотого стандарта¹³⁵. При этом оно сознательно шло на временное снижение потребления хлеба внутри страны.

Урожай в России сильно колебался, и вывоз хлеба большого урожая мог продолжаться не один год, после вывоза в текущем году в стране могли остаться значительные запасы, тогда на следующий год независимо от урожая вывоз увеличивался и остаток хлеба в стране уменьшался.

В 1889 г. был неурожай, цены поднялись, но благодаря снижению транспортных расходов вывоз оставался выгодным, и это привело к тому, что, как следует из официальных данных, остаток на потребление упал до небывало низкого уровня. Голод не начался лишь потому, что предыдущие годы были урожайными, и в хозяйствах оставались кое-какие запасы. В следующем году урожай был посредственным, ниже среднего, а экспорт оставался высоким; остаток снова оказался ниже обычного уровня, и страна снова жила за счет запасов. «Внешнеторговую политику Вышнеградского не зря называли „голодным экспортом“... — отмечает В. Л. Степанов. — В ряде регионов вообще не оставалось сколько-нибудь значительных запасов хлеба, что в случае неурожая было чревато массовым голодом»¹³⁶. Об истощении запасов говорилось и в сообщениях из губерний: «Хотя в 1890 г. был более-менее недурной урожай, — доносил воронежский уездный исправник, — но однако же сохранение продуктов оказалось недостаточным для того, чтобы за покрытием всех предшествующих нужд, образовать необходимые запасы... Общий неурожай в текущем году... при полном отсутствии кормовых и продовольственных средств поставил большинство крестьянских хозяйств в безвыходное положение»¹³⁷.

Когда весной 1891 г. с мест стали поступать сообщения о грядущем недороде, директор департамента неокладных сборов А. С. Ермолов вручил Вышнеградскому записку, в которой писал о «страшном признаке голода». «И. А. Вышнеградский остался моими зловещими предсказаниями очень недоволен, — свидетельствует А. С. Ермолов, — взял у меня записку и при мне запер ее в ящик своего письменного стола, сказав: „Из этого ящика ваша записка не выйдет, и ни один человек не должен о ней знать: вы мне все биржевые курсы испортите“»¹³⁸. В итоге вывоз зерна продолжался в течение всех летних месяцев. «Сами не будем есть, а будем вывозить!» — заявлял Вышнеградский¹³⁹.

Запасы были истощены экспортом предыдущих лет, и уже осенью 1891 г. разразился катастрофический голод. «Факты, доставляемые печатью, доказывают, что голод свирепствует во всех тех 19 губерниях, которые официально признаны пострадавшими от неурожая, — писал известный экономист, профессор А. А. Исаев. — Органы администрации и земства... каждый день сообщают нам об ужасающих признаках голода: нет ржаного хлеба, нет других съестных припасов, люди питаются разными травами, корнями камыша и даже на лебеду смотрят, как на лакомство. Народ пухнет от этой пищи; во многих местах распространяется тиф. Бедствие еще более обостряется полным неурожаем трав и невозможностью прокормить до весны хотя бы часть скота... В Саратовской губернии все дороги покрыты трупами лошадей, то же сообщают и из Рязанской губернии... Словом, перед нами картина голода со всеми его ужасами, картина полного разорения крестьянского хозяйства и притом на много лет. И такую картину мы видим уже в конце октября, задолго до нового урожая!»¹⁴⁰

Как это обычно бывает, голод сопровождался губительными эпидемиями. Эпидемия холеры 1892 г. унесла по официальным данным, 162 тыс., причем прослеживается высокая корреляция (0,87) между смертями

от голода и эпидемии. Поскольку рост смертности в результате нехватки продовольствия начался еще в 1889 г., и продолжался в 1893 г., то нужно учитывать демографические потери за весь период 1889–1893 гг. Если мы подсчитаем превышение смертности за пять лет над средним уровнем соседних лет, то получим излишек смертей в 1,3 млн.¹⁴¹

Правительство потратило на борьбу с голодом 160 млн рублей (7,2% от расходов бюджета за 1891 и 1892 гг.). «Характерно, — отмечает А. С. Ермаков, — что в это самое время, когда разные (голодающие — С. Н.) губернии закупали хлеб в других часто отдаленных районах, эти самые губернии продавали свой собственный хлеб в соседние и более дальние губернии (и за границу — С. Н.)»¹⁴². В некоторых местах вспыхнули голодные бунты; в районе Динабургско-Витебской железной дороги местное население нападало на идущие к границе составы с рожью¹⁴³. Это побудило И. А. Вышнеградского к решительным этактистским мерам, он ввел запрет на вывоз хлеба и выступил с предложением о введении подоходного налога для обложения лиц, располагавших «сравнительно большим достатком». Однако это предложение было отвергнуто правительством, а запрещение на вывоз хлеба продержалось лишь 10 месяцев и было отменено под давлением дворянства и коммерческих кругов. С министром финансов случился удар, и вскоре его вынудили уйти в отставку¹⁴⁴.

Широкие масштабы предоставления помощи отчасти нейтрализовали неблагоприятные политические последствия голода. Источники не отмечают массового подъема крестьянских волнений; крестьяне не проявляли политической активности, они были по-прежнему покорны властям: процесс психологической эмансипации еще не успел получить значительного развития. Однако это был последний случай, когда голод не вызвал крестьянских выступлений. Уже через десять лет положение резко изменилось¹⁴⁵.

С точки зрения демографически-структурной теории кризис 1892 г. имел много общего с кризисом 1723–1725 гг. — в том смысле, что он носил не чисто демографический, а преимущественно структурный характер, был вызван увеличением давления государства на крестьянство. Правда, в 1890–1892 гг. это давление было более косвенным, оно выражалось, с одной стороны, в увеличении косвенных (а не прямых) налогов, а с другой стороны, в стимулировании хлебного экспорта. Хотя государство не само вывозило зерно, тем не менее, помогая экспортерам лишать народ хлеба, оно получало непосредственную выгоду, скупая притекавшее от экспорта золото на бумажные рубли.

7.7. Этактистская политика С. Ю. Витте

Несмотря на кризис 1892 г., государство (в соответствии с прогнозом демографически-структурной теории) продолжало проводить этактистскую политику.

После отставки И. А. Вышнеградского министром финансов был назначен С. Ю. Витте. Витте продолжительное время был близким помощником Вышнеградского и на посту министра финансов в основном следовал планам своего предшественника — но делал это более осторожно

и осмотрительно. Расширение экспорта хлеба позволило удвоить золотой запас, стабилизировать курс рубля и в 1897 г. ввести золотой номинал. Огромные пошлины на импорт подняли цены на промышленные товары: в пересчете на рожь русский потребитель платил за хлопчатобумажные ткани в 2,5 раза, а за чугун — в 4,5 раза больше, чем немецкий¹⁴⁶. Это обусловило высокие прибыли российских промышленников. Так как в России норма прибыли была выше, чем в Европе, то стабилизация денежного обращения вызвала резкий прилив иностранных капиталов. Если в 1890 г. иностранные акционерные капиталы в России составляли 214 млн рублей, то в 1900 г. — 911 млн рублей, их доля в общем акционерном капитале возросла с пятой части до половины. Прилив иностранного капитала (вместе с ростом внутренних капиталовложений) привел к бурному росту русской промышленности, общая стоимость продукции за 1890–1900 гг. увеличилась вдвое. Эти успехи, впрочем, были весьма относительными, на фоне других государств Россия продолжала оставаться отсталой аграрной страной. В последние годы XIX в. доход на душу населения составлял в России 46 долларов, в то время как во Франции — 178, в Англии — 205, в США — 259 долларов¹⁴⁷.

Рост пошлин на импорт обеспечил увеличение таможенного дохода с 138 млн рублей в 1889 г. до 184 млн рублей в 1894 г.; таможенные пошлины давали 16% приходной части бюджета — вдвое больше, чем выкупные платежи¹⁴⁸. В 1897 г. была введена предложенная в свое время Вышнеградским казенная винная монополия, которая в 1900–1903 гг. приносила в среднем в год около 300 млн рублей чистого дохода — примерно четверть доходов бюджета. Несмотря на голод 1892 г., правительство почти не снизило налоговой нагрузки (резко увеличенной Вышнеградским), душевое налогообложение в пересчете на хлеб сохранялось на уровне 11 пудов (см. рис. 6.2 и 7.2). Но при этом упор делался на косвенные налоги, на обложение акцизом предметов широкого потребления (таксировании). Г. Робинсон иронизировал, что «когда крестьянин мог позволить себе роскошный вечер, он заполнил бы лампу таксированным керосином (если он имел лампу), зажег бы его таксированной спичкой (или лучиной), завернул бы немного таксированного табака в таксированную сигаретную бумагу (или в обрывок газеты) и погрузился бы в облако дыма. Если бы после этого он захотел пить, то утолил бы жажду стаканом таксированного чая, в прикуску с кусочком таксированного сахара. Или, возможно, он пошел бы купить бутылку водки... и в результате этого акта потребления, государство получило бы хороший доход, используя одновременно свои способности мытаря и винного монополиста»¹⁴⁹. Относительный рекорд по прибыльности среди таксированных товаров давал чай: стоимость чая в России (в пересчете на рожь) была в десять раз больше, чем в Германии¹⁵⁰.

Возросшие доходы от косвенных налогов, таможенных пошлин и винной монополии позволили правительству более активно вести политику по созданию *государственного сектора экономики*. В 90-х гг. было выкуплено 15 тыс. верст частных железных дорог и была развернута невиданная по масштабам программа строительства государственных дорог — в том числе строительство Транссибирской магистрали. За 1896–1900 гг. было

построено 15 тыс. верст железных дорог и их общая протяженность достигла 56 тыс. верст; около 70% всех железных дорог принадлежало государству¹⁵¹.

Помимо железных дорог, государственный сектор включал казенные земли и леса, оружейные и горные заводы, почту и телеграф, а также Госбанк. Все эти предприятия в 1900–1903 гг. давали в среднем 570 млн валовой прибыли в год, которая шла не только на эксплуатационные расходы, но и на строительство новых предприятий, в частности около 200 млн рублей использовалось на строительство новых железных дорог¹⁵². Именно заказы железных дорог обеспечивали быстрое развитие металлургической и машиностроительной промышленности; выплавка чугуна возросла с 32,5 млн пудов в 1886 г. до 179 млн пудов в 1900 г.¹⁵³

Таким образом, государственный сектор экономики во все больших масштабах использовался для финансирования индустриализации. Более того, правительство брало на себя регулирование основных параметров экономической жизни страны. Т. Шанин отмечает, что С. Ю. Витте следовал при этом «германскому пути» экономического развития, который отличался от «классического» английского капитализма¹⁵⁴. «В России, — писал Витте Николаю II в 1895 г., — по условиям жизни нашей страны, потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличало ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину»¹⁵⁵.

Принципиальные цели этатистской политики были самоочевидны: речь шла об упрочении монархии и увеличении мощи Российской империи. Осознав допущенное в предыдущий период промышленное отставание, правительство предпринимало отчаянные шаги, чтобы хоть отчасти преодолеть отсталость. «За последнее отчетное пятилетие, — писал Витте в 1900 г., — рост обрабатывающей промышленности совершался в... шесть раз быстрее, чем в десятилетие 1878–1888 гг... По быстроте и силе этого роста Россия стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств, и не подлежит сомнению, что страна, которая оказалась в состоянии в два десятилетия более чем утроить свою горную и фабрично-заводскую промышленность, таит в себе богатый запас внутренних сил для дальнейшего развития, а такое развитие в ближайшем будущем настоятельно необходимо, ибо как ни велики уже достигнутые результаты, тем не менее... по сравнению с иностранными государствами наша промышленность еще очень отстала.

В иностранных государствах промышленность не развивается так быстро, как в России, потому что она уже достигла там уровня, гораздо более высокого, чем у нас. Так, по данным 1898 г., на 1 жителя производится чугуна: в Великобритании 13,1 пуда, в Соединенных штатах Северной Америки — 9,8 пуда, в Бельгии — 9,0 пуд., в Германии — 8,1 пуда, во Франции — 3,96 пуда, а в России — только 1,04 пуда... Несмотря на то, что недра русской земли одарены богатейшими залежами каменного угля и железной руды, добыча этих основных продуктов промышленности во много крат ниже у нас, чем в упомянутых государствах. Что касается третьей важной отрасли промышленности — хлопчатобумажной, — то и в ней мы очень отстали...»¹⁵⁶.

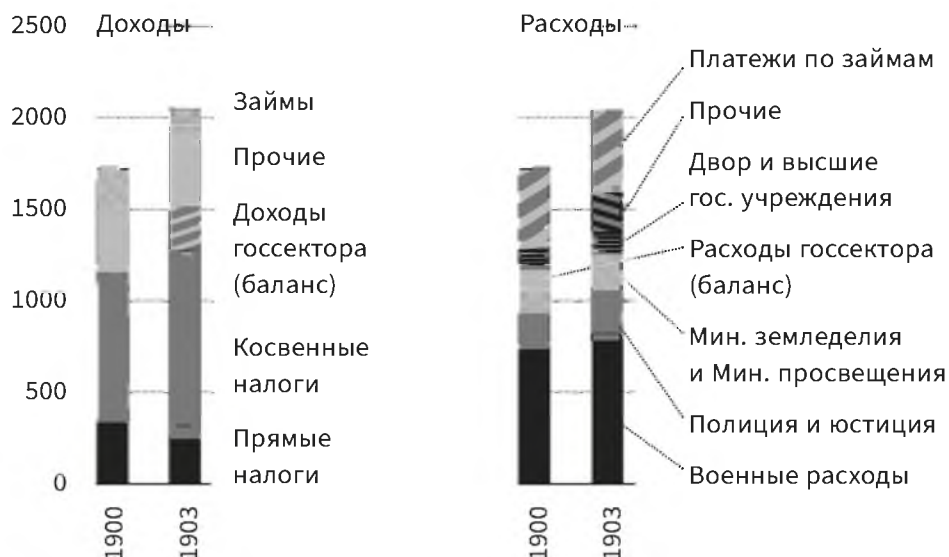

Рис. 7.1. Доходы и расходы бюджета начала XX века в пересчете на хлеб (млн пуд.)¹⁵⁷

В условиях до крайности обострившейся гонки вооружений отставание в развитии тяжелой промышленности угрожало самому существованию государства. Правительство делало все возможное, чтобы увеличить расходы на оборону. Индустриализация и финансовые реформы позволили увеличить военные ассигнования с 210 млн рублей в среднем в 80-х гг. до 490 млн рублей в 1900–1903 гг. Армия была перевооружена новыми системами оружия, скорострельными винтовками и пушками; был создан броненосный флот. Но эти успехи были относительными: по уровню вооружений русская армия по-прежнему отставала от германской или французской.

Таким образом, хотя крестьянство зачастую голодало, а дворянство было недовольно этатистской политикой, Витте был вынужден поддерживать относительно высокий уровень налогообложения. Однако рост недоимок заставил правительство признать крайнее напряжение платежных сил населения, и в начале русско-японской войны оно не сочло возможным хотя бы частично финансировать военные расходы за счет увеличения прямых налогов. С другой стороны, опасаясь недовольства элиты, власти не решались ввести подоходный налог на состоятельные слои населения¹⁵⁸. Таким образом, возможности увеличения доходов были исчерпаны, и в случае появления непредвиденных расходов финансовая система оказывалась под угрозой кризиса. Демографически-структурная теория говорит, что в период Сжатия реальные доходы государства сокращаются и оно должно испытывать финансовый кризис. В российском случае правительство искало выход из финансового кризиса на пути этатистской политики частичной национализации и государственного регулирования.

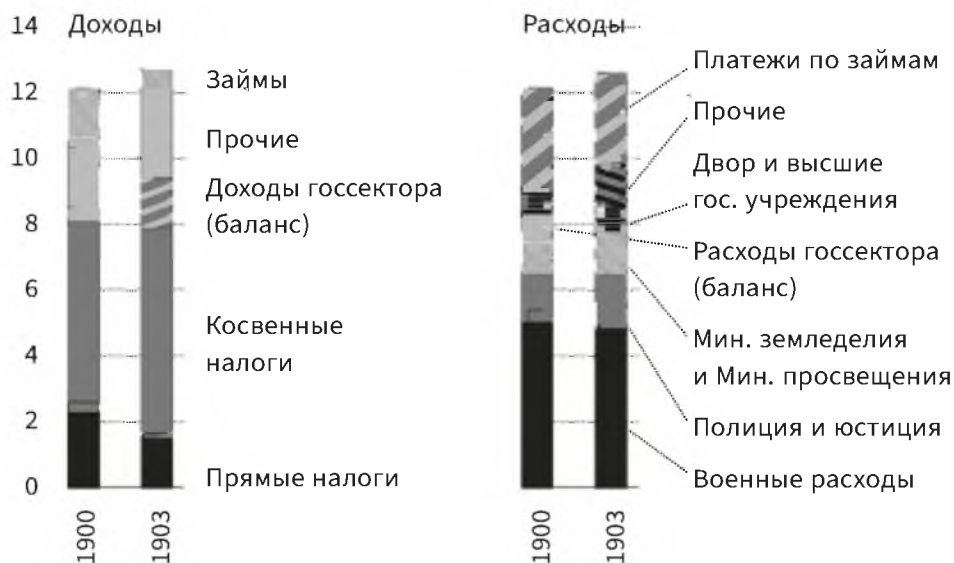

Рис. 7.2. Доходы и расходы бюджета начала XX века в пересчете на хлеб на душу населения (пуд.)¹⁵⁹

Сконцентрированная на нуждах государства *этатистская политика Витте* вскоре привела к конфликту между правительством и дворянством. В феврале 1896 г. было созвано Совецание губернских предводителей дворянства — первое столь представительное собрание с 1861 г. Участники совещания обвинили правительство в том, что оно заботится исключительно о нуждах промышленности, железных дорог и банков, в то время как благосостояние деревенской России падает. Как отмечалось выше, огромные таможенные тарифы, введенные в 1891 г., заставляли потребителей, в том числе и дворян, покупать промышленные товары по высоким ценам. В то время как консерваторы предъявляли экономические требования, либералы выступали с лозунгом ограничения самодержавия. На совещании раздавались голоса, требовавшие для дворянства права на представительство в законодательных учреждениях. Дворянская оппозиция укрепилась в земствах (где дворяне играли главную роль), и земское движение стало основой либерального движения в России¹⁶⁰.

Отвечая на раздававшуюся из дворянского лагеря критику, Витте четко сформулировал основные принципы *этатизма*. В записке, предназначенной для Николая II, Витте изображал самодержавие как самодовлеющую власть, располагающую полной свободой действовать исключительно в своих целях. Все сословия были для этой власти одинаково равны, и ни одно из них не могло претендовать на роль союзника. «Не имея противников, русская верховная власть не нуждалась и в союзниках... — так оценивал Витте роль сословий. — Все они... несли государственное тягло, которое возлагалось на них верховной властью для общей всего народа пользы»¹⁶¹.

Рассуждая в своих «Воспоминаниях» о своекорыстии дворянства, Витте писал, что «в настоящее время имеется большое число дворян, которые не отделяют своего блага от блага народного... К сожалению, такие дворяне составляют меньшинство, большинство же дворян в смысле государственном представляет кучку дегенератов, которые кроме своих личных интересов и удовлетворения своих похотей — ничего не признают...»¹⁶²

В высказываниях Витте этатизм подчас сближался с социалистическими идеями. «Чтобы ни говорили, а в душу человека вложена идея справедливости, которая не мирится с неравенством, — писал Витте Мещерскому в 1901 г., — с бедствиями одних в пользу других... В сущности, по моему убеждению, это корень всех исторических эволюций. С развитием образования народных масс... сказанное чувство справедливости, вложенное в душу человека, будет все более и более расти в своих проявлениях». Витте связывал это пробуждение ищущих справедливости народных масс с социалистическим движением. «Везде социализм делает громадные успехи... — писал Витте. — Спасение от такого положения вещей заключается только в самодержавии, сознающем свое бытие в охране интересов массы, сознающем, что оно зиждется на интересах народного блага, или же в режиме социализма...» Князь Бисмарк, продолжал Витте, «все сие отлично понимал, и он был первейший социалист, проводивший ряд мер, которые временно дали другое течение дела в Германии»¹⁶³.

Социальные идеи Витте поддерживались и другими членами правительства. Военный министр А. Н. Куропаткин писал в 1901 г., что «надо, усмиряя происходящие беспорядки, усмирять капиталистов, заводчиков, фабрикантов, которые о нуждах рабочих, как и ранее, думают мало, поглощенные заботами о наживе...»¹⁶⁴ С другой стороны, министр внутренних дел Плеве проводил идеи «народной монархии» по своему ведомству. Газеты писали о «полицейском социализме», полиция под руководством полковника С. В. Зубатова участвовала в создании рабочих обществ и касс взаимопомощи. 19 февраля 1902 г. была организована грандиозная верно-подданническая манифестация рабочих в Кремле. «Порядок в громадной, заполнившей весь Кремль толпе в 50 тысяч человек был образцовый... — вспоминал очевидец событий. — Среди моря рабочих... окруженные знаками уважения присутствовали московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов — главные инициаторы торжества. При пении гимна... рабочие проходили нога в ногу мимо великого князя и его свиты»¹⁶⁵.

Одним из крупнейших полицейских профсоюзов было «Собрание фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», возглавляемое популярным среди рабочих священником Григорием Гапоном. Формулируя задачи своей организации, Гапон писал, что стремится «свить среди фабрично-заводского люда гнезда, где бы Русью, настоящим русским духом пахло, откуда бы вылетали здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя, своей родины и на действительную помощь своим братьям-рабочим»¹⁶⁶. В конце 1904 г. в «Собрании» числилось 80 тыс. членов; на деньги полиции арендовались здания с большими залами, где проводились собрания, читались лекции, устраивались танцевальные вечера, работали спортивные секции и т. д. Гапоновское общество занималось

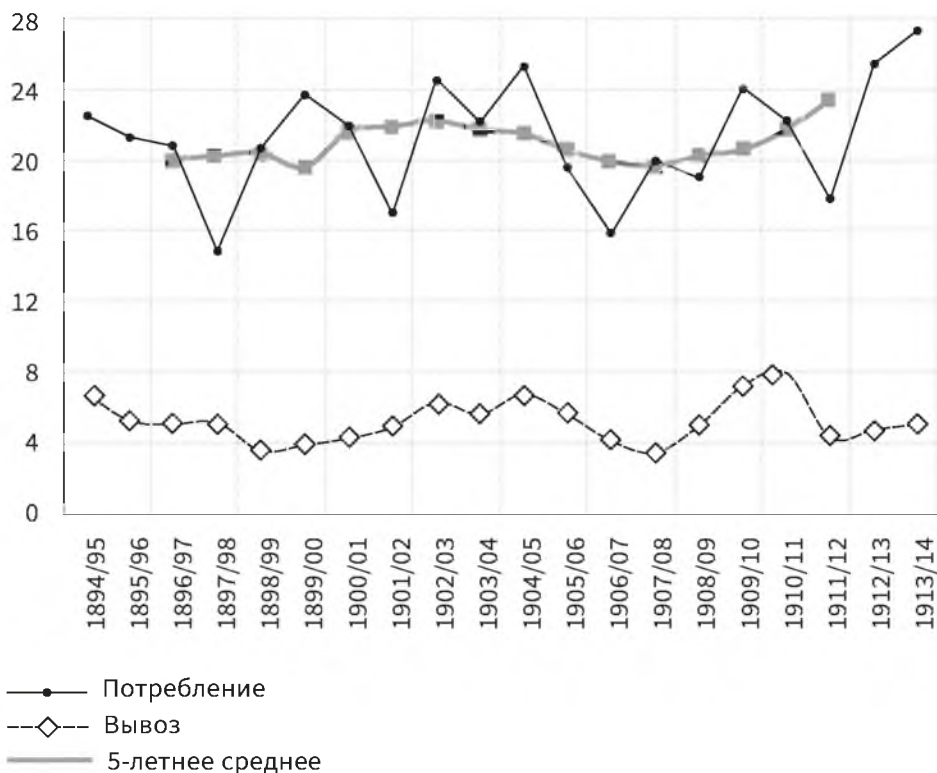

Рис. 7.3. Динамика потребления хлеба и картофеля (в пересчете на хлеб 4:1) и вывоза хлеба на душу населения по 53 губерниям Европейской России¹⁶⁷

«патриотическим воспитанием» рабочих, на собраниях исполняли «Боже царя храни», рабочие демонстрировали лояльность к властям и с недовое-рием относились к интеллигенции и студентам¹⁶⁸. В начале декабря 1904 г., незадолго до Кровавого воскресенья, на открытии одного из новых отде-лов «Собрания» Гапон фотографировался рядом с петербургским градо-начальником И. А. Фуллоном, и Фуллон говорил, что будет помогать ра-бочим во всякое время и желает, чтобы рабочие всегда одерживали верх над капиталистами¹⁶⁹.

Однако за словами «государственников» о социальной справедливо-сти не следовало соответствующих дел. Налоговые реформы Витте оста-вили в неприкосновенности податные привилегии дворянства. В 1897 г. дворяне в среднем платили с десятины своих земель 20 копеек налогов; нищее крестьянство платило с десятины 63 копейки налогов и 72 копей-ки выкупных платежей, всего 1 рубль 35 копеек — в семь раз больше, чем дворяне¹⁷⁰. Тем не менее дворянство было недовольно политикой этати-стов. Не решаясь прямо выступить против самодержавия, консервативная дворянская пресса в 1897 г. начала кампанию против бюрократии, обви-няя ее в проведении «антидворянской политики»¹⁷¹.

Конфликт между этакстистским государством и землевладельческой элитой был важной стороной российской общественной жизни, и некоторые социологи, например Т. Скочпол, считают его главной причиной русской революции¹⁷².

7.8. Положение крестьянства после кризиса 1892 года

Погрешности статистики, даже с учетом вводимых поправок, делают результирующие цифры весьма приблизительными; они отмечают лишь тенденцию к падению потребления, которая в конечном счете привела к «царь-голоду» 1892 г. Относительно достоверные урожайные данные появляются лишь после реформы системы учета в 1893 г. На рис. 7.3 представлена динамика душевого потребления зерновых и картофеля в пищу и на фураж (это чистый сбор за вычетом экспорта).

Как видно из графика, среднегодовое потребление составлявшее в конце XIX в. около 20 пудов на душу населения, в 1900–1904 гг. поднялось до 22 пудов на душу. Достаточно ли это для нормального питания?

В 1916 г., в обстановке войны, Особое совещание по продовольственному делу приступило к выработке плана нормирования продовольствия. При выработке душевой нормы потребления в пищу Совещание исходило из данных проводимых до войны бюджетных обследований. По этим обследованиям среднее потребление хлеба и картофеля в пищу составляло около 18 пудов, но Совещание сделало скидку на завышенность бюджетных данных и приняло за основу норму в 16 пудов. Душевая норма расхода на фураж была определена в 6,4 пуда, то есть суммарная норма расхода в пищу и на фураж составляла 22,4 пуда. Сравнивая эту норму с реальным потреблением, можно сделать вывод, что потребление на уровне нормы имело место в 1900–1904 гг. и непосредственно перед войной. В остальные периоды потребление не дотягивало до нормы.

Выдающийся историк-аграрий А. В. Островский, проведя детальное исследование продовольственной проблемы, пришел к выводу, что «если за счет картофеля и других овощей население Европейской России могло удовлетворять минимальные продовольственные потребности, то фуражных кормов в стране явно не хватало»¹⁷³.

«При этом необходимо учитывать, — отмечает А. В. Островский, — что разные местности были обеспечены хлебом неодинаково, наряду с губерниями, в которых хватало и продовольственного, и фуражного зерна, существовали губернии, испытывавшие дефицит и того и другого. Более того, потребление в производящих губерниях выше минимальных фуражных норм имело своим следствием усиление дефицита кормов в других губерниях. Обострению этого дефицита способствовало и то, что даже в потребляющих губерниях помещики и зажиточные крестьяне тоже расходовали на содержание своего скота больше минимальных норм. В то же время крестьянская беднота испытывала нехватку хлеба даже в хорошо обеспеченных губерниях»¹⁷⁴.

Р. А. Белоусов называет нехватку продовольствия острой, хронической болезнью социального строя России, а причинами создавшегося положения — быстрый рост населения, растущий экспорт и имущественную дифференциацию крестьянского населения¹⁷⁵.

«Сельское население России постоянно балансировало на грани недоедания, и достаточно было небольшого ухудшения, недорода, чтобы эта грань была перейдена», — отмечает Т. В. Привалова¹⁷⁶.

Известный медик профессор Л. А. Тарасевич на X Пироговском съезде в 1907 г. высказал мнение, что русский народ находится в состоянии постоянной болезни — недоедания («хроническое неполное голодание»), причем достаточно небольшого ухудшения, чтобы начались все ужасы голода¹⁷⁷.

Хроническое недоедание сказывалось на физическом состоянии населения; результаты врачебного осмотра призывников показывают постепенный рост числа забракованных по болезни. «Плохое питание, сменяющееся полным голоданием... имеет своим следствием ухудшение народного здоровья, — писал видный экономист и один из кадетских лидеров А. А. Кауфман, — мало того — прямое физическое вырождение народных масс. Это ясно видно из данных о числе забракованных при приеме на военную службу...»¹⁷⁸ В 1874–1878 гг. было забраковано 11,2% новобранцев, в 1894–1898 гг. — 17,7%, в 1910–1913 гг. — 19,4%¹⁷⁹.

Ухудшение состояния здоровья призывников признавали как военные, так и врачи, экономисты и политики: «Понижение достатка в земледельческом населении коренных русских губерний, дававших основу нашей армии, — писал военный министр А. Н. Куропаткин, — отразилось понижением физических качеств населения, уменьшением роста, замедлением физического развития, большей восприимчивостью к заболеванию. Когда земля стала плохо кормить население, увеличилось хождение на заработки, в том числе и в города. В деревнях развился сифилис, занесенный из городов и фабрик, число сифилитиков, поступающих в войска, стало увеличиваться. Увеличились также заболевания, связанные с алкоголизмом»¹⁸⁰. Известный исследователь Д. Н. Жбанков писал в 1904 г.: «Здоровье и физическое развитие призываемых непрерывно и в очень значительной степени ухудшается по всей России... Очевидно, хронические неурожай и голодовки и постоянно ухудшающееся благосостояние сельского населения сильно отражаются на здоровье народа»¹⁸¹. «С каждым годом армия русская становится всё более хворой и физически неспособной, — писал в 1909 г. один из лидеров черносотенного движения, М. О. Меншиков. — До трех миллионов рублей ежегодно казна тратит только на то, чтобы очиститься от негодных новобранцев, „опростоваты“ их. Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы. И несмотря на это, срок солдатской службы все сокращается. Хилая молодежь угрожает завалить собою военные лазареты. Плохое питание в деревне, бродячая жизнь на заработках, ранние браки, требующие усиленного труда в почти юношеском возрасте, — вот причины физического истощения... Сказать страшно, какие лишения до службы претерпевает иногда новобранец. Около 40 процентов новобранцев почти в первый раз ели мясо по поступлении на военную службу. На службе солдат ест кроме хорошего хлеба отличные мясные щи и кашу, т. е. то, о чем многие не имеют уже понятия в деревне...»¹⁸²

В большинстве губерний отмечалось уменьшение среднего роста новобранцев (см. табл. 7.2).

Табл. 7.2. Средний рост новобранцев по районам и губерниям.
+/- указывает на увеличение или уменьшение роста¹⁸³

Район /губерния	Рост новобранцев (см)		
	1875–1879	1906–1910	+/-
Север	165,4	164,5	-0,9
Архангельская	166,0	165,0	-1,0
Вологодская	165,3	164,7	-0,6
Олонецкая	165,1	163,4	-1,8
Северо-Запад	166,4	165,3	-1,0
Петербургская	166,5	165,9	-0,7
Псковская	166,5	165,4	-1,1
Новгородская	166,2	165,0	-1,2
Прибалтика	168,5	168,4	-0,1
Курляндская	168,5	167,1	-1,4
Лифляндская	168,5	168,8	+0,3
Эстляндская	168,5	169,5	+1,0
Промышленный Центр	165,8	165,0	-0,8
Московская	166,5	165,6	-0,9
Ярославская	165,5	164,6	-0,9
Владимирская	165,9	164,8	-1,1
Смоленская	165,5	165,2	-0,3
Калужская	165,6	164,6	-1,0
Тверская	166,1	164,6	-1,5
Костромская	165,2	164,3	-0,9
Нижегородская	166,1	166,2	+0,1
Северное Черноземье	165,9	164,3	-1,6
Тульская	165,7	164,3	-1,5
Рязанская	165,9	164,1	-1,7
Тамбовская	165,8	164,3	-1,5
Орловская	166,4	164,5	-1,9
Южное Черноземье	166,7	166,1	-0,6
Воронежская	166,8	166,0	-0,8
Курская	166,4	166,1	-0,3
Харьковская	166,8	165,6	-1,1
Черниговская	166,3	165,5	-0,8

Район /губерния	Рост новобранцев (см)		
	1875–1879	1906–1910	+/-
Полтавская	167,4	167,2	-0,2
Поволжье	165,9	165,1	-0,8
Пензенская	165,6	165,4	-0,2
Симбирская	166,0	165,1	-0,9
Саратовская	166,5	165,4	-1,1
Самарская	166,2	165,6	-0,6
Казанская	164,7	163,9	-0,8
Астраханская	167,5	166,2	-1,4
Урал	165,6	164,8	-0,8
Уфимская	164,8	164,6	-0,2
Оренбургская	165,6	163,9	-1,7
Вятская	165,0	164,7	-0,3
Пермская	166,7	165,6	-1,2
Степное Причерноморье	167,7	166,4	-1,3
Бессарабская	167,7	165,3	-2,4
Донская	168,6	167,1	-1,5
Екатеринославская	167,8	166,3	-1,5
Херсонская	167,2	167,3	+0,1
Таврическая	168,0	166,1	-1,9
Белоруссия	165,7	165,4	-0,3
Витебская	165,9	166,1	+0,2
Гродненская	165,8	165,4	-0,3
Минская	165,9	165,0	-0,9
Могилевская	165,5	165,3	-0,2
Литва	166,3	164,0	-2,3
Виленская	166,7	163,4	-3,2
Ковенская	166,0	164,8	-1,2
Украина	166,9	165,8	-1,1
Волынская	166,3	165,8	-0,5
Киевская	167,4	165,9	-1,5
Подольская	167,0	165,8	-1,2
в среднем по 50 губерниям	166,3	165,4	-0,9

Наибольшее уменьшение роста новобранцев отмечалось в северной части Черноземного района. Рост новобранцев здесь и раньше был ниже среднего, теперь он уменьшился еще на 1,6 см; это был регион с самыми низкорослыми рекрутами (за исключением Литвы). Это был эпицентр «области оскудения».

Существенно ухудшилась ситуация во входивших в «область оскудения» Симбирской и Саратовской губерниях Поволжья. На Урале, в Пермской губернии, положение тоже ухудшилось, но все же рост новобранцев оставался выше среднего. В Центрально-промышленном районе средний рост уменьшился на 0,8 см и был, как и ранее, меньше, чем в среднем по Европейской России. Тверская, Калужская и Костромская губернии также относились к депрессивным районам, но в Московской губернии, несмотря на уменьшение, рост оставался выше среднего.

На северо-западе средний рост уменьшился на 1,0 см. В Петербургской губернии он оставался выше среднего по Европейской России. Столичные губернии снабжались лучше других, и соответственно, рост новобранцев здесь был выше.

В Белоруссии положение осталось в основном прежним; рост рекрутов (и потребление) здесь был ниже, чем в среднем по 50 губерниям. Существенно ухудшилось положение в соседней Литве.

Таким образом, данные о росте новобранцев указывают на различную динамику потребления в различных губерниях Европейской России. Центрально-промышленный район, Северное Черноземье с примыкающими губерниями Поволжья, Белоруссия, Север, отчасти северо-запад составляли область низкого потребления. Южные губернии (за исключением Бессарабии), Украина и Прибалтика были областью относительно высокого потребления, но по сравнению с предыдущим периодом потребление в Причерноморье снижалось.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в самых депрессивных областях, в Северном Черноземье и прилегающих «производящих» губерниях, низкое потребление объяснялось не скудными урожаями, а огромным вывозом продовольствия, которой производился в основном из поместий крупных землевладельцев. Чем объяснялась такая ситуация?

Центрально-Черноземный район был районом наибольшего развития крепостничества, здесь существовали обширные барщинные латифундии. После реформы 1861 г. крестьяне получили недостаточные наделы и были обременены большими выкупными платежами. Низкорослость крестьян этого района была следствием распространения крепостничества¹⁸⁴.

При 686 млн пудов среднего ежегодного вывоза в 1909–1913 гг. помещики непосредственно поставляли на рынок 275 млн пудов. Эта, казалось бы, небольшая цифра объясняется тем, что крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн рублей арендной платы¹⁸⁵. Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) не менее 360 млн пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало примерно 635 млн пудов — эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза.

Табл. 7.3. Чистый остаток хлебов и картофеля (в пересчете на хлеб 1:4) после вычета посевного материала («производство») и остаток с учетом экспорта и импорта («потребление») на душу населения в конце XIX в.¹⁸⁶

Страна	Производство	Потребление	Импорт (+) или экспорт(-)
Франция	30,2	33,6	+3,4
Австро-Венгрия	27,4	23,8	-3,6
Германия	24,2	27,8	+3,6
Бельгия	23,7	27,2	+3,5
Англия	12,5	26,4	+13,9
Россия	24,3	19,5	-4,8

На связь экспорта с помещичьим землевладением указывали ранее многие авторы. А. А. Кауфман прямо писал, что «весь хлеб, который уходит за границу, идет из помещичьих экономий и с полей небольшой зажиточной части крестьянства»¹⁸⁷. Конечно, часть рыночного зерна поступала с полей небогатых крестьян: крестьяне были вынуждены продавать часть своего зерна, чтобы оплатить налоги и купить необходимые промтовары, но это количество (около 700 млн пудов) примерно соответствовало потреблению городского населения¹⁸⁸. Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских — на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель как бы и не принадлежала России, население страны не получало продовольствия от этих земель, они не входили в состав экологической ниши русского этноса. Помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта. Таким образом, внутри российской экономики существовала автономная экономическая система, которая использовала значительную часть российских земель, но очень мало давала русскому народу, сужая его экологическую нишу.

Необходимо подчеркнуть, что ситуация в России не была чем-то особенным; в экономической истории много примеров, когда дворянство вывозило из страны хлеб, сужая экологическую нишу своего народа и доводя его до нищеты. Наиболее известный пример такого рода — это так называемое второе издание крепостничества, когда дворянство балтийских стран под воздействием мирового рынка создавало экспортные хозяйства, фольварки, — и не только отнимало хлеб у своих крестьян, но и низводило их до положения крепостных. «Зерно повсюду, где оно служило предметом широкой экспортной торговли, работало на „феодализацию“, — писал Фернан Бродель¹⁸⁹. В этом смысле русский хлебный экспорт был остатком феодализма, он был основан на феодальном по происхождению крупном землевладении и на той власти, которую

Таблица 7.4. Уменьшение землеобеспеченности крестьян¹⁹⁰

	Бывшие крепостные		Бывшие государственные	
	1877	1905	1877	1905
Орловская	8,3	5,9	11,6	8,3
Тамбовская	6,7	5	13,8	8,4
Курская	6,1	4,8	11,9	9,3
Воронежская	6,7	5,6	15,1	11,1
В среднем по Европейской России	8,9	6,7	15,1	12,5

еще сохраняло русское дворянство. Напомним, что согласно современным воззрениям уничтожение крупного землевладения является необходимым элементом «революции модернизации» — это теоретическое положение было сформулировано одним из создателей теории модернизации С. Блэком на основе обобщения опыта социальных революций и реформ в развивающихся странах¹⁹¹.

Представление о том, какой уровень потребления нужно иметь, чтобы достичь социальной стабильности, дает сравнение России с другими государствами (табл. 7.3). Следует признать, что даже по сравнению с густонаселенными европейскими странами душевое производство хлеба в России было сравнительно невелико, примерно как в Германии и Бельгии. Но в то время как Германия, Бельгия и другие страны ввозили зерно, Россия его вывозила, и в результате уровень потребления в России был намного ниже, чем в других странах Европы.

Таким образом, уровень потребления в России далеко отставал от западных стран и был близок к минимальной норме потребления. В данном случае речь идет о потреблении хлеба — основного продукта питания. Что касается потребления мяса, то хотя данные о его динамике за весь период отсутствуют, можно утверждать, что оно было незначительным и не играло существенной роли в питании основной массы населения. По официальным данным, в 1912–1913 гг. потребление мяса на селе составляло только 0,3 пуда на душу населения¹⁹². «Если сравнивать потребление у нас и в Европе, — говорил С. Ю. Витте на заседании Совета министров 17 марта 1899 г., — то средний размер его на душу составляет в России четвертую или пятую часть того, что в других странах признается необходимым для обычного существования»¹⁹³.

Нужно учесть при этом, что при среднем потреблении, близком к минимальной норме, в силу статистического разброса потребление половины населения оказывается меньше среднего и меньше нормы. И хотя по объемам производства страна была более-менее обеспечена хлебом, политика форсирования вывоза приводила к тому, что среднее потребление балансировало на уровне голодного минимума и примерно половина

Табл. 7.5. Процентное распределение дворов в зависимости от количества лошадей по данным военно-конских переписей¹⁹⁴

Губерния	Годы	Безлошадные	1 лошадь	2 лошади	3 и более
Орловская	1888	21	25	23	31
	1900	29	28	22	21
	1912	32	27	22	19
Тамбовская	1888	22	24	20	34
	1900	29	28	20	23
	1912	34	31	18	17

населения жила в условиях постоянного недоедания. Как уже отмечалось, демографически-структурная теория особо акцентирует роль имущественной дифференциации, причем необходимо отметить, что с развитием рынка имущественная дифференциация нарастала. «Законы капитализма сильнее всего стимулировали расслоение общинного крестьянства, — отмечает Л. В. Милов. — На всей территории исторического ядра Российского государства процесс расслоения привел к созданию огромного слоя однолошадных и безлошадных крестьян, составлявших от 50 до 65% всех крестьянских дворов. Социальное напряжение, порожденное такой асимметрией расслоения, дополнялось общей проблемой нарастания парадоксального малоземелья при одновременном существовании дворянских латифундий. Эти два факта... лежали в основе грандиозного аграрного кризиса, который в конечном счете привел страну к трем русским революциям»¹⁹⁵.

Положение крестьянства характеризовалось, прежде всего, продолжающимся дроблением наделов и ростом крестьянского малоземелья. Основная причина роста бедности заключалась в увеличении численности населения и уменьшении наделов крестьян (см. табл. 7.4). При этом необходимо отметить, что к началу XX в. сохранялось деление на две большие группы крестьян: бывших помещичьих крепостных и бывших государственных крестьян. Как и прежде, в 1860–1870-е гг., эти крестьяне имели разное земельное обеспечение и разный уровень жизни. Наделы бывших крепостных в среднем были почти в два раза меньше, чем наделы бывших государственных крестьян; к началу XX в. они уменьшились до такой степени, что становилось невыгодно содержать лошадь, которая может обработать надел гораздо большей площади.

В условиях голода многие крестьяне были вынуждены продавать свой скот — в том числе рабочих лошадей. С 1888 по 1893 г. доля безлошадных дворов увеличилось в Тамбовской губернии с 22 до 31%, в Воронежской губернии — с 26 до 41%¹⁹⁶. Слой безлошадных крестьян постепенно возрастал, и к 1912 г. составлял примерно треть всех дворов (табл. 7.5). Одновременно увеличивалось количество крестьян, имевших только одну лошадь.

Это были бедняки, которые не оставили земледельческое хозяйство, но с трудом перебивались из года в год. «Однолошадные никогда не успевают вспахать свои полосы», — свидетельствуют «Итоги статистического исследования» Курской губернии¹⁹⁷. Количество средних крестьян, имевших две лошади, оставалось примерно постоянным и составляло около пятой части дворов, в то время как количество зажиточных крестьян уменьшилось с одной трети до одной пятой.

Крестьяне до последней возможности стремились сохранить лошадей, которые были символом хозяйственной независимости. В итоге образовалось многочисленное излишнее поголовье. По подсчетам А. А. Иванова, в Тамбовской губернии для обработки крестьянской пашни было достаточно 250 тыс. лошадей вместо 600 тыс., имевшихся в наличии¹⁹⁸. Между тем распашка привела к тому, что площадь кормовых угодий резко сократилась¹⁹⁹. При острой нехватке пастбищ приходилось в более зажиточных хозяйствах кормить лошадей отчасти зерном, в то время как в бедных хозяйствах хлеба не доставало и людям. Бедняки и середняки были вынуждены сокращать кормовой рацион скота, особенно в зимний период. По отзыву ветеринарной комиссии, обследовавшей состояние животноводства в Тамбовской губернии в 1913 г., в зимний период «содержание и кормление животных практикуется у крестьян такое, какое позволяет лишь не угаснуть в организме жизненным процессам»²⁰⁰.

Возвращаясь к ситуации, сложившейся после голода 1892 г., необходимо подчеркнуть, что разорившиеся безлошадные крестьяне не могли вернуть полученные во время голода продовольственные ссуды. Между тем сумма этих ссуд составляла 128 млн рублей и новая задолженность по ссудам была вдвое больше прежних недоимок по выкупным платежам. Правительство понимало, что крестьяне не в состоянии вернуть ссуды, и в 1894 г. списало половину этой задолженности²⁰¹. Однако бремя оставшихся долгов и текущих выплат по налогам и выкупным платежам было непосильным; недоимка продолжала увеличиваться. Как видно из графиков на рис. 7.4 до голода 1892 г. недоимка во многих губерниях не только не росла, но и уменьшалась. Это был результат политики И. А. Вышнеградского, ужесточившего порядок сбора налогов. Голод 1892 г. привел к скачкообразному росту крестьянской задолженности: голодавшие крестьяне, естественно, не могли платить налоги, а правительство не могло проявлять обычную жестокость при их сборе. Затем, в середине 1890-х гг., методы сбора стали более строгими: в 1894 г. за недоимки было арестовано около 10 тыс. сельских старост — почти вдвое больше, чем в 1891 г.²⁰² Тем не менее недоимка продолжала быстро расти, к концу XIX в. она увеличилась в Орловской и Тульской губернии примерно вдвое и в 2,5 раза превысила размеры среднего оклада.

Рост недоимок, очевидно, свидетельствовал о том, что крестьянские хозяйства Черноземья не могут восстановиться после кризиса и что положение быстро ухудшается. Ситуация была относительно менее кризисной в Курской губернии и наиболее тяжелой — в Тульской и Орловской губерниях. Сильный кризис наблюдался также в соседнем Поволжье, в Самарской губернии недоимка достигла 367%. В других регионах страны положение было намного более благоприятным; в Центральном регионе губернии, кроме Московской, практически не имели долгов²⁰³.

Рис. 7.4. Недоимки по казенным платежам в губерниях Черноземья (в процентах к среднему окладу за указанный период)²⁰⁴

Чрезвычайно важно, что рост недоимок свидетельствовал об отсутствии запасов в крестьянских хозяйствах — это делало их экономически неустойчивыми. Такое положение в случае неурожая было чревато голодом. «При полном отсутствии сбережений каждый неурожай вызывает голод и необходимость для спасения населения в продовольственной помощи со стороны правительства», — писал Б. Бруцкус о положении на Черноземье²⁰⁵.

Положение осложнялось в связи с вновь начавшимся ростом арендной платы. А. М. Анфимов, пересчитав денежную арендную плату в долю урожая, пришел к выводу, что «цифры кажутся почти фантастическими». «Действительно, как можно поверить, что на рубеже веков херсонский „десятинщик“ отдавал владельцу земли половину урожая, а курский и орловский мужик — даже две трети (больше, чем при испольщине). Но цифры неумолимы: действительно, отдавал. Что он при этом думал — другое дело. Эти его думы руководили им, когда он, вооружившись дубьем, в 1905 г. шел гроить усадьбу своего арендодателя, а в 1917 г. вообще прогнал его с земли»²⁰⁶.

7.9. Аграрное перенаселение как признанная реальность

В конце 90-х гг. огромный рост недоимок в Черноземном районе (и в соседних губерниях) побудил правительство обратить внимание на положение

ние крестьян в этом регионе. Проблема «оскудения Центра» была признана официально, она стала объектом рассмотрения специально созданных совещаний: «Особого совещания» под председательством А. И. Звегинцева, «Комиссии 1901 года», «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности»²⁰⁷. «Комиссию 1901 года» возглавлял заместитель С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, к работе было привлечено свыше ста экономистов и статистиков. Комиссия проделала огромную работу по сбору и обработке статистических сведений, результатом которой стал известный статистический сборник, служащий ценным источником для характеристики социально-экономического развития России²⁰⁸. С. Ю. Витте писал, что «весь этот материал представляет собою богатые данные для всех исследований и даже для всяких научных исследований»²⁰⁹. «Комиссия 1901 года» сделала «общее заключение о крайне неудовлетворительном состоянии земледельческого промысла в большинстве земледельческих районов, обнимающих весь центр, весь восток и даже часть юга и... о менее успешном развитии или даже об упадке благосостояния в этой обширной области»²¹⁰. Выводы «Комиссии 1901 года» сводились к тому, что главной причиной «упадка благосостояния» является перенаселение. Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России количество излишних рабочих составляло 23 млн, а процент излишних рабочих к наличному числу их составлял 52%. Особенно высоким этот процент был на Черноземье, где он составлял от 64 до 67%²¹¹.

Эти впечатляющие цифры были признаны многими специалистами-историками. С. М. Дубровский и П. А. Хромов, повторяя цифры «Комиссии 1901 года», писали о том, что половина трудоспособного населения деревни относилась к числу «лишних людей»²¹². А. М. Анфимов подчеркивал, что в центральных районах существовало «колоссальное аграрное перенаселение»²¹³. Некоторые специалисты, однако, признавая большие масштабы перенаселения, на основании своих подсчетов выводили процент излишней рабочей силы меньший, чем «Комиссия 1901 года». Так Л. И. Лубны-Герцык полагал, что на Черноземье не использовалось 28% рабочего времени сельского населения²¹⁴. А. В. Островский уменьшал цифру «излишнего населения» для Европейской России и черноземной полосы до 27–35%²¹⁵.

Однако П. Г. Рындзюнский подверг сомнению саму методику определения «излишнего населения», исходя из производственных возможностей крестьянского хозяйства. Действительно, теоретически одна семья могла обработать надел, достаточный для прокормления двух-трех семей, которые при таком подходе оказывались «излишними». Рындзюнский полагает, что надел, достаточный для удовлетворительного существования семьи, был равен 15 десятинам, умножает эту величину на количество дворов и получает необходимое количество земли; сопоставляя эту величину с реально имеющимся количеством, можно найти «степень удовлетворенности» крестьян землей. При таком подходе оказывается, что степень удовлетворенности землей крестьян Европейской России была равна 83% — «излишними» были только 17% дворов. В целом перенаселение было как будто невелико, однако существовали огромные порайонные различия: в то время как в Северо-Западном и Степном районах

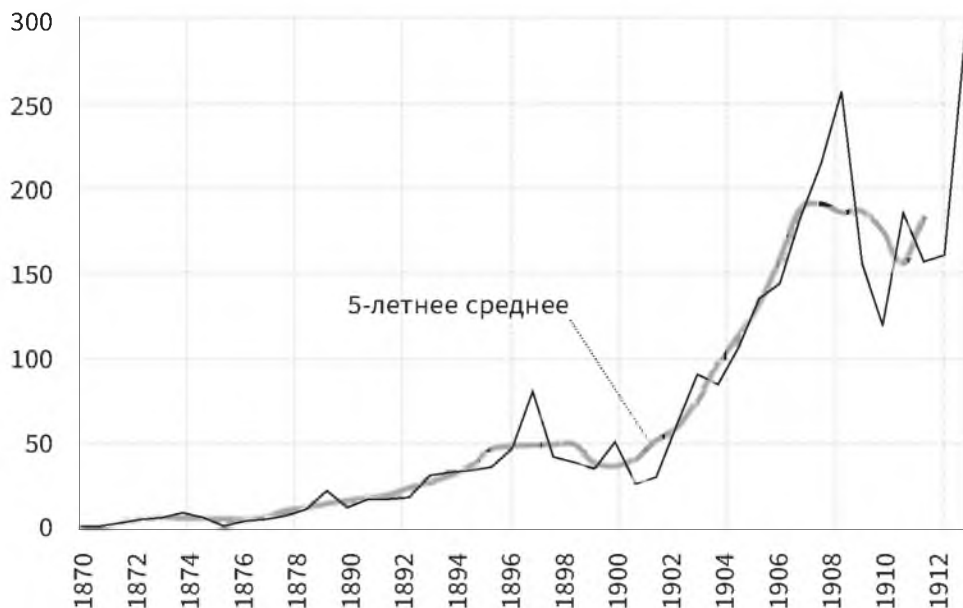

Рис. 7.5. Эмиграция из России в США (тыс.)²¹⁶

обеспеченность была значительно выше 15-десятичной нормы, на Черноземье существовал огромный очаг аграрного перенаселения. Степень земельной удовлетворенности крестьян семи черноземных губерний была равна 57%, то есть 43% крестьян этого региона были «лишними»²¹⁷.

В итоге при любом подходе, как отмечал П. Г. Рындзюнский, «наличие аграрного перенаселения в пореформенной России — факт несомненный...»²¹⁸

Тезис о мальтузианском аграрном перенаселении был общим местом в работах ведущих экономистов дореволюционного периода. В. Н. Миронов отмечает, что «на рубеже XIX–XX вв. мальтузианский тезис получил поддержку большинства авторитетных исследователей того времени: И. И. Игнатович²¹⁹, А. А. Кауфмана²²⁰, П. И. Лященко²²¹, Н. М. Покровского²²², Н. Н. Рожкова²²³, А. Финн-Енотаевского²²⁴ и других... что отразила энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона²²⁵»²²⁶. Однако некоторые экономисты, признавая факт аграрного перенаселения, утверждали, что оно было *относительным*, то есть это было перенаселение в рамках существовавшей на тот момент продуктивности земледелия. Строго говоря, в этом смысле *любое перенаселение является относительным*, ведь теоретически всегда имеется возможность увеличения продуктивности. В данном случае, однако, имелись в виду перспективы начинающейся модернизации: пример Западной Европы показывал, что имелась возможность к существенному увеличению урожайности с помощью использования новой агротехники. «Как ни увеличивай наделы, единственной коренной мерой все же остается улучшение крестьянского хозяйства и повышение производительности крестьянской земли», — писал А. А. Кауфман²²⁷. Но для повышения производительности крестьянских земель требовались десятилетия и вложение

значительных средств, которых у крестьян не было. Поэтому в конечном счете А. А. Кауфман соглашается с М. И. Туган-Барановским: «Расширить площадь крестьянского землевладения нужно уже потому, что повышение производительности труда есть длинный и сложный процесс, требующий для своего осуществления многих лет и даже десятилетий, а крестьянская нужда не ждет и требует помощи немедленно»²²⁸.

Крестьянская нужда, действительно, не могла ждать. Правительственные комиссии еще продолжали свою работу, когда в марте-апреле 1902 г. крестьянские волнения охватили несколько смежных уездов Полтавской и Харьковской губерний. Волнения были вызваны голодом в результате неурожая в предшествующем году; крестьяне врывались в помещичьи экономии и забирали хранившийся в них хлеб; другое имущество и людей, как правило, не трогали. В общей сложности было «разобрано» 105 помещичьих экономий, в волнениях участвовало 38 тыс. человек²²⁹. Директор Департамента полиции А. А. Лопухин в докладе о волнениях 1902–1903 гг. писал: «Голодные, не евшие в течение нескольких лет хлеба без примеси соломы или древесной коры и давно не знавшие мясной пищи мужики шли грабить чужое добро с сознанием своей правоты, основанном на безвыходности положения и на том, что помощи им ждать не от кого»²³⁰.

Причины волнений стали объектом рассмотрения Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Полтавский губернатор князь Урусов доказывал, что главной причиной является малоземелье и иллюстрировал земельную нужду крестьян следующими цифрами: при средней по губернии земельной обеспеченности в 6,1 десятины на двор 17% крестьянских хозяйств были безземельными, 35% малоземельных хозяйств имели в среднем по 1,5 десятины на двор. За 10 лет численность рабочего скота сократилась наполовину, и 38% хозяйств вообще не имели лошадей и волов. Цены земли и аренды, отмечал Урусов, в последнее время непомерно возросли, а доходы отходников упали вследствие распространения сельскохозяйственных машин в южных губерниях. (В дополнение к данным Урусова можно отметить, что стоимость аренды на Полтавщине была такова, что арендатор получал меньше половины урожая с арендованной земли.)²³¹

Для решения земельной проблемы Урусов предлагал переселить на свободные земли окраин половину малоземельных крестьян губернии — ни много ни мало, 337 тыс. человек. Полтавский губернатор стал одним из инициаторов разработки закона о переселении крестьян; предлагалось перейти к форсированному выселению из Центра на окраины деревенской бедноты. Закон 6 июня 1904 г. должен был облегчить переселение, установив принцип вознаграждения переселенца за оставляемый в общине надел (правда, вступление закона в силу было отложено до окончания войны с Японией). В августе 1904 г. были отменены огромные недоимки по выкупным платежам. В 1903–1904 гг. были приняты также законы об отмене круговой поруки в общине и об отмене телесных наказаний крестьян²³².

Эти новые законоположения означали коренную переоценку правительством роли общины, как в поддержании благосостояния крестьян,

так и в обеспечении уплаты податей. Община уже не считалась ни «главной опорой порядка», ни «страховым учреждением от безземельности и бездомности». Новый взгляд на общину был обоснован С. Ю. Витте в известной «Записке по крестьянскому делу»²³³. Витте указывал на рост малоземелья как на главную причину крестьянских бедствий. Если крестьянам по-прежнему будет закрыт выход из общины, то в общине будет действовать закон Мальтуса, писал Витте. Поэтому «надо установить, чтобы каждый крестьянин, освобождающий землю, получал известное вознаграждение за нее и мог уйти»²³⁴.

Таким образом, политики того времени, имея на руках подробную информацию, вполне реально оценивали роль перенаселения и даже ссылались на мальтузианскую теорию.

«В умах всех деятелей провинции того времени, то есть в 1903–1904 годах, — писал С. Ю. Витте, — бродила мысль о необходимости для предотвращения бедствий революции сделать некоторые реформы... Все революции происходят от того, что правительства вовремя не удовлетворяют назревшие народные потребности»²³⁵. В препроводительной записке к журналам Совещания Витте сообщал царю, что сложившийся порядок держится только на долготерпении крестьянства и оно слишком долго подвергается перенапряжению²³⁶. На последнем заседании Совещания Витте сказал: «Я не хотел бы быть пророком, но боюсь, что в близком будущем... быть может, в этом самом зале, придется обсуждать вопрос о дополнительном наделении крестьян землей»²³⁷. И действительно, не прошло и года, как ставший премьер-министром С. Ю. Витте поручил своим помощникам разработать законопроект о «дополнительном наделении крестьян землей».

Альтернативой дополнительному наделению землей было предложенное князем Урусовым переселение крестьян. *Согласно демографически-структурной теории, одним из признаков Сжатия является развитие переселенческого движения, уход крестьян из малоземельных районов на слабо заселенные окраины.* Переселение было доступно далеко не всем крестьянам, для этого требовались определенные средства и помощь властей. Между тем нужду в переселении испытывали прежде всего беднейшие крестьяне, а переселяться приходилось далеко — главным районом колонизации была Сибирь. Важным обстоятельством, препятствовавшим переселению, было то, что отбывавшие крестьяне не получали вознаграждения за свои оставляемые наделы. Положение осложнялось еще и тем, что в 1880-х гг. правительство не стремилось придать переселенческому движению массовый характер; существовали опасения, что это осложнит проблему обеспечения дворянских экономий дешевой рабочей силой²³⁸. Закон 1889 г. допускал переселение только с разрешения властей, и лишь в этом случае крестьянам предоставлялись небольшие ссуды²³⁹.

Однако крестьяне, побуждаемые бедностью и голодом, игнорировали закон. Переселенческое движение развивалось стихийно, и власти в конце концов были вынуждены смириться с этим. Особенно сильный толчок движению дал голод 1891–1892 гг.; если в 1890 г. количество переселенцев в Сибирь составляло 40 тыс., то в 1891 г. — 87 тыс., а в 1892 г. — 92 тыс. Рез-

ко увеличился наплыв переселенцев в Туркестан. К 1891 г. в Сыр-Дарьинской области имелось лишь 19 русских поселений, а в годы голода возникло еще 23 поселения²⁴⁰.

Голод побудил правительство изменить свою политику в отношении переселения; другим фактором, действовавшим в этом направлении, было строительство Сибирской железной дороги, открывшей новые возможности для колонизации восточных территорий. Одной из задач созданного в 1893 г. Комитета Сибирской железной дороги стала колонизация прилегающих к дороге районов и поощрение переселения крестьян из центра страны. Переселенцам все в больших размерах стали выдавать ссуды: в 1894 г. было выдано ссуд на 0,3 млн рублей, в 1897 г. — на 1,4 млн рублей; при этом на каждого переселенца пришлось в 1894 г. 4 рубля ссуды, а в 1897 г. — 16 рублей. Количество переселенцев в Сибирь достигло за 1896 г. 200 тыс., то есть увеличилось за десять лет примерно в шесть раз²⁴¹. В целом, однако, это не могло существенно облегчить ситуацию с перенаселением, так как естественный прирост в 1896–1899 гг. составлял в среднем 1 496 000 в год²⁴².

А. А. Кауфман особо отмечает, что среди переселенцев преобладала крестьянская беднота. У крестьян, выселявшихся из центрально-черноземных губерний в 1895–1890 гг. наделы были примерно вдвое меньше средних. В 1893–1896 гг. 21–28% крестьян, прибывавших в Сибирь, не имели рабочего скота²⁴³.

Таким образом, в соответствии с демографически-структурной теорией, нарастание Сжатия вызвало значительное переселенческое движение на окраины. Однако отток переселенцев из Европейской России составлял лишь около 13% от прироста населения и не мог существенно повлиять на демографическую ситуацию.

огласно демографически-структурной теории, Сжатие порождает не только переселенческое движение внутри страны, но и эмиграцию за ее пределы. До 1880-х гг. эмиграция из России была незначительна, она начала расти после голода 1881 г. и испытала новый скачок во время голода 1891–1892 гг. (см. рис. 7.5). Быстрый рост эмиграции наметился с 1900 г., и абсолютный пик пришелся на 1906 г. — на время голода и революции. Затем эмиграционное движение несколько спало, чтобы снова резко возрасти непосредственно перед мировой войной.

Эмиграция трудового люда была поначалу преимущественно нелегальной. Крестьяне, чернорабочие, ремесленники из западных областей России и из Польши шли на заработки через границу в Германию и Австро-Венгрию. Часть из них, заработав какие-то деньги, возвращалась назад, часть держала путь дальше — в Америку, откуда возвращались уже немногие. После 1896 г. лицам, идущим на заработки через границу, стали выдавать восьмимесячные паспорта; по данным паспортного контроля, в 1902–1906 гг. на заработки в Германию и Данию уходило в среднем 348 тыс. человек в год, к 1912 г. эта цифра возросла до 793 тыс.²⁴⁴ Однако действительное число переходивших западную границу было существенно большим, так как многие не имели паспортов.

Естественно, что в эмиграционном движении через западную границу принимали участие в основном жители западных областей, где пре-

Табл. 7.6. Среднегодовые темпы роста населения по районам (в процентах)²⁴⁵

Район	1863–84	1885–97	1898–1914
Центральный	0,81	0,51	1,77
Черноземный	1,12	0,14	1,92
Степной	2,05	2,53	2,26

обладало нерусское население. Среди эмигрантов, прибывших в США в 1909–1913 гг., было 33% поляков, 32% евреев, 10% литовцев и латышей, 6% эстонцев и финнов. Русских среди эмигрантов было только 12% — преимущественно выходцев из северо-западных и белорусских губерний²⁴⁶. Помимо чисто географических причин, эта национальная специфика объяснялась и социально-политическими мотивами: эмиграция евреев, в частности, в большой степени объяснялась их приниженным положением и сионистской пропагандой.

Однако наиболее важным побудительным мотивом к эмиграции было тяжелое экономическое положение западных губерний. Анализируя причины эмиграции, Н. Л. Тудоряну, в первую очередь указывает на существовавшее в этом регионе огромное аграрное перенаселение. Например, в прибалтийских губерниях процент безземельных крестьян достигал 80–91%²⁴⁷. Этим людям было нечего терять. Курляндский губернатор в отчете за 1910 г. отмечал, что подавляющее большинство эмигрантов — это холостые сельскохозяйственные рабочие, которые уезжают без всякого имущества²⁴⁸.

Таким образом, в соответствии с прогнозом демографически-структурной теории, нарастание Сжатия вызвало значительное развитие эмиграции.

7.10. Демографический взрыв

Надел привязывал крестьянина к деревне и затруднял переселение в город или на многоземельные окраины. Между тем численность населения после освобождения стала быстро расти. Этот демографический подъем был вызван улучшением положения крестьян в первое десятилетие после освобождения.

Важным фактором, определявшим высокий уровень естественного прироста, была роль общины. На Западе существование крестьянской частной собственности способствовало ограничению рождаемости²⁴⁹, в России же, как отмечал П. Маслов, наделяя землей молодые семьи, община выплачивала «премию за рождаемость», и это стимулировало ранние браки²⁵⁰. В последнее время получены убедительные доказательства справедливости такого вывода. С. О. Морозов, исследовав связь между рождаемостью и долей хозяйств, состоявших в общинах в 23 губерниях Центральной России, показал, что в 1897–1905 гг. коэффициент корреляции между этими величинами составлял 0,97 — то есть высокая рождаемость объяснялась ролью общины²⁵¹.

Региональные данные (табл. 7.6) свидетельствуют о том, что в 1863–1884 гг. население сравнительно медленно растет в Центральном районе, значительно быстрее — на Черноземье, и очень быстро — в колонизируемом Степном Причерноморье.

В 1885–1897 гг. темпы роста населения на Черноземье резко падают — это свидетельство нарастающего кризиса перенаселения, но в 1898–1914 гг. население вновь начинает расти. В этот период ускоряется рост населения Центрального района и продолжается быстрый рост на юге.

Неомальтузианская теория утверждает, что падение потребления в ходе демографического цикла должно вызвать увеличение смертности и замедление роста населения. Но в России середины XIX — начала XX в. смертность не возрастала, а уменьшалась, и рост населения не только не замедлялся — он ускорялся. На это противоречие указывали многие авторы — в том числе С. Хок, который подчеркивал, что быстрый рост населения должен рассматриваться как свидетельство роста потребления²⁵².

Для крестьян уровень потребления ассоциировался прежде всего с величиной земельного надела. На связь между величиной надела и темпами естественного прироста в свое время обратил внимание известный статистик П. П. Семенов, изучавший движение населения в 1858–1878 гг.; в его материалах эта связь была вполне очевидной²⁵³. Данные Ф. А. Щербины, полученные по результатам проведенной в 1887–1896 гг. в Воронежской губернии сплошной подворной переписи²⁵⁴, также указывают, что с ростом надела увеличивалось душевое потребление хлеба и мяса, уменьшалась смертность и заболеваемость. Эта зависимость не вызывала сомнения у большинства специалистов, изучавших материалы дореволюционной России: таким образом, все они явно или неявно придерживались мальтузианских позиций. Но в то же время отсутствовали реальные данные, которые позволили бы сравнить уровень потребления и смертности по большому числу губерний. Лишь сравнительно недавно нами были произведены расчеты потребления хлебов и картофеля в различных губерниях с учетом вывоза и ввоза (см. ниже, табл. 8.3). Таким образом, мы можем посчитать коэффициент корреляции между потреблением в 1909–1913 гг. и смертностью в 1911–1913 гг. Он оказывается равным $-0,15$, то есть, как это ни странно, потребление в этот период не оказывало почти никакого влияния на смертность. Столь же малы (и к тому же отрицательны) коэффициенты корреляции между потреблением и рождаемостью ($-0,23$) и между потреблением и естественным приростом ($-0,24$)²⁵⁵. Общий вывод кажется парадоксальным: получается, что потребление в этот период почти не влияло на демографические процессы. Как же быть с выводами П. П. Семенова и Ф. А. Щербины?

Известно, что одним из главных достижений европейской модернизации XIX в. были *новые технологии* борьбы с инфекциями путем проведения масштабных санитарных мероприятий с применением эффективных обеззараживающих средств (в том числе знаменитой карболки). Эти (и некоторые другие) медицинские меры позволили остановить царящие до тех пор эпидемии и намного снизить вызываемую ими экзогенную смертность — в Европе произошел так называемый эпидемиологический переход²⁵⁶. В итоге смертность в Англии снизилась с $29,2\%$ в 1761–1790 гг.

до 18,2‰ в 1891–1900 гг. При этом продолжительность жизни в Англии увеличилась до 46 лет, а младенческая смертность уменьшилась до 151 на 1000 рождений²⁵⁷. В итоге мальтузианская корреляция между потреблением и естественным приростом, господствовавшая в Англии в допромышленную эпоху, была оттеснена влиянием нового могущественного фактора — медицинской технологии²⁵⁸.

Но в России в XIX в. сохранялось традиционное общество: средняя ожидаемая продолжительность жизни в Европейской России в 1896–1897 гг. составляла 32,3 года, смертность сохранялась на уровне 34,2‰ (1891–1900)²⁵⁹, младенческая смертность составляла 275 на 1000 родившихся (1892–1896)²⁶⁰. «Русская смертность, в общем, типична для земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношении стран», — писал С. А. Новосельский²⁶¹. Однако, продолжал С. А. Новосельский, в начале XX в. положение стало меняться: смертность от инфекционных заболеваний в 1911–1914 гг. снизилась в полтора раза по сравнению с 1891–1895 гг.²⁶² Общий коэффициент смертности по 50 губерниям Европейской России снизился с 32,1‰ в 1896–1900 гг. до 28,5‰ в 1909–1913 гг. Современные авторы считают, что в начале XX в. «создались определенные предпосылки для ограничения — пусть вначале и небольшого — действия экзогенной смертности», и связывают этот процесс с ростом грамотности населения²⁶³. В действительности процесс принял уже такой размах, что эпидемиологический переход полностью нарушил корреляцию между потреблением и естественным приростом. И как ни странно, этот процесс был лишь в небольшой степени связан с ростом общей грамотности: корреляция между процентом грамотных и смертностью по 48 губерниям в 1896–1900 гг. составляла –0,55, то есть рост грамотности объясняет лишь 30% динамики смертности²⁶⁴. Еще меньшее значение имело распространение земского здравоохранения: корреляция между смертностью и количеством врачей (на 1000 населения) в губерниях составляет лишь 0,44 и объясняет разве что 18% смертности²⁶⁵.

Но существует еще одна корреляция, которая не оставляет сомнений в мощи распространявшегося с запада процесса демографической модернизации. Если мы проанализируем зависимость между смертностью в губернии и ее географическим расположением (долготой губернского центра), то обнаружим корреляцию в 0,83²⁶⁶. Таким образом, почти 70% изменений в смертности объяснялось неким, распространявшимся с запада, процессом. Нет сомнения, что это был процесс распространения в массах санитарно-гигиенических навыков. Результаты его были столь разительны, что, например, в Минской губернии смертность была в 2,3 раза ниже, чем в Пермской губернии, притом что по уровню грамотности, числу врачей и в особенности по потреблению Пермская губерния превосходила Минскую²⁶⁷.

Основным фактором, препятствовавшим распространению гигиенических навыков, была не столько неграмотность, сколько традиционное православное отношение к жизни и смерти. «Традиционному российскому обществу было свойственно пассивное смирение перед смертью, неверие в возможность ей противостоять... — отмечает А. Г. Вишневский. — Пассивность перед лицом смерти — неотъемлемая черта всех холистских

аграрных обществ, а избавление от нее наносит удар всему традиционному мирозданию. Неслучайно поэтому активность в борьбе со смертью, кажущаяся столь естественной сегодня, еще сто лет назад встречалась в России с неодобрением... „Бог дал, бог взял, от бога не уйдешь“»²⁶⁸. Опиравшееся на традицию императорское правительство придерживалось пассивной позиции в вопросах распространения санитарии — борьба за гигиену была делом прозападных земских либералов, по выражению С. А. Томилина, «самоотверженных санитарных партизан»²⁶⁹.

Таким образом, снижение смертности объяснялось начавшейся демографической модернизацией и само по себе не может служить свидетельством увеличения потребления. Об этом пишет и С. Уиткрофт: «В отличие от ситуации в Западной Европе, в России нет никакой корреляции между увеличением потребления пищи и ростом продолжительности жизни»²⁷⁰. В истории разных стран известны случаи, когда эффект демографической модернизации приводил к тому, что смертность уменьшалась, несмотря на уменьшение потребления. По данным ФАО, такая ситуация наблюдалась в 1952–1972 гг. в 34 развивающихся странах²⁷¹.

При всем этом можно утверждать, что процесс демографической модернизации в России начался раньше, чем обычно предполагается: корреляция между долгой и смертностью отмечается уже в 1861–1865 гг. (0,63). В 1881–1885 гг. эта корреляция была равна 0,67, в 1896–1900 гг. — 0,71, а в 1906–1910 гг. возросла до 0,82, оттеснив на второй план все прочие зависимости²⁷². Демографическая модернизация была особенно заметна в западных губерниях: в Минской губернии с 1861–1865 по 1911–1913 гг. смертность уменьшилась с 29,5 до 18,2‰. В начале XX в. этот процесс распространился и на Черноземье: в 1911–1913 гг. смертность упала до 28,7‰ по сравнению с 36,4‰ в 1895–1900 гг. Соответственно увеличился естественный прирост, уже в 1901–1905 гг. он составил 21‰, перейдя ту грань, за которой говорят о «демографическом взрыве». Однако до востока страны демографическая модернизация еще не дошла, в Пермской губернии смертность оставалась прежней — на уровне свыше 40‰²⁷³.

В целом по Европейской России демографическая модернизация вызвала постепенное уменьшение смертности. В частности, сократилась смертность в годы неурожая, когда голод в отдельных районах сопровождался эпидемиями. Неурожай 1901 г. привел к тому, что смертность в 1901–1902 гг. на 360 тыс. превысила уровень соседних лет. Неурожаи 1905–1906 гг. дали 250-тысячное повышение смертности — это был тот голод, который спровоцировал крестьянские восстания времен первой русской революции, но число погибших тогда было много меньше, чем в 1889–1892 гг.²⁷⁴

Еще одним фактором уменьшения голодной смертности было создание более эффективной, чем прежде, системы государственной помощи на случай голода. В 1900 г. были утверждены «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей»²⁷⁵, предусматривавшие создание разветвленной системы продовольственных складов. Принятые меры, в частности, помогли избежать страшного голода в Пермской губернии в 1911 г., когда урожай был вдвое меньше обычного²⁷⁶.

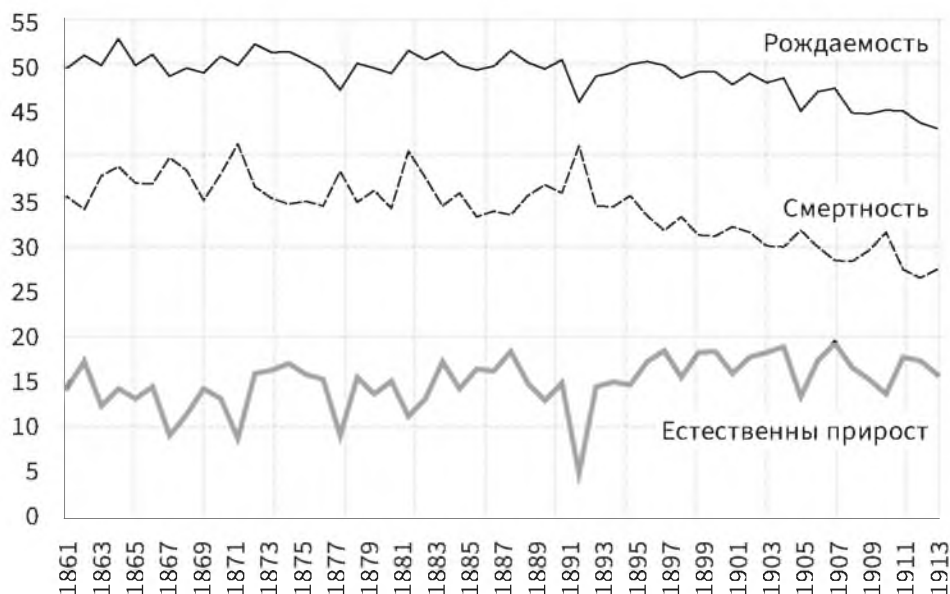

Рис. 7.6. Рождаемость, смертность и естественный прирост в 1861–1913 гг. (в промилле)²⁷⁷

Что касается рождаемости, то, как полагают современные демографы, уровень рождаемости в целом определялся уровнем смертности. «Традиционные нормы демографического поведения складывались в условиях очень высокой смертности и ориентировались на поддержание такого уровня рождаемости, который мог бы противостоять этой смертности и не допускать вымирания...»²⁷⁸ Позже, в процессе демографической модернизации «становление нового типа рождаемости тесно связано с утверждением нового типа смертности и ее очень сильным снижением, благодаря которому перестает быть объективно необходимой высокая рождаемость»²⁷⁹. Рождаемость и смертность в 1911–1913 гг. имели (по 48 губерниям) корреляцию 0,86 — то есть действительно были тесно связаны. Но уменьшение рождаемости, естественно, следовало за уменьшением смертности с некоторым запаздыванием. Если мы рассмотрим связь между рождаемостью в 1911–1913 и смертностью в 1906–1910 гг. (в тех же 48 губерниях), то обнаружим, что коэффициент корреляции равен 0,92, то есть динамика смертности с запаздыванием объясняет 85% динамики рождаемости²⁸⁰. Это запаздывание приводило к тому, что уменьшавшаяся смертность некоторое время сочеталась с высокой рождаемостью, что значительно усиливало естественный прирост — происходил «демографический взрыв», явление, подробно описанное на материале развивающихся стран. Так же как в современных развивающихся странах, взрывоподобный рост населения до крайности усугублял и без того тяжелую продовольственную ситуацию и был чреват социальным взрывом.

7.11. Отходничество и развитие промышленности

В соответствии с теорией, демографический рост усугублял проблему нехватки земли и побуждал крестьян все в больших размерах искать заработки в городах или в колонизируемых районах, где имелся недостаток рабочей силы. Таким образом, сезонные миграции в поисках работы — *отходничество* — были одним из главных признаков перенаселения.

Отходничество появилось еще в крепостнические времена, когда помещики перенаселенного Центра, не будучи в состоянии обеспечить своих крестьян землей, отпускали их на заработки. По мере нарастания нехватки земли возрастали и масштабы отхода — в пореформенное время они намного превзошли те, что были прежде. В 1896 г. во Владимирской губернии ушло в отход 20,4% сельского населения, в Калужской — 20,5%, в Ярославской — 17%, в Московской — 16,6%. Многие отходники годами жили в городах, фактически превращаясь в ремесленников или рабочих. В 1882 г. 49% населения Москвы составляли крестьяне, переселившиеся сюда, но числившиеся проживающими в своих деревнях, к 1902 г. эта цифра увеличилась до 67%. Такая картина наблюдалась во всей России, если в 1858 г. крестьяне составляли 20% населения городов, то в 1897 г. — 43%²⁸¹. В целом по России в 1896 г. разрешения на отход получили 7 млн человек (8,5% ко всему сельскому населению и 15% к самостоятельному населению). Перепись 1897 г. зафиксировала 12 млн человек из числа родившихся в Европейской России, живущих не на местах своего рождения (12% от всего населения)²⁸².

Обычно отходники проживали в городах без семей. В 1897 г. 53% всех рабочих Москвы были женаты, но в городе с семьями жили только 4%. По материалам обследования двух уездов Костромской губернии, пятая часть мужчин проживала вне дома по году и более; их жены оставались в деревне, сами вели хозяйство и часто выполняли самые тяжелые работы, что отрицательно сказывалось на их здоровье. Смертность среди отходников и их жен была значительно выше, чем в среднем по уездам²⁸³.

Что касается «трудоустройства» отходников, то данные по Тверской губернии говорят о том, что 35% из них были ремесленниками (плотниками, сапожниками и др.), 24% — строительными рабочими, 8% нанимались на сельскохозяйственные работы. 15% отходников составляли женщины, большинство из них нанимались в прислугу. Фабричных рабочих среди отходников было немного, по Тверской губернии — 8%, по Владимирской — 12%, но тем не менее они составляли 79% всех рабочих на фабриках Московской губернии (куда шли в отход из соседних губерний). Это объясняется тем, что число рабочих мест на фабриках было невелико (около 40 тыс.), и крупная промышленность не могла обеспечить работой даже десятую часть излишнего сельского населения²⁸⁴.

Молодая фабричная промышленность, однако, была особенно заманчивой областью трудоустройства для отходников, потому что в ней были относительно высокие заработки. В 1900 г. фабричный рабочий в Московской губернии получал в среднем в год зарплату, составлявшую в пересчете на рожь 250 пудов, в то время как в соседней земледельческой Калужской губернии чистый доход среднего крестьянского хозяйства

в 8 душ составлял (без учета промыслов) около 300 пудов. Относительно высокие заработки объяснялись высокими прибылями, получаемыми в текстильной промышленности; в других, нефабричных отраслях оплата была в 2,5 раза меньше²⁸⁵. К тому же, как отмечалось выше, число мест на фабриках было невелико. «Малоземелье, — говорится в результатах обследования Московской губернии, — вызывает отлив от земледелия более значительный, чем требуемый интересами промышленности...»²⁸⁶ Безработица в городах временами порождала обратный отток населения в деревню, в частности возвращение отходников к сельским занятиям отмечалось в Московской губернии в конце XIX в.²⁸⁷

На Черноземье отходничество было распространено гораздо меньше, чем в Центральном районе. По четырем губерниям Черноземья доля отходников во всем сельском населении составляла в 1860-х гг. лишь 1,7% (в том числе 0,7% ушли в дальний отход). В 1870-х гг. эта доля увеличилась до 5,4% (1,0% дальнего отхода), в 1880-х гг. — 6,6% (1,2%), в 1890-х гг. — 9,5% (4,6%)²⁸⁸. Рост отхода был свидетельством нарастающей перенаселенности региона, особенно его северных губерний. Если судить по числу выданных паспортов, в 1896 г. в отход ушло 17,9% населения в Рязанской губернии и 14,4% в Тульской губернии; в южных губерниях количество отходников составляло 5–7%²⁸⁹. Эти цифры, однако, несколько преувеличивают истинные масштабы отхода, так как некоторые крестьяне брали паспорта два раза в год.

Насколько существенна была роль отхода в доходах крестьянского хозяйства? В материалах «Комиссии 1901 года» утверждается, что душевой доход от отхода и промыслов в 1890-х гг. составлял в среднем около восьми рублей, однако выводы Комиссии вызывают резонные сомнения специалистов, поскольку не ясны ни источники получения информации, ни методика расчета²⁹⁰. Как показывают бюджетные обследования, проведенные в 1885–1896 гг. в Калужской и Воронежской областях, отход и местные промыслы в среднем обеспечивали около 20% дохода²⁹¹.

Распространение отходничества было тесно связано с процессом расчленения крестьянства и формирования сельского пролетариата. В больших семьях в отход обычно шли взрослые сыновья или младшие братья хозяина. При делении семьи младшие члены получали землю, но часто продолжали заниматься отходничеством; они не обрабатывали свою землю и не имели лошадей; свои наделы они сдавали в аренду другим общинникам или нанимали для их обработки соседей (это называлось «управкой»). С другой стороны, бывало, что и хозяева средних лет, не будучи в силах прокормиться земледелием, переходили к отходничеству и продавали своих лошадей. Наконец, было много разорившихся крестьян, которые не уходили в отход, а работали в имениях местных землевладельцев. Таким образом, в деревне формировался слой безлошадных крестьян, сельских рабочих, которые одновременно были и мелкими землевладельцами²⁹².

7.12. Положение наемных рабочих

В конце XIX в., по некоторым данным, в Европейской России насчитывалось около 10 млн ежегодно работавших по найму²⁹³, но это были не по-

стоянные рабочие; это были по преимуществу крестьяне-отходники или батраки. Наиболее многочисленную группу составляли батраки, которые нанимались на разные сроки, на несколько дней, на лето, на год. Вследствие кратковременности земледельческого сезона, когда «день кормил год», поденная плата батраков в сезон была довольно велика (см. рис. 7.7), но большую часть года они не имели работы, поэтому плата за летний день ничего не говорит об их уровне жизни. Формально рабочие и батраки получали не меньше, чем в «благополучные» времена XVII в., но, как отмечалось в главе I, структура расходов и доходов в те времена и в конце XIX в. была несопоставимой, поэтому какое-либо сравнение уровня жизни не может быть правомочным. Оплата рабочих, нанимавшихся на целый год более репрезентативна; в среднем по Черноземью она составляла в 1870-х гг. 49 рублей, в 80-х — 51 рубль, в 90-х — 53 рубля (в пересчете на хлеб 93, 92 и 98 пудов ржи)²⁹⁴. При этом оказывается, что рублевая плата батрака-мужчины существенно меньше той суммы, которую, по воронежскому обследованию, получала от работы по найму и других «промыслов» средняя семья крестьян-рабочих. Очевидно, в этих семьях наймом подрабатывали и женщины. Как показывают результаты обследования, семьи крестьян-рабочих относились к числу бедных, и судя по динамике заработной платы, их положение на протяжении тридцати лет существенно не менялось²⁹⁵.

Другую значительную группу (около 3 млн составляли строительные рабочие, а также землекопы, грузчики и различные чернорабочие. Обычно это были отходники, которые уходили из деревни на лето; большую часть года строители были без работы, поэтому их довольно высокая поденная плата, так же как в случае с батраками, мало что говорит об уровне жизни. Наиболее квалифицированные среди строительных рабочих, каменщики, зарабатывали за лето до 160 рублей и после рабочего сезона приносили домой по 110–115 рублей. Хотя заработки были высокими, работа каменщика была очень тяжелой: «Спины так надламываются, что некоторые с половины лета возвращаются домой на побывку»²⁹⁶. Как видно из рис. 7.7 динамика оплаты строительных рабочих в общем подобна динамике оплаты батраков, но спад 1891–1895 г. менее выражен, и в то время, как для чернорабочих (также как для батраков) общая тенденция нейтральная, для более квалифицированных рабочих (плотников) она скорее слабо повышательная.

Существовала также категория рабочих-надомников (около 2 млн) — ремесленники или крестьяне, работавшие в свободное время на купца-скупщика. Все перечисленные выше категории наемных работников объединяло то, что в принципе их существование не было связано с промышленным переворотом и развитием фабричной промышленности — такие группы рабочих существовали и в допромышленных аграрных обществах. Однако, кроме перечисленных категорий, существовали еще фабрично-заводские рабочие — новая прослойка населения, появившаяся с развитием фабричной промышленности. В 1890 г. в Европейской России насчитывалось 840 тыс. фабрично-заводских рабочих, в 1901 г. — 1 262 000; при общем количестве работников в 44,7 млн это составляло около 2% всех лиц работоспособного возраста²⁹⁷. Если иметь в виду чисто количественные

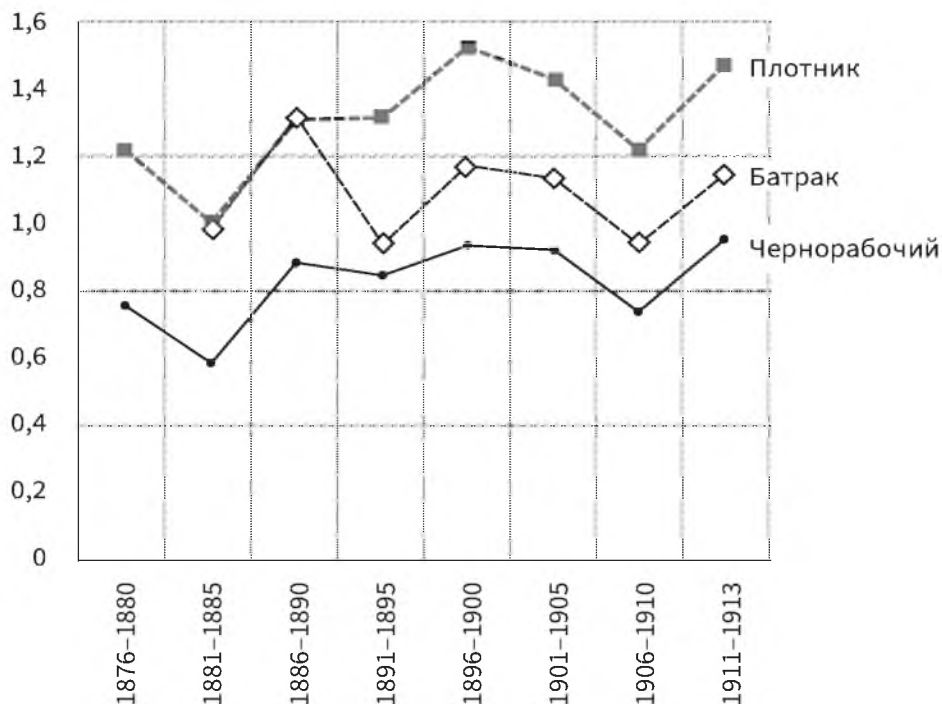

Рис. 7.7. Средняя поденная плата батрака в период уборки урожая на Черноземье и строительных рабочих в Петербурге в пудах ржи²⁹⁸

отношения, то Россия на 98% оставалась аграрным обществом с традиционными социальными связями и социальной структурой. Теодор фон Лауэ утверждал, что в России, по существу, не было классов капиталистического общества, то есть они находились в зачаточном состоянии²⁹⁹. О. Волобуев и В. Шелохаев считают, что Россия не была полностью втянута в процесс мировой модернизации, что «дистанция отсталости-запоздалости была весьма и весьма велика»³⁰⁰. Это в целом оправдывает наш подход к изучению демографических циклов в России как циклов, характерных для традиционных обществ.

Обобщающим показателем промышленного развития является доля промышленных рабочих в самостоятельном населении. В 1860 г. в русской фабричной промышленности было занято 1,8% населения; к 1900 г. эта доля увеличилась только на 0,9% и равнялась 2,7%. В западных странах промышленные рабочие составляли не менее четверти населения, а в Англии — 74%.

Однако необходимо более тщательно присмотреться к новым элементам российского общества: что нового приносили они в систему социальных взаимодействий и насколько велика была их роль? Прежде всего, необходимо отметить, что в конце XIX — начале XX в. российский рабочий класс находился еще в процессе формирования. Еще в 1895 г. С. Ю. Витте заявлял, что, к счастью, в России не существует, в отличие от Западной Европы, ни рабочего класса, ни рабочего вопроса³⁰¹. М. Е. Дементьев

на основании статистических данных конца XIX в. утверждал, что 92% фабричных рабочих — это пришедшие на заработки крестьяне, что около 15% из этих крестьян летом возвращаются в свою деревню на полевые работы³⁰². Мнения о том, что «русский рабочий в массе своей есть русский крестьянин», придерживались также многие историки народнического и либерального направлений³⁰³.

Такое мнение, однако, выглядит несколько упрощенным: дело в том, что в России существовал старый горнозаводской промышленный район на Урале, и по данным Д. В. Гаврилова, потомственные рабочие составляли свыше 80% рабочих уральской металлургической промышленности³⁰⁴. Однако в других районах и отраслях промышленности доля потомственных рабочих была намного меньше³⁰⁵, и в целом российский рабочий класс еще находился в стадии формирования, он пополнялся в основном за счет крестьянства и еще не был стабильной социальной группой. В 1897 г. среди городских рабочих Европейской России было 59% одиноких, а в Петербурге число одиноких достигало 87%. Таким образом, подавляющее большинство рабочих было холостяками. По данным петербургского обследования 1908 г., 67% холостяков и 42% семейных посылали деньги своим родным в деревню: средний размер посылки составлял 73 рубля у холостых и 39 рублей у семейных, в то время как средняя зарплата составляла 312 рублей³⁰⁶. «Не состоит ли наш рабочий класс из холостой, покинувшей свои семьи молодежи?» — спрашивает С. Н. Прокопович и отвечает на свой вопрос статистическими данными: 56% рабочих Петербурга имели возраст 20–39 лет, в то время как в среднем по стране к этой возрастной категории принадлежало 39% населения³⁰⁷. «Вплоть до 1917 г. подавляющее большинство рабочих оставалось крестьянами, зарегистрированными в сельских обществах и владельцами наделной земли», — констатировал Дж. Уолкин³⁰⁸.

Не имея семей, большинство петербургских рабочих не имело и квартир. Около 70% одиноких рабочих и 43% семейных снимали «угол». «Угол» — это кровать, иногда (когда живет семья) отгороженная занавеской. Холостяки часто спали прямо на полу, в коридорах, на кухне и т. д. Наем комнаты обходился в 50–130 рублей, и лишь немногие могли это себе позволить. Что касается других параметров уровня жизни, то, по данным опроса, половина рабочих могла позволить себе покупку лишь поношенной одежды, и почти никто не мог позволить себе питаться в трактире. При такой экономной жизни на пищу, одежду, жилище уходило около 80% зарплаты, остальное отсылалось в деревню³⁰⁹.

При всем этом уровень зарплаты петербургских фабрично-заводских рабочих был самым высоким в России — в 1901 г. он составлял 302 рубля в год. В Москве рабочие получали в среднем 202 рубля, на Черноземье (в Рязанской губернии) — 123 рубля, в среднем по России — 187 рублей. В целом заработная плата российских фабричных рабочих была в два-три раза меньше, чем в развитых странах Европы, и в четыре раза меньше, чем в США. В 1904 г. средний рабочий день продолжался 10,6 часа, в году в среднем насчитывалось 287 рабочих дней. Чрезмерная продолжительность рабочего дня приводила к чрезвычайно широкому распространению профессиональных заболеваний. Один из докладчиков на перегово-

Табл. 7.7. Доля промышленных рабочих в самостоятельном населении различных стран³¹⁰

	Россия		Британия		Франция		Германия		США	
	1860	1900	1851	1900	1848	1900	1850	1900	1850	1900
Рабочие, млн	0,8	2,2	4,1	12	2,5	5,0	0,9	9,5	1,4	7
Самостоятельное население, млн	45,6	81,9	9,7	16,3	14,1	19,7	12,9	24,3	7,7	28,5
Доля рабочих, %	1,8	2,7	42	74	18	25	7	39	18	25

промышленном съезде 1896 г. отмечал, что рабочие-прядильщики выгля-
дят, как «молодые старики». Условия жизни были таковы, что мало кто
из рабочих доживал до 60 лет; по переписи 1897 г. лиц старше 60 лет сре-
ди рабочих насчитывалось 1,0%, в то время как в среднем по всему насе-
лению — 9,6%³¹¹.

В принципе заработная плата одного рабочего была сопоставима с до-
ходом крестьянского хозяйства, но условия жизни рабочих — дорогие жи-
лье и продукты, продолжительный рабочий день, исключительно плохие
санитарные условия и т. д. — делают невозможным сравнение с жизнью
крестьян. В 1905 г. специальная комиссия военного ведомства рассчита-
ла, что минимальный заработок, который обеспечил бы «здоровое суще-
ствование» одиноких рабочих должен составлять 20 рублей в месяц. Од-
нако даже с учетом того, что эти расчеты подверглись сильной критике,
как занижавшие реальный прожиточный минимум, обследование рабо-
чих Московской губернии в 1908 г. показало, что 50% рабочих-мужчин
и 90% женщин получали меньше указанного минимума³¹².

Таким образом, зарплаты на «здоровое существование» не хватало
даже одиноким рабочим — и тем более не хватало семейным. «Для боль-
шинства рабочих в Питере семья была недоступной роскошью», — под-
черкивает С. Н. Прокопович³¹³. С демографической точки зрения невозоб-
новляемость населения (в традиционном обществе) есть признак крайне
тяжелых условий существования, поэтому «революционное» настроение
рабочего класса представляется вполне естественным.

Среди условий жизни рабочих особое место занимает необеспечен-
ность постоянной занятости, возможность в любой момент оказаться
на улице без средств существования. Это обстоятельство отчасти объяс-
няет, почему преступность среди рабочих намного превышала преступ-
ность среди крестьян. В годы кризисов на улицах городов оказывались
тысячи голодных, озлобленных и готовых к бунту безработных. сосре-
доточение недовольных в больших городах, в особенности в столицах,
многократно увеличивало для правительства опасность восстаний. Воз-

вращение тысяч уволенных «отходников» в деревню также грозило опасностью, так как многие из них становились агитаторами, призывавшими полуголодных крестьян к неповиновению и бунту.

Еще одним фактором психологической эмансипации рабочих был их высокий уровень грамотности. На рубеже столетий среди рабочих Петербургской губернии было 69% грамотных, в среднем по России — 54%, в то время как грамотность среди крестьян составляла 23%³¹⁴. Как отмечалось выше, К. П. Победоносцев и С. Ю. Витте непосредственно связывали рост протестных настроений с ростом грамотности народных масс.

Таким образом, хотя рабочий класс был еще очень немногочисленным, рост его численности и сознательности представлял опасность для властей, так как рабочие массы имели низкий жизненный уровень при относительно высоком уровне грамотности и высокой доле молодежи. Рабочие были сконцентрированы в больших городах и столицах; в периоды экономических кризисов массовые увольнения вызывали в рабочей среде протесты и волнения, принимавшие широкий размах.

7.13. Выводы

Подводя итоги нашему обзору социально-политического развития России в 1880–1904 гг., следует констатировать, что это было *время традиционалистской реакции*, последовавшей за либеральной модернизацией 1860–1870-х гг. Традиционалистская реакция на либеральные реформы была общеевропейским явлением, она была порождена теми социальными проблемами, которые были результатом неограниченной свободы частного предпринимательства: разорением крестьянства, ростом бедности на одном полюсе и «неправедного» богатства — на другом. Наполеон III и Бисмарк были противниками либеральных экономических идей; они полагали, что ответственность за справедливое распределение богатств лежит на государстве и государство должно обеспечивать трудящихся средствами к существованию.

После краха «грюндерской лихорадки» в середине 1870-х гг. подобные взгляды высказывались и в России, и государство было вынуждено регламентировать банковскую деятельность, выкупать обанкротившиеся железные дороги и оказывать помощь бедневшему крестьянству. Однако на путь традиционалистской реакции Россию толкали не только внутренние проблемы: огромную роль играл пример Германии. Фундаментальная инновация в военной сфере — стальные пушки Круппа — обеспечила победу Германии во франко-прусской войне. Военная мощь Германии и ее быстрый экономический прогресс породили распространившуюся по Европе волну подражания германскому этатизму. Министры, руководившие правительством в 1880–90-х гг. — Бунге, Вышнеградский и Витте, — откровенно говорили о своем намерении следовать примеру князя Бисмарка. Эта программа означала не только социальное регулирование с целью облегчения положения низших классов, но и проведение государственной индустриализации — строительство железных дорог и заводов за счет перераспределения ресурсов в пользу государства.

Суммируя приведенные материалы о социально-экономическом развитии России в 1880–1904 гг., необходимо прежде всего отметить, что уже в начале этого периода Европейская Россия (за исключением Причерноморья) находилась в фазе Сжатия. Мы можем констатировать наличие таких классических признаков Сжатия (см. п. 1.1 введения), как отсутствие доступных крестьянам свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень потребления основной массы населения, высокий уровень земельной ренты, частые сообщения о голоде и эпидемиях, распространение аренды, рост задолженности крестьян, высокие цены на землю, уход крестьян в города (в частности в форме отходничества), попытки малоземельных и безземельных крестьян заработать на жизнь работой по найму, ремеслом и мелкой торговлей, быстрый рост городов, развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, высокие цены на хлеб, высокие цены на землю, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, тенденция к увеличению централизации и установлению этакратической монархии, попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, попытки увеличения продуктивности земель, переселенческое движение на окраины и развитие эмиграции, непропорциональный (относительно численности населения) рост численности элиты, рост конкуренции за статусные позиции в среде элиты, фрагментация элиты, хронический финансовый кризис государства, обострение борьбы за ресурсы между государством, элитой и народом, попытки оппозиционных фракций элиты поднять народ на восстание; ослабление официальной идеологии и распространение диссидентских течений.

Это те явления, которые наблюдались в 1880–1904 гг., которые соответствуют типичному течению демографического цикла и, следовательно, *могут быть интерпретированы, исходя из демографически-структурной теории*. Некоторые явления из этого списка, а именно *попытки проведения социальных реформ, фрагментация элиты*, как мы показали выше, объясняются совместным действием демографического и диффузионного факторов, но таких явлений сравнительно немного.

Главным признаком Сжатия был чрезвычайно низкий, близкий к минимальной норме, уровень душевого потребления, обусловленный аграрным перенаселением и крестьянским малоземельем. Но необходимо особо упомянуть о тех характерных чертах периода Сжатия, которые наблюдались во многих странах, но которых мы не находим в России в указанный период. Это, прежде всего, *отсутствие разоряющихся крестьян-собственников*. Крестьяне в России в массе не были собственниками и не могли разориться и продать свою землю; они не уходили в города на постоянное жительство, а сдавали свои наделы в аренду и занимались отходничеством. Это замедляло процесс разорения бедняков, но в то же время удерживало крестьян в деревне, усугубляя аграрное перенаселение. Позже, в ходе реформ Столыпина, появились массы крестьян-собственников, и многие из них сразу же разорились (точнее, оформили свое совершившееся ранее разорение), продали свою землю и ушли в города.

Среди отсутствующих типичных явлений имеется *рост крупного землевладения*. Это явление типично для обществ, в которых существует широкий слой мелких крестьян-собственников; рост крупного землевладения происходит за счет разорения крестьян. Но в России в указанный период было лишь незначительное число крестьян-собственников, поэтому крупное землевладение не могло расти за их счет.

В отличие от характерной для традиционного общества ситуации, когда падение потребления приводит к приостановке роста населения, в России, несмотря на прогрессирующее малоземелье, численность населения росла. Этот феномен был связан с демографической модернизацией; уменьшением эпидемической смертности в результате распространения эффективных санитарных средств, а также с еще продолжавшимся освоением земель на юге.

Далее, для фазы Сжатия в других странах был характерен *ввоз продовольствия*, а Россия, наоборот, в больших масштабах *вывозила* продовольствие, что в значительной степени усугубляло ситуацию. Роль вывоза была такова, что хотя душевое производство зерна и картофеля в 1894–1900 гг. составляло (в пересчете на зерно) около 25 пудов, потребление оставалось на уровне 20 пудов — уровне ниже нормы. Вывоз был обусловлен экономическим влиянием Запада и сложившимися отношениями в структуре «государство–элита–народ». Здесь мы сталкиваемся с тем фактом, что *структурные взаимодействия иногда могут исказить типичную картину Сжатия*. Вывоз продовольствия из бедных стран, хотя и не типичен, но в принципе возможен: примером может послужить вывоз зерна из Румынии, Венгрии, Польши (в XVIII в.). Во всех этих странах (так же как и в России) существовало крупное землевладение, сложившееся еще в XVI–XVIII вв., когда элита считала крестьян «холопами», а вывозить продовольствие за границу, отнимая у крестьян последнее, было в порядке вещей, — таковы были отношения в структуре «государство–элита–народ». В XIX в. крепостничество было формально отменено, но приниженное положение народа сохранялось, и как государство, так и элита по-прежнему считали возможным лишать народ ресурсов ради собственных интересов. Но такая политика с точки зрения теории действительно была нетипичной: она не могла продолжаться долго, потому что она приближала голод и восстания, и, столкнувшись с голодом, государство должно было от нее отказаться. Даже английские колонизаторы, в больших объемах вывозившие зерно из Индии, были вынуждены отказаться от этой политики после голода 1919 г.

Возвращаясь к анализу типичных явлений демографического цикла, важно отметить, что, в соответствии с теорией, Сжатие побуждало монархию проводить реформы, направленные на облегчение положения народа — в данном случае была осуществлена отмена подушной подати и сокращение выкупных платежей. Однако — также в соответствии с теорией — Сжатие привело к финансовому кризису, и в министерство Вышнеградского правительство изменило свою политику, ужесточило сбор налогов и попыталось получить средства на цели индустриализации посредством увеличения экспорта хлеба, стабилизации рубля и привлечения иностранного капитала. В рамках демографически-структур-

ной теории такую политику можно трактовать как давление государства и элиты на народ с целью перераспределения ресурсов; элита и государство в своих целях отнимали у народа часть ресурсов, и это принимало форму широкомасштабного экспорта хлеба (а не повышения оброков и налогов, как раньше). Пик этого наступления пришелся на 1888–1891 гг. и (вместе со случайными климатическими колебаниями) привел к голоду 1892 г. Таким образом, кризис 1892 г. находит в рамках теории такое же объяснение, как многие предшествующие структурные кризисы — он был следствием перераспределения ресурсов в структуре «государство–элита–народ», следствием сокращения экологической ниши народных масс в результате наступления на народ государства и элиты.

После голода 1892 г. началось «время оскудения»; крестьяне многих губерний не могли платить налоги, и министр финансов Витте старался найти выход из финансового кризиса за счет увеличения косвенного обложения и развития госсектора (в частности за счет введения винной монополии и национализации железных дорог). В соответствии с теорией, развитие госсектора можно трактовать как проявление порожденных Сжатием этатистских тенденций (но имело место и диффузионное влияние со стороны Германии). При этом большие размеры экспорта хлеба сужали экологическую нишу народа и стимулировали рост социальной напряженности. Сжатие требовало от правительства принятия мер к облегчению положения народа, но в течение почти двадцати лет — от отмены подушной подати в 1886 г. до сложения недоимок в 1904 г. — правительство отказывалось принимать такие меры. В конечном счете оно было вынуждено признать факт оскудения крестьянства центральных областей и, проведя достаточно детальное обследование, установило, что причиной оскудения являются перенаселение и малоземелье — но не успело принять никаких реальных мер к исправлению ситуации: началась революция.

Еще одно важное обстоятельство, характеризующее динамику Сжатия — это его пульсирующий, колебательный характер, связанный с квазипериодическими климатическими колебаниями, сказывающимися на урожайности. Эти колебания отчетливо проявляются при анализе пятилетних средних, и их минимумы представляют собой периоды падения потребления, чреватые обострениями социальных конфликтов. Необходимо учитывать также значительный разброс в уровне потребления среди различных групп крестьянства; бывшие государственные крестьяне имели средний надел, почти вдвое превосходящий средний надел бывших крепостных крестьян. Поэтому, *хотя среднее потребление сохранялось примерно на уровне минимальной нормы, потребление бывших государственных крестьян было в среднем выше нормы, а потребление бывших крепостных крестьян — ниже нормы; в периоды климатических минимумов положение бывших крепостных крестьян было особенно тяжелым.*

Относительная стабильность социополитического положения в России объяснялась, в первую очередь, тем авторитетом, которое приобрело самодержавие после освобождения крепостных. Этот авторитет сказался во время политического кризиса рубежа 1870–1880-х гг. и во время голода 1892 г. Уменьшение выкупных платежей и отмена подушной подати показали, что власть отслеживает экономическую ситуацию и принима-

ет меры к улучшению положения народа. Однако в дальнейшем политика поддержания крестьянства сменилась политикой индустриализации, положение крестьянства (в частности на Черноземье) вновь стало ухудшаться, и авторитет власти постепенно таял.

Другим фактором сохранения относительной стабильности был внешний мир, отсутствие больших войн на протяжении полувека. Единственная война, которую вела в этот период Россия, была популярная в народе война с Турцией за освобождение южных славян. Победа в этой войне способствовала укреплению авторитета самодержавия, но внешнеполитическая обстановка постепенно ухудшалась. Появление на западных рубежах России могущественной Германской империи впервые за полтора столетия поставило Россию перед лицом превосходящего в военном отношении противника.

Военное превосходство Германии было проявлением происходившего в Европе процесса модернизации; в то же время это превосходство было одним из решающих факторов, вынуждавших к модернизации Россию. Мощное давление диффузионного фактора заставило правительство перейти к форсированной политике индустриализации, а политика привлечения средств для индустриализации, в свою очередь, вызвала голод 1892 г. Проблема заключалась в том, что в условиях Сжатия государство не могло взять необходимые ему ресурсы у народа и не решалось взять их у элиты — это была описанная в демографически-структурной теории ситуация кризиса государства, и в данном случае этот кризис стимулировался влиянием диффузионного фактора — влиянием процесса модернизации.

глава VIII

Экосоциальной кризис

8.1. Две теории революции

Целью нашего исследования является анализ возможности применения трехфакторной модели для объяснения социально-экономической истории России, и в частности, социального и политического кризиса начала XX в. Центральное место в этом кризисе занимают две русские революции, революции 1905 и 1917 гг. Как отмечалось выше, описывающая воздействие демографического фактора демографически-структурная теория предлагает стандартную схему объяснения революционных кризисов. Эта схема предполагает, что, во-первых, увеличение численности низших классов населения в условиях ограниченности ресурсов приводит к продовольственным кризисам, падению потребления, массовому недовольству и восстаниям (происходит Сжатие в народе). Во-вторых, увеличение численности элиты приводит к конкуренции за места в высших сословиях, распадению элиты на фракции и выступлениям недовольных элитных групп, которые присоединяются к народным восстаниям или даже провоцируют их (Сжатие в элите). В-третьих, государство в условиях роста цен и падения реальной стоимости налогов испытывает финансовые затруднения; оно не может собирать налоги с обнищавшего населения и оказывается на грани банкротства (Сжатие в государственной сфере). В-четвертых, финансовый кризис государства приводит к потере управляемости, и оно оказывается не в состоянии поддерживать политическую стабильность. Таким образом, в условиях народных восстаний и выступлений оппозиционной элиты происходит коллапс государства¹.

Механизм, описываемый демографически-структурной теорией, действует на протяжении периода, предшествующего революции, и во время самой революции — то есть для того, чтобы проверить адекватность теории, мы должны проверить ее действие непосредственно во время экосоциального кризиса — а именно проанализировать, каким образом фракционировалась элита, как она поднимала на борьбу народ — и как сам народ поднимался на восстание под воздействием голода и малоземелья, как развивался финансовый кризис, имела ли место потеря управляемости и т. д.

В то же время мы не должны упускать из виду то обстоятельство, что демографический фактор является лишь одним из действующих факторов и демографически-структурная теория не полностью объясняет по-

следовательность событий. Механизм действия другого, технологического, фактора описывается несколькими взаимосвязанными теориями, теорией военной революции, теорией диффузионизма, теорией модернизации и ее вариантом — теорией вестернизации.

Теория вестернизации предлагает свое объяснение революций XIX–XX вв.; эта теория рассматривает революцию как результат диффузионного воздействия распространяющейся по миру «современной» (modern) «западной» культуры на культуру «традиционного» общества. При этом под «западной» культурой в теории вестернизации подразумевается англосаксонская либеральная культура, в силу чего западный культурный комплекс несет с собой не только фундаментальные научно-технические достижения Европы, новое оружие, новые машины и механизированную промышленность, но и свободу частного предпринимательства, политические свободы, свободу вероисповедания и парламентаризм.

Противостоящий «Западу» традиционный культурный комплекс (в российском варианте) — это самодержавие, этатизм, православие, общинность, патриархальность, сословность и другие атрибуты традиционной российской действительности.

Носителем и распространителем западной культуры в традиционном обществе является интеллигенция. По мере модернизации и вестернизации интеллигенция численно росла и распространяла свое влияние на другие общественные слои. Но все же интеллигенция была сравнительно малочисленна и слаба, поэтому она была вынуждена искать союзников и (с помощью массовой пропаганды) использовать в своих целях социальные конфликты традиционного общества. В конечном счете в России и других «развивающихся» странах должно было прийти время руководимых интеллигенцией политических революций². Теодор фон Лауэ называл все революции XIX–XX вв. «революциями вестернизации» или «революциями извне» — в том смысле, что они были индуцированы внешним, западным влиянием. Это внешнее влияние проявлялось также и в том, что, поскольку интеллигенция выступала проводником европейского влияния, то она пользовалась идеологической, политической и финансовой поддержкой Запада³.

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в интерпретации фон Лауэ «революция вестернизации», чрезвычайно напоминает «бархатные революции» конца XX в. В последнее время появились работы, в которых русские революции 1905 и 1917 гг. также трактуются как «бархатные» революции, организованные либералами и интеллигенцией посредством массированных «PR-кампаний»⁴. Однако первые революции вестернизации охватили континентальную Европу еще в 1830 и 1848 гг., и выше (в п. 5.3) мы упоминали о стандартной схеме этих революций, описанной Э. Хобсбаумом. По Э. Хобсбауму, революцию начинали либералы и радикалы, увлекавшие за собой рабочих. Этот союз быстро добивался успеха, и весной 1848 г. почти все монархи Европы были вынуждены даровать своим подданным конституции. Достигнув своих целей, либералы переходили от союза с радикалами и рабочими к союзу с консервативными монархическими силами, создавая «партию порядка». Но рабочие были не удовлетворены достигнутым, им нужна была не конституция,

а «право на труд» и высокая зарплата, и они продолжали свое наступление, грозившее превратиться в «социальную революцию». Это проводило к столкновению с «партией порядка», и рабочие терпели поражение. Когда опасность со стороны низших классов уменьшалась, «партия порядка» распадалась, консерваторы собирались с силами, разгоняли либеральные парламенты и отнимали у либералов большую часть конституционных гарантий. В итоге монархия возвращалась к власти, но в обновленном и реформированном виде⁵.

Механизм «революции вестернизации» отличается от механизма социального кризиса прежде всего тем, что он не предполагает условий Сжатия и всеобщего народного восстания. Действительно, в ходе революций 1848 г. имели место локальные восстания в городах, но речь не шла о всеобщей крестьянской войне в деревне — как это было в России начала XX в., во Франции конца XVIII в. или в Китае середины XX столетия. «Революция вестернизации» имеет ограниченные масштабы и не влечет за собой разрушение государства и демографическую катастрофу — она подразумевает лишь трансформацию структуры и перераспределение ресурсов внутри общества. Но в некоторых случаях она может наложиться на эко-социальный кризис, и тогда мы можем наблюдать картину «двойственной революции», когда события начинают развиваться «по Хобсбауму», а затем в них вмешиваются широкие народные массы.

Возможность двойственного рассмотрения русской революции, с учетом действия различных факторов и с точки зрения различных теорий, неоднократно отмечалась в историографии. Как известно, многие историки рассматривают русскую революцию 1905 г. как две «параллельные» революции⁶. Одним из первых эту двойственность отметил в 1907 г. П. Б. Струве, который выделил в революции два течения: первое из них он называет «modern» — Струве видел в этом течении движение к «современности», под которым разумелась «вестернизация». Второе течение Струве называл «элементарным», подразумевая под этим стихийное стремление низов к освобождению от «материальных тягот» — попросту стремление простолюдинов быть сытыми и иметь надел, который сможет их прокормить⁷. Это второе течение находит свое объяснение в демографически-структурной модели революции, причем оба течения настолько тесно переплетены, что их нельзя рассматривать отдельно.

8.2. Фрагментация элиты: оппозиционные группировки

Фрагментация элиты является одной из важных предпосылок революции как в демографически-структурной теории, так и в теории вестернизации. Демографически-структурная теория полагает главной причиной этой фрагментации обеднение части элиты, происходящее в результате роста ее численности (Сжатие в элите); в результате этого процесса низшие слои элиты переходят в оппозицию существующему режиму. В предыдущих главах было показано, что этот процесс действительно имел место и что часть обедневшей элиты принимала участие в движении народников. Другая часть дворянской элиты высказывала свое недовольство в рамках движения земцев-конституционалистов. Это движение имело

опору в местном земском самоуправлении, что придавало ему большую силу. Земцы-конституционалисты выступали за ограничение самодержавия и создание выборного представительства — причем до февраля 1905 г. это представительство мыслилось как представительство высших сословий, то есть движение выступало с сословных позиций⁸.

Теория вестернизации также предполагает фрагментацию элиты, но на другой основе — в результате того, что часть элиты усваивает западные культурные ценности — так появляется интеллигенция, противостоящая традиционалистскому дворянству. Наличие этого процесса в России также не вызывает сомнений. В середине XIX в. вестернизация нашла свое выражение в идеологической сфере и породила идейное течение, которое называли западничеством и которое противостояло традиционалистскому славянофильству. В конце XIX в. в качестве наследницы западников выступала либеральная оппозиция, представленная в основном интеллигенцией (которая являлась особой элитной группой).

В январе 1904 г. эти два процесса фрагментации сомкнулись: в Петербурге состоялся учредительный съезд «Союза освобождения», объединившего земских конституционалистов и представителей либеральной интеллигенции. На съезде присутствовали 19 земцев и 26 лиц «свободных профессий», но в избранном ими Совете союза обе фракции были представлены одинаковым числом членов. Официальным органом «Союза освобождения» был признан журнал «Освобождение», который с 1902 г. издавал в Штутгарте П. Б. Струве⁹.

Если принимать буквально программу «Союза освобождения», то он прежде всего был партией западников, выступавших за экономическую, политическую, культурную модернизацию по западному образцу¹⁰. Русская действительность была для «освобожденцев» синонимом отсталости и азиатчины, негативным явлением, которое нужно было преодолеть, чтобы устремиться вдогонку за Европой. Один из лидеров партии кадетов В. А. Маклаков писал, что идеал интеллигенции «был так далек от русской действительности, что она не старалась его с ней преемственно связывать»¹¹. При подготовке программных документов «Союза освобождения» изучались только западные политические формы, русские традиции демонстративно игнорировались¹². Князь М. Путятин, один из приближенных Николая II, отзывался о либералах так: «Это партия истинных конституционалистов по западноевропейским шаблонам. Тысячелетняя история России для них не существует»¹³.

Однако при анализе условий союза оппозиционных дворян и вестернизованных интеллигентов возникает естественный вопрос: насколько искренними были земцы-конституционалисты, присягая на верность западным идеалам? Как мы увидим далее, в 1906 г. многие из них изменяют союзу с западниками и перейдут на позиции поддержки самодержавия, поэтому следует сделать вывод, что дворянской оппозицией (в соответствии с демографически-структурной теорией) руководили преимущественно материальные интересы в области распределения ресурсов, а не диффузионное влияние Запада. «Протест земства носил скорее характер дворянской фронды, чем либеральной оппозиции», — отмечает А. Н. Медушевский¹⁴.

Для того чтобы не затрагивать материальные интересы дворянства, в программе «Союза освобождения» не предлагалось никаких мер для решения земельного вопроса или облегчения положения рабочих; она была посвящена исключительно задачам борьбы против самодержавия, за конституцию и политические свободы¹⁵. Очевидно, что в начальный период своего существования «Союз» еще не собирался привлекать на свою сторону народные массы и ничего им не обещал. По сути, писал В. А. Маклаков, программа «Союза» уместилась в двух словах «Долой самодержавие!»

Оценивая силы либеральной оппозиции, министр внутренних дел Плеве говорил, что основная угроза самодержавию исходит не от бастующих рабочих, а от земских либералов; он считал, что всякая игра земцев в конституцию «должна быть в корне пресекаема». В России, полагал Плеве, «еще крепок в народе престиж царской власти», а потому, если и будет революция, «то искусственная, а не такая как на Западе, где ее делали восставший народ или войска»¹⁶. Таким образом, Плеве был уверен в том, что народ не пойдет за либералами, что как и во времена народников, оппозиционерам не удастся с помощью пропаганды возбудить народное движение.

Однако помимо либералов существовали и другие, элитные по происхождению, оппозиционные группы, которые — в отличие от либералов — многое обещали народу.

Раскол в европейской идеологии и появление марксистского «Интернационала» привели к расколу среди русских западников, от основной массы которых отделилось течение социал-демократов (эсдеки). Российская социал-демократическая партия (РСДРП) организационно оформилась летом 1903 г. на съезде, происходившем сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне. Программа-минимум эсдеков в общих чертах совпадала с программой либералов (дополнительно выдвигалось требование 8-часового рабочего дня). В дальнейшем, после того как слабый российский пролетариат численно возрастет, предполагалась борьба за ликвидацию частной собственности на средства производства. Эта программа в основном повторяла Эрфуртскую программу германской социал-демократии с добавлением некоторых требований, учитывающих многонациональный состав Российской империи и преобладание крестьянского населения. Кроме того, в теоретической части программы говорилось не просто о политической борьбе (как в германском прототипе), а о социальной революции и диктатуре пролетариата. Это изменение было внесено по настоянию В. И. Ленина, опиравшегося на работы Маркса. В соответствии с марксистской идеологией социал-демократы считали движущей силой развития рабочий класс, и они обещали крестьянам лишь отмену выкупных платежей, но не землю¹⁷.

Первоначально состав партии был по большей части интеллигентским; социал-демократы принадлежали к той небольшой части русской интеллигенции, которая находилась под идеологическим влиянием «Интернационала». В результате кружковой работы и привлечения рабочих к началу 1905 г. численность партии увеличилась до 9 тыс. человек, из которых 62% составляли рабочие, 5% — крестьяне, 33% — интеллигенты. Во время революции численность партии возросла до 31 тыс., причем социальный состав почти не изменился¹⁸.

Марксистская идеология оказала влияние и на ту (тоже небольшую) часть интеллигенции, которая продолжала традиции народников. В январе 1902 г. была создана партия социалистов-революционеров (эсеров). В программе этой партии (принятой в 1906 г.) также сначала выдвигались минимальные требования (практически такие же, как у эсдеков) и тоже говорилось о грядущем в далекой перспективе социальном перевороте, который ликвидирует частную собственность на средства производства. Однако в силу народнической традиции эсеры уделяли крестьянам гораздо большее внимание, чем эсдеки. В программе констатировалось, что «партия социалистов-революционеров ставит себе цель использовать в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию всех частновладельческих земель... и переход их в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин... на началах уравнительного пользования»¹⁹. Таким образом, эсеры (в отличие от «истинных марксистов») пытались использовать русские общинные традиции и намеревались поставить на службу марксистской идее готовую вспыхнуть крестьянскую войну. При этом они гораздо лучше, чем эсдеки, понимали причины этой войны: в программе эсеров говорилось о роли аграрного перенаселения²⁰.

Еще одной отличительной особенностью эсеров была их приверженность к террористическим методам — с одной стороны, это была дань старой народнической традиции, но с другой стороны, террор был проявлением крайнего радикализма партии, вербовавшей в свои ряды людей, готовых пойти на смерть.

Численность партии эсеров перед революцией не превосходила 10 тыс. человек, в ходе революции она увеличилась до 65 тыс. В 1905–1907 гг. эсеры вели активную пропаганду в деревне, и, поскольку их лозунги были привлекательны для крестьянской массы, то они сумели организовать 1555 крестьянских братств, в которых было 23 тыс. членов. По сравнению с общей численностью крестьянского населения это было очень немного, но другие партии совсем не имели крестьянских организаций, и число крестьян в них было незначительно. Среди эсеров крестьяне составляли 45%, рабочие — 43%, интеллигенты — 11,2%. В руководящем составе партии преобладали интеллигенты (77%), причем в большинстве дворянского происхождения — так же как и в народнических организациях 1870-х гг.²¹

Как отмечалось выше, в российской интеллигенции был высок процент представителей народов, проживавших в западных областях империи и более близких к западной культуре, чем православные великороссы, — поляков, евреев, немцев, финнов. Естественно, что много их было и в рядах оппозиционных партий. Б. Н. Миронов делает акцент на том, что «среди лидеров социалистов-революционеров и большевиков преобладали евреи, среди меньшевиков — грузины, евреи и лица других нерусских национальностей»²². Вряд ли в данном случае можно говорить о «преобладании», но представители нацменьшинств среди социалистов действительно были относительно многочисленны. Из 5047 марксистов и соци-

ал-демократов, привлеченных к суду в 1893–1902 гг. 23% составляли евреи (к сожалению, у нас нет данных о поляках)²³. Многочисленность евреев в рядах оппозиции станет вполне понятной, если мы учтем, что это была дискриминируемая и притом на 100% грамотная прослойка населения — в то время как в целом по стране грамотность составляла лишь 21%²⁴. Идеи западного либерализма (и социализма) были привлекательны для национальных меньшинств тем, что они обещали им автономию и свободу вероисповедания — требования этих демократических свобод были включены в программы всех «западнических» партий. Оппозиция в данном случае использовала в своих целях идеи национального освобождения — так же как Мадзини использовал их в Италии. Национально-освободительная борьба сливалась с социальной борьбой, и это привело к тому, что в 1906 г. в состав РСДРП вошла еврейская социал-демократическая партия «Бунд», насчитывавшая 33 тыс. членов, а также польские и латышские социал-демократы (40 тыс. членов)²⁵.

Как следует из приведенного выше краткого обзора, силы вестернизации в России были достаточно велики. «Однако, — пишет фон Лауэ, — с самого начала этот внушительный фронт разделяла невидимая трещина: традиционный барьер между образованными, с одной стороны, и крестьянами и рабочими — с другой»²⁶. «В то время как верхние слои русского общества ориентировались на Запад, невежественный и суеверный крестьянин сохранял свои традиционные привычки. В глубине своего сердца он хранил инстинктивное подозрение, если не ненависть, к своим европеизированным господам, поскольку в прошлом, начиная с Петра Великого, вестернизация России производилась за его счет»²⁷.

Наиболее важным фактором, формировавшим психологию крестьян, была сила традиции, приверженность крестьян к своим, русским, обычаям и православной вере, утверждавшей превосходство русских над неправославными народами. Крестьяне и рабочие не доверяли интеллигентам, в которых они видели людей другой, чуждой народу культуры, одевающихся по-европейски и говорящих на своем, зачастую непонятном языке. Это недоверие долгое время препятствовало распространению в народе влияния радикальных партий, народников, а потом эсеров и социал-демократов, которые, казалось бы, провозглашали народные лозунги, но были основаны прозападными интеллигентами (и дворянами) и выступали с вестернизаторских позиций. Однако постепенно, с распространением образования и городской культуры, сопротивление народных масс вестернизации уменьшалось.

Все упоминавшиеся выше партии и течения принадлежали к «западничеству», и в целом «западничество» господствовало в идеологической атмосфере России начала XX в. Ранее, полвека назад, противовесом «западничеству» служили славянофилы с их апелляцией к традициям православия, крестьянской общины, соборности. После убийства Александра II традиционалистская реакция привела к тому, что славянофильство (в некой «официальной» форме) стало правительственной доктриной. Однако в проведении своей политики самодержавие не нуждалось в поддержке со стороны каких-либо общественных организаций; до октября 1905 г. существовал официальный запрет на организацию политических партий,

и все оппозиционные партии, о которых говорилось выше, были нелегальными. У сторонников правительства, естественно, не было желания нарушать закон, поэтому создание традиционалистской партии было невозможно. Это было одной из причин того, что, приняв официальные формы, славянофильство утратило характер общественного течения. Другая причина состояла в том, что интеллигенция имела «западнический» характер, и по мере развития процесса вестернизации традиционализм шаг за шагом сдавал свои позиции. В 1893 г. П. Н. Милюков писал о «разложении славянофильства»; такой же точки зрения придерживались некоторые историки культуры²⁸. Славянофильство находило поддержку лишь у небольшой группы писателей и гуманитариев, прежде всего тех, кто искал в народной культуре материал для своего творчества. В 1901 г. была создана небольшая просветительская организация «Русское собрание», в которую входили, в частности, Н. Рерих и К. Маковский. Задачей «Собрания» объявлялось «изучение явлений русской и славянской жизни в ее настоящем и прошлом». После начала революции, в марте 1905 г., была создана полуполигальная «Монархическая партия», но поначалу это был лишь узкий кружок представителей высшей знати. Настоящий подъем традиционалистское движение испытало лишь в октябре 1905 г. — мы вернемся к этому вопросу при анализе октябрьских событий²⁹.

8.3. Инициирование «революции извне»

Как отмечалось выше (в п. 5.5), во время больших войн механизм Сжатия вызывает развитие кризиса по трем направлениям: во-первых, военные поражения приводят к потере авторитета власти и, таким образом, способствуют проявлению социальных конфликтов; во-вторых, невозможность увеличения налогов с обедневшего населения вызывает трудности с финансированием военных расходов, эмиссию бумажных денег и гиперинфляцию; в-третьих, социальный раскол делает войска ненадежными и увеличивает риск восстаний солдат-крестьян. Русско-японская война не была «большой войной», но все эти составляющие назревавшего кризиса проявились и в 1904–1905 гг. Финансовый кризис к лету 1905 г., по признанию С. Ю. Витте, поставил страну перед перспективой «полного финансового, а затем и экономического краха»³⁰. С другой стороны, во время русско-японской войны отчетливо проявилось нежелание крестьян воевать за власть, отказывающуюся дать им землю. «К крайнему прискорбию, во время паники, происходившей у Мукдена, — докладывал генерал Н. П. Линевиц, — потоком потекло из армии в тыл на север частью с обозами, а частью просто поодиночке и даже группами около шестидесяти тысяч нижних чинов... Уходящие из армии в тыл нижние чины говорят, что они уходят потому, что воевать не могут»³¹. Командующий Маньчжурской армией А. Н. Куропаткин отмечал «большую легкость», с которой солдаты сдавались в плен³², и количество пленных у Мукдена — как и позже, в годы Первой мировой войны, — вдвое превосходило количество убитых. В итоге в конце войны в японском плену оказалось 74 тыс. русских солдат, в то время как русские взяли в плен только 2 тыс. японцев. Но наибольшее значение имело то, что поражения, понесенные на полях Маньчжурии, стали тяжелым ударом по авторитету власти³³.

В контексте теории модернизации военные поражения традиционных режимов не раз способствовали их падению и приходу к власти «модернизаторского руководства» — в качестве примеров можно привести падение Второй империи во Франции и крушение австрийского абсолютизма в 1860 г. Таким образом, события в России развивались по обычному европейскому сценарию: либеральная оппозиция поспешила воспользоваться падением престижа традиционной власти. Вестернизованная оппозиция была относительно малочисленной, поэтому, действуя в одиночестве, она не могла произвести революцию. Оппозиция могла достигнуть успеха, лишь подняв на борьбу народные массы, положение которых, согласно теории «революционной инициативы», таково, что они всегда готовы к выступлению против властей. Как отмечает Э.Хобсбаум, все революции 1848 г. начинали либералы и радикалы, увлекавшие за собой рабочих. Это вовлечение в революцию народных масс часто осуществлялось путем политической провокации: организовывалась мирная манифестация, а затем в колонне поднимали красные флаги, в результате чего начинались столкновения с полицией (как было в Берлине в марте 1848 г.) или из толпы демонстрантов начинали стрелять по войскам, которые отвечали залпами в толпу (как было в Париже в феврале 1848 г.). Нашей целью является проследить процесс вовлечения народных масс в революцию 1905 г. — и поскольку эта тема является малоисследованной, то придется остановиться на ней подробнее³⁴.

Начало войны сопровождалось бурными патриотическими манифестациями, и на время оппозиции пришлось замолчать. Но первые поражения русской армии вернули ей голос: «освобожденцы» стали воспринимать Японию как неожиданного союзника в борьбе с правительством. Они открыто радовались победам японцев. Немецкий журналист Гуго Ганц писал из Петербурга, что общей молитвой либералов было: «Боже, помоги нам быть разбитыми!»³⁵ Группа из 287 студентов Московского университета отправила в японское консульство в Берлине «приветствие и благопожелания Японии по случаю войны с Россией»³⁶. «„Чем хуже, тем лучше“ было одним из нелепых изречений левой интеллигенции, — писала помощница Струве А. В. Тыркова. — Порт-Артур пал. Французы выражали нам соболезнования, а некоторые русские эмигранты поздравляли друг друга с победой Японии»³⁷.

Вместе с русскими либералами победам Японии радовались давние враги русского царя: польские, финские, кавказские националисты. При известии о начале войны их представители стали осаждать японские посольства, предлагая свои услуги. Первым установил контакты с японцами финн Конни Циллиакус, потом пришли посланцы Польской социалистической партии и Польской народной лиги. Лидеры этих партий Юзеф Пилсудский и Роман Дмовский совершили — независимо друг от друга — путешествие в Токио и были приятно удивлены, встретившись на проспекте Гэндзи. В конечном счете японский генштаб направил всех перебежчиков к полковнику Акаси Мотодзиро, бывшему военному атташе в России. Циллиакус предложил Акаси организовать конференцию всех оппозиционных партий и согласовать планы подрывной деятельности. Эсеры сразу же согласились участвовать в конференции³⁸. «Циллиакус

сказал мне, — вспоминал полковник Акаси, — „Вы, несомненно, считаете позорным, что патриоты, которые имеют собственные политические взгляды... планируют разрушить свой дом во время национального кризиса, но это — неверное понимание российских внутренних дел“»³⁹.

Националистические партии и эсеры пошли на непосредственный контакт с Акаси, а с «освобожденцами» и социал-демократами Акаси поручил договориться Циллиакусу⁴⁰. Социал-демократы отказались участвовать в конференции, однако «освобожденцы» после некоторых колебаний согласились и послали на конференцию четырех своих лидеров: П. Н. Милюкова, П. Б. Струве, П. Д. Долгорукова и В. Я. Богучарского. Милюков оправдывался позднее, будто он ничего не знал о полковнике Акаси, но «Струве, вероятно, знал больше, чем я»⁴¹. Изучавший переписку Акаси японский историк Инаба Чихару утверждает, что «освобожденцы» знали обо всем⁴².

Японский генштаб выделил на проведение конференции и субсидирование русских революционеров 100 тыс. иен — для начала⁴³. 17 сентября 1904 г. в Париже собрались представители «Союза освобождения», эсеров и шести националистических партий. По-видимому, «освобожденцы» чувствовали себя неуютно в такой компании, и председательствовавший в первый день Дмовский деликатно заметил, что «не нужно, чтобы результаты конференции компрометировали... русских либералов в союзе с террористами и врагами России»⁴⁴. Акаси особо отмечал, что среди либералов был «князь Долгоруков, потомок древней правящей династии, представитель одного из самых знатных родов»⁴⁵. Ему приходилось сидеть за одним столом с вождем эсеровских террористов Евно Азефом, боевики которого два месяца назад убили министра внутренних дел Плеве. Азеф был по совместительству агентом охраны — поэтому Департамент полиции знал о происходящем на конференции не меньше, чем знал Акаси.

«После конференции, — вспоминал Акаси, — партии, использовавшие чрезвычайные методы, собрались без либералов, чтобы составить планы активной борьбы против российского правительства. Было решено затруднить мобилизацию армии. После принятия решений я обещал субсидии тем партиям, которые нуждались в финансовой поддержке...»⁴⁶ «Таким образом, с октября 1904 г. российские революционеры окончательно перешли на содержание Токио и в своих последующих действиях стали отчитываться непосредственно перед Акаси», — отмечает Инаба Чихару⁴⁷. При этом субсидии предоставлялись только при условии проведения демонстраций в России⁴⁸. «Вскоре после этого польские социалисты организовали забастовку и вооруженные столкновения с жандармерией, — продолжает Акаси. — Одновременно российские социалисты-революционеры попытались провести демонстрации в Киеве, Одессе и Москве, а также спровоцировали волнения среди студентов. Либералы созвали съезд представителей земств, чтобы поднять голос против правительства, и попытались организовать кампанию в печати»⁴⁹.

«По совершенно секретным сведениям, — гласит докладная записка Департамента полиции, — в начале осени в Париже состоялся конгресс революционных деятелей, на котором между прочим было решено предпринять усиленную агитацию в России с целью возбуждения целого ряда

политических волнений, которые могли бы окончательно дезорганизовать правительство, а затем к концу января создать *грандиозные уличные беспорядки с участием рабочих масс* (курсив мой — С. Н.). Для руководства этим движением планировалось сформировать особый „комитет“ из представителей либеральной, радикальной и революционной групп. По тем же негласным сведениям упомянутый комитет действительно составил...» И далее докладная записка перечисляет членов этого «Комитета»: писатели М. Горький и Н. Ф. Анненский, публицисты-народники А. В. Пешехонов и В. А. Мякотин и либеральный адвокат Е. И. Кедрин⁵⁰.

После поражений в Манчжурии и убийства Плеве окружение Николая II чувствовало себя неуверенно. В августе 1904 г. на пост министра внутренних дел был назначен П. Д. Святополк-Мирский, который проявлял склонность пойти на уступки оппозиции. «Положение вещей так обострилось, — говорил Святополк-Мирский царю, — что можно считать правительство во вражде с Россией, необходимо примирение...»⁵¹ Разумеется, под «Россией» имелись в виду «образованные классы». Святополк-Мирский вызвал из ссылки несколько известных либералов и приказал ослабить цензуру — это была роковая ошибка.

Вернувшись из Парижа, Милюков, Богучарский и Долгоруков доложили о достигнутых договоренностях съезду «Союза освобождения», который состоялся в Петербурге 20–22 октября. Было решено, пользуясь ослаблением цензуры, организовать издание антиправительственных газет непосредственно в России и развернуть масштабную пропагандистскую кампанию. Были приобретены права на издание двух газет, «Наша жизнь» и «Сын отечества», на что ушло около 200 тыс. рублей; часть этих денег Богучарский взял займы у известного промышленника Саввы Морозова. Не считаясь с предупреждениями цензоров, новые газеты яростно нападали на все, что делали власти; через месяц «Сын отечества» был закрыт полицией, но вскоре стал выходить под новым названием «Наши дни». В редакцию «Наших дней» входили многие члены «Комитета», и она стала штабом оппозиции. Общий тираж новых газет вскоре достиг невиданной для того времени цифры — 120 тыс. экземпляров. Это был подлинный агитационный прорыв, либеральная пропаганда затопила города России.

6–9 ноября по инициативе «Союза освобождения» был проведен Земский съезд; на съезде присутствовали 32 (из 34) председателя губернских управ, 7 предводителей дворянства, 7 князей, несколько графов и баронов. Подавляющим большинством голосов было принято требование создания законодательного выборного представительства. Представитель съезда Родзянко в беседе со Святополк-Мирским прямо угрожал, что если не будет представительства, то «будет кровь»⁵².

После съезда в поддержку его решений началась «банкетная кампания»; при этом, несомненно, был использован опыт французской революции 1848 г. Докладная записка Департамента полиции подробно сообщает о первом банкете, состоявшемся 20 ноября в Петербурге: «На рауте, на котором приняли участие до 800 человек, преимущественно литераторы и адвокаты, было произнесено очень много речей, причем большинство из них отличало крайнее направление. Много говорили о конституции в России, причем некоторые ораторы высказывали мнение, что необ-

ходимо будет отказаться от конституции, которая, вероятно, вскоре будет дарована государем, так как от нее „будет пахнуть мертвечиной“, и что необходимо добиться свободы ценой крови...»⁵³ «Союз освобождения» рекомендовал всем участникам митингов-«банкетов» принимать одни и те же резолюции с требованием созыва Учредительного собрания. В 34 городах состоялось 120 собраний, в которых участвовало свыше 50 тыс. представителей интеллигенции и дворянства. В конце ноября резолюцию, близкую резолюции земцев, принял состоявшийся в Москве съезд предводителей дворянства. Это означало, что под воздействием западных идей (и ухудшения своего материального положения) большая часть дворянства идет на прямую конфронтацию с теряющей свой авторитет «народной монархией»⁵⁴.

Между тем оппозиция не ограничивалась агитацией и банкетам. Полковник Акаси субсидировал революционеров лишь при условии организации демонстраций. «Около 5 ноября я получил письма от некоторых партий, — телеграфировал Акаси в Генштаб. — Их содержание таково: несколько партий выпустили короткие декларации и распространили во многих местах обращения. Выступления... были инициированы социалистами-революционерами или польскими социалистами... Под влиянием призывов либералов начались студенческие волнения»⁵⁵. Уже 1 ноября полиция получила информацию о сходке студентов Петербургского университета, на которой обсуждались планы грандиозной «вооруженной демонстрации». Демонстрацию готовили эсеры и социал-демократы, в ней должны были принять участие 3 тыс. студентов и 30 тыс. рабочих. Помимо требования созыва Учредительного собрания, демонстранты намеревались требовать прекращения войны с Японией⁵⁶. На упомянутом банкете 20 ноября Максим Горький (как известно — член «Комитета») напутствовал студентов: «Если 28 ноября будет демонстрация на улице, то не давайте себя бить нагайками и топтать. Пускайте в ход револьверы, кинжалы и собственные зубы, лишь бы произвести большой переполох среди полиции... — иначе уличная демонстрация не имеет смысла»⁵⁷. Однако в последний момент социал-демократы отказались от участия в демонстрации, рабочие не пришли, и в демонстрации 28 ноября участвовали в основном студенты. Хотя среди задержанных полицией оказался один боевик с заряженным револьвером, стрельбы на этот раз не последовало; действуя шашками плашмя, полиция быстро разогнала демонстрантов⁵⁸.

Эсеры использовали негодование, вызванное действиями полиции, для организации следующей студенческой демонстрации — на этот раз в Москве. В листовке, изданной при подготовке к демонстрации, эсеры грозили, что в случае повторения полицейской расправы они сделают великого князя Сергея Александровича и обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова мишенями для террористических актов⁵⁹. На демонстрацию 5 декабря, по данным полиции, собралось около 500 студентов. Когда полиция преградила путь демонстрантам, они пустили в ход палки, кистени, железные прутья, несколько раз стреляли в полицейских и напирая массой, опрокинули первый ряд городских. Выстрелы из толпы, несомненно, были провокацией в духе 1848 г., показывающей, каким образом оппозиция намерена доби-

ваться своих целей. Однако, получив подкрепление и используя шашки плашмя, полицейским удалось разогнать толпу⁶⁰.

Понимая, что оппозиция начинает втягивать в борьбу широкие массы, Святополк-Мирский предупреждал царя, что «если не сделать либеральные реформы, то перемены будут уже в виде революции», однако царь противопоставлял прозападную либеральную интеллигенцию и народ; он говорил, что «перемен хотят только интеллигенты, а народ не хочет»⁶¹. В начале декабря Святополк-Мирский предложил программу реформ, включающую введение выборных представителей в Государственный совет. На совещании 2 декабря царь ответил на предложение Мирского, что «власть должна быть тверда и что во всех разговорах земцев он видит только эгоистическое желание приобрести права и пренебрежение к нуждам народа»⁶². «Дворянство, несомненно, хотело ограничения государя, — поясняет Витте, — но оно хотело ограничить его для себя и управлять Россией вместе с ним»⁶³. Царь (как потом выяснилось, вполне обоснованно) предупреждал либералов-дворян, что ограничение самодержавия может нарушить стабильность и вызвать направленные против них крестьянские волнения. «Мужик конституции не поймет, — говорил Николай II П. Трубецкому, — а поймет только одно, что царю связали руки, а тогда — я поздравляю вас, господа!»⁶⁴ Таким образом, царь и представители этактической бюрократии справедливо полагали, что на данной стадии движение развивается по инициативе интеллигенции и части дворянства и в основе его лежат групповые интересы. Теоретически такое развитие событий может быть объяснено как совместное действие диффузионного и демографического фактора. Сжатие в элите толкало часть дворянства к оппозиции, а прогрессирующая вестернизация придавала силы растущей интеллигенции; падение авторитета самодержавия в результате военных поражений придало силы обоим оппозиционным группировкам, побудило их объединиться и перейти в наступление на монархию.

Святополк-Мирский осудил действия московского обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова по разгону демонстрации 5 декабря. В ответ великий князь Сергей Александрович срочно прибыл в Петербург, где еще продолжалось обсуждение программы реформ Мирского. Великий князь обвинил министра внутренних дел в покровительстве оппозиции и измене престолу. В результате пункт о введении выборных был вычеркнут из проекта реформ, а Святополк-Мирский был вынужден подать в отставку (которая была отсрочена царем на месяц)⁶⁵.

Указ, изданный после совещания, в духе «народной монархии» обещал ввести государственное страхование рабочих, разработать меры по «устроению крестьянской жизни» и т. д. Царь как будто искал поддержки у народа против вестернизированной оппозиции⁶⁶. До этого момента народ оставался в стороне от развивающегося конфликта. Хотя Сжатие в низших классах продолжалось, положение трудящихся масс в 1904 г. все же немного улучшилось: урожай был хорошим, в промышленности происходило оживление, массовые увольнения прекратились и правительство не ожидало новой волны стачек⁶⁷.

8.4. Кровавое воскресенье

Оппозиция убедилась, что Земский съезд, «банкетная кампания» и демонстрации студентов не оказали нужного влияния на власть, что необходимо привлечение к борьбе народных масс. Это означало, что необходимо — в соответствии с обычной тактикой «революций извне» — использовать существующие социальные конфликты, и в частности борьбу рабочих за улучшение своего положения. «Освобожденцы» старались наладить агитацию среди рабочих; их вожаков стали приглашать на проводимые оппозицией банкеты. На одном из банкетов А. В. Пешехонов подошел к приглашенным рабочим и с явной досадой спросил их: «Где же, наконец, тот пролетариат, о котором так много говорят и который все не желает появляться на сцене?»⁶⁸ В ноябре 1904 г. лидеры «Союза освобождения» В. Я. Богучарский, С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова обратились за поддержкой к вожаку петербургских рабочих священнику Гапону; по свидетельству Гапона, «интеллигентные либералы» «посоветовали» ему, чтобы рабочие написали петицию правительству⁶⁹. Однако Гапон медлил: он понимал, что в данный момент у рабочих не было объективных причин для выступления.

Между тем «газетная тактика» либералов приносила свои плоды. «Появление газет, „Нашей жизни“ и в особенности „Наших дней“, нигде так не приветствовалось, как в отделах, — вспоминал И. И. Павлов. — Здесь каждый вечер собирались рабочие, за стаканом чая перечитывая эти газеты и обсуждая затрагиваемые ими вопросы»⁷⁰. Эта пропаганда вскоре получила поддержку со стороны: в стенах «Собрания» появились интеллигенты-агитаторы. Формально они выступали в роли лекторов; лекторов и раньше приглашали для образовательных целей, но теперь некоторые из них стали вмешиваться в дела «Собрания». Одним из агитаторов был помощник присяжного поверенного социал-демократ И. М. Финкель; он был настолько красноречив, что вскоре стал соперничать с Гапоном во влиянии на рабочих, и Гапону это не нравилось⁷¹. На одном из собраний Гапон «начал говорить, что если и нужно подать петицию, то мы, рабочие, это сделаем без интеллигенции; она ему стояла поперек горла; он начал ругать ее и упрекал некоторых в том, что они евреи и кричат только из-за того, чтобы захватить власть в свои руки, а после и сядут на нашу шею и на мужика; он уверял, что это будет хуже самодержавия»⁷².

Споры вокруг петиции были в разгаре, когда в середине декабря пришло известие об увольнении четырех путиловских рабочих, членов «Собрания». К этому времени быстрый рост гапоновского профсоюза стал вызывать опасения директоров многих предприятий, и на одном из совещаний было решено противодействовать этому росту. Увольнение членов «Собрания» должно было подорвать его авторитет среди рабочих; это был «пробный шар» со стороны администрации Путиловского завода, проверка способности «Собрания» защитить своих членов⁷³.

27 декабря состоялось «экстренное чрезвычайное собрание» руководства «Собрания», на котором было решено требовать восстановления четырех рабочих и наказания уволившего их мастера. В противном случае было решено начать забастовку. Администрация восстановила трех

рабочих, но отказалась рассчитать мастера. 3 января на собрании путников вновь появились агитаторы; одним из них был сотрудник «Наших дней», писатель-публицист А. И. Матюшенский. Матюшенский писал о жизни рабочих, забастовках и сам участвовал в организации забастовок; он рассказал путников о том, как забастовавшие бакинские рабочие добились установления 8-часового рабочего дня. Разагитированные путники привели Матюшенского к Гапону. Как свидетельствует журналист А. Филиппов, Гапон воспринял Матюшенского как «организатора рабочего движения, так сказать, боевого „генерала от революции“»⁷⁴. Гапон просил его «помогать в этой самой забастовке»⁷⁵ — и «генерал от революции» согласился. 4 января бастовавшие рабочие выдвинули требование 8-часового рабочего дня.

По-видимому, «генерал от революции» был послан «Комитетом», чтобы побудить Гапона обострить стачечный кризис с помощью непомерных новых требований. Восьмичасовой рабочий день был возможен на дающих сверхприбыли нефтепромыслах, но не на петербургских заводах. Когда вечером 4 января путники вместе с Гапоном пришли с этим требованием к директору Смирнову, тот ответил, что «это значило бы пустить акционеров Общества Путиловских заводов по миру»⁷⁶.

Выдвинув требование 8-часового дня, Гапон и Матюшенский по примеру бакинских организаторов пытались превратить локальную забастовку путников во всеобщую стачку. Матюшенский написал обращение к рабочим с призывом к стачке и перечнем «типовых» требований. По словам Филиппова, Матюшенский «прославил себя знаменитым обращением к рабочим от имени путников. Этот манифест, приписываемый Гапону и сыгравший известную роль, прочитывался рабочим, ибо даже средства для печатания его на каком-либо множительном аппарате у Гапона не было»⁷⁷. Уже в полдень 4 января началась забастовка на Франко-русском заводе, а с утра 5 января забастовал Невский судостроительный завод. Рабочие предъявляли « типовые » требования из « манифеста », дополняя их сообразно местным условиям. На обоих заводах администрация сразу же согласилась удовлетворить все требования рабочих — кроме 8-часового рабочего дня; последний вопрос предлагалось отдать на рассмотрение особой комиссии⁷⁸.

Н. П. Петров рассказывает о том, как гапоновцы заставляли бастовать рабочих Невского завода: «Мы, человек пять, зашли с конца мастерской и насильственно снимали с работы, бились долго, почти уже не хватало сил; тогда я послал одного погасить освещение, другого остановить машину и дать звонок о прекращении работ. Приходилось почти насильно заставлять одеваться, и так бились долго — не идут да и все... Наконец, раздался пронзительный свист, и машина остановилась. Сейчас же погасло все освещение, и этот-то мрак и поднял дух товарищей; слышались свистки, крик „бросать работу“»⁷⁹. Очевидно, что без применения этих методов забастовка не могла бы принять всеобщий характер.

Революционеры стремились воспользоваться ситуацией и, чтобы агитировать рабочих, были брошены все силы эсеров и социал-демократов. Агитаторы предлагали забастовщикам выдвигать заведомо неприемлемые для властей требования. 4 января, во вторник, появилась первая листовка

меньшевиков: помимо экономических требований в ней выдвигалось требование «политических свобод и учредительного собрания»⁸⁰. «Немедленно было решено примкнуть к движению, — вспоминал один из участников событий, — расширить его, другими словами — перегнуть его на свою сторону, то есть к экономическим требованиям добавить и политические... И с 4 января все агитационные силы, как соц.-дем., так и соц.-рев., ринулись в районы»⁸¹.

Эта митинговая агитация возбуждала рабочих и побудила Гапона согласиться с идеей составления петиции, которую изначально предлагали «освобожденцы». 5 января по отделам «Собрания» начались митинги с чтением петиции, которую рабочие понесут царю, но окончательного текста петиции еще не было. Наиболее подробные сведения о том, как составлялась петиция, сохранились в воспоминаниях одного из соратников Гапона, И. Павлова. «Известно, что Гапон старался не допускать в начале партийного влияния, — писал И. Павлов. — Но когда события приняли решительно революционный ход, он признал общие действия с партией, и в особенности, с с.-д. партией, в особенности необходимыми. 6 января... было назначено собрание, на которое были приглашены представители партий... По ознакомлении с содержанием проекта представитель с.-д. заявил, что в такой редакции петиция для социал-демократии неприемлема. Гапон предложил тогда сделать исправления или составить другую петицию»⁸². «Представитель с.-д.» тут же написал свой проект, в котором на первом месте стояло требование созыва учредительного собрания, а среди других требований упоминалось «отделение церкви от государства». Еще одно требование, «прекращение войны по воле народа», совпадало с пожеланием японского правительства и, очевидно, восходило к условиям, выработанным на конференции в Париже»⁸³. Гапон поначалу согласился с этим проектом — вероятно, потому что, как свидетельствует П. Рутенберг, он плохо разбирался в политике и имел манеру «соглашаться» со всеми, даже если высказывались прямо противоположные мнения»⁸⁴.

Но в действительности «социал-демократическая» петиция не понравилась Гапону: текст был написан сухим канцелярским языком и политические требования в нем превалировали над экономическими. В ночь на 7 января Гапон переделал петицию и превратил ее в традиционное прошение-челобитную «царю-батюшке»; при этом он исключил одиозное требование прекращения войны и вставил пункт о передаче земли народу. Но 7 января состоялось еще одно совещание Гапона с «освобожденцами», в котором принимали участие известные лица: Богучарский, Прокопович, Кускова и некоторые другие лидеры либералов. В итоге Гапон попросил Матюшенского еще раз переделать петицию. Петиция сохранила внешний вид челобитной, но в нее был возвращен пункт о прекращении войны, а в формулировках появилась категоричность, нарушавшая прежний смиренный тон. Центральное место в петиции теперь занимали не экономические вопросы, а требование о созыве учредительного собрания.

Таким образом, оформленная как челобитная к «царю-батюшке» петиция содержала требования вестернизированной оппозиции»⁸⁵. Соратники Гапона попытались было возражать, говоря, что такие требования не могут исходить от рабочих. Гапон приказал им молчать и своим авторитетом подавил сопротивление»⁸⁶.

Вступив в контакт с партиями, Гапон оказался окружен присланными ими советниками. Одним из них был Петр Рутенберг, видный эсеровский боевик, который, как признавались позже вожди эсеров, был послан ими «пасти» Гапона. На последних митингах перед 9 января Рутенберг постоянно находился рядом с Гапоном, иногда «транслируя» для народа слова потерявшего голос священника⁸⁷. М. Горький характеризовал своего старого знакомого Рутенберга как «друга и учителя» Гапона, а жена Рутенберга и ее адвокат В. Бернштам утверждали, что Рутенберг был в числе лиц, редактировавших петицию⁸⁸.

Между тем в глазах народа движение было чисто традиционалистским: готовилось всем понятное религиозное действо, крестный ход народа к царю-батюшке за правдой. «Гапону и его людям за два-три дня удалось привести людей в состояние не только религиозного экстаза, но и высочайшего духовного подъема», — писал И. Н. Ксенофонов⁸⁹. «Названный священник приобрел чрезвычайное значение в глазах народа, — писал 8 января прокурор Петербургской судебной палаты Э. И. Вуич. — Большинство считает его пророком, явившимся от бога для защиты рабочего люда...»⁹⁰ Никакие вестернизованные лозунги не смогли бы привести массы в религиозный экстаз — тем более что рабочие по-прежнему не доверяли интеллигентам. «Отчуждение массы рабочих от интеллигенции было настолько велико, — свидетельствует В. И. Невский, — что даже в то время, когда врачи с медикаментами явились рано утром 9-го в район, рабочие говорили им: „Не надо нам вас“. „Спасибо, но... не надо нам вас. Лучше... уходите, пожалуйста“»⁹¹.

Вечером 8 января Гапон совещался сначала с социал-демократами, а потом с эсерами. На встрече с эсерами Гапон спрашивал, есть ли у них бомбы и оружие, и, получив утвердительный ответ, настаивал, чтобы завтра эсеры были в рядах шествия и следили за ним. «Если его около дворца остановят и не пропустят к царю, то он даст знак белым платком — тогда... строй баррикады, бей жандармов и полицию». «Тогда, — говорил Гапон, — не петиции будем подавать, а революцией сводить счеты с царем и капиталистами»⁹². Согласно договоренности, эсеры и социал-демократы должны были идти в задних рядах шествия, иметь с собой оружие и красные флаги, но до времени не выставлять их⁹³.

План «революции» должен был составить Рутенберг, с которым Гапон имел особую беседу поздно вечером. Наутро у эсеровского боевика была карта с диспозицией сил, и движение колонн производилось по этому плану⁹⁴. Позднее выяснилось, что у Рутенберга было также и особое задание от ЦК эсеров. Вот что пишет об этом А. В. Герасимов: «Внезапно я спросил его, верно ли, что 9 января был план застрелить государя при выходе его к народу? Гапон ответил: „Да, верно. Было бы ужасно, если бы этот план осуществился. Я узнал о нем гораздо позже. Это был не мой план, а Рутенберга...“»⁹⁵

Наутро колонны двинулись к центру города, впереди несли царские портреты, иконы и хоругви. Люди, одетые в праздничную одежду, как положено при «крестном ходе», шли с непокрытыми головами и пели молитвы. Полицейские, подчиняясь обычаю, стояли на обочинах тоже с непокрытыми головами. Сила традиции была такова, что два полицейских офицера

по собственной инициативе пошли перед колонной, в которой находился Гапон, расчищая дорогу крестному ходу. В других колоннах революционеры не считали нужным следовать предписанному Гапоном порядку. Горький и его друзья-большевики шли с колонной Выборгского отдела; они первыми, еще до начала столкновений, стали кричать «Долой самодержавие!» и подняли красный флаг. Замысел, очевидно, состоял в том, чтобы — как это было 17 марта 1848 г. в Берлине — путем выбрасывания красных знамен спровоцировать полицию и вызвать крупномасштабные столкновения. Горький непосредственно участвовал в этой провокации и потом сохранил этот флаг на память. В колонне Невского отдела вооруженные эсеры вышли в голову колонны и, ведя толпу, сумели пробиться к Зимнему дворцу; по дороге они производили беспорядки, рвали телеграфные провода и рубили столбы. На Васильевском острове революционеры начали строить баррикаду, как только началось шествие; на баррикаде был водружен красный флаг⁹⁶. После того как начались столкновения, эсеры возвели еще несколько баррикад, стали громить оружейные магазины и вооружать народ. Горький и Анненский во время расстрела демонстрации оказались в публичной библиотеке; Горький призывал находившихся в библиотеке студентов идти сражаться. На Васильевском острове были сооружены три баррикады, но после непродолжительного сопротивления они были взяты штурмом войсками⁹⁷. У восставших было слишком мало оружия; бомбы, обещанные социал-революционерами, оказались пустым обещанием. «Совсем уж плохо было то, — писал В. И. Невский, — что с.-р., зная свою слабость, обещали то, что выполнить не могли»⁹⁸.

После расстрела демонстрации Гапон в сопровождении Рутенберга направился к Горькому⁹⁹. По словам Гапона, Горький обнял его и заплакал. «Что теперь делать, Алексей Максимович?» — спросил Гапон¹⁰⁰. Вечером Горький привел переодетого Гапона на многолюдное собрание (или скорее, митинг) интеллигенции в Вольном экономическом обществе. После митинга состоялось совещание «доверенных лиц», на котором обсуждался вопрос, «как достать оружие и организовать восстание», а потом Гапон вернулся к Горькому, где написал обращение к рабочим, которое утром было переделано Рутенбергом¹⁰¹. Горький в письме к Е. П. Пешковой так подводит итоги дня: «Настроение — растет, престиж царя здесь убит — вот значение дня. Итак, началась русская революция, с чем тебя и поздравляю. Убитые — да не смущают — история перекрашивается в новые цвета только кровью. Завтра ждем новых событий более ярких и героизма бойцов...»¹⁰²

Как следует из письма, Горького не смущала кровь и он праздновал начало русской революции. Оппозиция была уверена, что революция уже началась. Один из руководителей петербургских социал-демократов С. И. Сомов писал о собрании вечером после расстрела 9 января: «Тон собрания был крайне бодрым, большинство его участников выражало твердую уверенность, что теперь рабочие окончательно распростятся со своими прежними иллюзиями и на следующий день начнутся активные выступления народных масс...» Однако на следующее утро¹⁰³, продолжает Сомов, «самый вид улиц предместья принес первое опровержение наших расчетов... По пути нам то и дело попадались большие плакаты — тре-

повские объявления, которые молчаливо читались группами рабочих...»¹⁰⁴ Новый генерал-губернатор Петербурга Д. Ф. Трепов поспешил объяснить рабочим суть произошедших событий, в объявлениях говорилось, что рабочие были увлечены «студентами» на ложный путь, что «именем рабочих были заявлены требования, ничего общего с их нуждами не имеющие», что «нужды трудящихся близки сердцу императора, и они будут рассмотрены». В этой связи говорилось, что царь повелел разработать вопрос о страховании, что министерство финансов «готово приступить к разработке вопроса о дальнейшем сокращении рабочего времени...»¹⁰⁵ От заводууправлений стали поступать сообщения о повышении расценки, о сокращении рабочего дня — и уже через три-четыре дня после расстрела рабочие вернулись на заводы; забастовка окончилась.

«Народный пророк» Гапон где-то прятался, он исчез, и вызванный им религиозный энтузиазм быстро испарился. Растерянные рабочие вернулись на свои заводы, но кое-кто счел необходимым поквитаться с «обманщиками». В городе начались избиения интеллигентов. «Студентов и интеллигентов ловили на улицах, стаскивали на глазах у прохожих с извозчиков, — писал В. И. Невский, — избивали и тут же бросали на улице в кучу, и потом либо убивали их, либо отправляли их в участок...»¹⁰⁶ Это было начало того массового движения традиционалистов против «вестернизированной» интеллигенции, которое потом проявило себя в октябрьских погромах.

Директор департамента полиции А. А. Лопухин в докладе министру внутренних дел следующим образом подводит итог событий: «...Священник Гапон, еще в первых числах января рекомендовавший рабочим не возбуждать политических вопросов, не читать и жечь подпольные листки и гнать разбрасывателей их, войдя затем в сношения с упомянутыми главарями, постепенно начал на собраниях отделов вводить в программу требований рабочих коррективы политического характера и по внесении в нее последовательно общеконституционных положений закончил, наконец, эту программу требованием отделения церкви от государства, что ни в коем случае не могло быть сознательно продиктовано рабочими. Зайдя так далеко в размерах и конечных целях им же вызванного по ничтожному случаю движения, Гапон под влиянием подпольных политических агитаторов решился закончить это движение чрезвычайным актом и, инспирируемый агитаторами, стал пропагандировать мысль о необходимости публичного представления государю императору петиции от забастовавших рабочих об их нуждах... Именно в этот вечер Гапон распространил текст петиции... в которой независимо от пожеланий об улучшении экономических условий были включены дерзкие требования политического свойства. Петиция эта большинству забастовщиков осталась неизвестной и таким образом рабочее население было умышленно введено в заблуждение о действительной цели созыва на Дворцовую площадь, куда и двинулось с единственным сознательным намерением принести царю челобитную о своих нуждах и малом заработке»¹⁰⁷.

«Так совершилось величайшее по своей трагичности и последствиям событие, прозванное революционерами «Кровавым воскресеньем», — писал жандармский генерал А. И. Спиридович. — Провокация революционных деятелей и Гапона, глупость и бездействие подлежащих властей и вера народная в царя — были тому причиною»¹⁰⁸.

Выводы высших полицейских чинов имеют определенную ценность, так как они опираются на всю доступную информацию и стремление избежать повторения событий делает их достаточно объективными. Что может добавить к этим выводам теория вестернизации? По основным параметрам — утверждение западного парламентаризма как цель движения, роль интеллигенции, использование социальных конфликтов традиционного общества, тактические приемы — первый период русской революции можно трактовать как классическую «революцию вестернизации», «революцию извне». В соответствии с теорией вестернизации российская либеральная интеллигенция, осознав свою слабость, встала на путь «революционизации» народа, используя для этого методы политической провокации. П. Б. Струве впоследствии писал, что «в том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации пострадавших народных масс заключалась... политическая ошибка... Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль *ловко инсценированная провокация*...»¹⁰⁹

Огромное значение событий 9 января состоит в том, что они нанесли тяжелый удар идеологическим основам традиционного общества — народной вере в царя и церковь. Карелин описывает, как вернувшиеся после расстрела люди «не только молодые, но и верующие прежде старики топтали портреты царя и иконы»¹¹⁰. Топтали не только портреты царя, но и *иконы* — рушилась не только вера в царя, но и вера в Бога. Это крушение нашло убедительное подтверждение в статистике преступлений против церкви: после революции оно увеличилось в три с лишним раза¹¹¹. Таким образом, события 9 января подорвали веру в православного царя и «народную монархию».

8.5. Политическая борьба весной и летом 1905 года

Либеральная оппозиция сделала все, чтобы усилить волну негодования, поднявшуюся после расстрела. «Царь Николай, — писал лидер либералов П. Б. Струве, — стал открыто врагом и палачом народа... Сегодня у русского освободительного движения должны быть единое тело и един дух, одна двуединая мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало...»¹¹²

В то время как Петербург постепенно успокаивался, в других городах известия о расстреле вызвали рабочие волнения. Однако эпицентр этих волнений находился не в русских губерниях, а в Польше и Литве — там, где любое недовольство многократно усиливалось националистическими настроениями. Поляки и литовцы в это время были до крайности возбуждены призывом в русскую армию для участия в войне на Дальнем Востоке; доля уклонившихся от призыва составляла от 11% в Польше до 28% в Литве¹¹³. 14 января в Варшаве из толпы демонстрантов начали стрелять по полиции; полиция ответила огнем, после чего начались беспорядки, продолжавшиеся три дня. По официальным данным, в эти дни погибли 61 «бунтовщик» и несколько полицейских. В Лодзи бастовало 70 тыс. рабочих и также имели место кровопролитные столкновения с полицией¹¹⁴. Как отмечает Д. Хоскинг, по существу в Польше началось национальное вос-

стание, подобное восстанию 1863–1864 гг.¹¹⁵ Но характерно, что крестьяне не принимали участия в этом восстании: они помнили, что в 1864 г. русский царь наделил их землей за счет восставшей шляхты.

По сравнению с Польшей, в Центральной России было относительно спокойно. В Москве число единовременно бастовавших не превышало 20 тыс. человек, забастовка продолжалась около недели и обошлась без столкновений. В промышленной Владимирской губернии, где насчитывалось 140 тыс. фабричных рабочих, бастовали только 8 тыс. человек. При этом нужно учесть, что забастовщики, как и раньше, применяли метод полунасиленной «агитации», и полиции приходилось брать под охрану предприятия, где рабочие желали продолжать работу. Кроме того, примерно половина забастовщиков выставляла экономические требования, не связанные с событиями 9 января¹¹⁶.

Признавая масштабы волнений, Витте все же довольно оптимистически оценивал ситуацию; он говорил, что 80% народа еще не затронуто революционной пропагандой и советовал царю опереться на народ и армию¹¹⁷. Чтобы успокоить рабочих, была создана «Комиссия для выяснения причин недовольства рабочих в г. Санкт-Петербурге и его пригородах и изысканию мер к устранению таковых в будущем» под председательством сенатора Н. В. Шидловского; в эту комиссию пригласили выборных от рабочих. 24 января на совещании промышленников министр финансов В. Н. Коковцев объявил о намерении правительства приступить к разработке рабочего законодательства. Однако уступки рабочим вызвали недовольство промышленников, которые стали выступать в поддержку либеральных реформ¹¹⁸.

В то время как рабочее движение постепенно шло на спад, студенческие волнения, наоборот, нарастали. В начале февраля вернувшиеся в вузы после каникул студенты приступили к проведению массовых антиправительственных манифестаций. 7 февраля состоялся бурный митинг 5 тыс. студентов и преподавателей Петербургского университета. В большинстве вузов была объявлена студенческая забастовка; занятия прекратились¹¹⁹.

Вспышка рабочих волнений произвела большое впечатление на правящую бюрократию и усилила позиции либералов в правительстве. 17 января министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов предупредил царя о том, что власть не может считать дворянство своей опорой. «В самом дворянстве происходит раскол, — говорил министр, — земские собрания, несмотря на преобладание дворян, не получили того консервативного направления, которого от них ожидали, а скорее — наоборот». Ермолов предупреждал, что нельзя полагаться на войска, которые могут отказаться стрелять в беззащитную толпу, что с каждым выстрелом возрастает опасность покушений на жизнь императора. Чтобы успокоить оппозицию, говорил Ермолов, необходимо вернуться к вопросу о выборном представительстве¹²⁰.

Граф Бобринский свидетельствует, что «страшно испуганные наступлением революции, великие князья теперь отбросили всякую спесь», что «в министерских сферах тоже перепугались и ждут исхода»¹²¹. Этот испуг имел некоторые основания: эсеры угрожали отомстить за расстре-

лы; 3 февраля 1905 г. бомбой террориста был убит великий князь Сергей Александрович. Хорошо осведомленный А. А. Лопухин утверждал, что именно страх, появившийся после гибели Сергея Александровича, заставил Николая II пойти на уступки¹²².

Еще одним фактором, действовавшим в поддержку либералов, стало вмешательство Европы: 24 января Вильгельм II «дружески посоветовал» Николаю II учредить собрание земских представителей для подготовки законопроектов. 4 февраля германский император прислал царю подробный обзор того, что думает о России «так называемый цивилизованный мир»; одновременно он обратился к «кузине» Марии Федоровне (вдовствующей императрице) с просьбой повлиять на сына¹²³.

Наконец, важную роль сыграл финансовый кризис. В начале войны правительство, ввиду крайнего напряжения платежных сил населения, признало невозможность увеличения прямых налогов. С другой стороны, опасаясь недовольства элиты, оно не решалось ввести подоходный налог на состоятельные слои населения. Война финансировалась в основном за счет внешних займов и затруднения с их получением могли привести к финансовому кризису¹²⁴. В начале февраля в Петербург с полуофициальной миссией прибыл организатор французских займов для русского правительства влиятельный банкир Э. Нецлин; предупредив о возможных трудностях в получении займов, он также рекомендовал царю сделать уступки либеральной оппозиции¹²⁵. Отвечая Нецлину, Николай I заявил, что серьезно думает о реформах¹²⁶.

Совокупное действие всех перечисленных выше факторов привело к тому, что Николай II согласился на создание выборного представительства — причем, по мнению Б. В. Ананьича, вопрос о французском займе играл если не решающую, то, по крайней мере, значительную роль¹²⁷. 18 февраля 1905 г. в рескрипте на имя нового министра внутренних дел А. Г. Булыгина царь объявил о своем намерении отныне «привлекать... достойнейших, доверием народа обремененных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений...»¹²⁸. Рамки компетенции выборного представительства предстояло определить учреждаемому под председательством Булыгина «особому совещанию».

Таким образом, хотя масштабы инициированной оппозицией вспышки рабочих волнений были меньшими, чем ожидалось, оппозиции удалось добиться от самодержавия существенных уступок. В значительной степени — в соответствии с теорией вестернизации — этот успех объяснялся поддержкой оппозиции со стороны европейских правительств и обществ западных стран. Большую роль сыграли и финансовые трудности правительства: согласно демографически-структурной теории, государство в период Сжатия должно испытывать финансовый кризис. В начале 1905 г. правительство было весьма чувствительно к вопросу о заключении займов и было вынуждено следовать «пожеланиям» Запада. Напомним, что в 1847 г. в результате такого же финансового давления прусский король обещал созвать Соединенный ландтаг.

Правые фракции либералов приветствовали уступки самодержавия, и это обстоятельство на время ослабило давление оппозиции. Рабо-

чие протесты также шли на спад: по сравнению с январем в марте число участников политических забастовок уменьшилось более чем в 10 раз¹²⁹. Однако в феврале в политическую борьбу вмешался новый мощный фактор: в Черноземном регионе начались крестьянские волнения. В борьбу, которую начали либералы, вслед за рабочими вступают крестьяне.

О настроениях крестьян в этот период можно судить по материалам петиций, посылавшихся крестьянами царю, после того как 18 февраля была разрешена их подача. Приговоры и петиции, посылавшиеся весной и летом 1905 г., требовали передачи крестьянам помещичьей земли (полностью или частично), но сравнительно редко содержали политические требования¹³⁰. Черниговский губернатор связывал начало волнений с забастовками в близлежащих промышленных городах; исследователи, со своей стороны, отмечают большую роль крестьян-отходников, которые приносили в деревню новости из городов и часто становились инициаторами волнений¹³¹. Однако основной причиной крестьянских волнений было малоземелье; как отмечает А. М. Анфимов, уезды, в которых начались волнения 1905 г., отличались особенно острым крестьянским малоземельем в сочетании с большой долей помещичьих земель в общем земельном фонде¹³².

В течение февраля в Курской, Орловской и Черниговской губерниях было «разобрано» 20 экономий. Масштабы волнений пока были меньшими, чем в 1902 г., но крестьяне действовали более решительно; в нескольких случаях были сожжены помещичьи усадьбы. Вожаки крестьян в Курской губернии призывали к разгромам помещиков царевым именем, в уезде появились «царские» «золотые грамоты». Крестьянское движение, таким образом, было направлено не против самодержавия, а против помещиков (многие из которых были либералами)¹³³.

Правительство сразу же отреагировало на начало крестьянского движения: была частично снята задолженность по продуктовым долгам (выросшая после голода 1891 г. до размеров, превосходивших недоимки по выкупным платежам). Этатистская бюрократия была не прочь противопоставить крестьян либеральной оппозиции. В начале мая Трепов представил царю записку И. Гофштеттера, в которой предлагалось созвать Земский собор, на котором царь с помощью крестьянского большинства провозгласит новую земельную реформу¹³⁴.

Левое крыло либералов, со своей стороны, пыталось привлечь народные массы к борьбе. В то время, писал П. Н. Милюков, «революционное движение далеко не успело проникнуть в массы, его роль заменяла „симуляция революции“ интеллигентами...»¹³⁵. На съезде «Союза освобождения», состоявшемся 25–28 марта, в программу «Союза» было впервые внесено требование «нового наделения безземельных и малоземельных крестьян государственными... землями, а где их нет — частновладельческими, с вознаграждением нынешних владельцев этих земель». В этой программе нашлось место и требованиям рабочих, и в частности говорилось о необходимости введения 8-часового рабочего дня. В отношении обещанного царем представительства говорилось, что выборы в него должны осуществляться путем всеобщей и равной подачи голосов. Таким образом, по мере обострения борьбы программа «Союза освобождения» приобретала более

радикальный характер¹³⁶. Это противоречило представлениям о классическом либерализме XIX в., но соответствовало новым западным веяниям — тому «новому либерализму», который шел на уступки радикалам и зарождение которого было связано с именами Клемансо и Ллойд-Джорджа¹³⁷.

Важным направлением деятельности «Союза» стало создание профессиональных организаций в той среде, в которой функционировали «освобожденцы» — то есть в среде интеллигенции. Весной 1905 г. были созданы союзы врачей, учителей, адвокатов, железнодорожных служащих и т. д.; все эти организации были объединены в Союзе союзов¹³⁸.

Судя по общим данным о числе забастовщиков, рабочее движение в мае-июле несколько оживилось. Однако центр его находился по-прежнему в Польше: в Лодзи 9–11 июня бастовало 70 тыс. рабочих, шли баррикадные бои, число убитых «бунтовщиков» превышало 200 человек. В мае-июне бастовали более 30 тыс. текстильщиков Владимирской губернии; в Петербурге 9 июля была проведена стачка в память погибших 9 января; в стачке участвовало 35 тыс. рабочих, но это была лишь однодневная акция¹³⁹. Как отмечает С. Шварц, в целом для забастовок этого периода были характерны экономические требования¹⁴⁰. Что касается крестьянского движения, то летом было много конфликтов на почве потрав и покосов, но случаи «разборки» помещичьих имений были единичными.

Разгром при Цусиме нанес новый удар по авторитету самодержавия, и в обстановке смятения правительство одно время обсуждало вопрос о немедленном созыве Земского собора — но затем этот проект был оставлен¹⁴¹. Было решено пойти на мирные переговоры с Японией; это решение было обусловлено также и усугублявшимися финансовыми проблемами: переговоры о кредитах сорвались и стало ясно, что, по словам Витте, дальнейшее ведение войны возможно только «ценою полного финансового, а затем и экономического краха»¹⁴². Таким образом, *вновь, как и в период Крымской войны, выяснилось, что Россия не может вести войну в обстановке внутреннего конфликта, Сжатия и порожденного им финансового кризиса.*

Период до августа 1905 г. проходил под знаком ожидания результатов работы булыгинского «совещания» по подготовке законов о будущей Думе. В середине июня законопроект попал в печать и выяснилось, что правительство стремится максимально ограничить роль Думы. Земский съезд, состоявшийся 6–8 июля, потребовал предоставления Думе законодательных прав, а также немедленного провозглашения политических свобод. Съезд принял обращение к народу с призывом работать вместе с земцами ради «достижения истинного народного представительства». Было решено начать «освободительную» агитацию в народе; некоторые земства стали устраивать совещания с крестьянами. 31 июля — 1 августа по инициативе либералов и с их участием состоялся учредительный съезд Крестьянского союза. Вместе с тем продолжавшиеся в разных местах аграрные волнения начали вызывать опасения дворянства. 18 июня 26 губернских руководителей дворянства представили царю записку, в которой, поддерживая предложения земцев, в то же время сетовали на то, что ослабление власти может вызвать попытки земельного передела¹⁴³.

В июле 1905 г. состоялась серия правительственных совещаний в Петергофе, на которых обсуждался законопроект о Думе. Правительство ис-

кало для себя будущую думскую опору, и в этой связи высказывались суждения о расколе элиты и о ненадежности опоры на дворянство. «С 1890 г. 9/10 гласных принадлежат к российскому дворянству, — говорил В. Н. Ковцев, — поэтому к ошибкам и заблуждениям земства дворянство не может считать себя непричастным... Какое же основание верить в то, что дворяне в Думе будут представителями консервативных начал? Не служит ли предостережением против такого заблуждения пример последнего съезда в Москве? Ведь в нем участвовали по преимуществу дворяне, в числе коих находились многие представители славных в прошлом дворянских родов... Жалованная грамота дворянству не удостоверяет верность его престолу»¹⁴⁴. «Позвольте Вас спросить: к какому сословию принадлежат князья Долгорукие, Трубецкие, Голицыны, Шаховские, Кузьмины-Караваевы, Петрункевичи? — возмущенно вопрошал великий князь Владимир Александрович. — Они дворяне. А что они говорят и пишут?»¹⁴⁵ Но в то же время высказывались опасения и по поводу другого сословия, считавшегося опорой престола, крестьянства. «Не достаточно ли какому-нибудь адвокату посулить выборщикам из крестьян передел земли, чтобы склонить их голоса в свою пользу?» — спрашивал А. А. Нарышкин¹⁴⁶. «Об устойчивую стену консервативных крестьян разобьются все волны красноречия передовых элементов», — отвечал граф Бобринский¹⁴⁷. Правительство сочло, что основная масса крестьян еще не затронута революционной агитацией, и представители крестьян должны были составить 43% выборщиков депутатов в будущей Думе. 34% выборщиков должны были принадлежать к землевладельческой курии и 23% — к городской¹⁴⁸. «Расчет все явственнее сводился к тому, чтобы поставить перед ведущими штурм самодержавия силами крестьянскую думу и прикрыть ею власть», — писал Ю. Б. Соловьев¹⁴⁹.

6 августа был опубликован Манифест о Государственной думе; из манифеста следовало, что Дума будет избираться через многоступенчатую систему выборов и иметь совещательный характер. Введение имущественного ценза лишало избирательных прав практически всех рабочих. Союз союзов еще в июле призвал к бойкоту Думы и к устройству массовых протестов. Однако массовых народных протестов не последовало; по сравнению с летними месяцами активность рабочего и крестьянского движения в сентябре заметно снизилась. Это успокаивало правительство. В то же время оставалось неясным, как поведет себя крестьянство. В конце сентября Витте на совещании министров предостерегал, что «студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающеюся на нас крестьянскою пугачевщиною», и предлагал для предотвращения крестьянского движения «тотчас по собрании Думы передать ей крестьянский вопрос»¹⁵⁰. Это была позиция этатистской группировки в правительстве, которая считала возможным пожертвовать интересами (в значительной части либерального) дворянства ради государственных интересов и традиционного принципа «самодержавие, православие, народность». А. Я. Аврех называл этот курс «цезаризмом» и считал Витте главным проводником прокрестьянской «цезаристской» политики¹⁵¹. «Тогда было признано, — писал С. Ю. Витте, — что держава может положиться только на крестьянство, которое по традиции верно са-

модержавию. Царь и народ!.. Поэтому такие архиконсерваторы, как Победоносцев, Лобко и прочие, все настаивали на преимуществах в выборном законе крестьянству»¹⁵².

Таким образом, весной и летом 1905 г. революционное движение (за исключением Польши) развивалось в сравнительно медленном темпе. В попытке привлечь на свою сторону крестьян и рабочих либеральная оппозиция сделала решительный шаг влево, но не получила ожидаемого отклика. Правительство по-прежнему рассматривало традиционалистское крестьянство как свою опору в борьбе с вестернизированной оппозицией и предоставило ему значительное число мест в Думе. При этом баланс сил рассчитывался не по сословным и классовым интересам, а по вектору противостояния вестернизационных и традиционалистских группировок. Но как вскоре выяснилось, этот расчет был ошибочным: в действительности страна находилась на пороге крестьянского восстания.

8.6. Манифест 17 октября 1905 года

Между тем либеральная оппозиция прилагала все усилия, чтобы снова вовлечь в борьбу массы. Находившийся под влиянием либералов Крестьянский союз призвал крестьян писать петиции и приговоры с требованиями, перечисленными в специально изданной листовке. Среди этих требований, помимо всеобщего избирательного права, появилось радикальное требование передачи всей земли тем, кто ее обрабатывает¹⁵³. В середине сентября собрался новый земский съезд, и в программу земцев были включены требования наделения крестьян землей за счет частичного выкупа земли помещиков, а также 8-часовой рабочий день. «В обиход вошло выражение латинского поэта, — писал Милюков, — „Если не смогу склонить высших (богов), двину Ахеронт (адскую реку)“»¹⁵⁴. Под «Ахеронтом» разумелись народные массы. Однако такая тактика ставила под удар интересы землевладельцев, и часть земцев покинула съезд: союз между оппозиционной фракцией дворянства и вестернизированной интеллигенцией начал распадаться¹⁵⁵. Однако либеральная интеллигенция продолжала вовлекать в борьбу народ.

«Передаточным звеном» между либералами и народом по-прежнему были студенты. 3 сентября в Выборге состоялся студенческий съезд, на котором было принято решение «использовать высшие учебные заведения для революционной агитации и пропаганды в широких массах населения и предпринять меры к организации боевых отрядов...»¹⁵⁶. В течение сентября в Московском университете прошло несколько митингов, на которые приглашали рабочих. Эта агитация была одним из побудительных мотивов забастовки московских печатников, которая началась 19 сентября. К 4 октября в Москве бастовало около 12 тыс. фабричных рабочих¹⁵⁷.

Главную роль в организации октябрьской всеобщей стачки сыграл Всероссийский железнодорожный союз (ВЖС) — профсоюз железнодорожных служащих, входивший в созданный либералами Союз союзов. Это был профсоюз инженеров, техников, управленцев; он насчитывал около 6 тыс. человек, что составляло примерно 15% железнодорожных служащих. Нужно отметить, что поскольку российская интеллигенция в целом

была в значительной мере дворянского происхождения, то и на железных дорогах работало много обедневших дворян. На белорусских линиях, к примеру, около 20% конторщиков и счетоводов составляли выходцы из дворян. Это были «изгои» дворянского сословия, которые, несомненно, болезненно переживали свой переход из дворянства в конторщики. Поэтому не удивительно, что по своей идеологии ВЖС (как и вся народническая интеллигенция) был близок к экстремистски настроенным эсерам. Что касается рабочих (которых на железных дорогах насчитывалось 700 тыс.), то в ВЖС их практически не было¹⁵⁸.

Съезд ВЖС еще в июле принял решение о проведении всеобщей забастовки, но в центральном бюро союза не было согласия относительно времени ее проведения; многие считали, что подходящий момент еще не наступил. Как и в событиях 9 января, существенную роль сыграла провокация. В первых числах октября в Петербурге собрался съезд ВЖС, посвященный созданию пенсионных касс. 5 октября в центральное бюро в Москве неожиданно поступило (оказавшееся ложным) известие об аресте всех депутатов, и бюро сразу же разослало телеграмму с призывом к стачке. Хотя члены ВЖС составляли лишь 1% всех железнодорожных рабочих и служащих, с началом забастовки остановились практически все железные дороги. Условия функционирования дорог были таковы, что для остановки движения достаточно было сбоя в работе какой-нибудь из технических служб, например диспетчерской, телеграфной и т. д. После остановки движения рабочие собирались на митинг; некоторые из них поддерживали забастовку, другие не поддерживали — но они не могли возобновить движение, и им приходилось «бастовать». Таким образом, считается, что в железнодорожной забастовке участвовали все 750 тыс. рабочих и служащих этой отрасли¹⁵⁹.

Остановка всех железных дорог послужила мощным импульсом к развертыванию забастовочной борьбы. На одних фабриках рабочие использовали ситуацию, чтобы предъявить свои требования; другие фабрики останавливались просто в результате прекращения подвоза сырья. Толпы забастовщиков врывались на еще работающие предприятия и принуждали их рабочих присоединяться к стачке. По данным фабричной инспекции, в октябре бастовало 519 тыс. рабочих — около трети всех фабричных рабочих России. Большинство бастующих требовало увеличения зарплаты и введения 8-часового рабочего дня, почти $\frac{2}{3}$ из них выдвигали политические требования — вплоть до созыва учредительного собрания. В выдвижении политических требований большую роль играла агитация студентов и социал-демократов; в университетах почти непрерывно проходили митинги с участием рабочих. В стачке участвовало 200 тыс. студентов и учащихся средних школ. 13 октября Союз союзов призвал к забастовке входившие в него профсоюзы служащих. Во всеобщей забастовке приняли участие 150 тыс. служащих государственных, городских, земских учреждений, 150 тыс. рабочих и служащих торговых предприятий и городского транспорта¹⁶⁰. «Сегодня к полудню забастовали водопровод, газовые заводы и электрическая станция, — докладывал московский градоначальник Г. П. Медем, — некоторые магазины и лавки прекратили торговлю; в 3 часа дня группа адвокатов... ворвалась в здание суда,

потребовала прекращения разбираемого дела, а затем заставила прекратить занятия канцелярию суда»¹⁶¹.

Таким образом, всеобщая стачка была инициирована народнической и либеральной интеллигенцией из ВЖС и Союза союзов, но в дальнейшем развивалась стихийно¹⁶². В Петербурге представители бастующих предприятий для координации усилий создали Совет рабочих депутатов, затем такие советы были созданы и в некоторых других городах. 12 октября собрался учредительный съезд конституционно-демократической партии, на котором кадеты заявили о поддержке всеобщей стачки. Во вступительной речи на съезде П. Н. Милюков отмежевался от «агров и промышленников», заявив об «идейном, внеклассовом» характере новой партии. В программе кадетов содержались требования, заявленные сентябрьским земским съездом и направленные на привлечение масс, — положение о наделении крестьян землей и 8-часовом рабочем дне. Таким образом, либеральная интеллигенция делала шаг от союза с дворянской оппозицией к союзу с низшими классами¹⁶³.

Положение правительства усложнял постоянный финансовый кризис. Французские банки медлили с предоставлением займа, и президент Франции Лубэ прямо говорил С. Ю. Витте, что «без системы представительства и конституции Россия более идти не может»¹⁶⁴. Под давлением обстоятельств шаг влево была вынуждена сделать и этактиская бюрократия. 9 октября С. Ю. Витте представил царю записку, в которой предлагал ему сделать выбор: либо ввести военную диктатуру и подавить стачку вооруженной силой, либо пойти на кардинальные уступки, в том числе расширить функции Думы и избирательные права, законодательно уменьшить продолжительность рабочего дня и, в качестве крайней меры, организовать выкуп помещичьих земель, арендуемых крестьянами. Великий князь Николай Николаевич, которому царь предложил взять на себя роль диктатора, отклонил это предложение, сославшись на ненадежность войск, и посоветовал царю принять программу Витте. 17 октября царь подписал манифест, в котором сообщалось о «даровании населению незыблемых прав гражданской свободы» и о том, что отныне никакой закон не может получить силу без санкции Думы.

«Да, России дается конституция. Немного нас было, которые боролись против нее, — жаловался царь Трепову. — Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло. Всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное!»¹⁶⁵

Назначенный председателем Совета министров Витте вступил в переговоры с бастующими. Руководству ВЖС были даны обещания «принять решительные и безотлагательные меры» по улучшению быта железнодорожников, и 20 октября оно призвало к прекращению стачки. Вслед за прекращением забастовки железнодорожников приступили к работе и многие бастовавшие фабрики.

Конституция означала модернизацию по западному образцу, а модернизация неминуемо должна была встретить сопротивление традиционалистских сил. Основой национальной традиции была православная церковь, которая всячески противилась распространению либеральных идей — в особенности по вопросу свободы вероисповедания.

«А вы, друзья, — обращался к своей пастве Иоанн Кронштадтский, — крепко стойте за Царя, чтите, любите его, любите святую Церковь и Отечество и помните, что Самодержавие — единственное условие благоденствия России, не будет Самодержавия — не будет России; заберут власть евреи, которые сильно ненавидят нас»¹⁶⁶.

Хотя впоследствии церковь официально осудила погромы, после 17 октября многие епископы выступили с призывами поддержать царя в борьбе с «крамольниками». Соборы стали центрами организации крестных ходов; тысячи людей с иконами и портретами царя вышли на улицы, чтобы продемонстрировать свою поддержку православной монархии; священники шли во главе толп. Более чем в 100 городах между манифестантами и стачечниками произошли столкновения; так как манифестанты численно превосходили «крамольников», то столкновения принимали характер погромов. Повсюду на улицах избивали студентов и интеллигентов; в Томске стачечники были окружены в одном из зданий железнодорожного управления, которое было затем подожжено. В южных городах манифестации вылились в еврейские погромы; общее число жертв составило около 1600 человек¹⁶⁷.

В ноябре-декабре 1905 г. традиционалистское движение оформилось политически — был создан Союз русского народа, который впоследствии стали называть «черной сотней». Однако программа Союза не шла дальше старого лозунга «самодержавие, православие, народность»; черносотенцы ничего не обещали ни крестьянам, ни рабочим, поэтому они не пользовались поддержкой в деревнях и рабочих кварталах.

Подводя итоги событиям октября 1905 г., можно констатировать, что они в общих чертах укладываются как в рамки демографически-структурной теории, так и в рамки теории вестернизации: не получив от правительства обещанных уступок, оппозиционная фракция элиты снова пытается поднять на борьбу народ и инициировать социальные конфликты. Теперь (в отличие от 9 января) она открыто, с помощью студентов, агитирует рабочие массы и провозглашает социальные лозунги: 8-часовой рабочий день и передача земли крестьянам. С помощью небольшого профсоюза железнодорожных служащих оппозиции удастся остановить железные дороги и вовлечь рабочих в массовую стачку. На политику правительства оказывает воздействие и угроза финансового кризиса, которая вновь придает убедительность «пожеланиям» западных финансистов и политиков. В конечном счете правительство вынуждено пойти на новые, более существенные уступки и удовлетворить основные требования оппозиции. Правительство обещает либералам конституцию, но народные массы почти ничего не получают, социальные требования, с помощью которых оппозиция вовлекла в движение народ, остаются без ответа.

Необходимо, однако, отметить, что фиксируя реальную инициативу элитных групп в развертывании революции, мы не должны забывать, что эти группы обращались к народу, *принимая за очевидное, что он готов подняться на борьбу*. Эта готовность была следствием Сжатия и тяжелого материального положения трудящихся масс. То обстоятельство, что оппозиционные фракции элиты прилагали усилия, чтобы вовлечь народ в борьбу, отнюдь не означало, что народ не мог подняться сам по себе —

такое уже было в 1902 г. Тогда главным побудительным мотивом был неурожай и голод — осень 1905 г. принесла такой же неурожай, и крестьянство вступило в борьбу.

8.7. Крестьянство вступает в борьбу

Всеобщая железнодорожная стачка привела в движение огромные массы рабочих — и она оказала такое же воздействие на крестьян. Для крестьян железная дорога с ее четкой дисциплиной была символом государственной мощи; остановка дороги означала поломку государственного механизма. «Крестьяне, — вспоминал очевидец событий, — толпами сходились к линии, убеждались, что чугунка стоит, расспрашивали железнодорожников о причинах забастовки и, зараженные новыми идеями, возвращались в свои села и деревни. Вести о забастовке будоражили деревню»¹⁶⁸. В. М. Гохленер, изучавший крестьянское движение в Саратовской губернии, установил, что оно начиналось в селах, расположенных близ железных дорог и затем распространялось в глубинные районы¹⁶⁹.

Социал-демократы и эсеры вели агитацию в деревнях, но ее роль до крайности преувеличивалась партийными историками. Т. Шанин, ссылаясь на данные полиции, отрицает роль партийной агитации в крестьянских волнениях¹⁷⁰. Действительно, в Саратовской губернии, к примеру, в первой половине 1905 г. большевистские листовки распространялись от случая к случаю лишь в 50–60 селах, а сел в губернии насчитывалось несколько тысяч¹⁷¹. О. Г. Буховец приводит статистические данные об эффективности агитации в Белоруссии, которые, правда, относятся к более позднему периоду, к 1907–1914 гг. В соответствии с этими данными, крестьянские выступления имели место в 14 из 131 селения, в которых проводилась агитация, и в 924 селениях, в которых агитация не проводилась. Таким образом, крестьянские выступления практически не зависели от интенсивности партийной пропаганды¹⁷². «„Складно говорившие“ агитаторы рассматривались крестьянами как чужаки, даже если они говорили об увеличении крестьянских наделов!», — отмечает О. Г. Буховец¹⁷³.

Другое дело — «агитация», проводимая вернувшимися в родные места отходниками, многие из которых участвовали в рабочих забастовках и демонстрациях. Земский начальник Ряжского уезда доносил рязанскому губернатору: «С прибытием крестьян с отхожих промыслов в селениях вдруг откуда-то начали всплывать разного рода слухи о всеобщем переделе... об установлении рублевой поденной платы сельских рабочих»¹⁷⁴. «В уезд прибывает много рабочих с заводов и шахт, — доносили 22 октября орловскому губернатору из Кромского уезда. — Они говорят крестьянам: гоните управляющих, сами становитесь управляющими»¹⁷⁵. Пронский уездный исправник сообщал рязанскому губернатору: «Крестьяне чувствуют себя господами положения... Безошибочно можно сказать, что нет в уезде селения, в котором крестьяне не намеревались бы вырубить помещичий лес или разгромить усадьбу и в особенности в последнее время, когда в селения начался наплыв мастеровых и другого рабочего люда из столиц, т. к. много заводов и фабрик закрыто»¹⁷⁶. «Документы показывают, что крестьяне-рабочие, — пишет Т. Шанин, — часто приносили ин-

формацию о революционных событиях или руководили крестьянскими общинами в борьбе 1905–1907 гг.»¹⁷⁷ Через отходников в деревню поступали известия о беспорядках в городах, и суть этой информации сводилась к тому же, о чем сигнализировала остановившаяся железная дорога — это были свидетельства ослабления государственной власти.

Очевидное ослабление власти было важным фактором развития событий, однако *основными факторами были хроническое малоземелье крестьян и неурожай 1905 г.* Неурожай имел локальный характер. В целом по Европейской России душевой чистый сбор составил 23,3 пуда, а потребление — 18,4 пуда, что было лишь немногим ниже средних показателей. Но по семи губерниям Черноземья чистый сбор составил только 15,4 пуда, вдвое меньше среднего уровня предыдущего пятилетия. Тяжелое положение сложилось также в Поволжье, особенно в Саратовской губернии, где урожай 1905 г. был в 2,5 раза меньше среднего¹⁷⁸. При этом нужно учесть, что крестьянам принадлежал не весь урожай, что часть зерна лежала в помещичьих амбарах и как обычно готовилась к отправке за границу. Весной, когда запасы подойдут к концу, миллионам крестьян угрожал голод и единственным выходом было «разобрать» хлеб, хранящийся в помещичьих экономиях.

П. Н. Першин подсчитал чистый сбор зерна и картофеля на крестьянских полях во всех уездах Европейской России и отметил на карте те уезды, в которых сбор не превышал 12 пудов на душу. В зоне голода проживало 30 млн человек, она охватывала Черноземье, Поволжье, Белоруссию, Литву и восточную часть Центрального района¹⁷⁹.

Резонансное действие трех факторов, хронического малоземелья, неурожая и ослабления государственной власти привело к тому, что крестьянство восстало. Как показывает П. С. Кабытов, именно осенью 1905 г. в действиях крестьян исчезают свойственная им ранее робость и нерешительность¹⁸⁰. Поскольку действия карательных сил были парализованы железнодорожной забастовкой, то крестьяне стали хозяевами в сельской местности. Во времена прежних выступлений бунтовщики обычно ограничивались захватом зерна в помещичьих экономиях, теперь же они, забрав зерно, сжигали поместья. Из Тамбовской губернии сообщали в октябре 1905 г.: «Горизонт весь в многочисленных заревах». 1 ноября тамбовский губернатор телеграфировал Витте: «Аграрное движение быстро разрастается, масса усадеб уничтожена, землевладельцы бегут...» Из Курской губернии генерал Дубасов докладывал царю: «...Свыше ста усадеб разгромлено и сожжено; уничтожен весь инвентарь и скот»¹⁸¹. «Народные бунты в деревнях усиливаются, — писала дочь саратовского губернатора П. Столыпина, — крестьяне жгут имения помещиков, уничтожают все, что попадаете им под руку: библиотеки, картины, фарфор, старинную мебель... Проезжая по железной дороге через Саратовскую губернию, можно было видеть из окон ровную степь, освещенную, как горящими факелами, подожженными усадьбами»¹⁸². На вопросы одного саратовского помещика, зачем они разоряют все дотла, крестьяне ответили: «Ежели мы оставим постройки в целости, то через 2–3 месяца ты сможешь вернуться и зажить по-старому, ну, а если построек не будет, то раньше двух лет тебе здесь делать нечего...»¹⁸³

Восстание охватило в основном Черноземье и Поволжье. По данным МВД, в октябре-декабре 1905 г. было разгромлено в общей сложности около 2 тыс. помещичьих имений (1/15 всего их числа), размеры убытков помещиков составили 29 млн рублей. В некоторых районах, например в Балашовском уезде Саратовской губернии, были уничтожены буквально все помещичьи усадьбы. В Саратовской губернии за время революции было разрушено $\frac{2}{5}$ всех поместий и потери помещиков оценивались в 9,6 млн рублей, в Самарской губернии ущерб составил 3,9 млн рублей, в Курской — 3,1 млн рублей, в Черниговской — 3 млн рублей, в Тамбовской губ. — 2,5 млн рублей.¹⁸⁴ Генерал Сахаров, командовавший карателями в Саратовской губернии, отмечал, что «побудительной целью движения служит желание захватить хлеб в амбарах, так как губернию постиг в нынешнем году страшный голод», что *восстание бушевало в малоземельных уездах и почти не затронуло многоземельные районы*¹⁸⁵. «В большинстве случаев крестьяне объясняли свое участие в движении тем, что они хотели есть, — писал С. Н. Прокопович. — Часто они ограничивались одним увозом хлеба и сена. Осенью 1905 г., когда начался голод в неурожайных местах, а помощи ни откуда не было, крестьяне решили спастись от голодной смерти „общим согласием“. Во многих местах разобрание или дележка помещичьих экономий была совершена по приговорам сельских обществ»¹⁸⁶. Если выносился такой приговор, то крестьяне внимательно следили, чтобы в разгроме усадьбы участвовали все, даже женщины и дети¹⁸⁷. Как отмечает Л. Т. Сенчакова, «общество» и «волость», общинный и волостной сходы, были готовыми формами организации крестьян, которые использовались ими в борьбе с помещиками. Однако выше уровня волости крестьянская организация практически не поднималась; случаи, когда крестьяне объединялись всем уездом, чтобы воевать против помещиков всего уезда, были редкими¹⁸⁸. Наиболее ярким примером такого рода может служить Марковская республика в Волоколамском уезде Московской губернии, просуществовавшая с 31 октября 1905 г. по 16 июля 1906 г.

Борьба носила в основном местный, локальный характер, каждая деревня воевала со «своим» помещиком, пытаясь заставить его задешево распродать крестьянам свои земли и уйти. Разгромив усадьбу своего помещика, крестьяне обычно успокаивались и ждали, что будет дальше. При этом, несмотря на впечатляющие масштабы разрушений, восстание было отнюдь не всеобщим и не повсеместным. Для Воронежской губернии, например, подсчитано, что в восстании принимали участие жители 243 из 2509 сел и деревень, то есть им была охвачена только десятая часть населенных пунктов¹⁸⁹.

Крестьянское восстание было стихийным и неуправляемым, и собравшийся в ноябре съезд Крестьянского союза не пытался говорить от лица восставших. Однако выступления на этом съезде и его решения позволяют выяснить настроения крестьянства. Депутаты требовали свободы слова и собраний, но при этом они по-прежнему не выступали против царя, обвиняя во всем министров и чиновников. По мнению многих исследователей, крестьяне больше интересовались экономическими вопросами, чем политическими¹⁹⁰. Они имели свои цели, отличные от целей либералов или рабочих: они требовали раздела между крестьянами всех частных

земель и ликвидации частной земельной собственности. Когда делегация рабочих во главе с социал-демократами потребовала предоставить ей право участия в дебатах, крестьяне ответили, что не нуждаются в учителях¹⁹¹.

Как доказывает Т. Шанин, крестьянское восстание было выступлением, не зависимым от борьбы в городах, оно имело свои цели и свои причины¹⁹². В городах происходила, по терминологии Т. фон Лауэ, «революция извне», — в деревнях началась крестьянская война. «Самая серьезная часть русской революции 1905 года, — писал Витте, — конечно, заключалась не в фабричных, железнодорожных и тому подобных забастовках, а в крестьянском лозунге „Дайте нам землю, она должна быть нашей, ибо мы ее работники“ — лозунге, осуществления которого начали добиваться силой»¹⁹³.

Однако крестьянская война 1905 г. не походила на «пугачевщину». Как ни странно, восстание было почти бескровным, крестьяне громили помещичьи усадьбы, но не трогали помещиков и по мере возможности избегали столкновений с властями. Когда в деревню приходили войска, им не оказывали активного сопротивления — потому что безоружные крестьяне попросту не могли сопротивляться вооруженной силе. В действиях крестьян просматривалось желание не доводить борьбу до кровопролития. Это желание проявилось также в том, что съезд Крестьянского союза высказался против вооруженного восстания и не одобрил разгрома поместий, считая крайним средством борьбы сельскую забастовку и отказ от уплаты податей¹⁹⁴. В действиях крестьян кое-где еще проглядывала вера в царя — но правительство применяло для подавления волнений самые жестокие меры, в некоторых случаях даже артиллерию. Министр внутренних дел Дурново 31 октября 1905 г. отдал приказ, в котором призывал карателей действовать «круто и сурово»¹⁹⁵.

Крестьянское восстание означало, что в революцию вовлекаются глубинные пласты общества, огромные массы сельского населения. Однако революционный процесс не остановился на этом — он продолжал расширяться, вовлекая в себя последний оплот самодержавия — армию. Армия состояла в основном из крестьян, поэтому массовые крестьянские волнения неминуемо передавались и в солдатскую среду. Первая бунтарская вспышка произошла еще в июне — это было восстание на броненосце «Потемкин». Во время всеобщей стачки отмечалось невиданное прежде явление — массовое участие солдат в митингах и демонстрациях. В конце октября и в ноябре имело место пять вооруженных солдатских митингов, шесть вооруженных демонстраций и семь вооруженных солдатских выступлений, сопровождавшихся борьбой с правительственными войсками. 26–27 октября произошло вооруженное восстание в Кронштадте; 12–17 ноября — в Севастополе; 2–3 декабря происходили волнения в московском гарнизоне¹⁹⁶. Особенно взрывоопасным было положение на флоте. «Состояние флота становилось все хуже, — вспоминал военный министр А. Ф. Редигер, — и он являлся несомненной опасностью для страны. Государь это вполне сознавал и однажды по поводу какого-то беспорядка в Черноморском флоте вполне спокойно сказал, что Севастопольская крепость должна быть готова пустить его, буде нужно, ко дну»¹⁹⁷.

Таким образом, в ноябре 1905 г. в деревне началась крестьянская война. В определенной степени эта война была инициирована подготовлен-

ной либералами октябрьской стачкой, большую роль сыграл неурожай в черноземных областях, но главной, глубинной причиной было малоземелье, перенаселение и Сжатие — процессы, описываемые демографически-структурной теорией.

Крестьянское восстание вызвало огромную тревогу в правительственных сферах: становилось ясно, что революция распространяется на огромные крестьянские массы. Д. Ф. Трепов в срочном порядке представил царю проект наделения крестьян посредством принудительного отчуждения у помещиков половины земли. Трепов настаивал, чтобы о новой «Великой реформе» возвестил сам царь и притом немедленно, однако Николай II отправил проект С. Ю. Витте, а Витте полагал, что закон должна принять Дума, и в ожидании ее созыва поручил доработку проекта главноуправляющему землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлеру. В качестве немедленной меры было принято решение о сложении выкупных платежей. Это была существенная уступка властей, царь практически полностью (за исключением маленького поземельного налога) снимал с крестьян центральные прямые налоги; теперь крестьяне платили только местные, мирские и земские, подати, и в целом прямое обложение крестьян уменьшилось более чем вдвое¹⁹⁸. Кроме того, было решено облегчить покупку помещичьей земли крестьянами с помощью ссуд Крестьянского банка.

Восстание крестьян и слухи о готовящейся реформе вызвали панику среди дворянства. 17 ноября 1905 г. 277 крупнейших помещиков 33 губерний срочно съехались в Москву на совещание, на котором было объявлено о создании Союза землевладельцев. Союз обвинил Витте в «недостойной политике, опирающейся на революционные силы», и потребовал немедленно «успокоить и водворить мир в сельских местностях», используя власть, «не ограниченную в средствах суда и расправы». Одновременно была организована придворная агитация против проекта Кутлера, а группа гвардейских офицеров (в традициях екатерининских времен) составила заговор с целью устранения Витте¹⁹⁹.

Витте действительно медлил с «судом и расправой» и не вводил военного положения. «Помню недоумение, которое долго возбуждало поведение Витте, — вспоминал В. А. Маклаков. — Он бездействовал, давая революции разрастаться»²⁰⁰. Премьер-министр пытался остановить революцию, заключив соглашение с либералами. В середине ноября состоялся очередной земский съезд, оказавшийся последним. Либеральная «общественность» окончательно раскололась; правые либералы создали партию «октябристов» и заявили о поддержке правительства; левые либералы (кадеты) продолжали настаивать на прямом и равном избирательном праве, но намеревались вести дальнейшую борьбу парламентскими средствами. Кадеты уже не поддерживали демонстраций и забастовок — и пугались мысли о возможности вооруженного восстания. Правда, не вошедшая в партию кадетов группировка либеральной интеллигенции из «Союза освобождения» вместе с Союзом союзов по-прежнему выступала за сотрудничество с социал-демократами и революционные методы борьбы²⁰¹.

Таким образом, издание манифеста 17 октября и крестьянское восстание вызвали перегруппировку политических сил. С одной стороны, начиналась реакция: на правом фланге происходила консолидация нелиберальной части дворянства и традиционалистских монархических группировок типа Союза русского народа. С другой стороны, инициировавшая революцию оппозиционная элитная группировка раскололась на три части: «октябристы» помогали правительству остановить революцию, кадеты отошли от внепарламентской борьбы, и лишь левая интеллигенция продолжала борьбу в союзе с социал-демократами. В то же время вовлеченные либералами в борьбу рабочие пока ничего не получили от революции и были полны решимости добиваться учредительного собрания, равных избирательных прав, но главным образом — 8-часового рабочего дня. Крестьяне, вовлеченные в борьбу либералами и рабочими, по-прежнему требовали земли.

Процесс отхода либералов от инициированной ими борьбы и перехода части из них в лагерь противника является достаточно типичным для «революций вестернизации» и хорошо изучен на примере революций 1848 г. «С момента появления баррикад в Париже все умеренные либералы... стали потенциальными консерваторами, — писал Э. Хобсбаум. — По мере того, как умеренное мнение более или менее быстро изменилось или вовсе исчезло, рабочие... остались одни или, что даже более фатально, столкнулись с союзом консервативных и бывших умеренных сил со старыми режимами: „партией порядка“, как называли это французы»²⁰². Таким образом, западники, добившись удовлетворения своих требований, прекратили активную борьбу. То течение русской революции, которое можно отождествить с «революцией вестернизации», на этом практически закончилось — продолжающаяся (и нарастающая) революция носит теперь чисто социальный характер. Перед лицом этой социальной революции часть западников объединилась с традиционалистами для борьбы против наступающих народных масс.

8.8. Народ терпит поражение

Октябрьская стачка не дала рабочим того, что они требовали: 8-часовой рабочий день и увеличение заработной платы. Поэтому на петербургских фабриках началось движение за введение 8-часового дня явочным путем: проработав 8 часов, фабричные прекращали работу и шли «снимать» рабочих других предприятий. В ответ предприниматели по соглашению с правительством объявили грандиозный локаут: 72 петербургских завода прекратили работу; 100 тыс. рабочих остались без средств существования²⁰³. Таким образом, новый кризис был неизбежен. До конца ноября в Петербурге существовало своего рода «двоевластие» правительства и Петербургского совета, который опирался на советы в других городах и явочным порядком вводил на предприятиях 8-часовой рабочий день. 27 ноября Петербургский совет призвал всех граждан не платить налоги, изымать вклады из сберегательных касс и требовать расчета только золотой монетой. Среди вкладчиков началась паника; за месяц из касс было изъято 110 млн рублей, налоги почти не поступали, прави-

тельство снова находилось на грани банкротства — финансовый крах был отсрочен лишь займом в 100 млн рублей, предоставленным французскими банками в конце декабря²⁰⁴. Этот заем был в известной степени отражением произошедшей перегруппировки политических сил: западные банкиры и политики вслед за русскими западниками стали оказывать поддержку новому правительству.

К началу декабря перегруппировка политических сил усилила позиции правительства, и оно перешло в наступление; 3 декабря Петербургский совет был арестован в полном составе. В Москве и других городах советы призвали к всеобщей забастовке, которая по замыслу социал-демократов должна была перейти в вооруженное восстание. Однако рабочие теперь боролись практически в одиночестве: либералы вышли из борьбы, лидер кадетов П. Н. Милюков осудил призыв к новой стачке как «преступление против революции». В стачке приняла участие лишь небольшая часть служащих, входивших в Союз союзов (всего лишь 30–40 учреждений). Количество бастовавших рабочих достигло 433 тыс., но в целом стачка имела много меньшие масштабы, чем в октябре²⁰⁵.

Однако распространение революционных настроений на армию, казалось, могло дать рабочим шанс на победу. В начале декабря в частях московского гарнизона происходили волнения, и когда 9 декабря началось восстание в Москве, у генерал-губернатора Ф. В. Дубасова было лишь 1350 верных солдат. Но и численность восставших была невелика — около 2 тыс. вооруженных дружинников (среди них 250–300 студентов). Союз железнодорожников (ВЖС) принял участие в забастовке, и движение было вновь парализовано, что затруднило действия правительственных войск. Однако через несколько дней военные сумели наладить работу Николаевской железной дороги, по которой из Петербурга в Москву был переброшен гвардейский Семеновский полк. С прибытием подкреплений правительственные войска перешли в наступление, и 17–18 декабря восстание было подавлено. Массовые аресты рабочих активистов нанесли удар по руководству всеобщей стачки, и вскоре она прекратилась. Затем были проведены массовые увольнения участников выступлений; весной 1906 г. в Петербурге число безработных достигло 40 тыс., в Москве — 20 тыс., по всей России — около 300 тыс. человек; что составляло примерно пятую часть общей численности фабричных рабочих²⁰⁶.

В деревне в ноябре и декабре продолжались массовые выступления, сопровождавшиеся разгромом помещичьих имений. Если в октябре, по данным С. М. Дубровского, было зафиксировано в общей сложности 219 выступлений, то в ноябре — 796, а декабре — 575²⁰⁷. В декабре по всей сельской местности свирепствовали карательные экспедиции; в Саратовской губернии (где размах волнений был наибольшим) было казнено по суду и без суда 379 участников выступлений, сотни людей были сосланы в ссылку²⁰⁸. Министр внутренних дел Дурново приказывал киевскому генерал-губернатору «немедленно истреблять, силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления — сжигать их жилища... аресты теперь не достигают цели: судить сотни и тысячи людей невозможно». Этим указаниям вполне соответствовало распоряжение тамбовского вице-губернатора полицейскому командованию: «меньше арестовывайте, больше

стреляйте...» Генерал-губернаторы в Екатеринославской и Курской губерниях действовали еще решительнее, прибегая к артиллерийским обстрелам взбунтовавшегося населения. Первый из них разослал по волостям предупреждение: «Те села и деревни, жители которых позволяют себе какие-либо насилия над частными экономиями и угодьями, будут обстреливаемы артиллерийским огнем, что вызовет разрушения домов и пожары». В Курской губернии также было разослано предупреждение, что в подобных случаях «все жилища такого общества и все его имущество будет... уничтожено»²⁰⁹. В начале 1906 г. восстания были в основном подавлены. В январе число выступлений упало до 179, а в феврале — до 27²¹⁰.

В подавлении восстаний большую роль сыграла пропаганда кадетов, которые уговаривали рабочих и крестьян перенести борьбу на легальную, парламентскую основу. В конечном счете оставшись без союзников, рабочие и крестьяне потерпели поражение. Поддерживавшая их левая интеллигенция была деморализована; в учреждениях осуществлялись массовые увольнения левых. Многие левые интеллигенты отошли от борьбы; часть ушла к кадетам, Союз союзов прекратил существование. Студенческое движение было парализовано закрытием университетов (они открылись только в сентябре 1906 г.)²¹¹.

Подводя итоги краткому описанию декабрьских событий, можно отметить, что события развивались по описанной Э.Хобсбаумом классической модели революций 1848 г.: после отхода либералов от революции она приняла чисто социальный характер; оставшись в одиночестве, рабочие восстали в защиту своих прав и потерпели поражение. Социальный конфликт развивался по линии, намеченной демографически-структурной теорией: Сжатие в народе привело в восстанию как в городах, так и в деревнях. Политический кризис сопровождался финансовым кризисом, однако последний был нейтрализован внешними займами. Это в значительной степени помогло правительству сохранить управляемость административной машины и армии; армия в целом подчинялась приказам, и благодаря этому восстание было подавлено. Таким образом, революционный процесс остался незавершенным и не прошел всех фаз, описываемых демографически-структурной теорией.

8.9. Союз элиты и государства

В период рабочего восстания дворянство окончательно осознало ту опасность, которую несет ему революция, и отшатнулось от либералов. С. Ю. Витте писал, что в начале революции «дворянство увидело, что придется делить пирог с буржуазией — с этим оно было согласно, но ни дворянство, ни буржуазия не подумали о сознательном пролетариате. Между тем последний... только в сентябре 1905 г. проявился во всей своей стихийной силе... Вот когда дворянство и буржуазия увидели этого зверя, то они начали пятиться, то есть начал производиться процесс поправления...»²¹²

С конца 1905 г. началось массовое изгнание либеральных дворян из земств. Либеральное земское дворянство, инициировавшее революцию вместе с интеллигенцией, так же как и интеллигенция, выходит из революционного процесса. Раскол дворянства преодолевается, проис-

ходит его консолидация на платформе решительной борьбы за сохранение своей собственности и против этактистских проектов наделения крестьян за счет помещиков. В начале января 1906 г. собравшийся в Москве съезд предводителей дворянства предложил альтернативную аграрную программу, включавшую переход от общинного землевладения к частной собственности на крестьянские наделы, облегчение покупки земли крестьянами с помощью Крестьянского банка и организацию переселения малоземельных крестьян на окраины. Съезд обратился к царю с ходатайством об отклонении проекта Кутлера²¹³. Дворянство защищало свои имущественные интересы, апеллируя к (не признаваемому крестьянами) принципу неприкосновенности частной собственности на землю. В противовес догме, Витте и Кутлер взывали к реализму: «Слишком упорное отстаивание принципа частной собственности... может привести при современных условиях к тому, что владельцы лишатся всего...» — говорилось в проекте²¹⁴. Николай II сделал выбор в пользу дворянства. 10 января царь собственноручно написал на докладе о проекте Кутлера: «Не одобряю. Частная собственность должна оставаться неприкосновенной»²¹⁵. *Этот символический акт означал, что монархия и дворянская элита объединяются на почве защиты помещичьего землевладения.*

Н. Н. Кутлер был уволен в отставку, однако дворянство видело в главным-управляющем земледелия лишь исполнителя указаний С. Ю. Витте и требовало смещения премьер-министра. «Правительство Витте явно идет против высочайшей воли императора, вновь подтвердившего святость и неприкосновенность частной собственности», — говорилось в докладе февральского съезда Союза землевладельцев²¹⁶. Действительно, при обсуждении Основных законов С. Ю. Витте горячо возражал против запрещения Думе касаться вопроса о принудительном отчуждении помещичьих земель. Главным аргументом Витте была сохранявшаяся угроза крестьянских восстаний, и ему удалось отстоять пункт о возможности отчуждения, но позиции премьера в борьбе с дворянством постепенно слабели²¹⁷.

Правительство Витте держалось в значительной степени благодаря той моральной поддержке, которую ему оказывал Запад и которая проявлялась на переговорах о предоставлении кредитов. Для окончательного преодоления финансового кризиса требовалось заключить большой заем, и во время переговоров французские политики снова выступали с «пожеланиями» в либеральном духе. 4 апреля в Париже было подписано соглашение о займе на 848 млн рублей; это огромное финансовое вливание должно было обеспечить стабильность нового политического режима. Однако, как только соглашение о займе было заключено, правительство Витте было отправлено в отставку²¹⁸.

Процесс консолидации дворянства был оформлен на съезде уполномоченных дворянских обществ, состоявшемся в Москве 21–28 мая 1906 г. Съезд осудил деятельность «самозванных земцев» и «неуполномоченных» предводителей дворянства, выдвигавших либеральные требования весной 1905 г. В избранном «объединенным дворянством» Совете уже не было либеральных деятелей, и в направленном царю адресе дворянство снова присягало на верность самодержавию. «Верховная самодержавная власть есть неизменное верование русского народа, — говорилось в адресе, — те-

перь, более чем когда-либо, должна быть оберегаема от всяких на нее посягательств»²¹⁹. Дворянство призывало царя защитить помещичье землевладение и настаивало на тех принципах решения аграрного вопроса, которые были сформулированы январским съездом предводителей дворянства. Члены Совета объединенного дворянства должны были «обрабатывать» министров и, используя свое положение при дворе, добиваться принятия правительством дворянской программы²²⁰. При этом важную роль играло то обстоятельство, что правительство и Госсовет по большей части состояли из дворян, то есть дворянская элита еще сохраняла определенные возможности контроля над властью через ее персональный состав.

Существенно, что консолидация дворянства проходила под традиционалистскими монархическими лозунгами. *Почувствовав опасность социальной революции, дворяне оставили свои вестернизаторские устремления и перешли в лагерь традиционализма.* «Патриоты»-дворяне создали Русскую монархическую партию, насчитывавшую около 10 тыс. членов; другая патриотическая организация, «Русское собрание», включала до 2 тыс. человек, в том числе представителей высшей знати²²¹. Традиционалистское движение, таким образом, принимало дворянский и охранительный характер, причем оно было призвано охранять не только самодержавие и православие, но и помещичье землевладение.

«Успокоение» масс было достигнуто в значительной мере за счет обещания созыва Думы, которая должна была рассмотреть требования всех недовольных. Закон о выборах в Думу был издан в разгар восстания, 11 декабря; он устанавливал, что крестьяне (как и в законе 6 августа) составят 43% выборщиков, землевладельцы — 32%, горожане — 22% и рабочие — 3%. Социал-демократы и эсеры в запале борьбы призывали бойкотировать выборы, и кадеты остались единственными представителями левой оппозиции. На выборах они обещали крестьянам — землю, рабочим — сокращение рабочего дня, и народные массы приняли активное участие в голосовании²²².

Открытие заседаний Думы состоялось 27 апреля. «Торжественно отпраздновала деревня день открытия Государственной Думы, — писал современник, — молебствия в церквях, красный колокольный звон, процессии с красными знаменами — символ победы»²²³. Решимость добиться своих требований через Думу была велика, крестьяне говорили своим посланникам: «Иди и умри там со славой, иначе умрешь здесь со стыдом»²²⁴. На выборах кадеты получили 35% мест в Думе, депутаты крестьян, впоследствии составившие группу трудовиков, — свыше 20% мест²²⁵. В то же время выборы продемонстрировали слабость традиционалистских партий: они ничего не обещали народу и не получили думских мест.

Главным вопросом, обсуждавшимся в Думе, сразу же стал аграрный вопрос; кадеты предлагали частичное отчуждение помещичьих земель за выкуп, трудовики допускали возможность полного отчуждения без выкупа²²⁶. Правительство отвергало всякое принудительное отчуждение и игнорировало работу Думы. Конфликт между правительством и Думой протекал на фоне усилившихся крестьянских волнений: в апреле было зафиксировано 47 крестьянских выступлений, в мае — 160, в июне — 739. Крестьянские волнения отражались также и волнениями в солдатской среде: в апреле было четыре солдатских выступления, в мае — 24, в июне — 84²²⁷.

В ходе думских прений быстро выяснилось, что крестьянские депутаты, трудовики, находятся в меньшинстве, и максимум того, что может дать Дума, — это частичный выкуп помещичьих земель. Кроме того, пришло время сева и перед крестьянами встал вопрос — батрачить на помещика, как прежде, или продолжать начатое осенью восстание. Эти факторы и воздействие «думской агитации» привели к тому, что крестьяне снова поднялись против помещиков. Однако движение по-прежнему носило местный характер, каждая деревня вела свою «войну» с местным помещиком. Разгромов помещичьих усадеб теперь было относительно немного, основным методом борьбы стали сельскохозяйственные забастовки: крестьяне отказывались батрачить на помещика и не допускали до работы пришлых поденщиков²²⁸.

В 1906 г. крестьяне боролись практически в одиночестве. Либералы и интеллигенция отошли от внепарламентской борьбы; рабочие были запуганы массовыми увольнениями и неохотно поднимались на забастовки²²⁹. Правда, в апреле-мае количество стачечников несколько возросло, но эти цифры были получены за счет однодневных первомайских стачек, и к тому же наибольшая активность забастовщиков отмечалась в Польше. Петербург и Москва участвовали в стачках гораздо менее активно; как пишет С. В. Тютюкин, «передовые отряды российского пролетариата, и прежде всего рабочие крупнейших заводов, нередко воздерживались от отдельных частных выступлений, экономя силы для решающего натиска»²³⁰. В. И. Ленин ожидал, что пик крестьянского восстания будет достигнут летом 1906 г. и советовал отложить до этого времени вооруженное восстание в городах. При этом крестьянское восстание (как доказывает Т. Шанин) развивалось независимо от борьбы рабочих или агитации партий²³¹. Таким образом, положение изменилось кардинальным образом: если в октябре 1905 г. крестьяне шли за рабочими, то теперь рабочие собирались идти за крестьянами. Но только собирались: из планировавшегося выступления ничего не получилось.

Правительство было до крайности обеспокоено как требованиями Думы, так и подкреплявшим их крестьянским движением. В июне 1906 г. этактистские круги предприняли еще одну попытку прийти к соглашению с оппозицией. Генерал Д. Ф. Трепов встретился с Милюковым и предложил ему участвовать в составлении «министерства доверия»; при этом Трепов выразил согласие как с требованием всеобщих и равных выборов, так и с требованием частичного отчуждения помещичьей земли. Однако (как показывает Р. Мэннинг), решающую роль сыграло вмешательство Совета объединенного дворянства, рекомендовавшего министру внутренних дел П. А. Столыпину распустить Думу. Консолидация дворянства привела к тому, что оно постепенно подчинило себе правительство. 9 июля Первая Государственная дума была распущена. В манифесте о роспуске Думы говорилось, что действия депутатов «смутили» крестьян, которые перешли в ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества и неповиновению властям²³².

Столыпин ожидал, что роспуск Думы вызовет «общие беспорядки», и подготовил войска, но масштабы беспорядков оказались намного меньше ожидаемых. Собравшись в Выборге, депутаты разогнанной Думы об-

ратились к населению с призывом о гражданском неповиновении; они призывали не платить налоги и не давать рекрутов. По мнению самих кадетов, это обращение было «жалким минимумом действий»; оно было равнозначно отказу либеральной интеллигенции от борьбы. Социал-демократы и эсеры призывали к всеобщей забастовке; забастовка началась 24 июля, но не приняла всеобщего характера, проходила вяло и закончилась через несколько дней. Многие большие заводы отказались примкнуть к стачечникам — это говорило о том, что рабочий класс тоже выходит из борьбы. Крестьяне еще продолжали борьбу, но крестьянское движение оставалось раздробленным и неорганизованным, и разгон Думы не оказал существенного влияния на местную войну, которую крестьяне вели со своими помещиками²³³.

Убедившись в слабости оппозиции, новый премьер-министр Столыпин перешел в решительное наступление. 1 августа 1906 г. были введены военно-полевые суды, которые в течение следующих нескольких месяцев послали на казнь более одной тысячи «зачинщиков беспорядков». Крестьянскому движению был нанесен тяжелый удар, число выступлений сократилось с 682 в июле до 117 в октябре. Правда, восстания не были подавлены до конца, и к лету 1907 г. число выступлений снова поднялось, в июне оно достигло 216. Новый всплеск крестьянских волнений был связан с неурожаем 1906 г., который принял масштабы, даже большие, чем в 1905 г. По подсчетам П. Н. Першина, в зоне голода оказалось 235 уездов с населением 44 млн человек, на 14 млн больше, чем год назад. Однако реакция крестьян на голод в этот раз была более слабой — сказались усталость от борьбы, усиление правительства и отсутствие союзников. Существенную роль сыграла правительственная помощь, оказанная голодающим. К зиме 1907 г. крестьянское движение окончательно стихло; в декабре имело место лишь 12 выступлений — революция закончилась²³⁴.

Используя постепенное затухание волнений, Совет объединенного дворянства поставил вопрос об изменении нормы представительства в Думе с тем, чтобы обеспечить дворянское большинство. Эти требования были подкреплены II съездом уполномоченных дворянских обществ в ноябре 1906 г., однако правительство не решилось сразу же пойти по этому пути. Выборы во Вторую Думу в начале 1907 г. привели к новому поражению правительственных партий; крестьяне отвечали на репрессии тем, что голосовали за левых, и при выборах депутатов лояльные правительству выборщики от дворян оставались в меньшинстве. В итоге социал-демократы, эсеры, народные социалисты и трудовики получили 43% мест — и если принять во внимание неравноправную избирательную систему, то становится очевидно, что абсолютное большинство избирателей проголосовало за социалистов и примыкавшим к ним трудовиков.

Открывшаяся 20 февраля Вторая Дума, как и Первая Дума, сразу же вошла в конфронтацию с правительством по вопросу об аграрной реформе. Хотя кадеты, следуя тактике «бережения Думы», стремились смягчить это противостояние, правительство не желало пойти навстречу. Полиция устроила провокацию, якобы обнаружив в помещении Думы листовки, призывавшие к восстанию, — и 3 июня 1907 г. Дума была распущена; 30 социал-демократических депутатов были сосланы в Сибирь. Одновременно

с роспуском Думы царским манифестом — в нарушение Основных законов — было объявлено об изменении порядка выборов. По новому закону помещики должны были составить половину общего числа выборщиков — таким образом, новая Дума отдавалась во власть дворянства²³⁵.

Помимо общности основных тенденций, сходство русской революции с революциями 1848 г. (в частности с прусской революцией) определялось и прямым заимствованием исторического опыта. Как отмечалось выше, тактические приемы русских революционеров зачастую были заимствованы у их предшественников. Однако консерваторы тоже заимствовали свои приемы у Запада: премьер-министр П. А. Столыпин попросту подражал тактике Отто фон Мантейфеля: он писал, что последует примеру прусского двора, который семь раз распускал парламент, пока не добился нужного результата²³⁶. Русская конституция 1906 г. содержала статью (87-ю), аналогичную 105-й статье прусской конституции 1848 г., которая позволяла правительству после роспуска собрания принимать нужные законы в «чрезвычайном порядке». Порядок выборов был таким же, как в Пруссии: избиратели по состоятельности или сословным признакам делились на классы (курии), которые раздельно избирали установленное число выборщиков, затем выборщики объединялись и избирали депутатов. Этот порядок позволял, манипулируя численностью выборщиков, подбирать состав собрания, что и делал Мантейфель, а затем — Столыпин. В конечном счете два раза разогнав Думу, Столыпин изменил по 87-й статье избирательный закон так, чтобы получить необходимое правительственное большинство. Характерно, что на разгон Думы русские парламентарии реагировали так же, как и прусские: они ограничились тем, что призвали население к «пассивному сопротивлению»: отказу от уплаты налогов и поставки рекрутов. При этом обращает на себя то обстоятельство, что социально-политическая динамика в России отставала на 60 лет от аналогичных событий в Германии. То есть процессы модернизации в России запаздывали по крайней мере на полвека.

В итоге русская революция закончилась так же, как и прусская: монархия превратилась из неограниченной в конституционную, и царь должен был поделиться властью с олигархией крупных собственников. Однако уступки были сравнительно невелики: роль парламента была сведена к минимуму путем ограничения его законодательных функций и манипулирования выборами.

Подводя итоги заключительного периода революции, можно отметить, что к этому времени *почти полностью исчезает противостояние между западниками и традиционалистами*, существовавшее на первом этапе революции. Обе противостоящие группировки разрушаются, основная часть дворянства переходит из лагеря западников в лагерь традиционалистов, а большинство крестьянских депутатов поддерживает в Думе западников. Конфронтация происходит теперь по основному социальному вопросу — вопросу о земле; обусловленное действием демографического фактора Сжатие в народных массах выходит на первый план, оттесняя все прочие социально-экономические и политические проблемы. Перед лицом этой угрозы дворянство уже не замечает Сжатия в элите и присоединяется к монархии в целях поддержания статус-кво. Прозападная интелли-

генция выходит из борьбы, лагерь западников разрушается, и в результате они теряют большую часть своих конституционных завоеваний.

Помимо выделения главных «значащих» факторов революции, необходимо кратко остановиться и на тех факторах, которые оказались «незначащими». Общеизвестно, что крупная буржуазия не сыграла особой политической роли в происходивших событиях. В качестве причины политической инертности промышленников и торговцев обычно указывают то обстоятельство, что они были в общем довольны тем покровительством, которое оказывало им царское правительство. Только на заключительном этапе революции представители капитала попытались было создать свою партию, но эти попытки имели своим результатом лишь организацию «Совета съездов представителей промыслов и торговли», который подчеркнуто отмежевался от политических выступлений. Правда, капиталисты были отчасти представлены в «Союзе 17 октября», но главную роль в этой партии играли крупные землевладельцы²³⁷.

Мелкая торгово-промышленная буржуазия также не сказала своего самостоятельного слова в революции. Хотя этот социальный слой был достаточно многочисленным, он оказался расколот на части. Одна часть его пошла за интеллигенцией в партию кадетов; по имеющейся статистике, в составе Калужской, Симбирской и Смоленской губернских организаций этой партии мелкие буржуа (торговцы, мещане, приказчики, ремесленники, домовладельцы) составляли 32%, интеллигенты — 31%, чиновники — 18%, землевладельцы — 10%, крестьяне и рабочие — 8%. Таким образом, кадетскую партию можно назвать интеллигентски-мелкобуржуазной, но главную роль в ней играла все же либеральная интеллигенция. Другая часть мелкой буржуазии пошла за «черносотенцами», но традиционалистские силы оказались слабыми и, за исключением событий октября 1905 г., ничем себя не проявили. Наконец, третья и, возможно, наибольшая часть мелких буржуа осталась пассивной²³⁸.

8.10. Итоги Первой русской революции

С точки зрения демографически-структурной теории революция 1905–1907 гг. была началом *экосоциального кризиса*. В этот период появляются такие признаки кризиса, как *восстания, социальные реформы, попытки перераспределения собственности*, чрезвычайно важное значение имел также *голод*, который появился не впервые, но впервые сыграл революционизирующую роль. И хотя некоторых важных признаков классического экосоциального кризиса в 1905–1907 гг. еще не наблюдается, это объясняется тем, что первая революция была лишь началом кризиса, и основные события были еще впереди.

Подводя итоги нашему краткому описанию событий революции, попытаемся схематически (и максимально упрощенно) отобразить взаимодействие различных факторов, влиявших на динамику политических событий. Основными дестабилизирующими факторами, как отмечалось выше, были: аграрное перенаселение и низкий уровень жизни (Сжатие в народных массах), разорение дворянства (Сжатие в элите) и вестернизация. Факторами, поддерживавшими стабильность системы, были: сила традиции, авторитет самодержавной власти, сила полицейского аппарата и армии.

В течение сорока лет после Великой реформы действие дестабилизирующих факторов постепенно усиливалось, и политическое равновесие становилось все менее устойчивым. Толчком, нарушившим равновесие, стал внешний фактор — поражения в войне, которые нанесли сильный удар по авторитету самодержавия. *В соответствии с демографически-структурной теорией, революция началась с раскола элиты; часть дворянства, недовольная этатистской политикой правительства, вступила в союз с вестернизированной интеллигенцией и сделала своим знаменем либеральный лозунг ограничения самодержавия.* «Вначале это была идиллия либеральных предводителей дворянства, — отмечал Милюков, — они хотели представительства „имущественных классов“»²³⁹. Прозападный либеральный блок («Союз освобождения») подчинил своему влиянию студенчество (также исповедующее западные идеи), однако силы блока были недостаточны, и либералы предприняли попытки спровоцировать выступления рабочих. После расстрела 9 января начались рабочие стачки и первые волнения в деревне, и, чтобы привлечь на свою сторону массы, «Союз освобождения» пообещал рабочим 8-часовой рабочий день, а крестьянам — выкуп части помещичьих земель. В события вмешался поддерживавший либералов Запад, и совокупное действие всех факторов заставило царя обещать создание выборного представительства (18 февраля). Волнения стали стихать, и, воспользовавшись этим, царь попытался аннулировать уступки и лишить обещанную Думу реальных полномочий. В ответ либеральный блок снова активизировал свои усилия, через посредство студентов попытался подтолкнуть к протестам рабочих, а главное — с помощью железнодорожных служащих организовал забастовку на железных дорогах. Железнодорожная забастовка инициировала всеобщую стачку, и царь был вынужден согласиться на наделение Думы законодательными полномочиями (манифест 17 октября).

Таким образом, до 17 октября революционный процесс имел смешанный характер: с одной стороны, это была «революция вестернизации», поддерживаемая интеллигенцией, с другой стороны, находящая объяснение в рамках демографически-структурной теории «дворянская фронда» и объясняемые этой теорией социальные выступления низов. После 17 октября многие либералы сочли, что цель достигнута и отошли от борьбы; остальные (кадеты) решили продолжать оппозиционные действия в рамках Думы и также отказались от активных действий. Между тем неурожай и беспорядки в городах инициировали вступление в борьбу огромных крестьянских масс; таким образом, стало проявляться действие самого мощного фактора — аграрного перенаселения. «Революция вестернизации» была перекрыта мощным социальным конфликтом, давно вызревавшим внутри традиционного общества и находящим объяснение в рамках демографически-структурной теории.

Перестройка политических сил привела к распаду лагеря вестернизаторов. Основная часть дворянства, напуганная крестьянским восстанием, перешла в лагерь традиционалистов и сплотилась вокруг престола, а либеральная фракция дворянства сошла с политической арены. Раскол дворянской элиты был ликвидирован, и объединенное дворянство обратилось против бунтующих низших сословий. Этатисты в правительстве попытались было маневрировать между крестьянством и дворянством, но дворянство добилось их изгнания и подчинило себе правительство.

Между тем рабочие, требовавшие 8-часового рабочего дня и ничего не получившие, поднялись на восстание, а в деревне продолжались погромы дворянских поместий. Решающим обстоятельством в судьбе революции стало то, что, хотя волнения стали распространяться и на армию, в целом она все же подчинялась правительству. «Гвардия в 1905–06 гг. спасла положение, без нее переворот 1917 г. мог произойти уже тогда», — писал военный министр А. Ф. Редигер²⁴⁰. Правительству удалось избежать как финансового краха, так и потери управления — тех роковых процессов, которые, согласно демографически-структурной теории, определяют брейкдаун, разрушение государства. Революция 1905 г. оказалась незавершенной; восстания в городе и деревне были подавлены. После арестов активистов и массовых увольнений рабочие вышли из борьбы; крестьянство еще раз поднялось на борьбу летом 1906 г., но в конечном счете потерпело поражение.

Таким образом, революцию инициировали недовольные фракции элиты, они втянули в борьбу массы, а когда достигли своей цели, вышли из борьбы; в итоге элита консолидировалась и подавила выступления масс. Как отмечалось выше, такая схема была характерна и для европейских «революций вестернизации», однако в русской революции была важная особенность, а именно то, что революция в городах сопровождалась восстанием крестьян, которые выступали под собственными лозунгами. Эта особенность отражала большой масштаб аграрного перенаселения и Сжатия, преобладание экономических процессов традиционного общества над процессами индустриализации.

Согласно теории, Сжатие должно побуждать правительство проводить реформы, направленные на облегчение положения народа, — тем более во время революции, когда народ требует этих реформ. Ответом правительства на эти требования стала отмена выкупных платежей и облегчение условий кредита. Одно время обсуждался вопрос о новой «Великой реформе», которая должна была отдать крестьянам большую часть помещичьих земель. Проведение такой реформы означало бы торжество этактистской политики и, возможно, предотвратило бы революцию 1917 г. Однако консолидировавшееся дворянство сумело подчинить своему влиянию Николая II и разгромить этактистскую партию в правительстве. В результате, как отмечает П. Гатрелл, крестьянство убедилось в том, что государство поддерживает принцип «святости» крупного землевладения. *Таким образом, массовый протест против крупного землевладения неизбежно переходил в протест против государства, то есть против царской власти*²⁴¹. Как и предупреждал Николай II выдающийся философ Е. Н. Трубецкой, «недальновидность власти превратила в России вопрос аграрный в вопрос о форме правления»²⁴². Традиционалистская иллюзия о «царе-батюшке» была окончательно развеяна, и в дальнейшем властям предстояло иметь дело не с выступлениями, направленными против помещиков, а с восстаниями против самодержавия. Это обстоятельство означало также и кризис традиционализма, который постепенно терял свою роль опоры существующей общественной системы.

Представляют интерес те выводы из революции, которые сделало правительство. Прежде всего, нужно отметить, что правящая бюрократия

прекрасно сознавала различие между целями политической революции «modern» и «гораздо более серьезными» социальными целями народа — то различие, о котором писал Струве. «Смута политическая, революционная агитация... начали пускать корни в народе, питаюсь смутой гораздо более серьезную, смуту социальную, развившейся в нашем крестьянстве», — говорил П. А. Столыпин в Госсовете 15 марта 1910 г.²⁴³ П. Н. Дурново, министр внутренних дел в кабинете Витте, в написанной позже (в феврале 1914 г.) «Записке» подчеркивал, что *социалистические* устремления масс довлеют над *политическими* целями либерального «общества». «... Народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолюдин, крестьянин и рабочий, одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий — о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении, — Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905–1906 гг.»²⁴⁴

Характерно, что в этих условиях Дурново предлагает не идти на уступки корыстным интересам либеральной оппозиции и ставит перед правительством этатистские цели: «Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия... Более чем странно при таких условиях требовать от правительственной власти, чтобы она серьезно считалась с оппозицией, ради нее отказалась от роли беспристрастного регулятора социальных отношений и выступила перед широкими народными массами в качестве послушного органа классовых стремлений интеллигентно-имущего меньшинства населения»²⁴⁵. Однако, несмотря на заявления такого рода, с точки зрения крестьянства, правительство не выступало в роли «беспристрастного регулятора социальных отношений», так как отказывалось передать землю народу.

Либеральная оппозиция также сделала из революции свои выводы, в значительной степени совпадающие с выводами правительства. В этом смысле очень показательны статьи из сборника «Вехи», в котором его авторы — и в их числе ведущие деятели оппозиции — признавали опасность для интеллигенции политики вовлечения в революцию народных масс, провоцирования их на социальную борьбу. П. Б. Струве писал, что «в том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации пострадавших народных масс заключалась... политическая ошибка... Революцию делали плохо. В настоящее время с полной ясностью раскрывается, что в этом делании революции играла роль *ловко инсценированная провокация*... но не в этом суть

дела. Она не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще делали (выделено Струве. — С. Н.). Делали революцию, в то время когда вся задача состояла в том, чтобы все усилия сосредоточить на политическом воспитании и самовоспитании»²⁴⁶. Испугавшись спонтанного взрыва крестьянской войны, «вестернизованные» либералы отныне отказывались от союза с народом и «делания революции», они провозглашали своей задачей «политическое воспитание» — то есть политическую пропаганду в верхах. Испуг был столь силен, что М. О. Гершензон, писал о том, что «нужно благословлять власть, которая своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ненависти народной»²⁴⁷. Очевидно, этим испугом и объясняется принципиальное нежелание либеральной оппозиции вступать в союз с массами в ходе следующего революционного кризиса, в 1917 г.

Определенные выводы сделали и социал-демократы. Л. Д. Троцкий написал в тюрьме книгу «Итоги и перспективы русской революции», в которой утверждал, что в силу проявившейся слабости русской буржуазии главную роль в будущей революции будет играть рабочий класс. Но необходимым для победы условием является поддержка крестьянства, а для того, чтобы получить ее, нужно санкционировать раздел крестьянами помещичьих земель. Эта идея была совершенно необычной для большевиков, которые желали (после национализации) сохранить крупные и эффективные хозяйства, — поэтому В. И. Ленин в то время не поддержал эту программу; он принял ее лишь в апреле 1917 г.²⁴⁸

8.11. Аграрная реформа

Анализ социально-экономического развития в 1908–1914 гг. тесно связан с проблемой объективных причин революции 1917 г. и с общей проблемой существования исторических закономерностей, проявлением которых, согласно традиционной точке зрения, была эта революция. Однако несостоятельность марксистской трактовки этих закономерностей привела к утрате веры в существование каких-либо закономерностей вообще. «Из-за утраты веры в закономерность исторических событий, — отмечает известный американский историк Леопольд Хаймсон, — в современной российской историографии образовался вакуум, чем и объясняется появление таких стереотипов в интерпретации исторических процессов, как сведение объяснения Октябрьского переворота к заговорщической деятельности большевиков, объяснение истоков Февральской революции как следствия заговорщической деятельности масонов, не говоря уже об объяснении падения царского режима прекращением проведения столыпинских реформ вследствие внезапной смерти премьер-министра от рук террористов в 1911 г.»²⁴⁹

Далее в этой главе мы попытаемся кратко проанализировать имеющиеся данные о результатах столыпинских реформ в контексте продолжающегося процесса демографического сжатия. Одним из наиболее важных моментов в динамике социально-экономического развития были изменения в уровне жизни крестьянства. Крестьянские восстания были подавлены, но необходимо признать, что в конечном счете крестьянство добилось некоторого облегчения своего положения. Наиболее важной прави-

тельственной уступкой была отмена выкупных платежей. В конце XIX в. крестьяне платили с десятины в среднем 72 копейки выкупных платежей, 5 копеек поземельного налога и 58 копеек земских и мирских сборов²⁵⁰. Отмена выкупных платежей на практике означала почти полное снятие с крестьян государственных прямых налогов, более 9/10 крестьянских податей теперь шли органам местного самоуправления, земствам и «миру». Если в 1901 г. в среднем по России крестьяне платили всех (государственных, земских и мирских) прямых налогов в пересчете на хлеб 3,5 пуда с души, то в 1912 г. — 1,7 пуда с души²⁵¹.

По данным бюджетных обследований, в Воронежской и Калужской губерниях подати всех видов отнимали 8–10% чистого крестьянского дохода; стало быть, снятие платежей составляло в среднем около 5% дохода. Однако бывшие помещичьи крестьяне Черноземья платили не 72 копейки, а 1 рубль 80 копеек с десятины²⁵², и для этой категории крестьян отмена выкупа означала прибавку 10–15% дохода. Как отмечалось выше, неспособность крестьян платить выкупные платежи была одним из главных признаков «оскудения» Центра; теперь государство почти не требовало с крестьян денег — если не принимать во внимание косвенные налоги. *Это был весьма показательный результат Сжатия, которое, согласно теории, делает крайне затруднительной уплату прямых налогов.*

Для прекращения крестьянских восстаний большое значение имело то обстоятельство, что в манифесте о закрытии Первой Думы царь обещал предпринять реформы, направленные к расширению крестьянского землевладения. Правительство противопоставило крестьянской программе «черного передела» свою программу реформ, которую обычно связывают с именем П. А. Столыпина²⁵³. «Столыпинская аграрная программа настолько совпадала с аграрной программой Совета объединенного дворянства, — писал А. Я. Аврех, — что все тогдашние наблюдатели, от кадетов до большевиков, прежде всего подчеркивали это родство»²⁵⁴. Как отмечалось выше, программа I съезда уполномоченных дворянских обществ (май 1906 г.) содержала три основных пункта: переход от общинного землевладения к частной собственности на крестьянские наделы, облегчение покупки земли крестьянами с помощью Крестьянского банка и организацию переселения малоземельных крестьян на окраины; эти пункты стали основными положениями правительственной программы²⁵⁵.

Нужно отметить, что современные исследователи придерживаются различных точек зрения на связь П. А. Столыпина и Совета объединенного дворянства. Но даже те из них, кто отрицает прямое влияние Совета на премьер-министра, признают идейное совпадение позиций. Так, А. П. Бородин цитирует одного из лидеров Объединенного дворянства князя Б. Н. Шерба-това, который находил «поразительное сходство между нашими тогдашними пожеланиями и проектами правительства»²⁵⁶. Однако при совпадении идейной позиции жесткость деклараций Столыпина вызывала критику даже в среде Объединенного дворянства. Так, выступая в Думе в декабре 1908 года, Столыпин говорил, что правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных»²⁵⁷. Один из лидеров Объединенного дворянства, В. И. Гурко, счел необходимым публично поправить премьер-министра, заявив, что «мимо этих „слабых и пьяных“ мы пройти не можем; мы должны иметь в виду, что слабость их и пьянство не от них самих зависит...»²⁵⁸

С идейной стороны правительственная программа опиралась на общепринятые положения либеральной политической экономии. Либеральные экономисты уже давно доказывали, что земельные переделы, принудительный севооборот и чересполосица в крестьянских общинах являются факторами, негативно влияющими на продуктивность земель. После реформ 1860-х гг. количество переделов уменьшилось, и по правительственным данным, относящимся к 28 губерниям, переделы проводились примерно в половине всех общин²⁵⁹. Считалось, что архаические черты общины служили главной причиной того, что средний урожай на частновладельческих землях в 1891–1900 гг. был на 21% выше, чем на наделных. Теоретически ликвидация общины могла повысить урожайность и смягчить проблему аграрного перенаселения, однако П. Гатрелл полагает, что аргументация противников общины не столь очевидна, а Л. Волин отмечает, что более высокие урожаи на частных землях отчасти объяснялись их лучшим качеством²⁶⁰. Как бы то ни было, требование создания из крестьянских полос компактных наделов, передачи их в частную собственность и разрушения общины было одним из традиционных требований русских либералов, начиная с выступления тверского дворянства в 1862 г. При этом имелось в виду, что бедные крестьяне, получив землю в частную собственность, будут вынуждены вскоре продать ее крепким хозяевам, у которых найдутся средства, чтобы повысить урожайность посредством применения современной агротехники. Что же касается разорившихся крестьян, то их наплыв в города еще более удешевит рабочую силу и создаст выгодные условия для развития промышленности, для постепенной индустриализации страны²⁶¹.

Другой аргумент правительства имел демографический характер. П. А. Столыпин указывал, что темпы роста населения в России превышают темпы роста в других государствах и настолько велики, что если даже отдать крестьянам всю землю, то и тогда едва ли можно было бы удовлетворить земельный голод. В этом положении, утверждал Столыпин, есть только два выхода: освоение новых земель и переход части населения в другие отрасли труда²⁶². В этой аргументации П. А. Столыпин следовал за некоторыми известными экономистами, в частности за А. А. Чупровым и Б. Бруцкусом, которые, кроме того, доказывали, что именно существование земельных переделов является причиной аномально высокого естественного прироста и, следовательно, разрушение общины есть средство в борьбе с аграрным перенаселением²⁶³.

Стремление правительства и дворянства к разрушению общины было вызвано также и тем, что общинные порядки формировали отрицательное отношение крестьян к помещичьей частной собственности. При обсуждении столыпинского проекта в Совете министров 10 октября 1906 г. подчеркивалось, что отсутствие в сознании общинного крестьянства «правильного взгляда на частную собственность» в значительной мере обуславливает «происходящие в последнее время почти повсеместно... разгромы частновладельческих имений»²⁶⁴. С другой стороны, община представляла собой готовую организацию, которую широко использовали восставшие. «В мае 1906 г. собрался I съезд уполномоченных дворянских обществ, — отмечает П. Н. Зырянов. — Чуть ли не в один голос дворяне потребовали ликвидации

общины, которая сильно насолила им за два года революции»²⁶⁵. Столыпинское правительство, писал С. Ю. Витте в воспоминаниях, «принялось энергично за это преобразование не в сознании государственной необходимости этой меры, а в соображениях полицейских — по такой логике: необходимо обеспечить спокойствие частных владельцев... чтобы больше не было дворянских погромов. Как это сделать? Очень просто — крестьяне собственники будут защищать помещичью собственность»²⁶⁶. По-видимому, это и было основной причиной, по которой ранее консервативное большинство дворянства внезапно склонилось к поддержке чуждой ему либеральной доктрины. Этот переход был настолько неожиданным, что глава русских либералов (и известный историк) Милюков был вынужден упрекнуть Столыпина в забвении того факта, что русская действительность стоит ближе к коллективистской традиции, чем к правительственным мечтам о европеизации земледелия²⁶⁷. «Ясно, что составители указа 9 ноября очень мало думали о *хозяйственной* стороне дела, — подчеркивал известный экономист и один из кадетских лидеров А. А. Кауфман, — и что главное их внимание было направлено на *чисто политическую* задачу... Общинному духу стали приписывать возникновение аграрных волнений и беспорядков. И вот община из друга сделалась врагом самодержавного правительства» (выделено А. А. Кауфманом. — С. Н.)²⁶⁸. Кадеты, так же как и некоторые представители дворянства и этактического чиновничества, высказывали опасения, что быстрое разрушение общины вызовет массовое разорение малоземельных крестьян и аграрные волнения²⁶⁹.

Царский указ, изданный 9 ноября 1906 г., в промежутке между разгоном Первой и созывом Второй Думы, предоставлял каждому владельцу общинного надела право выйти из общины, потребовав укрепления надела в личную собственность с выделением земли «к одному месту», на «отруба» или хутора. «В широкие крестьянские массы, — писал наблюдавший за ходом реформы немецкий профессор Аугаген, — вгоняется клин путем создания сословия крепких крестьян-собственников. Уважая свою собственность, они создадут в среде самого крестьянства прочную почву для охраны крупного землевладения»²⁷⁰. Э. Кингстон-Мэнн называет эту политику политикой «репрессивной модернизации», утверждая, что русские «модернизаторы» в своем преклонении перед частной собственностью были «сбиты с пути истинного» и не понимали положительной роли общинных традиций²⁷¹.

Вторая Дума (в значительной степени голосами крестьянских депутатов) отвергла указ о реформе; она была распущена, и в конце концов указ был утвержден Третьей Думой, в которой преобладали дворянские депутаты. Другой закон от 29 мая 1911 г. позволял общинам проводить землеустройство с компактным выделением земли и одновременным укреплением ее в личную собственность; при этом община могла сохраняться.

В целом за 1906–1915 гг. в 45 губерниях Европейской России, в которых проходила реформа, из общины вышло 26,6% дворов, которые имели 16,3% земли. Наделы выходявших крестьян были меньше средних потому, что укреплялась только пахотная земля, а угодья оставались в общине. Кроме того, из общины часто выходили бедняки, собиравшиеся продавать надел, или отходники, уже давно не обрабатывавшие самостоятельно

свою землю. В ходе реформы перешло к отрубному и хуторскому землепользованию 10,3% хозяйств, имевших 10% всей земли²⁷².

По семи губерниям Черноземного района вышло из общины 26,5% дворов, которые имели 15,6% общинной земли, но на отруба и хутора выделилось только 8,8% хозяйств; примерно четверть укрепленных в собственность земель была сразу же продана²⁷³. Таким образом, одним из результатов реформы было появление массы разоренных крестьян, продающих землю и уходящих в города — российское Сжатие приобрело классические очертания.

Степень разрушения общины в различных губерниях сильно различалась, так, например, в Курской губернии из общины вышло 42% дворов, в Орловской — 38%, а в Тамбовской — только 22%. Средний размер выделившегося двора по Тамбовской губернии составлял 4,1 десятины, в то время как средний размер общинных хозяйств — 7 десятин. Средний размер хуторов и отрубов равнялся 6,4 десятины, тогда как рассчитанный экономистами прожиточный минимум для такого рода хозяйств составлял 10,5 десятины. В Землянском уезде Воронежской губернии почти половина отрубных дворов не имела лошадей. Как отмечают многие исследователи, зажиточные крестьяне предпочитали оставаться в общине — таким образом, ставка Столыпина на «сильных и крепких» хозяев не вполне оправдалась²⁷⁴.

Реформа Столыпина противопоставляла социалистической программе передела земли *вестернизационную* программу агротехнической модернизации по европейскому, и в частности немецкому образцу²⁷⁵. Это был так называемый прусский путь развития капитализма: в Пруссии после освобождения крестьян в ходе так называемого регулирования было произведено укрупнение крепких крестьянских хозяйств за счет сгона с земли крестьян-бедняков²⁷⁶. Чересполосица, крупные размеры поселений, удаленность полей, принудительный севооборот в общинах (а в России также и переделы) препятствовали применению удобрений и переходу на улучшенные схемы многопольного севооборота. После «регулирования» в Пруссии появились относительно крупные и компактные хозяйства «гроссбуэров». Известный агроном Вильям Лебе так описывает значение проведенной реформы: «Результаты операции и раздела земель были: переход от трехполья к улучшенной многопольной системе и к плодосмену, введение и всеобщее распространение травосеяния, вообще усиление возделывания кормовых растений, осушение полей, увеличение количества навоза, улучшение скотоводства, повышение производительности хозяйства. Много дворов выселилось на вновь отмежеванные участки, чем достигается большое облегчение сельскохозяйственных работ, уменьшение количества межей, возможность содержать меньше рабочего скота, расширение продуктивного скотоводства и экономия рабочего времени...»²⁷⁷ Урожайность в Германии в начале XIX в. была примерно той же, что и в России в начале XX в., — 45–50 пудов с десятины; это было все, что могли давать истощенные почвы. К 1870-м гг. урожаи немецких полей увеличилась вдвое, до 90 пудов с десятины. Следующим шагом было применение рядовых сеялок и сортовых семян, а затем — использование минеральных удобрений, эти нововведения к 1910 г. увеличили урожайность до 140 пудов с десятины²⁷⁸.

Столыпинская реформа, несомненно, должна была способствовать более тщательной обработке земли и увеличению урожайности. По оценке Н. П. Огановского, на хуторах можно было ждать повышения урожайности на 25% примерно через пять лет²⁷⁹. Но эффект мог быть не столь велик, как ожидалось: исследования Н. И. Вавилова показали, что применение в России западноевропейской агротехники не дает такого прироста урожайности, как на Западе, в силу неблагоприятных климатических условий²⁸⁰. Это подтверждается, в частности, сведениями В. А. Лабузова, которые показывают, что хуторские хозяйства Южного Урала не имели существенных агрономических преимуществ перед хозяйствами крестьян-общинников и точно так же страдали от частых в этом регионе засух²⁸¹. Кроме того, при экономических расчетах часто не учитывались затраты хуторян на перенос построек и обустройство на новых местах; эти затраты существенно затрудняли и замедляли процесс аграрных преобразований²⁸².

Что касается краткосрочных эффектов реформы, то наиболее существенным было то обстоятельство, что реформа позволила многим крестьянам, постоянно занимавшимся отходничеством, продать свою землю и переселиться в город. Это способствовало уменьшению аграрного перенаселения и сокращению числа безлошадных хозяйств, но в то же время увеличивало безработицу в городах.

Реформа подразумевала внедрение не только новой агротехники, но и новых сельскохозяйственных машин. Однако распространение усовершенствованных орудий труда воспринималось крестьянами далеко не однозначно. Появление в крупных хозяйствах жаток, сенокосилок, молотилок лишало батраков работы и не ослабляло, а усугубляло аграрное переселение. Еще перед революцией 1905 г. распространение новых машин на степном юге вызвало сокращение отхода батраков из Центрального Черноземья. Во время революции крестьяне многих уездов ополчились против новых машин и с ожесточением крушили помещичий инвентарь, а батраки во время сельских стачек требовали убрать из поместий машины²⁸³.

Другой важной составляющей столыпинских реформ была организация массового переселения крестьян на окраины. Переселение представлялось наиболее простым путем (хотя бы частичного) решения земельной проблемы, и, как отмечалось выше, принципиальное решение о поощрении переселения было принято еще в июне 1904 г. В контексте происходившего разрушения общины переселение было также одним из способов обеспечения земель тех бедняков, которые уходили из общины, продавая свою землю. Однако правительственная программа не была подкреплена ресурсами; расходы на переселение в 1907–1913 гг. составили лишь около 200 млн рублей, что составляло только 1% всех государственных расходов за эти годы. В 1906–1916 гг. в восточные районы переселилось 3 078 000 крестьян, но ввиду отсутствия средств 546 тыс. человек вернулись обратно. Когда неудачливые переселенцы стали возвращаться назад, это отбило охоту к переселению у собиравшихся в путь, и волна переселения быстро спала. В итоге на новых местах закрепилось только 2 532 000 переселенцев²⁸⁴.

Кроме того, в ходе переселенческой кампании выяснилась принципиальная невозможность разрешить аграрный вопрос путем внутренней

Табл. 8.1. Динамика выхода из общины, землеустройства и переселения на окраинные земли (за вычетом вернувшихся обратно)²⁸⁵

	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Число дворов, вышедших из общины (тыс.)	48	508	579	342	146	122	135	98	30
Число землеустроенных дворов (тыс.)	12	60	205	262	319	248	387	472	
в том числе единоличных (тыс.)	8	42	119	152	207	123	193	204	
Число переселенцев (тыс.)	400	620	537	201	73	144	196	214	16

колонизации²⁸⁶. Пригодной для переселения была лишь узкая полоса территории в Южной Сибири, и запас земель здесь быстро оказался исчерпанным. Сибирь могла принимать не более 200 тыс. переселенцев в год, а ежегодный прирост населения в Европейской России составлял более 1,5 млн душ. «Правительство осознало это, и с 1911 г. переселенческое движение сократилось», — констатирует Л. Н. Литошенко²⁸⁷.

Еще одной мерой властей, направленной на снижение остроты аграрного кризиса, была организация покупки крестьянами частных земель. Для этой цели в 1906 г. было произведено снижение процентной ставки Крестьянского банка до 4,5%, при этом было разрешено предоставлять кредиты практически на всю сумму покупки. Это решение было подано как царская милость, поскольку реальная стоимость кредита была примерно на 1% больше, и фактически крестьяне покупали землю на 15–20% ниже стоимости; получавшуюся разницу продавцам доплачивал банк. Теперь крестьяне, казалось бы, могли приобретать землю на относительно льготных условиях, что до какой-то степени напоминало программу частичного выкупа помещичьих земель, предлагавшуюся кадетской партией — с той разницей, что дворяне продавали землю добровольно. После разгрома нескольких тысяч имений часть помещиков решила продать свои владения, количество предлагавшейся к продаже земли резко возросло, и правительство выделило Крестьянскому банку практически неограниченные средства для скупки этих земель и перепродажи их крестьянам в рассрочку. Таким образом были созданы условия для расширения крестьянского землеустройства, что могло до некоторой степени смягчить земельный голод²⁸⁸.

Облегчение условий кредита вызвало положительную реакцию в крестьянской среде и способствовало постепенному затуханию крестьянских восстаний. Если число крестьян, желавших купить землю через посред-

ство Крестьянского банка, составляло в 1904 г. 97 тыс., то в 1906 г. оно возросло в четыре раза; в Черноземном районе изъявила желание прикупить землю десятая часть крестьян-домохозяев²⁸⁹. Банк в соответствии с идеей реформы оказывал предпочтение тем крестьянам, которые покупали целые хутора; такие крестьяне получали кредит на всю сумму покупки. А. М. Анфимов подсчитал, что крестьяне, покупавшие в Ливенском уезде Орловской губернии хутора в 12 десятин, должны были для уплаты процентов по кредиту продавать каждый год по меньшей мере половину урожая²⁹⁰. Задолженность крестьян банку возросла с 352,4 млн рублей в 1905 г. до 1350,8 млн рублей в 1915 г.²⁹¹. В 1913 г. платежи крестьян Крестьянскому банку составили 88 млн рублей, то есть сравнялись с отмененными выкупными платежами. «Так, в иной форме, повторилась пресловутая „выкупная операция“, — писал А. М. Анфимов, — только с той разницей, что прежде 90 млн руб. выплачивали за 95 млн дес. наделных земель, а теперь — за 15 млн купленных земель»²⁹².

За 1905–1914 гг. дворяне продали, в основном Крестьянскому банку, 22% своих земель. Однако результаты снижения кредитного процента были отчасти нейтрализованы повышением цен на землю; если в 1904 г. десятина стоила в среднем 112 рублей, то в 1909 г. — 144 рубля. Тем не менее за 1905–1914 гг. в 47 губерниях Европейской России (без Прибалтики) крестьяне приобрели 9,7 млн десятин частной земли, что увеличило их долю в землевладении (суммарно наделном и частном) с 68 до 72%. Правда, некоторая часть этих земель принадлежала «чумазым лендлордам», богатым крестьянам, превратившимся в помещиков; если мы будем считать крестьянскими лишь участки менее 50 десятин, то доля крестьян за указанный период увеличилась с 64 до 68%. Ситуация на Черноземье была примерно такой же, что и по России в целом. В 1905 г. в семи губерниях (Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская и Черниговская) доля крестьянской земли (включая купчую с участками менее 50 десятин) составляла 67%. За 1905–1915 гг. крестьяне прикупили 486 тыс. десятин земли; если считать, что вся эта земля была в мелких участках, то доля крестьянского землевладения возросла до 69%. Хотя доля некрестьянских земель немного уменьшилась, радикальных изменений не произошло, и крестьяне по-прежнему требовали «черного передела»²⁹³.

«Таким образом, — подводит итог Р. Пайпс, — взвесив все обстоятельства, следует признать, что результаты столыпинских реформ были весьма скромными. „Аграрной революции“ не получилось...»²⁹⁴

Удалось ли Столыпину ослабить перенаселение в деревне? За 1906–1913 гг. из деревни Европейской России выбыло 4 138 000 крестьян, продавших землю и ушедших в города; еще 2 566 000 переселились за Урал; в сумме выбытие составило 6 704 000 человек. Однако за это же время естественный прирост составил 14 127 000 человек; в итоге за восемь лет деревенское население возросло на 7 489 000 человек, или на 7,3%, и, несмотря на все старания, проблема аграрного перенаселения еще более обострилась²⁹⁵. Как отмечалось выше, «Комиссия 1901 года» определяла численность излишних рабочих в 23 млн, что составляло 53% всей рабочей силы; по расчетам А. М. Анфимова, произведенным по той же методике, в 1913 г. имелось 32 млн «лишних» рабочих, что составляло 56% всей рабочей силы²⁹⁶.

Однако на Черноземье мероприятия правительства принесли сравнительно больший эффект, нежели в других регионах. Для Тамбовской губернии, как показал А. А. Иванов, в 1912 г. доля излишних работников осталась той же, что и 12 лет назад, и ситуация, во всяком случае, не ухудшилась. В 1905–1912 гг. количество крестьянских дворов в Тамбовской губернии возросло на 13%, а надел земли на двор уменьшился с 7 до 6,6 десятины, но это уменьшение было компенсировано увеличением урожайности. Однако по-прежнему сохранялась большая разница в земельном обеспечении бывших помещичьих и бывших государственных крестьян. В Липецком уезде бывшие государственные крестьяне имели 7,5 десятины земли, а бывшие помещичьи — только 4,0 десятины на двор; в Усманском уезде, соответственно 8,0 и 4,6 десятины²⁹⁷.

Уменьшению душевых наделов способствовало ускоренное дробление больших семей — еще один результат реформы П. А. Столыпина, отражавший процесс модернизации социальной структуры российской деревни по западному образцу. Распад патриархальных семей имел негативные последствия: с уменьшением размеров семьи крестьянам становилось все труднее содержать лошадей, поэтому число безлошадных хозяйств росло. Средняя численность двора на Черноземье в 1904–1916 гг. уменьшилась с 7,3 до 6,8 души, а число рабочих лошадей на двор — с 1,4 до 1,1²⁹⁸.

О тяжелом положении беднейших крестьян говорит такой показатель, как рост ссуд, выделяемых учреждениями мелкого кредита на покупку семенного зерна. В 1908 г. было выдано ссуд на 13,4 млн рублей, в 1913 г. — на 54 млн рублей.²⁹⁹

Реформа способствовала резкому усилению оттока населения из наиболее перенаселенных районов Черноземья. В 1900 г. в Епифанском уезде Тульской губернии половина земли принадлежала частным владельцам (в основном помещикам) и крестьяне находились в бедственном положении. В 1906–1910 гг. из уезда выселилось 40% дворов(!). Благодаря этому количество дворов без посева в 1899–1911 гг. сократилось на 28%, а общее число дворов почти не увеличилось, то есть обеспечение земель, хотя и ненамного, но улучшилось³⁰⁰. Некоторое представление о динамике перенаселения дает также изменение арендной платы; средняя арендная плата по семи губерниям Черноземья составляла в 1901 г. 42% процента от урожая, а в 1912–1914 гг. — 41%. Что касается заработной платы батраков, то в 1906–1910 гг. она уменьшилась, а в 1910–1913 гг. вернулась к уровню 1901–1905 гг. (см. рис. 8.2). Таким образом, в отношении арендной платы и заработной платы ситуация практически не изменилась, однако само по себе то обстоятельство, что удалось нейтрализовать негативное влияние роста населения, было некоторым успехом³⁰¹.

Увеличилась ли продуктивность сельского хозяйства? В 1910–1914 гг. по сравнению с 1901–1905 гг. валовой сбор зерновых по Европейской России увеличился на 12,2%, урожайность возросла на 6,5%. По семи губерниям Черноземья валовой сбор увеличился на 8,4%, урожайность возросла на 8,9%³⁰². Как отмечает И. Д. Ковальченко, такое увеличение нельзя признать значительным, в особенности учитывая огромный рост населения³⁰³.

Реформа по-разному отразилась на продуктивности сельского хозяйства в центральных регионах и окраинных губерниях. Это объясняется тем,

что в разных регионах реформа была встречена крестьянством по-разному. По указу 9 ноября 1906 г., дворохозяин, желавший выйти из общины, должен был заявить о своем намерении сельскому сходу, который определял участки полей, укрепляемых в личную собственность заявителя. Если сход выражал несогласие, то следовало обратиться к земскому начальнику, однако не все крестьяне решались продолжать выделение вопреки мнению схода. Таким образом, число хозяев, реально вышедших из общины, было меньше числа подавших заявление, и процент отклоненных сходом заявок может служить мерой сопротивления общины³⁰⁴. Наиболее упорное сопротивление реформа встретила в передельных общинах Великой России: в Вятской губернии (где было отклонено 57% заявок), Казанской (52%), Пермской (51%), Вологодской (50%), Воронежской (42%), Владимирской (39%), Симбирской (38%) и т. д. Такое положение резко контрастировало с ситуацией в западных и южных окраинных губерниях, где общинники жили рядом с подворниками и община не сопротивлялась выходам. Например, в Могилевской губернии было отклонено всего 3% заявок³⁰⁵. Соответственно, в Великороссии была отведена под хутора и отруба намного меньшая доля надельной земли, и реформа здесь не отразилась на динамике урожайности; в некоторых губерниях урожайность уменьшилась. Напротив, в окраинных губерниях урожайность росла, и примерно 50% этого роста объяснялись проведением реформы³⁰⁶.

Отразилась ли реформа на уровне потребления? Колебания тренда потребления носили циклический характер, в значительной мере они определялись климатическими факторами, чередованием периодов высоких и низких урожаев. В 1912/13 и 1913/14 гг. вывоз на душу населения существенно уменьшился, что в сочетании с очень богатыми урожаями привело к росту потребления (см. рис. 7.3).

Изменение потребления хлебов по отдельным губерниям можно проследить, опираясь на данные урожайной и транспортной статистики. Данные железнодорожной статистики можно считать точными, но данные о водных перевозках менее достоверны. Для 1908–1913 гг. эти данные были обработаны статистиками в ходе подготовительных работ к нормированию продовольствия в 1916–1917 гг.³⁰⁷ — но при этом отмечалось, что для средневожских губерний погрешность в водных перевозках может быть достаточно большой. Еще одна проблема состоит в том, что данные о перевозках «второстепенных» хлебов (кукурузы, гречихи, проса) имеются только за 1912–1914 гг., поэтому мы исключили из рассмотрения (наряду со средневожскими) южные степные губернии, где кукуруза и гречиха играли существенную роль в посевах и перевозках. В табл. 8.2 приведена информация о потреблении в 1908–1911 и 1909–1913 гг. для 30 оставшихся губерний, которая может считаться относительно надежной. Кроме того, в этой таблице указано потребление в 1898–1902 гг. для 13 губерний, в которых как водные перевозки, так и перевозки второстепенных хлебов были незначительны и, таким образом, имеется возможность определить потребление, учитывая лишь объем урожая и железнодорожных перевозок.

Потребление в табл. 8.2 — это остаток зерна (и картофеля в пересчете на зерно) за вычетом посева и с учетом вывоза или ввоза и расходов на винокурение, то есть суммарное потребление в пищу и на фураж. При

рассмотрении этих данных нужно учесть, что норма потребления зерна в пищу и на фураж, в среднем равная 22 пуда, колеблется по районам. В нечерноземных областях, где больше пастбищ и сена, потребление фуража меньше, и норма может составлять 20–21 пуд; на Черноземье пастбищ меньше, и норма может доходить до 24–25 пудов. Из данных табл. 8.2 следует, что в 1898–1902 гг. в нечерноземных губерниях потребление было на уровне нормы (в Минской и Смоленской губерниях), немного ниже нормы (в Калужской и Могилевской губерниях) или даже существенно ниже нормы (в Псковской и Витебской губерниях). К 1909–1913 гг. во все эти губернии резко увеличился ввоз продовольствия и продовольственной положение в большинстве из них (кроме Калужской и Смоленской) немного улучшилось, оставаясь при этом на уровне нормы или чуть ниже нормы.

Для черноземных губерний характерно, что в 1898–1902 гг. (несмотря на большой вывоз хлеба) потребление было повсюду на уровне нормы или выше нормы — исключение составляет только Черниговская губерния. Но в 1908–1911 гг. потребление в большинстве губерний падает ниже нормы, причем особенно тяжелое положение складывается в Тульской и Рязанской губерниях, откуда продолжается большой вывоз, несмотря на явный недостаток продовольствия в деревне. В 1909–1913 гг. благодаря хорошим урожаям положение в Курской и Харьковской губерниях заметно улучшается, но в Тульской, Рязанской и Орловской губерниях потребление остается ниже нормы — то есть мы наблюдаем явный кризис Северного Черноземья.

Если обратиться к сравнительным данным за 1908–1911 и 1909–1913 гг., то можно сделать вывод, что на севере, в Архангельской и Вологодской губерниях, несмотря на это увеличение, среднее потребление оставалось ниже минимальной нормы. Тяжелое положение было также в Новгородской губернии, но столичная Петроградская губерния снабжалась существенно лучше. Из губерний Центра неудовлетворительное положение в 1908–1911 гг. было в Тверской, Калужской, Ярославской и Костромской губерниях (в двух последних оно стало лучше). На Черноземье в зоне голода находились Рязанская и Тульская губернии, на Украине — Черниговская губерния. В 1909–1913 гг. относительно высокий уровень потребления был в Курской, Воронежской, Полтавской, Харьковской, Киевской губерниях, причем особенно заметно положение улучшилось в Воронежской губернии. На востоке, в Вятской и Пермской губерниях, уровень потребления был удовлетворительным, но Уфимская губерния уже испытывала последствия аграрного перенаселения. «Как и в центре России, перед крестьянством Уфимской губернии вставал земельный вопрос, — пишет М. И. Роднов. — Около 20–30% дворов, сеявшие до 2 десятин, представляли из себя пауперов-полупролетариев, избыточное, ненужное население, которое не могли принять города... Вся эта масса вела непрерывную борьбу за выживание, оказываясь в годы частых неурожаев за гранью физиологического существования»³⁰⁸.

Таким образом, в Европейской России существовали относительно богатые и относительно бедные полуголодные области³⁰⁹. Если обратиться к данным 1908–1911 гг., то мы увидим, что *регион бедности представлял собой связную область, охватывающую основную часть Центра, смежные*

Табл. 8.2. Погубернская динамика душевого потребления хлебов в 1898–1902 гг.³¹⁰

Губерния	1898–1902		1908–1911		1909–1913	
	по- тре- бле- ние	ввоз(+) или вы- воз(-)	по- тре- бле- ние	ввоз(+) или вы- воз(-)	по- тре- бле- ние	ввоз(+) или вы- воз(-)
Петроградская			21,0	16,9	23,9	19,5
Московская	21,5	14,5	21,3	16,6	22,2	16,8
Архангельская			15,2	9,9	16,1	10,8
Вологодская			17,5	3,4	17,7	2,8
Новгородская			17,7	5,1	18,8	5,7
Псковская	17,7	1,5	19,6	3,5	19,9	3,4
Эстляндская			33,1	3,4	30,6	5,1
Лифляндская			26,0	4,7	26,3	5,6
Витебская	16,6	2,4	17,8	3,8	18,4	3,7
Могилевская	18,7	-0,1	18,1	1,9	19,2	1,6
Минская	19,9	0,3	20,8	1,4	20,9	1,3
Тверская			16,2	5,6	17,7	5,5
Смоленская	22,9	1,5	19,4	4,8	21,0	3,8
Калужская	19,1	2,7	16,7	5,5	18,2	5,0
Владимирская			21,6	8,2	22,8	8,8
Ярославская			18,2	3,1	23,0	7,6
Костромская			20,3	4,1	22,7	5,8
Нижегородская			17,5	1,1	23,6	5,0
Тульская	25,8	-9,5	18,5	-11,8	20,0	-10,1
Рязанская	24,3	-4,9	16,9	-5,2	18,4	-4,1
Вятская			22,5	-1,7	23,5	-1,9
Пермская			26,0	2,2	27,8	2,8
Орловская	25,0	-3,0	20,6	-2,8	21,9	-2,9
Курская	30,1	-5,6	24,5	-3,4	27,2	-4,6
Воронежская			20,1	-6,1	25,1	-6,7
Тамбовская	26,6	-11,6	20,3	-12,7	24,6	-10,9

Губерния	1898–1902		1908–1911		1909–1913	
	по- тре- бле- ние	ввоз(+) или вы- воз(-)	по- тре- бле- ние	ввоз(+) или вы- воз(-)	по- тре- бле- ние	ввоз(+) или вы- воз(-)
Киевская			23,7	-1,5	25,4	-2,0
Полтавская			23,8	-8,7	26,5	-9,2
Харьковская	23,9	-3,8	24,1	-6,1	27,6	-6,3
Черниговская	19,7	-2,5	16,8	0,4	18,4	-0,3

с Центром черноземные и западные губернии и Север. Если исключить белорусские губернии, то этот регион примерно соответствовал Московскому царству времен Ивана Грозного — это были перенаселенные коренные области России, из которых в дальнейшем шло расселение на окраины. Поскольку перенаселение, в соответствии с теорией, способствовало развитию в этих регионах промышленности и ремесел, то регион бедности в основном совпадал с промышленными и «потребляющими» губерниями, а регион достатка — это были зернопроизводящие окраинные губернии. Не случайно, что именно по границе между «бедными» и «богатыми» губерниями прошла линия фронта в Гражданскую войну, что бедные промышленные и потребляющие губернии стали крепостями красных, в то время как богатые окраинные губернии поддерживали антибольшевистские силы³¹¹.

Окраины, степной юг, Южное Черноземье, Пермь были богатыми областями. Однако в том, что касается Черноземья, необходимо в соответствии с требованиями демографически-структурной теории акцентировать важность имущественной дифференциации и напомнить о делении крестьянства на две примерно равные группы, бывших помещичьих и бывших государственных крестьян. Это деление обуславливало ярко выраженное неравенство в средней величине земельного надела и уровне потребления. С точки зрения статистики это означало, что даже при том, что среднее потребление по губернии выше минимального уровня, потребление большей части населения могло быть ниже минимума. Таким образом, даже в благополучных губерниях существовали сотни тысяч голодных и озлобленных бедняков, мечтающих о «черном переделе».

Некоторые авторы склонны считать рост потребления в 1909–1913 гг. показателем того, что продовольственное положение радикально улучшилось³¹². Однако надо обратить внимание на то обстоятельство, что, как показал С. Уиткрофт, урожаи в России колебались не только год от года, но в среднем по пятилетиям³¹³. Это явление было обусловлено чередованием благоприятных и неблагоприятных природно-климатических условий; в частности периоды 1901–1904 гг. и 1910–1913 гг. были временем климатического максимума, а 1905–1908 гг. временем климатического минимума. Таким образом, рост урожайности в значительной степени объясняется переходом от климатического минимума к максимуму. А. М. Анфимов также полагал, что прогресс был достигнут в результате,

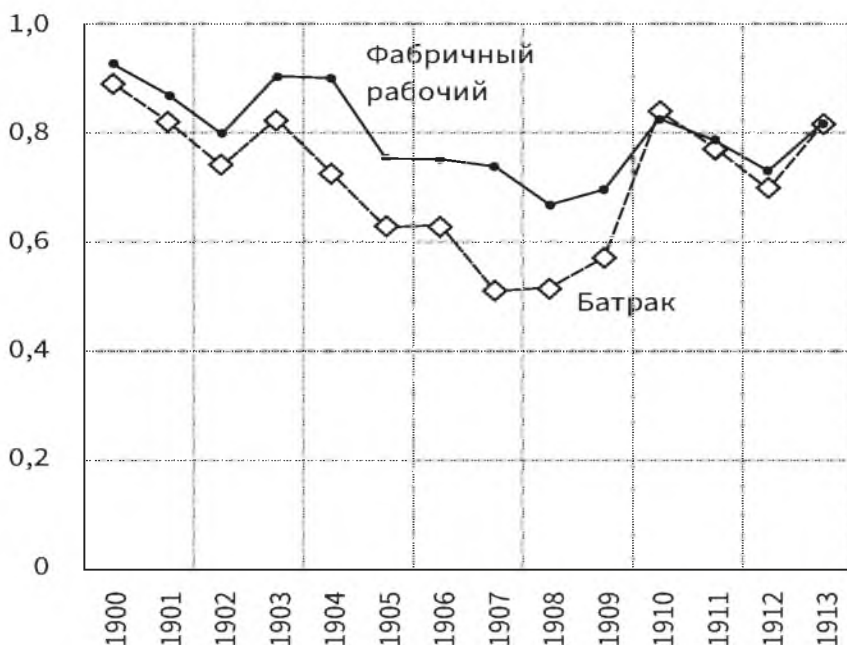

Рис. 8.1. Поденная заработная плата фабричного рабочего в Центрально-промышленном районе и батрака в период сева в Центрально-Черноземном районе в пересчете на кг ржи³¹⁴

главным образом, действия климатических факторов, но при этом обращал внимание на рост цен³¹⁵. В 1905–1912 гг. цены на хлеб в Германии повысились на 29%, что вызвало повышение экспортных цен; стоимость пшеницы в русских вывозных портах уже в 1905–1908 гг. увеличилась на 32%. Повышение цен обеспечило рост прибылей российских производителей, которые теперь могли вкладывать больше средств для увеличения производства, но благоприятная конъюнктура не могла длиться вечно, и в 1913 г. цены стали снижаться, предвещая новый кризис³¹⁶.

Следует обратить внимание также на важные сдвиги в структуре сельскохозяйственного экспорта. Среднегодовой вывоз зерна и муки в 1911–1913 гг. увеличился по стоимости сравнительно с 1901–1905 гг. на треть, а вывоз продуктов животноводства вырос *в два с половиной раза (!)* и составил почти половину от зернового экспорта³¹⁷. Это свидетельствует о быстром развитии экспортного животноводства, о том, что часть прежде вывозившегося зерна стала скормливаться скоту и птице для производства уходящей на экспорт животноводческой продукции. Это, в свою очередь, приводило к увеличению расхода зерна на фураж и к относительному сокращению зернового экспорта, к формальному росту потребления зерна внутри страны — но в действительности это зерно вывозилось теперь в виде яиц, масла, невыделанных кож, живого скота и т. д.

С другой стороны, результаты реформы еще не успели сказаться в полной мере; для улучшения хозяйства требовалось время, как говорил Столыпин, «двадцать лет покоя». По расчетам Л. С. Дякина требовалось

даже не 20, а 50 или 80 лет³¹⁸ (как это было в Германии). Решающим условием повышения продуктивности хозяйства до европейского уровня было резкое увеличение капиталовложений. Между тем в 1913 г. капиталовложения в расчете на одну десятину пашни в России были в 3,6 раза меньше, чем в Германии (урожайность была меньше в 2,4 раза). Естественно, что это отставание было невозможно преодолеть за пять или десять лет³¹⁹. «Практически, столыпинская реформа не могла решить поставленных задач, потому что *было уже поздно*», — подчеркивает В. П. Данилов (выделено В. П. Даниловым. — С. Н.)³²⁰.

Некоторые авторы для характеристики уровня потребления в начале XX в. используют также данных земских бюджетных обследований, проводившихся в некоторых губерниях в начале XX в. Сводка этих данных приводится, в частности, в сборнике материалов под редакцией А. В. Чаянова³²¹. Однако специалисты, работавшие над вопросом о введении продовольственных норм, считали эти данные неудовлетворительными. «Сделанная А. В. Чаяновым сводка имеющихся бюджетных данных представляет довольно скудный ряд разрозненных, разноценных и часто устаревших показателей размеров душевого потребления всех хлебов... менее чем по 15 губернии, — писал Е. Е. Яшнов. — Таким образом от пользования в данной области бюджетными материалами приходится неизбежно отказаться, тем более что и сама возможность распространить данные о потреблении хлеба в небольшом сравнительно числе обследованных хозяйств на все население губернии представляется в высшей степени сомнительной»³²². Сам А. В. Чаянов относился к этим материалам чрезвычайно критически, отмечая, что хотя «русская экономическая литература богата бюджетными исследованиями... к сожалению из этого значительного количества исследований большая часть не может удовлетворять современным требованиями. Огромная их часть построена на чрезвычайно ограниченном объеме наблюдений, часто не превышающем десятка хозяйств, благодаря чему бюджетные величины, полученные в результате их разработки не могут претендовать на высокую точность и достоверность. Многие из них построены на материалах, собранных явно несовершенными методами...»³²³

Очевидно, нерепрезентативность бюджетных данных была причиной того, что Е. Е. Яшнов и его сотрудники предпочли определять потребление зерна в губерниях с помощью урожайной и транспортной статистики — так, как это делается выше, в табл. 8.2. Тем не менее некоторые историки пытаются использовать бюджетные данные, и более того, распространять их на все 50 губерний Европейской России. В частности, проанализировав эти сведения, Б. Н. Миронов сделал вывод, что «рацион низшей экономической группы крестьян, составлявшей 30% всего сословия, не обеспечивал их достаточной энергией»³²⁴. Однако М. А. Давыдов убедительно доказывает, что часть зерна, потребляемого, по бюджетным данным, в пищу, в действительности расходовалась на фураж³²⁵. Эти данные согласуются с приведенными мною расчетами, показывающими завышенность средних цифр потребления в пищу, получаемых из материалов бюджетных обследований³²⁶. Реальное потребление в пищу было ниже, чем показывают бюджеты, — хотя, конечно, и признанное Б. Н. Мироновым хроническое недоедание 30% крестьян является достаточной причиной для революции.

8.12. Развитие промышленности и положение рабочих

Повлияла ли революция 1905–1907 гг. на положение рабочих? После Кровавого воскресенья правительство обещало приступить к выработке рабочего законодательства. Комитет министров в качестве образца для выработки этого законодательства назвал страховые законы Бисмарка, которые позволили канцлеру «взять рабочее движение в свои руки». Однако сопротивление промышленников замедлило работу над законами, и они были приняты лишь в июне 1912 г. Новое рабочее законодательство предусматривало страхование не только от несчастных случаев, но и от болезни; размеры пособия достигали $\frac{2}{3}$ заработка. Предложения об ограничении рабочего дня 10 часами были отвергнуты, однако в результате стачек во время революции рабочие добились сокращения средней продолжительности рабочего дня с 10,6 часа в 1904 г. до 9,9 часа в 1913 г.³²⁷

Что касается реальной заработной платы фабрично-заводских рабочих, то, как видно из рис. 8.1, в 1905–1909 гг. она уменьшилась, а затем стала расти. Динамика заработной платы строительных рабочих (см. рис. 7.7) была аналогичной. Л. И. Бородкин и Т. Я. Валетов обращают внимание на то обстоятельство, что в российской промышленности было большее, чем на Западе, различие в уровне оплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих, причем, если реальная заработная плата неквалифицированных рабочих в изучаемый период практически не менялась, то оплата квалифицированных рабочих возросла примерно на 15%. Исследователи объясняют это явление тем, что чернорабочие набирались в основном из крестьян (приток которых в города увеличился), а квалифицированные кадры — из потомственных горожан³²⁸.

Изменение заработной платы фабричных рабочих определялось главным образом динамикой цен на рожь, которая, в свою очередь, определялась ценами мирового рынка: коэффициент корреляции между ценами в Лондоне и Риге составлял 0,96³²⁹. С другой стороны, корреляция между рублевой заработной платой в Центрально-промышленном районе и ценой ржи в 1900–1913 гг. равна 0,89, то есть изменение в ценах объясняло 80% изменения заработной платы³³⁰. Во Владимирской губернии — крупнейшем центре текстильной промышленности — корреляция между заработной платой и ценой ржи была еще большей — 0,92. Для батраков Центрально-Черноземного района влияние цен более сказывалось на зарплате *в зерне* (видимо, потому что им платили зерном), корреляция между зарплатой и ценой ржи была равна -0,85 (чем дороже было зерно, тем меньше была оплата в зерне)³³¹. Таким образом, динамика реальной заработной платы в России определялась в основном мировыми ценами на зерно — ее понижение или повышение лишь в малой степени зависело от развития промышленности. При этом, как видно из графика на рис. 8.1, заработная плата, выраженная в пудах ржи, существенно понизилась в 1905–1909 гг., а затем несколько возросла в 1910–1913 гг., но не достигла прежнего уровня.

Дешевизна рабочей силы (сравнительно с другими странами) была одним из важнейших факторов, стимулировавших развитие русской промышленности. Выступая в Государственном совете в апреле 1912 г.

Табл. 8.3. Численность наемных рабочих в России (тыс.)³³²

	1900	1913	Рост в %
Фабрично-заводская промышленность	2043	3112	52
в том числе обрабатывающая	1536	2467	61
горная и горнозаводская	507	645	27
Транспорт и связь	995	1398	41
Прочие категории наемных рабочих	13735	18171	32
в том числе сельское хозяйство	5843 (1897 г.)	6500	11
мелкая промышленность	2000 (1890 г.)	3706	85
прислуга	2112 (1897 г.)	3000	42
чернорабочие	1738 (1911 г.)	2500	44
строительство	1369 (1897 г.)	1600	17
торговля	674	865	28
Всего	16773	22682	35
Численность населения (млн)	133,0	170,9	29

С. Ю. Витте объяснял, что развитие промышленности в России определяется действием «двух живительных влияний» — протекционизма и *аграрного перенаселения*. Обилие рабочей силы давало возможность промышленникам работать при слабом техническом и энергетическом оснащении производства и держать низкий уровень заработной платы³³³.

Уровень заработной платы в конечном счете определялся соотношением спроса и предложения; с одной стороны, аграрное перенаселение выбрасывало из деревни сотни тысяч разорившихся бедняков, с другой стороны, расширявшаяся промышленность испытывала потребность в новых рабочих. В 1909 г. начался новый промышленный подъем, сопровождавшийся бурной учредительской деятельностью. Капиталы акционерных промышленных компаний возросли с 1988 млн рублей в 1908 г. до 2848 млн рублей в 1913 г., причем доля иностранного капитала в новых компаниях составила лишь 13%. Приток нового национального капитала был вызван главным образом увеличением экспорта хлеба и повышением хлебных цен

на мировом рынке. Стоимость экспорта возросла с 779 млн рублей в 1900–1902 гг. до 1543 млн рублей в 1911–1913 гг., за счет этого в стране появились капиталы, часть которых вкладывалась в промышленность. Таким образом, индустриализация финансировалась в конечном счете за счет сельскохозяйственного экспорта³³⁴.

При этом, однако, как в эпоху Витте, так и в предвоенное время в экономику вкладывалась лишь сравнительно небольшая часть капиталов. Немецкий историк Ю. Нецольд статистическими методами проанализировал характер связи между величиной дохода на душу населения и реальным состоянием капитализации в народном хозяйстве и показал, что доля инвестиций оставалась низкой³³⁵. К такому же выводу приходит Р. Аллен, который доказывает, что бум 1908–1913 гг. носил преимущественно конъюнктурный характер, связанный с ростом цен на зерно; он не имел перспектив на продолжение в дальнейшем, когда цены на зерно начали снижаться³³⁶. «Мотивы исследователей (П. Грегори и др.), стремящихся зависить темпы роста промышленного производства дореволюционной России, вполне понятны, — отмечает Ю. П. Бокарев. — Весьма лестно думать, что не случись революция 1917 года, необычайно быстрый рост России позволил бы ей в недалеком будущем ликвидировать свою экономическую отсталость. Исчисленный мною индекс показывает, что это не так... От России, как от развивающейся страны, следовало бы ожидать весьма высоких темпов роста — таких, как в Японии, Австралии, Канаде и т. д. К сожалению, в этом плане она отставала не только от них, но и от стран с развитой экономикой, в частности, от США и Германии»³³⁷.

Предпринятая при Витте попытка сократить промышленное отставание от стран Запада не принесла желаемых результатов. В 1913 г. в России производилось чугуна на душу населения в 8 раз меньше, чем в Англии, в 9 раз меньше, чем в Германии, и в 14 раз меньше, чем в США³³⁸. В любом случае находившаяся еще в зачаточном состоянии индустриализация не могла существенно повлиять на протекание социально-экономических процессов: данные о численности рабочих (см. табл. 8.3) показывают, что *доля фабрично-заводских рабочих в населении по-прежнему оставалась незначительной и российское общество в своей основе оставалось традиционным аграрным обществом*. Промышленный подъем привел к росту численности рабочих фабрично-заводской промышленности (включая горнозаводскую) с 2 528 000 в 1908 г. до 3 112 000 в 1913 г., то есть промышленность дала дополнительно 584 тыс. рабочих мест³³⁹. Между тем, как отмечалось выше, только в Европейской России за это время в города перешло 4 138 000 крестьян. Таким образом, *мы видим классическую картину демографического Сжатия: разоряющиеся крестьяне устремляются в города, но промышленность оказывается не в состоянии обеспечить их работой*. Противники столыпинской реформы не раз высказывали опасения, что разорившиеся крестьяне не смогут найти работу в городах, что города будут переполнены толпами безработных и нищих. Наплыв в Москву выходцев из деревни и быстрый рост населения столицы привели к уменьшению душевого потребления муки и картофеля (в пересчете на муку) с 17 пудов в 1898–1902 гг. до 12,4 пуда в 1908–1912 гг.; при этом уменьшилось также потребление мяса, овощей, сахара³⁴⁰.

Табл. 8.4. Совокупные доходы различных категорий собственников в 1909–1910 гг. ³⁴¹

Категория лиц, получающих доходы	Доходы св. 1 тыс. руб.		Доходы св. 50 тыс. руб.	
	млн руб.	%	млн руб.	%
Владельцы торгово-промышленных предприятий	859	46	361	69
Землевладельцы	412	22	76	14
Владельцы денежных капиталов	340	18	49	9
Собственники городской недвижимости	257	14	39	7
Всего	1868	100	525	100

Официальной регистрации безработных в России не велось, и имеются лишь отдельные цифры о числе безработных в некоторых городах. Судя по этим цифрам, процент безработных в Петербурге за 1900–1913 гг. возрос в два с половиной раза. Не удивительно, что именно Петербург был основным центром рабочих выступлений в 1913–1914 гг.³⁴²

8.13. Изменения в положении элиты

Как отмечалось выше, революция 1905–1907 гг. привела к консолидации дворянского сословия под консервативными лозунгами Совета объединенного дворянства. Монархия после некоторых «цезаристских» колебаний вступила в союз с «объединенным дворянством» и после разгона Второй Думы изменила избирательный закон таким образом, чтобы обеспечить в Думе дворянское большинство. По новому закону один выборщик приходился в землевладельческой курии на 230 человек, в первой городской курии (для лиц с высоким имущественным цензом) — на тысячу человек, во второй городской курии — на 15 тыс. человек, в крестьянской курии — на 60 тыс., в рабочей — на 125 тыс. человек. Из 442 мест в Третьей Думе помещикам было обеспечено 233 места (56,8%), крупной городской буржуазии — 72 места (17,6%); реально было избрано 229 дворян³⁴³. «В законе этом, — писал Витте, — выразилась все та же тенденциозная мысль, которую Столыпин выражал в Государственной думе: что Россия существует для избранных 130000, т. е. для дворян, что законы делаются, имея в виду сильных, а не слабых, а потому закон 3 июня не может претендовать на то, что он дает „выборных“ членов Думы, он дает „подобранных“ членов Думы — подобранных так, чтобы решения были преимущественно в пользу привилегированных и сильных»³⁴⁴.

Опорой «объединенного дворянства» были правые партии, в том числе Союз русского народа, эти партии получили в совокупности 147 мест. Партией, получившей наибольшее количество мест (154), стал «Союз 17 октября», более чем на три четверти состоявшая из помещиков и чиновников, но возглавляемая крупным промышленником А. И. Гучковым. У кадетов, оставшихся в оппозиции, было только 54 депутата, социал-демократы имели 19 мандатов³⁴⁵. Таким образом, Третья Дума выражала в основном интересы поместного дворянства, и *революция в конечном счете привела к тому, что самодержавие было вынуждено поделиться властью с дворянством*. Ситуация была похожей на ситуацию после Великой французской революции, и наблюдатели сравнивали Третью Думу с «бесподобной палатой» Людовика XVIII³⁴⁶.

Как отмечалось выше, правительство Столыпина опиралось на союз с дворянством и проводило в главном, аграрном, вопросе откровенно продворянскую политику. Однако самодержавие не желало отказаться от давней традиции править самостоятельно, и уже вскоре после роспуска Второй Думы правительственный официоз, газета «Россия», начинает апеллировать к этой традиции, ссылаясь на восточные корни русской государственности. «Восточная демократия, — писала „Россия“ 7 октября 1907 г., — тем отличается от западной, что она обращается вокруг идеи сильной власти»³⁴⁷. П. А. Столыпин, как и С. Ю. Витте, в конечном счете был германофилом и этатистом, он считал Германию «идеалом для многих культурных стран». «Центральное место в апологии сильной власти занимал, естественно, тезис о надклассовой сущности государства, — отмечал В. С. Дякин. — Традиционные этатистские воззрения русской бюрократии получили в столыпинский период дальнейшее развитие...»³⁴⁸

В конкретном контексте 1907 г. речь шла о попытке Столыпина провести реформу местного управления и заставить дворянство поделиться своей властью с земельными собственниками-крестьянами. «Объединенное дворянство» и Дума энергично воспротивились этой попытке и затянули рассмотрение соответствующих законопроектов. В конечном счете правым удалось посеять семена недоверия между царем и премьер-министром, и после смерти Столыпина попытки реформ были постепенно оставлены³⁴⁹.

Однако этатистские тенденции в политике правительства сохранились, и Николай II был всегда готов продемонстрировать свою близость к народу. Особенно показательны в этом контексте торжества по поводу канонизации св. Серафима в Сарове, когда царя встречала 150-тысячная толпа крестьян, выражавшая ему любовь и преданность. Как отмечают исследователи, после Сарова Николай II стал часто употреблять выражение «царь и народ», подчеркивая свое единение с народными массами³⁵⁰. Еще одним проявлением этого «единения» было появление при дворе Григория Распутина — как отмечает Р. Мэсси, «в глазах императора Распутин был воплощением триединой формулы: православие-самодержавие-народность»³⁵¹. Это возвышение Распутина шокировало как либералов, так и сановную аристократию — ведь «настоящий мужик» из сибирской глубинки не скрывал своего отношения к «высшим классам». «Он ругал и издевался над дворянством, — вспоминает секретарь Распутина

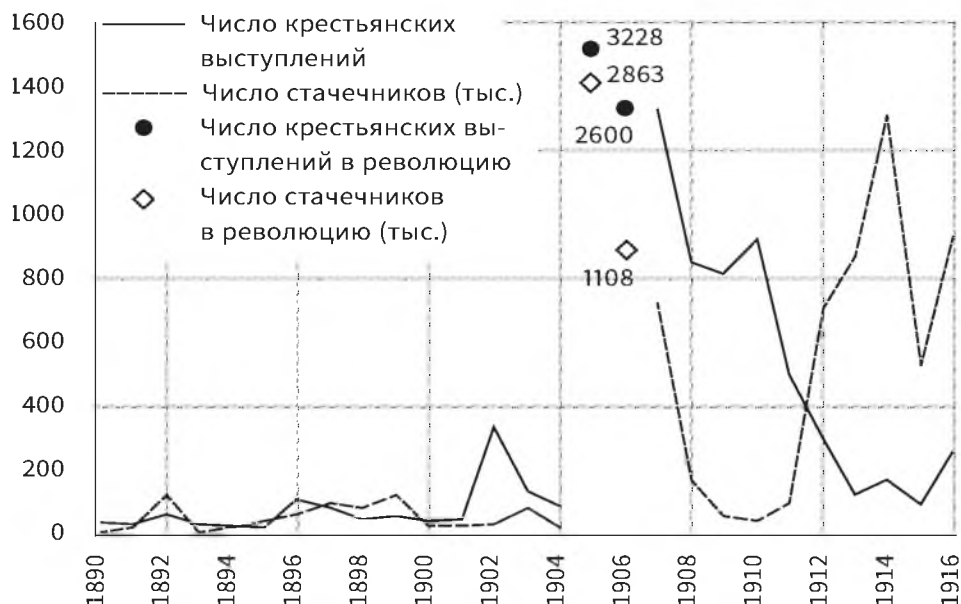

Рис. 8.2. Интенсивность крестьянского и рабочего движения в 1890–1916 гг. ³⁵²

А. С. Симанович, — он называл их собаками и утверждал, что в жилах любого дворянина не течет ни капли русской крови». «Как тресну мужицким кулаком — всё сразу и притихнет, — говорил Распутин князю Юсупову. — С вашей братьей, аристократами, только так и можно. Завидуют мне больно, что в смазных сапогах по царским-то хоромам разгуливаю... Поперек горла им стою... Зато народ меня уважает, что в мужицком кафтане да в смазных сапогах у самого царя да царицы советником сделался»³⁵³.

Но, демонстрируя свою любовь к народу, царское правительство, как и во времена Александра III, стремилось к соглашению с дворянской элитой. Правые партии неустанно подчеркивали свою верность самодержавию и предлагали еще более ограничить полномочия Думы. Проведенные под правительственным давлением выборы 1912 г. упрочили положение правых, дав им 185 мандатов. Преобладание в Думе помещиков привело к сплочению самодержавия и дворянства на почве консервативной политики; правительство более не стремилось к реформам, а думское большинство беспрекословно поддерживало его в текущих вопросах³⁵⁴.

Между тем соотношение сил различных сословий постепенно менялось. Промышленный подъем 1909–1913 гг. привел к обогащению торговой и промышленной буржуазии, с другой стороны, продажи земли ослабили экономическую роль дворянства. Как видно из табл. 8.4, владельцы торгово-промышленных предприятий намного превосходили землевладельцев по совокупным размерам доходов, причем в категории богатейших собственников это превосходство было подавляющим. Дворян среди этих владельцев было ничтожно мало — всего 2%; это были в подавляющем большинстве купцы, мещане, ремесленники — настоящая торгово-промышленная буржуазия, четко отделявшая себя от дворян и поме-

щиков. Как отмечалось выше, буржуазия не проявляла особой активности в период революции 1905–1907 гг. В предвоенный период положение начинает меняться. В 1912 г. представители торгово-промышленного мира создали новую либеральную партию прогрессистов, которая встала в оппозицию правительству. Эта оппозиция проявилась как в устных и печатных выступлениях, так и в согласии прогрессистов финансировать VI съезд РСДРП, намечавшийся на 1914 г.³⁵⁵

Накануне войны отмечается оживление и среди интеллигенции, традиционно поддерживавшей партию кадетов. После революции интеллигенция переживала глубокий кризис, ознаменовавшийся появлением известного сборника «Вехи», в котором вожди бывшего «Союза освобождения» призывали своих последователей отречься от былых революционных заблуждений. В Третьей Думе кадеты проводили осторожную политику «ответственной оппозиции», но в Четвертой Думе они вновь стали выступать с радикальными законопроектами, выдвинув требование всеобщего и равного избирательного права. Вновь, как во времена «Союза освобождения», либералы и радикалы вели переговоры о создании широкого антиправительственного фронта. На заседании ЦК партии кадетов весной 1914 г. левое меньшинство партии потребовало вновь, как в 1904 г., заключить союз с социал-демократами и эсерами с целью проведения согласованной кампании демонстраций и стачек. Однако лидер кадетов П. Н. Милюков выступил против этого плана, заявив, что политический переворот открыл бы дорогу громадным волнениям, которые приняли бы стихийный характер, напоминая смуты Разина и Пугачева³⁵⁶. П. Н. Милюков не раз повторял эту мысль впоследствии; будучи проницательным политиком и историком, он чувствовал, что с 1905 г. над страной стоит призрак Разина и Пугачева, призрак крестьянской войны.

8.14. Социальная нестабильность в 1908–1914 годах

Подавление революции 1905–1907 гг. не означало успокоения и возврата к до-революционной ситуации. Крестьянские волнения затухали постепенно, и их уровень в 1908–1910 гг. оставался на порядок более высоким, чем до революции (см. рис. 8.2).

Когда в 1912–1913 гг. сельские волнения пошли на спад, обострилась ситуация в городах, нахлынула новая волна стачек, ослабевшая только с началом войны. Показательно также и то, что волна государственных преступлений и преступлений против собственности не схлынула с окончанием революции, а продолжала будоражить общество. На период 1906–1908 гг. пришлось два революционных года, и средняя преступность в этот период примерно соответствует «уровню революции» (или лишь немного меньше). Как видно из таблицы 8.5, по числу преступлений «против порядка управления» уровень 1909–1913 гг. намного превосходит «уровень революции», что наводит на мысль о том, что революция не закончилась, а приняла хроническую форму постоянных (пусть мелких) протестных акций. Население не смирилось, а продолжало протестовать; об этом говорит и сохранившийся по-прежнему высоким уровень государственных преступлений, и повысившийся по сравнению с революционными

**Табл. 8.5. Число наиболее важных зафиксированных преступлений
(в среднем в год, тыс.)³⁵⁷**

Вид преступлений	1884– 1893	1906– 1908	1909– 1913
Против общественного и государственного порядка	23,3	56,2	55,4
в том числе религиозные	1,6	1,5	5,2
государственные		2,9	2,3
против порядка управления	3,8	13,1	22,1
Против личности	32,3	134,3	149,2
Против собственности частных лиц	40,8	208,7	245,5

Табл. 8.6. Число крестьянских протестных акций в 1907–1913 гг.³⁵⁸

	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Всего протестных акций по Европейской России	2477	2007	2420	6261	4522	1791	646
В том числе поджоги помещичьих усадеб	589	542	703	805	358	189	81
поджоги имущества кулаков	141	95	513	4377	1433	209	8
Всего протестных акций по шести губерниям Черноземья	394	226	202	1392	621	154	54

временами уровень преступлений против собственности (куда входили и поджоги помещичьих имений). Таблица 8.6 учитывает более мелкие протестные акции, которые не отражены на рис. 8.2.

Действительно, число мелких протестных акций, в особенности поджогов, в 1910–1911 гг. было значительно больше, чем в последний год революции (1907). С. М. Дубровский связывает это обстоятельство с борьбой общинников против выхода зажиточных крестьян из общины и находит, что динамика протестных акций коррелирует (возможно, с некоторым запозданием) с динамикой выходов; после 1910 г. число выходов

уменьшилось и волна протестов пошла на убыль³⁵⁹. По-видимому, сказалось также и то, что после неурожая 1911 г. пришли два феноменальных по урожайности года, когда уровень потребления в деревне (как отмечалось выше) существенно повысился.

Однако спад протестных акций в 1912–1913 гг. не отражал действительных настроений крестьянства. Если мы рассмотрим динамику мелких проступков против «правительственного и общественного порядка», то обнаружим, что число таких правонарушений в 1910–1913 гг. не только не уменьшилось, но возросло с 65 до 97 тыс. Таким образом, несмотря на урожайные годы, крестьянство не успокоилось и продолжало выражать свое недовольство существующим положением³⁶⁰. О том, к чему может привести недовольство законом о выходе из общины, предупреждал Столыпин тамбовский крестьянин И. Болтышев: «Я не пророк, но убежден, при случае какой бы то ни было общественной беды в большом разmere, в виде войны особенно неудачной... от закона 9 ноября останутся только обгорелые головешки да трупы»³⁶¹.

«Не подлежит... сомнению, — писал С. Ю. Витте, — что на почве земледелия... и будут разыгрываться дальнейшие революционные пертурбации в империи, особенно при том направлении крестьянского вопроса, которое ему хотят придать в последние годы, когда признается за аксиому, что Россия должна существовать для 130 тыс. бар и что государства существуют для сильных»³⁶².

Авторитетная группа аграрных историков, исследовавшая последствия столыпинской реформы на массовых материалах Тамбовской губернии, делает вывод, что «большинство крестьян Тамбовской губернии не поддержало программу разрушения общины. Конфликты... доходили до вооруженных столкновений... Ни столыпинская реформа, ни Первая мировая война не отвлекли крестьянство от решения главного вопроса — вопроса о земле... Важнейшей особенностью менталитета и непосредственно социально-политического движения традиционного крестьянства стала *готовность к восстанию*, поскольку государство явно не оправдало их социальных ожиданий»³⁶³.

«После революции 1905–1907 гг. в деревне больше не было крупных массовых выступлений, — писал известный исследователь А. Я Аврех. — Преобладающий характер имели, так сказать, первичные формы массового протеста... — порубки, поджоги, потравы, столкновения с чиновниками-землеустроителями. Тем не менее, наблюдатели, знавшие деревню, в один голос оценивали ситуацию в ней как крайне социально напряженную и взрывоопасную. Дело тут заключалось в революции в умах десятков миллионов крестьян, в отказе от прежней патриархальной психологии... уходила в прошлое приниженность крестьянина перед попом, чиновником, барином. Особенно такое умонастроение было характерно для деревенской молодежи...»³⁶⁴ На резкие изменения в ментальности крестьянских масс указывают многие исследователи. Это проявлялось, прежде всего, в трехкратном — даже по сравнению с революцией — росте числа религиозных преступлений (см. табл. 8.5). По некоторым данным, число последователей различных сект достигло 5 млн, а вместе со старообрядцами их число составляло 35 млн человек. Защищавшая помещи-

ков церковь потеряла свой прежний авторитет; традиционная идеология, выражавшаяся лозунгом «за веру, царя и отечество», вытеснялась оппозиционными идеологическими направлениями³⁶⁵. Очевидно, что с ослаблением традиционализма самодержавие теряло почву под ногами и лишалось большей части своих приверженцев. Эти процессы полностью соответствовали прогнозу демографически-структурной теории, которая утверждает, что нарастание государственного кризиса сопровождается ослаблением официальной идеологии и распространением диссидентских течений.

Как отмечалось выше, имели место также и изменения в ментальности рабочих, отчасти связанные с притоком разоренных и озлобленных крестьян из деревни. В 1914 г. более половины рабочих Петербурга были пришлыми, и эти слои считали даже эсеровскую программу слишком умеренной, предпочитая ей более эмоциональные лозунги большевиков и анархистов³⁶⁶. Появились новые черты в отношениях рабочих и городских высших сословий, такие как демонстративное отвержение рабочими принятого среди высших сословий европейского костюма. Рабочие требовали от заводской администрации обращаться к ним на «вы», и эти требования отразились в многократном росте жалоб рабочих в фабричную инспекцию. Чрезвычайно важным было то обстоятельство, что в результате ослабления традиционализма рабочие больше не чурались социал-демократов и интеллигентов — исчез тот традиционалистский барьер, который когда-то разделял крестьян и народников, а потом сказывался в движении 9 января. Более того, многие из рабочих считали РСДРП не «интеллигентской», как прежде, а своей, «рабочей», партией. В связи с этим обращает на себя внимание обнаруженная Ю. И. Кирьяновым и Л. И. Бородинским высокая корреляция между числом распространенных социал-демократами листовок и количеством стачечников (0,88)³⁶⁷.

Суммируя имеющиеся данные, известный американский историк Л. Хаймсон считает возможным говорить о революционных изменениях в менталитете — о «революции растущих надежд», связанной с высвобождением масс из-под гнета традиционной психологии покорности и с резким ростом социальных требований³⁶⁸. Эта психологическая революция привела к тому, что, хотя репрессии 1907–1911 гг. нанесли тяжелый удар рабочему движению, оно довольно быстро восстановилось. Как показывает статистический анализ, новая волна была лишь в небольшой степени связана с динамикой заработной платы — рабочие требовали повышения своего социального статуса, и забастовки носили по большей части политический характер. Это в особенности проявилось в 1912 г., когда Ленский расстрел и знаменитая фраза министра внутренних дел А. А. Макарова «так было и так будет впредь» вызвали новую волну массовых политических стачек. Положение быстро обострялось, и в 1913 г. количество стачечников достигло уровня революционного 1906 г. В стачечной борьбе предвоенного периода ярко проявлялась связь между интенсивностью политических стачек и концентрацией рабочих в крупных промышленных центрах, во главе ее шли рабочие-металлисты Петербурга. В июле 1914 г. еще один расстрел вызвал всеобщую стачку, демонстрации и беспорядки в Петербурге; бастовало 130 тыс. человек, в некоторых

районах города были возведены баррикады³⁶⁹. Оценивая события лета 1914 г., А. Ф. Керенский писал, что в те дни он был твердо уверен в близости революции³⁷⁰.

Петербургская стачка происходила в разгар внешнеполитического кризиса, когда русскому правительству приходилось принимать решение о действиях ввиду назревавшего военного конфликта. Назревание мировой войны остро чувствовалось в политических сферах, и вопрос о будущей войне с Германией вновь породил разногласия между монархией и оппозицией. Вестернизованная оппозиция в силу своей идейной близости с англо-французскими либералами выступала за войну и надеялась, что война поможет ей в борьбе с правительством. Этатистская группировка в правительстве продолжала следовать принципам бонапартизма, ориентировалась на Германию и выступала против войны³⁷¹. В феврале 1914 г. один из лидеров этатистов П. Н. Дурново в уже цитированной нами «Записке» писал о невыгодности для России войны с Германией и, в частности, предупреждал Николая II, что оппозиция, как и в 1905 г., использует поражение в войне, чтобы разжечь новую революцию, что это приведет к социальному взрыву. *«Но в случае неудачи социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и всеобщий раздел всех ценностей и имущества. Победенная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расхаживающие народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению»*³⁷².

Логика «предсказания Дурново» достаточно проста: в случае неудачи в войне с Германией должно повториться в более сильной степени то, что уже происходило после неудачной войны с Японией, то есть в революцию 1905 г. Дурново предсказывал, что недовольные фракции элиты снова начнут агитационную кампанию и революционеры поднимут на восстание крестьянство, пообещав ему землю. В действительности, как мы увидим ниже, это предсказание оказалось неточным: в феврале 1917 г. произошла «революция без революционеров»; крестьян-солдат никто не агитировал, обещая им землю, они уже не нуждались в агитации — они поднялись сами собой.

В конечном счете Россия решила вступить в войну. Не только этатисты — Дурново, Витте, Мещерский, не только Распутин, но и многие министры считали это решение чрезвычайно рискованным. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков, подписывая указ о мобилизации, сказал: «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярной, и идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уй-

ти...»³⁷³ Как отмечалось позднее в записке, поданной МВД начальнику Генштаба генералу Алексееву, «Германия, начиная войну, была уверена, что у нас немедленно же вспыхнет поднятое рабочими революционное движение, что мятежи и внутреннее недовольство совершенно парализуют нашу военную мощь»³⁷⁴.

8.15. Механизм брейкдауна в условиях войны

«Среди историков существует мнение, — отмечает Э. Хобсбаум, — о том, что Россия... могла бы продолжать поступательное и эволюционное движение в сторону процветающего либерального общества, если бы это движение не было прервано революцией, которой, в свою очередь, можно было бы избежать, если бы не Первая мировая война. Ни одна из возможных перспектив развития не удивила бы современников больше, чем эта. Если и существовало государство, в котором революция считалась не только желательной, но и неизбежной, так это империя царей»³⁷⁵.

Однако вопрос о том, что было бы, если бы не было войны, в принципе не имеет право на постановку — и не только по той причине, что история не имеет сослагательного наклонения. До появления ядерного оружия войны между великими державами были неотъемлемой частью исторического процесса. А. Н. Боханов подсчитал, что в XVI в. русское государство воевало 43 года, в XVII в. — 48 лет, в XVIII в. — 56 лет, в XIX веке — 30 лет³⁷⁶. Конечно, не все эти войны были большими войнами с «великими державами». Специфика ситуации второй половины XIX столетия заключалась в том, что большая война почему-то запаздывала, между окончанием Крымской и началом Первой мировой войны прошло 58 лет, в то время как временные промежутки между большими войнами с участием России в XVI — первой половине XIX в. в среднем составляли лишь 16 лет³⁷⁷. Последний мирный период был очень длинным потому, что русское правительство признавало неготовность страны и армии к большой войне и часто шло на большие дипломатические уступки, как было, например, во время боснийского кризиса 1908 г. — эти уступки воспринимались тогда как публичное унижение России³⁷⁸. Однако, как указывает Э. Хобсбаум, в 1910-х гг. неизбежность войны воспринималась уже как неоспоримый факт³⁷⁹. «Продолжавшееся международное напряжение и напряжение от гонки вооружений — все это создавало настроение, в котором война воспринималась почти как облегчение, — отмечает Д. Джолл. — Предшествующий международный кризис, рост вооружений и флота и настроение, которое они создавали, — все это позволяло определить, что эта конкретная война не могла не разразиться в данный момент»³⁸⁰.

Таким образом, война была неизбежной исторической реальностью, и нам предстоит еще раз описать и проанализировать механизм действия демографически-структурной теории в условиях войны. Большое значение при этом имеет то обстоятельство, в какой фазе демографического цикла происходит война. В соответствии с концепцией Дж. Голдстоуна, война (если она не сопряжена с вторжением противника вглубь страны) не может вызвать брейкдаун в периоды низкого давления, но способствует брейкдауну в период Сжатия. В пункте 5.5, анализируя меха-

низм кризиса в период Крымской войны, мы отмечали, что он имел три направления развития. Первая встававшая перед страной проблема заключалась в нехватке вооружений, что вело к военным поражениям и ослаблению авторитета власти. Вторая проблема заключалась в том, что в обстановке Сжатия и перманентного финансового кризиса государство могло финансировать войну лишь за счет эмиссии бумажных денег, что приводило к гиперинфляции, развалу рынка и в перспективе — к нарушению снабжения городов. Третья — и главная — проблема заключалась в том, что Сжатие, крестьянское малоземелье и народная нищета вызывали глубокий социальный раскол общества, что в условиях военных тягот было чревато восстаниями крестьян-ополченцев и народными восстаниями в тылу.

Интересно отметить, что П. Н. Дурново в цитированной выше записке выделяет, причем во взаимосвязи, первую и третью проблему, но не говорит о второй — видимо, потому что финансовые трудности во время непродолжительной русско-японской войны были разрешены с помощью внешних займов и не вызвали гиперинфляции. Однако необходимо напомнить, что именно финансовый кризис был одной из главных причин, заставивших Россию подписать Портсмутский мир.

В отличие от предыдущих войн, в которых участвовала Россия, новая война была огромной по масштабам и намного более длительной. Масштабы войны были следствием технологических революций XIX в.: железные дороги позволили мобилизовать и отправить на фронт многомиллионные армии, а фабричная промышленность позволила оснастить их оружием. Длительность войны была во многом обусловлена новым достижением военной техники, изобретением пулемета. Появление пулеметов дало преимущество обороняющейся стороне и обусловило «окопный» характер долгой войны на истощение³⁸¹.

Необходимо подчеркнуть также, что, согласно теории, понятие Сжатия включает в себе не только малоземелье и низкий уровень потребления, но и повышение уровня смертности — в том числе в результате войн. Таким образом, война была еще одним фактором Сжатия, намного увеличившим его интенсивность.

В начале Первой мировой войны продовольственное положение было относительно благоприятным и никто не предвидел будущих трудностей³⁸². Экспорт, прежде сводивший внутреннее потребление к полуголодному уровню, был теперь запрещен; было запрещено и винокурение, таким образом, в стране должно было оставаться количество зерна, более чем достаточное для снабжения армии и тыла. В 1914 г. урожай был средний, а в 1915 г. — самый высокий за последнее десятилетие. Как показывают расчеты, душевое потребление в тылу в 1914/15–1915/16 гг. составляло 23–25 пудов — то есть было не меньше, чем потребление населения в предвоенное время (см. табл. 8.7).

К весне 1915 г. в армию было мобилизовано 6,3 млн человек, а к весне 1917 г. — 13,5 млн, что составляло 47% трудоспособного мужского населения. Это привело к резкому изменению демографической ситуации в деревне, на смену избытку рабочей силы пришел ее недостаток. В шести губерниях Черноземья (Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тульской и Черниговской) без работников-мужчин осталось 33%

Табл. 8.7. Хлебный баланс в 1914–1917 гг. (без оккупированных территорий, Закавказья и Средней Азии)³⁸³

	1914/15	1915/16	1916/17
Посевная площадь (млн дес.)	85,7	82,4	75,9
Высев (млн пуд.)	728	700	645
Сбор (млн пуд.)	4660	4800	3968
Чистый остаток (млн пуд.)	3932	4100	3323
Потребление армии (млн пуд.)	317	598	486
Вывоз (млн пуд.)	33	42	3
Винокурение (млн пуд.)	22	10	10
Остаток (млн пуд.)	3560	3449	2824
Население (млн)	162,0	141,4	143,6
Армия (млн)	6,5	11,6	14,7
Беженцы (млн)	0,0	10,0	10,0
Потребители в тылу (млн)	155,5	139,8	138,9
Душевое потребление в тылу (пуд.)	22,9	24,7	20,3

хозяйств, во многих хозяйствах земля была засеяна лишь благодаря старой традиции общинных «помочей». Не хватало работников и в помещичьих хозяйствах. Арендная плата по шести губерниям упала с 41% урожая в 1912–1914 гг. до 17% в 1915 г. и 15% в 1916 г.; резко возросла оплата батраков (в Тамбовской губернии — на 60–70%). На юге, в Новороссии, не получавшие прежней прибыли помещики стали сокращать запашку, в Херсонской губернии к 1916 г. владельческая запашка сократилась в 2,3 раза. Однако в целом по стране, если не учитывать потерю оккупированных территорий, уменьшение посевных площадей было незначительным (в Центрально-Черноземном районе — на 4%)³⁸⁴.

Как отмечают многие авторы, с чисто продовольственной точки зрения положение крестьянства во время войны несколько улучшилось, но в плане уменьшения социальной напряженности это не имело существенного значения. Отношение к правительству и войне определялось негативной инерцией предшествующего периода. «Село, и прежде антигосударственное по настроению, — отмечают В. А. Дьячков и Л. Г. Протасов, — не видело нужды в активной поддержке государственных военных усилий, ставя на первое место борьбу за землю и волю, против помещи-

ков, хуторян... против твердых цен, проваливая продовольственную разверстку А. А. Риттиха, саботируя государственные повинности и налоги... Внутренний конфликт, ненависть к „врагу внутреннему“ были сильнее, подпитываясь негативно осмысленным опытом прошлой жизни, пережитыми обидами, хроническим социально-культурным недопотреблением»³⁸⁵. С началом войны к накопленному за десятилетия социальному недовольству добавилась боль расставания с родными и близкими; если прежде крестьянство страдало от голода, то теперь «мужиков» посылали умирать на непонятной для них войне. Во время мобилизации «плач мужчин, женщин, детей слышался в России повсеместно»³⁸⁶.

В годы войны русская армия на 90% состояла из крестьян³⁸⁷. Исследователи крестьянского менталитета отмечают, что в основе отношения крестьян к войне лежало традиционное фаталистическое восприятие ее как стихийного бедствия, наподобие засухи и неурожая. Поэтому крестьяне и на этот раз в своей массе подчинились судьбе: 96% мобилизованных явились на призывные пункты³⁸⁸. Но на многих призывных пунктах неожиданно вспыхнули стихийные волнения, которые пришлось усмирять силой, по неполным официальным данным, при подавлении этих бунтов было убито 216 призывников. Власти пытались объяснить эти волнения несвоевременным введением «сухого закона», что не позволяло проводить призывников «по обычаю». Однако Дж. Санборн приводит примеры, когда официальное объяснение было заведомо ложным, и показывает, что в основе волнений лежало социальное недовольство. Мобилизация сопровождалась огромным потоком жалоб на то, что «богатые» уклоняются от призыва, что «за 100 рублей можно получить бронь»³⁸⁹. Генерал С. А. Добровольский, начальник мобилизационного отдела писал об обилии «все-возможных просьб... об освобождении или, по крайней мере, об отсрочке призыва в войска. Подобные просьбы поступали не из толпы народа, а от нашего культурного общества и из среды буржуазии»³⁹⁰.

Таким образом, фактор социального раскола проявился в самом начале войны; при этом *раскол приобрел еще одно измерение*: простонародье должно было идти на фронт умирать, в то время как элита и ее служители могли отсиживаться в тылу. Социальный раскол в значительной мере определил постепенно развивающееся противостояние фронт — тыл; он обусловил ненависть и презрение фронтовиков к «тыловым крысам», включая полицию, штабных офицеров, высшее командование и правительство. После понесенных поражений крестьянская ненависть кристаллизовалась в обвинение в предательстве, адресуемое высшим офицерам, то есть по преимуществу дворянам-помещикам, старым врагам крестьян. «Крестьянская психология солдата указывала ему конкретного виновника его страданий — предательство офицеров, особенно высших, и министров»³⁹¹.

Однако конфликт фронта и тыла был более широким, чем традиционное противостояние народных низов и элиты, он втягивал в себя и средние слои, людей, которые прежде не проявляли социального недовольства, а теперь люто ненавидели тех, кто послал их умирать, а сам отсиживался в тылу. Эта ненависть проявлялась, в частности, в отказах фронтовиков (в том числе казаков и офицеров) оказывать помощь полиции в подавлении голодных бунтов (о чем пойдет речь ниже). Как от-

мечал А. Уайлдман, внутренняя логика армейской жизни в годы войны в большей степени вела к бунтарству, нежели любая пропаганда³⁹².

Многие наблюдатели упоминали о том, что мобилизованные крестьяне не понимали, ради чего они должны идти на войну³⁹³. «У них не было никакого представления о том, ради чего они воюют, — свидетельствует британский военный атташе А. Нокс, — не было у них и сознательного патриотизма, способного укрепить их моральный дух перед зрелищем тягчайших потерь...»³⁹⁴ «Крестьянин шел на призыв потому, что привык вообще исполнять все, что от него требует власть, — писал генерал Ю. Н. Данилов, — он терпел, но пассивно нес свой крест, пока не подошли великие испытания»³⁹⁵. Едва ли не единственной внутренней мотивацией крестьянского участия в войне — но мотивацией неофициальной, исключительно на уровне бытового сознания — были слухи о том, что после окончания войны солдаты-победители получают землю. Эти слухи были аналогичны слухам 1812 и 1855 гг. о том, что крепостные-ополченцы получают свободу. Однако по мере затягивания войны ничем не подкреплявшиеся надежды постепенно рассеивались³⁹⁶.

Нежелание крестьян-солдат воевать сказывалось уже в начале войны. Председатель Думы М. В. Родзянко приводил примеры, когда во время атаки с поля боя дезертировало до половины солдат, подчеркивая, что это примеры «далеко не единственные»³⁹⁷. К концу 1914 г. в различных армиях было издано большое количество приказов, отмечавших отсутствие стойкости у солдат и распространившиеся сдачи в плен³⁹⁸. Русская армия уступала противнику в артиллерии, и русские генералы старались использовать численное превосходство, безжалостно бросая своих солдат в штыковые атаки. Осенью 1914 г. на Восточном фронте 3 млн русских сражались с 1,5 млн австрийцев и немцев, и к концу года русские потери достигли 1,4 млн. Уже в начале 1915 г. закончились мобилизационные запасы снарядов и винтовок, на фронт прибывали невооруженные пополнения. Затем началось немецкое наступление. В июле 1915 г. в сражении на реке Нарев тысячи солдат не имели винтовок, а для артиллерии была установлена норма в пять выстрелов на орудие в сутки. Немецкие же орудия были обеспечены 600–1000 выстрелами. В день немецкого наступления артиллерийская подготовка продолжалась пять часов, и за это время обороняющиеся потеряли 30% боевого состава³⁹⁹. Военный министр А. А. Поливанов говорил на заседании Совета министров 16 июля: «...Пользуясь огромным преобладанием артиллерии, немцы заставляют нас отступать одним артиллерийским огнем. В то время, как они стреляют из орудий чуть ли не по одиночкам, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезных столкновений. Благодаря этому, обладая возможностью не пускать в дело пехотные массы, неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами...»⁴⁰⁰ Д. Ллойд-Джордж писал: «Русские армии шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление»⁴⁰¹.

Это была плата за экономическую политику времен Николая I и Александра II, которая привела к катастрофическому отставанию в развитии тяжелой промышленности — отставанию, которое так и не удалось преодо-

леть. В 1913 г. в России было произведено 28 кг чугуна на душу населения, а в Германии — 247 кг.⁴⁰² Притом отсталость имела не только количественные, но и качественные характеристики, проявляясь в низком, сравнительно с Западом, технологическом уровне промышленности, запаздывании в освоении новейших видов вооружений⁴⁰³. В конечном счете она губительным образом проявилась на полях Первой мировой войны; например, максимальное месячное производство пулеметов в России было в 12 раз меньшим, чем в Германии. Снарядов для тяжелой артиллерии за время войны в России было выпущено в 32 раза меньше, чем в Германии⁴⁰⁴.

Таким образом, *механизм кризиса начал действовать: недостаток вооружений привел к поражениям 1915 г. и к резкому падению авторитета власти*. Дурново предсказывал, что, как и в 1904 г., поражения в войне вызовут кампанию обвинений в адрес правительства со стороны либеральной оппозиции и требования поделиться властью — и действительно, поражения 1915 г. вызвали яростную антиправительственную кампанию в Думе и формирование оппозиционного «Прогрессивного блока» из прогрессистов, кадетов, октябристов и части националистов. Однако на конференции кадетов в июле П. Н. Милюков снова напомнил призывающим к революции о призраке Разина и Пугачева: «Это была бы не революция, — говорил лидер кадетов, — это был бы ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный... Какова бы ни была власть — худа или хороша, но сейчас твердая власть необходима более, чем когда-либо»⁴⁰⁵. В силу этих опасений программа блока была чрезвычайно скромной, она включала амнистию политзаключенных, отмену национальных ограничений, расширение местного самоуправления и тщательно обходила главные вопросы о земле и равном избирательном праве. По существу, единственным лозунгом, объединяющим оппозицию, было создание «министерства доверия» с участием думских лидеров. Николая II приводили в ярость политики, игравшие свои игры, когда войска на фронте истекали кровью. Решив проявить твердость, царь распорядился прервать заседания Думы на несколько месяцев. Наученная опытом 1905 г., оппозиция не обращалась за поддержкой к рабочим, и роспуск Думы прошел относительно спокойно. Таким образом, вопреки предсказанию Дурново, антиправительственная кампания не вызвала массовых революционных выступлений⁴⁰⁶.

Разгромленные русские армии потеряли в летней кампании 1915 г. 2,4 млн солдат, в том числе 1 млн пленными. Деморализованные и не понимающие смысла войны солдаты массами сдавались в плен. Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич писал военному министру: «Получаются сведения, что в деревнях... уже отпускают новобранцев (призыв 15 мая) с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться»⁴⁰⁷. Янушкевич добавлял, что солдатам незнакомо само понятие «патриотизм», что тамбовец — патриот лишь Тамбовской губернии, а на общероссийские интересы ему наплевать. Поэтому — тут генерал затрагивал главный вопрос — солдата «надо поманить», пообещать ему земельный надел в 10 десятин⁴⁰⁸. На заседании 30 июля А. А. Поливанов говорил, что «деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры»⁴⁰⁹. А. И. Гучков рассказывал, что

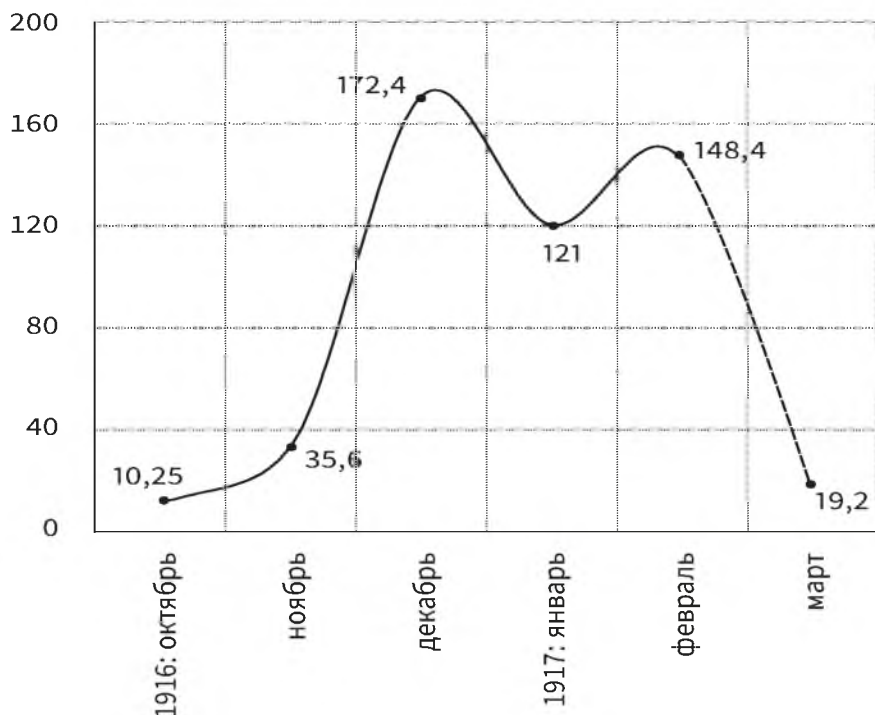

Рис. 8.3. Динамика «ухода в плен» (тыс.)⁴¹⁰

бывали случаи, когда целые роты вместо контратаки подходили к позициям противника и поднимали ружья — сдавались⁴¹¹. «Стойкость армии стала понижаться и массовые сдачи в плен стали обычным явлением», — свидетельствует А. А. Брусиллов⁴¹². Большие потери, массовые сдачи в плен и дезертирство привели к тому, что осенью 1915 г. на фронте осталось только 870 тыс. солдат — вдвое меньше, чем в начале войны. Ввиду столь тяжелого положения началась мобилизация старших призывных возрастов, 30–40-летних мужчин, отцов семейств. В деревнях при проводах мобилизованных происходили душераздирающие сцены: миллионы похоронок открыли масштабы кровавой бойни и стало ясно, что у уходящих немного шансов вернуться. Произошло 82 бунта, сопровождавшихся разгромами магазинов, вокзалов и полицейских участков: мобилизованные требовали отправить воевать отсиживавшихся в тылу полицейских. Призывники разбежались по пути на фронт; по данным И. М. Пушкаревой, количество бежавших из маршевых эшелонов достигало сотен тысяч⁴¹³. «Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой в 25% в среднем, — свидетельствует М. В. Родзянко, — и к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона...»⁴¹⁴

Характерным свидетельством отсутствия национального единства в расколотой жестоким социальным конфликтом стране было голосование думских фракций трудовиков и социал-демократов против военных-

кредитов осенью 1915 года. Л. Хаймсон отмечал, что среди политических партий воюющих стран русские трудовики и социал-демократы представляли собой единственные парламентские фракции, которые проголосовали против военных кредитов единогласно. «У рабочих отсутствовало ощущение, что они принадлежат к единой нации», — писал Л. Хаймсон⁴¹⁵. То же самое, очевидно, можно сказать и о крестьянах.

Правительство пыталось заставить солдат сражаться. Были созданы специальные вооруженные команды для доставки мобилизованных на фронт. Была введена смертная казнь за саморанения; солдат предупреждали, что в случае сдачи в плен их семьи лишатся пайков, а сами они после войны будут отправлены в Сибирь⁴¹⁶. Приказ командующего восьмой армией А. А. Брусилова гласил: «...Сзади нужно иметь особо надежных людей и пулеметы, чтобы, если понадобится, заставить идти вперед и слабодушных. Не следует задумываться перед поголовным расстрелом целых частей за попытку повернуть назад или, что еще хуже, сдаться в плен»⁴¹⁷. Были введены телесные наказания, и солдат стали пороть розгами за мельчайший проступок, например за самовольную отлучку на несколько часов, а иногда просто, чтобы «поднять воинский дух»⁴¹⁸. Естественно, что такие меры озлобляли солдат против офицеров и усиливали социальный раскол в обществе.

Осенью немецкое наступление остановилось; зимой благодаря налаживанию производства внутри страны и помощи союзников удалось улучшить снабжение армии винтовками и снарядами. Как показывают отчеты военных цензоров, за время зимней передышки настроение солдат улучшилось, и это позволило летом 1916 г. бросить армию в наступление. Летняя кампания 1916 г. превратилась в новую кровавую бойню, и если верить данным Генерального штаба, то потери убитыми и ранеными были лишь немногим меньшими, чем в 1915 г. Для характеристики морального состояния солдат особенно показательны потери пленными: в 1916 г. эти потери составили 1,5 млн солдат — притом что армия не отступала, как в 1915 г., а наступала⁴¹⁹. О распространении добровольной сдачи в плен говорят многие историки, опирающиеся на анализ фронтовой корреспонденции⁴²⁰. Эта тема широко представлена в письмах офицеров: «Представится случай, охотно идут в плен, а тем более, что против нас австрийцы», «австрийцы очень часто переходят к нам в плен, наши тоже не спят: как только начальство заглядится, так и уходят» и т. д.⁴²¹ Характерно также одно из солдатских писем: «От чистого сердца сознаюсь, что почти все солдаты стремятся попасть в плен, особенно в пехоте... Почему наша Россия оказалась в таком плохом положении, а потому, что наше правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову...»⁴²²

Современными исследователями подсчитано, что в целом за время войны Россия потеряла 3,9 млн пленными, в три раза больше, чем Германия, Франция и Англия вместе взятые. На 100 убитых в русской армии приходилось 300 пленных, а в германской, английской и французской армиях — от 20 до 26, то есть русские сдавались в плен в 12–15 раз чаще, чем солдаты других армий (кроме австрийской)⁴²³.

Особенно характерна динамика «ухода в плен», начиная с октября 1916 г., когда в условиях распутицы, а потом зимы, бои на фронте практически прекратились. В этот период началось «голосование ногами» — как видно из графика на рис. 8.3, количество уходящих к противнику быстро росло и в феврале 1917 г. достигло 148 тыс. человек. После революции появилась надежда — и в марте число пленных упало до 19 тыс.

Помимо сдачи в плен, массовый протест принимал и другие формы. Резко возросло число дезертиров, по некоторым оценкам, к началу 1917 г. оно составляло 1,5 млн.⁴²⁴ Отмечались случаи отказа частей идти в наступление («забастовки солдат»), братания с солдатами противника. В солдатских письмах все чаще встречаются угрозы посчитаться с «пузанами, которые сидят в тылу»⁴²⁵. Летом 1916 г., по словам прибывавших на побывку солдат, на фронте были широко распространены слухи о том, что «после войны... будет война внутри России из-за того, что все богачи откупилась и не несут военной службы, а сидят дома»⁴²⁶. В последние месяцы 1916 г. цензоры Казанского военного округа отмечали в своих отчетах, что «такого уныния, как теперь, в корреспонденции с театра войны еще не было. 2,5 года войны, по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех. Нет доверия к власти, нет и веры в себя. А остается лишь место для протеста, который может вылиться в нежелательные формы»⁴²⁷. В отчете за январь 1917 г. был приведен отрывок из солдатского письма, отражающий, по мнению военно-цензурной комиссии, типичное настроение солдат: «Мы здесь на фронте проливаем кровь, терпим разные лишения и кладем жизнь, а там на нашей крови... купцы-спекулянты строят свое благополучие и счастье»⁴²⁸.

Осенью 1916 г. Петроградское жандармское управление отметило факты начавшегося разложения армии: массовую сдачу солдат в плен, дезертирство и вражду солдат к офицерам⁴²⁹ — характерное проявление обострения социальной розни. В октябре 1916 г. произошли восстания нескольких тысяч солдат на тыловых распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге; *возможность большого солдатского мятежа становилась все более реальной*⁴³⁰.

Еще более опасным для властей было положение на флоте. Генерал-губернатор Кронштадта Р. Вирен писал в Главный морской штаб в сентябре 1916 г.: «Достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе с судами, находящимися сейчас в кронштадтском порту, выступит против меня, офицерства, правительства, кого хотите. Крепость — форменный пороховой погреб, в котором догорают фитиль — через минуту раздастся взрыв... Мы судим, уличенных ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели. 80 тысяч под суд не отдашь»⁴³¹.

«Ситуация в армии становилась все более безнадежной, — свидетельствует А. Ф. Керенский. — В январе 1917 г. насчитывалось миллион двести тысяч дезертиров, и число это постоянно росло. В армии шла самовольная демобилизация. Высшее командование было бессильно остановить разбегавшихся по домам солдат. Создавались особые отряды военной полиции для отлова дезертиров... Исчезла всякая воинская дисциплина. Целые роты отказывались сражаться... Солдаты то и дело покидали траншеи, братались с немцами, иногда уходя вместе с ними»⁴³².

Характерно, что процесс разложения русской армии не ускользнул от внимания германского Генштаба и учитывался в оперативном планировании⁴³³.

Таким образом, к началу 1917 г. два фактора кризиса, о которых говорилось выше, — падение авторитета власти в результате военных поражений и ненадежность войск как следствие предшествовавшего войне Сжатию и военных тягот — подготовили почву для революции.

8.16. Продовольственный кризис в городах — часть механизма брейкдауна

Однако существовал еще и третий фактор: гиперинфляция, развал рынка и голод в городах. Как отмечалось выше, благодаря прекращению экспорта страна в целом была вполне обеспечена продовольствием. Однако помимо проблемы производства существовала еще проблема распределения продовольствия. В мирное время вопросы распределения продовольствия решались через рынок, и государство не вмешивалось в рыночную экономику, опасаясь нарушить интересы землевладельцев. Такой же политики самоустранения оно придерживалось и в первый военный год, не придавая особого значения проблеме распределения.

Между тем в 1915 г. система рыночного распределения стала разрушаться в результате финансового кризиса и начавшейся быстрой инфляции. Как отмечалось выше, типичный механизм кризиса общества, находящегося в состоянии Сжатия, в условиях войны включал гиперинфляцию и развал рынка. Это объяснялось тем, что Сжатие вызывало финансовый кризис, и в этих условиях военные расходы могли финансироваться в основном лишь за счет эмиссии бумажных денег. Огромные военные расходы не могли быть профинансированы, исходя из обычного бюджета. В 1914 г. доходы бюджета составляли 2,8 млрд рублей, и поскольку увеличить доходы за счет налогов с населения было практически невозможно, то в 1915 г. доходы формально остались на том же уровне (а с учетом инфляции существенно уменьшились). Между тем военные расходы за вторую половину 1914 г. составили 2,5 млрд рублей, за 1915 г. — 9,4 млрд, за 1916 г. — 15,3 млрд⁴³⁴. Военные расходы намного превосходили обычные доходы во всех воюющих странах, но в России ситуация усугублялась условиями Сжатия. Для стран с относительно высоким уровнем жизни, помимо повышения налогов и эмиссии бумажных денег, существовал еще один путь получения доходов — внутренние займы. Правительства этих стран могли опираться на поддержку народа, который готов был кредитовать государство ради будущей победы — и главное, мог кредитовать государство, потому что даже простые люди имели определенные сбережения. В Германии доля займов в годы войны составляла 90% средств, полученных на внутреннем рынке, и 74% военных расходов⁴³⁵. В России Сжатие обуславливало бедность населения, поэтому за счет займов было погашено лишь 7,5 млрд из 30,5 млрд рублей военных расходов царского правительства — то есть 25%⁴³⁶.

Однако дело было не только в бедности: глубинной причиной возникших финансовых трудностей было нежелание населения оказывать под-

держку властям, как деликатно выражается один из историков, «отсутствие должного понимания населением гражданского долга»⁴³⁷. При этом необходимо отметить, что либеральная оппозиция агитировала за займы и имущие слои населения вкладывали в них свои деньги — речь идет об отсутствии поддержки правительства со стороны простого народа⁴³⁸. Это было следствие вызванного Сжатием социального раскола.

Таким образом, выяснилось, что Россия не в состоянии самостоятельно финансировать войну, и союзники были вынуждены предоставить русскому правительству займы на общую сумму в 6,3 млрд рублей, что составило 21% военных расходов⁴³⁹. Однако несмотря на эту помощь, внутренние и внешние займы покрывали расходы менее чем наполовину, а обыкновенные доходы фактически даже уменьшились, и оставалось единственное средство финансирования армии — печатание бумажных денег. «Какие бы неточности в расчетах ни были, можно смело сказать, что выпуск бумажных денег явился для казны самым главным источником финансирования войны», — констатирует А. Л. Сидоров⁴⁴⁰. В конечном счете к денежным эмиссиям были вынуждены прибегать и другие страны, но в России — ввиду отмеченных обстоятельств — эмиссия приобрела безудержный характер. По подсчетам А. Гурьева, к весне 1917 г. количество бумажных денег в обращении увеличилась во Франции на 100%, в Германии — на 200%, а в России — на 600%⁴⁴¹.

Эмиссия необеспеченных кредитных билетов должна была привести к галопирующей инфляции, разрушению экономических связей и потере хозяйственной, а потом и административной управляемости. В 1915 г. цены росли медленнее, чем денежная масса, в первом полугодии 1916 г. рост ускорился, а во втором полугодии цены сделали резкий скачок и обогнали рост денежной массы (см. рис. 8.4). В соответствии с экономическими законами это означало, что сократилось количество поступавших на рынок товаров, в том числе главного товара — хлеба. Во всем мире и во все времена реакция производителей на инфляцию одинакова: наблюдая быстрый рост цен, землевладельцы и крестьяне придерживают свой товар, чтобы продать его с большей выгодой, когда цена возрастет. На рынке появляется дефицит хлеба, от которого, в первую очередь, страдают горожане. Цены в городах быстро растут, у булочных выстраиваются длинные очереди и массовое недовольство приводит к спонтанным вспышкам голодных бунтов, которые иногда превращаются в большие восстания. Примеры такого развития событий хорошо известны в истории, и мы напомним лишь два из них.

Первый пример — это события в Австро-Венгрии, которая переживала такой же продовольственный кризис, что и Россия, и по тем же причинам: помещики и крестьяне не желали продавать зерно за обесценившиеся деньги. Министр иностранных дел О. Чернин писал 15 января 1918 г.: «Мы стоим непосредственно перед продовольственной катастрофой... Через несколько недель остановится наша военная промышленность и наше железнодорожное сообщение, снабжение армии станет невозможным и ее ожидает катастрофа»⁴⁴². 16 января началась всеобщая стачка, сопровождаемая сотысячными демонстрациями и выступлениями голодающих рабочих в Вене, Будапеште и других городах. В этой обстановке

австрийское правительство поспешило заключить мир с украинской Центральной радой; 42 тыс. вагонов хлеба, доставленного с Украины, спасли миллионы людей, писал О. Чернин⁴⁴³. Благодаря спешному заключению мира и ввозу продовольствия Австрия избежала революции в январе 1918 г. — Николай II тоже пытался заключить мир, но даже в случае его подписания Россия не смогла бы получить хлеб в какой-нибудь оккупированной стране. Впрочем, Австро-Венгрии тоже не удалось избежать своей судьбы: революция была лишь отсрочена на восемь месяцев, а затем последовало то же, что и в России, — массовые выступления измученных войной солдат и стихийный передел земли в деревне.

Второй пример — это события Великой французской революции. В 1792 г., во время войны с Австрией и Пруссией, все лица, годные к военной службе, были допущены в национальную гвардию — то есть народ получил в свои руки оружие. Как и в 1914–1917 гг., война финансировалась за счет эмиссии ассигнаций, стоимость которых быстро падала. Уже в ноябре 1792 г. Сен-Жюст говорил, что «система торговли зерном опрокинута неумеренной эмиссией денежных знаков», и предупреждал о грядущих восстаниях⁴⁴⁴. 24–26 февраля 1793 г. по Парижу прокатилась первая — чисто стихийная — волна голодных бунтов. Напуганное правительство ввело максимальные цены на зерно, но максимум не соблюдался. Воспользовавшись создавшимся положением, якобинцы сумели превратить стихийное экономическое движение в политическое; организованное якобинцами вооруженное выступление национальной гвардии 31 мая — 2 июня одержало победу, Робеспьер пришел к власти, но продовольственное положение не улучшалось. 4 сентября вспыхнул новый — снова стихийный — голодный бунт, и Конвент был вынужден объявить «всеобщий максимум», то есть максимальные цены на все товары. Затем последовало введение продразверстки с конфискацией всех излишков по твердым ценам и частичная национализация экономики; сопротивление недовольных было подавлено с помощью «революционного террора»⁴⁴⁵.

Аналогия в развитии событий в России и революционной Франции бросалась в глаза, и о ней начали говорить еще до начала русской революции. В ноябре-декабре 1916 г. на эту аналогию обращалось внимание в выступлениях на заседаниях Всероссийской сельскохозяйственной палаты⁴⁴⁶. 25 января 1917 г. министр финансов П. Барк, выступая на Петроградской конференции Антанты, сообщал, что цены в России поднялись в 4–5 раз, намного больше, чем в других воюющих странах, что если курс рубля не будет поддержан, то «возможна катастрофа, как во время французской революции»⁴⁴⁷.

Указанные примеры говорят о том, что события, подобные Февральской революции 1917 г., могут происходить и в традиционном обществе и что участие промышленных рабочих в февральских событиях в конечном счете не было определяющим моментом.

В России хлебное снабжение городов было нарушено уже к осени 1915 г. А. Н. Хвостов, вскоре назначенный министром внутренних дел, уже в октябре этого года предупреждал о надвигающемся топливном и продовольственном кризисе в центральных и северных районах⁴⁴⁸. По данным анкетирования, произведенного в сентябре 1915 г., в Центральном

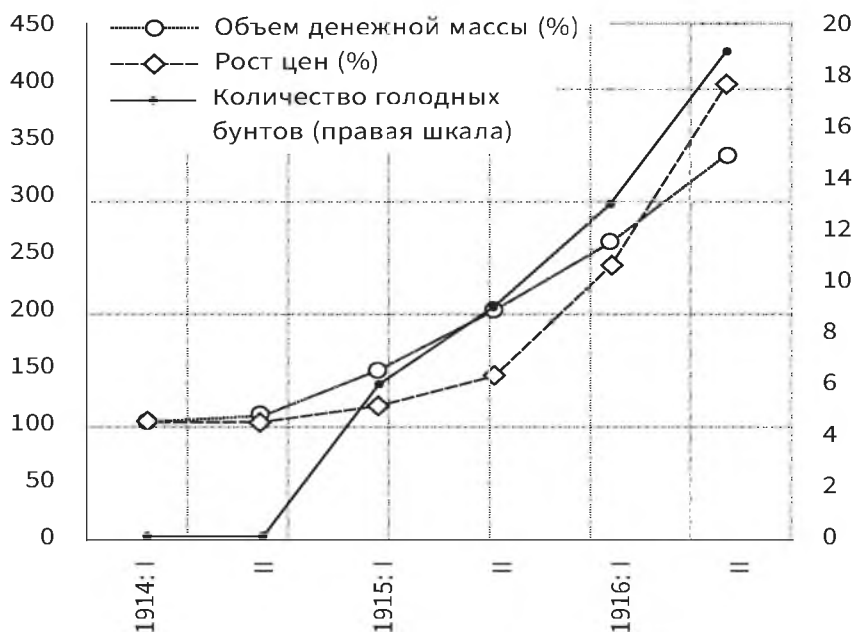

Рис. 8.4. Количество денег в обращении, индекс цен и число голодных бунтов в городах (без Сибири, Закавказья, Кавказа и Донской области) по полугодиям⁴⁴⁹

промышленном районе 88% городов испытывали недостаток в хлебе; от недостатка хлеба страдали и многие города Черноземья — хотя в соседних деревнях зерна было более чем достаточно. Чтобы обеспечить снабжение городов и закупки для армии большинство губернаторов Европейской России запретили вывоз хлеба за пределы своих губерний, до крайности затруднив хлебную торговлю. Это вынудило торговцев искать всевозможные лазейки, давать взятки чиновникам и обходить запреты. Многие солидные фирмы, оказавшиеся не в состоянии встать на этот путь, были вынуждены прекратить свою деятельность, а те, которым удавалось провезти хлеб, продавали его по спекулятивным ценам⁴⁵⁰.

Население городов отвечало стихийными бунтами, сопровождавшимися разгромом магазинов и торговых кварталов. На рис. 8.4 учтены лишь крупные бунты с тысячами участников, отмеченные массовыми беспорядками и столкновениями с полицией и войсками. Число голодных бунтов росло одновременно с ростом цен. Едва ли не большинство участников бунтов составляли женщины. Участие женщин и справедливый характер требований доведенных до отчаяния людей вызывал сочувствие среди привлекаемых для подавления волнений солдат и казаков. Во время голодного бунта 2–3 мая 1916 г. в Оренбурге казаки впервые отказались выполнять приказ атаковать толпу. В дальнейшем такое поведение солдат и казаков стало достаточно типичным: в 1916 г. было девять таких случаев⁴⁵¹.

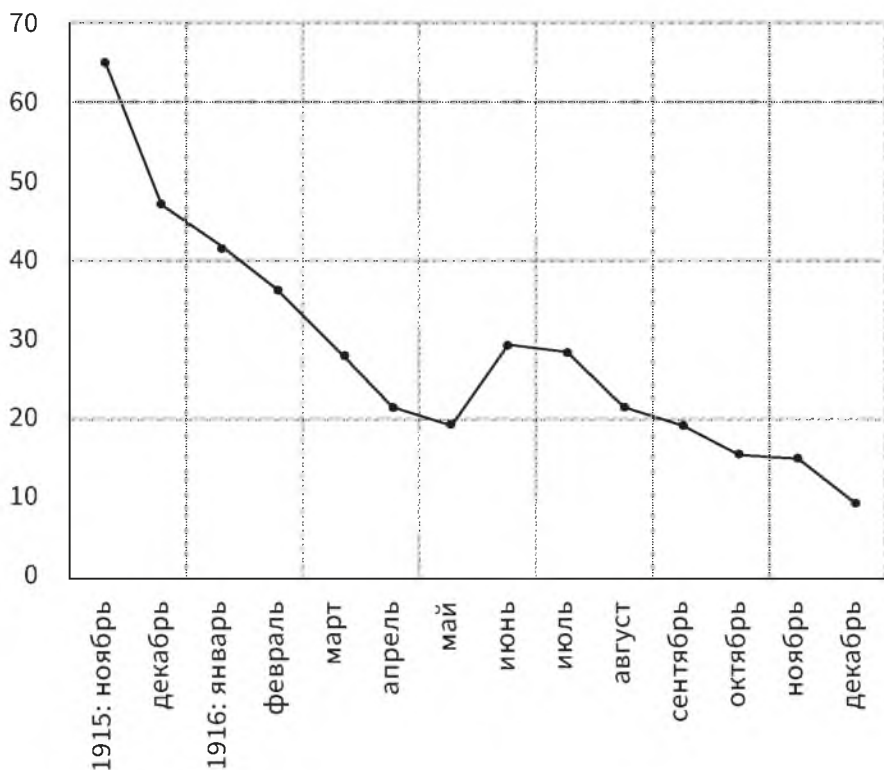

Рис. 8.5. Видимые запасы «главных хлебов» (млн пуд.)⁴⁵²

График на рис. 8.5 иллюстрирует постепенное ухудшение положения в торговле и уменьшение запасов на элеваторах, железнодорожных, портовых, торговых и других складах, где велся соответствующий учет. Запасы обычно достигали максимума в осенние месяцы, когда на рынок поступал хлеб нового урожая. В ноябре 1915 г. запасы составили 65 млн пудов, затем в ходе обычного торгового цикла они постепенно уменьшались. Но — в отличие от предыдущих лет — осенью 1916 г. запасы не возросли. Урожай 1916 г. был значительно хуже, чем в 1915 г., и, наблюдая рост цен в предыдущий период, производители, как помещики, так и крестьяне, не продавали хлеб. Инфляционные ожидания были таковы, что ходили слухи о будущем десятикратном увеличении цен. В результате зерно не попало на склады, оставшись в деревне, и запасы уменьшились до критического уровня⁴⁵³.

В результате паралича торговли в промышленных губерниях, питавшихся в значительной мере привозным хлебом, наблюдался резкий рост цен. На картограмме, показывающей уровень осенних цен 1916 г. (рис. 8.6) выделяется область высоких цен, охватывающая Центрально-промышленный район и северо-запад. Тяжелое положение сложилось также в Белоруссии. Минская губерния до войны получала в месяц 4500 вагонов продовольствия, а в 1916 г. — только 200 вагонов⁴⁵⁴.

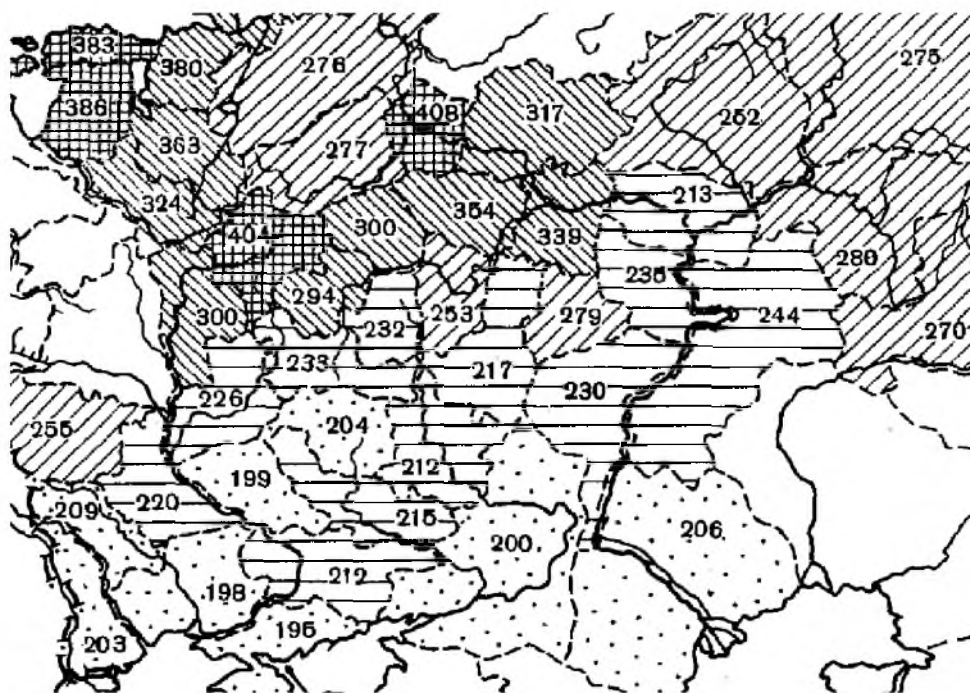

Рис. 8.6. Цены на рожь осенью 1916 г. (копеек за пуд)⁴⁵⁵

В течение всего лета 1916 г. в правительстве шла борьба между сторонниками государственного регулирования цен и приверженцами *laissez faire*. Еще в конце 1915 г. бюджетный комитет Думы, выражая интересы помещиков, протестовал против установления введенных тогда твердых цен на хлеб, закупаемый для армии. В июле 1916 г. более реалистически мыслявший Госсовет потребовал установления обязательных для всех максимальных закупочных цен на хлеб, которые были введены с 9 сентября. Эти «твердые» цены были выше летних цен, но уже вскоре они оказались ниже, чем поднявшиеся цены свободного рынка. Производители отказывались продавать хлеб по твердым ценам, и они почти нигде не соблюдались, даже при государственных закупках. 10 октября на Особом совещании по продовольственному вопросу был выдвинут проект введения карточной системы, но он не был принят за отсутствием «технических средств» к выполнению⁴⁵⁶. Между тем война диктовала необходимость государственного контроля за распределением продуктов, и во всех воюющих государствах уже были введены соответствующие меры — но в России сопротивление либералов препятствовало введению этих мер. В итоге многим городам приходилось вводить свои карточки, но продажа продуктов по ним осуществлялась в небольших размерах и была лишь дополнением к свободному рынку⁴⁵⁷.

Как отмечает С. П. Мельгунов, противодействие либералов подобным попыткам властей возникало от ненависти «прогрессивного общества» к немецкой системе государственного регулирования («*Zuchthaus*»). На со-

вет французского социалиста Альбера Тома военизировать работу оборонных предприятий, что должно удешевить их производительность, глава кабинета Б. В. Штюрмер ответил, что подобная мера поднимет всю Думу против правительства⁴⁵⁸. Более того, правительство сознательно позволяло промышленникам получать сверхприбыли, думая этим откупиться от либеральной оппозиции. Цены на поставку оружия частными предприятиями были намного выше, чем цены казенных предприятий, например по артиллерийским снарядам — почти вдвое⁴⁵⁹. Начальник Главного артиллерийского управления А. А. Маниковский в следующих словах передавал свой разговор с императором:

НИКОЛАЙ II: На вас жалуются, что вы стесняете самостоятельность общества при снабжении армии.

МАНИКОВСКИЙ: Ваше величество, они и без того наживают на поставках 300%, а бывают случаи, что получают даже более 1000% барыша.

НИКОЛАЙ II: Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.

МАНИКОВСКИЙ: Ваше величество, это хуже воровства, это — открытый грабёж.

НИКОЛАЙ II: Все-таки не нужно раздражать общественное мнение⁴⁶⁰.

Между тем из-за отсутствия эффективного государственного регулирования продовольственное положение быстро ухудшалось; в октябре было закуплено 49 млн пудов, что составляло лишь 35% от запланированного количества хлеба, в ноябре — 39 млн пудов (38%). В ноябре командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов предупредил правительство о надвигающемся голоде в войсках⁴⁶¹.

Видел ли Николай II нарастающую угрозу? Царь все видел и понимал. «Наряду с военными делами меня все более волнует вечный вопрос о продовольствии, — писал Николай II императрице 20 сентября 1916 г. — Сегодня Алексеев дал мне письмо, полученное им от милейшего кн. Оболенского, председателя комитета по продовольствию. Он открыто признается, что они *ничем не могут облегчить положения...* (выделено царем. — С.Н.) цены все растут, и народ начинает голодать. Ясно, к чему может привести страну такое положение дел»⁴⁶². 16 сентября по совету Распутина царь назначил управляющим Министерством внутренних дел одного из лидеров октябристов, А. Д. Протопопова; ему было дано указание взять на себя решение продовольственного вопроса и начинать с этого вопроса каждый доклад⁴⁶³. «Главной заботой правительства было продовольствие, — свидетельствует А. Д. Протопопов. — Явилась на местах так называемая „бисерная забастовка“... деревня не выдавала своего товара, не получая ничего взамен... Положение создавалось грозное. Столицы тоже не имели хлеба. Мельницы были без зерна»⁴⁶⁴.

29 ноября новый министр земледелия А. А. Риттих подписал постановление о введении продразверстки. Для каждой губернии устанавливался объем государственных закупок по твердым ценам, далее он распределялся по уездам и волостям, и в течение 35 дней его должны были довести до производителей — помещиков и крестьян. В течение шести месяцев разверстанное количество хлеба было необходимо сдать государствен-

ным уполномоченным. Всего предполагалось закупить 772 млн пудов хлеба для снабжения армии, оборонной промышленности и крупных городов⁴⁶⁵.

А. А. Риттих предполагал, что он «за три недели поставит на ноги продовольственное дело в империи», однако к началу февраля министр был вынужден признать провал своих планов. Многие губернии требовали уменьшить размеры разверстки, крестьянские общины и помещики отказывались выполнять задания⁴⁶⁶. М. В. Родзянко в записке, предназначенной для правительства, констатировал, что из намеченных к разверстанию 772 млн пудов на 23 января реально разверстано волостями лишь 4 млн пудов, и «эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки»⁴⁶⁷. За две недели до революции Риттих пессимистически признал, что, действительно, «может наступить катастрофа»⁴⁶⁸. В конечном счете к лету 1917 г., уже после революции, было собрано в счет разверстки не более 170 млн пудов зерна вместо намеченных 772 млн⁴⁶⁹.

Разверстка не удалась, и нужно было искать способы немедленного получения хлеба. В декабре 1916 г. было начато изъятие хлеба из сельских запасных магазинов, в которых деревенские общины хранили запасы на случай голода. Эта мера вызвала бурный протест крестьян и была отменена после того, как столкновения с полицией приняли массовый характер. Были введены надбавки к твердым ценам за доставку зерна на железнодорожные станции; широко использовались угрозы реквизиции у не желавших продавать хлеб помещиков. В декабре удалось закупить 63 млн пудов (52% к плану), но почти весь этот хлеб пошел на снабжение армии. Города получали лишь малую часть закупок, задания по снабжению гражданского населения были выполнены в январе на 20%, в феврале — на 30%⁴⁷⁰.

А. Г. Шляпников приводит конкретные данные о степени выполнения снабженческих заявок по некоторым городам и губерниям. Так, для Пскова было запланировано поставить в ноябре и декабре 1916 г. 321 вагон муки и зерна, а фактически было поставлено к концу января 1917 г. только 76 вагонов. Для Новгородской губернии было запланировано 1800 вагонов, поставлено только 10. Для Вологодской губернии было запланировано поставить 1080 вагонов, поставлено 200. Для Рязанской губернии планировалось поставить 582 вагона, а фактически поставлено к концу января лишь 20 вагонов. Из-за отсутствия зерна во многих городах (в частности в Царицыне, Тамбове, Нижнем Новгороде) остановились мельницы⁴⁷¹.

Городское население какое-то время жило за счет запасов, еще имевшихся в торговой сети и на элеваторах (см. рис. 4.3), но они быстро подходили к концу. К концу 1916 г. продовольственный кризис в городах принял катастрофический характер. Многочисленная мемуарная литература свидетельствует об отсутствии хлеба, огромных очередях у продовольственных магазинов в столицах. Тяжелым было положение и в других городах, даже на Черноземье, где в соседних с городами деревнях от хлеба ломились амбары. В Воронеже населению продавали только по 5 фунтов муки в месяц, в Пензе продажу сначала ограничили 10 фунтами, а затем вовсе прекратили. В Одессе, Киеве, Чернигове, Подольске тысячные толпы стояли в очередях за хлебом без уверенности что-либо достать. В декабре 1916 г. карточки на хлеб были введены в Москве, Харькове, Одессе,

Воронеже, Иваново-Вознесенске и других городах. В некоторых городах, в том числе в Витебске, Полоцке, Костроме, население голодало⁴⁷². «Москва скоро совсем не будет иметь никаких запасов муки, — писал М. В. Родзянко в цитированной выше записке. — Не лучше положение Петрограда... О провинции и говорить нечего... Пермская губерния обеспечена запасами зерна только до половины марта... Многие рудники и заводы [юга] остались почти совсем без муки и находятся под угрозой настоящего голода... Разверстка, предпринятая Министерством земледелия, определенно не удалась... Следовательно, в течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего с всероссийской голодовкой»⁴⁷³.

«В конце января, — вспоминал А. Ф. Керенский, — ЦК союзов городов и земств представил правительственной Комиссии по снабжению меморандум следующего содержания: „Города получили лишь пятую и восемнадцатую долю поставок, причитавшихся им, соответственно, на ноябрь и декабрь 1916 года. Все запасы исчерпаны. В феврале хлеба не будет“. И действительно, в феврале в городах хлеба не было. В провинции разгорались голодные бунты. Голод толкал рабочих на выступления, перераставшие в бунты...»⁴⁷⁴

Некоторые авторы утверждают, что в непоставках хлеба были повинны железные дороги, не справлявшиеся с перевозками из-за изношенности подвижного состава и снежных заносов, что хлеб был, но он лежал на станциях⁴⁷⁵. Данные, приводимые Н. Д. Кондратьевым, говорят, что это не так. За декабрь 1916 — апрель 1917 г. Петербургский и Московский районы не получили 71% планового количества хлебных грузов, на 80% эта непоставка объяснялась отсутствием груза и лишь на 10% — неподачей вагонов⁴⁷⁶. В снабжении фронта наблюдалась та же картина: в ноябре 1916 г. фронт получил 74% продовольствия, в декабре — 67%. 87% непоставки интендантских грузов в эти месяцы произошло по вине Министерства земледелия, и лишь 13% — по вине железнодорожников⁴⁷⁷.

Что касается технического состояния железнодорожного транспорта, то количество паровозов составляло в 1914 г. 20,0 тыс., в 1916 г. — 19,9 тыс., количество товарных вагонов соответственно 485 и 504 тыс., доля «больных» вагонов — 3,7 и 5,6%; интенсивность перевозок увеличилась за это время на одну треть. До начала 1917 г. положение на транспорте оставалось еще более-менее удовлетворительным, резкое ухудшение наступило уже после Февральской революции⁴⁷⁸. Таким образом, до февраля 1917 г. *техногенный фактор не играл существенной роли в развитии кризиса.*

Подводя итоги описанию экономической ситуации в 1916 г., можно констатировать, что вызванный войной и предшествующим Сжатием финансовый кризис привел к разрушению экономических связей, к потере хозяйственной управляемости и голоду в городах. В соответствии с демографически-структурной теорией следующим этапом должна была быть потеря административной управляемости и коллапс государства.

8.17. Перед революцией

Уже осенью 1916 г. повышение хлебных цен породило новую волну голодных бунтов и забастовок в промышленных районах. 17 октября началась

стихийная забастовка 19 тыс. рабочих Выборгского района Петрограда. Рабочие направились к казармам 181 запасного пехотного полка, и часть солдат присоединилась к рабочим (правда, солдаты не имели оружия). Под натиском толпы полиция обратилась в бегство, казаки отказались стрелять в народ. Однако к вечеру эти локальные беспорядки закончились сами собой; солдаты вернулись в свои казармы; 38 солдат были арестованы. Забастовка продолжалась еще несколько дней, и число бастующих достигло 65 тыс. Заводы возобновили работу, лишь когда власти объявили, что забастовщиков призовут в армию и пошлют на фронт⁴⁷⁹.

События 17–19 октября по многим признакам (нехватка хлеба как главная мотивация, стихийность, внезапность, участие женщин, переход солдат на сторону народа, отказ казаков стрелять в толпу) напоминают события 23–28 февраля 1917 г., и Л. Хаймсон назвал их *репетицией Февральской революции*⁴⁸⁰. Эта «репетиция» настолько встревожила Министерство внутренних дел, что оно спешно разослало циркулярные телеграммы с целью выяснить обстановку на местах. 30 октября директор Департамента полиции А. Т. Васильев представил доклад, суммирующий донесения из губерний. В докладе говорилось, что во всех без исключения донесениях главной причиной «озлобления масс» называется «чудовищно растущая дороговизна». Указывалось, что в Москве и Петрограде «опозиционность настроений» намного превосходит уровень 1905 г., и что если обстоятельства не изменятся, то в обоих городах «могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера». Особо отмечалось донесение начальника Кронштадтского гарнизона, который предупреждал, что на подавление беспорядков войсками рассчитывать нельзя ввиду их ненадежности. В городах центрального района, резюмировал А. Т. Васильев, положение несколько менее напряженное, чем в столицах, что же касается деревень, то там сохраняется «спокойное, даже скорее безразличное отношение ко всему тому, что беспокоит городское население». Среди всех слоев населения наблюдается «охлаждение к войне», результатом которого является «растущее дезертирство из армии и массовые сдачи в плен («уходы в плен»)». Отношение к Думе изменилось, потому что она «сильно разочаровала массы». Что касается революционного движения, то в результате мобилизации в войска «революционных организаций, как таковых, почти нигде не существует». «Сопоставляя все выше приведенные признаки, — заключает Васильев, — обязуюсь доложить, что признавая положение безусловно... угрожающим государственному порядку... возможностью возникновения в разных местностях империи, в особенности в столицах, крупных беспорядков, департамент полиции, со своей стороны, полагает, что нарастающее движение в настоящее время носит еще характер экономический, а не революционный»⁴⁸¹.

Так же как и Дурново, Васильев основывался на опыте 1905 г. и полагал, что не может быть «революции без революционеров», что сначала должна быть пропагандистская кампания в законодательных учреждениях и агитация революционных организаций, которая поднимает народ на стачки, демонстрации, а потом и на восстания. Это был сценарий революций 1848 г., превратившийся позже в сценарий «революций вестернизации».

Осенняя вспышка стихийных волнений в городах убедила оппозицию, что страна стоит на грани революции. 1 октября на заседании Московского отделения ЦК кадетов Д. И. Шаховский, Ф. Ф. Кокошкин и В. А. Маклаков сравнивали страну с «бушующим огненным морем». Они обвиняли правительство в продовольственном кризисе, но признавали при этом, что у кадетов нет плана разрешения этого кризиса⁴⁸². «До революции осталось всего лишь несколько месяцев, если таковая не вспыхнет стихийным порядком гораздо раньше», — так передавались настроения кадетского руководства в сводке петроградского жандармского управления за октябрь 1916 г.⁴⁸³

Характерно, что вначале, как отмечал лидер октябристов А. И. Гучков, оппозиция рассматривала назревающую революцию по аналогии с 1848 г., ожидая, что рабочие свергнут правительство, а затем «разумные люди, вроде нас, будут призваны к власти». Но затем пришло понимание того, что ситуация изменилась, что «те, которые будут делать революцию, встанут во главе этой революции». Поэтому необходимо было действовать самим, чтобы предупредить революцию⁴⁸⁴.

Таким образом, либеральная оппозиция не обращалась к поддержке народа, как это было в 1905 г. Она учла опыт первой революции и теперь всеми силами старалась предотвратить народное восстание. Как говорил В. В. Шульгин, «весь смысл существования Прогрессивного блока был предупредить революцию и тем дать возможность довести войну до конца»⁴⁸⁵.

Между тем для правительства естественный способ предупредить революцию состоял в заключении сепаратного мира с Германией. Осенью 1916 г. имели место контакты между доверенными лицами русского и германского правительств; 3 октября правительство Б. В. Штюрмера передало в Вену и Берлин русские условия мира. Сведения о сепаратных контактах стали известны союзникам по Антанте, и английский посол Д. Бьюкенен вошел в сношения с либеральной оппозицией с целью добиться отстранения Штюрмера⁴⁸⁶. Вдова великого князя Павла Александровича, княгиня Палей, вспоминала: «Английское посольство по приказу Ллойд Джорджа сделалось очагом пропаганды. Либералы — князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и т. д. постоянно его посещали. Именно в английском посольстве было решено отказаться от легальных путей и вступить на путь революции»⁴⁸⁷. Под «революцией» в данном контексте подразумевался верхушечный государственный переворот.

1 ноября 1916 г. П. Н. Милюков произнес в Думе свою знаменитую речь, обвинив премьер-министра Б. В. Штюрмера в предательстве. Как отмечалось выше, социальный конфликт в условиях войны приобрел еще одно измерение: крестьяне-фронтовики обвиняли дворянскую элиту в измене. Речь Милюкова послужила «официальным подтверждением» этих подозрений и подлила масла в огонь ненависти. Огромный пропагандистский эффект этого выступления подчеркивается многими исследователями⁴⁸⁸, причем Л. Хаймсон выражает удивление по поводу того, что Милюков, всегда боявшийся революции, решился пойти на риск дестабилизации правящего режима⁴⁸⁹. В конечном счете царь был вынужден отправить Штюрмера в отставку и назначить на его место англофила А. Ф. Трепова.

После отставки Штюмерера либеральная оппозиция — при поддержке союзных дипломатов — усилила давление на царя и его окружение с целью добиться формирования «министерства доверия». С 9 по 11 декабря в Москве был сделан ряд попыток собрать съезды земских и городских союзов. Полиция помешала им собраться, но съезды все-таки приняли заранее заготовленные резолюции с требованиями создания «ответственного правительства». Одновременно началась «фронда» великих князей. Великий князь Николай Николаевич имел резкий разговор с Николаем II, призывая его к уступкам оппозиции и предостерегая, что в противном случае царь может потерять корону⁴⁹⁰. Но императрица призывала царя проявить твердость. «Кто против нас? — говорила она. — Группа аристократов, играющих в бридж, сплетничающих и ничего в государственных делах не понимающих. Русский народ любит государя, любит меня, любит нашу семью, он не хочет никаких перемен»⁴⁹¹.

Со времен поездки в Саров Николай и Александра были уверены в любви простого народа — и они отвечали ему той наивной любовью, которая проявлялась не в государственных делах, а в эмоциональных поступках. Императрица работала простой сестрой в госпитале и перевязывала раненых, которые часто не знали, что сказать, и только плакали от умиления. Николай II всю войну провел в поездках по фронтовым частям, обнимал воинов-храбрецов, поизносил трогательные речи и раздавал награды. Его приветствовали с восторгом и бывали случаи, когда целые полки бежали за его автомобилем, клянясь государю в верности⁴⁹². «Одно из его убеждений, оставшихся с ним до конца, — отмечала Э. Каррер д'Анкросс, — состояло в том, что самодержец должен представлять истинную Россию, то есть Россию крестьянина, к которой он питает настоящую симпатию и которая, как он уверен, платит ему за это чувством верности... Без сомнения, в значительной мере это идиллическое видение сердечной связи, прямой связи между крестьянином и государем было обусловлено тем, что его долго держали в полном неведении относительно крестьянских восстаний...»⁴⁹³

В момент нового обострения борьбы между либеральной оппозицией и монархией группа этактистски настроенных сановников, которую возглавлял член Государственного совета А. А. Римский-Корсаков, через князя Н. Д. Голицына представила царю программную записку с оценкой политического положения. Эта записка во многом повторяет выводы предвоенного «пророчества Дурново»: ее авторы выступают против уступок либеральной оппозиции потому, что либералы «столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что их торжество было бы столь же кратковременно, сколь и непрочно». Главную опасность сановники видели не в либералах, а в левых революционных партиях: «Опасность и силу этих партий составляет то, что у них есть идея, есть деньги, есть толпа, готовая и хорошо организованная». *Революционные партии «вправе рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдет за пролетариатом тотчас же, как революционные вожди укажут им чужую землю».* Уступки либералам не спасут положения монархии, потому что «затем выступила бы революционная толпа», следом за либералами пришли бы «коммуна, гибель династии, погромы

имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник. Можно бы идти в этих предсказаниях и дальше и после совершенной анархии и поголовной резни увидеть на горизонте будущей России восстановление Самодержавной Царской, но уже мужичьей власти в лице нового Царя, будь то Пугачев или Стенька Разин...»⁴⁹⁴ Л. Д. Троцкий отмечает «историческое предвиденье» авторов этого документа⁴⁹⁵, и во всяком случае, нельзя отрицать того, что многоопытные бюрократы, владевшие подробной информацией о происходящем в стране, были способны сделать достаточно точный прогноз развития событий.

Рекомендации авторов записки сводились к созданию правительства из беспощадных сторонников самодержавия, упразднению Думы, введению осадного положения в столицах, подготовке сил для подавления неизбежного «мятежа». «Эта программа и была, в сущности, положена в основу правительственной политики последних предреволюционных месяцев», — резюмирует Л. Д. Троцкий⁴⁹⁶. Под предлогом «рождественских каникул» Дума была вновь распущена на длительный срок, а Трепов был заменен на посту премьера князем Н. Д. Голицыным.

Думская атака на правительство снова закончилась неудачей, и оппозиция стала искать другие способы воздействия на власть. В глазах либералов олицетворением этактистской политики были не Римский-Корсаков и не Дурново, а Распутин. Как отмечалось выше, Распутин с самого начала выступал против войны, против уступок либералам — и в чем-то шел дальше Дурново. «Старец выступал за мир, за то, чтобы землю отдали крестьянам и предоставили равные права меньшинствам», — отмечает Брайан Мойнехен. — Такие же лозунги выдвигал... Ленин. Они и являлись единственной реальной альтернативой революции»⁴⁹⁷. 16 декабря 1916 г. Григорий Распутин был убит заговорщиками, в числе которых были великий князь Дмитрий Павлович и офицер британской разведки Освальд Рейнер⁴⁹⁸.

Другая группа заговорщиков во главе с А. И. Гучковым работала над подготовкой военного переворота. Задача состояла в том, чтобы упредить народное восстание. «Кроме помощи организаторам государственного переворота, облегчавшей им дело, — свидетельствует А. Ф. Керенский, — мы... создали сборный пункт, где были сосредоточены силы, готовые в случае необходимости *сдерживать народные волнения*»⁴⁹⁹. Однако вербовка офицеров оказалась нелегким делом: «Гучков не нашел среди офицеров людей, соглашавшихся идти на царевубийство», — свидетельствует жандармский генерал А. И. Спиридович⁵⁰⁰.

А. И. Гучков установил также контакты с Рабочей группой, существовавшей при Центральном военно-промышленном комитете, и попытался использовать эту группу, чтобы организовать массовую манифестацию рабочих в поддержку требований Думы. Была развернута агитация на заводах, однако Протопопов пресек эти контакты, арестовав большинство членов Рабочей группы. Вдобавок П. Н. Милюков испугался и обратился к рабочим с призывом отказаться от участия в запланированной манифестации. Со своей стороны, власти приняли меры для смягчения продовольственного кризиса, распорядившись 10 февраля выдать населению пятидневную норму муки. 14 февраля 1917 г., в день открытия новой сессии Думы, бастовало 80 тыс. рабочих, но забастовщики не пошли к Таврическому дворцу, ограничившись митингами на заводах⁵⁰¹.

Воззвание П. Н. Милюкова к рабочим с призывом к спокойствию по смыслу совпадало с воззванием командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова⁵⁰². Таким образом, перед лицом революции элита демонстрировала не раскол, а сплочение. Наученные опытом 1905 г., либералы были готовы отказаться от борьбы, чтобы не вовлекать в нее народ. «Этот путь мы отвергали, этот путь был не наш...» — говорил Милюков 27 февраля, когда революция стала реальностью⁵⁰³. А. И. Гучков, которому некоторые авторы приписывают некий успешно реализованный «план революции»⁵⁰⁴, признавал, что она стала результатом не «какого-то умного и хитрого заговора», а «стихийных исторических сил»⁵⁰⁵.

Что касается социалистических партий, то они были до крайности ослаблены мобилизациями и репрессиями. 2 января 1917 г. был арестован в полном составе петроградский комитет большевиков; на многих заводах вообще не было большевистских партийных ячеек⁵⁰⁶. Руководство партии, находившееся в эмиграции, не ориентировалось в обстановке: В. И. Ленин в лекции, прочитанной в Цюрихе в январе 1917 г., говорил, что ему и его сверстникам, очевидно, не суждено при жизни увидеть революцию⁵⁰⁷.

Между тем правительство, которое критиковали за бездействие и пассивность, искало свой выход из кризиса. «Существует довольно распространенное мнение, что государь не знал о том, что происходит вокруг, — отмечал А. И. Спиридович. — Это совершенно ошибочно... В январе, не считая военных докладов, государь принял более 140 разных лиц. Со многими он говорил о текущем моменте, о будущем. Некоторые из этих лиц предупреждали Его Величество о надвигающейся катастрофе и даже об угрожавшей ему лично, как монарху, опасности»⁵⁰⁸. Прежде всего Николай II пытался решить продовольственную проблему. 4 января была установлена надбавка к ценам за доставку зерна на железнодорожные станции⁵⁰⁹. 27 января было приказано остановить все пассажирские и часть товарных перевозок, чтобы дать «зеленый свет» поездам с продовольствием для фронта, для Петербурга и Москвы⁵¹⁰. Как во времена революции 1905 г., кризис заставил правительство обратиться к крестьянскому вопросу. Протопопов предложил провести новую земельную реформу, предусматривавшую наделение крестьян землей за государственный счет, и Николай II дал согласие на разработку соответствующего проекта, для начала для трех прибалтийских губерний⁵¹¹. Одновременно возобновились энергичные попытки заключения мира. 13 февраля в Вене были получены новые предложения русского правительства. 25 февраля Австрия и Германия получили личное обращение Николая II, который указывал на то, что «требование массами мира растет с каждым днем» и «за невнимание к этому требованию правительства могут дорого заплатить»⁵¹². Австрийский министр иностранных дел О. Чернин расценивал эти обращения «как последнюю попытку спастись». Однако Германия отвергла русские условия, не без основания надеясь на быстрое ухудшение положения в России⁵¹³.

В. С. Измозик, проанализировав массовый материал перлюстрации полицией частных писем, делает вывод, что «господствующим в политически активных слоях общества было действительно ожидание близкого краха»⁵¹⁴. Председатель Думы М. В. Родзянко писал 26 декабря: «Мы нака-

нуне таких событий, которых... еще не переживала святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата»⁵¹⁵.

Волна голодных стачек в городах быстро нарастала. О том, что с лета 1916 г. интенсивность рабочего движения определялась уже не политическими и военными событиями, не призывами партий, а голой экономической реальностью, говорит появившаяся с этого времени прямая корреляция между числом стачечников и ценой на хлеб. По Московскому промышленному району коэффициент корреляции между ценой на ржаной хлеб и числом экономических стачечников (подавляющее большинство бастующих) в период с июля 1916 по январь 1917 г. составлял 0,8⁵¹⁶. В начале 1917 г. речь шла уже не о росте цен, а об отсутствии хлеба. Московский городской голова М. В. Челноков послал председателю Совета министров четыре телеграммы, предупреждая, что нехватка продовольствия «угрожает вызвать в ближайшие дни хлебный голод, последствием чего явится острое недовольство и волнения со стороны населения столицы»⁵¹⁷. 23 февраля председатель Общества фабрикантов московского промышленного района Ю. П. Гужон телеграфировал военному министру, что в результате закрытия хлебопекарен 93 тыс. рабочих не получают хлеба: «Фабрики и заводы приостанавливаются, рабочие волнуются, уходя искать хлеба»⁵¹⁸. Таким образом, в Москве назревал такой же грандиозный голодный бунт, какой произошел в Петрограде.

Голод угрожал и армии. В декабре 1916 г. состоялось совещание в Ставке под председательством Николая II. «На этом совещании выяснилось, что дело продовольствия войск в будущем должно значительно ухудшиться... — писал А. А. Брусилов. — Нам не объясняли причин расстройства народного хозяйства, но нам говорили, что этому бедственному положению помочь нельзя»⁵¹⁹. Пока же солдатам в окопах вместо 3 фунтов хлеба в день стали давать 2 фунта, а в прифронтовой полосе — 1,5 фунта. Лошади почти не получали овса и находились в истощенном состоянии, поэтому артиллерия потеряла мобильность, и армия уже не могла наступать. В случае отступления такое положение должно было привести к потере артиллерии и обозов⁵²⁰.

В декабре 1916 г. накопившееся недовольство солдатских масс наконец прорвалось в массовых выступлениях на фронте. В ходе Митавской операции 23–29 декабря отказался идти в атаку 17-й пехотный полк, затем к нему присоединились еще несколько полков, волнения охватили части трех корпусов и десятки тысяч солдат. Командование все же смогло справиться с ситуацией; около ста наиболее активных участников выступления были расстреляны, несколько сот были осуждены на каторгу. Но sporadические выступления в войсках продолжались, в частности на Юго-Западном фронте отмечались волнения в частях 7-го Сибирского корпуса⁵²¹.

В начале 1917 г. по распоряжению председателя Совета министров было проведено обследование настроений войск на Северном и Западном фронтах. В материалах этого обследования отмечалось, что солдаты видят в деятельности правительства «измену и предательство», и был сделан вывод, что «возможность того, что войска будут на стороне переворота и свержения династии, допустима, так как, любя царя, они все же слишком недовольны всем управлением страны»⁵²². Командующий Юго-Запад-

ным фронтом А. А. Брусилов писал: «Можно сказать, что к февралю 1917 г. вся армия... была подготовлена к революции»⁵²³. Генерал А. М. Крымов говорил председателю Думы М. В. Родзянко незадолго до Февральской революции: «Армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения. Таково грозное, все растущее настроение в полках»⁵²⁴.

Наиболее опасным для властей было то обстоятельство, что на фронте заканчивались запасы продовольствия. В начале февраля на Северном фронте продовольствия оставалось на два дня, *на Западном фронте запасы муки закончились* и части перешли на консервы и сухарный паек⁵²⁵. В первой половине февраля старший военный цензор штаба 2-го Сибирского корпуса доносил о характерных высказываниях в солдатских письмах: «кормят плохо, хлеба дают мало, очень стало трудно», «часто по суткам сидим не емши, без хлеба», «голод мучит больше всего, хлеба я получаю около фунта в сутки, ну а суп — это чистая вода» — и так далее. 22–23 февраля восстали солдаты двух стрелковых полков на Кавказском фронте: они требовали хлеба и мира⁵²⁶.

22 февраля Николай II срочно отправился из Петрограда в Ставку спасать армию от продовольственного кризиса⁵²⁷. Но на следующий день под воздействием того же продовольственного кризиса начались массовые волнения в Петрограде.

8.18. Февральская революция

В исторической литературе нередко можно встретить утверждения, что Февральская революция была случайностью, что виной всему были снежные заносы, нарушившие снабжение Петербурга, и недостаточная распорядительность властей, не подготовившихся к подавлению бунта.

Вопрос о роли случайности в Февральской революции чрезвычайно важен для ее анализа в рамках демографически-структурной теории, так как эта теория утверждает, что революция была закономерным итогом длительного исторического развития. Поэтому нам придется кратко рассмотреть события революционных дней на предмет их случайности или закономерности.

В течение 1916 г. среднее месячное потребление муки в Петрограде составляло 1 276 000 пудов. Перебои с поставкой начались еще летом и по сравнению с весенними месяцами осенью привоз продуктов сократился вдвое (рис. 8.7). В течение первых двух месяцев 1917 г. установленный план снабжения Москвы и Петрограда хлебом был выполнен только на 25%. Петроград жил за счет запасов, которые стремительно уменьшались; с 15 января по 15 февраля запасы муки уменьшились с 1 426 000 до 714 тыс. пудов. 13 февраля градоначальник А. П. Балк сообщал премьер-министру, что за последнюю неделю подвоз муки составлял 5 тыс. пудов в день при норме 60 тыс. пудов, а выдача муки пекарням — 35 тыс. пудов в день при норме 90 тыс. пудов. А. А. Риттих объяснял февральский срыв снабжения Петрограда снежными заносами; утверждалось, что 5700 вагонов застряли в пути из-за снегопадов. Однако трудности такого рода бывали всегда: в начале 1916 г. оказались под снегом 60 тыс. вагонов — но это прошло незамеченным, потому что в городах были достаточные запасы хлеба. Очевид-

но, что временные срывы поставок начинают ощущаться лишь в период кризиса, когда система снабжения готова рухнуть и достаточно малейшего толчка, чтобы произошла катастрофа. Впрочем, по некоторым сведениям, дело было не в заносах на железных дорогах: 16 февраля на совещании в Ставке главноуправляющий Министерства земледелия Грудистов оправдывал кризис снабжения не неподачей вагонов, а тем, что метели затруднили подвоз хлеба к станциям. Как бы то ни было, поставки не выполнялись и в предшествующие месяцы, так что снежные заносы только ускорили кризис. К 25 февраля запасы муки в Петрограде уменьшились до 460 тыс. пудов, а по другим сведениям — до 300 тыс. пудов⁵²⁸.

Правительство прекрасно понимало всю опасность сложившейся ситуации — и делало все возможное, чтобы избежать восстания. Как отмечалось выше, в конце января на переговорах со странами Антанты министр финансов П. Барк говорил о надвигающейся катастрофе и просил о предоставлении срочного кредита для укрепления курса рубля. Английский представитель лорд Мильнер ответил на это, что «увы, англичане не волшебники», но пообещал рекомендовать своему правительству рассмотреть вопрос о кредите⁵²⁹. Сомнительно, чтобы эти неопределенные обещания могли помочь царскому правительству, и в любом случае было слишком поздно: делегаты еще не успели вернуться на родину, как началась революция. Провожая своих делегатов, французский посол М. Палеолог поручил им передать президенту, что Россия находится накануне революции, что в октябре посланные на расправу с рабочими войска уже поворачивали свое оружие против полиции и в случае восстания царское правительство не сможет рассчитывать на армию⁵³⁰.

Английский посол Д. Бьюкенен еще до конференции попытался предупредить царя о грозящей опасности, о жестоком продовольственном кризисе, о ненадежности войск — и предлагал пойти на уступки либералам. «Революция носилась в воздухе, — писал Д. Бьюкенен, — и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу... Народное восстание, вызванное всеобщим недостатком хлеба, могло вспыхнуть ежеминутно»⁵³¹. Когда на торжественном обеде 22 января Д. Бьюкенен сказал императору, что, по его сведениям, продовольственное снабжение прекратится через две недели и что нужно спешить с принятием мер, то император согласился и прибавил, что «если рабочие не будут получать хлеба, то несомненно, начнутся забастовки»⁵³². В этом ответе Николая II, так же как в ответе лорда Мильнера, и в обсуждении на совещании в Ставке явственно просматривалось признание того факта, что продовольственное положение будет ухудшаться и что «этому бедственному положению помочь нельзя». Продовольственный кризис был закономерным следствием финансового кризиса и гиперинфляции, и он неизбежно вел к голодным бунтам в городах.

О глубине этого кризиса говорит свидетельство того человека, который — уже после Февральской революции — безуспешно пытался его разрешить, министра земледелия Временного правительства А. И. Шингарева. «Революция получила в наследство отчаянное положение продовольственного дела в стране, — говорил А. И. Шингарев. — На почве хлебного недостатка и продовольственной разрухи и началось, в сущности,

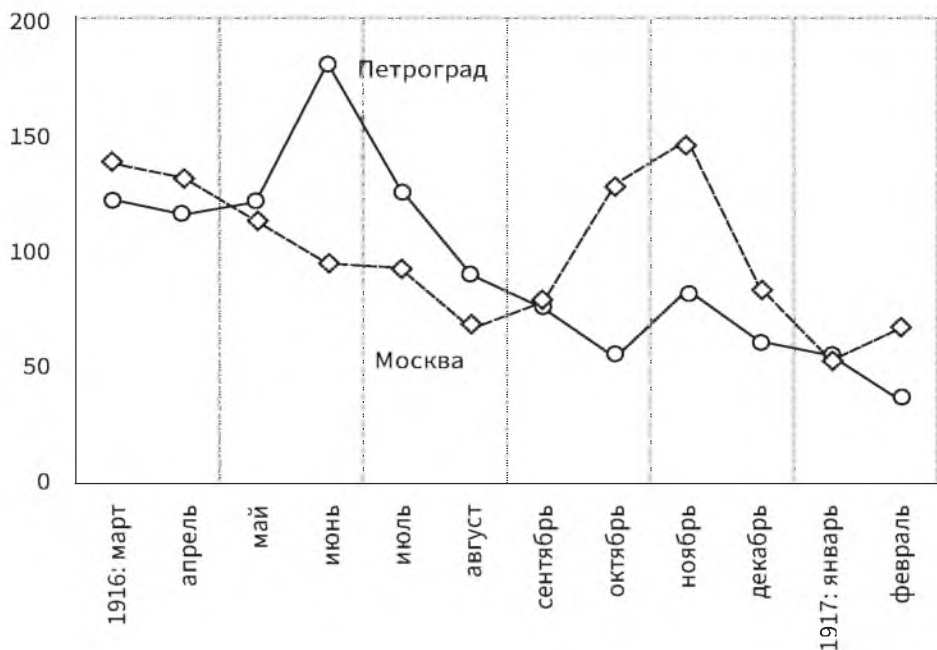

Рис. 8.7. Прибытие зерновых грузов в столицы (вагонов в сутки)⁵³³

то последнее движение... которое привело... ко всеобщей русской революции... Наследство, которое мы получили, заключалось в том, что *никаких хлебных запасов в распоряжении государства не осталось...*⁵³⁴

В феврале хлебные запасы подходили к концу, поэтому оставалось готовиться к неизбежному голодному бунту — и правительство готовилось. Иногда высказывается мнение, что власти демонстрировали «вопиющую беспомощность и непредусмотрительность», что если бы не их некомпетентность, то вспыхнувший бунт можно было бы подавить⁵³⁵. В действительности власти планомерно и тщательно готовились к подавлению неизбежного восстания. Комиссия под председательством командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова закончила в середине января разработку плана дислокации и действий войск. Во главе карательных частей был поставлен командующий гвардейскими запасными частями генерал Чебыкин. Полки были расписаны по районам. В каждом из шести полицеймейстерств полиция, жандармерия и войска объединялись под командованием особых штаб-офицеров. Власть пошла на беспрецедентный шаг: они вооружили полицейские части пулеметами; в Петрограде на крышах домов было оборудовано не менее 50 пулеметных гнезд⁵³⁶. Полковник Д. Ходнев свидетельствует, что «петроградская полиция, как пешая, так и конная, равно как и жандармские части, были достаточны по численности и находились в образцовом порядке»⁵³⁷. Всем рядовым чинам полиции было объявлено, что им, как солдатам осажденной крепости, будет выдаваться усиленный оклад: от 60 до 100 рублей. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов резко усилил агентурную деятельность;

благодаря этому он был хорошо осведомлен о планах оппозиции, и в частности, о готовившейся Рабочей группой демонстрации 14 февраля. К началу этой демонстрации полицейские пулеметчики заняли свои посты на крышах домов, а почти все ее организаторы были арестованы⁵³⁸. Как считает Л. Хаймсон, это было одной из причин того, что намеченная манифестация не приобрела большого размаха⁵³⁹; за этот успех А. Д. Протопопов удостоился личной благодарности царя⁵⁴⁰. Таким образом, власти действовали предусмотрительно, и в некоторых случаях достаточно эффективно — поэтому революцию невозможно списать на их «вопиющую беспомощность».

Однако министра внутренних дел беспокоил вопрос о дислокации в Петрограде ненадежных запасных батальонов находившихся на фронте гвардейских полков; это беспокойство было вполне понятно в свете имевших место восстаний запасников в Кременчуге и Гомеле: можно было ожидать подобного бунта и в Петрограде. Как писал позднее А. Д. Протопопов, он обратился к генералу Хабалову с просьбой вывести из города запасные батальоны, но Хабалов ответил, что в округе нет других казарм и заверил министра, что «войска исполнят свой долг»⁵⁴¹. Однако многие сведущие представители власти, в том числе начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, продолжали высказывать сомнения в надежности запасных батальонов, в частности потому, что солдаты этих батальонов явно не желали отправляться на фронт (отправка была назначена на 1 марта)⁵⁴². В начале 1917 г. прошел большой призыв и казармы были переполнены; в них находилось около 200 тыс. солдат. «Вышедшие из лазаретов рассказывали об ураганном огне, о страшных потерях, — писал С. С. Ольденбург. — Солдатские массы были проникнуты одним страстным желанием — чуда, которое избавило бы их от необходимости „идти на убой“»⁵⁴³. 9 января на совещании в штабе Петроградского военного округа Глобачев прямо спросил генерала Чебыкина: «Ручаетесь ли вы за войска?» Чебыкин ответил: «За войска я вполне ручаюсь, тем более что подавлять беспорядки будут назначены самые отборные, самые лучшие части — учебные команды»⁵⁴⁴. Учебные команды состояли из специально отобранных солдат, проходивших подготовку для последующего назначения унтер-офицерами. В отношении других воинских частей были приняты меры к изоляции их от петроградского населения; на проходные казармы были поставлены учебные команды, и солдат не выпускали на улицу; солдатам не давали оружия, находившегося под охраной специальных нарядов⁵⁴⁵.

Тем не менее Николай II испытывал тревогу и отдал приказ перевести в Петроград с фронта четыре надежных (как он считал) полка гвардейской кавалерии. Но приказ не был выполнен. А. И. Гучков (со слов командующего гвардейским корпусом принца Лихтенбергского) рассказывал, что офицеры-фронтовики стали протестовать, говоря, что они не могут приказать своим солдатам стрелять в народ: «это не сражение». Этот эпизод наглядно показывает всю глубину социального раскола, который захватил часть средних классов и проходил теперь по линии «фронт-тыл». В итоге вместо гвардейской кавалерии в Петроград были присланы матросы Гвардейского экипажа, которым поручили охранять царскую семью⁵⁴⁶.

Между тем продовольственный кризис шел к неизбежной развязке. Газета «Речь» писала 14 февраля: «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получить булку или черный хлеб. Во многих мелочных лавках больше 1–2 фунтов на человека в день не продают, обывателям приходится являться в лавки со всеми своими домочадцами...»⁵⁴⁷. «У нас сейчас расклеены на всех заборах объявления градоначальника с убеждением рабочих не бастовать и обещанием расстрела, — свидетельствует одно из перлюстрированных полицией писем. — Готовится второе 9-е января. По всему судя, резюмируя все слухи и факты — быть взрыву. Но к чему это приведет? Чья возьмет? Страшно подумать: у нас нет хлеба...»⁵⁴⁸ 21 февраля пристав 4-го участка Нарвской части докладывал градоначальнику о нехватке хлеба и быстром росте недовольства: «Явление это крайне прискорбно и нежелательно, уже потому, что рабочий, не имея времени стоять в очереди, хлеба купить никак не может, а когда освобождается, такового в лавках уже не имеется»⁵⁴⁹. 22 февраля пристав 2-го участка Выборгской части докладывал: «Среди... рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба; почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по 2–3 дня и более, и поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размера, что некоторые, дождавшиеся покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости»⁵⁵⁰. Директор департамента полиции, в свою очередь, докладывал министру внутренних дел: «...продолжающееся возрастание цен неустанно поддерживает в столичном населении настолько повышенно-нервное настроение, что при условии достаточного к тому повода в Петрограде действительно могут произойти массовые стихийные беспорядки...»⁵⁵¹

Таким образом, и полиция, и горожане ждали голодного бунта, который должен был стать закономерным результатом недостатка хлеба. 23 февраля рабочие праздновали международный женский день. Накануне на собраниях и митингах большевики призывали работниц отказаться от «несвоевременных» выступлений. Тем не менее текстильщицы Невской ниточной мануфактуры объявили забастовку и толпой, с криками «Хлеба!», двинулись снимать с работы рабочих соседних заводов. Все это происходило на Выборгской стороне, которая еще не вполне успокоилась после октябрьских событий. Движение разрасталось как снежный ком; к вечеру число бастующих достигло 60 тысяч; произошло несколько столкновений демонстрантов с полицией⁵⁵².

24 февраля бастовало уже 200 тыс. рабочих. Полиция разгоняла митингующих, но они вскоре собирались в других местах. Этот день — в соответствии с обычной картиной голодного бунта — был ознаменован разгромом и разграблением большого числа булочных и других магазинов⁵⁵³. Ни правительство, ни либеральная оппозиция еще не понимали смысла происходивших событий. «Удивительно, как мало значения придавали демонстрациям 23–25 февраля те, кого это более всего касалось, — писал Г. М. Катков. — В думских дебатах о демонстрациях не упоминали; Совет министров, заседавший 24 февраля, демонстрации даже не обсуждал... Даже революционная интеллигенция Петрограда не отдавала себе отчет

та в том, что происходит. Мстиславский-Масловский, старый эсер-боевик, говорит в своих мемуарах, что революция, „долгожданная, желанная“, застала их, „как евангельских неразумных дев, спящими“»⁵⁵⁴. «Какая там революция! — говорил 25 февраля руководитель бюро ЦК большевиков А. Г. Шляпников. — Дадут рабочим по фунту хлеба и движение уляжется»⁵⁵⁵.

Таким образом, либеральная оппозиция и революционные партии придерживались той же точки зрения, что Дурново и Протопопов: они считали, что без их агитации и организации революция невозможна. Но, к всеобщему удивлению, революция оказалась «неорганизованной» и чисто стихийной, «революцией без революционеров».

Выводы современных исследователей подтверждают мнение современников о стихийном характере восстания. Западная историография оценивает Февральскую революцию как «неуправляемую, стихийную, анонимную»⁵⁵⁶. Ц. Хасегава, автор наиболее подробной немарксистской работы о Февральской революции, пишет, что «руководители революционных партий не играли большой роли в восстании»⁵⁵⁷. «Начало Февральской революции... было ярчайшим проявлением стихийного явления, — пишет известный американский историк Леопольд Хаймсон, — момент взрыва этих волнений не был предвиден и даже не был признан как решающее революционное событие лидерами ни одной политической партии и фракции, по крайней мере, до 26 февраля»⁵⁵⁸. «Февральская революция 1917 года... была стихийным взрывом недовольства масс, доведенных до отчаяния лишениями войны и явной несправедливостью в распределении жизненных тягот», — указывал Э. Карр⁵⁵⁹. «Революция оказалась не только стихийной, но и беспартийной», — заключает В. П. Булдаков⁵⁶⁰.

С одной стороны, и оппозиция, и власти постоянно говорили об опасности беспорядков, восстания, революции — но когда революция началась, они поначалу не приняли происходящее всерьез. С точки зрения Милюкова, движение оставалось «бесформенным и беспредметным»; оно сводилось к разгромам булочных и митингам под лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!»⁵⁶¹ Днем 25 февраля императрица телеграфировала царю: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба...»⁵⁶²

Хабалов, как и правительство, видел в происходящем лишь продовольственные волнения, поэтому он не давал полицейским разрешения на применение оружия и избегал использовать войска. Между тем 25 февраля демонстранты осмелели и стали нападать на полицейских; в течение дня произошло 11 серьезных столкновений. На Выборгской стороне демонстранты напали на два полицейских участка; несколько полицейских было убито⁵⁶³. Обнаруживались все новые подтверждения ненадежности войск. Как свидетельствует А. Д. Протопопов, 24 февраля запасной батальон Литовского полка самовольно оставил казармы, захватил ружья и собрался на Марсовом поле, желая перейти на сторону рабочих. Однако полковой священник с крестом в руках уговорил солдат вернуться в казармы⁵⁶⁴. Солдаты Финляндского полка после одного из столкновений вернулись в казармы и дали клятву не стрелять в народ. Казаки не подчинялись приказам и обнаруживали прямую склонность к братанию с толпой. Когда на Знаменской площади конная полиция атаковала митинг, каза-

ки ударили ей в тыл и прогнали полицейских. На Казанской улице казаки освободили арестованных и избili городских, обвиняя их в том, что они служат за деньги⁵⁶⁵. Отказ казаков помогать полиции в разгоне демонстраций был еще одним проявлением конфликта «фронт-тыл».

Один из информированных агентов охраны (член Выборгского районного комитета большевиков) составил для властей обстоятельный обзор событий 23–25 февраля. «Движение вспыхнуло стихийно, без подготовки и исключительно на почве продовольственного кризиса, — говорилось в этом обзоре. — Так как воинские части не препятствовали толпе, а в отдельных случаях даже принимали меры к парализованию начинаний чинов полиции, то масса получила уверенность в своей безнаказанности и ныне... народ уверился в мысли, что началась революция, что решительная победа близка, так как воинские части не сегодня-завтра выступят открыто на стороне революционных сил... Ныне все зависит от линии поведения воинских частей, если последние не перейдут на сторону пролетариата, то движение быстро пойдет на убыль, если же войска станут против правительства, то страну уже ничего не спасет от революционного переворота»⁵⁶⁶.

Вечером 25 февраля на Невском проспекте произошли два больших столкновения, в ходе которых офицеры, чтобы сдержать натиск толпы, по собственной инициативе приказывали солдатам открывать огонь. Властям становилось ясно, что без применения оружия не обойтись. Ближе к ночи командующий военным округом генерал Хабалов получил телеграмму царя с требованием во что бы то ни стало прекратить беспорядки⁵⁶⁷.

События развивались неумолимо: война породила инфляцию, инфляция породила продовольственный кризис, продовольственный кризис породил голодный бунт, и, хотя власти не желали применять оружие для его подавления, они были вынуждены отдать роковой приказ. Как теперь становится ясным, отдавать такой приказ ненадежным войскам — войскам, состоящим из крестьян, которые ненавидели власть, не желали ради нее «идти на убой» и требовали земли, — означало провоцировать почти неизбежный солдатский мятеж и революцию. Это означало, что все три фактора брейкдауна, о которых говорилось выше, — падение авторитета власти, голод в городах и ненадежность войск — будут действовать вместе.

А. Д. Протопопов действовал по сценарию, успешно реализованному 14 февраля. Полицейские пулеметчики заняли свои места на крышах домов. В ночь с 25 на 26 февраля были арестованы почти все находившиеся в Петербурге активные деятели левых партий — свыше 100 человек, в том числе сестра Ленина А. И. Ульянова-Елизарова, пять членов комитета большевиков и остатки Рабочей группы. Исходивший из традиционных представлений Протопопов надеялся таким образом обезглавить революцию. Но как вскоре выяснилось, арестованные ничем не руководили; революция развивалась сама собой — это была «революция без революционеров»⁵⁶⁸.

26 февраля войска получили приказ стрелять в демонстрантов. Хабалов вывел на улицы самые верные, как он считал, части — учебные команды. К вечеру центр города с помощью пулеметов был «очищен» от митингующих. Самый большой расстрел произошел на Знаменской площади,

где действовала учебная команда Волынского полка во главе с капитаном Лашкевичем; здесь было убито больше сорока человек⁵⁶⁹. «Могло казаться, что царизм снова выиграл ставку и движение будет раздавлено», — писал Н. Н. Суханов⁵⁷⁰.

Как свидетельствует А. Ф. Керенский, после расстрелов, вечером 26 февраля, «собралось Информационное бюро левых партий... На этом самом заседании люди, несколько часов назад представлявшиеся самыми непоколебимыми революционерами, категорически доказывали, что революционное движение идет на спад... что революция любого типа в данный момент невозможна...»⁵⁷¹ Эти «революционеры», перечисляет Керенский, «эсеры, социал-демократы, большевики, народные социалисты, трудовики» — не могли представить себе, что на следующее утро произойдет революция.

Однако дальнейшее развитие событий было *естественным и закономерным*: произошло то, о чем предупреждал Дурново, и то, что уже не раз повторялось при подавлении голодных бунтов: войска перешли на сторону народа. Рабочие, очевидцы расстрелов, сразу же бросились к казармам запасных частей, умоляя запасников остановить своих товарищей из учебных команд, и уже вечером в день расстрела произошел первый солдатский бунт. Состоявшая из фронтовиков четвертая рота Павловского полка (1500 солдат) двинулась в город, но у восставшей роты было лишь 30 винтовок, и, расстреляв все патроны, она была вынуждена положить оружие и вернуться в казармы⁵⁷².

Восстание Павловского полка было лишь первой вспышкой — можно было предвидеть новые волнения. Всю ночь на 27 февраля генерал Хабалов получал тревожные сообщения из казарм, поначалу они не подтверждались, но в штабе ожидали нового солдатского бунта — и он произошел. Вернувшиеся после расстрелов солдаты Волынского полка на ночной сходке решили больше не подчиняться карательным приказам — однако речь об организации какого-либо выступления на сходке не шла. Когда утром Лашкевич пришел на построение, солдаты отказались повиноваться; капитан вышел во двор казармы — и тут из окна прогремел сразивший его выстрел; этот выстрел послужил сигналом к бунту⁵⁷³. Восстание было настолько спонтанным, что в ответ на вопрос об инициаторах выступления Волынского полка участники событий называли шесть разных имен⁵⁷⁴. Солдаты вышли на улицу и направились поднимать другие полки; вскоре они соединились с рабочими Выборгской стороны, которые захватили оружие и сражались с полицией. Колонна солдат и рабочих двигалась по Петрограду от казарм к казарме; в некоторых случаях восставшим приходилось преодолевать сопротивление стоявших на проходных учебных команд, прежде чем запертые в казармах солдаты получали возможность присоединиться к «мятежникам». В других случаях части сами выходили навстречу восставшим с музыкой и с пением «Марсельезы». Лишь один самокатный полк, в который набирали рекрутов из состоятельных слоев населения, отказался участвовать в «мятеже» — однако его сопротивление было быстро подавлено. Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тысяч, днем — 26 тысяч, вечером — 66 тысяч, на следующий день — 127 тысяч, 1 марта — 170 тысяч, то есть весь гарни-

зон Петрограда. Днем 27 февраля Хабалов отправил отряд (сколько смог собрать — всего лишь около тысячи солдат) против «мятежников», но после незначительных столкновений солдаты перешли на сторону восставших. После этого Хабалов сосредоточил последние верные царю части у Зимнего дворца и Адмиралтейства; генерал Занкевич вышел переговорить с солдатами и понял, что на них рассчитывать нельзя; солдаты понемногу самовольно покидали Дворцовую площадь. К утру у Хабалова в Адмиралтействе осталось только полторы тысячи солдат, которые потребовали у генералов отпустить их (но Хабалов утверждал, что он сам распустил солдат под угрозой обстрела из пушек Петропавловской крепости). Генералы остались в Адмиралтействе дожидаться ареста⁵⁷⁵.

О неудержимом и стихийном распространении солдатского бунта свидетельствуют события в Ораниенбауме. Здесь располагалось 70 тыс. солдат запасных частей, в том числе 1-й пулеметный полк с полутора тысячами пулеметов. Днем 27 февраля один из солдат принес в казармы слух о восстании в Петрограде; гарнизон тотчас восстал и ночью, в 18-градусный мороз, установив пулеметы на санки, двинулся в Петроград. Заслышав о восстании, в Петроград двинулись десятки тысяч солдат из всех пригородов, и самое удивительное — к восставшим присоединились две тысячи моряков Гвардейского экипажа, незадолго перед тем присланные с фронта охранять царскую семью⁵⁷⁶.

Современные историки согласны во мнении, что солдатский бунт сыграл решающую роль в революции⁵⁷⁷. Впечатление от яростного бунта огромной массы солдат было таково, что уцелевшие офицеры в ужасе разбежались и попрятались. Но полиция не зря готовилась к мятежу: около полусотни пулеметных расчетов, размещенных на крышах зданий, сражались с редким упорством и до последнего патрона⁵⁷⁸. «Петроградская полиция самоотверженно, честно и доблестно исполнила свой долг перед царем и родиной, — свидетельствует полковник Д. Ходнев. — Она понесла огромные потери»⁵⁷⁹. Разъяренные солдаты устроили полиции «кровавую баню». «Запасы противочеловеческой ненависти вдруг раскрылись и мутным потоком вылились на улицы Петрограда», — писал офицер, свидетель событий⁵⁸⁰.

Председатель Думы Родзянко рассказывал неделю спустя, что восставшие солдаты, были на самом деле, «конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе — „земли и воли“, „долой Романовых“, „долой офицеров“...»⁵⁸¹ 28 февраля у солдат появились первые наспех изготовленные плакаты, и на них было написано: «Земля и воля!»⁵⁸² 1-2 марта по всему городу происходили митинги, и главное требование солдат выражалось все тем же лозунгом: «Земля и воля!»⁵⁸³ Когда две недели спустя происходил первый парад революционного петроградского гарнизона, М. Палеолог внимательно читал лозунги, которые несли солдаты на своих знаменах — почти на всех знаменах были надписи: «Земля и воля!», «Земля народу!»⁵⁸⁴

Таким образом, это был, собственно, не солдатский бунт, а крестьянское восстание. Подобно тому как всеобщая стачка октября 1905 г. спровоцировала крестьянскую войну, так и голодный бунт в феврале 1917 г. спрово-

цировал крестьянское восстание. И поскольку на этот раз крестьяне имели в руках оружие, и к тому же находились в столице, то все решилось в один день. При такой расстановке сил исход событий был предопределен.

Николай II в это время находился в штабе генерала Н. В. Рузского, командующего Северным фронтом. При первых известиях о мятеже царь направил к Петрограду четыре полка под командованием генерала Иванова, однако железнодорожники остановили движение эшелонов вблизи Петрограда и отборные полки карателей (даже составлявший охрану царя батальон георгиевских ветеранов) были разогнаны революционерами. Дальнейшие действия царя зависели от позиции командующих фронтами, а она, в свою очередь, определялась боязнью революции на фронте. 1 марта начальник генерального штаба М. В. Алексеев телеграфировал царю о том, что вслед за Петроградом восстала Москва и что революция грозит распространиться на армию⁵⁸⁵. «Беспорядки в Москве, без всякого сомнения, перекинутся в другие большие центры России, — предупреждал М. В. Алексеев, — и будет окончательно расстроено и без того неудовлетворительное функционирование железных дорог. А так как армия почти ничего не имеет в своих базисных магазинах и живет только подвозом, то нарушение правильного функционирования тыла будет для армии гибелью, в ней начнется голод... Армия слишком связана с жизнью тыла, и с уверенностью можно сказать, что волнения в тылу вызовут таковые же в армии... Подавление беспорядков силой в нынешних условиях опасно и приведет Россию и армию к гибели...»⁵⁸⁶

Ночью 2 марта Родзянко после переговоров с Петроградским советом сообщил Рузскому и Алексееву о том, что положение в столице диктует необходимость отречения. Алексеев запросил мнение командующих фронтами и флотами, сообщив, что сам он выступает за отречение с тем, чтобы предотвратить развал армии; все командующие согласились с мнением Алексеева. Некоторые из них, вслед за Алексеевым, указывали на опасность распространения революции на армию. Командующий Западным фронтом А. Е. Эверт писал: «Я принимаю все меры к тому, дабы сведения о настоящем положении дел в столице не проникли в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений». Командующий Балтийским флотом адмирал Непенин телеграфировал: «С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные мне войска. В Ревеле положение критическое... Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собой катастрофу»⁵⁸⁷.

При обсуждении ситуации снова встал вопрос о наличии надежных частей для борьбы с восстанием. Как говорил Николаю II посланец Думы А. И. Гучков, «надежных» частей просто не было: «Движение захватывает низы и даже солдат, которым обещают отдать землю. Вторая опасность, что движение перекинется на фронт... Там такой же горючий материал и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас не заражалась бы. Вчера к нам в Думу явились представители... конвоя Вашего Величества, дворцовой полиции и заявили, что примыкают к движению»⁵⁸⁸. Гучкова поддержал генерал Рузский: «Нет такой части, которая была бы настолько надежна, чтобы я мог послать ее в Петербург»⁵⁸⁹. Взвесив все

обстоятельства — и в особенности мнение командующих фронтами — царь подписал заявление об отречении от престола.

Необходимо отметить, что в процессе обсуждения лишь в малой степени обращалось внимание на позицию политических партий и требования рабочих. Главным аргументом было положение в армии, угроза бунта на фронте. Как позиция генералов, так и отречение Николая II были прямыми следствиями восстания 170-тысячного гарнизона Петрограда. Единогласное решение командующих фронтами доказывает, что другое развитие событий было невозможно. Угроза развала армии была очевидной, и генералы чувствовали, что сидят на пороховой бочке. Восстание на флоте уже началось: 1 марта в Кронштадте мятежные матросы убили адмирала Вирена и более 50 офицеров; 4 марта в Свеаборге погиб адмирал Непенин⁵⁹⁰. 2 марта на псковской станции взбунтовался эшелон 1-го железнодорожного батальона; мятежные солдаты двинулись к царскому поезду, и их остановило лишь известие, что идут переговоры об отречении⁵⁹¹.

О том, что в случае попытки сопротивления Николаю II было бы не на кого опереться, говорит поведение самых преданных ему частей. «4 марта... — писал полковник В.М. Пронин, — я был свидетелем проявления „радости“ Георгиевским батальоном по случаю провозглашения нового режима в России... Георгиевский батальон в полном составе, с музыкой впереди, направляясь в город, проходил мимо Штаба... Государь, стоя у окна, мог наблюдать, как лучшие солдаты армии, герои из героев, имеющие не менее двух георгиевских крестов, так недавно составлявшие надежную охрану Императора, демонстративно шествуют мимо Его, проявляя радость по случаю свержения Императора...»⁵⁹²

Что касается позиции Думы, то о ней лучше всего рассказывает В.В. Шульгин: «К вечеру, кажется, стало известно, что старого правительства нет... Оно попросту разбежалось по квартирам... Не стало и войск... То есть весь гарнизон перешел на сторону „восставшего народа“... Но вместе с тем войска как будто стояли „за Государственную думу“... здесь начиналось смешение... Выходило так, что и Государственная дума „восстала“ и что она „центр движения“... Это было невероятно... Государственная дума не восставала... „Я не желаю бунтоваться, — говорил Родзянко. — Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались...“ „Может быть два выхода, — отвечал Шульгин, — все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...“»⁵⁹³ «Государственной Думе не оставалось ничего другого, кроме как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождающуюся анархию», — заключает Родзянко⁵⁹⁴.

Слова Родзянко свидетельствуют о том, что действия оппозиционных фракций также были вынужденными и диктовались тем, что власть рухнула без их вмешательства. Оппозиционная элита не готовила революцию и не участвовала в ней. Временное правительство лишь «подобрало власть», но в конечном счете не смогло удержать ее...

Таким образом, наш краткий анализ событий Февральской революции показывает, что большинство из них были с высокой степенью ве-

роятности predeterminedены глобальными факторами нараставшего кризиса. Хотя власти хорошо понимали опасность такого развития событий и сделали все (или почти все), чтобы отвести надвигающуюся угрозу, им это не удалось.

«Теперь жалкие человеческие существа пытаются мерить своими ничтожными мерками огромную волну, которую могла поднять лишь Божья воля, могучий вихрь судьбы, — писал А. Ф. Керенский. — С самодовольством специалистов они селятся доказать, что все было бы по-другому, если бы то-то и то-то сделать так, а не иначе...»⁵⁹⁵

Вихрь революции подхватил А. Ф. Керенского и руководителей только что созданного Петроградского совета — но так же как Николай II, они были не в состоянии противостоять воздействию глобальных факторов кризиса.

«Все, что мы тогда делали, — свидетельствует И. Г. Церетели, — было тщетной попыткой остановить какими-то ничтожными щепочками разрушительный стихийный поток»⁵⁹⁶.

8.19. Выводы

Подводя итоги социально-экономического развития между двумя революциями, необходимо отметить, что в этот период правительство не только признало наличие аграрного перенаселения, но и приняло меры для его смягчения. Реформы Столыпина устранили то прикрепление крестьян к земле, которое ранее сдерживало миграции населения; поощрялось переселение на свободные земли окраин. Крестьяне получили возможность продавать свою землю, и в результате мы, *в полном соответствии с демографически-структурной теорией, видим картину, характерную для Сжатия в странах с рыночной экономикой: разоряющиеся крестьяне в массовых масштабах продают землю и уходят в города, где занимаются ремеслом или ищут работу по найму.*

Однако ни переселение на окраины, ни уход в города не компенсировали быстрого роста населения, и проблема малоземелья сохраняла свою остроту. Некоторое увеличение внутреннего потребления было достигнуто благодаря сочетанию урожайных лет и относительно сокращению вывоза, но сокращение вывоза сопровождалось увеличением расхода зерна на фураж, и в стране сохранялись обширные регионы, где потребление оставалось на крайне низком уровне.

Негативная инерция предшествующего периода голодовок и социальных конфликтов привела к тому, что увеличение потребления не оказало существенного влияния на уровень социальной напряженности, который продолжал оставаться высоким, намного более высоким, чем до революции, и лишь немногим ниже, чем в годы революции. Хотя количество крупных выступлений в деревне уменьшилось, количество мелких протестных акций возросло; в городах наблюдался новый мощный подъем стачечной борьбы — все это дает основание многим историкам рассматривать революции 1905 и 1917 г. вместе, как два этапа одной революции, разделенных периодом обманчивого успокоения⁵⁹⁷.

Важным следствием революции 1905 г. было резкое ослабление традиционалистской идеологии, которая прежде поддерживала самодержавие, помогала держать народные массы в покорности и отделяла народ от интеллигенции — в том числе и от обращавшихся к народу радикальных партий (социал-демократов и эсеров).

В ситуации не угасшего революционного движения любое ослабление самодержавия могло вызвать новую вспышку крестьянских восстаний. Большая война тем более должна была вызвать новый социальный кризис. Механизм этого кризиса был типичным для военной экономики и включал три взаимосвязанных процесса: во-первых, резкое падение авторитета власти в результате военных поражений; во-вторых, возникающие вследствие чрезмерной эмиссии бумажных денег расстройство товарооборота, нехватка продовольствия в городах и голодные бунты, и в-третьих, все возрастающая ненадежность войск — следствие Сжатия и созданного им глубокого социального раскола.

Русская революция была инициирована голодным бунтом в Петрограде. То обстоятельство, что бунт вспыхнул именно 23 февраля было до некоторой степени случайностью, но то, что он должен был произойти, с очевидностью следует из того, что такие бунты происходили и раньше (в октябре 1916 г.), и позже, при Временном правительстве, которое, так же как и царское правительство, не смогло решить проблему снабжения городов. При длительной и напряженной войне расстройство товарооборота и голодные бунты были неизбежны — и эта неизбежность подтверждается также и тем, что правительство, прекрасно информированное и предвидевшее эти события, так ничего и не смогло сделать, чтобы их предотвратить.

Петроградский бунт 23 февраля не был вызван непосредственно перенаселением и крестьянским малоземельем и в конечном счете носил локальный характер. Решающим моментом, как и в 1905 г., была позиция армии — будут ли солдаты стрелять в народ? И вот здесь проблема Сжатия и крестьянского малоземелья вставала во весь рост. Армия 1917 г. — это были *«просто взятые от сохи мужики»*, те мужики, которые требовали земли в 1905-м, и многие из которых после подавления первой революции ненавидели царя так же, как и своих помещиков. Теперь их мобилизовали в армию, но они не желали умирать в этой непонятной для них войне; они в массовых масштабах бежали из эшелонов или сдавались в плен. Некоторые авторы полагают, что солдаты подняли мятеж потому, что не желали идти на фронт, и действительно, Петроградский совет впоследствии потребовал не отправлять на фронт части революционного гарнизона⁵⁹⁸. Но солдаты-крестьяне не желали идти на фронт умирать за эту власть именно потому, что она стала для них чужой и враждебной, потому что она не давала им землю. Тот уровень аграрного конфликта, тот уровень ненависти, о котором говорит предвоенная статистика преступлений, должен был проявить себя. Он диктовал поведение солдат, которое проявилось при подавлении бунтов 1916 г., — солдаты неоднократно отказывались стрелять в толпу и переходили на сторону бунтовщиков. Как показывает рис. 8.4, число голодных бунтов стремительно нарастало, и вместе с тем нарастало число случаев солдатского неповиновения. О таком раз-

витии событий предупреждал Дурново еще до начала войны: «Побежденная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка». Еще до начала войны правительство понимало, что прежде надежная армия теперь, после 1905 г., ненадежна из-за *крестьянского стремления к земле*. В итоге *голодный бунт в Петрограде в феврале 1917 г. спровоцировал восстание крестьян, одетых в солдатские шинели*. Отсюда, однако, не следует, что солдаты не могли восстать сами по себе: петроградский бунт был, в известном смысле, продолжением бунтов запасников в Гомеле и Кременчуге — и более того, уже начались бунты на фронте. В любом случае главным лозунгом восставших солдат сразу же стал лозунг 1905 г.: «Земля и воля!» «Бунт бывших крестьян, вооруженных на свою голову самодержавием, во многом определил ход и самый дух последующей советской истории», — указывает В. П. Булдаков⁵⁹⁹. В конечном счете, заключает П. Гатрелл, мировая война лишь дала возможность укоренившемуся классовому конфликту проявить себя и трансформироваться в революцию⁶⁰⁰.

Таким образом, Февральская революция 1917 г. была специфическим проявлением описываемого демографически-структурной теорией эко-социального кризиса, а именно вариантом этого кризиса, реализующимся в условиях большой войны.

Как отмечалось выше, революция 1905 г. была связана с процессом вестернизации и расколом элиты, недовольные фракции которой вовлекли в борьбу сначала пролетариат, а затем крестьянство; в итоге «революция вестернизации» переросла в социальную революцию. Элита оставалась расколотой и в 1917 г., однако ее оппозиционная вестернизированная фракция не желала революции, избегала союза с народом и фактически не принимала участия в событиях 23–28 февраля. В начале революции эсеры и меньшевики пренебрежительно называли вспыхнувшее движение «желудочно-стихийным», не подозревая, насколько близко это определение неомальтузианской трактовке революции⁶⁰¹. Действительно, основным лозунгом рабочих было: «Хлеба!» Но лозунг «Земля и воля!», под которым восстали солдаты, в конечном счете тоже означал «Хлеба!» — ведь земля для крестьянина означала хлеб. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с классическим экосоциальным кризисом, когда по словам Мальтуса, *«революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания»*⁶⁰².

Несколько лет спустя генерал А. И. Деникин подвел итог событий революции в следующих словах:

Главный, более того, единственный вопрос, который глубоко волновал душу крестьянства, который заслонял собой все прочие явления и события — вымученный, страданный веками
— *Вопрос о земле* (выделено Деникиным. — С. Н.)⁶⁰³.

В. И. Ленин дважды подчеркнул карандашом эту фразу из книги Деникина.

Однако Мальтус говорил не только о «недостатке пропитания», но и о его последствиях — о последствиях революции. «До сих пор сущность и дей-

ствие закона народонаселения не были поняты, — писал Мальтус. — Когда политическое неудовольствие присоединяется к воплям, вызванным голодом, когда революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания, то следует ожидать постоянных кровопролитий и насилий, *которые могут быть остановлены лишь безусловным деспотизмом*»⁶⁰⁴.

Как и предсказывает неомальтузианская теория, революция, порожденная недостатком пропитания, голодом и войной, в конечном счете привела к власти этатистскую диктатуру.

«Голод — отец этатизма, — писал Питирим Сорокин, — война — его мать... Учета влияния этих двух факторов достаточно, чтобы понять и объяснить основной ход всей нашей революции, причин ее подъема и падения. Вместо поверхностных, пустых, часто запутанных „теорий“, сочиняемых тьмой мало знающих и еще менее понимающих публицистов и обывателей для объяснения нашей революции (и по существу ничего не объясняющих, несмотря на все их словесное многомудрие), *эта теория ясно и четко вскрывает причины, ход и падение кривой нашего революционного этатизма*»⁶⁰⁵.

Главной движущей силой Февральской революции было Сжатие в народных массах. Согласно теории, понятие Сжатия включает в себе не только малоземелье и низкий уровень потребления, но и повышение уровня смертности — в том числе в результате войн. Таким образом, *война была еще одним фактором Сжатия, намного увеличившим его интенсивность*. В условиях столь взрывоопасной ситуации другой фактор, изучаемый демографически-структурной теорией, Сжатие в элите, отступил на второй план и почти не проявлял своего действия. Но при этом значительную роль сыграл третий фактор — финансовый кризис. Финансовый кризис был вызван войной — но также и невозможностью в условиях Сжатия возложить на население дополнительные финансовые тяготы. Кризис привел к нарушению управляемости экономики и, по существу, к коллапсу государства, следствием чего было нарушение продовольственного снабжения городов, резко усилившее Сжатие и вызвавшее сначала грандиозный голодный бунт, а затем — революцию.

Необходимо отметить, что анализ революции 1917 г. в рамках демографически-структурной теории подразумевает, что мы рассматриваем события в контексте закономерностей традиционного общества (которые изучает эта теория). Как отмечалось выше, такой подход объясняется тем, что Россия начала XX в. была еще в основном доиндустриальным, традиционным обществом, и подавляющее большинство населения страны составляло крестьянство. Выдающийся историк и проницательный политик П. Н. Милюков сделал чрезвычайно глубокий вывод из событий, непосредственным свидетелем которых он являлся. *«То, что поражает в современных событиях постороннего зрителя, — писал Милюков, — что впервые является для него разгадкой векового молчания „сфинкса“, русского народа, то давно было известно социологу и исследователю русской исторической эволюции. Ленин и Троцкий для него возглавляют движение гораздо более близкое к Пугачеву, к Разину, к Болотникову — к 18-му и 17-му векам нашей истории, — чем к последним словам европейского анархо-синдикализма*»⁶⁰⁶.

Характерно, что с этим соглашается и Л. Д. Троцкий, подчеркивающий, что «если бы аграрный вопрос, как наследие варварства русской истории,

был разрешен буржуазией, русский пролетариат ни в коем случае не смог бы прийти к власти в 1917 г.», что Советы пришли к власти благодаря «сближению и взаимопроникновению двух факторов совершенно разной исторической природы: крестьянской войны... и пролетарского восстания...»⁶⁰⁷

К этому мнению в той или иной форме присоединяются многие российские историки⁶⁰⁸. Так, например, В. П. Данилов писал, что в России имела место «крестьянская революция, на фоне (на основе) которой развертывались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 года»⁶⁰⁹. «И именно на гребне мощного крестьянского движения большевики сумели взять власть», — отмечает В. В. Кабанов⁶¹⁰. «Вовсе не случайно две революции в России совершились под знаменем аграрного переворота», — подчеркивают В. Л. Дьячков, С. А. Есиков, В. В. Канищев и Л. Г. Протасов⁶¹¹.

Этот подход — акцентирование крестьянского характера революции — является достаточно традиционным для западной историографии⁶¹², он согласуется и с современными концепциями российской истории этого периода как истории развивающегося общества, сопоставляющими революцию 1917 г. с крестьянскими революциями XX в., такими, как революции в Мексике, Китае, Вьетнаме, Индонезии, Алжире, на Кубе⁶¹³. Т. Шанин сравнивал ситуацию в России с ситуацией второй половины XX в. в перенаселенных развивающихся странах⁶¹⁴. «Действительно, — соглашается М. И. Роднов, — в российской истории начала XX века проявились компоненты системного кризиса, присущего „третьему миру“ второй половины XX столетия (перенаселенность, распад традиционной экономики, недостаточность индустриализации, разрушение экологической среды, массовая бедность, процветание немногих экспортных отраслей хозяйства, разложение традиционной морали, рост общей политической нестабильности и др.)»⁶¹⁵

Но хотя роль крестьянства в революциях XX в. была огромной, эти революции отличались от крестьянских войн Средневековья — прежде всего наличием новых черт, связанных с происходившем в развивающихся обществах процессом модернизации⁶¹⁶. Демографический фактор работал в этих революциях не в одиночку, как в прошлом, а вместе с диффузионным фактором. Ярким проявлением роли этого фактора в феврале 1917 г. было то, что в результате падения самодержавия к власти пришло вполне вестернизированное Временное правительство.

В итоге, возвращаясь к вопросу о верификации трехфакторной модели на материале истории России, можно констатировать наличие в 1905–1922 гг. всех признаков фазы экосоциального кризиса: голод, принимающий широкие масштабы, широкомасштабные эпидемии, в конечном итоге — гибель больших масс населения, демографическая катастрофа, государственное банкротство, потеря административной управляемости, широкомасштабные восстания и гражданские войны, брейкдаун — разрушение государства, внешние войны, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла, упадок торговли, очень высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, принимающие масштабы революции, порождающей этатистскую автократию.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования и переходя к вопросу о верификации трехфакторной модели исторического процесса на российском материале, необходимо напомнить, что эта верификация подразумевала, во-первых, проверку наличия в российском демографическом цикле тех шестидесяти характерных явлений (или признаков) классического демографического цикла, которые описаны во введении. Во-вторых, процесс верификации включал анализ последствий диффузионных волн, которые приходили в Россию в результате совершавшихся в других странах фундаментальных технических открытий.

Как было показано в исследовании, роль демографического фактора в российской истории достаточно адекватно описывается демографически-структурной теорией. Но с другой стороны, демографический фактор был не единственным двигателем исторического процесса и действовал в комбинации с другими факторами, среди которых наибольшее значение имели диффузионный (технологический) и географический факторы. В выводах, завершающих отдельные главы, мы, по мере возможности, старались показать, каким образом это взаимодействие определяет конкретное протекание исторических процессов. Здесь мы лишь кратко суммируем самые важные следствия, вытекающие из этого анализа.

Период восстановления экономики, начавшийся после Смуты, в соответствии с демографически-структурной теорией, характеризовался обилием свободных земель, низким уровнем ренты и налогов, относительно высоким уровнем потребления и быстрым ростом населения. В 1646–1678 гг. в границах послесмутного времени население увеличилось, по имеющимся оценкам, с 6,5 до 8,6 млн и продолжало расти до 1700 г. Однако Смута привела к дисбалансу в численности сословий, и, в соответствии с теорией, многочисленное дворянство требовало перераспределения ресурсов в свою пользу; в конечном счете это привело к закрепощению крестьян по Уложению 1649 года. Закрепощение было трансформацией структуры — оно означало качественное изменение отношений в структуре «государство–народ–элита». Однако ввиду сопротивления крестьянства закрепощение на первых порах не привело к быстрому росту ренты, и положение крестьян в XVII в. оставалось относительно благоприятным.

Вслед за закрепощением последовала новая трансформация структуры — создание регулярной армии в ходе реформ Алексея Михайловича

и Петра I. Причина этих реформ была связана с действием технологического (диффузионного) фактора, с созданием «полковых пушек», снабженных штыком облегченных мушкетов и с освоением линейной тактики. В соответствии с теорией, «военная революция» повлекла за собой торжество военно-бюрократического абсолютизма, резкое усиление государства, отягчение дворянской службы и увеличение налогов — масштабное перераспределение ресурсов, которое стало причиной структурного кризиса 1723–1726 гг.

Кризис 1723–1726 гг. знаменовал начало Сжатия в Центральном районе, которое продолжалось и в 1730-х гг. Однако в 1740–1750-х гг. колонизация Черноземья и организация транспортировки хлеба в Центральный район привели к увеличению потребления. Снова начался рост населения, но в основном за счет окраин; в Центре рост был медленным.

В теоретическом контексте процесс колонизации был самым важным явлением экономической истории России XVII–XIX вв., в значительной мере смягчавшим последствия роста населения. Расширение экологической ниши отодвигало кризис перенаселения и привело к тому, что демографический цикл XVII–XIX вв. оказался более длительным, чем известные европейские и восточные циклы. Как в обычном демографическом цикле, рост населения сопровождался падением потребления. Однако существовала и другая причина падения уровня жизни — перераспределение ресурсов в структуре «государство–элита–народ».

Ослабление государства, рост численности дворянства и традиционалистская реакция на диффузию прусских порядков в середине XVIII в. привели к новой трансформации структуры. Эта «дворянская революция» доставила господствующее положение элите, и дворянство осуществило масштабное перераспределение ресурсов в свою пользу. На смену влиянию прусского этатизма пришло влияние французской аристократической культуры. Начался рост барщины и оброков, который был связан с резким отягощением крепостнических порядков, приблизивших положение помещичьих крестьян к положению рабов. В конечном счете сужение экологической ниши народа привело к структурному кризису 1787–1788 гг. Дворянство было вынуждено на время смириться с невозможностью увеличения ренты, и более того, в результате инфляции она стала уменьшаться. Со своей стороны, правительство впервые обратилось к мерам этатистского регулирования, которые в период Сжатия проводят многие государства, — и Павел I ограничил размеры крестьянской барщины. При Павле I монархия вновь предприняла попытку трансформации по прусскому образцу, она на время вышла из подчинения дворянству, вновь попыталась регулировать отношения между сословиями и перераспределять в свою пользу экономические ресурсы. Это позволило увеличить военные расходы и усилить армию, но в конечном счете конфликт с дворянством привел к государственному перевороту и гибели Павла I.

Анализ развития России в контексте трехфакторной модели показывает, что события царствования Александра I определялись в основном действием диффузионного фактора. Новая «военная революция», вызванная созданием маневренной полевой артиллерии и тактики колонн, породила волну наполеоновских завоеваний и привела к диффузионному распро-

странению французских заимствований. Элементами нового культурного круга были не только новые военные технологии, но и французский конституционализм, а также принципы свободы и равенства сословий. С этим диффузионным влиянием были связаны как конституционные проекты Александра I, так и аналогичные по содержанию планы декабристов. Военный заговор декабристов и восстание в Польше вызвали традиционалистскую реакцию, которая сомкнулась с аналогичной реакцией в Германии и породила традиционалистское и пронемецкое правление Николая I. После неудачных попыток Петра III и Павла I это была уже третья попытка построения в России регулярного государства прусского образца — и на этот раз проект преобразований был успешно реализован.

В первой половине XIX в. основная часть Европейской России вступила в фазу Сжатия. Имеющаяся информация выявляет картину замедления демографического роста, постоянно повторяющихся голодовок и эпидемий. Эта информация, однако, усредняет картину, скрывая крайне тяжелое положение одной из групп крестьян, крепостного крестьянства, и относительно благополучное положение другой группы, государственных крестьян. В 1816–1825 гг. произошло новое резкое увеличение ренты, следствием чего стало падение потребления; это было главной причиной приостановки роста численности крепостных крестьян, а затем — причиной структурного кризиса 1847–1849 гг. Как утверждает демографически-структурная теория, Сжатие должно было вызвать попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, и тенденцию к установлению этатистской монархии. Логично было бы считать, что Великая реформа была именно такой социальной и этатистской реформой, естественным образом вписывающейся в контекст демографически-структурной теории.

Однако необходимо отметить, что демографический фактор действовал не изолированно, а синхронно с диффузионным фактором. Европейская промышленная революция была вместе с тем и новой военной революцией; появление нового западного оружия (прежде всего, штуцеров Энфилда) привело к поражению России в Крымской войне, что в свою очередь дало толчок к модернизации по западноевропейскому образцу. Характерной чертой модернизации была экономическая либерализация, рост числа акционерных компаний и банков, концессионный способ строительства железных дорог. Однако открытие рынка для западных товаров негативно сказывалось на развитии российской промышленности. В то время как западные страны переживали промышленный бум, Россия откатывалась на периферию мировой экономики, становилась отсталой в промышленном отношении страной.

Освобождение крестьян было следствием Сжатия, но вместе с тем оно было составной частью процесса модернизации. Это была новая трансформация структуры, после которой государство вновь заняло господствующее положение в структуре «государство–народ–элита». После реформы 1861 г. положение бывших крепостных крестьян значительно улучшилось и рост их численности возобновился. Однако рост населения вызвал уменьшение крестьянских наделов и, несмотря на продолжающееся освоение степного юга, потребление постепенно падало. Под давлени-

ем демографического роста и повторяющихся голодовок правительство было вынуждено уменьшать прямые налоги с крестьян.

Картина российского Сжатия второй половины XIX в., за исключением некоторых второстепенных деталей, соответствует классической картине, даваемой демографически-структурной теорией, и мы можем обнаружить в истории России практически все явления, характерные для этой фазы. В частности, Сжатие привело к фрагментации в элите и появлению оппозиционных группировок, которые (в соответствии с теорией) пытались вовлечь в движение народ. Этому способствовали также и процессы модернизации («вестернизации»), обусловившие формирование нового социального слоя, интеллигенции.

Демографически-структурная теория акцентирует необходимость рассмотрения распределения ресурсов в структуре «государство–народ–элита». В этой связи нужно отметить, что в конце XIX в. существующее производство в принципе могло обеспечить душевое потребление на уровне 24–25 пудов — уровне, который бы обеспечил социальную стабильность. Однако распределение ресурсов было таково, что значительная часть хлеба принадлежала не массам полуголодного населения, а крупным землевладельцам, которые считали выгодным вывозить зерно за границу. Государство в своих целях способствовало массовому вывозу хлеба, и это привело к новому структурному кризису в 1891–1892 гг.

Необходимо отметить, что поощрение экспорта было в определенной степени связано с этатистской политикой военной и промышленной модернизации. Новое оживление этатистских тенденций было связано не только с необходимостью преодоления промышленной отсталости, но и с новой диффузионной волной, эпицентром которой была Германия. Победы Германии были обусловлены инновациями в военном деле, прежде всего, появлением стальных пушек Круппа — однако вместе с крупновскими пушками Россия заимствовала у Германии этатистские традиции и методы государственной индустриализации. В российском варианте эти методы предполагали увеличение налогов и стимулирование зернового экспорта, что вело к уменьшению потребления внутри страны.

Антропометрические данные говорят, что на протяжении второй половины XIX в. потребление снижалось и в конце столетия находилось на уровне, близком к минимальной норме. Однако необходимо учесть, что в экономическом отношении российское крестьянство делилось на две большие группы, бывших государственных и бывших крепостных крестьян, и что бывшие крепостные имели наделы в среднем почти вдвое меньшие, чем бывшие государственные крестьяне. Это приводило к большой разнице в доходах между двумя категориями крестьян, и при том, что среднее потребление было примерно на уровне минимальной нормы, потребление бывших крепостных было ниже нормы, и около половины населения жило в условиях постоянного недоедания. Кроме того, большую роль играли климатические колебания, в отдельные годы уменьшавшие до уровня ниже минимума среднее потребление всего крестьянства. Отсутствие запасов зерна во многих крестьянских хозяйствах делало их крайне неустойчивыми, и это приводило к неустойчивости социально-экономического положения в целом.

Конечно, в условиях начинающейся модернизации введение новой агротехники в перспективе могло обеспечить повышение потребления и, в теории, спасти страну от кризиса. Но для этого требовалось по крайней мере «двадцать лет покоя», а скорее всего, существенно больше — условие, реально невыполнимое в обстановке постоянных военных конфликтов. Случайные воздействия, такие как войны и большие неурожаи, рано или поздно должны были нарушить неустойчивое социально-экономическое равновесие и привести к экосоциальному кризису. Фактически экосоциальный кризис начался уже в 1905 г., и аграрная реформа, которая, по замыслу авторов, должна была спасти от него страну, проходила уже в обстановке кризиса.

В период первой русской революции демографический фактор действовал вместе с диффузионным, и это отразилось в совмещении социальной революции с «революцией вестернизации». В конечном итоге, однако, «революция вестернизации» была перекрыта мощным социальным конфликтом, и это обстоятельство показало, что описываемые демографически-структурной теорией внутренние социальные процессы оказались намного сильнее процессов, индуцированных диффузионным влиянием.

В Февральской революции 1917 г. главный конфликт — борьба за хлеб и землю, борьба за жизнь — заставил отступить все остальные проблемы на второй план. Февральская «революция без революционеров» выявила мощную роль демографического фактора, его огромное значение для изучения русской истории.

Верификация трехфакторной модели на материале российской истории показывает, что прогнозируемые этой теорией явления отчетливо фиксируются на протяжении трехвекового периода российской истории. При этом определяемая демографическим фактором и описываемая демографически-структурной теорией социально-экономическая динамика составляет основную линию развития общества. На эту базисную динамику накладываются процессы, индуцированные диффузионным фактором, но характер их действия во многом определяется демографическим фактором. В условиях земельного изобилия, когда крестьяне имеют значительные запасы, социально-экономическая система сохраняет достаточную устойчивость, поэтому требуется исключительно сильное воздействие диффузионного фактора, чтобы вывести систему из равновесия. Воздействие диффузионного фактора сказывается, главным образом, в перераспределении ресурсов внутри структуры; при этом резкое уменьшение ресурсов народа может привести к кризису, как это было в 1723–1726, 1787–1788, 1847–1849 гг. Однако, когда в результате этого сокращения ресурсов начинается голод (то есть радикальным образом проявляются демографические ограничители), государство и элита немедленно реагируют на это, вернув народу часть ресурсов, и система возвращается в относительно стабильное состояние. Таким образом, благодаря наличию ресурсов, в отсутствие перенаселения кризисы оказываются временными и преходящими. Наоборот, в условиях перенаселения демографический фактор превращается из стабилизирующего фактора в дестабилизирующий, социально-экономическая система становится неустойчивой и воздействие случайных «толчков», неурожаев или внешних войн, рано или

поздно (если объем ресурсов не увеличится) должно разрушить систему. Именно так, в условиях Сжатия и социальной неустойчивости, произошла катастрофа 1917–1922 гг.

Процесс верификации трехфакторной модели неразрывно связан с интерпретацией в контексте этой теории основных фактов российской истории. С одной стороны, фиксируя соответствие наблюдаемых явлений теоретическим положениям, мы получаем еще одно подтверждение теории, расширяем ее индуктивную эмпирическую базу. С другой стороны, соответствие наблюдаемых явлений теоретическому прогнозу позволяет интерпретировать эти явления с точки зрения теории, указать на их глубинные причины, показать, что такие же явления наблюдались в других странах под действием тех же причин. Например, в выводах главы VII было зафиксировано более тридцати социально-экономических процессов, которые реально наблюдались в России во второй половине XIX — начале XX в. и которые находят свое объяснение в рамках демографически-структурной теории.

Как было показано выше, в большинстве конкретных случаев интерпретация, предлагаемая трехфакторной моделью, совпадает с представлениями тех или иных исторических школ и известных историков и, таким образом, находит подкрепление в уже существующих частных концепциях. В некоторых случаях она предлагает новое видение проблем, и это обстоятельство, возможно, требует проведения в данных случаях более подробных конкретно-исторических исследований, чем те, которые удалось провести автору в рамках данной работы. Это было бы вполне естественным, поскольку целью любого методологического исследования является не только обобщение достигнутых результатов, но и постановка задач для конкретных исследований, обнаружение «белых пятен» и спорных моментов в накопленной конкретно-исторической базе данных.

В любом случае необходимо подчеркнуть, что основным достоинством предлагаемой интерпретации российской истории является ее теоретическая цельность и фундированность; используя эту интерпретацию, мы в конечном счете опираемся на исторический опыт других стран, обобщенный в составных частях трехфакторной модели — в демографически-структурной теории, в концепции диффузионизма, в теории военной революции и теории модернизации.

В заключение необходимо отметить, что предлагаемая интерпретация, разумеется, не исключает возможности других интерпретаций с использованием других методологий. В конечном счете вопрос о преимуществах той или иной модели может быть решен лишь практикой исторического исследования — повседневной работой тысяч историков, изучающих материалы разных стран и разных эпох.

Примечания

Предисловие

1. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. М., 2002. С. 35.
2. McNeill W. The pursuit of power: technology, armed force, and society since A.D. 1000. Oxford, 1983.
3. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991.
4. Dunning Ch. Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia? // Comparative Studies in Society and History. 1997. Vol. 39. No. 3. P. 572–592.
5. Turchin P., Nefedov S. Secular cycles. Princeton, 2009.
6. Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008.

Введение. Факторы исторического процесса

1. См., например: Алексеев П. В. Социальная философия: учеб. пособие. М., 2005. С. 16–21.
2. Подробнее см.: Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008. С. 10–60.
3. Подробнее см.: Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 6–22.
4. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 22. Выделено Мальтусом.
5. Там же. С. 9, 18–22.
6. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Сочинения. Т. I. М., 1955.
7. Abel W. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung // Schmollers Jahrbücher. 58, Jahrgang, 1934; Idem. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.
8. Postan M. M. The medieval economy and society: an economic history of Britain, 1100–1500. Berkley, Los Angeles, 1972; Ibid. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. Cambridge, 1973; Mousnier R. Les XVIe et XVIIe siecles. Les progres de la civilisation europeenne et la diclin de l'Orient (1492–1715). Paris, 1953; Slicher van Bath B. Op. cit; Glass D. V., Eversley D. E. Population in History. London, 1965. Cippolla C. M. Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000–1700. London, 1976 (итальянское издание вышло в 1969 г.)
9. Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire sociale de la France du XVIIe siecle. 2 vols., Paris, 1960; Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1966. T. 1–2; Meuvret J. Les Crises de subsistances et la demographie d'Ancien Regime//Population. 1946. No. 4. P. 643–650; Duby G. L'Economie rurale et la vie des campagnes de l'Occident medieval. 2 vol. Paris, 1962; Meuvret J. Etudes d'histoire economique. Paris, 1971; Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique.

- Paris, 1984. Русский перевод: Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.
10. Braudel F. *Civilisation materielle, economie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle*. Т. 1. Paris, 1967. Русский перевод: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т. 1. М., 1986.
 11. Бродель Ф. Указ. соч. С. 42-44.
 12. Grigg D. *Population Growth and Agrarian Change*. Cambridge, 1980.
 13. Cameron R. *Economic History, Pure and Applied* // *Journal of Economic History*. 1976. Vol. 36. No. 1. P. 32.
 14. Wallerstein I. *The Modern World-System*. 2 vols. New York, 1974, 1989.
 15. Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, 1991.
 16. Ibid. P. 6-7.
 17. Ibid. P. 24-25, 459.
 18. Неведов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С. 38.
 19. Le Roy Ladurie E. *Les paysans de Languedoc*. P., 1990. P. 346-370; Grigg D. Op. cit. P. 20-28, 39, 76-78.
 20. Подробнее см. Неведов С. А. Концепция демографических циклов... С. 99-102.
 21. Шоню П. Указ. соч. С. 218.
 22. Turchin P., Nefedov S. *Secular cycles*. Princeton: Princeton University Press, 2009.
 23. Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005.
 24. Turchin P. *Arise 'cliodynamics'* // *Nature*. 2008. V. 454. P. 34-35.
 25. Komlos J., Nefedov S. *Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth* // *Historical Methods*. 2002. Vol. 35. № 2. P. 92-94; Nefedov S. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // *Chinese Journal of Population Science*. 2003. № 3. P. 48-53 (на кит. яз.); Nefedov S. A. A model of demographic cycles in a traditional society // *Social Evolution & History*. 2004. Vol. 3. No. 1. P. 69-80; Turchin P. *Historical Dynamics. Why States Rise and Fall*. Princeton and Oxford, 2003; Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Указ. соч.; Tsirel S. V. *On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population* // *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics*—Moscow: Russian State Social University, 2004. P. 367-369.
 26. Неведов С. А. Концепция демографических циклов... С. 45; Nefedov S. A. A model of demographic cycles in a traditional society... P. 78-79.
 27. Grigg D. Op. cit. P. 283.
 28. Dunning Ch. *The Preconditions of Modern Russia's First Civil War* // *Russian History*. 1998. Vol. 25. Nos. 1-2. P. 123-125.
 29. Вебер М. *Аграрная история древнего мира*. М., 2001. С. 228.
 30. White L. *Medieval Technology and Social Change*. Oxford, 1966. P. 3-38.
 31. Дьяконов И. М. *Пути истории*. М., 1994.
 32. Кола Д. *Политическая социология*. М., 2001. С. 196, 202-207.
 33. Roberts M. *Essays in Swedish History*. L., 1967.
 34. Первая русскоязычная монография по тематике военной революции: Пенской В. В. *Великая огнестрельная революция*. М., 2010.
 35. Roberts M. *Essays*... P. 195.
 36. Roberts M. *Gustavus Adolphus. A History of Sweden*. Vol. 2. 1625-1632. London, N.-Y., Toronto, 1958. P. 232; Нилус А. *История материальной части артиллерии*. Т. 1. СПб, 1904. С. 142-143.
 37. Roberts M. *Essays*... P. 195.
 38. Roberts M. *Gustavus Adolphus*... P. 231, 248.
 39. Downing B. *The Military Revolution and Political Change*. Princeton, 1992. P. 3.
 40. Roberts M. *Essays*... P. 213.
 41. Roberts M. *Essays*... P. 203-205; Duffy M. (ed.) *The Military revolution and the state, 1500-1800*. Exeter, 1980; Downing B. Op. cit. P. 3, 10-11, 56, 77-78.
 42. McNeill W. *The rise of the West: a history of the human community*. New York, 1963.

43. McNeill W. The pursuit of power: technology, armed force, and society since A.D. 1000. Oxford, 1983. Русский перевод: Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / предисловие Г. Дерлугьяна, научная редакция и послесловие С. А. Нефедова. М., 2008.
44. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006; Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизационная парадигма российской истории // Информационный бюллетень Научного совета РАН по проблемам российской и мировой истории. «006. № 4. С. 7–18; Алексеев В. В., Побережников И. В. Школы модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 8–49.
45. Black C. E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.-Y. 1966. P. 7.
46. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1993. С. 47; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 41.
47. Мак-Нил У. Указ. соч. С. 942–950.
48. Там же.
49. Помимо работ, отмеченных выше, см., например: Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Поляков Л. Российская модернизация: социо-психоаналитический подход // Коллаж. М., 1997. С. 55–75; Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000; Хорос В. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998; Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994; McDaniel T. Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran. Princeton, 1989.
50. McNeill W. The pursuit of power...
51. Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008.
52. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. В 2 т. М.: 2011; Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005.

Глава I. Период восстановления

1. Цит. по: Каргалов В. В. Свержение монголо-татарского ига. М., 1973. С. 127.
2. Письмо одного шведа из Москвы в 1647 г. писанное // Северный архив. 1822. Ч. 1. С. 157.
3. Вернадский Г. В. Московское царство. Т. 1. Тверь-Москва, 1997. С. 19; Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 20. С. М. Соловьев прямо называет «поминки» данью. В середине XV в. размер дани составлял 1 тыс. рублей в год (см.: Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 45). Серебряное содержание рубля к 1620-м годам уменьшилось в 1,7 раза (см.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1965), следовательно по серебру эта 1 тыс. эквивалентна 1,7 тыс. рублей 1620-х гг. При пересчете через хлеб нужно учесть, что коробья (7 пудов) ржи в 1470-х гг. стоила 14 денег, а четверть (6 пудов) ржи в 1620-х гг. — примерно 160 денег; таким образом, получается, что 1 тыс. середины XV в. эквивалентна 10 тыс. рублей 1620-х гг.
4. Цит. по: История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Т. 2. М., 1990. Т. 2. С. 351.
5. Готье Ю. А. Замосковский край в XVI веке. М., 1937. 115–116; Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. С. 11; Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 170; Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. М., 1988. С. 54.
6. Готье Ю. А. Указ. соч. С. 162.
7. Посчитано по: там же.
8. Аграрная история Северо-Запада России XVII века... С. 11. Табл. 1, 2.

9. Колесников П. Л. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1989. С. 155–157.
10. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973. С. 26.
11. Там же; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. М., 1993. С. 17; Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. 1959. Т. 64. С. 237–244.
12. Цит. по: Станиславский А. Л. Гражданская война в России. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 89.
13. Пирлинг. Дмитрий Самозванец. Ростов-на Дону, 1998. С. 429.
14. Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 255–256.
15. Пресняков А. Е. Московское государство первой половины XVII века // Три века. Т. 1. М., 1912. С. 82–83.
16. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия глазами иностранцев. Л., 1980. С. 357.
17. Шипилов А. В. Русская культура питания в первой половине XVIII века // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 146–152; Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008. С. 589.
18. Из взбунтовавшихся 94 казаков, взятых в плен под Москвой в 1615 г., только двое были настоящими казаками, а остальные по большей части были беглыми холопами и крестьянами. См.: Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 147.
19. История крестьянства СССР... Т. 2. С. 443; Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 216–231.
20. Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V. М., 1990. С. 16.
21. Горфункель А. X. К вопросу об историческом значении Крестьянской войны начала XVII века // История СССР. 1962. № 4. С. 114.
22. Цит. по: Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVI–II столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 46; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 18, 133.
23. Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 285.
24. Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до конца петровских реформ. Л., 1986. С. 148, 157.
25. Шапиро А. Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII–XVIII вв. в России // История СССР. 1965. № 5. С. 67.
26. Цит. по: Веселовский С. Сошное письмо. Т. 2. М., 1916. С. 493.
27. Там же. С. 488–493.
28. Там же. С. 160, 174–181. Цены для пересчета ямских денег на хлеб см.: Там же. С. 174; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974. С. 112. Населенность двора: Там же. С. 98; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. С. 112. Табл. 22. Величина для 1551–1553 гг. рассчитана по: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л., 1974. С. 23–27, табл. 5, 8, 9. С. 194, табл. 157.
29. Мацук М. А. Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Приморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998. С. 553.
30. Цит. по: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. М., 1976. С. 145.
31. Веселовский С. Указ. соч. С. 525.
32. Там же. С. 538; Милюков П. Указ. соч. С. 17; Мацук М. А. Указ. соч. С. 396.
33. Готье Ю. А. Указ. соч. С. 115–116; История крестьянства СССР... Т. 2. С. 351; Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. М., 1919. С. 129–130; Аграрная история Северо-Запада России XVII века... С. 90. Табл. 4; Водарский Я. Е. Население России за 400 лет... С. 26; История крестьянства России... Т. 3. С. 17.
34. Водарский Я. Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 279–289.

35. Волков М. Я. Формирование городской буржуазии в России XVII–XVIII вв. // Города феодальной России. М., 1966. С. 182; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 64–66.
36. Волков М. Я. Указ. соч. С. 180.
37. Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974; Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965.
38. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С. 105.
39. История крестьянства СССР... Т. 2. С. 364; Копанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVII веке. Л., 1964. С. 87.
40. История крестьянства СССР... Т. 2. С. 367.
41. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л. 1978. С. 178. Табл. 60.
42. Милов Л. В. Указ. соч. С. 269. Табл. 51. Средние величины подсчитаны у И. Д. Ковальченко: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. Табл. 55.
43. Цит. по: Шапино А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 58.
44. Ковальченко И. Д. Указ. соч. 279.
45. Кондратенков А. Л. Монастырские и церковные крестьяне Смоленского края в XVII–XVIII веках // Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян Нечерноземной полосы (XVI—первая половина XIX в.) Смоленск, 1982. С. 41; Аграрная история Северо-Запада России XVII века... С. 126, 134.
46. Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. Т. 1. С. 24.
47. Коростелев В. А. Скопин. Царская вотчина во второй половине XVII—в первой половине XVIII века. М.: Полиграфист, 2013.
48. Дмитриева З. В. Земельные наделы монастырских крестьян Белозерского уезда в XVI–XVII вв. // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции. Киров, 1979. С. 60–61.
49. Личное сообщение З. В. Дмитриевой.
50. Лохтева Г. Н. Развитие производительных сил в земледельческом хозяйстве поповников Троицко-Гледенского монастыря Поморья в XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 193.
51. В литературе часто цитируется инструкция помещика А. И. Безобразова приказчику села Тельчей, в которой помещик предписывает «крестьянам дать на себя работать на неделе два дня» (цит. по: Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М., 1929. С. 134). Здесь нужно пояснить, что в селе Тельчей на двор приходилось семь душ мужского пола, поэтому обязанность одного из мужчин работать четыре дня в неделю не выглядит обременительной. В действительности в этом селе на душу приходилось 0,36 десятины барской запашки, что соответствует среднему уровню 1680-х гг.
52. Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 202.
53. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ... С. 108.
54. Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 98.
55. В патриарших домовых вотчинах в 1701 г. дополнительную землю арендовали лишь 554 из 6932 дворов (см.: Петрова Е. Л. Патриаршие крестьяне в конце XVII—первой четверти XVIII века. Дисс. ... канд. ист. н. М., 1995. С. 131). В вотчине Медведева пустынь в Дмитровском уезде (1681), так же как в вотчинах Пафнутьева-Боровского монастыря (1701), плата за аренду составляла около 3 копеек на душу. Рассчитано по: Горская Н. А. Указ. соч. С. 46, 169; Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. С. 247, 272.

56. Горская Н. А. Указ. соч. С. 345. См. также: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 301; Шапиро А. Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII–XVIII вв. в России // История СССР. 1965. № 5. С. 66; Горфункель А. Х. К вопросу об историческом значении Крестьянской войны начала XVII века // История СССР. 1962. № 4. С. 116.
57. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. С. 165, 642; Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М., 1936. С. 26, 39–40, 42; Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 205–207; Заозерский А. И. Царская вотчина XVII века. М., 1937. С. 287.
58. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 112.
59. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 165, 642; Важинский В. М. Хлебная торговля на юге Московского государства во второй половине XVII века // Ученые записки Московского областного педагогического ин-та. Т. CXXVII. 1963. С. 9; Мацук М. А. Указ. соч. С. 130–140.
60. История крестьянства СССР... Т. 2. С. 367.
61. Веселовский С. Указ. соч. Т. II. С. 493.
62. Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. М., 1966. С. 129.
63. Мы используем обычную методику, применявшуюся ранее, в частности И. Д. Ковальченко и авторами «Аграрной истории Северо-Запада России...» (см.: Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 263).
64. Волков С. И. Крестьяне дворцовых владений Подмоскovie в середине XVIII в. М., 1959. С. 116.
65. Индова Е. И. Урожаи в Центральной России за 150 лет (Вторая половина XVII–XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965. М., 1970. С. 145.
66. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI века. Л. 1971. С. 48–50.
67. Горфункель А. Х. Указ. соч. С. 117.
68. Колесников С. П. Указ. соч. С. 301.
69. История крестьянства в России... Т. 3. С. 54–55.
70. Аграрная история Северо-Запада России XVII века... С. 126, 134.
71. История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 117.
72. Новосельский А. Л. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века // Исторические записки, 1945. Т. 16. С. 60.
73. Олеарий А. Указ. соч. С. 329.
74. Крижанич Ю. Политика. М., 1997. С. 261, 286.
75. Там же. С. 360.
76. Цит. по: Горская Н. А. Указ. соч. С. 293.
77. Inalcik H. The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1913/edited by Halil Inalcik with Donald Quataert. Cambridge, 1993. P. 62.
78. Hellie R. The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago and London, 1999. P. 45–453.
79. Ibid. P. 451.
80. Ibid. P. 14.
81. Abel W. Crises agraires en Europe (XIIe –XIXe siecle). P., 1973. P. 189–192, 195.
82. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 111.
83. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ... С. 115.
84. Цит. по: Милюков П. Указ. соч. С. 47.
85. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет... С. 26–28; История крестьянства России... Т. 3. С. 18; История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 90–91. Табл. 4; Аграрная история Северо-Запада России XVII века... С. 90. Табл. 4.
86. Готье Ю. А. Указ. соч. С. 164.
87. Олеарий А. Указ. соч. С. 327.

88. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 139–140.
89. История крестьянства России... Т. 3. С. 128.
90. Важинский В. Н. Сельское хозяйство в черноземном центре России в XVII веке. Воронеж, 1983. С. 19, 30.
91. Там же. С. 54. Цены см.: Важинский В. М. Хлебная торговля на юге Московского государства... С. 28. Прим. 79.
92. Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века... С. 106, табл. 19. С. 155. Табл. 29. С. 167. Табл. 3.
93. Важинский В. М. Сельское хозяйство в черноземном центре России... С. 19; Швецова Е. А. Хозяйство дворцовых крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, 191. С. 174–175.
94. Важинский В. Н. Сельское хозяйство в черноземном центре... С. 9–10.
95. Цит. по: Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII веке // Исторические записки. 1938. Т. 4. С. 29.
96. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 44.
97. Шватченко О. А. Светская феодальная вотчина России в первой трети XVII века. М., 1990. С. 14, 30, 41; История крестьянства СССР... Т. 2. С. 361.
98. Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V. М., 1990. С. 244.
99. Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 68–70; Олеарий А. Указ. соч. С. 357.
100. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. I. М., 2010.
101. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века. Смута. М., 1988. С. 19.
102. Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 47, 48, 138, 145.
103. Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 294.
104. Цит. по: Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 86.
105. Чернов А. В. Указ. соч. С. 125.
106. Милюков П. Указ. соч. С. 33.
107. Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 325.
108. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 317.
109. Цит. по: Поршнев Б. Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5. С. 117.
110. Цит. по: Там же. С. 120.
111. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М.—Л., 1947. С. 412.
112. Цит. по: Там же. С. 425–426.
113. Смирнов П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVIII века. М., 1915. С. 10.
114. Высоцкий Д. А. Общественно-политические взгляды поместного дворянства и внутреннее развитие русского государства XVII века. Автореф. дисс... канд. ист. н. Л., 1988. С. 13.
115. Цит. по: Смирнов П. П. Посадские люди... С. 476.
116. Там же.
117. Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 209.
118. Смирнов П. П. Посадские люди... Т. 1. С. 480. Т. 2. С. 10.
119. Цит. по: там же.
120. Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 50, 54; Чернов А. В. Указ. соч. С. 161.
121. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 33.
122. Parker G. The Limits to Revolutions in Military Affairs: Maurice of Nassau, the Battle of Nieuwpoort (1600), and the Legacy // Journal of Military History. 2007. Vol. 71. № 2. P. 361.
123. Roberts M. Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. London, N. Y., Toronto. 1958, p. 198; Лапшов С. П. Польско-шведские войны 1621–1622 и 1626–1629 гг.: армии противников — http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Lapshov_05.pdf

124. Roberts M. Op. cit. P. 66, 91, 109, 119; Hildebrand K.-G. Swedish Iron in the Seventeenth and Eighteenth Centuries Export Industry before the Industrialization. So-dertalje, 1992. P. 48–49; Кнаббе В. Чугунолитейное дело. Т. 1. СПб, 1900. С. 88.
125. Roberts M. Op. cit. P. 232; Нилус А. История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб, 1904. С. 142–143.
126. Нилус А. Указ. соч. С. 146; Roberts M. Op. cit. P. 233.
127. Там же. С. 142; Ibid. P. 231.
128. Roberts M. Op. cit. P. 64, 210, 238–241; Разин Е. А. История военного искусства. Т. III. СПб, 1994. С. 388, 396.
129. Roberts M. Op. cit. P. 67–68; 84, 87; Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и всту-пление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 206; Кордт В. А. Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидер-ландов по 1631 год // Сборник Императорского Российского исторического об-щества. 1902. Т. 116. С. ССХХ.
130. Берендс Э. С. Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. СПб., 1890. С. 176, 196, 200.
131. Roberts M. Essays in Swedish History... P. 195–216.
132. Нилус А. Указ. соч. С. 192–193. Табл. 10.
133. Нефедов С. А Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Во-просы истории. 2013. № 12. С. 53–65; Германская история. Т. 1. М., 1970. С. 93.
134. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V. М. 1990. С. 153, 268; Поршнев Б. Ф. Указ. соч. С. 243–245; Дьюкс П. Семейство Лесли в шведский период (1630–1635) Тридцати-летней войны // Россия и мировая цивилизация. М. 2000. С. 155–157; Чернов А. В. Указ. соч. С. 136; Кордт В. А. Указ. соч. С. ССLVI; Сташевский Е. Смоленская во-йна. Организация и состояние Московской армии. Киев. 1919. С. 6, 149, 186.
135. Милюков П. Указ. соч. С. 33.
136. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V. С. 155.
137. Горская Н. А. Указ. соч. С. 329; Мацук М. А. Указ. соч. С. 524.
138. 240 денег за юфть. См: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 110.
139. Цит. по: Горская Н. А. Указ. соч. С. 329.
140. Цит. по: Мацук М. А. Указ. соч. С. 107.
141. История отечественной артиллерии. Т. I. Кн. I. М. 1959. С. 331; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 156, 265.
142. Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 265.
143. Там же. С. 160.
144. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 265.
145. Смирнов П. П. Посадские люди... С. 405; Чернов А. В. Указ. соч. С. 137; Мурзаке-вич Н. О пушечном литейном искусстве в России // Журнал Министерства на-родного просвещения. 1838. № 9. С. 544; Володихин Д. Честь воеводы // Родина. 1998. № 2. С. 42–43.
146. Кордт В. А. Указ. соч. С. ССXL, ССLI; Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII ве-ках. М. 1925. С. 98–99.
147. Коллинс С. Нынешнее состояние России // Утверждение династии. М., 1997. С. 226.
148. Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 98–99; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 139; Бааш Э. Исто-рия экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках. М., 1949. С. 286; Оле-арий А. Указ. соч. С. 358.
149. Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техниче-ском отношении. М., 1828. С. 6–12, 27; Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 12; Бакла-нов Н. Б. Мавродин В. В., Смирнов И. И. Тульские и каширские заводы в XVII веке. М.-Л., 1934. С. 13, 56; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 291.
150. Курц Б. Г. Указ. соч.; Олеарий А. Указ. соч. С. 333; Струмилин С. Г. История чер-ной металлургии в СССР. Т. 1. М., 1960. С. 144; Бескровный А. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 75; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 153, 593; Бакла-нов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Указ. соч. С. 57, 131.
151. Там же. С. 13; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 292, 458; Шепетов К. Н. Помещичье предпринимательство в XVII веке (по материалам хозяйства князей Черкас-ских) // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 29–30; Патрикеев Д. И. Круп-

- ное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967. С. 21, 22, 114, 128; Курц Б. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1915. Кн. 2. Отд. II. С. 51–52; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук (далее — ААЭ). Т. IV. 1645–1700. СПб, 1836. С. 20.
152. Цит. по: Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 79.
 153. Олеарий А. Указ. соч. С. 339, 355.
 154. Там же. С. 14–18; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 288–289; Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 99–100; Смирнов П. П. Посадские люди... Т. 2. М. — Л., 1948. С. 14.
 155. Рейтенфельс Я. Сказание о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 348.
 156. Олеарий А. Подробное описание путешествия голландского посольства в Московию и Персию. М., 1870. С. 371.
 157. Витсен Н. Путешествие в Московию 1664–1665. СПб, 1996. С. 153; Уланов В. Я. Западное влияние в Русском государстве // Три века. Т. II. М., 1991. С. 48–50.
 158. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. М., 1990. С. 131; Олеарий А. Указ. соч. С. 378, 388, 415; Иловайский Д. И. Отец Петра Великого. М., 1996. С. 421; Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых // ЧОИДР. 1847. № 5. С. 103; Жарков В. П. Боярин Борис Иванович Морозов — государственный деятель России XVII века. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2001. С. 58–59, 64; Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии. М., 1997. С. 152.
 159. Письмо одного шведа из Москвы в 1647 г. писанное // Северный архив. 1822. Ч. 1. С. 151.
 160. Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1891, июнь. С. 372.
 161. Гамель И. Указ. соч. С. 17; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V. М., 1990. С. 591–593; Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века // ЧОИДР. 1898. Кн. 1. С. 410; Курц Б. Состояние России в 1650–1655 гг... С. 100; Епифанов П. П. Очерки по истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII — первая половина XVIII века). Дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. М., 1969. С. 201; Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. 1938. Т. 4. С. 259, 266.
 162. Олеарий А. Указ. соч. С. 373.
 163. Письмо одного шведа... С. 157; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 462.
 164. Смирнов П. П. Указ. соч. Т. 2. С. 12–15, 35.
 165. Там же. С. 19, 29–30; 138, 150; Чернов А. В. Указ. соч. С. 151; Иловайский Д. И. Указ. соч. С. 126; Новосельский А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII века // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 66–68; Олеарий А. Указ. соч. С. 318.
 166. ААЭ. Т. IV. С. 5.
 167. Городские восстания в Московском государстве XVII века. Сборник документов. М. — Л., 1936. С. 46.
 168. Бааш Э. Указ. соч. С. 178, 180; Смирнов П. П. Указ. соч. Т. 2. С. 31–32.
 169. Олеарий А. Путешествие в Московию... С. 380; Смирнов П. П. Указ. соч. Т. 2. С. 32–37.
 170. Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М., 1936. С. 6; Лобанова Е. В. Предпринимательское поведение крупного землевладельца XVII века (на материалах вотчинного архива боярина Б. И. Морозова) // Экономическая история. Ежегодник. 2002. С. 15; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб, 1842. С. 130, 138, 141.
 171. Жарков В. П. Указ. соч. С. 101.
 172. Мейерберг А. Указ. соч. С. 120, 152; Коллинс С. Указ. соч. С. 225; Олеарий А. Указ. соч. С. 379.
 173. Олеарий А. Указ. соч. С. 379.
 174. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 189.

175. Городские восстания в Московском государстве... С. 46–51; См. также: Смирнов П. П. Указ. соч. С. 186–188; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 278.
176. Городские восстания... С. 37, 39, 46–51, 56, 60; Олеарий А. Указ. соч. С. 384; Смирнов П. П. Указ. соч. С. 168–233.
177. Цит. по: Рождественский С. В. Соборное уложение 1649 года // Три века. Т. 1. М., 1912. С. 185.
178. Там же. С. 39. Смирнов П. П. Указ. соч. С. 168–233; Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 179.
179. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Т. 2. М., 1953. С. 373.
180. Там же. С. 100; Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., С. 108; Рождественский С. В. Указ. соч. С. 193.
181. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 46.
182. Смирнов П. П. Посадские люди... Т. 1–2. М. — Л., 1947.
183. Сперанский А. Н. К вопросу о сущности и характере псковского восстания 1650 года // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 128.
184. Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 76; Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России в XVII в. М., 1969. С. 181; Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975. С. 67.
185. Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 279.
186. Греков Б. Д. Указ. соч. С. 392.
187. Соловьев С. М. Публичные чтения... С. 22–23.
188. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. М., 1992. С. 459; см. также: Domar Evsey D. The Causes of Slavery or Serfdom: An Hypothesis // Journal of Economic History. 1970. Vol. 30. P. 18–32; Nieboer H. J. Slavery as an Industrial System: Etnological. Researches. The Hague, 1900. P. 312, 389.
189. Рождественский С. В. Указ. соч. С. 187; Маньков А. Г. Указ. соч. С. 16–17.
190. Смирнов П. П. Указ. соч. С. 243.
191. Курц Б. Указ. соч. С. 93; Базилевич К. В. Указ. соч. С. 108.
192. Там же. С. 105; Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 109; Базилевич К. В. Указ. соч. С. 105.
193. Цит. по: Тихомиров М. Н. Классовая борьба... С. 173.
194. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 475–483; Городские восстания... С. 42; Варенцев В. А., Коваленко Г. М. Хроника «бунташного» века. Л., 1991. С. 105–113.
195. Курц Б. Указ. соч. С. 97–98.
196. Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII века // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898, февраль. С. 221.
197. Цит. по: Олеарий А. Указ. соч. С. 411.
198. Сторожев В. Н. Подарки царя Алексея Михайловича полковнику Лесли «для крепчения и за подначальство». М., 1895. С. 2, 6; Курц Б. Г. Указ. соч. С. 102–104; Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 342; Олеарий А. Подробное описание... С. 318.
199. Вернадский Г. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 388–389; Олеарий А. Путешествие в Москву... С. 412; Морозов Б. Н. Частная переписка семьи Лесли и внешняя политика России в середине XVII века // Молодые обществоведы Москвы — ленинскому юбилею. М., 1982. С. 110.
200. Олеарий А. Подробное описание... С. 371 Гурлянд И. Я. Иван Гебдон. Комиссариус и резидент. Ярославль, 1903. С. 9; Епифанов П. П. Очерки по истории армии... С. 201; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 593.
201. Базилевич К. В. Указ. соч. С. 12; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VI. М., 1990. С. 47; Галактионов И. В., Чистякова Е. В. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII века. М., 1961. С. 17; Разин Е. А. Указ. соч. С. 223.
202. Сапунов Б. В. Немецкие книги и газеты в Москве XVII в. (из истории русских культурных связей) // Книга: исследования и материалы. 1994. Вып. 68. С. 300; Курсков Ю. В. Ведущее направление общественной мысли и проекты государственных преобразований России 40–60-х гг. XVII века. Чита, 1973. С. 17; Мейерберг А. Указ. соч. С. 153.

203. Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 122; Курц Б. Указ. соч. С. 159.
204. Коллинс С. Указ. соч. С. 206.
205. Лавров А. С. Кабацкая реформа Никона // Народная борьба за трезвость в русской истории. Л., 1989. С. 18; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев посад, 1909. С. 153–155.
206. Иловайский Д. И. Указ. соч. С. 174, 176; Белов М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М. 1966. С. 61.
207. Гурлянд И. Я. Указ. соч. С. 10; Заозерский А. Царская вотчина в XVII веке. М., 1937. С. 246–248.
208. Чернов А. В. Указ. соч. С. 138, 153; Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 70–71; Берендс Э. С. Указ. соч. С. 196; Мейерберг А. Указ. соч. С. 163. Каменщик и портной получали 5–6 копеек в день. См.: Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы. XVI–XVII вв. М., 1910. С. 75.
209. Цит. по: Каптерев Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 190.
210. Калинычев Ф. И. Указ. соч. С. 75; Он же. Русское войско во второй половине XVII века // Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР. 1954. Вып. 2. С. 81.
211. Гурлянд И. Я. Указ. соч. С. 8, 10, 26; Мейерберг А. Указ. соч. С. 158.
212. Чернов А. В. Указ. соч. С. 145, 162; Бакланов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Указ. соч. С. 76; Малов А. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 88–101.
213. Бакланов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Указ. соч. С. 76.
214. Цит. по: Гурлянд И. Я. Указ. соч. С. 14, 48.
215. Роде А. Посольство Ордерланда // Утверждение династии. М., 1997. С. 25.
216. Гамель И. Указ. соч. С. 6; Колосов Е. Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII века // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 260–261; Епифанов П. П. Указ. соч. С. 265.
217. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 73–74; Жарков В. П. Указ. соч. С. 156.
218. Иловайский Д. И. Указ. соч. С. 210–216; Мейерберг А. Указ. соч. С. 163.
219. Мейерберг А. Указ. соч. С. 161.
220. Разин Е. А. Указ. соч. С. 396.
221. Уланов В. Я. Финансовые реформы царя Алексея Михайловича и «гиль» 1662 года // Три века. Т. 1. М., 1912. С. 208; Базилевич К. В. Указ. соч. С. 26, 39–40, 42.
222. Цит. по: Уланов В. Я. Указ. соч. С. 216.
223. Базилевич К. В. Указ. соч. С. 108; Гордон П. Дневник генерала Патрика Гордона. Ч. 2. М., 1892. С. 24.
224. Базилевич К. В. Указ. соч. С. 40.
225. Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 116.
226. Базилевич К. В. Указ. соч. С. 36; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 115–116; Епифанов П. Н. Указ. соч. С. 216.
227. Курсков Ю. В. Ведущее направление общественной мысли и проекты государственных преобразований России 40–60-х гг. XVII века. Чита, 1973. С. 61.
228. Калинычев Ф. И. Правовые вопросы... С. 73–74; Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. С. 19.
229. Чернов А. В. Указ. соч. С. 146, 189; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 131.
230. Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1891, май. С. 96.
231. Крижанич Ю. Указ. соч. С. 226.
232. Важинский В. М. Сельское хозяйство в черноземном центре... С. 44; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII века... С. 62.
233. Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 49, 64, 73.
234. Иловайский Д. Указ. соч. С. 482; Богданов А. В. Указ. соч. С. 209; Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. III. М., 1937. С. 89.

235. Crummey R. Seventeenth Century Russia: Theories and Models // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2000. Bd. 56. P. 122.
236. Хьюз Л. Царевна Софья. СПб., 2001. С. 142–143.
237. Милюков П. Указ. соч. С. 73–76.
238. Стрелецкая подать 350 юфтей с сохи (в сохе было около 500 дворов) и четвертной налог 4800 четвертей с 10800 дворов. См.: Мацук М. А. Указ. соч. С. 110, 134, 475, 555.
239. Стрелецкая подать 350 юфтей с сохи была переведена на деньги из расчета 2 рубля за юфть; но действительная цена юфти на Вятке была 1 рубль, поэтому для того, чтобы заплатить эту подать, нужно было продать 700 юфтей — 1,4 юфти на двор. Считая другие налоги, на двор приходилось 2 рубля платежей. См.: Мацук М. А. Указ. соч. С. 112, 151, 555.
240. Цит. по: Мацук М. А. Указ. соч. С. 113. См. также: там же. С. 112, 153, 555.
241. Цит. по: Милюков П. Указ. соч. С. 62.
242. Суворов Н. О ценах на разные жизненные припасы в г. Вологде в XVII и XVI-II столетиях. Б. М. 1863. С. 12; Милюков П. Указ. соч. С. 60; Колесников П. Л. Указ. соч. С. 267; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 606.
243. Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.-Л., 1962. С. 26, 28, 49, 83; Жарков В. П. Указ. соч. С. 161.
244. Ключевский В. О. Указ. соч. С. 199.
245. Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 112.
246. Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 199–200.
247. Подсчитано по: Тихонов Ю. А. Указ. соч. С. 188. Табл. 33. № 18–21; С. 251. Табл. 48. № 1–14, 17–20. Имения № 15, 16 исключены из вычисления среднего, поскольку при столь низкой норме барщины есть основание подозревать присутствие других повинностей.
248. Подсчитано по: Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 140, 159.
249. Подсчитано по: там же. С. 131, 147, табл. 60, 65.
250. Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 49, 64, 73.
251. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 345.
252. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859. С. 105.
253. Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть. СПб., 2008. С. 34; Ключевский В. О. Указ. соч. Т. IV. С. 221.
254. Котошихин Г. О. Указ. соч. С. 25.
255. Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России. СПб., 1887. С. 14; Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 472.
256. Евреинов В. А. Указ. соч. С. 21, 24.
257. Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 31.
258. Седов П. В. Указ. соч. С. 13.
259. Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович // *Вопросы истории*. 1992. № 4–5. С. 79–80.
260. Котошихин Г. Указ. соч. С. 126.
261. Бушкович П. Указ. соч. С. 62; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 343.
262. Хьюз Л. Указ. соч. С. 89–98; Богданов А. П. Указ. соч. С. 245; Чернов А. В. Указ. соч. С. 188.
263. Цит. по: Хьюз Л. Указ. соч. С. 89.
264. Хьюз Л. Указ. соч. С. 134, 139.
265. Платонов С. Ф. Москва и Запад... С. 128.
266. Ключевский В. О. Указ. соч. Т. IV. С. 89–90; Маньков А. Г. Развитие крепостного права... С. 56, 60, 134, 135; Хьюз Л. Указ. соч. С. 144; История крестьянства России... Т. III. М., 1993. С. 34.
267. Невиль де ла. Указ. соч. С. 488, 513, 517.
268. Богданов А. В. Указ. соч. С. 278; Чернов А. В. Указ. соч. С. 195; Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С. 143, 147.
269. Лавров А. С. Указ. соч. С. 144; Хьюз Л. Указ. соч. С. 294.

270. Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940. С. 94.
271. Невиль де ла. Указ. соч. С. 516.
272. Ключевский В. О. Указ. соч. Т. IV. С. 66.
273. Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 350–352.
274. Там же. С. 355.
275. Стрейс Я. Указ. соч. С. 170–171.
276. Коллинс С. Указ. соч. С. 208.
277. Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 351.
278. Ostrowski D. The Mongol origins of Moscovite Political Institutions // *Slavic Review*. 1990. Vol. 49. № 4. P. 534.
279. Веселовский Н. И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911. С. 14, 16.
280. Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 347.
281. Ключевский В. О. Сказания иностранцев... С. 171.
282. Коллинс С. Указ. соч. С. 224.
283. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб. 1842. С. 125–126.
284. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V. М., 1989. С. 467.
285. Цит. по: Цветаев Д. Указ. соч. С. 761.
286. Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М., 2001. С. 189; Цветаев Д. Указ. соч. С. 732.
287. Лобанова Е. В. Указ. соч. С. 12.
288. Цветаев Д. Указ. соч. С. 717–718.
289. Дацюк Д. М. Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов. М., 1946. С. 106.
290. Заозерский А. И. Указ. соч. С. 81.
291. Цветаев Д. Указ. соч. С. 718.
292. Там же. С. 119–137; Кругликов В. Измайлово. М., 1959. С. 15–19.
293. Заозерский А. И. Указ. соч. С. 142–144; 229–230.
294. Ключевский В. О. Указ. соч. С. 368.
295. Уланов В. Я. Указ. соч. С. 69.
296. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. М., 1989. С. 138.
297. Цветаев Д. Указ. соч. С. 716, 723.
298. Байкова Н. Б. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях. Ташкент, 1964. С. 146.
299. Невиль де ла. Любопытные и новые известия о Московии // *Россия XV–XVII веков глазами иностранцев*. Л., 1986. С. 525.
300. Коллинс С. Указ. соч. С. 110.
301. Биллингтон Д. Х. Указ. соч. С. 188.
302. Цит. по: Богданов А. В тени Петра Великого. М., 1998. С. 198.
303. Crummey R. Moscow and the General Crisis of Seventeenth Century // *Journal of early modern history*. 1998. Vol. 2. P. 167.

Глава II. Время этактистской монархии

1. Разин Е. А. История военного искусства. Т. 3. М., 1994. С. 490.
2. Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994. С. 70, 155; Разин Е. А. Указ. соч. С. 490.
3. Разин Е. А. Указ. соч. С. 491; Пузыревский А. К. Указ. соч. С. 66.
4. Гуннар А. Карл XII и его армия // *Царь Петр и король Карл*. М., 1999. С. 167–168; Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698–1801. М., 1995. С. 9; Эглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 94.
5. Пузыревский А. К. Указ. соч. С. 10–11; Берендтс Э. С. Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. СПб., 1890. С. 196–197, 453.
6. Калинычев Ф. И. Русское войско... С. 82.
7. Невиль де ла. Указ. соч. С. 476, 496; Пузыревский А. К. Указ. соч. С. 4–5.

8. Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии. СПб., 1885. С. 2, 32.
9. Милюков П. Указ. соч. С. 123.
10. См., например: Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII—начало XX в.). М., 2007.
11. Водарский Я. Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 63.
12. Богословский М. М. Указ. соч. Т. II. М., 1946. С. 117–119.
13. Boterbloem K. Moderniser of Russia: Andrei Vinus, 1641–1716. London, 2013. P. 142.
14. Ibid., p. 149; Милюков С. Г. Неизвестное послание А. А. Виниуса к Петру Первому // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр., вып. 10. Екатеринбург. 2010. С. 251.
15. Посселят М. Ф. Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт или начало русского флота. СПб., 1863. С. 40–41; Милюков С. Г. Указ. соч. с. 65.
16. Цит. по: Масси Р. К. Петр Великий. Т. I. Смоленск, 1996. С. 339.
17. Белов М. И. Указ. соч. С. 69, 72; Масси Р. К. Указ. соч. С. 296–298; 300–302, 366–367.
18. Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 68–69; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858. С. 186; Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 26.
19. Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб., 1900. С. 336–337, 355–358; Устрялов Н. Указ. соч. С. 186; История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 198.
20. Цит. по: Соловьев М. С. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 545.
21. Богословский М. М. Петр I. Материалы к биографии. Т. III. М., 2007. С. 8.
22. Корб И. Г. Дневник путешествия в Россию (1698 и 1699 гг.) СПб., 1906. С. 100.
23. Перри Д. Другое и более подробное повествование о России // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1871. №. 2. С. 123–151.
24. Корб И. Г. Указ. соч. С. 107, 108.
25. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. III. СПб. 1830. С. 598.
26. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М., 1882. С. 447.
27. Фоккеродт И. Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 33–34.
28. Там же. С. 32.
29. Милюков П. Указ. соч. С. 114, 118; Булыгин И. А. Указ. соч. С. 74–77, 103.
30. Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 27, 36.
31. Манштейн К. Г. Записки о России. Ростов-на-Дону, 1998. С. 405.
32. Семенова М. Голландские мотивы // <http://seamagazine.rmis/interactive/semienova/gollandia.htm>
33. Цит. по: Полиевктов М. А. Выход к морю // Каспийский транзит. Т. 2. М., 1996. С. 524.
34. Там же. С. 526, 527.
35. Хмыров М. Д. Артиллерия и артиллеристы на Руси в единодержавие Петра Первого (1696–1725) // Артиллерийский журнал. 1865. № 10. С. 601; Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. I. М., 1960. С. 209; Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 122.
36. Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 220, 223.
37. Кутищев А. В. Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность. М., 2006. С. 150.
38. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 22, 23; Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 50.
39. Цит. по: Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М.: Культура, 1990. С. 68.
40. Цит. по: там же. С. 63.
41. Нилус А. Указ. соч. Т. 1. СПб., 1904. С. 142; Колосов Е. Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII века // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 263.
42. Хмыров М. Д. Указ. соч. С. 601, 609.

43. Масси Р. К. Указ. соч. С. 74.
44. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VIII. С. 600–601.
45. Там же. С. 602; Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwolften. Bd. I. S. 91–98, 105.
46. Захаров В. Н. Указ. соч. С. 239.
47. Хмыров М. Д. Указ. соч. С. 615–616, 622; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 604.
48. Кашинцев Д. История металлургии Урала. Т. I. М., 1939. С. 48; Ляпин В. «Сибирского железа пушки...» // Уральский следопыт. 1994. № 9. С. 12.
49. Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 75; Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948. С. 25; Гамель И. Указ. соч. С. 28, 46; Захаров В. Н. Указ. соч. С. 220, 223.
50. Введенский Р. М. и др. История России. XVII–XVIII вв. М., 2008. С. 184–185.
51. Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 99; Захаров В. Н. Указ. соч. С. 234, 238.
52. Кутищев А. В. Указ. соч. С. 161.
53. Бескровный Л. Г. Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны // Полтава. К 250-летию полтавского сражения. М., 1959. С. 23; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 128, 132.
54. Бескровный Л. Г. Стратегия и тактика русской армии... С. 31; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот... С. 29; Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 19.
55. Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 24, 28–29, 34; Гуннар А. Указ. соч. С. 169; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот... С. 25.
56. Hellie R. The Petrin Army: Continuity, Change, Impact // Canadien-Fmerican Slavic Studies. 1973. Vol. VIII. N2. P. 239.
57. Эглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 167.
58. Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Т. IX. М., 1838. С. 59–60.
59. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот... С. 42.; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 107.
60. Ключевский В. О. Указ. соч. Т. IV. М., 1937. С. 81–83.
61. Там же. С. 84–85.
62. Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне... С. 61.
63. Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 111.
64. Цит. по: Бушкович П. Историк и власть: дело царевича Алексея (1716–1718) // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 91.
65. Там же. С. 100; О повреждении нравов в России князя М. Щербатова. Факсимильное издание. М., 1983. С. 20.
66. Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 170–171.
67. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 70–75, 110; Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth Century Nobility. N. Y., 1966. P. 36, 52, 53; Соловьев Б. И. Русское дворянство и его выдающиеся представители. Ростов-на-Дону, 2000. С. 112.
68. Милюков П. Н. Указ. соч. С. 161.
69. Милюков П. Н. Указ. соч. С. 152, 161, 164–165, 363; Козинцева Р. И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII века // Исторические записки. 1973. Т. 91. С. 327–328.
70. Милюков П. Указ. соч. С. 108, 111, 118, 141, 175.
71. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ... С. 141.
72. Милюков П. Н. Указ. соч. С. 474–476, 484.
73. Corvisier A. Armies et societes en Europe de 1494 a 1789. Paris, 1976. P. 126.
74. Троицкий С. Н. Указ. соч. С. 19.
75. Копелевич Ю. X. Возникновение научных академий. Середина XVII — середина XVIII в. М., 1974. С. 193.
76. Богословский М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 г. М., 1902; Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: Попытки сравнительного подхода к проблеме // Амери-

- канская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 64, 67.
77. Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. 1902. Т. XXXII. № 9–10. С. 2–5.
 78. Цит. по: Богословский М. Указ. соч. С. 6.
 79. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М., 1994. С. 67.
 80. История крестьянства России... Т. 3. С. 637.
 81. Полный свод законов Российской империи (далее—ПСЗ). Т. 5. СПб., 1911. № 3294.
 82. ПСЗ. № 3770.
 83. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 130–131; Ольминский М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М., 1925. С. 92.
 84. Цит. по: Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 42.
 85. Алексеева Е. В. Указ. соч. С. 106–122.
 86. Цит. по: Богословский М. Областная реформа... С. 35.
 87. Цит. по: Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 292. См. также: Федосова Э. П. Из истории российской государственности (шведский опыт) // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 185–194.
 88. Богословский М. Областная реформа... С. 26.
 89. Троицкий С. Н. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 216; Милюков П. Указ. соч. С. 76.
 90. Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. I. М., 1943. С. 102.
 91. Анисимов Е. В. Время петровских реформ... С. 332–340.
 92. См. например: Сорокин Ю. А. О понятии «абсолютизм» // Исторический ежегодник. 1996. Омск, 1999. С. 4–16.
 93. Raeff M. Op. cit. P. 35–36.
 94. Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985. С. 36.
 95. См., например: Каменский А. Б. Указ. соч. С. 52; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. I. СПб, 1999. С. 370.
 96. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб., 2001. С. 434.
 97. Rostovtzeff M. Ptolemaic Egypt // The Cambridge Ancient History. Vol VII. L., 1928. P. 109–154; Rostovtzeff M. The social economic history of the hellenistic world. Vol. I–III. Oxford, 1941; Васильев Л. С. История Востока. Т. 1. М., 1994. С. 96, 117.
 98. Анисимов Е. В. Государственные преобразования... С. 13.
 99. См.: Миронов Б. Н. Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII — начале XIX века // Исторические записки. 1974. Т. 93. Табл. 9.
 100. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 35.
 101. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IX. М., 1991. С. 563.
 102. Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 36–37.
 103. Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.-Л., 1957. С. 25–26.
 104. Масси Р. Петр Великий. Т. III. Смоленск, 1996. С. 46.
 105. Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. С. 142; Луппов С. П. Указ. соч. С. 80.
 106. Цит. по: Луппов С. П. Указ. соч. С. 94.
 107. Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. X. М., 1991. С. 432.
 108. Алексеева Е. В. Указ. соч. С. 275, 278.
 109. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. СПб., 2001. С. 274–275; Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 50.
 110. См.: Булыгин И. А. Указ. соч. С. 153–155.
 111. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ... С. 143.

112. См., например: Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII—начало XVIII в. М., 1976. С. 83.
113. Ключевский В. О. Указ. соч. Ч. IV. М., 1937. С. 110.
114. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ... С. 144.
115. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI века. Л. 1971. С. 50.
116. Урожайность: Индова Е. И. Указ. соч. С. 145; Посев: Волков С. И. Крестьяне дворовых владений Подмосковья в середине XVIII в. М., 1959. С. 11; Милов Л. В. Велikorусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 125.
117. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. I. М., 2010. С. 266–279.
118. Заозерская Е. И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века // О первоначальном накоплении в России. М., 1958. С. 157, 160.
119. Милюков П. Указ. соч. С. 202.
120. История крестьянства России... Т. 3. С. 18; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII века... С. 191.
121. Петрова Е. Л. Патриаршие крестьяне в конце XVII—первой четверти XVIII века. Дисс... канд. ист. н. М., 1995. С. 8; Слесарчук Г. Н. Хозяйство и крестьяне Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря в первой четверти XVIII века. Автореферат. дисс... канд. ист. н. М., 1955. С. 9.
122. Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 16; История крестьянства России... Т. 3. С. 19.
123. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963. С. 159. Табл. 17.
124. Заозерская Е. И. Указ соч. С. 160.
125. Троицкий С. Н. Финансовая политика... С. 118.
126. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ... С. 145.
127. Цит. по: Заозерская Е. И. Указ соч. С. 167.
128. Цит. по: Анисимов Е. В. Время петровских реформ... С. 140.
129. Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 1.
130. Там же. С. 112; Анисимов Е. В. Время петровских реформ... С. 374.
131. Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VIII. М., 1993. С. 323.
132. Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IX. М., 1993. С. 589.
133. Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 35.
134. Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 475.
135. Цит. по: Анисимов Е. В. Время петровских реформ... С. 480.
136. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 477; Ермолов. А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. I. СПб., 1909. С. 14.
137. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 551–552.
138. Там же. С. 553; Троицкий С. Н. Финансовая политика... С. 127.
139. Павлов-Сильванский Н. П. Сочинения. Т. II. СПб., 1910. С. 379; Анисимов Е. В. Материалы комиссии Д. М. Голицына о подати (1727–1730 гг.) // Исторические записки. 1973. Т. 91. С. 339.
140. Там же, табл. 1; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XI. М., 1993. С. 148.
141. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ... С. 34.
142. Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. С. 385–391; Троицкий С. Н. Финансовая политика... Табл. 23; ПСЗ. Т. VII. № 5–17. С. 745, 747; № 5032. С. 758, 759; № 5043. С. 768–769.
143. Петрухинцев Н. Н. Указ. соч. С. 214, 328–329.
144. Цит. по: Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 108.
145. Цит. по: Костомаров Н. Н. Екатерина Алексеевна, первая русская императрица // Костомаров Н. Н. Раскол. М., 1994. С. 520–521.
146. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IX. М., 1993. С. 575; Троицкий С. М. Указ. соч. С. 41; Петрухинцев Н. Н. Указ. соч. С. 142.
147. Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 424.
148. Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. С. 401.

149. Костомаров Н. И. Императрица Анна Ивановна и ее царствование // Костомаров Н. И. Окно в Европу. М., 1996. С. 447.
150. Костомаров Н. И. Самодержавный отрок // Костомаров Н. И. Раскол. М., 1994. С. 551.
151. Сомина Р. А. Невский проспект. Исторический очерк. Л., 1959. С. 23.
152. Манштейн К. Г. Указ. соч. С. 26.
153. Сборник Императорского русского исторического общества. 1875. Т. 15. С. 375–376.
154. Цит. по: Манштейн К. Г. Указ. соч. С. 30.
155. Kivelson V. Kinship Politics/Autocratic Politics. A Reconsideration of Early-Eighteenth-Century Political Culture // Imperial Russia. New Histories for the Empire. Bloomington and Indianapolis, 2001. P. 17–18.
156. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. IV. М., 1937. С. 290; Казеветтер А. А. Исторические силуэты. Ростов-на-Дону, 1997. С. 59.
157. Цит. по: Ключевский В. О. Указ. соч. С. 295.
158. Там же. С. 302–305.
159. Миних Э. Записки. М., 1991. С. 162.
160. Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 236.
161. Цит. по: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. X. М., 1993. С. 256.
162. Ключевский В. О. Указ. соч. С. 312.
163. Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 388.
164. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке... С. 85, 88, 149–150.
165. Там же. С. 91.
166. Цит. по: Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск, 2002. С. 198.
167. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке... С. 57, 151.
168. Костомаров Н. И. Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории // Костомаров Н. И. Окно в Европу. М., 1996. С. 326.
169. Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. Лондон, 1990. С. 80; Троицкий С. Н. Русский абсолютизм... С. 273; Куропаткин А. Н. Русская армия. СПб., 2003. С. 219; Манштейн К. Г. Указ. соч. С. 55.
170. Ткачева Н. К. Из истории однодворцев в XVIII веке // ЕЭИВБ. 1968. С. 136.
171. Петрухинцев Н. Н. Указ. соч. С. 124.
172. Бантыш-Каменский Д. М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. М., 1991. С. 182, 201.
173. Там же. С. 305, 335, 336, 339.
174. Буганов В. И., Преображенский А. Л., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980. С. 179; Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 44.
175. Подсчитано по: Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVI-II века... С. 77. Табл. 8.
176. Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 50.
177. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 61.
178. Цит. по: Троицкий С. Н. Финансовая политика... С. 138.
179. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 465–466; Троицкий С. Н. Финансовая политика... С. 28, 32, 38, 135–136, 139.
180. Цит. по: там же. С. 140.
181. Там же.
182. Там же. С. 53, 165.
183. Цит. по: Там же. С. 29.
184. Прокофьева Л. С. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е гг. XVIII в. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 350.
185. Прохоров М. Ф., Федудин А. А. Помещичьи крестьяне в России в середине XVI-II века. М., 2003. С. 24.

186. Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х гг. XVIII века. М., 1958. С. 38; см. также: Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 43.
187. Волков С. И. Указ. соч. С. 23, 40; Ермолов. А. С. Указ. соч. С. 14; Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М., 1964. С. 100–101.
188. Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 264.
189. Волков С. И. Указ. соч. С. 22.
190. Цит. по: Лященко П. И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 122.
191. Инструкция П. И. Рычкова управителям и приказчикам имений // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). М., 1990. С. 84.
192. Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 270.
193. Волков С. И. Указ. соч. С. 33, 130.
194. Подсчитано по: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М., 1957. С. 101.
195. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века... С. 27.
196. Там же. С. 28, 31.
197. Цит. по: там же. С. 36.
198. Манштейн К. Г. Указ. соч. С. 307.
199. Там же. С. 324, 329–330.
200. Там же. С. 407.
201. Цит. по: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке... С. 154.
202. Там же. С. 62–66.
203. Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 68, 74.
204. Ненахов Ю. Ю. Указ. соч. С. 409–410.
205. Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 126, 141.
206. Там же. С. 157, 165, 209–210, табл. 18, 20.
207. Дорошенко В. В. К итогам изучения товарного производства в барщинно-крепостном хозяйстве Прибалтики XVI–XVIII вв. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1976. С. 148; Струве П. Б. Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX веках. М., 1913. С. 51.
208. Волков М. Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII в. — первая половина XVIII в. Винокурное производство. М., 1979. С. 55, 67; Троицкий С. М. Указ. соч. С. 142, 153–154.
209. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 468–473.
210. Цит. по: Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века... С. 67–68.
211. Там же. С. 70–71.
212. Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 176, 180.
213. Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 312. См. также: Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 28.
214. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 63.
215. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. Приложение 2.
216. Подсчитано по: Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVI-II века... С. 106, 225–227.
217. Троицкий С. М. Районирование форм феодальной ренты в крупной вотчине России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А. Д. Меншикова) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г. Л., 1972. С. 125.
218. Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному Межеванию. М., 1965. С. 205, 213.
219. Цит. по: Лященко П. И. Крепостное сельское хозяйство... С. 107.
220. Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 252.
221. Там же. С. 258, 282–283.
222. Цит. по: Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 343.

223. Подсчитано по: Кабузан В. М. Изменения в размещении... Приложение 2; Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 44–45. Табл. 19.
224. Минц Л. Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.-Л., 1929. С. 93, 109.
225. Индова Е. И. Урожай в Центральной России... С. 144–145.
226. Ковальченко И. Д. Указ. соч. 279.
227. Милов Л. В. Великоорусский пахарь... С. 386.
228. Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 407.
229. Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVI–II века. М., 1958. С. 255.
230. Волков М. Я., Троицкий С. М. О буржуазном расслоении крестьян и складывании рынка наемной силы в России в первой половине XVIII века // История СССР. 1965. № 4. С. 87.
231. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. М., 1974. С. 211–213; Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 258, 404.
232. Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 1 и табл. 2.
233. Подсчитано по: Кабузан В. М. Народнонаселение России... Табл. 17.
234. История крестьянства России... Т. III. С. 77, 332; Волков С. И. Указ. соч. С. 22, 40, 46, 84, 86.
235. Цит. по: Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 121. Это указание позволяет нам считать, что около 1760 г. средний оброк составлял примерно 50 копеек с души.
236. Татищев В. Н. Краткие экономические до деревни следующие записки // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. М., 1987. С. 29.

Глава III. Время дворянской монархии

1. Фенор В. Фридрих Вильгельм I. М., 2004. С. 127–129, 187, 193, 213.
2. Там же. С. 162; Фрейзер Д. Фридрих Великий. М., 2003. С. 203.
3. Фенор В. Указ. соч. С. 229.
4. Там же. С. 17.
5. Там же. С. 153–154, 164, 224, 222, 228.
6. Там же. С. 140, 153–154, 157.
7. Ненахов Ю. Ю. Указ. соч. С. 67, 76.
8. Там же. С. 112.
9. Цит. по: там же. С. 94.
10. Там же. С. 94; Фенор В. Указ. соч. С. 186–188.
11. Фенор В. Указ. соч. С. 169, 172.
12. Цит. по: там же. С. 167.
13. Ненахов Ю. Ю. Указ. соч. С. 170.
14. Нилус А. Указ. соч. С. 233; Прочко И. С. История развития артиллерии. М., 1994. С. 107; Шокарев Ю. Артиллерия. М., 2001. С. 81; Фрейзер Д. Указ. соч. С. 202.
15. Кони Ф. История Фридриха Великого. М., 1997. С. 209–210; Эпштейн А. Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 года. М., 1961. С. 265, 269; Перцев В. Н. Очерк по истории Германии XVIII века. Минск, 1959. С. 32.
16. Ненахов Ю. Ю. Указ. соч. С. 202, 205, 212.
17. Цит. по: Медушевский А. И. Указ. соч. С. 67.
18. Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII – 1861 г.). М., 1958. С. 45; Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 78, 85; Ненахов Ю. Ю. Указ. соч. С. 200, 201; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке... С. 155; Пенской В. В. Развитие вооруженных сил России и военная революция в Западной Европе во 2-й половине XV – XVIII вв.: сравнительно-исторический анализ. Дисс... докт. ист. наук. М., 2004. С. 440–442.
19. Нилус А. Указ. соч. С. 253.
20. Ненахов Ю. Ю. Указ. соч. С. 127–128, 578.
21. Мыльников А. С. Искусшение чудом: «русский принц, его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. С. 50, 61.

22. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот... С. 303; Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Регулярная пехота... С. 124.
23. Мыльников А. С. Указ. соч. С. 61–75.; Гринцберг Л. И. Фридрих II // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 98–118.
24. Каменский А. Б. Указ. соч. С. 314.
25. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 5. М., 1937. С. 50, 52.
26. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 412.
27. Алексеева Е. В. Указ. соч. С. 140–141.
28. Ненахов Ю. Ю. Указ. соч. С. 128; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот... С. 304, 312, 319.
29. Окунь С. Б. История СССР. Конец XVIII — начало XIX века. Часть I. М., 1974.
30. ПСЗ. Т. XVII. № 12.474, 12.488, 12.659, 12. 570, 12. 664, 12. 711.
31. Троицкий С. М. Русский абсолютизм... С. 265.
32. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века... С. 66; Вдовина Л. Н. Право и суд // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. II. М., 1987. С. 177; Леонтович В. В. История либерализма в России. 1702–1914. М., 1995. С. 31.
33. Кабузан В. М. Народонаселение России... С. 154.
34. Рассчитано по: Троицкий С. М. Финансовая политика... Табл. 20, 23; Мильков П. Н. Указ. соч. С. 73, 76; Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 260–262, 314–317. Цены взяты для Центрального района, см. Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл. 1.
35. Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 158.
36. Цит. по: Там же.
37. Рассчитано по: Там же. С. 166; Троицкий С. М. Финансовая политика... Табл. 4.
38. Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 184.
39. Corvisier A. Op. cit. P. 126.
40. Цит. по: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот... С. 440.
41. Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1982. С. 133.
42. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот... С. 178; Сорокин Ю. А. Русский абсолютизм в последней трети XVIII века. Омск, 1999. С. 213.
43. Сорокин Ю. А. Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996. С. 48, 53.
44. Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса... С. 623–632.
45. О повреждении нравов в России... С. 1–2.
46. Цит. по: Сорокин Ю. А. Русский абсолютизм... С. 213–214.
47. Русский архив. 1876. № 7. Стб. 399.
48. Каменский А. Б. Указ. соч. С. 290; Kahan A. The cost of Westernisation in Russia: the Gentry and the Economy in the Eighteenth Century// Slavic Review. 1966. Vol. XXV. N1. P. 40–46.
49. Стрейс Я. Путешествие по России голландца Стрюйса. Б. м., б. г. С. 39.
50. О повреждении нравов в России... С. 16.
51. Цит. по: Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века... С. 168.
52. Россия в 1778 г. Путешествие Уильяма Кокса // Русская старина. 1877. Т. XIX. С. 30.
53. Горланов Л. Р. Кризис феодально-крепостнической системы в удельных имениях России // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 56; Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 262, 316.
54. О повреждении нравов в России... С. 72.
55. Марасинова Е. И. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 85–86.
56. Цит. по: Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. СПб., 1903. С. 144.
57. Сорокин Ю. А. Павел I... С. 52, 102.
58. Сивков К. В. Бюджет крупного собственника-крепостника первой трети XIX века // Исторические записки. 1940. Т. 9. С. 129–147.
59. Там же. С. 149.

60. Цит. по: История СССР. Т. III. М., 1967. С. 440.
61. О повреждении нравов в России... С. 2.
62. Семевский В. И. Сельский священник во второй половине XVIII в. // Русская старина. 1879. Т. 19. С. 529; Раев М. Понять дореволюционную Россию... С. 132; Соколин Ю. А. Русский абсолютизм... С. 137, 187.
63. Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 232.
64. Там же. С. 190.
65. Каменский А. Б. Указ. соч. С. 161.
66. Болотов А. Т. Записки. Т. 4. СПб., 1873. Стб. 1020.
67. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. М., 1956. С. 407.
68. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. Т. 3. М., 1992. С. 477.
69. Kahan A. The Costs of „Westernization“ in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. 1966. Vol. XXV. No. 1. P. 46.
70. Цит. по: Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы... Т. I. С. 141.
71. Там же. С. 141–142.
72. Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. II. М., 1878. С. 17–18.
73. Kahan A. Op. cit. P. 49.
74. Болотов А. Т. Записки. Т. 3. М., 1873. С. 685.
75. Болотов А. Т. Записки. Т. 1. М., 1870. С. 147.
76. Инструкция П. И. Рычкова... С. 69. У Рычкова обычная норма барщины — 1 хозяйственная десятина в одном поле на тягло, максимальная — 1,5 дес. Если в тягле считать пять человек, то при пересчете в казенные десятины и на душу получатся указанные в тексте цифры.
77. Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 144.
78. Болотов А. Т. Современник или записки для потомства. СПб., 1891. С. 21, 30, 31.
79. Рутковский Я. Экономическая история Польши. М., 1953. С. 132–133, 169; Якубский В. А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л., 1975. С. 110. Прим. 33; Дорошенко В. В. Действие «революции цен» в Восточной Прибалтике в XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. С. 125.
80. Например: Миронов Б. Н. Экспорт русского хлеба... С. 184.
81. Рябков Г. Т. Смоленские помещичьи крестьяне в конце XVIII — первой половине XIX века. М., 1991. С. 32–34.
82. Ковальченко И. Д. Милов Л. В. Указ. соч. С. 218, 219; С. 33; Миронов Б. Н. Экспорт русского хлеба... С. 168–169; 177; История крестьянства России... Т. 3. С. 308; История Польши. Т. I. М., 1956. С. 170.
83. Рассчитано по: Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы... Т. I. С. 593; Александрова В. И. Крепостные крупной помещицей вотчины Центральной России в XVIII–XIX вв. Дисс. канд. ист. н. Л., 1953. С. 66; Милов Л. В. Исследование... С. 301–302.
84. Рассчитано по: Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы... Т. I. С. 593; Милов Л. В. Исследование... С. 301–302.
85. Александрова В. И. Указ. соч. С. 81; Казарина М. А. Крепостное хозяйство в Тульской губернии в конце XVIII века (по материалам барщинных вотчин Голицыных). Дисс... канд. ист. н. М., 1952. С. 133; Милов Л. В. Исследования... С. 263–264, Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 276;
86. Милов Л. В. Исследования... С. 396,
87. Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 404.
88. Булыгин И. А. Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII века (По материалам Пензенской губернии). М., 1966. С. 48, 60; Ковальченко И. Д. Милов Л. В. Указ. соч. С. 213–214.
89. Ржаникова Т. П. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева. Дисс... канд. ист. н. Л., 1953. С. 50.
90. Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 404–405.
91. История крестьянства России... Т. 3. С. 335.
92. Ржаникова Т. П. Указ. соч. С. 178–182, 297.

93. Цит. по: Коган Э. С. Очерки истории крепостного крестьянства по материалам вотчин Куракиных 2-й половины XVIII века // Труды ГИМ. 1960. Вып. 35. С. 124–125.
94. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 113.
95. Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России М., 1947. С. 221.
96. Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 229.
97. Подсчитано по: Ржаникова Т. П. Указ. соч. С. 19, 7; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл. 4, 6.
98. Цит. по: Милов Л. В. Великорусский пахарь... С. 400.
99. РГИА, ф. 1088, оп. 19, д. 195, л. 51–52.
100. Цит. по: Ржаникова Т. П. Указ. соч. С. 171–172.
101. Подсчитано по: Коган Э. С. Указ. соч. С. 19, 76.
102. Там же. С. 76–83, 94–95, 100.
103. Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. М., 2002. С. 380.
104. Ключевский В. О. Указ. соч. Т. V. С. 140, 152.
105. См. например: Мадариага И. Указ. соч. С. 218.
106. Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Т. 51. М., 1992. С. 691; Ключевский В. О. Указ. соч. Т. V. С. 134–137.
107. Беляевский М. Г. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965. С. 33; Каменский А. Б. Указ. соч. С. 356; Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. Т. II. СПб., 1888. С. 40–42.
108. Цит. по: Там же. С. 43.
109. Там же. С. 20; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I. М.-Л., 1946. С. 148.
110. Семевский В. И. Крестьянский вопрос... Т. I. С. 385, 386.
111. Storch H. *Cours de economie politique ou exposition des principes qui determinent la prosperite des nations*. Berlin, 1815. Цит. по: Струве П. Б. Указ. соч. С. 155.
112. Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 218.
113. Струве П. Б. Указ. соч. С. 155.
114. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 70.
115. Беляевский М. Т. Указ. соч. С. 33.
116. Raeff M. *Origins of the Russian Itelligensia the 18th Century Nobility*. N. Y., 1966. P. 79–80; Lentin A. *Russia in the Eighteenth Century*. N. Y. 1973. P. 89, 103; Blum J. *Lord and Peasants in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. N. Y. 1973. P. 394–385, 445, 452; Mouravieff B. *La monarchie russe*. Paris, 1962. P. 45; Domar E. *The Causes of Slavery or Serfdom: A Hypothesis* // *Journal of Economic History*. 1970. Vol. 30. № 1; Kolchin P. *Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom*. Cambridge, 1987. P. X; Хобсбаум Э. *Век революции. 1789–1848*. Ростов-на-Дону, 1999. С. 25.
117. Raeff M. *Op. cit.* P. 79–80.
118. Blum J. *Op. cit.* P. 431, 468–469.
119. Mouravieff B. *Op. cit.* P. 45.
120. Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 25.
121. Цит. по: Бескровный Л. Г. *Русская армия и флот в XVIII веке...* С. 302.
122. Цит. по: *История крестьянства в Европе*. Т. III. М., 1986. С. 262.
123. Там же.
124. Там же. С. 280.
125. Цит. по Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России... Т. I. С. 438.
126. Яковлева В. А. Рынок и сельское хозяйство. Структура помещичьего и крепостного хозяйства накануне отмены крепостничества в России. Йошкар-Ола, 1997. С. 196.
127. Струве В. П. Крепостное хозяйство... С. 159.
128. Там же. С. 155.
129. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины... Т. I. С. 169–172, 198.

130. Инструкция В. Н. Татищева по управлению именными // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). М., 1987. С. 47.
131. Инструкция П. И. Рычкова... С. 85; Инструкция А. Т. Болотова... С. 153–154.
132. Марасинова Е. Н. Вотчинник или помещик? // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 135, 140.
133. Цит. по: Марасинова Е. Н. Указ. соч. С. 143.
134. Инструкция П. И. Рычкова... С. 85; Инструкция А. Т. Болотова... С. 153–154.
135. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 164.
136. Шапиро А. Л. Переход от повыйтной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями // ЕАИВЕ, 1960. Киев, 1963. С. 214–215.
137. Инструкция П. И. Рычкова... С. 67.
138. Милов Л. В. Великоорусский пахарь... С. 420.
139. Прокофьева Л. С. Указ. соч. С. 81.
140. Инструкция А. Т. Болотова... С. 154; См. также: Милов Л. В. Великоорусский пахарь... С. 426.
141. Инструкция П. И. Рычкова... С. 68.
142. Цит. по: Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959. С. 188.
143. Милов Л. В. Великоорусский пахарь... С. 422–426; Рябков Г. С. Тормозящее влияние крепостного права на расслоение крестьян в смоленских вотчинах Барышниковых в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1960. Киев, 1962. С. 353–359; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Л., 1981. С. 114–116; Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX века. М., 1974. С. 185.
144. Инструкция кн. М. М. Щербатова приказчикам вотчин ярославской губернии // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). М., 1987. С. 118.
145. Инструкция А. Т. Болотова... С. 151; Инструкция кн. П. Б. Шереметева приказчику его волости в Ярославской губернии // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). М., 1987. С. 21.
146. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 156; Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. I. СПб., 2000. С. 125.
147. Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Петроград, 1918. С. 61–62.
148. Сорокин Ю. А. Указ. соч. С. 283; Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 57, 95.
149. Мадариага И. Указ. соч. С. 215.
150. Рубинштейн Н. Л. Крестьянское движение в России во второй половине XVI–II века // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 35–51.
151. Пугачевщина. М., 1931. Т. 1. С. 94.
152. История крестьянства в России... Т. III. С. 271; Мадариага И. Указ. соч. С. 430.
153. Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. М., 1988. С. 119.
154. Подсчитано по: Милов Л. В. Исследование... С. 220–241.
155. Цит. по: Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 73.
156. Милов Л. В. Исследование... С. 249.
157. Подсчитано по: История крестьянства России... Т. III. С. 328.
158. Милов Л. В. Исследование... С. 294–296.
159. Подсчитано по: Федоров В. А. Указ. соч. С. 232; Прокофьева Л. С. Указ. соч. С. 112–113; Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметьевых. М., 1947. С. 286; Милуков П. Н. Указ. соч. С. 161; Троицкий С. М. Финансовая политика... Табл. 7; Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 260–262; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл. 1–6.
160. Рубинштейн Н. Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 95.

161. Сретенский Л. В. Помещичья вотчина нечерноземной полосы России во второй половине XVIII века (по материалам ярославской вотчины М. М. Щербатова). Дисс... канд. ист. н. Б. м., 1959. С. 178, 195.
162. Щепетов К. Н. Указ. соч. С. 94, 99.
163. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII — первой половине XIX века // История СССР. 1966. № 4. С. 75.
164. Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. Т. 3. М., 1996. С. 128.
165. Подсчитано по: Милов Л. В. Исследование... С. 278–282, 292–298; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл. 1–6.
166. Федоров В. А. Указ. соч. С. 238.
167. Kahan A. Op. cit. P. 51. Tab. 6.
168. Ibid. P. 52.
169. Ibid. P. 51. Tab. 6.
170. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы... Т. I. С. 52; Милов Л. В. Исследование... С. 286.
171. Миронов Б. Н. Русский город... С. 112.
172. Подсчитано по: Кабузан В. М. Изменения в размещении населения... Приложение 2.
173. Миронов Б. Н. Русский город... С. 65, 71.
174. Там же. С. 82. Табл. 10.
175. Подсчитано по: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России... С. 446–449.
176. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 48.
177. Цит. по: Ермолов. А. С. Указ. соч. С. 82.
178. РГАДА, ф. 1290, оп. 6, д., 1135, л. 3.
179. Дракохруст Е. И. Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в. // Исторические записки. 1938. Т. 4. С. 123–124.
180. Ермолов А. С. Указ. соч. С. 82.
181. Цит. по: Ермолов А. С. Указ. соч. С. 82.
182. Сивков К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. М., 1951. Табл. 6.
183. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы... Т. I. С. 594–595.
184. Подсчитано по: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации... С. 75; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл. 4, 6.
185. Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел. М., 1990. С. 38–39, 68–70, 135; Сорокин Ю. А. Указ. соч. С. 177, 198.
186. Цит. по: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. I. С. 60.
187. Валишевский К. Указ. соч. С. 39.
188. Цит. по: Оболенский Г. Л. Император Павел I. Смоленск, 1996. С. 141.
189. Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 90, 91, 101, 110, 111.
190. Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1. М., 1992. С. 179.
191. Цит. по: Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 133.
192. Попов Н. Е. Иностранцы в русской армии (XVIII — начало XX вв.) // Вторые Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 66.
193. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке... С. 316; Ненахов Ю. Ю. Указ. соч. С. 112; Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 195.
194. Григорьев С. Л. Павел I и российская армия в оценках современников // Вторые Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 16; Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 208.
195. Сорокин Ю. А. Павел I... С. 52; Покровский С. А. Указ. соч. С. 152–153.
196. Сорокин Ю. А. Павел I... С. 95, 102; Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 77.
197. Цит. по: Сорокин Ю. А. Русский абсолютизм... С. 256.
198. Там же. С. 255, 257, 258, 262; Ragsdale H. Tsar Paul and the Question of Madness. N. Y., L. 1988; Боровой С. Я. Указ. соч. С. 73–79; Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 75.
199. Сорокин Ю. А. Указ. соч. С. 216, 254, 255.

200. Каменский А. Б. Указ. соч. С. 496; История Чехословакии. Т. I. М., 1956. С. 285; Сорокин Ю. А. Павел I... 1996. С. 31.
201. Сорокин Ю. А. Указ. соч. С. 283; Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 57, 95.
202. Рассчитано по: Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской части России в конце XVIII — начале XIX веков. М., 1987. С. 35. Табл. 3; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 5, 6.
203. Цит. по: Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 62.
204. McGrew R. E. Paul I of Russia. Oxford, 1992. P. 355–356.
205. Сорокин Ю. А. Указ. соч. С. 317.
206. Подсчитано по: Миронов Б. Н. Хлебные цены... С. 36. Табл. 1, с. 37. Табл. 2. С. Приложение. Табл. 1. Для гг., отсутствующих в табл. 1, взяты данные из табл. 3 (среднее по девяти городам Центрального района).
207. Индекс цен: см. предыдущее прим. Индекс душевого обращения: Миронов Б. Н. Хлебные цены... С. 115. Табл. 20.
208. Миронов Б. Н. Вперед к крепостничеству! Цены и зарплата в Петербурге за три века // Родина. 2003. № 8. С. 16.
209. Корчмина Е. С. Поденные заработки чернорабочих и цены в Москве и Тобольске в XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2020. № 1. С. 71–82.

Глава IV. Начало сжатия

1. Нилус А. Указ. соч.; Строков А. А. История военного искусства. Капиталистическое общество. М., 1965. С. 52.
2. Нилус А. Указ. соч.
3. Бескровный Л. Г. Указ соч. С. 322; Прочко И. С. История развития артиллерии. СПб., 1994. С. 181.
4. Строков А. А. Указ соч. С. 52, 145; Эглунд П. Указ соч. С. 93; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 330.
5. Там же. С. 40, 318.
6. Там же. С. 7, 14, 22, 27.
7. Там же. С. 27, 37.
8. Там же. С. 32, 53; Инсдейл Ч. Наполеоновские войны. М., 1997. С. 155–156; Делдерфилд Д. Крушение империи Наполеона. М., 2001. С. 20.
9. Тарле Е. В. Континентальная блокада // Тарле Е. В. Сочинения. Т. 3. М., 1958. С. 85–86, 110; Тарле Е. В. Наполеон. М., 1991. С. 112, 119, 226.
10. Тюлар Ж. Наполеон или миф о «спасителе». М., 1997. С. 240; Смирнов А. Ю. Империя Наполеона III. М., 2003. С. 64.
11. Германская история. Т. 1. М., 1970. С. 186–187.
12. Цит. по: История крестьянства в Европе. Т. 3. М., 1986. С. 270.
13. Там же. С. 283.
14. Цит. по: Окунь С. Б. Указ соч. С. 135.
15. Цит. по: Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 42. См. также: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1898. С. 227.
16. Сафонов М. М. Указ соч. С. 43.
17. Цит. по: Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. С. 60–61.
18. Цит. по: Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 64.
19. Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л., 1957. С. 75. прим. 20.
20. Сафонов М. М. Указ. соч. С. 72, 82, 129–130, 144–150, 241; Окунь С. Б. Указ соч. С. 131–132, 137–141; Мироненко С. В. Указ. соч. С. 70; Минаева Н. В. Указ соч. С. 56–57; Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 31.
21. Сафонов М. М. Указ. соч. С. 242.

22. Там же. С. 243.
23. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 119; Чибыряев С. А. Великий русский реформатор. М., 1989. С. 109; Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 74.
24. Нилус А. Указ. соч.
25. Цит. по: Строков А. А. Указ соч. С. 149.
26. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 111; Строков А. А. Указ соч. С. 90, 147.
27. Ульянов И. Э. Регулярная пехота. 1801–1855. М., 1996. С. 18, 50, 66, 74.
28. Строков А. А. Указ соч. С. 148.
29. Цит. по: Вандаль А. Наполеон и Александр. Т. II. Ростов-на-Дону, 1995. С. 234.
30. Цит. по: Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 8.
31. Окунь С. Б. Указ соч. Ч. 2. Л., 1978. С. 55, 126.
32. Тарле Е. В. Наполеон... С. 244.
33. Мироненко С. В. Указ. соч. С. 30, 31; Рунич Д. П. Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 352, 355, 356.
34. Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 220.
35. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России... С. 63, 73–74.
36. Там же. 1991. С. 33.
37. Там же.
38. Там же. С. 23.
39. Там же. С. 103.
40. Цит. по: Чибыряев С. А. Великий русский реформатор. М., 1989. С. 100.
41. Цит. по: Манфред А. Э. Наполеон. М., 1971. С. 636–637.
42. Казеветтер А. А. Указ. соч. С. 277.
43. Записки Бенкендорфа. М., 2001. С. 47.
44. Искюль С. Н. Война и мир в России 1812 года. СПб., 2017. С. 429, 431, 465, 469; Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. С. 10; Тарле Е. В. Наполеон... С. 279.
45. Цит. по: Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Т. 5. СПб., 1912. С. 78–79.
46. Нефедов С. А. Неизвестная война 1812 года // Новый мир. 2022. № 2. С. 156.
47. Казеветтер А. А. Указ. соч. С. 278.
48. Исдейл Ч. Указ. соч. С. 365.
49. Там же. С. 385–390.
50. Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Т. 4. СПб., 1912. С. 205–206.
51. История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. Т. 2. М., 1938. С. 351–352; Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время. Т. 4. СПб., 1894. С. 350–351.
52. Цит. по: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 170.
53. Там же. С. 9.
54. Там же. С. 159–160.
55. Экшут С. А. Александр I. Его сподвижники. Декабристы: в поисках исторической альтернативы. СПб., 2004. С. 31; Мироненко С. В. Указ. соч. С. 115.
56. Мироненко С. В. Указ. соч. С. 140–141.
57. Цит. по: Там же. С. 63.
58. Цит. по: Там же. С. 128.
59. Греч Н. И. Записки о моей жизни. Л., 1930. С. 681.
60. Записки Ф. Ф. Вигеля. Т. 2. М., 1928. С. 75–76.
61. Экшут С. А. Указ. соч. С. 52.
62. Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 102; см. также: Ключевский В. О. Указ. соч. Ч. V. М., 1937. С. 323.
63. Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975. С. 29.
64. См.: Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 45.
65. Пантин Е. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. М., 1986. С. 80–96.
66. Лотман Ю. М. В. И. Ленин об идеологической сущности движения декабристов // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 251. 1970. С. 3–4.

67. Леонтович В. В. Указ. соч. С. 2–3.
68. Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 429.
69. История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 90, 108.
70. Цит. по: Валлотон А. Александр I. М., 1991. С. 268.
71. Жуковская Т. Н. Указ. соч. С. 192; История XIX века. Т. 3. М., 1938. С. 81.
72. Жуковская Т. Н. Указ. соч. С. 192.
73. Цит. по: Казеветтер А. А. Указ. соч. С. 419.
74. Цит.: Экшут С. А. Указ. соч. С. 63.
75. См.: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 216–221.
76. Орлик О. В. Указ. соч. С. 75, 76, 86, 93.
77. Записки Ф. Ф. Вигеля. Т. 2. М., 1928. С. 153.
78. Гастгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 2017. С. 115.
79. Гиндин И. Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968. С. 338.
80. Яковкина Н. И. Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции. СПб., 2002. С. 12.
81. Смахтина М. В. Система ценностей великорусского и малороссийского помещного дворянства в первой половине XIX в. (до 1861 г.) // Конференции, дискуссии, материалы. 2002. М., 2003. С. 58, 60–61.
82. Гастгаузен А. Указ. соч. С. 32.
83. Покровский С. А. Указ. соч. С. 156, 211, 212.
84. Записки Николая I // Николай I и его время. М., 2002. С. 88.
85. Цит. по: Николай Первый и его время. М., 2002. С. 263.
86. Погребинский А. П. Очерки финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 25.
87. Цит. по: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 200.
88. Экшут С. А. Указ. соч. С. 45.
89. Ключевский В. О. Указ. соч. С. 311.
90. Там же. С. 331.
91. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 229.
92. История XIX века. Т. 4. М., 1938. С. 95.
93. Там же. 1938. С. 90, 98.
94. Берглар П. Меттерних — кучер Европы, лекарь революции // [http:// www. litpor-
tal.ru/ index.html?a =528&t=3290](http://www.litportal.ru/index.html?a=528&t=3290)
95. Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М., 2003. С. 120.
96. Акт Священного союза // Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. 1. С. 118.
97. История XIX века. Т. 4... С. 77.
98. Шильдер Н. Л. Император Николай Первый: его жизнь и царствование... С. 203–207.
99. Записки Николая I... С. 83.
100. Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2002. С. 22.
101. Записки Николая I... С. 88.
102. Цит. по: Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А., Шацилло К. Ф., Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 107.
103. Корнилов А. А. Курс истории России в XIX веке. М., 1993. С. 151–152, 193.
104. Там же. С. 152.
105. Высочков Л. В. Николай I. М., 2003. С. 123.
106. Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 315.
107. Там же. С. 125; Пантин Е. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Указ. соч. С. 96.
108. Цит. по: Высочков Л. В. Указ. соч. С. 125.
109. Цит. по: Пантин Е. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Указ. соч. С. 106.
110. Киневич С. Лелевель. М., 1970. С. 27, 34; История XIX века. Т. 3. М. 1938. С. 296–298, 302.

111. История XIX века. Т. 4. М., 1937. С. 96. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 114.
112. Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А. и др. Указ. соч. С. 137–138.
113. Кюстин А. де. Россия в 1839 г. Т. I. М., 1996. С. 338.
114. Васильчиков А. И. Тайная полиция в России // Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. М., 2002. С. 345–346.
115. Алексеева Е. В. Указ. соч. С. 11.
116. Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А. и др. Указ. соч. С. 121.
117. Николай Первый и его время... С. 13.
118. Ключевский В. О. Указ. соч. С. 336–337.
119. Цит. по: Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII—начала XX в. М., 2001. С. 78.
120. Там же. С. 78, 84.
121. Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А. и др. Указ. соч. С. 110.
122. Цит. по: там же. С. 110.
123. Леонтович В. В. Указ. соч. С. 139.
124. Там же. С. 164–165.
125. Цит. по: Николай Первый и его время... С. 23.
126. Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. I. С. 496, 530, 567; Т. II. С. 26, 52, 54, 56; Леонтович В. В. Указ. соч. С. 163.
127. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России... Т. II. С. 20.
128. Цит. по: Крестьянское движение 1827–1869 гг. Вып. 1. М., 1931–32.
129. Цит. по: Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. I. С. 615.
130. Леонтович В. В. Указ. соч. С. 142–145.
131. Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. I. С. 611–614, 625.
132. Там же. С. 52.
133. Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 349.
134. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 67, 70.
135. Раев М. Понять дореволюционную Россию... С. 183, 186, 193.
136. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 130; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 114.
137. Цит. по: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 130.
138. Пайпс Р. Россия при старом режиме... С. 240.
139. Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 7. М., 1956. С. 176.
140. Цит. по: Уткин А. И. Указ. соч. С. 130.
141. Там же.
142. Раев М. Понять дореволюционную Россию... С. 96.
143. Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. I. С. 374.
144. Цит. по: Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А. и др. Указ. соч. С. 125–126.
145. Цит. по: Шильдер Н. Великий князь Николай Павлович... С. 265.
146. Там же. С. 266.
147. Тарасов Б. Указ. соч. С. 48.
148. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 114.
149. Цит. по: там же. С. 118.
150. Подсчитано по: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 16; Кабузан В. М. Народонаселение России... С. 163.
151. Бестужев И. В. Крымская война и революционная ситуация // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963. С. 201.
152. Юровский В. Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 34; Белоусов Р. А. Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 36; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Прил. Табл. 9.
153. Цит. по: Неупокоев В. И. Указ. соч. С. 30.
154. Подсчитано по: Белоусов Р. А. Указ. соч. С. 40, 42.
155. Там же. С. 26, 30, 94; Белоусов Р. А. Указ. соч. С. 40; Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 258, 269.
156. Подсчитано по: Белоусов Р. А. Указ. соч. С. 40, 42.

157. Белоусов Р. А. Указ. соч. С. 36; Погребинский А. П. Указ. соч. С. 25; Неупокоев В. И. Указ. соч. С. 26, 31, 94.
158. Окунь С. Б. Указ. соч. Ч. 2. С. 56; Маркин А. С. Указ. соч.
159. Окунь С. Б. Указ. соч. Ч. 2. С. 126; Коломиец А. Г. Финансы Российской империи в последние гг. правления Александра I // Финансы. 1999. № 8. С. 64.
160. Государственная канцелярия (1802–1902). СПб., 1902. С. 15.
161. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 27, 29.
162. Там же. С. 93, 97.
163. Цит. по: там же. С. 133.
164. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979. С. 26, 36.
165. Подсчитано по: Корелин А. П. Указ. соч. С. 98; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 29.
166. Раев М. Понять дореволюционную Россию... С. 198.
167. Ковальченко И. Д. Динамика уровня... С. 74.
168. Душевое производство: Ковальченко И. Д. Динамика уровня... С. 73–74. Естественный прирост вычислен по данным о численности населения: Кабузан В. М. Указ. соч. Табл. 17.
169. Подсчитано по: Кабузан В. М. Народнонаселение России... Табл. 17.
170. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 96; Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... С. 55.
171. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 327.
172. Кабузан В. М. Крепостное население России в XVIII—50-х гг. XIX века (численность, размещение, этнический состав). СПб., 2001. С. 239.
173. Комиссаренко А. И. Основные параметры кризиса крепостного хозяйства в аграрной сфере России в середине XIX века // Россия в новое время: выбор пути исторического развития? М.: РГГУ, 1994. С. 28–30.
174. Нефедов С. А. О причинах демографической стагнации в России накануне отмены крепостного права // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 78–82.
175. Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... Табл. 21 и Приложение, Табл. 5; Крутиков В. И. Об изменении размеров наделов помещичьих крестьян в первой половине XIX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1969. С. 160.
176. Цит. по: Прокофьева Л. С. Крестьянская община... С. 48–50; см. также: Сивков К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства... С. 178.
177. Шепукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII—первой четверти XIX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. С. 401.
178. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 305–306.
179. Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... С. 158; Миронов Б. Н. Социальная история... Т. I. С. 189.
180. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 306.
181. Кабузан В. М. Крепостное крестьянство в XVIII—50-х гг. XIX века. Численность, состав и размещение // История СССР. 1982. № 3. С. 79, 82.
182. Подсчитано по: Кабузан В. М. Изменения в размещении... Приложение 2.
183. Нефедов С. А. Об уровне жизни крестьян и движении населения... С. 172.
184. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ... С. 204.
185. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 73.
186. Сивков К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства... С. 57; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 296–297.
187. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 96; Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... С. 55.
188. Подсчитано по: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 389.
189. Там же. С. 278; Милов Л. В. Из истории производительности труда в земледелии России // Тезисы докладов и сообщений шестой сессии симпозиума по аграрной истории России. Вильнюс, 1963. С. 130–134.
190. Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. I. С. 409.

191. Александрова В. И. Крепостные крупной помещичьей вотчины Центральной России в XVIII–XIX вв. Дисс... канд. ист. н. Л., 1953. С. 207; Инструкция П. И. Рычкова... С. 68, 70; Милов Л. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 79.
192. Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. I. Л., 1924. С. 127–128; Игнатович И. И. Указ. соч. С. 145.
193. Милов Л. В. Великорусский пахарь... С. 358, 366, 400.
194. Федоров В. А. Крепостная вотчина России во второй четверти XIX века // *Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.)*. Владимир, 1984. С. 49.
195. Милов Л. Природно-климатический фактор... С. 80.
196. Нефедов С. А. О причинах демографической стагнации... С. 78–82.
197. Янель З. К. О некоторых вопросах «второго издания крепостничества» // *Исторические записки*. 1965. Т. 78. С. 168; Рябков Г. Т. Сокращение пашни в наделах помещичьих крестьян Смоленской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 1963. С. 449, 456.
198. Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 263, 268.
199. Подсчитано по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 171. Цены: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение, табл. 11, 13.
200. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности... № 4. С. 73.
201. Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России 1800–1860. М., 1990. С. 37–38.
202. Повалишин А. Д. Рязанские помещики и их крепостные. Репринтное издание. Рязань, 1995. С. 84.
203. Заблоцкий-Десятковский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. IV. СПб., 1882. С. 328.
204. Тапилина В. С. Социально-экономический статус и здоровье населения // *Социологические исследования*. 2004. № 3. С. 126.
205. Мордовцев Д. Л. Накануне воли. СПб., 1890.
206. Цит. по: Игнатович И. И. Указ. соч. С. 265.
207. Цит. по: там же. С. 256.
208. Там же.
209. Кюстин, маркиз де. Николаевская Россия. М., 1990. С. 67.
210. Цит. по: Игнатович И. И. Указ. соч. С. 258.
211. Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. Табл. 1.
212. Федоров В. А. Крестьянское движение... С. 50.
213. Там же. С. 46.
214. Там же. С. 92–94; Рахматуллин М. А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990. С. 169–170.
215. Там же. С. 170, 179; Федоров В. А. Крестьянское движение... С. 122.
216. Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. I. С. 409.
217. Игнатович И. И. Указ. соч. С. 59.
218. Цит. по: там же. С. 66.
219. Там же. С. 266.
220. Сборник РИО. Т. 98. С. 114.
221. Цит. по: Федоров В. А. Крестьянское движение... С. 105.
222. Рахматуллин М. А. Указ. соч. С. 183.
223. Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. II. С. 89.
224. Цит. по: Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 10.
225. Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... С. 241.
226. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Указ. соч. С. 16.
227. Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М., 1960. С. 250.
228. Подсчитано по: Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. II. СПб., 1897. С. 185.

229. РГИА, ф. 1281 (1850 г.), оп. 5, д., 55, лл. 29–30.
230. Сивков К. В. Указ соч. С. 192, 198; Игнатович И. И. Указ соч. С. 9–14.
231. Нифонтов А. С. Россия в 1848 г. М., 1949. С. 43; Кабузан В. М. Крепостное крестьянство... С. 69.
232. Подсчитано по: Влияние урожаев и хлебных цен... С. 185.
233. Васильев К. Г., Сегал А. Е. Указ соч. С. 250.
234. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 44–45.
235. Рахматуллин М. А. Указ. соч. С. 58, 191, 198; Нифонтов А. С. Россия в 1848 г. ... С. 110–111.
236. Подсчитано по: Влияние урожаев и хлебных цен... С. 185; Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... Табл. 1.
237. Александрова В. И. Указ. соч. С. 293, 295, 305.
238. Подсчитано по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 171; цены взяты за 1855–1859 года: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 9, 12.
239. Рассчитано по: Федоров В. А. Помещичьи крестьяне... С. 232. Табл. 30; Индова Е. И. Крепостное хозяйство... Табл. 7; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... Табл. 32.
240. Федоров В. А. Помещичьи крестьяне... С. 54, 61; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 77, 306.
241. Рассчитано по: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 389; Ковальченко И. Д. Динамика уровня... С. 68 (посев по губерниям); Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. I. С. 312–313, Т. II. С. 296 (численность различных категорий крестьян); Федоров В. А. Помещичьи крестьяне... С. 54–57.
242. Подсчитано по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 171. Взята средняя цена за 1855–1859 гг.: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11, 13.
243. Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... С. 187.
244. Яцевич Я. Крепостные в Петербурге. Л., 1933. С. 87.
245. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации... С. 73.
246. Федоров В. А. Помещичьи крестьяне... С. 242–243; Индова Е. И. Крепостное хозяйство... С. 89, 90.
247. Федоров В. А. Крепостная вотчина России... С. 49–52.
248. Миронов Б. Н. Русский город... С. 70.
249. История крестьянства России... Т. III. С. 318, 327–328.
250. Покровский С. А. Указ. соч. С. 221.
251. Введенский Р. М. Характер помещичьей эксплуатации и бюджеты оброчных крестьян в 20–40-х гг. XIX века // История СССР. 1971. № 3. С. 50.
252. История крестьянства России... Т. III. С. 318, 327–328; Федоров В. А. Указ. соч. С. 58; Покровский С. А. Указ. соч. С. 220–222.
253. Миронов Б. Н. Русский город... С. 65, 82; Кабузан В. М. Изменения в размещении... Приложение 2.
254. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991. P. 30.
255. Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 203.
256. Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. II. СПб., 1903. С. 82.
257. Подсчитано по: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. II. М.-Л., 1958. С. 346, 349, 578; Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 171. Взята средняя цена за 50-е гг.: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11, 13.
258. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... Т. I. С. 369; Т. II. 349–351.
259. Кюстин, маркиз де. Указ. соч. С. 66.
260. Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. I. С. 66.
261. Там же. С. 67.
262. Там же. С. 99; Горланов Л. Р. Указ. соч. С. 69.
263. Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. I. С. 496, 530, 567; Т. II. С. 26, 52, 54, 56; Леонтович В. В. Указ. соч. С. 163.
264. Тарасюк Д. А. Поземельная собственность пореформенной России. М., 1981. С. 102.

265. Нефедов С. А. Об уровне жизни крестьян и движении населения... С. 174.
266. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1851 гг. // История СССР. 1971. № 4. Табл. 1, 2.
267. Носевич В. Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004. С. 208–209.
268. Цит. по: там же. С. 208.
269. Цит. по: Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. I. С. 374.
270. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1851 гг. Табл. 1–3. Для Черноземья шесть губерний без Пензенской.
271. Цит. по: Шепукова Н. М. Изменение удельного веса частновладельческих крестьян в составе населения Европейской России (XVIII — первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 1959. № 12. С. 132.
272. Самарин Ю. Сочинения. Т. II. М., 1878. С. 11.
273. Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 24.
274. Игнатович И. И. Указ. соч. С. 85.
275. Тяпкина Н. И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. М., 1984. С. 50.
276. Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 11.
277. Там же. С. 12.
278. Ibid. P. 919–954.
279. Domar E., Machina M. On the Profitability of Russian Serfdom // Journal of Economic History. 1984. Vol. XLIV. No. 4. P. 946.
280. Струве П. Б. Указ. соч. С. 139. См. также: Кауфман А. А. Указ. соч. С. 12.
281. Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции... С. 131.
282. См., например: Яковлева В. А. Рынок и сельское хозяйство. Структура помещичьего и крепостного хозяйства накануне отмены крепостничества в России. Йошкар-Ола, 1997. С. 196; Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 8; Blum J. Lord and Peasants in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1963. P. 614, 617.
283. Сивков К. В. Указ. соч. С. 102.
284. Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... С. 129, 157, 166; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство... С. 102.
285. Александрова В. И. Указ. соч. С. 305.
286. Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции... С. 120–125. Цены: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 9.
287. Ключевский В. О. Указ. соч. С. 153.
288. Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство... С. 107–108, 116–117.
289. Троицкий С. Н. Финансовая политика... С. 77–78.
290. Боровой С. Я. Указ. соч. С. 183.
291. Там же. С. 197–198.
292. Там же. С. 188; Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 333; Крутиков В. И. К вопросу о положении помещичьих крестьян в период кризиса крепостничества (задолженность помещичьих имений Тульской губернии накануне реформы 1861 года) // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 126.
293. Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 342, 350.
294. Ковальченко И. Д. К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. С. 204; Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1861–1892. М., 1972. С. 380, 384; Готтрелл П. Значение великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. М., 1992. С. 114.
295. Боровой С. Я. Указ. соч. С. 174. «Конечно, нельзя считать, что все вклады коммерческого банка принадлежали буржуазным элементам, — пишет С. Я. Боровой, — так же как не все вклады в Заемном банке и Сохранной казне при-

- надлежали дворянам. Но купечество, естественно, тянулось к „своему“ банку, а дворянство — к своим сословным учреждениям».
296. Там же. С. 168–169.
297. Цит. по: Там же. С. 204.

Глава V. Начало модернизации

1. Шильдер Н. Л. Император Николай Первый: его жизнь и царствование... С. 244. Брикнер А. Г. История Екатерины Великой. Т. 2. М., 1996. С. 30; История XIX века. Т. 3. М., 1938. С. 5–6.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Второе изд. Т. 21. С. 376.
3. Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 56.
4. Там же. С. 59, 63.
5. Цит. по: Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 591.
6. Goldstone J. Op. cit. P. 325, 327; Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 63; От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980- гг. М., 1998. С. 257; Мортон А. Л., Тэйт Дж. История английского рабочего движения. 1770–1920. М., 1959. С. 136.
7. Цит. по: Трухановский В. Г. Бенджамин Дизраэли и королева Виктория // Новая и новейшая история. 1990. № 4–5.
8. Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 76; Комлос Дж. Биологический уровень жизни и современный тип экономического роста // Экономическая история. Ежегодник. 2001. С. 429; Мортон А. Л., Тэйт Дж. История английского рабочего движения. 1770–1920. М., 1959. С. 50.
9. Треvelyan Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2001. С. 503–504; Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001. С. 267.
10. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния... С. 264.
11. Треvelyan Дж. М. Указ. соч. С. 506–507; Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 193; Лекции по истории зарубежной журналистики // http://www.journ.ru/library/history/zar_journ_16.html
12. Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875. Ростов-на-Дону, 1999. С. 32; Goldstone J. Op. cit. P. 295; Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1... С. 138.
13. Мортон А. Л., Тэйт Дж. Указ. соч. С. 62; Дерюжинский В. Ф. Из истории политической свободы в Англии и Франции. СПб., 1906. С. 45.
14. Мортон А. Л., Тэйт Дж. Указ. соч. С. 93; Мортон А. Л. История Англии. М., 1950. С. 324–328.
15. Мортон А. Л. Указ. соч. С. 328; Хобсбаум Э. Век капитала... С. 17, 24–26.
16. Торицын Т. М. Учение Роберта Оуэна и его влияние на распространение и развитие социалистических идей. Рязань, 1972. С. 23.
17. От аграрного общества... С. 342, 345; Мортон А. Л. Указ. соч. С. 348, 350, 368–371; Кучинский Ю. История условий труда в Великобритании и Британской империи. М., 1948. С. 97, 111.
18. Канделоро Дж. История современной Италии. Т. II. М., 1962. С. 21.
19. Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. Т. I. М., 1971. С. 132, 146–147, 266; Туган-Барановский М. Русская фабрика. М., 1934. С. 56.
20. Устьянцев Е. В. Очерки истории русского промышленного шпионажа. XIX век. Екатеринбург, 1994. С. 89, 102.
21. Соловьева С. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 20, 38; Рибер А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России 1856–1874. М., 1992. С. 59; Нефедов С. А. О формировании феномена экономического отставания России в первой половине XIX века // Вестник СПбГУ. Экономика. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 489–509; Мендельсон Л. А. Указ. соч. Т. 2. С. 543, 635, 683, 737.
22. Хобсбаум Э. Век революции... С. 52, 69–70; Goldstone J. Op. cit. P. 325.
23. Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 56; Goldstone J. Op. cit. P. 325.
24. История Франции. Т. II. М., 1973. С. 197–199.

25. Хобсбаум Э. Век капитала... С. 32–33.
26. Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1897. Стб. 31, 55, 67; Emmons T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambr. (Mass.), 1967. P. 420.
27. Хобсбаум Э. Век революции... С. 429.
28. От аграрного общества... С. 342.
29. Молчанов Н. Н. Огюст Бланки. М., 1984. С. 28, 103, 111, 115, 121–122.
30. Хобсбаум Э. Век революции... С. 191–194.
31. Либеральные интерпретации проблемы наций и национальных прав в прошлом и настоящем. М., 2001. С. 6.
32. Цит. по: Кирова К. Э. Жизнь Джузеппе Мадзини (1805–1872). М., 1981. С. 21.
33. Там же. С. 22–24, 52, 53.
34. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13-ти тт. М., 1954–59, Т. XII. С. 449.
35. Цит. по: Кирова К. Э. Указ. соч. С. 27–28.
36. Там же. С. 52.
37. История Италии. Т. 2. М., 1970. С. 146–150, 162.
38. Канделоро Дж. Указ. соч. С. 63–65, 68.
39. Black C. E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N.Y. 1966. P. 71, 76.
40. Кан С. Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М., 1948. С. 28–29.
41. Хобсбаум Э. Век капитала... С. 17, 24–26.
42. Goldstone J. Op. cit. P. 24–27.
43. Ibid. P. 285–345.
44. Ibid. P. 293, 304, 311.
45. Ibid. P. 306–309, 339–341.
46. История XIX века. Т. 5. М., 1938. С. 5–12.
47. Там же. С. 12–25;.
48. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 7. С. 43; История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 316, 322
49. Блос В. История германской революции 1848 года. СПб, 1908. С. 93–104; Кан С. Б. Указ. соч.
50. С. Б. Кан. Немецкая историография революции 1848–1849 гг. в Германии. М, 1962. С. 45–47.
51. Кан С. Б. Революция 1848 года... С. 79–80, 109–110.
52. Там же. С. 98–104; 112–113.
53. Там же. С. 180–185.
54. Там же. С. 186–187.
55. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 1994. С. 203.
56. Кнапп Г. Ф. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии. СПб., 1900. С. 118, 170–171; Кампфмейстер П. Юнкерство и крестьяне (помещики и крестьяне в Пруссии). Одесса, 1905. С. 27.
57. Кнапп Г. Ф. Указ. соч. С. 187–193.
58. Там же. С. 185; Кампфмейстер П. Указ. соч. С. 27.
59. Авербух Р. Л. Революция в Австрии (1848–1849 гг.). М., 1970. С. 129, 228.
60. Цит. по: Хобсбаум Э. Век революции... С. 178.
61. Laue Th. von. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of Russian Revolution. 1900–1930. Philadelphia and New York, 1964; Laue Th. von. The World Revolution of Westernization. The Twentieth century in Global Perspective. N.Y., 1987.
62. Цит. по: Тарпи У. Г. Лорд Пальмерстон и трое его подручных // Шиллеровский институт науки и культуры. Бюллетень № 4 (2) // <http://www.larouchepub.com/russian/bulletins/sib4/sib4b.html>; Партридж М. Герцен и Англия // Герцен и Запад. М., 1985. С. 48.
63. Кирова К. Э. Заговорщики и народ. М., 1991. С. 124–126; Неттлау М. Очерки по истории анархических идей // <http://www.avtonom.org/lib/theory/nettlau/history.html>; Григорьева И. В. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966. С. 55–56.

64. Берти Дж. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965. С. 395; Кирова К. Э. Жизнь Джузеппе Мадзини... С. 126–128.
65. Сандомирский Г. Покушение 14 января 1858 г. и смерть Орсини // Орсини Ф. Воспоминания. М., 1934. С. 311–312, 480; Тарпли У. Г. Указ. соч.
66. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 5. М., 1958. С. 299.
67. Берти Дж. Указ. соч. С. 628–629.
68. Туган-Барановский М. Указ. соч. С. 225–226; Павлов А. Т. От дворянской революционности к революционному демократизму (идейная эволюция А. И. Герцена) М., 1977. С. 77; Володин А. В поисках революционной теории (А. И. Герцен). М., 1962. С. 67–68.
69. Партридж М. Указ. соч. С. 51–54; Линьков Я. И. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. Н. Огарева и тайное общество «Земля и Воля» 1860-х гг. М., 1964. С. 45–49.
70. Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994. С. 194, 203–205. 241.
71. Цит. по: Ульянов И. Регулярная пехота. 1801–1855. М., 1997. С. 151.
72. Цит. по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 12.
73. Бестужев И. В. Крымская война и революционная ситуация // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963. С. 198.
74. Там же. С. 195–198; Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 27; Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978. С. 41; Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 10.
75. Бестужев И. В. Указ. соч. С. 193. 200; Игнатович И. И. Указ. соч. С. 298, 311, 314; Тарле Е. В. Сочинения. Т. IX. М., 1959. С. 469.
76. Федоров В. А. Крестьянское движение... С. 128.
77. Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 39.
78. Цит. по: Розенталь В. Н. Нарастание кризиса верхов в середине 50-х гг. XIX века // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962. С. 43.
79. Цит. по: там же.
80. Цит. по: там же. С. 41.
81. Революционная ситуация в России в середине XIX века... С. 86–87.
82. Цит. по: Розенталь В. Н. Указ. соч. С. 46..
83. Шумкин Г. Н. Трансформация системы производства артиллерийских орудий на Урале в конце 1850-х — 1860-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (19). С. 206–207; Шумкин Г. Н. Проблема снабжения металлом для стволов оружейных заводов России в XIX — начале XX века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. V. СПб., 2016. С. 392–393.
84. Струве П. Б. Указ. соч. С. 148; Gerschencron A. Agrarian Policies and Industrialization, Russia. 1861–1917 // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VI. Pt. 2. London and New York, Cambridge, 1967. P. 708.
85. Conrad A., Meyer J. The Economics of Slavery in the Ante Bellum South // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. Apr.
86. См., например: Фостер У. З. Негритянский народ в истории Америки. М., 1955. С. 104–105.
87. Rieber A. T Alexander II, Emperor of Russia, 1818–1881: he Politics of Autocracy. Paris, 1966.
88. Цит. по: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России... С. 363–365.
89. Захарова А. Г. Самодержавие и реформы в России // Великие реформы в России. М., 1992. С. 25.
90. Игнатович И. И. Указ. соч. С. 294.
91. Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1934. С. 321.
92. Рибер А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России 1856–1874. М., 1992. С. 52.
93. Цит. по: Дружинин Н. М. Указ. соч. Т. I. С. 536.

94. Цит. по: Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984. С. 66; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права... С. 75.
95. Цит. по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 129.
96. Цит. по: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 76.
97. Цит. по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 118.
98. Захарова А. Г. Самодержавие и реформы... С. 30.
99. Blum J. Lord and Peasants in Russia... P. 614, 617.
100. Цит. по: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 78.
101. Цит. по: там же. С. 77.
102. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России... Т. II. С. 614–615.
103. Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 12. С. 197.
104. Там же. Т. 18. С. 359. Выделено Герценом.
105. Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... С. 10; Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 99–100; Крестьянское движение в России в 1857–1861 гг. М. 1963. С. 736. Из общего числа крестьянских выступлений исключены прошения и выступления против винных откупов.
106. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 56, 64, 72.
107. Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850—середина 1870-х гг. М., 2002. С. 70.
108. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 117, 120, 129, 231; Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 159.
109. Рассчитано по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 157, 159.
110. Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978. С. 135.
111. Рассчитано по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 171, 174.
112. Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 19, 21.
113. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 139–141.
114. Филд Д. 1861: «Год юбилея» // Великие реформы в России 1856–1874. М., 1992. С. 82; Миронов Б. Н. Социальная история... Т. I. С. 328; Яхшиян О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) М., 1996. С. 98; Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянский менталитет и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) М., 1996. С. 27.
115. Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1965. С. 323–324; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права... С. 206, 256–257; Безгин В. Б. Коллективизм и эгалитаризм в общинной психологии русского крестьянства конца XIX—начала XX века // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. СПб., 2004. С. 272.
116. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 138–141, 295.
117. Там же. С. 250, 294.
118. Цены для пересчета: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 9, 11.
119. Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 307.
120. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 185.
121. Корелин А. П. Указ. соч. С. 237.
122. Васильчиков А. И. Указ. соч. С. 333.
123. Корелин А. П. Указ. соч. С. 237.
124. Леонтович В. В. Указ. соч. С. 317.
125. Цит. по: Сладкевич Г. Н. Оппозиционное движение дворянства в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962. С. 76; См. также: Христофоров И. А. Указ. соч. С. 47.
126. Невлер В. Е. Демократические силы в борьбе за объединение Италии. 1831–1860. М., 1982. С. 296.
127. Гусман Л. Ю. Политические преобразования в Австрии и русский конституционализм 1860-х гг. // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. СПб., 2004. С. 211.
128. Корелин А. П. Указ. соч. С. 242; Попов И. П. Тверское выступление 1862 года и его место в событиях революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974. С. 262–264.
129. Цит. по: Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 280.

130. Сладкевич Г. Н. Указ. соч. С. 79.
131. Линьков Я. И. Указ. соч. С. 163–166, 225.
132. Слепцов А. А. Воспоминания // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, письма. Т. 3. Саратов, 1962. С. 266.
133. Линьков Я. И. Указ. соч. С. 283, 317, 345; Слепцов А. А. Указ. соч. С. 265, 268, 270–271.
134. Невлер В. Е. Указ. соч. С. 334–335.
135. Цит. по: там же. С. 336.
136. Линьков Я. И. Указ. соч. С. 331, 360–361; 364; Пирумова Н. Бакунин. М., 1970. С. 206–207, 221.
137. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 176; Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978. С. 384; Неупокоев В. И. К вопросу о причинах неудачи восстания 1863 года в Литве // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965. С. 292.
138. Линьков Я. И. Указ. соч. С. 375, 391, 404, 415, 435; История XIX века. Т. 6. М., 1938. С. 90; Революционная ситуация в России в середине XIX века... С. 382.
139. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 232, 281; Корелин А. П. Указ. соч. С. 242, 248–249; Гусман Л. Ю. Указ. соч. С. 210.
140. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел. Т. I. М., 1961. С. 241.
141. История России. XVIII–XIX веков. М., 2006. С. 607.
142. История XIX века... Т. VI. С. 77–78.
143. Программа партии Социалистов-Революционеров // Сборник программ политических партий России. Вып. 1-й. СПб., 1906. С. 13–23.
144. Цит. по: Леонтович В. В. Указ. соч. С. 61.
145. Цит. по: Христофоров И. А. Указ. соч. С. 312.

Глава VI. Сжатие и либеральная модернизация

1. Rath A. The Crimean War in Imperial Context, 1854–1856. New York, 2015. P. 32.
2. Кислинский Н. А. Указ. соч. Т. 1. С. 56. См. также: Owen T. C. Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizhov and Corporate Enterprise in the Railroad Age. L., 2005. P. 70–71.
3. Соболев М. Н. Указ. соч. С. 11.
4. Цит. по: Степанов В. Л. Финансисты и генералы: дискуссии о военных расходах в правящих кругах Российской империи (1860-е начало 1890-х гг.) // Российская история. 2022. № 3. С. 42.
5. Ден В. И. Записки Владимира Ивановича Дена // Русская старина. 1890. № 7–9. С. 183.
6. Нефедов С. А. Экономическая политика и железнодорожное строительство в правление Александра II (1855–1865) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 1. С. 165–180.
7. Куломзин А. Н., Рейтерн В. Г. М. Х. Рейтерн. Биографический очерк. СПб., 1910. Приложения. С. 100.
8. Кокорев В. А. Экономические провалы. М., 2005. С. 31.
9. Менделеев Д. И. Толковый тариф или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. СПб., 1892. С. 83.
10. Цит. по: Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: в 4 т. Т. 1. СПб., 1902. С. 225.
11. Нефедов С. А. О причинах отставания уральской металлургии в пореформенный период // Уральский исторический вестник. 2024. № 1. С. 91–98.
12. Там же.
13. Дервиз П. Г. Одна из предсмертных записок Павла Григорьевича фон Дервиза // Русская старина. 1885. № 6. С. 598.
14. Елютин О. Н. Вопросы железнодорожного строительства в общественном мнении России, 1830-е – 1880-е гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 2000. С. 111.
15. Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 118.
16. Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 40, 50; Соловьева С. М. Указ. соч. С. 117.

17. Труды Высочайше учрежденной Комиссии для исследования железнодорожного дела в России. СПб., 1879. Т. 1. Ч. 1.
18. Там же. С. 234.
19. Подсчитано по: Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 2. М., 1959. С. 523–524.
20. Там же. С. 244.
21. Покровский С. А. Указ. соч. С. 246, 250.
22. Лященко П. И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927. С. 270.
23. Покровский С. А. Указ. соч. С. 246, 250; Струве П. Б. Указ. соч. С. 125. Прим.
24. Цит. по: Игнатович И. И. Указ. соч. С. 137.
25. Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л., 1978. С. 54, 61, 91.
26. Покровский С. А. Указ. соч. С. 251, 317, 318; Лященко П. И. Русское зерновое хозяйство... С. 270–271. См. также табл. 6.1.
27. Слепнев И. Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 215–246. С. 223.
28. Цит. по: Китанина Т. М. Указ. соч. Л., 1978. С. 43.
29. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб., 1999. С. 351–352, 353, 355.
30. Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 47.
31. Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // Экономическое обозрение. 1927. Июнь. С. 29.
32. Коткин С. Сталин. Т. 1. Кн. 1. М.: Изд. ин-та Гайдара, 2022. С. 90.
33. Там же.
34. Подсчитано по: Бехтеев С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. М., 1902. С. 88.
35. Подсчитано по: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11; Abel W. Crises agraires en Europe (XIIe–XXe siecle). P., 1973. P. 433.
36. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. СПб., 1902. С. 7.
37. Подсчитано по: Динамика экономического и социального развития России в XIX – начале XX вв. URL: <http://hist.msu.ru/Dynamics/>. Дата обращения: 13.06.2021; Шарапов С. Ф. Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895. СПб., 1897. С. 15.
38. Рашин А. Г. Указ. соч. С. 67; Рянский Л. М. К вопросу о «вымирании» крепостного крестьянства в период кризиса феодализма // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 132. Для сопоставимости с данными Л. М. Рянского расчет сделан для шести губерний Черноземья, исключая Тульскую.
39. Даниельсон Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1880. С. 32.
40. Левитский И. Хлебная производительность // Историко-статистический обзор промышленности России. Т. I. СПб., 1883. С. 58.
41. Пудовиков П. Е. Хлебные избытки и народное продовольствие // Отечественные записки. 1879. № 10. С. 479, 487–488; Сборник сведений по Департаменту земледелия и сельской промышленности. Вып. 1. СПб., 1879. С. 18–19.
42. Миронов Б. Н. Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить // О причинах русской революции. М, 2010. С. 116.
43. Анучин Д. Н. О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в Империи за 1874–1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. СПб., 1889. С. 168.
44. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 473.
45. Подсчитано по: Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М.: 1978. Табл. 5.
46. Подсчитано по: Там же. Табл. 29.

47. Ананьич Н. И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. 1974. Т. 94. С. 190.
48. Подсчитано по: Миронов Б. Н. Благосостояние населения... С. 719–761.
49. Дружинин Н. М. Указ. соч. С. 78, 80.
50. Цит. по: Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70-е гг. XIX в.). Л., 1972. С. 94.
51. Nefedov S., Ellman M. Excess mortality in Russia in 1868–1912 and its historiographic implications // Social Evolution and History. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 173–197.
52. Бунге Н. Х. Записка Н. Х. Бунге Александру II... С. 133–134.
53. Кауфман А. А. Указ. соч. С. 43.
54. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... Табл. 18.
55. Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. Самара, 1993. С. 255, 302, 303.
56. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 185.
57. Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 54; Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. М., 1916. С. 47.
58. Цинцадзе Н. С. Экосоциальные проблемы Европейской России (1861–1941 гг.): власть, общество, природа. Дисс... докт. ист. наук. Тамбов, 2022. С. 63–65.
59. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). Документы и материалы. М., 2003. С. 5.
60. Центрально-Черноземная область. Справочная книга. Воронеж, 1931. С. 309.
61. Покшишевский В. В. Центрально-Черноземная область. М.-Л., 1929. С. 34.
62. Сельскохозяйственная техника. Высочайше утвержденное совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1903. С. 8.
63. Там же.
64. Цит. по: Фурсов В. Н. Землевладение и землепользование крестьян Центрально-Черноземных губерний во второй половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. С. 23.
65. Шахназаров А. И. Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Курской губернии. СПб, 1910. С. 22, 27.
66. Там же. С. 22.
67. Огановский Н. П. Популярные очерки экономической географии СССР в связи с мировой. М., 1925. С. 113.
68. Сельскохозяйственная техника... С. 8, 12.
69. Там же. С. 17.
70. Вольф Э. Р. Крестьянские восстания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 296.
71. Сельскохозяйственная техника... С. 29.
72. Там же. С. 27.
73. Там же. С. 30, 32.
74. Фурсов В. Н. Классовая борьба в деревне Центрально-черноземных губерний пореформенной России. Воронеж, 1991. С. 20.
75. Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе... Табл. 25.
76. Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года. Табл. VIII.
77. Подсчитано по: Чернышев И. В. Аграрный вопрос в России (от реформы до революции). Материалы и комментарии. Курск, 1927. С. 81. Табл. 2.
78. Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 163.
79. Абрамович Г. В. Государственные повинности частновладельческих крестьян северо-западной Руси в XVI—первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 80; Le Roy Ladurie E. The French peasantry, 1450–1660. Aldershot, 1987. P. 177; Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М., 1955. С. 143.
80. Официальное обоснование проекта закона об учреждении Крестьянского банка (принят 16 мая 1882 г.). Цит. по: Чернышев И. В. Аграрный вопрос в России... С. 180.
81. Доклад Высочайше утвержденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. С. 7.

82. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... С. 24; Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. С. 237.
83. Гурвич И. Экономическое положение русской деревни. М., 1941. С. 60.
84. Там же. С. 61, 62.
85. Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. С. 237, табл. IV.1.
86. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. I. 1900–1939. М., 2000. С. 69.
87. Подсчитано по: Кореневская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1953. С. 119, 122–123.
88. Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма... С. 159.
89. Гурвич И. Указ. соч. С. 59.
90. Доклад Высочайше утвержденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства... С. 1–3, 49–51.
91. Красный архив. 1938. № 4–5. С. 209.
92. Цит. по: Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. С. 332, 340.
93. Там же.
94. Там же. С. 89, 94, 96.
95. Цит. по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1879–1880-х гг. М., 1963. С. 197.
96. Johnson R. E. Peasants and Proletarian: The Working Class of Moscow at the End of the Nineteenth Century. New Brunswick, 1979. P. 158.
97. Рашин А. Г. Население России... С. 294, 304; Рашин А. Г. Грамотность и народное образование в России XIX и начале XX в. // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 32, 37.
98. Wade R. The Russian Revolution. 1917. Cambridge, 2000. P. 4–9.
99. Греков Б. И. Шацилло К. Ф. Динамика социально-политической напряженности в России в 1895–1913 гг. Опыт политического анализа // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 23.
100. Носевич В. Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004. С. 227.
101. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979. С. 56, 67.
102. Егизарова Н. А. Указ. соч. С. 31; Гурвич И. Указ. соч. С. 107.
103. Хок С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 101, 103; Гиндин И. Ф. Государственный банк... С. 25; Бехтеев С. С. Указ. соч. С. 136.
104. Нифонтов А. С. Указ. соч. Табл. 16.
105. Цит. по: Нифонтов А. С. Указ. соч. С. 177.
106. Рихтер Д. И. Задолженность частного землевладения // Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны Русского народного хозяйства / под. ред. А. И. Чупрова и А. С. Постникова. СПб., 1897. С. 410; Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. II. М., 2011. С. 327.
107. Материалы Комиссии 1901 года. Табл. XV.
108. Даниельсон Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893. Табл. VIII.
109. Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1769–1899). Т. I. Харьков, 1899. С. 442; Шарапов С. Ф. Цифровой анализ... С. 15.
110. Подсчитано по: Динамика экономического и социального развития России в XIX – начале XX вв. URL: <http://hist.msu.ru/Dynamics/>. Дата обращения: 13.06.2021; Блюх. Т. 2. С. 213.
111. Рибер А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России 1856–1874. М., 1992. С. 64.
112. Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2. С. 72.
113. Гиндин И. Ф. Государственный банк... С. 352, 391, 392; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 106.
114. Гиндин И. Ф. Государственный банк... С. 369, 385, 391–392.

115. Гиндин И. Ф. Русская буржуазия... С. 70, 71.
116. Там же. С. 64, 67, 73; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 102, 111; Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974. С. 66.
117. Цит. по: Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 124.
118. Цит. по: Лаверычев В. Я. Указ. соч. С. 184.
119. Там же. С. 58, 119, 219.
120. Цит. по: Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911. С. 271.
121. Пыжиков А. В. Питер-Москва. Схватка за Россию. М., 2014. С. 36.
122. Там же. С. 185; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 190; Егiazарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 105.
123. Подсчитано по: Погребинский А. П. Указ. соч. С. 93, 95. Использованы цены Центрального района, см: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11, 14.
124. Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 28; Ананьич Н. И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. 1974. Т. 94. С. 207.
125. Подсчитано по: Погребинский А. П. Указ. соч. С. 93, 95. Использованы цены Центрального района, см: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11, 14.
126. Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 50.
127. Карпачев М. Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979. С. 55. See: Pomper Ph. The Russian Revolutionary Intelligentsia. New York, 1970. P. 3, 6, 9; Daniels R. Russia. New Jersey, 1964. P. 60; Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge (Mass.), 1955, P. 4–5; Fischer G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge (Mass.), 1958. P. 50.
128. Laue Th., von. Why Lenin... P. 70.
129. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 25.
130. Fisher G. Russian liberalism. From gentry to intelligentsia. Cambridge. Mass., 1958. P. IX, 48–49, 120–125.
131. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М. 1971. С. 51–57.
132. Кожин В. Черносотенцы и Революция. М., 2016. С. 209.
133. Цит. по: Black C. E. The Modernization of Russian Society... P. 665.
134. Chirousky N. An Introduction to Russian History. New York, 1967. P. 150; Treadgold D. Lenin and His Rivals. The Struggle for Russia's future. 1898–1906. New York, 1965. P. 5.
135. Black C. E. The Modernization of Russian Society... P. 673.
136. Malia M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Harvard, 1961. P. 5.
137. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 338.
138. Валуев А. П. О внутреннем состоянии России // Исторический архив. 1958. № 1. С. 142.
139. Корелин А. П. Указ соч. М., 1979. С. 96; Лейкина-Свирская В. Р. Указ соч. С. 51–57.
140. Цит. по: Лейкина-Свирская В. Р. Указ соч. С. 27, 28.
141. Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. С. 202, табл. X. 1.
142. Bergman J. Vera Zasulich: A Biography. Stanford, 1983. P. 11.
143. Валуев А. П. О политических настроениях различных групп общества и средствах укрепления правительственной власти // Исторический архив. 1958. № 1. С. 152.
144. Brower D. Training the Nihilists: Education and radicalism in Tsarist Russia. L. 1975. P. 230.
145. Confino M. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth and Nineteenth Century Russia // Doeladus. 1972. Vol. 101. No. 2. P 130–134.
146. Лейкина-Свирская В. Р. Указ соч. С. 298, 309.
147. Pipes R. Russian Marxism and its Populist Background // The Russian Review. 1960. Vol. 15. No. 1. P. 319–320.

148. Григорьева И. В. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966. С. 53–55; Колпинский Н. Ю., Твардовская В. А. Бакунин в русском и международном освободительном движении // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 74–75, 79–82; Неттлау М. Указ. соч.
149. Ковалик С. Ф. Революционное движение 70-х гг. // Революционеры 1870-х гг. Л. 1986. С. 159; Гинев В. М. Блестящая плеяда // Революционеры 1870-х гг. Л. 1986. С. 22; Пирумова Н. М. Социальная доктрина М. А. Бакунина. М., 1990. С. 248.
150. Итенберг Б. С. Указ. соч. С. 221, 224–226; Бакунин М. А. Прибавление «А» // Революционное народничество семидесятых гг. XIX века. Т. 1. М. 1964. С. 43, 54, 55.
151. Цит. по: Пирумова Н. М. Социальная доктрина... С. 253.
152. Колпинский Н. Ю., Твардовская В. А. Указ. соч. С. 89.
153. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. X. М., 1951. С. 92.
154. Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976. P. 70–80; Филд. Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002. С. 110–113.
155. Гинев В. М. Указ. соч. С. 33–34.
156. Итенберг Б. С. Указ. соч. С. 374.
157. Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 361, 389–393.
158. Цит. по: Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М., 2001. С. 240.
159. Там же. С. 225, 239, 240; Рудницкая Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. С. 109, 116, 128, 140.
160. Там же. С. 143.
161. Николаевский Б. Памяти последнего «якобинца»-семидесятника // Каторга и ссылка. 1931. № 4. С. 225.
162. Рудницкая Е. Л. Указ. соч. С. 159; 168–169; Кушева Е. Из истории «Общества Народного Освобождения» // Каторга и ссылка. 1931. № 4. С. 32–33.
163. Цит. по: Рудницкая Е. Л. Указ. соч. С. 179.
164. Цит. по: там же. С. 188.
165. Кравчинский С. М. Смерть за смерть // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 77.
166. Там же. С. 74.
167. Цит. по: Рудницкая Е. Л. Указ. соч. С. 143.
168. Там же. С. 191–192.
169. Кушева Е. Указ. соч. С. 55.
170. Рудницкая Е. Л. Указ. соч. С. 196–197.
171. Цит. по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 99.
172. Там же. С. 85.
173. Чичерин Б. Н. Задачи нового царствования // К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полутом 1. М.-Петроград, 1923. С. 111, 117.
174. Цит. по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 194.
175. Там же. С. 253–254.

Глава VII. Сжатие и бонапартистская модернизация

1. Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 179, 234–235.
2. Там же. С. 236.
3. Прочко И. С. Указ. соч. С. 346, 350–351, 362, 381.
4. Там же. С. 352, 362.
5. Строков А. А. Указ. соч. С. 420.
6. Цит. по: История XIX века. Т. V. М., 1938. С. 334.
7. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 304, 306, 349–350; Широкоград А. Б. Тевтонский меч и русская броня. М., 2004. С. 14–15, 37–39; Зайончковский П. А. Военные реформы в 1860–1870 гг. в России. М., 1952. С. 145.
8. Зайончковский П. А. Военные реформы... С. 153; Широкоград А. Б. Указ. соч. С. 45.
9. Прочко И. С. Указ. соч. С. 362, 372–374.
10. Цит. по: там же. С. 374.

11. Зайончковский П. А. Военные реформы... С. 154.
12. Там же. С. 53; Строков А. А. Указ. соч. С. 416.
13. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года... С. 250–253; Корелин А. П. Указ. соч. С. 81.
14. Прочко И. С. Указ. соч. С. 385, 408; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 49, 310; Широкоград А. Б. Указ. соч. С. 27; Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1855–1918. М., 1998. С. 31.
15. Широкоград А. Б. Указ. соч. С. 44.
16. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... Табл. 82.
17. Цит. по: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 83.
18. Цит. по: История дипломатии. М., 1963. Т. 2. С. 457.
19. Там же. С. 74; История первой мировой войны. 1914–1918. М., 1975. С. 101.
20. Записка Н. Х. Бунге Александру III «О финансовом положении России» // Исторический архив. 1960. № 2. С. 143.
21. Цит. по: Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 18.
22. См.: Юровский В. Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 43.
23. История XIX века. Т. V... С. 38–41.
24. Цит. по: Смирнов А. Ю. Указ. соч. С. 231.
25. Смирнов А. Ю. Указ. соч. С. 78–79.
26. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 158–159.
27. Смирнов А. Ю. Указ. соч. С. 225, 239, 242.
28. Там же. С. 77, 80, 225–226.
29. История Франции. Т. 2... С. 337–338.
30. Смирнов А. Ю. Указ. соч. С. 238.
31. Германская история. Т. 1... С. 276–284.
32. Чубинский В. В. Бисмарк. Биография. М., 1997. С. 112.
33. Цит. по: там же. С. 112–113.
34. Цит. по: Бернацкий М. В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб., 1911. С. 332.
35. Чубинский В. В. Указ. соч. С. 174–179.
36. Меринг Ф. История германской социал-демократии. Т. IV. М., 1907. С. 141–146.
37. Цит. по: Бернацкий М. В. Указ. соч. С. 401.
38. Там же. С. 436.
39. Цит. по: там же. С. 409.
40. Цит. по: там же. С. 103.
41. Цит. по: Верещагин А. Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М., 2002. С. 27.
42. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния... С. 372.
43. Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 201.
44. Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли. М., 1996 // [http:// www.gumer.info/ bibliotek_Buks/Econom/Maib/20.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Maib/20.php)
45. Бернацкий М. В. Указ. соч. С. 461.
46. Германская история. Т. 1... С. 352–353, 364–365, 370, 387, 450; Мильо Э. Германская социал-демократия. М., 1906. С. 69–71.
47. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния... С. 276–280.
48. Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев-Москва, 2003. С. 942–950.
49. Аксаков И. Сочинения. Т. 2. М. 1886. С. 695.
50. Цит. по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 338.
51. Цит. по: Леонтович В. В. Указ. соч. С. 323.
52. Там же. С. 323.
53. Гриценко Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881–1884 гг.: Политические и духовные аспекты внутренней политики. М., 2000. С. 64, 85.

54. Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 110, 121; Леонов О., Ульянов И. Указ. соч. С. 92, 99.
55. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1979. С. 46.
56. Уортман Р. Указ. соч. С. 121.
57. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 130, 199.
58. Уортман Р. Указ. соч. С. 121–123.
59. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 295.
60. Записка Н. Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России» // Исторический архив. 1960. № 2. С. 137.
61. Цит. по: Лаверычев В. Я. Указ. соч. С. 57.
62. Степанов В. Л. Указ. соч. С. 207.
63. Записка Н. Х. Бунге Александру III о состоянии бюджета России // Исторический архив. 1960. № 2. С. 143.
64. Степанов В. Л. Указ. соч. С. 227–228.
65. Погребинский А. П. Указ. соч. С. 156–159; Степанов В. Л. Указ. соч. С. 210.
66. Брандт В. Питейная монополия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. 46. С. 721–723.
67. Хадонов Е. Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861–1904 гг.). М., 1997. С. 73; Степанов В. Л. Иван Алексеевич Вышнеградский // Отечественная история. 1993. № 3. С. 109.
68. Витте С. Национальная экономика и Фридрих Лист. Киев., 1889.
69. Там же. С. 2.
70. Лаверычев В. Я. Указ. соч. С. 185; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 190; Егiazарова Н. А. Указ. соч. С. 105; Гиндин И. Ф. Государственный банк... С. 62, 63.
71. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ... С. 295.
72. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 165.
73. Там же. С. 279.
74. Там же. С. 246.
75. Московские ведомости. № 142, 23 мая 1883 г. С. 245.
76. Степанов В. Л. Н. Х. Бунге... С. 190–191, приложение, табл. 19.
77. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 172.
78. Шарапов С. Ф. Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895. СПб, 1897. Приложение. С. 20; Васильчиков А. И. Указ. соч. С. 358.
79. Там же; Китанина Т. М. Хлебная торговля России... С. 47, 100; Егiazарова Н. А. Указ. соч. С. 108.
80. Карелин А. П. Дворянство в пореформенной России. Состав, численность, корпоративная организация. 1861–1904 гг. М., 1979. С. 62. Табл. 4.
81. Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 200; Проскурякова Н. А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1973. № 1. С. 61, 63. Данные по Черноземному району без Пензенской губернии.
82. Там же. С. 191; Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 218, 245.
83. Там же. С. 40, 292–293.
84. Подсчитано по: Карелин А. П. Указ. соч. С. 56, 292–293; Материалы Комиссии 1901 года. Табл. VIII.
85. Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 205.
86. Цит. по: Карелин А. П. Указ. соч. С. 65.
87. Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 269.
88. Цит. по: Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство... С. 357.
89. Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 218, 245.
90. Анфимов А. М. Указ. соч. С. 71, 77–76.
91. Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. XI. СПб., 1903. С. 123–124.

92. Анфимов А. М. Указ. соч. С. 83, 84, 132–133, 201; Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М., 1971. С. 136.
93. Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 57.
94. Бруцкус Б. Аграрный вопрос и аграрная политика. Петроград, 1922. С. 65.
95. Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года. С. 229–231; Егiazарова М. А. Указ. соч. С. 115.
96. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство... С. 178. Табл. 74; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 412. Табл. I.
97. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 89; Материалы Комиссии 1901 года. С. 36.
98. Подсчитано по: Корелин А. П. Указ. Соч. С. 98, 100, 302–303; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 200; Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. С. 207; Канищев В. В. Выходцы из провинциальных городов в политической элите России первой четверти XX века // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX — начало XX вв. Тамбов, 2001. С. 38.
99. Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. С. 201; Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч. С. 52, 66; Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 50, 60, 78.
100. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 203, 207.
101. Цит. по: Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 252.
102. Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 255.
103. Цит. по: Там же. С. 255.
104. Цит. по: Там же. С. 258.
105. Там же. С. 260, 262.
106. Там же. С. 141; Ананьич Н. И. Указ. соч. С. 200–203; Чернуха В. Г. Указ. соч. Л., 1972. С. 77.
107. Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 136, 139, 140.
108. Яснопольский Н. П. О географическом распределении государственных доходов и расходов в России. Ч. I. Киев, 1890. С. 36.
109. Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года. Табл. VIII.
110. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... С. 65.
111. Цит. по: Симонова М. С. Кризис аграрной политики... С. 38.
112. Степанов В. Л. Бунге... С. 248.
113. Победоносцев К. П. Сочинения. СПб, 1996. С. 149.
114. Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 112.
115. Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. I. СПб., 1903. С. 22.
116. Там же.
117. См. также: Брусникин Е. М. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции (80–90-е гг. XIX века) // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 36.
118. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... С. 90, 91;
119. Русский вестник. 1887. № 2. С. 537.
120. Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 112.
121. Там же. С. 12.
122. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 120.
123. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века... С. 285; Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. С. 195.
124. Бехтеев С. Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия и меры к хозяйственному подъему. М., 1902. С. 281.
125. Симонова М. С. Кризис аграрной политики... С. 209; Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 191.
126. Витте С. Ю. Избранные воспоминания... С. 270.
127. Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев // Тайный правитель России. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С. 27.
128. Там же.

129. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в... С. 288–289.
130. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы. Л., 1981. С. 27–28.
131. Цит. по: Леонтович В. В. Указ. соч. С. 334.
132. Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 285.
133. Хадонов Е. Е. Указ. соч. С. 72.
134. Степанов В. Л. Бунге... С. 166.
135. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. I. М., 1960. С. 219–221.
136. Степанов В. Л. Указ. соч. С. 110, 166.
137. Цит. по: Книга М. Д. История голода 1891–1892 гг. в России. Дисс... к. и. н. Воронеж, 1997. С. 60.
138. Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. I. СПб., 1909. С. 100.
139. Шванебах П. Х. Денежное обращение и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 21.
140. Исаев А. А. Неурожай и голод. СПб., 1892. С. 11–12.
141. Nefedov S., Ellman M. Excess mortality in Russia in 1868–1912 and its historiographic implications // *Social Evolution and History*. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 173–197.
142. Ермолов А. С. Указ. соч. С. 108.
143. Китанина Т. М. Указ. соч. С. 42.
144. Степанов В. Л. Указ. соч. С. 112; Книга М. Д. Указ. соч. С. 169.
145. Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете // *Менталитет и аграрное развитие России*. М., 1994. С. 120.
146. Бутми Г. Итоги финансового хозяйства с 1892 по 1902 г. СПб., 1904. С. 58.
147. Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 142, 154, 195, 211; Прокопович С. Н. Народный доход западноевропейских стран. М.-Л., 1930. С. 47.
148. Статистика Российской империи. Т. 40. СПб., 1897. С. 252–253.
149. Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968. С. 21, 27, 72, 74, 75. Цены взяты для Центрально-Промышленного района: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11, 13.
150. Погребинский А. П. Указ. соч. С. 21, 27, 72, 74, 75. Цены взяты для Центрально-Промышленного района: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11, 13.
151. Robinson G. T. *Rural Russia Under the Old Regime*. N. Y. — L., 1967. P. 252.
152. Бутми Г. Указ. соч. С. 58.
153. Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 152.
154. Погребинский А. П. Указ. соч. С. 21, 27.
155. Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 2 М., 1959. С. 736.
156. Shanin T. *Russia as a "developing society"*. Houndmills, London, 1985. P. 191.
157. Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 68.
158. Витте С. Ю. Докладная записка Витте Николаю II // *Историк-марксист*. 1935. № 2/3. С. 131–132.
159. Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М., 1926. С. 137–138.
160. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы. С. 192, 223; Haimson L. *The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism*. Cambridge, Mass. 1955. P. 198.
161. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 282.
162. Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Том I. Берлин: Слово, 1922. С. 465.
163. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 288.
164. Цит. по: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 168.
165. Цит. по: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1983. С. 84.
166. Цит. по: Лурье Ф. Гапон и Зубатов (к истории политического сыска в России) // *Нева*. 1990. № 4. С. 165.
167. Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975. С. 239; Ксенофонов И. Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 57–58.
168. Гуревич Л. Я. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. // *Былое*. 1906. № 1. С. 198.

169. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство... С. 132.
170. Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 266.
171. Skocpol T. States and Social Revolutions. New York: Cambridge Univ. Press, 1979. P. 47–49, 95–97.
172. Чистый остаток за вычетом посева: справочники «Урожай... года». Данные о вывозе: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. II. СПб., 1902. С. 132–133; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пг., 1916. Табл. VII. А.3.
173. Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 280.
174. Там же. С. 281.
175. Белоусов Р. А. Экономическая история России. XX век. Кн. I. М., 1999. С. 21.
176. Привалова Т. В. Питание русского крестьянства на рубеже веков // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 145.
177. Цит. по: Биншток В. И., Каминский Л. С. Народное питание и народное здравие. М.-Л., 1929. С. 14.
178. Кауфман А. А. Указ. соч. С. 56.
179. Миронов Б. Н. «Сыт конь — богатырь, голоден — сирота»... С. 40.
180. Куропаткин А. Н. Русская армия. СПб., 2003. С. 176.
181. Цит. по: Миронов Б. Н. Указ. соч. 39.
182. Меньшиков М. О. Молодежь и армия. 13 октября 1909 г. // Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 109, 110.
183. Нефедов С. А. Уровень потребления в оскудевшем центре России и причины русской революции // Новейшая история России. 2020. № 4. С. 826–843.
184. Там же.
185. Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 190; Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. 1901–1912 гг.) // ЕАИВЕ. 1962. С. 502.
186. См., например: Кауфман А. А. Указ. соч. С. 51.
187. Подсчитано по: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства... С. 190.
188. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. Т. 3. М., 1992. С. 257.
189. Black C. E. The Dynamics of Modernization... P. 73–74.
190. Для зарубежных стран: Лохтин П. Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. СПб., 1901. С. 216–217. Для России см. предыдущую таблицу; для сопоставимости с данными П. Лохтина произведен пересчет картофеля в зерно в соотношении 1:4.
191. Россия в 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 305.
192. Цит. по: Ерофеев Н. Д. Уровень жизни населения России в конце XIX — начале XX в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2003. № 1. С. 55.
193. Милов Л. В. Великорусский пахарь... С. 571.
194. Чернышев Н. В. Аграрный вопрос в России... С. 27–28; Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 121–125.
195. Материалы Комиссии 1901 года. С. 201–213. Табл. XVIII.
196. Цит. по: Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма... С. 267.
197. Иванов А. А. Крестьянское хозяйство Черноземного центра России накануне и в годы Первой мировой войны. Дисс... канд. ист. н. М., 1998. С. 53.
198. Покшишевский В. В. Центральная-Черноземная область. М.-Л., 1929. С. 34.
199. Иванов А. А. Указ. соч. С. 53; Земцов Л. И. Крестьянское хозяйство Центрально-Черноземного района на рубеже XIX–XX веков // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. С. 53.
200. Цит. по: там же. С. 107.

201. Анфимов А. М. Экономическое положение... С. 119.
202. Там же.
203. Там же. С. 90; Wheatcroft S. Op. cit. P. 169.
204. Материалы Комиссии 1901 года. Табл. 23.
205. Бруцкус Б. Указ. соч. С. 71.
206. Анфимов А. М. Экономическое положение... С. 145.
207. Симонова М. С. Проблема «оскудения»... С. 236–237.
208. Материалы Комиссии 1901 года.
209. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 558.
210. Материалы Комиссии 1901 года. Вып. III. С. 280.
211. Там же. 233.
212. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство... С. 330. Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960.
213. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... С. 229.
214. Цит. по: Яцунский В. К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVIII века до 1917 года // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. С. 61. См. также: Лубны-Герцык Л. И. Об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 352.
215. Островский А. В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России (1862–1914) // Проблемы исторической географии России. Вып. II. М., 1982. С. 181.
216. Рындзюнский П. Г. К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX–XX вв. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 155–172.
217. Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город... С. 18.
218. Игнатович И. И. Указ. соч. С. 129–130.
219. Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России: Земельные отношения и земельная политика. М. 1908. С. 69–80.
220. Ляшенко П. И. Очерки истории аграрной эволюции России. СПб., 1908. С. 416.
221. Покровский М. Н. Крестьянская реформа. История России в XIX веке. Т. 3. М., 1907.
222. Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории. СПб., 1902. С. 68–95.
223. Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911. С. 470–472, 518–522.
224. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 32. СПб., 1895. С. 723–724.
225. Миронов Б. Н. Наблюдался ли в поздней имперской России мальтузианский кризис: доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. // История и Математика. О причинах Русской революции. М., 2009. С. 61.
226. Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 173.
227. Цит. по: Кауфман А. А. Указ. соч. С. 172.
228. Першин П. Н. Указ. соч. С. 227.
229. Цит. по: Первая революция в России. Взгляд через столетия. М., 2005. С. 81.
230. Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 83, 84; Першин П. Н. Указ. соч. С. 227.
231. Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. С. 483, 485; Wheatcroft S. Op. cit. P. 167.
232. Записка по крестьянскому делу председателя Высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб., 1903.
233. Цит. по: Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 211.
234. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 538.
235. Цит. по: История России. XX—начало XXI века. М., 2008. С. 92.
236. Первая революция в России... С. 52.

237. Бруцкус Б. Указ. соч. С. 63.
238. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 29–30.
239. Там же. С. 31.
240. Там же. С. 66, 82.
241. Рашин А. Г. Население России... С. 46. Табл. 20.
242. Там же. С. 66, 175.
243. Тудоряну Н. Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев, 1986. С. 173. Табл. 15.
244. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство... С. 350.
245. Там же. С. 171–172. Табл. 14.
246. Там же. С. 23.
247. Цит. по: Там же. С. 174.
248. Schofield R. S. Through a Glass Darkly: The Population History of England as an Experiment in History // *Population and History. From the Traditional to the Modern World*. Cambridge, 1986. P. 13.
249. Цит. по: Морозов С. О. Центральная Россия в 1897–1917 гг.: проблемы демографического развития. Пенза, 2001. С. 99.
250. Там же. С. 100.
251. Хок С. Л. Мальтус... С. 45–47.
252. Подсчитано по: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 44–45. Табл. 19.
253. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. СПб., 1880. С. XXXIX.
254. Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 175, 274–285; Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 252–254.
255. Нефедов С. А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX – начала XX века // *Российская история*. 2009. № 2. С. 155–162.
256. Омран А. П. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // *Проблемы народонаселения: о демографических проблемах стран Запада*. М., 1977; *Демографическая модернизация России. 1900–2000*. М., 2006. С. 257.
257. Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941. С. 225, 245; *Демографическая модернизация России...* С. 18–19.
258. Wrigley E. A., Schofield R. S. *The Population History of England, 1541–1571: A Reconstruction*. Cambridge (Mass.), 1981. P. 446–478; Schofield R. S. *Op. cit.* P. 11–34.
259. *Воспроизводство населения СССР*. М., 1983. С. 57, 86.
260. Новосельский С. А. *Смертность и продолжительность жизни в России*. Пг., 1916. С. 54.
261. Там же. С. 179.
262. Там же. С. 182, 184.
263. *Демографическая модернизация России...* С. 24.
264. Подсчитано по: С. Рашин А. Г. Указ. соч. С. 167–168, 187–188, 217–218;
265. Нефедов С. А. О связи демографических показателей... С. 160.
266. Там же.
267. Там же.
268. Вишневский А. Г. *Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР*. М., 1998. С. 113–114.
269. Томилин С. А. *Демография и социальная гигиена*. М., 1973. С. 135.
270. Wheatcroft S. *The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960* // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. P. 52.
271. Княжинская Л. А. *Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах*. М., 1980. С. 105, 107.
272. Нефедов С. А. О связи демографических показателей... С. 161.
273. Рашин А. Г. Указ. соч. С. 187–188.
274. Там же. С. 155–156.

275. Nefedov S., Ellman M. Excess mortality in Russia in 1868–1912 and its historiographic implications // *Social Evolution and History*. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 173–197.
276. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Т. 1. Екатеринбург, 2000. С. 24–30.
277. Корнилов Г. Е. Создание системы продовольственного обеспечения населения страны в первой половине XX века // *History of the Russian Peasantry in the 20th Century*. Vol. 1. Tokyo, 2002. P. 37–38.
278. Воспроизводство населения СССР... С. 127–128.
279. Там же.
280. Подсчитано по: Рашин А. Т. Указ. соч. С. 167–168, 187–188.
281. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет... С. 114; Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 341.
282. Там же; Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1903. М., 1980. С. 15.
283. Энгел Б. Бабья сторона // *Менталитет и аграрное развитие России*. М., 1996. С. 76, 85, 89.
284. Дубровский С. М. Указ. соч. С. 342; Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 220; Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 109.
285. Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года. С. 36; Рындзюнский П. Г. Указ. соч. С. 41.
286. Московская губерния по местному обследованию. М., 1903. Т. I. Вып. I. С. 40.
287. Там же. Т. IV. Вып. 1. С. 40.
288. Подсчитано по: Фурсов В. Н. Классовая борьба... С. 47.
289. Дубровский С. М. Указ. соч.
290. Материалы Комиссии 1901 года. С. 216; Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1983. С. 29.
291. Материалы Комиссии 1901 года. С. 36.
292. Гурвич И. Экономическое положение русской деревни. М., 1941. С. 80.
293. Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма... С. 263.
294. Подсчитано по: Материалы Комиссии 1901 года. Табл. 22.
295. Подсчитано по: Кореневская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1953. С. 119, 122–123.
296. Цит. по: Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город... С. 120.
297. Оплата батрака по шести губерниям Черноземного района (Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской) подсчитана по: Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. III. СПб., 1902. С. 8–9; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству... С. 470–471, 516–517. Оплата строительных рабочих: Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.) М., 1973. С. 117. Табл. 16. Цены: Миронов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11.
298. Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 103, 161.
299. Laue von Th. H. The Chances for Liberal Constitutionalism // *Slavic Review*. 1965. Vol. XXIV. N1. P. 41–43.
300. Волобуев О., Шелохаев В. «Великие потрясения» 1905–1907 гг. в контексте российской модернизации // *Свободная мысль*. 2005. № 1. С. 181.
301. Цит. по: Верт Н. История советского государства. М., 1995. С. 19.
302. Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1897. С. 17, 19.
303. См.: Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976. С. 27–28.
304. Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 205–206. Численность самодеятельного населения для Германии подсчитана мной.
305. Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период монополистического капитализма. Численность, состав, положение. М., 1985. С. 73.
306. Там же.

307. Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909. С. 5–6, 35.
308. Там же. С. 6.
309. Walkin J. The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia. London, 1963. P. 98–99.
310. Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 17, 40, 91.
311. Там же. С. 6; Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 48, 73, 108; Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1906. С. 110; Он же. Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России. СПб., 1910. С. 53; его же. Сравнительный очерк положения рабочего класса на Западе и в России // Труды Вольного Экономического общества. 1911. СПб., 1911. Т. 1. Кн. 1. С. 79–80.
312. Кузьминых-Лапин И. М. Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911. С. 4.
313. Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 6.
314. Там же. С. 5.
315. Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia // Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 128–172.

Глава VIII. Экосоциальной кризис

1. Goldstone J. Op. cit. P. 24–27.
2. Black C. E. The Dynamics of Modernization... P. 72–73.
3. Ibid. P. 73.
4. Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 158.
5. Хобсбаум Э. Век капитала... С. 17, 24–26.
6. См. подробнее: Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Указ. соч. С. 87; Волобуев О., Шелохаев В. Указ. соч. С. 183.
7. Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 23.
8. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 94–112; Шаховский Д. И. «Союз освобождения» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 583.
9. Шацилло К. Ф. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901–1904 гг.) // Исторические записки. 1976. Т. 97. С. 75; Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 166.
10. Леонтович В. В. Указ. соч. С. 363–363.
11. Цит. по: там же. С. 363.
12. Там же. С. 363–364.
13. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 149.
14. Медушевский А. Н. Русский конституционализм второй половины XIX — начала XX в. // Первая российская революция 1905–1907 гг. Обзор советской и зарубежной литературы. М., 1991. С. 123.
15. Шацилло К. Ф. Указ. соч. С. 75.
16. Цит. по: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 121.
17. Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 418–424; Keep J. L. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963. P. 270; Костин А. Ф. Ленин — создатель партии нового типа. М., 1980. С. 183.
18. Уткин А. И. К вопросу о численности и составе РСДРП в 1905–1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 12, 17, 22.
19. Программа партии Социалистов-Революционеров // Международный исторический журнал. 1999. № 3 // http://history.machaon.ru/all/number_03/projects/social/index.html
20. Там же.
21. Леонов М. И. Численность и состав партии эсеров в 1905 и 1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 52, 64, 57.
22. Миронов Б. Н. Социальная история... Т. 1. С. 42.
23. Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914). М., 1992. С. 27.

24. Рашин А. Г. Указ. соч. С. 309.
25. Уткин А. И. Указ. соч. С. 12, 17, 22.
26. Laue Th. von. Why Lenin... P. 50.
27. Ibid. P. 27.
28. Кожин В. Черносотенцы и Революция. М., 2016. С. 28–29.
29. Степанов С. А. Указ соч. С. 32–33, 38.
30. Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 399.
31. Сорокин А. И. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-исторический очерк. М., 1956. С. 280281.
32. Куропаткин А. Н. Указ. соч. С. 565. См. также: Шикуц Ф. И. Дневник солдата в русско-японскую войну. М., 2003. С. 25, 71.
33. Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. 4 дополнительный полутом. Россия. СПб., 1902. С. LXXXIX.
34. См.: Нефедов С. А. Истоки 1905 года: «Революция извне?» // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 47–60.
35. Цит. по: Кавторин В. В. Первый шаг к катастрофе. 9 января 1905 года. Л.: Лениздат, 1992. С. 282.
36. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 2389а. Л. 29 об.
37. Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952. С. 193.
38. Инаба Чихару. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия в 1904–1905 гг. М.: РОССПЭН, 2013. С. 79; Павлов Д. Б. Японские деньги и первая русская революция. М.: Вече, 2011. (286) С. 71.
39. Akashi M. Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Helsinki, 1988. P. 36.
40. Инаба Чихару. Указ. соч. С. 48–51, 65–68.
41. Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 168.
42. Инаба Чихару. Указ. соч. С. 76.
43. Там же. С. 85.
44. РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 215. Л. 47об.
45. Akashi M. Op. cit. P. 40.
46. Ibid. P. 41.
47. Инаба Чихару. Указ. соч. С. 93; см. также: Павлов Б. Д. Указ. соч. С. 96.
48. Инаба Чихару. Указ. соч. С. 85–86.
49. Akashi M. Op. cit. P. 41.
50. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 1738. Л. 5; ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1905. Д. 4. Ч. 1. Т. 2. Л. 9.
51. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 77. С. 241.
52. Там же. С. 253.
53. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 1250. Ч. 1. Л. 51.
54. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 138.
55. Цит. по: Инаба Чихару. Указ. соч. С. 94.
56. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. 56; Спиридович А. Н. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Пг., Военн. тип., 1918. С. 155.
57. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 1250. Ч. 1. Л. 63об.
58. ГАРФ. Ф. 102. ДП. 3 делопр. 1904. Оп. 102. Д. 5. Т. 3. Л. 143а; РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 230. Л. 52.
59. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Литер «А». Л. 45; Спиридович А. Н. Указ. соч. С. 155;
60. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Литер «А». Л. 5–5 об.
61. Цит. по: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 32.
62. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 131.
63. Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 1. М.: АСТ, 2001. С. 667.
64. Цит. по: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 39–40.
65. Там же. С. 310.

66. Кризис самодержавия в России... С. 166.
67. Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 235, 237.
68. Цит. по: Кавторин В. В. Указ. соч. С. 312.
69. Гапон Г. История моей жизни. Л., 1926. С. 71; Карелин А. Е. 9 января и Гапон // Красная летопись. 1922. № 1. С. 109.
70. Павлов И. И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне // Минувшие годы. 1908. Кн. 3. С. 47.
71. Филиппов А. Странички минувшего. I. Несколько слов о Гапоне // Новый Журнал для Всех. СПб., 1913. № 6. Ст. 112
72. Петров Н. П. Записки о Гапоне. Часть 1 // Всемирный Вестник. 1907. № 1. С. 43.
73. Нефедов С. А. Как готовили революцию 1905 г. // Вопросы истории. 2015. № 7. С. 41–55.
74. Филиппов А. Указ. соч. Ст. 114.
75. Матюшенский А. И. Гапон и мой антихрист (повесть моего безумия). Благовещенск, 1917. С. 8–9.
76. Начало первой русской революции... С. 7.
77. Филиппов А. Указ. соч. Стб. 114.
78. На Франко-русском заводе // Биржевые ведомости. 1905. № 6. С. 3; Забастовка рабочих // Новое время. № 10363 (5 янв.) С. 5; РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 230. Л. 94об.
79. Петров Н. П. Указ. соч. С. 46–47.
80. Гапон Г. Указ. соч. С. 164. Прим. 121.
81. Людвиг Г.-б. Гапоновские дни. Личные воспоминания участника // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1942. № 10594. С. 2.
82. Павлов И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне // Минувшие годы. 1908. № 4. С. 91.
83. Там же. С. 91; Ганелин Р. Ш. К истории текста петиции 9 января 1905 года // Вспомогательные исторические дисциплины. XIV. Л., 1983. С. 230–232; Начало первой русской революции. Январь–март 1905 г. М., 1955. С. 16–18.
84. Рутенберг П. М. Убийство Гапона. М., 1990. С. 18.
85. Подробнее о составлении петиции см.: Нефедов С. А. Как готовили революцию 1905 г. // Вопросы истории. 2015. № 7. С. 41–55.
86. Протокол допроса В. А. Янова // Красная летопись. 1922. № 1. С. 319; Ганелин Р. Ш. К истории текста петиции... С. 232, 248–249.
87. Хлысталов Э. Правда о священнике Гапоне // Слово. 2002. № 4. С. 106.
88. Горький А. М. Полное собрание сочинений. Т. 16. М. 1973. С. 523; Кавторин В. В. Указ. соч. С. 332; Беренштам В. 9 января (по воспоминаниям политического защитника) // Суд идет. 1924. № 1. С. 23–24.
89. Ксенофонтов И. Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 100.
90. Цит. по: там же. С. 108.
91. Там же.
92. Гончаров В. Январские дни 1905 года в Петербурге // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 154.
93. Гапон Г. Указ соч. С. 88; Сомов С. И. Из истории социал-демократического движения в Петербурге в 1905 г. // Былое. 1907. № 4. С. 38–39; С. 35; Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 169.
94. Гапон Г. Указ соч. С. 90; Рутенберг П. М. Указ. соч. С. 9.
95. Цит. по: Лурье Ф. Указ. соч. С. 174. См. также: Любимов Д. Н. Указ. соч. С. 130; Максимов А. Признание Гапона // Двуглавый Орел. 1930. № 37. С. 1785.
96. Гапон Г. Указ соч. С. 93; Горький А. М. Указ. соч. С. 519; Гончаров В. Указ. соч. С. 154; Леонов М. И. Указ. соч. С. 169; Доклад директора департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись. 1922. № 1. С. 336.
97. Каховская И. К. Горький 9 января 1905 года // Новый мир. 1959. № 3. С. 219; Доклад директора... С. 336; Ксенофонтов И. Н. Указ. соч. С. 123–124.
98. Невский В. Январские дни в Петербурге // Красная летопись. 1922. № 1. С. 36.
99. Гапон Г. Указ соч. С. 104; Горький М. Указ. соч. С. 522.
100. Рутенберг П. М. Указ. соч. С. 13.

101. Рутенберг П. М. Указ. соч. С. 14; Ксенофонтов И. Н. Указ. соч. С. 129.
102. Архив А. М. Горького. Т. V. М., 1955. С. 148.
103. Так у С. И. Сомова, хотя официально Трепов вступил в должность 11 января.
104. Сомов С. И. Указ. соч. С. 41–42.
105. Цит. по: Ксенофонтов И. Н. Указ. соч. С. 139.
106. Невский В. Указ. соч. С. 53.
107. Доклад директора... С. 334–335.
108. Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 176.
109. Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 141.
110. Карелин А. Е. Указ. соч. С. 113.
111. Миронов Б. Н. Социальная история... Т. II. С. 90.
112. Освобождение. № 64. Париж, 25 января (12 января) 1905. С. 233. Подпись: П.С.
113. Куропаткин А. Н. Указ. соч. С. 529.
114. Начало первой русской революции... С. 668–683.
115. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2001. С. 391.
116. Начало первой русской революции... С. 668–683; Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 108; Рабочий класс в первой русской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 95.
117. Цит. по: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 80.
118. Там же. С. 75.
119. Гусятников П. С. Указ. соч. С. 148.
120. Цит. по: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 68–70.
121. Цит. по: там же. С. 79.
122. Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М.-Пг., 1923. С. 59–60.
123. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 87, 96.
124. Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М., 1926. С. 137–138.
125. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 69–71; Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897–1913. Л., 1970. С. 128–132.
126. Цит. по: Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 132.
127. Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 132.
128. Цит. по: История СССР. Т. VI. М., 1968. С. 125.
129. Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 95.
130. Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1966. С. 141.
131. Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1956. С. 46–47; Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990. С. 58.
132. Анфимов А. М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 57.
133. Дубровский С. М. Крестьянское движение... С. 46–49. С. 58.
134. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 99, 143.
135. Милюков П. Н. Воспоминания... С. 181.
136. Шаховский Д. И. Указ. соч. С. 589.
137. Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 124, 132.
138. Шаховский Д. И. Указ. соч. 589.
139. Шустер У. А. Указ. Соч. С. 133; Рабочий класс в первой русской революции... С. 127, 132.
140. Schwarz C. M. The Russian Revolution of 1905. The Worker's Movement and the Formation of Bolshevism and Menshevism. Chicago and London, 1967. P. 135.
141. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 142.
142. Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 399.
143. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 160–163, 155.
144. Цит. по: там же. С. 175.
145. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 177.
146. Цит. по: Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие... С. 174.
147. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 180.

148. Там же. С. 181.
149. Там же. С. 185.
150. Цит. по: там же. С. 186.
151. Аврех А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 9.
152. Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 358.
153. Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 71, 357.
154. Милюков П. Н. Указ. соч. С. 221.
155. Там же. С. 309, 332.
156. Цит. По: Гусятников П. С. Указ. соч. С. 152.
157. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1. М.-Л., 1955. С. 409.
158. Пушкарёва И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975. С. 44, 119, 127.
159. Пушкарёва И. М. Указ. соч. С. 148, 152, 153.
160. Рабочий класс в первой русской революции... С. 156, 161.
161. Всероссийская политическая стачка... С. 440.
162. Кеер J. L. Op. cit. P. 219, 222.
163. История России. XX—начало XXI века. М., 2006. С. 123–124.
164. Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 455.
165. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 194.
166. Цит. по: Платонов О. История русского народа в XX веке. Т. I.— http://www.hrono.ru/proekty/russia/Author/Russ/P/Platon/XXvek_1/XXvek_134.html
167. Степанов С. А. Указ. соч. С. 56, 72, 74.
168. Цит. по: Рабочий класс в первой русской революции... С. 175.
169. Гохленер В. М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Исторические записки. 1955. Т. 52. С. 200.
170. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 гг.— 1917–1922 гг. М., 1997. С. 153.
171. Гохленер В. М. Указ. соч. С. 192.
172. Буховец О. Г. Указ соч. С. 315.
173. Буховец О. Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 192.
174. Цит. по: Кабытов П. С. Указ. соч. С. 67.
175. Цит. по: Рабочий класс в первой русской революции... С. 176.
176. Цит. по: Кабытов П. С. Указ. соч. С. 64.
177. Шанин Т. Указ. соч. С. 258.
178. Подсчитано по: Обухов В. М. Указ. соч. С. 78–79, 103–107.
179. Першин П. Н. Указ. соч. С. 48, 51.
180. Кабытов П. С. Указ. соч. С. 63.
181. Сенчакова Л. Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989. С. 87–88.
182. Цит. по: Шанин Т. Указ. соч. С. 161.
183. Цит. по: Сенчакова Л. Т. Указ. соч. С. 94.
184. Прокопович С. Н. Аграрный вопрос в цифрах. СПб., 1907. С. 26; Гохленер В. М. Указ соч. С. 233.
185. Цит. по: Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 29.
186. Там же. С. 37.
187. Безгин В. Б. Коллективизм и эгалитаризм в общинной психологии русского крестьянства конца XIX—начала XX века // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. СПб, 2003. С. 272.
188. Сенчакова Л. Т. Указ. соч. С. 182, 257.
189. Симонова М. С. Крестьянское движение 1905–1907 гг. в советской историографии // Исторические записки. 1975. Т. 95. С. 209–210.
190. Clarkson G. D. A History of Russia. N. Y., 1961. P. 381–382; Robinson G. T. Op. cit. P. 185, 203.

191. Шанин Т. Указ. соч. С. 259.
192. Там же. С. 169, 204–207.
193. Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 2. М., 2001. С. 251.
194. Там же; Кирюхина Е. И. Всероссийский крестьянский съезд в 1905 г. // Исторические записки. 1955. Т. 50. С. 114–124.
195. Баранов В. П. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1905–1907 гг. // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX—начало XX вв.). Вып. 1. Тамбов, 1996. С. 17.
196. История России. XX-начало XXI века. М., 2006. С. 114, 119–120.
197. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I. М., 1999. Гл. 7.
198. Рассчитано по: Дубровский С. М. Указ. соч. С. 132; Кризис самодержавия в России... С. 241.
199. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг... С. 188–189, 200.
200. Цит. по: Кризис самодержавия... С. 252.
201. Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 42–49; Kochan L. Russia in Revolution. London, 1966. P. 94; Robinson G. T. Op. cit. P. 163, 168.
202. Хобсбаум Э. Век капитала... С. 26.
203. Рабочий класс в первой русской революции... С. 183, 186.
204. Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 106–118; Ананьич Б. В. Указ. соч. С. 153–161.
205. Рабочий класс в первой русской революции... С. 200; Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция... С. 241; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 232.
206. Рабочий класс в первой русской революции... С. 195–211, 267–268; Гусятников П. С. Указ. соч. С. 189.
207. Дубровский С. М. Крестьянское движение... С. 42.
208. Гохленер В. М. Указ. соч. С. 218.
209. Цит. по: Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Москва-Тамбов, 1996. С. 10–12.
210. Дубровский С. М. Указ. соч. С. 42; Шанин Т. Указ. соч. С. 164.
211. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. ... С. 243.
212. Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 487.
213. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 236; Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 63–63.
214. Цит. по: Аврех А. Я. Указ. соч. С. 13.
215. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 197.
216. Цит. по: там же. С. 203.
217. Кризис самодержавия... С. 295.
218. Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 140–147.
219. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 233.
220. Там же. С. 215, 218, 233; Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 440.
221. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 218–224; Степанов С. Л. Указ. соч. С. 110; Политические партии России. Конец XIX—начало XX века. М., 1996. С. 529.
222. История России. XX-начало XXI века. М., 2006. С. 132–133.
223. Цит. по: Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 69.
224. Милюков П. Н. Указ. соч. С. 241.
225. История России. XX-начало XXI века... С. 133.
226. Цит. по: Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа. М., 1963. С. 132.
227. Дубровский С. М. Крестьянское движение... С. 42; Bushnell J. Mutiny amid Repression. Bloomington, 1985. P. 173; Сидельников С. М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962. С. 307–309.
228. Шанин Т. Указ. соч. С. 149, 166; Сенчакова Л. Т. Указ. соч. С. 62.
229. Кеер J. L. Op. cit. 1963. P. 265.
230. Рабочий класс в первой русской революции... С. 288.

231. Шанин Т. Указ. соч. С. 252.
232. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг... С. 235; Manning R. T. The Crisis of the old Order in Russia. Gentry and Government. Princeton, 1982. P. 247, 250, 258; Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. С. 53.
233. Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 178–184; Милюков П. Н. Указ. соч. С. 267–269.
234. Дубровский С. М. Крестьянское движение... С. 42; Першин П. Н. Указ. соч. С. 48–49.
235. Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975. С. 306; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 239, 243; Каррер д'Анкросс Э. Николай II: расстрелянная преемственность. М., 2006. С. 180.
236. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1... С. 203.
237. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. М., 1978. С. 9–11.
238. Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 68.
239. Милюков П. Н. Указ. соч. С. 271.
240. Редигер А. Ф. Указ. соч. Гл. 7.
241. Gatrell P. The Tsarist Economy. 1850–1917. N. Y., 1986. P. 232.
242. Цит. по: Дьячков В. А., Есиков С. А. Канищев В. В., Протасов Л. Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С. 150.
243. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 246.
244. Дурново П. Н. Записка // Красная новь. 1922. № 6. С. 195–196.
245. Там же. С. 196–197.
246. Струве П. Б. Интеллигенция и революция... С. 145.
247. Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 92.
248. Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921 гг. М., 2006. С. 167–172, 265.
249. Хаймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3.
250. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство... С. 132.
251. Пересчет сделан по средним ценам за 1900–1902 и 1911–1913 годы. Цены: Миرونнов Б. Н. Хлебные цены... Приложение. Табл. 11, 14; налоги: Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи... С. 502.
252. Дружинин Н. М. Русская деревня... С. 260, 262.
253. История России. XX век. М., 1996. С. 94; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 223.
254. Аврех А. Я. Указ. соч. С. 67.
255. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годы... С. 223.
256. Бородин А. П. Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 37.
257. Цит. по: История России. XX век... С. 93.
258. Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 97.
259. Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа... С. 191.
260. Gatrell P. Op. cit. P. 121, 123; Volin L. A Century of Russian Agriculture. From Alexander II to Kruchev. Cambridge (Mass.). 1970. P. 69.
261. Попов И. П. Указ. соч. С. 262–264; Кнапп Г. Ф. Указ. соч. С. 118, 170–171.
262. Столыпин П. А. Указ. соч. С. 47, 49, 53.
263. См.: Бруцкус Б. Указ. соч. С. 58–62.
264. Цит. по: Сидельников С. М. Аграрная политика... С. 96.
265. История России. XX век... С. 95.
266. Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 325. См. также: Колонтаева А. В. Витте и аграрный вопрос в России (1892–1908 гг.) Автореф. дисс... канд. ист. н. Ростов-на-Дону, 1998. С. 25.
267. Цит. по: Леонтович В. В. Указ. соч. С. 261.
268. Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России... С. 128, 131.

269. Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа... С. 150, 153.
270. Цит. по: Ковальченко И. Д. Аграрное развитие России и революционный процесс // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992. С. 253.
271. Kingston-Mann E. In Search of the True West: Culture, Economics and Problems of Russian Development. Princeton, 1999. P. 4, 6.
272. Сидельников С. М. Аграрная политика... С. 110, 178–180; Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство... С. 120.
273. Подсчитано по: Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа... С. 574, 585, 367.
274. Там же; Иванов А. А. Указ. соч. С. 32, 69, 74; История России. XX век... С. 96.
275. См.: Кофод А. А. Хуторское расселение. СПб., 1907. С. 3–4.
276. Кнапп Г. Ф. Указ. соч. С. 118, 170–171; Кампфмейстер П. Указ. соч. С. 27.
277. Цит. по: Грауздин Ф. Х. Записка Секретаря Шадринской Земельной Управы Ф. Х. Грауздина о нуждах крестьянского хозяйства в Шадринском уезде и мерах к их удовлетворению // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 30. Пермская губерния. СПб, 1903. С. 544.
278. Дубровский С. М. Указ. соч. С. 200, 241, 392, 532.
279. Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых в России до войны и перспективы ее развития в будущем // Вайнштейн А. Л. Избранные труды. Кн. 1 М., 2000. С. 305–320; Кудрявцев Н. К вопросу о поднятии урожайности на Урале // Хозяйство Урала. 1928. № 10. С. 59–60.
280. Огановский Н. П. Перспективный план развития посевных площадей и урожаев по регионам // Плановое хозяйство. 1927. № 6. С. 105.
281. Вавилов Н. И. Проблема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-селекционера // Пути сельского хозяйства. 1928. № 7. С. 72–79.
282. Лабузов В. А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ. Дисс... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 305–308.
283. Там же. С. 306.
284. Дубровский С. М. Очерки русской революции. Вып. I. Сельское хозяйство. М., 1923. С. 105.
285. Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа... С. 392; Чернышев И. В. Аграрный вопрос в России... С. 148.
286. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 133.
287. Там же. С. 134.
288. Сидельников С. М. Аграрная политика... С. 98, 192–195.
289. Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство... С. 40.
290. Там же. С. 142.
291. Проскурякова Н. А. Земельные банки Российской империи. М. 2002. С. 302–303. Табл. 50.
292. Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство... С. 143.
293. Подсчитано по: Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1973. № 1. С. 85. Табл. 2; Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство... Табл. 17, приложение 1.
294. Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 198.
295. Посчитано по: Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство... С. 370, 371.
296. Там же. С. 371.
297. Иванов А. А. Указ. соч. С. 46–47, 83.
298. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009. С. 98.
299. Подсчитано по: Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX—начале XX в. М., 1988. С. 169. Табл. 17. С. 176–177. Табл. 19.
300. Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа... С. 459, 466.
301. Анфимов А. М. Земельная аренда в России... С. 163.
302. Подсчитано по: Сборник статистико-экономических сведений... Табл. А. 1.
303. Ковальченко И. Д. Аграрное развитие России... С. 256.
304. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 194–195.

305. Там же.
306. Нефедов С. А. Региональные эффекты столыпинской реформы // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 925–935.
307. См.: Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Выпуск 1. Пг., 1916; Выпуск 2, Пг., 1917; Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Пг, 1916.
308. Подсчитано по: Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Выпуск 1. Пг, 1916; Вып. 2, Пг, 1917; Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Пг, 1916; Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. С. 266–267; чистый остаток за вычетом посева: справочники «Урожай... года».
309. Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Дисс... докт. ист. наук. Уфа, 2003. С. 401, 405.
310. Рогалина Н. Л. Аграрный кризис в российской деревне начале XX века // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 12.
311. Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 23; Крицман Л. Героический период Великой Русской революции. М.-Л., 1926. С. 68.
312. Шагин Э. М. А. В. Чайанов об аграрных сдвигах в крестьянском хозяйстве в предреволюционной России // Аграрные технологии в России IX–XX вв. Арзамас, 1999. С. 185–186; Бруцкус Б. Д. Указ. соч.
313. Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia// Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 135–136.
314. Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство... С. 263.
315. Там же. С. 152; Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время революции и гражданской войны. М., 1991. С. 116; Gatrell P. The Tsarist Economy... P. 123; Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 415.
316. Лященко П. И. Экономические предпосылки 1917 года // Аграрная революция. Т. 2. М., 1927. С. 35.
317. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 591.
318. Фигуровская Н. К., Симонов В. В. Н. Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени // Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 34, 36.
319. Данилов В. П. О характере аграрной эволюции России после 1861 года // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 60.
320. Материалы по вопросам разработки продовольственного плана. Вып. 1. Нормы продовольствия населения России по данным бюджетных исследований / ред. А. В. Чайанов. М., 1916. С. 47. Табл. 16. См. также: Клепиков С. А. Питание русского крестьянства. Ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920. С. 27.
321. Яшнов Е. К вопросу о продовольственном плане // Известия Особого совещания по продовольствию. 1916. № 28. С. 59.
322. Материалы по вопросам разработки продовольственного плана... С. 283.
323. Миронов Б. Н. «Сыт конь — богатырь...» С. 37.
324. Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в.: (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003. С. 194–198.
325. Нефедов С. А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М., 2017. С. 13–14.
326. История России. XX — начало XXI века. М., 2006. С. 156–157; Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень... С. 48.
327. Средняя заработная плата фабричного рабочего по шести губерниям ЦПР (Московской, Калужской, Смоленской, Тверской, Владимирской, Ярославской)

- с учетом численности рабочих по губерниям подсчитана по: Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. М., 1976. С. 47, 169, 178, 183. В г. берется 287 рабочих дней. Средняя заработная плата батрака на своих харчах в период сева подсчитана для четырех губерний (Воронежской, Орловской, Курской и Тамбовской) по: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб., 1907, 1912, 1916; 1901 год в сельскохозяйственном отношении. Вып. 6. СПб., 1902. Цены: Миронов Б. Н. Хлебные цены в России... Приложение. Табл. 1.
328. Бородкин Л. И., Валетов Т. Я. Росла ли реальная зарплата рабочих в период капиталистической индустриализации? // Вестник РГНФ. 2002. № 1. С. 18, 23, 23.
329. Измествьева Т. Ф. Источники по истории цен XIX—начала XX века // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 410.
330. Корреляция подсчитана по источникам, указанным в примечании к рис. 8.1.
331. Подсчитано по тем же источникам.
332. Цит. по: Шепелев Л. Е. Проблемы развития промышленности и рабочий вопрос в России в 1904–1914 гг. // Реформы или Революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992. С. 227.
333. Лященко П. И. История народного хозяйства... Т. II. С. 405–406, 412–413.
334. Noetzold J. Wirtschaftspolitische Alternativen der Entwicklund Russlands in der Aera Witte und Stolypin. Berlin, 1966. S. 146–181.
335. Allen R. C. Farm to Factory. Princeton and Oxford. 2003. P. 35.
336. Бокарев Ю. П. Еще раз о темпах роста промышленного производства в России в конце XIX—начале XX века // Отечественная история. 2006. № 1. С. 140. См. также: Ерофеев Н. Д. Указ. соч. С. 68.
337. Подсчитано по: Мендельсон Л. А. Указ. соч. Т. 3. С. 516, 524.
338. Крузе Э. Э. Указ. соч. С. 42.
339. Подсчитано по: Крузе Э. Э. Указ. соч. С. 23, 26, 42.
340. Россия в 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 308.
341. Рогачевская Л. С. Ликвидация безработицы в СССР в 1917–1930 гг. М., 1973. С. 51; Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. Ч. 1. С. 216.
342. Аврех А. Я. Указ. соч. С. 30; Давидович А. М. Указ. соч. С. 304, 305.
343. Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 133. Прим.
344. Давидович А. М. Указ. соч. С. 304, 305.
345. Аврех А. Я. Указ. соч. С. 35.
346. Цит. по: Дякин В. С. Указ. соч. С. 34.
347. Там же. С. 33.
348. Там же. С. 129, 233.
349. Уортман Р. Указ. соч. С. 121–123.
350. Мэсси Р. Николай и Александра. М., 2003. С. 234.
351. Амальрик А. Распутин. М., 1992. С. 112.
352. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 годы... С. 236.
353. Думова Н. Г., Шацилло К. Ф. Либералы и революция (тезисы доклада) // Реформы Или Революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992. С. 172; Дякин В. С. Указ. соч. С. 9.
354. Дубровский С. М. Сельское хозяйство... С. 68. Табл. 7.
355. Цит. по: Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и первая мировая война (материалы международного colloquium). СПб., 1999. С. 25.
356. Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа... С. 518.
357. Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 2. С. 90.
358. Дубровский С. М. Указ. соч. С. 530, 541, 551.
359. Там же. С. 532.
360. Там же. С. 527; Анфимов А. М. Указ. соч. С. 82–85.
361. Цит. по: Иванов А. А. Указ. соч. С. 139.
362. Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 2. М., 2001. С. 251.

363. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). Документы и материалы. М., 2003. С. 9. См. также: Дьячков В. А., Есиков С. А. Канищев В. В., Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 150.
364. Аврех А. Я. Указ. соч. С. 91.
365. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 93.
366. Пайпс Р. Указ. соч. Ч. 1. С. 216.
367. Кирьянов Ю. И., Бородин Л. И. Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце XIX — начале XX вв. // Россия и США на рубеже XIX — XX вв. М., 1992. С. 51; Поршнева О. С. Указ. соч. С. 149, 159; Хаймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX — начале XX в.: роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917. СПб., 1997. С. 28–53.
368. Хаймсон Л. Об истоках революции... С. 6.
369. Кирьянов Ю. И., Бородин Л. И. Указ. соч. С. 48; Хэймсон А., Бриан Э. Стачечное движение в России во время мировой войны: количественный анализ // Россия и США на рубеже XIX — XX вв. М., 1992. С. 80.
370. Керенский А. Ф. Русская революция. М., 2005. С. 77.
371. Алексеева И. В. Агония сердечного согласия. Л., 1990. С. 12.
372. Дурново П. Н. Записка // Красная новь. 1922. № 6. С. 195–197.
373. Цит. по: Игнатъев А. В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX — XX веков // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 39.
374. Цит. по: Яковлев Н. Н. Последняя война старой России. М., 1993. С. 160.
375. Хобсбаум Э. Век Империи... С. 423. См. также: Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. С. 111.
376. Боханов А. Н. Самодержавие — русская форма монархического авторитаризма // Московский журнал. 2003. № 3.
377. Мы не учитываем «малые» войны со слабыми противниками: с Персией, Польшей после 1700 г., с Турцией после 1800 г., со Швецией после 1730 г.
378. Туполев Б. М. Происхождение первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 30–40.
379. Хобсбаум Э. Век Империи... С. 437.
380. Джолл Д. Истоки первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998. С. 396–397.
381. Форд Р. Адский косильщик. Пулемет на полях сражений XX века. М., 2006. С. 126–127.
382. Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 187.
383. Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 155, 188, 189, 205; Иванов А. А. Указ. соч. С. 117, 124; Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 123.
384. Рассчитано по: Анфимов А. М. Российская деревня... Табл. 80, 85. Численность беженцев: Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск, 2000. С. 149.
385. Дьячков В. А., Протасов А. Л. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 62.
386. Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 205.
387. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 82, 403.
388. Поршнева О. С. Указ. соч. С. 106, 110, 112; Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Указ. соч. С. 76.
389. Санборн Дж. Указ. соч. С. 207, 212.
390. Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 12.
391. Дьячков В. А., Протасов А. Л. Указ. соч. С. 63.

392. Цит. по: Хасегава Ц. Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 99.
393. Поршнева О. С. Указ. соч. С. 222.
394. Цит. по: Пайпс Р. Указ. соч. С. 230.
395. Поршнева О. С. Указ. соч. С. 217.
396. Самохин К. В. Первая мировая война в восприятии тамбовских крестьян // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. СПб., 2003. С. 311, 312.
397. Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 253.
398. Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 61–62.
399. Уткин А. И. Указ. соч. С. 121; Поршнева О. С. Указ. соч. С. 252; Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 258–259.
400. Цит. по: Головин Н. Н. Указ. соч. С. 312.
401. Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–2. М., 1935. С. 318.
402. Подсчитано по: Мендельсон Л. А. Указ. соч. Т. 3. С. 516, 524.
403. Поликарпов В. В. Кораблестроение при императоре Николае II. Очерки технологической истории. М., 2023. С. 321–332.
404. Подсчитано по: Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. II. М., 1949. С. 251, 292, 301.
405. Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 96.
406. Хэймсон А., Бриан Э. Указ. соч. С. 103–103.
407. Цит. по: Головин Н. Н. Указ. соч. С. 307, 311.
408. Цит. по: Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 189.
409. Там же. С. 313.
410. Разложение армии в 1917 г. М.-Л., 1925. С. 2.
411. Брусилов А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 197.
412. Поршнева О. С. Уткин С. 243, 245; Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция. 1917 г. в России. М., 1982. С. 84; Пайпс Р. Указ. соч. 247.
413. Родзянко М. В. Указ. соч. С. 275.
414. Хаймсон Л. Политический и социальный кризис в России (от кануна Первой мировой войны до Февральской революции) // Россия XXI. 1998. № 9–10. С. 144, 156.
415. Там же; Поршнева О. С. Указ. соч. С. 233; Головин Н. Н. Указ. соч. С. 311.
416. Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 78.
417. Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция. М. 1997. С. 49.
418. Головин Н. Н. Указ. соч. С. 120, 323;
419. Вахрушева Н. А. Солдатские письма и цензорские отчеты, как исторический источник // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань, 1972. С. 67–88; Кабытов П. С. Указ. соч. С. 122–127; Поршнева О. С. Указ. соч. С. 260; Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы первой мировой войны. М., 2003.
420. Цит. по: Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение... С. 260.
421. Цит. по: Вахрушева Н. А. Указ. соч. С. 75.
422. Пайпс Р. Указ. соч. С. 92.
423. Пайпс Р. Указ. соч. С. 275; Родзянко М. В. Указ. соч. С. 273.
424. Кабытов П. С. Указ. соч. С. 123.
425. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России... С. 206.
426. Цит. по: Вахрушева Н. А. Указ. соч. С. 77.
427. Цит. по: Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение... С. 259.
428. Черняев В. Ю. Первая мировая война и перспективы демократического преобразования Российской империи // Россия и первая мировая война. СПб., 1999. С. 197.
429. Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. М., 1967. С. 430.

430. Цит. по: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 107.
431. Россия в мировой войне 1914–1918 года. М., 1925. С. 30
432. Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 96–97.
433. Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. Т. II. М., 1938. С. 6–7.
434. Погребинский А. П. Государственные финансы... С. 125, 130
435. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 301, 306, 309.
436. Погребинский А. П. Указ. соч. С. 125; Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 151.
437. Цит. по: Страхов В. В. Внутренние займы в России в первую мировую войну // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 39.
438. Там же. С. 33, 36.
439. Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 441.
440. Там же. С. 149.
441. Кондратьев Н. Д. Указ. соч. Табл. 36.
442. Там же. С. 146.
443. Чернин О. В дни мировой войны. М.-Пг., 1923. С. 256.
444. Там же. С. 276.
445. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. III. М., 1979. С. 429–438.
446. Собуль А. Первая республика. 1792–1803. М., 1973. С. 60, 44, 46, 82–83.
447. Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрем 1917 года. Л., 1927. С. 56.
448. Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 430, 432.
449. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914–1917. Л., 1967. С. 132–133.
450. Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914—октябрь 1917 г. Л., 1985. С. 63, 190; Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 143.
451. Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914–февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.
452. Кондратьев Н. Д. Указ. соч. Табл. 36.
453. Там же; Пайпс Р. Указ. соч. С. 275.
454. Кондратьев Н. Д. Указ. соч. Картограмма 3.
455. Китанина Т. М. Указ. соч. С. 233.
456. Китанина Т. М. Указ. соч. С. 171, 177–179, 203; Гордеев Г. С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.-Л.: 1925. С. 82.
457. Китанина Т. М. Указ. соч. С. 171, 177–179, 203; Лозинский З. Экономическая политика временного правительства. М., 1929. С. 10.
458. Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 363.
459. Мартынов Е. М. Царская армия в февральском перевороте. М., 1927. С. 36–37.
460. Цит. по: там же.
461. Китанина Т. М. Указ. соч. С. 217; Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 200–201, табл. 5.
462. Платонов О. А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 605.
463. Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 359.
464. Протопопов А. Д. Показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Гибель монархии. М., 2000. С. 376.
465. Китанина Т. М. Указ. соч. С. 255–259.
466. Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 57–58.
467. Записка М. В. Родзянки // Красный архив. 1925. Т. 3. С. 69.
468. Цит. по: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 493.
469. Погребинский А. П. Сельское хозяйство... С. 58.
470. Анфимов А. М. Российская деревня... С. 268; Китанина Т. М. Указ. соч. С. 218; Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 288.
471. Шляпников А. Г. Семнадцатый год. М., 1992. С. 9.

472. Погребинский А. П. Сельское хозяйство... С. 54, 56; Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 59; Китанина Т. М. Указ. соч. С. 333.
473. Записка М. В. Родзянки... С. 69.
474. Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 98.
475. См. например: Сидоров А. Л. Экономическое положение... С. 611; Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 141.
476. Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 288.
477. Подсчитано по: Васильев Н. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939. С. 90, 91. Табл. 36.
478. Там же. С. 98, 100, 109.
479. Nefedov S. A Try-Out of the February Revolution? // Былые годы. 2016. Т. 42. Вып. 4. С. 1378–1385.
480. Хэймсон А., Бриан Э. Указ. соч. С. 103.
481. Буржуазия накануне февральской революции. М.-Л., 1927. С. 136–138.
482. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914—весна 1917 г.). М., 2003. С. 221.
483. Буржуазия накануне... С. 135.
484. Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 14–17.
485. Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 440.
486. Лебедев В. В. проблема выхода из войны и кризис самодержавия // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 51; Соколов Б. В. К вопросу о возможности русско-германского сепаратного мира в феврале 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 42; Семенников В. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929. С. 60; Алексеева И. В. Агония сердечного согласия. Л., 1990. С. 229; Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1973. С. 48–49.
487. Цит. по: Мартынов Е. М. Указ. соч. С. 53.
488. См., например: Дьячков В. А., Протасов А. Л. Указ. соч. С. 68.
489. Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса... С. 31.
490. Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 394, 405.
491. Цит. по: там же. С. 401.
492. Там же. С. 217.
493. Каррер д'Анкросс Э. Николай II: расстрелянная преемственность. М., 2006. С. 75.
494. Цит. по: Блок А. Последние дни императорской власти. Пг, 1921. Приложение III.
495. Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция. М. 1997. С. 57–58.
496. Там же.
497. Мойнехен Б. Григорий Распутин: святой, который грешил. Смоленск, 1999. С. 587.
498. Подробнее см.: Нефедов С. А. Последняя попытка спастись // Новый мир. 2018. № 11. С. 154–169.
499. Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 99.
500. Спиридович А. И. Указ. соч. С. 477.
501. Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 209, 231, 242, 251; Нефедов С. А. Неизвестная Февральская революция (Часть 2) // Новейшая история России. 2018. № 1. С. 29–44.
502. Шульгин В. Указ. соч. С. 428.
503. Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1991. С. 46–49, 88.
504. Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...» Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. № 11. С. 117–185.
505. Речь военного и морского министра председателя Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучкова // Отчет о торжественном заседании Цен-

- трального военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг, 1917. С. 17–18.
506. Старцев В. И. Указ. соч. С. 245.
507. Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997. С. 18.
508. Спиридович А. И. Указ. соч. С. 454.
509. Известия по продовольственному делу. 1917. № 1 (30).
510. Там же. № 2(31).
511. Искандеров А. А. Закат империи. М., 2001. С. 590.
512. Соколов Б. В. Указ. соч. С. 42; Игнатьев А. В. Указ. соч. С. 57.
513. Нефедов С. А. Последняя попытка спастись // Новый мир. 2018. № 11. С. 154–169.
514. Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 168.
515. Цит. по: там же.
516. Подсчитано по: Лекомцев М. Г. Формы борьбы рабочих в Центральном промышленном районе России и факторы экономического и политического развития России в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. М. Наука, 1992. С. 150–153.
517. Цит. по: Сидоров А. Л. Экономическое положение... С. 497.
518. Там же.
519. Брусилов А. А. Указ. соч. С. 199.
520. Там же. С. 199, 203.
521. Зайончковский А. Указ. соч. Т. II. Указ. соч. С. 108.
522. Русская армия накануне революции // Былое. 1918. № 1. С. 156.
523. Брусилов А. Указ. соч. С. 203.
524. Родзянко М. В. Указ. соч. С. 277.
525. Там же. С. 104; Разложение армии в 1917 г. М.-Л., 1925. С. 7.
526. Гаврилов Л. М. Русская армия накануне февральской революции // Исторические записки. 1986. Т. 114. С. 54, 60.
527. Искандеров А. А. Указ. соч. С. 527.
528. Сведения о положении продовольственного дела в Петрограде, Москве и других местностях империи, а также в иностранных государствах. Пг, 1916. № 16–18; Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. Пг, 1916. № 19–29. Пг, 1917. № 1–2.
529. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм... С. 314; Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 59; Китанина Т. М. Указ. соч. С. 254; Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 43, 48. Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрём 1917 года. Л., 1927. С. 54; Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003. С. 193; Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1996. С. 202.
530. Сидоров А. Л. Финансовое положение... С. 436.
531. Палеолог М. Указ. соч. С. 196.
532. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М., 2001. С. 213, 217–220.
533. Там же. С. 223.
534. Съезд уполномоченных Председателя общегосударственного продовольственного комитета. 5–9 мая 1917 г. // Известия Петроградского Совета Рабочих Депутатов. 5–9 мая 1917 г. № 1(32). С. 60.
535. См. например: Хасегава Ц. Указ. соч. С. 100.
536. Троцкий Л. Д. Указ. соч. Т. 1. С. 125; Шляпников А. Г. Указ. соч. С. 70–71; Семёнов Е. П. Февральские и мартовские дни 1917 г. // Исторический вестник. 1917. Т. 147. № 3. С. 7.
537. Ходнев Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 258.

538. В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А. Д. Протопопова // *Былое*. 1918. № 7. С. 91, 108–109; Семенов Е. П. Указ. соч. С. 6.
539. Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса... С. 31.
540. Семенов Е. П. Указ. соч. С. 2.
541. Цит. по: Искандеров А. А. Указ. соч. С. 569.
542. Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // *Вопросы истории*. 2002. № 8. С. 86; № 9. С. 62.
543. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 618.
544. Глобачев К. И. Указ. соч. С. 62.
545. Мстиславский С. Д. Гибель царизма. Февральский переворот // *Крушение царизма*. Л., 1986. С. 408. Прим. 3.
546. Гучков А. И. Указ. соч. С. 29; Искандеров А. А. Указ. соч. С. 571–572; Глобачева С. Н. Прелюдия происходящих в мире событий // *Вопросы истории*. 2002. № 11. С. 107.
547. Цит. по: Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 60.
548. Цит. по: Измозик В. С. Указ. соч. С. 169.
549. Там же. С. 65.
550. Цит. по: там же. С. 190.
551. Буржуазия накануне... С. 190.
552. Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 71–77; Катков Г. М. Указ. соч. С. 257–258.
553. Акаемов Н. Ф. Агония старого режима (По приставским донесениям и показаниям свидетелей) // *Исторический вестник*. 1917. Т. 148. С. XI, XII.
554. Катков Г. М. Указ. соч. С. 265.
555. Свешников Н. Ф. Выборгский районный комитет РСДРП(б) в 1917 г. // В огне революционных боев. Районы Петрограда в двух революциях 1917 г. Сборник воспоминаний старых большевиков-питерцев. М., 1967. С. 93.
556. Hasegava T. Op. cit. P. 98.
557. Ibid. P. 314.
558. Хаймсон Л. Рабочий класс в революционных процессах // *Россия в XX веке*. Историки мира спорят. М. 1994. С. 107.
559. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. М., 1990. С. 75.
560. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 55.
561. Милуков П. Н. История второй русской революции... С. 40.
562. Цит. по: Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 87.
563. Hasegava T. Op. cit. P. 247, 252, 254, 262.
564. Протопопов А. Д. Указ. соч. С. 447.
565. Старцев В. И. 27 февраля 1917 года. М., 1983. С. 117, 119; Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 56; Ганелин Р. Ш. 25 февраля 1917 г. в Петербурге // *Вопросы истории*. 1998. № 7. С. 97.
566. Февральская революция и охранное отделение // *Былое*. 1918. № 1. С. 173–173.
567. Hasegava T. Op. cit. P. 263.
568. Старцев В. И. Указ. соч. С. 124–128; Катков Г. М. Указ. соч. С. 262, 283; Семенов Е. П. Указ. соч. С. 6–7.
569. Hasegava T. Op. cit. P. 269.
570. Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 63; Старцев В. И. Указ. соч. С. 124–128.
571. Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 15.
572. Черняев В. Ю. Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // *Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г.* Л., 1989. С. 159–161; Троцкий Л. Д. Указ. соч. Т. 1. С. 133.
573. Чапкевич Е. И. Русская гвардия в Февральской революции // *Вопросы истории*. 2002. № 9. С. 8; Старцев В. И. Указ. соч. С. 139–140. Кирпичников Т. И. Восстание лейб-гвардии Волынского полка в феврале 1917 года // *Крушение царизма*. Л., 1986. С. 310–313; Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 623; Чопенко Ф. Д. Так что же, мы и сегодня пойдем на площадь умирать? // *Россия 1917 года в эго-документах*. М., 2015. С. 23–29.

574. Мстиславский С. Д. Указ. соч. С. 316.
575. Старцев В. И. Указ. соч. С. 140–142; Катков Г. М. Указ. соч. С. 274–282; Дякин В. С. Русская буржуазия... С. 328; Падение царского режима. Т. I. М.-Л., 1926. С. 232–235; Бурджалов Э. Н. Указ. соч. С. 193; Кирпичников Т. И. Указ. соч. С. 310–314; Акаемов Н. Ф. Указ. соч. С. XXIX.
576. Черняев В. Ю. Ораниенбаумское восстание в феврале 1917 г. // Исторические записки. 1986. Т. 114. С. 260–265, 271.
577. См.: Руднева С. Е. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. Международная научная конференция // Отечественная история. 1998. № 1. С. 206.
578. Семенов Е. П. Указ. соч. С. 7; Дневник солдата // Крушение царизма. Л., 1986. С. 336.
579. Ходнев Д. Указ. соч. С. 267.
580. Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919 // Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции. М., 1993. С. 33.
581. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. С. 242.
582. Старцев В. И. Указ. соч. С. 181.
583. Бурджалов Э. Н. Указ. соч. С. 305.
584. Палеолог М. Указ. соч. С. 243.
585. Дякин В. С. Русская буржуазия... С. 340.
586. Цит. по: Мартынов Е. И. Указ. соч. С. 141.
587. Воейков В. Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 177, 179.
588. Цит. по: Искандеров А. А. Указ. соч. С. 543.
589. Гучков А. И. Указ. соч. С. 25.
590. Бурджалов Э. Н. Указ. соч. С. 111–112, 124, 137.
591. Выступление 1-го железнодорожного батальона // Крушение царизма. Л., 1986. С. 343.
592. Пронин В. М. Последние дни царской ставки. Белград, 1929. С. 50–51.
593. Шульгин В. В. Указ. соч. С. 455–457.
594. Родзянко М. В. Указ. соч. С. 298.
595. Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 73.
596. Цит. по: Троцкий Л. Д. Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 10.
597. См., например: Robinson G. T. Op. cit. P. 208; Данилов В. П. Крестьянская революция в России...
598. Малиа М. Указ. соч. С. 114; Шульгин В. В. Указ. соч. С. 462; Февральская революция... С. 141; Палеолог М. Указ. соч. С. 220; Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 630.
599. Булдаков В. П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 208.
600. Gatrell P. Op. cit. P. 231.
601. Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 87.
602. Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. М., 1908. С. 93.
603. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. М., 1991. С. 203. См. также: Аксельродов С. А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. Нью-Йорк, 1991. С. 60; Булгаков С. На пиру богов // Там же. С. 115.
604. Мальтус Т. Указ. соч. С. 93.
605. Сорокин П. А. Голод как фактор. М., 2003. С. 420. Прим. 10.
606. Милюков П. Н. История второй русской революции... С. 17.
607. Троцкий Л. Д. Указ. соч. Т. 1. С. 76.
608. См., например: Искандеров А. А. Указ. соч. С. 590; Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. М., 1991. С. 40; Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн. 1. М., 2002.
609. Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 313.
610. Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 37.
611. Дьячков В. А., Есиков С. А., Канищев В. В., Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 150.

612. Мур Б. Революции угнетенных: свидетельство защиты // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 308; Pares V. The Fall of Russian Monarchy. L. 1933. P. 39; Корчагова М. Н. Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе // Отечественная история 1993. № 4/5. С. 206–207.
613. Шанин Т. Революция как момент истины... С. 29, 297; Вольф Э. Р. Крестьянские восстания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 293.
614. Shanin T. Russia as a “developing society”... P. 188.
615. Роднов М. И. Указ. соч. С. 255, 401, 405, 411.
616. Волобуев О., Шелохаев В. Указ. соч. С. 191.

Литература и опубликованные источники

- Абрамович Г. В. Государственные повинности частновладельческих крестьян северо-западной Руси в XVI—первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 65–84.
- Авербух Р. Л. Революция в Австрии (1848–1849 гг.). М.: Наука, 1970.— 245 с.
- Аврех А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Изд. полит. лит., 1991.— 286 с.
- Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.— 149 с.
- Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Л.: Наука, 1974.— 321 с.
- Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л.: Наука, 1978.— 220 с.
- Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л.: Наука, 1989.— 231 с.
- Акаемов Н. Ф. Агония старого режима (По приставским донесениям и показаниям свидетелей) // Исторический вестник. 1917. Т. 148. С. V–XXIX.
- Аксаков И. Сочинения. Т. 2. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886.— 864 с.
- Аксельродов С. А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. Нью-Йорк: Телекс, 1991. С. 31–66.
- Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М.: Наука, 1988.— 189 с.
- Акт Священного союза // Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925. С. 121–123.
- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб., 1842.— 565 с.
- Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых // Чтения ОИДР. 1847. № 5. С. 10–140.
- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею Академии наук. Т. IV. 1645–1700. СПб., 1836.— 500 с.
- Александрова В. И. Крепостные крупной помещичьей вотчины Центральной России в XVIII–XIX вв. Дисс... канд. ист. н. Л., 1953.— 407 с.
- Алексеев В. В., Побережников И. В. Школы модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 8–49.
- Алексеев В. В. (ред.) Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. М.: Наука, 2000.— С. 246 с.
- Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Денисевич М. Н., Побережников И. В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург-Лувен, 1997.— 326 с.

- Алексеев П. В. Социальная философия: учеб. пособие. М.: ООО ТК Велби, 2003. — 256 с.
- Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. — 447 с.
- Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1998. — 347 с.
- Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2007. — 368 с.
- Алексеева И. В. Агония сердечного согласия. Л.: Лениздат, 1990. — 315 с.
- Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М.: Изд. АН СССР, 1958. — 422 с.
- Алефиренко П. К. Крестьянское хозяйство во владениях графа М. Г. Головкина в 40–50-х годах XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5. М., 1962. С. 137.
- Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. М.: Наука, 1976. — 455 с.
- Амальрик А. Распутин. М.: Ex libris, 1992. — 350 с.
- Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука, 1991. — 196 с.
- Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — 429 с.
- Ананьич Н. И. К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. 1974. Т. 94. — С. 183–220.
- Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: Глаголь, 1994. — 443 с.
- Английские путешественники в Московском государстве. М., 1938.
- Андерссон И. История Швеции. М.: Изд. иностр. лит., 1951. — 408 с.
- Андреев И. Нетихий Тишайший // Родина. 1998. № 9. С. 39–43.
- Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. — 495 с.
- Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. — 331 с.
- Анисимов Е. В. Материалы комиссии Д. М. Голицына о подати (1727–1730 гг.) // Исторические записки. 1973. Т. 91. С. 338–352.
- Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб.: Лениздат, 1994. — 496 с.
- Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. — 238 с.
- Анучин Д. Н. О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в Империи за 1874–1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1889. — 185 с.
- Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М.: Изд. АН СССР, 1961. — 207 с.
- Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М.: Наука, 1980. — 237 с.
- Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М.: Наука, 1969. — 391 с.
- Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901–1912 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1962 г. Минск, 1964. С. 489–505.

- Анфимов А. М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 49–72.
- Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М.: Ин-т росс. ист., 2002.— 299 с.
- Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М.: Соцэргиз, 1962.— 383 с.
- Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М.: Наука, 1984.— 230 с.
- Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1974. № 1. С. 82–97.
- Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. I–II. М.: Изд. ФО СССР, 1991.
- Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках. М.: Изд. иностр. лит., 1949.— 393 с.
- Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М.: Прогресс, 1985.— 198 с.
- Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.: Изд. АН СССР, 1936.— 120 с.
- Байкова Н. Б. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях. Ташкент: Наука, 1964.— 192 с.
- Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19–31.
- Бакланов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Тульские и каширские заводы в XVII веке. М.-Л.: ОГИЗ, 1934.— 160 с.
- Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере конец XVII—начало XVIII века. М.: Наука, 1976.— 201 с.
- Бантыш-Каменский Д. М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. М., 1991.
- Баранов В. П. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1905–1907 гг. // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX—начало XX вв.). Вып. 1. Тамбов, 1996. С. 15–24.
- Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. II. М.: Воениздат, 1949.— 346 с.
- Безгин В. Б. Коллективизм и эгалитаризм в общинной психологии русского крестьянства конца XIX—начала XX века // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. СПб.: Нестор, 2004. С. 270–274.
- Безгин В. Б. Крестьянская повседневность: (традиции конца 19—начала 20 в.) М.: Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004.— 303 с.
- Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. XII. М.: Изд. АН СССР, 1953.— 596 с.
- Белов М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1966. С. 58–83.
- Белова Е. Б., Бородкин Л. И., Гарскова и др. Компьютеризованный статистический анализ для историков. М.: Изд-во МГУ, 1999.— 186 с.
- Белозерцев А. Г. Зерновое хозяйство России (1865–1997). Историко-экономический очерк. М.: Наука, 1998.— 224 с.
- Белоусов Р. А. Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М.: РОССПЭН, 2000. С. 37–60.
- Белоусов Р. А. Экономическая история России. XX век. Кн. I. М.: ИздАТ, 1999.— 407 с.
- Белоцерковский Г. М. Дело о каширских кормовых иноземцах Давыде Францове со товарищи 7137 [1629] года. Тула, 1914.— 20 с.

- Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М.: Изд. Моск. ун-та, 1965.— 381 с.
- Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. М.: ГПИБ, 2002.— 419 с.
- Бенкендорф А. Х. Записки Бенкендорфа. М.: Языки славянской культуры, 2001.— 388 с.
- Берглар П. Меттерних — кучер Европы, лекарь революции // [http:// www. litportal. ru/ index.html?a =528&t=3290](http://www.litportal.ru/index.html?a=528&t=3290)
- Берендс Э. С. Государственное хозяйство Швеции. В 3 т. СПб.: типо-лит. Р.Голике, 1890.
- Беренштам В. 9 января (по воспоминаниям политического защитника) // Суд идет. 1924. № 1. С. 20–51.
- Берк П. Новая история, ее прошлое и будущее // *Imagines Mundi*. Альманах исследований по всеобщей истории XVI–XX вв. 2004. № 3. С. 87–115.
- Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. М.: Книга, 1922.— 308 с.
- Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912–1914.
- Бернацкий М. В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические взгляды канцлера Бисмарка. СПб., 1911.— 489 с.
- Берти Дж. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М.: Наука, 1965.— 661 с.
- Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986.— 238 с.
- Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973.— 615 с.
- Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958.— 643 с.
- Бескровный Л. Г. Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны // Полтава. К 250-летию полтавского сражения. М.: Изд. АН СССР, 1959. С. 21–63.
- Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. М.: Наука, 1991.— 236 с.
- Бестужев И. В. Крымская война и революционная ситуация // *Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.* М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 189–213.
- Бехтеев С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. Т. I. М.: тип. М. О. Вольф, 1902.— 368 с.
- Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М.: Рудомино, 2001.— 879 с.
- Биншток В. И., Каминский Л. С. Народное питание и народное здравие. М.-Л.: Гос. изд., 1929.— 90 с.
- Блок А. Последние дни императорской власти. Пг.: Алконост, 1921.— 168 с.
- Блос В. История германской революции 1848 года. СПб., 1906.— 496 с.
- Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998.— 815 с.
- Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1900.— 380 с.
- Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1885.— 215 с.
- Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М.: Изд-во Ун-та Дружбы народов, 1990.— 165 с.

- Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1988. — 152 с.
- Богданов А. П. В тени Петра Великого. М.: Армада, 1998. — 330 с.
- Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. В 5 т. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940–1948.
- Богословский М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 г. М., 1902. — 522 с.
- Бокарев Ю. П. Еще раз о темпах роста промышленного производства в России в конце XIX — начале XX века // Отечественная история. 2006. № 1. С. 131–141.
- Болотов А. Т. Записки. Т. 1–3. М., 1870–1873.
- Болотов А. Т. Современник или записки для потомства. СПб.: ред. журн. «Библиограф», 1891. — 32 с.
- Боровой С. Я. Кредит и банк России (середина XVII — 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958. — 287 с.
- Бородин А. П. Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 33–45.
- Бородкин Л. И., Валетов Т. Я. Росла ли реальная зарплата рабочих в период капиталистической индустриализации? // Вестник РГНФ. 2002. № 1. С. 14–27.
- Бородкин Л. И. Многомерный статистический анализ в историческом исследовании. М.: Изд. МГУ, 1986. — 187 с.
- Бородкин Л. И., Максимов С. В. Крестьянские миграции в России/СССР в первой четверти XX века: (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–143.
- Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. — 1914 г.). М.: Наука, 1992. — 264 с.
- Боханов А. Н. Самодержавие — русская форма монархического авторитаризма // Московский журнал. 2004. № 3. С. 38–42.
- Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. В 3 т. М.: Терра, 1996.
- Брикнер А. Г. История Петра Великого. Т. 1–2. М.: Терра, 1996.
- Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1986, 1992.
- Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 2. М.: Языки славянской культуры, 2003. — 806 с.
- Бродель Ф. Что такое Франция? Люди и вещи. Ч. 1. М.: Изд. Им. Сабашниковых, 1995. — 244 с.
- Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001. — 463 с.
- Брусникин Е. М. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции (80–90-е годы XIX века) // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 34–47.
- Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг.: Право, 1922. — 236 с.
- Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М.: Наука, 1969. — 439 с.
- Буганов В. И. Петр Великий и его время. М.: Наука, 1989. — 192 с.
- Буганов В. И., Преображенский А. Л., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М.: Мысль, 1980. — 342 с.
- Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. В. М. Саблина, 1909. С. 23–69.

- Булгаков С. На пиру богов // Из глубины. Нью-Йорк: Телекс, 1991. С. 111–169.
- Булдаков В. П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С. 208–217.
- Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.— 376 с.
- Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М.: Наука, 1977. С. 326.
- Булыгин И. А. Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII века. (По материалам Пензенской губернии). М.: Наука, 1966.— 208 с.
- Бунге Н. Х. Записка Н. Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России» // Исторический архив. 1960. № 2. С. 132–143, 143–144.
- Буржуазия накануне февральской революции. М.-Л.: Госуд. изд., 1927.
- Буховец О. Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996.— С. 183–193.
- Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М.: Мосгосархив, 1996.— 395 с.
- Бушкович П. Историк и власть: дело царевича Алексея (1716–1718) // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара: Самарский ун-т, 2000. С. 80–120.
- Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.— 541 с.
- Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М.: АСТ, 2001.— 400 с.
- В огне революционных боев. Районы Петрограда в двух революциях 1917 г. Сборник воспоминаний старых большевиков-питерцев. М.: Мысль, 1967.— 671с.
- В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А. Д. Протопопова // Былое. 1918. № 7. С. 91–123.
- Вавилов Н. И. Проблема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-лекционера // Пути сельского хозяйства. 1928. № 7. С. 72–79.
- Важинский В. М. Сельское хозяйство в черноземном центре России в XVII веке. Воронеж, 1983.— 83 с.
- Важинский В. М. Хлебная торговля на юге Московского государства во второй половине XVII века // Ученые записки Московского областного педагогического ин-та. Т. СХХVII. 1963. С. 3–30.
- Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых в России до войны и перспективы ее развития в будущем // Избранные труды. Кн. 1. М.: Наука, 2000. С. 305–320.
- Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел. М.: Икпа, 1990.— 662 с.
- Валлотон А. Александр I. М.: Прогресс, 1991.— 399 с.
- Валуев А. П. О внутреннем состоянии России // Исторический архив. 1958. № 1. С. 141–144.
- Валуев А. П. О политических настроениях различных групп общества и средствах укрепления правительственной власти // Исторический архив. 1958. № 1. С. 149–152.
- Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. I–II. М.: Изд. АН СССР, 1961.
- Вандаль А. Наполеон и Александр. Т. II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.— 539 с.
- Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М.: Медгиз, 1960.— 396 с.
- Васильев Л. С. История Востока. Т. 1. М.: Высш. Шк., 1994.— 495 с.

- Васильев Н. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М.: Гос. военн. издат., 1939.— 258 с.
- Васильчиков А. И. Тайная полиция в России // Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850—середина 1870-х гг. М.: Русское слово, 2002. С. 320–381.
- Вахрушева Н. А. Солдатские письма и цензорские отчеты, как исторический источник // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань: Изд. Казан. ун-та, 1972. С. 67–88.
- Введенский Р. М. Характер помещичьей эксплуатации и бюджеты оброчных крестьян в 20–40-х годах XIX века // История СССР. 1971. № 3. С. 44–57.
- Вдовина Л. Н. Право и суд // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. II. М.: Изд. Моск. ун-та, 1987. С. 152–185.
- Вернадский Г. В. Московское царство. Т. 1–2. Тверь-Москва, 1997.
- Верт Н. История советского государства. М.: Прогресс-Академия. 1995.— 543 с.
- Веселовский Н. И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911.— 19 с.
- Веселовский С. Сошное письмо. Т. 1–2. М., 1916.— 716 с.
- Вигель Ф. Ф. Записки Ф. Ф. Вигеля. Т. 2. М.: Круг, 1928.— 355 с.
- Вильчинский Е. О. Андрей Денисьевич Виниус (Исторические материалы). СПб., 1912.— 48 с.
- Витсен Н. Путешествие в Московию 1664–1665. СПб., 1996.— 265 с.
- Витте С. Национальная экономика и Фридрих Лист. Киев: тип. «Киев. слова», 1889.— 59 с.
- Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
- Витте С. Ю. Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2/3. С. 131–139.
- Витте С. Ю. Записка по крестьянскому делу председателя Высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб., 1904.— 106 с.
- Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: Культура, 1998.— 342 с.
- Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.— 639 с.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Булаин, 1996.— 800 с.
- Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / Под ред. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. В 2 т. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897.
- Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII—первой половине XIX в. М.: Наука, 1988.— 301 с.
- Водарский Я. Е. Количество земли и пашни на душу населения в центрально-промышленном районе в XVII–XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М., 1970. С. 237–245.
- Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII века. М.: Наука, 1977.— 263 с.
- Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI—начало XX вв.). М.: Просвещение, 1973.— 158 с.
- Водарский Я. Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 59–79.

- Водарский Я. Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М.: Наука, 1966. С. 271–296.
- Воейков В. Н. С царем и без царя. М.: Терра, 1995. — 479 с.
- Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л.: Наука, 1986. — 295 с.
- Волков В. Ратные силы // Родина. 2004. № 12. С. 53–56.
- Волков М. Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII в.—первая половина XVIII в. Винокуренное производство. М.: Наука, 1979. — 336 с.
- Волков М. Я. Формирование городской буржуазии в России XVII–XVIII вв. // Города феодальной России. М.: Наука, 1966. С. 178–206.
- Волков М. Я., Троицкий С. М. О буржуазном расслоении крестьян и складывании рынка наемной силы в России в первой половине XVIII века // История СССР. 1965. № 4. С. 86–105.
- Волков С. И. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. (30–70-е годы). М.: Изд. АН СССР, 1959. — 261 с.
- Волобуев О., Шелохаев В. «Великие потрясения» 1905–1907 годов в контексте российской модернизации // Свободная мысль. 2005. № 1. С. 178–191.
- Володин А. В поисках революционной теории (А. И. Герцен). М.: Госполитиздат, 1962. — 112 с.
- Вольф Э. Р. Крестьянские восстания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 294–304.
- Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Борьба русского крестьянства с податной политикой феодального государства в XVI–XVII вв. // Генезис и развитие феодализма. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1985. С. 147–163.
- Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1986. — 198 с.
- Временник Центрального статистического комитета МВД. 1902 г. № 51. СПб., 1902. — 387 с.
- Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1–2. Документы и материалы. М.-Л.: Госполитиздат, 1955. — 200 с.
- Второй съезд РСДРП. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. — 850 с.
- Высоцкий Д. А. Общественно-политические взгляды помещного дворянства и внутреннее развитие русского государства XVII века. Автореф. дисс... канд. ист. н. Л., 1988. — 16 с.
- Выступление 1-го железнодорожного батальона // Крушение царизма. Л.: Лениздат, 1986. С. 342–345.
- Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. Численность, состав, положение. М.: Наука, 1985. — 304 с.
- Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914—весна 1917 г.). М.: РОС-СПЭН, 2003. — 432 с.
- Галактионов И. В., Чистякова Е. В. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII века. М.: Соцэкгиз, 1961. — 134 с.
- Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М.: тип. А. Семена, 1828. — 262 с.
- Ганелин Р. Ш. 25 февраля 1917 г. в Петербурге // Вопросы истории. 1998. № 7. 94–109.
- Ганелин Р. Ш. К истории текста петиции 9 января 1905 года // Вспомогательные исторические дисциплины. XIV. Л., 1983. С. 229–249.

- Ганелин Р. Ш. К предыстории «Кровавого воскресенья» // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л.: Изд. Ленингр. Ун-та, 1989. С. 122–132.
- Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб: Наука, 1991.— 222 с.
- Гапон Г. История моей жизни. Л.: Прибой, 1926.— 183 с.
- Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М.: Наука, 1983.— 292 с.
- Гастгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М.: Институт русской цивилизации, 2017.— 673 с.
- Германская история в новое и новейшее время. Т. 1. М.: Наука, 1970.— 510 с.
- Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М.: Госфиниздат, 1960.— 414 с.
- Гиндин И. Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968. С. 321–356.
- Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2. С. 57–80; № 3. С. 37–60.
- Гинев В. М. Блестящая плеяда // Революционеры 1870-х гг. Л.: Лениздат, 1986. С. 5–55.
- Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М.: Кругъ, 2004.— 631 с.
- Главацкий М. Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. Екатеринбург: Изд. Уральск. ун-та, 2003.— 160 с.
- Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев // Тайный правитель России. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.: Русская книга, 2001. С. 6–26.
- Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 59–87; № 9. С. 60–84.
- Глобачева С. Н. Прелюдия происходящих в мире событий // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 98–119.
- Голдстоун Дж. Теории революции, революции 1989–1991 годов и траектории развития «новой» России // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 117–123.
- Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001.— 435 с.
- Голубинский Е. Е. История русской церкви. Ч. 1. Первая половина. М., 1901. С. 146–147.
- Гончаров В. Январские дни 1905 года в Петербурге // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 150–171.
- Гордеев Г. С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.-Л.: Гос. издат., 1925.— 205 с.
- Гордон П. Дневник генерала Патрика Гордона. М., 1892. Ч. 1. Ч. 2.
- Горланов Л. Р. Кризис феодально-крепостнической системы в удельных имениях России // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 56.
- Городские восстания в Московском государстве XVII века. Сборник документов. М.-Л.: Госсোцэпгиз, 1936.— 182 с.
- Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма. М.: Наука, 1994.— 212 с.

- Горская Н. А. Милов Л. В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2. С. 66–85.
- Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М.: Наука, 1977.— 363 с.
- Горская Н. А. Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI—начале XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига: Изд. АН Латв. ССР, 1963. С. 147–164.
- Горфункель А. Х. К вопросу об историческом значении Крестьянской войны начала XVII века // История СССР. 1962. № 4. С. 112–118.
- Горький А. М. Полное собрание сочинений. Т. 16. М.: Наука, 1973.— 628 с.
- Государственная канцелярия (1802–1902). СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902.— 692 с.
- Готтрелл П. Значение великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. М.: Изд. Моск. ун-та, 1992. С. 106–127.
- Готье Ю. А. Смутное время. М.: Гос. изд., 1921.— 149 с.
- Гохленер В. М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Исторические записки. 1955. Т. 52. С. 186–234.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1949.— 407 с.
- Грауздин Ф. Х. Записка Секретаря Шадринской Земельной Управы Ф. Х. Грауздина о нуждах крестьянского хозяйства в Шадринском уезде и мерах к их удовлетворению // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 30. Пермская губерния. СПб., 1903. С. 520–551.
- Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М.: РОССПЭН, 2001. С. 89–102.
- Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX—начало XX в.) Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.— 256 с.
- Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Т. 2. М.: Изд. АН СССР, 1953.— 531 с.
- Греков Б. И., Шацилло К. Ф. Динамика социально-политической напряженности в России в 1895–1913 гг. Опыт политического анализа // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М.: Наука, 1992. С. 17–40.
- Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.-Л.: Academia, 1930.— 900 с.
- Григорьев С. Л. Павел I и российская армия в оценках современников // Вторые Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 16–17.
- Гринин Л. Е. Философия, социология и теория истории. Волгоград: Учитель, 2000.— 367 с.
- Гринцберг Л. И. Фридрих II // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 98–118.
- Гриценко Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881–1884 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. М.: Русский путь, 2000.— 240 с.
- Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2001.— 405 с.
- Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А. и др. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-традиция, 2000.— 439 с.
- Гуннар А. Карл XII и его армия // Царь Петр и король Карл. М.: Текст, 1999. С. 156–174.

- Гурвич И. Экономическое положение русской деревни. М.: ОГИЗ, 1941. — 209 с.
- Гурлянд И. Я. Иван Гебдон. Комиссариус и резидент. Ярославль: тип. Губ. правл., 1903. — 91 с.
- Гусман Л. Ю. Политические преобразования в Австрии и русский конституционализм 1860-х гг. // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. СПб.: Нестор, 2004. С. 209–212.
- Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899–1907 гг. М.: Мысль, 1971. — 264 с.
- Гуц А. К. Глобальная этносоциология. Омск: Омский гос. ун-т, 1997. — 212 с.
- Гучков А. И. Александр Иванович Гучков рассказывает... М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. — 144 с.
- Гучков А. И. Речь военного и морского министра председателя Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучкова // Отчет о торжественном заседании Центрального военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917. С. 17–18.
- Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М.: Наука, 1975. — 349 с.
- Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в.: (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М.: РГГУ, 2003. — 564 с.
- Даниельсон Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб: Тип. В. Безобразова и К°, 1880. — 66 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М.: Логос, 1997. С. 229–245.
- Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 310–323.
- Данилов В. П. О характере аграрной эволюции России после 1861 года // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 53–64.
- Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. — 318 с.
- Данилова Л. В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965. М.: Изд. Моск. ун-та, 1970. С. 130–140.
- Дацюк Д. М. Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов. М.: Госполитиздат, 1946. — 111 с.
- Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерк сельского расселения. Л.: Изд. Ленинг. ун-та, 1980. — 176 с.
- Делдерфилд Д. Крушение империи Наполеона. — М.: Центрполиграф, 2001. — 442 с.
- Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. — 227 с.
- Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 1. М., 1994. — 157 с.
- Демографическая модернизация России. 1900–2000 / под ред. А. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. — 599 с.
- Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. — 606 с.
- Ден В. И. Записки Владимира Ивановича Дена // Русская старина. 1890. № 7–9. С. 161–194.

- Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. М.: Наука, 1991. — 519 с.
- Дервиз П. Г. Одна из предсмертных записок фон Дервиза // Русская старина. 1885. № 6. С. 594–596.
- Джолл Д. Истоки первой мировой войны. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — 413 с.
- Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв. URL: <http://hist.msu.ru/Dynamics/>. Дата обращения: 13.06. 2023.
- Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 346 с.
- Дмитриева З. В. Земельные наделы монастырских крестьян Белозерского уезда в XVI–XVII вв. // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции. Киров, 1979. С. 58–61.
- Дневник Е. А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. 1965. № 77. С. 240–293.
- Дневник солдата // Крушение царизма. Л.: Лениздат, 1986. С. 334–338.
- Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы. XVI–XVII. М., 1910. — 95 с.
- Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2006. — 525 с.
- Доклад Высочайше утвержденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873.
- Доклад директора департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись 1922. № 1. С. 330–338.
- Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М.: Север, 1934. — 474 с.
- Дорошенко В. В. К итогам изучения товарного производства в барщинно-крепостном хозяйстве Прибалтики XVI–XVIII вв. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1976. С. 146–154.
- Дракохруст Е. И. Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVI–II в. // Исторические записки. 1938. Т. 4. С. 1113–140.
- Дроздов И. Г. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л.: Прибой, 1930. — 128 с.
- Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1946. — 632 с.
- Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М.: Наука, 1978. — 287 с.
- Дубинская Л. Г. Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века (по материалам Мещерского края). Дисс... канд. ист. н. М., 1967. — 268 с.
- Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М.: Изд. АН СССР, 1956. — 167 с.
- Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М.: Наука, 1975. — 395 с.
- Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа. М.: Изд. АН СССР, 1963. — 599 с.
- Думова Н. Г., Шацилло К. Ф. Либералы и революция (тезисы доклада) // Реформы или Революция? Россия 1861–1917. Материалы Международного colloквиума историков. СПб.: Наука, 1992. С. 172–174.
- Дурново П. Н. Записка // Красная новь. 1922. № 6. С. 195–197.

- Дьюкс П. Семейство Лесли в шведский период (1630–1635) Тридцатилетней войны // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 155–157.
- Дьяконов И. М. Пути истории. М: Восточная литература. 1994. — 382 с.
- Дьячков В. А. Деревня, город, государство и российские революции // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX — начало XX в. Тамбов: Изд. ТГУ, 2007. С. 43–51.
- Дьячков В. А., Есиков С. А. Канищев В. В., Протасов Л. Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России. М.: РОС-СПЭН, 1996. С. 146–166.
- Дьячков В. А., Протасов А. Л. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 58–67.
- Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. М.: Наука, 1978. — 245 с.
- Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914–1917. Л.: Наука, 1967. — 371 с.
- Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России. СПб.: 6 тип. А. С. Суворина, 1887. — 87 с.
- Егиязарова Н. А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М.: Изд. АН СССР 1959. — 191 с.
- Ежегодники России 1904–1910 гг. СПб., 1905–1911 г.
- Елютин О. Н. Вопросы железнодорожного строительства в общественном мнении России, 1830-е — 1880-е гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 2000. — 278 с.
- Епифанов П. П. Очерки по истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII — первая половина XVIII века). Дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. М., 1969.
- Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. I. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1909. — 599 с.
- Ерофеев Н. Д. Уровень жизни населения России в конце XIX — начале XX в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2003. № 1. С. 54–69.
- Жарков В. П. Боярин Борис Иванович Морозов — государственный деятель России XVII века. Дисс... канд. ист. наук. М., 2001. — 246 с.
- Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. III. М.: Прогресс, 1979. — 552 с.
- Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т, 2002. — 271 с.
- Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. Т. 1. С. 5–504.
- Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. Т. II. М.: Гос. военн. издат, 1938. — 287 с.
- Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1879–1880-х годов. М.: Изд. Моск. ун-та, 1964. — 509 с.
- Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. — 366 с.
- Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. — 288 с.
- Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М.: Мысль, 1973. — 349 с.

- Заозерская Е. И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века // О первоначальном накоплении в России. М.: Изд. АН СССР, 1958.— С. 144–188.
- Заозерский А. И. Царская вотчина XVII века. М.: Гос. соц.-экон. изд, 1937.— 306 с.
- Запарий В. В. Черная металлургия Урала. XII–XX вв. Екатеринбург: УрО РАН, 2001.— 496 с.
- Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л.: Наука, 1968.— 172 с.
- Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1998.— 287 с.
- Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996.— 345 с.
- Захарова А. Г. Самодержавие и реформы в России // Великие реформы в России. М.: Изд. Московского ун-та, 1992. С. 24–44.
- Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М.: Изд-во МГУ, 1984.— 254 с.
- Земцов Л. И. Крестьянское хозяйство Центрально-Черноземного района на рубеже XIX–XX веков // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. С. 48–57.
- Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992.— 256 с.
- Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М.: Мысль, 1976.— 184 с.
- Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического изучения. М.: Высшая школа, 1981.— 295 с.
- Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л.: Мысль, 1925.— 405 с.
- Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М.: Наука, 1974.— 439 с.
- Игнатьев А. В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 32–43.
- Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и первая мировая война (материалы международного colloquium). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 160–170.
- Иловайский Д. И. Отец Петра Великого. М.: Чарли, 1996.— 622 с.
- Инаба Чихару. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия в 1904–1905 гг. М.: РОССПЭН, 2013.— 191 с.
- Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. М.: Наука, 1964.— 350 с.
- Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М.: Изд. АН СССР, 1955.— 199 с.
- Индова Е. И. Урожай в Центральной России за 150 лет (Вторая половина XVII–XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965. М., 1970. С. 141–163.
- Инсдейл Ч. Наполеоновские войны. М.: Зевс, 1997.— 542 с.
- Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (середина XVIII века). В 2 ч. М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1987, 1990.

- Исаев А. А. Неурожай и голод. СПб.: тип. Р. Голике, 1892.— 45 с.
- Искандеров А. А. Закат империи. М.: Редакция журнала «Вопросы истории», 2001.— 656 с.
- Искуль С. Н. Война и мир в России 1812 года. СПб.: Петрополис, 2017.— 847 с.
- История XIX века. Т. 2 / ред. Э. Лависс и А. Рамбо. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938.— 579 с.
- История дипломатии. Т. 2 / ред. В. П. Потемкин. М.: Госполитиздат, 1963.— 820 с.
- История Италии. Т. 2 / ред. К. Ф. Мизиано и др. М.: Наука, 1970.— 607 с.
- История крестьянства в Европе. Т. 3 / ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1986.— 693 с.
- История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. III / ред. А. А. Преображенский. М.: Наука, 1993.— 665 с.
- История крестьянства Северо-Запада России / ред. А. И. Копанев. СПб.: Наука, 1994.— 331 с.
- История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Т. 2 / отв. ред. Н. А. Горская. М.: Наука, 1990.— 615 с.
- История отечественной артиллерии. Т. I. Кн. I. М., 1959.— 461 с.
- История первой мировой войны. 1914–1918. В 2 т. / ред. И. И. Ростунова. М.: Наука, 1975.
- История Франции. Т. II / ред. А. З. Манфред. М.: Наука, 1973.— 663 с.
- Исчисление избытков и недостатков четырех главных хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Петроград, 1916.— 39 с.
- Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М.: Наука, 1965.— 443 с.
- Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 34–46.
- Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М.: Наука, 1971.— 188 с.
- Кабузан В. М. Крепостное крестьянство в XVIII—50-х гг. XIX в. Численность, состав и размещение // История СССР. 1982. № 3. С. 67–85.
- Кабузан В. М. Крепостное население России в XVIII—50-х годах XIX века (численность, размещение, этнический состав). СПб: БЛИЦ, 2001.— 266 с.
- Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М.: Изд. АН СССР, 1963.— 229 с.
- Кабузан В. М. Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 153–169.
- Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев: Изд. Саратовского ун-та, Куйбышевский филиал, 1990.— 145 с.
- Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988.— 238 с.
- Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. II. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1897.— 1258 стб.
- Кавторин В. В. Первый шаг к катастрофе. 9 января 1905 года. Л.: Лениздат, 1992.— 437 с.
- Казанское сказание // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России в XVII в. М.: Наука, 1969. С. 203–233.
- Казарезов В. В. Крестьянский вопрос в России (конец XIX—первая четверть XX в.). Т. 1. М.: Колос, 2000.— 472 с.

- Казарина М. А. Крепостное хозяйство в Тульской губернии в конце XVIII века (по материалам барщинных вотчин Голицыных). Дисс... канд. ист. н. М., 1952.— 402 с.
- Казеветтер А. А. Исторические силуэты. Ростов-на Дону: Феникс, 1997.— 475 с.
- Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1954.— 171 с.
- Калинычев Ф. И. Русское войско во второй половине XVII века // Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР. 1954. Вып. 2. С. 81–82.
- Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: Росс. гос. гум. ун-т, 2001.— 575 с.
- Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М.: Высшая школа, 1965.— 255 с.
- Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М.: РОССПЭН, 2001.— 543 с.
- Кампфмейстер П. Юнкерство и крестьяне (помещики и крестьяне в Пруссии). Одесса, 1905.— 31 с.
- Кан С. Б. Немецкая историография революции 1848–1849 гг. в Германии. М.: Изд. АН СССР, 1962.— 287 с.
- Кан С. Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М.: Учпедгиз, 1948.— 232 с.
- Канделоро Дж. История современной Италии. Т. II. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.— 568 с.
- Канищев В. В. Выходцы из провинциальных городов в политической элите России первой четверти XX века // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX—начало XX вв. Тамбов, 2001. С. 35–42.
- Канищев В. В. Экономика, демография, экология в контексте модернизации аграрного общества (Тамбовская губерния в XIX—начале XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2002. С. 513–530.
- Канищев, В. В., Цинцадзе, Н. С. Экологический аспект крестьянской реформы 1861 г. (по материалам Тамбовской губернии) // История и современность. 2005. № 2. С. 64–79.
- Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев посад, 1909.— 523 с.
- Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.— 127 с.
- Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн. 1. М.: Алгоритм, 2002.— 637 с.
- Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время. Т. 4. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1894.— 661 с.
- Карелин А. Е. 9 января и Гапон // Красная летопись. 1922. № 1. С. 106–119.
- Карелин А. П. Дворянство в пореформенной России. Состав, численность, корпоративная организация. 1861–1904 гг. М.: Наука, 1979.— 304 с.
- Карнаухова Е. С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914 г.). М.: Изд. АН СССР, 1951.— 214 с.
- Карпачев М. Д. Истоки российской революции. Легенды и реальность. М.: Мысль, 1991.— 269 с.
- Карпачев М. Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М.: Мысль, 1979.— 211 с.
- Карр Э. История Советской России. Кн. 1. М.: Прогресс, 1990.— 763 с.
- Каррер д'Анкросс Э. Николай II: расстрелянная преемственность. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006.— 445 с.
- Катков Г. М. Февральская революция. М.: Русский путь, 1997.— 431 с.

- Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М.: Моск. науч. изд., 1918.— 267 с.
- Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVIII века. М.: Изд. АН СССР, 1958.— 353 с.
- Каховская И. К. Горький 9 января 1905 года // Новый мир. 1959. № 3. С. 219.
- Кашинцев Д. История металлургии Урала. Т. I. М.: ГОНТИ, 1939.— 292 с.
- Керенский А. Ф. Русская революция. М.: Центрполиграф, 2005.— 383 с.
- Кирова К. Э. Жизнь Джузеппе Мадзини (1805–1872). М.: Наука, 1981.— 183 с.
- Кирова К. Э. Заговорщики и народ. М.: Наука, 1991.— 158 с.
- Кирпичников Т. И. Восстание лейб-гвардии Волынского полка в феврале 1917 года // Крушение царизма. Л.: Лениздат, 1986. С. 300–314.
- Кирьянов Ю. В. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914–февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.
- Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1973.— 146 с.
- Кирьянов Ю. И., Бородкин Л. И. Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце XIX — начале XX вв. // Россия и США на рубеже XIX — XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М.: Наука, 1992. С. 40–48.
- Кирюхина Е. И. Всероссийский крестьянский съезд в 1905 г. // Исторические записки. 1955. Т. 50. С. 95–141.
- Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: в 4 т. СПб.: Издание канцелярии Комитета министров, 1902.
- Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г. Л.: Наука, 1985.— 383 с.
- Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л.: Наука, 1978.— 287 с.
- Клепиков С. А. Питание русского крестьянства. Ч. I. Нормы потребления главных пищевых продуктов. М., 1920.— 52 с.
- Ключевский В. Курс русской истории. Т. I–V. М.: Гос. соц.-эк. изд., 1937.
- Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М.: Синодальная тип., 1902.— 547 с.
- Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей, 1991.— 334 с.
- Ключевский В. О. Состав представительства на земских соборах Древней Руси // Сочинения. Т. VIII. М.: Изд. соц.-экон. лит., 1959. С. 5–112.
- Кнапп Г. Ф. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии. СПб., 1900.— 272 с.
- Книга М. Д. История голода 1891–1892 гг. в России. Дисс... к. и. н. Воронеж, 1997.— 223 с.
- Княжинская Л. А. Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах. М.: Статистика, 1980.— 192 с.
- Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М.: Культура, 1990.— 668 с.
- Ковалик С. Ф. Революционное движение 70-х гг. // Революционеры 1870-х гг. Л.: Лениздат, 1986. С. 150–193.
- Ковальченко И. Д. Аграрное развитие России и революционный процесс // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб.: Наука, 1992. С. 246–263.
- Ковальченко И. Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства в России в первой половине XIX века // История СССР. 1959. № 1. С. 53–86.

- Ковальченко И. Д. К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 192–227.
- Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М.: Изд. Моск. ун-та, 1959. — 275 с.
- Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. — 439 с.
- Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974. — 412 с.
- Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: Изд. Моск. ун-та, 1967. — 399 с.
- Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М.: Наука, 1971. С. 171–195.
- Ковальченко И. Д., Бородин Л. И. Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России // Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX века. М.: Наука, 1991. С. 18–47.
- Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. М.: Наука, 1974. — 412 с.
- Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII — первой половине XIX века // История СССР. 1966. № 4. С. 55–80.
- Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М.: Наука, 1988. — 223 с.
- Коган Э. С. Очерки истории крепостного крестьянства по материалам вотчин Куракиных 2-й половины XVIII века // Труды ГИМ. 1960. Вып. 35. — 127 с.
- Кожин В. Черносотенцы и Революция. М.: Алгоритм, 1998. — 304 с.
- Козинцева Р. И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVI — II века // Исторические записки. 1973. Т. 91. С. 267–337.
- Козинцева Р. Н. Русский экспорт сельскохозяйственной продукции в первой половине XVIII века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник. IX. М., 1980. С. 233–254.
- Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1–2. М.: Наука, 1992.
- Кокорев В. А. Экономические провалы. М.: Общество купцов и промышленников России, 2005. — 336 с.
- Кола Д. Политическая социология. М.: Весь мир, 2001. — 406 с.
- Колесников С. П. Северная деревня в XV — второй половине XIX века. Вологда: Сев.-зап. книж. изд., 1976. — 415 с.
- Коллинс С. Нынешнее состояние России // Утверждение династии. М.: Фонд Сергей Дубова, 1997. С. 185–230.
- Коломиец А. Г. Финансы Российской империи в последние годы правления Александра I // Финансы. 1999. № 8. С. 62–64.
- Коломийцев В. Ф. Методология истории (от источника к исследованию). М.: РОС-СПЭН, 2001. — 190 с.
- Колонтаева А. В. Витте и аграрный вопрос в России (1892–1908 гг.) Автореф. дисс... канд. ист. н. Ростов-на-Дону, 1998. — 27 с.

- Колосов Е. Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII века // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 259–270.
- Колпинский Н. Ю., Твардовская В. А. Бакунин в русском и международном освободительном движении // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 74–75, 79–82.
- Комиссаренко А. И. Основные параметры кризиса крепостного хозяйства в аграрной сфере России в середине XIX века // Россия в новое время: выбор пути исторического развития. М.: РГГУ, 1994. С. 28–30.
- Комлос Дж. Биологический уровень жизни и современный тип экономического роста // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М.: РОССПЭН, 2001. С. 428–440.
- Кондратенков А. Л. Монастырские и церковные крестьяне Смоленского края в XVII–XVIII веках // Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян Нечерноземной полосы (XVI—первая половина XIX в.). Смоленск, 1982. С. 39–55.
- Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991.— 487 с.
- Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России. М.: РОССПЭН, 1994. С. 115–123.
- Кони Ф. История Фридриха Великого. М.: Алгоритм, 1997.— 503 с.
- Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. 1959. Т. 64. С. 237–244.
- Копелевич Ю. X. Возникновение научных академий. Середина XVII—середина XVI—II в. М.: Наука, 1974.— 265 с.
- Корб И. Г. Дневник путешествия в Россию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906.— 322 с.
- Кордт В. А. Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов по 1631 год // Сборник Императорского Российского исторического общества. 1902. Т. 116. С. I–CCCXLVII.
- Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М.: Наука, 1979.— 303 с.
- Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX—начале XX в. М.: Наука, 1988.— 259 с.
- Корелин А. П., Тютюкин С. В. Революционная ситуация начала XX века в России // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 4–24.
- Кореневская Н. Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М.: Госстатиздат, 1954.— 155 с.
- Корнилов Г. Е. Создание системы продовольственного обеспечения населения страны в первой половине XX века // History of the Russian Peasantry in the 20th Century. Vol. 1. Tokyo, 2002. P. 33–54.
- Коростелев В. А. Скопин. Царская вотчина во второй половине XVII—в первой половине XVIII века. М.: Полиграфист, 2013.— 301 с.
- Коротаев А. В. Объективные социологические законы и субъективный фактор // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 1998. С. 305–311.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М.: КомКнига, 2005.— 344 с.
- Коротаев А. В. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. М., 1991. С. 136–191.
- Корчагова М. Н. Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе // Отечественная история 1994. № 4/5. С. 205–216.

- Костомаров Н. И. Самодержавный отрок // Костомаров Н. И. Раскол. М.: Чарли, 1994. С. 529–605.
- Костомаров Н. И. Екатерина Алексеевна, первая русская императрица // Костомаров Н. И. Раскол. М.: Чарли, 1994. С. 469–528.
- Коткин С. Сталин. Т. 1. Кн. 1. М.: Изд. ин-та Гайдара, 2022.— 690 с.
- Котошихин Г. О. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Типография Э. Праца, 1906.— 200 с.
- Кофод А. А. Хуторское расселение. СПб.: тип. газ. «Сел. вестн.», 1907.— 72 с.
- Кравчинский С. М. Смерть за смерть // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 77–90.
- Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: РОССПЭН, 1998.— 263 с.
- Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). Документы и материалы. М.: Наука, 2003.— 478 с.
- Крижанич Ю. Политика. М.: Новый Свет, 1997.— 527 с.
- Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л.: Наука, 1984.— 663 с.
- Кристенсен С. О. История России XVIII в. Обзор исследований и источников. М.: Прогресс, 1989.— 254 с.
- Кругликов В. Измайлово. М.: Моск. рабочий, 1959.— 187 с.
- Крузе Э. Э. Положение рабочего класса в России в 1900–1914 г. Л.: Наука, 1976.— 299 с.
- Крутиков В. И. Об изменении размеров наделов помещичьих крестьян в первой половине XIX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1969. Киев, 1973. С. 158–165.
- Крутиков В. И. Изменения численности и социального состава населения Тульской губернии в конце XVIII—первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1979. С. 123–129.
- Крутиков В. И. К вопросу о положении помещичьих крестьян в период кризиса крепостничества (задолженность помещичьих имений Тульской губернии накануне реформы 1861 года) // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 119–127.
- Ксенофонтов И. Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М.: РОССПЭН, 1996.— 308 с.
- Кудрявцев Н. К вопросу о поднятии урожайности на Урале // Хозяйство Урала. 1928. № 10. С. 53–74.
- Кузнецов И. А. Столыпинская аграрная реформа и производительность сельского хозяйства Европейской России в конце XIX—начале XX века // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 3. С. 42–78.
- Кузьминых-Лапин И. М. Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1911.— 34 с.
- Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...» Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. № 11. С. 117–185.
- Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. Т. 1. М.: Мир, 1925.— 138 с.
- Куломзин А. Н., Рейтерн В. Г. М. Х. Рейтерн. Биографический очерк. СПб.: Тип. «Сельского Вестника», 1910.— 195 с.
- Куропаткин А. Н. Русская армия. СПб.: Полигон, 2003.— 590 с.
- Курсков Ю. В. Ведущее направление общественной мысли и проекты государственных преобразований России 40–60-х годов XVII века. Чита, 1973.— 159 с.
- Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.— 606 с.

- Курц Б. Состояние России в 1650–1655 годах по донесениям Родеса // Чтения в ОИДР. 1915. Кн. 2. Отд. II. С. 1–246.
- Кутищев А. В. Армия Петра Великого: европейский аналог или отечественная самобытность. М.: Спутник+, 2006.— 407 с.
- Кушева Е. Из истории «Общества Народного Освобождения» // Каторга и ссылка. 1931. № 4. С. 31–62.
- Кюстрин, маркиз де. Николаевская Россия. М.: Терра, 1990.— 286 с.
- Лабузов В. А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ. Дисс... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2005.— 764 с.
- Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М.: Мысль, 1974.— 251 с.
- Лавров А. С. Кабацкая реформа Никона // Народная борьба за трезвость в русской истории. Л., 1989. С. 16–19.
- Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М.: Археографический центр, 1999.— 298 с.
- Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М.: Мысль, 1975.— 382 с.
- Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года. Л.: Гидрометеиздат, 1971.— 280 с.
- Лебедев В. В. Проблема выхода из войны и кризис самодержавия // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С. 45–58.
- Левитский И. Хлебная производительность // Историко-статистический обзор промышленности России. Издан по поручению Высочайше утвержденной Комиссии по устройству Всероссийской промышленно-художественной выставки в Москве 1882 г. Т. I. СПб., 1883. С. 23–67.
- Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М.: Мысль, 1990.— 222 с.
- Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971.— 366 с.
- Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981.— 284 с.
- Лекомцев М. Г. Формы борьбы рабочих в Центральном промышленном районе России и факторы экономического и политического развития России в годы первой мировой войны (июль 1914—февраль 1917 г.) // Россия и США на рубеже XIX—XX вв. М.: Наука, 1992. С. 142–154.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. М.: Изд. полит. лит., 1986.— 610 с.
- Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997.— 511 с.
- Леонов М. И. Численность и состав партии эсеров в 1905 и 1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 49–95.
- Леонов О. Г. Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698–1801. М.: АСТ, 1995.— 296 с.
- Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1855–1918. М.: АСТ, 1998.— 288 с.
- Леонтович В. В. История либерализма в России. 1702–1914. М.: Русское слово, 1995.— 548 с.
- Либеральные интерпретации проблемы наций и национальных прав в прошлом и настоящем. М., 2001.— 40 с.

- Лиги Х. М. Закрепощение крестьян в Эстонии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига: Изд. АН ЛССР, 1963. С. 126–134.
- Линьков Я. И. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. Н. Огарева и тайное общество «Земля и Воля» 1860-х гг. М.: Наука, 1964. — 475 с.
- Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М.: Наука, 1967. — 127 с.
- Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М.: Изд. полит. лит., 1991. — 301 с.
- Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861–1895 гг. М.: Наука, 1972. — 423 с.
- Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. — 536 с.
- Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–2. М.: Соцэгиз, 1935. — 678 с.
- Лобанова Е. В. Предпринимательское поведение крупного землевладельца XVII века (на материалах вотчинного архива боярина Б. И. Морозова) // Экономическая история. Ежегодник. 2002. С. 7–24.
- Лозинский З. Экономическая политика временного правительства. М.: Прибой, 1929. — 200 с.
- Лопухин А. А. Орывки из воспоминаний. М.-Пг., 1923. — 98 с.
- Лотман Ю. М. В. И. Ленин об идеологической сущности движения декабристов // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1970. Вып. 251. С. 3–7.
- Лохтева Г. Н. Развитие производительных сил в земледельческом хозяйстве половников Троицко-Гледенского монастыря Поморья в XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 193–201.
- Лохтин П. Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. СПб.: тип. М-ва пут. сообщ., 1901. — 309 с.
- Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М.: Плановое хозяйство, 1926. — 124 с.
- Лубны-Герцык Л. И. Об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 338–367.
- Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.-Л.: Изд. АН ССР, 1957. — 187 с.
- Лурье Ф. Гапон и Зубатов (к истории политического сыска в России) // Нева. 1990. № 4. С. 161–175.
- Любимов Д. Н. Гапон и 9 января // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 123–130.
- Людвиг Г.-Б. Гапоновские дни. Личные воспоминания участника // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1942. № 10594. С. 2–22.
- Ляпин В. «Сибирского железа пушки...» // Уральский следопыт. 1994. № 9. С. 10–13.
- Ляхов М. Е. Климатические экстремумы в центральной части европейской территории СССР в XIII–XX вв. // Известия АН СССР. Серия географическая. 1984. № 4. С. 68–74.
- Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1956.
- Лященко П. И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII веке // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 95–127.
- Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. I. Л.: Прибой, 1924. — 278 с.
- Лященко П. И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М.: Изд. Коммунист. академии, 1927. — 374 с.

- Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М.: Учпедгиз, 1956.— 263 с.
- Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.— 973 с.
- Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Дело, 2003.— 285 с.
- Майбурд Е. М. Введение в историю экономической мысли. М.: Дело, 1996.— 544 с.
- Максимов А. Признание Гапона // Двуглавый Орел. 1930. № 37. С. 1780–1801.
- Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002.— 586 с.
- Малов А. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М.: Древнехранилище, 2006.— 624 с.
- Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука, 1991.— 238 с.
- Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. Т. 2. М.: Эконов, 1993. С. 5–136.
- Манштейн К. Г. Записки о России. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.— 440 с.
- Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб.: Наука, 1998.— 214 с.
- Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1962.— 421 с.
- Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980.— 269 с.
- Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1951.— 271 с.
- Марасинова Е. И. Психология элиты российского дворянства последней трети XVI–II века. М.: РОССПЭН, 1999.— 300 с.
- Марасинова Е. Н. Вотчинник или помещик? (Эпистолярные источники о социальной психологии российских феодалов второй половины XVIII века) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) М.: Росспэн, 1996. С. 135–145.
- Маресс Л. Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. I. СПб., 1897. С. 1–96.
- Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб.: Полигон, 1994.— 535 с.
- Мартынов Е. М. Царская армия в февральском перевороте. М., 1927.— 212 с.
- Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948.— 148 с.
- Масленникова Н. Н. Псковские крестьяне конца XV — XVII веков. Дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. н. Л., 1984.— 384 с.
- Масси Р. К. Петр Великий. В 3 т. Смоленск: Русич, 1996.
- Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3 ч. СПб., 1903.
- Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. В 2 вып. М., 1916, 1917.
- Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. М.: Изд. АН СССР, 1951.— 418 с.

- Матюшенский А. И. Гапон и мой антихрист (повесть моего безумия). Благовещенск: Благовещенское утро, 1917.— 69 с.
- Мацук М. А. Фискальная политика русского правительства и чернососное крестьянство Восточного Приморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998.— 671 с.
- Медушевский А. И. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст, 1994.— 318 с.
- Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 43–184.
- Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М.: Вече, 2006.— 615 с.
- Менделеев Д. И. Толковый тариф или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. СПб.: Тип. В. Демакова, 1892.— 730 с.
- Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. В 3 т. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.
- Меньшиков М. О. Молодежь и армия. 13 октября 1909 г. // Меньшиков М. О. Из писем к близким. М.: Воениздат, 1991. С. 105–112.
- Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М.: Изд. АН СССР, 1960.— 715 с.
- Меринг Ф. История германской социал-демократии. Т. IV. М.: Товарищество «Братя А. и И. Гранат и К°», 1907.— 400 с.
- Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1769–1899). Т. I. Харьков: Печатное дело, 1899.— 632 с.
- Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.— 572 с.
- Милов Л. В. Из истории производительности труда в земледелии России // Тезисы докладов и сообщений шестой сессии симпозиума по аграрной истории России. Вильнюс, 1963. С. 130–134.
- Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М.: Изд. Моск. ун-та, 1965.— 309 с.
- Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 76–87.
- Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 37–56.
- Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905.— 678 с.
- Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991.— 528 с.
- Милюков П. Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001.— 765 с.
- Милюков С. Г. Неизвестное послание А. А. Виниуса к Петру Первому // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр., вып. 10. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 240–280.
- Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1982.— 289 с.
- Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX—начала XX в. М.: Советская Россия, 1971.— 141 с.
- Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. М.: Наука, 1967.— 930 с.

- Минц Л. Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.-Л.: Гос. из-во, 1929.— 470 с.
- Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989.— 238 с.
- Миронов Б. Н. «Сыт конь — богатырь, голоден — сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX — начала XX века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 30–43.
- Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVI–II — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010.— 911 с.
- Миронов Б. Н. Вперед к крепостничеству! Цены и зарплата в Петербурге за три века // Родина. 2003. № 8. С. 15–19.
- Миронов Б. Н. Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить // О причинах русской революции / под. ред. Л. Е. Гринина и др. М.: URSS, 2010. С. 114–135.
- Миронов Б. Н. Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис: доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. // История и Математика. О причинах Русской революции. М.: Изд-во ЛКИ, URSS, 2009. С. 48–100.
- Миронов Б. Н. Политика versus истина: особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История. Вып. 1. 2008. С. 8–31.
- Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019.— 527 с.
- Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990.— 272 с.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XIX в.). Т. 1–2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII — XIX вв.). Л.: Наука, 1985.— 301 с.
- Миронов Б. Н. Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII — начале XIX века // Исторические записки. 1974. Т. 93. С. 149–188.
- Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: ИФРАН, 1994.— 250 с.
- Мойнехен Б. Григорий Распутин: святой, который грешил. Смоленск: Русич, 1999.— 592 с.
- Молчанов Н. Н. Огюст Бланки. М.: Молодая гвардия, 1984.— 416 с.
- Мордовцев Д. Л. Накануне воли. СПб.: тип. Н. А. Лебедева, 1889.— 375 с.
- Морозов Б. Н. Частная переписка семьи Лесли и внешняя политика России в середине XVII века // Молодые обществоведы Москвы — ленинскому юбилею. М.: Наука, 1982. С. 110–112.
- Морозов С. О. Центральная Россия в 1897–1917 гг.: проблемы демографического развития. Пенза: ПГАСА, 2001.— 227 с.
- Мортон А. А. История Англии. М.: Изд. иностр. лит., 1950.— 462 с.
- Мортон А. Л., Тэйт Дж. История английского рабочего движения. 1770–1920. М.: Изд. иностр. лит., 1959.— 420 с.
- Московская губерния по местному обследованию. Т. I–IV. М., 1903.
- Мстиславский С. Д. Гибель царизма. Февральский переворот // Крушение царизма. Л.: Лениздат 1986. С. 315–325.
- Мур Б. Революции угнетенных: свидетельство защиты // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 308–309.

- Мурзакевич Н. О пушечном литейном искусстве в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. № 9. С. 532–570.
- Мыльников А. С. Испытание чудом: «русский принц, его прототипы и двойники-самозванцы. Л.: Наука, 1991.— 266 с.
- Мэсси Р. Николай и Александра. М.: Захаров, 2003.— 636 с.
- Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. I. 1900–1939. М.: РОССПЭН, 2000.— 459 с.
- Начало первой русской революции. Январь-март 1905 года. М.: Изд. АН СССР, 1955.— 960 с.
- Невиль де ла. Любопытные и новые известия о Московии // Россия XV—XVII веков глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. С. 473–529.
- Невлер В. Е. Демократические силы в борьбе за объединение Италии. 1831–1860. М.: Наука, 1982.— 374 с.
- Невский В. Январские дни в Петербурге // Красная летопись 1922. № 1. С. 13–75.
- Ненахов Ю. Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск: Харвест, 2002.— 815 с.
- Неттлау М. Очерки по истории анархических идей // <http://www.avtonom.org/lib/theory/nettlau/history.html>
- Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской части России в конце XVIII — начале XIX веков. М.: Наука, 1987.— 287 с.
- Нефедов С. А. Об уровне жизни крестьян и движении населения в связи с динамикой сбора хлебов, оброков и барщины в 1800–1860 гг. // Экономическая история. Обзорение. 2006. Вып. 12 (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 35). С. 169–184.
- Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург: Издательство УГТУ, 2009.— 209 с.
- Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2005.— 539 с.
- Нефедов С. А. Истоки 1905 года: «Революция извне?» // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 47–60.
- Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. В 2 т. М.: Территория будущего, 2011.
- Нефедов С. А. Как готовили революцию 1905 г. // Вопросы истории. 2015. № 7. С. 41–55.
- Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2007.— 141 с.
- Нефедов С. А. Неизвестная война 1812 года // Новый мир. 2022. № 2. С. 145–157.
- Нефедов С. А. Неизвестная Февральская революция (Часть 2) // Новейшая история России. 2018. № 1. С. 29–44.
- Нефедов С. А. О причинах демографической стагнации в России накануне отмены крепостного права // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 78–81.
- Нефедов С. А. О причинах отставания уральской металлургии в пореформенный период // Уральский исторический вестник. 2024. № 1. С. 91–98.
- Нефедов С. А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX — начала XX века // Российская история. 2009. № 2. С. 155–162.
- Нефедов С. А. О формировании феномена экономического отставания России в первой половине XIX века // Вестник СПбГУ. Экономика. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 489–509.
- Нефедов С. А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 22–52.

- Нефедов С. А. Последняя попытка спастись // Новый мир. 2018. № 11. С. 154–169.
- Нефедов С. А. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопросы истории. 2013. № 12. С. 53–65.
- Нефедов С. А. Региональные эффекты столыпинской реформы // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 925–935.
- Нефедов С. А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М.: Дело, 2017. — 430 с.
- Нефедов С. А. Уровень жизни в России XVII века // Уральский исторический вестник. 2003. № 9. С. 17–31.
- Нефедов С. А. Уровень потребления в оскудевшем центре России и причины русской революции // Новейшая история России. 2020. № 4. С. 826–843.
- Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Территория будущего, 2008. — 752 с.
- Нефедов С. А. Экономическая политика и железнодорожное строительство в правление Александра II (1855–1865) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 1. С. 165–180.
- Николаевский Б. Памяти последнего «якобинца»-семидесятника // Каторга и ссылка. 1931. № 4. С. 220–231.
- Николай I и его время. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Николай Первый и его время. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Никольский Р. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910.
- Нилус А. История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1904. — 229 с.
- Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М.: Наука, 1974. — 316 с.
- Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. М.: Учпедгиз, 1949. — 315 с.
- Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.: Гос. изд-во, 1929. — 192 с.
- Новосельский А. Л. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века // Исторические записки. 1945. Т. 16. С. 40–49.
- Носевич В. Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск: Тэхналогія, 2004. — 350 с.
- Оболенский Г. Л. Император Павел I. Смоленск: Русич, 1996. — 398 с.
- Обухов В. М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Ч. 1. М.-Л., 1927. С. 1–160.
- Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Т. III. Обновление сельскохозяйственной России и ее аграрная политика. Саратов, 1914. — 334 с.
- Огановский Н. П. Перспективный план развития посевных площадей и урожаев по регионам // Плановое хозяйство. 1927. № 6. С. 90–108.
- Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // Экономическое обозрение. 1927. Июнь. С. 15–26.
- Огризко З. А. Из истории крестьянства на севере феодальной России XVII в. М.: Советская Россия, 1968. — 162 с.
- Окунь С. Б. История СССР. Т. 1–2. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1974.

- Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1980. С. 287–470.
- Олеарий А. Подробное описание путешествия голландского посольства в Московию и Персию. М.: О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1870.— 1174 с.
- Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М.: Терра, 1992.— 640 с.
- Ольминский М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.: Красный пролетарий, 1925.— 221 с.
- Омран А. П. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения: о демографических проблемах стран Запада. М.: Прогресс, 1977. С. 57–91.
- Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. М.: Мысль, 1975.— 190 с.
- Орлов П. В. Пришлые рабочие в Москве в XVII веке. Киев, 1912.— 24 с.
- Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX—начале XX в. СПб.: Полторак, 2013.— 414 с.
- Островский А. В. О Региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России (1862–1914) // Проблемы исторической географии России. Вып. II. М., 1982. С. 171–188.
- От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-гг. М.: РОССПЭН, 1998.— 432 с.
- Отечественная война и русское общество. 1812–1912. В 7 т. / ред. А. К. Дживелегов. СПб.: Сытин, 1912.
- Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М.: Советский писатель, 1990.— 253 с.
- Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.— 408 с.
- Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России. М.: Наука, 1964. С. 389–427.
- Павлов А. Т. От дворянской революционности к революционному демократизму (идейная эволюция А. И. Герцена). М.: Московский университет, 1977.— 128 с.
- Павлов Д. Б. Японские деньги и первая русская революция. М.: Вече, 2011.— 286 с.
- Павлов И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 22–57; № 4. С. 77–107.
- Павлов-Сильванский Н. П. Сочинения. Т. II. СПб., 1910.— 401 с.
- Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.— 185 с.
- Падение царского режима. Т. I. М.-Л.: Гос. издат., 1926.— 460 с.
- Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. СПб: Новый мир, 1906.— 305 с.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.— 421 с.
- Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1–2. М.: РОССПЭН, 1994.
- Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Терра, 1996.— 287 с.
- Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России. М.: Изд. АН СССР, 1963.— 490 с.
- Пантин Е. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. 1783–1883 гг. М.: Мысль, 1986.— 343 с.
- Парtridge М. Герцен и Англия // Литературное наследство. 1985. Т. 96. Герцен и Запад. С. 47–57.

- Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М.: Эксмо, Яуза, 2010.— 445 с.
- Пенской В. В. Развитие вооруженных сил России и военная революция в Западной Европе во 2-й половине XV—XVIII вв.: сравнительно-исторический анализ. Дисс... докт. ист. наук. М., 2004.— 525 с.
- Первая российская революция 1905–1907 гг. Обзор советской и зарубежной литературы. М.: ИНИОН, 1991.— 243 с.
- Перетц Е. А. Дневник Е. А. Перетца государственного секретаря. (1880–1883). М.: Гос. изд-во, 1927.— 172 с.
- Перковский А. Л. Кризис демографического воспроизводства крестьянства России в первой половине XIX столетия // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М.: Статистика, 1977. С. 167–190.
- Перри Д. Другое и более подробное повествование о России // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1871. № 2. С. 39–180.
- Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. I. М.: Наука, 1966.— 489 с.
- Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII века. Л.: Наука, 1967.— 228 с.
- Петров Н. П. Записки о Гапоне. Часть 1 // Всемирный Вестник. 1907. № 1. С. 35–53
- Петрова Е. Л. Патриаршие крестьяне в конце XVII—первой четверти XVIII века. Дисс... канд. ист. н. М., 1995.— 188 с.
- Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. СПб.: Алетейя, 2001.— 349 с.
- Пешехонов А. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях // Русское богатство. 1896. № 8. Отд. I. С. 173–195.
- Пирлинг. Дмитрий Самозванец. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.— 476 с.
- Пирумова Н. Бакунин. М.: Мол. гвардия, 1970.— 399 с.
- Пирумова Н. М. Социальная доктрина М. А. Бакунина. М.: Ленанд, 1990. С. 248.
- Письмо одного шведа из Москвы в 1647 году писанное // Северный архив. 1822. Ч. 1. С. 151–158.
- Платонов О. А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Алгоритм, 2005.— 797 с.
- Платонов О. Терновый венец России. Святая Русь. Открытие русской цивилизации. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2001.— 816 с.
- Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л.: Сеятель, 1925.— 150 с.
- Победоносцев К. П. Сочинения. СПб: Наука, 1996.— 509 с.
- Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М.: РОССПЭН, 2006.— 237 с.
- Побережников И. В. Социальное изменение в теоретических проекциях // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 57–92.
- Побережников И. В. Модернизация: теоретические и методологические проблемы // Экономическая история. Обзорение. Вып. 7. М., 2001. С. 163–169.
- Повалишин А. Д. Рязанские помещики и их крепостные. Репринтное издание. Рязань, 1995.— 450 с.
- Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М.: Финансы, 1968.— 167 с.
- Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М.: Госфиниздат, 1954.— 266 с.
- Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 37–60.
- Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 1. М.: Мысль, 1966.— 725 с.

- Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М.: Международная книга, 1947.— 403 с.
- Покшишевский В. В. Центрально-Черноземная область. М.-Л.: Гос. изд-во, 1929.— 133 с.
- Полиевктов М. А. Выход к морю // Каспийский транзит. Т. 2. М.: Ди Дик, 1996. С. 522–548.
- Поликарпов В. В. Кораблестроение при императоре Николае II. Очерки технологической истории. М.: Новый Хронограф, 2023.— 351 с.
- Политические партии России. Конец XIX—начало XX века. М.: РОССПЭН, 1996.— 800 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 3, 5, 12, 13. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Полный свод законов Российской империи. Т. 1–16. СПб.: Законоведение, 1911.
- Поляков Л. Российская модернизация: социо-психоаналитический подход // Коллаж. М., 1997. С. 55–75.
- Попов И. П. Тверское выступление 1862 года и его место в событиях революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М.: Наука, 1974. С. 262–264.
- Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914—март 1918 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000.— 414 с.
- Посселят М. Ф. Адмирал русского флота Франц Яковлевич Лефорт или начало русского флота. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1863.— 98 с.
- Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. Т. I. М.: Наука, 1971.— 454 с.
- Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1957.— 456 с.
- Пресняков А. Е. Московское государство первой половины XVII века // Три века. Т. 1. М.: т-во И. Д. Сытина, 1912. С. 4–84.
- Привалова Т. В. Питание русского крестьянства на рубеже веков // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 128–146.
- Программа партии Социалистов-Революционеров // Сборник программ политических партий России. Вып. 1-й. СПб., 1906. С. 13–23.
- Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Т. 1. Сборник документов. Екатеринбург: Академкнига, 2000.— 552 с.
- Продовольствие крестьянского населения Тульской губернии. Тула, 1917.— 29 с.
- Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Материалы по продовольственному плану. Выпуск 1–2. Пг, 1916, 1917.— 246 с.
- Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909.— 43 с.
- Прокопович С. Н. Народный доход западноевропейских стран. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930.— 196 с.
- Прокофьева Л. С. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е годы XVIII в. // Вопросы аграрной истории. Вологда: ВГПИ, 1968. С. 345–354.
- Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII веке. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1959.— 177 с.
- Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII—первой половине XIX века. (по материалам вотчин Шереметьевых). Л.: Наука, 1981.— 214 с.

- Пронин В. М. Последние дни царской ставки. Белград: Рус. тип., 1929. — 88 с.
- Проскуракова Н. А. Земельные банки Российской империи. М.: РОССПЭН, 2002. — 517 с.
- Проскуракова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.
- Проскуракова Н. А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1973. № 1. С. 55–75.
- Протопопов А. Д. Показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Гибель монархии. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.
- Прохоров М. Ф. Крепостное крестьянство России в 1750-х — начале 1770-х годов. Дисс... докт. ист. н. М., 1997. — 902 с.
- Прохоров М. Ф., Федюлин А. А. Помещичьи крестьяне России в середине XVIII века. М.: Прометей, 2003. — 286 с.
- Прочко И. С. История развития артиллерии. СПб.: Полигон, 1994. — 495 с.
- Пугачевщина. Т. 1. Из архива Пугачева. М.: Госиздат, 1926. — 259 с.
- Пудовиков П. Е. Хлебные избытки и народное продовольствие // Отечественные записки. 1879. № 10. С. 477–496.
- Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. — 347 с.
- Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М.: Наука, 1975. — 387 с.
- Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция. 1917 г. в России. М.: Наука, 1982. — 319 с.
- Пушкарева И. М. Рабочее движение в год II съезда РСДРП // Отечественная история. 2003. № 4. С. 3–14.
- Пыжиков А. В. Питер-Москва. Схватка за Россию. М.: Олма медиа групп, 2014. — 460 с.
- Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Академический проект, 2001. — 557 с.
- Пьянков С. А., Михалев Н. А. Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 1. С. 44–55.
- Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М.: Наука, 1973. С. 132–176.
- Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М.: Наука, 1981. — 430 с.
- Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. Лондон, 1990. — 304 с.
- Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытки сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара: Самарский ун-т, 2000. С. 48–79.
- Разин Е. А. История военного искусства. В 3 т. СПб.: Омега-Полигон, 1994.
- Разложение армии в 1917 году. М.-Л.: Госиздат, 1925. — 190 с.
- Ракитов А. И. Философские проблемы науки. Системный подход. М.: Мысль, 1977. — 268 с.
- Рахматуллин М. А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М.: Наука, 1990. — 303 с.

- Рашин А. Г. Грамотность и народное образование в России XIX и начале XX в. // Исторические записки. 1951. Т. 37.
- Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М.: Госстатиздат, 1956. — 351 с.
- Революционная ситуация в России в середине XIX века. М.: Наука, 1978. — 439 с.
- Революционная ситуация в России на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Наука, 1983. — 557 с.
- Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I. М., 1999. — 574 с.
- Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство // Вестник права. 1902. Т. XXXII. № 9–10. С. 1–128.
- Рейтенфельс Я. Сказание о Московии // Утверждение династии. М.: Фонд Сергей Дубова, 1997. С. 231–406.
- Ржаникова Т. П. Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Е. Пугачева. Дисс... канд. ист. н. Л., 1953. — 533 с.
- Рибер А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России 1856–1874. М.: Изд. Моск. ун-та, 1992. С. 44–72.
- Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Сочинения. Т. I. М.: Гос. изд. полит. лит., 1955. — 360 с.
- Рихтер Д. И. Задолженность частного землевладения // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны Русского народного хозяйства / под. ред. А. И. Чупрова и А. С. Постникова. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1897. С. 379–402.
- Рогалина Н. Л. Аграрный кризис в российской деревне начале XX века // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 10–22.
- Рогачевская Л. С. Ликвидация безработицы в СССР в 1917–1930 гг. М.: Наука, 1973. — 382 с.
- Роде А. Посольство Ольдерланда // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 9–42.
- Родзянко М. В. Записка М. В. Родзянки // Красный архив. 1925. Т. 3. С. 69–86.
- Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. М.: ИКАР, 2002. — 368 с.
- Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Дисс... докт. ист. наук. Уфа, 2003. — 443 с.
- Рождественский С. В. Соборное уложение 1649 года // Три века. Т. 1. М., 1912. С. 184–199.
- Рожков Н. Происхождение самодержавия в России. Пг: Изд. О. Богдановой, 1923. — 154 с.
- Розенталь В. Н. Нарастание кризиса верхов в середине 50-х годов XIX века // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М.: Наука, 1962. С. 40–60.
- Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002. — 655 с.
- Романовский-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1912. — 582 с.
- Россия в 1778 г. Путешествие Уильяма Кокса // Русская старина. 1877. Т. XIX. С. 30–120.
- Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М.: Наука, 1976. — 385 с.
- Рубинштейн Н. Л. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 35–51.

- Рубинштейн Н. Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 74–101.
- Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М.: Госполитиздат, 1957. — 495 с.
- Руднева С. Е. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. Международная научная конференция // Отечественная история. 1998. № 1. С. 206–209.
- Рудницкая Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М.: Наука, 1992. — 266 с.
- Рунич Д. П. Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 325–357.
- Русская армия накануне революции // Былое. 1918. № 1. С. 151–157.
- Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М.: Московский рабочий, 1926. — 399 с.
- Рутенберг П. М. Убийство Гапона. М.: Слово, 1990. — 110 с.
- Рутковский Я. Экономическая история Польши. М.: Изд. иностр. лит., 1953. — 426 с.
- Рындзюнский П. Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г.? // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 54–70.
- Рындзюнский П. Г. К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX–XX вв. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 155–172.
- Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М.: Наука, 1983. — 109 с.
- Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М.: Наука, 1978. — 293 с.
- Рябков Г. С. Тормозящее влияние крепостного права на расслоение крестьян в смоленских вотчинах Барышниковых в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1960. Киев, 1962. С. 351–363.
- Рябков Г. Т. Смоленские помещичьи крестьяне в конце XVIII — первой половине XIX века. М.: Прометей, 1991. — 272 с.
- Рябков Г. Т. Сокращение пашни в наделах помещичьих крестьян Смоленской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. С. 448–458.
- Рязанов В. Т. Экономическое развитие России XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. — 796 с.
- Рянский Л. М. К вопросу о «вымирании» крепостного крестьянства в период кризиса феодализма // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 127–138.
- Рянский Л. М. Движение крепостного населения в период кризиса феодализма в России (опыт количественного анализа по данным Курской губернии) // История СССР. 1991. № 2. С. 142–150.
- Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. Самара: Издат. Самарск. ун-та, 1994. — 360 с.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. — 796 с.
- Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. II. М.: Изд. И. Д. Самарина, 1878. — 444 с.
- Самохин К. В. Первая мировая война в восприятии тамбовских крестьян // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. СПб.: Нестор, 2004. С. 309–312.
- Сандомирский Г. Покушение 14 января 1858 г. и смерть Орсини // Орсини Ф. Воспоминания. М.: Academia, 1934. С. 305–367.

- Сапунов Б. В. Немецкие книги и газеты в Москве XVII в. (из истории русских культурных связей) // Книга: исследования и материалы. 1994. Вып. 68. С. 91–96.
- Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988.— 247 с.
- Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М.: Наука, 1966.— 228 с.
- Сборник сведений по Департаменту земледелия и сельской промышленности. Вып. 1. СПб.: Министерство государственных имуществ, 1879. 183 с.
- Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. СПб., 1902.— 331 с.
- Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб., Пг., 1910, 1915, 1916.
- Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. I–III. СПб., 1902.
- Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж: Воронеж. губ. земство, 1897.— 1060 с.
- Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин. 2006.— 603 с.
- Сельское хозяйство России в XX веке. М.: Новая деревня, 1923.— 340 с.
- Сельскохозяйственная техника. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1903.— 264 с.
- Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. 6–12. СПб., 1903.
- Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. СПб., 1903.— 643 с.
- Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. Т. I–II. СПб., 1888.— 625 с.
- Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.— 694 с.
- Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск: Курсив, 2000.— 539 с.
- Семенников В. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л.: Красная газета, 1929.— 151 с.
- Семенов Е. П. Февральские и мартовские дни 1917 г. // Исторический вестник. 1917. Т. 147. № 3. С. 1–80.
- Сенчакова Л. Т. Приговоры и наказания — зеркало крестьянского менталитета 1905–1907 гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 173–182.
- Сивков К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. М.: Изд. АН СССР, 1951.— 250 с.
- Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М.: Изд. Моск. ун-та, 1980.— 287 с.
- Сидельников С. М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. М.: Изд. Моск. ун-та, 1962.— 381 с.
- Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М.: Изд. АН СССР, 1960.— 578 с.
- Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973.— 655 с.

- Симонова М. С. Крестьянское движение 1905–1907 гг. в советской историографии // Исторические записки. 1975. Т. 95. С. 204–253.
- Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М.: Наука, 1987.— 252 с.
- Симонова М. С. Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX—начала XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М.: Наука, 1971. С. 236–263.
- Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века. Смута. М.: Мысль, 1988.— 283 с.
- Сладкевич Г. Н. Оппозиционное движение дворянства в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962.
- Слепнев И. Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 215–246.
- Слепцов А. А. Воспоминания // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, письма. Т. 3. Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1962. С. 258–282.
- Слесарчук Г. Н. Хозяйство и крестьяне Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря в первой четверти XVIII века. Афтореферат. дисс... канд. ист. н. М., 1955.— 15 с.
- Смахтина М. В. Система ценностей великорусского и малороссийского помещного дворянства в первой половине XIX в. (до 1861 г.) // Конференции, дискуссии, материалы. 2002. М.: Изд. Росс. ун-та дружбы народов, 2003. С. 55–72.
- Смирнов А. Ю. Империя Наполеона III. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2003.— 283 с.
- Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1–2. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1947.
- Смирнов П. Правительство В. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент: Изд. Среднеазиатского ун-та, 1929.— 84 с.
- Смирнов П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVIII века. М., 1915.— 70 с.
- Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск: Сибирское товарищество печатного дела, 1911.— 848 с.
- Собуль А. Первая республика. 1792–1804. М.: Прогресс, 1974.— 391 с.
- Сови А. Общая теория населения. Т. 1. М.: Прогресс, 1977.— 503 с.
- Соколов Б. В. К вопросу о возможности русско-германского сепаратного мира в феврале 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С. 38–44
- Соловьев Б. И. Русское дворянство и его выдающиеся представители. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.— 315 с.
- Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984.— 231 с.
- Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1–18. М.: Мысль, 1990–1993.
- Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л.: Наука, 1981.— 256 с.
- Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л.: Наука, 1990.— 268 с.
- Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука, 1979.— 382 с.
- Соловьева С. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М.: Наука, 1975.— 313 с.
- Сомов С. И. Из истории социал-демократического движения в Петербурге в 1905 г. // Былое. 1907. № 4. С. 22–55.
- Сорокин П. А. Голод как фактор. М.: Академия, 2003.— 680 с.
- Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 73–89.

- Сорокин Ю. А. Павел I. Личность и судьба. Омск: Омский госуниверситет, 1996. — 210 с.
- Сорокин Ю. А. Русский абсолютизм в последней трети XVIII века. Омск: Изд. Омского ун-та, 1999. — 320 с.
- Сорокин Ю. А. О понятии «абсолютизм» // Исторический ежегодник. 1996. Омск: Омский государственный университет, 1999. С. 4–16.
- Сперанский А. Н. К вопросу о сущности и характере псковского восстания 1650 года // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 124–138.
- Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. — 719 с.
- Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков: Пролетарий, 1928. — 205 с.
- Спиридович А. Н. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Пг.: Военн. тип., 1918. — 623 с.
- Сретенский Л. В. Помещичья вотчина нечерноземной полосы России во второй половине XVIII века (по материалам ярославской вотчины М. М. Щербатова). Дисс... канд. ист. н. — Б. м., 1959. — 383 с.
- Станиславский А. Л. Гражданская война в России. Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. — 269 с.
- Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции. М.: Росс. гум. ун-т, 1994. — 287 с.
- Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л.: Наука, 1977. — 272 с.
- Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб.: Изд. ЦСК МВД, 1907. — 272 с.
- Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. СПб.: Центр. стат. ком., 1880. — 276 с.
- Статистика Российской империи. Т. 40. Сборник сведений по России 1896 г. СПб., 1897. — 370 с.
- Статистический временник Российской империи. Сер. II, III. Вып. X. СПб., 1875, 1885.
- Статистический ежегодник России. 1912 г., 1913 г. СПб., 1913, 1914.
- Статистическое описание Калужской губернии. Т. I. Вып. 2. Калуга, 1898. — 744 с.
- Сташевский Е. Смоленская война. Организация и состояние Московской армии. Киев. 1919. — 328 с.
- Степанов В. Л. Иван Алексеевич Вышнеградский // Отечественная история. 1993. № 4. С. 99–115.
- Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. — 397 с.
- Степанов В. Л. Финансисты и генералы: дискуссии о военных расходах в правящих кругах Российской империи (1860-е начало 1890-х гг.) // Российская история. 2022. № 3. С. 41–65.
- Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914). М.: Издательство ВЗПИ, 1992. — 329 с.
- Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991. — 411 с.
- Сторожев В. Н. Подарки царя Алексея Михайловича полковнику Лесли «для крещения и за подначальство». М., 1895. — 7 с.

- Страхов В. В. Внутренние займы в России в первую мировую войну // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 28–43.
- Стрейс Я. Путешествие по России голландца Стрюйса. Б. м., б. г. — 129 с.
- Стрейс Я. Три путешествия. М.: Соцэгиз, 1935. — 415 с.
- Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. — 527 с.
- Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. В. М. Саблина, 1909. С. 127–145.
- Струве П. Б. Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX веках. М., 1913. — 340 с.
- Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. I. М.: Изд. АН СССР, 1954. — 532 с.
- Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М.: Изд. Соц-экон. лит., 1960. — 548 с.
- Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. — 470 с.
- Суворов Н. О ценах на разные жизненные припасы в г. Вологде в XVII и XVIII столетиях. Б. м., 1863. — 15 с.
- Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. Кн. 1–2. М.: Изд. полит. лит., 1991. — 383 с.
- Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. I. М.: Изд. АН СССР, 1943. — 209 с.
- Талина Г. В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М.: Магистр, 1996. — 143 с.
- Тапилина В. С. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 126–137.
- Тарасюк Д. А. Поземельная собственность пореформенной России. М.: Наука, 1981. — 128 с.
- Тарле Е. В. Континентальная блокада // Тарле Е. В. Сочинения. Т. 3. М.: Изд. АН СССР, 1958. — 661 с.
- Тарле Е. В. Наполеон. М.: Наука, 1991. — 441 с.
- Тарле Е. В. Сочинения. Т. IX. М.: Изд. АН СССР, 1959. — 626 с.
- Тарновский Е. Н. Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 4. С. 64–74.
- Тарпли У. Г. Лорд Пальмерстон и трое его подручных // Шиллеровский институт науки и культуры. Бюллетень № 4(2) // <http://www.larouchepub.com/russian/bulletins/sib4/sib4b.html>
- Татищев В. Н. История российская. Т. 1–7. М.-Л.: Наука, 1965.
- Татищев В. Н. Краткие экономические до деревни следующие записки // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. М., 1987. С. 28–54.
- Тертышный А. Т., Трофимов А. В. Современные концептуальные ориентиры в изучении российской истории // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург–Москва, 2004. С. 571–584.
- Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России в XVII в. — М.: Наука, 1969. — 445 с.
- Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодалная рента в XVII — начале XVIII в. М.: Наука, 1974. — 334 с.
- Тихонов Ю. А. Рентные отношения в боярском владении середины XVII века // Феодализм в России. М.: Наука, 1987. С. 158–171.
- Ткачева Н. К. Из истории однодворцев в XVIII веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968. Л.: Наука, 1972. С. 133–141.

- Томилин С. А. Демография и социальная гигиена. М.: Статистика, 1973.— 311 с.
- Торицын Т. М. Учение Роберта Оуэна и его влияние на распространение и развитие социалистических идей. Рязань: Моск. рабочий. Рязан. отд-ние, 1972.— 174 с.
- Тревелъян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2001.— 614 с.
- Троицкий С. М. Районирование форм феодальной ренты в крупной вотчине России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А. Д. Меншикова) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г. Л.: Наука, 1972. С. 116–126.
- Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1982.— 255 с.
- Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974.— 395 с.
- Троицкий С. Н. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.: Наука, 1966.— 264 с.
- Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция. М.: Терра, 1997.— 462 с.
- Труды Высочайше учрежденной Комиссии для исследования железнодорожного дела в России. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1879.— 440 с.
- Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. I–V. СПб., 1903.
- Трухановский В. Г. Бенджамин Дизраэли и королева Виктория // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 138–145.
- Туган-Барановский М. Русская фабрика. М.: Гос. соц.-экон. изд, 1934.— 436 с.
- Тудоряну Н. Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев: Штиинца, 1986.— 309 с.
- Тургенев Н. И. Россия и русские. М.: О.Г.И., 2001.— 744 с.
- Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952.— 432 с.
- Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001.— 304 с.
- Тюлар Ж. Наполеон или миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 1997.— 416 с.
- Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М.: Наука, 1991.— 232 с.
- Уиткрофт С. О зерновых балансах и оценках урожайности в СССР в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2001. С. 842–865.
- Уланов В. Я. Западное влияние в Русском государстве // Три века. Т. II. М., 1991. С. 48–50.
- Уланов В. Я. Финансовые реформы царя Алексея Михайловича и «гиль» 1662 года // Три века. Т. I. М., 1912. С. 200–226.
- Ульянов И. Э. Регулярная пехота. 1801–1855. М.: АСТ, 1996.— 247 с.
- Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 119–128.
- Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М.: ОГИЗ, 1941.— 433 с.
- Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб.: тип. II-го отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1858.— 626 с.
- Устьянцев Е. В. Очерки истории русского промышленного шпионажа. XIX век. Екатеринбург: Банк культур. информ, 1994.— 189 с.
- Устюгов Н. В. К вопросу о земельных переделах на Русском Севере в середине XVII в. // Исторический архив. Т. V. 1950. С. 40–49.

- Утин А. И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. — 637 с.
- Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2003. — 606 с.
- Уткин А. И. К вопросу о численности и составе РСДРП в 1905–1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 8–26.
- Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000. — 572 с.
- Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. — 222 с.
- Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов. М.: РГГУ, 1996. — 352 с.
- Февральская революция и охранное отделение // Былое. 1918. № 1. С. 158–176.
- Федоров В. А. Декабристы и их время. М.: Изд. МГУ, 1992. — 272 с.
- Федоров В. А. Крепостная вотчина России во второй четверти XIX века // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Владимир, 1984. С. 38–53.
- Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России 1800–1860. М.: Изд. Моск. ун-та, 1990. — 168 с.
- Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX века. М.: Изд. Моск. ун-та, 1974. — 305 с.
- Федосова Э. П. Из истории российской государственности (шведский опыт) // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 185–194.
- Фельдман М. А. О противоречиях в оценке процесса монополизации в России в начале XX века // Вопросы истории. 2003. № 9.
- Фенор В. Фридрих Вильгельм I. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. — 382 с.
- Фигуровская Н. К., Симонов В. В. Н. Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени // Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. С. 3–84.
- Филд Д. 1861: «Год юбилея» // Великие реформы в России 1856–1874. М.: Изд. Моск. ун-та, 1992. С. 73–105.
- Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002. С. 110–114.
- Филина Е. И. Царь Алексей Михайлович и политическая борьба при Московском дворе (1645–1652) // Российская монархия. Вопросы истории и теории. Воронеж: Истоки, 1999. С. 97–113.
- Филиппов А. Странички минувшего. I. Несколько слов о Гапоне // Новый журнал для всех. СПб., 1913. № 6. Стб. 105–122.
- Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб.: Издание М. И. Семенова, 1911. — 522 с.
- Фоккеродт И. Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000.
- Форд. Р. Адский косильщик. Пулемет на полях сражений XX века. М.: Эксмо, 2006. С. 126–127. — 399 с.
- Форстен Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины // Журнал Министрства народного просвещения. 1898, май. С. 48–117.
- Фортунатов А. Урожай ржи на крестьянских землях Казанской губернии. Б. м., 1889.
- Фрейзер Д. Фридрих Великий. М.: АСТ, 2003. — 604 с.

- Фурсов В. Н. Землевладение и землепользование крестьян Центрально-Черноземных губерний во второй половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья. Липецк, 1991. С. 21–31.
- Фурсов В. Н. Классовая борьба в деревне Центрально-черноземных губерний пореформенной России. Воронеж: Издат. Воронежского ун-та, 1991.— 197 с.
- Хадонов Е. Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861–1904 гг.). М.: ЮПАПС, 1997.— 240 с.
- Хаймсон Л. Политический и социальный кризис в России (от кануна Первой мировой войны до Февральской революции) // Россия XXI. 1998. № 9–10. С. 136–164.
- Хаймсон Л. Рабочий класс в революционных процессах // Россия в XX веке. Исто-рики мира спорят. М., 1994. С. 107–114.
- Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и пер-вая мировая война (материалы международного colloquium). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 17–31.
- Хасегава Ц. Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыс-лению. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С. 95–106.
- Хеймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX — начале XX в.: роль общественных представлений в от-ношениях участников рабочего движения с социал-демократической интел-лигенцией // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861—февраль 1917. СПб., 1997. С. 28–54.
- Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3–15.
- Хлебные бюджеты мелких земледельческих хозяйств Полтавской губернии // Ста-тистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1907 год. Полта-ва, 1907. С. 90–143.
- Хлысталов Э. Правда о священнике Гапоне // Слово. 2002. № 4. С. 102–111.
- Хмыров М. Д. Артиллерия и артиллеристы на Руси в единое государство Петра Перво-го (1696–1725) // Артиллерийский журнал. 1865. № 10. С. 586–622.
- Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.— 541 с.
- Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.— 478 с.
- Хобсбаум Э. Век революции. 1789–1848. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.— 476 с.
- Ходнев Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндско-го полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от но-вых источников к новому осмыслению. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С. 250–292.
- Хок С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция // Великие реформы в России. 1856–1874. М.: Изд. Моск. ун-та, 1992. С. 90–104.
- Хок С. Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России. 1961–1914 годы // От-ечественная история. 1996. № 2. С. 28–54.
- Хорос В. Русская история в сравнительном освещении. М.: Центр гуманит. обра-зования, 1996.— 171 с.
- Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич, 2001.— 509 с.
- Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850—середина 1870-х гг. М.: Русское слово, 2002.— 432 с.
- Хьюз Л. Царевна Софья. СПб.: Гранд, 2001.— 411 с.

- Хэймсон А., Бриан Э. Стаечное движение в России во время мировой войны: количественный анализ // Россия и США на рубеже XIX—XX вв. М.: Наука, 1992. С. 79–113.
- Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М.: Унив. тип., 1890.— 782 с.
- Центрально-Черноземная область. Справочная книга. Воронеж: Коммуна, 1931.— 807 с.
- Цинцадзе Н. С. Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX—начале XX века в восприятии современников. Тамбов: ТГУ, 2012.— 286 с.
- Цинцадзе Н. С. Экосоциальные проблемы Европейской России (1861–1941 гг.): власть, общество, природа. Дисс... докт. ист. наук. Тамбов, 2022.— 630 с.
- Чапкевич Е. И. Русская гвардия в Февральской революции // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 3–16.
- Чвикалов А. И. Уездное земство—о нуждах крестьян // Русская провинция. Вып. 2. Воронеж, 1995. С. 34–45.
- Челинцев А. И. Состояние и развитие русского сельского хозяйства по данным переписи 1916 года и железнодорожных перевозок. Харьков, 1918.— 160 с.
- Череванин Ф. А. Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет. 1883–1923 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. М., 1927. С. 160–301.
- Черепнин Л. В. Земские соборы 1632 и 1634 гг. // Из истории феодальной России. Л.: Изд. Ленингр. ун-та., 1978. С. 133–140.
- Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978.— 417 с.
- Черкасова М. С. О тенденциях развития феодальной ренты в России в XVII—начале XVIII века (по документам Троице-Сергиева монастыря) // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999. С. 160–165.
- Чернин О. В дни мировой войны. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923.— 296 с.
- Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954.— 223 с.
- Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70-е годы XIX в.). Л.: Наука, 1972.— 225 с.
- Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918.— 384 с.
- Чернышев И. В. Аграрный вопрос в России (от реформы до революции). Материалы и комментарии. Курск: Советская деревня, 1927.— 232 с.
- Чернышев И. В. Сельское хозяйство довоенной России и СССР. М.-Л.: Госиздат, 1926.— 199 с.
- Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. X. М.: Гослитиздат, 1951.— 1095 с.
- Черняев В. Ю. Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л.: Наука, 1989. С. 152–177.
- Черняев В. Ю. Первая мировая война и перспективы демократического преобразования Российской империи // Россия и первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 189–201.
- Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.— 380 с.
- Чибиряев С. А. Великий русский реформатор. М.: Наука, 1989.— 213 с.

- Чичерин Б. Н. Задачи нового царствования // К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полутом 1. М.-Пг., 1923. С. 104–120.
- Чубинский В. В. Бисмарк. Биография. СПб: Образование-Культура, 1997. — 528 с.
- Шагин Э. М. А. В. Чаянов об аграрных сдвигах в крестьянском хозяйстве в предреволюционной России // Аграрные технологии в России IX–XX вв. Арзамас, 1999. С. 184–197.
- Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 гг. — 1917–1922 гг. М.: Весь мир, 1997. — 554 с.
- Шапиро А. Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII–XVIII вв. в России // История СССР. 1965. № 5. С. 61–80.
- Шаповалов А. «Все Романовы — революционеры...» Великий князь Константин Николаевич // http://www.kulturagz.ru/Archive/Issues/vipusk_2000_30/Rubriks/smena1/a1.htm
- Шарапов С. Ф. Цифровой анализ расчетного баланса России за пятнадцатилетие 1881–1895. СПб., 1897. — 19 с. с прил.
- Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб.: Наука, 1994. — 187 с.
- Шахназаров А. И. Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Курской губернии. СПб.: тип. Уч-ща глухонемых, 1910. — 143 с.
- Шаховский Д. И. «Союз освобождения» // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 526–602.
- Шацилло К. Ф. Из истории освободительного движения в России в начале XX века (О конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре — октябре 1904 года) // История СССР. 1982. № 4. С. 51–70.
- Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции. 1905–1907 гг. М.: Наука, 1985. — 347 с.
- Шацилло К. Ф. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции (1901–1904 гг.) // Исторические записки. 1976. Т. 97. С. 70–98.
- Шванебах П. Х. Денежное обращение и народное хозяйство. Спб., 1901. — 237 с.
- Шватченко О. А. Светская феодальная вотчина России в первой трети XVII века. М.: Ин-т истории АН СССР, 1990. — 305 с.
- Швейковская Е. Н. Государство и черносошные крестьяне России XVII в. Дисс. на соиск. уч. степ. док. ист. н. М., 1993. — 415 с.
- Швецова Е. А. Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х годах XVII века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1963. С. 212–220.
- Швецова Е. А. Хозяйство дворянских крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, 1971. С. 172–178.
- Шевченко М. М. История крепостного права в России. Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1981. — 255 с.
- Шевченко М. М. Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права. Дисс... канд. ист. н. Воронеж, 1956. — 390 с.
- Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1983. — 324 с.

- Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996.— 278 с.
- Шепелев Л. Е. Проблемы развития промышленности и рабочий вопрос в России в 1904–1914 гг. // Реформы или Революция? Россия 1861–1917. СПб.: Наука, 1992. С. 223–234.
- Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII—начала XX в. М.: Искусство, 2001.— 479 с.
- Шепукова Н. М. Изменение удельного веса частновладельческих крестьян в составе населения Европейской России (XVIII—первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 1959. № 12. С. 123–136.
- Шепукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII—первой четверти XIX века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963. Вильнюс: Минтас, 1965. С. 388–419.
- Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрем 1917 года. Л.: Прибой, 1927.— 190 с.
- Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956.— 331 с.
- Шикуц Ф. И. Дневник солдата в русско-японскую войну. М.: Гос. публ. ист. библ., 2003.— 231 с.
- Шилов А. К документальной истории «петиции» 9 января 1905 года // Красная летопись. 1925. № 2. С. 29–36.
- Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I–II. СПб., 1898, 1903.
- Шильдер Н. К. Император Николай Первый: его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. М., 2002.
- Шипилов А. В. Русская культура питания в первой половине XVIII века // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 146–152.
- Широкорад А. Б. Тевтонский меч и русская броня. М.: Вече, 2004.— 474 с.
- Шляпников А. Г. Семнадцатый год. М.: Республика, 1992.— 496 с.
- Шокарев Ю. Артиллерия. М., 2001.— 270 с.
- Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-фактория, 2005.— 605 с.
- Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М.: Новости, 1990.— 832 с.
- Шумкин Г. Н. Проблема снабжения металлом для стволов оружейных заводов России в XIX—начале XX веков // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. V. СПб., 2016. С. 392–393.
- Шумкин Г. Н. Трансформация системы производства артиллерийских орудий на Урале в конце 1850-х—1860-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (19). С. 206–207.
- Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1976.— 281 с.
- Шустов К. Б. Настроение российской деревни на начальном этапе революции 1905–1907 гг. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: Изд. Калинингр. ун-та, 2003. С. 164–175.
- Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметьевых. М.: Изд. Дворца-музея, 1947.— 378 с.
- Щепетов К. Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря // Исторические записки. 1948. Т. 18. С. 92–147.

- Щепетов К. Н. Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII веке // О первоначальном накоплении в России XVII–XVIII веков. М.: Изд. АН СССР, 1958. С. 51–72.
- Щербатов М. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова. Факсимильное издание. М.: Наука, 1983. С. 1–96.
- Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж: Имп. Вольное Экон. о-во, 1900. — 271 с.
- Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М.: Мысль, 1982. — 367 с.
- Экшут С. А. Александр I. Его сподвижники. Декабристы: в поисках исторической альтернативы. СПб.: Logos, 2004. — 285 с.
- Энгел Б. Бабуя сторона // Менталитет и аграрное развитие России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 75–91.
- Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. — 728 с.
- Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М.: Унив. тип., 1899.
- Юровский В. Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 32–45.
- Юшко А. А. Московская земля IX–XIV веков. М.: Наука, 1991. — 198 с.
- Яковкина Н. И. Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции. СПб.: Лань, 2002. — 160 с.
- Яковлев Н. Н. Последняя война старой России. М.: Просвещение, 1994. — 255 с.
- Яковлева В. А. Рынок и сельское хозяйство. Структура помещичьего и крепостного хозяйства накануне отмены крепостничества в России. Йошкар-Ола, 1997. — 212 с.
- Якубский В. А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1975. — 118 с.
- Янель З. К. О некоторых вопросах «второго издания крепостничества» // Исторические записки. 1965. Т. 78. С. 150–180.
- Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1881. — 166 с.
- Яснопольский Н. П. О географическом распределении государственных доходов и расходов в России. Ч. I. Киев, 1890. — 234 с.
- Яхшиян О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 92–105.
- Яцевич Я. Крепостные в Петербурге. Л.: Старый Петербург — Новый Ленинград, 1933. — 103 с.
- Яцунский В. К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVIII века до 1917 года // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. С. 44–64.
- Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1973. — 301 с.
- Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.
- Abel W. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung // Schmollers Jahrbücher. 1934. Bd. 58. S. 54–112.
- Abel W. Crises agraires en Europe (XIIIe–XXe siecle). Paris: Flammarion, 1973. — 454 p.

- Adams A. (ed.). *Imperial Russia after 1861: peaceful modernization or revolution?* Boston: D.C. Heath, 1965.— 108 p.
- Akashi M. Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Helsinki: Vammala, 1988.— 202 p.
- Alef G. Military Reforms on the Second Half of the Fifteenth Century // *Forschungen zur Osteuropadischen Geschichte*, 1973. Bd. 18. P. 73–108.
- Ashton T. S. *The Industrial Revolution 1760–1830*. L., 1964.— 167 p.
- Bonwetsch B. *Die russische Revolution 1917. Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.— 240 s.
- Bergman J. *Vera Zasulich: a biography*. Stanford, Calif: Stanford University Press, 1983.— 261 p.
- Black C. E. *The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History*. N.Y., 1966.— 200 p.
- Black C. E. *The Modernization of Russian Society // The Transformation of Russian Society. Aspects of Social Change Since 1861*. Cambridge (Mass.), 1960. P. 661–681.
- Blum J. Prices in Russia in the Sixteenth Century // *The Journal of Economic History*. 1956. Vol. 16. No. 2. P. 182–199.
- Blum J. *Lord and peasant in Russia from the ninth to the nineteenth century*. Princeton: Princeton University Press, 1961.— 656 p.
- Boserup E. *The conditions of agricultural growth: the economics of agrarian change under population pressure*. London: Aldine, 1965.— 124 p.
- Boterbloem K. *Moderniser of Russia: Andrei Vinius, 1641–1716*. London: Palgrave Macmillan, 2013.— 271 p.
- Braudel F. *L'identité de la France. Les hommes et les choses*. Paris: Les Editions Artaud, 1986.— 781 p.
- Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle*. T. 1–3. Paris: Colin, 1967–1979.
- Brenner R. *Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe // Past and Present*. 1976. No. 70. P. 30–75.
- Brower D. *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1975.— 248 p.
- Bushnell J. *Mutiny amid repression: Russian soldiers in the Revolution of 1905–1906*. Bloomington: Indiana University Press, 1985.— 334 p.
- Cameron R. *Economic History, Pure and Applied // Journal of Economic History*. 1976. Vol. 36. No. 1. P. 3–27.
- Cameron R. *A concise economic history of the world: from Paleolithic times to the present*. N.Y.: Oxford University Press, 1989.— 437 p.
- Chaunu P. *La civilisation de L'Europe classique*. Paris: Arthaud, 1970.— 706 p.
- Chirousky N. *An Introduction to Russian History*. London: Vision P, 1967.— 229 p.
- Cipolla C. M. *Revision in Economic History: the trend in Italian economic history in the later middle ages // The Economic History Review*. Ser. 2. 1949. Vol. 2. No. 2. P. 180–184.
- Cipolla C. M. *Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000–1700*. London, 1976.— 337 p.
- Clarkson J. *A history of Russia from the ninth century*. London: Longmans, 1962.— 974 p.
- Confino M. *On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth and Nineteenth Century Russia // Doctadus*. 1972. Vol. 101. No. 2. P. 130–134.

- Conrad A., Meyer J. The Economics of Slavery in the Ante Bellum South // *Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66. Apr.
- Conrad, A.H. Meyer J.R. *Studies in econometric history*. London: Chapman & Hall, 1965.— 241 p.
- Copeland W.R. *The Uneasy Alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904*. Helsinki, 1973.
- Corvisier A. *Armées et sociétés en Europe: de 1494 à 1789*. Paris: Presses Universitaires de France, 1976.— 222 p.
- Crummey R. Moscow and the General Crisis of Seventeenth Century // *Journal of early modern history*. 1998. Vol. 2. P. 156–180.
- Crummey R. *Seventeenth Century Russia: Theories and Models* // *Forschungen zur ost-europäischen Geschichte*. 2000. Bd. 56. P. 113–131.
- Daniels R. *Russia: the roots of confrontation*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1985.— 411 p.
- Domar E. The Causes of Slavery or Serfdom: A Hypothesis // *Journal of Economic History*, 1970. Vol. 30. No. 1. P. 18–32.
- Domar E., Machina M. On the Profitability of Russian Serfdom // *Journal of Economic History*. 1984. Vol. XLIV. No. 4. P. 919–954.
- Downing B. *The Military Revolution and Political Change*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991.— 308 p.
- Duby G. *Rural economy and country life in the medieval West*. London: Edward Arnold, 1968.— 600 p.
- Duffy M. (ed.) *The Military revolution and the state, 1500–1800*. Exeter: University of Exeter, 1980.— 91 p.
- Dunning Ch. Does Jack Goldstone's Model of Early Modern State Crises Apply to Russia? // *Comparative Studies in Society and History*. 1997. Vol. 39. No. 3. P. 572–592.
- Dupâquier J. *La population française aux XVIIe et XVIIIe siècles*. Paris: Presses Universitaires de France, 1979.— 127p.
- Eason W. Population Changes // *The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861*. Cambridge, 1960. P. 72–90.
- Emmons T. *The Russian landed gentry and the peasant emancipation of 1861*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.— 484 p.
- FAOSTAT // <http://apps.fao.org/faostat/>
- Feuer L. *The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements*. London: Heinemann, 1969.— 543 p.
- Field D. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston, Mass.; London: Unwin Hyman, 1989.— 220 p.
- Fischer D.H. *The Great Wave. Price Revolutions and the Rhythm of History*. Oxford, 1996.— 536 c.
- Fischer G. *Russian liberalism: from gentry to intelligentsia*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958.— 240 p.
- Freedman P. *Rural society* // *The New Cambridge Medieval History*. Vol. VI. Cambridge, 2000. P. 82–101.
- Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften*. Bd. I. Braunschweig: F. Vieweg und Sohn, 1861.— 709 s.
- Galai Sh. *The Liberation Movement in Russia. 1900–1905*. London: Cambridge University Press, 1973.— 325 p.
- Gatrell P. *The Tsarist Economy. 1850–1917*. N. Y., 1986.— 290 p.

- Gerschenkron A. *Agrarian Policies and Industrialisation, Russia. 1861–1917* // *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. VI. Pt. 2. London and N.Y., Cambridge: Cambridge University Press, 1967. P. 706–800.
- Glass D. V., Eversley D. E. (eds.) *Population in History: essays in historical demography*. London: Edward Arnold, 1965.— 692 p.
- Goldin C. *Cliometrics and the Nobel* // *Journal of Economic perspectives*. 1995. Vol. 9. No. 2. P. 191–208.
- Goldstone J. *East and West in the Seventeenth Century: Political Crises in Stuart England, Ottoman Turkey, and Ming China* // *Comparative Studies in Society and History*. 1988. Vol. 30. No. 1. P. 103–143.
- Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. London: University of California Press, 1991.— 608 p.
- Goldstone J., Gurr T. R., Moshiri F. (eds.) *Revolutions of the Late Twentieth Century*. Boulder, CO: Westview Press, 1991.— 395 p.
- Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730: contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIIe siècle*. Paris: S.E.V.P.E.N., 1960.— 653 p.
- Grigg D. *Population growth and agrarian change: an historical perspective*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1980.— 340 p.
- Haimson L. *The Russian Marxists and the origins of Bolshevism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1955.— 246 p.
- Hasegava Ts. *The February Revolution: Petrograd, 1917*. Seattle and London: University of Washington Press, 1981.— 624 p.
- Hatcher J., Bailey M. *Modelling the Middle Ages: the history and theory of England's economic development*. Oxford: Oxford University Press, 2001.— 254 p.
- Helleiner K. F. *Population movement and agrarian depression in the later middle ages* // *The Canadian Journal of Economical and Political Science*. 1943. Vol. XV. No. 3. P. 368–377.
- Hellie R. *The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725*. Chicago and London: The University Chicago Press, 1999.— 671 p.
- Hellie R. *The Petrin Army: Continuty, Change, Impact* // *Canadien-Fmerican Slavic Studies*. 1974. Vol. VIII. P. 237–253.
- Histoire de la France rurale*. T. 2. 1340–1789. Paris: Seuil, 1975.— 620 p.
- Histoire economique et sociale de la France*. T. 1–4. Paris: Presses Universitaires de France, 1970–1976.
- Inalcik H. *The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600* // *An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1913* / ed. by Halil Inalcik with Donald Quataert. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 9–383.
- Johnson R. E. *Peazants and Proletarian: The Working Class of Moskow at the End of the Nineteenth Century*. New Brunswick, 1979.— 225 p.
- Jones R. *The Emancipation of the Russian Nobility. 1762–1785*. Priceton, New Jersey, 1973.— 326 p.
- Keep J. L. H. *The rise of social democracy in Russia*. Oxford: Clarendon Press, 1963.— 334 p.
- Kingston-Mann E. *In Search of the True West: Culture, Economics and Problems of Russian Development*. Princeton: Princeton University Press, 1999.— 301 p.
- Kivelson V. *Kinship Politics / Autocratic Politics. A Reconsideration of Early-Eighteenth-Century Political Culture* // *Imperial Russia. New Histories for the Empire*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. P. 5–21.

- Kochan L. *Russia in revolution, 1890–1918*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1966.— 352 p.
- Kolchin P. *Unfree labor: American slavery and Russian serfdom*. Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1987.— 517 p.
- Komlos J., Nefedov S. A Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth // *Historical Methods*. 2002. Vol. 35. No. 2. P. 92–94.
- Labrousse E. 1848–1830–1789. Comment naissent les revolutions // *Actes du congrès historique du centenaire de la révolution de 1848*. Paris, 1848. P. 1–29.
- Langer L. Plague and Russian countryside: monastic estates in the fourteenth and fifteenth centuries // *Canadian-American Slavic Studies*. 1976. Vol. 3. No. 3. P. 351–368.
- Labrousse E. The Crisis in the French Economy at the End of the Old Regime // *The Economic Origins of the French Revolution*. Boston, 1958. P. 59–92.
- Laue von Th. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of Russian Revolution. 1900–1930. Philadelphia: Lippincott, 1964.— 242 p.
- Laue von, Th. H. The Chances for Liberal Constitutionalism // *Slavic Review*. 1965. Vol. XXIV. No. 1. P. 41–43.
- Laue von, Th. H. The world revolution of Westernization: the twentieth century in global perspective. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1987.— 396 p.
- Le Roy Ladurie E. De Waterloo à Colyton: histoire, démographie et sociétés // *Le Roy Ladurie E. Le Territoire de l'historien*. Paris, 1973. P. 301–311.
- Le Roy Ladurie E. *Les Paysans de Languedoc*. Vol. 1. Paris: S.E.V.P.E.N., 1966.— 745 p.
- Le Roy Ladurie, E. *Les Paysans de Languedoc*. Vol. 2. Annexes, sources, graphiques. Paris: S.E.V.P.E.N., 1966. P. 749–1035.
- Le Roy Ladurie, E. *The French peasantry, 1450–1660*. Aldershot: Scolar, 1987.— 447 p.
- Lee R. English Population, Wages, and Prices: 1541–1913 // *Population and History. From the Traditional to the Modern World*. Cambridge, 1986. P. 75–100.
- Lentin A. *Russia in the eighteenth century: from Peter the Great to Catherine the Great (1696–1796)*. London: Heinemann Educational, 1973.— 139 p.
- Mackenzie D., Curran M. *A history of Russia and Soviet Union*. Homewood, 1982.— 723 p.
- Malia M.: *Alexander Herzen and the birth of Russian socialism, 1812–1855*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: Oxford University Press, 1961.— 486 p.
- Malthus T. R. *Principles of political economy: considered with a view to their practical application*. 2nd ed., reprinted. N.Y.: Augustus M. Kelley, 1974.— 446 p.
- Manning R. T. *The crisis of the old order in Russia: gentry and government*. Princeton, N.J.; Guildford: Princeton University Press, 1982.— 555 p.
- McEvery C., Jones R. *Atlas of World population history*. N. Y., 1979.— 368 p.
- McGrew R. E. *Paul I of Russia, 1754–1801*. Oxford: Clarendon Press, 1992.— 405 p.
- Meadows D. L. and al. *The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. London: Earth Island, 1972.— 205 p.
- Meuvret J. *Études d'histoire économique: recueil d'articles*. Paris: A. Colin, 1971.— 344 p.
- Mollat M., Postan M., Johansen P., Saporì A., Verlinden Ch. *L'Economie Européenne aux deux derniers siècles du Moyen âge // Relazioni del X Congresso internazionale di scienza storiche*. Vol. III. Storia del Medioevo. 1955.
- Mousnier R. *Les XVIe et XVIIe siècles. Les progrès de la civilisation européenne et la déclin de l'Orient (1492–1715)*. Paris: Presses universitaires de France, 1953.— 609 p.
- Mouravieff B. *La monarchie russe*. Paris: Payot, 1962.— 203 p.

- Nefedov S. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // *Social Evolution & History*. 2004. Vol. 3. No. 1. P. 69–80.
- Nefedov S. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // *Chinese Journal of Population Science*. 2003. № 3. P. 48–53 (на кит. яз.)
- Nefedov S. A Try-Out of the February Revolution? // *Былые годы*. 2016. Т. 42. Вып. 4. С. 1378–1385.
- Nefedov S. Debate on the population well-being and the Russian revolution // *Social Evolution & History*. 2015. Т. 14. No. 1. С. 116–124.
- Nefedov S. Modeling Malthusian Dynamics in Pre-industrial Societies // *Social Evolution & History*. Volume 13, Number 1 / March 2014. P. 172–184.
- Nefedov S. Neo-Malthusianism in the modern methodology of history // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2012. Vol. 82. Iss. 6. P. 453–460.
- Nefedov S. Origin of Russian Absolutism // *Canadien-American Slavic Studies*. 2015. Vol. 49. P. 338–350.
- Nefedov S. The Concept of Demographic Cycles under the Perspective of Modern Historical Methodology // *Collected Papers of History Studies*. 2012. Vol. 3. No. 2. P. 3–16. (на. кит. яз.)
- Nefedov S., Ellman M. Excess mortality in Russia in 1868–1912 and its historiographic implications // *Social Evolution and History*. 2021. Т. 20. No. 1. С. 173–197.
- Nefedov S., Ellman M. The Development of Living Standards in Russia Before the First World War: An Examination of the Anthropometric Data // *Revolutionary Russia*. 2016. Vol. 29. Issue 2. P. 149–168.
- Ostrowski D. The Mongol origins of Moscovite Political Institutions // *Slavic Review*. 1990. Vol. 49. No. 4. P. 525–542.
- Owen T. C. Dilemmas of Russian Capitalism: Fedor Chizhov and Corporate Enterprise in the Railroad Age. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2005.— 275 p.
- Pares B. The Fall of Russian Monarchy. N.Y.: Knopf, 1939.— 510 c.
- Parker G. The Limits to Revolutions in Military Affairs: Maurice of Nassau, the Battle of Nieuwpoort (1600), and the Legacy // *Journal of Military History*. 2007. Vol. 71. No. 2. P. 331–372.
- Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge University Press, 1988.— 234 p.
- Perrie M. The agrarian policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party, from its origins through the revolution of 1905–1907. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.— 216 p.
- Pipes R. Russian Marxism and its Populist Background // *The Russian Review*. 1960. Vol. 15. No. 1. P. 319–320.
- Pomper Ph. The Russian Revolutionary Intelligentsia. N.Y.: Thomas Y. Crowell, 1970.— 216 p.
- Postan M. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. London: Cambridge University Press, 1973.— 302 p.
- Postan M. Revision in Economic History: the fifteenth century // *The Economic History Review*. 1939. Vol. 9. No. 2. P. 160–167.
- Postan M. Same economic evidence of declining population in the later middle ages // *The Economic History Review*. Ser. 2. 1950. Vol. 2. No. 3. P. 221–246.
- Postan M. The medieval economy and society: an economic history of Britain in the Middle Ages. London: Weidenfeld and Nicolson, 1972.— 261 p.

- Raëff M. *Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth Century Nobility*. N.Y., 1966.— 248 p.
- Ragsdale H. *Tsar Paul and the question of madness: an essay in history and psychology*. N.Y.: Greenwood Press, 1988.— 266 p.
- Rath A. *The Crimean War in Imperial Context, 1854–1856*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015.— 301 p.
- Richards J. F. *The seventeenth century crisis in South Asia // Modern Asian studies*. 1990. Vol. 24. No. 4. P. 625–638.
- Richards M. *Reviews // Journal of Social History*. 1993. No. 26. P. 876–877.
- Rieber A. (ed.). *Alexander II, Emperor of Russia, 1818–1881: The Politics of Autocracy*. Paris: Mouton, 1966.— 153 p.
- Robbins R. G. *Famine in Russia. 1891–1892*. N.Y.; London: Columbia University Press, 1975.— 259 p.
- Roberts M. *Essays in Swedish history*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1967.— 358 p.
- Roberts M. *Gustavus Adolphus. A History of Sweden*. Vol. 2. 1625\6–1632. London, N.Y., Toronto, 1958.— 820 p.
- Robinson G. T. *Rural Russia Under the Old Regime*. N.Y. — L., 1967.— 327 p.
- Schofield R. S. *Through a Glass Darkly: The Population History of England as an Experiment in History // Population and History. From the Traditional to the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 9–25.
- Schwarz S. M. *The Russian revolution of 1905: the workers' movement and the formation of Bolshevism and Menshevism*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1967.— 361 p.
- Shanin T. *Russia as a "developing society"*. Houndmills, London: Macmillan, 1985.— 268 p.
- Skocpol T. *States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1979.— 407 p.
- Slicher van Bath B. H. *The Agrarian History of Western Europe F. D. 500–1850*. L: Edvard Arnold, 1963.— 360 p.
- The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. IV. *The economy of expending Europe in the 16th and 17th centuries* / Edited by E. E. Rich and E. H. Wilson. London and N.Y., Cambridge: Cambridge University Press, 1967.— 617 p.
- Treadgold D. *Lenin and His Rivals. The Struggle for Russia's future. 1898–1906*. London: Methuen, 1955.— 293 p.
- Tsirel S. V. *On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population // Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics*. Moscow: Russian State Social University, 2004. P. 367–369.
- Turchin P. *Arise 'cliodynamics' // Nature*. 2008. Vol. 454. P. 34–35.
- Turchin P., Hall T. *Spatial Synchrony Among and Within Wld-Systems: Insights from Theoretical Ecology // Journal of Wold-System Research*. 2003. Vol. IX. No. 1. P. 37–64.
- Turchin P., Nefedov. S. *Secular cycles*. Princeton: Princeton University Press, 2009.— 360 p.
- Turchin, P. *Historical Dynamics. Why States Rise and Fall*. Princeton and Oxford: Princeton university press, 2003.— 245 p.
- Venturi F. *Roots of revolution: a history of the populist and socialist movements in nineteenth century Russia*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1960.— 850 p.

- Volin L. A Century of Russian Agriculture. From Alexander II to Kruchev. Cambridge (Mass.), 1970.— 650 p.
- Wade R. The Russian Revolution. 1917. Cambridge, 2000.— 337 p.
- Walkin J. The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia. London: Thames & Hudson, 1963.— 320 p.
- Wallerstein I. The Modern World-System. 2 vols. N.Y., 1974, 1989.
- Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia // Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 128–172.
- Wheatcroft S. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960 // Slavic Review. 1999. Vol. 58. P. 27–60.
- Wilbur E. Peasant Poverty in Theory and Practice: A View from Russia's "Impoverished Center" at the End of the Nineteenth Century // Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 101–127.
- Wilbur E. Was Russian Peasant Agriculture Really That Impoverished? New Evidence from a Case Study from the "Impoverished Center" at the End of the Nineteenth Century // The Journal of Economic History. 1983. Vol. XLIII. No. 1. P. 137–146.
- Wittfogel K.-A. Russia and the East: A Comparison and Contrast // Slavic Review. 1963. Vol. 22. No. 12.
- Wren M. The Course of Russian History. N.Y., London: Macmillan, 1958.— 725 p.
- Wrigley E. A., Schofield R. S. The Population History of England, 1541–1571: A Reconstruction. Cambridge (Mass.), 1981.— 779 p.

